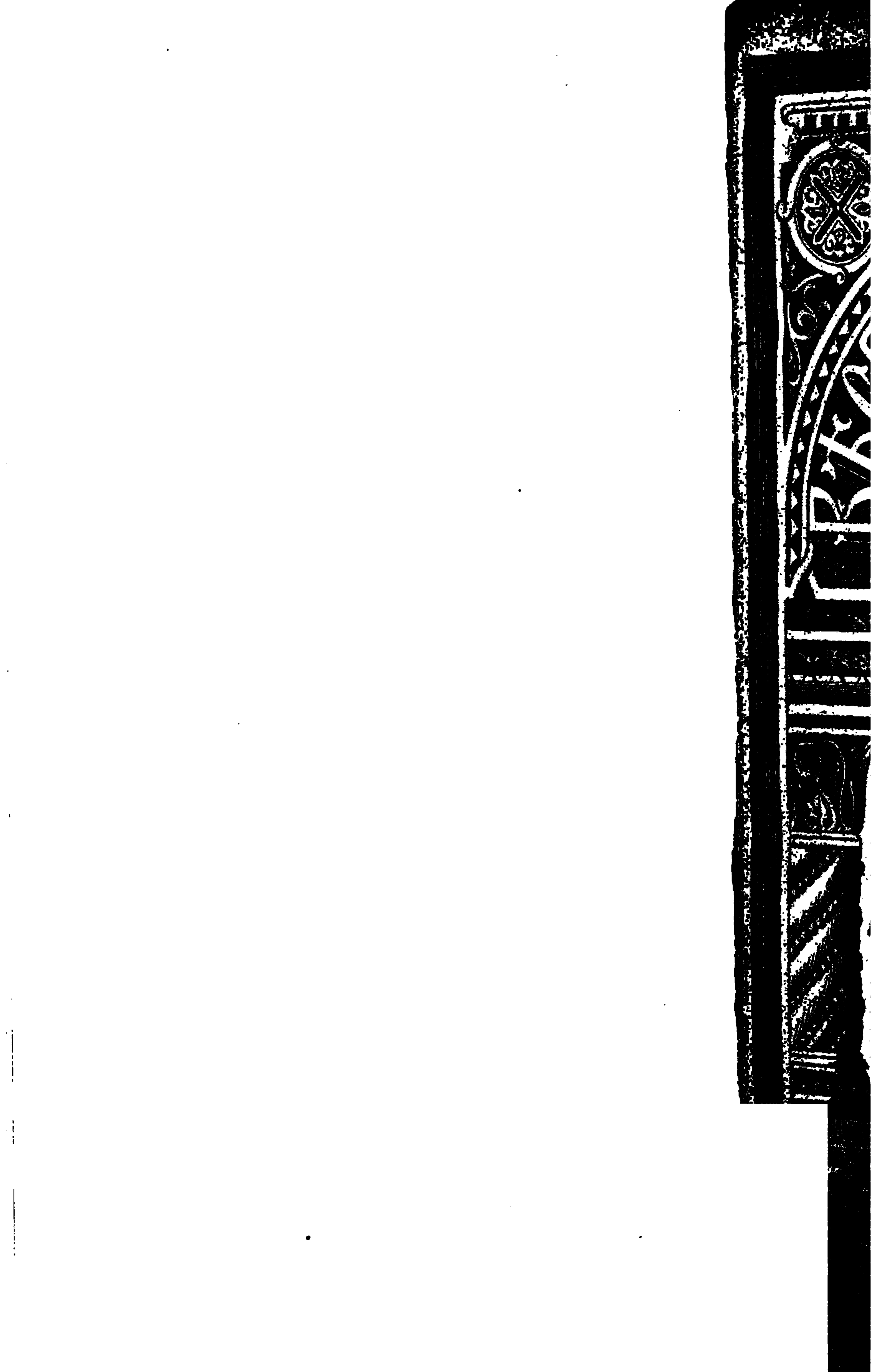

ВѢСТНИКЪ

РОПЫ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

П. — 1/13 сентября, 1889.

ѢСТНИКЪ

РОПЫ

ЖУРНАЛЪ

· ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

РИДЦАТЬ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

ТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

рнала: | Экспедиція журнала:
, 2-я линія, | на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

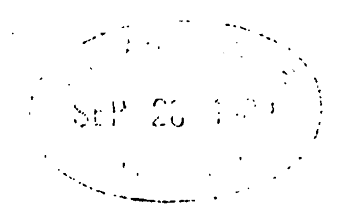
САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1889

1889, Sept. 28 - Oct. 26.

Minot fund.

(1020)

ПОѢЗДКА ВЪ ТРОАДУ

На раскопкахъ Шлимана.

Окончаніе.

III *).

Переваливъ чрезъ гору Баллидагъ, мы кружнымъ путемъ стали спускаться въ долину Симоиса по довольно крутому спуску; внизу тропинка уже вьется по берегу рѣки. Самая долина Мендере-Су узка и извилиста: видно, что рѣка сама пробивала себѣ выходъ изъ этихъ горъ и достигла своей цѣли: повсюду замѣтны слѣды зимнихъ наводненій, когда рѣка заполняетъ всю долину, мечетъ и рветъ падающія въ нее и подмытыя ея же теченіемъ деревья, кипитъ, встрѣчая на пути обрушившіеся съ горъ обломки, и уничтожаетъ на пути все, что̀ только можетъ уничтожить.

Бока ущелья смѣло поднимаются вверхъ на высоту 500—600 футовъ; при основаніи ихъ дубы и платаны перемежаются съ елями,—ближе къ вершинѣ виднѣется лишь кустарникъ.

Теперь рѣка текла такъ тихо, такъ невозмутимо, что и въ голову не пришло бы, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ это именно она нашалила въ этомъ ущельѣ и ревъ ея тогда громкимъ эхомъ раскатывался по сосѣднимъ стремнинамъ.

Свернувъ въ поперечное ущелье, съуживающееся въ иныхъ мѣстахъ до двухъ саженъ, причемъ утесы съ обѣихъ сторонъ густо поросли соснами,—мы по небольшому подъему добираемся, чрезъ

---

*) См. выше: авг. 560 стр.

два часа по выѣздѣ изъ Бунарбаши, до небольшой прогалинки Чамъ-Ова, гдѣ раскинуто 10 дворовъ *юрюковъ*. Окруженные плетнемъ, дома выстроены изъ камня и грязи и крыты болотною травою.

Юрюки—это туркмены; во время великихъ потрясеній, испытанныхъ царствомъ Абассидовъ, они, покинувъ берега Каспійскаго моря, распространились по долинамъ Малой-Азіи. Они, какъ и теперь, были раздѣлены на орды, т.-е. кланы, организованные на военныхъ началахъ, и перекочевывали постоянно съ одного мѣста на другое, занимаясь либо скотоводствомъ, либо разбоемъ, на подобіе бедуиновъ.

Нынѣ встрѣчаемые въ Азіатской Турціи юрюки—потомки первыхъ прибывшихъ въ край тюркскихъ племенъ, принадлежавшихъ къ ордѣ „Чернаго барана"; въ составъ ея входили также турки сельджукскіе.

Въ началѣ X-го вѣка гиджры, т.-е. около четырехъ сотъ лѣтъ тому назадъ, между туркменами произошло раздѣленіе. Одни осѣлись на постоянныхъ мѣстахъ жительства, выстроили дома въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дотолѣ они переносили лишь свои палатки, и приблизились къ своимъ соотчичамъ—туркамъ, но не смѣшивались съ ними. Другіе же остались по прежнему кочевниками, продолжая скитаться. Это раздѣленіе существуетъ и понынѣ и отличаетъ туркменъ осѣдлыхъ отъ ихъ собратій, кочевыхъ туркменъ, которые, собственно говоря, и есть настоящіе юрюки (по-турецки: *странствующіе*). Первые, въ количествѣ до 30.000 душъ, живутъ, главнымъ образомъ, въ тарсусскомъ санджакѣ и находятся въ постоянной борьбѣ съ юрюками, отъ хищничества которыхъ они должны защищать свои дома и свои стада.

Юрюки распространены по всему пространству вилайетовъ аданскаго, айдинскаго и брусскаго и въ нѣкоторыхъ частяхъ вилайетовъ алеппскаго и дамаскскаго. Кочуя лѣтомъ по возвышенностямъ, на зиму они спускаются въ равнины и живутъ исключительно хищничествомъ, а подъ-часъ и разбоемъ. Общее количество ихъ считаютъ до 270.000 душъ, и эти вѣчно двигающіеся кланы являются бичемъ полюбившейся имъ страны.

Когда спросили одного юрюка, отчего онъ никогда не разстается со своимъ ружьемъ,—онъ далъ характерный отвѣтъ: „тюфенгъ іокъ, экмекъ іокъ", т.-е.: „нѣтъ ружья, нѣтъ и хлѣба".

Замѣчательно презрѣніе, съ которымъ турки говорятъ съ юрюками, называя ихъ не иначе какъ *домузъ* (свинья), несмотря на то, что они также мусульмане...

Послѣ привала у совершенно безлюдной Чамъ-Овы, направ-

ляясь небольшою лощиною, съ правой стороны которой поднимается коническій холмъ, мы выѣзжаемъ снова въ долину Мендере-Су въ мѣстности, называемой Самурсакъ-Кёпрю. Вулканическое строеніе горъ, начинающееся отъ самой Иды и идущее до южнаго побережья Троады, проявляется у Самурсакъ-Кёпрю и въ окрестныхъ мѣстахъ базальтовыми столбами весьма правильной формы. Туземцы употребляютъ эти натуральныя колонны на могильные памятники. Долина тѣмъ временемъ все расширяется и изъ дикой, какою она была въ горахъ, превращается въ прекрасно обработанную, почти до самыхъ вершинъ окружающихъ ее холмовъ; холмы тоже, въ свою очередь, измѣняютъ свой характеръ, принимая болѣе мягкія, округленныя формы. Сначала Мендере-Су жмется къ холмамъ правой стороны и течетъ у самаго подножія ихъ въ обрывистыхъ берегахъ, достигающихъ трехъ саженъ вышины, но затѣмъ уклоняется и течетъ по срединѣ долины.

Скоро показались остатки древней мостовой, по временамъ прерывающіеся, и большой фонтанъ, весь изукрашенный арабесками и изреченіями изъ корана, съ кіоскомъ для отдохновенія по срединѣ, построенный какимъ-нибудь благодѣтельнымъ туркомъ, ради спасенія его души и на пользу усталыхъ путниковъ. Мусульманская благотворительность особенно полюбила именно этотъ родъ оказанія помощи страждущимъ: всѣ мусульманскія страны покрыты источниками или фонтанами, предназначенными для общаго употребленія: одни изъ нихъ скромны, бѣдны, другіе блещутъ пышностью отдѣлки, горятъ своими золотыми надписями; но изъ тѣхъ и изъ другихъ течетъ одинаково чистая, холодная вода и освѣжаетъ путешественника. Лишь тотъ, кто въ страшный зной пробирался усталый, мучимый жаждой, по дорогамъ Малой-Азіи, не встрѣчая цѣлыми часами и признаковъ жилья, лишь тотъ можетъ оцѣнить всю величину благодѣянія, доставившаго ему возможность припасть къ студеной водѣ, охраненной или даже нарочно проведенной къ дорогѣ и укрытой мраморнымъ навѣсомъ; строители послѣдняго въ большинствѣ случаевъ скрыли свои имена, ища своимъ дѣломъ небесной награды, а не людской благодарности...

Скоро предъ нами открылся хорошенькій городокъ Эзине, или Ине, мѣстопребываніе турецкаго каймакама. Не доѣзжая города, вы встрѣчаете раскинутое мусульманское кладбище, густо поросшее кипарисами.

Плиній, говоря о кипарисѣ (XVI, 24), замѣчаетъ, что дерево это посвящено Плутону и его сажаютъ въ знакъ траура. Это

древнее обыкновеніе, послѣ слишкомъ семнадцати вѣковъ, сохранилось до сихъ поръ, и вездѣ, гдѣ ростетъ кипарисъ, онъ сдѣлался неминуемою принадлежностью кладбища.

Можно сказать, что кипарисъ по преимуществу дерево турецкое: онъ какъ бы олицетворяетъ его народный духъ и заботливо и вѣрно укрываетъ своею тѣнью его могилу, его крѣпость, его мечеть, его сераль...

Переѣхавъ по довольно длинному деревянному мосту, переброшенному чрезъ рѣку Ине (древній—Андрій), впадающую въ Мендере-Су, мы вступили въ городъ, имѣющій до 1.000 домовъ, изъ коихъ 600 турецкихъ, 40 армянскихъ, 10 еврейскихъ, а остальные греческіе; внѣшность домовъ довольно печальная, какъ и всѣхъ домовъ, изъ которыхъ состоятъ турецкіе провинціальные города: они построены изъ камня и земли съ деревянными перекладинами, чтобы дать домамъ больше устойчивости при здѣшнихъ частыхъ землетрясеніяхъ; но попадаются также стѣны, сложенныя изъ обожженныхъ и необожженныхъ кирпичей.

Во время половодья разливъ рр. Ине и Мендере-Су продолжается около двухъ мѣсяцевъ, и тогда городъ превращается въ островъ.

По созвучію именъ, Ле-Шевалье предполагалъ, что городъ Ине построенъ на мѣстѣ города Энеа, или Неа, а высокій курганъ, который поднимается къ югу отъ города и называется турками Энайтепе (холмъ Энаи), служитъ могилою Энея, который, по Гомеру, послѣ разрушенія Иліона, царствовалъ въ Троадѣ. Но Страбонъ помѣщаетъ (кн. XIII) Нею на берегахъ Эзена, а не Симоиса, что̀ и устранило предположеніе Ле-Шевалье. Нынѣ же учеными установлено, что Эзине — древняя эолійская колонія Неандрія, которая, по Кедрену, существовала еще въ глубокой древности и во время троянской войны была разграблена Діомедомъ. Неандрія была довольно значительнымъ городомъ вплоть до эпохи основанія Александріи-Троянской (Alexandria Troas), когда одинъ изъ преемниковъ Александра Македонскаго, Антигонъ, выселилъ во вновь заложенный городъ—жителей Неандріи, Цебреніи и Скепсиса. Съ тѣхъ поръ Неандрія исчезаетъ изъ исторіи, и Плиній (кн. V, гл. 30) говоритъ, что она перестала существовать. Но такъ какъ стратегическое положеніе Неандріи при входѣ въ ущелье, владѣть которымъ представлялось очень выгоднымъ, было крайне важно, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, на мѣстѣ ея возвысился въ скоромъ времени новый городъ, тѣмъ же Плиніемъ называемый Скамандрія, которая пріобрѣла себѣ достаточную извѣстность при византійскихъ императорахъ.

Въ настоящее время Эзине заключаетъ въ себѣ не мало остатковъ древности: городской мостъ покоится на гранитныхъ колоннахъ; въ стѣны частныхъ домовъ и фонтановъ вдѣланы повсюду древніе барельефы, а копая въ землѣ, часто находятъ золотыя и серебряныя древнія монеты.

Пришлось мнѣ отправиться съ визитомъ къ мѣстному каймакаму, принявшему меня въ полуразрушенномъ, но очень обширномъ конакѣ (дворцѣ). Деревянныя ступени лѣстницы этого дворца, никогда непоправляемаго, ходили-ходуномъ, какъ клавиши фортепіано и заставляли всѣхъ пользующихся ими по-неволѣ выдѣлывать мудреныя танцовальныя пà.

Толстый каймакамъ пыхтѣлъ на своемъ диванѣ и никакъ не могъ взять себѣ въ толкъ, какая нелегкая несетъ меня въ этакій зной, верхомъ, внутрь почти дикой страны, да еще по собственной волѣ, когда и въ комнатахъ-то тяжко.

Турки вообще не постигаютъ, какъ можно путешествовать изъ любознательности: они не допускаютъ, чтобы изъ-за такой бездѣлицы человѣкъ могъ изнурять себя поѣздкою, отъ которой ему нѣтъ ровно никакой пользы. Одно, чтò нѣсколько потрясаетъ воображеніе ихъ, это ваше стремленіе осматривать древнія развалины: каждый турокъ совершенно увѣренъ, что въ нихъ есть богатые клады, и полагаетъ, что вы пріѣхали искать именно кубышекъ съ золотомъ.

Удовлетворивъ по возможности любопытство представителя турецкой власти и выпивъ у него чашечку кофе, я побродилъ немного по городу, непріятнымъ воспоминаніемъ котораго для меня осталась лишь назойливость мѣстныхъ евреевъ, надоѣдливо пристававшихъ ко мнѣ съ предложеніемъ непрошенныхъ услугъ.

Къ югу отъ Эзине, на лѣвомъ берегу Мендере-Су, замѣтны развалины зàмка, который туземцы называютъ Чигри; онъ занимаетъ мѣсто древняго города Кенхреи, гдѣ, по преданію, жилъ Гомеръ, изучая топографію Троады. Крѣпость Кенхрея предназначена была византійскими императорами служить тюрьмою для государственныхъ преступниковъ. Она была взята эмиромъ Турсуномъ и присоединена къ владѣніямъ его товарища Орхана.

За Эзине долина Симоиса все болѣе и болѣе расширяется, дѣлаясь, однако, все болѣе волнистою, чтò, какъ видно, нисколько не препятствуетъ прекрасной ея обработкѣ. Почва здѣсь тучная, плодородная, а потому и мѣстность эта густо заселена; то-и-дѣло изъ-за букетовъ сосенъ выглядываютъ турецкія деревушки, то разбѣгающіяся по скатамъ зеленыхъ холмовъ, то прячущіяся въ неглубокихъ долинкахъ.

Мы проѣзжаемъ владѣніями древнихъ городовъ Цебреніи и Скепсиса, раздѣленныхъ лишь теченіемъ Симоиса и воевавшихъ между собою безъ устали. Результатъ этой долгой борьбы былъ общій большинству войнъ; обѣ стороны истощились, а всѣ выгоды собралъ третій городъ, когда Антигонъ, не будучи въ состояніи примирить враждующія стороны, переселилъ жителей обоихъ городовъ въ Александрію-Троянскую.

Скепсисъ, нынѣ Эскискёпчю, былъ родиною Дмитрія Скепсійскаго, о которомъ говорилось выше, а также и многихъ другихъ знаменитыхъ людей. Извѣстный своими великолѣпными пастбищами, Скепсисъ блисталъ и ученостью и имѣлъ нѣсколько библіотекъ. Царь персидскій Артаксерксъ подарилъ, какъ извѣстно, Ѳемистоклу Перкотъ и Скепсисъ на одѣянія, Лампсакъ на вино, Магнезію-Меандрійскую на хлѣбъ, и Міонтъ на мясо.

Въ Скепсисѣ были найдены сочиненія Аристотеля, долгое время считавшіяся потерянными. Уроженецъ этого города, Нелей, ученикъ Ѳеофраста, получилъ въ III в. отъ этого послѣдняго рукописи Аристотеля и скрылъ ихъ такъ тщательно, что онѣ могли быть найдены лишь много лѣтъ спустя Андроникомъ Родосскимъ, во времена Суллы.

Дочь владѣтеля Цебреніи, нимфа Энона, была любима Парисомъ и, покинутая имъ для Елены, предсказала ему, что онъ еще вернется къ ней; дѣйствительно, его принесли къ ней, когда онъ уже былъ смертельно раненъ стрѣлою Филоктета. Энона пыталась лечить измѣнника, все еще бывшаго милымъ ея сердцу, и когда онъ умеръ, закололась на его окровавленномъ трупѣ. Имъ обоимъ былъ воздвигнутъ могильный курганъ, который показывали въ Цебреніи еще во времена Дмитрія Скепсійскаго, т.-е. немного спустя послѣ царствованія Александра Великаго.

Отсюда лишь три часа до Эскистамбула, развалинъ бывшей Александріи-Троянской (Alexandria Troas).

Великій политикъ, Александръ Македонскій основывалъ въ разныхъ концахъ своихъ обширныхъ завоеваній новые города, которые должны были служить центрами, способными скрѣплять общую связь между отдѣльными частями имперіи. Увлекаемый быстротою похода, онъ не имѣлъ возможности самъ приводить въ исполненіе задуманные планы, а лишь намѣтивъ, въ большинствѣ случаевъ съ удивительной чуткостью, мѣста, гдѣ должны были вырости новые города, предоставлялъ управителямъ областей осуществлять на дѣлѣ родившіеся въ его головѣ проекты. Къ числу такихъ городовъ принадлежитъ и лежащая нынѣ въ развалинахъ Александрія-Троянская, заложенная Антигономъ еще при жизни

Александра Македонскаго и заселенная, какъ мы уже видѣли, насильственно жителями Цебреніи, Скепсиса и Неандріи.

Чрезъ полтора часа по выѣздѣ изъ Эзине, дорога все болѣе и болѣе отдаляется отъ берега Симоиса и, поворотивъ на ю.-в., вступаетъ на обширную равнину, древнюю Самонійскую равнину (Samonium)—унылое песчаное пространство, безъ признаковъ жилья, покрытое колючимъ кустарникомъ (дикій пунаръ) и лишь изрѣдка торчащими дикими грушевыми деревьями и дубами съ синеватою листвою, производящими валлонею. Пришлось подгонять лошадей, чтобы засвѣтло проѣхать эту считаемую очень опасною равнину, въ началѣ которой справа отъ насъ остается переброшенный черезъ ручей каменный мостъ на высокихъ стрѣльчатыхъ аркахъ, старинной турецкой постройки.

Еще со временъ Тиллобора, знаменитаго разбойника, державшаго въ трепетѣ всѣ окрестности Иды, и біографія котораго была составлена Арріаномъ, историкомъ походовъ Александра, край этотъ былъ далеко не безопасенъ для путниковъ. Излюбленнымъ же мѣстомъ разбойниковъ является и понынѣ бывшая Самонійская равнина, гдѣ изъ-за колючаго кустарника въ ростъ человѣка легко и выслѣдить добычу, и также легко скрыться отъ преслѣдованія.

Въ самую ночь, предшествовавшую нашему проѣзду, на этой дорогѣ, какъ насъ весьма обязательно предупредили въ Эзине, были зарѣзаны два торговца.

Спутники мои приняли всѣ мѣры предосторожности и двигались съ винтовками въ рукахъ и съ взведенными курками. Вспомнилъ и я изреченіе Сенеки о томъ, что „борющійся съ несчастіемъ отважный человѣкъ представляетъ зрѣлище, достойное взгляда самого Бога“,—и вынулъ заряженный револьверъ, приготовившись ко всякимъ случайностямъ. Мы подвигались осторожно, осматривая предварительно подозрительныя мѣста.

Вдругъ, съ одной изъ сторонъ тропинки, изъ чащи кустовъ тихій вечерній воздухъ донесъ до насъ сухой звукъ взводимаго курка. Я былъ увѣренъ, что сейчасъ начнется перепалка, однако, противъ всякаго ожиданія, выстрѣловъ не послѣдовало, намъ же самимъ аттаковывать чащу по меньшей мѣрѣ было бы странно и уже совершенно безцѣльно.

Такимъ образомъ мы въ теченіе около часа пробирались по опасной дорогѣ, миновавъ благополучно и самое опасное мѣсто ея, при переходѣ чрезъ ручей съ обрывистыми берегами, вышиною болѣе четырехъ саженъ: тутъ обыкновенно разбойники поджидаютъ проѣзжихъ, устремляющихъ все свое вниманіе на ло-

шадей, спускающихся либо поднимающихся по скользкимъ, крутымъ берегамъ ручья. По странной случайности, мѣстность эта турками зовется Гаргаръ, т.-е. тѣмъ самымъ именемъ, которое греки давали вершинѣ горы Иды.

Когда уже мы были внѣ опасности, я разговорился съ моими спутниками, жандармами, и не скрылъ отъ нихъ удивленія, почему разбойники не напали на насъ. Мнѣ вѣжливо отвѣтили, что, „благодаря тѣни моей" (образное турецкое выраженіе, употребляемое какъ синонимъ покровительства), и имъ лично не могла грозить никакая опасность. Они, очевидно, намекали на то, что разбойники, видя европейца съ конвоемъ, хотя немногочисленнымъ, не могли не сообразить, что нападеніе на него, а тѣмъ болѣе его убійство будетъ имѣть слѣдствіемъ суровыя противъ нихъ мѣры, которыя турецкія власти вынуждены будутъ принять подъ давленіемъ посольствъ: начнутся погони, преслѣдованія, словомъ — непріятностей не оберешься, ужъ не говоря о томъ, что европейцы всегда въ путешествіи хорошо вооружены, и что самая побѣда можетъ стоить дорого. То ли дѣло мѣстный христіанинъ, купецъ, всегда робкій, плохо вооруженный, теряющійся при встрѣчѣ съ грабителемъ: его и убьешь, такъ ничего; поплачутъ только родственники, изъ добычи поднесешь сколько слѣдуетъ и кому слѣдуетъ изъ мѣстной полиціи, и все будетъ шито и крыто.

Взвѣсивъ все это, разбойники, вѣроятно, и махнули на меня рукой, рѣшивъ, что лучше ужъ пропустить меня, чѣмъ портить свой кейфъ.

Съ тѣхъ поръ (съ 1880 г.), однако, воззрѣнія разбойниковъ кореннымъ образомъ измѣнились, и теперь едва ли посчастливилось бы мнѣ такъ благополучно проѣхать по всѣмъ тѣмъ дорогамъ, по которымъ искрестилъ я западную Малую-Азію. Порта перестала пугаться даже грозныхъ рѣчей европейскихъ представителей и не придаетъ особаго значенія захватамъ разбойниками европейцевъ, оставляя этимъ послѣднимъ выпутываться, какъ знаютъ сами, изъ своего положенія. Такой взглядъ турецкаго правительства отразился, разумѣется, на образѣ дѣйствій провинціальныхъ властей, и вотъ сплошь и рядомъ стали захватывать европейцевъ, уводить ихъ въ горы, освобождая лишь по доставленіи родственниками плѣнника выкупа, размѣръ котораго опредѣляется самими разбойниками иногда въ очень крупной суммѣ. Если родственники медлятъ доставкою выкупа,—имъ, въ качествѣ перваго предостереженія, посылается отрѣзанное ухо плѣнника, затѣмъ—второе; если же и это не помогаетъ, то раз-

бойники съ досады, такъ сказать, собственною властью прекращаютъ дѣло—посылкою родственникамъ уже отрѣзанной головы плѣнника...

Долина Мендере-Су расширяется здѣсь верстъ до пяти, до шести, и сплошь поросла валлонейными дубами. Дорога проходитъ въ одной, а иногда въ двухъ верстахъ отъ рѣки.

Незадолго до заката солнца мы покинули большую дорогу, ведущую въ Байрамичъ, и свернули вправо по проселку для ночлега въ турецкой деревнѣ Тюркменли, изъ 120 дворовъ.

Дома, сложенные изъ камней съ деревянными прокладками, обмазаны иломъ и покрыты черепицами; нижній этажъ, обыкновенно нежилой, служитъ конюшнею. Окна безъ стеколъ.

Комната, въ которой я помѣстился, была очень большая; за неимѣніемъ свѣчей, она освѣщалась горѣвшимъ каминомъ, въ которомъ въ желѣзномъ котлѣ кипѣла чорба (похлебка). При свѣтѣ этого же камина пришлось мнѣ заносить на̀-скоро въ записную книжку и мои путевыя замѣтки.

Вѣсть о прибытіи европейца уже распространилась по деревнѣ; восточный человѣкъ по своей природѣ крайне любопытенъ, пріѣздъ же въ такое дикое захолустье, какъ Тюркменли, рѣдкаго гостя—„москова“ (какъ турки называютъ русскихъ), представлялъ, по мнѣнію обывателей, особый интересъ, а возможность видѣть такого москова вблизи и живымъ была занимательной *тамашей* (зрѣлищемъ). И вотъ двери моей комнаты стали пріотворяться, и одинъ за другимъ проскальзывали въ нихъ никѣмъ незванные, непрошенные тюркменлійцы. Безшумно, безмолвно входили они, дѣлая лишь легкій *теменна́* (турецкій поклонъ рукою, прижимаемою послѣдовательно къ сердцу, къ губамъ и ко лбу въ знакъ того, что вы предоставляете въ полное распоряженіе того лица, которому вы кланяетесь, ваше сердце, ваши рѣчи и вашъ умъ).

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по освѣщенному каминомъ пространству, они пропадали во мракѣ остальной части комнаты. Лишь вспыхивавшее по временамъ полѣно, освѣтивъ на мгновеніе всю комнату, позволяло видѣть усѣвшихся по всѣмъ лавкамъ плотною толпою турокъ, не проронившихъ ни слова и не спускавшихъ взгляда съ „москова“,—подмѣчая малѣйшія его движенія

Знакомый уже достаточно съ турецкими обычаями, я не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на моихъ молчаливыхъ посѣтителей и дѣлалъ свое дѣло, какъ бы ихъ вовсе здѣсь не было.

Никогда невиданные ими пріемы приготовленія обѣда изъ консервовъ заставили, однако, правовѣрныхъ оставить свои позиціи. Любопытство пересилило обыкновенно напускную восточную важ-

ность, не позволяющую удивляться чему бы то ни было. Съ дѣтскимъ интересомъ слѣдили они, уже обступивъ меня, какъ, благодаря нѣсколькимъ шарикамъ, опущеннымъ въ кипятокъ, горячая вода обращалась въ вкусный супъ. Открытіе коробки сардинокъ послужило поводомъ къ нѣсколькимъ вѣскимъ замѣчаніямъ о глупости европейцевъ вообще и о ихъ странной довѣрчивости, позволяющей имъ, не вскрывая, покупать коробки сардинокъ, въ которыя можетъ быть наложено Богъ знаетъ что̀.

Я предложилъ присутствующимъ попробовать моихъ кушаній, а затѣмъ и хозяинъ выставилъ имъ котелъ чорбы; они не заставили себя ждать и усѣлись вокругъ него на корточкахъ. При слабомъ освѣщеніи камина картина этого обѣда была довольно своеобразна. Зато потомъ, когда благодарные гости стали выражать хозяину полное свое удовольствіе ѣдою способомъ вполнѣ восточнымъ, то я могъ только отъ души быть признательнымъ мѣстнымъ условіямъ архитектуры, оставляющимъ окна безъ стеколъ. По крайней мѣрѣ, по уходѣ гостей, воздухъ комнаты скоро освѣжился, и я могъ спокойно уснуть на постели, устроенной изъ собранныхъ вмѣстѣ диванныхъ подушекъ.

Въ Тюркменли есть нѣсколько черкесскихъ домовъ, но во всемъ краѣ нѣтъ селъ исключительно черкесскихъ. Сначала турецкое правительство хотѣло разселить черкесскихъ выходцевъ, выселившихся послѣ минувшей войны изъ Румеліи, отдѣльными деревнями по 15, 20 дворовъ каждая. Но мѣстные жители воспротивились этому предположенію, и въ просьбѣ, поданной Портѣ, указывали на всѣ тѣ убытки, которые будутъ для нихъ неизбѣжны, вслѣдствіе образованія въ странѣ отдѣльныхъ разбойничьихъ притоновъ. Порта согласилась съ справедливостью ихъ доводовъ, и черкесскія семейства распредѣлились по-двое, по-трое, по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, гдѣ коренные жители могутъ легче наблюдать за поступками черкесовъ и беречься отъ кражъ и разбоевъ этихъ неисправимыхъ хищниковъ.

Въ 8 часовъ утра выѣхали мы на другой день изъ Тюркменли и, достигнувъ снова большой дороги, продолжали путь долиною Мендере-Су, удивительно обработанною: поля пшеницы добираются почти до самой вершины бѣгущихъ по обѣимъ сторонамъ холмовъ, дающихъ убѣжище многочисленнымъ турецкимъ деревнямъ, краснѣющимъ вдали своими черепичатыми кровлями.

Послѣ двухчасовой ѣзды показалось мѣстечко Байрамичъ, состоящее домовъ изъ 600, изъ которыхъ около 80 христіанскихъ —греческихъ и армянскихъ—и 15 еврейскихъ; остальные всѣ турецкіе. Городокъ стоитъ на ручьѣ, вытекающемъ изъ Иды и

впадающемъ въ Симоисъ; при въѣздѣ приходится переходить его вбродъ около лежащихъ на боку гранитныхъ устоевъ моста, размытаго весеннимъ половодьемъ; выше по теченію ручья другой мостъ, тоже на четырехъ гранитныхъ устояхъ, до трехъ саженъ вышины, сложенныхъ изъ большихъ четырехугольныхъ камней.

Въ Байрамичѣ, центрѣ самостоятельной казы (уѣзда), есть греческая церковь и 3 мечети, въ которыхъ украшеніемъ служатъ небольшія гранитныя колонны съ круглыми капителями, привезенныя изъ развалинъ Александріи-Троянской. Внутри—Байрамичъ, такой же, какъ и всѣ турецкіе маленькіе города. Оживленіе сосредоточено около базара, въ остальныхъ же улицахъ безлюдье, пустота и однѣ скучающія собаки; близъ же базара стукъ ремесленниковъ,—кофейни, въ которыхъ хрипятъ наргиле (кальяны), —небольшіе сквозные навѣсы, увитые виноградомъ; они защищаютъ курильщиковъ отъ зноя и пропускаютъ лишь маленькіе солнечные кружки, весело бѣгающіе по полу; рядомъ жарятъ на деревянномъ маслѣ какую-то зловонную рыбку, и надъ всею улицею, по которой толчется разный пестрый людъ, носится противный запахъ сырого бараньяго мяса, разложеннаго и развѣшеннаго на желѣзныхъ крючьяхъ въ лавчонкахъ *кассаповъ* (мясниковъ), прямо открывающихся, безъ оконъ и дверей, на улицу.

И въ Байрамичѣ не обошлось безъ визита каймакаму, съ тою лишь разницею, что здѣсь онъ оказался образованнымъ человѣкомъ. Красивый брюнетъ, принадлежавшій къ числу кліентовъ павшаго предъ тѣмъ великаго визиря, онъ, какъ это постоянно дѣлается въ такихъ случаяхъ въ Турціи, долженъ былъ испытать на себѣ отраженіе немилости, постигшей его покровителя, и отправиться—какъ бы въ ссылку—начальникомъ маленькаго, глухого уѣзда, въ ожиданіи того времени, когда покровитель его снова окрѣпнетъ при дворѣ и снова вытащитъ его изъ захолустья, возвративъ ему прежнее блестящее положеніе.

Черезъ $^1/_4$ часа по выѣздѣ изъ Байрамича, мы съ лѣваго берега Мендере-Су перебрались на правый вбродъ, шириною саженъ въ восемь, причемъ вода доходила до колѣнъ лошади, и въ полдень, близъ небольшой мельницы, достигли того мѣста дороги, отъ котораго въ получасѣ разстоянія на ю.-в. древній Симоисъ выходитъ изъ отроговъ Иды. Мѣсто это очень красиво: желтѣющія нивы смѣнились богатыми пажитями; на ихъ смѣющейся зелени нѣкогда рѣзвилась Энона; здѣсь пасъ стада Парисъ и, быть можетъ, подъ этимъ развѣсистымъ, старымъ дубомъ происходилъ знаменитый судъ богинь, судебныя издержки котораго были послѣ уплачены Менелаемъ.

Изъ-за мѣстныхъ горъ, нѣсколькими цѣпями перерѣзывающихъ все видимое пространство, поднимается прямо предъ нами каменистая масса Иды съ надвинутою на брови снѣжною шапкою. Ида, собственно говоря, не гора, а цѣлый горный кряжъ, идущій непрерывно отъ мыса Баба (древній Лектумъ) на Эгейскомъ морѣ до бывшей Зелеи на Мраморномъ морѣ. Та часть хребта, которая предъ нами, составляетъ высшую его точку, имѣющую отъ 2.000 до 2.300 метровъ высоты,—древній Гаргаръ, турками называемый Казъ-Дагъ (Гусиная гора, быть можетъ, вслѣдствіе бѣлѣющаго на ея вершинѣ снѣга). Возвышенность эта представляется въ видѣ огромной, широкой глыбы, отдѣляющей отъ себя множество отроговъ болѣе низкихъ, благодаря которымъ центральная гора кажется еще выше, еще величавѣе; средняя часть главной горы образуетъ на вершинѣ слегка покатую на сѣверъ площадку съ нѣсколько приподнятыми съ двухъ сторонъ острыми боками, что̀, въ общемъ, даетъ ей нѣкоторое подобіе трона.

Фантазія поэта помѣщала тутъ сѣдалище Юпитера, когда онъ своимъ орлинымъ взоромъ наблюдалъ за боями, происходившими на троянской равнинѣ. По сообщенію Стефана Византійскаго, основанному на словахъ Ликофрона, поэта, жившаго въ III вѣкѣ до Р. Х. и знаменитаго темнотою своего слога, обнаженная вершина Иды носила названіе Фалакры.

Красивое впечатлѣніе производитъ вблизи эта широко разсѣвшаяся гора, сверкающая на солнцѣ своею снѣжною вершиною, изрѣзанная глубокими долинами, съ уцѣлѣвшими еще въ нихъ остатками ледяныхъ пластовъ, гора, покрытая мѣстами зеленью лѣсовъ, мѣстами выставляющая голыя отвѣсныя скалы, какъ бы желая болѣе свѣтлыми ихъ тонами оттѣнить сосѣдній темный покровъ сосноваго бора.

Такъ какъ въ этой мѣстности мы уже совсѣмъ разстаемся съ долиною Мендере-Су, то позволю себѣ заимствовать, для полноты разсказа, у G. Perrot описаніе самихъ источниковъ этой рѣки, куда онъ проѣхалъ колесною дорогою, идущею отъ Байрамича до Иды по лѣвому берегу Мендере-Су, чрезъ селенія Кызыкёй, Чаушкёй и Авджиларкёй. Это послѣднее селеніе отстоитъ отъ Байрамича на четыре часа пути.

„По выходѣ изъ Авджиларкёя, — говоритъ г. Перро,—мы въ теченіе двухъ часовъ карабкаемся въ гору сквозь безконечные лѣса итальянскихъ пиній; ежеминутно открываются прекрасные виды на огромные лѣсные овраги, являющіеся какъ бы зелеными пропастями, откуда тихо поднимаются дымки отъ костровъ, разведенныхъ дровосѣками. Далѣе видны широкія пространства, по-

росшія лѣсами, идущими до Мраморнаго моря. Спустившись въ лощину, въ глубинѣ которой и находятся источники Симоиса, по дну ея мы поднимаемся, въ продолженіе четверти часа, между прекрасными платанами, имѣя постоянно прямо предъ глазами Гаргаръ, и наконецъ упираемся въ огромную скалу, отвѣсную и ровную какъ стѣна, около которой разбросаны купы сосенъ, платановъ и дубовъ. Ближе къ подножію утеса, но все-таки на довольно большомъ разстояніи отъ земли, виднѣется пещера изъ которой и вытекаетъ Мендере-Су, падая затѣмъ на землю небольшимъ граціознымъ каскадомъ, орошающимъ влажную листву сосѣднихъ деревьевъ. Хотя и съ большимъ трудомъ, но возможно добраться до входа въ пещеру и даже войти въ нее, ступая по водѣ, удивительно чистой и холодной, какъ вода, вытекающая изъ швейцарскихъ ледниковъ. Прорытая водою въ бѣломъ мраморѣ, пещера узка и извилиста; шириною она около двухъ метровъ, вышина—отъ четырехъ до пяти метровъ. По ней можно пройти около двухсотъ шаговъ, затѣмъ сводъ пещеры опускается до самаго уровня воды" [1]).

Отъ мельницы путь нашъ направляется по крайне пересѣченной мѣстности; дорога мѣстами превращается въ еле-проходимую тропинку, которая то сбѣгаетъ въ лощину и приводитъ къ каменистому руслу потока, то взбирается на возвышенности. Въ окрестностяхъ раскинуто довольно турецкихъ деревень, которымъ принадлежатъ обширныя воздѣланныя поля, на которыхъ, благодаря разнообразію здѣшнихъ хлѣбныхъ растеній, можно видѣть цѣлую гамму оттѣнковъ зеленаго цвѣта. Но чѣмъ выше поднимаемся мы, тѣмъ рѣже становятся нивы. Окружающіе насъ холмы покрыты лѣсомъ, и лѣсъ такой чистый—въ промежуткахъ между деревьями не ростетъ вовсе кустарниковъ, — что можно принять его за нарочно расчищенный паркъ.

Иногда дорога становилась очень тяжелою, въ особенности близъ деревни Инджекёй, гдѣ изъ земли торчатъ по дорогѣ острые камни вышиною отъ полъ-аршина до аршина, а все прилегающее поле усѣяно обломками утесовъ.

Сдѣлавъ небольшой привалъ въ деревнѣ Ахлатларъ, состоящей изъ шести полуразрушенныхъ домовъ, гдѣ изъ живыхъ существъ мы видѣли лишь нѣсколько до крайности удивленныхъ нашимъ пріѣздомъ хорошенькихъ ребятъ, да облаявшую насъ шаршавую собачонку,—направляемся все на сѣверо-востокъ и по ровной возвышенности, поросшей колючимъ кустарникомъ съ небольшими

[1]) „Excursions à Troie et aux sources des Mendéré", par G. Perrot. 1875, p. 74.

дубами, достигаемъ оврага, на днѣ котораго шумитъ горный потокъ. Отсюда мы поднимаемся на невысокую, поросшую порослью, гору, гдѣ и располагаемся на ночлегъ въ деревнѣ Хаджибекирларъ, состоящей изъ 15 дворовъ туркменъ—бывшихъ юрюковъ. Эти горные жители не долюбливаютъ турокъ, а потому нашъ маленькій караванъ былъ встрѣченъ недружелюбно и кругомъ себя я видѣлъ лишь нахмуренныя лица и зловѣщій блескъ быстро бѣгающихъ и быстро потупляемыхъ глазъ. Отъ насъ сторонились, не желали оказать ни малѣйшей услуги, оставаясь глухи и къ предложенію денегъ. Это обращеніе являлось контрастомъ послѣ симпатичнаго любопытства въ Тюркменли. Пришлось отказаться отъ мысли имѣть кипятокъ и напиться чаю, такъ освѣжающаго въ утомительномъ пути.

Здѣшніе дома сложены изъ толстѣйшихъ бревенъ, срубленныхъ въ уголъ, какъ наши избы; они низки и съ плоскими крышами, на которыя наложена земля. У нѣкоторыхъ домовъ пристройки, подходящія подъ общую крышу; онѣ сложены изъ камней, смазанныхъ глиною съ рубленою соломою.

Подкрѣпивъ себя въ сухомятку, мы расположились въ темной избѣ на отдыхъ, но не раздѣваясь и подложивъ подъ голову сѣдло вмѣсто подушки, а рядомъ—оружіе, на всякій случай.

Раннимъ утромъ мы были уже на ногахъ. Мнѣ сначала показалось, что погода испортилась и небо заволокло облаками. Оказалось, однако, что это сильнѣйшій туманъ, бывающій здѣсь каждое утро и совершенно застилающій всѣ окрестности, невидимыя тогда въ самомъ близкомъ разстояніи.

При дальнѣйшемъ пути намъ пришлось нѣсколько разъ пересѣкать поперечные овраги, переваливать чрезъ небольшія горныя цѣпи, отроги Иды, сплошь покрытыя соснами, снова спускаться въ лощины, слѣдовать широкимъ зимнимъ русломъ горныхъ ручьевъ, а затѣмъ и плоскою возвышенностью, обрамленною лѣсистыми холмами, за которыми виднѣются новые ряды холмовъ, пока около полудня мы не выбрались на обширную равнину, изъ конца въ конецъ орошаемую р. Коуджа-Чаемъ (древнимъ Граникомъ). Мы прежде всего направились къ довольно высокому холму, стоящему совершенно отдѣльно, и гдѣ построена баня на горячемъ сѣрномъ ключѣ, тутъ же вытекающемъ изъ земли.

Съ вершины холма открывается прекрасный видъ на всю прилегающую равнину. Горная система Иды развертывается здѣсь въ полной красѣ и на огромномъ пространствѣ. Параллельно главному хребту Иды тянутся также непрерывно, лишь иногда

нѣсколько понижаясь, другія высокія горныя цѣпи — Котранъ, Кызылъ-Эльма-Дагъ и др. Вытекающій изъ горъ Аги-Дага (древняго Котила) Граникъ блеститъ на солнцѣ и, дѣлая огромное колѣно, обтекаетъ холмъ, на которомъ мы находимся, направляясь къ деревнѣ Тепе-Кёй, примостившейся тутъ же по близости.

Кругомъ виднѣются деревушки и даже небольшой городокъ Чанъ, какъ бы выплывающій изъ всего этого огромнаго моря зелени. Богатство растительности, раскинутой и по равнинѣ, и по ближайшимъ холмамъ, вырисовывается еще нагляднѣе, еще рѣзче при сравненіи съ сѣрыми утесами занимающихъ задній планъ картины горныхъ цѣпей, надъ которыми царитъ снѣжный кокошникъ Иды.

Два раза упоминается въ исторіи о Граникѣ, какъ мѣстѣ, гдѣ были одержаны двѣ великія побѣды: Александромъ Македонскимъ надъ персами въ 334 г. до Р. Х., и Лукулломъ надъ Митридатомъ въ 73 г. до Р. Х.

Опредѣленіе мѣстности, гдѣ была одержана побѣда Александра, открывшая ему Малую-Азію, является однимъ изъ темныхъ пунктовъ древней исторической географіи. Тексье прямо говоритъ, что этого опредѣленія невозможно сдѣлать на основаніи данныхъ, приводимыхъ повѣствователями о походѣ македонскаго царя, тѣмъ болѣе, что они ни слова не упоминаютъ о трехъ рѣкахъ, изъ коихъ, собственно говоря, составляется Граникъ, и что берега самой рѣки то плоски, то обрывисты [1]).

Не разъяснилъ вопроса и новѣйшій историкъ азіатскаго похода Александра—адмиралъ Jurien de la Gravière.

Путь, которымъ слѣдовалъ Александръ, былъ, извѣстно, слѣдующій: послѣ того какъ армія его, переправившись чрезъ Геллеспонтъ, остается въ Абидосѣ, самъ Александръ ѣдетъ въ Новый-Иліонъ для принесенія жертвъ Аѳинѣ-Илійской и воздаетъ почести греческимъ героямъ, павшимъ при осадѣ Трои. Затѣмъ армія изъ Абидоса переходитъ въ Арисбу, гдѣ Александръ ее догоняетъ. На другой день, оставивъ за собою Перкотъ и Лампсакъ, онъ останавливается на берегахъ Практія, который течетъ между лампсакійскими и абидосскими полями. Оттуда онъ слѣдуетъ къ мѣстечку Колоннамъ, лежащему въ срединѣ лампсакійскаго округа.

Когда войска дошли на третій день до адристейскихъ луговъ, чрезъ которые течетъ рѣка Граникъ, Александру донесли, что

---

[1]) „Asie Mineure“, par Texier, 156.

персы стоятъ на другомъ берегу рѣки. 21-го мая 334 г. до Р. Х. Александръ аттакуетъ персовъ. Одержавъ блестящую побѣду и сдѣлавъ тризну по убитымъ въ сраженіи, онъ тотчасъ снова ѣдетъ въ Иліонъ благодарить богиню за оказанную помощь. Отсюда онъ направляется въ Сарды чрезъ Антиндросъ, Адрамитіумъ, Пергамъ и Ѳіатиру.

По изслѣдованіямъ г. Чихачева, Коджа-Чай (что̀ по-турецки означаетъ „главная рѣка") образуется изъ трехъ отдѣльныхъ рукавовъ: восточнаго Кыркъ-Агачъ-Чая (древн. Гептаноръ), средняго, который и носитъ собственно имя Коджа-Чая, вытекаетъ изъ трахитовыхъ горъ Агидага и орошаетъ богатую равнину Чана, и западнаго—Эльчи-Чай (древн. Резъ), который впадаетъ въ Коджа-Чай близъ города Биги.

Но въ то же время г. Чихачевъ прибавляетъ, что онъ затрудняется рѣшить, который изъ помянутыхъ рукавовъ носилъ имя Граника.

Между тѣмъ, сомнѣнію не могло бы быть мѣста въ виду указаній Страбона, который прямо говоритъ, что между Эсеномъ и Пріапомъ течетъ тотъ Граникъ, *большею частью чрезъ равнину Адрастеи* (нынѣшняя равнина Чана), на которомъ Александръ разбилъ сатраповъ Дарія [1]), изъ чего ясно, что лишь Коджа-Чай могъ въ древности носить имя Граника, что̀, впрочемъ, уже и обозначено Кипертомъ на послѣдней его картѣ древней Малой-Азіи.

Древніе писатели ни слова не говорятъ, ни до, ни послѣ описанія битвы, о трехъ рукавахъ Граника, которые представлялись имъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, совершенно отдѣльными рѣками —Гептапоромъ и Резомъ; а такъ какъ сліяніе этихъ рукавовъ образуется въ сѣверной части рѣки близъ самаго почти устья, то это наводитъ на мысль, что армія Александра двигалась путемъ, имѣвшимъ направленіе гораздо южнѣе сліянія, которое потому и осталось для нея неизвѣстнымъ, и дошла до Граника именно въ той части Адрастейской равнины, гдѣ онъ течетъ вполнѣ самостоятельно.

Прямымъ путемъ отъ Арисбы-Лампсака къ Гранику должна была быть дорога, проходящая чрезъ нынѣшнія деревни Бергасъ, Балджиларъ, Кумарларъ и Тепе-Кѣй, чрезъ которыя и нынѣ проходитъ ближайшая дорога отъ Лампсака въ Эдремидъ (древній Адрамитіумъ).

Нужды народовъ и населенныхъ мѣстъ пролагаютъ дороги

[1]) Strabonis Rerum geographicarum, lib. XIII.

тамъ, гдѣ это представляется наиболѣе удобнымъ и наиболѣе для нихъ выгоднымъ.

Разъ такой прямой, кратчайшій путь изъ Лампсака въ Адрамитъ существуетъ въ наше время и проходитъ чрезъ Чанскую (Адрастейскую) равнину, именно въ мѣстности Тепе-Кёя, то нѣтъ, какъ мнѣ кажется, достаточно основаній сомнѣваться въ томъ, что этотъ путь не проходилъ по тому же направленію и въ древности, и такой взглядъ, по моему мнѣнію, долженъ считаться болѣе близкимъ къ истинѣ, какъ опирающійся на фактъ положительный, донынѣ существующій, впредь до того, пока не будетъ доказано обратное положеніе, что военный путь отъ Лампсака до Адрамита не могъ въ древнее время проходить по указываемому мною направленію, а пролегалъ по другимъ, такимъ-то и такимъ-то мѣстностямъ.

Главнымъ объектомъ Александра Великаго при вступленіи въ Малую-Азію должно было быть, прежде всего, взятіе оплота, центра персидскаго владычества въ этой странѣ — Сардъ, главнаго города второй сатрапіи. Для достиженія этой цѣли въ возможно скорѣйшемъ времени, Александръ, слѣдуя первому правилу стратегіи, неминуемо долженъ былъ выбрать кратчайшую дорогу, ведущую отъ Геллеспонта къ Сардамъ. Еслибы онъ предполагалъ, что дорога эта въ горныхъ проходахъ и вообще въ трудно-проходимыхъ мѣстахъ преграждена ему непріятелемъ, то онъ вынужденъ былъ бы, конечно, и опять-таки изъ-за стратегическихъ соображеній, озаботиться выборомъ другой дороги, въ обходъ первой, но историки похода Александра молчатъ о такихъ препятствіяхъ, а потому дозволительно предположить, что отъ Лампсака македонская армія двинулась къ Сардамъ прямымъ путемъ и не имѣла нужды сворачивать съ него для обходныхъ движеній, такъ какъ не встрѣчала никакого сопротивленія со стороны персовъ вплоть до того момента, когда лазутчики впервые донесли, что непріятель сосредоточился на Адрастейской равнинѣ, на берегахъ Граника; тутъ усмотрѣно было первое препятствіе македонскому наступленію, тутъ же должно было произойти и первое столкновеніе.

Еслибы, не взирая на отсутствіе видимыхъ къ тому причинъ, Александръ уклонился все-таки отъ прямого пути къ Сардамъ и взялъ направленіе болѣе восточное, то въ такомъ случаѣ, прежде чѣмъ достигнуть Граника, онъ долженъ былъ бы пересѣчь теченіе Реза, какъ самостоятельной рѣки, о чемъ историки похода не преминули бы упомянуть, и чего нѣтъ въ дѣйствительности.

Наконецъ, разсчетъ времени, когда македонское войско впервые увидало персовъ, доказываетъ, что Александръ могъ выбрать лишь кратчайшій путь по направленію къ Сардамъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, то мѣсто Адрастейской равнины, гдѣ македоняне, на третій день по выходѣ изъ Арисбы, увидѣли на правомъ берегу Граника персидское войско, должно быть, по моему мнѣнію, у Тепе-Кёя, и тутъ же происходила знаменитая битва, открывшая рядъ жестокихъ пораженій войскъ Дарія, которыми ознаменовались послѣдніе дни персидскаго царства.

Противъ такого обозначенія мѣста битвы можно привести только два соображенія: 1) мѣсто это слишкомъ удалено отъ Зелеи, близъ которой, по словамъ Арріана, стояло персидское войско, и 2) берегъ Граника, близъ Тепе-Кёя, не отличается обрывистостью, на которую указываетъ тотъ же Арріанъ.

На первое соображеніе необходимо замѣтить, что едва ли можно считать окончательно разрѣшеннымъ вопросъ о томъ, гдѣ именно лежала Зелея. Лишь на основаніи Гомера полагаютъ, что она была на самой оконечности хребта Иды, у Пропонтиды, и близъ рѣки Эсена (Иліада, пѣснь II). По Страбону же, она была у рѣки Тарсія, у подножія Иды, въ 190 стадіяхъ (около 34 верстъ) къ югу отъ Кизика, что̀ уже болѣе чѣмъ на половину приближаетъ Зелею къ предполагаемому мною мѣсту битвы. Но допустимъ, что Зелея дѣйствительно была очень удалена отъ Тепе-Кёя,—то и въ такомъ случаѣ развѣ нельзя предположить, что Арріанъ, говоря, что персы собрались у Зелеи, хотѣлъ лишь обозначить направленіе, а не мѣсто нахожденія персидскаго войска. Оставляю уже въ сторонѣ, что Арріанъ могъ употребить въ этомъ случаѣ и неточное выраженіе.

Что касается второго возраженія, то не слѣдуетъ забывать, что историки похода Александра Македонскаго намѣренно усиливали описанія естественныхъ препятствій, которыя ему приходилось преодолѣвать въ походѣ. Такъ, они говорятъ про Граникъ, что рѣка эта течетъ съ великимъ стремленіемъ (Квинтъ Курцій, кн. II, гл. V), что она глубока, и что въ ней пучины (Арріанъ, кн. I, гл. IV), тогда какъ въ дѣйствительности Граникъ, какъ и всѣ рѣки этой части Анатоліи, малозначительная рѣчка, почти пересыхающая въ лѣтнее время, когда именно и происходила битва. А потому позволительно допустить, что въ приводимомъ Арріаномъ разговорѣ, будто бы происходившемъ между Александромъ и Парменіономъ, описаніе неприступности и утесистости берега Граника составляетъ одну изъ обычныхъ ораторскихъ фигуръ, приведенную для вящшаго возвеличенія македонянъ, отва-

жившихся, не взирая на сильныя физическія препятствія, перейти рѣку и вступить въ бой.

Еще болѣе утверждаетъ въ такомъ предположеніи то, что, по описанію боевого порядка персидской арміи, въ первой линіи у персовъ стояла конница (Арріанъ, кн. I); очевидно этого не могло бы быть, еслибы берегъ былъ утесистъ и прилегающая къ нему мѣстность была пересѣченная. Вѣрнѣе предположить, что мѣстность была ровная, удобная для движенія конницы, съ возвышенностями въ изрядномъ отдаленіи отъ рѣки, гдѣ и могла размѣститься непринимавшая никакого участія въ началѣ сраженія персидская пѣхота, т.-е. именно такая мѣстность, какую можно наблюдать у Тепе-Кея.

Съ другой стороны, выборъ персами позиціи близъ Тепе-Кея для преграждені пути наступающему врагу представляется довольно удачнымъ.

Мѣстность лежитъ у предгорій Иды, и потому расположенная на ней персидская армія закрывала собою горныя ущелья и вообще перевалы чрезъ хребетъ Иды, ведущіе къ персидской столицѣ Малой-Азіи—Сардамъ. Въ то же время авангардъ ея, расположенный на берегу Граника, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ выходами изъ горъ, нынѣшнихъ Аю-Дага и Чамлю-Дага, поставленъ былъ въ условія, позволявшія нанести существенный уронъ непріятелю, направляющемуся отъ Геллеспонта, ослабленному уже труднымъ переходомъ по означеннымъ горамъ и дебуширующему изъ дефилеевъ у Тепе-Кея, гдѣ македоняне, не имѣя возможности сразу развернуть весь свой фронтъ, были, кромѣ того, вынуждены переправляться чрезъ рѣку, въ виду непріятельскихъ силъ, стоящихъ на противоположномъ берегу этой рѣки.

Однимъ изъ доказательствъ, что битва происходила именно у Тепе-Кея, является существованіе у самой деревни высокаго холма, одиноко поднимающагося среди окружающей равнины, и правильная коническая форма коего ясно указываетъ на его искусственное происхожденіе, несмотря на то, что онъ успѣлъ уже обрости деревьями.

Холмъ этотъ, собственно говоря, и далъ деревнѣ (деревня по-турецки—*кёй*) настоящее ее имя.

Нелишне также сблизить турецкое *тепе* (холмъ) съ значеніемъ греческаго τύμβος (латинскаго tumulus), означающаго насыпной могильный холмъ, курганъ. Какъ мы видѣли выше, въ долинѣ р. Мендере-Су, т.-е. въ прежней Троадѣ, названіе *тепе* и понынѣ присвоено по преимуществу многочисленнымъ насып-

нымъ могильнымъ курганамъ, свидѣтелямъ борьбы между троянцами и греками (Инъ-Тепе—могила Аякса, Уджекъ-Тепе — могила Ила, и др.).

Въ битвѣ на Граникѣ македоняне потеряли съ небольшимъ сто человѣкъ. На другой день Александръ велѣлъ предать землѣ съ ихъ оружіемъ, какъ ихъ, такъ и убитыхъ персидскихъ военачальниковъ, и даже грековъ, бывшихъ у персовъ наемниками. По словамъ историковъ, убитымъ въ сраженіи было сдѣлано великолѣпное погребеніе.

Чѣмъ же это великолѣпное погребеніе могло ознаменоваться лучше, какъ не сооруженіемъ огромнаго могильнаго холма? Подобное сооруженіе не только оправдывалось обычаемъ, но, быть можетъ, мысль о немъ была навѣяна Александру подъ впечатлѣніемъ столь недавно передъ тѣмъ видѣнныхъ имъ могильныхъ холмовъ Протезилая, Ахилла и Аякса.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что назначеніемъ могильныхъ кургановъ было не только передавать памяти потомства имя погибшаго воина, но и свидѣтельствовать, что убитому были отданы всѣ послѣднія погребальныя почести, которыя однѣ, какъ изъяснено выше, могли доставить его душѣ вѣчное успокоеніе.

Очень быть можетъ, что раскопки холма у Тепе-Кея подтвердятъ мое предположеніе, что курганъ этотъ насыпанъ надъ прахомъ павшихъ въ битвѣ на Граникѣ.

Допустивъ же, что битва была у Тепе-Кея, понятнымъ становится, что Александръ Великій послѣ нея могъ тотчасъ снова отправиться въ Новый-Иліонъ, что̀ было бы гораздо болѣе затруднительно сдѣлать изъ-подъ Зелеи, если только эта послѣдняя дѣйствительно находилась въ такомъ отдаленіи, какъ полагаютъ тѣ, кто помѣщаетъ ее у берега Мраморнаго моря. По всей вѣроятности онъ послалъ армію отъ Тепе-Кея прямымъ, и въ настоящее время существующимъ, путемъ на Адрамитіумъ, а самъ, чрезъ нынѣшній Байрамичъ, посѣтивъ Иліонъ, возвратился обратно къ арміи, чрезъ Антандросъ, въ Адрамитіумъ, откуда уже вмѣстѣ съ войскомъ направился чрезъ Пергамъ въ Сарды.

Если обыкновенный военный путь отъ береговъ Геллеспонта въ Адрамитіумъ шелъ и въ древности тѣмъ же направленіемъ, что и нынѣ, т.-е. пересѣкая Адрастейскую равнину въ окрестностяхъ Тепе-Кея, то естественно допустить, что такимъ же путемъ шелъ ранѣе Александра, только направляясь въ противоположную сторону, въ Грецію, Ксерксъ. Такое же объясненіе даетъ, въ свою очередь, ключъ къ пониманію сообщеніе Геродота (кн VII), что когда Ксерксъ вступалъ въ предѣлы бывшей троянской земли,

то Ида осталась у него *слѣва*—обстоятельство, крайне затруднявшее позднѣйшихъ толкователей, которые полагали, что гора Ида должна была быть справа отъ Ксерксовой арміи.

Теченіе Граника составляло *границу* между владѣніями Иліона и Фригіей; отсюда, по мнѣнію защитниковъ славянской національности троянъ, происходитъ будто и самое названіе рѣки [1]).

Нынѣ столь тихая, дышущая полнымъ довольствомъ равнина у Тепе-Кея оглашалась утромъ 21-го мая 334 г. до Р. Х. шумомъ наступающей арміи, бряцаніемъ оружія, громыханіемъ тяжелыхъ колесницъ, перевозившихъ военныя машины и обозъ небольшого войска Александра Македонскаго, который, по примѣру великаго предшественника своего, Ахилла, надѣялся въ Азіи завоевать себѣ безсмертіе.

Выходя изъ горныхъ ущелій металлическою змѣею скользило македонское войско съ возвышенностей въ равнину, гдѣ постепенно строилось въ боевой порядокъ. Центръ составляла отборная часть македонскаго войска — македонскіе фалангиты и греческіе гоплиты: фланги прикрывались македонскою и ѳессалійскою конницею, а передовой отрядъ состоялъ изъ легковооруженныхъ пѣхотинцевъ и иллирійскихъ и ѳракійскихъ лучниковъ. Гоплиты были одѣты въ доспѣхъ, сдѣланный изъ цѣльныхъ металлическихъ листовъ, плотно обхватывавшихъ все тѣло. Досчатые доспѣхи были вѣроятно изобрѣтены греками, такъ какъ подобныхъ латъ не было ни у одного изъ древне-восточныхъ народовъ. Доспѣхъ этотъ состоялъ изъ цѣльныхъ мѣдныхъ листовъ — нагрудника и наспинника, соединявшихся между собою наплечниками, крючками, поясомъ и пряжками. Кираса закрывала туловище до пояса, а оттуда продолжалась книзу сплошнымъ рядомъ отдѣльныхъ лопастей; подъ кирасой же были у нихъ надѣты хитоны и металлическіе набрюшники. На ногахъ виднѣлись поножи, сдѣланныя изъ тонкой, чрезвычайно гибкой бронзы, съ украшеніями на верхней части. На мѣдныхъ шлемахъ развѣвались султаны самыхъ разнообразныхъ формъ: у нѣкоторыхъ по бокамъ султана, въ видѣ дополненія, торчали орлиныя перья. Рукоять мечей была въ видѣ креста, у начальниковъ съ украшеніями изъ золота, серебра и слоновой кости. Копья гоплитовъ были не болѣе 8 футовъ длины; щиты ихъ расписаны разными фигурами: тутъ были изображенія змѣй, скорпіоновъ или звѣздъ и другихъ небесныхъ знаковъ. Нѣкоторые отряды строились съ особеннымъ звяканьемъ; это происходило

---

[1]) „Ѳракійскія племена, жившія въ Малой-Азіи“, Черткова, примѣч. 12.

отъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, которыми были обвѣшаны щиты входившихъ въ составъ ихъ латниковъ.

Фалангиты были вооружены легче гоплитовъ. Вмѣсто металлическихъ нагрудниковъ они были одѣты въ кожаные колеты, только мѣстами покрытые на груди металлическими бляхами. Вмѣсто мѣднаго шлема у нихъ были войлочныя македонскія шапки (каузіа); щиты были круглые, обитые мѣдью, и не болѣе 2 футовъ въ діаметрѣ. Въ рукахъ у нихъ было главное ихъ оружіе — македонское копье (сарисса), длиною по меньшей мѣрѣ въ 14 футовъ; у нѣкоторыхъ же оно доходило до 24 футовъ.

Сзади войска везли метательныя орудія—катапульты, имѣвшія видъ большого самострѣла, прикрѣпленнаго къ станку; одни дѣйствовали въ горизонтальномъ направленіи и употреблялись для пусканія стрѣлъ изъ зажигательныхъ снарядовъ, другія—навѣсно, и бросали подъ какимъ-нибудь угломъ камни до 135 фунтовъ вѣсомъ на значительныя разстоянія.

Стѣнобитныя и осадныя машины получили особое развитіе при Филиппѣ Македонскомъ, со времени осады Перинта и Византіи, благодаря дѣятельности инженера Полеида. Ученики Полеида — Діадъ и Херей, вмѣстѣ съ Динехомъ, Посидоніемъ и Кратесомъ, еще болѣе ихъ усовершенствовали и сами сопровождали Александра Великаго, вмѣстѣ съ историками и другими учеными: ученикомъ Діогена—Анаксименомъ, Калисѳеномъ, Аристовуломъ и др., точно также приглашенными быть въ свитѣ молодого царя. Огромные тараны состояли изъ окованныхъ желѣзомъ толстыхъ бревенъ, висѣвшихъ на подставкахъ, и которые, бывъ приведены въ качательное движеніе, пробивали стѣны; огромные щиты на колесахъ прикрывали людей, работавшихъ надъ разрушеніемъ стѣны; кромѣ того, употреблялись разные инструменты для сооруженія осадныхъ башенъ, подобныхъ древне-ассирійскимъ и персидскимъ, доходившимъ до 180 футовъ высоты, имѣвшимъ нѣсколько этажей, сообщавшихся между собою внутреннею лѣстницею, и для крѣпости обитымъ невыдѣланными кожами.

Подъ какою-то огромною машиною подломилось колесо, и вся эта масса загородила дорогу; весь обозъ вынужденъ былъ изъ-за него остановиться, а между тѣмъ нужно было спѣшить. И безъ того уже отрядъ воиновъ съ ручными метательными орудіями, гастрофетами, походившими на обыкновенные арбалеты, настраивавшіеся посредствомъ зубчатаго колеса, видя такую задержку и торопясь присоединиться къ войску, готовому уже внизу вступить въ битву, рѣшился сдѣлать обходное движеніе; вскарабкав-

шись на боковыя скалы, воины изъ этого отряда спускались теперь одинъ по одному, а нѣкоторые и скатывались на дорогу тамъ, гдѣ уже она была свободна.

Между тѣмъ около попорченной машины люди надрывались, чтобы поправить ея колеса, либо по крайней мѣрѣ придвинуть ее ближе къ одной сторонѣ. Но пространство было слишкомъ узко, и тяжелая работа пропадала даромъ. Тогда начальники рѣшили пожертвовать машиной, и, столкнутая по ихъ приказанію, она полетѣла въ пропасть, и застучали, загрохотали разбивающіяся о выдающіеся утесы металлическія и деревянныя ея части. Дорога снова свободна, и опять возобновилось это медленное шествіе по горамъ военнаго обоза.

На равнинѣ между тѣмъ происходилъ военный совѣтъ; вожди совѣщались, чтò предпринять; у нихъ было всего тридцать тысячъ пѣхоты и пять тысячъ конницы; у непріятеля, стоявшаго за рѣкой, было двадцать тысячъ персидской конницы и двадцать тысячъ греческихъ наемниковъ, стоявшихъ на возвышеніи позади конницы.

Парменіонъ совѣтовалъ не переправляться чрезъ Граникъ, а выждать нападенія персовъ, но Александръ съ пыломъ молодости отвѣтилъ: „я постыдился бы, легко переправившись чрезъ Геллеспонтъ, быть задержаннымъ этой ничтожной рѣчонкой“, и приказалъ аттаковать врага.

Послѣ того, какъ нѣкоторая часть войска уже перешла Граникъ, но не могла выбраться на противоположный берегъ, такъ какъ тому препятствовали персидскіе конники, самъ Александръ съ своими македонскими всадниками бросился въ рѣку противъ того мѣста берега, гдѣ была самая густая толпа непріятеля. Тутъ загорѣлся горячій бой. Обѣ стороны бѣшено схватились въ рукопашную: персы съ своими легкими метательными дротиками и кривыми мечами, македоняне—съ своими копьями. Наконецъ, македоняне одолѣли и вышли на землю. Александръ, котораго можно было узнать по бѣлому перу на шлемѣ, находился въ самомъ пылу сраженія. Копье его переломилось; онъ велѣлъ своему оруженосцу подать ему другое, но и у того копье было переломлено пополамъ, и онъ сражался тупымъ его концомъ. Димаратъ Коринѳскій передалъ царю свое собственное копье въ ту минуту, когда Митридатъ, зять Дарія, налетѣлъ на него во главѣ своихъ всадниковъ. Александръ ринулся ему на встрѣчу и, метнувъ копье въ лицо ему, повергъ его на землю мертвымъ. При видѣ этого, братъ павшаго, Рисакъ, съ размаху ударилъ мечомъ въ голову царя и раздробилъ ему шлемъ, но въ то же мгновеніе

вергается горный потокъ, самая Кумарларъ-Су, падающая въ этомъ мѣстѣ каскадами,—все носитъ на себѣ печать дикой поэзіи.

Обогнувъ возвышенность съ западной стороны, мы снова нѣсколько разъ переходимъ рѣку въ-бродъ, и близъ мѣста, гдѣ разрабатываютъ сѣрную руду, достигаемъ подъ вечеръ деревни Кумарларъ, лежащей въ котловинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной горами, изъ которыхъ сѣверная гора выше остальныхъ. Въ этой деревнѣ должна была быть наша послѣдняя ночевка предъ возвращеніемъ въ Дарданеллы.

Быть можетъ, Кумарларъ—это испорченное Камарларъ, что по-турецки означаетъ *своды*: названіе, которое встрѣчается во многихъ мѣстностяхъ Турціи и дается по преимуществу мѣстамъ, гдѣ существовали развалины древнихъ городовъ или зданій, въ видѣ ли арокъ, или сводовъ, колоннъ и т. п. Въ настоящее время здѣсь нѣтъ рѣшительно никакихъ развалинъ, но, судя по имени деревни, онѣ должны были тамъ существовать прежде. Это обстоятельство можетъ наводить на мысль, что нынѣшняя деревня Кумарларъ построена на мѣстѣ какого-либо древняго города. Судя по положенію Кумарлара, а также и по тому, что въ окрестностяхъ этой деревни и по нынѣ разрабатываются различныя руды, такимъ древнимъ городомъ могла быть Астира, знаменитая своими богатыми золотыми рудниками. Благосостояніе Абидоса, помимо его географическаго положенія, было основано именно на разработкѣ астирскихъ рудниковъ. Но уже во время Страбона нѣкогда богатые рудники эти были почти совершенно истощены.

По выѣздѣ на другой день раннимъ утромъ изъ Кумарлара, мы продолжаемъ идти лощиною рѣки Кумарларъ-Су, которая то съуживается, образуя съ двухъ сторонъ обнаженные утесы, то снова расширяется, а окрестныя скалы замѣняются холмами, поросшими соснами, дубами и чинарами. Затѣмъ, покинувъ ущелье Кумарларъ-Су, мы начинаемъ подниматься въ гору—Чамлю-Дагъ,—горы же окружаютъ насъ и далѣе со всѣхъ сторонъ, и чѣмъ выше поднимаемся мы, тѣмъ болѣе высовываютъ онѣ отовсюду свои зеленыя, лохматыя шапки.

Подъемъ, которымъ мы слѣдуемъ, очень крутъ и идетъ зигзагами по глинистому, отчасти же песчаному грунту; въ началѣ подъема дорога размыта горными потоками, въ концѣ же — завалена множествомъ обломковъ утесовъ. По сторонамъ дороги тянется дубовый лѣсъ въ перемежку съ сосновымъ. Достигнувъ вершины подъема, мы лишены возможности разглядѣть что-либо

кругомъ насъ, такъ какъ постоянно господствующій здѣсь утренній туманъ скрываетъ отъ насъ всю окружающую мѣстность.

Направляясь по верхней части перевала на западъ, мы проѣзжаемъ поляну съ остатками полицейскаго сторожевого поста, устраиваемаго здѣсь въ маѣ мѣсяцѣ на время ярмарки въ одномъ изъ окрестныхъ селъ, Дуранли. На ярмарку эту собирается до двадцати тысячъ народа; продолжается она три дня и затѣмъ переводится въ Бигу. Поляна переходитъ въ открытую плоскую возвышенность, шириною версты въ три, по бокамъ которой въ большомъ отъ насъ разстояніи тянутся лѣсистые холмы. Послѣ почти четырехчасового пути начинается очень крутой спускъ; поворотивъ въ поперечный оврагъ, идемъ по подгорью и выѣзжаемъ на ровную возвышенность, гдѣ дѣлаемъ небольшой привалъ у деревни Караджиларъ.

Чрезъ полчаса отсюда начинается новый весьма крутой спускъ въ долину рѣки Родіуса, которая, благодаря цвѣту своей воды, носитъ здѣсь названіе Сары-Су (желтая вода) и Сары-Чай (желтая рѣка). Первая половина спуска въ особенности трудна—дорога идетъ по голому утесу,—а затѣмъ путь проходитъ по мелкимъ, точно набросаннымъ щедрою рукою, камнямъ.

Обогнувъ огромный мрачный утесъ, отвѣсно поднимающійся вверхъ и заканчивающійся большою ровною площадкою, мы вступаемъ въ ущелье Шайтанъ-Дере (Чертово ущелье), шириною саженъ въ сто; но иногда крутые, обрывистые утесы, его образующіе, сближаются, какъ будто желая напасть другъ на друга и оставляя между собою промежутокъ не болѣе какъ саженъ въ пять. Въ такихъ мѣстахъ дорога проходитъ по голой скалѣ, составляющей ложе Родіуса, съ шумомъ скачущаго здѣсь по камнямъ и кипящаго своею бѣлою пѣной.

Мѣстами окружныя горы щетинятся сосновымъ боромъ, но чаще того сѣрые утесы выставляютъ на показъ свои обнаженныя, истерзанныя ребра, на которыя лишь изрѣдка накинуты какъ бы обрывки зеленаго ковра изъ сухой горной травы съ розоватыми узорами изъ вереска. Мѣстами изъ горной разсѣлины высится одинокая сосна: въ скалѣ не хватило простора для всѣхъ ея узловатыхъ корней, и вотъ часть ихъ вылѣзла наружу и топорщится въ воздухѣ своими желтоватыми змѣями, а самое дерево склонилось надъ ущельемъ,—кажется, вотъ-вотъ рухнетъ съ своей выси на насъ,—но нѣтъ, цѣпки его корни, и много лѣтъ уже пронеслось надъ нимъ, ни бури, ни ураганы, вьющіеся здѣсь зимою съ страшною силою, не могли сломить его, и оно по преж-

клоняется надъ ущельемъ и смотрится постоянно, какъ Нарциссъ, въ вѣчно мутное зеркало Сары-Чая.
виду деревни Хула-Кёй ущелье Шайтанъ-Дере оканчи-и долина Родіуса раскидывается все шире, а самое назва-и изъ Сары-Су перемѣняется на Коджа-Чай, подъ кото-ія уже и изливается въ Дарданелльскій проливъ.
ю турецкихъ деревень—Ортадже, Тюркамышларъ и Тер--мы продолжаемъ двигаться долиною рѣки. Вслѣдствіе извилистости Коджа-Чая намъ пришлось переходить его ь разъ пятнадцать, причемъ воды было не болѣе какъ ерть аршина; лишь въ очень рѣдкихъ мѣстахъ достигала колѣнъ лошади.
за была страшная — она доходила до 36° Цельзія; спут-ои и я совсѣмъ истомились. Обвѣтренное постоянною ю горному воздуху лицо, отъ зноя ставшее коричнево-ъ, трескалось, и кожа отставала цѣлыми тоненькими, зыми кусками эпителія, но я продолжалъ подгонять ло-акъ какъ непремѣнно хотѣлъ въ тотъ же день добраться кь-Кале, чтобы не пропустить парохода, который долженъ езти меня въ дальнѣйшее путешествіе.
ога идетъ по каменистому грунту, а иногда по высохшей русла Коджа-Чая, который нынѣ занимаетъ лишь пятую юего зимняго теченія. Проѣхавъ небольшое ущелье, мы мъ справа раскинутыя на вертикально поднимающейся асивыя развалины—вѣроятно, византійскаго замка, съ со-шимися еще круглыми башнями. Турки называютъ это яуръ-Хисаръ (крѣпость невѣрныхъ). Въ былое время за-отъ, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности была а, долженъ былъ играть значительную роль, закрывая ыходъ изъ ущелья Родіуса.
мѣрѣ приближенія къ Гяуръ-Хисару растительность на юстепенно уменьшается: лѣсъ почти пропадаетъ, замѣняясь кустарникомъ, и чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться вно голые утесы. Около же Гяуръ-Хисара, всѣ горы вы-солнцемъ и имѣютъ видъ крайне печальный.
нувъ небольшой холмъ, мы выѣзжаемъ, мимо деревень ли и Сарайчикъ, на обширную равнину, тянущуюся до Дарданеллъ, вдоль ряда непрерывныхъ возвышенностей, ющихся съ лѣвой стороны. Мы продолжаемъ придержи-теченія Родіуса. Лошади чуютъ скорый отдыхъ и сами пютъ ходу.

Вотъ забѣлѣли минареты Чинакъ-Кале, вырисовались въ вечернемъ воздухѣ зубчатыя стѣны и башни дарданелльскихъ укрѣпленій, вынырнули изъ гущи садовъ привѣтливые городскіе домики, и я отъ всей полноты сердца присоединился къ справляемому моими спутниками *селамету* (привѣтствію),—который, по здѣшнему обычаю, дѣлается городу за четверть часа до городскихъ стѣнъ, какъ выраженіе радости о благополучномъ прибытіи, и состоитъ изъ трехъ выстрѣловъ: мои усталые жандармы палили изъ своихъ карабиновъ, а я—изъ револьвера.

Скоро, проѣхавъ сады, мы въѣхали въ городъ при послѣднихъ лучахъ уже угасающаго солнца.

В. Тепловъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

* * *

вѣтеръ, гонецъ вновь рожденной весны,
ой жизни природу зоветъ;
ьдистыя канули съ сучьевъ сосны;
птицъ въ синемъ небѣ плыветъ;

ь свѣжей травой среди блѣдныхъ луговъ;
алаго снѣга въ лѣсахъ;
встала земля изъ-подъ брани снѣговъ
отворялыхъ весеннихъ лугахъ.

видитъ мой взоръ, какъ все дивно свѣтло,
ама убѣгаетъ, скорбя;
ѣрю въ весну, я не вѣрю въ тепло,
что не вѣрю въ тебя.

* * *

Безлунная ночь; на поляхъ тишина;
Струится огонь изъ окна,
Цвѣтникъ освѣщаетъ.

Мнѣ вѣтеръ доноситъ съ далекихъ луговъ
Живительный запахъ стоговъ,
Лицо освѣжаетъ.

Зардѣлися звѣзды на ризѣ небесъ,
По скату пологому лѣсъ
Стѣной выступаетъ.

Свѣтлякъ по травѣ чуть замѣтно ползетъ;
Полынью съ дороги несетъ;
Костеръ догораетъ.

Деревья въ аллеѣ замѣтны едва;
Съ березы вспорхнула сова,
Во міракѣ купаясь.

Тепло. Воздухъ сухъ. Вдалекѣ надъ рѣкой
Туманъ всколыхнулся сѣдой,
Какъ пухъ разстилаясь.

Собака завыла; прошли пастухи;
Пропѣли въ селѣ пѣтухи;
Роса показалась.

И вдругъ съ колокольни нашъ сторожъ пять разъ
Ударилъ таинственно—часъ:
Заря занималась.

Алекс.

ИЗУВѢРЫ

Изъ воспоминаній судебнаго слѣдователя 70-хъ годовъ

Окончаніе.

IV *).

Между тѣмъ Лисинъ, по совѣту Купріянова, рѣшилъ отправиться въ Новороссійскій край странствовать, по примѣру Селиванова, между духовными „людьми божіими". Съ нимъ поѣхалъ Ѳедоръ Мартыновичъ, бывшій родомъ изъ этого края и имѣвшій тамъ связи. Лисинъ далъ ему наименованіе Мартынушки Радіонова, неизмѣннаго друга, товарища и спутника Селиванова въ его странствованіяхъ по „божьимъ людямъ".

Несмотря на свои религіозныя заблужденія, новороссійскіе духовные „люди божіи" оставались простыми, довѣрчивыми русскими людьми, ведшими обыкновенную семейную, трудовую жизнь русскаго простолюдина. Они избѣгали лишь воровства, хмельныхъ напитковъ и брани, а равно мірскихъ сборищъ, на которыхъ неизбѣжно то и другое. Вмѣсто того они проводили свое свободное время преимущественно въ молитвенныхъ упражненіяхъ по своей „вѣрѣ" и въ толкахъ о ней. Правда, несмотря на частыя молитвенныя упражненія, многіе изъ нихъ не соблюдали уже заповѣди: не прилѣпляться къ суетѣ мірской, жить въ братствѣ, мирѣ и любви, а, напротивъ, заботились объ обогащеніи, мало думали о ближнихъ и не чужды были взаимной зависти и вражды. Но дѣло въ томъ, что и такихъ отступниковъ отъ указанной запо-

*) См. выше: авг., 595 стр.

вѣди постоянно угнетало сознаніе такой двойственности и разлада между ихъ словомъ и дѣломъ. Такимъ образомъ, въ общемъ, жизнь духовныхъ „людей божіихъ" представлялась развитѣе жизни остальныхъ ихъ односельцевъ. Выше послѣднихъ стояли они и въ культурномъ отношеніи. Благодаря трезвости и относительной строгости жизни, хозяйство духовныхъ „людей божіихъ" шло успѣшнѣе и велось раціональнѣе, а домашняя обстановка отличалась бо̀льшимъ довольствомъ и благоустройствомъ [1]). Тѣмъ не менѣе умственный кругозоръ духовныхъ „людей божіихъ", какъ и всякаго вообще русска̀го простолюдина, былъ неширокъ. Поэтому вся почти умственная жизнь ихъ была сосредоточена на однихъ предметахъ ихъ религіи, которыми, такъ сказать, поглощена была вся духовная сторона ихъ личности. И предметы видимаго міра интересовали ихъ преимущественно съ религіозной точки зрѣнія, какъ таинственное и великое твореніе рукъ Божіихъ. Весь же кодексъ ихъ нравственныхъ понятій и правилъ имѣлъ своимъ источникомъ и критеріумомъ исключительно ихъ „вѣру". Понятно поэтому, насколько могла быть сильна въ нихъ религіозная жажда. Понятно и то, насколько дорогимъ долженъ былъ казаться ихъ ослѣпленному взору тотъ источникъ, который, по ихъ мнѣнію, могъ утолить эту жажду, особенно при той внутренней неудовлетворительности въ дѣлахъ „вѣры", которую они тогда ощущали.

Въ такомъ положеніи находились новороссійскіе духовные „люди божіи" во время первой поѣздки Лисина по ихъ краю.

Вотъ что̀ разсказывалъ объ этой поѣздкѣ Лисина его послѣдователь, принадлежавшій до того къ духовнымъ „людямъ божіимъ", крестьянинъ с. Ѳедоровки, мелитопольскаго уѣзда, Петръ Латышевъ, одинъ изъ зажиточныхъ великорусскихъ переселенцевъ въ таврической губерніи, и что̀ подтвердили и другіе духовные „люди божіи" помянутаго уѣзда, увѣровавшіе въ Лисина какъ въ „искупителя".

Спустя недѣли три послѣ Петрова дня 1872 года, онъ, Латышевъ, ѣздилъ въ с. Бѣлозерку по дѣлу и проѣздомъ черезъ с. Матвѣевку заѣхалъ къ своей „учительницѣ" Ефросиньѣ Даниловнѣ Яркиной. Она разсказала ему, что въ домѣ духовнаго „человѣка божьяго" Работягова находятся заграничные „люди божіи" Ѳедоръ Мартыновичъ и съ нимъ другой неизвѣстный, по имени Козьма Ѳедосѣевичъ. Поэтому Яркина велѣла Латышеву

---

[1]) Въ культурномъ отношеніи духовные „люди божіи" уступали первенство однимъ лишь молоканамъ.

возвращаться скорѣе изъ Бѣлозерки, чтобы довезти этихъ гостей до Ѳедоровки, куда они собирались ѣхать. Когда, на обратномъ пути изъ Бѣлозерки, Латышевъ въѣхалъ въ Матвѣевку, его встрѣтилъ самъ Работяговъ и пригласилъ къ себѣ, говоря, что сейчасъ къ нему возвратятся отъ Яркиной заграничные гости и будетъ „бесѣда". Латышевъ поѣхалъ къ Работягову, куда вскорѣ пришла Яркина съ Ѳедоромъ Мартыновичемъ и Козьмою Ѳедосѣевичемъ, котораго Латышевъ увидѣлъ тогда въ первый разъ и не зналъ, что онъ „искупитель", какъ не зналъ того и никто въ Матвѣевкѣ.

Къ Работягову собрались всѣ матвѣевскіе духовные „люди божіи". Щетининыхъ и Красниковыхъ, какъ послѣдователей Бабанина [1]), не было. Ѳедоръ Мартыновичъ посовѣтовалъ послать за ними, и они пришли. По этому случаю Яркина сказала:

— Вѣрно такъ Богу угодно, чтобы опять соединить воедино всѣхъ своихъ вѣрныхъ-праведныхъ.

Послѣ пѣнія обычныхъ молитвъ-распѣвовъ и послѣ радѣній Яркина предложила Ермолаю Щетинину и Красникову идти въ „словѣ". Щетининъ подошелъ къ женщинамъ, а Красниковъ сталъ говорить „слово" мужчинамъ. Въ общемъ „словѣ" онъ сказалъ, что настало уже время, что будетъ едино стадо и единъ пастырь. Въ частномъ „словѣ", дойдя до Козьмы Ѳедосѣевича, онъ объявилъ ему:

— Тебѣ Господь Саваоѳъ вручилъ и крестъ, и мечъ, и власть, и господство, и пройдешь ты всю вселенную.

Латышеву же онъ сказалъ:

— Радуйся и веселися, божій сирота: въ твоемъ явномъ дому великія чудеса сотворятся и многіе тому удивятся [2]).

Послѣ „бесѣды", заграничныхъ гостей увезъ въ Ѳедоровку односелецъ Латышева и его единомышленникъ Дядьковъ. Латышевъ же пригласилъ на „бесѣду" къ себѣ всѣхъ, бывшихъ у Работягова, на субботу. Когда онъ собирался домой, Яркина, въ разговорѣ о заграничныхъ гостяхъ, сказала:

— Это хорошіе, дорогіе гости!

На это Работяговъ отвѣтилъ:

— Ужъ такіе-то дорогіе, что и сказать нельзя. А ученіе Козьмы Ѳедосѣевича—Господи, что̀ за хорошее ученіе! Да и самъ

---

[1]) То-есть скопцовъ или „людей божіихъ".

[2]) Такое блестящее „пророчество" Красниковъ сказалъ Лисину безъ всякаго намека на что-либо необыкновенное въ его судьбѣ, а просто изъ чувства почтенія къ нему, какъ уважаемому гостю и „учителю"; присутствующіе же могли придать этому „слову" особое значеніе.

онъ такой душевный, что мнѣ даже думается, ужъ не самъ ли онъ искупитель-батюшка?

Возвратившись въ Өедоровку, Латышевъ получилъ отъ Дядьковыхъ приглашеніе на „бесѣду". Такъ какъ онъ уже молился съ заграничными гостями, а домашніе его не молились, то онъ отпустилъ ихъ, а самъ остался дома. Возвратясь уже передъ разсвѣтомъ, домашніе разсказали ему, что заграничные гости отгадали всю ихъ жизнь и пришлись имъ очень по душѣ.

Въ субботу съѣхались къ Латышеву матвѣевскіе: Яркина, Работяговы, Озеровы и др. Какъ только поздоровались и усѣлись, тотчасъ зашелъ разговоръ про заграничныхъ гостей, и Озеровъ сказалъ:

— Охъ, эти гости, гости! Не знаешь, что̀ и думать; видно прошло уже беззаботное время; нельзя уже будетъ жить слабо. Сколько у меня гостей ни перебывало, а такихъ, какъ эти, еще не было.

То же говорила и Яркина. Вообще всѣ матвѣевскіе высказывали, что гости эти настоящіе „учители", а не такіе, какъ Ермолай Щетининъ и подобные ему, заботящіеся объ одной наживѣ, завистливые и властолюбивые.

На „бесѣду" собрались всѣ къ Дядькову: были всѣ өедоровскіе и пріѣзжіе матвѣевскіе; а изъ Томашовки пріѣхалъ Василій Безсоновъ съ дѣтьми. Пріѣхали и оба Щетинины и Красниковъ. Народу набралось такъ много, что Яркина предложила молиться на два „собора": мужской и женскій.

Послѣ радѣній заграничные гости пошли въ „словѣ". Въ общемъ „словѣ" Лисинъ говорилъ: „О, други мои, други искренніе, пришло уже времячко, настала пора великая, искупитель-батюшка взываетъ къ вамъ: не прилѣпляйтеся, други, къ суетѣ мірской, къ лѣпости человѣческой—она тлѣнъ и прахъ, грѣху начало, врагу [1]) веселье; откиньте, други, зависть злобу, раздоры, возлюбите другъ друга, будьте братьями на дѣлѣ. Еще искупитель-батюшка взываетъ къ вамъ: живите только для Бога, станьте членами Христовыми, всякимъ воздыханіемъ своимъ славословьте Господа Саваоѳа, настало бо времячко—жить по писанію святому".

Послѣ небольшого промежутка онъ воскликнулъ:

„Охъ, горе, горе, горе тяжкое: многіе уйдутъ изъ собора сего святого!"

Въ свою очередь Өедоръ Мартыновичъ говорилъ:

---

[1]) Люди божіи не произносятъ слова: „дьяволъ" а называютъ его „врагомъ".

„Не поддавайтеся, други, плоти, не глядите на видимое, явное, а старайтесь познать тайное—великое; замѣчайте „словечко“: пришла пора, настало времячко явиться милосердому государю-батюшкѣ нашему искупителю“.

Въ частномъ „словѣ“ Козьма Ѳедосѣевичъ, дойдя до Ермолая Щетинина, сказалъ:

— Тебѣ бы время засѣвать въ другихъ сѣмя, а вмѣсто того приходится тебѣ самому себя засѣвать.

При этихъ словахъ Щетининъ вскочилъ на ноги и началъ-было споръ, но Козьма Ѳедосѣевичъ отошелъ отъ него и началъ говорить „слово“ другимъ. Когда же онъ дошелъ до брата Ермолая, Ивана Щетинина, и тотъ, по обычаю, сталъ слушать „слово“, стоя на колѣняхъ, то Ермолай Щетининъ закричалъ ему: „вставай!“ Тотъ всталъ и сѣлъ на диванъ. Козьма же Ѳедосѣевичъ продолжалъ говорить ему „слово“. Озлобленный Ермолай Щетининъ началъ кричать:

— Чтò его слушать! кабы моя воля, я бы его съ кругу стащилъ!

Козьма Ѳедосѣевичъ спокойно продолжалъ „слово“, но томашевскій Безсоновъ напалъ на Щетинина и сталъ упрекать его за его злобу и безчинство. За Щетинина вступился Савиновъ и Иванъ Щетининъ. Поднялся споръ, и Щетинины съ Савиновымъ и Красниковымъ вышли изъ „собора“ и перешли въ ту комнату, гдѣ молились женщины съ Яркиной. Яркина въ это время ходила въ „словѣ“ и, какъ только они вошли, стала обличать Ермолая Щетинина, что онъ не стерпѣлъ „слова“ Козьмы Ѳедосѣевича, такъ какъ она хорошо разслышала, о чемъ былъ споръ въ мужскомъ „соборѣ“. Перейдя послѣ этого къ мужчинамъ, Яркина стала говорить „слово“ Козьмѣ Ѳедосѣевичу: „Самъ Господь Саваоѳъ,—говорила она,—поставилъ тебя столбомъ и вручилъ тебѣ вселенную: кого хочешь связать—свяжешь, кого хочешь развязать—развяжешь!“

„Слово“ Яркиной еще болѣе подняло Козьму Ѳедосѣевича въ мнѣніи молившихся, и они рѣшили, что онъ не простой учитель, а что-то великое, необыкновенное.

На зарѣ стали разъѣзжаться, и Латышевъ сталъ приглашать заграничныхъ гостей къ себѣ, а Безсоновъ хотѣлъ везти ихъ къ себѣ въ Томашовку. Но Яркина объяснила, что везти гостей днемъ въ Томашовку опасно, почему и рѣшили, что они отправятся къ Латышеву. Хотя заря уже занималась, но люди еще не выходили изъ домовъ, и сынъ Латышева, Ѳедоръ, незамѣтно провелъ гостей къ себѣ.

Самъ Латышевъ возвратился домой съ Яркиной и Озеровымъ и стали пить чай съ заграничными гостями. Зашелъ разговоръ о столкновеніи Козьмы Ѳедосѣевича съ Щетининымъ. Яркина замѣтила, что придется опять идти съ Щетиниными и Красниковыми врозь, какъ это было и при Софіенкѣ, а Козьма Ѳедосѣевичъ сказалъ:

— Не слѣдуетъ полагаться на человѣка, а надо слушать „слово". Напрасно Щетининъ думаетъ скрыться съ тѣмъ, что ему вышло въ „словѣ": теперь настало такое время, что ни съ чѣмъ не скроешься. Вотъ они и ушли и останутся безъ своего пастыря,—а каково овцамъ безъ пастыря!

Потомъ Ѳедоръ Мартыновичъ разсказалъ, что у нихъ за границей объявился милосердый государь-батюшка-искупитель при двухъ свидѣтеляхъ, что пришло уже время „людямъ божіимъ" не скрываться съ своей „вѣрой", что все станетъ открыто, все будетъ по-новому.

Уѣзжая, Яркина сказала Латышеву наединѣ:

— Смотрите же, будьте поосторожнѣе, поберегите дорогихъ гостей, чтобъ кто-нибудь не увидалъ ихъ; а я, дастъ Богъ, и еще, можетъ быть, пріѣду.

Подъ понедѣльникъ „бесѣда" была у Латышева. Были одни ѳедоровскіе. Молились до утра. Утромъ домашніе Латышева уѣхали за пшеницей. Самъ же Латышевъ сидѣлъ съ гостями и разговаривалъ. При этомъ Козьма Ѳедосѣевичъ больше молчалъ, а говорилъ Ѳедоръ Мартыновичъ. Онъ разсказывалъ, что души человѣческія отъ Бога, поэтому и должны возвратиться къ Богу, что онѣ суть раскаивающіеся-падшіе ангелы, которые, переходя черезъ тѣла человѣческія, стремятся возвратиться въ прежнее ангельское состояніе. Поэтому необходимо жить такъ добродѣтельно, чтобы облегчать душамъ это возвращеніе.

Послѣ долгаго молчанія Козьма Ѳедосѣевичъ вдругъ сказалъ Латышеву:

— Ну, вотъ ты занавѣшиваешь окна, плотно запираешь двери —боишься, чтобъ насъ не увидали. Ну, а еслибы заѣхалъ къ тебѣ явный царь, небось ты не боялся бы, растворилъ бы настежъ окна и двери и самъ выбѣжалъ бы къ нему съ великою радостью на-встрѣчу; такъ оно и подобаетъ. Но отдайте кесарево кесареви, а Божія Богови; еслибы и Богъ зашелъ къ тебѣ, и тогда не слѣдуетъ бояться и скрываться.

— Такъ-то оно такъ, — отвѣчалъ Латышевъ, — а все же страшно; ужъ очень насъ за это самое стѣсняютъ.

Моленья или бесѣды происходили каждый вечеръ, то у Латышева, то у другихъ ѳедоровскихъ духовныхъ „людей божіихъ“.

Утромъ, въ субботу, когда домашніе Латышева собирались ѣхать въ поле, Козьма Ѳедосѣевичъ спросилъ Латышева:

— Можешь ли ты оставить сегодня дочь свою Арину дома?

Латышевъ отвѣчалъ, что можетъ, и оставилъ ее дома. Когда остальные уѣхали, а остались Латышевъ съ женою и Арина, гости начали молиться. Сначала ходилъ въ „словѣ“ Ѳедоръ Мартыновичъ, а потомъ пошелъ Козьма Ѳедосѣевичъ и сказалъ Аринѣ Латышевой:

— Вкатилъ въ меня Саваоѳъ и велѣлъ благословить тебя, сестрица, на слово. Благословляю тебя: изволь становиться на слово.

Арина Латышева вышла на середину комнаты, пошла въ „словѣ“ и—говоритъ Латышевъ—стала „пророчествовать“ такъ же, какъ и гости.

Латышевъ и жена его и изумились, и несказанно обрадовались этому.

Но вслѣдъ затѣмъ Латышеву пришло въ голову, что Яркина навѣрное обидится, что это сдѣлано безъ ея согласія и вѣдома. Поэтому, воспользовавшись тѣмъ, что „гостей“ пригласилъ къ себѣ ѳедоровскій духовный „человѣкъ божій“, Рослякова,—Латышевъ поѣхалъ къ Яркиной. Привезя ее въ свой домъ, Латышевъ разсказалъ ей о „благословеніи“ Арины. Какъ онъ предполагалъ, такъ и случилось. Считая себя полной преемницей Софіенки, Яркина была крайне недовольна, что заграничные гости стали распоряжаться безъ нея, и сказала:

— Ну, ужъ и гости! Пришли на готовое: кто садилъ, поливалъ, а кто благословилъ!

Сказавшись больною, она даже не пошла въ этотъ вечеръ молиться къ Рослякову и не пустила Латышевыхъ. Но на другой день она сообразила, что лучше ей съ Латышевыми идти къ Рослякову, чѣмъ среди бѣлаго дня переводить „гостей“ къ Латышеву.

У Рослякова собрались всѣ ѳедоровскіе. Тутъ Яркина стала-было упрекать Козьму Ѳедосѣевича за „благословеніе“ Арины Латышевой, но Козьма Ѳедосѣевичъ возразилъ ей:

— Тебѣ самой давно надо было это сдѣлать; въ Ѳедоровкѣ людямъ не съ кѣмъ молиться, некому ихъ управить. Да и не то теперь время; настало избраніе и не будетъ попрежнему, что учители распоряжались Божествомъ—теперь само Божество будетъ распоряжаться ими.

Въ это время увидали въ окно, что пріѣхали новые гости. Вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошла преемница Бабанина, „учительница“ изъ Михайловки, Баздырева. За нею слѣдовали двое неизвѣстныхъ мужчинъ пожилыхъ лѣтъ. Послѣдніе, увидавъ Козьму Ѳедосѣевича, бросились на колѣни и, плача отъ радости, говорили:

— Здравствуй, нашъ государь батюшка! благодареніе Господу Саваоѳу, что пришлось намъ встрѣтить тебя—свѣта нашего!

Эта сцена до того поразила Латышева и другихъ ѳедоровцевъ, что они сразу даже не сообразили, кого новые гости называютъ „государемъ-батюшкою“. Но вскорѣ объяснилось, что государемъ-батюшкой величали они Козьму Ѳедосѣевича, что сами они были посланы къ нему изъ Галаца отъ Ефима Семеновича Купріянова, и что они галацкіе же „люди божіи“, Иванъ Петровичъ и Григорій Михайловичъ. Тутъ же объяснилось, что Козьма Ѳедосѣевичъ и есть объявившійся за границей милосердый государь-батюшка, искупитель Петръ Ѳеодоровичъ Селивановъ Второй.

На колѣняхъ „посланнички“ подали Козьмѣ Ѳедосѣевичу письма отъ Купріянова и его жены и объявили поклоны отъ Ивана Филипповича, Василія Ивановича, Ѳедосѣя Артемьевича и многихъ другихъ. Когда Козьма Ѳедосѣевичъ усадилъ ихъ, „посланнички“, на разспросы Ѳедора Мартыновича, стали разсказывать, что у нихъ за границей великая радость: день и ночь молятся, а нѣкоторые, побросавъ дома свои, пошли уже и въ Россію возвѣщать о явленіи „искупителя-батюшки“.

Послѣ этого стали читать письма. Жена Купріянова писала Козьмѣ Ѳедосѣевичу:

„Еслибы я теперь дождалась тебя, свѣта моего, милосердаго государя-батюшку-искупителя, то ноженьки твои слезами омыла бы, волосами своими вытерла-бъ, чтобы ты простилъ мое прежнее невѣденіе, что я тебя, государя-батюшку, не познала, не увѣдала“... Такъ же величалъ Козьму Ѳедосѣевича, въ своемъ письмѣ, и Ефимъ Семеновичъ. А такъ какъ многіе изъ ѳедоровскихъ духовныхъ „людей божіихъ“ не разъ встрѣчали Купріянова у Софіенки и уважали его за его „ученость“, то послѣ такихъ писемъ не сомнѣвались уже, что Козьма Ѳедосѣевичъ есть вновь объявившійся „искупитель“.

Въ домѣ Латышева, куда послѣ „бесѣды“ пришли Яркина, Баздырева и многіе другіе, Баздырева разсказала имъ, что дорогою „посланнички“ положительно завѣрили ее, что Козьма Ѳедосѣевичъ есть дѣйствительно „искупитель“, а Ѳедоръ Мартыновичъ—спутникъ „искупителя“, „пророкъ“ Мартынушка.

Когда потомъ, вечеромъ, пришли отъ Росляковыхъ звать мо-

литься, то Баздырева тотчасъ пошла, а Яркина все-таки не пошла, почему и Латышевъ, какъ хозяинъ, долженъ былъ остаться. А вслѣдъ затѣмъ пріѣхали изъ Матвѣевки ея сестры съ Работяговымъ и, напугавъ ее, будто по окрестнымъ селамъ дѣлаютъ обыски, ища какихъ-то проѣзжихъ людей, увезли ее домой.

Прощаясь съ Яркиной, Латышевъ спросилъ ее:

— А помнишь ты, какъ однажды въ „словѣ“ сказала мнѣ, что я увижу „живого бога“ лицомъ къ лицу. Такъ не этотъ ли живой богъ и есть милосердый государь батюшка Козьма Ѳедосѣевичъ?

— Можетъ быть это и онъ,—отвѣчала Яркина.

Возвратясь съ „бесѣды“, домашніе разсказали Латышеву, что Баздырева сказала очень хорошее „слово“ Козьмѣ Ѳедосѣевичу. Она говорила ему:

— Ты, государь-батюшка, искупитель, установилъ намъ чистое, святое избраніе, и тебя Господь Саваоѳъ поставилъ столпомъ на всю вселенную—живые и мертвые тобою спасаются!

Потомъ ходили въ „словѣ“ всѣ четверо заграничныхъ гостей, послѣ чего Баздырева нѣсколько разъ падала передъ Козьмой Ѳедосѣевичемъ на колѣни, прося у него прощенія за свою прежнюю грубость къ нему въ Матвѣевкѣ у Работягова. Тогда всѣ рѣшительно присмирѣли и увѣровали въ Козьму Ѳедосѣевича, какъ „искупителя“ Петра Ѳеодоровича.

Послѣ этой „бесѣды“ Козьма Ѳедосѣевичъ съ Ѳедоромъ Мартыновичемъ и „посланничками“ собрался уѣзжать изъ Ѳедоровки. Уѣзжая, онъ наказывалъ ѳедоровскимъ духовнымъ „людямъ божіимъ“, что Арина Латышева будетъ ходить у нихъ въ „словѣ“, чтобъ они примѣчали „словечки“ ея и слушались ихъ.

Росляковъ и Ѳедоръ Латышевъ повезли Козьму Ѳедосѣевича и его спутниковъ въ м. Большой-Токмакъ, бердянскаго уѣзда, а оттуда въ Бердянскъ.

Между тѣмъ въ Ѳедоровку стали пріѣзжать новые „посланнички“, сначала Романушка Ѳедоровичъ Бударный съ Дмитріемъ Петровичемъ Семеновымъ, а потомъ тотъ же Романушка съ Ѳедоромъ Мартыновичемъ. Теперь они прямо объявляли духовнымъ „людямъ божіимъ“, что съ Ѳедоромъ Мартыновичемъ былъ въ Матвѣевкѣ и Ѳедоровкѣ самъ милосердый государь-батюшка-искупитель, объявившійся въ Козьмѣ Ѳедосѣевичѣ, близъ г. Галаца въ Молдавіи, на горѣ Сіонѣ, при двухъ свидѣтеляхъ: Іоаннѣ Богословѣ и Васильѣ Великомъ. То же подтвердилъ и возвратившійся изъ Бердянска Росляковъ. Онъ, кромѣ того, сообщилъ,

что изъ Бердянска „искупитель“ Козьма Ѳедосѣевичъ черезъ Николаевъ уѣхалъ въ Молдавію.

Спустя нѣсколько недѣль, именно около праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, Латышевъ ѣздилъ въ Токмакъ по дѣлу. Заѣхавъ, на обратномъ пути, въ Томашевку къ Безсонову, онъ, къ своей величайшей радости, засталъ у него въ домѣ вторично прибывшаго въ Россію Козьму Ѳедосѣевича. Съ нимъ были „Іоаннъ Богословъ“, т.-е. Иванъ Филипповичъ Ковалевъ, и Григорій Евдокимовичъ Картамышевъ, называвшійся „Григоріемъ Богословомъ“.

Съ разрѣшенія „искупителя“, онъ, Латышевъ, тотчасъ послѣ „празднованія“, какъ называлъ „искупитель“ бесѣды, поспѣшилъ домой въ Ѳедоровку—возвѣстить домашнимъ и всѣмъ ѳедоровскимъ „братьямъ“ о такой „великой радости“. На другой же день Безсоновы привезли „гостей“ къ Латышеву.

На этотъ разъ Козьма Ѳедосѣевичъ пробылъ у Латышева полтора сутокъ. Все время „праздновали“, причемъ молились всѣ безъ исключенія ѳедоровскіе духовные „люди божіи“, встрѣтившіе Козьму Ѳедосѣевича съ восторгомъ и умиленіемъ.

Потомъ, по приказу Козьмы Ѳедосѣевича, Латышевъ возилъ его и его спутниковъ въ Токмакъ, Бердянскъ, Мелитополь и Томашовку. Вездѣ духовные „люди божіи“ принимали Козьму Ѳедосѣевича съ великою радостью. Происходили „празднованія“, въ которыхъ участвовали не только всѣ мѣстные духовные „люди божіи“, но и нарочно пріѣзжавшіе для этого изъ ближнихъ селъ. Всѣ они уже увѣровали въ него какъ въ „искупителя“. Оказалось, что раньше пріѣзда Козьмы Ѳедосѣевича въ этихъ мѣстахъ успѣли побывать „посланнички“ и возвѣстить о его явленіи и скоромъ прибытіи.

Изъ Бердянска, по разсказу Латышева, Картамышева и всѣхъ ѳедоровскихъ и томашовскихъ духовныхъ „людей божіихъ“, Лисинъ, съ Ковалевымъ и Картамышевымъ, возвратились опять въ Ѳедоровку. На вечернемъ „празднованіи“ Ковалевъ пошелъ въ „словѣ“ и объявилъ, что время уже вѣрнымъ принять „чистоту“, такъ какъ и самъ „искупитель“ принялъ ее. Тогда пошелъ въ „словѣ“ и Лисинъ—и сказалъ:

„Вкатилъ въ меня Саваоѳъ и сказалъ: возлюбленный мой сыночекъ, возвѣсти вѣрнымъ моимъ праведнымъ, что настало уже времячко принять имъ чистоту. И я, отецъ искупитель, благословляю васъ, дѣтушки мои возлюбленные, принимайте чистоту, ибо безъ этого нельзя дойти къ Богу“.

Послѣ этого онъ спросилъ ѳедоровцевъ, есть ли у нихъ кто-

нибудь, кто бы могъ это сдѣлать для нихъ. Они отвѣчали, что никого такого у нихъ нѣтъ.

Тогда Лисинъ обратился къ Картамышеву и спросилъ:

— Ты, Григорій богословъ [1]), потрудишься это сдѣлать—можешь?

Картамышевъ отвѣчалъ утвердительно, и Лисинъ велѣлъ ему остаться для этого въ Ѳедоровкѣ.

Изъ Ѳедоровки—разсказываетъ опять Латышевъ—Козьма Ѳедосѣевичъ, съ Иваномъ Филипповичемъ, Ѳедоромъ Мартыновичемъ и Матреной Безсоновой, направился обратно за границу. По его приказанію повезъ ихъ Латышевъ. По дорогѣ заѣзжали въ Томашовкѣ къ Безсоновымъ, и въ Николаевѣ къ Давидовымъ. И тутъ, и тамъ „праздновали“ и всѣ трое объявляли о необходимости принятія „чистоты“. Въ Николаевѣ къ нимъ присоединился Романъ Бударный. Отсюда, черезъ Одессу и Аккерманъ, проѣхали въ слободу Девизію къ сестрѣ Купріанова, Вѣрушкѣ. Здѣсь раздѣлились на двѣ партіи: Ѳедоръ Мартыновичъ, Латышевъ и Бударный перешли границу тайно, а Козьма Ѳедосѣевичъ, съ остальными своими спутниками, проѣхалъ ее открыто по молдавскимъ паспортамъ. Съѣхались всѣ въ Чишмѣ, гдѣ ихъ встрѣтилъ Волошинъ и увезъ всѣхъ къ себѣ въ Николаевку.

Здѣсь Латышевъ, по повелѣнію Козьмы Ѳедосѣевича, принялъ „чистоту“, вслѣдствіе чего недѣли двѣ пролежалъ въ домѣ Волошина больной, а Козьма Ѳедосѣевичъ между тѣмъ съ остальными спутниками, кромѣ Безсоновой, уѣхалъ въ Галацъ.

По выздоровленіи и Латышевъ съ Безсоновой отправились въ Галацъ. Видѣли они—разсказываетъ Латышевъ—близъ Галаца тотъ курганъ, на которомъ объявился „искупитель“, и на ихъ глазахъ много народа, побросавши хозяйства, стекались сюда, чтобъ видѣть эту гору и помолиться на ней. Въ Галацѣ Латышевъ не разъ видѣлъ „искупителя“ Козьму Ѳедосѣевича и участвовалъ въ „празднованіяхъ“ и поклоненіяхъ ему. Для этого тамошніе „люди божіи“ собирались въ дома, которые попросторнѣе. Собиралось человѣкъ по сту и болѣе и молились: мужчины на одной половинѣ, женщины—на другой. Какъ только въ „соборѣ“ завидятъ „искупителя“, народъ кричитъ:—Христосъ воскресе!— „Искупитель“ же отвѣчаетъ:—во истину воскресе!—„Искупитель“ съ „Іоанномъ Богословомъ“ и „Василіемъ Великимъ“ садились рядомъ,— „искупитель“ въ серединѣ. Козьма Ѳедосѣевичъ училъ: креститься

[1]) Послѣ того какъ Картамышевъ совершилъ цѣлый рядъ оскопленій, Лисинъ наименовалъ его „Ильей-пророкомъ“, а первоначально онъ называлъ его „Григоріемъ Богословомъ“.

обѣими руками, не гнѣваться, не злобиться, не прилѣпляться къ мірскому, жить по слову Божію, и разсказывалъ о страдахъ своихъ.

„Слыша такое ученіе,—добавляетъ Латышевъ,—я не могъ не думать, что оно отъ Бога". Въ Николаевкѣ „соборы" бывали постоянно у Ѳедосѣя Артемьевича Волошина, бывшаго на „страдахъ" на Кавказѣ, а теперь живущаго здѣсь богато. Въ „соборѣ" у Волошина собиралось народу человѣкъ по пятидесяти. Пробылъ Латышевъ за границей четыре недѣли, и все время имѣлъ готовую квартиру и даровое содержаніе у „людей божіихъ". Они предлагали ему даже денегъ, но деньги ему были не нужны, и онъ отъ нихъ отказался.

Этимъ оканчивается разсказъ Латышева.

V.

Между румынскими „людьми божіими", какъ во время первой, такъ и во время второй поѣздки Лисина по Новороссійскому краю, продолжалось прежнее ликованіе: ходили молиться на курганъ, продолжали самоистязаніе, странствовали по городамъ и возвѣщали о явленіи „искупителя". Въ Галацѣ, Яссахъ, Николаевкѣ и Чишмѣ „избранные" неустанно продолжали свои „празднованія".

Въ Галацѣ празднованіями заправлялъ Купріановъ, въ Николаевкѣ Волошинъ, въ Чишмѣ — дочь „человѣка божьяго" Ѳомы Сербинова, родомъ изъ с. Стрѣлецъ корочанскаго уѣзда.

На одномъ изъ такихъ празднованій въ Чишмѣ, въ домѣ Сербинова, въ концѣ іюня, кромѣ самого Ѳомы Сербинова, его односельца Давида Бударнаго и другихъ чишминскихъ „избранныхъ", были и гости изъ Николаевки: „избранные" же Степанъ Павловъ, родомъ изъ тульской губерніи, Антонъ Булатовичъ, родомъ изъ бессарабской области, бендерскаго уѣзда, и Григорій Ивановъ Борисовъ, неизвѣстнаго происхожденія. Послѣдніе трое были богатые жители м. Николаевки. Во время празднованія всѣмъ имъ пятерымъ вышло отъ Сербиновой „слово": идти въ Россію на-встрѣчу „искупителю", возвѣщать людямъ о его явленіи и избраніи и пострадать „ради имени его". На другой же день всѣ пятеро, побросавъ дома, хозяйство, несобранную жатву, пустились въ путь. Въ Николаевкѣ они запаслись-было семидневными пропусками за границу, но въ молдавской таможнѣ, въ Татаръ-Бунарѣ, имъ объяснили, что въ Россію ихъ не про-

пустятъ, и они перешли границу тайно, ночью. Пробравшись въ слободу Девизію, они направились на Аккерманъ. Отсюда, чрезъ Одессу, они проѣхали въ Николаевъ, гдѣ пробыли семь дней у тамошнихъ „людей божіихъ", Давидовыхъ, Харитоновыхъ и др. Вотъ какъ разсказывали Давидовы о пребываніи этихъ пятерыхъ „избранныхъ" въ Николаевѣ.

Были они—разсказывали Давидовы—ужъ очень тихіе и смирные, называли другъ друга братцами: „братецъ Степушка", „братецъ Гриша" и т. п. Когда они, въ первый разъ, пришли къ Давидовымъ, то Степанъ Павловъ спросилъ старуху Авдотью Мартынову Давидову и ея племянницу Ѳеклушу:

— А были у васъ братцы?

— Были Козьма Ѳедосѣевичъ и Ѳедоръ Мартыновичъ,—отвѣчала Авдотья Мартыновна.

— Охъ, родимыя сестрицы,—сказалъ на это Степанъ Павловъ,—какъ бы намъ не пришлось отвѣчать, что вы его такъ называете!

— Да мы не знаемъ, кто они такіе, — отвѣчала Авдотья Мартыновна.

— Это, родимыя сестрицы, былъ самъ милосердый государь батюшка, искупитель Петръ Ѳеодоровичъ, а не Козьма Ѳедосѣевичъ,—объяснилъ Степанъ Павловъ.

А Григорій Борисовичъ и говоритъ:

— А я, сестрицы, иду къ нему, чтобъ онъ меня принялъ и простилъ: я на него, не знавши, немного поропталъ. Да и вышло намъ такое „слово", чтобы идти намъ въ Россію пострадать ради души спасенія и имени искупителя. Намъ по душѣ пришлось: пострадать—мы и пошли.

А остальные трое сказали:

— Не знаемъ, сестрицы, встрѣтимъ ли его, искупителя свѣта нашего, или не встрѣтимъ. А думаемъ себѣ такъ: встрѣтимъ или не встрѣтимъ, а все-таки пострадаемъ.

„Братья" разсказывали и объ „избраніи".

Они объяснили, что по избранію „слѣдуетъ творить правду, не предаваться суетѣ мірской, откинуть гордость, любить другъ друга, быть кроткими, незлобивыми, ни на кого не обижаться, быть тише воды, ниже травы, дѣлить съ братомъ послѣднее, молить Бога за царя и за всѣхъ, чтобы Господь всякому открылъ свое божественное ученіе. А что̀ можетъ быть лучше этого,—добавляли они,—и чѣмъ другимъ мы можемъ болѣе угодить Богу и спасти душу свою, какъ не кротостію, незлобіемъ, любовью другъ къ другу, жизнію для Бога?"

Всѣ семь дней они праздновали въ Николаевѣ у „людей божіихъ“.

Изъ Николаева они отправились на Херсонъ и Бериславъ, оттуда лодкой доплыли до Каховки, гдѣ и были задержаны. Назвались они здѣсь Степаномъ, Давидомъ, Григоріемъ, Антономъ и Ѳомой Петровыми, непомнящими родства. Откуда прибыли, говорили, не помнятъ, а шли, куда Господь приведетъ. Назвались они непомнящими для того, чтобы не разлучаться и быть осужденными и сосланными вмѣстѣ. Прозваніе Петровыхъ приняли они въ честь „искупителя Петра Ѳеодоровича“.

Въ началѣ 1873 г. всѣ они пятеро, какъ того и желали, осуждены были вмѣстѣ, какъ бродяги, на водвореніе въ Сибирь.

Я разспрашивалъ ихъ, когда они были уже на пути въ Сибирь. И дѣйствительно, неподдѣльное смиреніе, кротость и незлобіе ясно проглядывали не только въ выраженіи ихъ лицъ, но и въ манерѣ, рѣчахъ и движеніяхъ; фанатическая преданность ихъ „избранію“ была поразительна.

На всѣ данныя противъ нихъ показанія, обличавшія ихъ въ распространеніи лжеученія Лисина, они безъ всякаго проявленія чувства досады или неудовольствія, тихо отвѣчали:

„Если братъ мой сказалъ это, такъ значитъ это правда“.

VI.

По возвращеніи въ Молдавію, изъ первой поѣздки своей въ Россію, Лисинъ встрѣтилъ между „людьми божіими“ восторженное поклоненіе и безусловное повиновеніе. Въ Галацѣ онъ жилъ въ домѣ Якова Павловича Куяльницкаго, окруженный благоговѣйнымъ почетомъ „избранныхъ“. Время онъ проводилъ днемъ въ „пріемахъ“ своихъ „дѣтушекъ“ и изобличеніи неправедно живущихъ, вечеромъ—въ празднованіяхъ. Дворъ Куяльницкаго цѣлый день былъ переполненъ „людьми божіими“. Тѣхъ, которые, по мнѣнію Ковалева и Лисина, раскаялись чистосердечно, Лисинъ допускалъ къ себѣ. Тѣхъ же, которые, по ихъ мнѣнію, каялись неискренно, т.-е. выказывали на словахъ раскаяніе, а въ то же время не рѣшались отречься отъ всего мірского, Лисинъ не принималъ, и они ходили по двору безъ шапокъ и горько плакали. Иные, впрочемъ, уходили домой, но потомъ опять возвращались; Лисинъ все-таки не принималъ ихъ, и они опять уходили и опять возвращались. То же Лисинъ дѣлалъ и въ Бухарестѣ, и въ Рени, куда ѣздилъ съ Ковалевымъ.

Въ этой дѣятельности Лисина главнымъ совѣтникомъ его, или, правильнѣе сказать, руководителемъ былъ Иванъ Филипповъ Ковалевъ, принявшій имя Іоанна Богослова. Такъ какъ, съ момента возвращенія своего изъ Тавріи въ Молдавію, Лисинъ подпалъ подъ вліяніе Ковалева, и такъ какъ вся дальнѣйшая дѣятельность Лисина сложилась подъ этимъ вліяніемъ, то слѣдуетъ нѣсколько остановиться на самомъ Ковалевѣ.

Ковалевъ родился въ с. Рыбномъ, моршанскаго уѣзда. Родители его были крестьяне этого села—Филиппъ Петровъ Швецовъ и Надежда Иванова по отцу Сизова, такъ что настоящая фамилія его была Швецовъ, но онъ всѣмъ былъ извѣстенъ лишь за Ковалева, и я буду продолжать называть его такъ. Въ сороковыхъ годахъ его дѣдъ по матери, природный молоканъ, Иванъ Тимоѳеевъ Сизовъ, съ своими сыновьями, тоже молоканами, переселился въ молоканское село Астраханку, бердянскаго уѣзда. Къ нему же, чрезъ нѣсколько лѣтъ, по случаю смерти мужа, перешла жить со всѣми дѣтьми и мать Ковалева. Такимъ образомъ Ковалевъ былъ воспитанъ въ молоканствѣ. Въ семьѣ дѣда Ковалевъ порядочно обучился грамотѣ, основательно изучилъ молоканскія воззрѣнія и хорошо ознакомился съ свящ. писаніемъ Новаго Завѣта. Но будучи порывистаго, впечатлительнаго и своевольнаго характера, онъ не могъ долго ужиться здѣсь. Въ тихой, работящей семьѣ Сизова, гдѣ все было размѣрено и опредѣлено впередъ, гдѣ всякій долженъ былъ неуклонно исполнять свое крестьянское дѣло, и гдѣ воля главы семьи была незыблемымъ авторитетомъ для каждаго,—своевольной натурѣ Ковалева было тяжело. Поэтому, достигнувъ зрѣлаго возраста, Ковалевъ съ матерью, братьями и сестрами покинулъ домъ дѣда и удалился въ ту часть Бессарабіи, которая потомъ отошла къ Молдавіи. Поселился онъ въ м. Чишмѣ и занялся выдѣлкою кожъ. Въ то же время онъ принималъ участіе въ случавшихся иногда словопреніяхъ молоканъ съ другими сектантами. При этомъ онъ сошелся и съ Лисинымъ, съ которымъ не разъ побивалъ своихъ противниковъ въ словопреніяхъ. Еще въ это время Лисинъ невольно поддался вліянію болѣе пылкаго, начитаннаго и способнаго Ковалева. Но когда съ Лисинымъ случилась описанная „болѣзнь", то и Ковалевъ, вмѣстѣ съ другими, сталъ видѣть въ натурѣ Лисина что-то особенное. За его же строгую жизнь Ковалевъ и раньше относился къ Лисину съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

Но молоканство, чуждое мистицизма и всякой обрядности, не могло надолго удовлетворить впечатлительную и склонную къ мистицизму натуру Ковалева. Изувѣрство „людей божіихъ",

своею таинственностью, бьющими на нервы молитвенными упражненіями, мнимою возможностью вдохновеній и безпредѣльностью его чаяній и ожиданій, гораздо болѣе подходило къ его натурѣ. Поэтому, сойдясь съ Купріановымъ, Иваномъ Ивановымъ и другими галацкими „людьми божіими“, Ковалевъ въ началѣ 1871 года вступилъ въ ихъ секту, а въ концѣ этого года принялъ „чистоту“.

Увидавъ на дѣлѣ жизнь галацкихъ „людей божіихъ“ и ихъ взаимныя отношенія и присмотрѣвшись ближе къ ихъ „бесѣдамъ“, Ковалевъ сильно разочаровался въ своимъ ожиданіяхъ, и потому однимъ изъ первыхъ сошелся съ Волошинымъ въ его мысляхъ и планахъ возстановленія секты. Вскорѣ къ нимъ примкнули Василій Ивановъ, Ѳедоръ Мартыновичъ, Купріановъ, а потомъ и Лисинъ. Со всею впечатлительностью своей натуры Ковалевъ предался дѣлу „избранія“ и вполнѣ увлекся выработаннымъ ими міровоззрѣніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увлекался и такъ-называемыми посланіями и страдами ересіарха Селиванова и зачитывался ими [1]). По установленіи „избранія“ онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ проявленія въ Лисинѣ силы „искупителя“. Поэтому, послѣ сіонскаго событія, распаленному этимъ чтеніемъ и всѣмъ предшествовавшимъ воображенію Ковалева, при его экзальтированномъ въ то время состояніи, стало представляться, что во время явленія на Сіонѣ и небеса разверзались, и гласъ съ неба былъ слышенъ.

Когда Лисинъ послѣ этого уѣхалъ въ Россію, Ковалевъ, вмѣстѣ съ другими избранными, предался самому восторженному ликованію и ежедневно ходилъ праздновать на курганъ. Но его неугомонная натура не могла долго выдержать такого пассивнаго положенія. Его начало мучить нетерпѣніе, что время идетъ, а „искупитель“ не приступаетъ къ тѣмъ преобразованіямъ въ мірѣ „людей божіихъ, которыя намѣчены были „избраніемъ“. Не дождавшись Лисина, онъ поѣхалъ къ нему на-встрѣчу въ Николаевъ. Здѣсь они встрѣтились, и съ этого времени Ковалевъ ни на одинъ день не оставлялъ Лисина. Во всѣхъ поѣздкахъ Лисина Ковалевъ сопровождалъ его. Въ Галацѣ же и въ Николаевкѣ они всегда жили вмѣстѣ.

Между тѣмъ Лисинъ, встрѣченный, по возвращеніи въ Молдавію, всеобщимъ поклоненіемъ и благоговѣніемъ „людей божіихъ“,

---

[1]) Это такъ называемыя „людьми божіими“ страды милосердаго государя-батюшки-искупителя-сына-божія. Въ нихъ описываются странствованія Селиванова съ Мартынушкой по божьимъ людямъ, казнь и ссылка Селиванова въ Иркутскъ, слезы и тоска по немъ дѣтушекъ, посольство ихъ къ нему и его тоска по дѣтушкамъ.

и по природѣ человѣкомъ простымъ, не особенно далекимъ честолюбивымъ, да къ тому и малознакомымъ съ „обычаемъ" іемами перваго ересіарха „людей божіихъ"—Селиванова, лько потерялся въ новомъ своемъ положеніи „искупителя". му такой человѣкъ, какъ Ковалевъ, который, и по прежней ѣ, и по первостепенному положенію въ средѣ „избранныхъ", ближайшимъ къ Лисину лицомъ, да къ тому же всесторонне къ историческую и обрядовую часть лжеученія „людей бо-", — оказался въ данномъ случаѣ какъ нельзя болѣе на . Онъ незамѣтно выручалъ Лисина въ тѣхъ случаяхъ, когда Лисинъ не находился. А такъ какъ подобные случаи теперь гавлялись довольно часто, то Ковалевъ и руководилъ Лиси-и, такимъ образомъ, незамѣтно для себя и для него, въ кратковременный періодъ пребыванія Лисина въ Румыніи, нилъ его своему вліянію. И это вліяніе не бросалось въ такъ какъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ Ковалевъ станона „слово" и подавалъ совѣты Лисину въ „словѣ". По-, что и „слово" Ковалева согласовалось съ его мнѣніемъ. ца, конечно, выходила рѣдко, такъ какъ то и другое ровалось подъ одними и тѣми же взглядами и впечатлѣніями. азалось бы, что такіе совѣты Ковалева Лисину, хотя бы и дствомъ „пророчествъ", не вяжутся съ существовавшимъ у ева убѣжденіемъ, что Лисинъ истинный „искупитель", слѣ-льно самъ долженъ былъ быть всезнающимъ. Но это ка-противорѣчіемъ для всѣхъ трезво смотрящихъ на вещи; вовсе не представлялось такимъ Ковалеву, Лисину и ихъ вженнымъ. Начать съ того, что ни Ковалевъ, ни тѣмъ Лисинъ—вовсе и не вдумывались въ то, да имъ и въ не приходило задаваться какими-либо вопросами по поводу лѣдовательности ихъ поступковъ. Достаточно сказать, что, того не замѣчая, Лисинъ часто дѣйствовалъ подъ вліяніемъ новеній" Ковалева, а въ мелочахъ даже предоставлялъ ему тоятельно распоряжаться вмѣсто себя. Ковалевъ же, не от-себѣ яснаго отчета, черпалъ свои „вдохновенія" изъ ъ и посланій" Селиванова, руководясь примѣрами его жизни чаемъ. Отъ этого и происходило, что Лисинъ во многихъ іхъ копировалъ Селиванова.

ліяніе Ковалева сообщило дальнѣйшимъ дѣйствіямъ Лисина ательно гибельное направленіе. Оно замѣтно отразилось на вторичной поѣздкѣ Лисина по Новороссійскому краю, ую онъ совершилъ съ Ковалевымъ, Картамышевымъ и Ѳе-ь Мартыновичемъ. Поѣздка эта значительно разнится уже

отъ первой его поѣздки, предпринятой съ однимъ Өедоромъ Мартыновичемъ. Тогда онъ держалъ себя тихо, скромно, незамѣтно, и если говорилъ, то развѣ только въ „словѣ“, и то лишь высказывалъ наставленія, выработанныя въ кружкѣ установителей „избранія“, а о „чистотѣ“ даже не заговаривалъ. Свое „искупительство“ онъ въ тотъ разъ не выставлялъ даже и послѣ того, какъ оно было обнаружено передъ многими духовными „людьми божіими“, письмами Купріановыхъ, „посланничками“ и Баздыревой. Желая „благословить“ Арину Латышеву на „слово“, онъ предварительно спрашивалъ у Латышева позволенія оставить ее для этого дома.

Нѣсколько иной характеръ носитъ вторичная поѣздка Лисина по Новороссійскому краю, совершонная уже съ Ковалевымъ. Теперь онъ ѣдетъ какъ лицо властное и, принимаемый съ благоговѣніемъ и восторгомъ духовными „людьми божіими“, дѣйствуетъ нѣсколько иначе: хотя онъ кротокъ и незлобивъ по прежнему, но все же теперь онъ разрѣшаетъ, приказываетъ, повелѣваетъ. Существенная же разница состоитъ въ томъ, что во время этой вторичной своей поѣздки онъ не столько говорилъ о томъ, какъ надо жить по правиламъ „избранія“, сколько о необходимости для духовныхъ „людей божіихъ“ принять „чистоту“. Теперь преимущественно говорилось объ этомъ. И это происходило потому, что на всякомъ почти „празднованіи“ Ковалевъ первый шелъ въ „словѣ“ и возвѣщалъ, что настало уже время принять „чистоту“, что безъ этого уже теперь никакъ нельзя.

Отправляясь въ эту вторую свою поѣздку по Новороссійскому краю, Лисинъ, согласно „слову“ Ковалева, еще изъ Николаевки послалъ въ Россію, для пропаганды, „пророка“ Якова Ивановича (въ дѣйствительности крестьянина новооскольскаго уѣзда курской губерніи, Лаврентія Куницына). Отправляя его въ путь, Лисинъ говорилъ ему такъ:

— Я, отецъ искупитель, благословляю тебя, сынъ мой, отправляйся ты въ свою сторону, объяви моимъ дѣтушкамъ обо мнѣ, второмъ искупителѣ, что явился я, искупитель, на Сіонской горѣ, при двухъ свидѣтеляхъ. Когда они тебѣ повѣрятъ, то ты найдешь меня.

И вотъ, когда Лисинъ съ Ковалевымъ и прочими возвратился изъ второй своей поѣздки по Новороссійскому краю въ Николаевку, къ Волошину, то его ожидали уже тамъ нѣсколько человѣкъ новыхъ прозелитовъ, присланныхъ къ нему Яковомъ Ивановичемъ. То были духовные „люди божіи“ изъ крестьянъ села Каменки, купянскаго уѣзда, и села Тимонова, бирючинскаго уѣзда.

ждали также трое чишминскихъ молоканъ, совращен-
ь этимъ „пророками“ Лисина въ секту „людей бо-
слѣпомъ фанатизмѣ, Ковалевъ и Лисинъ, въ своемъ
первомъ же празднованіи, объявили новопришедшимъ,
велѣваетъ имъ принять „чистоту“. По „благослове-
ь всѣ до одного немедленно приняли ее, при посред-
ина, причемъ одинъ изъ тимоновцевъ не выдержалъ
тутъ же умеръ!

VII.

ь послѣ этого въ Галацъ, Лисинъ съ Ковалевымъ и
Мартыновичемъ остановился по прежнему въ домѣ
о. Начались опять торжественныя празднованія. Но
азднованіяхъ у всѣхъ „пророковъ“ въ „словѣ“ вы-
настала пора „искупителю“ ѣхать въ Москву „объ-
рю. Особенно настоятельны были по этому поводу
Ковалева и Василія Ивановича. Очевидно, что „из-
нетерпѣніемъ ожидали окончательныхъ результатовъ
купителя“. Такими результатами, по пророчествамъ,
а быть поѣздка Лисина въ Москву, послѣдствіемъ
кенъ былъ быть созывъ туда всѣхъ избранныхъ, чего
желали и съ нетерпѣніемъ ожидали. Понятно поэтому,
ловечкахъ“ ихъ невольно прорывались эти тайныя
и ожиданія, такъ какъ въ это время мысли ихъ
ю поглощены были тайной надеждой на безпрепят-
знь въ Россіи.
мъ изъ послѣднихъ такихъ „празднованій“ Ковалевъ
объявилъ, что „искупитель покатитъ“ въ Москву въ
ъ. Предстояло, значитъ, кромѣ Ковалева, ѣхать съ
или Василію Ивановичу, какъ второму свидѣтелю
а горѣ Сіонѣ, или Ѳедору Мартыновичу, какъ бли-
ерснику и спутнику „искупителя“ — Мартынушкѣ [1]).
этотъ послѣдній моментъ побоялись и не рѣшились
такую поѣздку. Стараясь уклониться отъ нея, они
ть, что не могутъ свидѣтельствовать въ Москвѣ объ
“ Козьмѣ Ѳедосѣевичѣ, такъ какъ на горѣ Сіонѣ не
чности всего того, о чемъ разсказывалъ Ковалевъ.
евъ снова пошелъ въ „словѣ“ и объявилъ слѣдующее:

шка былъ тотъ наперсникъ и спутникъ ересіарха Селиванова, ко-
о сопровождалъ его въ его странствованіяхъ. Лисинъ объявилъ, что
ки объявилась въ Ѳедорѣ Мартыновичѣ.

— Я, духъ св., возвѣщаю вамъ, вѣрные праведные: наступила пора великая, совершатся чудеса бо̀льшія, чѣмъ на Сіонъ-горѣ, — покатятъ въ Россію три лица, изволитъ катить самъ господь-Саваоѳъ невидимо, изволитъ катить искупитель-сынъ божій, Петръ Ѳеодоровичъ, да съ ними Іоаннъ-Богословъ, сама мать-благодать.

Это разрѣшало имъ всѣ недоразумѣнія: Лисину, значитъ, имѣлъ сопутствовать невидимо „господь-Саваоѳъ" и явно, въ качествѣ третьяго лица, Ковалевъ, пріобрѣвшій съ этого момента, по вѣрованію „избранныхъ", могущественнѣйшій даръ „благодати" и имя „мать-благодать".

Уѣзжая, Лисинъ объявилъ „избраннымъ", что ѣдетъ въ Москву прямо къ царю, объявить о себѣ, и что тогда всѣхъ вѣрныхъ его призовутъ въ Москву и дадутъ имъ землю, для спокойнаго и свободнаго отъ всякаго преслѣдованія жительства.

Кромѣ Ковалева, Лисинъ взялъ съ собою, для отправленія впередъ, Романа Бударнаго и Григорія Соловьева, а равно чишминскую „пророчицу" Надежду Сербинову. Латышевъ и Безсонова ѣхали съ нимъ до Ѳедоровки. Ковалевъ выправилъ всѣмъ, кромѣ Латышева, паспорта̀ турецкихъ и молдавскихъ подданныхъ: Лисину на имя Козьмы Ѳедосѣева, себѣ—на имя Козьмы Ѳедосѣева Ковалева, Бударному—на имя Романа Кузьмина, Соловьеву—на имя Ѳедора Безуглаго. Въ Николаевѣ должна была присоединиться къ нимъ жена Лисина, Ѳевронья Ѳедорова, и ѣхать подъ именемъ жены Ковалева. Сербинова же ѣхала подъ именемъ ея сестры.

Имя Козьмы Ѳедосѣева Ковалевъ принялъ не для того, чтобы скрыть свое настоящее имя, а въ честь имени Лисина, точно также какъ и Бударный назвался Кузьминымъ, такъ какъ „по духу" считалъ себя сыномъ Лисина.

Провожаемый слезами умиленія своихъ „избранныхъ", выѣхалъ Лисинъ изъ Галаца и со всѣми упомянутыми спутниками пріѣхалъ въ Николаевку къ Волошину. Послѣ трехдневныхъ „празднованій", на которыхъ Лисинъ объявлялъ здѣшнимъ „избраннымъ" то же, что̀ и въ Галацѣ, онъ отправился далѣе. Передъ границей они раздѣлились: Бударный съ Латышевымъ пошли черезъ границу тайно и прошли прямо въ слободу Девизію къ сестрѣ Купріанова, Вѣрушкѣ. Лисинъ же съ остальными поѣхали черезъ Бѣлградскую таможню. Съѣхались они въ Аккерманѣ и вмѣстѣ ѣхали до Одессы. Здѣсь Лисинъ отправилъ Романа Бударнаго и Григорія Соловьева впередъ, по направленію къ Харькову, развѣдывать, гдѣ живутъ „люди божіи" и возвѣщать о его

явленіи и скоромъ пріѣздѣ. Самъ же Лисинъ съ остальными, взявъ въ Николаевѣ жену, проѣхалъ прямо въ Ѳедоровку.

Въ Ѳедоровкѣ, въ домѣ Латышева, они застали одну жену послѣдняго. Отъ нея они узнали, что всѣ мужчины Латышевы, Безсоновы и Гладкіе, не только взрослые, но и мальчики, приняли отъ Картамышева „чистоту". Она разсказала имъ, кромѣ того, что Безсоновыхъ уже забрали въ волость, Ѳедоръ Латышевъ скрывается, а остальныхъ Картамышевъ увезъ на встрѣчу Лисину, чтобы спросить у него, какъ имъ поступить.

Получивъ эти свѣденія, Лисинъ сказалъ: „Ну, дѣтушки мои, давайте попразднуемъ!"

Начали моленье, потомъ, по обычаю, радѣли и, наконецъ, Ковалевъ, а потомъ и Лисинъ пошли въ „словѣ". И у того, и у другого вышло, что всѣмъ имъ немедленно надо отсюда отправляться въ Москву.

Поэтому, немного отдохнувъ, всѣ, кромѣ Латышевой и Безсоновой, отправились въ м. Большой-Токмакъ. Здѣсь духовные „люди божіи" встрѣтили Лисина съ восторгомъ и благоговѣніемъ. Попраздновавъ сутки, поѣхали въ Бердянскъ, гдѣ остановились у духовнаго „человѣка божьяго", старика Якова Кидалова. По случаю пріѣзда Лисина домъ Кидалова обратился въ „соборъ". Сюда не только ежедневно стекались всѣ мѣстные духовные „люди божіи", но пріѣхали, на все время пребыванія тутъ Лисина, и новопавловскіе. Всего въ Бердянскѣ „праздновали" трое сутокъ. Черезъ два дня пріѣхалъ одинъ изъ прежнихъ „посланничковъ" Лисина, бердянскій уроженецъ Дмитрій Петровъ Семеновъ, и привезъ скрывавшагося отъ полиціи молодого Латышева. Послѣ нихъ явился и Картамышевъ съ остальными тремя Латышевыми и Гладкимъ, принявшими отъ Картамышева „чистоту". Съ ними пріѣхалъ и мелитопольскій послѣдователь Лисина, Михаилъ Скрыпка, бывшій прежде молоканомъ.

Особенно усердно молились и радѣли на третій вечеръ, т.-е. когда Лисинъ собрался уѣзжать. Въ „словѣ" ходили Ковалевъ, Картамышевъ и Семеновъ. Лисинъ объявилъ и здѣшнимъ своимъ послѣдователямъ о своей поѣздкѣ то же, что̀ говорилъ въ Галацѣ и Николаевкѣ. Когда же новопринявшіе „чистоту" обратились къ нему съ вопросомъ, что̀ онъ повелитъ имъ дѣлать, то Ковалевъ снова пошелъ въ „словѣ", послѣ чего пошелъ въ „словѣ" и самъ Лисинъ и объявилъ Латышевымъ и Гладкому:

— Я, отецъ-искупитель, благословляю васъ, дѣтушки. Вы получили первую чистоту; отправляйтесь по домамъ, получайте вторую чистоту и лежите. Начальство заберетъ васъ и прямо въ

острогъ. А станутъ васъ спрашивать, говорите, что сдѣлали это сами себѣ. Если же спросятъ: по какому случаю? Отвѣчайте: потому что вѣримъ батюшкѣ-искупителю, который былъ Селивановъ—Петръ Ѳеодоровичъ Третій. Онъ обѣщалъ къ намъ пріити и пришелъ, и благословилъ насъ: и накатилъ на насъ духъ—мы и приняли чистоту. А если спросятъ, гдѣ жъ вашъ искупитель, то вы такъ и скажите, что поѣхалъ въ Москву „объявиться" царю.

Въ то же время Лисинъ, согласно „слову" Ковалева, поручилъ девятнадцатилѣтнему „пророку" Дмитрію Петрову Семенову совершать операціи „чистоты" надъ тѣми, которые обратятся къ нему за этимъ.

До какой степени послѣднія рѣчи Лисина возбудили фанатизмъ между духовными „людьми божіими", можно видѣть, независимо отъ сказаннаго уже, изъ событій, послѣдовавшихъ за его отъѣздомъ.

Едва онъ уѣхалъ, какъ Семеновъ, съ нѣсколькими послѣдователями Лисина, поспѣшилъ въ Мелитополь. Здѣсь, въ домѣ Михаила Скрыпки, онъ за одинъ разъ совершилъ надъ всѣми ими, какъ надъ взрослыми, такъ и надъ мальчиками, принятіе „чистоты". Когда онъ, покончивъ съ взрослыми, поколебался было поднять руку на дѣтей, то отцы ихъ, сами истекая кровью, закричали ему:

— Дѣлай! Дѣлай! Искупитель приказалъ.

И Семеновъ, на глазахъ отцовъ, совершилъ надъ дѣтьми ихъ ту же звѣрскую операцію.

Затѣмъ многіе послѣдователи Лисина въ таврической губерніи, тотчасъ по его отъѣздѣ, стали собираться, по его „слову", въ Москву. Поэтому они немедленно стали распродавать свое имущество. Распродавъ все, что можно, за безцѣнокъ, они приготовились въ дорогу и только ждали вѣсти отъ Лисина, чтобы двинуться въ путь.

Уже въ августѣ 1873 г. мнѣ пришлось быть въ мѣстечкѣ Большой-Токмакъ, бердянскаго уѣзда, гдѣ было нѣсколько семействъ духовныхъ людей божіихъ — послѣдователей Лисина. И вотъ что я нашелъ.

Среди мѣстечка разстилался огромный пустырь, носившій слѣды полнаго разрушенія нѣсколькихъ повидимому цвѣтущихъ хозяйствъ. Съ него, какъ было видно, весьма недавно были снесены дома, сараи и всѣ безъ исключенія остальныя хозяйственныя строенія. Среди этихъ слѣдовъ разрушенія одиноко стояла небольшая изба. Едва я вошелъ въ нее, какъ на встрѣчу мнѣ

выступило нѣсколько пожилыхъ женщинъ и человѣкъ пять молодыхъ парней, за которыми виднѣлось еще нѣсколько дѣвушекъ и подростковъ. Увидавъ меня, женщины заговорили:

— Это вѣрно отъ батюшки-искупителя: зоветъ насъ батюшка, зоветъ въ Москву.—Оказалось, что это были послѣдователи Лисина—нѣсколько семействъ. Всѣ они одѣты были по дорожному; по стѣнамъ вокругъ избы, на деревянныхъ гвоздяхъ, висѣло множество дорожныхъ сумокъ и котомокъ съ бѣльемъ, платьемъ и сухарями; около нихъ висѣли дорожные посохи. Убѣжденные, что ихъ съ часу на часъ „искупитель" можетъ позвать въ Москву, они распродали все свое имущество, сбились всѣ въ эту избу и въ полной готовности ожидали отъ него вѣсточки, чтобы взять въ руки сумки и посохи и идти. Такъ прождали они нѣсколько мѣсяцевъ, проводя время въ „празднованіяхъ" и коекакихъ домашнихъ работахъ, нисколько не падая духомъ и не отчаяваясь.

Даже мой пріѣздъ, когда они узнали его настоящую цѣль, нимало не разочаровалъ ихъ: они вѣрили словамъ Лисина и твердо надѣялись, что если имъ и придется потерпѣть малое время, то все-таки придетъ его время, и онъ призоветъ ихъ въ Москву.

Между тѣмъ Лисинъ съ своими спутниками, сѣвъ въ Лозово на желѣзную дорогу, поѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ, по указанію Картамышева, бывавшаго здѣсь въ молодости, остановился на знакомомъ послѣднему постояломъ дворѣ. Жена и дочь хозяина принадлежали къ сектѣ „людей божіихъ". Поэтому, когда гости пили чай, хозяйка, увидавъ у Лисина сведенные пальцы, залилась слезами, упала ему въ ноги и сказала:

— Благослови, государь-батюшка-искупитель!

— Да откуда же ты знаешь это?—спросилъ Лисинъ.

— Были, государь-батюшка, у насъ посланнички Романушка и Григорьюшка и пѣли [1]) о твоемъ явленіи на горѣ Сіонѣ; говорили, что ты страдалъ въ оковахъ и рученьки у тебя поломаны. Великое благодареніе Господу, что и мнѣ, недостойной, привелось повидать тебя, свѣта нашего. Благослови, государь-батюшка!

Лисинъ махнулъ ей крестообразно сложеннымъ платочкомъ.

Здѣсь они не праздновали, такъ какъ самъ хозяинъ постоялаго двора былъ „отпадшій" отъ секты. Хозяйка посовѣтовала имъ ѣхать, черезъ Бѣлгородъ, въ с. Шляхово къ „человѣку

---

[1]) Пѣли—значитъ: пророчествовали.

божьему" Василію, у котораго и она недавно праздновала. Къ нему же отправились отъ нея и посланнички. Поэтому Лисинъ съ своими спутниками поѣхали въ Шляхово. Здѣсь, спросивъ домъ Василія, они подъѣхали прямо къ нему.

Сначала вошелъ въ домъ одинъ Ковалевъ. Послѣ обычнаго привѣтствія онъ спросилъ хозяина:

— Были у васъ братцы Романушка и Григорьюшка?

— Были,—отвѣчалъ Василій.

— Ну, такъ возрадуйтесь, братцы и сестрицы, и возвеселитесь: самъ милосердый государь-батюшка-искупитель къ вамъ пожаловалъ, и съ нимъ—я, Александрушка-мать благодать, и Илья-пророкъ. Извольте же принимать государя-батюшку.

Послѣ этого Лисинъ, въ сопровожденіи умиленнаго хозяина, вошелъ въ домъ. Благоговѣйно усадили его на лавку подъ образами. По правую его сторону помѣстился Ковалевъ, по лѣвую—Картамышевъ.

Хозяинъ съ семьей по-одиночкѣ кланялись Лисину въ ноги, крестясь на него обѣими руками, какъ учили ихъ „пророки" Романушка и Григорьюшка.

Едва они успѣли немного отдохнуть и напиться чаю, какъ домъ началъ наполняться духовными „людьми божіими". Набралось человѣкъ сорокъ народу. Начались празднованія. „Праздновали" цѣлыхъ четыре дня. Восторженное состояніе молящихся по случаю пріѣзда Лисина было такъ велико, что, кромѣ обычныхъ распѣвовъ, радѣній и „слова", всѣмъ „соборомъ" падали на колѣни и, обливаясь слезами, долго еще молились, благодаря Господа Саваоѳа за дарованіе „искупителя".

На четвертый день, рано утромъ, сюда пріѣхалъ къ Лисину Яковъ Ивановичъ, тотъ самый, котораго Лисинъ, еще изъ Николаевки, послалъ впередъ возвѣщать о своемъ явленіи. Съ нимъ былъ крестьянинъ с. Каменки, купянскаго уѣзда, Игнатъ Сныткинъ, одинъ изъ тѣхъ четырехъ крестьянъ, которые приходили къ Лисину въ Николаевку и тамъ, по его приказу, приняли „чистоту".

На вопросъ Лисина, зачѣмъ они пріѣхали, Сныткинъ отвѣчалъ:

— Были у насъ „пророки" и пѣли [1]), что и у насъ въ дому будетъ государь-батюшка-искупитель!

Переговоривъ съ Ковалевымъ, Лисинъ сказалъ имъ:

— Я, отецъ-искупитель, благословляю васъ, отправляйтесь вы

[1]) Пророчествовали.

Проходное [1]), къ человѣку божьему Ивану Дмитріеву, возите ему, что какъ только зайдетъ солнце, прикатитъ къ нему дарь-батюшка-искупитель, чтобъ готовъ былъ принять его. да отправляйтесь въ свою сторону и ждите меня.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ Якова Ивановича и Сныт, и Лисинъ съ товарищами отправились въ с. Проходное. зъ ихъ самъ Василій. Къ ночи прибыли въ Проходное, гдѣ ожидалъ ихъ Иванъ Дмитріевъ. Но здѣсь, по позднему вре, не праздновали,—отложили это до обратнаго пути. Перезали и поѣхали въ Каменку. У самаго въѣзда въ село ихъ тилъ Игнатъ Сныткинъ и прямо проводилъ въ домъ своего Тутъ „праздновали" точно также какъ и въ Шляховѣ, и али восемь дней. На моленья, кромѣ большой семьи Сныткихъ, приходили „люди божіи" изъ ближайшихъ деревень. На ртый день пребыванія у Сныткиныхъ явились къ Лисину и „посланнички-пророки", Романъ Бударный и Григорій Соювъ, но Лисинъ снова отправилъ ихъ, вмѣстѣ съ Яковомъ ювичемъ, въ разныя села, возвѣщать о себѣ „людямъ боь". На восьмой день прибыли къ нему посланцы отъ „люсожіихъ" села Тимонова, бирючинскаго уѣзда, воронежской ніи, Ѳедоръ Ивановъ Колесниковъ и Ѳедоръ Папоновъ. Они или Лисина навѣстить Тимоново, такъ какъ у нихъ были роки" и пѣли о его явленіи и пріѣздѣ. Узнали же они о пребываніи „искупителя" у Сныткиныхъ, отъ Якова Ивано, который былъ давнимъ ихъ учителемъ. Лисинъ согласился, своими спутниками и Игнатомъ Сныткинымъ, сопровожкій тимоновскими посланцами, поѣхалъ въ Тимоново, гдѣ и ювился у отца одного изъ посланцевъ, Ивана Колесникова, дѣсь на другой же день, какъ выше сказано, всѣ они и задержаны.

Между тѣмъ Романъ Бударный и Григорій Соловьевъ, по азу Лисина, отправились въ с. Козелъ, Песковатку и др. обратномъ пути въ Каменку они услыхали, что какіе-то ювѣры" задержаны въ Бирючѣ. Прибывъ въ Каменку, они и, что задержанные были: Лисинъ и его товарищи. Немед пустились они въ Бирючъ, чтобы повидаться съ Лисинымъ нать, что онъ велитъ имъ далѣе дѣлать. Накупивъ булокъ, пошли въ тюрьму, но также были задержаны. Назвались они ь молдавскимъ подданнымъ Романомъ Кузьминымъ, а другой — цкимъ подданнымъ Ѳедоромъ Безуглымъ, какъ мы видѣли выше.

[1] Село корочанскаго уѣзда, курской губерніи.

Тогда же былъ задержанъ въ с. Козелъ, корочанскаго уѣзда, и Яковъ Ивановичъ, оказавшійся, по разслѣдованіи, крестьяниномъ курской губерніи, новооскольскаго уѣзда, села Бѣломѣстнаго, Лаврентіемъ Харитоновымъ Куницынымъ.

VIII.

Мы уже говорили о заявленіи Лисина смотрителю тюрьмы, о показаніи его у слѣдователя и о томъ, что всѣ его товарищи подтвердили его заявленіе.

Сначала всѣ они твердо стояли на своемъ. Увѣренность ихъ въ дѣйствительности ниспосланныхъ будто бы на нихъ благодатныхъ даровъ была такъ крѣпка, что они со дня на день ожидали указа о препровожденіи ихъ въ Москву. Тамъ же, думали они, все объяснится и сдѣлается по желанію „искупителя“. Но когда стали проходить дни, недѣли и мѣсяцы, а ожидаемаго указа все не было и не было,—ихъ же между тѣмъ держали въ тюрьмѣ, какъ самыхъ обыкновенныхъ арестантовъ,—то они нѣсколько призадумались. А тутъ до нихъ стали доходить слухи, что „избранныхъ“—то тамъ, то здѣсь задерживали и заключали въ тюрьмы, да и ихъ самихъ велѣно везти не въ Москву, а назадъ въ г. Бердянскъ. Тогда они поняли, что и та почва, на которой они строили свои послѣднія надежды—поѣздка Лисина въ Москву,—ускользаетъ изъ-подъ ногъ ихъ. Къ этому присоединились увѣщанія смотрителя тюрьмы, указывавшаго имъ, съ одной стороны, на всю тяжесть грѣха упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ, а съ другой—на то высоко-отрадное душевное спокойствіе, которое наступаетъ послѣ раскаянія! Все это, въ связи съ крайней монотонностью и мелочностью тюремной жизни, продолжавшейся уже нѣсколько мѣсяцевъ, привело Лисина и его товарищей въ сильное раздумье. Они стали припоминать событія, и когда отнеслись къ нимъ трезвѣе и безъ увлеченія, то понемногу стали сознавать, что многое изъ того, что̀ они принимали за дѣйствительность, было простымъ обманомъ чувства, вызваннымъ тѣмъ страннымъ состояніемъ, въ которомъ они тогда находились. Они стали понимать, что никакого гласа съ неба на горѣ Сіонѣ не было, что ничего чудеснаго, въ сущности, тамъ не произошло, что все, что̀ тогда случилось, невольно и безсознательно, могло быть подготовлено ими самими или другими „избранными“. Такія и тому подобныя мысли, при томъ гнетущемъ нравственномъ состояніи, въ которомъ Лисинъ и его това-

рищи очутились, мало-по-малу произвели въ нихъ полную реакцію, и они еще въ Бирючѣ выказали признаки раскаянія. Въ Бердянскѣ, куда они прибыли въ половинѣ іюля 1873 года, одно время прежняя увѣренность—по одному случаю, о которомъ сказано будетъ ниже — проснулась-было въ нихъ. Но это было на самое короткое время, послѣ чего она угасла въ нихъ окончательно и замѣнилась полнымъ упадкомъ духа. Раскаявшись потомъ въ своихъ звѣрскихъ заблужденіяхъ, Лисинъ и его товарищи окончательно отреклись отъ нихъ.

На мои разспросы о томъ, какъ могла родиться и укрѣпиться въ нихъ такая чудовищно-богохульная увѣренность, въ снисшествіи на нихъ силы Божіей и святыхъ его,—Ковалевъ, Бударный и Соловьевъ говорили:

„Мы и сами теперь не можемъ понять, какъ все это могло произойти. Знаемъ только, что заводчиками всего были Волошинъ и Купріановъ. Они первые выдумали „избраніе", они первые пустили слухъ объ „искупителѣ". Мы же отъ постоянныхъ мыслей объ этомъ, разговоровъ съ „людьми божіими", радѣній и пророчествъ были какъ бы сами не свои: вѣрили всему, что̀ скажутъ, видѣли то, чего не было, но о чемъ мы постоянно думали. А въ „словѣ" всегда выходило, что Козьмѣ Ѳедосѣевичу быть „искупителемъ". Всѣ же мы вѣрили „слову", и искупителя всѣ ожидали, а потому, вѣроятно, всему и вѣрили. На Сіонской же горѣ, какъ мы теперь видимъ, ничего особеннаго не было: ни гласа съ неба, ни небесъ отверзтыхъ. Послѣ сіонскаго же происшествія, когда увѣровали въ Козьму Ѳедосѣевича, какъ „искупителя", мы всѣ были въ такой радости, что сдѣлались какъ полоумные; тутъ уже всякимъ чудесамъ стали вѣрить".

При этомъ Бударный и Соловьевъ горько сѣтовали на Лисина и Ковалева, Волошина и Купріанова, особенно на Ковалева, что по ихъ милости попали въ такое положеніе.

Лисинъ объяснялъ все это такъ же какъ и Ковалевъ.

Картамышевъ же, наименѣе развитой между всѣми ими, разсказывалъ объ этомъ такъ:

„О цѣли всего этого предпріятія, т.-е. избранія и объявленія „искупителя", Козьма Ѳедосѣевичъ говорилъ, что онъ и самъ не знаетъ, ка̀къ все это случилось. Иванъ Филипповичъ Ковалевъ говорилъ: „мы это установили, мы первые надъ всѣми, мы имѣемъ всѣхъ судить". Василій Ивановичъ и Волошинъ говорили въ Галацѣ и Яссахъ: „это великая истина". Больше же всѣхъ говорилъ объ этомъ Ефимъ Семеновичъ Купріановъ. Онъ былъ умнѣйшій и ученѣйшій изъ насъ. А затѣяли они это такимъ

образомъ. У Ефима Семеновича было множество книгъ по ихней вѣрѣ: посланій „искупителя", двѣ части книги — „Ключъ къ таинствамъ природы", книга Бёма и др. И вотъ они стали собираться и все это читать. А затѣмъ изъ этихъ ли книгъ, или изъ пророчества они взяли, или сами выдумали, что души человѣческія прежде были ангелами, а потомъ, за гордость, были свержены съ неба, что свѣтлые ангелы—это старшій сынъ Господа Саваоѳа, а души человѣческія или сверженные ангелы — это младшій, заблудшій сынъ небеснаго отца. Если же души обратятся къ Богу, то опять сдѣлаются ангелами. Для этого обращенія они и сочинили „избраніе". Все это они разсказывали на бесѣдахъ „избранныхъ" у Ефима Семеновича. А такъ какъ мы тогда были въ постоянной „работѣ", или радѣли до того, что падали отъ усталости, или били себя чѣмъ попало, да все говорили объ одномъ и томъ же, то дошли до того, что на одной бесѣдѣ мнѣ показалось, будто у „избранныхъ" явились крылья. А разъ показалось мнѣ, что я всхожу на высокую гору и вижу на горѣ человѣка, окруженнаго сіяніемъ, а рядомъ съ нимъ ангела. А это было просто ровное мѣсто около Галаца, а мнѣ все это такъ представлялось отъ постоянныхъ думъ объ этомъ, радѣній, разговоровъ и т. п."

Совершенно иначе отнеслись къ задержанію Лисина его послѣдователи изъ духовныхъ „людей божіихъ". Они не были очевидцами происшедшаго въ Галацѣ и на горѣ Сіонѣ, но зато слышали объ этомъ отъ мнимыхъ очевидцевъ, говорившихъ тономъ такого глубокаго убѣжденія, которое не допускало никакихъ сомнѣній. Поэтому никакого обмана чувствъ для нихъ не существовало, и разубѣждаться имъ было не въ чемъ. А что „искупитель" задержанъ и находится въ заточеніи, ихъ же не зовутъ въ Москву,—„на то, видно, воля Господа Саваоѳа". Очевидно, думали они, не пришло еще время славы „искупителя", да и онъ самъ пожелалъ пострадать за нихъ. Отчего же и имъ не потерпѣть малое время, если и самъ „батюшка-искупитель" пожелалъ потерпѣть. Но все это временно, — придетъ пора, все перемѣнится.

Такъ разсуждали послѣдователи Лисина, и увѣренность ихъ въ явленіи на горѣ Сіонѣ и въ томъ, что Лисинъ есть истинный искупитель—Петръ Ѳеодоровичъ Селивановъ—была непоколебима.

„Да развѣ,—вспоминали они,—не самое святое ученіе онъ проповѣдовалъ: онъ проповѣдовалъ воздержаніе отъ суеты мірской, корня всякаго зла, общее братство вѣрующихъ и взаимную

любовь. Онъ не погнушался нашей сѣрой мужицкой жизнью, не побрезгалъ нашей скромной трапезой, не поскучалъ нашей простотою и невѣденіемъ, лишь бы научить и наставить насъ".

Они припоминали его кротость съ ними и смиренность, его простоту и незлобивость, и въ слѣпотѣ своей говорили себѣ:

„Кто же, кромѣ искупителя, можетъ быть такимъ — развѣ князья міра сего поступили бы съ нами такъ?"

И темные, заблудшіе люди считали его любвеобильнымъ отцомъ, снисшедшимъ до нихъ ради ихъ спасенія. И ни заключеніе въ тюрьмѣ, ни постоянные допросы и передопросы не могли поколебать ихъ увѣренности въ „искупителѣ". На то и другое они шли, какъ на праздникъ, съ веселымъ сердцемъ, радуясь, что и имъ довелось потерпѣть вмѣстѣ съ „искупителемъ". Всѣ они твердо были убѣждены, что все это временное, что, въ концѣ концовъ, все перемѣнится и, наконецъ, наступитъ славное царство „искупителя" на землѣ.

Всѣ они называли другъ друга „братцами" и „сестрицами", искренно дѣлились другъ съ другомъ своими достатками и проводили свои досуги въ „празднованіяхъ" и разговорахъ объ „искупителѣ". Долго ли продолжалось у нихъ такое настроеніе —неизвѣстно.

IX.

Теперь остается разсказать о судьбѣ главныхъ руководителей „избранія"—Ефима Семенова Купріанова и Ѳедосѣя Артемьева Волошина.

Волошинъ искренно и беззавѣтно предался дѣлу „избранія" и безповоротно увѣровалъ въ Лисина. Что касается Купріанова, то онъ тоже увѣровалъ въ Лисина, такъ какъ не считалъ возможнымъ не вѣрить столькимъ „пророчествамъ". Къ тому же примѣръ другихъ увлекъ и его. Но дѣлу „избранія" онъ служилъ только для видимости, такъ какъ отказаться отъ нажитого состоянія онъ не могъ. Такимъ образомъ, ему удалось протянуть время до окончательнаго отъѣзда Лисина въ Россію и не потерять своего вліятельнаго положенія въ средѣ избранныхъ.

Выше было упомянуто, что Ковалевъ не только добровольно поѣхалъ съ Лисинымъ, но и самъ „пропѣлъ" о томъ въ „словѣ". И не одинъ Ковалевъ, какъ мы видѣли, добровольно отправился въ Россію, ради мнимой миссіи Лисина. Пошли туда проповѣдовать о явленіи Лисина многіе избранные. Купріановъ же, не

смотря на свое первенствующее послѣ Ковалева положеніе въ „избраніи", ни разу не рискнулъ отправиться въ Россію. Онъ и теперь остался выжидать въ Галацѣ результатовъ поѣздки Лисина. Еслибы она окончилась успѣшно, онъ и безъ того воспользовался бы ея плодами. Въ случаѣ же неудачи, онъ не подвергался никакому риску. Когда же, въ концѣ января 1873 года, галацкіе „избранные" получили изъ Петербурга отъ своихъ извѣстіе о задержаніи Лисина въ Бирючѣ, то Купріановъ тотчасъ отрекся отъ него и этимъ повліялъ и на нѣкоторыхъ другихъ избранныхъ, которые тоже отпали отъ Лисина. Но въ числѣ этихъ отпадшихъ не былъ Василій Ивановичъ: хотя онъ и отказался ѣхать съ Лисинымъ въ Россію, но не отрекся отъ него и послѣ того, какъ неудача мнимой „миссіи" Лисина стала уже совершившимся фактомъ. Что касается Купріанова, то впослѣдствіи онъ сталъ отрицать даже участіе свое въ дѣлѣ „избранія". Умеръ онъ въ Галацѣ, въ концѣ 1873 года, не раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ и не обратившись къ православной церкви.

Иная судьба постигла его стараго товарища, Волошина. Пріѣхавъ, въ концѣ лѣта 1873 г., въ Курскъ, я сталъ собирать свѣденія о „посланничкахъ" Лисина и узналъ, что здѣсь задержанъ и уже долго содержится въ тюрьмѣ неизвѣстный человѣкъ, назвавшійся турецкимъ подданнымъ, Ѳедосѣемъ Артемьевымъ, пріѣхавшимъ въ Россію для какихъ-то покупокъ. Слово „покупки" [1]) объяснило мнѣ, что̀ это за личность. Когда его доставили въ мою квартиру, я увидалъ довольно благообразнаго старика, средняго роста. Короткіе сѣдые волосы его были острижены въ кружокъ съ проборомъ по серединѣ. Маленькая, раздвоенная сѣдая борода и жиденькіе бакенбарды обрамляли серьезное, съ строго сосредоточеннымъ выраженіемъ, лицо. Одѣтъ онъ былъ въ длинную темносѣрую суконную чемерку, застегнутую на крючки до шеи, повязанной бѣлымъ платкомъ, и такія же брюки. На ногахъ были городскіе сапоги. Онъ поклонился почтительно, но безъ раболѣпства.

Выславъ конвой, я предложилъ ему сѣсть и сталъ спрашивать, кто онъ, откуда, куда ѣхалъ и т. д.

— Я Ѳедосѣй Артемьевъ Волошинъ,—отвѣчалъ арестантъ,—уроженецъ д. Фурманки въ Молдавіи, что до 1859 г. была за Россіей. Вѣры я православной. Въ 1846 году, за принятіе „чи-

---

1) Словомъ „покупка" люди божіи символически называютъ какъ совращеніе въ секту новаго прозелита, такъ и склоненіе кого-либо къ принятію „чистоты", а равно и всякое дѣйствіе, совершаемое въ видахъ распространенія или укрѣпленія секты.

стоты", я былъ сосланъ въ Шемаху вмѣстѣ съ Ефимомъ Семеновичемъ Купріановымъ, нынѣ жительствующимъ въ г. Галацѣ. Черезъ четыре года, въ виду нашего хорошаго поведенія, мы были перечислены въ г. Кубу, дербентской губерніи и поступили письмоводителями—я въ кубинское уѣздное управленіе, а Купріановъ въ полицію. Въ 1860 году я выхлопоталъ себѣ двухгодичный паспортъ, для поѣздки на родину, и остался навсегда въ Молдавіи, поселившись въ молдавскомъ пограничномъ мѣстечкѣ Николаевкѣ и занявшись хлѣбопашествомъ. Послѣднія девять лѣтъ я былъ тамъ примаремъ. Въ маѣ нынѣшняго года я рѣшился возвратиться на Кавказъ и отправился, безъ письменнаго вида, въ Россію, доѣхалъ до Курска, а здѣсь былъ задержанъ на вокзалѣ какимъ-то чиновникомъ. Путь мнѣ лежалъ собственно на Харьковъ и Ростовъ, поворотилъ же я на Курскъ для того, чтобы въ г. Бирючѣ повидаться съ содержащимися тамъ молдавскими „людьми божіими", въ числѣ которыхъ находится и нашъ „искупитель" Козьма Ѳедосѣевичъ. Затѣмъ уже отъ него зависѣло бы, куда мнѣ отправиться, на Кавказъ ли, или въ какое-либо другое мѣсто: куда бы онъ приказалъ, туда бы я и отправился.

На мои вопросы относительно участія его въ „избраніи", Волошинъ, нисколько не отрицая своего въ этомъ участія и разсказавъ сущность выработаннаго кружкомъ установителей „избранія", показалъ:

„Я сказалъ, что я вѣры православной. Это значитъ, что я вѣрую какъ въ того Іисуса Христа, Сына Божія, который снисходилъ на землю 1873 года тому назадъ, такъ и въ того, который былъ въ Россіи, среди „людей божіихъ", въ лицѣ Петра Ѳеодоровича Третьяго Селиванова, сила котораго объявилась теперь въ Козьмѣ Ѳедосѣевичѣ. По человѣчеству Петръ III Ѳеодоровичъ былъ дѣйствительно Петръ III, по духу же, или по божеству и назначенію Господа Саваоѳа, въ немъ пребывала сила истиннаго Господа нашего Іисуса Христа, снисходившаго на землю 1873 года тому назадъ. Такая вѣра моя основывается на томъ же священномъ писаніи, которое принято и въ православной церкви. Особыхъ молитвъ мы не имѣемъ, а согласно священному писанію молимся отъ ума своего, т.-е. какія слова приходятъ на мысль, такими мы и молимъ Господа даже и со слезами. Кромѣ того, по примѣру царя Давида, имѣемъ радѣнія".

На мой вопросъ, что̀ онъ думаетъ объ „искупительствѣ" Лисина, Волошинъ объяснилъ:

„Первое снисшествіе на землю Господа нашего Іисуса Христа

Сына Божія имѣло своею цѣлью искупленіе рода человѣческаго отъ первороднаго грѣха, посредствомъ преподаннаго имъ ученія объ усовершенствованіи душъ и возвращеніи ихъ чрезъ то въ первоначальное свое ангельское состояніе. Дѣломъ этимъ, до вознесенія своего на небо, руководилъ самъ Сынъ Божій. И второе пришествіе его, въ лицѣ Петра Θеодоровича Третьяго, имѣло ту же цѣль, такъ какъ съ теченіемъ времени ученіе это людьми было забыто. Поэтому и Петръ III Θеодоровичъ, обыкновенно называемый въ историческихъ книгахъ Селивановымъ, былъ тотъ же искупитель.

„Но такъ какъ послѣ его смерти „по плоти" ученіе это опять заглохло, и потому явилась необходимость, чтобы Сынъ Божій опять лично возобновилъ и разъяснилъ его, то Господь Саваоѳъ снова ниспослалъ ту же самую силу сына божія Петра Θеодоровича Третьяго въ усовершенствованную душу нынѣшняго „искупителя" Козьмы Θедосѣевича. Великое событіе это произошло 2-го іюня 1872 г. близъ г. Галаца, на горѣ Сіонѣ. Поэтому Козьма Θедосѣевичъ „по духу", т. е. по божеству, есть тотъ же самый искупитель Петръ Θеодоровичъ Третій. И я думаю, что этотъ порядокъ снисшествія на землю Сына Божія, черезъ усовершенствованныя человѣческія души, для возобновленія и разъясненія помянутаго ученія, будетъ продолжаться до скончанія міра. Когда это ученіе, возобновленное и разъясненное теперь Козьмою Θедосѣевичемъ, опять заглохнетъ, то та же сила искупителя Петра III Θеодоровича снизойдетъ въ другую усовершенствованную душу—и такъ далѣе до самаго страшнаго суда".

Волошинъ былъ отправленъ въ г. Бердянскъ и помѣщенъ въ тамошнюю тюрьму, гдѣ содержался и Лисинъ съ товарищами. Здѣсь-то и обнаружилась тайная цѣль поѣздки Волошина въ Россію. Слѣдя съ живѣйшимъ участіемъ за ходомъ дѣлъ въ Бирючѣ и успѣвъ, черезъ своихъ единомышленниковъ (въ бирючинскомъ уѣздѣ были люди божіи, бывавшіе у него въ Николаевкѣ), получить свѣденіе, что Лисинъ и его товарищи начали падать духомъ, онъ рѣшился лично поддержать ихъ. Поэтому, пренебрегши своимъ общественнымъ положеніемъ, бросивъ домъ и имѣніе на произволъ судьбы и рискуя быть сосланнымъ въ Сибирь, какъ бѣглый изъ ссылки, или бродяга, этотъ неизлечимый мономанъ поспѣшилъ, въ концѣ мая 1873 г., въ Россію. Онъ надѣялся пробраться въ Бирючъ и тамъ—въ положеніи ли арестанта, или свободнаго человѣка—своими убѣжденіями и примѣромъ поддержать, въ своемъ „искупителѣ" и его товарищахъ, падающую энергію, вдохнуть въ нихъ терпѣніе и удержать отъ раскаянія.

ъ Бердянскъ Волошинъ добился возможности при-
полненію своего плана. Тотчасъ по его прибытіи въ
Ковалевѣ, а отчасти и въ Лисинѣ замѣчена была
и стали смотрѣть смѣлѣе и самоувѣреннѣе, и въ ихъ
касавшихся ихъ изувѣрства, стала опять прогля-
ия увѣренность въ себѣ. Заподозривъ тутъ вліяніе
его перевели въ ѳеодосійскій тюремный замокъ.
пытался-было бѣжать оттуда, и ему удалось уже
стѣны тюрьмы, но выстрѣлъ часового положилъ
мному странствованію.

Н. Реутскій.

дили потомъ другіе арестанты.

ИЗЪ ВЕНГЕРСКИХЪ ПОЭТОВЪ

I.

Аистъ въ неволѣ.

(Изъ Араня.)

Плѣнный аистъ одиноко
За стѣной стоитъ высокой,
    Заключенный какъ въ тюрьму;
Улетѣлъ бы онъ за море—
Да отрѣзали, на горе,
    Крылья быстрыя ему.

Онъ въ сознаніи безсилья
Прячетъ голову подъ крылья;
    Вдаль смотрѣть хотѣлъ бы онъ—
Но напрасно! Аистъ плѣнный
Видитъ сумрачныя стѣны
    Предъ собой со всѣхъ сторонъ.

Изъ его темницы тѣсной
Виденъ, правда, сводъ небесный,
    Но туда не смотритъ онъ.
Тамъ, спѣша въ иныя страны,
Вьются птичекъ караваны,
    Онъ же плѣну обреченъ...

Ожидаетъ онъ съ тоскою,
Чтобъ скорѣе за спиною

нова крылья отросли,
,а изъ злой неволи
рство свѣта, въ царство воли
летитъ онъ отъ земли...

осенью холодной,
далекій путь свободно
нова аисты летятъ,
онъ, какъ рабъ несмѣлый,
ъ здѣсь, осиротѣлый,
орькой думою объятъ.

ь крикомъ оглашая,
іей несется стая,
, знакомый слыша звукъ,
внемлетъ онъ съ кручиной
съ стаи журавлиной,
тлетающей на югъ.

сдѣлать онъ усилье
ѣзанныя крылья
щетно пробуетъ опять—
ы, на вольной волѣ,
другихъ, не въ силахъ болѣ
въ по прежнему летать!

і аистъ! Узникъ бѣдный!
ѣ съ силою побѣдной
рыльевъ ты не развернешь!
выросли и снова
і эти—то сурово
хъ опять обрѣжетъ ножъ!

II.

На чужбинѣ.

(Изъ Петёфи.)

При Дунаѣ бѣдная хата есть одна...
О, какъ мнѣ изгнаннику дорогá она!
Часто вспоминаю я съ нѣжностью о ней,
И слезой туманится взоръ моихъ очей...

Лучше бы съ отчизною не прощался я!
Но влекутъ желанья насъ въ дальніе края.
Ими окрыляемый, порѣшивъ искать
Счастія, оставилъ я родину и мать.

Какъ она терзалася горемъ и тоской
Въ часъ, когда прощалася, бѣдная, со мной!
И страданья жгучаго угасить не могъ
Хлынувшій изъ глазъ ея горькихъ слезъ потокъ.

Какъ меня съ рыданіемъ обнимала мать,
Какъ меня пыталася тщетно удержать!
Боже! еслибъ въ будущемъ ясно видѣлъ я—
Не были бъ напрасными всѣ мольбы ея...

Но горитъ надежда намъ яркою звѣздой,
Будущее кажется чудною страной;
Только заблудившися на пути своемъ,
Мы ошибку горькую поздно узнаёмъ...

Чтò же мнѣ разсказывать, какъ ласкалъ меня
Лучъ надежды радостной, за собой маня?
Но съ тѣхъ поръ, какъ въ мірѣ я осужденъ брести,
Я одни лишь терніи встрѣтилъ на пути.

Вотъ идутъ знакомые въ край далекій мой...
Вѣсть какую матери я пошлю домой?
О, когда придется вамъ повидаться съ ней—
Я прошу, родимые, передайте ей,

Чтобъ она не плакала ночи напролетъ,
Что любимый сынъ ея счáстливо живетъ...
Еслибъ знала, бѣдная, какъ страдаю я—
Сердце разорвалось бы съ горя у нея!

О. М—ва.

МЕТОДЪ ТЭНА

въ

...ТУРНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКѢ.

...терная особенность литературной критики Тэна—такъ
... имъ теорія „господствующей способности“ — извѣстна
...лько-нибудь знакомымъ съ его произведеніями. Тэнъ
...скиваетъ въ изучаемомъ имъ писателѣ его *основное*
... или способность, *преобладающую* надъ остальными, и
...тарается объяснить общій характеръ писателя, достоин-
...достатки его произведеній.

...ду этого, при изученіи научнаго метода Тэна, прежде
... собою возникаетъ вопросъ: примѣнима ли упомянутая
... самому автору ея? можно ли указать въ самомъ Тэнѣ
...ю черту, господствующую надо всѣми остальными и
... ключомъ къ его произведеніямъ?

... такую основную и объединяющую черту было бы тѣмъ
...то научная и литературная дѣятельность Тэна замѣ-
...разнообразна: не много можно указать въ нашемъ
...елей, которые проявили такое самостоятельное творче-
...кую оригинальность мысли въ самыхъ различныхъ об-
...ловѣческаго духа, какъ Тэнъ. Въ литературной критикѣ
...кѣ философскихъ системъ, въ исторіи литературы и
... искусства, въ физіологіи и психологіи, въ описаніи
...й и, наконецъ, въ изображеніи крупнѣйшаго историче-
...цесса современной Европы — въ исторіи французской
... — вездѣ мы встрѣчаемъ плоды дѣятельности Тэна и
... мысли.

Несмотря, однако, на все разнообразіе этой дѣятельности, можно отвѣтить утвердительно на вышепоставленный вопросъ: можно подмѣтить и у Тэна господствующее свойство, которое отразилось на всѣхъ самыхъ разнообразныхъ произведеніяхъ этого писателя. Благодаря этому свойству, всѣ изслѣдованія Тэна по литературѣ, по искусству, по психологіи и политической исторіи представляютъ собою одно органическое цѣлое, въ которомъ бьется одинъ общій пульсъ, бьется однообразными, постоянно повторяющимися и легко распознаваемыми ударами, обусловливающими жизнь цѣлаго. Это свойство есть „научный духъ“—l'esprit scientifique—въ томъ особомъ смыслѣ, въ какомъ Тэнъ его понимаетъ,—тотъ духъ, который если привести его къ простѣйшей его формулѣ, видитъ во всякомъ явленіи, къ какой бы области оно ни принадлежало—лишь *научный фактъ* и подыскиваетъ къ этому факту *законъ*, т.-е. вызвавшую его причину. Какъ эта формула ни кратка и, повидимому, ни проста, въ ней находится зародышъ цѣлаго міровоззрѣнія, въ ней заключаются элементы для новаго метода изслѣдованій въ области художества и литературъ, въ сферѣ психологіи и исторіи. Такъ какъ эта элементарная формула выражаетъ собою основное направленіе нашего автора, то не мудрено, что мы встрѣчаемъ ее уже въ самомъ раннемъ произведеніи Тэна,—встрѣчаемъ ее, правда, еще не совсѣмъ точно выраженною, но уже съ яснымъ сознаніемъ той задачи, которой молодой ученый считалъ себя призваннымъ служить. „Великое призваніе (la grande affaire) человѣческаго духа, какою дорогою онъ бы ни шелъ,—говоритъ Тэнъ въ своей книги о Лафонтэнѣ—это повсюду изученіе законовъ и причинъ; онъ не можетъ удовольствоваться, пока не распозналъ въ массѣ разбросанныхъ событій постоянныя и творческія силы, которыя производятъ и возобновляютъ измѣнчивую пестроту явленій, со всѣхъ сторонъ на него наступающихъ. Онъ хочетъ уловить въ своей мысли тѣ двѣ-три вѣчныя страсти, которыя руководятъ человѣкомъ, тѣ господствующія свойства, которыя составляютъ духъ его расы, тѣ немногочисленныя главныя обстоятельства, которыя видоизмѣнили современное ему общество и его вѣкъ“.

Болѣе точно и рѣшительно формулировалъ Тэнъ эту мысль много лѣтъ спустя въ своей „Философіи искусства“: современный методъ (la méthode moderne), которому я стараюсь слѣдовать и который начинаетъ устанавливаться во всѣхъ наукахъ, имѣющихъ предметомъ духъ человѣка (les sciences morales), заключается въ

---

[1]) Lafontaine. 4 éd., p. 159.

томъ, чтобы разсматривать человѣческія творенія и въ особенности произведенія искусства какъ факты и продукты, которыхъ свойства надлежитъ указать, и причины которыхъ слѣдуетъ отыскать. И все дѣло только въ этомъ [1]). И чтобы не было недоразумѣнія насчетъ смысла этихъ словъ, чтобы у читателей не осталось никакихъ сомнѣній насчетъ возможности свести къ причинѣ, т.-е. подчинить закону самыя неуловимыя, самыя произвольныя и *нераціональныя* явленія, Тэнъ говоритъ: „среди человѣческихъ твореній, художественное произведеніе кажется самымъ случайнымъ; невольно поддаешься мысли, что оно зарождается наугадъ, безъ правилъ и основанія, что оно предоставлено на жертву случаю, неожиданности, произволу; дѣйствительно, когда художникъ творитъ, онъ слѣдуетъ своей чисто личной фантазіи; когда публика одобряетъ, она руководится своимъ вкусомъ, а этотъ вкусъ преходящій; выдумки художника и симпатіи публики—все это произвольно, свободно и повидимому столь же капризно, какъ налетѣвшій вѣтеръ. А между тѣмъ, какъ и налетѣвшій на насъ вѣтеръ, все это происходитъ при опредѣленныхъ условіяхъ и по установленнымъ законамъ“ [2]).

Но не только художественныя произведенія, а самые *идеалы* художника и поэта—простые факты, которые имѣютъ свои причины и потому подлежатъ тому же научному методу изслѣдованія. Вопросъ объ идеалѣ,—говоритъ Тэнъ,—повидимому можетъ быть только предметомъ поэзіи. „Когда зайдетъ рѣчь объ идеалѣ, то о немъ можетъ говорить лишь сердце; передъ мыслью носится какой-то прекрасный, неопредѣленный сонъ, въ которомъ выражается сокровенное чувство; его имя произносится шопотомъ, въ какой-то продолжительной экзальтаціи; а когда объ идеалѣ разсуждаютъ вслухъ, то это происходитъ въ стихахъ или въ формѣ кантаты; его касаются только кончикомъ пальцевъ или съ сложенными (какъ въ молитвѣ) руками, какъ еслибы дѣло шло о блаженствѣ, о небѣ и о любви. Что касается до насъ, то мы, по нашей привычкѣ, будемъ изучать его въ качествѣ натуралистовъ, методично, посредствомъ анализа, и будемъ стараться достигнуть въ результатѣ не поэтической *оды*, а научнаго закона“ [3]).

Однако Тэнъ и этимъ не довольствуется. Онъ самымъ рѣзкимъ образомъ ставитъ вопросъ о новомъ методѣ; онъ требуетъ для него доступа не только въ самую сокровенную область человѣ-

---

[1]) Philos. de l'art, I, p. 14.

[2]) Предисловіе къ философіи искусства.

[3]) Предисловіе къ сочиненію: „Объ идеалѣ въ искусствѣ“, которое потомъ вошло въ „Философію искусства“.

ческаго сердца—въ міръ поэтическихъ идеаловъ, но вводитъ его въ сферу воли и практической дѣятельности, въ область *нравственныхъ* принциповъ, отъ которыхъ зависитъ благородство и достоинство человѣка. Чтобы подчеркнуть свою мысль, Тэнъ выразилъ ее въ самой парадоксальной формѣ; онъ не побоялся упрека въ нравственномъ индифферентизмѣ и облекъ свой научный принципъ въ области этики въ извѣстную фразу, которая такъ легко поддается превратному истолкованію: „физическіе ли предъ нами факты,—говоритъ Тэнъ,—или нравственные, все равно, они всегда имѣютъ свои причины. Есть своя причина для честолюбія, для храбрости и для правдивости, какъ и для пищеваренія, для мускульнаго движенія и для животной теплоты. Порокъ и добродѣтель представляютъ собою продукты или результаты, какъ и купоросъ и сахаръ“ [1]).

Итакъ, неотступное стремленіе отыскивать причины и *законы* духовныхъ явленій составляетъ сущность ученой дѣятельности Тэна. Но этимъ еще не вполнѣ опредѣляется направленіе этого писателя. На немъ оправдывается еще одно изъ выставленныхъ имъ научныхъ положеній—у него не только есть *основное* свойство, но это свойство отражаетъ на себѣ господствующую черту или одну изъ господствующихъ чертъ нашего вѣка. Тэнъ любитъ объяснять духъ и направленіе писателя вліяніемъ на него *среды* или, какъ прежде говорилось, *духа* времени. Въ какой же зависимости находится *основное* свойство Тэна отъ современной ему среды?

Несомнѣнно, что одна изъ характерныхъ особенностей нашего вѣка заключается въ необыкновенномъ развитіи и успѣхѣ естественныхъ наукъ. Ихъ вліяніе ощущается во всѣхъ сферахъ практической и культурной жизни, и оно не могло не отразиться на способѣ изученія духовныхъ явленій. Особенно сильно это вліяніе замѣтно на Тэнѣ. Представленіе о законѣ, который является исходной точкою для Тэна при объясненіи имъ духовныхъ явленій, перенесено имъ сюда изъ области естественныхъ наукъ. У нихъ заимствованъ методъ, который Тэнъ прилагаетъ къ наукамъ духовнымъ, и, наконецъ, отношеніемъ къ естественнымъ наукамъ опредѣляется и самая цѣль, которую Тэнъ имѣетъ въ виду при изученіи духовнаго міра—содѣйствовать „тому общему движенію, которое нынѣ сближаетъ науки духа съ науками естественными“.

Естественныя науки составляютъ, можно сказать, для Тэна операціонный базисъ при его научномъ изслѣдованіи духовныхъ

---

[1]) Въ введеніи къ „Исторіи англійской литературы“, стр. 15.

Изучая эти явленія, онъ вездѣ видитъ аналогію между явленіями физическими.
я,—говоритъ, напр., Тэнъ,—подобна сѣмени; если сѣмя, стить ростокъ, чтобы развиться и расцвѣсти, нуждается іи, доставляемомъ водою, воздухомъ, солнцемъ и почвою, чтобы достигнуть зрѣлости и найти себѣ полное выраже нуждается въ дополненіи и расширеніи, которыя доь ей умы современниковъ". Тэнъ не ограничивается ѣшнею аналогіей между произведеніями природы и явлеловѣческаго духа. Онъ признаетъ непосредственную связь ими двумя областями, и потому считаетъ необходимымъ юсти литературы и искусства „предпринимать частыя въ естественныя науки". „Родство,—говоритъ онъ,—свяскусство съ наукою, доставляетъ честь обѣимъ сторонамъ; можетъ гордиться тѣмъ, что служитъ главною опорою венной красоты; искусство гордится тѣмъ, что можетъ гъ самыя высокія сочетанія свои на истинѣ" [1]). Итакъ, природы есть для Тэна по преимуществу царство *истины*, науки человѣческаго духа, если хотятъ придти къ истинѣ, исходить по возможности отъ наукъ, изучающихъ природу. выводъ, что науки человѣческаго духа должны усвоить одъ, установленный въ естественныхъ наукахъ: анализъ *опытъ*. Замѣтивши, что картинная галерея представбою такой же складъ фактовъ, какъ гербарій или зоолоузей, Тэнъ говоритъ: „Анализъ можетъ быть приложенъ о какъ къ однимъ, такъ и къ другимъ; можно изыскивать, е художественное произведеніе вообще, подобно тому ыскивается, что такое растеніе или животное вообще. *мъ случаѣ, не болѣе какъ и во второмъ*, представляется бо необходимость выходить изъ предѣловъ опыта". Форъ это коренное положеніе своего метода, которое мы ули, Тэнъ заключаетъ: „и все изслѣдованіе состоитъ томъ, чтобы открыть, посредствомъ частыхъ сравненій енныхъ устраненій всего посторонняго (éliminations), обі, принадлежащія всѣмъ художественнымъ произведеніямъ, же время тѣ отличительныя черты, посредствомъ котооизведенія художества выдѣляются изъ числа другихъ человѣческаго духа".

ой выводъ заключается въ томъ, что наблюдатель долюситься совершенно одинаково къ явленіямъ природы и

———

[1]) . de l'art, II, 275.

къ произведеніямъ человѣческаго духа. Субъективное настроеніе зрителя должно быть то же самое въ обоихъ случаяхъ, ибо въ томъ, какъ и въ другомъ, случаѣ онъ только наблюдатель. Новый методъ,—говоритъ Тэнъ,—„поступаетъ подобно ботанику, изучающему съ одинаковымъ интересомъ то апельсиновое дерево или лавръ, то сосну и березу"; новый методъ изученія духовныхъ произведеній самъ не что иное какъ своего рода ботаника, приложенная не къ растеніямъ, а къ твореніямъ человѣка".

Такой же объективизмъ долженъ, по утвержденію Тэна, господствовать и при изученіи нравственныхъ явленій, при научномъ анализѣ прекраснаго и отвратительнаго, добра и зла въ человѣческой жизни и людскихъ поступкахъ. Съ личной точки зрѣнія, всякому предоставляется свобода предпочитать то и другое, но наука должна относиться къ нимъ безразлично, ибо въ ея глазахъ и то, и другое—не что иное какъ факты, т.-е. явленія, обусловленныя закономъ причинности, и весь интересъ науки заключается именно въ томъ, чтобы прослѣдить и установить эту связь между причиною и слѣдствіемъ. Чрезвычайно полно и характерно выраженъ взглядъ Тэна на этотъ предметъ въ его статьѣ о Бальзакѣ. По мнѣнію Тэна, Бальзакъ первый сознательно отнесся къ человѣческимъ поступкамъ и характерамъ какъ *натуралистъ*. Въ этомъ Тэнъ видитъ великую заслугу французскаго романиста, за это онъ даритъ его своей полной симпатіей и ставитъ его, по геніальному пониманію и изображенію человѣческой природы, почти наравнѣ съ Шекспиромъ. Говоря о Бальзакѣ, Тэнъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ примѣненіе натуралистическаго метода къ изученію нравственной жизни человѣка:

„Въ глазахъ естествоиспытателя, человѣкъ не есть самостоятельный разумъ, возвышенный, здоровый самъ по себѣ, способный однимъ усиліемъ достигнуть истины и добра,—но простая сила, одного порядка съ другими силами, получающая отъ обстоятельствъ свое направленіе, степень своего напряженія. Натуралистъ любитъ эту силу за нее самое; поэтому онъ любитъ ее на всѣхъ ея степеняхъ, во всѣхъ ея проявленіяхъ, лишь бы видѣть ее въ дѣйствіи—и онъ доволенъ. Онъ съ одинаковымъ удовольствіемъ анатомируетъ моллюска, какъ и слона; онъ такъ же охотно подвергнетъ анализу привратника, какъ и министра. Для него не существуетъ грязи; онъ видитъ предъ собою только силы и имѣетъ дѣло съ ними, въ этомъ его радость, иной нѣтъ у него; онъ не говоритъ: „какое прекрасное зрѣлище!" но, „какой прекрасный предметъ изслѣдованія!" А прекрасные предметы—это любопытныя существа, важныя для науки, способныя выставить на видъ какой-нибудь значитель-

ный типъ, какую-нибудь странную уродливость, могущія раскрыть обширные и новые законы. Онъ мало обращаетъ вниманія на опрятность, на изящество; въ его глазахъ жаба стòитъ бабочки; летучая мышь интересуетъ его больше, чѣмъ соловей. Если вы брезгливы, не раскрывайте его книги; онъ опишетъ вамъ вещи такъ, какъ онѣ существуютъ въ природѣ, т.-е. некрасивыми; онъ опишетъ ихъ безцеремонно, ничего не сглаживая и не украшая; если же онъ украшаетъ, то страннымъ образомъ; любя естественныя силы и любя только ихъ, — онъ дастъ вамъ зрѣлище уродливостей и болѣзней и тѣхъ грандіозныхъ чудовищъ, которыя ими порождаются, когда ихъ преувеличиваешь". Сочувствіе Тэна къ методу *натуралистовъ* проявляется еще рѣзче въ другомъ мѣстѣ его характеристики Бальзака, гдѣ идетъ рѣчь уже не объ одинаковомъ интересѣ писателя-натуралиста къ явленіямъ изящнымъ и отталкивающимъ въ эстетическомъ отношеніи, но объ одинаковомъ интересѣ его къ явленіямъ нравственнымъ и безнравственнымъ. „Для натуралиста,—говоритъ Тэнъ,—добродѣтель—продуктъ, какъ и вино или уксусъ, продуктъ, правда, отличный, котораго нужно имѣть у себя въ изобиліи, но фабрикуемый подобно всѣмъ другимъ, посредствомъ цѣлаго ряда извѣстныхъ операцій, представляющихъ измѣряемый и опредѣленный результатъ" [1]).

Вліяніе естественно-научнаго направленія идетъ еще далѣе у Тэна. Оно не только обусловливаетъ собою его методъ изслѣдованія и опредѣляетъ отношенія изслѣдователя къ своему предмету, но отражается и на самой формѣ, т.-е. на языкѣ Тэна. Тѣ смѣлыя реалистическія и поражающія воображеніе метафоры, которыя можно встрѣтить чуть не на каждой страницѣ его сочиненій, представляютъ собою, такъ сказать, цвѣты, которые естественно и изобильно произрастаютъ на почвѣ его общаго направленія. Воображеніе Тэна, его способность живописать въ словѣ и потребность яркихъ и сочныхъ красокъ для его картинъ находятся въ гармоніи съ этимъ направленіемъ и питаются имъ. Мысль Тэна не можетъ успокоиться, пока онъ не выразилъ ее въ метафорѣ, которая неожиданно переноситъ читателя изъ области идей или историческихъ фактовъ на почву обыденной жизни и процессовъ физической природы. Пояснимъ это примѣромъ. Въ философіи искусства, переходя отъ античнаго міра къ средневѣковому, Тэнъ говоритъ о распаденіи римской имперіи и появленіи на ея почвѣ новыхъ народовъ. Энергично и наглядно

---

[1]) Nouv. Essais, p. 106.

описываетъ онъ переселеніе этихъ народовъ и торжество „варваровъ“. „Волна ихъ разлилась, прорвавши плотины, а за первой волной явилась другая, затѣмъ еще одна, и такъ это продолжалось въ теченіе пяти-сотъ лѣтъ. Зло, которое они причинили, не поддается изображенію: цѣлые народы были истреблены, памятники искусства разрушены, нивы опустошены, города сожжены, промышленность, художества и науки были подавлены, опозорены, забыты, повсюду распространились страхъ, невѣжество и грубость; то было появленіе дикарей, похожихъ на гуронъ или ирокезовъ, вдругъ ставшихъ лагеремъ среди міра цивилизованнаго и мыслящаго, подобно нашему“.

Для цѣлей историческаго разъясненія дѣла все, кажется, сдѣлано. Но для Тэна этого недостаточно. Сравненіе готовъ и лангобардовъ съ краснокожими и совершенно дикими гуронами и ирокезами въ его глазахъ еще не довольно наглядно представляетъ читателю послѣдствія переселенія народовъ. И вотъ онъ продолжаетъ: „Вообразите себѣ стадо быковъ, выпущенныхъ на волю среди убранства и драпировки какого-нибудь дворца; за этимъ стадомъ—другое стадо, причемъ обломки, оставшіеся послѣ перваго, погибаютъ подъ копытами второго, и каждое стадо этихъ животныхъ, едва расположившись въ безпорядкѣ, принуждено подняться, чтобы принять на рога ревущее и голодное стадо другихъ пришельцевъ. Наконецъ, уже въ X вѣкѣ послѣднее стадо нашло себѣ логовище, устроилось въ своемъ хлѣвѣ“ [1]). Такія метафоры являются у Тэна не простою игрою воображенія, а находятъ свой корень въ аналогіяхъ, которыя Тэнъ постоянно и систематически проводилъ, сопоставляя физическіе явленія и процессы съ явленіями нравственнаго и духовнаго міра.

При такомъ отношеніи къ естественнымъ наукамъ понятно, что Тэнъ былъ особенно склоненъ подпасть подъ вліяніе того великаго труда въ области естественныхъ наукъ, который не только произвелъ переворотъ въ воззрѣніяхъ на дѣятельность природы, но, вѣроятно, оставитъ послѣ себя не менѣе глубокіе слѣды въ области наукъ историческихъ. Сочиненіе Дарвина: „О происхожденіи видовъ“, вышло въ самомъ началѣ ученой дѣятельности Тэна и тотчасъ отразилось на ней. Особенный интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи первое сочиненіе Тэна, его книга о Лафонтэнѣ, вышедшая въ 1853 году. Тэнъ потомъ совершенно переработалъ это сочиненіе, написавъ его вновь, какъ онъ самъ выражается, и въ этой новой обработкѣ, начиная съ

---

[1]) Trouvé sa litière et fait sa bauge. „Phil. de l'arta“, I, 88.

третьяго изданія (1861) встрѣчаются страницы, очевидно внушенныя Дарвиномъ.

Тэнъ нашелъ въ дарвинизмѣ научную опору для своего основного воззрѣнія, что духовный міръ, подобно физическому, представляетъ собою *механизмъ*, и жизнь его слагается изъ механическихъ процессовъ, повинующихся строгому закону причинности. Въ исторіи англійской литературы Тэна есть интересная страница, освѣщающая его взглядъ на идею Дарвина, и ту услугу которую оказываетъ дарвинизмъ въ примѣненіи понятія о механическомъ процессѣ къ духовному міру. Окончивъ характеристику эпохи ренессанса, эпохи, богатой поэтическимъ вдохновеніемъ и творческой силою генія, и переходя къ описанію слѣдующаго за тѣмъ вѣка, Тэнъ говоритъ [1]): „Все упрощается и, такъ сказать, высыхаетъ. Міръ, какъ и все остальное, сводится къ двумъ-тремъ понятіямъ, и представленіе о природѣ, которое было *поэтично*, становится *механическимъ*. Вмѣсто душъ, живыхъ силъ, стремленій и антипатій, въ ней усматриваются лишь рычаги, шестерни и толчки. Свѣтъ, казавшійся сборищемъ дѣйствовавшихъ инстинктивно силъ, представляется простою машиной, состоящей изъ каменныхъ сцѣпленій. Въ основаніи этого смѣлаго предположенія лежитъ великая и достовѣрная истина, а именно, что въ дѣйствительности существуетъ лѣстница фактовъ, изъ которыхъ одни, на вершинѣ мірозданія, весьма сложны, другіе, внизу, весьма просты. Тѣ которые находятся на верху, имѣютъ свою причину въ низшихъ, такъ что нижніе ряды объясняютъ собою верхніе".

Итакъ, дарвинизмъ представляетъ собою переходное, связующее звено отъ чисто-механическаго міровоззрѣнія къ тому, которое видитъ въ мірѣ одинъ великій процессъ развитія, въ низшихъ явленіяхъ—зародышъ (les rudiments) высшихъ, а въ явленіяхъ духовной жизни—конечные результаты и плоды процессовъ физическихъ.

Но Тэнъ, кромѣ того, нашелъ въ дарвинизмѣ опору на почвѣ естественныхъ наукъ для индивидуальной теоріи, съ которою онъ выступилъ въ критикѣ литературныхъ и художественныхъ произведеній. Въ механическихъ процессахъ, которыми Дарвинъ объяснялъ происхожденіе видовъ, Тэнъ могъ почерпнуть наглядное изображеніе и научное подтвержденіе тѣхъ способовъ, съ помощью которыхъ онъ старался объяснить появленіе въ данное время и при данныхъ условіяхъ извѣстныхъ литературныхъ и

---

[1]) Hist. d. l. litt. I, p. 402.

художественныхъ произведеній. На почвѣ идей Дарвина окрѣпла и получила свое надлежащее научное освѣщеніе теорія Тэна о *средѣ*, т.-е. о вліяніи эпохи и духа времени на направленіе таланта поэтовъ и художниковъ. Не мудрено поэтому, что Тэнъ такъ часто прибѣгаетъ къ аргументаціи и образамъ, заимствованнымъ у знаменитаго англійскаго естествоиспытателя.

Мы встрѣчаемъ въ аргументаціи Тэна оба принципа, вытекающіе изъ дарвинизма и представляющіе собственно двѣ стороны одного и того же принципа въ разныхъ его примѣненіяхъ— къ субъекту и къ средѣ: такъ-называемый естественный *подборъ*, производимый средой, и *приноровленіе* субъекта къ средѣ. Вліяніе времени и среды на литературу и искусство происходитъ, по Тэну, совершенно такъ же, какъ въ области природы. Чтобы пояснить появленіе въ данное время извѣстнаго художественнаго произведенія, Тэнъ прямо прибѣгаетъ къ сравненію съ процессомъ въ жизни растеній. „Возьмемъ,—говоритъ онъ,—растеніе, и посмотримъ, при какихъ обстоятельствахъ это растеніе, или извѣстный видъ растеній, напр. апельсиновое дерево, могло бы развиваться и размножиться на извѣстной почвѣ. Предположимъ, что всякаго рода зерна и сѣмена занесены туда вѣтромъ и случайно на ней разбросаны; при какихъ же условіяхъ сѣмена апельсина будутъ въ состояніи дать ростокъ, вырости въ дерево, цвѣсти, давать плоды и новые ростки и покрыть почву цѣлой рощей деревъ?“

Разсмотрѣвши подробно всѣ благопріятныя для этого условія почвы, климата, топографическаго положенія и пр., а съ другой стороны условія, болѣе благопріятныя для другихъ древесныхъ породъ, Тэнъ заключаетъ: „Можно поэтому представить себѣ дѣло такъ, какъ будто температура и физическія обстоятельства *дѣлаютъ выборъ* между различными породами деревьевъ и дозволяютъ существовать и размножаться только одной извѣстной породѣ, съ болѣе или менѣе полнымъ исключеніемъ всѣхъ другихъ. Физическая температура дѣйствуетъ посредствомъ устраненія, уничтоженія и *естественнаго подбора*. Таковъ великій законъ, которымъ нынѣ объясняется происхожденіе и организація различныхъ формъ жизни, и онъ прилагается къ духовному міру, какъ и къ физическому, къ исторіи такъ же, какъ и къ ботаникѣ и зоологіи, къ талантамъ и характерамъ, какъ къ растеніямъ и животнымъ“.

„И въ самомъ дѣлѣ, существуетъ *нравственная* температура, которая создается общимъ состояніемъ нравовъ и умовъ, и которая дѣйствуетъ тѣмъ же способомъ, какъ и физическая. Въ сущности говоря, она не производитъ художниковъ; геніи и таланты

даны природою, какъ и сѣмена; я хочу сказать, что въ одной и той же странѣ, въ двѣ различныя эпохи, вѣроятно можно найти то же самое число людей съ талантомъ и людей посредственныхъ. Вѣдь извѣстно изъ статистики, что въ двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣніяхъ оказывается, приблизительно, то же количество людей, по своему росту годныхъ для набора въ солдаты, или слишкомъ малорослыхъ для военной службы. По всѣмъ вѣроятіямъ положеніе дѣла одинаково для физическихъ тѣлъ, какъ и для умовъ, и природа, великая сѣятельница людей, черпая рукою все изъ одного и того же мѣшка, разбрасываетъ сѣмена приблизительно въ томъ же количествѣ, того же качества и въ той же пропорціи по пашнямъ, которыя она правильно и поочередно засѣваетъ. Но въ этихъ пригоршняхъ сѣмянъ, которыя природа разбрасываетъ вокругъ себя въ пространствѣ и во времени, не всѣ произрастаютъ. Необходима извѣстная нравственная температура для того, чтобы извѣстные таланты могли развиваться; если ея нѣтъ, они не даютъ ростка. Отсюда слѣдуетъ, что съ перемѣною температуры измѣнится и разновидность талантовъ; а если температура измѣнится до противоположности, то и разновидность талантовъ будетъ противоположною, такъ что вообще можно составить себѣ такое представленіе, какъ будто духовная температура *производитъ* выборъ между различными разновидностями талантовъ, допуская развитіе только той или другой и исключая болѣе или менѣе безусловно всѣ остальныя. Въ силу такого-то механизма случается, что въ извѣстное время и въ извѣстныхъ странахъ въ *школахъ* живописи развивается то чувство идеальнаго, то чутье реальнаго, то талантъ къ рисунку, то талантъ краски. Вообще существуетъ извѣстное господствующее направленіе, и это есть направленіе вѣка; таланты, которые имѣютъ склонность рости въ другомъ направленіи, не находятъ себѣ простора; давленіе общественнаго духа и окружающихъ нравовъ тѣснитъ ихъ и заставляетъ ихъ уклоняться въ сторону и принять извѣстнаго рода развитіе“ [1]).

Въ приведенномъ мѣстѣ Тэнъ старался, съ помощью дарвинизма, выяснить, какъ окружающая среда своимъ вліяніемъ *предопредѣляетъ* возникновеніе и развитіе духовной *растительности* въ странѣ. Въ другихъ мѣстахъ Тэнъ наблюдаетъ, какъ эта духовная растительность приноравливается къ средѣ, и въ силу этого видоизмѣняется. Какъ интересный образчикъ въ этомъ отношеніи можно указать на попытку Тэна объяснить характеръ

---

¹) Phil. de l'art, I, 62.

фламандской расы изъ общихъ чертъ германской расы, видоизмѣнившихся подъ вѣковымъ вліяніемъ климата и страны. Характеризовавъ до самыхъ тонкостей психическія функціи германской расы и желая показать, какъ она индивидуализировалась во Фландріи подъ мѣстнымъ вліяніемъ, Тэнъ снова прибѣгаетъ къ методу и терминологіи дарвинизма.

„Эта раса, — говоритъ онъ, — одаренная указанными свойствами, подверглась различнымъ отпечаткамъ сообразно различію среды, въ которой ей приходилось жить. Посѣйте сѣмена того же растительнаго вида на различной почвѣ и подъ различной температурой—они станутъ приноровляться каждая къ своей почвѣ, а у васъ окажется нѣсколько разновидностей того же вида, тѣмъ болѣе различныхъ, чѣмъ сильнѣе контрасты разныхъ климатовъ. Такова исторія германской расы въ Нидерландахъ; десять вѣковъ пребыванія въ странѣ сдѣлали свое дѣло: въ концѣ среднихъ вѣковъ мы уже встрѣчаемъ въ ней, помимо врожденнаго ей характера, характеръ ею нажитой“ [1]).

Мы выше объясняли симпатію Тэна къ ученію Дарвина тѣмъ, что оно, гармонируя съ „господствующимъ свойствомъ“ его ума, повсюду вноситъ идеи строгой законности и причинности явленій, служитъ опорою для его теоретическаго взгляда на міръ какъ на *механизмъ* и для его пріема—объяснять духовныя явленія механическими процессами. Но Тэна, можно сказать, привлекло къ дарвинизму еще другое свойство его натуры — свойство въ извѣстномъ смыслѣ противоположное первому. Это обстоятельство заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на одну изъ причинъ популярности дарвинизма вообще въ современномъ обществѣ. Сочувствіе къ дарвинизму нерѣдко можно встрѣтить не только у людей, склонныхъ по характеру своего ума объяснять себѣ міровыя явленія элементарными механическими процессами, но, наоборотъ, и у людей болѣе поэтически настроенныхъ. Причина этого заключается въ томъ, что дарвинизмъ даетъ почву для пантеистической идеализаціи природы, которая часто является потребностью самыхъ глубокихъ поэтическихъ натуръ; достаточно въ этомъ отношеніи напомнить о Гёте. Дарвинизмъ—не какъ научная система, а какъ символическая идея—заманчивъ для тѣхъ, кто склоненъ созерцать внутреннее родство между природою и человѣкомъ, и вноситъ въ царство низшихъ организмовъ поэзію человѣческой жизни. Это пантеистическое чутье, которое было такъ сильно развито у древнихъ гре-

---

[1]) Philos. de l'art, I, 277.

было источникомъ ихъ антропоморфизма и ихъ богатой гіи, которое потомъ снова проснулось въ эпоху итальян- ренессанса, рѣдко у кого проявлялось въ такой поэтической какъ у Тэна. Въ своемъ изслѣдованіи о Лафонтэнѣ, Тэнъ но восхваляетъ этого писателя за его инстинктъ природы, пониманіе поэтической, можно сказать, человѣческой сто- ъ жизни животныхъ. Тэнъ ставитъ Лафонтэну въ заслугу онъ въ этомъ отношеніи превзошелъ свой вѣкъ, что во господства философіи Декарта, видѣвшаго въ животныхъ бездушныхъ автоматовъ, онъ своимъ поэтическимъ геніемъ ь глубокій интересъ, который представляетъ собою внутрен- ръ животныхъ. Наши теоріи,—восклицаетъ Тэнъ, торже- —„уже не препятствуютъ намъ теперь интересоваться жи- ми". По этому поводу Тэнъ говоритъ: „Мы поступаемъ по образцу Лафонтэна, но уже въ силу науки и опыта. еніе двухъ послѣднихъ вѣковъ, существа, которыя были цены въ XVII вѣкѣ, снова возсоединились и представляются емъ естественномъ родствѣ. Они исходятъ одно изъ дру- ысшіе изъ низшихъ, такъ что болѣе благородное извле- свою сущность и свою пищу изъ стоящаго ниже его, и что ѣстѣ они образуютъ цѣпь явленій, изъ которой нельзя ни одного звена. Животное представляетъ въ себѣ весь алъ для человѣка, ощущенія, сужденія, образы, и изъ этихъ аловъ, собранныхъ во-едино новой комбинаціей законовъ ы (par une loi nouvelle), зарождается разумъ, какъ изъ логическихъ тѣлъ, соединенныхъ вмѣстѣ новою комбинаціей въ природы, зарождается жизнь.

о пантеистическое воззрѣніе на природу, которое сдѣлало дарвинистомъ до его знакомства съ Дарвиномъ, вездѣ можно ить въ его сочиненіяхъ. Укажемъ на поэтическое описаніе ы Леонардо да-Винчи, изображающей Леду, и оканчиваю- словами: „Нигдѣ тайна прошлыхъ дней, глубокое родство ка и животнаго, темное языческое и философское чувство , вселенской жизни не выразилось съ такою изящной нностью и не обнаружилось въ вдохновеніи болѣе прони- наго и всеобъемлющаго генія". Но въ особенности проник- оэтическимъ пантеизмомъ одна изъ лучшихъ статей Тэна— фигеніи, Гёте, гдѣ онъ, становясь на почву античнаго міро- нія, говоритъ: „Les choses sont divines, voilà pourquoi il oncevoir des dieux pour exprimer les choses".

II.

Познакомившись со взглядомъ Тэна на міръ духовныхъ явленій —въ области литературнаго и художественнаго творчества, и на задачу обращающагося къ ихъ изученію изслѣдователя, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію метода, примѣняемаго Тэномъ къ этому изученію. Если міръ этихъ явленій состоитъ изъ фактовъ, вызванныхъ къ жизни извѣстными причинами, и задача науки заключается въ указаніи этихъ причинъ и въ открытіи, такимъ образомъ, законовъ, управляющихъ явленіями духовнаго творчества, то методъ изученія этихъ явленій долженъ быть *генетическій*, т.-е. онъ долженъ объяснять способъ происхожденія изучаемыхъ явленій. Въ такомъ генетическомъ объясненіи явленій должна заключаться литературная и художественная критика, а затѣмъ и самая исторія литературы и искусства. Тэнъ не ограничился установленіемъ такого требованія относительно способа изученія литературы и искусства, но и выставилъ руководящую формулу, которая должна была дать возможность изслѣдователю съ успѣхомъ примѣнять генетическій методъ къ объясненію литературныхъ и художественныхъ явленій. Эта формула Тэна гласитъ, что причину каждаго явленія въ литературѣ и искусствѣ нужно искать въ *состояніи духа* художника. Различные, напр., фазы въ исторіи итальянской живописи,—говоритъ Тэнъ,—ея развитіе, ея расцвѣтъ и ея паденіе—не что иное, какъ соотвѣтствующія проявленія различнаго состоянія духа итальянскихъ художниковъ.

Но всякое такое *состояніе духа* есть слѣдствіе извѣстной дѣйствующей силы. Сила эта есть явленіе сложное, и Тэнъ разлагаетъ ее на *три* первичныя силы, которыя онъ обозначаетъ терминами—*расы*, *среды* и *момента*. Тэнъ разумѣетъ подъ расой унаслѣдованныя человѣкомъ или народомъ духовныя свойства, которыя обыкновенно бываютъ связаны съ „явно обозначенными свойствами темперамента и тѣлосложенія". Эти свойства расы подвергаются постоянному вліянію исторической жизни народа, которая, такимъ образомъ, видоизмѣняетъ *первоначальныя* его свойства, съ которыми онъ вступилъ въ исторію. Но и эти первоначальныя свойства расы сами, въ сущности, должны быть признаны продуктомъ исторіи. „Въ тотъ моментъ,—говоритъ Тэнъ,—когда мы ихъ впервые встрѣчаемъ—за 15, 20 или 30 вѣковъ до нашей эры—у арійца, египтянина или китайца, они уже представляютъ изъ себя *дѣло* цѣлаго ряда болѣе многочисленныхъ

вѣковъ, можетъ быть, даже дѣло нѣсколькихъ миріадовъ вѣковъ". Этимъ объясняется „почти несокрушимая прочность" первичныхъ, основныхъ свойствъ каждой расы и каждаго народа.

Подъ *средой* Тэнъ разумѣетъ вліяніе климата и физическихъ условій страны, политическихъ обстоятельствъ и соціальныхъ условій. Различіе между арійцами сѣверной и южной Европы служитъ у него доказательствомъ силы вліянія перваго изъ упомянутыхъ условій; сопоставленіе римской Италіи и Италіи средневѣковой—образчикомъ значенія, которое могутъ имѣть условія политической жизни; христіанство и буддизмъ—образчикомъ вліянія условій соціальныхъ.

Наконецъ къ этимъ двумъ силамъ—расѣ и средѣ, дѣйствующимъ „одна какъ бы изнутри", „другая извнѣ", присоединяется третья сила—„плодъ взаимодѣйствія первыхъ двухъ"—это переживаемый народомъ историческій моментъ, который, въ свою очередь, вліяетъ на слѣдующую ступень развитія, подобно тому,—говоритъ Тэнъ,—какъ въ физикѣ „къ первоначальной силѣ присоединяется вліяніе пріобрѣтенной скорости движенія".

Изъ этихъ трехъ элементовъ—расы, среды и момента—Тэнъ, какъ видно, наименѣе ясно опредѣлилъ послѣдній; согласно съ этимъ, Тэнъ мало пользуется имъ для своихъ объясненій; въ „Философіи искусства" Тэна, гдѣ онъ разсматриваетъ между прочимъ условія, повліявшія на развитіе скульптуры въ Греціи, мы находимъ, правда, особый отдѣлъ, озаглавленный: *моментъ*. Но то, что Тэнъ здѣсь разумѣетъ подъ названіемъ *момента*, не соотвѣтствуетъ вовсе вышеприведенному опредѣленію; это не что иное, какъ различіе въ степени культуры, количествѣ потребностей и сложности быта между древними греками и современнымъ европейскимъ обществомъ.

Гораздо болѣе значенія имѣетъ у Тэна элементъ расы, и одна изъ крупныхъ заслугъ Тэна заключается въ научной постановкѣ этого вопроса и въ мѣткихъ замѣчаніяхъ, въ которыхъ онъ высказывалъ свои наблюденія надъ вліяніемъ расы въ области литературнаго и художественнаго творчества. Вопросъ о значеніи расы въ исторіи былъ, конечно, возбужденъ еще до Тэна; но онъ пытался дать ему, какъ мы увидимъ, психологическое основаніе и освѣщеніе, и тѣ выводы, которые онъ сдѣлалъ изъ этого научнаго фактора въ исторіи англійской литературы, въ главахъ о фламандской живописи и греческой скульптурѣ, въ книгѣ о Лафонтэнѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, представляютъ собою цѣнный и прочный вкладъ въ науку.

Но всего болѣе Тэнъ сдѣлалъ для объясненія второго мо-

мента—вліянія *среды*, которымъ онъ всего чаще и пользуется въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Наиболѣе обстоятельно Тэнъ изложилъ свой взглядъ на значеніе *среды* въ своей „Философіи искусства". На вліяніи среды онъ основываетъ тамъ самый законъ происхожденія художественныхъ произведеній—la production des oeuvres d'art. Законъ этотъ онъ формулируетъ такимъ образомъ: „Художественное произведеніе опредѣляется общимъ состояніемъ духа и нравовъ среды, въ которой оно возникаетъ". Это положеніе онъ доказываетъ двумя способами. Онъ беретъ общество, проникнутое въ своихъ представленіяхъ и нравахъ какою-нибудь преобладающею идеей или чувствомъ, напр. скорбнымъ взглядомъ на жизнь, и показываетъ, въ какой мѣрѣ и какимъ способомъ это должно отразиться на направленіи и вкусахъ художниковъ, на выборѣ и успѣхѣ ихъ сюжетовъ.

Съ другой стороны, Тэнъ беретъ четыре разнообразныя и выдающіяся эпохи въ исторіи искусства, классическую скульптуру, готическую архитектуру, французскую трагедію и современную музыку, и показываетъ, какъ на каждомъ изъ этихъ явленій отразилась среда, т.-е. главныя черты эпохи и націи, а именно муниципальный бытъ древнихъ грековъ, средніе вѣка съ феодализмомъ и христіанствомъ, придворный бытъ французской монархіи въ XVII в. и современная демократія съ ея промышленными и научными интересами.

Съ помощью этихъ примѣровъ, Тэнъ считалъ возможнымъ не только установить упомянутый законъ происхожденія ходожественныхъ произведеній, но и точнѣе объяснить его или, какъ выражается Тэнъ, „сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ и съ точностью обозначить всѣ звенья той цѣпи, которая соединяетъ первичную причину съ ея окончательнымъ результатомъ".

Цѣпь, о которой говоритъ здѣсь Тэнъ, заключаетъ въ себѣ *четыре* звена: первое изъ нихъ—„общее положеніе". Тэнъ разумѣетъ подъ этимъ разныя *условія* общественныя и культурныя, какъ напр. городской бытъ въ Греціи съ его свободой для гражданъ, воинственностью и рабовладѣніемъ, или гнетъ римской имперіи, нашествіе варваровъ, феодальный разбой и христіанская экзальтація въ средніе вѣка. Это „общее положеніе" развиваетъ въ современникахъ соотвѣтствующія *потребности*, отличительныя *способности*, особенныя чувства, напр. физическую энергію или, наоборотъ, склонность къ мечтанію, суровость или кротость, воинственный инстинктъ, или краснорѣчіе, или страсть къ наслажденіямъ, и пр.; въ Греціи, напр., идеальное развитіе тѣла и равно-

вѣсіе духовныхъ способностей, не нарушенное излишнимъ напряженіемъ мозговой жизни или ручного труда; въ средніе вѣка—чрезмѣрная возбужденность воображенія и женственная утонченность чувствительности.

Это взаимодѣйствіе чувствъ, потребностей и способностей создаетъ—если всѣ эти элементы полно и ярко проявляются въ одномъ лицѣ—тѣ, что Тэнъ называетъ „господствующимъ типомъ“ (le personnage régnant), т.-е. тотъ образцовый идеалъ, который пользуется поклоненіемъ и симпатіей современниковъ: въ Греціи—юноша хорошей породы и прекраснаго тѣлосложенія, достигнувшій совершенства во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ; въ средніе вѣка—монахъ въ экстазѣ и влюбленный рыцарь и т. д.

Такъ какъ подобное идеальное лицо всего интереснѣе и всего важнѣе для современниковъ и всего болѣе у нихъ на виду, то его-то художники и выводятъ предъ публикою въ живомъ образѣ—въ живописи, въ скульптурѣ, въ романѣ, эпосѣ и драмѣ, т.-е. въ тѣхъ искусствахъ, которыя воспроизводятъ то, что уже существуетъ въ дѣйствительности; въ остальныхъ же искусствахъ—въ музыкѣ и архитектурѣ—художники создаютъ свои произведенія, такъ сказать, для этого образцоваго или типическаго лица и какъ бы къ нему обращаются. „Такъ что,—говоритъ Тэнъ,—отъ этого идеальнаго лица зависитъ все искусство, ибо все искусство только занято тѣмъ, чтобы ему угодить или его воспроизвести“. Итакъ, вотъ четыре момента, по которымъ проходитъ все человѣческое творчество: какое-нибудь общее положеніе вызываетъ извѣстныя наклонности и способности; преобладаніемъ этихъ наклонностей и способностей создается господствующій типъ; наконецъ, являются звуки, форма, краски и слова, которые дѣлаютъ это лицо осязательнымъ или вторятъ присущимъ ему наклонностямъ и способностямъ. Первый изъ этихъ моментовъ влечетъ за собою второй, второй влечетъ за собою третій и т. д., такъ что малѣйшее измѣненіе въ одномъ изъ этихъ моментовъ, вызывая соотвѣтствующее измѣненіе въ послѣдующихъ и обнаруживая измѣненія, происшедшія въ предшествующихъ, даетъ возможность восходить или возвращаться назадъ отъ одного къ другому. Тэнъ заявляетъ, что, по его убѣжденію, эта формула охватываетъ и объясняетъ рѣшительно всѣ явленія въ данной области. „А если,—говоритъ онъ, — между различными моментами вставить второстепенныя или придаточныя причины, видоизмѣняющія общій результатъ; если, при объясненіи чувствъ извѣстной эпохи, мы вникнемъ въ духъ расы или состояніе среды; если для объясненія художественныхъ произведеній извѣстнаго вѣка мы примемъ

въ разсчетъ, помимо господствующихъ наклонностей вѣка, моментъ въ развитіи даннаго искусства и индивидуальное настроеніе каждаго художника—тогда можно будетъ вывести изъ этого закона не только великіе перевороты и общія формы въ исторіи человѣческаго воображенія, но и національныя различія школъ, постоянныя видоизмѣненія стилей и, наконецъ, оригинальныя черты въ произведеніяхъ всякаго великаго художника. При такомъ способѣ дѣйствія объясненіе будетъ полнымъ, ибо оно одновременно даетъ отчетъ объ общихъ чертахъ, создающихъ школу, и объ отличительныхъ чертахъ, характеризующихъ индивидуальнаго художника".

Познакомившись съ указаннымъ пріемомъ Тэна, предлагаемымъ для объясненія литературныхъ и художественныхъ произведеній, читатель, конечно, можетъ поставить вопросъ о результатѣ этого метода. На это нужно прежде всего отвѣтить, что уже самое требованіе такого метода представляетъ собою важный и плодотворный результатъ. Въ физическомъ мірѣ тѣсная взаимная связь всѣхъ явленій не подлежитъ сомнѣнію и спору; она выступаетъ на самой поверхности явленій и потому бросается въ глаза при первомъ наблюденіи. Всякій путешественникъ, напр., легко можетъ подмѣтить сходство или родство оливковаго дерева съ характеромъ той скалистой почвы, на которой оно ростетъ. Живописецъ назоветъ это гармоніей ландшафта, ботаникъ — приноровленіемъ къ средѣ. Сходство выражается и въ причудливыхъ, змѣиныхъ изгибахъ ствола и сучьевъ, пробирающихся среди скалъ къ солнцу, и въ сѣро-зеленоватомъ колоритѣ листьевъ, гармонирующемъ съ цвѣтомъ скалистой почвы; оно становится еще поразительнѣе, если обнаружится корень стараго оливковаго дерева, и вы увидите передъ собою древесную глыбу, такую же угловатую, такую же твердую, какъ и сосѣднія съ нею глыбы скалъ, которыя она раздвинула, чтобы найти себѣ мѣсто.

Въ области духовной связь явленій также тѣсна и взаимна, но она болѣе скрыта отъ глазъ и требуетъ бо́льшей сознательности, бо́льшей теоретической подготовки отъ наблюдателя. Поэтому формула, выставленная Тэномъ, есть выраженіе крупнаго основного факта въ исторіи духовной жизни человѣчества и имѣетъ значеніе микроскопа, усиливающаго зоркость глаза и дозволяющаго дѣлать наблюденіе надъ явленіями, которыя укрылись бы отъ вниманія невооруженнаго глаза.

Но другое дѣло—безусловная форма, въ которой Тэнъ выставилъ принципъ своего метода, принципъ полной зависимости художественнаго произведенія отъ духа и нравовъ окружающаго

художника общества. Тэнъ называетъ этотъ принципъ „закономъ, который управляетъ появленіемъ и характеромъ художественныхъ произведеній“, и утверждаетъ, что „во всякомъ случаѣ, въ самомъ сложномъ, какъ и въ самомъ простомъ, среда опредѣляетъ художественное произведеніе, допуская только тѣ, которыя съ нею гармонируютъ, и уничтожая прочія разновидности“. Другое дѣло, кромѣ того, и способность, приписываемая Тэномъ его методу, „съ точностью обнаружить всѣ звенья цѣпи, соединяющей первичную причину съ окончательнымъ слѣдствіемъ“.

Естественнѣе всего, конечно, провѣрить силу формулы на самомъ Тэнѣ, т.-е. на тѣхъ результатахъ, которые онъ изъ нея извлекъ.

Въ своей „*Философіи искусства*“ Тэнъ помѣстилъ три очерка для объясненія и подтвержденія *общаго закона*, „въ силу котораго возникали во всѣ времена произведенія искусства“. Остановимся на первомъ изъ этихъ очерковъ—объ *итальянской живописи въ эпоху возрожденія* и посмотримъ, какъ примѣнилъ Тэнъ свою формулу въ этомъ случаѣ, и какое новое освѣщеніе она придала этому довольно извѣстному предмету. Вѣрный своему методу, Тэнъ прежде всего обратилъ вниманіе на характеръ расы и указалъ на то ея свойство, которое сдѣлало итальянцевъ особенно способными къ живописи. Еще болѣе цѣнно указаніе Тэна на другое условіе, объясняющее высокое развитіе живописи въ Италіи въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Съ одной стороны, прирожденная способность къ развитію и благопріятныя историческія условія вызвали въ Италіи раннюю духовную культуру и даже извѣстную утонченность нравовъ въ такое время, когда остальныя страны Европы были еще погружены въ полное варварство; съ другой стороны, Италія еще не вышла изъ феодальнаго быта, требовавшаго сильнаго напряженія физической жизни; господствовавшая въ ней политическая безурядица, постоянная необходимость самообороны давали преимущество тѣмъ, кто достигъ совершенства въ рыцарскихъ упражненіяхъ тѣла. Слѣдствіемъ этого было извѣстное равновѣсіе между духовною и физическою жизнью, или какъ Тэнъ это выражаетъ: равновѣсіе между „идеями и образами“,—такъ что развитіе мысли не ослабило способности къ образамъ у народовъ съ высокой культурой, и образы „не заглушали идей“, какъ это бываетъ у народовъ дикихъ. Съ большимъ мастерствомъ Тэнъ кромѣ того описываетъ почву, на которой возросла итальянская живопись: развившійся въ высшихъ классахъ интересъ къ живописи; составленное, напр., графомъ Кастильоне руководство для при-

дворнаго, требующее отъ него умѣнія рисовать; повсюду распространившаяся роскошь, любовь къ празднествамъ, къ живописнымъ костюмамъ, маскарадамъ, кавалькадамъ, торжественнымъ въѣздамъ и тому подобнымъ блестящимъ зрѣлищамъ,—такъ что рисованіе и живопись „были лишь какъ бы обрывкомъ всеобщей декораціи"; наконецъ, организація мастерскихъ и корпоративный бытъ художниковъ, составлявшихъ общественную силу и дружно трудившихся одновременно во всѣхъ областяхъ искусства.

Такимъ образомъ, очеркъ Тэна, полный интересныхъ и мѣткихъ подробностей, даетъ читателю живую картину той Италіи, которая породила великихъ мастеровъ живописи, и убѣждаетъ читателя въ положеніи, что „между произведеніемъ и средою всегда существуетъ точное и необходимое соотвѣтствіе". Однако нельзя не замѣтить, что Тэнъ, для того, чтобы установить это тѣсное соотвѣтствіе, былъ принужденъ съузить предметъ своего изслѣдованія. Оно касается только классическаго періода итальянской живописи, и, опредѣляя это понятіе, Тэнъ придаетъ слишкомъ исключительное значеніе одной, хотя и существенной ея сторонѣ—изображенію человѣческаго тѣла. Тэнъ даже формулируетъ задачу этого искусства словами, что „настоящимъ его предметомъ было идеальное человѣческое тѣло". Тэну дѣйствительно вполнѣ удалось выяснить связь между этой стороной итальянской живописи въ концѣ ренессанса и тогдашнимъ бытомъ и нравами—утонченностью, декоративностью и эпикуреизмомъ тогдашней культуры. Но есть другая сторона въ этой живописи, обусловливающая ея великое значеніе—это ея духовное содержаніе, и можетъ быть было бы правильнѣе видѣть задачу живописи ренессанса въ стремленіи выразить *божественное* въ идеальныхъ формахъ человѣческаго *тѣла*. Вѣра въ возможность для художника выразить божественное начало въ тѣлесныхъ художественныхъ формахъ и восторженное стремленіе къ исполненію этой задачи—и составляютъ отличительное свойство живописи ренессанса, ея силу и ея историческое значеніе.

Не касаясь почти *содержанія* и идей искусства въ эпоху Рафаэля и Микель-Анджело, Тэнъ указывалъ только на тѣ черты тогдашняго быта, которыя объясняютъ формальное превосходство итальянской живописи ренессанса. Недаромъ Тэнъ типомъ художника того времени выставилъ Челлини и такъ обильно пользовался *его* мемуарами для характеристики всей эпохи. Но поэтому же многое осталось необъясненнымъ у Тэна. Читателямъ Тэна, напр., становится понятнѣе, почему „нагіе образы Микель-Анджело въ ихъ смѣлыхъ позахъ и съ ихъ страшной мускула-

торой, или образы Тиціана и Тинторетта, полные животной жизни", были симпатичны современникамъ ренессанса; но эти читатели остаются, однако, въ недоумѣніи, почему „свѣжесть, кротость и спокойствіе взора Рафаэлевскихъ мадоннъ были привлекательны" для людей, типическимъ представителемъ которыхъ у Тэна выставленъ цезарь Борджіа.

Въ цѣломъ, можно сказать, что Тэнъ успѣшно провелъ свою мысль о „тѣсномъ и необходимомъ соотвѣтствіи между произведеніемъ и средой". Но мысль эта проведена въ слишкомъ общей формѣ, т.-е. только нѣкоторыя *общія*, хотя и существенныя стороны *произведенія* объяснены. Еще далеко до выставленной Тэномъ цѣли объяснить не только національное различіе школъ, но и видоизмѣненіе стилей въ каждой школѣ, и оригинальныя черты въ произведеніяхъ всякаго великаго художника. Кромѣ того, цѣпь, которою Тэнъ обязался соединить первичную причину съ ея окончательными результатами, не замкнута и даже не всѣ ея звенья на-лицо. „Общее положеніе"—первое звено—прекрасно, хотя и далеко не полно обрисовано; нѣтъ, напр., ни слова о вліяніи католицизма на итальянскую живопись; чувства, потребности и способности, созданныя общимъ положеніемъ—второе звено—поэтому не всѣ объяснены и выставлены; третье же звено, можно сказать, отсутствуетъ, а именно: „господствующій типъ", опредѣляющій „формы и краски" современнаго ему искусства, ибо нельзя же сказать, чтобы все итальянское искусство ренессанса служило лишь и угождало типу „идеальнаго придворнаго кавалера", начертанному графомъ Кастильоне, или чтобы Бенвенуто Челлини могъ считаться типическимъ представителемъ всего итальянскаго художества. Въ очеркѣ Тэна рѣчь идетъ гораздо менѣе о самомъ искусствѣ, чѣмъ объ окружавшей его средѣ; изслѣдователь болѣе занятъ описаніемъ быта и условій, среди которыхъ возникло взятое имъ явленіе, чѣмъ характеристикой самого явленія, и можно сказать, что очеркъ Тэна имѣетъ болѣе значенія для исторіи культуры, чѣмъ для исторіи искусства.

Наконецъ, нужно замѣтить, что если тѣмъ не менѣе формула Тэна дала въ его очеркѣ блестящій результатъ, то это потому, что она восполнялась талантомъ Тэна, мѣткостью его наблюденій, выразительностью и образностью его слога. Эта оговорка примѣнима и ко всѣмъ прочимъ пріемамъ и способамъ изслѣдованія Тэна. Его методъ неразлученъ съ свойствами и особенностями его таланта, и—можно даже сказать—приноровленъ къ его таланту. *Орудіе* (l'instrument), какъ Тэнъ называетъ свой методъ, часто дѣйствуетъ успѣшно лишь потому, что имъ руково-

дятъ глазъ и рука изобрѣтателя, и иногда можетъ казаться, что и весь методъ—не что иное какъ теоретическое оправданіе присущаго Тэну таланта характеризовать и живописать.

III.

Кромѣ разсмотрѣннаго нами метода Тэна объяснять происхожденіе литературныхъ и художественныхъ произведеній общимъ состояніемъ среды, въ которой они возникали, мы находимъ у него еще другой пріемъ изслѣдованія, исключительно ему принадлежащій и болѣе спорный. Это методъ изслѣдованія, основанный на теоріи *господствующей способности*, о которой шла рѣчь въ началѣ нашего очерка.

Тэнъ слѣдующимъ образомъ поясняетъ свою теорію. „Человѣкъ *господствующей способности* или *основного свойства*,—говоритъ онъ,—не *груда* случайно скопившихся свойствъ и стремленій, а стройный механизмъ или система. Если онъ, напр., поэтъ, то все въ немъ находится во взаимной связи: и слогъ, и выборъ фабулы, и характеръ, и вѣрованіе, и привычки, и всѣ части души и таланта, такъ что если одна измѣняется, то другія не могутъ остаться въ прежнемъ положеніи. Но если человѣкъ—стройный механизмъ, то этотъ механизмъ приводится въ движеніе небольшимъ числомъ силъ, большею частью *одной* силою, которая является причиною гармоніи между ними и поддерживаетъ ихъ единство. Эта единственная сила въ авторѣ заключается въ какой-нибудь господствующей въ его душѣ способности“.

Согласно съ этимъ, Тэнъ говоритъ по поводу своей характеристики Тита Ливія: „такъ какъ геній человѣка есть нѣчто нераздѣльное, то неудобно разлагать его на части; какъ скоро онъ перестаетъ представляться единымъ, онъ лишается жизни; поэтому и Тита Ливія можно узнать хорошо только подъ условіемъ, если собрать во-едино его разбросанныя черты. Онѣ образуютъ собою систему; онѣ представляютъ собою слѣдствіе одного единаго свойства. Онѣ доказываютъ славнымъ примѣромъ, что нравственный міръ, какъ и міръ физическій, подчиненъ непреложнымъ законамъ, что душа человѣка имѣетъ свой механизмъ, какъ и растеніе, что поэтому она можетъ служить предметомъ науки, и что какъ скоро мы узнаемъ силу, ее созидающую, мы въ состояніи, не анализируя ея твореній, воспроизвести ее посредствомъ отвлеченной формулы“.

Въ виду этой преобладающей роли, которую играетъ въ пси-

хической жизни и въ творчествѣ „господствующая способность", Тэнъ утверждаетъ, что задача критики заключается не въ томъ, чтобы нагромождать массу замѣчаній для характеристики какого-нибудь автора, но открыть въ немъ главную дѣйствующую силу. Пусть этотъ авторъ будетъ представлять собою личность безконечно разнообразную, пусть на немъ отражаются семья, сосѣди, современники; пусть онъ находится подъ вліяніемъ своего чтенія, своего общественнаго положенія, тысячи противоположныхъ случайностей; пусть безчисленныя инфильтраціи просачивались въ него со всѣхъ сторонъ,—суть дѣла въ томъ, чтобы опредѣлить направленіе потока, измѣрить его силу и указать русло, по которому онъ стремится. Узнать предметъ—значитъ узнать причину и прослѣдить ее по всему ряду ея послѣдствій.

Узнать предметъ—значитъ указать причину; на основаніи этого принципа Тэнъ настаивалъ на необходимости объяснять всякое литературное или художественное произведеніе тремя силами, его создавшими: „расою, средою и историческимъ моментомъ"; теперь причина творчества разыскивается не въ постороннихъ силахъ, но художественное произведеніе объясняется его творцомъ, а творческая дѣятельность послѣдняго выводится изъ господствующаго въ его духѣ свойства или преобладающей способности.

Нѣтъ ли противорѣчія между этими двумя, предлагаемыми Тэномъ, пріемами, и въ какомъ отношеніи находятся они другъ къ другу? Замѣтимъ на это прежде всего, что обѣ теоріи, служащія источникомъ указаннымъ пріемамъ,—какъ теорія полной зависимости писателя отъ среды, такъ и теорія зависимости его отъ господствующей въ немъ способности,—вытекаютъ у Тэна изъ одного общаго начала—изъ его „научнаго направленія въ области духовныхъ явленій", т.-е. примѣненія къ нимъ законовъ и представленій, признанныхъ въ естественныхъ наукахъ. Съ этой точки зрѣнія міръ духовныхъ явленій представляется механизмомъ, въ которомъ дѣйствуютъ силы по безусловному закону причинности. Такимъ образомъ, и творческую дѣятельность писателя или художника приходится объяснять дѣйствіемъ извѣстныхъ силъ. Если взять писателя или художника по отношенію къ обществу или вѣку, къ которому онъ принадлежитъ, то онъ со всѣми своими произведеніями является продуктомъ общества или вѣка—отсюда теорія *среды*. Но, съ другой стороны, писатель или художникъ является самъ творцомъ своихъ произведеній. Однако и въ этомъ случаѣ, съ точки зрѣнія „естественно-научной", внутренній міръ человѣка также представляется лишь механизмомъ, въ которомъ дѣйствуютъ силы. Чѣмъ же устанавливается единство въ дѣйствіи

этихъ силъ? кто даетъ имъ общее направленіе? Чтобы объяснить очевидное единство въ характерѣ и въ творческой дѣятельности лица, т.-е. единство, которое дается человѣческимъ „я“, остается лишь одно—подвести дѣйствія всѣхъ частныхъ силъ подъ вліяніе одной главной силы—отсюда теорія господствующаго свойства или способности.

„Господствующая способность“ является такимъ образомъ у Тэна замѣной „метафизическаго понятія“ *я*—результатомъ потребности Тэна, при отождествленіи психической жизни и творческой дѣятельности съ механизмомъ, уловить то начало, которое лежитъ въ основаніи индивидуальности, которое даетъ единство жизни разрозненнымъ, анатомированнымъ частямъ—disjecta membra поэта или художника.

Мы вполнѣ убѣдимся въ томъ, что теорія господствующей способности прямо вытекаетъ изъ „научнаго“ направленія Тэна, если, оставивъ теоретическую аргументацію, обратимся къ самому Тэну. Тэнъ натолкнулся на теорію господствующей способности въ своихъ первыхъ попыткахъ литературной критики, желая идти въ этой области, которая до того была исключительно удѣломъ литературнаго вкуса и таланта—путемъ естествоиспытателя. Тэнъ примыкаетъ по времени къ литературной критикѣ Сентъ-Бёва и сразу выдѣлился изъ школы своего предшественника и учителя, сразу заявилъ свою оригинальность, усвоивъ себѣ критическій пріемъ отыскивать въ центрѣ анализируемаго писателя или художника — господствующее свойство. Эта теорія должна была восполнить собою именно то, чего, по его мнѣнію, недоставало великому мастеру, Сентъ-Бёву. Въ чемъ же Тэнъ его упрекаетъ? а именно въ отсутствіи единства въ его литературныхъ и историческихъ характеристикахъ и въ отсутствіи научныхъ пріемовъ. Описывая пріемы Сентъ-Бёва, съ помощью которыхъ этотъ талантливый писатель создалъ цѣлую галерею историческихъ портретовъ, Тэнъ называетъ его живописцемъ и противопоставляетъ этой живописи свой методъ, уподобляемый имъ методу естествоиспытателя.

„Посмотрите,—говоритъ Тэнъ о Сентъ-Бёвѣ,—какъ онъ увивается около своего подлинника, отмѣчая словомъ каждый жестъ и каждое выраженіе его лица; какъ онъ возвращается къ портрету, оттѣняя свои прежнія краски другими, какъ онъ неустанно ретушируетъ его, чтобы схватить недвижныя черты и переливающійся оттѣнокъ въ выраженіи его жизни“... „Чтобы достигнуть этого, Сентъ-Бёвъ,—говоритъ Тэнъ,—не довольствуется однимъ портретомъ; онъ находитъ, что живопись должна измѣняться вмѣстѣ

ъ лицомъ: поэтому онъ писалъ одно и то же лицо и мальчикомъ, и юношей, сложившимся человѣкомъ и старикомъ, изображалъ его при дворѣ, на войнѣ, во всѣхъ костюмахъ, которые онъ носилъ, со всякимъ выраженіемъ, которое приним лицо".

Таковъ методъ исторической живописи; онъ вполнѣ с ствуетъ цѣли, которую можетъ поставить себѣ живопись, *показать* лицо. Но если читателю доставляетъ удовольствіе лицо, то для него не менѣе важно *понять* это лицо; онъ созерцалъ взоромъ и что онъ чувствовалъ сердцемъ, т онъ хочетъ подвергнуть анализу своего сужденія; разумъ такія же права, какъ и воображеніе. Наблюдатель может ить, откуда взялись эти свойства, эти недостатки, эти эти идеи; онъ захочетъ знать, которые изъ нихъ играют причины, и которые были слѣдствіемъ; изъ какихъ перво ныхъ источниковъ они проистекаютъ, и нѣтъ ли у нихъ общаго источника. Всѣ эти вопросы требуютъ для раз другого метода, а не простой живописи; живописецъ ра ваетъ образъ; аналитикъ сокращаетъ его, сводитъ его к основной чертѣ; первый пускается въ поиски за тонким ями; второй ищетъ общія причины творческой силы, шей въ жизни цѣлый рядъ явленій.

Итакъ, для того, чтобы литературная критика пе быть простою живописью, для того, чтобы она усвоила себ ные пріемы, для нея необходима теорія господствующей ности; но, ставши аналитикомъ и ученымъ въ области лит ной критики, требуя, чтобы она сдѣлалась наукою, Тэн не желалъ, чтобы она перестала быть искусствомъ и жив Потребность отыскивать господствующую черту въ изобра лицѣ вытекаетъ, можно сказать, у Тэна изъ двухъ мотив только изъ научнаго, но и изъ эстетическаго. Въ изслѣ о Ливіѣ онъ говоритъ [1]:

„Ученый изучаетъ какъ въ частныхъ лицахъ, такъ и родахъ ихъ характеръ, потому что характеръ есть истинн чина какъ частныхъ, такъ и общественныхъ поступковъ. Д онъ подмѣчаетъ ихъ самобытныя страсти; вѣдь его призван крывать новыя истины, а чувства, свойственныя всѣмъ, извѣстны, т.-е. не новы. Эти самобытныя страсти онъ свя въ одно цѣлое какою-нибудь преобладающею наклонност тому что его дѣло—группировать и связывать факты. Съ

[1]) Tite-Live, p. 191.

стороны, величайшій талантъ поэта заключается въ пластичномъ изображеніи характеровъ, потому что безъ этого условія дѣйствующія лица—маски, а не люди. Съ этою цѣлью онъ старается уловить отличительныя черты, потому что онѣ однѣ живо рисуютъ лицо и занимаютъ читателя; затѣмъ онъ ихъ приводитъ въ взаимное согласіе и подчиняетъ ихъ одной господствующей склонности, потому что гармонія есть красота и доставляетъ наслажденіе".

Историкъ долженъ заключать въ себѣ и ученаго, и художника; онъ поэтому вдвойнѣ долженъ руководиться принципомъ господствующей способности и наклонности, чтобы придать своимъ образамъ и научное единство, и гармонію—условіе художественной красоты. Съ этой точки зрѣнія Тэнъ упрекаетъ Тита Ливія за то, что онъ не руководится принципомъ господствующей склонности. Оттого, къ сожалѣнію, характерныя черты у него разбросаны, онъ не объясняетъ разныя стороны характера одну посредствомъ другой; онъ не сводитъ ихъ къ одному преобладающему свойству" [1]).

Въ противоположность этому, Тэнъ хвалитъ греческаго историка Ксенофонта за то, что онъ въ свои историческія характеристики вноситъ ясность и единство, сводя всѣ второстепенныя черты въ лицѣ къ одной главной. У Ксенофонта,—говоритъ Тэнъ,—„изображеніе (portrait) представляетъ собою разсужденіе (un raisonnement), въ которомъ детали приведены какъ подтвержденіе господствующаго свойства". Это замѣчаніе Тэна очень характерно. Оно показываетъ, до какой степени въ немъ преобладаетъ потребность системы и логической связи, и въ какой мѣрѣ его эстетическая теорія обусловливается этими свойствами его ума—красота есть для него гармонія, а гармонія—соотвѣтствіе частей и взаимная ихъ связь съ цѣлымъ. Гармонія, которую требуетъ художникъ, не что иное какъ система, которую ищетъ въ явленіяхъ мыслитель.

Указавъ, что обѣ теоріи Тэна, какъ его теорія о вліяніи *среды*, такъ и теорія основного или господствующаго свойства, происходятъ изъ одного теоретическаго принципа, мы собственно уже устранили вопросъ о противорѣчіи между ними. Но къ этому можно добавить, что обѣ теоріи представляютъ собственно двѣ стороны одной и той же теоріи, и лежащія въ ихъ основаніи идеи дополняютъ другъ друга, подобно тому, какъ въ психологіи принципы индивидуализма и наслѣдственности, или принципы личности и общества въ исторіи вообще. Въ самомъ дѣлѣ, теорія

---

[1]) Tite-Live, p. 262.

ю свойства"—не что иное, какъ *субъективная* сторона *еды*. Съ объективной точки зрѣнія, художника можно вать какъ продуктъ извѣстной расы или среды. Но эти вліянія—раса и среда—принимаютъ въ самомъ худож*ективный* характеръ, проявляются въ его произведеніяхъ *личныя* свойства. Какъ расовыя свойства, такъ и вліяной культурной среды могутъ выразиться въ творческой сти поэта или художника лишь тогда, когда, такъ скаятся въ преобладающемъ свойствѣ его личности, подобно съ унаслѣдованныя отъ предковъ свойства становятся свойствами извѣстнаго индивидуума. Хотя Тэнъ теоре- не высказывался въ этомъ смыслѣ, но не трудно до- его сочиненіямъ, что именно такъ онъ понималъ отно- ихъ двухъ критическихъ пріемовъ.

дствующее свойство писателя является у Тэна иногда невольнымъ наслѣдіемъ, отраженіемъ господствующаго ія націи или вѣка, къ которымъ принадлежитъ писатель. р., ораторское свойство таланта Ливія можно признать ъ прирожденной расовой наклонности и господствую- са въ современной ему культурѣ римскаго общества. ателя,—говоритъ Тэнъ въ своей статьѣ о Расинѣ,—пред- собою какъ бы сокращенное выраженіе духа другихъ, одимъ у него въ болѣе рѣзкомъ проявленіи, чѣмъ у тѣ свойства и условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложи- ы его современниковъ" [1]).

е Тэнъ указываетъ на то, какъ писатель и художникъ ь себѣ, вслѣдствіе своей воспріимчивости, господствующую й націи или современной ему культуры. Онъ поддается кружающей его обстановки; его влечетъ на этотъ путь тическое тщеславіе, потребность найти сочувствіе и , наконецъ, его понуждаетъ къ этому его художествен- а. Основное свойство художника заключается въ при- сматривать въ предметахъ существенныя свойства и ся черты. Гдѣ другіе люди видятъ только часть, онъ ть цѣлое и духъ. Если, напр., выдающимся свойствомъ яется скорбное настроеніе (la tristesse), то именно эту дожникъ и будетъ видѣть во всемъ. Мало того: благо- змѣрности своего воображенія и свойственному ему преувеличенія, художникъ расширяетъ выдающееся свой- еменнаго ему общества, онъ доводитъ его до крайности,

. Ess., p. 211.

онъ пропитывается имъ и пропитываетъ имъ свои произведенія, такъ что онъ видитъ и изображаетъ предметы обыкновенно подъ красками еще болѣе мрачными, чѣмъ это стали бы дѣлать его современники [1]). Хотя, такимъ образомъ, и нѣтъ основанія видѣть противорѣчіе въ критическихъ пріемахъ Тэна, нельзя однако не признать, что его нѣсколько неопредѣленное отношеніе къ нимъ можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Такъ, извѣстный датскій критикъ Брандесъ въ своемъ этюдѣ о Тэнѣ замѣчаетъ, что Тэнъ, „начавъ съ теоріи господствующей способности, позже все болѣе и болѣе сталъ объяснять произведенія искусства состояніемъ культуры, взятой во всей ея совокупности, а природу художника—его средой". Эту послѣднюю теорію Тэна Брандесъ далѣе называетъ его *новой* теоріей и прибавляетъ, что Тэнъ, впрочемъ, не совсѣмъ оставилъ и свою прежнюю точку зрѣнія. Эти замѣчанія представляютъ дѣло такъ, какъ будто Тэнъ замѣнилъ одну теорію другою или сталъ постепенно предпочитать одну другой. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, тѣ воззрѣнія, которыя Брандесъ пріурочиваетъ къ *новой* теоріи Тэна, встрѣчаются уже въ самомъ первомъ изслѣдованіи этого писателя. Свою книгу о Лафонтэнѣ Тэнъ прямо начинаетъ съ изученія элемента расы и вліянія на нее „среды" или страны. Затѣмъ появилось извѣстное изслѣдованіе о Титѣ Ливіѣ, построенное на теоріи „господствующей способности". Въ исторіи англійской литературы Тэнъ исходитъ преимущественно изъ принциповъ „расы и среды", и въ „введеніи" къ ней даетъ имъ теоретическую формулировку. Въ вышедшихъ послѣ этого изслѣдованіяхъ о философіи искусства ученіе о господствующей способности получаетъ свое теоретическое основаніе, и затѣмъ она же является основнымъ положеніемъ для послѣдняго сочиненія Тэна—исторіи якобинцевъ.

Изъ этихъ данныхъ видно, что Тэнъ постоянно прибѣгалъ то къ одному, то къ другому изъ своихъ критическихъ пріемовъ, смотря по тому, какъ находилъ это въ данномъ случаѣ болѣе сообразнымъ съ обстоятельствами дѣла или болѣе полезнымъ для имѣвшейся въ виду цѣли, но что обѣ теоріи одинаково проходятъ черезъ всѣ сочиненія Тэна, выступая болѣе или менѣе ярко въ томъ или другомъ изъ нихъ. Иначе и не могло бы быть, такъ какъ обѣ теоріи, какъ мы показали, представляютъ собственно двѣ стороны одного и того же научнаго принципа.

---

[1]) Phil. de l'art, I, 66.

[2]) „Вѣстн. Европы" 1887, окт., стр. 763.

Обратимся теперь къ практическому значенію критическаго ріема Тэна, основаннаго на теоріи „господствующей способности", разсмотримъ сначала тѣ возраженія, которыя были противъ нея дѣланы.

Она при первомъ появленіи своемъ была встрѣчена съ ольшимъ скептицизмомъ со стороны главныхъ французскихъ ритиковъ того времени: Сентъ-Бёва, Шерера и др. Русскимъ итателямъ болѣе извѣстны возраженія, сдѣланныя Брандесомъ ъ его упомянутомъ этюдѣ о Тэнѣ. Брандесъ замѣчаетъ, воервыхъ, что теорія эта слишкомъ широка, — и потому должна рибѣгать къ слишкомъ общимъ опредѣленіямъ. Тэну не хваетъ преобладающихъ способностей, чтобы снабдить ими массу ицъ, имъ характеризуемыхъ, и ему приходится приписывать дну и ту же преобладающую способность самымъ различнымъ исателямъ — Шекспиру и Диккенсу, Титу Ливію и Виктору ʻузену. Съ другой стороны, эта теорія вмѣстѣ слишкомъ зка, такъ какъ духъ человѣка вовсе не такъ единообразенъ,—и лишкомъ сложенъ и подвиженъ, чтобы поддаваться до такой тепени одной какой-нибудь способности. Далѣе Брандесъ отвергаетъ доказательство Тэна въ пользу его теоріи, основанное на налогіи съ органической природой, гдѣ сильное развитіе одного акого-нибудь органа связано съ ослабленіемъ другихъ, какъ апримѣръ сила ногъ и слабость крыльевъ у страуса. Въ жизни юдей и націй,—говоритъ Брандесъ,—это не такъ; то, что ослаѣваетъ у лица менѣе способнаго—можетъ процвѣтать у другого, олѣе одареннаго, рядомъ съ какою-нибудь иною сильно развитою пособностью. Далѣе, вслѣдствіе невозможности подвести дѣятельость извѣстныхъ писателей подъ одно свойство, Тэну часто приодится на практикѣ обходиться простымъ изображеніемъ и описыаніемъ ихъ способностей, не дѣлая отсюда какого-нибудь вывода — примѣромъ чему можетъ служить характеристика Бальзака. Наконецъ, по словамъ Брандеса, Тэнъ, въ силу этой своей теоріи, ылъ вынужденъ всегда разсматривать личность какъ нѣчто устойивое. Не будучи способенъ уразумѣть исторію развитія таланта, Тэнъ никогда не дѣлалъ къ этому и попытокъ.

Къ этимъ общимъ возраженіямъ Брандесъ прибавляетъ другое, аимствованное изъ его собственной *практики*, какъ литературнаго ритика. Онъ вынесъ изъ нея убѣжденіе, что теорія „господствующей способности" далеко не всегда даетъ ключъ къ уразумѣнію писателя. Такъ, въ датскомъ писателѣ Кіеркегаардѣ, по словамъ Брандеса, легко можно указать „господствующую способность": это—піэтизмъ, дошедшій до энтузіазма. Брандесъ, однако,

заявляетъ, что онъ не понималъ Кіеркегаарда до тѣхъ поръ, пока не открылъ, что *одинъ случай* въ юности этого писателя—несостоявшійся бракъ—опредѣлилъ напередъ цѣлый періодъ его жизни и внушилъ ему тему „благочестиваго обмана", т.-е. обмана изъ любви, которую онъ потомъ „безконечно варьировалъ" въ своихъ произведеніяхъ. У другого писателя—глубокаго по мысли лирика Стаффельда—„господствующей способностью" является созерцаніе, на половину метафизическое, на половину лирическое, но дѣло опять не въ ней, а въ особомъ пантеистическомъ воззрѣніи на жизнь и природу, въ силу котораго поэтъ прославлялъ все то, въ чемъ онъ усматривалъ воплощеніе *единства* вселенной—сталактитовые гроты, музыкальную гармонію, пластическое соединеніе противоположностей въ античныхъ гермафродитахъ. Итакъ, въ одномъ случаѣ „господствующее событіе" въ жизни писателя, въ другомъ „господствующее воззрѣніе" опредѣляютъ творчество гораздо сильнѣе и характернѣе, чѣмъ присущія этимъ писателямъ „господствующія способности".

Приведенныя здѣсь замѣчанія Брандеса интересны уже потому, что даютъ намъ возможность проникнуть въ собственную его лабораторію литературной критики, вполнѣ сосредоточиваютъ въ себѣ все, что можно возразить противъ разсматриваемаго нами критическаго пріема Тэна. Взвѣсивъ эти возраженія, мы однако убѣдимся въ томъ, что они вообще направлены не противъ сущности Тэновской критики, не отрицаютъ ея въ принципѣ, а только ведутъ къ ея ограниченію и болѣе точному опредѣленію круга ея дѣйствій, т.-е. собственно служатъ къ дополненію и дальнѣйшему развитію мысли Тэна. Самое серьезное возраженіе противъ теоріи господствующей способности, конечно, заключается въ томъ, что она не вездѣ примѣнима, т.-е. что не у каждаго писателя или художника можно найти такое основное свойство, которое дозволило бы критику сгруппировать около него всѣ остальныя свойства писателя и объяснить ими всѣ его произведенія. Это совершенно справедливо, но это замѣчаніе не уничтожаетъ значенія пріема тамъ, гдѣ онъ можетъ найти себѣ мѣсто. Возраженіе было бы существенно, еслибы Тэнъ выдавалъ свой пріемъ какъ безусловно вѣрный; можетъ быть, онъ въ началѣ своей критической дѣятельности и увлекался значеніемъ изобрѣтеннаго имъ пріема, нѣсколько разъ такъ удачно имъ примѣненнаго, — но надо имѣть въ виду заявленіе самого Тэна, что онъ не имѣлъ притязанія проповѣдовать особую [1]) систему, а пы-

[1]) Je n'ai point tant de prétention que d'avoir un système; j'essaye tout au plus de suivre une méthode. Новое предисл. къ „Essais de crit.", p. I.

ъ извѣстному методу, т.-е. указывалъ путь, который извѣстныхъ случаяхъ вести къ цѣли и объяснить писателя или художника съ самой характерной для рѣнія. Что касается до отдѣльныхъ случаевъ, то льзака не очень убѣдительна. Мы не знаемъ, почему водился въ статьѣ о Бальзакѣ теоріей господствую-сти, но что онъ могъ бы положить ее въ основаніе ристики этого романиста, это читатели могутъ за-вышеприведенной нами выписки, гдѣ Тэнъ харак-льзака какъ натуралиста и какъ художника, довед-ности натуралистическій методъ.

асается до тѣхъ случаевъ, гдѣ теорія Тэна дѣй-примѣнима или оказалась бы слишкомъ узка, какъ ельно Шекспира, — который не поддается такому то по этому поводу было бы интересно разсмотрѣть , почему у нѣкоторыхъ писателей существуетъ такое йство, у другихъ же его нельзя указать. Можетъ огласился бы признать, что чѣмъ сильнѣе геній пи-имъ гармоничнѣе его натура, тѣмъ менѣе его дѣя-дается *объясненію* одною господствующей способ-айней мѣрѣ мы находимъ подобную мысль у Тэна двухъ другихъ факторовъ, которымъ онъ приписы-вліяніе на индивидуальное творчество—воспитанія водя мысль, что культура ослабляетъ образность въ енности, Тэнъ этимъ объясняетъ то, что въ наше икъ можетъ развивать въ себѣ способность удержи-авать образы только съ помощью упорнаго напря-го упражненія—посредствомъ, такъ сказать, проти-воспитанія (contre-éducation), которое насилуетъ воспитаніе; такое страшное усиліе приводитъ къ ъ горячечному состоянію; оттого, говоритъ Тэнъ, наши колористы, какъ изъ литераторовъ, такъ изъ -перенапряженные (surmenés) и разстроившіеся ви-завъ на цѣлый рядъ примѣровъ—Гейне, Викторъ , Свинбернъ, Эдгаръ Пое, Бальзакъ, Делакруа и продолжаетъ: „въ наше время было много людей артистической натурой. Всѣ почти пострадали отъ нія и своей среды. Одинъ Гёте сохранилъ равно-этого нужны были его благоразуміе, его упорядо-и его постоянное самообладаніе" [1]). Итакъ, Гёте

[1]) ...rt, I, 173.

обладалъ силою побѣдить въ себѣ вліяніе воспитанія и среды и сохранить равновѣсіе художественныхъ способностей. Не примѣнимо ли это и къ вліянію „господствующихъ способностей", которыя во всякомъ случаѣ налагаютъ односторонній характеръ на творчество? И не потому ли теорія „господствующей способности" даетъ такъ мало результатовъ въ приложеніи къ такому многостороннему генію, какъ Шекспиръ?

Другое возраженіе противъ теоріи Тэна заключается въ томъ, что одна и та же „господствующая способность" можетъ быть указана у различныхъ писателей, и что въ такомъ случаѣ нельзя вывести изъ одного источника столь разнообразныхъ результатовъ. На это можно сказать, что такъ какъ условія среды должны вліять на проявленія основного свойства, то таковое будетъ видоизмѣняться сообразно съ этимъ вліяніемъ, подобно тому, какъ въ различной средѣ вода изъ одного источника окрашивается въ различные цвѣта. Поэтому существованіе одного и того же основного свойства у нѣсколькихъ писателей нисколько не лишаетъ критика возможности приложить свой пріемъ къ дѣлу и только налагаетъ на него обязанность расширить свою задачу и указать вліянія, которымъ подчинялась „господствующая способность". Вообще нужно замѣтить, что самъ Тэнъ понималъ на практикѣ свою теорію гораздо шире и проводилъ ее менѣе безусловно, чѣмъ можно думать, если брать во вниманіе только его отвлеченную формулу. Въ доказательство можно привести его критику нѣкоторыхъ историческихъ „портретовъ" въ римской исторіи Ливія. Теорія „господствующихъ способностей", по мысли Тэна, лежитъ въ основаніи не только литературнаго и художественнаго творчества, но вообще въ основаніи всякой индивидуальности, а потому и дѣятельности крупныхъ историческихъ лицъ. Поэтому ею долженъ руководиться не только критикъ—при объясненіи произведеній извѣстнаго писателя, но и историкъ—при „воспроизведеніи" историческаго лица.

Исходя изъ этой мысли, Тэнъ анализируетъ „характеристики" Тита Ливія и, находя ихъ недостаточно реальными, исправляетъ ихъ, рѣзче подчеркивая или оттѣняя въ нихъ господствующія черты. Такимъ образомъ, Тэнъ, въ сущности, даетъ намъ новые портреты, портреты своей руки, и на нихъ мы наглядно можемъ изучать манеру самого Тэна. Мы ниже увидимъ, чѣмъ Тэнъ объясняетъ преимущества и недостатки Тита Ливія; теперь скажемъ только, что Тэнъ признаетъ за нимъ великую способность угадывать страсти, а потому и понимать характеръ историческихъ лицъ и народовъ. Вотъ почему ему такъ удалась характеристика

цѣлаго ряда выдающихся личностей—Ганнибала, Фабія Максима, Сципіона, Катона, Павла Эмилія, „въ которыхъ онъ, какъ выражается Тэнъ, съ необычайною силою изображаетъ высокія качества великихъ мужей—любовь къ свободѣ и отечеству, непоколебимое мужество и гордость, спокойную величавость, вдохновленный порывъ".

Несмотря, однако, на все это, цѣль историка, по мнѣнію Тэна, была достигнута Ливіемъ только на половину. Французскій критикъ объясняетъ это тѣмъ, что римскій историкъ преимущественно воскрешаетъ передъ нами общечеловѣческія страсти, а не сложныя сочетанія своеобразныхъ чувствъ, которыя представляетъ собою индивидуальная человѣческая душа. По этому поводу Тэнъ далѣе говоритъ, что Ливій изображаетъ скорѣе качества, чѣмъ живыя лица, а „если онъ и представляетъ намъ ихъ преобладающую страсть, то опускаетъ ея *источникъ* и *послѣдствія*, не объясняетъ ея *обстоятельствами*, способствовавшими ея развитію, не объясняетъ ею все остальное и пр.

Можно думать, что Тэнъ предвидѣлъ приведенныя выше возраженія и намѣренно ихъ предупредилъ. Что эти слова, видоизмѣняющія теорію Тэна о *господствующей способности* и дополняющія ее, не случайны, въ этомъ можно убѣдиться при болѣе подробномъ знакомствѣ съ критическими замѣчаніями Тэна о характеристикахъ Ливія. Относительно Ганнибала Тэнъ находитъ, что Ливію слѣдовало бы мотивировать крупные пороки кареагенскаго вождя, равнявшіеся его великимъ качествамъ, и что въ этомъ случаѣ характеристика Ганнибала была бы вѣрнѣе и ближе къ дѣйствительности. Для самого Тэна ключомъ къ правдивому изображенію Ганнибала служитъ *важнѣйшее обстоятельство* въ его жизни—а именно то, что онъ выросъ и получилъ свое воспитаніе въ лагерѣ наемниковъ. Его „родиною" и достояніемъ его рода былъ кареагенскій лагерь въ Испаніи—это сборище наемныхъ разбойниковъ безъ рода и отечества, возвращавшихся съ войны виновными въ ничѣмъ не искупаемыхъ злодѣйствахъ, представлявшихъ въ себѣ смѣсь всѣхъ вѣрованій, всѣхъ языковъ, всякихъ нравовъ — настоящій странствовавшій Содомъ. Но двадцать лѣтъ непрерывныхъ войнъ, три замѣчательныхъ полководца, ими поочередно командовавшихъ, и столько битвъ съ упорными въ сопротивленіи испанцами — сдѣлали ихъ лучшими воинами тогдашняго міра. Ганнибалъ, вскормленный въ походной палаткѣ, былъ—подобно имъ—„авантюристъ и солдатъ".

Подобнымъ образомъ Тэнъ упрекаетъ Ливія въ томъ, что онъ не объяснилъ нравственныхъ свойствъ Павла Эмилія *обстоя-*

тельствомъ его происхожденія отъ древняго патриціанскаго рода и тѣмъ *воззрѣніемъ* на жизнь и людей, которое Павелъ Эмилій вынесъ изъ семейныхъ преданій и сословныхъ нравовъ. Уже по своему имени Павелъ Эмилій былъ предназначенъ къ почестямъ и высокимъ должностямъ; онъ родился государственнымъ человѣкомъ, привыкъ смотрѣть на дѣла Рима какъ на свои собственныя, и на свое отечество—какъ на свое наслѣдственное достояніе. „Его положеніе въ римскомъ обществѣ *объясняетъ* его доблесть и внушаетъ ему тотъ взглядъ на жизнь, который лежитъ въ основаніи его образа дѣйствій". Его постоянное и неотступное соблюденіе на войнѣ священныхъ обрядовъ объясняется наслѣдственнымъ уваженіемъ патриціевъ къ авгуральной наукѣ. Какъ гордый патрицій, Павелъ Эмилій презираетъ богатство: побѣдитель богатѣйшаго царя Персея, онъ оставляетъ по смерти состояніе, едва достаточное, чтобы возвратить вдовѣ его принесенное ею приданое, и выдаетъ дочь замужъ за Туберона, человѣка прадѣдовской бѣдности и простоты нравовъ. Въ силу родовитой гордости онъ не заискиваетъ у народа и такъ сурово возстановляетъ въ войскѣ строгую дисциплину, что солдаты, имъ обогащенные, относятся несочувственно къ его тріумфу. Этою же гордостью объясняется величавое спокойствіе, которое онъ всегда обнаруживалъ, и съ которымъ перенесъ гибель своихъ сыновей на войнѣ и т. д. Такъ дополняетъ и объясняетъ Тэнъ изображеніе Павла Эмилія у Ливія. Это ли не признаніе того, что дѣло критика или историка не исчерпывается разысканіемъ „господствующей способности" или „преобладающаго свойства", а что *обстоятельства жизни* и *воззрѣнія на жизнь* нерѣдко пролагаютъ то глубокое русло, по которому принуждена направиться сама господствующая способность?

IV.

Стараясь привести въ объясненіе и въ защиту критическаго пріема Тэна все, что̀ намъ казалось справедливымъ сказать съ его точки зрѣнія, мы этимъ не имѣли въ виду отрицать силу сдѣланныхъ противъ него возраженій. Напротивъ, ниже, когда зайдетъ рѣчь о естественно-научномъ основаніи для теоріи господствующаго свойства, мы укажемъ, насколько слабыя стороны этой теоріи коренятся въ самомъ ея основаніи.

Но мы настаиваемъ на томъ, что какъ бы ни былъ ограниченъ кругъ явленій, къ которымъ приложима теорія „господствую-

щей способности", о достоинствѣ извѣстнаго метода слѣдуетъ судить не потому только, чего онъ не можетъ дать, а по его положительнымъ результатамъ, —и къ этому вопросу мы теперь обратимся.

Что касается до результатовъ, которые дала Тэновская теорія господствующей способности, то первое мѣсто между ними принадлежитъ его изслѣдованію о Титѣ Ливіѣ. Правда, послѣ этого Тэну нигдѣ не удалось провести на какомъ-нибудь сюжетѣ свою теорію такъ систематично, такъ послѣдовательно и обстоятельно, но зато этотъ очеркъ представляетъ собою дѣйствительно блестящій образчикъ критическаго метода Тэна.

Тѣмъ болѣе странно, что, несмотря на свои очевидныя достоинства и на сочувствіе публики, выразившееся въ многочисленныхъ изданіяхъ [1]) книги о Ливіѣ, это произведеніе Тэна недостаточно оцѣнено. Это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что филологи, изучающіе Ливія, рѣдко слѣдятъ за литературой, стоящей внѣ ихъ спеціальности, и чуждаются метода, столь отступающаго отъ ихъ обычныхъ пріемовъ; критики же Тэна не всѣ достаточно знакомы съ Ливіемъ и не всегда давали себѣ трудъ провѣрить взглядъ Тэна на самомъ римскомъ историкѣ. Любопытнымъ примѣромъ опрометчиваго сужденія о книгѣ Тэна можетъ послужить отзывъ о ней Катчера, переводчика исторіи французской революціи Тэна на англійскій языкъ. Въ своемъ біографическомъ очеркѣ о Тэнѣ [2]), Катчеръ утверждаетъ, что заключенія Тэна о Ливіѣ не только „гадательны и ошибочны, но рѣшительно ложны". Приговоръ этотъ основанъ на слѣдующемъ разсужденіи. Тэнъ, признавая за Ливіемъ ораторскій талантъ, считаетъ его плохимъ историкомъ; однако Монтескьё, Маколей, Гиббонъ и другіе были весьма недурные историки, хотя обладали значительною ораторскою способностью. Недостатки, которые Тэнъ выводитъ изъ ораторской способности Ливія—невниманіе къ источникамъ и т. п., доказываютъ только, что Ливій былъ небрежный писатель (careless). Результатомъ критическаго пріема Тэна, по словамъ Катчера, является лишь цѣлый рядъ парадоксовъ и обобщеній, остроумныхъ и весьма замѣчательныхъ, „но къ несчастію не всегда справедливыхъ". Къ этому Катчеръ прибавляетъ, что методъ Тэна, если и содѣйствовалъ выясненію поэтическаго вдохновенія у Лафонтэна, послужилъ также „къ умаленію таланта Ливія въ исторіографіи".

[1]) Критическое изслѣдованіе Тэна о Титѣ Ливіѣ переведено на русскій языкъ съ примѣчаніями гг. А. Ивановымъ и Е. Щепкинымъ и издано К. Т. Солдатенковымъ въ 1885 г.

[2]) Nineteenth Century, 1886, іюль, стр. 57.

Какъ скудно представлено здѣсь содержаніе изслѣдованія о Титѣ Ливіѣ; можно думать, что Тэнъ задавался лишь желаніемъ обнаружить несостоятельность и слабыя стороны римскаго историка. Мы, напротивъ, увѣрены, что нѣтъ читателя, который, познакомившись съ книгою Тэна, не исполнился бы глубокаго сочувствія и уваженія къ Ливію; конечно, для этого нужно, чтобы онъ не остановился въ своемъ чтеніи на первой главѣ, которую имѣетъ въ виду Катчеръ. Можно сказать, что никто въ наше время не содѣйствовалъ такъ много къ выясненію достоинства и значенія великаго римскаго историка, какъ Тэнъ. Онъ положительно приблизилъ его къ современному пониманію, и книга Тэна о Ливіѣ можетъ внушить симпатію къ римскому историку даже тѣмъ, кто чуждался реторической стороны его таланта.

Посмотримъ теперь, какъ проявился въ изслѣдованіи о Титѣ Ливіѣ критическій методъ Тэна, основанный на обсуждаемой нами теоріи.

Господствующимъ свойствомъ, подъ вліяніемъ котораго находятся всѣ другія черты творчества Ливія, Тэнъ признаетъ его *ораторскую* способность. Ливій, говоритъ онъ, былъ рожденъ ораторомъ. Ораторомъ сдѣлали его наслѣдственныя свойства его расы и его сословія. Ораторомъ дѣлалъ его вѣкъ и господствующее направленіе въ литературѣ и во вкусахъ римскаго общества. Но историческія обстоятельства положили въ началѣ имперіи предѣлъ свободному проявленію ораторскаго таланта. Ливій поэтому перешелъ къ исторіи, и на это поприще перенесъ свой ораторскій талантъ и свои ораторскія наклонности. Оттого знаменитое твореніе его—исторія города Рима – повсюду носитъ на себѣ черты его ораторскаго свойства. Ливій и въ исторіи остался ораторомъ. Таково основное положеніе Тэна—*его теза*. Эту тему Тэнъ проводитъ по всѣмъ частностямъ своего изслѣдованія о Ливіѣ. Онъ наблюдаетъ, какъ главное свойство таланта этого историка, т.-е. его ораторство, отражается на всемъ его трудѣ, на его содержаніи и на его формѣ, на подборѣ и выборѣ историческаго матеріала, на философіи Ливія, т.-е. на его способѣ связывать факты и опредѣлять ихъ значеніе, на его пониманіи характеровъ историческихъ лицъ, на его повѣствованіи, на рѣчахъ, влагаемыхъ имъ въ уста его героямъ, наконецъ на его слогѣ, т.-е. на подборѣ словъ и на грамматическихъ оборотахъ.

Ораторское направленіе, которому слѣдуетъ Ливій, должно было имѣть для исторіи какъ благопріятныя, такъ и невыгодныя послѣдствія. „Описать свойства оратора,—говоритъ поэтому Тэнъ,—значитъ изобразить недостатки и достоинства, отсюда вытекающія“.

Тэнъ и старается указать эти обусловливаемые ораторствомъ недостатки и достоинства—въ первой части своей книги—на научной сторонѣ исторіи Ливія; затѣмъ—во второй части—на художественной сторонѣ его труда. Подъ научной стороной Тэнъ разумѣетъ ученые пріемы историка—способъ собирать и провѣрять фактическій матеріалъ и затѣмъ философію историка, т.-е. способъ объясненія событія причинами или подведеніе фактовъ подъ общіе законы.

Ученые пріемы Ливія повидимому наименѣе объяснимы непосредственно изъ его ораторскаго направленія. Если Ливій въ изображеніи старины слишкомъ пренебрегалъ подлинными памятниками и современными свидѣтельствами; если онъ не подвергалъ систематической критикѣ лѣтописцевъ и историковъ, которыми онъ пользовался, то это, конечно, можно объяснить младенчествомъ исторической критики и вкусами публики, для которой писалъ Ливій, помимо его ораторской наклонности. Однако нельзя не согласиться съ Тэномъ, что это свойство играло и здѣсь выдающуюся роль. „Какъ образованный и патріотическій ораторъ, Ливій избѣгаетъ ученыхъ изысканій, изучаетъ только то, что можетъ служить матеріаломъ для краснорѣчія, украшаетъ все, что у него подъ рукою, своимъ прекраснымъ слогомъ, и имѣетъ въ виду прославленіе своего отечества и своего сословія“ [1]).

Ораторскія наклонности, конечно, плохо вяжутся съ археологическими вкусами. Мѣтко и вѣрно восклицаетъ Тэнъ: „какъ вообразить себѣ нашего благороднаго оратора закопавшимся на цѣлый день среди покрытыхъ плесенью памятниковъ, съ лампочкой въ рукѣ, въ углу какого-нибудь древняго храма, провѣряя стараго лѣтописца Фабія?“ или: „какъ требовать отъ Ливія, чтобы онъ разворошилъ громадную груду суевѣрнаго ребячества, накопившагося въ анналахъ понтификовъ, подробностей и цифръ, касающихся торговли и администраціи, для того, чтобы извлечь отсюда какую-нибудь черту нравовъ, какую-нибудь подлинную дату, какое-нибудь указаніе относительно дѣйствительнаго хода кампаній?—это значило бы не понимать его свойствъ и насиловать его талантъ“.

Тэнъ отдаетъ справедливость ученымъ пріемамъ Ливія. Изъ

[1]) Тэнъ разумѣетъ здѣсь патриціанское сословіе, напрасно называя Ливія патриціемъ и преувеличивая сочувствіе Ливія къ патриціямъ. Если Ливій иногда беретъ сторону патриціевъ противъ агитаціи народныхъ трибуновъ, то это происходитъ главнымъ образомъ изъ опасенія, чтобы внутреннія смуты не ослабили Рима, т.-е. изъ того же патріотическаго чувства, которое составляетъ основную ноту всего его произведенія.

прирожденной добросовѣстности и любви къ истинѣ Ливій внимателенъ къ своему матеріалу, до извѣстной степени даже провѣряетъ его, но, какъ говоритъ Тэнъ, онъ „настолько точенъ, насколько это возможно, когда авторъ по природѣ ораторъ, а не историкъ“, т.-е. когда ораторскія потребности являются мѣриломъ при собираніи и критикѣ матеріала, а не научная любовь къ непосредственной исторической истинѣ.

Такъ мало-по-малу Тэнъ убѣждаетъ читателя, что ораторство имѣло не мало вліянія на научную сторону труда Ливія, и читатель уже не жалуется на натяжку, когда въ концѣ книги Тэнъ, подводя итоги, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ съ научной стороны римскаго историка-оратора: *„въ силу того, что онъ лишь ораторъ*, ему недостаетъ критическаго смысла и критической страсти, онъ пренебрегаетъ подлинными памятниками, плохо провѣряетъ лѣтописцевъ, которыми пользуется, помѣщаетъ въ повѣствованіи только факты ораторскаго пошиба и стушевываетъ грубость первобытнаго варварства въ древнемъ Римѣ подъ однообразіемъ слишкомъ совершеннаго слога“.

Съ другой стороны, ораторство служитъ Ливію подспорьемъ къ раскрытію исторической истины. Задача оратора—возбуждать въ слушателяхъ извѣстныя чувства и настроенія; онъ поэтому знакомъ съ человѣческими страстями и знаетъ сердце человѣка. Это даетъ ему большое преимущество въ области исторіи. Онъ вноситъ правду и жизнь въ свое повѣствованіе, потому что угадываетъ выражавшіяся въ событіяхъ человѣческія страсти. Правда, ораторъ лучше знаетъ человѣка вообще, чѣмъ отдѣльныхъ людей. Ораторскій геній лучше постигаетъ общія чувства, одинакія во всѣ времена, чѣмъ тѣ оттѣнки чувства, которыя относятся къ извѣстнымъ временамъ и народамъ. Но тѣмъ не менѣе ораторскій геній даетъ своего рода откровеніе истины, и Тэнъ показываетъ на нѣсколькихъ примѣрахъ (разсказъ о Лукреціи) какимъ образомъ Ливій, помимо исторической критики, благодаря инстинкту оратора, угадывалъ въ событіяхъ—въ отличіе, напр., отъ Діонисія—жизненную правду, или какъ его ораторское настроеніе помогало ему правильно понимать достоинство и величіе древнихъ римскихъ традицій. Еще болѣе значенія, чѣмъ въ области историческихъ фактовъ, имѣетъ ораторское направленіе въ объясненіи причинъ, вызвавшихъ факты или — какъ выражается Тэнъ — въ философіи исторіи. Ливій не сознаетъ необходимости сводить излагаемые имъ факты къ ихъ причинамъ, группировать вмѣстѣ однородные факты, управляемые одной причиной, и отыскивать общій законъ, лежавшій въ основаніи всего историческаго про-

цесса, имъ описываемаго. Ливій-повѣствователь становится философомъ исторіи только потому, что его къ этому побуждаетъ его ораторское свойство, и настолько, насколько это нужно для его ораторской цѣли, а потому его философія римской исторіи неполна и непослѣдовательна.

Историкъ-ораторъ, влагая въ уста своимъ историческимъ героямъ сочиненныя имъ рѣчи, принужденъ въ этихъ рѣчахъ выражать страсти историческихъ лицъ, мотивы, которыми они руководились, доводы, которые они приводили, чтобы убѣдить другихъ, и такимъ образомъ онъ развертываетъ передъ своими читателями „картину страстей и причинъ, вызвавшихъ событія". Вслѣдствіе этого онъ, такъ сказать, невольно наталкивается на объясненіе событій и раскрываетъ читателямъ внутренній смыслъ исторіи. Но вкусъ и даръ краснорѣчія не тождественны съ чистою любовью къ научной истинѣ, которая требуетъ сознательнаго и систематическаго изученія историческихъ законовъ и причинъ; поэтому Ливій очень многихъ фактовъ вовсе не объясняетъ. Если онъ разсуждаетъ о причинахъ и смыслѣ событій, то случайно, какъ ораторъ (par bonheur oratoire). Онъ принужденъ ждать, чтобы въ его повѣствованіи встрѣтилась какая-нибудь историческая личность, которая взяла бы на себя его роль, и, произнеся рѣчь, объяснила бы смыслъ событій. Такимъ образомъ, занятый лишь тѣмъ, чтобы заставить говорить историческія личности и прославлять ихъ подвиги, Ливій только мимоходомъ указываетъ намъ причины событій и нерѣдко ихъ опускаетъ, располагаетъ факты какъ лѣтописецъ, а не какъ философъ, не умѣетъ дѣлать выборъ между ними, и не столько пишетъ исторію, сколько даетъ сборникъ матеріаловъ и образчиковъ для краснорѣчія. „Онъ находитъ всѣ общіе законы, которые можно найти, не разыскивая ихъ". Ливій однако выяснилъ основную идею, которая выражаетъ собою сущность римской исторіи и управляетъ ею, а именно, что поврежденіе нравовъ было причиной паденія Рима. Ливій обрѣлъ эту идею, какъ моралистъ, который съ любовью задавался описаніемъ древнихъ доблестей и замѣтилъ ихъ постепенное извращеніе. Тэнъ и эту заслугу приписываетъ ораторскому генію Ливія; по его мнѣнію, Ливій сталъ моралистомъ потому, что изъ всѣхъ отдѣловъ философіи этика наиболѣе ораторскаго свойства.

Подобно научному содержанію, и художественная сторона Ливіева труда носитъ на себѣ печать ораторскаго таланта. Художественную сторону историческаго труда нужно прежде всего искать въ изображеніи характеровъ. Здѣсь Ливій вполнѣ является

ораторомъ. „Существуютъ три способа изображать характеры,—говоритъ Тэнъ:—историкъ или создаетъ изображеніе по зрѣломъ размышленіи; такъ поступилъ Ѳукидидъ, историкъ-философъ—въ изображеніи характера аѳинянъ и лакедемонянъ. Или историкъ рисуетъ людей въ ихъ дѣйствіяхъ; таковъ способъ Тацита, какъ и поэтовъ вообще. Или же историкъ излагаетъ чувства людей посредствомъ ихъ рѣчей; это способъ ораторовъ, и въ немъ выразился талантъ Ливія".

Тэнъ чрезвычайно превозноситъ характеристику римскаго народа, которая разбросанно заключается въ исторіи Ливія. Это лучшій изъ его историческихъ портретовъ. Этотъ портретъ чисто ораторскій, ибо весь состоитъ изъ рѣчей и ораторскихъ повѣствованій. Съ каждою новою рѣчью, съ каждымъ подвигомъ, ораторски описаннымъ, этотъ портретъ римскаго народа выступаетъ полнѣе и явственнѣе. Тэнъ выбираетъ изъ исторіи Ливія цѣлый рядъ эпизодовъ и группируетъ ихъ, какъ въ мозаикѣ, въ одно живое изображеніе римскаго народнаго характера; подборъ сдѣланъ очень удачно и искусно освѣщенъ Тэномъ, но матеріалъ весь принадлежитъ Ливію, и заключающійся въ немъ портретъ римскаго народа нельзя не признать дѣломъ этого историка. Это Ливіево изображеніе, очевидно, носитъ на себѣ слѣды ораторскаго таланта. Все великое и героическое въ характерѣ римлянъ подмѣчено и собрано Ливіемъ; но все мелочное и грубое опущено, такъ какъ такія черты были непригодны для историка-оратора и патріота.

Менѣе удачны, по замѣчанію Тэна, у Ливія характеристики другихъ, побѣжденныхъ народовъ. Ливій ограничивается обыкновенно нѣсколькими чертами, хотя эти черты—въ изображеніи, напр., аѳинянъ или галловъ—хорошо подмѣчены. Ливій и тутъ является ораторомъ: онъ подмѣчаетъ въ этихъ народахъ болѣе простыя, общія, такъ сказать, человѣческія страсти, чѣмъ страсти сложныя, особенныя и національныя. Чтобы изобразить послѣднія, Ливію нужно было бы быть живописцемъ и обладать воображеніемъ живописца, но краснорѣчіе не замѣняетъ воображеніе, и опасно,—говоритъ Тэнъ,—быть ораторомъ тамъ, гдѣ надо было быть живописцемъ. Къ тому же заключенію приходитъ Тэнъ относительно характеристикъ отдѣльныхъ лицъ въ сохранившихся книгахъ Ливія.

Мы имѣли уже случай упомянуть объ этихъ характеристикахъ, когда объясняли, какъ Тэнъ понимаетъ свою теорію господствующей способности. Здѣсь мы коснемся вопроса, какимъ образомъ Тэнъ на характеристикахъ Ливія отмѣчаетъ вліяніе ораторскаго направленія на пониманіи и изображеніи историческихъ

лицъ. Тэнъ чрезвычайно удачно достигаетъ своей цѣли, сопоставляя черты, которыя подмѣчаетъ и собираетъ Ливій въ своихъ историческихъ портретахъ, съ свѣденіями, сообщаемыми другими древними писателями.

Особенную пользу въ этомъ отношеніи принесъ Тэну Плутархъ, этотъ любознательный и начитанный біографъ, сохранившій для насъ много мелкихъ и оригинальныхъ чертъ своихъ героевъ, придающихъ имъ жизненный, реалистическій характеръ, но совершенно сглаженныхъ въ величавыхъ и торжественныхъ изображеніяхъ Ливія. Чрезвычайно любопытно наблюдать этимъ способомъ надъ работою и манерою оратора; ясно видно, какими свѣденіями онъ дорожитъ, какими пренебрегаетъ, и чѣмъ при этомъ руководится. На первомъ планѣ у него не простое, какъ можно болѣе близкое къ истинѣ, воспроизведеніе историческаго лица,—а цѣль ораторская.

Въ характеристикѣ Ганнибала Ливій съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ выставилъ на видъ великія дарованія этого грознаго врага римлянъ, и это дало ему право ярко освѣтить и его пороки. Но свойства Ганнибала не приведены въ связь съ его жизненной обстановкой и лишены поэтому индивидуальнаго, личнаго характера. Оттого изображеніе Ганнибала величественно, но оно, въ хорошемъ, какъ и въ дурномъ, выше человѣческаго роста. Ливій, по мѣткому замѣчанію Тэна, не столько заботится о томъ, чтобы познакомить насъ съ Ганнибаломъ, какъ о томъ, чтобы расположить своихъ читателей въ пользу римлянъ; „вѣдь показать геній и пороки ихъ врага есть средство заинтересовать ихъ успѣхами и оправдать ихъ пораженіе".

Фабій Максимъ у Ливія—самая мудрая и торжественная въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ личность. За исключеніемъ одного случая, приведеннаго Ливіемъ, во всѣхъ его рѣчахъ и во всей его жизни обнаруживается только благоразуміе и добродѣтели. Но эти похвалы,—говоритъ Тэнъ,—внушаютъ недовѣріе. Человѣкъ не простое качество: его темпераментъ даетъ его мудрости особый оттѣнокъ. Существо, взятое отвлеченно, какъ бы изувѣчено, а что̀ не полно, то̀ не имѣетъ жизни. Воображеніе ищетъ кругомъ себя, чего именно недостаетъ портрету, который остался эскизомъ.

Тэнъ находитъ *недостающее* портрету Фабія въ одной мелкой подробности у Плутарха, которая, конечно, не годилась для Ливія. Плутархъ сообщаетъ, что Фабія въ дѣтствѣ звали *овечкой* за его кротость и медленность темперамента. Тэнъ овладѣваетъ этой чертой; съ мастерствомъ объясняетъ ею другія черты характера

Фабія, проливаетъ свѣтъ на его образъ мысли и образъ дѣйствія, и предъ нами совершенно живое и индивидуальное лицо, не поддающееся ораторскому прославленію.

Изображеніе Катона у Ливія Тэнъ называетъ замѣчательно энергичнымъ, и о рѣчи по поводу закона Описа противъ роскоши, вложенной Ливіемъ въ уста Катона, Тэнъ говоритъ, что римскій историкъ вѣрно попалъ въ тонъ неумолимаго цензора. Однако эта рѣчь должна показаться слабою тому, кто перечтетъ анекдоты о Катонѣ, собранные Плутархомъ, и обратится къ собственнымъ сочиненіямъ Катона, до насъ дошедшимъ. Съ помощью этихъ матеріаловъ Тэнъ даетъ намъ другое изображеніе Катона, не идеализированное въ своей суровости и республиканской доблести, но поразительное по своей оригинальной индивидуальности и яркости историческаго колорита. Читатель видитъ на дѣлѣ разницу между ораторомъ въ исторіи, имѣющимъ цѣлью расшевелить и нравственно воспитать своихъ читателей, и историкомъ, преслѣдующимъ задачу разыскать и воскресить угасшую жизнь во всей ея правдивой дѣйствительности, и вполнѣ понимаетъ общую характеристику ораторскаго направленія, которою Тэнъ заключаетъ свою главу.

„Все, что̀ намъ приходилось осуждать или хвалить въ этомъ изображеніи характеровъ, есть слѣдствіе ораторскаго духа. Титъ-Ливій—ораторъ. Вотъ почему вмѣстѣ съ нимъ страсть вступаетъ въ изображеніе прошедшаго. Живой духъ проникаетъ въ ученыя изслѣдованія его предшественника Полибія. Сухіе анналы, однообразнымъ тономъ передававшіе перечень фактовъ, зазвучали голосомъ жизни; передъ глазами нашими проходитъ рядъ выразительныхъ образовъ; изъ груды пыльныхъ рукописей возстаетъ въ живыхъ толпа умершихъ людей и угасшихъ народовъ, и исторія, переставая быть сочетаніемъ отвлеченныхъ соображеній, становится картиною борьбы людей. Воображеніе даетъ жизнь всему, до чего оно прикасается, и именно самому лучшему изъ того, чего оно касается“.

Вотъ чѣмъ обязанъ римскій историкъ своему ораторскому таланту и направленію. Но задачи и пріемы оратора и историка не тождественны, и обладаніе ораторскимъ талантомъ поэтому отклоняетъ историка отъ его главной цѣли.

„Цѣль оратора—вызвать въ нашемъ сердцѣ извѣстное ощущеніе, а не начертать въ нашемъ умѣ изображеніе извѣстнаго характера. Вотъ почему, когда онъ становится историкомъ, ораторъ изображаетъ скорѣе отвлеченныя свойства, чѣмъ дѣйствительныя лица, какъ это сдѣлалъ Ливій въ характеристикѣ Фабія.

иаетъ у своихъ героевъ господствующую въ нихъ не указываетъ на ея причину, какъ Ливій въ ннибала, или на ея послѣдствія, какъ Ливій въ Павла Эмилія. Онъ не объясняетъ эту страсть , содѣйствовавшими ея развитію, но объясняетъ стороны извѣстной личности; такъ поступилъ Ли- Сципіона. Если онъ заставляетъ говорить своего ветъ болѣе о его дѣлѣ, чѣмъ о его личности, и ль естественна, сколько совершенна въ оратор- . Онъ смягчаетъ все грубое, исправляетъ всѣ не- вняетъ некрасивое, низкое, пошлое, чрезмѣрное, своихъ изображеніяхъ Катона и римскаго народа, равду покровомъ краснорѣчія. „Личности, такимъ оздания, слишкомъ прекрасны, чтобы быть ре- иденъ позади этихъ блѣдныхъ образовъ, и въ этой портретовъ портретъ самого Тита Ливія пред- самымъ полнымъ и ярко очерченнымъ".

и характеры, изображенные Ливіемъ подъ влія- го таланта. „Какъ же дѣйствуютъ и говорятъ эти словами, какъ повліялъ ораторскій талантъ на ованія у Ливія.

іе у Ливія, какъ извѣстно, постоянно прерывается а прямо заключается въ рѣчахъ. Поэтому ора- здѣсь болѣе умѣстенъ, чѣмъ въ изображеніи ха- ченой критикѣ и въ философіи, или, какъ выра- роистекающіе отъ него недостатки менѣе значи- ущества болѣе крупны.

емъ ораторскаго духа повѣствованіе выигрываетъ, всѣхъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе блѣдности исто- и самыя дѣйствія ихъ становятся слишкомъ без- етъ повѣствованію однообразный, монотонный ха- мъ ораторскій пріемъ обнаруживается въ массѣ и оборотовъ, которые всегда въ запасѣ у ора- мы ему, но въ исторіи вслѣдствіе частаго повто- ютъ излишній балластъ, какъ напр. „плачущія стонами ухватившіеся за мужей, ниспровергнутые и т. д. Наконецъ, оратору присущи потребность увеличенія, и вмѣстѣ съ ораторскимъ талантомъ проникло въ повѣствованіе Тита Ливія.

ора не изображать, а растрогать слушателя сво- ми; онъ относится къ истинѣ какъ къ средству- цѣли. Поэтому и Ливій, вмѣсто того, чтобы раз,

сказывать, доказываетъ. Онъ хочетъ не того, чтобы знали его героевъ, но чтобы ими восхищались; онъ не излагаетъ ихъ дѣйствій, а превозноситъ ихъ. Онъ не предоставляетъ читателю свободу судить о нихъ, но постоянно самъ при нихъ находится, всегда стараясь выставить ихъ на показъ, освѣтить выгоднымъ свѣтомъ. Онъ оповѣщаетъ читателя о ихъ появленіи, приготовляетъ для нихъ мѣста и показываетъ ихъ не ранѣе того, какъ успѣлъ привести публику въ соотвѣтствующее настроеніе. Все это подтверждено у Тэна примѣрами. Иногда въ такихъ случаяхъ краснорѣчіе Ливія приближается къ декламаціи, и ораторъ впадаетъ въ реторику, какъ напр. въ описаніи подвига Фабіевъ, весь родъ которыхъ числомъ 306—погибъ на защитѣ отечества, и всѣ 306 „были достойны перваго мѣста въ сенатѣ“.

Но съ другой стороны Ливій обязанъ ораторскому таланту лучшей своей стороной, способностью оживлять разсказъ и связывать всѣ его отдѣльныя части. Ибо краснорѣчіе, какъ его опредѣляетъ Тэнъ, есть искусство хорошо убѣждать, т.-е. собирать всѣ подробности сюжета въ одинъ общій сводъ доказательствъ, превращать рядъ фактовъ въ одну непрерывную аргументацію и располагать всѣ мысли въ виду одного общаго вывода.

Указавши на различіе пріемовъ историка-оратора и историка-живописца и на особенность воображенія, которымъ долженъ обладать первый, Тэнъ говоритъ: благодаря ему историкъ, усматривая факты, угадываетъ страсть, которая дала имъ жизнь и раскрываетъ внутреннюю драму, которая ихъ породила и въ нихъ завершается. Чудное это зрѣлище, когда историкъ совершаетъ свой путь среди отжившихъ и бездыханныхъ памятниковъ, поочередно прикасаясь къ нимъ, чтобы въ нихъ открыть признаки жизни, и вдругъ встрепенется подъ вліяніемъ догадки его озарившей и объяснившей ему силу и пылъ угасшихъ страстей.

Какъ образчикъ такого ораторскаго воскрешенія страстей, Тэнъ приводитъ и подробно анализируетъ столкновеніе между диктаторомъ Фабіемъ и его подчиненнымъ, начальникомъ конницы Папиріемъ,—столкновеніе, въ которомъ приняли живѣйшее участіе и отецъ послѣдняго, и сенатъ, и трибуны, и весь римскій народъ. Повѣствованіе объ этомъ фактѣ до такой степени ораторское, что почти цѣликомъ состоитъ изъ рѣчей. Обстоятельно разбирая ихъ, Тэнъ на отдѣльныхъ подробностяхъ мѣтко выясняетъ пріемы и работу оратора, и читатель не только соглашается съ нимъ, когда онъ говоритъ: „Прочтите шесть строкъ подрядъ у Тита Ливія, и невольно вашъ голосъ возвышается, вы принимаете ораторскій тонъ, вы защищаете какое-то дѣло, и вы произно-

сите рѣчь",—но читатель вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ, почему это такъ.

Преимущества, которыя доставляетъ Ливію его ораторскій талантъ, особенно наглядно выступаютъ при его сравненіи съ другими историками. Тэнъ сопоставляетъ, напр., разсказъ о Лукреціи у Діонисія и Ливія, и показываетъ, въ какомъ яркомъ свѣтѣ выступаетъ историческое чутье Ливія въ виду безтолковости Діонисія. Отчего это такъ? откуда сила и правдивость страсти у Ливія?—изъ ораторскаго таланта. „Сердце, какъ и умъ, имѣетъ свою логику, и ораторъ одинаково хорошо знакомъ съ тою и другою".

Еще поразительнѣе результатъ сравненія Ливія съ Полибіемъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ Ливій имѣетъ передъ собою достойнаго соперника. Но если на сторонѣ Полибія знаніе и наука, то на сторонѣ Ливія —драматическое воображеніе. Ливій пользовался Полибіемъ; мало того, онъ, можно сказать, списывалъ Полибія, и какое, однако, различіе между ихъ изложеніемъ! Тэнъ сопоставляетъ описаніе Ганнибалова перехода черезъ Альпы. У того и у другого историка ограничимся указаніемъ одной подробности. По поводу этого перехода Полибій разсуждаетъ о географическомъ значеніи Альпъ и замѣчаетъ, что Альпы расположены въ видѣ укрѣпленія или цитадели Италіи. У Ливія Ганнибалъ въ критическую минуту, когда отчаяніе овладѣло его войскомъ останавливаетъ его на высотѣ, откуда открывался обширный видъ на Италію и, обращаясь къ солдатамъ, говоритъ:—вы теперь взбираетесь на стѣны не Италіи только, но самого Рима. „Таково различіе,—заключаетъ Тэнъ,—между географомъ и ораторомъ".

Отъ ораторской формы повѣствованія перейдемъ къ разсмотрѣнію самихъ рѣчей, которыми изобилуетъ исторія Ливія. Повидимому тутъ ораторскій талантъ всего болѣе на своемъ мѣстѣ, и однако именно тутъ особенно ощутительно различіе между исторіей и ораторствомъ. Несмотря на ораторскій геній Ливія, не всѣ его рѣчи хороши; нѣкоторыя изъ нихъ неудачны, именно вслѣдствіе преобладанія или излишества ораторскаго духа.

Дѣло въ томъ, что не всякое слово есть ораторская рѣчь (harangue). Сочинить рѣчь, значитъ искусно распредѣлить предметъ ея, подкрѣпить каждую мысль извѣстными доводами, соединить отдѣльныя мысли стройными переходами, возвѣстить въ началѣ окончательный выводъ, и въ заключеніи повторить всѣ высказанные доводы. Но въ пылу дѣйствія или въ припадкѣ отчаянія никто не въ состояніи стройно выражать свои чувства или мысль. Не такъ у Ливія. Самыя сильныя страсти невольно

облекаются у него въ ораторскую форму. Авторъ передаетъ историческимъ лицамъ свои доводы, свой слогъ, и ихъ рѣчи становятся патетичны и вмѣстѣ съ тѣмъ исторически невѣрны. Это извинительно,—говоритъ Тэнъ,—на сценѣ, ибо поэтъ имѣетъ право украшать своихъ героевъ, вмѣстѣ съ страстью приписывать имъ талантъ, изъ героя или героини дѣлать оратора. „Но исторія—настолько же дѣло научной истины, насколько произведеніе искусства; она не должна походить на трагедію, и лица должны говорить въ ней какъ простые люди, а не какъ великіе писатели". Какъ образчикъ ораторскаго излишества у Ливія, Тэнъ указываетъ на рѣчи плѣнныхъ сабинянокъ, которыя бросаются между своими родственниками и мужьями, чтобы побудить ихъ положить оружіе. Вообще для лицъ у Ливія особенно опасны всякія неожиданности и удручающія обстоятельства, ибо у нихъ всегда въ запасѣ такіе прекрасные періоды, которые сдѣлали бы честь оратору, подготовляющему свою рѣчь въ тиши кабинета; такъ напр., римскій военачальникъ, который попалъ съ своей горстью солдатъ въ засаду, имѣлъ у Ливія мужество и досугъ сказать имъ благородную и прочувствованную рѣчь.

Кромѣ излишества ораторскаго духа, другое неблагопріятное для Ливія обстоятельство заключается въ томъ, что онъ былъ ораторомъ, не имѣвшимъ аудиторіи. Онъ уже не говорилъ на форумѣ, и потому не зналъ толпы, не испытывалъ на себѣ ея грубости и нетерпѣнія. Это отразилось на его историческихъ рѣчахъ. Его лица говорятъ такъ, какъ будто имѣютъ передъ собою до крайности покорныхъ и благоразумныхъ слушателей, которые даютъ оратору спокойно развивать передъ собою его доводы и слѣдовать безъ перерыва порядку его мыслей.

Наконецъ, въ рѣчахъ Ливія иногда ощущается духъ времени, когда, съ паденіемъ республики, ораторство, утративъ связь съ жизнью, стало школьнымъ занятіемъ, когда ораторъ уступилъ мѣсто ритору, и съ заботою о внѣшней отдѣлкѣ слога стали проникать въ языкъ вычурность и изысканность слова и декламація.

Объяснивъ обратную сторону ораторскихъ пріемовъ Ливія въ его историческихъ рѣчахъ, Тэнъ считаетъ себя въ правѣ показать лицомъ всю силу ораторскаго генія у Ливія и „превознести его, какъ онъ того достоинъ". „Ибо никто, даже самъ Цицеронъ, не обладалъ въ такой степени двумя сторонами ораторскаго таланта—искусствомъ развивать идею и способностью распоряжаться страстями". Относительно перваго изъ этихъ свойствъ Цицеронъ могъ бы равняться съ Ливіемъ, но послѣдній, принужденный сокращать свои аргументы, никогда не впадаетъ въ слишкомъ об-

стоятельное ихъ развитіе. Читая Цицерона,—говоритъ Тэнъ,—нерѣдко пропускаешь цѣлую фразу или даже страницу. Читая Тацита, приходится два или три раза перечитывать ту же строку. Что же касается до Ливія, то читаешь все подрядъ и прочитываешь все только по одному разу—настолько у него во всемъ мѣры и настолько онъ умѣетъ избѣгать пресыщающей полноты рѣчи и излишней краткости, которая утомляетъ.

„Но недостаточно людей растрогать, ихъ надо и убѣдить—краснорѣчіе питается чувствами столько же, сколько доводами, и историкъ поэтому часто принужденъ рисовать картины въ видѣ доказательствъ. И въ этомъ отношеніи Ливій великъ, и на всякомъ шагу аргументація превращается у него въ картину".

Предоставляя читателямъ за дальнѣйшими объясненіями и образчиками обратиться къ автору, мы упомянемъ еще о вліяніи ораторскаго таланта у Ливія на самый слогъ.

Вліяя на слогъ, ораторскій талантъ высказывается въ постройкѣ фразъ и въ выборѣ словъ и выраженій. „Фраза, свойственная оратору—*періодъ*, т.-е. полное выраженіе главной идеи, въ сопровожденіи цѣлаго ряда частныхъ идей, заключенныхъ въ придаточныхъ предложеніяхъ и шествующихъ какъ дисциплинированная армія въ стройномъ порядкѣ къ указанной цѣли. Ораторская рѣчь, по существу своему торжественная, нуждается въ этомъ широкомъ облаченіи, чтобы подкрѣпить главную мысль всѣми второстепенными мыслями, ее подтверждающими, и сдѣлать ее убѣдительною". Изъ такихъ періодовъ состоитъ слогъ Ливія; правда, у него встрѣчаются и короткія фразы, но онъ охотно возвращается къ періодамъ. Иногда такими періодами замедляется разсказъ, и читатель хотѣлъ бы тотъ или другой изъ періодовъ Ливія разбить на двѣ или даже на три части, но вообще эта полнота рѣчи, по мнѣнію Тэна, никогда не бываетъ безсодержательна и не наскучаетъ читателю.

Что касается до выбора словъ, то хорошій ораторъ, чтобы быть понятнымъ, избѣгаетъ отвлеченныхъ выраженій, а также техническихъ терминовъ и вышедшихъ изъ употребленія словъ. Такъ поступаетъ и Ливій. Эта заслуга влечетъ за собою и недостатокъ. Юридическіе и религіозные термины, старинная формула, подлинный текстъ договоровъ и законовъ и оригинальныя грубыя выраженія первобытныхъ временъ, придаютъ исторіи правдивость и рельефность фактамъ. Ливій, слѣдуя ораторскому обычаю, слишкомъ рѣдко сохраняетъ для насъ остатки римской старины.

Наконецъ, ораторъ охотно прибѣгаетъ къ поражающимъ вы-

раженіямъ, „которыя озаряютъ внезапнымъ и ослѣпительнымъ свѣтомъ цѣлый рядъ представленій", каковы, напр., слова Ганнибала: „вы взбираетесь на стѣны Рима". Лучшее орудіе ораторскаго преувеличенія—метафора, соединяющая въ одно два представленія и раздувающая слабѣйшее изъ нихъ до размѣровъ болѣе сильнаго. Такими метафорами и выраженіями, ложными по существу, но прекрасными и естественными по своей формѣ и столь могучими по впечатлѣнію, изобилуетъ слогъ Ливія, и Тэнъ, резюмируя свою оцѣнку слога Ливія, слѣдующимъ образомъ превозноситъ его: „Вліяніе ораторскаго краснорѣчія устраняетъ иногда у Ливія нѣсколько выразительныхъ терминовъ, полезныхъ исторіи, иногда слишкомъ расширяетъ его періодъ, но въ то же время снабжаетъ его такими естественными, отборными и полными жизни выраженіями, что рѣчь его пріятна, оставаясь всегда благородною, а когда нахлынетъ порывъ страсти, краснорѣчіе осыпаетъ его слогъ блестящими и величественными выраженіями, представляющими узоры алмазовъ на пурпуровомъ плащѣ".

Такова, въ сжатомъ изложеніи, попытка Тэна прослѣдить на историческомъ трудѣ Ливія вліяніе основного свойства его таланта. Нельзя не сказать, что Тэнъ съ блестящимъ успѣхомъ исполнилъ свою задачу, особенно если имѣть въ виду, что въ подробномъ изложеніи у самого Тэна его мысль выступаетъ еще убѣдительнѣе, такъ какъ подтверждена примѣрами и выписками изъ разбираемаго автора. Невольно восклицаешь вмѣстѣ съ Тэномъ: „Изумительное зрѣлище представляетъ собою господствующая способность, проникающая во всѣ проявленія таланта и вездѣ оставляющая слѣды своего присутствія". Конечно, не слѣдуетъ при этомъ забывать, что разсужденіе Тэна о Титѣ Ливіѣ есть французская *теза*, т.-е. разсужденіе, въ которомъ проводится извѣстная мысль, извѣстный взглядъ на данный предметъ, и проводится горячо, съ ораторскими пріемами. Разсужденіе Тэна болѣе представляетъ собою произведеніе ораторскаго искусства, чѣмъ всестороннее научное изслѣдованіе о предметѣ. Хотя оно написано съ полнымъ знаніемъ дѣла, оно однако не основано на самостоятельномъ подробномъ изученіи матеріала, представляемаго римскою исторіею Ливія. Въ немъ даже нѣтъ предварительнаго изслѣдованія главнаго вопроса, около котораго вращается все разсужденіе. Тэнъ видѣлъ въ Ливіѣ историка-оратора; характеръ и свойства такого историка главнымъ образомъ проявляются въ многочисленныхъ рѣчахъ, которыя онъ влагаетъ въ уста своимъ героямъ. А между тѣмъ Тэнъ совсѣмъ не разсматриваетъ вопроса, насколько рѣчи, которыя мы находимъ у Ливія, написаны имъ

самимъ, или насколько онѣ заимствованы имъ у предшественниковъ, которыми онъ пользовался. Приводя образчики ораторскаго таланта Ливія, Тэнъ не старается удостовѣрить, что приведенные отрывки принадлежатъ несомнѣнно перу самого историка.

Поэтому для всесторонняго научнаго ознакомленія съ Ливіемъ, читатель Тэна долженъ обратиться къ другимъ, болѣе спеціальнымъ изслѣдованіямъ о римскомъ историкѣ. Онъ, напр., найдетъ у Вейсенборна въ его введеніи къ извѣстному изданію Ливія гораздо болѣе обстоятельныхъ и точныхъ данныхъ какъ о самомъ Ливіѣ, его нравственныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ и его взглядахъ на свою задачу, такъ въ особенности о трудѣ римскаго историка, о его композиціи, источникахъ и т. п. Даже о рѣчахъ Ливія и нѣкоторыхъ его ораторскихъ пріемахъ у Вейсенборна можно почерпнуть болѣе подробныя свѣденія, чѣмъ у Тэна.

И однако именно сопоставленіе труда почтеннаго Вейсенборна съ разсужденіемъ Тэна обнаруживаетъ всѣ достоинства послѣдняго.

У Вейсенборна чрезвычайно обильный матеріалъ, сжато изложенный на 70 страницахъ, распредѣленъ съ строгою систематичностью; каждое почти замѣчаніе сопровождается выдержками изъ Ливія на языкѣ подлинника. Читатель *введенія* со всѣхъ сторонъ охваченъ научнымъ матеріаломъ, и на каждомъ шагу принужденъ самъ производить научную работу. Но при всемъ богатствѣ своего содержанія введеніе Вейсенборна есть какъ бы только руководство для дальнѣйшаго ознакомленія съ Ливіемъ. Многія замѣчанія обставлены десяткомъ или болѣе простыхъ ссылокъ на Ливія, съ указаніемъ на цифры книгъ и главъ, въ которыхъ можно найти соотвѣтствующій матеріалъ; кто разыщетъ всѣ эти мѣста и прочтетъ указанные отрывки, тотъ, конечно, будетъ имѣть передъ собою необозримый матеріалъ для сужденія о Ливіѣ, и однако въ окончательныхъ своихъ выводахъ ученый трудъ Вейсенборна не расходится съ разсужденіемъ Тэна. Характеристику Ливія у Тэна можно сравнить съ прекрасной статуей, которая изваяна съ полнымъ знаніемъ строенія человѣческаго тѣла. Конечно, тотъ, кто захочетъ подробнѣе познакомиться съ этимъ строеніемъ, тотъ обратится къ анатомическому атласу, но когда онъ окончитъ свои занятія, онъ снова съ удовольствіемъ вернется къ статуѣ, въ которой найдетъ цѣльное и художественное изображеніе предмета. Правда также, что художникъ далъ въ этомъ случаѣ своей статуѣ извѣстную *позу*, вслѣдствіе которой нѣкоторые мускулы находятся въ большемъ напряженіи, чѣмъ другіе, нѣкоторыя части сильно освѣщены, другія остались въ тѣни. Но поза, выбранная художникомъ, только содѣйствуетъ

рельефности и правдивости изображенія и силѣ впечатлѣнія. Выставивъ на первый планъ въ изображеніи историка Ливія его ораторское свойство, Тэнъ далъ своимъ читателямъ не только наглядное, законченное представленіе объ этомъ историкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ характеризовалъ цѣлый классъ историковъ и извѣстный *видъ* исторіографіи,—а именно исторіографію классическую, въ особенности римскую. Усвоивъ себѣ, съ помощью Тэна, ясное понятіе о той роли, которую играетъ ораторская способность въ знаменитомъ трудѣ Ливія, читатель вмѣстѣ съ тѣмъ пойметъ сущность той исторіографіи, которую Цицеронъ такъ мѣтко характеризовалъ словами: historia—opus oratorium maxime—„исторія—преимущественно ораторское произведеніе“.

V.

Мы подробнѣе остановились на разсужденіи Тэна о Ливіѣ, чтобы на этомъ образчикѣ объяснить смыслъ теоріи Тэна о „господствующемъ свойствѣ“, характеризовать ея результатъ и показать, что это не случайный произвольный пріемъ, который въ критикѣ порождаетъ лишь одно недоразумѣніе и парадоксы. Но теорія Тэна о „господствующемъ свойствѣ“ заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія не только потому, что на ней основанъ одинъ изъ пріемовъ „научнаго метода“ Тэна. Тою ролью, которую играетъ эта теорія при объясненіи способа *происхожденія* литературныхъ и художественныхъ произведеній, еще не исчерпывается ея значеніе въ воззрѣніяхъ Тэна. Она лежитъ, кромѣ того, въ основаніи его оцѣнки этихъ явленій или его *эстетики*. Здѣсь она имѣетъ даже еще болѣе исключительное значеніе, ибо въ вопросѣ о происхожденіи литературныхъ и художественныхъ явленій она прилагалась къ дѣлу на ряду съ теоріей вліянія „расы и среды“; въ вопросѣ же объ оцѣнкѣ явленій художественнаго творчества „основное свойство“ получаетъ значеніе *научнаго* основанія эстетики, является связующимъ звеномъ между художественной критикой и естественными науками и служитъ въ глазахъ Тэна *единственнымъ мѣриломъ* при распредѣленіи художественныхъ произведеній по ихъ достоинству.

Однако возможна ли какая-нибудь эстетика при взглядѣ Тэна на художественную критику? Чтобы понять,—говорилъ онъ,—художественное произведеніе, или художника, или школу художниковъ, нужно съ точностью представить себѣ общее состояніе духа и нравовъ той эпохи, которой они принадлежатъ. Все дѣло, зна-

чить, въ объясненіи *происхожденія* какого-нибудь художественнаго явленія. А изъ цѣлаго ряда такихъ частныхъ объясненій должно, по мнѣнію Тэна, выясниться, наконецъ, свойство самого художества, его природа и его сущность.

Заявивъ о своемъ намѣреніи объяснить генетически исторію итальянской живописи и изложивъ свою программу, Тэнъ говорилъ своимъ слушателямъ [1]): „предположите, господа, что наше изслѣдованіе будетъ успѣшно, и что намъ удастся съ полною точностью указать различныя стороны того состоянія духа, которое вызвало возникновеніе итальянской живописи, ея развитіе, ея расцвѣтъ, ея разновидности и ея паденіе. Предположите, что такое же успѣшное разслѣдованіе будетъ произведено относительно другихъ вѣковъ, другихъ странъ, относительно различныхъ родовъ искусства, архитектуры, живописи, скульптуры, поэзіи и музыки. Предположите, что вслѣдствіе всѣхъ этихъ открытій удастся опредѣлить природу и установить условія существованія каждаго изъ искусствъ; мы бы въ этомъ случаѣ имѣли полное объясненіе искусствъ и художества вообще, т.-е. философію искусства, или то, что называется *эстетикой*. Мы стремимся къ такой именно эстетикѣ—и ни къ какой иной. Это будетъ эстетика современная, и отличается она отъ старой именно тѣмъ, что имѣетъ историческій, а не догматическій характеръ; это значитъ, что она не предписываетъ правилъ, а обнаруживаетъ законы.

„Старая эстетика, — говоритъ Тэнъ далѣе,—давала сначала опредѣленіе красоты и утверждала, напр., что художественная красота (le beau) есть выраженіе нравственнаго идеала, или что она есть проявленіе невидимаго міра, или же—выраженіе человѣческихъ страстей, а затѣмъ, отправляясь отсюда, какъ отъ какой-либо статьи свода законовъ, она оправдывала, осуждала, увѣщевала и направляла“.

Отклоняя отъ себя такую задачу, Тэнъ видитъ свою обязанность исключительно въ томъ, чтобы излагать факты и показать, какъ эти факты произошли. Заявивъ (самыя слова Тэна мы уже привели выше), что *новый* методъ въ области наукъ духовнаго міра заключается въ томъ, что изслѣдователь разсматриваетъ всѣ явленія въ этой области лишь какъ *факты*, свойства которыхъ онъ долженъ описать и разыскать причины, Тэнъ продолжаетъ:

„Наука, понимаемая такимъ образомъ, не караетъ и не прощаетъ, она указываетъ и объясняетъ. Она предоставляетъ всякому свободу слѣдовать своимъ личнымъ наклонностямъ, предпочитать

---

[1]) Phil. de l'art, I, 13.

то, что̀ соотвѣтствуетъ его темпераменту, и изучать съ бо̀льшимъ вниманіемъ то, что̀ сообразно съ свойствомъ его ума. Что касается до нея самой, то она симпатизируетъ всѣмъ формамъ искусства и всѣмъ школамъ, даже тѣмъ, которыя кажутся наиболѣе противоположными другъ другу; она всѣ ихъ принимаетъ, какъ проявленія человѣческаго духа; она находитъ, что чѣмъ многочисленнѣе онѣ и противоположнѣе, тѣмъ болѣе онѣ обнаруживаютъ человѣческій духъ съ новыхъ и разнообразныхъ сторонъ". И однако всю вторую часть сочиненія, въ которомъ изложена эта исповѣдь, Тэнъ посвящаетъ тому, чтобы разобраться въ сравнительномъ достоинствѣ литературныхъ и художественныхъ произведеній. Онъ поступаетъ не какъ ботаникъ, который безразлично размѣщаетъ свои растенія по шкафамъ и ящикамъ гербарія, а располагаетъ ихъ въ порядкѣ и степени ихъ достоинства. Противорѣчіе очевидно и поучительно. Оно показываетъ, что міръ духовныхъ явленій обширнѣе области естественныхъ наукъ и заключаетъ въ себѣ явленія и отношенія, которыя не объясняются безъ остатка заимствованными изъ естественныхъ наукъ пріемами и законами. Но дѣло теперь не въ этомъ, а въ теоріи Тэна, которая замѣняетъ ему эстетику и даетъ ему возможность разсматривать явленія поэзіи и искусства не только какъ историческіе факты, происхожденіе которыхъ нужно объяснить, а предъявлять къ нимъ извѣстныя требованія и распредѣлять ихъ по достоинству, сообразно съ тѣмъ, насколько они соотвѣтствуютъ прилагаемымъ къ нимъ нормамъ. Впрочемъ, что касается до этой новой эстетики, то нужно признать, что если самый принципъ расцѣнки духовныхъ явленій по ихъ достоинству не имѣетъ аналогіи и оправданія въ естественныхъ наукахъ, то въ примѣненіи его Тэнъ остается себѣ вѣренъ и послѣдователенъ. Самое основаніе, котораго онъ держится при новой расцѣнкѣ литературныхъ и художественныхъ произведеній, Тэнъ выводитъ изъ естественныхъ наукъ, и въ этомъ вопросѣ вездѣ старается ими руководиться. Исходною точкою и здѣсь служитъ понятіе „господствующаго свойства". Мало того, здѣсь это понятіе получаетъ свое теоретическое и научное обоснованіе.

А именно Тэнъ объясняетъ „господствующее свойство" писателей и художниковъ аналогіей съ существеннымъ или *основнымъ* свойствомъ (le caractère essentiel), которое принимается въ основаніе при классификаціи въ естественныхъ наукахъ. „Характернымъ или *основнымъ* свойствомъ,—говоритъ Тэнъ,—называется такое, отъ котораго зависятъ всѣ остальныя или, по крайней мѣрѣ, многія другія — въ силу неизмѣнныхъ между ними отношеній.

Тэнъ поясняетъ эту формулу описаніемъ льва. Характерное свойство льва, которое опредѣляетъ его мѣсто въ зоологической классификаціи, заключается въ томъ, что онъ *крупное плотоядное* животное. Почти всѣ другія его свойства, какъ физическія, такъ и моральныя, вытекаютъ отсюда, какъ изъ своего источника. Въ физическомъ отношеніи отсюда основнымъ свойствомъ льва обусловливаются формы его зубовъ и челюстей, устроенныхъ для того, чтобъ разрывать и размозжить (broyer). Такіе зубы и челюсти нужны льву потому, что онъ питается мясомъ и живой добычей. Но чтобы орудовать этими страшными клещами, ему нужны громадные мускулы, а для помѣщенія ихъ—соотвѣтствующія углубленія въ вискахъ, чѣмъ опредѣляется форма головы. Такія же клещи у него на ногахъ — страшныя когти, которыя онъ можетъ вбирать въ себя; при этомъ у него легкая походка на кончикахъ лапъ и страшно напряженные мускулы ногъ, которые могутъ какъ пружина подбросить далеко впередъ все его тѣло. Къ этому присоединяются глаза, ясно видящіе ночью, такъ какъ ночь—лучшее время для охоты. Натуралистъ,—говоритъ Тэнъ, —показывавшій мнѣ скелетъ льва, сказалъ мнѣ: „это челюсть, снабженная четырьмя ногами“—montée sur quatre pattes. Наконецъ, и всѣ моральныя свойства льва въ гармоніи съ этимъ физическимъ строемъ; кровожадный инстинктъ, потребность свѣжаго мяса, отвращеніе отъ всякой другой пищи; съ одной стороны, мощь и нервное возбужденіе, благодаря которымъ онъ сосредоточиваетъ громадную массу движенія въ краткій моментъ нападенія или защиты; съ другой, привычка дремать, тяжеловѣсная и мрачная косность въ минуту покоя, продолжительные зѣвки послѣ увлеченія охотой. Всѣ эти черты вытекаютъ изъ его плотоядности, и потому послѣдняя должна быть признана его характернымъ свойствомъ“.

Итакъ, вотъ въ области зоологіи — въ этой характеристикѣ льва — мы напали, такъ сказать, на самый корень той теоріи „основного свойства“, которая играетъ такое видное мѣсто въ методѣ и воззрѣніяхъ Тэна. Здѣсь же мы можемъ наглядно усмотрѣть основаніе тѣхъ возраженій, которыя были сдѣланы противъ этой теоріи, что, во-первыхъ, не всѣ оригинальныя черты предмета могутъ быть выведены изъ „основного свойства“, а съ другой стороны, что „основное свойство“ одного предмета или вида встрѣчается также у другихъ и потому еще недостаточно для характеристики предмета. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, льва. Не всѣ указанныя Тэномъ свойства этого животнаго опредѣляются его „основнымъ свойствомъ“—плотоядностью. Другое

его свойство, которымъ левъ, напр., отличается отъ гіены—его привычка питаться исключительно мясомъ живой добычи—не вытекаетъ изъ плотоядности, а представляетъ собою видоизмѣненіе основного свойства — плотоядности. Съ другой стороны, главная черта, которою Тэнъ характеризуетъ льва—„крупное плотоядное животное"—принадлежитъ также, напр., и тигру, отъ котораго, однако, левъ значительно отличается. Слѣдовательно, „основное свойство" льва нуждается въ дополненія, подлежитъ новому видоизмѣненію для того, чтобы соотвѣтствовать своему назначенію.

Все это однако только доказываетъ, что теорія „основного свойства" нуждается какъ въ естественныхъ наукахъ, такъ и—въ области литературной и художественной критики—въ дополненіяхъ и видоизмѣненіяхъ, сообразно съ индивидуальнымъ случаемъ; но все это нисколько не лишаетъ ее значенія чрезвычайно удобнаго и мѣткаго средства для характеристики изучаемыхъ явленій.

Возвращаемся послѣ этой оговорки къ изложенію воззрѣній Тэна. На значеніи характерныхъ или существенныхъ свойствъ основана, говоритъ онъ, вся *классификація* въ естественныхъ наукахъ. Правильная классификація въ ботаникѣ и зоологіи сдѣлалась возможною лишь съ той поры, когда въ этихъ наукахъ стали отличать болѣе существенныя свойства явленій отъ менѣе существенныхъ, и когда на этомъ основаніи лѣтъ сто тому назадъ въ естественныхъ наукахъ былъ открытъ принципъ подчиненія свойствъ (subordination des caractères).

Дѣло въ томъ, что у растеній и животныхъ нѣкоторыя свойства *болѣе важны* (plus importants), чѣмъ другія; это именно тѣ, которыя—поясняетъ Тэнъ—въ царствѣ растеній и животныхъ менѣе подлежатъ измѣненіямъ; поэтому о нихъ можно сказать, что они обладаютъ какъ бы бо̀льшею силою, чѣмъ другія, и въ состояніи оказывать бо̀льшее сопротивленіе всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ вліяніямъ, на нихъ дѣйствующимъ. Такъ напр., у растеній ростъ имѣетъ менѣе важное значеніе, чѣмъ строеніе; горохъ, ползущій по землѣ, и акація, поднимающаяся высоко вверхъ, по родству своему очень близки между собою. У животныхъ количество, расположеніе и употребленіе членовъ менѣе важны, чѣмъ обладаніе сосцами. Млекопитающее животное можетъ жить въ водѣ, на землѣ или въ воздухѣ и подвергаться, сообразно съ этимъ, всевозможнымъ измѣненіямъ, причемъ однако его свойство питать дѣтенышей остается неизмѣннымъ. Летучая мышь, съ одной стороны, китъ, съ другой, далеко удалились въ разныя стороны по своей формѣ, но оба остаются млекопитающими по своей организаціи. Такое коренное свойство организма

Тэнъ сравниваетъ съ тяжестью, которую не легко сдвинуть съ мѣста; зато, если такая тяжесть будетъ приведена въ движеніе, она повлечетъ за собой и соотвѣтствующія существенныя измѣненія въ другихъ органахъ. Другими словами, извѣстное свойство приводитъ за собою другія свойства, тѣмъ болѣе значительныя и неизмѣнныя, чѣмъ оно само постояннѣе и важнѣе. Такъ напр., крыло представляетъ собою свойство весьма второстепенное (fait subordonné), и потому появленіе его влечетъ за собою только незначительныя видоизмѣненія и остается безъ вліянія на общее строеніе; крылатостью обладаютъ животныя самыхъ различныхъ классовъ; на ряду съ птицами встрѣчаются и крылатыя млекопитающія, ящерицы, рыбы и насѣкомыя, и это свойство такъ неважно, что оно присуще или отсутствуетъ въ предѣлахъ одного и того же класса; пять родовъ насѣкомыхъ летаютъ, а шестой не имѣетъ крыльевъ. Наоборотъ, сосцы составляютъ важное свойство, и потому присутствіе ихъ влечетъ за собою значительныя видоизмѣненія и опредѣляетъ въ главныхъ чертахъ строеніе животнаго. Поэтому всѣ млекопитающія представляютъ собою одну характерную группу, принадлежность къ которой непремѣнно обусловливаетъ собою позвоночность. Кромѣ того, обладаніе сосцами всегда влечетъ за собою двойное кровообращеніе, рожденіе живыхъ дѣтенышей, плевру, окружающую легкія, а эти свойства исключаютъ всѣ прочія группы позвоночныхъ—птицъ, амфибій, рыбъ.

Заручившись этою аналогіей, Тэнъ обращается къ человѣку въ его физической и исторической жизни и указываетъ цѣлый рядъ явленій, въ которыхъ выражаются болѣе или менѣе прочныя или глубокія свойства человѣческаго тѣла или его духовной природы.

Въ области исторической жизни духовная природа человѣка проявляется въ чувствахъ, идеяхъ и нравахъ. Совокупность ихъ составляетъ то, чтò можно назвать историческимъ характеромъ или типомъ извѣстнаго общества въ извѣстную эпоху. Всѣ эти чувства, идеи и нравы, а вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливаемые ими человѣческіе типы и характеры, существуютъ болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по тому, насколько они представляютъ собою какую-нибудь существенную сторону національнаго характера или человѣческой природы.

Обращаясь за примѣрами къ Франціи, Тэнъ указываетъ на типъ парижскихъ щеголей, который подверженъ модѣ и потому измѣняется каждые 3, 4 года; затѣмъ на типы, живущіе 20, 30, 40 лѣтъ, знаменующіе собою какой-нибудь литературный или

историческій періодъ, какъ напр. періодъ реставраціи и іюльской монархіи; подъ ними (Тэнъ усваиваетъ себѣ метафору геологическихъ пластовъ, болѣе или менѣе глубоко лежащихъ) находятся типы, обнимающіе собою полный историческій періодъ— средневѣковой или ренессансъ или золотой вѣкъ монархіи и литературы. Какъ ни различны между собою эти типы, въ основаніи ихъ лежитъ общій національный типъ, обнимающій цѣлую жизнь какого-нибудь народа — это первобытный гранитъ. Еще глубже, однако, лежатъ „темные и гигантскіе слои, которые начала разрабатывать лингвистика", обнаруживающіе общій типъ. цѣлой расы—арійской, или семитической, или китайской. Наконецъ, на самой глубинѣ открываются свойства, присущія всякой высшей и способной къ самостоятельной цивилизаціи расѣ, т.-е. одаренной той способностью къ общимъ идеямъ, которая составляетъ принадлежность человѣка и побуждаетъ его создавать общества, религіи, философіи и искусства.

Такова схема, на основаніи которой Тэнъ строитъ свою классификацію литературныхъ произведеній и выводитъ формулу: „при одинаковости всѣхъ прочихъ условій, литературныя произведенія болѣе или менѣе художественны (beau), смотря по тому, насколько характеръ, выставленный въ нихъ, болѣе или менѣе значителенъ, т.-е., болѣе или менѣе первобытенъ и проченъ".

Къ какимъ же результатамъ привела Тэна эта формула? Онъ не сдѣлалъ попытки систематической классификаціи литературныхъ произведеній, которая могла бы служить провѣркой формулы; небольшой эскизъ, который онъ даетъ въ руководство своимъ слушателямъ, скорѣе имѣетъ значеніе иллюстраціи къ отвлеченной формулѣ, чѣмъ такого систематическаго примѣненія ея.

На низшей ступени построенной Тэномъ іерархической „лѣстницы" литературныхъ произведеній (échelle des valeurs littéraires) поставлены имъ водевили и романсы, соотвѣтствующіе мимолетному вкусу и исчезающіе вмѣстѣ съ модой. Въ примѣръ произведеній, соотвѣтствующихъ „болѣе прочнымъ свойствамъ" и представляющихся тому поколѣнію, которое ихъ читаетъ, образцомъ искусства, приведенъ романъ „Астрея", имѣвшій громадную популярность въ началѣ XVII вѣка съ созданнымъ въ этомъ романѣ типомъ *Селадона*. Выше Астреи поставлены романы „Жиль-Блазъ" и „Манонъ Леско" съ ихъ прочными типами, „черты которыхъ всякій можетъ узнать въ окружающемъ его обществѣ или въ чувствахъ своего собственнаго сердца". Еще значительнѣе, по словамъ Тэна, Робинзонъ Крузо и Донъ-Ки-

хотъ — національные типы; въ первомъ случаѣ, англичанинъ, воспитанный на протестантизмѣ и библіи, трезвый, дѣловой и энергичный матросъ и колонистъ, но въ то же время типъ, который, кромѣ своего національнаго характера, является въ своемъ уединенномъ трудѣ представителемъ всей великой работы человѣчества, въ области изобрѣтеній и промысловъ, создавшихъ тѣ блага цивилизаціи, которыми мы всѣ пользуемся. Во второмъ случаѣ—рыцарскій и больной воображеніемъ авантюристъ, испанецъ, какимъ его создали восемь вѣковъ крестовыхъ походовъ и преувеличенныхъ мечтаній, но въ то же время одинъ изъ вѣчныхъ типовъ человѣческой исторіи, героическій идеалистъ, возвышенный и пустой мечтатель, тощій и всѣми побиваемый, и рядомъ съ нимъ, чтобы усилить впечатлѣніе, здравомыслящій и пошлый толстякъ Санхо-Панча. Еще ступенью выше мы находимъ у Тэна „двѣ великія эпопеи“: „Божественную комедію“ и „Фауста“—сокращенное изображеніе двухъ великихъ эпохъ европейской исторіи съ ихъ міровоззрѣніемъ—средневѣковой и современной. Наконецъ, „среди стольких замѣчательныхъ произведеній, обнаруживающихъ существенныя свойства эпохи или націи, встрѣчаются такія, которыя, благодаря счастливой случайности, выражаютъ какое-нибудь чувство, какой-нибудь типъ, общій почти всѣмъ группамъ человѣчества; таковы еврейскіе псалмы, ставящіе человѣка-монотеиста предъ лицомъ Господа, всемогущаго царя и судьи; „Подражаніе Христу“—бесѣда нѣжной души съ Богомъ любящимъ и утѣшителемъ; поэма Гомера и „Діалоги“ Платона, изображающіе героическую молодость человѣчества въ дѣйствіяхъ или прелестную юность человѣческаго мышленія; далѣе, почти вся греческая литература, имѣвшая преимущество изображать здравыя и несложныя чувства, и наконецъ—Шекспиръ, величайшій изъ творцовъ человѣческихъ душъ“...

Картина, набросанная Тэномъ, производитъ цѣльное впечатлѣніе, подобное зрѣлищу съ высокой вершины, откуда открывается обширная, захватывающая перспектива. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи она вызываетъ рядъ недоумѣній.

Никто не станетъ оспаривать, что литературное произведеніе тѣмъ цѣннѣе и прочнѣе въ своемъ значеніи, чѣмъ значительнѣе, глубже и общечеловѣчнѣе его содержаніе. Но исходная формула Тэна была иная. Она гласила, что при равныхъ условіяхъ книга болѣе или менѣе художественна (beau), смотря по значительности своего содержанія, т.-е. Тэнъ обусловливалъ художественность значительностью содержанія, а эту мысль онъ не доказалъ.

Затѣмъ, построенная Тэномъ „лѣстница литературныхъ цѣн-

ностей“ не соотвѣтствуетъ его „психологической геологіи“, какъ онъ выражается, или описанію психологическихъ наслоеній. Въ этомъ описаніи на поверхности лежали мимолетныя чувства и настроенія подверженнаго модѣ общества; подъ ними—чувства и идеи цѣлаго поколѣнія, вѣка, эпохи, наконецъ всей народной жизни: то былъ первобытный гранитъ, а подъ нимъ уже скрывались свойства, общія извѣстной расѣ или, наконецъ, всѣмъ человѣческимъ расамъ.

Очевидно, что свойства этого самаго глубокаго слоя—самыя элементарныя и отвлеченныя. Но вѣдь не такія элементарныя величины, „доступныя изученію лишь лингвистики“ или психологіи, составляютъ содержаніе тѣхъ великихъ произведеній, которыя Тэнъ поставилъ на вершинѣ своей лѣстницы съ ихъ общечеловѣческимъ содержаніемъ.

Вообще отношеніе національнаго къ общечеловѣческому представляется неяснымъ съ точки зрѣнія формулы Тэна.

Для подтвержденія этого возьмемъ изъ другой книги Тэна то, что̀ тамъ говорится объ этомъ предметѣ. Въ сочиненіи о Лафонтэнѣ [1]) Тэнъ доказываетъ, что геній не что иное, какъ „развитая сила“ или „puissance développée“, а никакая сила не можетъ развиться вполнѣ какъ только въ странѣ, гдѣ она встрѣчается у всѣхъ и естественнымъ образомъ, гдѣ она поддерживается воспитаніемъ, укрѣпляется общимъ примѣромъ, вызывается общимъ вкусомъ. Чѣмъ она больше, тѣмъ причины ея больше: вышина дерева указываетъ на глубину корней. Чѣмъ совершеннѣе поэтъ, тѣмъ онъ національнѣе. „Чѣмъ болѣе онъ проникаетъ въ свое искусство, тѣмъ болѣе проникъ онъ въ духъ своего вѣка и своей расы“... Благодаря этому соотвѣтствію между произведеніемъ, страной и вѣкомъ, великій художникъ становится общественнымъ дѣятелемъ. Благодаря этому соотвѣтствію, становится возможнымъ измѣрять его и опредѣлять его мѣсто. Благодаря ему, онъ нравится большему или меньшему количеству людей, и его произведеніе живетъ большее или меньшее количество времени. Такъ что въ немъ можно видѣть представителя и концентрацію (l'abrégé) духа, которому онъ обязанъ своей природой и своимъ достоинствомъ. „Если этотъ духъ—не болѣе какъ мода и царствуетъ лишь немного лѣтъ, этотъ писатель становится какимъ-либо Вуатюромъ. Если этотъ духъ знаменуетъ собою цѣлую литературную форму и господствуетъ надъ цѣлымъ вѣкомъ, этотъ писатель является Расиномъ. Если этотъ духъ заключаетъ

---

[1]) Lafont., p. 344 и д.

въ себѣ самую сущность своего народа или своего племени и воспроизводится вновь въ каждомъ вѣкѣ, этотъ писатель является Лафонтэномъ". Многіе читатели будутъ удивлены, что Лафонтэнъ, какъ писатель, поставленъ значительно выше Расина. Причина въ томъ, что Тэнъ видитъ въ немъ самаго типическаго представителя свойствъ ума и темперамента гальскаго племени. Національность—можно было бы сказать: породистость—писателя опредѣляетъ его значеніе въ данномъ случаѣ болѣе, чѣмъ общечеловѣческое содержаніе его произведеній.

Но если это такъ, то почему Тэнъ поставилъ на вершинѣ художественныхъ произведеній „Подражаніе Христу", книгу автора, національность или даже расу котораго трудно опредѣлить, и въ которой, во всякомъ случаѣ, всякій національный элементъ блѣднѣетъ и тонетъ въ глубинѣ религіознаго чувства?

Кромѣ важности или значительности типовъ, Тэнъ признаетъ, однако, еще другую сторону въ литературныхъ произведеніяхъ, въ силу которой они могутъ быть поставлены выше или ниже въ нашей оцѣнкѣ. Это—принципъ нравственный.

Согласно съ общей своей теоріей, Тэнъ и нравственному принципу даетъ естественно-научную подкладку. Нравственныя свойства и основанные на нихъ типы не что иное, какъ физическія силы (des forces naturelles). Всякая такая сила,—говоритъ онъ,—можетъ быть разсмотрѣна съ двухъ сторонъ: по отношенію къ другимъ силамъ и по отношенію къ самой себѣ. При первомъ условіи ей надо отдать предпочтеніе въ томъ случаѣ, если она успѣшно сопротивляется другимъ силамъ и побѣждаетъ ихъ; при второмъ условіи она заслуживаетъ предпочтенія, если отъ собственнаго дѣйствія она не умаляется, а возрастаетъ.

Первое изъ этихъ положеній сейчасъ разсматривалось нами по поводу вопроса о значительности типовъ, воспроизводимыхъ литературою; второе же положеніе выражено у Тэна въ слѣдующей формулѣ: „достоинство свойствъ и типовъ опредѣляется сообразно съ тѣмъ, насколько они содѣйствуютъ своему уничтоженію или дальнѣйшему развитію посредствомъ уничтоженія или развитія того индивидуума или той группы индивидуумовъ, въ которыхъ они воплощены". Это вліяніе свойствъ и типовъ Тэнъ называетъ *благотворностью* (bienfaisance) въ противоположность къ ихъ значительности или важности (importance).

Въ жизни отдѣльнаго человѣка *благотворными* оказываются всѣ тѣ свойства, которыя изощряютъ или усиливаютъ двѣ главнѣйшія его способности—разумъ и волю. Но жизнь индивидуума входитъ въ составъ жизни цѣлой группы, къ которой онъ при-

надлежитъ. Какое же свойство дѣлаетъ жизнь человѣка благотворною для общества? Одно только свойство,—отвѣчаетъ Тэнъ,—способность любить, „ибо любить, это значитъ имѣть въ виду счастіе другого, подчиняться ему, служить ему и посвящать себя его благу“. Это свойство по преимуществу *благотворное* и, очевидно, занимаетъ первое мѣсто между всѣми въ этомъ направленіи. „Мы тронуты имъ, подъ какою формою мы бы его ни встрѣчали—великодушія, гуманности, кротости, нѣжности, прирожденной доброты; наша симпатія вызывается его присутствіемъ, что̀ бы ни было его предметомъ“. „Чѣмъ обширнѣе его предметъ, тѣмъ оно для насъ прекраснѣе, ибо благотворность его расширяется вмѣстѣ съ группою, къ которой она относится. Вотъ почему и въ исторіи, и въ жизни мы преклоняемся болѣе всего передъ преданностью, которая посвящаетъ себя служенію общимъ интересамъ; передъ патріотизмомъ, какъ онъ проявился въ Римѣ во время Ганнибала, въ Аѳинахъ во время Ѳемистокла, во Франціи въ 1792, въ Германіи въ 1813 году; передъ великимъ чувствомъ всемірнаго состраданія, которое побуждало миссіонеровъ буддистовъ и христіанъ отправляться къ дикимъ народамъ; передъ страстнымъ рвеніемъ, которое поддерживало столько безкорыстныхъ изобрѣтателей и вызывало въ искусствѣ, въ наукѣ, въ философіи, въ практической жизни все прекрасное и полезное въ творчествѣ и въ учрежденіяхъ; передъ всѣми высокими добродѣтелями, которыя—подъ именемъ честности, справедливости, чести, способности къ самопожертвованію, служенія какой-нибудь возвышенной общей идеѣ—содѣйствуютъ развитію человѣческой цивилизаціи“.

Нужно имѣть въ виду этотъ взглядъ Тэна на значеніе нравственныхъ началъ въ человѣческой жизни и исторіи, чтобы правильно отнестись къ его формулѣ, что добродѣтель и порокъ такіе же естественные продукты, какъ купоросъ и сахаръ. Увлеченный этой прекрасной страницей, читатель забываетъ внимательнѣе вглядѣться въ аргументацію, приведшую къ этому результату, и не замѣчаетъ натяжки, посредствомъ которой эта аргументація перешла изъ міра механическихъ силъ въ область нравственныхъ вопросовъ. Въ мірѣ механическомъ существуетъ только количество; мы встрѣчаемъ тамъ только бо̀льшія и меньшія силы—слѣпую борьбу и побѣду одной силы надъ другою. Но гдѣ же въ этомъ мірѣ то начало, которое побуждаетъ одну силу служить другой и довести себя до самоистощенія, чтобы усилить другую? Но, оставивъ вопросъ, насколько удачно понятіе о благотворности выведено изъ понятія *силы* и взаимодѣйствія силъ, обратимся къ

тому, какимъ образомъ этотъ принципъ благотворности служитъ Тэну мѣриломъ для оцѣнки литературныхъ произведеній. Оцѣнка эта производится на основаніи слѣдующей формулы: при одинаковости прочихъ условій, литературное произведеніе, выставляющее благотворное свойство или типъ—*выше* того, которое выставляетъ свойство или типъ противоположнаго характера—qui exprime un caractère malfaisant.

Замѣтимъ, что Тэнъ на этотъ разъ видоизмѣнилъ ту формулу, которую мы уже встрѣтили при классификаціи литературныхъ произведеній по значительности изображенныхъ въ нихъ типовъ; на этотъ разъ Тэнъ не сказалъ, что чѣмъ благотворнѣе, т.-е. добродѣтельнѣе характеръ или типъ въ литературномъ произведеніи, тѣмъ оно *художественнѣе*, plus beau, а только „тѣмъ оно выше", superieur. Основанія никакого не было измѣнять выраженія, но, очевидно, Тэнъ боялся дать поводъ къ выводу, что художественность обусловливается нравственнымъ достоинствомъ сюжета или героя. Какъ бы то ни было, съ помощью приведенной формулы Тэнъ располагаетъ литературныя произведенія въ слѣдующей градаціи.

На низшей ступени стоятъ типы, пользующіеся предпочтеніемъ реалистической литературы и комедіи — типы лицъ ограниченныхъ, пошлыхъ, эгоистическихъ и слабыхъ. Правда,—замѣчаетъ Тэнъ,—и писатели съ крупнымъ талантомъ пользуются этими типами, но или ради контраста, для большей рельефности главнаго героя, или же возбуждая противъ нихъ антипатію и смѣхъ читателя, выставляя на показъ злополучныя для самихъ героевъ послѣдствія ихъ недостатковъ и пороковъ.

Ступенью выше стоятъ типы мощные, но не гармоническіе и лишенные равновѣсія. Это лицо, въ которомъ какая-нибудь страсть, или способность, или предрасположеніе ума и характера развились въ ненормальныхъ размѣрахъ, подобно гипертрофированному органу, въ ущербъ всего остальнаго тѣла, изнуряя его и причиняя ему боль. Это обыкновенная тема драмы и философскаго романа, въ которыхъ выставляется на видъ дисгармонія человѣка съ самимъ собою или съ міромъ, господство надъ человѣкомъ страсти или преобладающей идеи въ греческой трагедіи: высокомѣрія, злобы, воинственнаго пыла, честолюбія, сыновней мести; въ испанской и французской литературѣ рыцарской гордости, экзальтированной любви, религіознаго одушевленія и пр.

Но нигдѣ, по словамъ Тэна, эта раса „мощныхъ страдальцевъ" не изображена въ такихъ сильныхъ, полныхъ и тонко оттѣненныхъ представителяхъ, какъ у Шекспира и Бальзака,

этихъ двухъ великихъ знатоковъ человѣка. Однако, какъ бы ни были глубоки литературныя произведенія подобнаго рода, они дѣлаютъ тягостное впечатлѣніе, и Тэнъ ставитъ выше ихъ идеальныя существа—„настоящихъ героевъ". Указавъ на нѣкоторые образцы у Шекспира, Диккенса, Бальзака и др., особенно на Ифигенію Гёте и героинь въ идилліяхъ Теннисона, Тэнъ замѣчаетъ, что атмосфера современной цивилизаціи неблагопріятна для такихъ созданій, и что ихъ нужно преимущественно искать въ литературѣ эпической и народной, когда житейская неопытность представляла воображенію полный просторъ. Таковы герои въ эпопеяхъ—Зигфридъ въ Нибелунгахъ, Роландъ въ древне-французскихъ Chansons de geste, Сидъ въ испанскомъ *романсеро*, Рустемъ въ Шахъ-Наме, Улиссъ и Ахиллъ въ Греціи. „Но еще выше,—заключаетъ Тэнъ,—стоятъ пророки откровенія, спасители и боги, изображенные въ поэмахъ Гомера въ Греціи, въ Индіи—въ древнихъ гимнахъ и эпопеяхъ и въ легендахъ буддистовъ; у евреевъ и у христіанъ—въ псалмахъ, въ евангеліяхъ, въ апокалипсисѣ, и въ этой непрерывной цѣпи поэтическихъ изліяній, послѣднія и самыя чистыя звенья которой мы видимъ въ „Fioretti" (Франциска изъ Ассизи) и въ „Подражаніяхъ Христу".

Здѣсь человѣкъ, преображенный и увеличенный, достигаетъ полнаго своего роста; обоготворенный или божественный, въ немъ нѣтъ недостатковъ; если его умъ, его сила, его доброта имѣютъ предѣлы, то это только въ нашихъ глазахъ и съ нашей точки зрѣнія. Онъ безпредѣленъ въ глазахъ своего народа и своего вѣка; вѣра дала ему все, до чего достигаетъ воображеніе; онъ стоитъ на самой вершинѣ бытія, и на ряду съ нимъ, на вершинѣ художественнаго творчества, помѣщаются возвышенныя и чистосердечныя произведенія, которыя вынесли на себѣ его образъ, не сломившись подъ его величіемъ.

Такимъ образомъ, предъ нашими глазами развертываются двѣ параллели литературныхъ произведеній, совпадающія въ нѣкоторыхъ своихъ точкахъ. Первое мѣсто, какъ въ той, такъ и въ другой серіи, предоставлено произведеніямъ религіознаго содержанія, и замѣчательно, что пальма первенства въ обоихъ случаяхъ отдана „Подражанію Христу", хотя нельзя себѣ и представить бо̀льшаго контраста, какъ между трезвой, сухой прозой механическаго міровоззрѣнія, которое послужило исходной точкой для аргументаціи Тэна, и мистической экзальтаціей религіознаго чувства въ томъ произведеніи, которое поставлено имъ на вершинѣ всемірной литературы.

Есть, однако, еще третья сторона въ литературныхъ произ-

веденіяхъ, которая даетъ Тэну еще новое мѣрило для ихъ оцѣнки и поводъ въ третій разъ расположить ихъ въ порядкѣ ихъ совершенства. На этотъ разъ это—*художественная* сторона въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ теоріей „основного свойства“; значеніе, которое Тэнъ придаетъ этому свойству, становится здѣсь основаніемъ для его эстетической оцѣнки произведеній. Нужно,—говоритъ Тэнъ,—чтобы сюжеты и типы литературныхъ произведеній не только были по возможности значительны, но чтобы они занимали какъ можно болѣе *преобладающее мъсто* въ самомъ произведеніи. Только при этомъ условіи они будутъ вполнѣ освѣщены и выступятъ наружу болѣе ярко, чѣмъ въ природѣ. А ради этого необходимо, чтобы всѣ элементы извѣстнаго произведенія содѣйствовали ихъ обнаруженію: ни одинъ изъ этихъ элементовъ не долженъ отвлекать вниманіе въ другую сторону, не долженъ представлять собою силу, дѣйствующую въ противоположномъ направленіи. Описанное здѣсь свойство художественныхъ произведеній въ живописи, поэзіи, архитектурѣ и пр. Тэнъ называетъ la convergence des effets, концентраціей силъ. Отъ степени этого свойства зависитъ художественное достоинство произведенія и его мѣсто среди другихъ. Такимъ образомъ, и самая художественность получаетъ у Тэна динамическое объясненіе и основаніе; она не что иное, какъ результатъ силъ, правильно пущенныхъ въ ходъ художникомъ, направленныхъ къ одной цѣли — на одно общее дѣйствіе, которое поэтому и достигаетъ наивысшаго результата—художественнаго эффекта. Въ примѣненіи къ литературнымъ произведеніямъ Тэнъ объясняетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ, и это объясненіе заслуживаетъ особеннаго вниманія для правильной оцѣнки его теоріи „господствующаго свойства“.

На первомъ планѣ въ *художественно*-литературномъ произведеніи стоитъ лицо, характеръ, типъ. Это лицо обладаетъ извѣстными, унаслѣдованными отъ родителей и отъ своего племени, свойствами, которыя въ немъ получили личную, индивидуальную окраску, а съ другой стороны, оно обладаетъ извѣстнымъ физическимъ темпераментомъ. Все это составляетъ основную величину, которая возрастаетъ или уменьшается подъ вліяніемъ воспитанія, примѣровъ, событій и поступковъ первоначальной жизни. Если всѣ эти вліянія, не парализуя другъ друга, будутъ дѣйствовать въ одномъ и томъ же направленіи, то результатомъ этого явятся характеры оригинальные и сильные. Въ природѣ часто не бываетъ такого сочетанія силъ въ одномъ направленіи; въ творчествѣ великихъ художниковъ оно всегда встрѣчается; поэтому ихъ харак-

теры, составленные изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и дѣйствительные характеры, мощнѣе, чѣмъ послѣдніе.

Тэнъ подробнѣе развиваетъ свою мысль указаніемъ на Шекспира, превосходящаго всѣхъ талантомъ созидать такіе цѣльные характеры, что по малѣйшимъ подробностямъ, по отдѣльнымъ словамъ, по жестамъ и оборотамъ фразъ, можно разгадать всю душу лица, все его прошедшее, все будущее. На первомъ мѣстѣ послѣ Шекспира Тэнъ называетъ Бальзака, причемъ интересно и характерно для манеры самого Тэна различіе, которое онъ проводитъ между Шекспиромъ и Бальзакомъ. Послѣдній въ высшей степени способенъ изобразить *формацію* человѣка, уловить и показать вліяніе первыхъ впечатлѣній, разговоровъ, чтенія, дружественныхъ отношеній, профессіи, жилища и пр. Но Шекспиръ—драматическій поэтъ, а Бальзакъ—пишущій романы ученый; поэтому вмѣсто того, чтобы скрыть подъ образомъ личности создавшіе ее элементы, онъ, напротивъ, подробно ихъ излагаетъ и перечисляетъ въ своихъ безконечныхъ описаніяхъ жилища, наружности и одежды героевъ, въ своихъ подготовительныхъ разсказахъ о ихъ дѣтствѣ и воспитаніи, въ своихъ техническихъ объясненіяхъ ихъ занятій и сдѣланнаго ими изобрѣтенія.

Другой элементъ *художественнаго* произведенія составляютъ „положенія и событіе“, которыя должны быть приноровлены къ характеру или типу, такъ чтобы дать ему возможность развиться и вполнѣ проявиться. И въ этомъ отношеніи искусство великихъ художниковъ стоитъ выше, т.-е. достигаетъ бо̀льшаго, чѣмъ природа или дѣйствительность, въ которой великіе и сильные характеры остаются незамѣченными и недоразвившимися по неимѣнію случая или искушенія. Тэнъ указываетъ на судьбу Кромвеля, которая была бы, конечно, совсѣмъ иная, еслибы въ его время не случилось англійской революціи.

Третій элементъ—это то, что̀ Тэнъ называетъ le style, т.-е. вся внѣшняя оболочка литературнаго произведенія, которая дѣйствуетъ и на мысль читателя, и на его музыкальную способность, на его память и воображеніе. И она должна находиться въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ. Характеры и типы, обрисовывающіеся передъ читателемъ своими дѣйствіями и своимъ положеніемъ, воплощаются для него, становятся осязательны, благодаря этой внѣшней оболочкѣ, и потому лишь согласное направленіе всѣхъ трехъ элементовъ или, какъ выражается Тэнъ, *силъ*, т.-е. типа, положенія и *стиля*, придаетъ характерамъ полную рельефность.

Такимъ образомъ вырабатывается у Тэна третій способъ градаціи литературныхъ произведеній, согласно съ формулой, что

при равныхъ условіяхъ они болѣе или менѣе *художественны*, смотря по тому, насколько полно соглашеніе всѣхъ ихъ элементовъ.

Приведенныя три формулы и основанный на нихъ тройной способъ расцѣнки произведеній литературы, по отношенію къ важности типа, его благотворности и, наконецъ, концентраціи эффекта, Тэнъ примѣняетъ также и къ художественнымъ произведеніямъ въ живописи и въ скульптурѣ. Мы не послѣдуемъ туда за нимъ, чтобы не усложнять нашей задачи, и ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ.

Въ этомъ отдѣлѣ „Философіи искусства“ всего болѣе вызываетъ недоумѣнія примѣненіе Тэномъ его принципа благотворности свойствъ, т.-е. нравственной точки зрѣнія, къ произведеніямъ живописи и скульптуры. Расцѣнка послѣднихъ по отношенію къ „важности и значительности“ содержанія произведена Тэномъ совершенно согласно съ его пріемами въ области литературы. Ставя художникамъ требованіе, чтобы они въ своихъ произведеніяхъ выдвигали на первый планъ „свойства“ наиболѣе значительныя и прочныя, Тэнъ даетъ слѣдующую классификацію этихъ свойствъ. Наименѣе существеннымъ свойствомъ изображаемаго человѣка признается его внѣшняя оболочка, одежда его, подверженная модѣ и измѣняющаяся съ каждымъ поколѣніемъ; самымъ существеннымъ—тѣло. Но и тѣло можетъ нести на себѣ случайныя черты, наложенныя на него профессіей, воспитаніемъ, образомъ жизни и пр. Поэтому наиболѣе существеннымъ при изображеніи человѣка Тэнъ считаетъ скелетъ съ его мускулами и тѣми видоизмѣненіями въ внѣшней оболочкѣ тѣла, которыя обусловлены постояннымъ вліяніемъ расы, климата и темперамента, независимо отъ случайностей профессіи и т. п. Съ этой точки зрѣнія Тэнъ и классифицируетъ школы и произведенія живописи и скульптуры, указывая самое низкое мѣсто произведеніямъ тѣхъ художниковъ, которые гонятся за воспроизведеніемъ самыхъ поверхностныхъ и случайныхъ свойствъ тѣла—одежды, и которыхъ Тэнъ называетъ „журналистами карандаша“.

Перейдемъ теперь къ мѣрилу, основанному не на прочности, а на благотворности свойствъ. Въ примѣненіи къ литературнымъ произведеніямъ Тэнъ усматривалъ благотворность свойствъ въ двухъ направленіяхъ: по отношенію къ самому лицу, обладающему извѣстнымъ свойствомъ, и по отношенію къ группѣ, къ которой принадлежитъ это лицо—семьѣ, отечеству, человѣчеству.

Приложеніе этой-то точки зрѣнія къ произведеніямъ живописи и скульптуры и вызываетъ то недоумѣніе, о которомъ мы упомянули. Приложеніе это у Тэна неполно, и потому непослѣдо-

вательно. Благотворное свойство тѣла, изображаемаго искусствомъ, для Тэна заключается только въ его „нормальной структурѣ“, которою обусловливаются здоровье и жизненная сила лица. Можно согласиться, что для самого лица, т.-е. для его физической жизни, нормальная структура есть самое благотворное свойство; но куда же дѣвались въ классификаціи Тэна тѣ свойства, которыя дѣлаютъ лицо или типъ благотворнымъ для группы, которой оно принадлежитъ, какъ часть цѣлаго? Очевидно, что съ точки зрѣнія Тэна не только для пластики, но и для живописи недоступно изображеніе нравственныхъ свойствъ человѣка. Въ области литературы Тэнъ поставилъ на высшей ступени произведенія, изображающія сюжеты и типы наиболѣе близкіе къ совершенству нравственнаго идеала. Отчего же эта мѣрка не прилагается, по крайней мѣрѣ, къ живописи и не примѣняется къ ней формула: при одинаковости другихъ условій то произведеніе выше, которое изображаетъ сюжетъ или типъ болѣе высокій въ нравственномъ отношеніи?

Это, очевидно, произошло оттого, что Тэнъ признаетъ только за литературой право изображать духовную жизнь человѣка; предметомъ изобразительныхъ художествъ онъ считаетъ исключительно физическую жизнь человѣка—и его тѣло. Какъ будто живопись, въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ, не въ состояніи была соперничать съ литературой въ изображеніи человѣческой души и того ея свойства *любить*, которое Тэнъ самъ признаетъ высшимъ проявленіемъ ея жизни? Но Тэнъ, очевидно, принесъ живопись въ жертву пластикѣ; въ своей оцѣнкѣ и классификаціи художественныхъ произведеній онъ руководился соображеніями, примѣнимыми лишь къ пластикѣ — и то съ ограниченіями и исключеніями, а потому Тэнъ понизилъ уровень требованій отъ живописи и съузилъ ея область, и вслѣдствіе этого съузилъ предѣлы живописи и принизилъ ея средства и ея назначеніе.

Тэнъ ограничиваетъ область живописи изображеніемъ природы и тѣла, т.-е. физической жизни человѣка. Такое мнѣніе едва ли когда-нибудь восторжествуетъ надъ противоположнымъ взглядомъ, если оно даже въ области скульптуры противорѣчитъ какъ историческимъ фактамъ, такъ и теоретическимъ сужденіямъ. Что касается до послѣднихъ, то укажемъ, какъ на особенно интересный примѣръ, на вышедшую въ недавнее время исторію итальянскаго искусства—Сеймонса. Этотъ авторъ нисколько не склоненъ навязывать скульптурѣ несвойственныя ей задачи; указывая на ея „зависимость отъ тѣла“, онъ настаиваетъ на строгомъ ея разграниченіи отъ живописи, и однако, по поводу статуи Микель-

Анджело—Pietà, Сеймонсъ говоритъ: „для тѣхъ, кто тогда видѣлъ и понялъ ее, стало очевидно, что въ скульптурѣ проявилась новая способность изображать самую душу человѣка, способность невѣдомая грекамъ, такъ какъ лежала внѣ сферы ихъ духовнаго опыта“ [1]). Характерно также, что Сеймонсъ ставитъ въ заслугу живописцу Лукѣ Синьорелли то, что онъ „въ вѣкъ орнамента и педантизма съумѣлъ заставить человѣческое тѣло служить выраженіемъ для самыхъ высокихъ помысловъ человѣка“, тогда какъ Тэнъ, въ своемъ очеркѣ итальянскаго искусства, выставляетъ Синьорелли лишь представителемъ крайняго энтузіазма художниковъ ренессанса въ изученіи и изображеніи нагого тѣла.

Точка зрѣнія Тэна на живопись, конечно, обусловливалась вліяніемъ на него античнаго искусства, въ которомъ скульптура играла такую преобладающую и господствующую надъ живописью роль; но помимо этого нельзя не признать здѣсь и вліянія его натуралистическаго направленія въ области художества. Какъ бы то ни было, одно, кажется, изъ всего этого можно заключить, а именно, что и *естественно-научный* методъ въ примѣненіи къ эстетическимъ и нравственнымъ вопросамъ не представляетъ въ себѣ гарантіи безошибочныхъ или, по крайней мѣрѣ, безспорныхъ выводовъ.

VI.

Уже изъ того, что̀ было нами приведено для объясненія способа оцѣнки Тэномъ художественныхъ произведеній, читатель могъ составить себѣ представленіе о его взглядѣ на цѣль искусства и задачу художника. И въ этомъ вопросѣ, какъ при объясненіи *происхожденія* художественныхъ произведеній и при установленіи мѣрила для ихъ оцѣнки, руководящую роль играетъ теорія „господствующаго свойства“; но здѣсь, при опредѣленіи цѣли искусства, эта теорія еще болѣе выдвигается на первый планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сама получаетъ полное освѣщеніе и окончательную, научную мотивировку.

Обусловливая *художественную* оцѣнку произведеній литературы и искусства *сочетаніемъ эффектовъ*, т.-е. требованіемъ отъ художника, чтобы онъ направилъ въ *одну* сторону всѣ элементы своего творчества, Тэнъ указывалъ на преимущество художника передъ природою, или человѣческаго творчества—передъ реальною дѣйствительностью. Преимущество это заключается въ томъ, что

---

[1]) Symonds, „Renaissance in Italy. Fine Arts“, p. 280 и 391.

художникъ творитъ сознательно, т.-е. задавшись извѣстною идеею, и располагаетъ весь свой матеріалъ такъ, чтобы выразить эту идею въ возможной рельефности и безусловности. Если, напр., онъ хочетъ воспроизвести въ драмѣ извѣстный крупный типъ, то онъ устраняетъ при изображеніи его все, что могло бы ослабить имѣющееся въ виду впечатлѣніе; затѣмъ онъ придумываетъ такія событія и обстоятельства, которыя давали бы возможность изображаемому характеру развиться и развернуться въ полной силѣ; наконецъ онъ приноравливаетъ къ нему самую рѣчь, такъ что „воображаемое лицо говоритъ лучше и болѣе сообразно съ своимъ характеромъ, чѣмъ дѣйствительныя лица". Это значитъ, другими словами, что художникъ сознательно или инстинктивно принимаетъ всѣ мѣры, чтобы выдающіяся свойства его лицъ выдавались какъ можно болѣе рельефно, т.-е. выдавались еще болѣе рельефно, чѣмъ это бываетъ у встрѣчающихся въ дѣйствительности лицъ.

Въ этомъ-то Тэнъ и видитъ цѣль искусства и задачу художника. Чѣмъ талантливѣе послѣдній, тѣмъ болѣе у него все приведено въ единство, и потому Тэнъ считаетъ возможнымъ опредѣлить серьезность художества „въ двухъ словахъ": manifester en concentrant. Но это единство достигается болѣе строгимъ и послѣдовательнымъ, чѣмъ то бываетъ въ дѣйствительности, подчиненіемъ всѣхъ свойствъ и элементовъ психической жизни главному характерному свойству лица, и потому Тэнъ опредѣляетъ задачу искусства формулою: „сдѣлать преобладающее въ природѣ свойство *господствующимъ*", faire dominateur un caractère dominant.

Эту мысль Тэнъ проводитъ систематически въ томъ отдѣлѣ своей философіи искусства, гдѣ онъ разсматриваетъ вопросъ о *подражательности* въ искусствѣ—отдѣлъ чрезвычайно поучительный для тѣхъ, кто видитъ реализмъ въ искусствѣ—въ подражаніи художника природѣ. Относящаяся сюда глава интересна, кромѣ того, особенно блестящимъ способомъ аргументаціи.

Тэнъ ведетъ сначала читателя своими доводами въ направленіи противоположномъ той цѣли, которую имѣетъ въ виду. Оставивъ въ сторонѣ архитектуру и музыку, Тэнъ указываетъ, что остальныя три искусства—поэзія, скульптура и живопись—соединены однимъ общимъ признакомъ—подражательностью. По-видимому, ихъ задача—какъ можно болѣе точное подражаніе дѣйствительности. Тэнъ доказываетъ это тѣмъ, что самое первое и общепринятое мѣрило достоинства картины, статуи или драмы—это соотвѣтствіе между изображаемымъ и дѣйствительностью; онъ указываетъ на факты, что всѣ великіе художники посвящали

свою юность и лучшую пору своего таланта тщательному изученію дѣйствительности, а съ другой стороны, тѣ изъ нихъ, которые дожили до паденія своего таланта, въ это время творили уже по шаблону. Отъ жизни отдѣльныхъ художниковъ Тэнъ переходитъ къ исторіи искусства, и въ замѣчательной характеристикѣ византійскаго искусства показываетъ, какъ вырожденіе античнаго искусства, совершившееся въ промежутокъ 500 лѣтъ, отдѣляющихъ равеннскія мозаики отъ помпейскихъ фресокъ, произошло путемъ постепеннаго „забвенія живой модели" и „копированія копій", такъ что „каждое поколѣніе удалялось на одну ступень отъ подлинника". Указавъ на подобный же процессъ вырожденія въ французской литературѣ въ вѣкъ, отдѣляющій Делиля отъ Расина, вслѣдствіе того, что образцами въ литературѣ „стали служить не люди, а писатели", Тэнъ приводитъ читателя къ заключенію, что „повидимому, взоръ художника долженъ быть устремленъ на природу, чтобы подражать ей какъ можно ближе, и что предметъ искусства—самое полное и точное подражаніе".

И однако это далеко не безусловно справедливо; ибо еслибы это было такъ, то путемъ самаго рабскаго подражанія можно было бы создать самыя художественныя произведенія, и лѣпкѣ по живой модели фотографіи или стенографическому отчету о какомъ-нибудь уголовномъ процессѣ — пришлось бы отдать преимущество передъ статуей или картиной художника и драмой великаго поэта. Затѣмъ на примѣрѣ Ифигеніи, сличая эту драму Гёте въ прозѣ съ ея обработкой въ стихотворной формѣ, Тэнъ показываетъ, что художественныя произведенія намѣренно и сознательно отступаютъ отъ дѣйствительности. Отсюда дѣлается выводъ, что художество хотя и подражаетъ дѣйствительности, но воспроизводитъ ее не во всѣхъ ея случайностяхъ и деталяхъ, а передаетъ „отношенія и взаимную зависимость частей" цѣлаго. Мы не станемъ останавливаться на этой формулѣ и на техническихъ подробностяхъ, которыя приводитъ Тэнъ для ея объясненія, а пойдемъ за нимъ далѣе. Дѣло именно въ томъ, что онъ находитъ и эту формулу еще недостаточною и заявляетъ, что именно первоклассныя художественныя школы болѣе всего видоизмѣняли существующія въ дѣйствительности отношенія частей.

На анализѣ двухъ великихъ художественныхъ произведеній, на надгробныхъ статуяхъ Микель-Анджело въ медицейской часовнѣ и на изображеніи толпы на храмовомъ праздникѣ—въ „Кермесѣ" Рубенса, Тэнъ объясняетъ и проводитъ свои мысли. Эти два анализа сами по себѣ—два художественныхъ произведенія, два прелестныхъ миніатюра эстетической критики и исторической диви-

націи, достойныя того, чтобы всякій навсегда запечатлѣлъ ихъ въ своей памяти, кто не видѣлъ статуи флорентинскаго скульптора и картины фламандскаго живописца.

Въ этомъ анализѣ Тэнъ доказываетъ, что художникъ видоизмѣняетъ дѣйствительное отношеніе частей—съ цѣлью сдѣлать болѣе осязательными извѣстное *существенное свойство* предмета и вмѣстѣ съ тѣмъ главную идею, которую онъ себѣ о немъ составилъ. Это—то самое,—говоритъ Тэнъ,—что философы называютъ *сущностью* вещей; соглашаясь съ ними въ томъ, что именно эта *сущность* составляетъ цѣль искусства, Тэнъ хочетъ замѣнить ихъ техническій терминъ болѣе *простыми* выраженіями и говоритъ, что цѣль искусства заключается въ томъ, чтобы „обнаружить главное свойство или какое-нибудь выдающееся и бросающееся въ глаза свойство предмета, какую-нибудь замѣчательную точку зрѣнія на него, какой-нибудь преобладающій способъ бытія (manière d'être) предмета".

Эта задача искусства—выставлять въ яркомъ свѣтѣ основныя свойства предметовъ—объясняется Тэномъ при сопоставленіи природы и искусства. И въ природѣ также основное свойство опредѣляетъ характеръ предметовъ, даетъ имъ отдѣлку, „какъ выражается Тэнъ; но эта отдѣлка не безусловно зависитъ отъ главнаго свойства. Это послѣднее, такъ сказать, стѣснено въ своемъ вліяніи на предметы; ему мѣшаетъ дѣйствіе другихъ причинъ. Поэтому оно не въ состояніи наложить на предметъ довольно сильную и замѣтную печать. Человѣкъ чувствуетъ этотъ пробѣлъ, и чтобы восполнить его, онъ изобрѣлъ художество. Итакъ, художество беретъ на себя ту задачу, которая была не по силамъ природѣ—дать основному свойству господствующее положеніе въ предметѣ. Тэнъ прекрасно объясняетъ это, еще разъ возвращаясь къ картинѣ Рубенса. Лица, которыя толпятся на его „Храмовомъ праздникѣ", гораздо ярче несутъ на себѣ печать „основного свойства" своей расы и своего вѣка, чѣмъ дѣйствительныя лица, современныя Рубенсу. Изъ сотни послѣднихъ, можетъ быть, пять или шесть могли бы служить моделью художнику для его картины; но эти пять или шесть человѣкъ терялись на тѣхъ празднествахъ, которыя ему случалось видѣть въ толпѣ лицъ болѣе обыкновенныхъ и представлявшихъ болѣе посредственный типъ; или же въ тотъ моментъ, когда художникъ на нихъ смотрѣлъ, они не имѣли той позы, того выраженія, жеста, костюма, того увлеченія, той степени распущенности, какая была необходима, чтобы сдѣлать осязательнымъ преизбытокъ грубаго наслажденія жизнью, который желалъ изобразить живописецъ. И вотъ природа въ этомъ случаѣ призываетъ, такъ сказать, на помощь художника",

а художникъ, для того, чтобы довершить то, чего она не додѣлала, „устраняетъ въ предметѣ черты, скрывающія „основное свойство“, подбираетъ тѣ, которыя его обнаруживаютъ, исправляетъ тѣ, въ которыхъ оно искажено, и возстановляетъ его тамъ, гдѣ оно стерлось“. Въ этихъ въ высшей степени характерныхъ для самого Тэна словахъ онъ выясняетъ уже самый способъ творчества художника. Если вліяніе „основного свойства“ есть ключъ для объясненія творческой дѣятельности природы, то оно тѣмъ болѣе важную роль играетъ въ объясненіи творчества художника. „То, что дѣлаетъ художника, именно и есть привычка обнаруживать въ предметахъ ихъ основныя свойства и выдающіяся черты; тамъ, гдѣ другіе люди видятъ только безсвязныя части, онъ схватываетъ духъ цѣлаго. И это не только простая привычка, это инстинктъ, это тотъ высокій даръ, который отдѣляетъ художника отъ людской толпы. Основное свойство предметовъ поражаетъ настоящаго художника и обусловливаетъ собою то „невольное впечатлѣніе“, которое остается у него послѣ встрѣчи съ предметомъ. Тэнъ показываетъ, какъ подъ вліяніемъ этого первоначальнаго импульса мозгъ преобразовываетъ, такъ сказать передумываетъ предметъ, то „освѣщая и увеличивая его, то извращая и наклоняя его весь въ одну сторону“.

Итакъ, цѣль искусства въ его отличіи отъ природы, способъ творчества художника и самая тайна художественнаго таланта,— все объясняется теоріей „основного свойства“. Къ ней, наконецъ, сводится и опредѣленіе *идеала* у Тэна, и его взглядъ на идеализацію въ искусствѣ.

Цѣль искусства—обнаружить какое-нибудь основное или выдающееся свойство болѣе полно и ясно, чѣмъ это бываетъ въ дѣйствительныхъ предметахъ. Для этого художникъ выясняетъ себѣ идею этого основного свойства и по этой идеѣ преобразовываетъ дѣйствительный предметъ. Этотъ такимъ способомъ преобразованный предметъ теперь *согласованъ* съ своей идеей, а это, по словамъ Тэна, и значитъ, что онъ *идеализованъ*. „Такимъ образомъ,— заключаетъ Тэнъ,—предметы переходятъ изъ реальнаго міра въ идеальный, когда художникъ ихъ воспроизводитъ, видоизмѣняя ихъ при этомъ согласно съ своей идеей; а онъ видоизмѣняетъ ихъ по своей идеѣ, когда, усматривая въ нихъ и обнаруживая какое-нибудь выдающееся свойство, онъ систематически измѣняетъ естественныя отношенія ихъ частей, чтобъ сдѣлать это свойство болѣе нагляднымъ и болѣе преобладающимъ“ [1]).

---

[1]) Phil. de l'art, II, 258.

Таково опредѣленіе идеала и идеализаціи въ искусствѣ у Тэна. Очевидно, что это опредѣленіе не представляетъ окончательнаго рѣшенія проблемы; оно не вполнѣ удовлетворяетъ читателя, ибо возбуждаетъ въ немъ вопросъ: если идеализація предмета заключается въ пересозданіи его на основаніи господствующаго въ немъ свойства, то какъ отличить идеализацію отъ каррикатуры; вѣдь и каррикатура не что иное какъ превращеніе выдающагося свойства въ преобладающее? И не можетъ ли случиться съ художникомъ, который такимъ образомъ воспроизведетъ предметъ по своей идеѣ, что онъ со стороны другихъ подвергнется упреку въ каррикатурномъ изображеніи предмета?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно бы было подвергнуть разсмотрѣнію нѣкоторые образчики подобной идеализаціи, напримѣръ изображеніе якобинцевъ у самого Тэна. Но здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ его общей теоріей и съ его методомъ объясненія литературныхъ и художественныхъ произведеній. Мы видѣли, что исходной точкой теоріи Тэна было убѣжденіе, что міръ художественнаго творчества и нравственныхъ явленій управляется тѣмъ же закономъ строгой причинности явленій, власть котораго безусловно признана надъ міромъ физическимъ. Отсюда вытекаетъ у Тэна принципъ подчиненія области духовныхъ явленій тому же методу изслѣдованія, который принятъ въ естественныхъ наукахъ. Результатомъ этого принципа были два пріема изслѣдованія: объясненіе литературныхъ и художественныхъ произведеній совокупнымъ дѣйствіемъ трехъ силъ—расы, среды и момента, и, во-вторыхъ, пріемъ, основанный на теоріи „основного свойства“. Эта же теорія, опираясь на способъ классификаціи явленій органической природы, должна была служить принципомъ классификаціи и мѣриломъ оцѣнки литературныхъ и художественныхъ явленій. Наконецъ, та же теорія „основного свойства“ послужила Тэну средствомъ для установленія цѣли искусства и задачи художника. При оцѣнкѣ этой теоріи и вытекающихъ изъ нея пріемовъ изслѣдованія нужно прежде всего имѣть въ виду тѣ результаты, которые съ ихъ помощью достигнуты самимъ Тэномъ. Значеніе этихъ результатовъ,—при всѣхъ оговоркахъ, которыя въ правѣ дѣлать критика,—безспорно. Исторія англійской литературы, три самыхъ крупныхъ момента въ исторіи искусства, изслѣдованія о Лафонтенѣ и о Титѣ Ливіѣ и многіе другіе вопросы, служившіе Тэну темою для его критическихъ статей, могутъ служить свидѣтельствомъ плодотворности его пріемовъ. Но установятся ли эти пріемы въ исторической наукѣ, будутъ ли они усвоены другими изслѣдователями, и какіе результаты принесутъ

въ будущемъ, объ этомъ высказываться преждевременно; можетъ быть, что по наиболѣе оригинальному изъ путей, открытыхъ Тэномъ для критики,—по тому, который исходилъ изъ теоріи „основного свойства", —рѣшатся пойти за Тэномъ немногіе послѣдователи; но поднятый здѣсь Тэномъ вопросъ важенъ не для одной литературной критики; онъ находится въ тѣснѣйшей связи съ однимъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ—съ вопросомъ о психологическихъ типахъ и ихъ основныхъ чертахъ, для разрѣшенія котораго подготовляется такъ много интереснаго матеріала съ самыхъ различныхъ сторонъ психологіи, антропологіи и, наконецъ, со стороны современной фотографіи, съ ея такъ-называемыми *сложными* или *типическими* портретами.

Вообще о „научномъ методѣ" Тэна въ литературѣ и художествѣ нужно судить не по однимъ только осязательнымъ результатамъ его въ названной области. Этотъ методъ простирается далѣе на исторію вообще, на психологію и философію, и только тамъ раскрывается его общее значеніе. Но уже на основаніи того, что̀ выяснилось изъ приложенія этого „научнаго метода" къ литературной и художественной критикѣ, можно сказать, что онъ имѣетъ серьезное теоретическое значеніе въ исторіи человѣческой мысли. Онъ представляетъ собою самобытную и талантливую попытку подъ вліяніемъ преобладающаго направленія въ нашемъ вѣкѣ и съ научными средствами этого вѣка разрѣшить великую проблему—объединить въ познаніи и пониманіи физическую природу и міръ человѣческаго творчества, перекинуть мостъ изъ области естественныхъ наукъ въ міръ духовныхъ явленій. Теорія Тэна, серьезно продуманная и систематически проведенная, ставитъ насъ на вершину величественнаго зданія мысли, основанія котораго проложены въ глубокомъ грунтѣ науки въ строгомъ смыслѣ этого слова—въ наукѣ природы и физическихъ процессовъ—а верхніе ярусы котораго захватываютъ самые таинственныя области духовнаго міра, вопросы о происхожденіи художественныхъ произведеній, о ихъ оцѣнкѣ и о сущности художественнаго творчества. Зданіе проектировано по смѣлой и оригинальной идеѣ; оно возведено по стройному и послѣдовательному плану; одно нача̀ло проходитъ повсюду, связываетъ всѣ его части и придаетъ ему жизненность и гармонію теоріи „основного свойства". Что же касается до прочности этого замѣчательнаго зданія человѣческой мысли, то не слѣдуетъ забывать, что мы находимся съ нимъ въ области, гдѣ наука граничитъ съ индивидуальнымъ творчествомъ, и гдѣ оригинальное творчество ума само уже есть вкладъ въ науку и шагъ впередъ къ разгадкѣ ея

тайнъ. Теорія Тэна представляетъ собою попытку разрѣшить вопросъ, который, можетъ быть, вѣчно будетъ открытымъ. Для Тэна явленія нравственнаго и художественнаго міра—*плоды и цвѣты* міра физическихъ процессовъ, и онъ задался цѣлью установить непосредственную связь между ними и наглядно показать, какъ развиваются эти цвѣты и произрастаютъ эти плоды изъ корней, глубоко скрытыхъ отъ человѣческаго взора. Если и Тэну въ этомъ отношеніи не удалось пойти далѣе установленія *аналогій*, то указанныя имъ аналогіи открываютъ самыя далекія перспективы, а пройденный имъ путь изслѣдованія усѣянъ плодами серьезной мысли и цвѣтами поэтическаго изображенія.

Этимъ, однако, не ограничивается интересъ и значеніе теоріи Тэна. Дѣятельность этого писателя представляетъ двѣ стороны, тѣсно между собою связанныя—научную и художественную. Онъ не только ученый изслѣдователь, но и самъ художникъ. Онъ въ этомъ отношеніи представляетъ аналогію съ Бальзакомъ; не даромъ онъ всегда чувствовалъ къ послѣднему такой интересъ и такую симпатію. Бальзакъ—ученый натуралистъ въ романѣ; въ немъ преобладаетъ художникъ, но его художество отмѣчено его свойствомъ *натуралиста*. Въ Тэнѣ преобладаетъ ученый, но въ то же время онъ художникъ въ литературѣ и исторіографіи. Его творчество вездѣ носитъ на себѣ отпечатокъ его ученой теоріи, а можетъ быть не менѣе того самая теорія его обусловливается свойствомъ его художественнаго таланта. Устанавливая законы художественнаго творчества, Тэнъ черпалъ изъ сознанія своего собственнаго индивидуальнаго таланта, и если его научный методъ не вездѣ примѣнимъ и потому не безусловно вѣренъ, то онъ во всякомъ случаѣ вѣренъ въ примѣненіи къ самому Тэну. Теоріи *среды* и теоріи *основного свойства* мы обязаны не малымъ числомъ замѣчательныхъ въ научномъ и въ литературномъ отношеніи изслѣдованій.

В. Герье.

ДОБРОВОЛЕЦЪ

РАЗСКАЗЪ.

Весной 1875 года я пріѣхалъ въ Приволжскъ держать экзаменъ на уѣзднаго учителя и остановился у своего стараго товарища по семинаріи, Леонида Ивановича Марлова. Онъ съ старушкою-матерью жилъ тогда на углу Грузинской улицы и Хлѣбной пристани, въ собственномъ домѣ, окна котораго прямо выходили на Волгу. Въ крошечныхъ комнаткахъ этого стариннаго поповскаго домика царили простота и патріархальность—совершенно старосвѣтскія. Неуклюжіе диваны, обитые клеенкой, тяжелые огромные столы и кресла подъ красное дерево, пузатые комоды съ мѣдными ручками, портреты архіереевъ на стѣнахъ, поющія двери съ высокими порогами, на которыхъ непривычный человѣкъ безпрестанно спотыкался, герань и плющъ на окнахъ—отъ всего этого вѣяло милой стариной, привѣтливой, гостепріимной и добродушной. Маленькая фигурка старушки-попадьи въ капотикѣ дикаго цвѣта и стараго покроя, съ вѣчнымъ чулкомъ въ рукахъ, совершенно дополняла эту обстановку и чудесно съ нею гармонировала. Зато самъ Леонидъ, или какъ называли его товарищи — Лео, представлялъ полнѣйшій контрастъ съ мирною патріархальностью отеческаго жилища. Къ великому неудовольствію старушки—ее звали Христиной Павловной—онъ на каждомъ шагу нарушалъ привычный строй ея жизни, и въ старозавѣтный поповскій режимъ вносилъ массу новшествъ, начиная съ скоромнаго въ посту и кончая Миллемъ и Спенсеромъ, валявшимися рядомъ съ псалтыремъ и библіей на угольникахъ, накрытыхъ вязаными салфетками. Этотъ безпорядокъ страшно возмущалъ добрую старушку и служилъ для нея вѣчнымъ поводомъ

къ воркотнѣ и препирательствамъ съ сыномъ, котораго въ сущности она до безумія любила.

— Ишь, опять свои богомерзкія книжонки вездѣ разбросалъ!— ворчала Христина Павловна, замѣтивъ на столѣ истрепанный томъ Дарвина, забытый Леонидомъ.—Сколько разъ говорила:—не клади ты ихъ ко мнѣ подъ образа, — нѣтъ, положитъ да положитъ. Экій нѣслухъ-малый, право, нѣслухъ!

И она чуть не съ ужасомъ брала въ руки „богомерзкую книжонку" и водворяла ее въ комнату сына.

Но истинное наказаніе для нея было, когда къ Леониду собирались товарищи. Тихія комнатки наполнялись шумнымъ говоромъ молодыхъ голосовъ, слышался раскатистый смѣхъ, горячіе споры, пѣсни, звуки гармоники или гитары, табачный дымъ клубами несся изъ комнаты Леонида и насквозь пропитывалъ елейную атмосферу домика — и старыя лапушистыя герани укоризненно вздрагивали на окнахъ, а архіереи на стѣнахъ мрачно хмурились и, какъ будто покачивая головами, грозно посматривали на старушку.

„Что же это ты, старая грѣховодница, затѣяла?—казалось, говорили они ей. — Не взирая на наше присутствіе, этакое ты непотребство у себя въ домѣ допускаешь, а? Бога ты, должно быть, совсѣмъ забыла..."

— Охъ-хо-хо, прости ты меня, Царица Небесная, Владычица Пресвятая! — вздыхала Христина Павловна на безмолвныя укоризны архіеревъ, и еще усерднѣе принималась постукивать спицами чулка. Но какъ разъ въ эту минуту изъ комнаты сына вырывались могучіе звуки „Дубинушки", и чулокъ вздрагивалъ въ рукахъ старушки.

— О, Господи!—шепчетъ она, избѣгая глядѣть на архіереевъ. —И пѣсни-то все срамныя поютъ, безстыдники! Бывало, покойникъ въ кои-то вѣки псаломъ споетъ, да и то потихоньку, важно этакъ да степенно. А эти ишь что̀ выдумали—пѣсни бурлацкія пѣть!.. Прости ты, Господи, согрѣшеніе мое...

Не мало огорчало старушку еще и то обстоятельство, что Леонидъ, вопреки семейнымъ преданіямъ и завѣтамъ, не пошелъ по „духовной части". По мнѣнію Христины Павловны не было ничего выше и благороднѣе служенія церкви, и она частенько принималась упрекать насъ за то, что мы пренебрегли столь высокимъ и святымъ поприщемъ.

— Эхъ, вольнодумы, вольнодумы!—говаривала она.—И чего въ попы не шли? Святое дѣло... Нѣтъ, какъ можно! Пѣсни бурлацкія пѣть лучше! Книжонки богомерзкія читать! Съ бурлаками

на пристани разговоры разговаривать!.. А какіе попы-то, какіе бы попы-то вышли!

И она сокрушенно вздыхала, покачивая головой.

Однако, несмотря на видимый семейный разладъ, Христина Павловна души не чаяла въ своемъ Ленюшкѣ. Бывало, ворчитъ-ворчитъ, а потомъ, глядишь, и несетъ своему „непутёвому“ ватрушку, или пирогъ его любимый испечетъ, или теплые носочки вывяжетъ. А когда онъ засидится у товарищей или долго на Волгѣ загуляется — всю ночь она сидитъ, поджидаетъ, въ окно посматриваетъ, къ каждому шороху прислушивается. Придетъ „непутёвый“ — она сама дверь ему отворитъ, сама уложитъ, а заснетъ онъ — она долго прислушивается къ его дыханію и долго-долго молится предъ образами, гдѣ горитъ неугасимая лампада. Точно также относилась Христина Павловна и къ многочисленнымъ товарищамъ Леонида. Всѣхъ ихъ она считала пропащими людьми, всѣмъ отъ нея доставалось при случаѣ, но въ то же время всѣхъ она одинаково любила и жалѣла. Когда надо, побранитъ или, по ея собственному выраженію, „отчитаетъ“, а когда надо — и накормитъ, и бѣлье починитъ, и даже денегъ иной разъ дастъ.—Ходилъ къ Леониду одинъ юноша, за длинную тонкую шею и длинный носъ прозванный гусемъ. Онъ былъ сирота, жилъ кое-гдѣ и кое-какъ, и былъ бѣденъ до того, что зиму и лѣто щеголялъ въ легонькомъ пальтишкѣ и по цѣлымъ мѣсяцамъ не смѣнялъ сорочки, потому что она была у него одна. Когда же съ лица она очень занашивалась, онъ для разнообразія вывертывалъ ее наизнанку, и носилъ такъ. Старушка долго на него косилась, наконецъ не вытерпѣла. Однажды, когда „гусь“ пришелъ къ Леониду, она отворила дверь въ комнату сына и строгимъ голосомъ позвала гостя къ себѣ.

Гусь въ недоумѣніи смотрѣлъ на нее и ничего не понималъ.

— Иди, иди, говорятъ тебѣ! — еще строже повторила старушка.—Не съѣмъ вѣдь.—Гусь нерѣшительно пошелъ за нею— и пропалъ. Чтò они тамъ дѣлали—неизвѣстно, но черезъ часъ гусь возвратился весь красный, переконфуженный и въ новой ситцевой рубашкѣ, прямо съ иголочки. А старушка послѣ еще выговаривала Леониду.

— Пропащій вы народъ, больше ничего!—ворчала она.— Книжки свои дурацкія читаютъ, толкуютъ о томъ, „какъ бы, да кабы, да во рту росли грибы“, а что ихній же братъ почитай безъ рубахи ходитъ,—это имъ наплевать! Эхъ, вы, дурья порода, и съ книжками-то вашими!.. Долго ли человѣку простудиться да померетъ этакъ?..

И съ этого времени она взяла Гуся подъ свое особое покровительство. Оставляла его обѣдать, чай пить, давала денегъ на баню, снабжала бѣльемъ и даже собственноручно перешила ему изъ своей старой ватной кацавейки теплую фуфайку, которую совѣтовала носить подъ пальто. „Все-таки тебѣ теплѣе будетъ, долговязому“.

За это Христину Павловну всѣ очень любили и нисколько не обижались на нее, когда она бранилась.

Самъ Леонидъ Ивановичъ былъ человѣкъ въ своемъ родѣ замѣчательный, и о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Учились мы въ семинаріи вмѣстѣ, но оба, по обстоятельствамъ отъ насъ независящимъ, курса не кончили. Обоихъ насъ исключили изъ „философіи“ за чтеніе книжекъ — ненадлежащихъ. Послѣ этого я уѣхалъ въ уѣздъ и поступилъ въ земскую управу писцомъ, а Леонидъ сталъ готовиться въ гимназію. Но и въ гимназію его не приняли, какъ „паршивую овцу“; тогда Леонидъ занялся саморазвитіемъ, которое въ то время было въ ходу среди молодежи и предпочиталось даже гимназическому ученью. По крайней мѣрѣ я знавалъ многихъ гимназистовъ, которые бросали гимназію, выходили изъ VII и VIII классовъ и засаживались за книги. Но большинство изъ нихъ не умѣло взяться за дѣло какъ слѣдуетъ, и хотя читало много, но безъ толку, и изъ такихъ современемъ ничего не вышло. Леонидъ представлялъ исключеніе. Онъ читалъ, придерживаясь въ чтеніи извѣстной системы, и каждую книгу штудировалъ какъ учебникъ. Ему мало было сказать о книгѣ: „я прочелъ“; ему нужно было прибавить:—„я знаю“. И онъ дѣйствительно зналъ... Спорить съ нимъ было очень трудно. Благодаря сильно развитымъ въ немъ критическимъ способностямъ, у него выработались на все особые оригинальные взгляды, которые рѣзко выдѣляли его изъ среды прочихъ товарищей по саморазвитію. На всѣхъ нихъ безпорядочное чтеніе наложило особый отпечатокъ верхоглядства, самомнѣнія и легкомыслія; одинъ Леонидъ отличался самостоятельностью сужденій и извѣстною устойчивостью. Складъ ума у него былъ скептическій, насмѣшливый, и съ перваго раза эта насмѣшливость сильно раздражала увлекающуюся, пылкую молодежь. Казалось, что Леонидъ ко всему относится, что называется, „скандачка“, что у него нѣтъ никакихъ идеаловъ, что онъ, наконецъ, просто позируетъ и корчитъ изъ себя Мефистофеля; но когда съ нимъ сближались и узнавали его короче—съ его насмѣшливостью не только примирялись, ее начинали даже любить. Не одна злость и горечь скрывались въ ней; въ ней чуялась горячая любовь къ людямъ

и желаніе видѣть ихъ лучшими, чѣмъ они есть. Кромѣ того, она отрезвляла черезъ-чуръ увлекающихся и заставляла ихъ крѣпко призадумываться надъ собою.

Вотъ каковъ былъ мой пріятель, Леонидъ Марловъ.

Май въ этомъ году стоялъ прекраснѣйшій. Яркое небо, солнце, сверкающая Волга, пахучія сирени въ Липкахъ — такъ назывался общественный садъ въ Приволжскѣ,—все это манило меня изъ дому, развлекало и мѣшало заниматься. Нужно было грамматику повторять, а меня тянуло на пристань, покалякать съ бурлаками и крючниками, нагружавшими баржи, или сѣсть въ лодку и уплыть на Зеленый-Островъ — излюбленное мѣсто для прогулокъ приволжцевъ, — а то просто хотѣлось взять новую книжку журнала и уйти съ нею подъ тѣнь Липокъ, куда-нибудь въ самую глушь сада, въ рѣшетчатую бесѣдку, всю пронизанную трепетомъ и блескомъ солнечныхъ рефлексовъ. Совсѣмъ я облѣнился... Лѣности моей не мало способствовало также и то обстоятельство, что я послѣ долгаго полусоннаго прозябанія въ уѣздномъ городишкѣ, въ качествѣ земскаго писца, среди картежничества, сплетенъ и оголтѣлаго пьянства, — теперь сразу попалъ въ молодое общество, окружавшее Леонида и жившее совсѣмъ особенною, своеобразною молодою жизнью. О картахъ и о водкѣ не было и помину; вмѣсто толковъ о жалованьѣ, объ окладахъ, о циркулярахъ, здѣсь говорили о человѣчествѣ, о нравственности, объ общественномъ благѣ; вмѣсто словъ: „подцѣпить“, „облопошить“, „поддѣть“, — здѣсь слышалось: „умереть за правду“, „служить ближнему“, „жертвовать своими интересами“ и т. д. Жили дружно, общественно, помогая другъ другу, кто чѣмъ могъ; сходились часто, вмѣстѣ читали, мечтали, спорили, а ради удовольствія ѣздили кататься по Волгѣ и пѣли пѣсни. Хорошее было время! Теперь, порядкомъ выкупавшись въ житейской тинѣ и не мало вынеся на своихъ плечахъ толчковъ, несправедливости, преслѣдованія, клеветы и разнаго рода разочарованій, я часто обращаюсь къ прошлому и съ любовью вспоминаю объ этомъ свѣтломъ, какъ заря, прекрасномъ, какъ весеннее утро, времени. Сколько было плановъ и надеждъ, сколько ожиданій, сколько готовности къ самопожертвованію и труду!.. Всѣ были одушевлены одной идеей; каждый готовился къ чему-то въ будущемъ, и съ трепетомъ ждалъ своей очереди на жизненномъ пути. Одинъ Леонидъ оставался неизмѣнно спокойнымъ и насмѣшливымъ, и наши тре-

вожныя ожиданія служили неистощимымъ источникомъ для его шуточекъ.

— Ну, что?—спрашивалъ онъ часто кого-нибудь изъ друзей.—Мы стоимъ „на порогѣ великій событій"?

И его маленькіе сѣрые глазки искрились веселымъ смѣхомъ каждый разъ, когда вопрошаемый угрюмо хмурилъ брови и, обиженный насмѣшкой, уходилъ, хлопнувъ дверью.

Признаюсь, въ такія минуты я, несмотря на все свое благоговѣніе предъ Леонидомъ, начиналъ на него злиться и даже рѣшался дѣлать ему замѣчанія.

— Какъ тебѣ не стыдно, Лео!—говорилъ я съ упрекомъ.— Есть вещи, надъ которыми смѣяться просто грѣшно.

— Ничего!—хладнокровно возражалъ Лео.—Когда манометръ слишкомъ сильно поднимается, необходимо выпустить нѣсколько пара. Иначе котелъ лопнетъ, дѣло—швахъ.

Въ другой разъ онъ высказался еще яснѣе.

— Э, батенька! Надо всегда предполагать самое худшее, а не увлекаться розовыми мечтами. Кто-то сказалъ: „иллюзіи разрушаются, а факты остаются". Вотъ я и разрушаю иллюзіи у нашихъ Донъ-Кихотовъ, пока они не успѣли еще истратить своихъ силенокъ въ сраженіи съ мельницами.

— Но почему же ты думаешь, что это иллюзіи?—спрашивалъ я.

— Горе тому, который, не спросясь броду, да вдобавокъ еще не умѣя плавать, сунется въ воду!—загадочно произносилъ Лео и умолкалъ.

Меня и вообще всѣхъ насъ страшно бѣсила эта манера Леонида говорить притчами и пословицами, а его насмѣшки просто выводили изъ себя. Нѣкоторое время послѣ такихъ разговоровъ мы дулись на него, потомъ мало-по-малу смягчались и опять, какъ ни въ чемъ не бывало, осаждали его комнатку, наполняя ее своими спорами, мечтами и табачнымъ дымомъ. Нужно ли было кому-нибудь достать денегъ, пообѣдать, посовѣтоваться, попросить разъясненій по политической экономіи—всѣ шли къ знакомому маленькому домику на Грузинской.

Общество, собиравшееся у Леонида, было самое разнообразное. Гимназисты старшихъ классовъ, семинаристы, студенты, учителя и учительницы народныхъ школъ, такъ-называемые „некончившіе", наконецъ даже молодые телеграфисты, чиновники и служащіе въ разныхъ учрежденіяхъ. Послѣднихъ, а также учителей и учительницъ Леонидъ въ шутку называлъ „серьезнымъ элементомъ", потому что дѣйствительно это былъ все народъ за-

нятой, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему жестоко надъ ними подсмѣиваться и дразнить ихъ общественнымъ пирогомъ. Вся остальная компанія—учащаяся молодежь и „некончившіе“, изъ которыхъ каждый непремѣнно куда-то и къ чему-то „готовился“—называлась „парламентомъ будущаго“. Засѣданія этого курьезнаго парламента происходили каждый день, и чаще всего по вечерамъ въ Липкахъ, на такъ-называемой радикально-либерально-соціально-демократической скамеечкѣ, подъ тѣнью развѣсистыхъ пахучихъ липъ. И сколько тутъ, на этой скамеечкѣ, было переговорено, перечувствовано, пережито, сколько смѣху было, шутокъ, пѣсенъ!.. И больше всѣхъ, разумѣется, отличался Леонидъ. Онъ былъ положительно неистощимъ въ своихъ насмѣшкахъ и осмѣивалъ рѣшительно все—любовь, луну, поэзію, звѣзды, гуляющихъ... Доставалось, конечно, и намъ. Но особенно преслѣдовалъ онъ троихъ изъ нашей компаніи: Александра Антоновича Коха, Володю Аносова и Ивана Хопрова.

Александръ Антоновичъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, низенькаго роста, но съ огромнѣйшей бородой, за которую ему дали прозвище: „мужичокъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ“. Впрочемъ его называли еще „Александриной“, и это послѣднее прозвище, несмотря на его длинную бороду, было гораздо популярнѣе перваго, вѣроятно потому, что Кохъ былъ по характеру своему необычайно добродушенъ, незлобивъ и женственно-мягокъ. Обижался онъ очень рѣдко, и на всѣ насмѣшки, которыми его постоянно осыпали, отвѣчалъ всегда самою свѣтлою улыбкой. Образованіе онъ, повидимому, получилъ самое скудное и въ спорахъ нашихъ почти никогда не принималъ участія, вѣроятно по застѣнчивости, а отчасти, можетъ быть, и изъ боязни сказать что-нибудь невпопадъ,—это случалось съ нимъ нерѣдко. Но слушалъ онъ внимательно и до наивности восхищался пламенными, но не всегда логичными рѣчами нашихъ юныхъ ораторовъ. „Ахъ, хорошо говоритъ! божественно говоритъ!“—восклицалъ онъ восторженно и при этомъ съ грустью прибавлялъ: „вотъ я этакъ не умѣю“. Никто аккуратнѣе его не посѣщалъ наши собранія, сходки и чтенія, и вообще, повидимому, онъ очень дорожилъ знакомствомъ съ нашимъ кружкомъ и гордился имъ. Леонида онъ чуть ли не обожалъ и немножко его побаивался. И Леонидъ дѣйствительно издѣвался надъ нимъ жестоко, особенно когда бывалъ въ ударѣ. Дѣло въ томъ, что у Коха была одна маленькая слабость — онъ писалъ стихи и серьезно воображалъ себя поэтомъ. Когда на него находило вдохновеніе, или, какъ у насъ выражались, стихобѣсіе,—онъ становился мраченъ, раздра-

жителенъ, обидчивъ, избѣгалъ общества, совершалъ уединенныя прогулки и даже переставалъ ходить на службу,—я забылъ сказать, что онъ служилъ въ банкѣ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока на свѣтъ Божій не появлялось стихотвореніе; тогда онъ приходилъ въ себя, успокоивался и возвращался на нашу соціально-демократическую лавочку такимъ же робкимъ, застѣнчивымъ и смиреннымъ, какъ и прежде, но съ значительно оттопыреннымъ боковымъ карманомъ. Мы, разумѣется, очень хорошо знали, что въ этомъ карманѣ у него хранятся плоды его вдохновеній, и что „Александрина“ жаждетъ прочесть намъ свое новое произведеніе; поэтому мы немедленно приступали къ нему съ просьбами. Поэтъ, какъ водится, сначала жеманился, отнѣкивался, краснѣлъ, потомъ наконецъ сдавался, вынималъ изъ кармана завѣтную тетрадку—и долго потомъ пустынная аллея Липокъ оглашалась дружнымъ хохотомъ веселыхъ слушателей.

Стихи дѣйствительно были ужасны. Я помню начало одного изъ нихъ, которое пользовалось у насъ особенною популярностью:

Волга, Волга, мать родная,
Нашимъ краемъ протекая,
Ты постигла-ль, намъ скажи ты,
Сколь мы горестью убиты?..

Но, несмотря на такое отношеніе публики къ его музѣ, несмотря на насмѣшки, которыми встрѣчалось каждое новое его произведеніе, Кохъ съ упорствомъ непризнаннаго генія продолжалъ хранить завѣтную тетрадку, періодически впадалъ въ „стихобѣсіе“ и послѣ того неизмѣнно появлялся на нашей лавочкѣ съ оттопыреннымъ карманомъ среди взрывовъ хохота и шумныхъ рукоплесканій. Онъ вѣрилъ въ свой талантъ.

Кромѣ несчастной страсти къ стихоплетству, за Кохомъ еще водилась одна странность—онъ былъ скупъ. Всѣ знали, что онъ получаетъ 75 руб. въ мѣсяцъ, а между тѣмъ одѣвался онъ очень плохо, никогда не угощалъ товарищей пивомъ, избѣгалъ общественныхъ пирушекъ и ни разу не справлялъ „20-го числа“, какъ слѣдуетъ порядочному молодому человѣку. За это его называли жидомъ, Гарпагономъ, Скупымъ Рыцаремъ. Кохъ краснѣлъ до слезъ и отмалчивался. И когда пробовали просить у него денегъ взаймы, онъ всегда, заикаясь и волнуясь, отказывалъ. Очень намъ это не нравилось, и мы при каждомъ удобномъ случаѣ попрекали и допекали бѣднаго поэта.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ нашъ общій другъ и пріятель Володя Аносовъ, сынъ очень богатаго помѣщика. Онъ

отданъ былъ въ кадетскій корпусъ, но, по его собственному выраженію, „забаловался“ и былъ оттуда исключенъ. Потомъ поступилъ въ гимназію, но и здѣсь тоже „забаловался“—вышелъ и принялся самостоятельно готовиться въ университетъ. Изъ-за этого съ отцомъ у него вышли серьезныя непріятности, и отецъ приказалъ Володѣ не являться къ нему на глаза; впрочемъ каждый мѣсяцъ аккуратно присылалъ ему 25 рублей въ большомъ сѣромъ конвертѣ съ гербомъ.

Наружность Володя имѣлъ непрезентабельную. Онъ былъ очень высокъ, худощавъ, сутуловатъ, съ длинными руками, длиннымъ носомъ и вялою, развинченной походкой. Жесткіе черные волосы стояли щеткой на его большой головѣ. Говорилъ онъ мало, но зато много читалъ, много ѣлъ и много спалъ. Горизонтальное положеніе было самое его излюбленное. Онъ даже на собраніяхъ больше лежалъ, отвернувшись къ стѣнѣ, и поворачивался только для того, чтобы кого-нибудь выругать. Скажетъ, бывало: „ерунда!“ и опять повернется къ стѣнѣ. Денегъ у него никогда не было, потому что онъ немедленно по полученіи всѣ ихъ раздавалъ, а самъ жилъ въ долгъ. На улицѣ его вѣчно осаждали нищіе и какіе-то подозрительные субъекты въ цилиндрахъ и безъ сапогъ. Случалось, что ему даже и на улицу не въ чемъ было показаться, потому что, пока онъ спалъ, кто-нибудь приходилъ, надѣвалъ его платье и преспокойно уходилъ. Володю, впрочемъ, это нисколько не удивляло,—онъ привыкъ. Проснувшись и взглянувъ на пустой стулъ, онъ только произносилъ: „ишь ты!“ и затѣмъ, отвернувшись къ стѣнѣ, снова засыпалъ.

Къ характеристикѣ Володи нужно еще прибавить то, что онъ былъ страшно влюбчивъ. Пассіи его насчитывались десятками; при этомъ онъ влюблялся безъ разбору—въ горничныхъ, бѣлошвеекъ, монахинь, гимназистокъ; однажды даже влюбленъ былъ въ дочь губернатора, которую мелькомъ видѣлъ на улицѣ. Увлеченія свои, которыя, нужно замѣтить, были самаго платоническаго свойства, онъ тщательно скрывалъ отъ товарищей, но хитрецы какъ-то всегда ухитрялись пронюхать о нихъ, и тогда доставалось бѣдному Володѣ! Его безпощадно осмѣивали, и больше всѣхъ, конечно, издѣвался Леонидъ, который и къ любви, и къ влюбленнымъ вообще относился цинически и съ презрѣніемъ. Впрочемъ Володю эти насмѣшки нисколько не смущали. Онъ выносилъ ихъ съ философскимъ равнодушіемъ, и, несмотря на свой дикій видъ, тайно продолжалъ поклоняться женской красотѣ и прелести.

Третій объектъ шуточекъ Леонида былъ, какъ я уже сказалъ,

нѣкто Иванъ Хопровъ, въ память одного изъ героевъ парижской коммуны прозванный Раулемъ Ригò. Онъ былъ незаконнорожденный сынъ барина и крестьянки, и самъ съ какою-то затаенною горечью называлъ себя „плодомъ любви“. Въ то время ему было лѣтъ 19—20, но смотрѣлъ онъ гораздо старше и мужественнѣе. Высокаго роста, плечистый, съ черными кудрявыми волосами и бородкой, съ тонкимъ энергичнымъ профилемъ, онъ былъ очень красивъ, и не только женщины, но даже и мы всѣ въ душѣ восхищались имъ, въ особенности когда онъ ораторствовалъ на нашихъ собраніяхъ. Учился онъ въ гимназіи, но изъ 6-го класса былъ исключенъ за дерзости директору. Послѣ этого ему удалось какъ-то поступить въ земскую типографію наборщикомъ, а въ свободное отъ работы время онъ усердно занимался дома и готовился въ техническое училище. Натура у него была замѣчательно искренняя, благородная, великодушная; характеръ сильный, смѣлый и страстный. Несмотря на свою молодость, онъ велъ самый аскетическій образъ жизни—спалъ на доскахъ, не пилъ ни чаю, ни пива, не курилъ, питался сухой воблой и сѣрыми, какъ солдатская шинель, калачами съ пѣшаго базара. Въ жизни у него была только одна цѣль, одна идея; ей одной онъ поклонялся, въ нее одну вѣрилъ, ради нея жилъ и ради нея готовъ былъ умереть. Изъ-за этого у нихъ съ Леонидомъ происходили постоянныя стычки и безконечные споры. Интересны бывали эти словесные турниры, на которыхъ мы всѣ играли роль толпы! Пламенный энтузіазмъ сталкивался здѣсь съ холоднымъ скептицизмомъ; острыя и насмѣшливыя рѣчи Леонида сверкали какъ сталь, а рѣчи „Рауля Риго“ звучали и сыпали искры, словно раскаленное желѣзо подъ тяжелымъ молотомъ кузнеца. И несмотря на все уваженіе наше къ Леониду, мы склонялись больше на сторону „Рауля Риго“. Насъ увлекало и его огненное краснорѣчіе, и его суровая жизнь, и его беззавѣтная вѣра...

Часто эти споры оканчивались серьезными размолвками. Хопровъ, весь пунцовый отъ гнѣва и волненія, съ дрожащими губами, уходилъ, не прощаясь, а Леонидъ со смѣхомъ кричалъ ему вслѣдъ:

— Смотри, братъ, не ошибись! Миражи, братъ, штука плохая! Нельзя рубить подъ собою дерево, когда самъ сидишь на верхушкѣ! Разуму больше, логики! Не нужно намъ красивыхъ мыльныхъ пузырей, которые лопнутъ у насъ передъ носомъ и забрызгаютъ глаза! Глазкамъ будетъ больно, ха-ха-ха! Защиплетъ!..

Однако, встрѣчаясь на другой день, они оба, какъ ни въ

чемъ не бывало, пожимали другъ другу руки, и Леонидъ, похлопывая Хопрова по плечу, насмѣшливо спрашивалъ:

— Ну, что? Какъ дѣла? Когда у тебя революція? Завтра или откладывается до Духова дня?

Хопровъ сдержанно улыбался и ничего не отвѣчалъ.

Вообще я замѣтилъ, что эти два столь противоположные по натурѣ человѣка любили другъ друга. Когда Хопровъ исчезалъ дня на два, на три,—Леонидъ скучалъ, вздыхалъ, и даже посылалъ кого-нибудь къ нему на квартиру справляться о немъ.— Часто, послѣ особенно ожесточенныхъ споровъ, когда Хопровъ уходилъ взбѣшенный,—Леонидъ задумывался и, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Этакая прелесть этотъ парень! А? Что за прелесть! А вѣдь пропадетъ! Сгинетъ ни за грошъ! Такъ-таки и пропадетъ ни за понюхъ табаку!

Вотъ какого рода было общество, въ которое я попалъ послѣ своего захолустнаго, полусоннаго житья-бытья, прямо изъ-за писарского стола, заваленнаго „входящими" и „исходящими", залитого чернилами и захватаннаго грязными руками моихъ предшественниковъ. Понятно теперь, почему занятія не шли мнѣ на умъ. Какже, помилуйте! Тутъ „міровые вопросы" рѣшаютъ, а я сиди и зубри катехизисъ: „камо отъ лица твоего бѣгу"... Тутъ Милля и Спенсера штудируютъ, а я склоняй: „Роза, Розы, Розѣ"... Мнѣ было совѣстно за свою отсталость, и я, забросивъ учебники, упивался политической экономіей, исторіей культуры, соціологіей, зачитывался любимыми писателями...

Иногда, впрочемъ, во мнѣ пробуждалось благоразуміе, совѣсть начинала меня мучить, и я снова принимался за учебники, мысленно говоря себѣ, что вѣдь нужно же получить дипломъ, что вѣдь такъ нельзя, что не вѣкъ же оставаться писцомъ и т. д. Но стоило мнѣ взглянуть въ окно, за которымъ тамъ внизу, на хлѣбной пристани, кипѣла такая жизнь, стоило услышать за стѣной голоса товарищей Леонида,—какъ учебники летѣли въ сторону и благоразуміе куда-то исчезало... Что же дѣлать! Весна была такъ хороша, небо было такъ сине, деревья такъ зелены, а я самъ такъ молодъ!..

Въ половинѣ мая наступили томительно-жаркіе дни. Надъ городомъ стояли облака густой желтой пыли, разъѣдающей глаза и заставлявшей пѣшеходовъ жмуриться и отчаянно чихать. Тротуары накалились: нѣжная зелень садовъ подъ налетомъ ѣдкой пыли поблѣднѣла и поблекла. Тѣнь Липокъ не давала прохлады;

Волга лежала неподвижная и сѣрая, и пароходные свистки особенно яростно выли надъ нею. Даже въ полутемныхъ комнаткахъ Марловскаго домика было душно, и все живущее, изнемогая отъ жары, съ нетерпѣньемъ ждало только одного—вечера... Въ одинъ изъ такихъ знойныхъ дней, промучившись часа три надъ десятичными дробями и дождавшись, наконецъ, желаннаго вечера, я отправился на Волгу купаться. Возвратившись, я засталъ у Леонида гостей. Одинъ изъ нихъ былъ уже знакомый мнѣ Кохъ; другого я не зналъ. Это былъ мальчикъ съ виду лѣтъ 17, очень высокаго роста, тоненькій, нѣжный, хрупкій и хорошенькій какъ дѣвочка. Продолговатое личико поражало своей бѣлизной; длинные, бѣлокурые волосы на концахъ завивались крупными локонами, словно у красавицы англійскаго кипсэка; большіе темные глаза глядѣли серьезно и внимательно, съ оттѣнкомъ какой-то непонятной грусти. И самъ онъ держалъ себя въ высшей степени чинно и серьезно, какъ настоящій взрослый.

При моемъ входѣ „Александрина“ улыбнулся во весь свой широкій ротъ и по обыкновенію своему чему-то обрадовался.

— А-га-га!—привѣтствовалъ онъ меня, потрясая мою руку. — Здравствуйте! Купаться ходили? А вотъ, рекомендую, мой братъ, Женя...

— Очень пріятно!—произнесъ я, покровительственно протягивая Женѣ руку.

Мальчикъ съ достоинствомъ отвѣтилъ на мое рукопожатіе и опять чинно усѣлся въ уголку съ книгой.

— Давно ужъ онъ пристаетъ ко мнѣ, чтобы познакомилъ!— продолжалъ между тѣмъ Александрина, не переставая радостно улыбаться. Наконецъ, просто надоѣлъ! Ну, думаю, что же, надо побаловать. Доволенъ теперь, Женя?

Женя вскинулъ на него свои большіе задумчивые глаза и, ничего не отвѣчая, снова уткнулся въ книгу. Я подсѣлъ къ нему.

— Чтò это вы читаете?—спросилъ я.

Легкая краска вспыхнула на щекахъ мальчика.

— Это Шлоссеръ,—сказалъ онъ застѣнчиво, и, точно оправдываясь, прибавилъ:—я очень люблю исторію...

— Ахъ, да, да! – вмѣшался Александрина и еще радостнѣе захохоталъ.—Вѣдь онъ у меня тоже горячая голова,—ей Богу!

На этотъ разъ уже совсѣмъ густой румянецъ покрылъ щеки Жени. Онъ бросилъ на брата быстрый взглядъ, въ которомъ я прочелъ упрекъ, и низко нагнулся надъ книгой. Очевидно, бѣдный мальчикъ стыдился за своего брата и жестоко страдалъ при каждой его нелѣпой выходкѣ.

Леонидъ, лежа на кровати, улыбался, глядя на эту сцену.

— Ишь ты! — сказалъ онъ при послѣднихъ словахъ Коха. —Что-жъ, это похвально! Ну, а стихи тоже пишетъ?

Эта насмѣшка окончательно доконала мальчика. Глаза налились у него слезами, и онъ, чтобы скрыть ихъ, отвернулся къ окну и сталъ глядѣть на Волгу. Мнѣ стало его жаль, и я съ упрекомъ взглянулъ на Леонида. Но Леонидъ не обратилъ на меня ни малѣйшаго вниманія и продолжалъ издѣваться надъ Александриной, который, ничего не подозрѣвая, распространялся о разныхъ разностяхъ. Въ двѣ минуты онъ разсказалъ о томъ, чтѐ прочелъ сегодня въ газетахъ, коснулся политики, выругалъ Биконсфильда и Бисмарка, прибавивъ при этомъ: „хоть я и нѣмецъ, но терпѣть его не могу!“—Наконецъ, перешелъ къ собственной особѣ и подъ глубочайшимъ секретомъ сообщилъ, что задумалъ написать поэму.

— Ну, ну?—поощрялъ его Леонидъ, и глазки его искрились отъ внутренняго смѣха.

— О, это будетъ нѣчто грандіозное!—произнесъ Кохъ, и его добродушная физіономія приняла вдругъ самое трагическое выраженіе.—Видишь ли, я задумалъ изобразить конецъ міра. Представь себѣ такую картину... Солнце потухло... океанъ покрылся льдомъ. . Жизнь мало-по-малу замираетъ... всюду снѣговыя глыбы, горы льду—и мракъ, мракъ...

Тутъ голосъ поэта понизился до зловѣщаго шопота, и онъ продолжалъ, неистово жестикулируя.

— Но подожди... Не все еще умерло... Видишь ли ты вонъ тамъ грозную скалу, озаряемую холоднымъ блескомъ безстрастныхъ звѣздъ? На скалѣ что-то движется... Чтѐ это? Тигрица ли, отогрѣвающая своимъ тѣломъ умирающихъ дѣтенышей? Или левъ, среди мрака и смерти отыскавшій свою добычу?.. Нѣтъ!.. Это человѣкъ грызъ человѣка...

Леонидъ и я дружно покатились со смѣху. Александрина обидѣлся.

— Что же тутъ смѣшного? Я не понимаю...—началъ онъ, но тутъ Женя быстро обернулся къ нему и голосомъ, въ которомъ слышались слезы, воскликнулъ:

— Саша, да перестань же, ради Бога!..

Это восклицаніе всѣхъ насъ привело въ себя. Мы больше не смѣялись; Леонидъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на мальчика, а поэтъ насупился и сталъ прощаться.

— Подожди,—сказалъ Леонидъ.—Мы тоже пойдемъ съ тобою. Прогуляемся!

Александрина моментально просіялъ, — бѣдняга никогда не сердился долго, — и съ ухарствомъ заломилъ на бекрень свою широкополую шляпу. Женя тоже надѣлъ матросскую соломенную шляпу и сталъ въ ней еще болѣе похожъ на дѣвочку. Его тонкая, нѣжная шея съ прозрачными синими жилками казалась еще бѣлѣе отъ синяго воротника его матросской куртки. Я глядѣлъ на него—и заглядѣлся...

Мы вышли на улицу. Леонидъ съ Кохомъ шли впереди; мы съ Женей—сзади. На воздухѣ дурное настроеніе Александрины окончательно исчезло, и онъ безъ умолку болталъ и острилъ. Мы молчали. Я искоса поглядывалъ на Женю, который задумчиво вертѣлъ въ рукахъ какую-то вѣтку, и онъ мнѣ все больше и больше нравился. Наконецъ я рѣшился заговорить.

— Вы гдѣ-нибудь учитесь?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, нигдѣ, — тихо отвѣчалъ Женя, и въ голосѣ его послышалась грусть.

— Отчего же?

— Средствъ нѣтъ, — еще тише вымолвилъ Женя и, помолчавъ, продолжалъ.—Вѣдь мы очень бѣдны, а семья у насъ большая. Пàпа прежде былъ музыкантъ, отлично игралъ на рояли и зарабатывалъ много денегъ, но теперь у него отчего-то ослабѣли руки, и онъ совершенно не можетъ играть. А кромѣ меня и Саши еще три сестры, и одна изъ нихъ больная. Гдѣ же тутъ учиться!—со вздохомъ прибавилъ онъ.

— Чѣмъ же больна ваша сестра?—съ участіемъ спросилъ я.

— У нея параличъ ногъ. Давно уже, еще съ дѣтства. Теперь ей 18 лѣтъ.

— А другія сестры тоже уже взрослыя?

— Да. Старшей, Розаліи,—28 лѣтъ; второй, Алинѣ,—24. Онѣ тоже кое-что зарабатываютъ. Розалія даетъ уроки музыки; Алина—шьетъ. Но этого все-таки мало; приходится всѣмъ жить на Сашино жалованье.

— Вотъ какъ! — воскликнулъ я — и смутился. Мнѣ вспомнились всѣ насмѣшки, которыми мы допекали бѣднаго Александрину за его воображаемую скупость. Теперь тайна его скупости была для меня открыта, и мнѣ стало стыдно за себя и за всѣхъ насъ.

Я продолжалъ разспрашивать мальчика о его занятіяхъ. Оказалось, что онъ очень много читаетъ, учится и знаетъ даже больше меня.

— Со мною немножко занимаются сестры. Я уже прошелъ ариѳметику и грамматику, умѣю читать и говорить по-французски

и по-нѣмецки, училъ исторію, немножко теорію словесности и физику, а недавно сталъ учить алгебру и геометрію. Алгебру я уже прошелъ до уравненій 2-й степени, — съ гордостью прибавилъ онъ.

— О, да вы много знаете! Право!—сказалъ я отчасти для того, чтобы утѣшить мальчика, а отчасти дѣйствительно изумленный его знаніями.

Женя весело улыбнулся, но сейчасъ же омрачился снова.

— О, нѣтъ, это все-таки не то, чего бы я желалъ!—произнесъ онъ. — Я не знаю ни латинскаго, ни греческаго, а между тѣмъ мнѣ хотѣлось бы въ гимназію и потомъ въ университетъ...

Онъ вздохнулъ и замолчалъ.

Въ Липкахъ было уже много гуляющихъ. Въ аллеяхъ, подъ темными сводами развѣсистыхъ липъ, вѣяло прохладой; въ воздухѣ чуялся тонкій, нѣжный ароматъ распускающейся сирени. Мы добрались до своей скамеечки, гдѣ насъ уже ожидало нѣсколько человѣкъ „нашихъ", усѣлись и закурили. Разговоръ не клеился; всѣ отдыхали послѣ жаркаго дня и наслаждались прохладой.

— Господа!—сказалъ наконецъ Леонидъ, оглядываясь.—Не знаетъ ли изъ васъ кто, гдѣ Володя? Очень мнѣ его нужно.

— Дома,—отозвался угрюмо мрачный, косматый юноша, котораго называли „фантомомъ". Я къ нему заходилъ давеча, звалъ сюда. Сказалъ: „не пойду".

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Ничего. Лежитъ. Да вонъ онъ!—неожиданно прибавилъ онъ, указывая на длинную, тощую фигуру, появившуюся въ глубинѣ аллеи.

При видѣ Володи всѣ разомъ оживились.

— Грядетъ, грядетъ факиръ индійскій!—закричалъ одинъ.

— Здравствуй, донъ-Кихотъ Ламанчскій! — привѣтствовалъ другой. А третій, ставъ въ позу и подражая Володѣ, сталъ замогильнымъ голосомъ скандировать стихи шуточнаго содержанія, сочиненные Леонидомъ на Володинъ счетъ:

Что̀ мясо есть? Коровы тѣло,
И ѣсть его мы можемъ смѣло,
А особливо коль оно
Какъ надо быть посолено.
Что́ есть млеко̀? Продуктъ коровы,
И пить его весьма здорово...

Володя, не обращая вниманія на всѣ эти шумныя привѣтствія, относившіяся къ его особѣ, приблизился къ лавочкѣ и невозмутимо

со всѣми поздоровался, каждому по очереди сунувъ свою длинную и сухую, какъ палка, руку. Потомъ обвелъ всѣхъ своимъ соннымъ, мутнымъ взоромъ и сказалъ:

— У кого есть деньги?

Всѣ разомъ притихли.

— Двадцать-пять рублей нужно. Непремѣнно,—продолжалъ Володя.

Опять унылое молчаніе въ отвѣтъ. Такой громадной суммы ни у кого никогда не бывало сполна... Обезкураженный этимъ молчаніемъ, Володя вдругъ какъ-то весь осунулся, снялъ фуражку, почесалъ въ затылкѣ, опять надѣлъ ее и сказалъ съ волненіемъ:

— Вотъ видите, штука-то какая... Натальицу сейчасъ привезли... больна, умираетъ... Отъ мѣста отказали... Не то что лечить—ѣсть даже нечего...

Натальица была молодая дѣвушка и служила сельской учительницей въ одномъ изъ подгородныхъ селъ. Я не былъ съ ней знакомъ, но очень много о ней слышалъ. Разсказывали, что она предана своему дѣлу до самоотверженія, что всѣ свои силы и средства отдаетъ школѣ, что имѣетъ большое вліяніе на крестьянъ, и что крестьяне, въ свою очередь, очень любятъ ее.

При имени Натальицы всѣ пришли въ волненіе и принялись осыпать Володю вопросами — когда она пріѣхала, съ кѣмъ, гдѣ остановилась... Одинъ Леонидъ молчалъ и думалъ о чемъ-то, сощуривъ свои и безъ того узенькіе глазки. Потомъ онъ поднялся и, сказавъ: „подождите меня,—я сейчасъ приду“,—ушелъ.

Послѣ его ухода всѣ замолкли и насупились. Володя сѣлъ на уголъ скамейки въ своей обычной позѣ — облокотившись на колѣни и спустивъ голову внизъ. Александрина растерянно чертилъ палкой на пескѣ какіе-то круги и по временамъ пугливо озирался — бѣдняга боялся вѣроятно, что сейчасъ начнется сборъ денегъ, и ему придется раскошелиться. Я тоже задумался. Вдругъ меня кто-то тихонько дернулъ за рукавъ. Я оглянулся—передо мной стоялъ Женя.

— Кто это—Натальица? - спросилъ онъ въ полголоса.

Я разсказалъ ему все, чтò зналъ самъ. Онъ отошелъ въ сторону и задумался.

— Идетъ, идетъ! Лео идетъ!—послышались голоса. Дѣйствительно, по дорожкѣ торопливо шелъ Леонидъ и, приблизившись прямо къ Володѣ, сунулъ ему въ руку нѣсколько скомканныхъ бумажекъ.

— Нà вотъ! — вымолвилъ онъ отрывисто. — Только десять рублей. Остальные какъ-нибудь достанемъ.

— Гдѣ досталъ?—послышалось нѣсколько голосовъ.
— У матери...—неохотно отвѣчалъ Лео.

Володя съ просіявшимъ лицомъ сунулъ засаленныя бум въ карманъ и отправился къ Натальицѣ, а мы всѣ усѣлис кружокъ и стали обдумывать вопросъ, гдѣ бы достать еще негъ для Натальицы? Вопросъ этотъ положительно ставилъ втупикъ. Въ это время всѣ мы находились въ періодѣ са отчаяннаго безденежья, и получекъ рѣшительно ни откуд предвидѣлось. Оставалось одно—занять гдѣ-нибудь,—но гдѣ

— А знаешь что, Лео?—обратился кто-то къ Леониду. бы сходилъ къ Лимонадову: авось онъ дастъ, а?

Лимонадовъ былъ „уважаемый сотрудникъ“ одной изъ мѣст газетъ, и я его раза два встрѣчалъ въ Липкахъ. Это былъ рядочно помятый и сильно растолстѣвшій господинъ лѣтъ под рокъ. Когда-то онъ, говорятъ, былъ отчаяннымъ радикаломъ свое время даже пострадалъ. Онъ былъ замѣшанъ въ изъ студенческихъ исторій, попался, былъ исключенъ и по высланъ. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Лимонадовъ угомонился, отростилъ себѣ брюшко—явный признакъ его бла дежности, и хотя въ высшихъ провинціальныхъ сферахъ его должали считать „опаснымъ“, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ с шенно безвреденъ. Онъ поселился у насъ, пристроился къ ред „Ежедневной Газеты“ и писалъ довольно бойкіе фельетоны, в торыхъ не безъ остроумія прохаживался насчетъ самоуправлен рода, троттуаровъ, дохлыхъ кошекъ, валяющихся на площа и т. д. Фельетоны его были очень любимы въ провинціи, и мн мому не разъ приходилось слышать восторженныя похвалы Ли дову приблизительно въ такомъ родѣ: „Вотъ-такъ отщел Знатно откаталъ! Молодецъ! Ай да нашъ братъ-Филатка!“

Леонидъ былъ нѣсколько съ нимъ знакомъ, потому что два носилъ въ „Ежедневку“ кое-какія замѣтки, которыя пе лись. Однако, выслушавъ предложеніе сходить къ Лимона онъ сомнительно покачалъ головой.

— Врядъ ли онъ дастъ,—сказалъ онъ задумчиво.
— Надо попробовать! Все-таки онъ либералъ. Непре дастъ!
— Посмотримъ!—иронически сказалъ Леонидъ.

Послѣ этого мы разошлись по домамъ. Намъ что-то н дѣлось вмѣстѣ, тянуло домой, хотѣлось остаться наединѣ с нимъ собою. Кстати—и небо потемнѣло; огромная, уродливой ф туча надвигалась съ Волги. Откуда-то принесся вѣтеръ и с номъ прошуршалъ въ вѣтвяхъ густолиственныхъ липъ.

— Гроза будетъ!—сказалъ Леонидъ, поглядывая на небо.

Вернувшись домой, мы на скорую руку поужинали и немедленно завалились спать съ тѣмъ, чтобы завтра встать пораньше.

На утро меня разбудили чьи-то осторожные, но настойчивые толчки. Вообразивъ, что я проспалъ, я вскочилъ какъ сумасшедшій и, протирая глаза, осмотрѣлся. Но Леонидъ еще крѣпко спалъ на своей постели, а передо мною, къ изумленію моему, стоялъ Женя, залитый горячимъ блескомъ восходящаго солнца.

— Ахъ, это вы!—сказалъ я не совсѣмъ дружелюбно и опять натянулъ на себя одѣяло.—Что̀ вамъ?

— Вы не вставайте, не вставайте...—шепнулъ мнѣ Женя, озираясь.—Я къ вамъ на минутку... я сейчасъ уйду... Я только за однимъ дѣломъ къ вамъ пришелъ...

Я замѣтилъ, что мальчикъ находится въ большомъ смущеніи. Это меня заинтересовало и разсѣяло мой сонъ. Я закурилъ папиросу, улегся поудобнѣе и приготовился слушать.

— Вотъ видите ли, въ чемъ дѣло...—зашепталъ Женя, запинаясь и краснѣя. Вчера тамъ говорили, что нужно денегъ собрать, такъ вотъ вамъ четыре рубля... Вы возьмите, это мои. Я копилъ ихъ на книги... а теперь мнѣ не нужно. Вы ихъ возьмите...

И онъ совалъ мнѣ въ руку деньги.

— Да зачѣмъ же?—возразилъ я нѣсколько озадаченный и въ тоже время тронутый.—Мы достанемъ, а вамъ онѣ нужны.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—съ жаромъ перебилъ меня Женя.—Пожалуйста возьмите... Мнѣ, право, деньги совсѣмъ, совсѣмъ не нужны! Ей Богу же! Ну, возьмите... а то я, право, обижусь...

И мальчикъ чуть не плакалъ... Я нерѣшительно взялъ деньги, и вдругъ почувствовалъ такой приливъ нѣжности къ Женѣ, что приподнялся на постели и поцѣловалъ его куда пришлось—чуть ли не въ носъ даже.

— Ну, спасибо. Я отдамъ,—сказалъ я, пряча деньги подъ подушку.

Мальчикъ просіялъ.

— Ну, вотъ и отлично! Только вы, пожалуйста, никому объ этомъ не говорите. Ни Сашѣ, ни вотъ ему... (Онъ кивнулъ на Леонида.) Такъ, пожалуйста, никому, я васъ прошу. Не скажете?

— Не скажу, не скажу!

— Ну вотъ! А теперь прощайте...

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и веселый, какъ птичка, исчезъ изъ комнаты.

Я долго глядѣлъ ему вслѣдъ... Потомъ всталъ, поглядѣлъ на часы. Было еще только шесть часовъ. „Рано!“—подумалъ я, но

спать мнѣ совсѣмъ уже не хотѣлось. Я подбѣжалъ къ окну, отворилъ его и выглянулъ на улицу. Волга лежала вся синяя и тихонько какъ бы вздрагивала отъ утренняго холодка. Небо было безоблачно; о вчерашней тучѣ и помину не было. На пристани уже копошился рабочій людъ. Я радостно глядѣлъ на все это; душа моя была полна непонятнымъ восторгомъ... Мнѣ просто не сидѣлось на мѣстѣ, хотѣлось прыгать, скакать, смѣяться, пѣть... Я не вытерпѣлъ и принялся будить Леонида.

— Вставай, вставай! Пора! Уже семь часовъ!—совралъ я, толкая его подъ бокъ.

Леонидъ посмотрѣлъ на меня свирѣпымъ взоромъ, потомъ отвернулся къ стѣнѣ и снова уткнулся въ подушку, давая мнѣ понять, что не желаетъ больше имѣть со мною дѣла. Но я не унялся и опять началъ будить его.

— Вставай же, тебѣ говорятъ! Восемь часовъ! Слышишь!

— Что ты врешь!—проворчалъ Леонидъ, прячась въ одѣяло.—Сейчасъ самъ говорилъ—семь.

— Ну, все равно, пора! А я тебѣ что̀ разскажу, послушай-ка.

И я, совершенно забывъ о данномъ мною Женѣ обѣщаніи, разсказалъ Леониду объ утреннемъ приключеніи. Какъ я и ожидалъ, разсказъ мой сейчасъ же произвелъ желаемое дѣйствіе. Леонидъ сначала мычалъ: „гм... гм...“, потомъ повернулся лицомъ ко мнѣ, потомъ попросилъ меня свернуть ему папиросу, наконецъ совсѣмъ проснулся и всталъ.

— Ну-ка, гдѣ деньги-то?—спросилъ онъ, точно не вѣря моему разсказу.

Я подалъ ему бумажки, и онъ съ задумчивымъ видомъ принялся ихъ разглаживать на своемъ колѣнѣ.

— Славный малый!—наконецъ сказалъ онъ.—Только любопытно, гдѣ онъ взялъ. Вѣдь они, эти Кохи, говорятъ, съ хлѣба на квасъ перебиваются. Ужъ не укралъ ли у Александрины?

Я пришелъ въ негодованіе и съ жаромъ принялся разсказывать Леониду о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ съ Женей. Леонидъ слушалъ внимательно.

— А вѣдь и вправду, кажись, славный мальчикъ!—произнесъ онъ.—Надо съ нимъ заняться. Приготовимъ его въ гимназію. Все равно, мало ли тутъ насъ, шалопаевъ, безъ дѣла болтается. Хоть одно дѣло сдѣлаемъ. Только чего же этотъ идіотъ, Александрина, молчалъ, что у него такой братъ есть? Вотъ дурень! Ну, да ладно! А ты ему скажи сегодня, мальчугану-то, чтобы онъ каждый день ходилъ ко мнѣ заниматься.

— Ладно!—отозвался я и, бросившись къ Леониду, принялся

душить его въ своихъ объятіяхъ. Леонидъ, разумѣется, ругался и совершенно не могъ понять моего восторженнаго состоянія.

Между тѣмъ Христина Павловна, заслышавъ говоръ и возню, заглянула къ намъ въ дверь и была очень удивлена, увидѣвъ, что мы одѣваемся.

— Это что̀ вы ныньче спозоранку?

— Надо, мамочка, надо!—пробасилъ ей Леонидъ, плескаясь у умывальника.

— Опять что-нибудь затѣяли! Это ужъ непремѣнно такъ... Охъ, ужъ эти мнѣ затѣи ваши! Идите, что-ли, чай-то пить, оболтусы этакіе!

Мы вышли, причесанные, приглаженные, и чинно усѣлись за столъ.

— Куда собрался?—подозрительно оглядывая сына, спросила старушка.

— Къ Лимонадову.

— А не врешь? Охъ, смотри, Ленька! Такъ душа и дрожитъ. Вонъ въ прошломъ году Вороновъ Мишка этакъ же вотъ утречкомъ собрался, да и ушелъ отъ матери-то, а черезъ недѣлю ее, сердечную, въ полицію пригласили. Вотъ вы какія, дѣтки-то! А матери, ты думаешь, сладко?

— Ей Богу, мамаша, къ Лимонадову.

— А зачѣмъ?

— Денегъ просить. Помните, вѣдь говорилъ вамъ вчера?

Старушка смягчилась.

— А... ну, это дѣло другое, если только не врешь. Это, пожалуй, ступай себѣ съ Богомъ. Бѣдному человѣку помочь не грѣшно, за это Господь взыщетъ. Ну, а ты-то что̀ вскочилъ?—обратилась она ко мнѣ.—Тебѣ куда?

— Я съ нимъ вмѣстѣ пойду.

— Охъ, и горазды врать!—произнесла Христина Павловна, недовѣрчиво качая головой.—А зачѣмъ это къ тебѣ мальчишка-то этотъ бѣлобрысенькій давеча прибѣгалъ, а?

— По дѣлу,—принявъ таинственный видъ отвѣчалъ я.

— По дѣлу! По какому такому дѣлу? Какія у васъ съ нимъ дѣла? Охъ, непутёвый вы народъ! Хоть бы ребятъ-то не путали въ богомерзкія свои дѣла. О, Господи, и что это за молодежь ныньче пошла! Не сидится ей на мѣстѣ, все бы только мутить, бунтить... Доживете вы до грѣха!

Мы поспѣшили допить свои стаканы и ушли въ Леонидову комнату. Здѣсь Лео разсказалъ мнѣ, какъ ему удалось вчера выпросить денегъ у матери, какъ онъ передъ ней стоялъ на ко-

на заставляла его снимать со стѣны образъ и бо-
ньги не пойдутъ на „богомерзкія" дѣла, и какъ
когда узнала, что дѣло идетъ объ умирающей
шно полѣзла въ сундукъ и вынула послѣдніе десять
рассказъ привелъ меня просто въ восхищеніе, и
у простилъ доброй старушкѣ даже ея вѣчную вор-
она насъ порядкомъ допекала. Леонидъ тоже по-
тронутъ и, окончивъ разсказъ, воскликнулъ съ

гъ, славная она у меня старуха, даромъ что ста-
ъ... Ну, а теперь собирайся и пойдемъ. Пораньше-
ѣе застанемъ его дома.

жилъ на холостомъ положеніи въ нумерахъ го-
:ова, лучшей въ городѣ и помѣщавшейся на са-
щѣ. Поэтому идти намъ было довольно далеко.
сть ранняго утра ласково обняла насъ, когда мы
. Воздухъ былъ совершенно неподвиженъ, и облака
сѣ улеглись на землю. Солнце было еще невы-
)вольно чувствительно пригрѣвало. Горная часть
въ золотистомъ туманѣ; березки и тополи на ули-
е сонные, тихо лепеча обрызганными росою ли-
ютря на раннюю пору, городъ уже давно проснулся
о обычную жизнь. По улицамъ толпами шли крюч-
, на ходу закусывая огромными кусками базар-
)блупливая жирную воблу; нѣмцы-колонисты съ
выраженіемъ на бритыхъ физіономіяхъ, съ тру-
на огромныхъ, до верху нагруженныхъ фурахъ,
ись на пристань, поспѣвая къ отходу буксирнаго
зшаго на ту сторону Волги, въ степь. Писцы,
рочій служащій народъ, съ опухшими послѣ вче-
і лицами, спѣшили къ своимъ конторкамъ и при-
-то полупьяныя дамы въ яркихъ шаляхъ проне-
жѣ, напѣвая „Стрѣлка". Булочникъ-нѣмецъ, от-
тавни своей Bäckerei, звонко переругивался съ тол-
ю-что чуть не вылившей ему на голову помои съ вы-
)тажа, и тутъ же недалеко городовой распекалъ
юнья въѣхавшаго оглоблей прямо ему въ физіо-
были знакомыя утреннія картины, и мы не безъ
бовались ими.

гостинницы Лопухова насъ встрѣтилъ швейцаръ,
ѣ и въ галошахъ на босу ногу подметавшій трот-

туаръ. Онъ подозрительно взглянулъ на наши косоворотки и широкополыя шляпы и преспокойно продолжалъ мести.

— Лимонадовъ дома?—съ достоинствомъ спросилъ Леонидъ.

— Спятъ,—лаконически отвѣтилъ швейцаръ, и, не обращая на насъ больше ни малѣйшаго вниманія, углубился въ свое занятіе, пуская пыль прямо намъ въ лицо.

— Такъ нельзя ли его разбудить?—рѣшительно сказалъ Лео, не смущаясь невниманіемъ швейцара.

Швейцаръ посмотрѣлъ на него, какъ смотрятъ обыкновенно на сумасшедшихъ.

— Разбуди-ить?—протяжно произнесъ онъ.—Н-нѣтъ-съ, этого никакъ невозможно. Они только въ пять часовъ вернулись.

— Такъ когда же онъ встанетъ?—съ нетерпѣніемъ спросилъ Лео.

— Ну, ужъ этого я не могу знать. Можетъ, въ десять, можетъ, въ двѣнадцать, а можетъ и въ два.

Съ этими словами швейцаръ равнодушно повернулся къ намъ спиной и ушелъ, захлопнувъ дверь у насъ передъ носомъ.

— Экая досада!—воскликнулъ Леонидъ.—И гдѣ онъ пропадаетъ по ночамъ, жирная скотина! Ну, да нечего дѣлать. Пойдемъ теперь къ Володѣ, а сюда зайдемъ часовъ въ десять. Авось встанетъ, а если не встанетъ—разбудимъ.

Володя жилъ въ горной части города, на Благочинной улицѣ, которая совершенно не оправдывала своего названія, ибо сплошь состояла изъ кабаковъ, трактировъ, портерныхъ и самыхъ грязныхъ притоновъ. Вонь такъ и разила съ каждаго двора. Добравшись до низенькаго, покосившагося на сторону домика мѣщанки Красноглазовой, мы, не взирая на отчаянный лай огромнаго цѣпного пса, проникли въ темныя сѣнцы, а оттуда по трепещущей деревянной лѣсенкѣ въ мезонинчикъ, занимаемый Володей.

— Навѣрное дрыхнетъ!—сказалъ Лео и приготовился-было уже забарабанить въ дверь, но къ нашему удивленію дверь отворилась, и самъ Володя появился на порогѣ. Онъ былъ одѣтъ по походному и, очевидно, собирался куда-то идти.

— А, это вы!—сказалъ онъ, пропуская насъ въ комнатку.—Ну, идите, что-ли.

Мы вошли. Комнатка была маленькая, съ покатыми полами и покосившимся потолкомъ; два крошечныя оконца едва пропускали свѣтъ, но зато внизу стоялъ огромный старый вязъ, и его зеленыя вѣтви лѣзли въ самыя окна, наполняя каморку дрожащимъ зеленымъ сумракомъ.

— Ты куда?—спросилъ Леонидъ, присаживаясь на продавленный диванъ, замѣнявшій тоже и кровать.

— За докторомъ.

— Что, плоха?

— Кровью харкаетъ.

Леонидъ потупился.

— Гм... скверно. Гдѣ же вы ее помѣстили?

— На Кудряевой улицѣ. Хорошая комната и хозяйка славная.

— Ну, такъ ты иди, да вотъ возьми еще четыре рубля. А мы посидимъ у тебя тутъ.

Володя ушелъ. Леонидъ взялъ съ полки какую-то книгу и прилегъ на постель, а я принялся осматривать обиталище Володи. Читать мнѣ не хотѣлось; я все еще находился въ ажитаціи и жаждалъ движенія. Осмотрѣвъ всѣ уголки, перерывъ книги и вдоволь налюбовавшись зеленымъ вязомъ, я, наконецъ, началъ читать надписи, которыми были испещрены всѣ стѣны Володиной комнаты. Это были по бо́льшей части разныя изреченія его любимыхъ писателей, которыя онъ за неимѣніемъ бумаги записывалъ на стѣнахъ. Иногда встрѣчались даже цѣлыя формулы и задачи по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Попадались также и собственныя разсужденія, нѣчто въ родѣ дневника, плоды его молчаливыхъ, одинокихъ размышленій. На одной стѣнѣ было, напримѣръ, записано: „Видѣлъ сегодня на пѣшемъ базарѣ бабу съ ребенкомъ. Ребенокъ былъ босикомъ, а морозъ градусовъ 15. Баба была пьяна и часто падала. Ребенокъ ревѣлъ, поджимая то одну ногу, то другую, а слезы замерзали у него на щекахъ. Пришелъ домой, не могъ обѣдать. Неужели можно чувствовать себя счастливымъ, если знаешь, что кто-нибудь страдаетъ?“ Или: „Сейчасъ познакомился въ трактирѣ съ однимъ Галаховцемъ. Угощалъ его пивомъ. Интересный субъектъ. Онъ сказалъ мнѣ:—Еслибы вы всѣ знали, что̀ думаетъ нищій, когда ему подаютъ милостыню, вы бы боялись выходить на улицу. - Совершенно справедливо!“

Среди этихъ курьезныхъ мемуаровъ встрѣчались и шутливыя надписи товарищей, даже каррикатуры. На одной изъ нихъ былъ изображенъ самъ Володя, и каррикатура эта повторялась вездѣ въ преувеличенномъ видѣ, такъ что, наконецъ, Володино изображеніе превратилось въ одинъ огромный носъ на тоненькой шейкѣ и журавлиныхъ ногахъ. А надъ дверью кто-то крупными буквами написалъ: „Здѣсь живетъ философъ, господинъ Аносовъ, съ носомъ въ полмилю, поклоняется Миллю, Писарева одобряетъ, Лас-

саля почитаетъ, бунтъ проповѣдуетъ и четыре раза въ день обѣдаетъ!“

Перечитавъ всѣ эти іероглифы, я, наконецъ, соскучился.

— Слушай, не пора ли намъ однако?—сказалъ я, оборачиваясь къ Леониду. Но, къ моему изумленію и вмѣстѣ съ тѣмъ негодованію, Леонидъ преспокойно спалъ, накрывъ лицо книгой. Я разбудилъ его.

— Какъ тебѣ не стыдно!—упрекалъ я его.—Вѣдь пора!

— И то пожалуй пора, — согласился Леонидъ, протирая глаза.

На улицѣ было уже настоящее пёкло. Поднимался вѣтеръ и недавно еще нѣжно-голубое небо было покрыто тяжелыми, грязно-желтаго цвѣта, облаками пыли. Проходя мимо часовщика, мы увидѣли, что было уже около двѣнадцати.

— Э-э-э! — пробормоталъ Леонидъ. — Опоздали!

— Ну, вотъ видишь!—накинулся я на него.—Кто виноватъ? Зачѣмъ спалъ?

— А ты зачѣмъ не разбудилъ?—возражалъ Леонидъ.

Однако мы все-таки рѣшили идти и, обливаясь потомъ, еле тащились по раскаленнымъ плитамъ троттуара. Отъ тополей и березокъ уже не вѣяло холодкомъ; онѣ стояли печальныя, сѣрыя, повѣсивъ свернувшіеся отъ жары листья.

Опять тотъ же подъѣздъ и тотъ же швейцаръ, но уже не въ галошахъ на босу ногу и не съ метлой, а въ ливреѣ и съ „Ежедневкой“ въ рукахъ. Увидѣвъ насъ, онъ прищурился и сдѣлалъ видъ, что не узнаетъ насъ.

— Что вамъ?

— Лимонадовъ дома?

Швейцаръ помолчалъ, очевидно желая насъ помучить хорошенько и насладиться нашимъ безпокойствомъ. Потомъ перевернулъ „Ежедневку“ на другую сторону и сказалъ:

— Встали...—и совсѣмъ уже снисходительно добавилъ:—Чай кушаютъ.

На сердцѣ у насъ отлегло, и мы поднялись вверхъ по лѣстницѣ, убранной съ обычною роскошью провинціальныхъ гостинницъ, т.-е. съ пожелтѣвшими, общипанными растеніями въ фаянсовыхъ вазахъ и съ безносыми Венерами и Діанами, державшими въ рукахъ лампы, очень рѣдко зажигавшіяся. На площадкѣ насъ встрѣтилъ лакей съ подносомъ и проводилъ насъ по корридору до 30 №. Мы постучались.

— Кто тамъ?—послышался изъ-за двери сиповатый, но пріятный баритонъ.

— Это я, Леонидъ Марловъ!

За дверью послышалось шлепанье туфель, зазвенѣлъ ключъ, и тотъ же голосъ крикнулъ: „entrez!“

Мы вошли. Комната довольно большая, съ альковомъ. На окнахъ много цвѣтовъ и клѣтокъ съ птицами, наполнявшими комнату веселымъ чириканьемъ и щебетаньемъ. Воздухъ былъ спертый и пропитанъ запахомъ бензина. На диванѣ, за круглымъ столомъ, въ ветхомъ парусиновомъ халатѣ возсѣдалъ самъ знаменитый фельетонистъ „Ежедневки“ и съ серьезнымъ видомъ чистилъ бензиномъ черныя брюки.

— Входите, входите!—привѣтствовалъ онъ насъ.—Ужъ извините, что я въ такомъ безпорядкѣ... Ага-га-га! Очень пріятно!—отнесся онъ ко мнѣ, когда я ему представился.—Садитесь, пожалуйста! Не хотите ли чаю?

Я было-хотѣлъ сказать: „нѣтъ“, но Лео меня предупредилъ и съ развязнымъ видомъ сказалъ: „пожалуй!“ Лимонадовъ позвонилъ и приказалъ подать два стакана чаю.

— Ну, что? жара? — заговорилъ онъ, продолжая чистить брюки.—А я сегодня проспалъ и въ редакцію не пошелъ. Вчера ѣздили съ компаніей на пароходѣ за городъ, въ село Угрюмово. Очень весело провели время! Выпили, дамочки... Славно! Только вотъ, чортъ знаетъ какъ, всѣ брюки испортилъ. Шли мимо какого-то забора... Какъ вы думаете, отчистится или нѣтъ?

Онъ говорилъ все это не торопясь, своимъ мягкимъ, пріятнымъ голосомъ, а я пилъ чай и разсматривалъ его полное лицо въ складкахъ, съ толстыми губами и живыми, блестящими глазками, его блестящую лысину, розовую и гладкую, какъ колѣно, всю его жирную, хорошо упитанную фигуру, свидѣтельствовавшую о мирномъ и спокойномъ житіи,—и думалъ: „неужели это бывшій радикалъ?“

— Ну-съ, а вы что подѣлываете?—продолжалъ Лимонадовъ, обращаясь къ Леониду.—Все небось бунты „пущаете“?

— По немножку!—смѣясь отвѣчалъ Леонидъ.

— Тэкъ-съ! А статейки пишете? Принесли что-нибудь?

— Нѣтъ, я собственно къ вамъ по другому дѣлу.

Лицо фельетониста приняло нѣсколько тревожный и озабоченный видъ.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ онъ, переходя въ оффиціальный тонъ.

— Денегъ нужно. Не можете ли ссудить рублей 15—20?

Лимонадовъ поморщился, и лицо его сразу изъ добродушно-лукаваго превратилось въ недовольное и раздраженное.

— Зачѣмъ вамъ?

— Да вотъ нужно одну барышню выручить. Она была сельской учительницей, а теперь сильно захворала. Отъ мѣста ей отказали, а между тѣмъ нужны доктора, лекарство, пріютъ...

— А на что же больницы?

— Да Богъ ее знаетъ, есть ли мѣсто въ больницѣ. Вы знаете, что у насъ ихъ мало, и всѣ онѣ переполнены. Притомъ...

— Кто она такая?—перебилъ его Лимонадовъ и, оглянувшись по сторонамъ, прибавилъ въ полголоса:—Небось тоже...

— Ея фамилія Родіонова. Учительницей была въ Садовомъ. Деньги очень нужны! — настойчиво дѣлая удареніе на „очень", повторилъ Леонидъ.

Лимонадовъ бросилъ свои брюки на столъ, вскочилъ и порывисто зашлепалъ туфлями по комнатѣ.

— Деньги, деньги!.. — началъ онъ въ волненіи. — Великая вещь—деньги! Трудно-съ, очень трудно онѣ достаются... 15 рублей! 15 рублей! Шутка сказать! Вотъ-съ, извольте посмотрѣть... (Онъ порылся на письменномъ столѣ и бросилъ намъ какую-то бумагу.) Вотъ по этому счету я долженъ сегодня уплатить 100 р. 73 копѣйки! А что это такое 100 рублей? 100 рублей, это—2.000 строчекъ, по пятачку строчка! А 2.000 строчекъ—это значитъ сидѣть, не разгибая спины, три дня! Вотъ-съ! Нѣтъ, я не могу дать вамъ сейчасъ 15 рублей.

Лео всталъ. Я замѣтилъ, что онъ начинаетъ злиться.

— Ну, и отлично. Не можете, такъ и не нужно,—чего же тутъ кричать. Пойдемъ!

— Стойте, стойте, не горячитесь!—остановилъ его Лимонадовъ. — Сядьте! Вы вотъ навѣрное меня въ душѣ Богъ знаетъ какъ называете! Напрасно! Это все оттого, что вы еще молоды! Я самъ, когда жилъ насчетъ общественной благотворительности, тоже легко относился ко всему этому! Я самъ, бывало, устраивалъ разныя подписки, сборы, лотереи безъ выигрышей и чортъ знаетъ еще что... Теперь не то! Теперь я на каждую копѣйку смотрю какъ на каплю собственной крови, я знаю ей цѣну и дорожу ею!.. Скажите пожалуйста! Голодаютъ!.. Умираютъ!.. И все это чепуха, все это вранье, всѣ они врутъ—я самъ видѣлъ, знаю... Юноша голодаетъ,—бѣдненькій! Надо ему помочь! А погляди на него, какъ онъ въ портерной сидитъ,—рыло красное, лоснится, шапка на-бекрень, самъ горланитъ какую-то дурацкую, задорную пѣсню... А народъ? Да что такое этотъ нашъ народъ? Грубая, глупая, дикая, подлая, нелѣпая, кровожадная толпа! Онъ всякую

идею вывернетъ наизнанку, а изъ вашего знамени свободы сошьетъ себѣ портки... Вотъ вашъ возлюбленный народъ!

Всѣ эти слова Лимонадовъ выкрикивалъ, бѣгая по комнатѣ и размахивая руками. Я глядѣлъ на него съ недоумѣніемъ, совершенно растерявшись, а Леонидъ покатывался со смѣху. Между тѣмъ Лимонадовъ продолжалъ:

— И чего вы хотите? Что вамъ нужно? Вѣдь вы только другъ другу дѣломъ мѣшаете заниматься! И всѣ ваши затѣи кончатся только тѣмъ, что подъ надзоръ попадете! А знаете ли вы, что такое надзоръ? Это значитъ околѣвать съ голоду, потому что вамъ никто не дастъ работы! Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ! Покорно васъ благодарю...

Онъ на минутку остановился, передохнулъ, поглядѣлъ на Леонида и продолжалъ:

— Смѣйтесь, смѣйтесь! Я знаю, вамъ все это смѣшно, потому что вы меня въ душѣ презираете! Дескать, ренегатъ! Ну, и отлично! И очень радъ! Только оставьте меня съ вашими идеями въ покоѣ! Не трогайте меня! Я на ваше презрѣніе плюю! Я травленый, а вы еще мальчишки! Посмотримъ еще, что̀ изъ васъ выйдетъ, если только васъ до того времени не уберутъ! Очень буду радъ! Перекрещусь даже обѣими руками!..

Тутъ онъ окончательно задохнулся и весь багровый, пыхтя, повалился на диванъ.

— Уфъ, уфъ!—заговорилъ онъ, спустя нѣсколько времени и отирая лысину платкомъ. — Уморили, чортъ васъ возьми совсѣмъ! Этакъ вы меня когда-нибудь до апоплексіи доведете,— ей Богу!

— Охота же вамъ горячиться изъ-за пустяковъ! — смѣясь, сказалъ Леонидъ.

— Вы до всего доведете своими глупостями!—проворчалъ Лимонадовъ и позвонилъ. Вошелъ лакей. — Принеси-ка, братецъ, зельтерской воды!

Лакей исчезъ, и черезъ минуту явился снова съ бутылкой зельтерской въ салфеткѣ.

— Ну, что, Михайло, не слыхать ли у васъ чего-нибудь новенькаго?—обратился къ нему Лимонадовъ, пока тотъ откупоривалъ бутылку и наливалъ пѣнистую жидкость въ стаканъ.

— Да, кажись, ничего-съ,—отвѣчалъ лакей, останавливаясь у двери и перекладывая салфетку изъ одной руки въ другую.— Вотъ, нешто, въ прачешной у насъ исторія вышла-съ!

— Какая?

— Прачки подрались.

— Ну? И здорово?

— Страсть! Такъ другъ дружку вальками отчехвостили—бѣда! Кранъ сломали, всю прачешную чуть не затопили,—дворникъ сунулся,—онѣ и дворнику закатили по сіе время! Такая потѣха была-съ!

Лимонадовъ заливался жирнымъ раскатистымъ хохотомъ, причемъ брюшко его тряслось; лакей тоже сдержанно хихикалъ въ ладонь.

— У Зимогорова на чердакѣ загорѣлось,—продолжалъ онъ. — Приказчики водой залили.

— Это отчего же?

— Полагаютъ, что свояченa подожгла со зла. Самъ-то браслетку, что-ли, ей подарилъ, а жена увидала, да и отняла-съ. Ну, она и обозлилась.

— Что же, въ полицію заявили?

— Нѣтъ, помирились. Потому вѣдь она совсѣмъ полоумная. Намедни у окна сидитъ въ одной, позвольте сказать, сорочкѣ-съ, да въ подзорную трубу на улицу и смотритъ. Умора!

— Это любопытно! Если она опять этакъ устроитъ,—ты мнѣ скажи.

— Слушаю-съ...

Отпустивъ лакея и все еще продолжая смѣяться, Лимонадовъ обернулся къ намъ.

— Вотъ вамъ картинки-то! Это гораздо любопытнѣе, чѣмъ всѣ ваши эти утопіи. Жизнь! Жизнь сама, да-съ! Вотъ прачки подрались—ну, чего тутъ, кажется? А разберите,—цѣлый романъ навѣрное! Какой-нибудь тамъ рябой Гришка или Степка ухаживалъ за Акулькой, дарилъ ей перстеньки, платочки, жамки; Акулька его пивомъ по праздникамъ угощала, оба были счастливы,—и вдругъ на сцену является Стешка... Все пошло прахомъ! Гришка ходитъ въ гости къ Стешкѣ, Стешка Гришку угощаетъ пивомъ, а Акулина сидитъ и плачетъ. Злость, ревность, попреки... „Не ставь свое поганое корыто рядомъ съ моимъ“! „Не лѣзь къ крану прежде меня“... А тамъ драка, ругань, а тамъ, глядишь, мышьячку разлучницѣ подсыплютъ... Вотъ вамъ жизнь! Изучайте ее, наблюдайте, вмѣсто того, чтобы гнить въ своихъ теоріяхъ. А эта свояченица? Да это цѣлый типъ! У окошка сидитъ въ одной рубахѣ да въ подзорную трубу смотритъ! „Дескать, думайте про меня чтò хотите, а мнѣ плевать! Говорятъ, что я съ зятемъ живу, а я вотъ молъ чтò,—никого не боюсь, чтò хочу, тò и дѣлаю“... Ха-ха-ха!

Но вдругъ, словно вспомнивъ что-то, Лимонадовъ пересталъ смѣяться и круто оборвалъ свою рѣчь.

— Ахъ, да! Я и забылъ. Вамъ денегъ нужно? Ну, такъ вотъ вамъ пять рублей. Больше не могу, и не просите! Только ради Бога, чтобы нигдѣ, ни въ какихъ этихъ вашихъ отчетахъ обо мнѣ ни гу-гу. Съ этимъ условіемъ и даю.

— Нѣтъ ужъ, спасибо,—сказалъ Леонидъ, вставая.—Мы какъ-нибудь обойдемся.

— Что же такъ? Берите!

— Нѣтъ, не надо. До свиданья.

— Ну не хотите, какъ хотите. До свиданія. Да приносите статейки-то,—напечатаемъ! Статейки, батенька, ваши недурныя! Дмитріевъ одобряетъ. Особенно тамъ одна, какъ бишь ее?.. О рыбномъ промыслѣ, что-ли...

— Ну что? Хорошъ?—смѣясь, спросилъ меня Леонидъ, когда мы были уже на улицѣ.

— Мм-да!—неопредѣленно промычалъ я въ отвѣтъ.

— Чтò дѣлать! За шкурку свою боится. Это для вашего брата, увлекающихся юнцовъ, нѣчто въ родѣ memento mori. Можетъ, и ты также лѣтъ черезъ десятокъ такой же будешь! А вѣдь въ сущности онъ предобрѣйшій парень и въ свое время не мало хорохорился... Однако, денегъ, чортъ возьми, достать все-таки нужно.

Тутъ вдругъ онъ остановился и ударилъ себя кулакомъ по лбу.

— Ба-ба-ба! Вотъ исторія-то! Совсѣмъ было-забылъ... Вѣдь намедни мнѣ успенскій батюшка предлагалъ съ его сыномъ заниматься. Шалопай ужаснѣйшій, этотъ самый сынъ, и я тогда отказался. Пойду-ка я къ нему теперь да закабалюсь, а ужъ денегъ онъ навѣрное впередъ дастъ...

Черезъ часъ, съ двадцатью рублями въ карманѣ, мы стояли передъ запертою дверью Володи, на которой висѣлъ огромный листъ бумаги съ слѣдующею надписью: „кому нужно меня видѣть, пусть идетъ на Кудряеву улицу, домъ Назаровой,—я тамъ". Признаюсь, перспектива путешествовать опять по горячимъ плитамъ, въ палящій зной, не представляла для меня ничего утѣшительнаго. Я просто изнемогалъ отъ жары, усталости и отъ голода,—съ самаго утра мы ничего не ѣли,—но такъ какъ мнѣ очень хотѣлось увидѣть Натальицу, о которой я много слышалъ, то я все-таки пошелъ. Ноги мои ныли, голова горѣла, весь я обливался потомъ и еле тащился за Леонидомъ. Напротивъ, Леонидъ шелъ бодро и на ходу даже подпрыгивалъ, распѣвая модный въ то

время сербскій маршъ: „мы дружно на враговъ, на бой, друзья, спѣшимъ"!.. Кое-какъ добрались до дома Назаровой. Хозяйка, молодая дама, въ бѣлой кофтѣ и въ туфляхъ на босу ногу, провела насъ до комнаты учительницы. Здѣсь дверь безшумно отворилась, и мы очутились въ прохладной полутьмѣ. На порогѣ насъ встрѣтилъ Володя.

— Пришли?—прошепталъ онъ и, обернувшись куда-то въ уголъ, сказалъ, стараясь сдѣлать свой голосъ какъ можно болѣе нѣжнымъ и пріятнымъ:—Натальица! Это вотъ товарищи мои пришли.

— Очень рада, господа!—прошелестилъ изъ угла нѣжный дѣтскій голосокъ.—Садитесь, пожалуйста... Спасибо...

Мы сѣли. Мало-по-малу глаза мои освоились съ сумракомъ, наполнявшимъ комнату, и я огладѣлся. Комнатка была очень чистенькая и уютная; на окнахъ висѣли соломенные шторы. Въ углу на диванѣ, на подушкахъ, полулежала молоденькая дѣвушка, почти ребенокъ. Крошечное личико, совершенно прозрачное, было окаймлено густыми русыми волосами. Огромные сѣрые глаза лихорадочно горѣли; на щекахъ алѣли яркія пятна. Ноги ея были укутаны теплымъ плэдомъ — бѣдняжка въ этотъ знойный день зябла!

Нѣсколько минутъ царило молчаніе. Я чувствовалъ себя неловко. Леонидъ очевидно былъ пораженъ происшедшей въ Натальицѣ перемѣной и не могъ скрыть своего смущенія. Натальица съ чуткостью безнадежно-больного человѣка это замѣтила.

— Чтò?..—начала она тихо, останавливаясь на каждомъ словѣ.—Не узнаёте?.. Очень я измѣнилась... правда?

— Немножко! — совралъ Леонидъ и, придвинувъ къ ней стулъ, продолжалъ развязнымъ тономъ.—Впрочемъ, вѣдь мы съ вами давно не видались,—никакъ съ самой масляницы. Вы тогда совсѣмъ молодцомъ были. Помните, еще кадриль танцовали? (Натальица слабо улыбнулась.) Да какъ это вы расхворались, а? Не стыдно это вамъ?

— Что же... дѣлать... Давно уже .. нездоровилось,—все думала, пройдетъ. А вотъ... вышло... плохо...

— Ну, ничего, мы васъ живо вылечимъ,—ободрилъ ее Леонидъ.—Докторъ былъ?—обратился онъ къ Володѣ.

— Былъ!—мрачно прогудѣлъ Володя изъ угла.

— Ну, вотъ и отлично! Ахъ, Натальица, Натальица! Казнить васъ нужно—вотъ что! Чего вы не береглись? Бросили бы на время свою школу, отдохнули бы,—отлично... Ну, чтò у васъ въ деревнѣ?

ушки заблистали еще ярче. Она оживилась.
тамъ хорошо!—прошептала она и даже приподня-
пкахъ. Все цвѣтетъ... ландыши... черемуха! Не
ать... Зимой... больно плохо было.. Топили... мало;
Мальчики принесутъ... кизяковъ... натопимъ—дымъ,
ть нечѣмъ... Просила... отказали... Земство... не обя-
цествѣ... двадцать-семь тысячъ недоимки... не на что...
шлялась. Володя, все время скрывавшійся гдѣ-то
ился намедленно и поднесъ къ губамъ Натальицы
жку съ какимъ-то питьемъ.
ь и успокоившись, Натальица продолжала. Она оче-
олна воспоминаній о прошломъ и продолжала еще
ми деревни.
а у меня теперь... долженъ былъ быть экзаменъ!..
во... Безъ меня тамъ... все не такъ... Зачѣмъ меня
? Говорятъ... здѣсь лучше... доктора... Ахъ, какъ
ѣзжать! Господа, неужели я умру?—сказала она
езно обвела насъ своими большими глазами.
упости! Всѣ хвораютъ, да не умираютъ!—съ на-
остью отвѣчалъ Леонидъ.
мальчиковъ...—вымолвила Натальица, и на глазахъ
слезы.—Ахъ, не нужно было уѣзжать... Лучше бы
ола...
пала и откинулась на подушки, закрывъ лицо ру-
сѣмъ было невыносимо тяжело. Мы съ Леонидомъ
, встали и тихонько вышли. Володя послѣдовалъ

гò докторъ сказалъ?—спросилъ Леонидъ.
?—свирѣпо прорычалъ Володя.—Умереть, вотъ и все.
нулся и замолчалъ.
е, чахотка, что-ли?—продолжалъ Леонидъ, стараясь
зъ себя невозмутимаго человѣка, хотя голосъ его

онечно... Какъ это?.. Phtisis florida... скоротечная...
гъ деньги. Володя поглядѣлъ на нихъ со злостью.
й онѣ теперь чортъ? На похороны развѣ? Докторъ
ь за визиты и даже лекарство обѣщалъ даромъ
а на что все это? Э-эхъ!
улъ рукой и опять отвернулся.
ремя на лѣстницѣ послышались торопливые шаги,
двухъ барынь, взволнованныхъ, раскраснѣвшихся,
, нагруженныхъ какими-то огромными свертками и

банками съ вареньемъ Это были учительницы изъ городскихъ народныхъ школъ.

— Ну, что Натальица? Плоха?—въ одинъ голосъ спросили онѣ у насъ.

— А вотъ подите, посмотрите,—съ нѣкоторымъ раздраженіемъ сказалъ Леонидъ.—Для вашего брата очень поучительно! И вамъ тоже будетъ... Дѣятельницы!

— Чего вы злитесь?—оборвали онѣ его.—Аносовъ, пойдемте! Надо около нея дежурство назначить... Бѣдная Натальица! Ужасно жаль... Ужасно!..

Онѣ исчезли, а мы съ Леонидомъ вышли на улицу. Признаюсь, я почувствовалъ большое облегченіе, очутившись на свѣжемъ воздухѣ. Я никогда не видалъ смерти, и эта сцена въ комнатѣ умирающей дѣвушки меня глубоко потрясла.

Леонидъ между тѣмъ ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Уходила себя Натальица, уходила! Ужъ это бабьё проклятое—всегда такъ. Ни въ чемъ мѣры не знаетъ! Вотъ и эти тоже поскакали... годика черезъ два, глядишь, также ноги протянутъ. Впрочемъ, что̀ бабы! Это ужъ русская натура такая подлая! Все крайности! Либо ужъ лѣнь безпросыпная, либо ужъ всѣ жилы надорвемъ... А вѣдь какая здоровячка-то была! Кровь съ молокомъ... Запряглась въ учительницы и пошла таять... Какже, помилуйте! Съ 8 часовъ до 4-хъ въ школѣ—это ей мало! Давай вечерніе классы устрою... Все свое жалованьишко на грифеля да на книжки транжирила... А мы-то восхищались! Поощряли! Прекрасно! Благородно! Возвышенно! Вотъ и довели до чахотки... Идеалисты-черти!

Мнѣ никогда не приходилось видѣть Леонида въ такомъ возбужденномъ состояніи, и я не безъ удивленія слушалъ его безсвязныя, полныя горечи, рѣчи. На душѣ у меня было очень тяжело... такъ что, по приходѣ домой, я даже и ѣсть ничего не могъ, къ великому неудовольствію Христины Павловны, а сейчасъ же завалился на постель и заснулъ какъ убитый. И мерещился мнѣ во снѣ самый пестрый калейдоскопъ, въ которомъ фантазія чудно перемѣшивалась со всѣмъ пережитымъ и перечувствованнымъ за этотъ день. То стоялъ предо мною бѣлокурый мальчикъ съ длинными локонами и, указывая рукою куда-то вдаль, говорилъ: „пойдемъ!.. пойдемъ"!.. Я хотѣлъ его взять за руку, но вдругъ за плечами у него взвились бѣлыя крылья, и онъ предъ глазами моими тихо поплылъ по воздуху... Лимонадовъ весь красный выкрикивалъ: „вотъ онъ, вашъ народъ!" Потомъ жирная, улыбающаяся физіономія Лимонадова расплывалась предо мною

все шире и шире и превращалась въ огромнаго паука, на которомъ было написано: Memento mori, а Натальица указывала на него и говорила: „вотъ это моя смерть".

Я проснулся, весь отуманенный этими безпорядочными грезами, съ тяжелой головой, съ тупой болью во всемъ тѣлѣ, и долго не могъ придти въ себя и сообразить, чтò теперь такое, день или ночь, и гдѣ я нахожусь. Наконецъ я нѣсколько опомнился и, шатаясь, всталъ съ постели. Въ комнатѣ было уже темно, только на противоположной стѣнѣ смутно алѣлъ догорающій отблескъ заката. Вокругъ все было тихо, только за стѣной слышалось однообразное тиканье часовъ да мѣрное шлепанье туфель Христины Павловны.

— Всталъ?—спросила она, заглядывая ко мнѣ въ комнату.— Ну, иди, что-ли, чайку испей. Вѣтрогоны! День-деньской рыщутъ, рыщутъ и не поѣдятъ путемъ. Выспался, что-ли? Ишь глазища-то, индо опухли! Небось ѣсть хочешь?

— Нѣтъ, не хочу, Христина Павловна. Леонидъ гдѣ?

— Ну, вотъ, ужъ и Леонидъ понадобился! Другъ безъ дружки жить не могутъ. Ужъ извѣстно гдѣ—въ Липки убѣжалъ. И чтò вы тамъ въ Липкахъ этихъ дѣлаете — въ толкъ я не возьму! Небось все съ такими же лоботрясами слоны-слоняете? Нѣтъ-чтобы дома сидѣть да дѣло дѣлать. Вотъ къ экзамену-то не приготовишься!

Я сдѣлалъ презрительную гримасу. Какіе тутъ экзамены, — до нихъ ли! И я принялся разсказывать старушкѣ о Натальицѣ. Разсказъ мой произвелъ впечатлѣніе: старушка перестала ворчать и пригорюнилась.

— Экая жалость! Экая жалость! Какая дѣвочка-то была... Я вѣдь ее еще вотъ какую знала; ейная мать-то портниха была, вотъ тутъ недалечко отъ насъ и жила, на Кривой улицѣ. Бойкая дѣвочка была, бѣдовая! А теперь, поди ты, помираетъ... Жалко, жалко!

Я наскоро проглотилъ стаканъ чаю и побѣжалъ въ Липки.

Тамъ всѣ уже были въ сборѣ, исключая Володи. И всѣ были задумчивы, сосредоточены; всѣхъ печалила участь Натальицы, которую многіе знали и любили. Не слышно было обычныхъ шумныхъ разговоровъ, остротъ, шутокъ, пѣсенъ. Только Леонидъ съ „Раулемъ Риго", уединившись ото всѣхъ, расхаживали взадъ и впередъ по дорожкѣ и вели оживленный разговоръ. Повидимому Леонидъ старался въ чемъ-то разубѣдить Рауля, но тотъ очевидно не соглашался, судя по его энергическому потряхиванью головою

рѣпко сжатымъ губамъ. Изрѣдка до меня долетали отдѣльныя ія-то слова и фразы...

Женя Кохъ былъ тоже тутъ. Увидѣвъ меня, онъ весь вспыхь и крѣпко-крѣпко пожалъ мнѣ руку. Я немедленно поспѣъ сообщить ему о предложеніи Леонида, и нужно было ви-, какой восторгъ озарилъ лицо мальчика!

— Ахъ, какъ я вамъ благодаренъ!—прошепталъ онъ, сжи- мою руку.—Еслибы вы знали, какое это счастье для меня! ъ отецъ обрадуется... сестры!.. Какой добрый и милый вашъ гъ!

И онъ полными слезъ глазами взглянулъ на Леонида, по жнему увлеченнаго разговоромъ.

Съ этого дня Женя сталъ заниматься съ Леонидомъ. Онъ ходилъ къ намъ каждый день, съ ранняго утра, и всегда рно дожидался, когда мы встанемъ. Христина Павловна очень ро съ нимъ сблизилась, даже подружилась и щедро угощала мъ съ булками собственнаго печенья, найдя въ мальчикѣ моливаго и внимательнаго слушателя своей вѣчной воркотни. омъ, когда мы просыпались, онъ переселялся въ нашу кому и занимался часа два греческимъ и латинскимъ языками. особности у него оказались чудесныя, и дѣло шло чрезвычайно ѣшно. Послѣ урока онъ часто оставался, и мы съ нимъ много орили. Тутъ обнаружилось, что мальчикъ очень много читалъ прочитанномъ составилъ себѣ опредѣленныя, иногда въ выс- ѣ степени оригинальныя мнѣнія. Особенно онъ увлекался исто- ѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ того времени, когда онъ будетъ состояніи читать въ подлинникѣ Тацита, Саллюстія, Тита вія и пр. Не мало также интересовался онъ и современной итикой, и такъ какъ дома у нихъ газеты не было, то онъ зательно каждый день бѣгалъ въ публичную библіотеку и протривалъ всѣ газеты отъ доски до доски.

— Скажите, отчего теперь совершенно нѣтъ героевъ?— апшивалъ онъ иногда меня. — Вѣдь и теперь вездѣ сильный итъ слабаго, а между тѣмъ героевъ нѣтъ...

— Да что вы называете героями?

— А вотъ видите ли... Герой—это такой человѣкъ, который азался бы отъ всего, что ему близко и дорого, и вступился за всѣхъ несчастныхъ, обиженныхъ, который не побоялся бы его,—ни смерти, ни тюрьмы, ни бѣдности—ничего! и пошелъ сражаться... и все бы бросилъ... понимаете?

Говоря это, мальчикъ начиналъ волноваться, глаза его блестѣли, грудь неровно поднималась, голосъ прерывался. А я, принявъ менторскій видъ, возражалъ ему, что и теперь идетъ борьба противъ насилія и произвола, только другимъ порядкомъ, не съ мечомъ въ рукахъ, а съ перомъ и книгой, что и теперь есть герои, не тѣ герои, которые противъ насилія употребляютъ насиліе же, но герои мысли и слова,—орудія еще болѣе могущественнаго, чѣмъ мечъ. При этомъ я приводилъ ему примѣры, называлъ имена, и въ заключеніе указывалъ ему, что и въ наше время возможны вооруженныя востанія противъ насилія, напримѣръ Герцеговина...

— Ну, да какой же это героизмъ!—восклицалъ Женя съ видомъ разочарованія.—Вѣдь это все равно, что на васъ бы гдѣ-нибудь, въ лѣсу, напали разбойники, и вы стали бы защищаться. Тутъ вы себя спасаете, а не другихъ; вамъ по-неволѣ приходится отбиваться, иначе вамъ горло перерѣжутъ. Вотъ, напримѣръ,—продолжалъ онъ, одушевляясь все болѣе и болѣе, и по обыкновенію своему немножко заикаясь (это всегда съ нимъ случалось, когда онъ волновался):—напримѣръ, какъ по вашему? Спартакъ былъ герой?

— Герой.

— Ну, нѣтъ, я съ вами не соглашусь. Спартакъ былъ гладіаторъ, рабъ, онъ самъ за себя страдалъ, его мучили и унижали также, какъ и другихъ, и когда онъ произвелъ возстаніе, онъ не только за права другихъ вступился, но и за свои. Притомъ онъ развѣ многимъ рисковалъ, когда возсталъ? Ему нечего было терять и бояться смерти. Развѣ ему не все равно было ка́къ умирать,—на аренѣ ли цирка или гдѣ-нибудь на дорогѣ, на крестѣ. Вотъ Гракхъ—это былъ герой! Онъ былъ патрицій, у него было все—и знатность, и власть, и богатство,—онъ все это бросилъ и погибъ за другихъ... Ему лично ничего не нужно было, онъ хотѣлъ только сдѣлать счастливымъ народъ. Вотъ что̀ такое по моему герой!

Признаюсь, такія разсужденія ставили меня иногда въ тупикъ, и я очень часто не могъ даже ничего возразить Женѣ. Моя двадцати-лѣтняя разсудительность совершенно пасовала предъ его шестнадцатилѣтнимъ энтузіазмомъ, и къ стыду своему я долженъ былъ сознаться въ душѣ, что этотъ мальчуганъ далеко опережалъ меня во всемъ.

— А знаете ли?—говорилъ онъ мнѣ въ другой разъ, когда мы съ нимъ вдвоемъ блуждали по пустыннымъ аллеямъ Липокъ, вдыхая насыщенный запахомъ сирени воздухъ.—Бываетъ ли съ

вами такъ, что вдругъ вамъ сдѣлается скучно, непріятно и чего-то будто недостаетъ? Я не знаю, какъ это вамъ объяснить, но все въ это время,—и жизнь, и люди,—и самъ себѣ покажешься такимъ жалкимъ, ничтожнымъ, мелкимъ. Вся земля точно на ладонкѣ передъ тобой, и такъ это печально, гадко, скучно, что думаешь: „зачѣмъ это я родился? зачѣмъ жить?“ И такъ жаль становится себя, и въ то же время думаешь о чемъ-то другомъ, тоскуешь, желаешь чего-то, и мелькаетъ передъ тобой что-то таинственное, прекрасное и какъ будто бы даже знакомое,—а чтò? Даже и назвать не умѣешь... Даже духъ захватываетъ... Бываетъ ли съ вами такъ?

— Нѣтъ, не бываетъ.

— А со мной часто. Вотъ и съ сестрою тоже. Такъ что мы иной разъ говоримъ, говоримъ съ нею объ этомъ, да вдругъ и зарыдаемъ оба.

— Это съ какою сестрой?—спросилъ я.

— Съ Эмми. Это про которую я вамъ говорилъ,—больная.

— Вы съ нею дружны?

— Еще бы! Я ее больше всѣхъ люблю, и она меня тоже. Она вѣдь такая несчастная, я вамъ говорилъ?

— Давно она больна?

— О, давно! Съ самаго дѣтства. Ее лечилъ одинъ докторъ, и послѣ этого ей стало еще хуже. Теперь она слышать о немъ не можетъ. Вообще она очень раздражительна. Иногда отъ нея никому житья нѣтъ,—кричитъ, плачетъ, злится! Одинъ разъ бросила въ Алину костылемъ и разсѣкла ей лобъ до крови. Только меня она никогда не бранитъ, говоритъ со мною, любитъ больше всѣхъ. Мы съ ней иногда цѣлыя ночи напролетъ сидимъ, разговариваемъ.

— О чемъ же?

— Мало ли о чемъ! Мечтаемъ, сочиняемъ стихи, разсказываемъ другъ другу, чтò мы думаемъ, чувствуемъ. Я ей много говорилъ о васъ, о вашихъ товарищахъ. Только ей это бываетъ очень тяжело. Вотъ на дняхъ она говоритъ мнѣ: „Какой ты счастливый!“ Потомъ вдругъ отвернулась къ стѣнѣ и заплакала. А то разъ я принесъ ей цѣлую кучу ландышей. Она сначала обрадовалась, разсмѣялась, убрала себѣ голову, потомъ вдругъ нахмурилась, собрала всѣ эти цвѣты и въ окошко. „На чтò, говоритъ, они мнѣ?“ Потомъ вздохнетъ и скажетъ: „ахъ, лучше бы мнѣ умереть“...

Женя вздыхалъ и задумывался. Глядя на него, и я тоже. Семья его все болѣе и болѣе меня интересовала, и я уже поду-

мывалъ попросить Женю познакомить меня съ нею. Женя предупредилъ меня самъ.

Однажды въ Липкахъ я замѣтилъ, что онъ все какъ будто собирается что-то сказать мнѣ и не рѣшается. Наконецъ, когда мы уже собрались уходить и прощались, онъ отвелъ меня въ сторону и довольно робко сказалъ:

— Знаете что? Папа и сестры очень желаютъ съ вами познакомиться... съ вами и съ Леонидомъ Ивановичемъ тоже. Что, еслибы вы когда-нибудь пришли къ намъ? Какъ бы я былъ радъ... ужасно!

И онъ умоляющимъ взоромъ смотрѣлъ на меня. Я пообѣщался, и Женя распростился со мною совершенно довольный.

Я сообщилъ о приглашеніи Леониду.

— Ну, ужъ пошло!—отвѣчалъ Леонидъ, выслушавъ.—Не люблю я эти миндальности! Навѣрное благодарить будутъ, заискивать; эти сестры, старыя нѣмецкія дѣвы, поднесутъ, чего добраго, какой-нибудь подарокъ въ видѣ вышитыхъ туфель или полдюжины носковъ. Терпѣть не могу! Притомъ и съ Александриной какъ-то встрѣчаться не хочется. Онъ навѣрное стѣсняется своей обстановкой, растеряется, когда мы придемъ, будетъ жалокъ... Нѣтъ, я не пойду!

Я обидѣлся за Женю, надулся и замолчалъ. „Ишь ты, важная птица!—думалъ я.—Да не ходи, чортъ тебя дери! Не нуждаются!“

Однако Леонидъ передумалъ и черезъ нѣсколько дней сказалъ Александринѣ:

— А знаешь, мы къ вамъ въ гости придти собираемся?

Онъ, очевидно, ожидалъ, что Александрина сконфузится, но вышло наоборотъ. Бѣднякъ пришелъ въ неописанный восторгъ, принялся благодарить и крѣпко жалъ намъ обоимъ руки, приговаривая, что онъ давно хотѣлъ насъ пригласить, да не смѣлъ, и т. д.

И вотъ, въ слѣдующее воскресенье мы съ Леонидомъ, принарядившись какъ слѣдуетъ, отправились послѣ обѣда къ Кохамъ, причемъ я предварительно взялъ съ Леонида честное слово не глумиться надъ Александриной въ присутствіи его домашнихъ. Но чѣмъ ближе мы подвигались къ Кохамъ, тѣмъ я все болѣе и болѣе начиналъ сомнѣваться въ твердости этого честнаго слова. Идти было далеко, все въ гору, притомъ насъ одолѣвала пыль и жара, и Леонидъ всю дорогу невыносимо брюзжалъ.

— Чортъ меня понесъ!—ворчалъ онъ.—Навѣрное тамъ у нихъ грязь, тѣснота. Этотъ идіотъ начнетъ допекать своими дурацкими стихами; тутъ еще эти сантиментальныя нѣмки... Лучше бы лежалъ себѣ дома да читалъ!..

„Ну, достанется теперь бѣдному Александринѣ!“—думалъ я и, въ свою очередь, страшно свирѣпствовалъ въ душѣ и злился на своего пріятеля.

Однако настроеніе наше моментально измѣнилось, когда мы подошли къ дому, гдѣ жили Кохи. Домикъ былъ уютный, маленькій и напоминалъ скорѣе дачу, чѣмъ обыкновенные городскіе дома. Вездѣ узорчатые балкончики съ колоннами, которыя были густо обвиты дикимъ виноградомъ и вьюнками. Передъ домомъ былъ разбитъ палисадникъ, обсаженный цвѣтущими акаціями и сиренью; въ серединѣ были разбиты клумбы, на которыхъ пестрѣло много цвѣтовъ. Мы были пріятно изумлены, и даже на губахъ Леонида появилась благосклонная улыбка.

— Ишь ты, у нихъ славно!—проговорилъ онъ, оглядываясь.

— Сюда, сюда!—послышался съ балкончика веселый голосъ Жени, и онъ самъ выбѣжалъ къ намъ на встрѣчу. За нимъ, улыбаясь, показался Александрина.

— Хорошо у васъ тутъ!—сказалъ ему Леонидъ.—Поэтическое мѣстечко... Не даромъ...

Я почуялъ, что Леонидъ готовится отпустить какое-нибудь bon mot по адресу Александрины, и поспѣшилъ толкнуть его въ бокъ. Леонидъ прикусилъ язычокъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вамъ нравится?—радостно воскликнулъ Женя.—Ну, пойдемте же, пойдемте.

Съ этими словами онъ потащилъ насъ въ домъ. Мы очутились въ небольшой прохладной комнатѣ, гдѣ уже по срединѣ былъ накрытъ чайный столъ и сильно пахло цвѣтами. За самоваромъ сидѣла невысокаго роста, худощавая дѣвушка съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ и большими грустными глазами,—ее Женя отрекомендовалъ намъ прежде всѣхъ, назвавъ Розаліей. Рядомъ съ ней сидѣла, съ какимъ-то вязаньемъ въ рукахъ, другая дѣвушка. Это была вторая сестра Жени, Алина. Ей было уже за 20 лѣтъ, но она, съ своимъ нѣжнымъ продолговатымъ личикомъ и свѣтлыми подстриженными кудрями, казалась 17-лѣтнею дѣвочкой. Наконецъ, поодаль, у окна, заставленнаго цвѣтами, въ большомъ передвижномъ креслѣ сидѣла третья сестра—Эмми. Она просто меня поразила: такой красавицы я никогда не видалъ ни прежде, ни послѣ. Необыкновенно правильное, точно выточенное и блѣдное, какъ мраморъ, лицо, огромные яркіе сѣрые глаза, великолѣпныя бѣлокурыя косы, заложенныя вѣнцомъ вокругъ классической головки. Раскланявшись, я долго стоялъ передъ нею, какъ очарованный, и, только вспомнивъ, что она

„убогая“ и что я ее стѣсняю своимъ взглядомъ,— я опомнился и отошелъ, сконфуженный.

Представивъ насъ сестрамъ, Женя перешелъ къ отцу. Антонъ Юліевичъ Кохъ былъ худощавый, маленькій, но крайне живой старичокъ съ сѣдыми кудрявыми волосами, большимъ нѣмецкимъ носомъ и морщинистымъ добродушнымъ лицомъ. Онъ привѣтствовалъ насъ чрезвычайно радушно, долго и крѣпко жалъ намъ руки и, поблагодаривъ за посѣщеніе, пригласилъ садиться. Леонидъ немедленно вступилъ съ нимъ въ разговоръ, а я принялся осматриваться по сторонамъ.

Обстановка была небогатая, но въ высшей степени уютная и изящная. Мебель хотя дешевая, неуклюжая, но чистенькая; вездѣ много цвѣтовъ,—огромные кактусы, фикусы, рододендроны, олеандры въ цвѣту, душистые гіацинты,—все это, очевидно, выращено и взлелѣяно руками самихъ хозяекъ. Стѣны были увѣшены акварелями и пастелями, рисованными, какъ я узналъ послѣ, Алиной. Въ углу стоялъ мольбертъ, прикрытый полотномъ, и около него табуретъ, на которомъ лежали кисти и палитра. У окна—пяльцы съ наброшенною на нихъ прозрачною кисеею, сквозь которую просвѣчивалъ пестрый узоръ какого-то, вышиванья. На этажеркахъ—масса книгъ и нотъ; въ углу, въ футлярѣ, флейта. Вообще все показывало, что здѣсь живетъ семья не только образованная, но даже артистическая. Тутъ я вспомнилъ давешнюю воркотню Леонида, и мнѣ стало смѣшно.

Оглядѣвшись, я не вытерпѣлъ и украдкой снова бросилъ взглядъ на Эмми. Какъ разъ въ это время солнечный лучъ прокрался въ окно сквозь густую зелень цвѣтовъ и, скользнувъ по ея волосамъ, словно ореоломъ освѣтилъ чудную головку. Она тоже глядѣла на меня своими бездонными глазами. Сердце мое больно сжалось, и я поспѣшилъ отвернуться.

— Да,—говорилъ между тѣмъ старикъ Кохъ, выколачивая свою трубочку надъ пепельницей.—Я всегда говорилъ и говорю, что образованіе—это первая необходимость и всеобщее достояніе. Каждое государство должно прежде всего образовывать свой народъ; каждый отецъ долженъ давать образованіе своимъ дѣтямъ... Ахъ, я самъ когда-то мечталъ объ этомъ, но, къ сожалѣнію, судьба лишила меня возможности дать своимъ дѣтямъ это единственное богатство... О! Я жизнь свою готовъ отдать, чтобы вернуть прежнее! Какъ я раскаиваюсь иногда, какъ меня это мучаетъ...

Голосъ старика прервался отъ волненія.

— Папа!—перебила его Розалія.—Зачѣмъ ты волнуешься?

Развѣ мы не довольны? Развѣ вы для насъ мало сдѣлали? Вѣдь мы не жалуемся. Видишь, мы всѣ работаемъ, зарабатываемъ деньги, совсѣмъ намъ не плохо живется. Зачѣмъ же такъ говорить?

— Ну, не буду, не буду!—улыбаясь сквозь слезы, сказалъ Антонъ Юліевичъ.—Чтò дѣлать,—это моя слабая струна. Слишкомъ мало я для васъ сдѣлалъ, слишкомъ мало! И не могу не чувствовать себя виновнымъ передъ вами. Ахъ, еслибы мнѣ мое прежнее здоровье!..

— Опять!—съ упрекомъ сказала дочь.

— Ну, ну... не буду, моя маленькая ворчунья... Налей-ка мнѣ еще чаю.

Разговоръ перемѣнился. Заговорили о политикѣ, о всеобщемъ недовольствѣ и тревожномъ настроеніи, о грозныхъ вспышкахъ, какъ предвѣстникѣ близкаго землетрясенія, потрясавшихъ тамъ и сямъ смирную почву континента.

— Я внимательно слѣжу за всѣмъ этимъ, — говорилъ старикъ. — Всѣ эти проявленія протеста—признакъ хорошій. Они показываютъ жизнь, броженіе. Въ самомъ дѣлѣ, чтò такое жизнь безъ борьбы? Спячка! Медленное разложеніе за-живо! Нѣтъ, пора, пора встряхнуться! Я вѣрю въ зарю будущаго. Когда-нибудь должны осуществиться на землѣ всеобщая любовь, всеобщее братство. Не стоило бы жить на свѣтѣ, еслибы не было въ душѣ этой вѣры...

— Да, это вотъ вамъ хорошо говорить здѣсь, сидя въ покойномъ креслѣ, — возразилъ ему Леонидъ съ своей коробящей насмѣшкой. — А вотъ еслибы шкуру свою понадобилось отдать за это самое братство, такъ небось и стопъ-машина!

Я былъ готовъ побить Леонида за эти слова. Старикъ вдругъ весь вздрогнулъ, выпрямился и глаза его засверкали.

— Шкуру? Вы говорите, шкуру? — закричалъ онъ, воспламеняясь.—Да что вы говорите! Вы меня совсѣмъ не знаете! Да я не только самъ готовъ умереть за идею, — я своихъ дѣтей... слышите?—дѣтей своихъ вотъ этими самыми руками благословлю... и отпущу... и самъ пойду — на костыляхъ, а пойду... и лягу...

И, приподнявшись со стула, съ сверкающими глазами, съ разметанными по плечамъ длинными волосами, Кохъ потрясалъ надъ столомъ своими распростертыми руками. Онъ былъ великолѣпенъ въ эту минуту, и мы всѣ имъ любовались. Женя, такъ тотъ просто дрожалъ отъ восторга и глазенки его горѣли. Даже Леонида проняло.

— Экой вы славный старичина!—воскликнулъ онъ искренно и протянулъ Антону Юліевичу руку.

Послѣ этого рукопожатія бесѣда приняла миролюбивый характеръ, но, увы, ненадолго!.. Зашла рѣчь о современной литературѣ, потомъ незамѣтнымъ образомъ перешли къ поэзіи, къ Гёте, Шиллеру, Гейне и заспорили. Леонидъ отрицалъ Шиллера и превозносилъ Гейне. Кохъ, напротивъ, горой стоялъ за Шиллера и отрицалъ Гейне. Леонидъ называлъ Шиллера нѣмецкой кислятиной, а его поэзію — бредомъ чахоточнаго. Кохъ утверждалъ, что поэзія Гейне—продуктъ больной печени, а ѣдкость его сатиры сравнивалъ съ ѣдкостью чеснока. По мнѣнію Леонида, Гейне оказалъ огромныя услуги человѣчеству, разрушивъ старую гниль и открывъ новые пути, въ то время какъ Шиллеръ только утопалъ въ безплодномъ романтизмѣ; а старикъ съ пѣною у рта доказывалъ, что, напротивъ, новые-то пути открылъ Шиллеръ: онъ звалъ впередъ, къ добру и свѣту, онъ создалъ идеалъ, онъ былъ проповѣдникъ гуманности и любви къ человѣчеству, между тѣмъ какъ Гейне только осмѣивалъ все и плевался. Что же касается романтизма, то и „вашъ Гейне“ тоже страдалъ этимъ грѣшкомъ, въ доказательство чего Антонъ Юліевичъ привелъ извѣстное стихотвореніе Гейне, въ которомъ поэтъ намѣревается вырвать съ корнемъ дубъ, обмакнуть его въ кратеръ и написать на небѣ имя своей возлюбленной... Оба кричали, выходили изъ себя, особенно Антонъ Юліевичъ, и готовы были броситься другъ на друга.

— Ну, что̀ такое вашъ Шиллеръ? Ну, что̀ онъ создалъ?..

— А „Разбойники“? А „Вильгельмъ Телль“? А „Орлеанская Дѣва“?

— Ну, что такое „Орлеанская Дѣва“?..

— А Маркизъ Поза? А Валленштейнъ?..

Дѣло приняло такой оборотъ, что мы, наконецъ, рѣшили вступиться.

— Папа! Будетъ вамъ! Папа!—взывали дочери.

— Леонидъ, довольно! Замолчи!—взывалъ я.

Наконецъ кое-какъ намъ удалось ихъ разнять, и разговоръ опять принялъ мирное теченіе. Тѣмъ временемъ кончили чай. Я всталъ изъ-за стола и началъ разсматривать картины на стѣнахъ. Женя подошелъ ко мнѣ; лицо его сіяло.

— Ужасно люблю, когда папа говоритъ!—шепнулъ онъ мнѣ. —Онъ въ послѣднее время такъ рѣдко оживляется, бѣдный... А еслибы вы слышали, какъ онъ играетъ!

Мы съ нимъ обошли весь домикъ. Женя показалъ мнѣ свою комнату, всю заваленную книгами и увѣшенную портретами великихъ людей. На первомъ планѣ висѣла копія съ гравюры: „Ecce homo“, Гвидо Рени. Все было рисовано тушью.

— Это все Алина рисовала,—съ гордостью сказалъ Женя.

— Славно она рисуетъ!—похвалилъ я.

— О, это еще чтò! — воскликнулъ мальчикъ.—Она начала масляными красками... Вы не видѣли тамъ, на мольбертѣ? Пойдемте, я покажу.

Мы подошли къ мольберту. Женя сдернулъ полотно, и глазамъ моимъ, какъ живая, представилась головка Эмми. Сходство было замѣчательное. Тѣ же бездонные глаза, тѣ же крѣпко сомкнутыя губки,—только художница придала болѣе мягкое выраженіе ея суровымъ мраморнымъ чертамъ, отчего Эмми получила большое сходство съ Женей. Я залюбовался и не могъ оторвать глазъ отъ портрета. Просто не хотѣлось думать, чтобы эта головка богини принадлежала безногой калѣкѣ. „Какъ она должна быть несчастна, сознавая свою красоту!" подумалъ я, и въ душѣ моей поднялось злобное чувство. Противъ чего?..

— Пойдемте на балконъ! — сказалъ Женя и вывелъ меня изъ моего созерцанія.

Мы вышли и усѣлись на ступеньки балкона, подъ душистой прохладной тѣнью плюща и вьюнковъ.

— Скажите, а вы любите Шиллера?—спросилъ меня Женя.

— Да, люблю, — отвѣчалъ я разсѣянно, думая совсѣмъ о другомъ.

— Я тоже. Ахъ, какъ у него хороши стихотворенія! Особенно я почему-то люблю „Прощаніе Гектора съ Андромахой". Помните?

Will sich Hektor ewig von mir wenden,
Wo Achill mit den unnahbarn Händen
Dem Patroklus schreklich Opfer bringt?

— А какъ онъ ей отвѣчаетъ?

Kämpfend für den heil'gen Herd der Götter
Fall' ich, und des Faterlandes Retter
Steig ich nieder zu dem styg'schen Fluss...

— Знаете, мы съ Эмми часто это читаемъ наизусть. Она за Андромаху, а я за Гектора. Только ей не нравится, чтò говоритъ Андромаха. Она говоритъ: „еслибы я была на ея мѣстѣ,—я бы не то сказала Гектору!"

— О! Вотъ она какая!

— Еще бы! Она героиня! Ахъ, кабы только она здорова была...

Мальчикъ о чемъ-то задумался. Потомъ неожиданно замѣтилъ:

— А все-таки и Гейне хорошъ, какъ вы думаете? Ахъ, у него тоже есть!.. Вотъ напримѣръ...

Съ толпой безумною не стану
Я пляску дикую плясать...

Очевидно, мальчикъ все еще думалъ о спорѣ отца съ Леонидомъ.

Нѣжные звуки флейты вызвали насъ съ балкона опять въ комнату. Старикъ хотѣлъ угостить насъ на славу и сыгралъ намъ кое-что изъ своего обширнаго репертуара, сожалѣя, что нѣтъ рояля, и что онъ не можетъ показать намъ, какъ онъ понимаетъ Бетховена. Мы тоже вмѣстѣ съ нимъ пожалѣли объ этомъ, но это нисколько не помѣшало намъ наслаждаться его по истинѣ артистической игрой на флейтѣ. И долго мы сидѣли, какъ очарованные, уносясь мыслью Богъ вѣсть куда... Пахло олеандрами и гіацинтами, гдѣ-то тихо тикали часы, а флейта нѣжно стонала, и плакала, и жаловалась...

— Будетъ! — сказалъ вдругъ Антонъ Юліевичъ громко, и вывелъ насъ изъ сладкаго забытья. Вслѣдъ затѣмъ онъ сильно раскашлялся и, задыхаясь, упалъ въ кресло. Розалія бросилась къ нему съ стаканомъ воды.

— Вотъ...—проговорилъ старый музыкантъ, выпивъ воды и передохнувъ.—Вотъ ужъ и на флейтѣ не могу играть... Кончено! Устарѣлъ... никуда не гожусь... умирать пора...

— Папа!..—прошептала Розалія, взглядывая на отца своими печальными глазами.

Старикъ откинулся на спинку кресла, закрылъ глаза и замолкъ. О чемъ онъ думалъ? Сожалѣлъ ли о прошломъ, объ отцвѣвшей молодости, о своихъ несбывшихся мечтахъ, или въ памяти его всплывали какія-нибудь величавыя мелодіи, которыя нѣкогда лились изъ-подъ его могучихъ пальцевъ, потрясая стѣны концертной залы?..

Мы встали и начали прощаться. Старикъ очнулся и радушно проводилъ насъ до дверей.

— Заходите, заходите, господа! — говорилъ онъ, пожимая намъ руки. — Я люблю молодежь... самъ какъ-то съ нею оживаешь и молодѣешь. Заходите!

— А на меня не сердитесь? За Шиллера?—спросилъ Леонидъ.

— Ну, вотъ! Мы этакъ еще съ вами разъ двадцать поссоримся и помиримся. До свиданія!

— Приходите же!—крикнули намъ сестры съ балкона, когда мы были уже на улицѣ.

Ночь была тихая, звѣздная. Шумъ экипажей въ городѣ затихалъ; на сосѣдней колокольнѣ пробило двѣнадцать часовъ. Александрина и Женя проводили насъ до угла, — и здѣсь мы распростились.

— Однако, засидѣлись! — съ озабоченнымъ видомъ сказалъ Леонидъ, прибавляя шагу.

— Ну, что? — спросилъ я его.

— Славно! Славный старикъ, ей-Богу! И сестры славныя,— особенно эта, какъ ее?.. Очень симпатичный народъ!

— Не правда ли, какъ у нихъ грязно, и скучно, и нѣмецкой кислятиной пахнетъ? — подъязвилъ я Леонида.

— Ну, вотъ еще!—съ неудовольствіемъ возразилъ Леонидъ.— Съ чего ты взялъ?

— Да вѣдь ты же самъ говорилъ, когда мы шли туда?

— Вотъ глупости... Никогда не говорилъ... — И, помолчавъ, прибавилъ. — Удивительно, какъ въ этакой семьѣ такой идіотъ родился!

Возвратившись домой и улегшись спать, мы оба долго ворочались на своихъ постеляхъ. Наконецъ, уже къ утру я заснулъ и видѣлъ Эмми. Я старался ее поймать, а она улетала отъ меня и, смѣясь, говорила мнѣ: „Я ходить не могу,—я только летать умѣю! Вотъ, попробуй, поймай!..“ И я гнался за ней какъ сумасшедшій, но поймать все-таки не могъ.

Вечеръ, проведенный у Коховъ, произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе. Много лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, а точно вчера это было. Маленькая комнатка... въ отворенныя окна вѣетъ вечернею прохладой... пахнетъ олеандрами и плачетъ флейта... А вокругъ большого круглаго стола, освѣщеннаго висячею лампой, сидятъ они... Кудрявый старикъ съ блестящими глазами; двѣ дѣвушки, низко нагнувшіяся надъ работой; бѣлокурый мальчикъ; мраморная красавица съ бездонными очами; Леонидъ съ своимъ насмѣшливымъ лицомъ и узенькими глазками... Гдѣ они? Чтò съ ними теперь? Однихъ ужъ нѣтъ, и—

Тамъ подъ землей лежатъ они въ гробахъ,
Раскрывъ глаза, скрестивши руки... Бѣлы
Ихъ саваны и бѣлы лица ихъ...

Другіе... Но впрочемъ объ этомъ послѣ.

В. Дмитріева.

ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ

ПОВѢСТЬ.

Соч. Генри Джемса.

Съ англійскаго.

Окончаніе.

VII.

На Гросвенорь-Плэсѣ, въ воскресенье днемъ, въ первыя недѣли сезона, м-съ Беррингтонъ обыкновенно бывала дома: то было единственное время, когда посѣтитель, не приглашенный заранѣе, могъ надѣяться застать ее у себя. Очень немного часовъ изъ двадцати-четырехъ проводила она въ своемъ собственномъ домѣ. Джентльмены, являвшіеся въ эти часы, рѣдко заставали ея сестру: м-съ Беррингтонъ оставляла за собой арену. Между обѣими женщинами было условлено, что Лаура воспользуется этимъ временемъ для визитовъ своимъ старухамъ: такъ Селина понимала независимые общественные рессурсы молодой дѣвушки. Старухи, однако, не насчитывались десятками; ихъ было всего двѣ: лэди Давенантъ и старшая м-съ Беррингтонъ, у которой былъ свой домъ въ Портлэндъ-Стритѣ. Лэди Давенантъ жила у Королевскихъ воротъ и тоже принимала въ воскресенье днемъ; посѣтители ея состояли не изъ однихъ мужчинъ, и Лаура не была фальшивой нотой въ ея салонѣ. Селина любила, конечно, пользоваться услугами сестры, но въ послѣднее время все рѣже и рѣже представ-

лялось случаевъ для этихъ услугъ, и Лауру больше никогда не приглашали занимать толпу еженедѣльныхъ мужскихъ гостей. Селина какъ бы признала, что природа создала Лауру скорѣе на утѣху старымъ женщинамъ, нежели молодымъ мужчинамъ. Лаура же чувствовала, что мѣшаетъ вольнымъ разговорамъ и анекдотамъ, занимавшимъ общество сестры; анекдоты были по большей части такъ секретны, что совсѣмъ не могли разсказываться въ ея присутствіи. Но бывали и исключенія: когда Селина ожидала къ себѣ американцевъ, она просила сестру остаться дома, не столько потому, чтобы ихъ разговоръ былъ пріятенъ Лаурѣ, сколько потому, что имъ пріятенъ былъ разговоръ Лауры.

Разъ въ воскресенье, въ половинѣ мая, Лаура Уингъ приготовилась идти повидаться съ лэди Давенантъ, которая уѣзжала на святой изъ Лондона на довольно продолжительное время, но теперь вернулась. Погода была прекрасная; Лаура съ самаго начала отвоевала себѣ право гулять по лондонскимъ улицамъ безъ провожатыхъ (еслибъ она была бѣдной дѣвушкой, ей не пришлось бы отвоевывать это право; оно принадлежало бы ей безспорно и тяжелымъ бременемъ легло бы на ея плечи), и она радовалась прогулкѣ по парку, гдѣ свѣжая трава была очень красива.

Но за минуту передъ тѣмъ какъ она собиралась уйти, сестра прислала просить ее сойти въ гостиную. Слуга передалъ ей записочку, нацарапанную карандашомъ: „Господинъ изъ Нью-Іорка пріѣхалъ... Это—м-ръ Уэндоверъ, который привезъ мнѣ намедни рекомендательное письмо отъ Скулингсовъ. Онъ снотворенъ... Приходи непремѣнно занимать его. Уведи его съ собой, если можно“.

Характеристика была незаманчива, но Селинѣ стоило только попросить о чемъ-нибудь сестру, и та немедленно исполняла ея просьбу: ей казалось, что она обязана это дѣлать. Она сошла внизъ въ гостиную и увидѣла, что тамъ пять человѣкъ гостей, въ томъ числѣ и лэди Рингрозъ. Лэди Рингрозъ была всегда и вездѣ мимолетнымъ явленіемъ; она назвала сама себя Лаурѣ во время посѣщенія Меллоу „птичкой на вѣткѣ“. Она не имѣла обыкновенія принимать по воскресеньямъ и была одна изъ немногихъ особъ своего пола, которыя не могли помѣшать веселью на Гросвеноръ-Плэсѣ въ вышеописанныя сборища. Изъ троихъ джентльменовъ двое были знакомы Лаурѣ; по крайней мѣрѣ она могла бы сообщить вамъ, что высокій, съ рыжими волосами, служилъ въ гвардіи, а другой—въ стрѣлкахъ; послѣдній походилъ на розоваго младенца, которому пристало бы играть въ дѣтской съ Джорди и Ферди; его общественное прозвище и было: „bébé“.

Поклонники Селины были всѣхъ возрастовъ: отъ младенцевъ до восьмидесятилѣтнихъ старцевъ.

Она представила третьяго гостя сестрѣ: высокаго, бѣлокураго, худощаваго молодого человѣка, который какъ будто ошибся немножко въ выборѣ своего узкаго сюртука, заказавъ его небесно-голубого цвѣта. Но это только усиливало общую невинность его наружности, и если онъ былъ снотворенъ, по выраженію Селины, то усыпленіе должно было быть здоровое. Бывали моменты, когда сердце Лауры рвалось къ соотечественникамъ, и теперь, хотя она была озабочена и немного разочарована оттого, что ее задержали дома,—попыталась, тѣмъ не менѣе, благосклонно отнестись къ м-ру Уэндоверу, котораго, какъ ей казалось, сестра унизила передъ другими гостями. Ей думалось по крайней мѣрѣ, что по наружности онъ не уступалъ остальнымъ. „Бебé“, котораго, какъ она помнила, ей отрекомендовали въ качествѣ опаснаго ловеласа, разговаривалъ съ лэди Рингрозъ, а гвардеецъ—съ м-съ Беррингтонъ; поэтому она постаралась какъ только могла занять американскаго гостя; по его манерѣ держать себя видно было, что онъ пріѣхалъ съ рекомендательнымъ письмомъ и старался не уронить тѣхъ, кто его имъ ссудилъ.

Лаура почти совсѣмъ не знала этихъ людей,—американскихъ знакомыхъ сестры, которые провели одинъ веселый сезонъ въ Лондонѣ и вернулись снова еще до ея пріѣзда къ сестрѣ. Но м-ръ Уэндоверъ сообщилъ ей всевозможныя свѣденія о нихъ. Онъ распространялся, поправлялъ прежнія свои показанія, разсуждалъ о нихъ пространно и всесторонне. Онъ какъ будто боялся разстаться съ ними, не надѣясь найти болѣе удачный сюжетъ для разговора, и проводилъ тонкую параллель между миссъ Фанни и миссъ Кэти. Селина говорила потомъ сестрѣ —она слышала ихъ разговоръ, — что онъ разсуждалъ о нихъ такъ, точно онъ былъ ихъ нянькой, при чемъ Лаура съ нелѣпой пылкостью вступилась за молодого человѣка. Она напомнила сестрѣ, что въ Лондонѣ всѣ всегда говорятъ: лэди Мэри, лэди Сусанна; почему же и американцамъ не употреблять собственныхъ именъ съ смиреннымъ титуломъ миссъ. Было время, когда м-съ Беррингтонъ была очень довольна, когда ее звали „миссъ Лина“, хотя она и старшая сестра, и Лаурѣ пріятно думать, что есть старые друзья ихъ семейства, для которыхъ она всегда будетъ—хотя бы прожила шестьдесятъ лѣтъ старой дѣвой —миссъ Лаура. Это ничѣмъ не хуже донны Анны или донны Эльвиры; англичане никогда и никого не зовутъ по-человѣчески изъ боязни уподобиться прислугѣ.

ръ Уэндоверъ былъ очень внимателенъ, также какъ и ›рчивъ; какъ бы ни смотрѣли на Гросвеноръ-Плэсѣ на его , но самъ онъ очевидно относился къ нему очень серьезно; го, тѣмъ не менѣе, очень часто устремлялись на про-ложный конецъ комнаты, и Лаура чувствовала, что хотя сто видѣлъ и прежде такихъ особъ, какъ она сама (хотя онъ не выражалъ этого особенно рѣзко), но никогда не ѣлъ никого похожаго на лэди Рингрозъ. Взглядъ его часто ливался и на м-съ Беррингтонъ, которая, надо отдать ей дливость, ничѣмъ не выказывала, что желала бы, чтобы увела его вонъ изъ дому. Улыбка ея была особенно при- по воскресеньямъ, и онъ могъ наслаждаться ею какъ льной декораціей комнаты. Нельзя было еще сказать, ин-ѣ или нѣтъ самъ молодой человѣкъ, но что онъ уже за-сованъ, это было видно, и Лаура услышала позднѣе отъ что ей особенно несносна въ немъ утомительная наблю-ость. Онъ, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ людей, которые за-ъ малѣйшіе пустяки,—пустяки, которыхъ она никогда не и не слышала,—въ газетахъ или въ обществѣ, и навѣрное ся къ ней (ужасная перспектива!) съ просьбой объяснять же защищать ихъ. Она пріѣхала сюда не затѣмъ, чтобы ть Англію американцамъ, тѣмъ болѣе, что первые годы ства были отравлены ей необходимостью объяснять англи- Америку. Что касается защиты Англіи передъ соотече-ками, то она бы охотнѣе защитила послѣднюю отъ нихъ: шкомъ, слишкомъ много, черезъ-чуръ много набирается ліи.

да м-ръ Уэндоверъ и Лаура покончили, наконецъ, съ Сву-и, онъ конфиденціально сообщилъ ей, что пріѣхалъ за-тобы познакомиться съ Лондономъ какъ слѣдуетъ; у него емя для этого нынѣшній годъ; онъ не знаетъ, повторится и когда именно, а потому рѣшилъ какъ можно лучше зоваться четырьмя съ половиной мѣсяцами своего отпуска. ого слышалъ про Лондонъ; въ наше время такъ много о ворятъ; человѣку почти обязательно знать его. Лаура а, что м-ръ Уэндоверъ самъ очень походилъ на англи- но онъ желалъ познакомиться со всѣмъ, что есть въ ѣ оригинальнаго, и, понизивъ голосъ, спросилъ: не очень ли льна, между прочимъ, лэди Рингрозъ? онъ часто слышалъ е и замѣтилъ, что очень интересно поглядѣть на нее. онъ говорилъ про перваго министра или поэта-лауреата, могъ бы выражаться иначе. Лаура не знала, что именно

онъ слышалъ про лэди Рингрозъ; она сомнѣвалась, чтобы это было нѣчто въ родѣ того, чтд говорилъ про нее зять; въ такомъ случаѣ м-ръ Уэндоверъ совсѣмъ бы не упомянулъ про нее.

Лаура нашла, что ея новый знакомый болѣе философски относится къ своимъ впечатлѣніямъ и разбираетъ ихъ, чѣмъ кто-либо изъ соотечественниковъ, которыхъ она встрѣчала до сихъ поръ въ домѣ сестры.

М-съ Беррингтонъ объявила, наконецъ, сестрѣ, чтобы она не церемонилась, если ей нужно идти, и дѣвушка, простившись со всѣми, особенно любезно поклонилась м-ру Уэндоверу и выразила, какъ это всегда дѣлаетъ въ подобномъ случаѣ американская дѣвушка, надежду снова увидѣться съ нимъ. Селина пригласила его пріѣхать отобѣдать дня черезъ три, чтд было равнозначаще приглашенію удалиться въ настоящую минуту. М-ръ Уэндоверъ это такъ и принялъ, и, поблагодаривъ за приглашеніе, ушелъ вмѣстѣ съ Лаурой. На улицѣ она спросила его, куда онъ идетъ. Онъ былъ слишкомъ мягокъ, но нравился ей; онъ не принадлежалъ, повидимому, къ фатамъ и болтунамъ, и она отдыхала въ его обществѣ отъ послѣднихъ. Она надѣялась, что онъ попроситъ позволенія идти вмѣстѣ съ нею. Это было бы въ духѣ американцевъ и напомнило бы ей старыя времена; ей хотѣлось бы, чтобы онъ велъ себя какъ американецъ.. М-ръ Уэндоверъ не разочаровалъ ее и сказалъ:—Позвольте мнѣ идти туда, куда и вы идете?—и, обойдя кругомъ, занялъ мѣсто между нею и тумбами.

Она никогда не гуляла въ Америкѣ съ молодыми людьми (она выросла въ новой школѣ съ гувернантками и подъ запрещеніемъ ходить по извѣстнымъ улицамъ), но часто дѣлала это въ Англіи, въ деревнѣ. Но когда она въ концѣ Гросвеноръ-Плэса предложила спутнику пойти въ паркъ, то ей въ лицо повѣяло воздухомъ родной страны. Только американка могла находить пріятнымъ общество м-ра Уэндовера; ея торжественная серьезность веселила его, тогда какъ спеціальное оживленіе, царствовавшее между гостями сестры, нагоняло скуку. Ей всего пріятнѣе было въ обращеніи м-ра Уэндовера его крайняя порядочность. Онъ спросилъ ее, когда они прошли нѣсколько шаговъ: не нарушилъ ли онъ англійскіе обычаи, предложивъ ей свое общество, имѣетъ ли право джентльменъ въ Англіи гулять съ молодой особой?

— Какое мнѣ дѣло до того, въ обычаѣ это у англичанъ или нѣтъ? вѣдь я не англичанка,—отвѣтила Лаура Уингъ.

Послѣ того ея спутникъ объяснилъ, что онъ желалъ только общаго указанія—что съ нею (она такъ добра) онъ не считаетъ,

что позволилъ себѣ вольность. Дѣло было просто, но онъ пространно и обстоятельно продолжалъ разъяснять его.

Лаура перебила его; она сказала, что ей все равно, и онъ почти разсердилъ ее, назвавъ доброй. Она была добра, но ей было непріятно, что это такъ скоро замѣчается. И онъ еще сильнѣе досадилъ ей, когда сталъ разспрашивать, живетъ ли она по-американски и не вынуждена ли покоряться во многомъ англійскимъ обычаямъ. Она устала отъ вѣчныхъ сравненій между Англіей и Америкой, потому что не только слышала ихъ отъ другихъ, но сама постоянно ихъ дѣлала.

М-ръ Уэндоверъ спросилъ ее: нравится ли ей англійское общество и выше ли оно американскаго, а также, очень ли высокъ тонъ въ Лондонѣ. Она нашла его вопросъ „академическимъ" —выраженіе, которое читала въ „Times" въ примѣненіи къ нѣкоторымъ парламентскимъ рѣчамъ. Въ то время, какъ онъ наклонился надъ ней своей длинной, худой особой (она еще не видывала человѣка, матеріальное присутствіе котораго было бы такъ незамѣтно, такъ неотяготительно), онъ показался ей такимъ невиннымъ, что, конечно, не могъ и подозрѣвать о томъ горькомъ опытѣ, какой она пріобрѣла въ жизни. Они говорили о двухъ совсѣмъ разныхъ вещахъ: англійское общество, о которомъ онъ ее разспрашивалъ, и то, которое ей довелось узнать, было нѣчто такое, о чемъ онъ и понятія не имѣлъ. Если она выскажетъ ему свое мнѣніе о немъ, то онъ ровно ничего отъ того не выиграетъ, но она выскажетъ его, хотя бы только затѣмъ, чтобы облегчить душу. Она уже раньше, встрѣчаясь съ другими людьми, думала, какъ пріятно было бы высказать кому-нибудь свои чувства, все равно, поймутъ ее или не поймутъ.

„Я бы хотѣла избавиться отъ этого общества, уйти изъ того кружка, гдѣ я живу, куда я попала черезъ сестру, отъ тѣхъ людей, которыхъ вы сегодня видѣли. Въ Лондонѣ есть тысячи людей, которые на нихъ непохожи и гораздо ихъ лучше; но я ихъ не вижу и не знаю, какъ къ нимъ попасть; но, въ сущности, вѣдь вы не можете помочь мнѣ, такъ зачѣмъ же я съ вамъ говорю объ этомъ!"...—вотъ сущность того, что̀ она могла бы ему сказать.

М-ръ Уэндоверъ разспрашивалъ ее про Селину тономъ человѣка, который бы считалъ м-съ Беррингтонъ весьма важной персоной, и это уже само по себѣ раздражало Лауру Уингъ. Важная персона! скажите пожалуйста! Она могла держать языкъ за зубами на ея счетъ, но не превозносить ее до небесъ. Хотя молодой человѣкъ изъ приличія и не называлъ Селину „профессіональной

красавицей", однако Лаура видѣла, что таково его мнѣніе о ней, и догадывалась, что такъ какъ этотъ продуктъ еще не появился въ Америкѣ, то желаніе познакомиться съ нимъ, послѣ того какъ много читалъ о немъ, было однимъ изъ мотивовъ паломничества м-ра Уэндовера. М-съ Скулингсъ, которая была, должно быть, дура, разсказала ему, что м-съ Беррингтонъ, хотя и пересажена на иную почву, но развилась пышнымъ, роскошнымъ цвѣткомъ въ англійскомъ обществѣ, и такъ же добродѣтельна, какъ и прекрасна. Между тѣмъ Лаура знала, какого мнѣнія была Селина о Фанни Скулингсъ и объ ея неизлечимомъ провинціализмѣ.

— Скажите, вѣрный ли это образчикъ лондонской бесѣды... тотъ разговоръ, который я слышалъ у вашей сестры (я слышалъ его только урывками, но разговоръ былъ болѣе общій до вашего прихода) въ гостиной. Я не говорю про литературную, интеллигентную бесѣду... я полагаю, что для этого есть особыя гостиныя; я хочу сказать... я хочу сказать...

М-ръ Уэндоверъ такъ долго искалъ выраженія, что далъ случай своей спутницѣ себя перебить. Они подошли къ двери лэди Давенантъ, и она коротко обрѣзала его разсужденія. Ей пришла тутъ же одна фантазія въ голову.

— Если вы желаете слышать лондонскую бесѣду, то вотъ домъ, гдѣ вы можете услышать много интереснаго, — сказала она.—Хотите войти со мной вмѣстѣ?

— О! вы очень добры... я буду въ восторгѣ, — отвѣчалъ м-ръ Уэндоверъ, перещеголявъ ее въ готовности на все фантастическое.

Они остановились у подъѣзда, и молодой человѣкъ, предупреждая свою спутницу, приподнялъ молотокъ и ударилъ имъ, какъ это принято почтальонами. Она засмѣялась надъ нимъ, а онъ удивился: мысль, что она захватила его съ собой, казалась ей теперь довольно забавной. Ихъ знакомство съ этой минуты шибко подвинулось впередъ. Она объяснила ему, кто такая лэди Давенантъ, и что если онъ ищетъ оригинальныхъ людей, то было бы жаль, еслибы онъ съ ней не познакомился. Затѣмъ прибавила, предупреждая его вопросъ:

— То̀, что̀ я дѣлаю теперь, совсѣмъ не въ обычаѣ. Нѣтъ, здѣсь не принято, чтобы молодыя особы приводили въ гости къ своимъ знакомымъ джентльменовъ, которыхъ видятъ въ первый разъ.

— Такъ что лэди Давенантъ сочтетъ это необыкновеннымъ?— поспѣшно спросилъ м-ръ Уэндоверъ, не потому, чтобы мысль эта пугала его, но изъ любопытства. Онъ очень охотно и съ полной безмятежностью принялъ предложеніе Лауры.

— О! совсѣмъ необыкновеннымъ!—подтвердила Лаура.

Какъ бы то ни было, а старая лэди съумѣла скрыть свое удивленіе, если даже и испытала его, и встрѣтила м-ра Уэндовера такъ, какъ еслибы онъ былъ однимъ изъ ея короткихъ знакомыхъ. Она отнеслась къ его приходу какъ къ самой обыкновенной вещи, не разспрашивала, когда онъ пріѣхалъ, когда думаетъ уѣхать, въ какой гостинницѣ остановился, и что привлекло его въ Англію. Онъ замѣтилъ, какъ послѣ сознался Лаурѣ, отсутствіе этихъ разспросовъ, но не обидѣлся этимъ, а только отмѣтилъ какъ характерную разницу въ американскихъ и англійскихъ манерахъ: въ Нью-Іоркѣ люди прежде всего освѣдомляются у прибывшаго иностранца, съ какимъ пароходомъ онъ прибылъ и въ какой гостинницѣ остановился. М-ру Уэндоверу, очевидно, лэди Давенантъ показалась очень древней старухой, хотя впослѣдствіи онъ признавался своей спутницѣ, что нашелъ ее нѣсколько легкомысленной для своихъ лѣтъ.

— О! да,—отвѣчала дѣвушка:—я не сомнѣваюсь, вы могли найти, что она слишкомъ много говоритъ для старухи. Въ Америкѣ старухи сидятъ молча и слушаютъ молодыхъ.

М-ръ Уэндоверъ немного удивился и замѣтилъ, что никакъ невозможно угадать, чью сторону она беретъ: американцевъ или англичанъ; иногда кажется, что однихъ, а порою—другихъ.

— Во всякомъ случаѣ,—прибавилъ онъ, улыбаясь,—что касается возраста, то внѣ всякаго сомнѣнія, что она на сторонѣ старыхъ людей.

— Конечно,—отвѣчала она:—когда они стары и не молодятся.

Веселая гостиная лэди Давенантъ была полна сувенирами; главнымъ образомъ коллекціей портретовъ замѣчательныхъ людей, большею частью прекрасныхъ старинныхъ гравюръ съ собственноручными подписями, а это въ свою очередь представляло собраніе драгоцѣнныхъ автографовъ.

— О! это кладбище, — сказала она, когда молодой человѣкъ разспрашивалъ ее про нѣкоторыя изъ этихъ гравюръ:—все это мои современники; они умерли, и это ихъ могильныя плиты съ надписями. Я—кладбищенскій сторожъ и старалась содержать кладбище въ порядкѣ. Я вырыла и свою могилу,—обратилась она къ Лаурѣ,—и когда умру, вы должны будете положить меня въ нее.

Это замѣчаніе побудило м-ра Уэндовера спросить у нея, знавала ли она Чарльза Ламба?

При этомъ вопросѣ она уставила на него глаза и отвѣчала:

— Боже мой, вовсе нѣтъ... какъ могла я его знать!

— О! я хотѣлъ сказать про лорда Байрона,—поправился м-ръ Уэндоверъ.

— О! Боже мой, да; я была влюблена въ него. Но онъ, къ счастію, не обращалъ на меня вниманія... насъ было такъ много. Онъ былъ очень хорошъ собой, но очень вульгаренъ.

Лэди Давенантъ разговаривала съ Лаурой такъ, какъ еслибы м-ра Уэндовера при этомъ не было или какъ будто его интересы и знанія были тождественны съ ея. Прежде чѣмъ уйти, молодой человѣкъ спросилъ лэди Давенантъ, знавала ли она Гаррика, на что та отвѣчала:

— О! Боже мой, нѣтъ! мы вовсе не приглашали его къ себѣ въ домъ.

— Да онъ, должно быть, умеръ задолго прежде, нежели вы родились!—вскричала Лаура.

— Да, конечно; но я слыхала про него.

— Ахъ, я хотѣлъ спросить про Эдмонда Кина,—поправился м-ръ Уэндоверъ.

— Вы дѣлаете маленькіе промахи въ одно или два столѣтія,—замѣтила Лаура Уингъ, смѣясь.—Ей казалось теперь, что она давно уже знакома съ м-ромъ Уэндоверомъ.

— О! онъ былъ очень уменъ!—сказала лэди Давенантъ.

— Обладая магнетизмомъ?—продолжалъ м-ръ Уэндоверъ.

— Что̀ вы хотите сказать? Онъ просто напивался пьянымъ.

— Быть можетъ, вы не употребляете этого выраженія въ Англіи?—освѣдомился спутникъ Лауры.

— О! вѣроятно употребляемъ, если оно американское; мы теперь говоримъ по-американски. Вы, кажется, хорошіе люди, но на какомъ невозможномъ жаргонѣ вы говорите!

— Мнѣ нравится вашъ разговоръ, лэди Давенантъ,—сказалъ м-ръ Уэндоверъ, улыбаясь благосклонно.

— Благодарствуйте!—почти закричала старуха, затѣмъ прибавила:—а теперь прощайте!

Они простились съ нею, но она удержала Лауру за руку, а молодому человѣку рѣшительно указала на дверь.

— Ну, этотъ годится?—спросила она Лауру, когда м-ръ Уэндоверъ прошелъ въ переднюю.

— Куда годится?

— Въ мужья, конечно.

— Въ мужья... кому?

— Мнѣ...—сказала лэди Давенантъ.

— Не знаю... Я думаю, что онъ вамъ бы надоѣлъ.

— О! развѣ онъ скучный?—продолжала разспрашивать старуха, улыбаясь и глядя на молодую дѣвушку.

— Я думаю, что онъ добръ,—сказала Лаура.

— Если такъ, то онъ годится.

— Да, можетъ быть, вы ему не годитесь!—улыбнулась, въ свою очередь, Лаура и вышла изъ комнаты.

VIII.

Она была серьезнаго нрава отъ природы и не старалась изучить науку быть веселой. Будь ея обстоятельства иныя, она могла бы, можетъ быть, стремиться къ веселью, но она жила въ веселомъ домѣ („избави Богъ отъ такого веселья!" говаривала она), а потому уклонялась отъ веселостей. Развлеченія, которыхъ она искала, были серьезнаго характера, и она всего больше любила такія, которыя шли въ разрѣзъ съ интересами и занятіями Селины и Ліонеля. Она пыталась образовывать свой умъ, а однимъ изъ средствъ такого образованія былъ осмотръ достопримѣчательностей, древностей, монументовъ Лондона. Она любила Аббатство и Британскій Музей, и составила планъ осмотрѣть всѣ старинныя церкви въ Сити и посѣтить всѣ мѣста, освященныя романами Диккенса. Слѣдуетъ, однако, прибавить, что хотя намѣренія ея были грандіозны, но выполненіе пока ничтожно. Она ждала удобныхъ случаевъ; домашнимъ и знакомымъ некогда было ходить съ нею, такъ что приходилось ждать наѣзда любознательныхъ соотечественниковъ.

Въ тотъ день, какъ м-ръ Уэндоверъ обѣдалъ на Гросвеноръ-Плэсѣ, они разговаривали о соборѣ св. Павла, и онъ высказалъ желаніе осмотрѣть его, чтобы, какъ онъ выразился, получить нѣкоторую идею о великомъ прошломъ Англіи, также какъ и о настоящемъ. Они условились отправиться вмѣстѣ въ соборъ св. Павла на этой же недѣлѣ. Лаура, говоря объ этомъ, невольно понизила голосъ. Она теперь еще болѣе убѣдилась, что м-ръ Уэндоверъ хорошій молодой человѣкъ... у него такіе честные глаза. Его главнымъ недостаткомъ было то, что онъ относился ко всѣмъ вопросамъ одинаково серьезно; но, быть можетъ, было бы еще хуже, еслибы онъ относился къ нимъ одинаково легкомысленно. Если кто-нибудь заинтересуется имъ, то можетъ надѣяться научить его отличать болѣе серьезное отъ менѣе серьезнаго.

Лаура сначала ничего не сказала сестрѣ объ условіи, заключенномъ ею съ нимъ; чувства, съ какими она относилась къ

Селинѣ, были не такого рода, чтобы ей легко было разсуждать съ ней о томъ, чтò прилично и чтò нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она положительно ненавидѣла скрывать что-либо (Селина достаточно старалась за двухъ), а потому намѣревалась упомянуть о своемъ намѣреніи пойти осмотрѣть соборъ св. Павла въ обществѣ м-ра Уэндовера за завтракомъ. Но случилось какъ нарочно, что м-съ Беррингтонъ не была дома, и Лаура завтракала въ обществѣ миссъ Стэтъ и племянниковъ. Теперь часто случалось, что сестры не видались поутру, потому что Селина не сходила внизъ до полудня, а Лаура больше не приходила къ ней въ комнату. Селина взяла привычку присылать изъ этого святилища маленькія гіероглифическія записки, въ которыхъ выражала свои желанія или давала инструкціи на текущій день. Въ то утро, о которомъ я говорю, горничная подала Лаурѣ записку, въ которой стояло слѣдующее:

„Пожалуйста замѣни меня за завтракомъ и займи дѣтей. Я хотѣла посвятить имъ этотъ часъ сегодня. Но сейчасъ получила отчаянную записку отъ лэди Уотермутъ. Ей хуже, и она умоляетъ меня пріѣхать къ ней, такъ что я уѣзжаю съ поѣздомъ 12 ч. 30 м.“

Эти строки не требовали отвѣта, и Лаурѣ не стоило разспрашивать про лэди Уотермутъ. Она знала, что эта лэди очень больна, очень скучаетъ, лишена всякихъ развлеченій, не можетъ выѣзжать и приглашаетъ знакомыхъ къ себѣ въ домъ, который наняла на три мѣсяца въ Уэйбриджѣ (ради прекраснаго воздуха), и гдѣ Селина уже посѣтила ее. Лаура замѣтила, что сестра проявляла относительно чужихъ людей внезапные порывы состраданія и говорила себѣ: „Не потому ли, что она дурно ведетъ себя? не хочетъ ли она загладить свои вины?“

М-ръ Уэндоверъ пришелъ за своимъ *cicerone*, и они рѣшили отправиться самымъ романическимъ образомъ: дойти пѣшкомъ до станціи Викторіи и тамъ сѣсть на таинственную подземную желѣзную дорогу. Въ вагонѣ она опередила вопросъ, который—она воображала—онъ ей непремѣнно сдѣлаетъ, и, смѣясь, сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ! это уже совсѣмъ необыкновенно; еслибы мы бы были англичане, то мы бы этого не сдѣлали.

— А еслибы кто-нибудь одинъ изъ насъ былъ англичанинъ?

— Это зависитъ отъ того, кто именно.

— Ну, я, напримѣръ.

— О! въ такомъ случаѣ я, конечно... при такомъ поверхностномъ знакомствѣ... не рѣшилась бы отправиться съ вами.

— Когда такъ, то я радъ, что я американецъ,—отвѣтилъ м-ръ Уэндоверъ, сидя напротивъ нея.

— Да, вы можете благодарить судьбу, это гораздо проще,— прибавила Лаура.

— О! вы испортили мое удовольствіе!—вскричалъ молодой человѣкъ—замѣчаніе, на которое она не обратила вниманія, но подумала только, что онъ веселѣе, чѣмъ бываетъ у нихъ дома. Онъ сталъ еще веселѣе дорогою, оставаясь неизмѣнно приличнымъ, что̀ дѣлало ему тѣмъ болѣе чести, что соборъ св. Павла въ извѣстной мѣрѣ обманулъ его ожиданія. Они рѣшили вознаградить себя за это разочарованіе, осмотрѣвъ что-нибудь болѣе интересное. Они сѣли въ извозчичью карету (имъ волей-неволей пришлось это сдѣлать, потому что они дошли пѣшкомъ изъ Темпля въ соборъ св. Павла) и поѣхали въ Линкольнъ-Иннъ-Фильдсъ, при чемъ Лаура подумала, какъ весело кататься по Лондону подъ чьимъ-нибудь покровительствомъ: испытываешь такое пріятное ощущеніе свободы пополамъ съ чувствомъ безопасности; можетъ быть, она была несправедлива и невеликодушна относительно сестры. Доброе, положительно милосердное сомнѣніе поселилось у нея въ умѣ,—сомнѣніе, говорившее въ пользу Селины. Вѣдь ей особенно нравился въ ея настоящемъ положеніи —элементъ *imprévu*, и быть можетъ, ради того только, чтобы избавиться отъ чисто свѣтскихъ лондонскихъ стѣсненій. Селина вздумала съѣздить въ Парижъ и осмотрѣть его вмѣстѣ съ капитаномъ Криспиномъ. Можетъ быть, они ничего не дѣлали хуже того, что осматривали Notre-Dame, Hôtel des Invalides; и еслибы кто-нибудь изъ лондонскихъ знакомыхъ встрѣтилъ теперь ее, Лауру, вмѣстѣ съ м-ромъ Уэндоверомъ, то... Лаура мысленно не докончила своей сентенціи, потому что вспомнила въ сотый разъ, что не вѣритъ тому, что Селина *встрѣтила* капитана Криспина. Но она во всякомъ случаѣ не стала бы отрицать, что провела все утро съ м-ромъ Уэндоверомъ,—она просто сказала бы, что онъ американецъ и привезъ съ собой рекомендательное письмо.

Извозчичья карета остановилась у одного музея, который Лаурѣ Уингъ давно уже хотѣлось осмотрѣть, такъ какъ одинъ изъ соотечественниковъ говорилъ ей, что это любопытнѣйшая и наименѣе извѣстная вещь въ Лондонѣ. Въ то время, какъ м-ръ Уэндоверъ расплачивался съ извозчикомъ, она взглянула на небо и увидѣла большую тучу, надвигавшуюся на нихъ, вѣрнаго предвѣстника лѣтней грозы.

— Сейчасъ будетъ гроза; удержите лучше извозчика,—сказала она, послѣ чего ея спутникъ велѣлъ извозчику подождать.

Они пробыли около получаса въ музеѣ, осматривая саркофаги и пагоды, безъискусственныя географическія карты и медали и любуясь прекрасными гравюрами Гоггарта, когда мало-по-малу очень стемнѣло и страшный ударъ грома возвѣстилъ, что гроза разразилась. Они наблюдали за нею изъ оконъ верхняго этажа; то была настоящая іюльская гроза съ ливнемъ и частыми молніями. Но они очень спокойно дожидались ея конца. Одинъ изъ сторожей музея сказалъ имъ, что есть много интереснаго для осмотра въ подвальномъ этажѣ. Они пошли туда—стало еще темнѣе, и они услышали новый громовый раскатъ—и вошли въ часть зданія, которая представилась Лаурѣ въ видѣ ряда темныхъ неправильныхъ пещеръ со сводами, корридорами и узкими переходами, заставленными диковинными статуями и изображеніями.

— Какъ здѣсь страшно!.. точно пещера съ идолами,—сказала она своему спутнику. И затѣмъ прибавила:—вотъ поглядите тамъ... что это—живой человѣкъ или статуя?

Въ то время какъ она это говорила, они подошли къ предмету, привлекшему ихъ вниманіе—фигурѣ, стоявшей посреди небольшой группы разныхъ курьезовъ, фигурѣ, которая отвѣтила на вопросъ Лауры тѣмъ, что вскрикнула при ея приближеніи. Непосредственной причиной крика была, повидимому, яркая молнія, озарившая комнату и освѣтившая разомъ лицо Лауры и таинственной особы. Наша молодая дѣвушка узнала сестру, какъ и м-съ Беррингтонъ, очевидно, узнала ее.

— Какъ, Селина?—сорвалось у нея съ губъ, прежде нежели она успѣла спохватиться.

Въ ту же минуту фигура быстро обернулась, и тогда Лаура увидѣла, что ее сопровождаетъ другая фигура высокаго джентльмена съ бѣлокурой бородой, сверкавшей въ полумракѣ. Обѣ фигуры отошли, скрылись изъ виду, точно растаяли во мракѣ или въ лабиринтѣ, который образовали выставленныя вещи. Вся встрѣча была дѣломъ одного мгновенія.

— Что, это м-съ Беррингтонъ?—спросилъ съ интересомъ м-ръ Уэндоверъ, въ то время какъ Лаура стояла оглушенная.

— О, нѣтъ, я сначала такъ думала,—догадалась та отвѣтить поспѣшно.

Она узнала джентльмена: у него была красивая, бѣлокурая борода капитана Криспина, и сердце въ ней упало. Она была рада, что спутникъ не могъ видѣть ея лица, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей хотѣлось бѣжать вонъ, на улицу, уйти отсюда, вырваться на свѣжій воздухъ, гдѣ онъ снова увидитъ ея лицо. Лаура была подавлена ужасомъ. „Она опять солгала... опять солгала... опять

солгала!"—вотъ что звучало у нея въ душѣ. Она сдѣлала-было нѣсколько шаговъ въ одну сторону, потомъ въ другую; она боялась какъ бы снова на нихъ не наткнуться. Она замѣтила своему спутнику, что имъ пора уходить, а когда тотъ провелъ ее на лѣстницу, то объявила, что не осмотрѣла и половины вещей въ музеѣ. Она прикинулась, что сильно интересуется ими и медлила уходить, оглядываясь по сторонамъ. Она суетилась тѣмъ сильнѣе, что ее смущала мысль, что онъ замѣтитъ, какъ она суетится, и спрашивала себя: повѣритъ ли онъ, что женщина, которая вскрикнула, не Селина? Если это не Селина, то почему она вскрикнула? а если это Селина, то чтὸ подумаетъ м-ръ Уэндоверъ объ ея поведеніи и объ ихъ странной встрѣчѣ? Да и чтὸ она сама подумаетъ? не удивительно ли, что въ такомъ обширномъ городѣ, какъ Лондонъ, случай свелъ ихъ, когда такъ мало шансовъ имъ было встрѣтиться? Чтὸ за странный выборъ мѣста... для такихъ людей, какъ они! Они тотчасъ же уѣдутъ, въ этомъ-то она была увѣрена, и она дастъ имъ время уѣхать.

М-ръ Уэндоверъ больше не разспрашивалъ, и это было счастіе, хотя самое его молчаніе, повидимому, доказывало, что онъ чувствуетъ себя жертвой мистификаціи. Они снова сошли съ лѣстницы, и къ своему удивленію увидѣли, что кэбъ исчезъ—обстоятельство тѣмъ болѣе удивительное, что извозчику не было заплачено. Дождь все еще шелъ, хотя не такой сильный, и скверъ опустѣлъ; всѣ экипажи разъѣхались, благодаря грозѣ. Привратникъ, замѣтивъ смущеніе нашей четы, объяснилъ, что кэбъ былъ нанятъ другой лэди и джентльменомъ, которые уѣхали всего лишь нѣсколько минутъ тому назадъ, и когда Лаура спросила, какъ рѣшился извозчикъ уѣхать, не получивъ платы, то привратникъ отвѣчалъ, что слышалъ, какъ другая лэди обѣщала ему заплатить эти деньги и дать еще въ придачу порядочную сумму. Привратникъ высказалъ невинную догадку, что извозчикъ наживетъ на этомъ шиллинговъ десять. Но кэбовъ можно достать сколько угодно, а дождь сейчасъ перестанетъ.

— Ну, вотъ это хорошо, — замѣтилъ м-ръ Уэндоверъ, но больше намековъ на ту даму не дѣлалъ никакихъ.

IX.

Дождь пересталъ, пока они тутъ стояли, и кэбы начали показываться. Лаура попросила своего спутника нанять ей кэбъ, въ которомъ она и отправится домой одна: она и безъ того

уже отняла у него слишкомъ много времени. Онъ очень почтительно уговаривалъ ее этого не дѣлать, увѣряя, что у него совѣсть будетъ неспокойна, если онъ не доставитъ ее къ дверямъ ея дома, но она прыгнула въ экипажъ и захлопнула дверцу съ рѣшительнымъ видомъ. Ей хотѣлось уѣхать отъ него, и было бы нестерпимо долго и тяжело ѣхать домой вмѣстѣ съ нимъ. Кэбъ тронулся съ мѣста въ то время, какъ м-ръ Уэндоверъ приподнялъ шляпу, грустно улыбаясь. Сидѣть въ кэбѣ было не особенно пріятно и безъ того, тѣмъ болѣе, что передъ тѣмъ она прошла съ четверть мили и сознавала, что ея поступокъ покажется слишкомъ яснымъ; она жалѣла, что не позволила ему сопровождать себя. Его удивленный, невинный видъ, какъ бы вопрошавшій, въ чемъ дѣло, раздражалъ ее, и, сердясь на то, что онъ уступилъ, она чувствовала, что разсердилась бы еще пуще, еслибы онъ воспротивился. Что касается того, что онъ подумаетъ о Селинѣ, принимая во вниманіе ея репутацію въ Лондонѣ, объ этомъ Лаура не могла судить, такъ какъ не знала, *что* въ городѣ говорятъ про ея сестру, и, само собою разумѣется, ей про нее ничего не говорили. Но какъ могла сама Селина быть такъ неосторожна и разъѣзжать по городу съ человѣкомъ, въ которомъ мужъ заподозрѣвалъ ея любовника? Этого Лаура Уингъ не постигала.

Въ этотъ вечеръ она обѣдала вмѣстѣ съ Ліонелемъ и Селиной въ гостяхъ — комбинація, довольно рѣдко случавшаяся. Ее очень рѣдко приглашали вмѣстѣ съ ними, а Селина почти всегда выѣзжала безъ мужа. Но приличія требовали, однако, отъ нихъ жертвъ, и три или четыре раза въ мѣсяцъ Ліонель съ женой садились въ карету, какъ люди, все еще соблюдавшіе формы и называвшіе другъ друга: „моя душа“.

Сегодня былъ одинъ изъ такихъ случаевъ, и сестра м-съ Беррингтонъ младшей была тоже приглашена. Когда Лаура вернулась домой, то узнала, что Селина все еще не возвращалась и прошла прямо въ свою комнату. Еслибы ея сестра была дома, она бы отправилась къ ней и закричала тотчасъ же, какъ только затворила бы за собой дверь:—остановись, ради Бога, остановись, пока еще не поздно! пока стыдъ, позоръ и скандалъ не обрушились надъ нашими головами и не погубили насъ!

Имъ предстояло ѣхать на обѣдъ и на два бала. Ужасно было думать, что мужъ, жена и сестра ѣдутъ веселиться съ такой ложью, позоромъ и ненавистью въ груди. Горничная Селины пришла ей сказать, что сестра уже сидитъ въ каретѣ и дожидается ее—необыкновенная аккуратность, которая ее удивила,

такъ какъ Селина всегда страшно опаздывала. Лаура сошла съ лѣстницы такъ скоро, какъ только могла, прошла въ открытую дверь, гдѣ слуги сгруппировались съ нелѣпой торжественностью безполезныхъ и праздныхъ паразитовъ, и мимо шпалеръ любопытныхъ зѣвакъ, привлеченныхъ ковромъ, постланнымъ на тротуарѣ, и дожидающейся каретой, гдѣ Селина возсѣдала въ великолѣпномъ бѣломъ нарядѣ. На головѣ у м-съ Беррингтонъ сіяла звѣзда, а на лицѣ гордое терпѣніе, какъ будто бы сестра подвергала ее большимъ испытаніямъ.

Какъ только дѣвушка сѣла съ нею рядомъ, она спросила выѣздного лакея: — м-ръ Беррингтонъ готовъ? — на что лакей отвѣчалъ:

— Нѣтъ, сударыня, нѣтъ еще.

Для Лауры было не новостью то обстоятельство, что если кто опаздывалъ еще чаще Селины, то это Ліонель.

— Если такъ, то пусть возьметъ извозчика. Ступайте! — приказала она.

Лакей сѣлъ на козлы, и карета поѣхала. Много передумала Лаура, представляя себѣ объясненіе съ Селиной; одного только не представляла она себѣ, а именно, что Селина сама аттакуетъ ее.

— Будьте такъ добры сообщить мнѣ: вы выходите замужъ за м-ра Уэндовера? — спросила она.

Выхожу за него замужъ? я видѣла его счетомъ три раза.

— И находите, однако, возможнымъ такъ себя вести съ джентльменомъ, котораго видѣли всего три раза?

— Если ты говоришь про то, что я поѣхала съ нимъ на выставку, то я ничего въ этомъ худого не вижу. Во-первыхъ, ты видишь, кто онъ. Съ нимъ можно ѣхать куда угодно. Затѣмъ онъ доставилъ намъ рекомендательное письмо... мы должны быть съ нимъ любезны. Кромѣ того, ты свалила его на мои руки, какъ только онъ появился... ты просила меня занимать его.

— Я не просила тебя быть неприличной! Еслибы Ліонель узналъ объ этомъ, онъ бы этого не позволилъ тебѣ, пока ты съ нами живешь.

Лаура помолчала съ минуту.

— Я не долго проживу съ вами.

Сестры, сидѣвшія рядомъ, отвернувшись другъ отъ друга, поглядѣли одна на другую, и густой румянецъ залилъ лицо Лауры.

— Я никогда бы не повѣрила, что ты такая дурная, — сказала она. — Ты гадкая женщина!

Она видѣла, что Селина рѣшила не запираться: она понимала, что это невозможно; сестры отлично узнали другъ друга.

Селина глядѣла совсѣмъ торжествующей красавицей и совсѣмъ новое выраженіе появилось у нея на лицѣ при послѣднихъ словахъ Лауры. Это выраженіе, казалось дѣвушкѣ, объясняетъ ей Селину больше, чѣмъ что̀ другое,—и объясняетъ до предѣловъ безнадежнаго отчаянія.

— Совсѣмъ иное дѣло замужняя женщина, особливо когда мужъ у нея негодяй,—продолжала Селина.—Для дѣвушки такое поведеніе гадко... шататься по Лондону съ посторонними мужчинами! Я не обязана объяснять тебѣ... слишкомъ многое пришлось бы сказать. У меня есть свои резоны... своя совѣсть. Наша встрѣча въ этомъ мѣстѣ ужасно дикая вещь—это я знаю такъ же хорошо, какъ и ты,—заключила Селина съ своей удивительной, напускной развязностью,—но не то было неприлично, что ты меня тамъ встрѣтила, а то, что я встрѣтила тебя съ такимъ удивительнымъ конвоемъ. Это просто невѣроятно. Я сдѣлала видъ, что не узнала тебя, чтобы джентльменъ, который былъ со мной, тебя не замѣтилъ, не разглядѣлъ. Онъ спрашивалъ меня, и я отреклась отъ тебя. Можешь поблагодарить меня за то, что я спасла тебя! Тебѣ лучше надѣвать вуаль на будущее время въ такихъ случаяхъ... никто не можетъ поручиться за то, съ кѣмъ встрѣтится. Я столкнулась съ однимъ моимъ знакомымъ у лэди Уотермотъ, и онъ возвратился въ городъ вмѣстѣ со мной. Онъ заговорилъ о старинныхъ гравюрахъ, и я разсказала ему про свою коллекцію; мы поспорили насчетъ рамъ, и онъ присталъ, чтобы мы съѣздили со станціи Ватерлоо въ музей, поглядѣть на образцы.

Лаура сидѣла, отвернувшись къ окну кареты. Онѣ ѣхали вдоль Паркъ-Лэнъ, быстро проносясь мимо другихъ экипажей съ безчисленными вереницами дамъ съ непокрытой и „причесанной“ головой и кавалеровъ въ бѣлыхъ галстухахъ.

— Вотъ какъ! а я считала, что твои рамы такъ прекрасны!—проговорила Лаура.

И затѣмъ прибавила:

— Я полагаю, что твоя поспѣшность спасти меня отъ безчестія въ глазахъ твоего спутника заставила тебя захватить нашъ кэбъ?

— Вашъ кэбъ?

— Твоя деликатность дорого стоила твоему карману!

— Ты хочешь сказать, что разъѣзжала съ нимъ по Лондону *въ кэбѣ*!—закричала Селина.

— Разумѣется, я знаю, что ты не вѣришь ни единому слову изъ того, что̀ говоришь про меня, — продолжала Лаура,—хотя не могу сказать, чтобы отъ этого слова̀ твои были менѣе низки.

Карета выѣхала изъ Паркъ-Лэнъ, и Селина высунула голову изъ окна, чтобы видѣть дорогу.

— А! мы пріѣхали, но съ нами еще два экипажа,—сказала она, вмѣсто всякаго отвѣта.—А! это Коллингвуды.

— Куда ты идешь... куда ты идешь... куда ты идешь?—не выдержала Лаура.

Карета тронулась, чтобы подвезти ихъ къ подъѣзду, и пока лакей слѣзалъ, Селина проговорила:

— Я не прикидываюсь и не думаю, что я добродѣтельнѣе другихъ женщинъ, а ты прикидываешься.

И такъ какъ она сидѣла ближе къ выходу, то быстро вышла изъ кареты и величественно вступила въ открытый подъѣздъ.

X.

— Что̀ ты намѣрена дѣлать? ты согласишься, что я имѣю право спросить тебя объ этомъ?

— Дѣлать? я буду дѣлать то же, что̀ и всегда.

Этотъ разговоръ происходилъ въ комнатѣ м-съ Беррингтонъ, въ ранній утренній часъ послѣ того вечера, о которомъ упоминалось въ предыдущей главѣ.

Лаура вернулась домой раньше сестры съ обѣда. Она не въ состояніи была ѣхать на балъ. М-съ Коллингвудъ, слышавшая ихъ переговоры, протестовала. Она увѣряла, что съ такимъ хорошенькимъ личикомъ грѣшно не ѣхать на балъ.

— Не правда ли, что она сегодня прехорошенькая?—обратилась она къ м-съ Беррингтонъ.—Господи! стоитъ ли быть хорошенькой послѣ того! Что̀ бы она дѣлала, еслибы у нея было *мое* лицо!

— Я думаю, что она капризится,—сказала Селина и ушла съ пріятельницей, предоставивъ Лауру ея капризамъ.

Лаура прождала сестру всю ночь, и по мѣрѣ того, какъ часы пролетали, ее все менѣе и менѣе клонило ко сну. Новый страхъ овладѣлъ ею,—страхъ, что сестра совсѣмъ не вернется, что страшная катастрофа уже разразилась. Это до такой степени волновало Лауру, что она расхаживала по комнатамъ, прислушиваясь ко всякому шуму, пока совсѣмъ не сбилась съ ногъ. Она знала, что это нелѣпо—воображать, что Селина бѣжала въ бальномъ платьѣ; но она говорила себѣ, что вѣдь Селина отлично могла заблаговременно послать другое платье съ горничной (Лаурѣ эта особа казалась очень подозрительной); во всякомъ случаѣ,

спать она не могла, и ей ничего не оставалось другого, какъ ждать. Страхъ ея дошелъ, наконецъ, до такихъ предѣловъ, что она почти обрадовалась, когда услышала стукъ кареты, хотя и предвидѣла, какъ непріятно будетъ сестрѣ, что она ее дожидалась. Онѣ встрѣтились въ сѣняхъ. Лаура пошла ей на встрѣчу, когда услышала, что отворяютъ дверь. Селина остановилась, какъ вкопанная, увидя ее, но ни слова не сказала, вѣроятно стѣсняясь присутствіемъ соннаго лакея. Затѣмъ прошла прямо на лѣстницу, гдѣ снова остановилась, спрашивая, вернулся ли м-ръ Беррингтонъ.

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ лакей.

— Ахъ! — произнесла м-съ Беррингтонъ драматически и пошла по лѣстницѣ.

— Я нарочно дожидалась тебя, мнѣ надо поговорить съ тобой,—замѣтила Лаура, слѣдуя за нею.

— Ахъ!—повторила Селина еще торжественнѣе.

Она пошла быстро впередъ, какъ бы желая скрыться въ своей комнатѣ прежде, нежели сестра ее нагонитъ. Но дѣвушка слѣдовала за нею по пятамъ и вмѣстѣ съ нею вошла въ комнату. Лаура заперла дверь и затѣмъ объявила, что не могла лечь спать, не спросивъ сестру, что̀ она намѣрена дѣлать.

— Поведеніе твое чудовищно!—разразилась Селина.—Что̀ подумаютъ слуги!

„О, слуги, въ *этомъ* домѣ! точно ихъ чѣмъ-нибудь удивишь! точно можно заронить въ ихъ голову что-нибудь такое, чего бы они уже не думали!“

Лаура, однако, не произнесла вслухъ этихъ мыслей, пронесшихся у нея въ головѣ, но только повторила свой вопросъ. М-съ Беррингтонъ, горничная которой, давно уже переставшая чему-нибудь удивляться, ушла спать,—стала раздѣваться и не прежде, какъ снявъ нѣкоторыя украшенія, отвѣтила, по своему обыкновенію, уклончиво и неопредѣленно. На это Лаура замѣтила, что ей слѣдуетъ войти въ ея положеніе и понять, насколько важно для нея, Лауры, знать о томъ, что̀ можетъ случиться, чтобы принять съ своей стороны мѣры и обезпечить свое положеніе. Еслибы что-нибудь случилось, то она желаетъ быть подальше, какъ можно подальше.

Селина вынула брилліанты изъ волосъ и спросила:

— О чемъ ты говоришь... на что̀ намекаешь?

— Да на то же, что, мнѣ кажется, тебѣ ничего больше не осталось, какъ убѣжать съ нимъ... Если ты замышляешь такое безуміе...

Но тутъ Лаура умолкла, потому что на лицѣ Селины появилось совсѣмъ новое выраженіе—то, которое предшествуетъ слезамъ. М-съ Беррингтонъ выпустила изъ рукъ блестящія шпильки, вынутыя изъ косъ, и, бросившись въ кресло, залилась слезами, рыдая безъ памяти, безъ удержу. Лаура не стала, однако, утѣшать ее; она не двинулась съ мѣста и глядѣла на сестру, удивляясь, что̀ бы это означало.

Наконецъ, Селина, среди рыданій, проговорила:—Уйди, уйди... оставь меня.

— Конечно, я сержу тебя, — сказала дѣвушка: — но какъ могу я видѣть, что ты стремишься къ погибели... своей и насъ всѣхъ... и не пытаться удержать тебя?!

— О, ты ничего, ничего не понимаешь!

— Я, разумѣется, не понимаю, какъ можешь ты давать такія отличныя оправданія Ліонелю!

При имени мужа Селина всегда прыгала какъ тигрица, и теперь она вскочила съ кресла, отбрасывая назадъ свои густыя косы.

— Я не даю ему никакихъ оправданій, и ты сама не знаешь, что̀ говоришь! Я знаю, что̀ я дѣлаю и что̀ мнѣ прилично или неприлично. Пусть онъ воспользуется всѣмъ, чѣмъ хочетъ, если только съумѣетъ!

— Ради самого Бога, подумай о дѣтяхъ!

— Развѣ я думаю о чемъ-нибудь другомъ? неужели ты не ложилась спать для того, чтобы обвинять меня въ жестокости? Есть ли на свѣтѣ другія такія кроткія и такія прелестныя дѣти, и развѣ я тутъ не при чемъ?

Селина отерла свои слезы и продолжала:

— Кто сдѣлалъ ихъ такими? скажи пожалуйста! можетъ быть, ихъ милый папенька или, можетъ быть, ты? Разумѣется, ты была съ ними добра, но вспомни, пожалуйста, что ты пріѣхала сюда недавно. Развѣ не для нихъ только я и живу на свѣтѣ!

Это воззваніе показалось Лаурѣ такимъ нелѣпымъ, что она отвѣчала на него только смѣхомъ, выразившимъ то, что̀ она думаетъ.

— Умри для нихъ... это будетъ лучше!

Лаура поглядѣла на нее при этомъ съ холодной серьезностью.

— Не становись между мной и моими дѣтьми! И, ради Бога, перестань меня мучить!

Лаура отвернулась; она говорила себѣ, что когда женщина такъ удивительно глупа, то, разумѣется, ничто не отстранитъ бѣды. Она чувствовала себя несчастной и безпомощной и практически получила ту увѣренность, которой боялась и жаждала.

— Не знаю, что сталось съ твоимъ умомъ!—пробормотала она и пошла къ двери.

Но не успѣла она дойти до нея, Селина бросилась къ ней въ припадкѣ страннаго, но—Лаура чувствовала это—далеко не надежнаго раскаянія. Руки ея цѣплялись за Лауру; она обнимала ее, обливая слезами, которыя снова потекли. Она умоляла сестру спасти ее, остаться съ нею, помочь ей устоять передъ собою, передъ *нимъ*, передъ Ліонелемъ, передъ всѣми, простить ей ужасныя вещи, которыя она говорила.

М-съ Беррингтонъ растаяла, расплылась и наводнила комнату своимъ раскаяніемъ, отчаяніемъ, своими признаніями, обѣщаніями и различными частями своего одѣянія, которыя отлетали отъ нея въ вихрѣ ея волненія. Лаура оставалась съ нею около часа, и прежде, нежели онѣ разстались, преступная женщина обязалась страшной клятвой—стоя на колѣняхъ передъ сестрой и положивъ голову на ея колѣни—никогда больше, пока жива, не видѣться съ капитаномъ Криспиномъ и ни слова не говорить ему, ни письменно, ни устно. Дѣвушка легла спать страшно утомленная.

Мѣсяцъ спустя она завтракала у лэди Давенантъ, съ которой не видѣлась съ того самаго дня, какъ приводила къ ней м-ра Уэндовера. Старуха пригласила къ себѣ въ этотъ день нѣсколько человѣкъ гостей и обратилась къ Лаурѣ за содѣйствіемъ. Лаура должна была помогать ей занимать ихъ. Лэди Давенантъ освободила себя, во вниманіе къ преклоннымъ годамъ, отъ бремени гостепріимства; но время отъ времени приглашала гостей, чтобы доказать, что она не слишкомъ стара. Лаура подозрѣвала, что она нарочно въ такихъ случаяхъ выбирала самыхъ глупыхъ изъ своихъ знакомыхъ, чтобы доказать, что она можетъ вынести не только необыденное,—что гораздо легче,—но и самую банальную пошлость. Но, накормивъ ихъ какъ слѣдуетъ, она поощряла ихъ къ отъѣзду, и въ настоящемъ случаѣ, когда гости стали разъѣзжаться, она только Лауру попросила остаться. Она желала знать, во-первыхъ, почему она такъ давно у нея не была, а во-вторыхъ, какъ ведетъ себя молодой человѣкъ, тотъ, котораго она приводила къ ней въ одно изъ воскресеній. Лэди Давенантъ не помнила его имени, хотя онъ былъ такъ добръ, что послѣ того завезъ свою карточку. Если онъ велъ себя какъ слѣдуетъ, то это объясняетъ отсутствіе Лауры, и ей нечего пріискивать другихъ причинъ. Сама Лаура вела бы себя не какъ слѣдуетъ, еслибы въ такое время бѣгала за старухами.

Не было вообще разговора болѣе несноснаго для молодой

дѣвушки, какъ то, когда о ней толковали какъ о невѣстѣ. Но лэди Давенантъ она прощала это потому, что такая пожилая женщина пользовалась особыми преимуществами.

— Я знаю, что вы почти всѣ воскресенья проводили внѣ города,—сказала Лаура.—А кромѣ того мнѣ приходилось возиться съ сестрой болѣе чѣмъ прежде.

— Болѣе чѣмъ прежде чего?

— Ну, да нашей ссоры насчетъ одного предмета.

— А теперь вы помирились?

— Да; мы можемъ по крайней мѣрѣ разговаривать (прежде не могли... безъ мучительныхъ сценъ), и это расчистило воздухъ. Мы больше прежняго выѣзжали вмѣстѣ,—продолжала Лаура.—Она хотѣла, чтобы я постоянно была съ нею.

— Это очень мило. А куда же она возила васъ?

— О, это скорѣе я возила ее.

И Лаура замялась.

— Что вы хотите сказать? вы возили ее въ церковь?

— Нѣтъ, въ нѣкоторые концерты... и въ національную галерею.

Лэди Давенантъ разсмѣялась непочтительно при этихъ словахъ, а дѣвушка слѣдила за ней съ печальнымъ лицомъ.

— Мое милое дитя, вы восхитительны! Вы стараетесь исправить ее? при помощи Бетховена и Баха, Рубенса и Тиціана?

— Она очень способна къ музыкѣ и живописи... у нея очень дѣльныя мысли.

— И вы стараетесь вызвать ихъ на свѣтъ Божій? Это очень похвально.

— Мнѣ кажется, что вы смѣетесь надо мной, но мнѣ все равно,—объявила дѣвушка съ слабой улыбкой.

— Потому что вы увѣрены въ успѣхѣ?.. какъ это говорятъ... вы стараетесь поднять ея тонъ? и это вамъ удалось?

— О! лэди Давенантъ, я ничего не знаю и ничего не понимаю!—вскричала Лаура.—Я рѣшительно ничего больше не понимаю и бросила стараться объ этомъ.

— Это какъ разъ то, что я вамъ совѣтовала въ прошлую зиму. Помните тотъ день, когда вы приходили въ Плашъ?

— Вы сказали мнѣ: „пусть она гуляетъ“.

— И вы, очевидно, не послушали моего совѣта.

— Какъ могу я... какъ могу я?!

— Разумѣется, какъ вы можете! А она, можетъ быть, и исправится? Но еслибы даже она и не исправилась, то все же

вѣдь остается этотъ порядочный молодой человѣкъ. Надѣюсь, что Селина не мѣшала вамъ пользоваться его обществомъ?

Лаура помолчала съ минуту, затѣмъ сказала:

— Какой порядочный молодой человѣкъ захочетъ глядѣть на меня, если что-нибудь у насъ случится?

— Я бы поглядѣла, какъ бы это онъ не захотѣлъ!—вскричала старуха. — Вѣдь онъ любитъ васъ не ради вашей сестры, полагаю?

— Онъ нисколько меня не любитъ.

— Такъ ли это?

Лэди Давенантъ спросила съ нѣкоторой поспѣшностью, кладя руку на рукавъ дѣвушки. Лаура сидѣла около нея на диванѣ и глядѣла на нее вмѣсто отвѣта съ грустью, которая вновь поразила старуху.

— Но развѣ онъ у васъ не бываетъ? развѣ онъ ничего не говоритъ?—продолжала она разспрашивать съ лаской въ голосѣ.

— Онъ бываетъ у нея... очень часто.

— И вамъ не нравится?

— Нѣтъ, нравится... гораздо больше, чѣмъ сначала.

— Хорошо! если сначала онъ вамъ понравился настолько, что вы привезли его ко мнѣ, то полагаю, что теперь онъ очень нравится вамъ.

— Онъ джентльменъ,—сказала Лаура.

— И мнѣ такъ показалось. Но почему же онъ не объясняется?

— Быть можетъ, потому, что не въ чемъ объясняться,—серьезно прибавила дѣвушка.—Я не знаю, зачѣмъ онъ къ намъ ѣздитъ.

— Онъ влюбленъ въ вашу сестру?

— Иногда мнѣ такъ кажется.

— И она поощряетъ его?

— Она терпѣть его не можетъ.

— О! тогда я его люблю! Я немедленно напишу ему и попрошу его пріѣхать навѣстить меня: я назначу ему часъ и выскажу все то, что̀ думаю.

— Еслибы я повѣрила этому, то убила бы себя, — сказала Лаура.

— Вы можете думать все, что̀ вамъ угодно; я бы желала, чтобы ваши чувства не выражались такъ явственно въ вашихъ глазахъ. Можно подумать, что вы вдова съ пятнадцатью дѣтьми. Когда я была молода, я ухитрялась быть счастливой наперекоръ всему, и всякій сказалъ бы, увидя меня, что я счастлива.

О, да, лэди Давенантъ... ваше положеніе было совсѣмъ
ы были безопасны во многихъ отношеніяхъ. И васъ окру-
ытенные люди.

Не знаю; нѣкоторые изъ нихъ были очень необузданны
ıихъ говорили очень дурно; но я надъ этимъ не плакала.
ıктеры бываютъ различные. Если вы завтра пріѣдете ко
юселитесь у меня, я буду очень рада.

Вы знаете, какъ я вамъ благодарна, но я обѣщала Селинѣ
ıть ее.

Прекрасно! если она васъ не пускаетъ отъ себя, то должна
ней мѣрѣ вести себя какъ слѣдуетъ!—закричала старуха

А Ліонель что̀ дѣлаетъ?—прибавила она, спустя минуту.

Не знаю... онъ очень спокоенъ.

Ему не нравится... что жена исправилась?

ушка встала; повидимому ее смутилъ ироническій эффектъ,
: смыслъ этого вопроса. Ея старая пріятельница была
ıо проницательна, и послѣднее замѣчаніе пронзило Лауру
›.

і Давенантъ поцѣловала ее и вдругъ сказала:—О, кстати,
эсъ; дайте мнѣ его адресъ.

Его адресъ?

Того молодого человѣка, котораго вы сюда приводили.
очемъ не нужно: буфетчикъ навѣрное записалъ... съ его

Лэди Давенантъ, вы не сдѣлаете такого ужаса!—закри-
вушка, хватая ее за руку.

Почему это ужасъ, если онъ такъ часто бываетъ? Глу-
чтобы онъ интересовался Селиной... Замужняя женщина...
ы тутъ!

Почему же глупости, когда столько людей интересуются ею?

О! онъ не такой, какъ всѣ. Я это сразу увидѣла.

Онъ любитъ наблюдать... онъ пріѣхалъ сюда, чтобы со-
вѣденія объ англійской жизни, — сказала дѣвушка. — И
› Селину весьма интереснымъ лондонскимъ образчикомъ.
Несмотря на то, что она его терпѣть не можетъ.

О! онъ этого не знаетъ! — вскричала Лаура.

Какъ же такъ? вѣдь онъ не дуракъ...

О! я увѣрила его, что она ему...

тутъ Лаура умолкла и покраснѣла.

і Давенантъ уставилась на нее.

— Увѣрили его, что она ему симпатизируетъ?! Боже мой, какъ же онъ, значитъ, вамъ нравится!

Это замѣчаніе имѣло слѣдствіемъ быстрый побѣгъ молодой дѣвушки изъ дома ея старой пріятельницы.

XI.

Въ одинъ изъ послѣднихъ іюльскихъ дней м-съ Беррингтонъ показала сестрѣ записку, полученную ею отъ „нашего взаимнаго друга“, какъ она называла м-ра Уэндовера. М-ръ Уэндоверъ просилъ м-съ Беррингтонъ и ея сестру сдѣлать ему честь осчастливить своимъ присутствіемъ ложу въ оперѣ, которую онъ досталъ по случаю пріѣзда большой знаменитости... То былъ первый дебютъ одной молодой американской пѣвицы, о которой молва гласила чудеса. Лаура предоставила Селинѣ рѣшить, должны ли онѣ принять это приглашеніе, и Селина раза два или три мѣняла свое мнѣніе. Сначала она сказала, что будетъ неприлично ѣхать, и написала молодому человѣку отказъ. Затѣмъ, подумавъ, перемѣнила мнѣніе и телеграфировала, что пріѣдетъ. Позднѣе, пожалѣла о своемъ согласіи и сообщила объ этомъ обстоятельствѣ сестрѣ, а та сказала, что еще не поздно перемѣнить его. Селина до слѣдующаго дня оставила ее въ неизвѣстности насчетъ того, взяла она назадъ свое обѣщаніе или нѣтъ; затѣмъ объявила, что она оставила все какъ есть, и онѣ поѣдутъ. На это Лаура отвѣчала, что она рада... за м-ра Уэндовера.

— И за себя самое также, — сказала Селина, предоставивъ дѣвушкѣ удивляться тому, что всѣ (эти всѣ были м-съ Ліонель Беррингтонъ и лэди Давенантъ) задались мыслью, что она питаетъ нѣжную страсть къ соотечественнику. Она ясно сознавала, что этого совсѣмъ нѣтъ, хотя была рада, что обращеніе его еще не показываетъ, чтобы лэди Давенантъ вмѣшалась въ ихъ отношенія, какъ грозила.

Лаура съ удивленіемъ узнала, что Селина отказалась отъ званаго обѣда, чтобы не опоздать въ оперу: она хотѣла прослушать ее съ самаго начала и до конца.

Сестры пообѣдали вдвоемъ, не разспрашивая про Ліонеля, и, выйдя изъ кареты въ Ковентгарденъ, нашли м-ра Уэндовера, дожидавшагося ихъ у подъѣзда. Его ложа оказалась просторной и комфортабельной, и Селина была съ нимъ любезна; она благо-

дарила его за вниманіе и за то, что онъ не набилъ свою ложу биткомъ.

Онъ увѣрилъ ее, что ждетъ еще только одного гостя, джентльмена очень застѣнчиваго и который не займетъ много мѣста. Этотъ джентльменъ появился послѣ перваго акта и былъ представленъ дамамъ какъ м-ръ Букеръ изъ Балтиморы. Онъ зналъ всю подноготную о молодой пѣвицѣ, которую онъ пріѣхалъ слушать, и былъ вовсе не застѣнчивъ, такъ что пытался-было подѣлиться своими знаніями даже въ то время, какъ она пѣла. До окончанія второго акта Лаура увидѣла лэди Рингрозъ въ ложѣ на противоположной сторонѣ театра, въ сопровожденіи дамы ей незнакомой. Кто-то очевидно былъ еще третій въ ложѣ, такъ какъ онѣ оборачивались время отъ времени къ кому-то и разговаривали. Лаура ничего́ не сказала Селинѣ про лэди Рингрозъ, и замѣтила, что сестра ни разу не взглянула въ ея сторону въ бинокль.

Но что м-съ Беррингтонъ отлично ее замѣтила—доказывалось тѣмъ фактомъ, что, по окончаніи второго акта (давали „Гугеноты", Мейербера), внезапно сказала, обращаясь къ м-ру Уэндоверу:

— Надѣюсь, что вы не обидитесь, если я пойду на минутку повидаться съ пріятельницею въ ея ложу.

Она улыбалась, говоря это, съ той кроткой мольбой, которая всегда такъ идетъ къ очень хорошенькой женщинѣ. Но не взглянула на сестру, и послѣдняя удивленно поглядѣла на м-ра Уэндовера. Она увидѣла, что онъ разочарованъ... даже слегка обиженъ: ему стоило большихъ усилій достать ложу, и было очень пріятно присутствіе прославленной красавицы. Лаура не могла представить себѣ, что̀ забрала себѣ въ голову сестра: какъ могла она быть такой невнимательной, такой невѣжливой! Селина пыталась смягчить свое предательство любезной улыбкой и кроткимъ, молящимъ взглядомъ; но она не дала никакого резона для своей выходки, умолчала объ имени пріятельницы, которую ей надо видѣть, и какъ будто не сознавала, что совсѣмъ не принято, чтобы дамы странствовали изъ одной ложи въ другую.

Лаура не разспрашивала ее, но только сказала послѣ нѣкотораго колебанія:

— Ты не пробудешь тамъ слишкомъ долго? ты вѣдь знаешь, какъ это неловко, что ты меня здѣсь оставляешь.

Селина не обратила никакого вниманія на это замѣчаніе и даже не извинилась передъ молодой дѣвушкой; м-ръ Уэндоверъ воскликнулъ, улыбнувшись при послѣднихъ словахъ Лауры:—О, что касается того, что вы останетесь...

Лаура съ удовольствіемъ замѣтила, что, несмотря на то, что ему досадно было, что Селина уходитъ, онъ не позволилъ себѣ ничѣмъ выразить своего неудовольствія и велъ себя какъ джентльменъ, почтительно, любезно подчиняясь желанію дамы.

Онъ только замѣтилъ: не могли ли бы ея друзья придти въ его ложу,—но она на это возразила:

— О! видите ли, ихъ слишкомъ много.

М-ръ Уэндоверъ накинулъ Селинѣ шаль на плечи, растворилъ дверь ложи и предложилъ свою руку. Въ то время, какъ все это происходило, Лаура видѣла, что лэди Рингрозъ наблюдаетъ за ними въ бинокль. Селина отказалась отъ руки м-ра Уэндовера, говоря:

— О, нѣтъ, останьтесь *съ нею*... я думаю, что *онъ* можетъ отвести меня.

И вдохновенно взглянула на м-ра Букера. Селина никогда не называла людей по именамъ, когда могла обойтись посредствомъ мѣстоименія. Само собой разумѣется, что м-ръ Букеръ бросился оказывать услугу, которую отъ него требовали, и повелъ ее, напутствуемый просьбой своего пріятеля привести ее какъ можно скорѣе обратно. Когда они уходили, Лаура слышала, какъ Селина сказала своему спутнику,—а она знала, что и м-ръ Уэндоверъ могъ это слышать: „я ни за что на свѣтѣ не оставила бы ее вдвоемъ *съ вами*!“ Лаура нашла эти слова очень странными и даже вульгарными, тѣмъ болѣе, что она въ первый разъ въ жизни увидѣла этого молодого человѣка полчаса тому назадъ, и съ тѣхъ поръ не сказала съ нимъ еще и двадцати словъ. Слова эти были сказаны такъ явственно, что Лаура сочла за лучшее не скрывать, что услышала ихъ, и вскричала со смѣхомъ:

— Бѣдный м-ръ Букеръ! чего же она такъ боится за него? не думаетъ ли она, что я его съѣмъ?

— О! она за васъ боится,—сказалъ м-ръ Уэндоверъ.

Лаура замѣтила, помолчавъ немного:

— Ей бы не слѣдовало и съ вами оставлять меня вдвоемъ.

— О, нѣтъ, почему же? со мной можно!—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Дѣвушка высказала это замѣчаніе не изъ кокетства, а потому, что оно выражало часть того, что̀ она думала про себя о поведеніи Селины. Она чувствовала себя обиженной, чувствовала, что ее третируютъ слишкомъ безцеремонно: м-съ Беррингтонъ знала, конечно, что порядочныя женщины (хотя бы только по наружности) не оставляютъ незамужнихъ сестеръ въ публичномъ мѣстѣ, на глазахъ у всѣхъ, въ театрѣ, наединѣ съ молодыми

людьми. Ей было непріятно, что знакомые Селины, въ противоположной ложѣ, видятъ ее въ такомъ непріятномъ положеніи. Она задвинула слегка драпировку и пересѣла глубже въ ложу, но вдругъ услышала жалобный вздохъ своего спутника, который, казалось, сожалѣлъ о скрывшейся красавицѣ; черезъ нѣсколько секундъ она замѣтила въ ложѣ лэди Рингрозъ движеніе, говорившее повидимому, что Селина пришла туда. Двѣ лэди, сидѣвшія въ переднемъ ряду, повернулись спиной къ зрителямъ; въ глубинѣ ложи что-то зашевелилось.

— Она тамъ,—сказала Лаура, указывая на ложу, но м-съ Беррингтонъ не показывалась и ее маскировали другіе, сидѣвшіе въ ложѣ. Не было видно также и м-ра Букера; онъ, повидимому, не согласился остаться въ ложѣ, да Лаура видѣла, что ему тамъ не было бы мѣста. М-ръ Уэндоверъ замѣтилъ, что такъ какъ м-съ Беррингтонъ, очевидно, ничего не могла видѣть съ того мѣста, гдѣ она теперь сидитъ, то, значитъ, промѣняла хорошее мѣсто на худое.

— Не могу вообразить... не могу вообразить...—начала-было дѣвушка, но умолкла, теряясь въ размышленіяхъ и соображеніяхъ, которыя скоро превратились въ опасенія. Подозрѣнія, которыя ей внушала Селина, были только подавлены, но не искоренены драматической сценой со слезами и распущенными волосами.

Опера продолжалась, но м-ръ Букеръ не возвращался. Американская пѣвица заливалась соловьемъ; ей много апплодировали; было очевидно, что она имѣетъ успѣхъ; но Лаура все менѣе и менѣе обращала вниманія на музыку; она не сводила глазъ съ лэди Рингрозъ и ея друзей. Она старательно слѣдила за ними, стараясь проникнуть во мракъ ихъ аванложи. Все ихъ вниманіе было сосредоточено на сценѣ, и у нихъ какъ будто не было гостей въ ложѣ. Эти гости или ушли, или были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. Лаура никакъ не могла догадаться о мотивахъ сестры, но была убѣждена теперь, что она нанесла такое оскорбленіе м-ру Уэндоверу не затѣмъ только, чтобы поболтать съ лэди Рингрозъ. Тутъ крылось нѣчто иное; тутъ нѣкто другой былъ замѣшанъ, и разъ такая мысль пришла въ голову молодой дѣвушкѣ, само собой разумѣется, что образъ капитана Криспина естественно сталъ передъ нею. Этотъ образъ заставилъ ее совсѣмъ уйти за драпировку, потому что кровь бросилась ей въ лицо; она покраснѣла отъ стыда, а также и отъ гнѣва. Капитанъ Криспинъ сидѣлъ въ ложѣ, напротивъ ихъ собственной; эти ужасныя женщины скрывали его (она забыла, какой безвредной и образованной показалась ей лэди Рингрозъ въ Меллоу); онѣ со-

гласились на такую недостойную выходку. Селина пряталась за ихъ спиной вмѣстѣ съ нимъ и была такъ низка, чтобы подвергнуть честнѣйшую дѣвушку, добросовѣстнѣйшую и преданнѣйшую изъ сестеръ позорному участію въ этой продѣлкѣ. Лаура побагровѣла при мысли, что она была безсознательнымъ актеромъ въ этой комедіи, что она послужила такимъ же орудіемъ, какъ тѣ двѣ женщины, напротивъ ее, и что вдобавокъ оскорблена, выставлена на показъ передъ сотнями людей. Ей припомнилось, какъ дурно вела себя Селина въ тотъ день, когда онѣ встрѣтились въ Линкольнъ-Иннъ-Фильдѣ, и какія оскорбительныя слова говорила она ей, и вотъ дѣвушкѣ пришло въ голову, что Селинѣ захотѣлось скомпрометтировать и сестру, такъ же, какъ была скомпрометтирована она сама. Дѣвушка говорила себѣ, что это ей удалось, съ цинической лондонской точки зрѣнія, и ея смущенному уму громадный театръ представлялся миріадой глазъ, уставившихся на нее,—глазъ, которые она знала, и которые видѣли ее сидящей съ постороннимъ молодымъ человѣкомъ. Она узнала уже нѣкоторыя лица, и въ ея воображеніи они живо возрастали въ числѣ. Однако, посердившись нѣкоторое время, Лаура перестала думать о себѣ и о томъ, чтò имѣла въ виду Селина, относительно ее самой, и всѣ мысли ея сосредоточились на ожиданіи возвращенія м-съ Беррингтонъ. Такъ какъ она не возвращалась, Лаура почувствовала жестокую боль въ сердцѣ. Она сама не знала, чего боялась, не знала, чтò предположить. Она была въ такомъ нервномъ состояніи (какъ въ ту ночь, когда она ждала возвращенія сестры съ балу), что когда м-ръ Уэндоверъ обращался къ ней съ разговоромъ, она не понимала, чтò онъ ей говоритъ, и не могла ему отвѣчать. Къ счастію, онъ былъ не особенно разговорчивъ, и тоже казался озабоченнымъ, можетъ быть—удивлялся, куда исчезла Селина, а вѣрнѣе, что просто поглощенъ былъ представленіемъ. Когда же она раза три подъ рядъ повторила:—Удивляюсь, отчего это не возвращается м-ръ Букеръ? — онъ отвѣчалъ:—О! поспѣетъ!.. намъ и безъ него удобно!..

Эти слова она запомнила. Она замѣтила также, несмотря на всю свою разсѣянность, что м-ръ Уэндоверъ сказалъ, послѣ того какъ она не переставала безпокоиться о его другѣ, что пойдетъ и разыщетъ его, если она рѣшится остаться одна въ ложѣ. Онъ вышелъ изъ ложи, и во время его отсутствія Лаура особенно старалась разглядѣть въ бинокль, чтò сталось съ ея сестрой. Но ничего не могла разглядѣть. Она встала, наконецъ, съ мѣста, подошла къ двери ложи и стала глядѣть въ корридоръ, въ надеждѣ, не увидитъ ли сестру. Но вотъ показался м-ръ Уэндоверъ,

и одинъ; выраженіе лица его заставило ее пойти къ нему на встрѣчу. Онъ улыбался, но казался растеряннымъ и смущеннымъ, въ особенности когда увидѣлъ ее въ корридорѣ.

— Я надѣюсь, что вы не собираетесь уѣзжать?—спросилъ онъ, отворивъ дверь въ ложу, чтобы она могла пройти.

— Гдѣ они... гдѣ они? — спрашивала Лаура, оставаясь въ корридорѣ.

— Я видѣлъ нашего знакомаго... онъ нашелъ себѣ мѣсто въ сталѣ, какъ разъ подъ нами.

— Зачѣмъ же? развѣ ему тамъ лучше?

М-ръ Уэндоверъ улыбнулся еще загадочнѣе.

— М-съ Беррингтонъ взяла съ него забавное обѣщаніе...

— Какъ, забавное обѣщаніе?

— Она заставила его обѣщать, что онъ сюда не вернется.

— Заставила его обѣщать...

— Она просила его... въ видѣ особеннаго одолженія... не возвращаться къ намъ въ ложу. И онъ обѣщалъ.

— Это чудовищно!—вскричала Лаура, покраснѣвъ какъ піонъ.

— Вы говорите про бѣднаго м-ра Букера?—спросилъ м-ръ Уэндоверъ.—Конечно, онъ вынужденъ былъ сказать, что желанія такой прелестной женщины—законъ. Но онъ этого не понимаетъ! —засмѣялся молодой человѣкъ.

— И я также. А гдѣ сама эта прелестная женщина?—спросила Лаура, стараясь оправиться.

— Онъ не имѣетъ объ этомъ никакого понятія.

— Развѣ она не у лэди Рингрозъ?

— Если хотите, я пойду и погляжу.

Лаура колебалась, глядя на извилистый корридоръ, въ которомъ ничего не было видно, кромѣ нумерованныхъ дверей ложъ. Они были одни въ освѣщенной лампами пустотѣ; за спиной у нихъ гремѣлъ финалъ акта. Подумавъ съ секунду, она сказала:

— Я боюсь, что должна побезпокоить васъ и попросить проводить меня до извозчика.

— Ахъ! вы не хотите досидѣть до конца? Останьтесь! что̀ за дѣло, что ихъ нѣтъ!

И собесѣдникъ вновь растворилъ передъ нею дверь ложи.

Глаза ея встрѣтились съ его глазами, и ей показалось, что въ нихъ, какъ и въ его голосѣ, выражаются симпатія, мольба, нѣжность, сожалѣніе. Она поглядѣла въ пустой корридоръ; что-то говорило ей, что, вернувшись въ ложу, она предприметъ самый роковой шагъ въ жизни. Пока она размышляла объ этомъ, раздался взрывъ рукоплесканій—и занавѣсъ упалъ.

— Поглядите, что̀ мы теряемъ! Послѣдній актъ такъ хорошъ! — сказалъ м-ръ Уэндоверъ.

Она вернулась на свое мѣсто, и онъ заперъ за нею дверь ложи.

Въ этомъ задрапированномъ убѣжищѣ, которое было такъ публично и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ интимно, Лаура Уингъ пережила самыя странныя минуты въ жизни. Однимъ изъ симптомовъ этого страннаго состоянія было то, что когда она увидѣла, какъ, въ ея отсутствіе, изъ противоположной ложи, лэди Рингрозъ и ея спутница исчезли, она отмѣтила это обстоятельство молча, безъ всякаго восклицанія. Ихъ ложа была пуста, но Лаура уже не ожидала, что Селина вернется къ ней. Она больше никогда не вернется ни къ ней, ни домой, если уѣхала изъ оперы. Теперь это уже было совсѣмъ ясно для молодой дѣвушки, которую бросало въ жаръ и въ холодъ при мысли о настоящемъ значеніи просьбы Селины, обращенной къ бѣдному м-ру Букеру. Это было достойно ея сестры и было ея пареянской стрѣлой. Гросвеноръ-Плэсъ не будетъ служить ей убѣжищемъ въ нынѣшнюю ночь и никогда больше; вотъ почему она пыталась забрызгать сестру той же грязью, въ какую попала сама. Она бы не посмѣла такъ съ ней поступить, еслибы ожидала съ ней встрѣтиться. Но не это было всего страннѣе въ мысляхъ и чувствахъ молодой особы: сердце ея было полно тревоги, тревоги ожиданія. Теперь передъ нею предстала въ жизни новая надежда, и если сегодня вечеромъ она не осуществится, то исчезнетъ навѣки: Лаура ждала осуществленія этой надежды. Мнѣ нечего сообщать читателю, что надежда эта представлялась въ лицѣ м-ра Уэндовера, который скорѣе, чѣмъ кто другой изъ ея знакомыхъ, могъ вывести ее изъ отвратительнаго положенія. Завтра онъ узнаетъ все и презрительно отнесется къ молодой дѣвушкѣ изъ *такой* семьи; поэтому если онъ могъ заговорить, то только сегодня, на мѣстѣ. Вотъ почему она вернулась въ ложу, чтобы дать ему эту возможность. Она могла думать, что онъ затѣмъ и просилъ ее вернуться въ ложу; съ небольшой оттяжкой, бѣдная дѣвушка ждала, ждала; музыка молчала и не могла имъ помѣшать; однако онъ ничего не говорилъ. Она почувствовала, что выступила на арену, гдѣ ее ожидали неудача и позоръ; ей первой придется заговорить, если она хочетъ опередить завтрашній позоръ. Завтра это недалеко; оно близится съ каждой минутой. Оно бы уже наступило въ сущности, еслибъ м-ръ Уэндоверъ могъ догадаться о грубой и жестокой выходкѣ Селины. Утѣшительно, что онъ объ этомъ не догадывается.

Скрипки издали слабый звукъ въ оркестрѣ; это укорачивало

время и дѣлало ее еще безпокойнѣе, укрѣпляло ея мысль, что онъ могъ бы спасти ее, еслибы хотѣлъ. Но не похоже было, чтобы онъ этого хотѣлъ: онъ тоже поглядывалъ на пустую ложу лэди Рингрозъ, но не высказывалъ никакихъ утѣшительныхъ комментарій. Лаура ждала, что онъ замѣтитъ, что ея сестра должна теперь сейчасъ вернуться; но онъ этого не говорилъ. Онъ долженъ былъ или радоваться тому, что Селина уѣхала, или осуждать это,—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ ему слѣдовало бы заговорить. Если ему нечего сказать, *зачѣмъ* онъ говорилъ, *зачѣмъ* онъ ее удержалъ, для *чего* онъ это сдѣлалъ?!.. Дѣвушка терялась въ догадкахъ чуть не до потери сознанія; въ ушахъ ея звенѣло, голова кружилась; она не видѣла ничего окружающаго, потеряла какъ бы сознаніе времени и пространства. И прежде, нежели опомнилась, проговорила:

— Зачѣмъ вы такъ часто бывали у насъ?

— Такъ часто?—что̀ вы хотите сказать?

— Вы бывали, чтобы видѣть *меня*? зачѣмъ вы пріѣзжали?

Онъ явно удивился, и его удивленіе разсердило ее; ей захотѣлось оскорбить, задѣть его. Она говорила шопотомъ, но такъ, что онъ могъ слышать ее:

— Вы бывали слишкомъ часто... слишкомъ часто... слишкомъ часто!

Онъ тоже покраснѣлъ, испугался; онъ очевидно былъ пораженъ.

— Помилуйте, вы были такъ милы, такъ любезны,—пробормоталъ онъ.

— Да, конечно, и потому вы и бывали! Вы бывали для Селины? но вѣдь она, вы знаете, замужемъ и любитъ своего мужа.

Одной минуты было достаточно для молодой дѣвушки, чтобы видѣть, что ея собесѣдникъ совсѣмъ не подготовленъ къ ея вопросу, что онъ ясно не влюбленъ въ нее и попалъ совсѣмъ въ неожиданное положеніе. Это открыто заставило ее говорить дикія вещи.

— Помилуйте, чего же естественнѣе, какъ часто бывать тамъ, гдѣ пріятно? Можетъ быть, я надоѣлъ вамъ... своими американскими взглядами?—сказалъ м-ръ Уэндоверъ.

— И потому, что я вамъ нравлюсь, вы меня удержали здѣсь?—спросила Лаура.

Она встала, прислонилась къ боковой стѣнкѣ ложи. Ее не видно было изъ залы.

Онъ тоже всталъ, но медленнѣе; онъ справился съ первымъ смущеніемъ. Онъ улыбался, но улыбка его была ужасна.

— Неужели вы сомнѣваетесь въ томъ, зачѣмъ я васъ про-

сили остаться? Я радъ, что настолько нравлюсь вамъ, что вы рѣшились это спросить.

Одно мгновеніе она думала, что онъ подойдетъ къ ней ближе, но онъ этого не сдѣлалъ: онъ стоялъ неподвижно и вертѣлъ въ рукахъ перчатки.

И вотъ невыразимый стыдъ и отвращеніе овладѣли ею: отвращеніе къ себѣ, къ нему, ко всему на свѣтѣ, и она упала на стулъ въ глубинѣ ложи, отвернувъ отъ него лицо, стараясь уйти какъ можно дальше въ уголъ.

— Оставьте меня, оставьте меня! уйдите!—сказала она такъ тихо, что онъ едва разслышалъ.

Ей казалось, что весь театръ слушаетъ ее, тѣснится къ ея ложѣ.

— Оставить васъ одну... въ этомъ мѣстѣ... когда я люблю васъ? Я не могу этого сдѣлать; право, не могу.

— Вы меня не любите и терзаете, оставаясь здѣсь!—продолжала Лаура, сдавленнымъ голосомъ.—Ради Бога, уходите и не говорите больше со мной, чтобы я васъ больше никогда не видѣла и не слышала!

М-ръ Уэндоверъ стоялъ чрезвычайно взволнованный этой невообразимой сценой. Непривычныя чувства охватили его и толкали въ противныя стороны. Ея приказаніе оставить ее одну было настоятельное, однако онъ пытался противиться, пробовалъ говорить:—какъ она доѣдетъ до дому, можно ли ему завтра увидѣться съ нею, позволитъ ли она ему проводить ее до экипажа?

На все это Лаура отвѣчала только:—О! еслибы вы ушли!—и въ ту же минуту вскочила съ мѣста, набросила на себя ротонду, собираясь какъ будто бѣжать, скрыться отъ него. Онъ помѣшалъ ей однако, придержавъ дверь. Въ слѣдующій мигъ онъ взглянулъ на нее—ея глаза были закрыты—и жалобно воскликнулъ: —О! миссъ Уингъ! миссъ Уингъ!—и вышелъ изъ ложи.

Когда онъ ушелъ, она опустилась на одно изъ креселъ и спрятала лицо въ складки ротонды. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ она не шевелилась—ей стыдно было двигаться. Одно, что могло оправдать ее, изгладить позоръ ея чудовищной попытки, была бы отвѣтная и пылкая любовь съ его стороны. Этого не было, и ей ничего не оставалось, какъ проклинать себя. Она долго кляла себя въ темномъ уголку ложи и чувствовала, что онъ также клянетъ ее. „Я васъ люблю!"—какъ жалко выговорилъ онъ эти бѣдныя, вымученныя слова, и какое отвращеніе звучало въ нихъ!—Бѣдняга! бѣдняга!—вдругъ пролепетала Лаура Уингъ: ей стало жаль человѣка, котораго она поставила въ такое невозможное положеніе. Въ ту же минуту раздались звуки му-

зыки: послѣдній актъ оперы начался; она вскочила съ мѣста и бросилась вонъ изъ ложи.

Корридоры были пусты, и она безъ памяти дошла до сѣней; некому было глазѣть на нее, и единственный страхъ, терзавшій ее: не дожидается ли ее м-ръ Уэндоверъ, оказался напраснымъ. Она готовилась послать одного изъ посыльныхъ, дожидавшихся у подъѣзда, за кэбомъ, какъ вдругъ кто-то нагналъ ее сзади, и, обернувшись, она узнала м-ра Букера. Онъ казался такимъ же почти растеряннымъ, какъ и м-ръ Уэндоверъ:—О! вы уже уѣзжаете, однѣ! что вы должны обо мнѣ думать!—вскричалъ молодой человѣкъ. И сталъ толковать ей что-то про ея сестру и спрашивать, не можетъ ли онъ ей помочь, не позволитъ ли она ему проводить себя.

— Мнѣ нуженъ кэбъ, кэбъ и больше ничего!—объявила она м-ру Букеру и чуть не вытолкнула его за двери при этомъ. Онъ бросился нанимать кэбъ, но въ то же мгновеніе посыльный, котораго она раньше послала, привелъ ей другой. Она поспѣшно сѣла въ него и, уѣзжая, увидѣла, что м-ръ Букеръ возвращается тоже съ кэбомъ.

XII.

На слѣдующій день, въ пять часовъ, она поѣхала къ лэди Давенантъ. На счастье, старая пріятельница ея была дома и одна; поднявъ глаза съ книги, которую держала въ рукахъ, она зорко взглянула на дѣвушку поверхъ очковъ. Взглядъ объяснилъ ей все: она ничего не сказала, но, отложивъ въ сторону книгу, протянула дѣвушкѣ обѣ руки. Лаура взяла ихъ и, когда она притянула ее къ себѣ, опустилась передъ ней на полъ и спрятала лицо въ колѣняхъ старухи, рыдая. Нѣкоторое время обѣ ничего не говорили; лэди Давенантъ только нѣжно гладила ее по головѣ.

— Чтò, очень худо?—спросила она, наконецъ.

Тогда Лаура встала и сказала, садясь на стулъ:

— Вы слышали объ этомъ? и ваши домашніе объ этомъ знаютъ?

— Ничего не слышала... Чтò, очень худо?—повторила лэди Давенантъ.

— Мы не знаемъ, гдѣ Селина... и ея горничная тоже исчезла.

Лэди Давенантъ съ минуту глядѣла на свою посѣтительницу.

— Боже, какая дура!—проговорила она, наконецъ.—А кого это она уговорила навязать ее себѣ на шею... Чарльза Криспина?

— Мы такъ предполагаемъ.

— А вѣдь онъ и не первый,—перебила старуха.—А кто же предполагаетъ... Джорди и Ферди?

— Не знаю; все кругомъ черно какъ ночь.

— Душа моя, слава Богу, — теперь вы можете жить спокойно.

— Спокойно! — закричала Лаура:—когда моя несчастная сестра ведетъ такую жизнь!

— О, душа моя, она не пропадетъ. Мнѣ очень жаль, что я какъ будто оправдываю такія вещи, но вѣдь это очень часто бываетъ. Не мучайтесь, вы слишкомъ близко принимаете это къ сердцу. Она, вѣроятно, уѣхала за-границу? куда-нибудь въ красивое, веселое мѣсто?

— Ничего не знаю. Знаю только, что она уѣхала. Я была съ нею прошлымъ вечеромъ, и она оставила меня, не сказавъ ни слова.

— Такъ гораздо лучше. Ненавижу ихъ, когда онѣ дѣлаютъ сцены.

— Ліонель приставилъ агентовъ слѣдить за ней, полицейскихъ сыщиковъ, не знаю кого. Онъ уже давно слѣдитъ за ней; я этого не знала.

— Неужели вы хотите этимъ сказать, что предупредили бы ее, еслибы знали; какой толкъ въ сыщикахъ? онъ теперь избавился отъ нея.

— О, я не знаю; онъ такъ же дуренъ, какъ и она; онъ говоритъ ужасныя вещи; онъ хочетъ, чтобы всѣ это узнали,— простонала Лаура.

— И сказалъ уже матери?

— Полагаю: онъ бросился къ ней въ двѣнадцать часовъ дня. Я думаю, это ее сразитъ.

— Сразитъ? Ни капельки!—закричала лэди Давенантъ, почти весело.—Есть ли что̀ на свѣтѣ, что можетъ ее сразить, и за кого вы ее принимаете! Что̀ касается того, что всѣ узнаютъ, то это неизбѣжно, хочетъ онъ того или нѣтъ. Мое бѣдное дитя, какъ долго—воображаете вы—остаются такія вещи сокрытыми?

— Ліонель ожидаетъ вѣстей сегодня вечеромъ. Какъ скоро они придутъ, я выѣду.

— Куда?

— Къ ней, разумѣется; надо спасти ее.

— Душа моя, неужели вы надѣетесь вернуть ее домой?

— Ліонель ее не приметъ,—отвѣчала Лаура:—онъ хочетъ развода... это ужасно!

— Ну что-жъ! такъ какъ и она того же хочетъ, то дѣло очень просто.

— Да, она тоже хочетъ. Но Ліонель клянется и божится, что она его не получитъ.

— Господи, мало ему скандала! Ну, мы должны ждать интереснаго процесса.

— Это ужасно, ужасно, ужасно!—пробормотала Лаура.

— Милое дитя, переѣзжайте ко мнѣ!

— О, я не могу бросить ее; я не могу покинуть ее.

— Бросить... покинуть! Развѣ не она бросила васъ?

— У нея нѣтъ сердца... она черезъ-чуръ низкая женщина.

Лицо Лауры помертвѣло, и слезы снова навернулись на глазахъ.

Лэди Давенантъ встала и сѣла рядомъ съ нею на диванѣ; она обняла ее, и обѣ женщины поцѣловались.

— Ваша комната готова,—замѣтила старушка.—Когда она васъ оставила? Когда вы въ послѣдній разъ видѣлись съ нею?

— О! она оставила меня самымъ страннымъ, безумнымъ, жестокимъ образомъ, самымъ для меня оскорбительнымъ. Мы поѣхали вмѣстѣ въ оперу, и тамъ она меня бросила вмѣстѣ съ этимъ джентльменомъ. Мы ничего съ тѣхъ поръ о ней не знаемъ.

— Съ какимъ джентльменомъ?

— Съ м-ромъ Уэндоверомъ, съ этимъ американцемъ, и тутъ случилось нѣчто ужасное.

— Боже мой, онъ васъ поцѣловалъ? — спросила лэди Давенантъ.

Лаура быстро встала.

— Прощайте, я ухожу, я ухожу!

И въ отвѣтъ на сердитые протесты пріятельницы—продолжала:

— Куда глаза глядятъ, лишь бы уйти!

— Уйти отъ американца?

— Я просила его жениться на мнѣ!

Дѣвушка повернула къ ней трагическое лицо.

— Ему не слѣдовало бы допускать васъ до этого.

— Я знала, что этотъ ужасъ надвигается, и мною овладѣвало безумное желаніе тутъ же, въ ложѣ, кончить съ этимъ... начать другую жизнь... найти покровителя, порядочную обстановку. Сначала я думала, что онъ любитъ меня; онъ такъ велъ себя. И я люблю его, потому что онъ хорошій человѣкъ. Итакъ, я спросила его, я не могла удержаться... это слишкомъ ужасно... я навязывалась ему!

Лаура говорила такъ, какъ еслибы сообщала, что заколола его кинжаломъ.

Лэди Давенантъ опять встала и подошла къ ней. Снявъ съ руки перчатку, она дотронулась до ея щеки.

— Вы больны, у васъ лихорадка. Я увѣрена, что все, что̀ вы сказали, было очень мило!

— Да, я больна,—согласилась Лаура.

— Честное слово, я васъ не отпущу домой и уложу сейчасъ въ постель. А что̀ онъ вамъ сказалъ?

— О! это ужасно!—закричала дѣвушка, пряча лицо въ носовой платокъ собесѣдницы.—Я жестоко ошиблась: онъ вовсе обо мнѣ и не думалъ.

— Къ чему же, въ такомъ случаѣ, онъ такъ гонялся за вами? Онъ животное послѣ этого!

— Онъ никогда не гонялся за мной. Онъ велъ себя какъ настоящій джентльменъ.

— У меня терпѣніе лопнуло!—закричала лэди Давенантъ.— Я жалѣю, что не видѣла его это время.

— Да; хорошо бы это было! вы больше не увидите его. Если онъ джентльменъ, то скроется отсюда.

— Господи! всѣ вздумали скрываться!—пробормотала старушка. И, охвативъ рукой талію Лауры, прибавила:—извольте идти наверхъ со мной.

Полчаса позже, послѣ переговоровъ съ буфетчикомъ, она узнала адресъ м-ра Уэндовера и приказала буфетчику ѣхать немедленно къ нему и просить его пожаловать къ ней сегодня вечеромъ.—Ступайте скорѣй!—прибавила она:—вы теперь застанете его дома; онъ навѣрное одѣвается къ обѣду.

Ея разсчетъ оказался вѣрнымъ, и ровно въ десять часовъ дверь ея гостиной растворилась и доложили о м-рѣ Уэндоверѣ.

— Садитесь,—сказала старая лэди,—сюда, ближе ко мнѣ, и поговоримъ. Дорогой сэръ, я васъ не укушу.

— О! я не боюсь,—отвѣчалъ м-ръ Уэндоверъ, слабо улыбаясь, но съ очевидной тревогой на лицѣ.

Лэди Давенантъ подумала съ минуту и вдругъ сказала ex abrupto:

— Еслибы вы знали, какая это славная дѣвушка!

— Вы говорите... вы говорите, — пробормоталъ м-ръ Уэндоверъ.

— Да, я говорю про Лауру. Она наверху, въ постели.

— Наверху, въ постели!

Молодой человѣкъ вытаращилъ глаза.

— Не бойтесь... я не собираюсь посылать за ней!—засмѣялась хозяйка.—Прежде всего прошу васъ понять, что она не

подозрѣваетъ, что я послала за вами, и вы должны мнѣ обѣщать, что никогда, никогда, никогда не скажете ей этого. Она бы мнѣ этого не простила. Она разсказала мнѣ о томъ, что̀ произошло между вами вчера вечеромъ... что̀ она вамъ сказала въ оперѣ. Объ этомъ я и хотѣла съ вами поговорить.

— Она была очень странна,—замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Я не думаю, чтобы она была такъ странна. Но хорошо, что вы находите ее только странной. Сама она Богъ вѣсть что̀ говоритъ о себѣ. Она внѣ себя отъ ужаса отъ своихъ собственныхъ словъ, положительно внѣ себя отъ ужаса.

М-ръ Уэндоверъ помолчалъ съ минуту.

— Я увѣрялъ ее, что восхищаюсь ею... больше чѣмъ кѣмъ-либо другимъ.

— И вы говорили съ ней такимъ тономъ! Вамъ слѣдовало броситься къ ея ногамъ! Разъ вы этого не сдѣлали... надѣюсь, что вы понимаете женщинъ настолько, что объяснять вамъ лишнее.

— Припомните, гдѣ мы были... въ общественномъ мѣстѣ и въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи, что бросаться на колѣни было не совсѣмъ удобно.

— Она такая милая, добрая и несчастная.

— Когда я сказалъ, что она странная, я хотѣлъ только выразить этимъ, что она меня прогнала.

— А вы хотѣли бы ее видѣть?

— Только не теперь, только не теперь!—поспѣшно заявилъ м-ръ Уэндоверъ.

— Я и не хочу, чтобы ее видѣли теперь, я не такая дура. Я думала современемъ, когда она перестанетъ винить себя.

— Ахъ, лэди Давенантъ, вы должны предоставить это мнѣ! —отвѣчалъ молодой человѣкъ, послѣ минутнаго колебанія.

— Вы, кажется, очень часто тамъ бывали; значитъ, она вамъ нравилась?

— Она мнѣ нравилась и нравится больше чѣмъ когда-нибудь.

— Ну, значитъ, вы хорошій человѣкъ.

М-ръ Уэндоверъ не сразу отвѣчалъ:

— Мнѣ не легко говорить объ этихъ вещахъ, но если вы разумѣете, что я собирался просить ея руки, то я обязанъ сказать вамъ, что у меня не было этого намѣренія.

— Ахъ! ну, тогда я ничего ровно не понимаю. Она вамъ нравилась, вы ѣздили туда каждый день. Что̀ же вамъ надо было?

— Я ѣздилъ не каждый день. Кромѣ того, у васъ, англичанъ, совсѣмъ другія понятія.

— Ну, я не знаю вашихъ понятій,—сердито сказала старушка.

— Но я имѣлъ право думать, что эти дамы знаютъ: онѣ-то вѣдь американки.

— Онѣ! дорогой сэръ! Ради Бога, не припутывайте сюда Селину!

— Отчего нѣтъ? Я и ею тоже восхищался, и находилъ ея домъ очень интереснымъ.

— Боже мой! хороши у васъ вкусы! Мнѣ очень жаль разрушать ваши иллюзіи, но м-съ Беррингтонъ — дрянная женщина.

— Дрянная женщина?

— Она бросила мужа.

— Вы хотите сказать, что она бросила мужа для кого-нибудь другого?

— Ни болѣе, ни менѣе того, — для нѣкоего Криспина. Оказывается, что по какимъ-то своимъ соображеніямъ она сдѣлала это самымъ пошлымъ образомъ, публично, точно хотѣла похвалиться. Лаура разсказала мнѣ, что это случилось вчера въ оперѣ, и позвольте мнѣ выразить вамъ свое удивленіе, что вы не догадались объ этомъ.

— Я видѣлъ, что что̀-то тутъ не такъ, но не понималъ. Боюсь, что очень тупъ въ этого рода дѣлахъ.

— Понятно, почему Лаура была въ такомъ ужасномъ состояніи.

— Мнѣ очень ее жаль, — сказалъ м-ръ Уэндоверъ серьезно и осторожно.

— И мнѣ также! Конечно, если вы не любите ее, такъ и толковать нечего.

— Я долженъ съ вами проститься, я уѣзжаю изъ Лондона.

Вотъ единственный отвѣтъ, котораго добилась лэди Давенантъ на свой вопросъ.

— Прощайте. Она самая хорошая дѣвушка, какую я только знаю. Но еще разъ, пожалуйста, не выдавайте ей меня.

— Какъ могу я васъ выдать, когда я больше съ ней не увижусь!

— О, не говорите этого, — прошептала лэди Давенантъ очень мягко.

— Она прогнала меня съ какимъ-то ожесточеніемъ.

— О! пустяки! — закричала старушка.

— Я уѣзжаю домой, — сказалъ онъ, берясь за ручку двери.

— Счастливаго пути! вамъ лучше быть въ Америкѣ, да и для нея тоже! — прибавила она ему вслѣдъ, но не была увѣрена, что онъ ее слышалъ.

XIII.

Лаура Уингъ была очень больна въ продолженіе трехъ дней, но на четвертый рѣшила, что поправилась, хотя лэди Давенантъ не раздѣляла ея мнѣнія, и слышать не хотѣла о томъ, чтобы она встала съ постели. Лаура увѣряла свою пріятельницу, что ее убиваетъ бездѣйствіе; пріятельница спрашивала, что же она намѣрена дѣлать. У Лауры была своя идея, которая крѣпко въ нее засѣла, но безполезно было сообщать ее лэди Давенантъ, потому что она разбила бы ее въ дребезги. Утромъ перваго дня пріѣзжалъ Ліонель Беррингтонъ, и хотя намѣреніе его было прекрасное, но посѣщеніе не принесло отрады. Узнавъ, что Лаура больна, онъ пожелалъ, чтобы она возвратилась на Гросвеноръ-Плэсъ. Онъ сообщилъ про миссъ Стэтъ, что она „фыркаетъ" и дѣлаетъ видъ, что многое знаетъ, да не хочетъ сказать. Съ дѣтьми онъ чаще бывалъ теперь: „я хочу теперь ежедневно видѣться съ бѣдняжками",—говорилъ онъ. Можно было подумать, что дисциплина страданія уже сказывается на немъ и произвела нѣкоторую благопріятную перемѣну. Въ домѣ еще ничего не говорилось объ исчезновеніи Селины въ смыслѣ скандальномъ; но прислуга такъ старалась показать, что ничего особеннаго не случилось, что походила на карманнаго вора, усердно отворачивающагося отъ своей жертвы, послѣ того какъ стянулъ у нея карманные часы. Гувернантка навѣрное откажется отъ мѣста дня черезъ два или три; она придетъ и скажетъ ему, что она не можетъ долѣе оставаться въ такомъ домѣ, а онъ ей отвѣтитъ на это, что она чистая мартышка, если не понимаетъ, что домъ стоитъ теперь гораздо респектабельнѣе, чѣмъ прежде.

Всѣ эти свѣденія мужъ Селины сообщалъ лэди Давенантъ, съ которой разговаривалъ съ большою откровенностью и юморомъ, относясь къ своему положенію съ высоко-философской точки зрѣнія и объявляя, что онъ вполнѣ имъ доволенъ. Его жена не могла бы лучше угодить ему, еслибы къ этому стремилась; онъ зналъ, гдѣ она провела все свое время, часъ за часомъ, послѣ того какъ оставила оперу, и зналъ, гдѣ она находится въ эту минуту, и ожидаетъ найти новую телеграмму по возвращеніи на Гросвеноръ-Плэсъ. Лаура настояла на томъ, чтобы повидаться съ Ліонелемъ, но это свиданіе только пуще разстроило ее. Зять сообщилъ ей, что онъ уже видѣлся съ своимъ стряпчимъ и началъ дѣло о разводѣ.

На четвертый день своего отсутствія съ Гросвеноръ-Плэсъ,

Лаура встала съ постели и собралась уходить изъ дому. Лэди Давенантъ допустила, наконецъ, что она поправляется. Сама она должна была выѣхать изъ дому въ это утро; Лаура и воспользовалась ея отсутствіемъ, чтобы послать буфетчика за кэбомъ. Она составила героическій планъ добиться отъ Ліонеля адреса сестры и ѣхать къ ней на континентъ. Она была увѣрена, что Селина находится въ настоящее время на континентѣ.

Но пока она дожидалась кэба, въ гостиную вошелъ не кто иной, какъ... м-ръ Уэндоверъ. Въ тотъ же моментъ она услышала стукъ подъѣхавшаго кэба, а м-ръ Уэндоверъ внезапно загородилъ ей дверь.

— Не прогоняйте меня, выслушайте меня, выслушайте!—сказалъ онъ.—Я пріѣхалъ къ лэди Давенантъ... мнѣ сказали, что она дома. Но я васъ хотѣлъ видѣть, я хотѣлъ умолять ее помочь мнѣ. Я хотѣлъ уѣхать... но не могъ. Вы, кажется, очень больны... выслушайте меня! Вы не понимаете... я сейчасъ все объясню... Ахъ! какой у васъ больной видъ!—закричалъ молодой человѣкъ жалобно и печально. Лаура вмѣсто отвѣта старалась отстранить его и пройти въ дверь, но вмѣсто того очутилась въ его рукахъ. Онъ придержалъ ее, но она высвободилась и ухватилась за ручку двери. Онъ упирался въ дверь спиной, она не могла отворить ее, и стояла, тяжело дыша и закрывъ глаза, чтобы не видѣть его.

— Еслибы вы позволили мнѣ высказать вамъ все, что я думаю... я все на свѣтѣ для васъ готовъ сдѣлать!—молилъ онъ.

— Пустите меня... вы меня оскорбляете!—закричала дѣвушка, толкая дверь.

— Вы несправедливы ко мнѣ... вы слишкомъ жестоки!

— Пустите меня... пустите меня!—повторила она крикливымъ, дрожащимъ, неестественнымъ голосомъ, и, когда онъ слегка отстранился, отворила дверь и убѣжала. Но онъ послѣдовалъ за нею: можно ли ему пріѣхать къ ней сегодня вечеромъ? куда она ѣдетъ? нельзя ли ему ѣхать съ нею? не позволитъ ли она ему пріѣхать завтра?

— Никогда, никогда, никогда!—отвѣтила она ему, выбѣгая на лѣстницу. Тамъ стоялъ буфетчикъ, и м-ру Уэндоверу ничего не оставалось, какъ сдержаться и отпустить Лауру. Та выбѣжала изъ дому и бросилась въ кэбъ съ поспѣшностью. М-ръ Уэндоверъ слышалъ, какъ колеса покатились, между тѣмъ какъ буфетчикъ почтительно докладывалъ, что ея лордство немедленно сойдутъ въ гостиную...

Ліонель былъ дома на Гросвеноръ-Плэсъ; Лаура влетѣла въ

библіотеку и застала его разыгрывающимъ добраго папашу. Джорди и Ферди прыгали и рѣзвились вокругъ него; миссъ Стэтъ уволили отъ присутствія при ихъ играхъ съ папашей, и послѣдній держалъ младшаго сына какъ-то за желудокъ, горизонтально между ногъ, а ребенокъ дѣлалъ такія движенія, какъ будто плаваетъ. Джорди стоялъ съ нетерпѣніемъ на берегу этой воображаемой рѣки и протестовалъ, что теперь его чередъ плавать, но, увидѣвъ тетку, бросился къ ней съ просьбой, чтобы она заставила его поплавать. Ее поразило легкомысліе дѣтей; они, повидимому, и не замѣтили, что она не была нѣсколько дней дома, и нисколько не заботились о томъ, что она больна. Зато Ліонель загладилъ ихъ невниманіе. Онъ встрѣтилъ ее ласково и весело сказалъ, что очень радъ, что она вернулась, и замѣтилъ дѣтямъ, что теперь у нихъ будетъ праздникъ, потому что тетя вернулась. Ферди спросилъ: была ли она у мамы, но не дождался отвѣта, и Лаура замѣтила, что дѣти не разспрашивали больше о матери и не намекали на ея отсутствіе. Она удивлялась про себя: неужели отецъ запретилъ имъ говорить о матери, но размышляла, что такое приказаніе въ сущности не должно бы остановить ихъ. Бѣгство Селины казалось еще безобразнѣе отъ того факта, что даже дѣти не жалѣли о ней, и по мнѣнію Лауры все положеніе принимало особенно отвратительный видъ оттого, что нельзя было проливать слезъ о матери, потому что она ихъ не стоила, ни печалиться о маленькихъ дѣтяхъ, потому что они не внушали жалости.

— Ну, вы кажетесь совсѣмъ хворой... долженъ вамъ сказать!—воскликнулъ Ліонель.

И сталъ совѣтовать выпить рюмку портвейна; но Ферди предложилъ папѣ заставить тетю лучше поплавать и самъ прикинулся, что утопаетъ. Лаура прекратила эту забаву, и, когда слуга принесъ портвейнъ (Ліонель позвонилъ и приказалъ дать вина), попросила, чтобы дѣтей отослали къ миссъ Стэтъ.

— Просите тетю никогда больше не уѣзжать,—сказалъ Ліонель Джорди, когда буфетчикъ взялъ его на руки; но это повело только къ тому, что ребенокъ прокричалъ черезъ плечо:

— Слышите, не уѣзжайте!

— Вы должны мнѣ сказать, или я убью себя... даю вамъ честное слово!—сказала Лаура зятю съ ненужной трагичностью, когда они остались вдвоемъ.

— Ну, ну,—возразилъ онъ,—какая же вы упрямица!—Зачѣмъ вы грозите мнѣ? Развѣ вы не знаете, что такія вещи на меня не дѣйствуютъ? Этотъ тонъ принимала со мной всегда Селина. Надѣюсь, что вы не собираетесь подражать ей!

Лаура сидѣла и глядѣла на зятя, между тѣмъ какъ онъ курилъ сигару, прислонившись къ камину. Нѣкоторое время длилось молчаніе, въ продолженіе котораго Лаура почувствовала безразсудную досаду на то, что этотъ маленькій, краснолицый, невѣжественный жокей правъ, а ея родная сестра виновата. Она безпомощно глядѣла на него, и въ ея глазахъ выражалось нѣчто такое, чего въ нихъ никогда прежде не было, и что̀, очевидно, произвело на него впечатлѣніе. Но она очень хорошо сообразила впослѣдствіи, что не угроза ея смутила его, да и въ настоящую минуту догадывалась по тому, какъ онъ глядѣлъ на нее, что ему отнюдь не впервые приходилось выслушивать отъ женщины, что она убьетъ себя. Онъ всегда относился къ ней какъ къ сестрѣ, но, несмотря даже на свое волненіе, она вдругъ сообразила, что онъ приравниваетъ ее теперь къ смѣшанной группѣ женскихъ фигуръ, которыя были связаны въ его умѣ со „сценами", приставаньями и скукой. Невыгоднымъ обстоятельствомъ для женщинъ, когда онѣ вздумаютъ помѣряться силами съ мужчинами, служитъ то, что онѣ тотчасъ же могутъ замѣтить, что у мужчинъ гораздо больше опыта, и что онѣ сами только увеличиваютъ имъ запасъ этого опыта. Лаура еще сильнѣе чувствовала униженіе своего пола оттого, что ея зять принималъ все такъ весело и беззаботно: онъ казался положительно счастливъ, точно ему удивительно повезло въ жизни. Ей пришло въ голову, что ему, въ самомъ дѣлѣ, пріятна мысль предать гласности свое дѣло... это доставляло ему новое занятіе, шумъ, хлопоты, и своего рода знаменитость. Это было довольно невѣроятно, а такъ какъ она была на сторонѣ виновной, то даже и унизительно. Кромѣ того, бодрость и хладнокровіе всегда заставляютъ предполагать высшую мудрость, а такое предположеніе по адресу Ліонеля было положительно обиднѣе всего.

— Я нисколько не противъ того, чтобы сообщить вамъ теперь ея адресъ, если вы этого хотите. Я скоро буду готовъ съ своими маленькими приготовленіями и вы будете свидѣтельницей на судѣ.

— Я буду свидѣтельницей?—повторила дѣвушка машинально.

— Вы будете вызваны свидѣтельницей съ моей стороны.

— Съ вашей стороны?

— Разумѣется; развѣ вы не на моей сторонѣ?

— Могутъ ли меня насильно заставить явиться въ судъ?—спросила Лаура въ отвѣтъ.

— Нѣтъ, если вы уѣдете изъ Англіи.

— Это какъ разъ то, что̀ я сдѣлаю.

— Вы поступите нелѣпо, — сказалъ Ліонель, и очень повредите сестрѣ. — Если вы не хотите помочь мнѣ, то помогите хоть ей.

Она сидѣла съ минуту, глядя въ полъ.

— Гдѣ она... гдѣ она?

— Она въ Брюсселѣ, въ Hôtel de Flandre. И, кажется, очень довольна своей судьбой.

— Вы говорите мнѣ правду?

— Боже мой, дитя мое, когда я лгалъ!—воскликнулъ Ліонель.—Но если вы думаете къ нимъ ѣхать, то предупреждаю васъ, что поступите очень глупо. Если вы увидите ее съ нимъ, то какъ же вы будете показывать въ ея пользу?

— Я не увижу ее съ нимъ.

— Вы такъ говорите, но онъ объ этомъ постарается. Конечно, если вы готовы дать ложную клятву...

— Я готова на все.

— Душа моя, я былъ, однако, всегда добръ съ вами.

— Конечно, вы были добры.

— Если вы хотите защищать ее, то держитесь лучше отъ нея подальше. Кромѣ того, для васъ самой отнюдь не полезно, если свѣтъ узнаетъ, что вы съ нею за-одно.

— Я не забочусь о себѣ.

— Неужели вы не заботитесь нисколько и о дѣтяхъ, такъ что готовы навѣки и отъ нихъ отказаться. А это такъ будетъ, моя душа. Если вы поѣдете въ Брюссель, то никогда больше не вернетесь сюда... никогда не переступите за этотъ порогъ... никогда больше до нихъ не прикоснетесь.

Лаура склонила голову на руку, которой опиралась на кожаный локотникъ дивана. Такъ она сидѣла, пока Ліонель курилъ сигару; но, наконецъ, поднялась, чтобы выйти изъ комнаты, съ необыкновеннымъ усиліемъ, которое стоило ей физической боли. Онъ подошелъ къ ней, стараясь удержать ее, пытаясь взять за руку и убѣдительнымъ тономъ произнесъ:

— Милая моя, не старайтесь вести себя такъ, какъ она! Если вы будете смирны, я не вызову васъ въ судъ, даю вамъ честное слово. Вамъ нужно теперь доктора—вотъ кого вамъ нужно... И какая будетъ польза, если вы привезете ее обратно, завернутую въ вату и въ розовую бумажку? Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я соглашусь взглянуть на нее... иначе какъ въ залѣ суда?

— Я должна, должна, должна!—закричала Лаура, вырываясь отъ него и идя къ двери.

— Ну, если такъ, то прощайте,—сказалъ онъ самымъ суровымъ тономъ, какой она когда-либо у него слышала

Она не отвѣчала, но ушла, заперлась въ своей комнатѣ и пробыла такъ около часу. Послѣ этого она сошла въ дѣтскую и попросила миссъ Стэтъ быть такой доброй и придти съ нею поговорить. Лаура сообщила ей, что сестра ея больна, и что она ѣдетъ къ ней за границу. Лаура знала, что гувернанткѣ извѣстна вся правда, и гувернантка знала, что Лаурѣ это прекрасно извѣстно, но обѣ дѣлали видъ, какъ будто бы ничего не случилось; миссъ Стэтъ, сначала вяло и неумѣло помогавшая Лаурѣ укладываться, въ концѣ концовъ заинтересовалась таинственной и романической обстановкой отъѣзда Лауры. Гувернанткѣ стало казаться, что она тоже отчасти героиня романа. Она даже дала денегъ взаймы Лаурѣ, у которой оказалось ихъ очень мало въ портмонé, и проводила ее на станцію желѣзной дороги.

Четверть часа спустя, Лаура сидѣла въ углу вагона, закутанная въ ротонду (іюльскій вечеръ былъ свѣжъ, какъ это часто бываетъ въ Лондонѣ), и нетерпѣливо ждала, когда тронется поѣздъ. Она забилась въ самый уголъ, но это, повидимому, не помѣшало ей быть узнанной джентльменомъ, обходившимъ всѣ вагоны. Какъ только онъ увидѣлъ ее, то вошелъ въ вагонъ и, сѣвъ напротивъ ея, заговорилъ шопотомъ, со сложенными руками. Она закрыла глаза, чтобы не видѣть его; уйти же изъ вагона не могла, потому что онъ загородилъ ей дорогу.

— Я послѣдовалъ за вами сюда... я видѣлъ миссъ Стэтъ... я умоляю васъ не уѣзжать! Прошу васъ, не уѣжайте. Я знаю, что̀ вы дѣлаете, я видѣлъ лэди Давенантъ, она мнѣ все разсказала. Я просилъ ее помочь мнѣ. Я думалъ о васъ непрерывно день и ночь въ продолженіе этихъ четырехъ дней. Лэди Давенантъ сообщила мнѣ ужасныя вещи, и я умоляю васъ не уѣзжать!

Лаура раскрыла глаза (въ его голосѣ была какая-то нотка, тронувшая ее) и на мигъ взглянула на него; то былъ первый взглядъ послѣ тѣхъ отвратительныхъ минутъ, какія она провела въ Ковентгарденѣ. Она никогда не говорила съ нимъ о сестрѣ иначе, какъ съ уваженіемъ, и теперь сказала:

— Я ѣду къ сестрѣ.

— Я знаю это и молю васъ этого не дѣлать: это большая ошибка. Останьтесь и выслушайте меня.

Дѣвушка встала съ мѣста; то же сдѣлалъ и м-ръ Уэндоверъ.

— Что̀ вы можете сказать мнѣ? Это не ваше дѣло!—проговорила она сквозь зубы.—Уйдите, уйдите, уйдите!

— Неужели, вы думаете, я бы сталъ говорить, еслибы не

принималъ въ васъ участія, еслибы я не любилъ васъ! — прошепталъ молодой человѣкъ, около самаго ея лица.

— Никакого участія не нужно. Только люди узнают это и будутъ сплетничать. Такъ мнѣ и слѣдуетъ! Куда я поѣду, если не къ ней?

— Ко мнѣ, ко мнѣ, дорогая, дорогая!—продолжалъ м-ръ Уэндоверъ:—вы больны, вы просто не въ своемъ умѣ! Я люблю васъ! увѣряю васъ.

Она оттолкнула его руками.

— Если вы послѣдуете за мной, я брошусь изъ окна.

— По мѣстамъ! по мѣстамъ!—закричалъ кондукторъ.

М-ръ Уэндоверъ долженъ былъ выйти изъ вагона.

Лаура снова забилась въ уголъ, и поѣздъ тронулся.

М-ръ Уэндоверъ не сѣлъ въ другой вагонъ. Онъ остался въ Лондонѣ и въ тотъ же вечеръ отправился къ лэди Давенантъ. Онъ зналъ, какъ она интересуется Лаурой, и надѣялся узнать о ней что-либо, а вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ сообщить, что слова ея запали ему въ сердце, что она произвела на него неизгладимое впечатлѣніе, что онъ безъ памяти влюбился въ нее!...

Лэди Давенантъ жестоко сердилась на упрямство дѣвушки, но совѣтовала ему терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе.

Недѣлю спустя, она получила извѣстіе отъ Лауры Уингъ изъ Антверпена; Лаура отправлялась въ Америку изъ этого порта, но въ письмѣ своемъ ничего не говорила про тотъ пріемъ, какой ей сдѣлала сестра въ Брюсселѣ и вообще ни слова про Селину.

Въ Америку послѣдовалъ и м-ръ Уэндоверъ за своей юной соотечественницей (этого, по крайней мѣрѣ, она не могла ему запретить), и тамъ въ настоящую минуту практикуется въ добродѣтели, рекомендованной ему лэди Давенантъ. Онъ знаетъ, что у Лауры нѣтъ денегъ, и что она живетъ у дальнихъ родственниковъ въ Виргиніи,—положеніе, которое онъ, быть можетъ, ошибочно считаетъ невыразимо скучнымъ. Онъ знаетъ также, что лэди Давенантъ послала ей пятьдесятъ фунтовъ, и самъ подумываетъ о пересылкѣ денегъ не прямымъ, конечно, путемъ, а черезъ лэди Давенантъ.

Между прочимъ, такъ какъ скандальный процессъ Ліонеля Беррингтона противъ жены долженъ въ скоромъ времени разбираться въ судѣ, м-ръ Уэндоверъ не безъ удовольствія помышляетъ о томъ, что Виргинія далеко отъ береговъ Темзы и не скоро туда дойдутъ подробности о дѣлѣ: „Беррингтонъ—versus Беррингтонъ".

А. Э.

ПРОГРЕССЪ

въ

ПОЛИТИКѢ.

I.

Обычныя понятія о прогрессѣ исходятъ изъ понятія о совершенствованіи и движеніи впередъ, какъ о чемъ-то цѣльномъ и однородномъ, тогда какъ въ дѣйствительности различныя стороны жизни развиваются крайне неравномѣрно и отчасти находятся между собою въ антагонизмѣ. Разсуждая о прогрессѣ и создавая для него теоретическія формулы, обыкновенно имѣютъ при этомъ въ виду только одинъ изъ его элементовъ, и строятъ обобщенія или на успѣхахъ научныхъ и техническихъ знаній, или на развитіи внѣшней культуры и промышленности, или на признакахъ совершенствованія общественнаго и политическаго быта; предполагается, что процвѣтаніе въ одной области означаетъ прогрессъ и въ остальныхъ сферахъ человѣческой жизни. Для однихъ прогрессъ заключается только въ умственномъ движеніи, для другихъ—въ экономическомъ и культурномъ, для третьихъ—въ нравственномъ и политическомъ, такъ что часть принимается за цѣлое. Этимъ и объясняется, какъ намъ кажется, противорѣчивость большинства существующихъ теорій прогресса.

Много разъ было замѣчено, что великіе культурные успѣхи часто совпадаютъ съ нравственнымъ упадкомъ общества, и что блестящее развитіе наукъ и искусствъ можетъ сопутствовать общественному и политическому регрессу. Лучшія произведенія клас-

сической древности принадлежатъ тѣмъ эпохамъ, когда политическая жизнь клонилась къ застою и порча нравовъ становилась всеобщею; Горацій и Виргилій, Тацитъ и Сенека писали не въ періодъ могучаго и свободнаго роста римской республики, а при господствѣ властителей, поставившихъ свой личный произволъ на степень закона. То же явленіе повторяется и въ новой исторіи Европы. Вѣкъ Людовика XIV, столь богатый въ области литературнаго и художественнаго творчества, былъ эпохою нравственнаго и соціальнаго разложенія французскаго общества и народа. Философія XVIII столѣтія выросла и развилась на почвѣ стараго режима, когда государство служило орудіемъ въ рукахъ небольшого привилегированнаго класса и развратъ правителей сдѣлался какъ бы оффиціальнымъ учрежденіемъ. Время наибольшаго расцвѣта нѣмецкой науки и литературы совпадало съ жалкимъ прозябаніемъ германскихъ государствъ, съ владычествомъ принциповъ Меттерниха и священнаго союза. Гёте и Шиллеръ, Фихте и Гегель, Шеллингъ и Гумбольдтъ дѣйствовали при господствѣ политической реакціи въ Германіи. Умственное движеніе, связанное съ именемъ Сенъ-Симона, возникло во Франціи въ реакціонную эпоху реставраціи; тогда же появились первые философскіе труды Огюста Конта. Наши собственные тридцатые и сороковые годы свидѣтельствуютъ о томъ же фактѣ разлада между умственными успѣхами и политическимъ состояніемъ общества. Нельзя поэтому устанавливать общую теорію прогресса, которая одинаково обнимала бы различные элементы общественнаго развитія, а необходимо въ отдѣльности анализировать условія совершенствованія въ каждой изъ главныхъ областей человѣческихъ интересовъ и потребностей. Вмѣсто неопредѣленнаго представленія о прогрессѣ вообще, нужно ввести болѣе точныя понятія о положительныхъ формахъ и видахъ прогрессивнаго движенія. Прогрессъ умственный требуетъ для себя не тѣхъ условій, какія нужны для прогресса политическаго; культурный и промышленный—зависятъ отъ другихъ причинъ и обстоятельствъ, чѣмъ нравственный и соціальный. Безполезно было бы спорить о томъ, какіе успѣхи важнѣе для человѣческихъ обществъ—умственные или политическіе, нравственные или матеріальные. Безъ элементарнаго матеріальнаго обезпеченія невозможно умственное и нравственное развитіе, а безъ послѣдняго немыслимо улучшеніе общественнаго и политическаго быта. Но при существованіи условій для сносной человѣческой жизни получаетъ наибольшую важность и становится впереди и выше всѣхъ прочихъ интересовъ—забота о достиженіи или сохраненіи такого соціальнаго устройства, ко-

торое позволяетъ жить и развиваться людямъ безъ взаимныхъ насилій и беззаконій, согласно нуждамъ и потребностямъ каждаго. Общественные и политическіе интересы должны занимать первое мѣсто уже потому, что ими опредѣляется и отъ нихъ зависитъ судьба всего общества. Чтò поможетъ процвѣтаніе наукъ и искусствъ, высокій умственный и нравственный уровень отдѣльныхъ лицъ, если неудачное управленіе горсти честолюбцевъ способно въ каждый данный моментъ навлечь на страну военное разореніе и привести народъ на край погибели? Чтò помогли бы наилучшія условія народнаго благосостоянія, еслибы это благосостояніе не было гарантировано отъ фискальнаго хищничества и отъ разорительныхъ государственныхъ мѣръ, внушаемыхъ односторонними интересами и стремленіями правящаго класса? Хорошее управленіе, соотвѣтствующее потребностямъ всего населенія, служитъ необходимою санкціею для культурныхъ, умственныхъ и нравственныхъ успѣховъ народа. Вотъ почему вопросы о политическомъ и общественномъ строѣ должны имѣть первенство передъ всѣми другими.

Существуетъ одно значительное различіе между умственнымъ прогрессомъ и другими проявленіями совершенствованія: первый не имѣетъ предъ собою ни опредѣленной границы, ни окончательной цѣли, и потому можетъ продолжаться непрерывно—по крайней мѣрѣ въ теоріи, открывая человѣку безконечныя перспективы; тогда какъ политическое или нравственное развитіе заключается въ постепенномъ осуществленіи извѣстнаго положительнаго идеала, опредѣляемаго жизненными потребностями и стремленіями народовъ, и легко можно предвидѣть моментъ, когда дальнѣйшія перемѣны въ достигнутыхъ основахъ быта окажутся уже ухудшеніями—симптомами упадка и разложенія. Въ политикѣ и въ морали нѣтъ и не можетъ быть того постояннаго совершенствованія, которое свойственно умственному движенію; тамъ люди стремятся къ достиженію желательнаго состоянія, признаваемаго наилучшимъ, между тѣмъ какъ въ области научныхъ и техническихъ знаній всякая остановка развитія была бы началомъ паденія. Поэтому умственное творчество, какъ постоянно дѣйствующая сила, считается главнымъ и даже единственнымъ двигателемъ прогресса; увеличеніе знаній принимается за мѣрило человѣческихъ успѣховъ вообще. Но успѣхи наукъ не должны быть смѣшиваемы съ умственнымъ ростомъ общества: науки могутъ процвѣтать и развиваться въ небольшомъ классѣ спеціалистовъ, при полномъ невѣжествѣ громаднаго большинства народа, и наоборотъ, распространеніе знаній въ народѣ, знаменую-

щее умственный его ростъ, можетъ идти рядомъ съ ослабленіемъ самостоятельнаго научнаго творчества въ спеціальной средѣ ученыхъ. Притомъ философія и наука, замкнутыя въ тѣсный кругъ, обращаются столь же часто на служеніе цѣлямъ реакціи, какъ и прогресса. Независимо отъ тѣхъ двигателей науки и литературы, которые сознательно отдаютъ свои таланты и познанія въ распоряженіе регрессивныхъ элементовъ общества, можно назвать цѣлый рядъ мыслителей, искренно создававшихъ и проповѣдовавшихъ ученія, враждебныя интересамъ общественнаго развитія. Достаточно вспомнить имена Гоббса, Мальтуса, де-Мэстра, Шталя, новѣйшихъ теоретиковъ ложно понятой борьбы за существованіе и сторонниковъ примѣненія органической доктрины въ соціальныхъ наукахъ. Заблужденія и противорѣчія ученыхъ изслѣдователей составляютъ неизбѣжный элементъ въ общемъ ходѣ умственнаго прогресса, но они могутъ оказаться удобнымъ орудіемъ реакціи въ области политической жизни, и это вліяніе ихъ нерѣдко остается въ силѣ еще долго послѣ того, какъ самыя ученія опровергнуты и забыты.

Свѣтлые и глубокіе умы, посвященные научнымъ занятіямъ, далеко не всегда дѣйствуютъ въ прогрессивномъ направленіи при встрѣчѣ съ реальными вопросами жизни и политики. Знаменитый Давидъ Юмъ могъ быть защитникомъ Стюартовъ въ своей „Исторіи Англіи"; такіе проницательные историки, какъ Нибуръ, Леопольдъ Ранке, Трейчке, Гизо, являются консерваторами и отчасти даже недальновидными консерваторами на практикѣ. Для теоретическаго ума внѣшнее спокойствіе и порядокъ предпочтительнѣе шумнаго движенія впередъ; тамъ, гдѣ требуются прежде всего энергія характера, сила воли, рѣшительность и находчивость въ дѣйствіяхъ, способность управлять людьми и событіями, тамъ люди умственнаго труда будутъ всегда отступать передъ менѣе просвѣщенными, но болѣе энергическими общественными дѣятелями. Идеалъ общественнаго устройства, изложенный Огюстомъ Контомъ въ „Позитивной политикѣ" и основанный на предполагаемомъ владычествѣ организованнаго умственнаго авторитета надъ матеріальными силами народовъ, при помощи смягчающаго и облагороживающаго женскаго вліянія, противорѣчитъ дѣйствительной природѣ вещей и останется лишь безплодною мечтою кабинетнаго философа [1]). Для представителей науки будетъ всегда

[1]) Впрочемъ, было бы крайне несправедливо считать мысль Конта о „двойномъ союзѣ философовъ съ женщинами и пролетаріями", какъ и вообще всю его „Позитивную политику", только продуктомъ больного ума. Не надо забывать, что этотъ трактатъ писался въ такое время, когда самые смѣлые планы общественнаго пере-

казаться наиболѣе благопріятнымъ такое общественное состояніе, когда миръ и покой господствуютъ въ жизни и въ умахъ; но для народа и общества далеко не безразлично, происходитъ ли этотъ внутренній миръ вслѣдствіе сознательнаго внутренняго удовлетворенія, или же вслѣдствіе безропотнаго подчиненія внѣшней подавляющей силѣ. Въ періоды усиленнаго политическаго развитія лучшіе умы увлекаются живыми, волнующими всѣхъ вопросами и интересами; въ области отвлеченной мысли замѣчается тогда отливъ творчества. Когда борьба не приноситъ полезныхъ плодовъ и становится предметовъ эксплуатаціи для честолюбцевъ низшаго разбора, передовыя умственныя силы общества уходятъ въ науку и литературу, или въ частную предпріимчивость; застой или упадокъ въ общественномъ движеніи сопровождаются тогда временнымъ усиленіемъ научной и литературной производительности. Эти приливы и отливы творчества, совершающіеся въ одной области насчетъ другой, служатъ какъ бы отраженіемъ перемѣнъ, происходящихъ въ политическомъ состояніи страны. Гдѣ политическая жизнь окончательно вошла въ широкое общественное русло и приняла спокойное и плавное теченіе, тамъ устанавливается гармонія между умственными, нравственными и политическими интересами общества. Въ передовыхъ западно-европейскихъ государствахъ консерватизмъ не имѣетъ уже ничего общаго съ регрессомъ и можетъ служить такою же прогрессивною силою, какъ и направленіе либеральное или радикальное; нѣтъ уже существеннаго различія между правительственными системами и принципами руководящихъ политическихъ партій: при министерствѣ лорда Сольсбери англичане чувствуютъ себя столь же свободными, какъ и при министерствѣ Гладстона; французы не замѣчаютъ разницы между управленіемъ радикала Флоке и оппортунистовъ. Оттого выдающіеся писатели и ученые Англіи или Франціи могутъ свободно отдаваться естественной склонности кабинетныхъ людей къ политическому консерватизму; Ренанъ и товарищи его по ака-

---

устройства вырабатывались писателями и предлагались для непосредственнаго примѣненія, а проектъ позитивной религіи, основанной на „культѣ человѣчества“, былъ нисколько не хуже другихъ подобныхъ системъ, пущенныхъ въ ходъ фурьеристами и сенъ-симонистами. Замѣтимъ кстати, что принципіальное различіе, проведенное самимъ Контомъ между его теоретической соціологіею и „политикою“, не ослабляется, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ заглавіи послѣдняго сочиненія прибавлены также слова: „traité de sociologie“,—такъ какъ по терминологіи Конта „политика“ называется также „конкретной соціологіей“, въ отличіе отъ абстрактной, теоретической. Въ такомъ смыслѣ употребляются эти термины и комментаторами Конта. См., напр., *Léopold Bresson*, Les trois évolutions etc. Paris, 1888, стр. 25.

деміи—такіе же противники возрастающей демократіи, какъ сэръ Генри Мэнъ и Спенсеръ.

Ошибочно было бы думать, что опредѣленіе признаковъ совершенствованія или упадка въ развитіи человѣческихъ обществъ есть дѣло произвольной субъективной оцѣнки, и что оно не можетъ основываться на безспорныхъ объективныхъ данныхъ, одинаково убѣдительныхъ для всѣхъ и каждаго. Высказывать подобные взгляды въ печати—значитъ оскорблять здравый смыслъ читателей. Эпоха возрожденія будетъ для всѣхъ эпохою возрожденія наукъ и искусствъ, а не упадка или застоя ихъ. Что вѣкъ Людовика XIV былъ вѣкомъ блестящаго развитія литературы, всеобщей порчи нравовъ среди господствующихъ сословій и крайне бѣдственнаго состоянія большинства французскаго населенія—объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній, если только держаться почвы фактовъ. Періодическія голодовки, чрезмѣрная тяжесть податей, повальныя продажи рабочаго скота и крестьянскихъ земель для удовлетворенія фиска или сельскихъ ростовщиковъ, изгнанія поселянъ для превращенія ихъ участковъ въ владѣльческіе парки—считаются вездѣ и всегда свидѣтельствами народнаго разоренія, а не процвѣтанія. Отдѣльныя лица могутъ находить это разореніе выгоднымъ для крупныхъ землевладѣльцевъ или для будущаго прогресса сельско-хозяйственной культуры въ помѣстьяхъ, но относительно значенія даннаго факта для самихъ разоряемыхъ массъ немыслимы никакія разногласія. Еслибы мы имѣли точную статистику для прошлаго, какъ имѣемъ ее для настоящаго, то мы обладали бы безспорными объективными данными для оцѣнки состоянія народовъ въ различныя эпохи, и тогда устранились бы сами собою тѣ разнорѣчія и сомнѣнія, которыя вызываются теперь недостаточностью или неполнымъ анализомъ фактическаго матеріала. Иные готовы даже отрицать объективное значеніе принципа „наибольшаго благосостоянія наибольшаго числа людей“ въ государствѣ, на томъ основаніи, что этотъ принципъ будто бы не признается сторонниками свободной борьбы за существованіе. Но не странно ли приписывать, напримѣръ, Спенсеру отрицательное отношеніе къ идеѣ народнаго блага только потому, что это благо достигается, по его теоріи, путемъ свободнаго соперничества, а не путемъ филантропіи и законодательства? О способахъ достиженія „наибольшаго благосостоянія наибольшаго числа людей“ могутъ существовать самые противоположные взгляды; но это не касается самого принципа, которымъ всегда руководствуются и будутъ руководствоваться при оцѣнкѣ соціальныхъ явленій. Если въ од-

ной странѣ большинство населенія пользуется прочнымъ и независимымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, а въ другой—состоитъ изъ бездомныхъ пролетаріевъ, эксплуатируемыхъ горстью капиталистовъ и землевладѣльцевъ, то не возникнетъ даже никакого вопроса о томъ, въ которой изъ этихъ двухъ странъ народъ находится въ лучшемъ положеніи. Кто послѣдовательно проводитъ принципъ свободнаго развитія индивидуальности, какъ Спенсеръ, тотъ не можетъ допускать правительственную или частную опеку надъ отдѣльными классами населенія, хотя бы опека вызывалась мотивами человѣколюбія. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что Спенсеръ или кто-либо другой усмотритъ благосостояніе тамъ, гдѣ есть только нищенство, или приметъ развитіе пауперизма за признакъ совершенствованія общества. Точно такъ же въ области политической жизни никто не усомнится, къ какому разряду фактовъ отнести продажность администраціи, казнокрадство, господство аферистовъ и карьеристовъ, произволъ и беззаконіе; не будетъ также двухъ точекъ зрѣнія относительно фактовъ противоположныхъ—неподкупности и строгой законности управленія, преобладанія интересовъ общенародныхъ надъ мотивами корысти и честолюбія. Никакіе субъективные взгляды писателей не сдѣлаютъ чернаго бѣлымъ, не заставятъ принимать пораженіе за побѣду, признанные всѣми общественные недуги — за достоинства, народную бѣдность—за богатство; а если и дѣлаются такія попытки, то онѣ неизбѣжно встрѣчаютъ отпоръ въ литературѣ и пропадаютъ безслѣдно въ общемъ потокѣ мнѣній.

Талантливый изслѣдователь можетъ дать новое освѣщеніе фактамъ или открыть въ нихъ то, чего не замѣчали другіе; но выводы его будутъ убѣдительны только тогда, когда они основаны на несомнѣнныхъ логическихъ и фактическихъ, т.-е. объективныхъ доказательствахъ. Тѣ самые писатели, которые разсуждаютъ о какомъ-то „субъективномъ методѣ", стараются дѣйствовать вполнѣ объективно при изученіи спеціальныхъ вопросовъ, собирая нужныя и даже ненужныя данныя, чтобы извлечь изъ нихъ какую-нибудь теорію. Въ сущности, всѣ эти толки о необходимости субъективизма въ соціальныхъ изслѣдованіяхъ суть пустые споры о словахъ, и на нихъ совершенно не стоило бы останавливаться, еслибы они не выдавались за нѣчто серьезное въ нашей литературѣ [1]).

[1]) При помощи нѣкоторой игры словъ можно, напр., оправдывать „субъективный методъ" тѣмъ, что существуютъ же методы историческій, этнографическій и др., о которыхъ также ничего не говорится въ курсахъ научной логики; но для всякаго ясно, что слово „историческій" или „этнографическій" указываетъ на вполнѣ опре-

Говоря о политическомъ прогрессѣ, мы можемъ вкратцѣ указать только на главныя и общія черты, которыми характеризуется современное движеніе и развитіе политической жизни среди культурныхъ государствъ Запада. Не трудно отличить здоровыя и благотворныя стороны этого движенія отъ вредныхъ и болѣзненныхъ, если считать единственнымъ критеріемъ, обязательнымъ въ подобныхъ случаяхъ, дѣйствительное реальное благо народовъ.

II.

Въ вышедшей недавно книгѣ извѣстнаго экономиста Мясковскаго, автора замѣчательныхъ изслѣдованій по поземельному праву Швейцаріи и Германіи, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія строки, которыя съ перваго взгляда могутъ показаться довольно странными.

„Въ ходѣ развитія историческихъ знаній за послѣднее столѣтіе, — говоритъ нѣмецко-польскій ученый, — едва ли найдется фактъ болѣе интересный, чѣмъ внезапное вступленіе понятія *общества* въ кругозоръ изслѣдованія и то великое значеніе, какое пріобрѣла соціальная точка зрѣнія для различныхъ историческихъ наукъ. Какъ вынырнувшій изъ моря островъ, внезапно выросла эта область для науки. Въ отдѣльныхъ попыткахъ открыть новую землю не было недостатка и прежде; но онѣ не шли дальше простого предположенія объ ея существованіи. Притомъ эти попытки оставались одинокими, безъ взаимной связи и безъ вліянія на научныя стремленія данной эпохи. Даже самое предположеніе большею частью отсутствовало у основателей политическихъ доктринъ новаго времени (XVI-го и XVII-го вѣка) и выступающихъ съ половины XVIII-го вѣка экономистовъ, какъ и ихъ послѣдователей. Ни у Гуго Гроція, Гоббса, Мильтона и Локка, ни у Руссо и Бентама, ни у Кенэ, Тюргò и непосредственныхъ послѣдователей Адама Смита, не встрѣчается слѣдовъ сознательнаго представленія объ общественныхъ образованіяхъ, ихъ дви-

---

дѣленный, положительный способъ изслѣдованія, тогда какъ назвать методъ субъективнымъ—все равно, что назвать его „какимъ угодно“. Первые методы принадлежатъ къ сложнымъ видамъ индукціи, а о послѣднемъ приходится сказать, что онъ противоположенъ не только индукціи и дедукціи, но и здравому смыслу. Можно также, при желаніи, не видѣть разницы между планомъ или методомъ практической организаціи и методомъ теоретическаго изученія; но эти смѣшенія разнородныхъ понятій, прикрываемыя сходствомъ словъ, едва ли введутъ въ заблужденіе серьезнаго читателя.

женіяхъ, силахъ и законахъ, какъ и о томъ рѣшающемъ вліяніи, которое исходитъ отъ нихъ и дѣйствуетъ на жизнь отдѣльныхъ лицъ и организованной ихъ совокупности — государства. Изъ-за исключительной противоположности между личностью и государствомъ, около которой вращаются политическія ученія вплоть до нашего столѣтія, оставлена была незамѣченною обширная средняя область, лежащая между обоими понятіями. Государство считалось основаннымъ единственно на суммѣ индивидовъ... Этотъ же взглядъ господствовалъ и въ старой политической экономіи... Только революція, разыгравшаяся во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка и распространившаяся затѣмъ по Европѣ, освѣтила своими зловѣщими лучами скрытую до тѣхъ поръ во мракѣ область общества... Но лишь въ настоящемъ столѣтіи удалось установить границы этой области и удѣлить изученію ея самостоятельное мѣсто въ кругу государственныхъ (т.-е. общественныхъ) наукъ [1]).

Мы такъ привыкли къ установившимся понятіямъ объ обществѣ, объ общественныхъ интересахъ и потребностяхъ, что намъ трудно представить себѣ существованіе того недавняго еще пробѣла, на который указываетъ Мясковскій. Какъ могло случиться, что общество, среди котораго люди жили и дѣйствовали, составляло какую-то темную, невѣдомую область, нуждавшуюся еще въ открытіи со стороны ученыхъ? Чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ этомъ странномъ обстоятельствѣ, необходимо вспомнить коренную перемѣну, происшедшую въ понятіи и значеніи государства за послѣднее столѣтіе. Адамъ Смитъ говоритъ еще о важности народнаго богатства для увеличенія „доходовъ государя“, которые не отличаются имъ отъ доходовъ государственныхъ. Мерсье де Ла-Ривіéръ доказывалъ, что король есть собственникъ государства, заинтересованный въ прочномъ его благосостояніи, тогда какъ всякій временный или пожизненный правитель есть только пользовладѣлецъ, стремящійся извлечь возможно больше выгодъ изъ своего обладанія. Государства западной Европы составляли какъ бы частную собственность монарховъ, которые дѣлили и соединяли ихъ между собою посредствомъ родственныхъ союзовъ и соглашеній. Общество всецѣло поглощалось и подавлялось государствомъ, которое въ свою очередь поглощалось феодальнымъ монархизмомъ. Въ государствѣ существовали сословныя и общественныя группы; но онѣ представляли только свои спеціальные интересы и рѣдко поднимались

---

[1]) *August von Miaskowski*, Agrarpolitische Zeit- und Streitfragen, Lpz. 1889, стр. 1—3.

до сознанія интересовъ общественныхъ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова. Съ точки зрѣнія стараго режима, не было никакой „средней области“ между правителями и управляемыми, между интересами государственными и частными, и слѣдовательно нельзя было ожидать „открытія“ ея для науки. Ученые писатели говорили о томъ, что̀ есть, — о государствѣ и о сословіяхъ, о подданныхъ вообще, называемыхъ также народомъ; они могли только вполнѣ отвлеченно разсуждать о человѣческомъ обществѣ, какъ о совокупности отдѣльныхъ личностей, связанныхъ договоромъ или принужденіемъ. Новое понятіе „общества“ вошло въ оборотъ только тогда, когда самое общество выступило на сцену исторіи, въ качествѣ самостоятельнаго фактора политической жизни, а „внезапность“ этого расширенія научнаго кругозора, упоминаемая Мясковскимъ, объясняется внезапностью тѣхъ событій, которыми сопровождалась указанная метаморфоза въ западной Европѣ.

Въ большей части европейскихъ государствъ господствуетъ теперь общественное мнѣніе, которому подчиняются правительства даже въ самыхъ важныхъ вопросахъ войны и мира. Интересами страны и народа прикрываются всякія политическія предпріятія и стремленія, хотя бы они вызывались только потребностями и желаніями одного властвующаго элемента. Государственные люди ссылаются на общественное мнѣніе и опираются на него даже тамъ, гдѣ оно не играетъ признанной руководящей роли. Такъ какъ понятіе „общества“ получило такую важность въ новѣйшее время, то неточное примѣненіе его становится все чаще предметомъ сознательной софистики. Къ числу наиболѣе употребительныхъ софизмовъ слѣдуетъ отнести смѣшеніе одного какого-либо общественнаго класса съ цѣлымъ обществомъ: сюда относятся обычныя ссылки на интересы всего общества, когда рѣчь идетъ въ сущности объ интересахъ одного дворянства, или купечества, или чиновничества. Но эти софизмы разоблачаются легко и вводятъ въ заблужденіе только тѣхъ, кто желаетъ быть обманутымъ. Гораздо важнѣе другіе, болѣе утонченные пріемы, основанные на неясной разграниченности самыхъ понятій общества, народа и государства. Подъ обществомъ разумѣютъ, во-первыхъ, верхніе слои народа, участвующіе непосредственно въ выработкѣ такъ-называемаго общественнаго мнѣнія. Когда дѣло касается вопросовъ общей государственной политики, затрогивающихъ одинаково всѣ классы населенія, то къ этимъ верхнимъ слоямъ принято обращаться какъ къ обществу,—ибо только въ этой средѣ устанавливаются и выражаются сознательныя мнѣнія

по текущимъ политическимъ вопросамъ. Въ этомъ смыслѣ говорятъ о настроеніи общества относительно внѣшнихъ дѣлъ и объ его потребностяхъ и ожиданіяхъ по общенароднымъ внутреннимъ дѣламъ. Во-вторыхъ, понятіе общества можетъ совпадать съ понятіемъ народа въ его цѣломъ, безъ различія классовъ; въ такомъ именно широкомъ значеніи понимается общество, когда оно противопоставляется государству. Здѣсь лежитъ источникъ одного изъ самыхъ популярныхъ и опасныхъ софизмовъ—смѣшенія самого государства съ обществомъ. Этотъ софизмъ составляетъ логическую основу, на которой строятъ свои заключенія нѣмецкіе проповѣдники и приверженцы правительственнаго всевластія въ области экономической жизни.

Многіе писатели разсуждаютъ такъ: государство представляетъ собою общество въ организованномъ видѣ; оно совмѣщаетъ въ себѣ всѣ творческія общественныя силы и функціи; оно одно даетъ начало всѣмъ институтамъ права и власти; оно есть высшее выраженіе и воплощеніе національнаго единства, и потому всѣ права и полномочія, принадлежащія или могущія принадлежать обществу и народу, принадлежатъ eo ipso государству и олицетворяющему его правительству. Доказывая, напримѣръ, что въ идеальномъ человѣческомъ общежитіи земля должна составлять общую собственность и что общество имѣетъ высшую распредѣлительную власть надъ своими членами, нѣмецкіе теоретики, какъ Адольфъ Вагнеръ и его единомышленники, прямо переносятъ эти предполагаемыя полномочія на современное историческое государство. Такимъ образомъ коллективное право превращается въ бюрократическій соціализмъ, общественное право на землю—въ казенное или государственное, и идеальное общежитіе—въ полицейскій порядокъ. Этотъ способъ разсужденія, начинающій съ идеаловъ и кончающій полиціею, повторяется сплошь и рядомъ въ новѣйшихъ проектахъ государственнаго соціализма. Даже такой проницательный писатель, какъ Генри Джорджъ, не избѣгнулъ смѣшенія общества съ государствомъ, хотя онъ, впрочемъ, имѣлъ нѣкоторое право отождествлять государство съ обществомъ, въ качествѣ гражданина сѣверо-американской республики. Оба понятія сливались въ республикахъ древняго міра, гдѣ государственность дѣйствительно совпадала съ общественностью, гдѣ каждый полноправный членъ общества былъ въ то же время участникомъ политической власти и жизни. Но можно ли примѣнять эту точку зрѣнія къ государству феодальнаго происхожденія, какъ напримѣръ прусское, гдѣ до недавняго еще времени общество служило лишь объектомъ власти, гдѣ правящій классъ

отдѣленъ сословными перегородками отъ большинства населенія и господствуетъ надъ нимъ въ видѣ организованной военно-бюрократической силы? Требовать признанія за этимъ государствомъ всѣхъ обширныхъ правъ и функцій, вытекающихъ изъ отвлеченнаго представленія объ обществѣ,—значитъ отдавать не только настоящіе жизненные интересы, но и самую будущность народовъ, въ полное распоряженіе представителей одного господствующаго элемента, находящагося обыкновенно въ скрытомъ или явномъ антагонизмѣ съ остальными классами общества. Необходимо поэтому точное соблюденіе принципіальнаго различія между понятіями общества и государства. Нужно всегда имѣть въ виду, что государство есть внѣшняя политическая организація, которую приводитъ въ движеніе правительство, и что устройство и характеръ этого послѣдняго опредѣляютъ отношенія между государствомъ и обществомъ—степень ихъ различія, близости или совпаденія. Идеаломъ считается въ западной Европѣ прочное сліяніе государства съ обществомъ, исчезновеніе пограничной черты между властвующими и управляемыми, превращеніе самого общества въ государство; но пока различіе существуетъ въ дѣйствительности, оно должно сохранять свою силу въ словахъ и понятіяхъ.

Преобладаніе общественной или общенародной точки зрѣнія надъ частными и сословными интересами составляетъ наиболѣе характеристическій фактъ современной государственной жизни. Мысль о томъ, что государство существуетъ для всего народа, а не для какого-либо отдѣльнаго класса, твердо укоренилась въ общемъ сознаніи. Когда говорятъ теперь о необходимости извѣстной законодательной мѣры, то при этомъ всегда приводятся соображенія государственной и общественной пользы, хотя бы самая мѣра была желательна только для ограниченнаго круга лицъ. Специальныя стремленія отдѣльныхъ сословій и классовъ выступаютъ уже не иначе, какъ подъ знаменемъ общаго блага. Никто, напримѣръ, въ Англіи не станетъ оправдывать существованіе особой палаты лордовъ тѣмъ, что оно выгодно для англійской аристократіи; напротивъ, защитники этой части парламента становятся по возможности на общую государственную точку зрѣнія и совершенно устраняютъ элементъ сословной исключительности и своекорыстія. Этимъ объясняется то странное явленіе, что за верхнюю палату высказываются скромные теоретики, какъ покойный Мэнъ, и плебеи, какъ Гошенъ, а къ числу ея противниковъ готовы примкнуть представители аристократіи, какъ Чёрчилль. Изъ среды консервативной партіи вышелъ проектъ

закона объ устраненіи изъ верхней палаты „недостойныхъ“ членовъ, хотя и принадлежащихъ къ ней по рожденію. Роль правителей измѣнилась; то, что прежде было только привилегіею, превращается въ служебную функцію, приноровленную къ интересамъ страны; прежнія исключительныя права все болѣе уступаютъ мѣсто обязанностямъ.

Публичные интересы перестали быть достояніемъ замкнутыхъ сословныхъ группъ и вышли на широкій просторъ общественнаго мнѣнія; они сдѣлались публичными въ истинномъ смыслѣ этого слова т.-е. доступными общему обсужденію и контролю. Перейдя на общенародную почву, государство соотвѣтственнымъ образомъ расширило свои задачи и измѣнило характеръ своей дѣятельности; съ этою метаморфозою неразрывно связано установившееся господство общественнаго мнѣнія въ западной Европѣ, такъ какъ это господство вытекаетъ само собою изъ признанной первостепенной роли общества и народа въ дѣлахъ политической жизни. Фактически первенствующее вліяніе остается за высшими и средними классами, обладающими наибольшимъ богатствомъ культурныхъ и матеріальныхъ средствъ; но это владычество не задерживаетъ естественнаго роста демократіи и не закрываетъ ей доступа къ законному воздѣйствію на политику и законодательство страны. Общественные классы, перемѣнчивые по своему составу, лишенные прочной организаціи, разъединенные соперничествомъ и противоположностью интересовъ, не могутъ сыграть ту роль, которая въ былое время принадлежала сословіямъ. Политическія учрежденія, унаслѣдованныя отъ прошлаго, получили новый, демократическій смыслъ; формы остались, но сущность измѣнилась кореннымъ образомъ.

III.

Вторая существенная черта современнаго политическаго состоянія культурныхъ народовъ заключается въ развитіи индивидуализма, основаннаго на началахъ личной свободы, самодѣятельности и равенства. Вмѣстѣ съ паденіемъ или ослабленіемъ сословныхъ перегородокъ устраняются за-одно всѣ корпоративныя путы, стѣснявшія свободу личности; общественное движеніе, направленное противъ сословнаго гнета, пошло дальше непосредственной цѣли и выдвинуло индивидуализмъ на степень общаго закона, которому долженъ подчиняться духъ солидарности. Открылось свободное поле для личной предпріимчивости, энергіи и

изобрѣтательности; взаимная конкурренція и борьба доставляли торжество сильнѣйшимъ и способствовали небывалому развитію промышленности.

Но это благотворное значеніе индивидуализма выражалось нѣсколько иначе въ области политики и морали. Если экономическіе интересы повидимому выигрывали отъ односторонняго индивидуальнаго эгоизма, то этого никакъ нельзя сказать объ интересахъ политическихъ и нравственныхъ. Прогрессъ въ одномъ отношеніи не былъ прогрессомъ въ другихъ: упадокъ общинныхъ связей въ городахъ и селахъ сопровождался упадкомъ соціальнаго чувства; самостоятельная общественная жизнь мѣстности и провинціи лишилась своего живого источника и постепенно изсякла; мѣстная автономія, выражавшаяся въ своеобразныхъ представительныхъ учрежденіяхъ и обычаяхъ, легко уступала напору центральной государственной власти, вносившей повсюду внѣшнюю однородность и бюрократическій формализмъ. Личность утратила точку опоры въ окружающей общественной атмосферѣ и осталась совершенно безоружною противъ единственнаго обязательнаго авторитета, сохранившаго свою силу въ обществѣ. Исчезли всѣ преграды для полной централизаціи управленія и для правительственнаго всевластія вообще; центръ поглощаетъ то, что̀ потеряли провинціи и общины.

Не имѣя подъ собою почвы въ мѣстномъ общественномъ строѣ и оставаясь свободными отъ принадлежности къ какой-либо корпораціи, отдѣльныя личности добываютъ или отстаиваютъ свое соціальное положеніе путемъ тяжелой жизненной борьбы; потерпѣвъ неудачу, онѣ не могутъ разсчитывать на чью-либо помощь и симпатію. Черствый эгоистическій разсчетъ и неразборчивость въ средствахъ имѣютъ несравненно больше шансовъ успѣха, чѣмъ нравственная совѣстливость и стремленіе къ справедливости. Торжество и благосостояніе однихъ, безпомощность и отчаяніе другихъ, господство своекорыстныхъ инстинктовъ надъ нравственными и соціальными — таковы моральные плоды индивидуализма въ сферѣ экономической жизни. Упадокъ мѣстной автономіи, крайнее усиленіе правительственнаго механизма и государственной централизаціи—плоды индивидуализма въ политикѣ.

Эти послѣдніе результаты не обнаружились только тамъ, гдѣ власть не имѣетъ въ своемъ распоряженіи значительной постоянной арміи и зависитъ всецѣло отъ народнаго представительства, какъ напримѣръ въ Англіи и въ Соединенныхъ-Штатахъ; тамъ удержались еще традиціи мѣстнаго самоуправленія.

Если старый сословно-корпоративный строй наводилъ на срав-

неніе общества съ организмомъ, то къ современнымъ демократическимъ обществамъ это сравненіе уже совершенно непримѣнимо. Раздѣленіе общества на классы по профессіямъ, по имущественному положенію и образованію, не имѣетъ въ себѣ ничего прочнаго и опредѣленнаго; всевозможныя занятія и общественныя функціи переплетаются въ пестромъ разнообразіи, измѣняясь постоянно въ самыхъ неожиданныхъ сочетаніяхъ. Простой работникъ по ремеслу можетъ, не покидая своей профессіи, стоять во главѣ большой и сильной политической партіи, какъ напримѣръ токарный мастеръ Бебель въ Германіи. Вчерашній каменноугольный рабочій, какъ Басли, дѣлается членомъ парламента во Франціи и вліяетъ весьма успѣшно на соціальное законодательство своей страны. Работникъ Линкольнъ возвышается до положенія временнаго правителя великой державы въ самый критическій моментъ ея существованія; преемникомъ его былъ портной Джонсонъ, который послѣ своей отставки занялся вновь торговлей готовыми платьями. Генералъ Грантъ, въ промежуткахъ между исполненіемъ обязанностей полководца и президента республики, завѣдывалъ кожевеннымъ заводомъ и участвовалъ въ дѣлахъ банкирской фирмы. Знаменитый теперь писатель по политической экономіи и энергическій общественный дѣятель, Генри Джорджъ, началъ свою карьеру въ качествѣ простого наборщика; теперь онъ стоитъ во главѣ организованнаго имъ могущественнаго движенія и руководитъ „рабочею партіею“ (Labour-party) въ Соединенныхъ Штатахъ, откуда оказываетъ вліяніе и на идеи рабочихъ массъ въ Европѣ. Многіе генералы и полковники въ Америкѣ суть въ то же время адвокаты или купцы, превратившіеся въ военныхъ дѣятелей въ періодъ междоусобной борьбы, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; такимъ случайнымъ генераломъ является и нынѣшній президентъ, Гаррисонъ. Можно было бы привести множество примѣровъ этой легкости перехода отъ одной профессіи къ другой и отсутствія всякихъ разграниченій между классами и функціями въ передовыхъ современныхъ обществахъ. Эдисонъ былъ въ юности продавцомъ газетъ и спичекъ; общество не только не помѣшало ему выдвинуться своими талантами и энергіею, но, напротивъ, облегчило ему достиженіе славы и богатства, ибо неограниченная свобода личности и соперничества благопріятствуетъ побѣдѣ сильныхъ умовъ и характеровъ. Утверждать, что общество имѣетъ будто бы склонность превращать личность въ пассивное орудіе или въ клѣточку соціальнаго организма — значитъ, очевидно, понимать вещи навыворотъ; еще меньше смысла имѣетъ предположеніе, что индивидуальность пользуется еще ма-

лымъ просторомъ въ новѣйшихъ демократіяхъ и нуждается будто бы въ особой борьбѣ противъ общества для защиты своего права на самостоятельное существованіе и развитіе.

Жалобы на чрезмѣрное развитіе индивидуализма давно уже сдѣлались общимъ мѣстомъ въ политической и экономической литературѣ; но при этомъ не всегда принималась во вниманіе причинная связь указаннаго явленія съ новыми условіями общественнаго и государственнаго быта. Подъ знаменемъ свободы и равенства достигнуто было превращеніе подданныхъ въ гражданъ; каждый членъ общества получилъ право голоса и критики въ дѣлахъ государства, и это формальное участіе личности въ вопросахъ законодательства и управленія казалось столь заманчивымъ и важнымъ, что потеря автономіи въ общинахъ и областяхъ могла уже совершенно отступить на заднiй планъ. Расширеніе полномочій государства въ ущербъ самоуправленію стало считаться дѣломъ полезнымъ или по меньшей мѣрѣ безразличнымъ для народа съ тѣхъ поръ, какъ самъ народъ признанъ былъ активнымъ факторомъ государственнаго могущества. Между тѣмъ безъ воспитательнаго вліянія самоуправленія полноправные граждане представляютъ собою весьма неустойчивую массу, направляемую въ ту или другую сторону честолюбивыми и популярными дѣятелями, иногда вопреки дѣйствительнымъ интересамъ общества. Не привыкши обсуждать и взвѣшивать нужды своихъ мѣстныхъ общинъ и провинцій, люди тѣмъ менѣе могутъ проявлять спокойную разсчетливость и послѣдовательность при обсужденіи болѣе отдаленныхъ вопросовъ и задачъ общей политики. Они поддаются случайнымъ настроеніямъ, охватывающимъ общество и поддерживаемымъ извѣстною частью журналистики; они увлекаются призраками внѣшнихъ опасностей и столкновеній, раздуваемыхъ жадною къ новизнѣ и къ эффектамъ печатью. Искренніе и недальновидные патріоты соблазняются эфемернымъ блескомъ какого-нибудь любимца толпы, въ родѣ генерала Буланже, и готовы слѣдовать за нимъ по пути рискованныхъ политическихъ приключеній. Такія повальныя увлеченія суть именно послѣдствія индивидуализма, не сдерживаемаго привычками самоуправленія и духомъ общественной солидарности; люди подчиняются свободнымъ внушеніямъ фантазіи и гонятся за моднымъ кумиромъ только потому, что политика остается для нихъ чѣмъ-то отвлеченнымъ, безъ непосредственнаго реальнаго и практическаго содержанія; въ своихъ житейскихъ дѣлахъ тѣ же увлекающіяся личности поступаютъ весьма разсчетливо и благоразумно, не жертвуя ни малѣйшимъ интересомъ ради красивыхъ словъ и фразъ. Существуетъ

мнѣніе, что герои являются тѣмъ чаще и тѣмъ легче увлекаютъ толпу, чѣмъ бѣднѣе и однообразнѣе общественная жизнь, чѣмъ ограниченнѣе и скуднѣе кругъ впечатлѣній, дѣйствующихъ на общество. Этотъ взглядъ прямо противоположенъ дѣйствительности. Нигдѣ нѣтъ такого разнообразія и живости политическихъ впечатлѣній, какъ во Франціи, и нигдѣ не создаются герои такъ быстро и легко и въ такомъ изобиліи, какъ у французовъ. Чѣмъ демократичнѣе и централизованнѣе государственный строй, чѣмъ меньше опоры имѣетъ личность въ корпоративныхъ учрежденіяхъ и союзахъ, тѣмъ легче люди поддаются руководству случайныхъ вождей и тѣмъ сильнѣе увлекаются героями, мѣняя ихъ вмѣстѣ съ перемѣною настроенія и обстоятельствъ. Неустойчивость политической жизни есть такимъ образомъ одинъ изъ естественныхъ результатовъ односторонняго господства индивидуализма.

Невыгодныя стороны индивидуализма находятъ себѣ противовѣсъ въ весьма важныхъ искусственныхъ организаціяхъ, пріобрѣтающихъ все бо̀льшее значеніе въ новѣйшее время. Въ сферѣ экономической и соціальной устанавливаются и непрерывно разростаются многочисленные союзы—промышленные, профессіональные и филантропическіе, основанные на добровольныхъ соглашеніяхъ между участвующими лицами; нѣкоторые изъ этихъ союзовъ, особенно рабочіе, обнимаютъ десятки тысячъ населенія и обѣщаютъ въ будущемъ обнять цѣлые классы, соединенные общностью нуждъ и интересовъ. Въ сферѣ политической играютъ руководящую роль организованныя парламентскія партіи и политическіе клубы. Но эти союзы существуютъ для спеціальныхъ цѣлей и между прочимъ для цѣлей борьбы; одни изъ нихъ имѣютъ въ виду достиженіе успѣха при помощи совмѣстныхъ усилій, а другіе—профессіональные и благотворительные—облегчаютъ положеніе участниковъ только въ опредѣленныхъ случаяхъ и въ какомъ-нибудь одномъ отношеніи, причемъ могутъ отчасти способствовать возрожденію ослабѣвшаго чувства солидарности. Что̀ касается союзовъ политическихъ, то они полезны и необходимы для предварительнаго обсужденія вопросовъ, подлежащихъ парламентскому рѣшенію; но какъ партіи, имѣющія свою дисциплину и своихъ признанныхъ руководителей, эти союзы стѣсняютъ свободу дѣйствій своихъ членовъ и заставляютъ ихъ подчиняться не только принятой разъ политической программѣ, но и рѣшенію вождей въ каждомъ данномъ случаѣ. Часто члены парламента подаютъ голоса противъ своего личнаго убѣжденія, чтобы не нарушить единства партіи и не навлечь на себя нареканій за измѣну или за отпаденіе; независимые характеры, рѣшающіеся

дѣйствовать по своему, остаются одинокими („дикими"—по нѣмецкой парламентской терминологіи) и обречены на безсиліе, если не обладают выдающимся талантомъ краснорѣчія или особенною способностью вліять на умы. Какъ орудіе цѣлесообразной политической дѣятельности, прочная партійная организація имѣетъ свое оправданіе; но какъ нравственная школа для членовъ партіи, она имѣетъ свои значительныя неудобства, о которыхъ много разъ говорилось въ литературѣ. Неудобства эти отчасти смягчаются существованіемъ нѣсколькихъ партій и группъ, соотвѣтствующихъ различнымъ направленіямъ въ обществѣ; каждый можетъ найти между ними тотъ оттѣнокъ, въ которомъ выражаются раздѣляемые имъ взгляды и симпатіи. Сдѣлавъ свой выборъ, депутатъ только подтверждаетъ этимъ свою программу, изложенную во время выборовъ; въ дальнѣйшемъ онъ отдаетъ себя въ распоряженіе партіи, успѣхъ которой равносиленъ успѣху его личныхъ стремленій.

Во всѣхъ государствахъ политическія партіи носятъ одинаковыя названія, подъ которыми скрывается однако совершенно неодинаковый смыслъ. Блюнчли думалъ психологически объяснить повсемѣстное дѣленіе партій на радикальную, либеральную, консервативную и реакціонную. Теорія его, заимствованная у Фридриха Ромера, заключается въ томъ, что главныя общественныя направленія соотвѣтствуютъ человѣческимъ возрастамъ, имѣющимъ своихъ представителей въ обществѣ: радикализмъ свойственъ смѣлой и стремительной юности; либерализмъ выражаетъ собою бодрую и энергическую молодость; консерватизмъ есть отраженіе сдержанной и благоразумной зрѣлости; наконецъ, духъ реакціи есть принадлежность старчества [1]). Какъ ни остроумно повидимому это объясненіе, но оно не выдерживаетъ критики уже потому, что въ основѣ его лежитъ логическая и фактическая ошибка. Блюнчли придалъ опредѣленное общее значеніе терминамъ, которые въ дѣйствительности имѣютъ крайне разнородное и перемѣнчивое содержаніе, смотря по политическимъ обстоятельствамъ каждой страны. Люди, мечтающіе о водвореніи сносной системы управленія въ Турціи, суть радикалы съ турецкой точки зрѣнія; но самая мечта ихъ не имѣетъ ничего общаго съ дѣтскою стремительностью и обнаруживаетъ только ихъ благоразуміе, съ примѣсью нѣкотораго оптимизма. Желаніе сохранить турецкіе порядки свидѣтельствуетъ о консерватизмѣ, но оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ вытекать изъ

---

[1]) Politik als Wissenschaft, von *J. C. Bluntschli*. Stuttg., 1876, стр. 565 и слѣд.

зрѣлаго пониманія потребностей и положенія турецкой имперіи. При Наполеонѣ III многіе благоразумные французы были радикалами, такъ какъ они требовали возстановленія свободнаго народнаго представительства, свободы печати и сходокъ; теперь они, оставаясь при тѣхъ же убѣжденіяхъ, могутъ быть консерваторами и даже реакціонерами, ибо мечты ихъ превзойдены нынѣшнею республикою. То направленіе, которое называется реакціоннымъ во Франціи, ничѣмъ не напоминаетъ старчества; оно скорѣе свойственно зрѣлымъ умамъ, воспитаннымъ въ школѣ умѣреннаго либерализма. Въ странѣ, гдѣ общественные и государственные недуги пустили глубокіе корни и требуютъ радикальныхъ мѣръ исцѣленія (какъ напр. въ Турціи), всякій понимающій и искренній патріотъ будетъ радикаломъ. Гдѣ установившіеся порядки давно устарѣли и совершенно не отвѣчаютъ цѣли, гдѣ господствуютъ не законы, а злоупотребленія и произволъ, тамъ честные люди не могутъ быть консерваторами. Прежде чѣмъ опредѣлять психологическій характеръ политическихъ партій, необходимо знать, въ какомъ государствѣ и при какихъ обстоятельствахъ онѣ дѣйствуютъ. Слово „консерваторъ“ или „радикалъ“ не даетъ само по себѣ никакого матеріала для психологическихъ заключеній; все дѣло въ томъ, что̀ думаетъ охранять консерваторъ—турецкія ли беззаконія, англійскій ли парламентаризмъ или же французскую конституцію 1875 года.

Въ тѣсной связи съ новѣйшимъ развитіемъ индивидуализма находится третья, наиболѣе характеристическая черта современнаго политическаго положенія европейскихъ народовъ—націонализмъ, наложившій свою печать на всю новѣйшую эпоху всемірной исторіи. Къ этой обширной темѣ мы еще вернемся.

Л. Слонимскій.

ЛѢТНЕЙ ПОРОЮ

1.

* * *

Еще бѣгутъ серебряныя волны
На шумномъ морѣ недозрѣлой ржи,
Еще цвѣтовъ и травъ душистыхъ полны
Подъ яркимъ солнцемъ яркія межи,
Еще подъ небомъ темно-синимъ млѣетъ
Просторъ луговъ, не тронутыхъ косой,
Еще туманъ молочной полосой
Надъ рѣчкою степною не бѣлѣетъ...
    И хороша родная сторона
    Съ ея цвѣтущимъ благовоннымъ лѣтомъ,
    И—какъ лазурь полна тепломъ и свѣтомъ—
    Опять душа поэзіи полна...

2.

ЗАТИШЬЕ.

Надо мною голубѣетъ
Неба яснаго шатеръ,
А кругомъ луговъ цвѣтущихъ
Солнцемъ затканный коверъ.
    Всюду сонъ еще и нѣга,
    Шелохнуться вѣтру лѣнь,
    Лишь безсонная кочуетъ
    Облаковъ отсталыхъ тѣнь...

ЛѢТНЕЙ ПОРОЮ.

Безъ дороги, безъ тропинки,
Вдаль идешь, про все забывъ,
Слыша только жажды счастья
Торжествующій призывъ...
А въ душѣ еще затишье,
Шелохнуться мысли лѣнь,
Лишь безсонная кочуетъ
Слезъ невыплаканныхъ тѣнь...

3.

НА ЗАРѢ.

Шелохнулась въ окнѣ занавѣска,
Лѣтній вѣтеръ въ окно залетѣлъ,
А среди предразсвѣтнаго блеска
Садъ листвою душистой шумѣлъ.

Только спали красавицы-розы,
Только спалъ ихъ пѣвецъ, соловей,
И, какъ чудная пѣсня пѣсней,
Отзывалися въ сердцѣ ихъ грёзы.

Грёзы счастья и грёзы любви,
Беззаботныя юности грёзы,
Эти счастья безумнаго розы
И блаженства его соловьи...

4.

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Серебрятся тополи по вѣтру,
И березы вспыхнули огнемъ;
Таетъ туча съ золотой окрайной,
Тихо таетъ въ небѣ голубомъ.

Почернѣла пыльная дорога
И дрожатъ на нивахъ золотыхъ,
Какъ огни въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ,
Переливы капель дождевыхъ...

Жадной грудью пьешь дыханье степи,
Жаднымъ взоромъ наглядѣться ей
Въ это лѣто, лѣто золотое,
Почему-то хочется сильнѣй...

Или это съ юностью прощанье
И тоска по жизни молодой?
Или то послѣднее свиданье
Степь, моя красавица, съ тобой?..

Тотъ недугъ, что грудь томитъ и давитъ,
Та тоска, что мозгъ и сердце жжетъ,
Вѣрно скоро отъ всего избавитъ,
Чѣмъ душа болѣетъ и... живетъ.

5.

ИДИЛЛІЯ.

Щедрое лѣто осыпало золотомъ
Своды рѣзные аллеи каштановой,
Влажное утро росою жемчужною
Прелесть ея разукрасило за̀ново.

И разгораются розы пунцовыя,
Снѣга бѣлѣе душистыя лиліи,
Въ мѣсяцъ медовый у солнца съ природою,
Въ мѣсяцъ томительно-сладкой идилліи...

Люди одни лишь, судьбою забытые,
Ждутъ—не дождутся весны обновляющей;
Солнце любви сквозь туманы ненастные
Еле кидаетъ свой свѣтъ догорающій...

И осыпаются розы поэзіи,
Грязью обрызганы истины лиліи...
Не до медового мѣсяца, кажется,
Не до томительно-сладкой идилліи...

Мартовъ.

РУССКОЕ СЛАВЯНОВѢДЕНІЕ

въ

XIX-мъ СТОЛѢТІИ

Окончаніе.

III *).

Когда подготовлялась экспедиція первыхъ славистовъ въ концѣ 1830-хъ годовъ, въ ея составъ могли быть выбраны лица, которыя уже раньше по собственному выбору направили свои работы въ область славяновѣденія. Это показывало, что славянскій интересъ самъ собою проникалъ въ среду филологовъ, историковъ и этнографовъ: еще не было никакой каѳедры, но знаніе славянскихъ нарѣчій пріобрѣталось самоучкой, читались славянскія книги, воспитывались славянскія сочувствія. Дѣйствительно, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ славянскій міръ все больше входитъ въ соображенія писателей, работавшихъ по русской старинѣ и этнографіи; сюда направлялись стремленія національныхъ романтиковъ (кружокъ „Московскаго Вѣстника" конца 20-хъ годовъ) и возникавшихъ славянофиловъ; сюда же, по сосѣдству съ теоріей оффиціальной народности, направлялись и фантасты народности, у которыхъ любовь къ славянству кончалась обскурантизмомъ. Въ другомъ мѣстѣ мы подробно говорили о дѣятеляхъ „Маяка", о Морошкинѣ, Савельевѣ-Ростиславичѣ и пр., которые, по слѣ-

*) См. выше: августъ, стр. 683.

дамъ Венелина, старались въ древней исторіи возвеличить славянское начало въ русской исторіи отвергнуть нѣмцевъ, и въ частности „нѣмецкую теорію“ о призваніи варяговъ.

Рядомъ съ этимъ славянскіе интересы нашли ревностнаго партизана въ Погодинѣ, который составлялъ цѣлые планы славянскаго единства и въ концѣ 30-хъ годовъ въ путешествіи и перепискѣ завелъ сношенія съ славянскими учеными и между прочимъ поддерживалъ Шафарика собранными въ Москвѣ средствами [1]). Его журналъ „Москвитянинъ“, основанный въ 1841 году, давалъ нерѣдко свѣденія о славянскихъ земляхъ и славянской литературѣ.

Въ тѣхъ же 1840-хъ годахъ, подъ вліяніемъ упомянутыхъ прежде начатковъ польско-русской научной солидарности въ области славянскихъ интересовъ, основанъ былъ въ Варшавѣ небольшой ученый журналъ „Денница-Jutrzenka“. Онъ издавался П. Дубровскимъ на польскомъ и русскомъ языкѣ и посвященъ былъ общеславянскимъ литературнымъ интересамъ.

Въ тѣ же годы пишетъ книгу о славянской миѳологіи М. Касторскій: посланный за границу для приготовленія къ исторической каѳедрѣ, онъ по собственной иниціативѣ посѣтилъ славянскіе края и въ своей книгѣ уже воспользовался матеріаломъ, какой нашелъ по этому предмету въ западно-славянской ученой литературѣ.

Въ университетахъ провинціальныхъ славяновѣденіе также начинало встрѣчать любителей, какъ въ Харьковѣ Артемовскаго-Гулака, который не чуждъ былъ славянскимъ интересамъ. Мы упоминали выше, что Срезневскій еще юношей возъимѣлъ мысль собрать въ Харьковѣ словацкія пѣсни. Въ Кіевѣ въ 1840-хъ годахъ образуется довольно извѣстное теперь общество Костомарова и его пріятелей, которое задавалось мечтаніями о славянскомъ братствѣ и будущей федераціи славянскихъ племенъ. Костомаровъ также пишетъ книгу о славянской миѳологіи и, чтобы придать ей и по внѣшности самый славянскій и археологическій видъ, печатаетъ ее въ большомъ форматѣ, церковнымъ шрифтомъ, что̀, сказать мимоходомъ, выходило довольно забавно. Намъ случалось указывать извѣстную связь и параллельность новѣйшаго развитія малорусской литературы съ западно-славянскимъ возрожденіемъ. Эта параллельность сказывается, между прочимъ, на дѣятельности Костомарова, который былъ вмѣстѣ и панславистомъ, и

[1]) См. изданіе, приготовленное Н. А. Поповымъ: „Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель (1835—1861)“. 3 выпуска, съ примѣчаніями. Въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. и отдѣльно. М. 1879—1880.

ревностнымъ дѣятелемъ малорусской литературы какъ этнографъ и какъ писатель. Мысли Шевченка, принадлежавшаго къ тому же кругу, также обращались къ великимъ освободительнымъ явленіямъ старо-славянской исторіи. Кулишъ, изъ того же кружка, до ссылки, разогнавшей его членовъ, думалъ посвятить себя славяновѣдѣнію.

Въ московскомъ славянофильскомъ кружкѣ славянскіе интересы должны были естественно занимать важное мѣсто. Въ немъ пока еще не было своихъ спеціалистовъ, но уже въ сороковыхъ годахъ складывается, у Кирѣевскаго и Д. Валуева, идеалистическая теорія объ особности греко-славянскаго міра въ судьбахъ цивилизаціи и необходимости для насъ славянскаго общенія: въ извѣстныхъ московскихъ сборникахъ являются статьи о славянствѣ (напримѣръ замѣчательный разсказъ Срезневскаго о Караджичѣ). Въ концѣ 40-хъ годовъ одинъ изъ близкихъ людей этого круга, А. Н. Поповъ, издалъ любопытную книгу о Черногоріи; за нею послѣдовала потомъ еще книга о той же Черногоріи другого близкаго славянофиламъ лица, Егора Ковалевскаго.

Все это были разрозненные факты; всѣ эти приведенные примѣры интереса къ славянству исходили изъ отдѣльныхъ личныхъ вкусовъ, не имѣли никакого общаго органа и свидѣтельствовали объ одномъ, что, съ одной стороны, въ наукѣ утверждалась потребность дополнить изученіе русской народности данными изъ общаго племенного источника, съ другой—что въ обществѣ зарождался интересъ къ единоплеменному славянскому міру, о которомъ напоминали наука и современная исторія. Лица, которыхъ мы называли, не имѣли между собою почти ничего общаго; никто изъ нихъ не имѣлъ школы, которая приготовляла бы къ изученію славянства; всѣ они касались славянскихъ предметовъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, и внѣшнимъ образомъ ихъ труды появлялись нерѣдко въ самыхъ странныхъ комбинаціяхъ. Такъ, славянскіе интересы и малорусская литература находили мѣсто въ журналѣ, который, съ другой стороны, былъ вмѣстилищемъ страннаго, часто нелѣпаго и упорнаго мракобѣсія (статьи Срезневскаго, Костомарова, въ „Маякѣ"); „Москвитянинъ" подобнымъ образомъ совмѣщалъ извѣстія о славянствѣ, призывы къ славянскому единству, болѣе или менѣе ясныя заявленія славянофильства, съ самыми заурядными писаніями въ духѣ господствовавшей оффиціальной народности и наконецъ съ невозможными измышленіями въ родѣ отрицанія системы Коперника. Съ другой стороны писатели, которые уже вскорѣ стали въ первыхъ рядахъ „западнаго" направленія, принимаютъ участіе въ изданіяхъ славянофильскаго

характера (Соловьевъ, Грановскій, Кавелинъ). Очевидно, что весь вопросъ находился въ періодѣ неяснаго броженія, изъ котораго могли произойти весьма различные результаты. Къ концу 40-хъ годовъ двѣ школы опредѣлились, и когда на одной сторонѣ стали все болѣе опредѣлительно высказываться интересы къ славянскому міру и къ славянской взаимности, съ другой они встрѣчаемы были почти враждебно. Вслѣдствіе той неясности, которая несомнѣнно присутствовала въ тогдашней постановкѣ славянскихъ интересовъ, гдѣ они, напр., могли являться рядомъ и какъ бы въ союзѣ съ самымъ явнымъ обскурантизмомъ, могла естественно рождаться мысль, что они дѣйствительно солидарны и что защита славянскихъ народныхъ началъ явится проповѣдью грубаго племенного начала противъ пріобрѣтеній и идеаловъ просвѣщенія.

Мы указывали, какъ одинъ изъ славистовъ первой группы, Срезневскій, смотрѣлъ на характеръ новѣйшаго славянскаго движенія. Онъ усвоилъ вполнѣ то настроеніе, какое господствовало въ первомъ періодѣ западнаго славянскаго возрожденія. То же настроеніе раздѣляли и его сотоварищи: это было самое горячее сочувствіе къ славянскому возрожденію, желаніе, чтобы и въ русскомъ обществѣ распространился интересъ къ славянскимъ литературамъ и народной поэзіи, ожиданіе, что придетъ время, когда осуществятся стремленія славянскихъ народовъ,—стремленія, справедливость которыхъ казалась столь очевидной; но затѣмъ точка зрѣнія первыхъ славистовъ оставалась чисто платонической. Мы видѣли, что внѣ каѳедры ихъ дѣятельность заключалась чисто въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, особливо о далекихъ вѣкахъ исторіи, въ собираніи матеріала; но и на каѳедрѣ они не излагали своихъ взглядовъ на цѣлый славянскій вопросъ и отношенія къ нему Россіи, русскаго общества и народа. Правда, время, въ которое они начали дѣйствовать, было совершенно неблагопріятно для такой постановки дѣла: разсужденіе о славянствѣ въ этомъ направленіи необходимо должно было войти въ область политики, а это было тогда строжайше запрещено. Именно къ этой сторонѣ дѣла правительство относилось крайне недовѣрчиво и сурово: невинныя мечтанія о славянской федераціи, Костомарова и его пріятелей, сочтены были за преступленіе; по поводу подобныхъ мыслей Ив. Аксакова имп. Николай высказался прямо, что славянское единство было бы бѣдствіемъ для Россіи. Очевидно между тѣмъ, что если какія-нибудь связи соединяли насъ съ міромъ славянскимъ, онѣ въ концѣ концовъ должны были приходить къ какому-нибудь реальному результату. Развиваясь дальше,

онѣ должны были создавать извѣстную солидарность: какой же могъ быть ея исходъ?

Этого вопроса не рѣшало первое поколѣніе славистовъ, по крайней мѣрѣ не рѣшало иначе какъ въ туманномъ, сантиментальномъ идеалѣ. Одни изъ нихъ, кажется, сознательно устранялись отъ этого вопроса—въ виду трудностей или даже опасностей, его сопровождавшихъ; другіе ограничивались отвлеченными сочувствіями идеѣ единства, не опредѣляя ближе, чѣмъ оно могло выразиться, какими средствами могло достигаться.

Между тѣмъ подготовлялось новое поколѣніе славистовъ, уже гораздо болѣе многочисленное. Каждый изъ центровъ университетскаго славяновѣденія поставилъ рядъ молодыхъ ученыхъ, которые, съ одной стороны, вели дальше дѣло научнаго изслѣдованія славянскаго міра, съ другой—стали ближе къ практическому вопросу объ отношеніяхъ славянства и Россіи; многіе изъ нихъ были не только ученые, но и публицисты славянскаго вопроса.

Первые представители новаго поколѣнія славистовъ явились въ Москвѣ учениками Бодянскаго. Въ хронологическомъ порядкѣ первымъ явился г. Новиковъ, впослѣдствіи русскій посланникъ въ Константинополѣ и въ Вѣнѣ. Онъ выступилъ въ 1849 году съ диссертаціей „о важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій", за которою въ 1859 послѣдовалъ обширный трудъ о Гусѣ и Лютерѣ [1]). Первая книга была чисто филологическая; вторая касалась одного изъ капитальныхъ вопросовъ западно-славянской исторіи и указывала высокое нравственное значеніе дѣятельности славянскаго реформатора, какъ результатъ племенного характера и воспоминаній стараго православія. Впослѣдствіи г. Новиковъ покинулъ научныя занятія славянскимъ міромъ, и книга его о Гусѣ и Лютерѣ, исполненная съ большимъ знаніемъ дѣла, остается свидѣтельствомъ какъ его собственныхъ представленій о предметѣ, такъ и его школы.

Другимъ ученикомъ Бодянскаго былъ Гильфердингъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ славистовъ, о которомъ дальше скажемъ подробнѣе.

Далѣе, ученикомъ Бодянскаго былъ А. А. Майковъ, который издалъ обширный трудъ по исторіи древняго сербскаго языка въ связи съ исторіею народа (1857), изслѣдованіе о судѣ присяжныхъ у южныхъ славянъ (1861) и въ послѣднее время ведетъ хронику славянской политической жизни въ одномъ изъ нынѣшнихъ журналовъ.

---

[1]) Еще раньше изслѣдованіе: „Православіе у чеховъ", въ „Чтеніяхъ" Моск. Общ., 1848.

Назовемъ дальше А. А. Котляревскаго, занимавшаго профессуру въ Дерптѣ и Кіевѣ; А. Л. Дювернуа, который сталъ преемникомъ Бодянскаго по славянской каѳедрѣ въ московскомъ университетѣ; А. А. Кочубинскаго, профессора новороссійскаго университета; М. С. Дринова, профессора въ Харьковѣ.

Изъ школы Срезневскаго вышли немногіе, но, между прочимъ, замѣчательные слависты. Назовемъ бр. Лавровскихъ, В. В. Макушева, О. Миллера, В. Бильбасова, и особливо В. И. Ламанскаго. Н. А. Лавровскій, писавшій вообще немного, только отчасти коснулся русско-болгарской письменной древности въ диссертаціи о языкѣ договоровъ русскихъ съ греками. О. Миллеръ также только отчасти занятъ былъ славянскими предметами, именно съ публицистической стороны, особливо по поводу новѣйшихъ славянскихъ событій („Славянство и Европа, статьи и рѣчи 1865—1877 г." Спб., 1877). В. Бильбасовъ написалъ изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи (Спб., 1866—70). О трудахъ П. А. Лавровскаго, Макушева и г. Ламанскаго скажемъ далѣе [1]).

Изъ учениковъ Григоровича назовемъ: А. Соколова, издавшаго въ концѣ 1840 годовъ переводъ и изслѣдованіе о Краледворской рукописи; Троянскаго, который странствовалъ въ южнославянскихъ земляхъ; М. Петровскаго, который былъ преемникомъ Григоровича по казанской каѳедрѣ; А. И. Смирнова, который сталъ впослѣдствіи издателемъ его лекцій и, занимая каѳедру въ Варшавѣ, издаетъ „Филологическій Вѣстникъ", основанный Колосовымъ; наконецъ, П. Ровинскаго.

Это второе поколѣніе славистовъ работало обыкновенно въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны этимъ писателямъ принадлежатъ цѣнныя спеціальныя изслѣдованія по исторіи и этнографіи славянскихъ племенъ, съ другой—они ставятъ вопросы публицистическіе. Это послѣднее было весьма естественно. Во-первыхъ, со второй половины 50-хъ годовъ внѣшнее положеніе русской литературы до нѣкоторой степени улучшилось, и явилась возможность говорить о вещахъ, которыя въ прежнее время были для нея закрыты; во-вторыхъ, событія, совершавшіяся въ славянскомъ мірѣ, вызывали къ опредѣленію тѣхъ русско-славянскихъ отношеній, которыя фактически выступали въ этихъ событіяхъ.

Въ настоящее время старѣйшій преподаватель „славянскихъ нарѣчій" есть г. Ламанскій. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ 1883 г.,

---

[1]) Нѣкоторыя работы учениковъ Срезневскаго за первое время помѣщены въ „Опытахъ историко-филолог. трудовъ студентовъ Гл. Педагогич. института".

въ память 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности изданъ былъ его учениками сборникъ трудовъ по славяновѣдѣнію. Здѣсь находимъ цѣлый длинный рядъ его слушателей, представляющихъ уже третье поколѣніе нашихъ славистовъ (многіе изъ нихъ были, впрочемъ, также слушателями Срезневскаго). Въ этомъ новомъ поколѣніи есть уже нѣсколько именъ писателей, извѣстныхъ своими трудами по разнымъ отраслямъ русско-славянской исторіи. Назовемъ гг. Зигеля, профессора въ Варшавѣ, извѣстнаго книгой о законодательствѣ Стефана Душана, древняго сербскаго царя; г. Будиловича, профессора въ Варшавѣ; Ю. Анненкова, недавно умершаго, съ успѣхомъ работавшаго по старой чешской литературѣ; Ѳ. И. Успенскаго, профессора въ новороссійскомъ университетѣ; Р. Брандта, профессора въ нѣжинскомъ институтѣ, потомъ въ Москвѣ; К. Грота, въ Варшавѣ; М. Соколова, профессора въ Нѣжинѣ; Т. Флоринскаго, въ Кіевѣ, извѣстнаго изслѣдованіями о древне-сербской исторіи; П. Сырку; И. Пальмова; Ѳ. Истомина, и др.

Бо̀льшая часть названныхъ здѣсь лицъ уже заявили сѐбя основательными трудами по разнымъ отраслямъ славяновѣдѣнія. Большинство изъ нихъ знакомы съ славянскими землями и народами по собственному наблюденію, и въ полной мѣрѣ пользуются славянскими источниками. Въ смыслѣ общихъ положеній мы пока не находимъ здѣсь новаго; большею частію ученики слѣдуютъ учителю, но матеріалъ русскаго славяновѣдѣнія сильно размножается, и надо думать, что за тѣми частными детальными изслѣдованіями, какими занята школа г. Ламанскаго, какъ вообще новѣйшая русская славистика, послѣдуютъ, наконецъ, труды общаго и руководящаго значенія.

Въ послѣднее время на русской каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій дѣйствовалъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ современнаго славянскаго міра, г. Ягичъ —сначала въ Одессѣ, потомъ, черезъ шестилѣтній промежутокъ берлинской профессуры, въ Петербургѣ, нынѣ приглашенный на славянскую каѳедру въ Вѣнѣ, гдѣ онъ сталъ преемникомъ Миклошича.

Если мы прибавимъ еще имена гг. Качановскаго и Снегирева, занимающихъ каѳедры въ Казани, г. Пальмова—въ петербургской духовной академіи; наконецъ, упомянемъ ученыхъ, спеціальность которыхъ есть чистая филологія, какъ А. А. Потебня въ Харьковѣ, Ив. А. Бодуэнъ де-Куртенэ въ Казани, потомъ въ Дерптѣ,—мы перечислимъ, кажется, всѣхъ современныхъ дѣятелей нашего университетскаго славяновѣдѣнія. Но интересъ къ славян-

ству идетъ и дальше каѳедры. Мы укажемъ ниже еще рядъ ученыхъ писателей, труды которыхъ соприкасаются съ славянской стариною и современностью, и имена нѣсколькихъ любителей, работающихъ въ той же области.

Было бы долго перечислять все, чтò сдѣлано было новыми поколѣніями славистовъ по славянской древности, исторіи, языку и этнографіи. Мы остановимся на нѣсколькихъ болѣе выдающихся дѣятеляхъ и нѣсколькихъ произведеніяхъ, занимающихъ болѣе важное мѣсто въ составѣ науки. Намъ придется упомянуть прежде всего писателей, дѣятельность которыхъ уже завершилась.

Въ этомъ ряду значительнѣйшихъ русскихъ славистовъ особенно почетное мѣсто принадлежитъ Гильфердингу.

Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ былъ ученикомъ Бодянскаго въ славистикѣ и ученикомъ Хомякова въ философско-историческихъ и національныхъ теоріяхъ. Онъ родился въ 1831 г. и, послѣ перваго образованія въ Варшавѣ въ домѣ отца (управлявшаго впослѣдствіи архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ), въ 1848 году поступилъ въ московскій университетъ и въ то же время вошелъ въ славянофильскій кружокъ Кирѣевскихъ, Хомякова, Аксаковыхъ, чтò опредѣлило его будущее направленіе; въ особенности имѣлъ на него вліяніе Хомяковъ. Въ университетѣ Гильфердингъ видимо работалъ очень усиленно и прямо по окончаніи курса уже началъ свою ученую дѣятельность. Въ 1853 году напечатано было въ „Извѣстіяхъ“ русскаго отдѣленія академіи (и отдѣльно) его изслѣдованіе „О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ“, и затѣмъ его магистерская диссертація: „Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ“ (Москва, 1853). Эти первые труды, гдѣ Гильфердингъ, кажется, слишкомъ полагался на указанія Хомякова, не принадлежатъ къ его лучшимъ трудамъ [1]); впослѣдствіи онъ рѣдко обращался къ филологіи и занялся преимущественно изученіемъ давней и современной исторіи славянства. Въ 1855 году вышла его „Исторія балтійскихъ славянъ“ [2]), затѣмъ „Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ“ [3]). Оба эти изслѣдованія, направленныя на два далекіе одинъ отъ другого пункты славянской древ-

---

[1]) Бодянскій даже затруднялся принять эту послѣднюю книгу за диссертацію и принялъ только по расположенію къ молодому автору. См. „О. М. Бодянскій въ его дневникѣ“, „Истор. Вѣстникъ“, 1887, декабрь.

[2]) Сначала въ „Москвитянинѣ“, потомъ отдѣльной книгой. М. 1855, I т.

[3]) Въ „Моск. Вѣдом.“ и въ „Русской Бесѣдѣ“, и отдѣльно. М. 1856—1859.

ности, свидѣтельствовали о большой начитанности автора, который одинаково освоился и съ средневѣковыми латинскими хронистами, и съ южно-славянскою письменностью и стариной. Оба сочиненія были вмѣстѣ съ тѣмъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей литературы, гдѣ они являлись первыми цѣльными трудами по славянской исторіи. Послѣ крымской войны Гильфердингъ, для ближайшаго знакомства съ современнымъ славянствомъ, отправился въ Боснію, гдѣ получилъ мѣсто русскаго консула. На пути онъ познакомился съ національными дѣятелями австрійскаго славянства, а на мѣстѣ ревностно изучалъ исторію и современное положеніе сербскихъ земель, находившихся тогда подъ турецкимъ владычествомъ; онъ сдѣлалъ путешествіе по этимъ краямъ, отыскивалъ памятники, и результатомъ было обширное сочиненіе: „Боснія, Герцеговина и Старая Сербія“ [1]). Описаніе путешествія связано здѣсь съ изображеніями народнаго быта, съ историческими и историко-литературными изслѣдованіями. Эта книга есть одно изъ лучшихъ путешествій по славянскимъ землямъ въ нашей литературѣ и можетъ быть поставлена на ряду съ путешествіемъ Григоровича по европейской Турціи. Въ то же время Гильфердингъ слѣдилъ за явленіями современной славянской жизни и сообщалъ свои статьи въ начавшуюся тогда „Русскую Бесѣду“; сжатый, но весьма содержательный обзоръ новѣйшаго славянскаго движенія сдѣланъ былъ имъ во французской брошюрѣ: „Les Slaves Occidentaux“ (Paris, 1858), вышедшей безъ имени автора и только позднѣе напечатанной по-русски. Впослѣдствіи Гильфердингъ сдѣлалъ еще разъ путешествіе по Сербіи и Болгаріи, и собралъ здѣсь значительную массу, между прочимъ замѣчательнѣйшихъ рукописей, перешедшихъ потомъ въ библіотеку покойнаго Хлудова. Въ началѣ 1860-хъ годовъ Гильфердингъ сдѣлалъ еще поѣздку въ другой славянскій край—Померанію, гдѣ изучалъ слѣды стараго славянскаго населенія этого края и его нынѣшній остатокъ—племя кашубовъ [2]).

По возвращеніи изъ Босніи служба Гильфердинга продолжалась въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ, между прочимъ, вѣдались славянскія дѣла земель, принадлежавшихъ Турціи, — а потомъ въ государственной канцеляріи. Во время польскаго возстанія Гильфердингъ перешелъ на службу въ Варшаву, гдѣ, какъ говорятъ, былъ однимъ изъ дѣя-

[1]) Издано въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ Геогр. Общества и отдѣльно. Спб. 1859.

[2]) Его изслѣдованія въ „Извѣстіяхъ“ Академіи и отдѣльно: „Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря“. Спб., 1862.

тельныхъ сотрудниковъ Н. А. Милютина; замѣтимъ, что тамъ же работали другія извѣстныя лица славянофильскаго круга, Самаринъ и кн. Черкасскій. Въ то же время онъ принималъ дѣятельное участіе въ литературной разработкѣ польскаго вопроса, и рядъ его замѣчательныхъ статей помѣщенъ былъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ и особенно въ газетѣ „День“ и другихъ изданіяхъ Ивана Аксакова. Въ послѣдніе годы онъ задумалъ обширный трудъ: „Исторію славянъ“, но успѣлъ написать только начало— изслѣдованіе о древнѣйшемъ славянствѣ [1]). Въ тѣ же послѣдніе годы онъ издалъ еще: „Общеславянскую азбуку, съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій“ (Спб., 1870) и брошюру: „Гусъ. Его отношенія къ православной церкви“ (Спб., 1871).

Вернувшись изъ Варшавы въ Петербургъ, Гильфердингъ перешелъ на службу при государственномъ совѣтѣ и также былъ выбранъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія въ Географическомъ обществѣ. Здѣсь, между прочимъ, онъ былъ заинтересованъ открытіями Рыбникова, который нашелъ въ олонецкомъ краѣ обильные запасы живой эпической поэзіи, въ массѣ былинъ со множествомъ новыхъ эпическихъ подробностей. Открытіе было такъ неожиданно для нашего ученаго міра, который считалъ русскій эпосъ почти окончательно вымершимъ, что на первое время инымъ, даже авторитетнымъ людямъ, приходила мысль о подлогѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ явленіе это было такъ любопытно, что Гильфердингъ рѣшился отправиться въ Олонецкій край, чтобы собрать свѣденія на мѣстѣ. Лѣтомъ 1871 года онъ употребилъ два мѣсяца на эту поѣздку, изъ которой вернулся съ богатѣйшими пріобрѣтеніями. Результатомъ его поѣздки были, во-первыхъ, чрезвычайно любопытный разсказъ о его путешествіи съ внимательнымъ наблюденіемъ народнаго быта [2]) и, во-вторыхъ, огромное собраніе былинъ, вышедшее въ свѣтъ уже послѣ его смерти. Въ 1872 году Гильфердингъ предпринялъ новую поѣздку на сѣверъ; на этотъ разъ онъ хотѣлъ осмотрѣть южные уѣзды архангельской губерніи. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга 8-го іюня, а 20-го была получена телеграмма о его смерти въ Каргополѣ: онъ умеръ отъ тифа, полученнаго, вѣроятно, въ неудобныхъ условіяхъ путешествія.

Въ 1868-мъ году онъ началъ изданіе своихъ сочиненій, но успѣлъ издать только два первыхъ тома; впослѣдствіи вышло и

---

[1]) Помѣщено было въ „Вѣстн. Европы“, 1868: „Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ“.

[2]) Описаніе поѣздки было помѣщено въ „Вѣстн. Европы“, 1872, и вошло потомъ какъ предисловіе въ изданіе былинъ.

еще два тома [1]). Послѣ его смерти изданы были также собранныя имъ былины [2]), замѣчательный этнографическій трудъ, представившій массу прекрасно записанныхъ текстовъ, и изумительный по рѣдкой энергіи и обширности труда, совершоннаго въ короткій промежутокъ времени.

Гильфердингъ былъ однимъ изъ талантливѣйшихъ представителей русскаго славяновѣденія. Съ обширными свѣдѣніями соединялся у него ясный умъ и преданность своему убѣжденію. Онъ былъ, конечно, человѣкъ своей школы съ извѣстными ея односторонностями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, свободный отъ пристрастій упрямаго доктринерства и умѣвшій понимать факты дѣйствительности: въ этомъ отношеніи замѣчательно и упомянутое описаніе его олонецкаго путешествія. О его мнѣніяхъ и личномъ характерѣ замѣчалъ одинъ изъ его друзей: „По своему политическому направленію, покойный Гильфердингъ принадлежалъ къ числу самыхъ гуманныхъ и вольномыслящихъ общественныхъ дѣятелей. Своимъ тихимъ, кроткимъ нравомъ, ровнымъ, сдержаннымъ характеромъ, вмѣстѣ съ блестящими умственными дарованіями и обширнымъ образованіемъ, А. Ѳ. Гильфердингъ легко привлекалъ къ себѣ людей разнообразныхъ направленій и характеровъ. Всѣ они находили въ немъ живого, умнаго собесѣдника, готоваго всегда на дружеское одолженіе вліятельнымъ ходатайствомъ, совѣтомъ, мыслью, книгами, рукописями“ [3]).

Старѣйшимъ ученикомъ Срезневскаго былъ П. А. Лавровскій (1827—1886). Родомъ изъ духовнаго званія, воспитанникъ стараго Педагогическаго института, курсъ котораго онъ кончилъ въ 1851, Лавровскій, еще будучи въ институтѣ, выбралъ своей спеціальностью славянскую филологію, и первый трудъ его по Реймскому евангелію напечатанъ былъ въ „Опытахъ“ студентовъ института (Спб., 1852). Тотчасъ по окончаніи здѣсь курса, онъ былъ

---

[1]) Сочиненія Гильфердинга. Спб., 1868 и д.

[2]) Онежскія былины. Спб., 1873.

[3]) См. Некрологи: „Вѣстн. Европы“, 1872, авг., стр. 902—907.

— „Голосъ“, 1872, № 53 (Бестужева-Рюмина).

— „Русская Старина“, 1872, № 10, стр. 452—470, и поправка въ № 11 (М. Семевскаго).

— „Спб. Вѣдомости“, 1872, № 168.

— Рѣчь Погодина о Гильфердингѣ, „Современныя Извѣстія“, 1872, № 272.

— Воспоминаніе крестьянина объ А. Г., Касьянова, „Русская Старина“, 1872, № 12.

— Олонецкія губернскія „Вѣдомости“, 1872, № 48.

— Въ память Гильфердинга, Т. Филиппова, „Гражданинъ“, 1873, № 8.

— Письмо въ редакцію Ив. Бодуэна-де-Куртенэ. „Новое Время“, 1875, № 203.

назначенъ на славянскую каѳедру въ Харьковѣ, незанятую со времени Срезневскаго. Въ 1852 году онъ защищалъ свою магистерскую диссертацію „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“; въ 1854 году—докторскую диссертацію: „Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской“. Съ 1859 до начала 1861 онъ путешествовалъ по славянскимъ землямъ и въ 1863 году издалъ обширный трудъ: „Кириллъ и Меѳодій какъ славянскіе проповѣдники у западныхъ славянъ“, предметъ, къ изслѣдованію котораго онъ возвратился еще разъ въ послѣдній годъ своей жизни. Въ 1869 году онъ назначенъ былъ ректоромъ варшавскаго университета, преобразованнаго тогда изъ бывшей главной школы, и читалъ также лекціи по сравнительной грамматикѣ славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ. Здѣсь онъ былъ не долго. Въ концѣ 1872 года онъ оставилъ варшавскій университетъ, жилъ въ Петербургѣ, причисленный къ министерству; въ 1875 году назначенъ былъ попечителемъ во вновь образованный оренбургскій учебный округъ, затѣмъ въ 1880 году переведенъ былъ въ округъ одесскій, а въ 1885 вышелъ въ отставку [1]).

Кромѣ названныхъ сейчасъ трудовъ, Лавровскій писалъ довольно много по разнымъ отраслямъ славяновѣденія. Укажемъ, напримѣръ, его филологическія работы, какъ описаніе нѣсколькихъ древнихъ рукописей въ Публичной библіотекѣ; объ этимологическихъ особенностяхъ стариннаго польскаго языка; о русскомъ полногласіи, 1858; обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями, 1859; о коренномъ значеніи въ названіяхъ родства у славянъ, 1867; сербско-русскій словарь, 1870, и русско-сербскій, 1880. Далѣе, Лавровскій останавливался на славянской миѳологіи: отмѣтимъ особенно разборъ изслѣдованія Потебни „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ повѣрій и обрядовъ“, 1866. Далѣе, нѣсколько работъ посвящено западно-славянской исторіи и старой литературѣ („Паденіе Чехіи въ XVII вѣкѣ“, 1868 и др.). Наконецъ, нѣсколько обширныхъ и мелкихъ статей было посвящено впечатлѣніямъ и наблюденіямъ его во время путешествія (напримѣръ, „Трехмѣсячное путешествіе по южнымъ краямъ Австріи“, въ „Русскомъ Словѣ“, 1860, и друг.) и отзывамъ о различныхъ явленіяхъ современной славянской жизни.

Какъ изслѣдователь, Лавровскій имѣетъ большія достоинства: онъ отличается точностью и обстоятельностью своихъ разысканій,

---

[1]) Краткая біографія его, А. Ѳ. Бычкова, и тамъ же списокъ его ученыхъ трудовъ въ Журналѣ Министерства Просвѣщенія, 1886, апрѣль, стр. 54—71.

которыя очень цѣнятся спеціалистами. Послѣднее время занятый административною дѣятельностью, онъ работалъ меньше, чѣмъ надо было ожидать по его интересу къ славяновѣденію. Работы его, какъ мы видѣли, не представляютъ, какъ и у первыхъ славистовъ, ни одного цѣльнаго обобщающаго труда, а только разработку отдѣльныхъ вопросовъ. Въ своей общей точкѣ зрѣнія Лавровскій, главнымъ образомъ, шелъ по слѣдамъ учителя. Просматривая его путевые разсказы и корреспонденціи, мы видимъ какъ бы продолженіе тѣхъ впечатлѣній, какія нѣкогда испытывалъ и разсказывалъ Срезневскій; являются, конечно, новые люди, новыя обстоятельства, но общій взглядъ есть то же представленіе о славянской взаимности, о народныхъ достоинствахъ славянскихъ литературъ, и такое же удаленіе отъ другихъ литературныхъ интересовъ, придававшія его трудамъ извѣстную односторонность. Самые вопросы подвинулись, конечно, дальше, и Лавровскій настаивалъ для насъ на славянской солидарности, для славянства—на обязательности нравственныхъ и реальныхъ связей съ Россіею, но трудный вопросъ оставался все-таки неяснымъ: какъ было совмѣстить „славянскую политику“ самой Россіи и условія ея политическаго быта съ условіями славянской жизни и какъ при этомъ могло быть обезпечено упорное стремленіе отдѣльныхъ частей славянства поддерживать и развивать свою племенную индивидуальность. Во всякомъ случаѣ Лавровскій былъ усерднымъ дѣятелемъ въ ученой разработкѣ славяновѣденія, и здѣсь за нимъ останется немалая заслуга.

Въ числѣ его учениковъ называютъ: А. А. Потебню, заслуженнаго филолога и миѳолога, и покойнаго Колосова.

В. В. Макушевъ (1837—1883) былъ также ученикомъ Срезневскаго. Еще бывши студентомъ, онъ, по предложенію профессора, написалъ сочиненіе, изданное потомъ на университетскій счетъ: „Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ“ (Спб., 1861). Это было нѣчто въ родѣ дополненія къ „Славянскимъ Древностямъ“ Шафарика, который, собравъ въ своемъ трудѣ извѣстія о внѣшней судьбѣ славянскихъ племенъ въ древнѣйшія времена, не успѣлъ обработать внутренней бытовой исторіи древняго славянства. У Макушева собраны относящіяся къ быту извѣстія писателей западныхъ и восточныхъ, при чемъ авторъ опредѣлялъ ихъ историческую цѣнность. Вскорѣ затѣмъ онъ поступилъ на службу въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ 1862 году назначенъ былъ секретаремъ русскаго консульства въ Дубровникѣ (Рагузѣ). Онъ прожилъ здѣсь четыре года, и пребываніе въ этомъ полу-славянскомъ, полу-

итальянскомъ краѣ въ особенности привлекло Макушева къ занятіямъ южно-славянской и въ частности далматинской исторіей. Дубровникъ издавна игралъ большую роль въ политическихъ событіяхъ и въ культурномъ развитіи южнаго славянства. Поставленный между сильными сосѣдями, какъ Венеція, Венгрія, Турція, Дубровникъ умѣлъ сохранить свою независимость, достигалъ большого торговаго процвѣтанія и въ XVII—XVIII вѣкахъ былъ центромъ блестящаго литературнаго развитія и образованности. Исторія Дубровника была мало разработана, а въ русской литературѣ почти неизвѣстна. Макушевъ посвятилъ много труда на собираніе матеріаловъ въ мѣстныхъ монастырскихъ и частныхъ архивахъ, и результатомъ поисковъ были изданные имъ „Матеріалы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою республикою“ [1]) и въ особенности „Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника“ [2]). Эта послѣдняя книга, послужившая магистерской диссертаціей, есть родъ введенія къ исторіи Дубровника и представляетъ критическій разборъ источниковъ и вмѣстѣ рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ. Послѣ защиты диссертаціи Макушевъ получилъ заграничную командировку для приготовленія къ профессурѣ, посѣтилъ разныя славянскія земли, но въ особенности опять занялся собираніемъ архивнаго матеріала въ Италіи. Онъ долго жилъ въ Венеціи, затѣмъ посѣтилъ другіе города сѣверной Италіи, потомъ Флоренцію, Неаполь, Палермо, Болонью и пр. Въ теченіе трехлѣтнихъ занятій онъ собралъ множество новыхъ документовъ, относящихся къ исторіи далматинскихъ славянъ и сосѣдей, съ которыми они были связаны, венгровъ, турокъ, грековъ и албанцевъ. Отчеты объ его архивныхъ занятіяхъ изданы были въ запискахъ академіи наукъ [3]). Самая обработка матеріала въ систематическомъ изданіи сдѣлана была имъ позднѣе, когда онъ занялъ каѳедру въ варшавскомъ университетѣ. Онъ успѣлъ издать при жизни два тома этихъ документовъ [4]), что̀ составило только небольшую долю цѣлаго собранія, которое, какъ говорятъ, могло бы доста-

---

[1]) Въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества исторіи и древностей, 1865, кн. III, и отдѣльно — съ приложеніемъ плана Рагузы и карты военныхъ дѣйствій русскихъ въ этой области въ 1806 году.

[2]) Въ „Запискахъ“ академіи наукъ, т. XI, 1867, и отдѣльно.

[3]) „Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи“. „Записки“, т. XVI. Спб. 1870, и т. XIX, 1871.

[4]) „Историческіе памятники южныхъ и сосѣднихъ имъ народовъ, извлеченные изъ итальянскихъ архивовъ и библіотекъ“. Варшава, 1874; второй томъ изданъ былъ въ Бѣлградѣ, 1882, съ французскимъ заглавіемъ: „Monuments historiques des Slaves méridionaux“, etc.

вить матеріала еще на восемь томовъ. Эти обильные и новые документы послужили матеріаломъ для многихъ другихъ работъ Макушева по исторіи юго-западнаго славянства, какъ напримѣръ: „Самозванецъ Степанъ Малый", 1870; „Болгарія подъ турецкимъ владычествомъ, преимущественно въ XV и XVI вѣкѣ", 1872; „Восточный вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ" по неизданнымъ итальянскимъ памятникамъ, 1876. Въ 1871 году Макушевъ издалъ обширныя „Историческія изысканія о славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка", послужившія его докторскою диссертаціей и дополненныя статьей о „Славянской стихіи въ языкѣ, бытѣ и нравахъ албанцевъ", 1871. Въ этомъ году Макушевъ занялъ славянскую каѳедру въ варшавскомъ университетѣ, и его занятія естественно расширились, обращаясь и на другіе предметы славяновѣденія. Онъ продолжалъ съ особой охотой изслѣдованія по южно-славянской исторіи и другія изысканія по собраннымъ имъ итальянскимъ документамъ и въ то же время печаталъ изъ своихъ университетскихъ лекцій статьи о древней польской и древней чешской литературѣ, а также и о новѣйшемъ періодѣ польской литературы и общественной жизни. Такъ, относятся къ послѣднему его статьи о польскомъ поэтѣ прошлаго вѣка, Трембецкомъ, о „Забытомъ польскомъ поэтѣ" (Ѳомѣ Занѣ, другѣ и сотоварищѣ Мицкевича), объ извѣстномъ польскомъ мистикѣ Товянскомъ и т. д. Много другихъ статей Макушева о славянскихъ дѣлахъ, литературѣ, статей спеціальныхъ, популярныхъ и публицистическихъ, разсѣяно было въ журналахъ, газетахъ и сборникахъ. Пребываніе въ Варшавѣ естественно наводило его на отношенія польско-русскія; онъ приходилъ къ справедливому мнѣнію, что для болѣе правильной постановки польско-русскихъ отношеній имѣло бы великую важность взаимное ознакомленіе обоихъ народовъ путемъ литературы. „Ни одно изъ славянскихъ племенъ,—говоритъ онъ въ одномъ своемъ трудѣ, — не заслуживаетъ столь тщательнаго съ нашей стороны изученія, какъ сосѣднее намъ польское племя, съ которымъ мы находимся въ непрерывныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ. Поляковъ же мы знали и знаемъ меньше, чѣмъ другихъ славянъ, и потому при всякомъ столкновеніи съ ними дѣлаемъ непростительные промахи и ошибки. Равнымъ образомъ и поляки не знали или, вѣрнѣе, не хотѣли знать Россію и русскихъ въ настоящемъ видѣ... Но поляки уже начинаютъ сознавать свою ошибку, нужно же и намъ стараться поближе ознакомиться съ польскимъ народомъ, въ его прошломъ и настоящемъ". Мысль была справедлива, но исполненіе было не легко и во всякомъ случаѣ не достигалось эпизо-

дическими разсказами, которые далеко не могли выяснить существа польско-русскихъ отношеній. Работы Макушева въ этомъ направленіи были только такія случайныя и эпизодическія; между прочимъ онѣ не всегда были удачны: взглядъ на Трембецкаго очень расходится съ мнѣніями польскихъ историковъ и недостаточно доказателенъ; статья о „Слѣдахъ русскаго вліянія на старо-польскую письменность" построена на недоразумѣніи, потому что сближенія, имъ выставленныя, совершенно произвольны [1].

Другой славистъ, московской школы, также преждевременно сошедшій въ могилу среди обширныхъ начатыхъ работъ, былъ А. А. Котляревскій (1837—1881). Уроженецъ Малороссіи, ученикъ полтавской гимназіи, онъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ 1857 году, не получивъ, впрочемъ, кандидатской степени, которую пріобрѣлъ уже позднѣе въ Петербургѣ. Это была живая, талантливая натура, въ пору молодости увлекаемая одинаково интересами науки и въ то время весьма оживленною общественностью. Котляревскій рано началъ свою ученую и литературную дѣятельность, но на первыхъ порахъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя политическія подозрѣнія, весьма мало основательныя, но имѣвшія слѣдствіемъ продолжительный арестъ, разстройство ученой карьеры и здоровья. Только нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1868 году, онъ получилъ каѳедру русскаго языка и славянскаго языковѣденія въ Дерптѣ, а затѣмъ, съ 1875 года, въ Кіевѣ. Здоровье, разстроенное въ крѣпостномъ заключеніи, требовало заботъ, и съ 1872 до 1874 онъ почти все время прожилъ за границей, не покидая, впрочемъ, привычныхъ и любимыхъ занятій. Въ послѣднее время жизни онъ опять долженъ былъ отправиться за границу, гдѣ и умеръ въ Пизѣ 29-го сент. 1881 года.

Какъ мы сказали, Котляревскій рано вступилъ на литературное поприще. Еще на студенческой скамьѣ онъ владѣлъ большою начитанностью, которая уже съ тѣхъ поръ направилась по преимуществу на предметы русской старины, этнографіи и славяновѣденія; въ тѣ же годы начинается его страсть къ книгамъ, къ

---

[1]) О Макушевѣ см. „Поминки по профессорѣ В. В. Макушевѣ". Варшава, 1883, и „Р. Филологическій Вѣстн." 1883, кн. I.

— „Славянскій Ежегодникъ", выпускъ 6. Кіевъ, 1884, стр. 294—304. Статья г. Флоринскаго.

— „Историческій Вѣстникъ" 1883, кн. IV, стр. 242—243.

— „Московскія Вѣдомости", 1883, № 66, 85, 86.

— „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", Д. Д. Языкова. Спб. 1887, вып. III.

— Болгарскій журналъ „Періодическое списаніе", 1883, кн. VI, ст. г. Дринова.

собиранію, которому поставлена была опредѣленная цѣль его любимыми занятіями; въ концѣ концовъ у него собралась замѣчательная библіотека по славяновѣденію и этнографіи, собранная рукою знатока. Но этотъ библіофилъ и археологъ былъ человѣкъ живого ума, разносторонняго образованія, остроумный и въ первое время онъ не оставался чуждъ, какъ большинство книжныхъ спеціалистовъ, вопросамъ текущей литературы. Не говоря о небольшихъ журнальныхъ статьяхъ того времени, скрытыхъ псевдонимомъ, слѣдуетъ упомянуть небольшую книжку: „Старина и народность“ (М., 1861), обратившую на себя вниманіе какъ прекрасный критическій обзоръ тогдашней литературы по археологіи и этнографіи. То было время особенно оживленной дѣятельности въ этой области: новая школа нашей исторіографіи развивала почти неизвѣстные прежде интересы къ вопросамъ внутренней жизни и народнаго быта (труды Кавелина, Соловьева; съ другой стороны Костомарова и пр.); въ параллель къ этому въ тѣ же годы открываются разысканія о русской народно-поэтической старинѣ въ духѣ школы Гримма и его преемниковъ; присоединялись, далѣе, новыя указанія, которыя доставлялись развивавшимся въ тѣ же годы славяновѣденіемъ; наконецъ, въ эту область направлялись толкованія славянофильскія, особливо въ той странной формѣ, какую умѣлъ придавать имъ г. Безсоновъ. Не лишено было важности разобраться въ новомъ матеріалѣ ученыхъ мнѣній, въ разнорѣчіи сталкивавшихся взглядовъ, и намѣчать правильную дорогу изслѣдованій. Котляревскій исполнилъ свой обзоръ съ большимъ критическимъ умѣньемъ и знаніемъ. Съ тѣхъ поръ его собственные труды, кромѣ критическихъ отзывовъ на разные вопросы археологической и этнографической литературы, направлялись на археологію и народную поэзію, на языкознаніе и славяновѣденіе. Въ половинѣ 60-хъ годовъ, передъ назначеніемъ въ Дерптъ, онъ много работалъ съ гр. А. С. Уваровымъ въ московскомъ Археологическомъ обществѣ, которое начало тогда свой извѣстный журналъ („Древности“), гдѣ помѣщено было тогда и послѣ не мало его статей и замѣтокъ. Въ 1868 году вышла его замѣчательная книга „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“, гдѣ надо было извлечь матеріалъ изъ самыхъ разнородныхъ источниковъ средневѣкового лѣтописанія славянскаго, западнаго и восточнаго, памятниковъ археологіи, быта и народной поэзіи. Въ 1870-хъ годахъ Котляревскій работалъ въ особенности по исторіи балтійскаго славянства и въ Прагѣ издалъ два сочиненія объ этомъ предметѣ: „Древности права балтійскихъ славянъ (Древности юридическаго быта балтійскихъ славянъ.

Опыты сравнительнаго изученія славянскаго права)" и „Книга о древностяхъ и исторіи поморскихъ славянъ въ XII вѣкѣ (Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи и древности)", 1874. Назовемъ еще его рецензіи въ академическихъ отчетахъ о присужденіи Уваровскихъ премій, о книгѣ Аѳанасьева: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу (1867 и 1872) и объ „Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа", Антоновича и Драгоманова (1877); его статьи о трудахъ Григоровича, Бодянскаго, Бэра, А. Н. Попова, объ „Исторіи русской жизни", Забѣлина, и пр. Послѣднимъ трудомъ его была книга, упомянутая въ нашемъ настоящемъ изложеніи: „Древняя русская письменность. Опытъ библіологическаго изложенія исторіи ея изученія" (Воронежъ, 1881).

Котляревскій былъ особеннымъ типомъ ученаго: онъ обладалъ разнообразными свѣдѣніями, которыя связывались у него въ живое представленіе предмета, обставленное остроумными соображеніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ у него были наклонности нѣмецкаго гелертера; какъ въ своей библіотекѣ онъ желалъ достигнуть полноты коллекціи по тѣмъ отраслямъ науки, которыя спеціально его занимали, такъ въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ старался исчерпывать свѣденія о предметѣ. Въ послѣдніе годы его занялъ обширный трудъ, котораго только начало представляетъ указанная сейчасъ книга. Надо жалѣть, что трудъ этотъ не былъ имъ довершенъ. Это была бы обстоятельная исторія науки о русскомъ языкѣ и литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ подробный перечень всѣхъ существенныхъ трудовъ съ ихъ краткой, но обстоятельной оцѣнкой. Въ обширную массу фактовъ онъ внесъ систему, которая облегчаетъ ихъ обозрѣніе и вмѣстѣ даетъ цѣльную „библіологическую" картину. И въ крупныхъ, и въ мелкихъ работахъ его разсѣяно много важныхъ и интересныхъ замѣчаній, которыя послужатъ съ пользой будущимъ изслѣдователямъ. Собственно славяновѣденію посвящены его первая диссертація и два сочиненія о балтійскомъ славянствѣ. Въ Кіевѣ онъ велъ полный курсъ славяновѣденія и замышлялъ энциклопедическое обозрѣніе предмета, какого все еще нѣтъ въ нашей литературѣ. Во время пребыванія за границей онъ долго оставался, между прочимъ, въ славянскихъ земляхъ, гдѣ освоился съ славянскимъ научнымъ движеніемъ. Не по примѣру другихъ нашихъ славистовъ онъ сохранилъ безпристрастный взглядъ на славянскія отношенія, не вдаваясь въ романтизмъ и мистическія теоріи, ни въ нетерпимость. Между прочимъ, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ малорусской народной поэзіи и не только по личному вкусу, но и по научному

убѣжденію защищалъ свободу мѣстнаго поэтическаго творчества и народной рѣчи [1]).

Въ настоящее время начато русскимъ отдѣленіемъ Академіи изданіе полнаго собранія его сочиненій.

Славянскія изученія такъ близко соприкасались съ изслѣдованіями о русской старинѣ, что кромѣ спеціалистовъ предмета, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, должно назвать еще нѣсколькихъ ученыхъ, труды которыхъ входятъ отчасти въ нашу славистику.

Таковъ былъ названный выше Дубровскій (Петръ Павловичъ, 1812—1882), который въ 1840 годахъ, независимо отъ университетской славистики, принялъ участіе во вновь возникшихъ славянскихъ интересахъ: состоя на службѣ въ Польшѣ, онъ нѣкоторое время издавалъ въ Варшавѣ небольшой журналъ „Денница", который посвященъ былъ предметамъ славянской исторіи и этнографіи и вмѣстѣ долженъ былъ служить для сближенія русской и польской литературы: журналъ издавался на русскомъ и польскомъ языкахъ. Впослѣдствіи Дубровскій состоялъ на службѣ въ Петербургѣ и одно время былъ членомъ русскаго отдѣленія академіи: въ „Извѣстіяхъ" напечатано было нѣсколько его работъ по польской литературѣ. Имъ составлена была единственная до сихъ поръ по-русски біографія Мицкевича [2]) и польско-русскій словарь [3]).

Далѣе случайнымъ славистомъ былъ упомянутый выше профессоръ всеобщей исторіи въ Петербургѣ М. И. Касторскій (1809—1866). Онъ занимался славянской исторіей, этнографіей и древностями. Результатомъ этихъ занятій была статья „О новѣйшей чешской литературѣ" [4]) и переводъ нѣкоторой части сербскихъ пѣсенъ Караджича. Вернувшись въ 1838 году изъ-за границы, Касторскій назначенъ былъ адъюнктомъ по всеобщей исторіи, и такъ

---

[1]) „Поминка по Александрѣ Александровичѣ Котляревскомъ", Кіевъ, 1881. (Некрологическая статья Аландскаго; рѣчи гг. Жданова, Дашкевича, Аландскаго и списокъ сочиненій).

— Некрологъ въ „Вѣстн. Европы", 1881, ноябрь.

— „Заря", 1881, № 15; „Современныя Извѣстія", 1881, № 292.

— „Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ", Алексѣя Веселовскаго, Кіевъ, 1888. (Оттискъ изъ „Кіевской Старины").

[2]) Въ „Отечественныхъ Запискахъ", 1858, и отдѣльно, Спб. 1859.

[3]) О Дубровскомъ см. въ „Обзорѣ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", Д. Д. Язнкова, выпускъ II, стр. 22—23.

[4]) Журналъ министерства просвѣщенія, т. XVIII.

какъ по уставу 1835 года введена была каѳедра славянскихъ нарѣчій, къ занятію которой долженъ былъ готовиться Прейсъ и которая теперь оставалась еще незанятою, то преподаваніе славянской филологіи временно поручено было Касторскому. Онъ занималъ эту каѳедру въ теченіе четырехъ лѣтъ до пріѣзда Прейса, но довольно безплодно, читая только грамматику и образцы церковно-славянскаго языка. Онъ впрочемъ продолжалъ заниматься славянскими предметами: для своей пробной лекціи онъ написалъ разсужденіе: „О вліяніи карловингской династіи на славянскія племена“ [1]), а на степень доктора представилъ „Очеркъ славянской миѳологіи“ (Спб., 1841). Эта книга Касторскаго была первымъ по времени научнымъ опытомъ изложенія по этому предмету; она сохраняла и послѣ значеніе, какъ точный подборъ фактовъ, какіе въ то время были извѣстны [2]).

Упомянемъ далѣе о дѣятельности Спиридона Ник. Палаузова (1818—1872), родомъ изъ переселившихся въ Россію болгаръ. Это былъ сынъ одного изъ первыхъ по времени болгарскихъ патріотовъ въ Одессѣ, пробужденныхъ вліяніемъ Венелина. Одно время онъ думалъ, кажется, о славянской каѳедрѣ и написалъ диссертацію: „Вѣкъ болгарскаго царя Симеона“ (1853), сообщалъ въ изданіи московскаго Общества исторіи и древностей матеріалы о древней болгарской исторіи, писалъ въ 1860-хъ годахъ о современныхъ болгарскихъ дѣлахъ, именно о начинавшейся греко-болгарской церковной распрѣ, гдѣ защищалъ сторону болгаръ и т. д. [3]).

Далѣе, къ области славяновѣденія болѣе или менѣе тѣсно примыкаетъ цѣлый рядъ трудовъ, которые были особливо въ послѣднія десятилѣтія посвящаемы нашей древней письменности. Эта письменность съ самаго начала и до XV-XVI-го вѣка была, какъ извѣстно, въ ближайшей связи съ письменностью южно-славянской, болгарской и сербской: первые памятники русской письменности были прямо болгарскіе, списки болгарскихъ книгъ, сдѣланные русскими и здѣсь въ первый разъ получавшіе отпечатокъ русской народной рѣчи; затѣмъ приходятъ къ намъ такимъ

---

[1]) Журналъ мин. просвѣщенія, т. XXIV.

[2]) Некрологи: „Сѣверная Почта“, 1866, № 126;—„Русскій Инвалидъ“, 1866, № 152.—Краткія свѣденія о русскихъ писателяхъ, Геннади, въ „Русскомъ Архивѣ“, 1868, ст. 2010—2011.

— Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Спб., 1870, стр. 218—220, 242.

[3]) Некрологъ, А. С. Воронова, „Русская Старина“, 1872, октябрь; Н. Мурзакевича, въ Запискахъ Одесскаго Общ. исторіи и древн., т. IX, стр. 372—374.

же образомъ памятники позднѣе развившейся сербской письменности. Это общеніе съ балканскимъ славянствомъ простиралось, какъ надо полагать, даже на отдаленные западные края сербскаго племени; въ старой русской письменности есть произведенія, которыя идутъ (путями, не выясненными до сихъ поръ) изъ Босніи и далматинскаго прибрежья. Однимъ изъ пунктовъ, гдѣ встрѣчались представители Руси и православнаго южнаго славянства, былъ кромѣ Константинополя въ особенности Аѳонъ, который съ первыхъ вѣковъ славянскаго христіанства привлекалъ благочестивыхъ паломниковъ, и гдѣ издавна рядомъ съ греческими основано было нѣсколько славянскихъ монастырей. Книжныя сношенія не прекращались и послѣ паденія южно-славянскихъ царствъ; къ намъ приходили въ то время уже все болѣе рѣдкія произведенія южно-славянскихъ книжниковъ и все болѣе усиливалось обратное движеніе русскихъ книгъ на югъ. Паденіе болгарскаго и сербскаго царства сопровождалось вообще страшнымъ разгромомъ; исчезали безъ остатка древніе памятники и въ числѣ ихъ старыя рукописи. Въ новѣйшее время долго невозможны были никакія славянскія разысканія на мѣстахъ, особливо въ Болгаріи, и впервые древняя южно-славянская письменность была открыта русскими учеными, изслѣдовавшими собственную письменную старину. Выше мы видѣли, что̀ сдѣлано было въ этомъ отношеніи первыми начинателями исторіи нашей древней литературы, какъ Востоковъ, Калайдовичъ, и первыми спеціалистами славяновѣденія, какъ Срезневскій, Бодянскій, Григоровичъ. Въ старыхъ книжныхъ собраніяхъ русская письменность постоянно идетъ рядомъ съ южно-славянскою: церковныя книги „болгарской“ или „сербской редакціи“; византійскіе хронисты, какъ Амартолъ, Малала, Зонара, Манассія, перенятые съ южно-славянскихъ переводовъ; отцы церкви, изъ тѣхъ же переводовъ; житія святыхъ, между прочимъ сербскихъ и болгарскихъ; героическія повѣсти и сказочныя произведенія,—словомъ, въ старой русской книжности открывалась цѣлая масса южно-славянскихъ произведеній, нерѣдко или даже бо̀льшею частію уже неизвѣстныхъ на своей родинѣ и память которыхъ осталась только въ русскихъ рукописяхъ. Такимъ образомъ, описанія русскихъ рукописей, спеціальныя изслѣдованія надъ тѣмъ или другимъ памятникомъ, безпрестанно соприкасались съ письменностью южно-славянской; изслѣдуя исторію русскаго памятника, надо было восходить къ письменности болгарской и сербской. Мы упомянемъ здѣсь только вкратцѣ многочисленный рядъ ученыхъ, труды которыхъ разъясняли та-

кимъ образомъ южно-славянскую литературную древность въ связи съ русской.

Описаніе рукописныхъ собраній, въ которыхъ встрѣчались южно-русскіе памятники, продолжалось со временъ Востокова, Калайдовича и Строева новыми обширными трудами подобнаго рода. Таково было прежде всего описаніе рукописей синодальной библіотеки А. В. Горскаго и К. Невоструева—замѣчательный трудъ, гдѣ описаніе сопровождается комментаріемъ, между прочимъ важными изслѣдованіями о переводѣ священнаго писанія на славянскій языкъ. Горскій (1812—1875), профессоръ, а впослѣдствіи ректоръ московской духовной академіи, издавна былъ извѣстенъ какъ знатокъ отцовъ церкви и древней русской письменности. Далѣе важнымъ трудомъ подобнаго рода было описаніе рукописей Ундольскаго, хотя впрочемъ состоящее только въ простомъ каталогѣ. Вуколъ Мих. Ундольскій (1815 — 1864), питомецъ московской духовной академіи, съ молоду пристрастившійся къ древней письменности, былъ на службѣ сначала въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, потомъ въ архивѣ министерства юстиціи. Это былъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ старыхъ рукописей, сдѣлавшій въ нихъ нѣсколько замѣчательныхъ открытій (какъ, напримѣръ, открытіе произведеній епископа Климента, ученика Кирилла и Меѳодія); при своихъ крайне скромныхъ средствахъ Ундольскій успѣлъ, однако, составить собраніе рукописей, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, какія были сдѣланы въ новѣйшее время, пріобрѣтенное послѣ его смерти въ московскій Румянцовскій музей. Далѣе, описаніе рукописей петербургской Публичной Библіотеки, еще только начато А. Ѳ. Бычковымъ, который издалъ первый томъ описанія сборниковъ Библіотеки. Въ послѣдніе годы выходитъ обширное описаніе рукописей Соловецкой библіотеки, находящейся нынѣ въ казанской духовной академіи (два тома). Чрезвычайно замѣчательное собраніе рукописей, принадлежавшее покойному московскому купцу Хлудову и однимъ изъ лучшихъ украшеній котораго была коллекція Гильфердинга, описано было Андреемъ Ник. Поповымъ (1841—1881), рано умершимъ ученымъ, который кромѣ того оставилъ нѣсколько важныхъ трудовъ, имѣющихъ отношеніе къ южно-славянской письменности. Таковъ его „Обзоръ хронографовъ“, который впервые помогъ оріентироваться въ огромномъ количествѣ рукописей этого рода. Хронографы были въ нашей старой письменности единственными сборниками историческихъ свѣденій, своего рода руководствами по всеобщей исторіи; собранные изъ разныхъ источниковъ — изъ византійскихъ хронистовъ,

извѣстныхъ въ славянскомъ переводѣ, памятниковъ болгарскихъ и сербскихъ, позднѣе латинскихъ и польскихъ, наконецъ русскихъ, они разбивались на нѣсколько различныхъ редакцій, гдѣ первоначальный текстъ подвергался въ разное время передѣлкамъ и новымъ дополненіямъ, такъ что нужно было сравнить множество рукописей (обыкновенно весьма обширныхъ), чтобы объяснить первое происхожденіе и постепенныя наслоенія сборника, и опредѣлить различныя редакціи, въ какихъ онъ теперь извѣстенъ.

Сюда же относится множество изслѣдованій и изданій памятниковъ древней русской письменности, происходящихъ часто изъ южно-славянскаго источника. Таковы многочисленныя изданія Срезневскаго („Древніе памятники языка и письма юго-западныхъ славянъ“, 1865; „Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы“, 1866; „Свѣденія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“, 1867; „Древніе славянскіе памятники юсоваго письма съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка“, 1868); Бодянскаго (многочисленные тексты въ „Чтеніяхъ“); г. Ламанскаго (описаніе рукописей бѣлградскихъ, загребскихъ и вѣнскихъ, 1864); Дмитріева-Петковича („Обозрѣніе аѳонскихъ древностей“, 1865); изданія г. Тихонравова (въ особенности тексты отреченныхъ или апокрифическихъ книгъ, 2 тома, 1861), архим. Амфилохія, и т. д.; многія изданія Общества любителей древней письменности [1]). А. С. Павлову принадлежатъ важныя изслѣдованія по исторіи греко-славянскаго каноническаго права [2]) и пр.

Переходя къ трудамъ нынѣ дѣйствующихъ славистовъ, прежде всего должно остановиться на многолѣтней дѣятельности В. И. Ламанскаго. Въ петербургскомъ университетѣ онъ прошелъ школу Срезневскаго, но въ своихъ общихъ понятіяхъ остался отъ нея довольно независимъ, увлекаемый скорѣе славянофильской школой, въ особенности Хомяковымъ. Въ ту пору Срезневскій, какъ мы замѣчали, начиналъ уже какъ бы охладѣвать къ той народной романтикѣ, которая увлекала его въ 30-хъ и 40-хъ годахъ: приходило ли охлажденіе съ лѣтами и опытомъ жизни, или отвлекали его новые предметы изученія (русская и старо-славянская

[1]) Указанія объ этой литературѣ до 1880 года см. въ названномъ выше „Библіологическомъ опытѣ о древней русской письменности“, Котляревскаго, 1881.

[2]) „Первоначальный славяно-русскій номоканонъ“, Кіевъ, 1869; „Номоканонъ при большомъ требникѣ, изданный вмѣстѣ съ греческимъ подлинникомъ до сихъ поръ неизвѣстнымъ“, Одесса, 1872.

письменная древность и палеографія), которымъ Срезневскій отдавался въ это время, или старыя ожиданія отъ молодыхъ славянскихъ литературъ не оправдывались и давали мало надежды па широкія литературныя явленія,—но картина медленнаго развитія нѣскольких мелкихъ литературъ, ограниченныхъ тѣснымъ горизонтомъ ихъ народной среды, не производила такого впечатлѣнія, какого достигалъ прежде знаменитый славистъ; во всякомъ случаѣ однако оживленное чтеніе внушало интересъ къ самостоятельному изученію. Славяновѣденіе уже съ тѣхъ поръ стало спеціальностью г. Ламанскаго, въ которой онъ пошелъ однако своимъ путемъ; но спеціальность не поглощала всѣхъ интересовъ, и между прочимъ служебная дѣятельность г. Ламанскаго въ государственномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ Публичной Библіотекѣ способствовала его разностороннимъ занятіямъ, въ которыя вошла также русская исторія и политическая исторія славянства. Изъ документовъ Архива онъ дѣлалъ много любопытныхъ сообщеній о нашемъ XVIII и XIX в. въ московское Общество исторіи и древностей и послѣ въ „Русскую Старину“. Занятія въ Географическомъ Обществѣ, гдѣ г. Ламанскій былъ въ тѣ годы секретаремъ этнографическаго отдѣленія, давали близкую возможность ознакомиться съ положеніемъ русскихъ этнографическихъ изслѣдованій. Все это не устраняло отъ его вниманія общихъ вопросовъ нашей жизни, и къ 1857 году относится любопытная статья: „О распространеніи знаній въ Россіи [1])—защита интересовъ просвѣщенія, которая была бы полезна и въ настоящее время, черезъ тридцать лѣтъ. Въ 1859 году вышла диссертація г. Ламанскаго: „О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи“—обширный трудъ на оригинальную и малоизвѣстную тему, съ большимъ запасомъ разнообразной учености, многочисленными отступленіями въ другіе историческіе вопросы, въ политическія соображенія и въ предположенія о новыхъ изысканіяхъ, предстоящихъ русской наукѣ. Въ началѣ 1860-хъ годовъ г. Ламанскій сдѣлалъ путешествіе по славянскимъ землямъ, какъ это стало теперь обычнымъ дѣломъ почти для всѣхъ безъ исключенія молодыхъ ученыхъ, направлявшихъ свои занятія на славянство. Оригинальныя воззрѣнія г. Ламанскаго нашли въ путешествіи новую пищу и опору.

Это былъ своего рода переломъ во взглядахъ ученой славистики. Въ глазахъ г. Ламанскаго славянскій вопросъ далеко не заключался въ томъ романтическомъ культѣ народности, какой испо-

---

[1]) Въ „Современникѣ“, 1857 г.

вѣдовали первые слависты; напротивъ, возводился къ цѣлому вопросу о вѣковой исторической судьбѣ славянскаго племени, объ отличительныхъ особенностяхъ славянской племенной природы, славянской цивилизаціи, просвѣщенія, наконецъ о современныхъ политическихъ отношеніяхъ славянства, которыми опредѣлялась возможность болѣе или менѣе широкой дѣятельности племени въ смыслѣ его національныхъ свойствъ. Прежнее поколѣніе славистовъ, какъ мы видѣли, относилось къ этимъ послѣднимъ вопросамъ съ нѣкоторою уклончивостью: у нихъ были, безъ сомнѣнія, всѣ добрыя пожеланія, чтобы внѣшнія условія славянской жизни дали возможность развиваться новымъ славянскимъ литературамъ широко и безпрепятственно; но они не касались въ своихъ чтеніяхъ и въ печати тѣхъ настоящихъ реальныхъ отношеній, въ которыхъ заключалось дѣло. Мѣшали этому отчасти внѣшнія обстоятельства, въ ихъ время не допускавшія политическихъ разсужденій, и напримѣръ, пугавшія Григоровича; но отчасти первые слависты были слишкомъ поглощены ближайшими заботами объ установленіи новой науки, и политическая сторона дѣла и сама по себѣ удалялась отъ ихъ вниманія. Къ 1860-мъ годамъ внѣшнія условія значительно измѣнились; внутренняя жизнь самого русскаго общества стала свободнѣе; можно было вслухъ задать себѣ вопросъ, который давно требовалъ объясненія: въ чемъ же состоитъ настоящее положеніе славянства; какого будущаго можетъ ожидать его возрожденіе; въ какія отношенія оно должно стать къ русскому народу и просвѣщенію и, наоборотъ, какъ должно отнестись къ славянскому движенію русское общество и, наконецъ, государство? Общая тема была поставлена уже давно въ теоріяхъ первыхъ славянофиловъ, у Кирѣевскаго и Хомякова, поставлена въ философской формѣ и должна была быть объяснена и провѣрена фактами. Эти фактическія объясненія давали почти одновременно, хотя не во всемъ согласно, Гильфердингъ и Ламанскій. Не было сомнѣнія въ томъ, что славянскій міръ представляетъ нѣчто особенное и всемірно-историческое, и долженъ занять свое историческое мѣсто въ судьбахъ цивилизаціи: но что̀ для этого нужно; въ какомъ положеніи находится славянское самосознаніе, которое одно можетъ раскрыть славянству его значеніе и дать нравственныя силы для выполненія великаго предназначенія? Новый наблюдатель взглянулъ на дѣло иначе, чѣмъ его предшественники: его не подкупало прежнее, нѣсколько сантиментальное, увлеченіе этими маленькими литературами на народныхъ языкахъ, которымъ придавалъ такое значеніе прежній славянскій романтизмъ. Напротивъ, когда надо было взять въ

цѣлой связи отношенія славянства къ его сосѣдямъ, къ господствующимъ надъ нимъ иноплеменнымъ народамъ, картина получала совсѣмъ иной видъ: мелкія литературы разъединеннаго славянства представляли, собственно говоря, мало утѣшительное зрѣлище; передъ этими разъединенными народцами стояла твердо сплоченная сила народовъ съ давней и крѣпкой цивилизаціей, литературой, политическимъ развитіемъ или, по крайней мѣрѣ, съ упорнымъ историческимъ преданіемъ. Разъединеннымъ славянскимъ племенамъ трудно было бороться съ нѣмцами, итальянцами, даже венграми и турками; мелкія популярныя литературы не могли и помышлять о томъ, чтобы имъ удалось перевѣсить богатую и сильную литературу нѣмецкую, съ которою въ особенности надо было считаться западному славянству. Дѣло шло не только о томъ, чтобы пробудить національное чувство, но и дать сознаніе того труднаго и сложнаго положенія, въ которомъ находилось цѣлое славянство въ виду давнихъ и сильныхъ историческихъ враговъ. Славянской жизни и просвѣщенію предстояло вести трудную борьбу, а средствъ на это она не имѣла: сильной цивилизаціи и литературѣ, за которыми стоитъ великій историческій народъ, могла быть противопоставлена только такая же сильная литература, цивилизація и національная масса. Гдѣ же былъ исходъ? Та „славянская взаимность", о которой говорилъ нѣкогда Колларъ, очевидно не достигала бы цѣли: кромѣ того, что она была почти неисполнима (можетъ ли быть, для выполненія этой взаимности, распространено въ большой массѣ людей знаніе четырехъ или пяти весьма несходныхъ нарѣчій, и притомъ въ большинствѣ съ мелкими литературами?), она все-таки оставляла славянскую литературу разъединенною, а въ средѣ мелкихъ народовъ не можетъ возникнуть настоящая сильная литература и наука.

Эти соображенія не были лишены глубокой справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, господство нѣмецкаго языка, образованности, литературы, охватывавшее въ бо́льшей или ме́ньшей степени всѣ славянскіе народы Австріи, Пруссіи, Саксоніи и повидимому постоянно расширявшееся, вовсе не было только злонамѣреннымъ насиліемъ съ одной стороны или безхарактерною слабостью съ другой, какъ это обыкновенно представлялось прежнимъ славянолюбцамъ романтикамъ, и не могло быть уничтожено тѣми воззваніями къ славянскому патріотизму, какія раздавались такъ часто со временъ „Дочери Славы", Коллара, и въ западно-славянской, и въ нашей литературѣ. Это господство шло гораздо глубже и основывалось на цѣломъ складѣ давней исторической

жизни. Кромѣ того, нѣмецкій языкъ и образованность господствовали и тѣмъ, что это былъ языкъ государства, и въ Австріи въ сущности единственный, на которомъ могло совершаться бытовое и политическое общеніе разнородныхъ племенъ, въ томъ числѣ славянскихъ племенъ между собою. Единственная высшая школа была долгое время только нѣмецкая и даже тогда, когда завоевывалось высшее преподаваніе на своемъ языкѣ (какъ нынѣ въ чешскомъ университетѣ въ Прагѣ), все-таки не было такой ученой литературы на своемъ языкѣ, которая могла бы въ какой-нибудь степени устранить необходимость обращаться къ неизмѣримо болѣе богатой ученой литературѣ нѣмецкой. Рядомъ съ этимъ не могли не господствовать разныя формы общественнаго образованія, естественно болѣе развитого въ народѣ господствовавшемъ, такъ что даже средства и формы патріотической пропаганды заимствовались изъ чужого образца—Словомъ, это было явное превосходство цѣлаго объема культуры,—превосходства, отъ котораго нельзя было уйти никакими путями въ данныхъ условіяхъ. Очевидно, что въ интересѣ славянской самобытности средства борьбы должны были быть основаны на чемъ-либо иномъ, кромѣ разрозненныхъ усилій отдѣльныхъ обществъ. Нужно было объединеніе силъ не только механическое, но и нравственное: славянскія общества должны были проникнуться цѣлою племенною идеей и имѣть общій для всѣхъ органъ связи и дѣятельности. Г. Ламанскій приходилъ къ убѣжденію, что славянству надо еще работать для усвоенія этой идеи и искать этого всѣмъ взаимно доступнаго органа въ русскомъ языкѣ, какъ общемъ литературномъ языкѣ всего славянства. Только этимъ путемъ мелкія части славянства могутъ стать дѣйствительно частями одного могущественнаго цѣлаго и найти возможность соединить свои силы для борьбы, непосильной для нихъ по частямъ, и это обобщеніе національныхъ массъ въ одинъ организмъ создастъ на самомъ русскомъ языкѣ литературу, которая выйдетъ за предѣлы исключительно русскіе и будетъ выраженіемъ цѣлаго славянства [1]). „Распространеніе русскаго языка въ земляхъ славянскихъ,—говорилъ г. Ламанскій,—очень упроститъ и облегчитъ рѣшеніе различныхъ политическихъ вопросовъ, ибо съ этимъ условіемъ образованіе общаго славянскаго союза не представляетъ такихъ

---

[1]) Эти взгляды въ первый разъ были высказаны въ статьѣ „Изъ Записокъ о славянскихъ земляхъ“, „Отечественныя Записки“, 1864, № 2 и 5; потомъ въ статьѣ „Національности итальянская и славянская въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ“, тамъ же, № 11 и 12, и впослѣдствіи еще нѣсколько разъ были авторомъ развиты и дополнены.

громадныхъ трудностей, какъ политическое единство Германіи (?). Всѣ же толки объ общемъ славянскомъ языкѣ принадлежатъ къ величайшимъ безсмыслицамъ. Отъ насъ требуется много энергіи, сильнаго напряженія духа, чтобы добровольное принятіе нашего языка славянами за обще-славянскій языкъ сдѣлалось для нихъ внутреннею, нравственною необходимостью. Для этого нужно, чтобъ русскій языкъ сталъ *носителемъ великихъ началъ любви и свободы*, необходимымъ *дѣятелемъ общечеловѣческаго просвѣщенія*".

Такимъ образомъ новый славистъ сталъ уже на первыхъ порахъ публицистомъ. Здѣсь не мѣсто слѣдить за всѣми развитіями его взглядовъ. Довольно сказать, что позднѣе г. Ламанскій вслѣдъ за славянофилами обобщилъ славянскій вопросъ въ теорію двухъ міровъ, греко-славянскаго и романо-германскаго, различныхъ по религіозному, гражданскому и нравственному характеру и содержанію, и вѣчно враждебныхъ исторически. Славянство возможно было только православное; для спасенія славянскаго дѣла на западѣ необходимо было, чтобы славянство не-православное примкнуло къ православію; требованіе принятія русскаго языка какъ общаго литературнаго языка всего славянства впослѣдствіи подразумѣвалось какъ нетребующее доказательствъ. Вмѣстѣ съ теоріями въ славянофильскомъ смыслѣ, въ дѣятельности г. Ламанскаго прививались исключительность и нетерпимость этой школы,— между прочимъ неполезная тѣмъ, что и другія его мысли, нерѣдко оригинальныя и въ общественномъ смыслѣ полезныя, въ этой окраскѣ не имѣли всего дѣйствія, какое могли имѣть... Была исключительность и въ самой постановкѣ спеціальнаго вопроса. Не говоря о проповѣди православія, выполнимость которой встрѣтила бы затрудненія прежде всего въ нашемъ домашнемъ положеніи вещей, самое распространеніе русскаго языка, даже при добрыхъ желаніяхъ просвѣщеннѣйшихъ людей славянства, представляло бы едва одолимыя трудности въ домашнемъ положеніи и русскаго общества, и самого славянства. Въ добрыхъ пожеланіяхъ нѣтъ недостатка, и извѣстно, напримѣръ, что въ настоящее время русскій языкъ довольно распространенъ въ славянскихъ кружкахъ разныхъ племенъ, какъ этого не было никогда видано до сихъ поръ,—но отъ этого еще слишкомъ далеко до исполненія плана, предположеннаго г. Ламанскимъ. Между тѣмъ племенныя литературы все выростаютъ и ростъ ихъ кажется успѣхомъ, потому что народамъ дѣйствительно приходится на каждомъ шагу защищать свое племенное существованіе. Нужно, кажется, что-нибудь особенное, что̀ могло бы побудить

славянство къ такому болѣе широкому общенію съ Россіей и русской литературой, которое сдѣлало бы возможнымъ распространеніе русскаго языка. До сихъ поръ мы еще не видимъ возможности подобнаго явленія, какъ бы, можетъ быть, оно ни было желательно въ интересахъ Россіи и славянства... Не будемъ также говорить здѣсь о дѣятельности г. Ламанскаго въ славянскомъ благотворительномъ обществѣ, гдѣ онъ бывалъ весьма дѣятельнымъ членомъ и руководителемъ. Повидимому онъ не былъ понятъ и здѣсь. Съ другой стороны въ его послѣднихъ заявленіяхъ и статьяхъ, печатавшихся въ „Извѣстіяхъ" славянскаго общества, было высказано о нашемъ внутреннемъ положеніи много мыслей, внушающихъ полное сочувствіе [1]). Дѣло въ томъ, что для успѣшности нашего вмѣшательства въ славянскія дѣла нужно именно то, чтò говорилъ г. Ламанскій двадцать-пять лѣтъ назадъ—„чтобы русскій языкъ сталъ носителемъ великихъ началъ любви и свободы, необходимымъ дѣятелемъ общечеловѣческаго просвѣщенія [2]).

Въ 1865 году г. Ламанскій получилъ славянскую каѳедру въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ Срезневскій раздѣлилъ съ нимъ преподаваніе славяновѣденія. Во время пребыванія за границей, г. Ламанскій сдѣлалъ нѣсколько ученыхъ работъ и собралъ много матеріала, которымъ воспользовался впослѣдствіи. Такъ сдѣлано было имъ описаніе славянскихъ рукописей, находящихся въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ (1864). Такъ было ему довѣрено и впослѣдствіи имъ издано (1867) замѣчательное сочиненіе давно умершаго словацкаго писателя и все-славянскаго патріота Людевита Штура: „Славянство и міръ будущаго—посланіе къ славянамъ съ береговъ Дуная". Такъ собрано было имъ въ венеціанскомъ архивѣ множество историческихъ документовъ, бросающихъ свѣтъ на политику Венеціи и южно-славянскую исторію.

Названное сочиненіе Штура представляло любопытный историческій и публицистическій трактатъ о будущемъ славянскомъ единствѣ, написанный съ большимъ знаніемъ славянскихъ отношеній и съ великимъ одушевленіемъ и замѣчательно совпавшій съ тѣми идеями, какія излагались въ нашей славянофильской школѣ и у самого г. Ламанскаго. Это былъ настоящій панславизмъ; но проектъ Штура остался довольно одинокимъ; на самой родинѣ автора онъ былъ написанъ по-нѣмецки, и въ предисловіи къ русскому изданію г. Ламанскій разсказывалъ, какъ долго онъ

[1]) Объ этомъ была рѣчь въ „Вѣстн. Европы"; см. Внутреннее Обозрѣніе, 1888.

[2]) „Національности итальянская и славянская" и пр., Спб. 1865 (отдѣльный оттискъ изъ „Отечественныхъ Записокъ", 1864), стр. 92.

не могъ найти мѣста для напечатанія русскаго перевода—такъ мало встрѣчалъ онъ въ русской литературѣ интереса къ самому вопросу, поднятому въ книгѣ славянскаго патріота. Въ 1869 году въ „Журналѣ министерства просвѣщенія" напечатана была обширная статья г. Ламанскаго: „Непорѣшенный вопросъ", именно вопросъ объ историческомъ образованіи древняго славянскаго и русскаго языка, съ новыми данными и соображеніями о судьбѣ языка болгарскаго. Нѣсколько разъ г. Ламанскій обращался къ изложенію своихъ общихъ взглядовъ на судьбу славянской идеи, на необходимость изученія славянства въ интересахъ русскаго самосознанія [1]); къ этому общему вопросу относится и его докторская диссертація: „Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ", изданная въ журналѣ „Заря", 1870, и отдѣльно въ 1871. Въ началѣ книги авторъ дѣлаетъ сжатый историческій обзоръ отношеній двухъ міровъ, на которые авторъ дѣлитъ европейское человѣчество—міра романо-германскаго и греко-славянскаго, а затѣмъ главная доля сочиненія занята пересмотромъ мнѣній, существующихъ въ германскомъ обществѣ и литературѣ относительно славянскаго племени, и ихъ подробной оцѣнкѣ. Авторъ собираетъ эти мнѣнія изъ писателей всякихъ лагерей и направленій безъ различія и приходитъ къ выводу, что съ нѣмецкой точки зрѣнія славянское племя есть племя низшее. Г. Ламанскій разбираетъ подробно аргументацію нѣмецкихъ писателей и находитъ, что ихъ выводы обыкновенно весьма недостаточны и фальшивы въ объективномъ смыслѣ, но чрезвычайно важны въ субъективномъ отношеніи, представляя цѣлое распространенное воззрѣніе, которымъ опредѣляется историческое отношеніе двухъ племенъ. Разборъ этихъ аргументовъ завлекаетъ автора въ самые разнообразные предметы исторіи, антропологіи, политической экономіи и т. д. и сводится къ современному политическому положенію вещей. Не только у нѣмцевъ существуетъ этотъ взглядъ на славянство какъ на низшую расу, способную играть только служебную роль, но, какъ извѣстно, и во французской литературѣ распространялась въ 50-хъ и 60-хъ годахъ теорія о туранскомъ происхожденіи русскихъ [2]). Г. Ламанскій, издававшій свою

[1]) Напримѣръ, кромѣ сочиненій, указанныхъ выше: „Вступительное чтеніе" въ университетѣ („День", 1865, № 50—52); „Чтенія о славянской исторіи—изученіе славянства и русское самосознаніе" (Журн. мин. просв., 1867, январь); „Россія уже тѣмъ полезна славянамъ, что она существуетъ" (сборникъ „Братская помочь", 1876), и др.

[2]) Извѣстная теорія Духинскаго, Викенеля, Анри Мартена (о которой мы имѣли случай говорить), что московиты—племя туранское, только захватившее славянскій языкъ, впрочемъ испорченный, а всѣ остальные славяне—настоящіе арійцы.

книгу во время франко-прусской войны, полагалъ, что эта война „какъ будто нарочно для того и предпринята, чтобы если не совершенно уничтожить, то надолго по крайности разстроить всякія пожеланія и попытки Европы на наступательный союзъ для изгнанія туранцевъ-московитовъ въ Азію. Время покажетъ, слишкомъ ли смѣло теперь надѣяться, что столь пострадавшая нынѣ Франція вмѣстѣ со многими прежними заблужденіями и ошибками откажется, наконецъ, и отъ этой несчастной теоріи... и вполнѣ убѣдится доказательствами необходимости для нея искать дружбы и союза съ Россіею. Нѣкоторые изъ этихъ доводовъ и доказательствъ были неоднократно приводимы задолго до нынѣшней войны многими лучшими сынами и дѣятелями Франціи" (стр. 316). Въ Германіи новѣйшія побѣды, конечно, не измѣнятъ любимаго воззрѣнія на славянъ какъ на расу низшую; напротивъ,—замѣчаетъ авторъ въ предисловіи,—„новѣйшія грозныя, по содержанію, и громадныя, по послѣдствіямъ, событія въ Европѣ должны, кажется, еще глубже укоренить и сильнѣе распространить въ общественномъ сознаніи Германіи любимое и давнее ея воззрѣніе на славянъ. Съ благополучнымъ окончаніемъ своихъ дѣлъ на романскомъ западѣ, новая германская имперія, вѣроятно, не замедлитъ дать почувствовать Россіи великую практическую важность близкаго знакомства съ этимъ воззрѣніемъ. Всякая добросовѣстная попытка раскрыть и подвергнуть его подробному анализу теперь, можетъ быть, кажется, нелишнею".

Въ книгѣ г. Ламанскаго подобрано дѣйствительно много странностей, свободно обращающихся даже въ ученой литературѣ: онѣ, безъ сомнѣнія, рисуютъ распространенное популярное воззрѣніе; но въ то время справедливо замѣчали, что въ этомъ изложеніи есть односторонность и что было бы желательно, чтобы столь же старательно изложены были мысли тѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые умѣли возвыситься надъ грубымъ племеннымъ инстинктомъ и отдавали славянамъ должную справедливость; что славянская наука съ признательностью вспоминаетъ имена Гердера, Якова Гримма и другихъ, которые вознаграждаютъ патологическія заблужденія своихъ соотечественниковъ. Можно указать и другую односторонность: никакъ не меньше нелѣпостей можно было бы набрать, еслибы кто вздумалъ собирать наши ходячія мнѣнія о нѣмцахъ; мы тоже иногда посматривали на нихъ черезъ-чуръ свысока...

Этотъ публицистическій интересъ почти неизмѣнно сопровождаетъ труды г. Ламанскаго. Перенесенный въ прошедшее, онъ повторяется въ историческихъ изслѣдованіяхъ автора о ста-

рыхъ временахъ, напримѣръ въ обширной статьѣ: „Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вѣкахъ“ [1]), которая впрочемъ составляетъ только часть введенія къ сочиненію, съ тѣхъ поръ не выходившему. Въ 1879 и 1880 г. Ламанскій печаталъ обширную статью подъ названіемъ: „Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка“, посвященную цѣлой группѣ произведеній, явившихся около 1820 года въ чешской литературѣ въ качествѣ древнѣйшихъ памятниковъ чешскаго языка и литературы, долго занимавшихъ эту роль и пользовавшихся довѣріемъ ученыхъ изслѣдователей чешскихъ и иныхъ славянскихъ: давно заявленныя сомнѣнія въ ихъ подлинности долго были отвергаемы съ негодованіемъ, но въ послѣднее время, съ бо́льшимъ развитіемъ исторической критики, эти сомнѣнія стали все больше усиливаться. Г. Ламанскій предпринялъ подробную исторію появленія этихъ памятниковъ и разборъ ихъ содержанія и внѣшнихъ особенностей вмѣстѣ съ характеристикой тогдашняго положенія чешской литературы, ея главнѣйшихъ дѣятелей и условій, въ которыхъ могъ быть задуманъ и затѣмъ былъ исполненъ фальсификатъ. Статья была исполнена интереса, но къ сожалѣнію осталась неоконченною: впослѣдствіи въ чешской литературѣ выясненіе этого вопроса довершено было собственными силами. Въ 1883 вышелъ давній трудъ г. Ламанскаго, изданіе упомянутыхъ выше документовъ, собранныхъ г. Ламанскимъ въ Венеціи [2]). Они снабжены обширнымъ комментаріемъ, гдѣ снова возвращается вопросъ объ отношеніяхъ греко-славянскаго міра къ западному.

Въ теченіе своего преподаванія г. Ламанскій успѣлъ, какъ немногіе изъ нашихъ славистовъ, образовать многочисленную школу, которая между прочимъ заявила себя, въ память двадцатипятилѣтія дѣятельности профессора, изданіемъ большого сборника своихъ трудовъ [3]). Въ длинномъ рядѣ участниковъ сборника мы упомянули выше многія имена слушателей г. Ламанскаго по университету и по петербургской духовной академіи, какъ гг. Зигель, Будиловичъ, Успенскій, Брандтъ, К. Я. Гротъ, Флоринскій, Пальмовъ и пр., занимающіе нынѣ славянскія и историческія каѳедры въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Кіевѣ, Одессѣ,

---

[1]) „Славянскій сборникъ“, Спб. 1875, т. I, стр. 413—584.

[2]) Les secrets d'Etat de Venise et les relations de la république à la fin du XV et au XIV siècle avec les Grecs, les Slaves et les Turcs. Documents, extraits, notices, études. S.-Pétersbourg, 1883.

[3]) „Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности“. Спб., 1883.

Нѣжинѣ. Въ предисловіи къ сборнику эта группа бывшихъ слушателей, выражая свою личную признательность профессору, указываетъ свойства преподавателя, объясняющія его вліяніе, и на трудахъ ихъ дѣйствительно замѣтно двоякое дѣйствіе учителя: съ одной стороны, онъ передалъ имъ пріемы точной ученой работы съ хорошимъ знаніемъ источниковъ и начитанностью въ литературѣ предмета; съ другой, очевидно, передалъ имъ также свою общую точку зрѣнія на славянскій вопросъ, между прочимъ съ тѣми спеціальными мнѣніями, какія ее отличаютъ.

Мы не будемъ подробно останавливаться на трудахъ молодыхъ ученыхъ этой школы и упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ фактахъ ихъ дѣятельности, которая заявлена уже многими болѣе или менѣе цѣнными трудами, но которой, безъ сомнѣнія, еще предстоитъ развиваться въ будущемъ. Въ кругу спеціалистовъ многія названныя имена лицъ, причисляющихъ себя къ школѣ г. Ламанскаго, пользуются извѣстностью основательныхъ ученыхъ. Къ числу дѣятельнѣйшихъ между ними принадлежатъ, напримѣръ, гг. Будиловичъ, Успенскій, Брандтъ, Гротъ, Соколовъ, Флоринскій, Сырку. Г. Будиловичъ началъ филологическимъ изслѣдованіемъ одного изъ древнихъ памятниковъ старо-славянской письменности; затѣмъ ему принадлежитъ книга о Ломоносовѣ; далѣе вышелъ подъ его редакціей обширный сборникъ, посвященный памяти св. Меѳодія, гдѣ между прочимъ имъ написанъ трактатъ о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности Кирилла и Меѳодія [1]). Наконецъ, въ послѣдніе годы г. Будиловичемъ предпринятъ обширный трудъ: „Первобытные славяне", гдѣ, на основаніи сравнительно-филологическихъ изслѣдованій, онъ старается возстановить древнее культурное состояніе первобытнаго славянства [2]).

Т. Д. Флоринскій, выпуска 1876 года, въ 1881 году защищалъ магистерскую диссертацію: „Южные славяне и Византія во второй четверти XIV-го вѣка" (два выпуска., Спб., 1882) и въ 1882 занялъ славянскую профессуру въ Кіевѣ. Еще до этого онъ издалъ свою работу: „Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова" (Спб., 1880). И затѣмъ цѣлый рядъ его работъ, преимущественно по древней

---

[1]) „Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный императорскимъ Варшавскимъ университетомъ къ 6 апрѣля 1885 года, подъ редакціею орд. проф. А. Будиловича". Варшава, 1885. Кромѣ статьи г. Будиловича, здѣсь помѣщены работы Н. А. Лавровскаго, Первольфа, Кулаковскаго, К. Я. Грота и Зигеля.

[2]) Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической палеонтологіи. Кіевъ, 1878—82. Ч. I, два вып.; ч. II, вып. I.

исторіи южнаго славянства, помѣщенъ былъ въ „Журналѣ министерства просвѣщенія“ и кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“. Послѣдняя обширная работа его посвящена опять южно-славянской исторіи, именно дѣятельности знаменитѣйшаго изъ сербскихъ царей, Стефана Душана [1]).

М. И. Соколовъ извѣстенъ до сихъ поръ двумя весьма обстоятельными изслѣдованіями въ области древней южно-славянской исторіи и письменности [2]).

К. Я. Гротъ началъ свои труды изслѣдованіемъ о Константинѣ Багрянородномъ по отношенію къ древней славянской исторіи, и затѣмъ напечаталъ свою диссертацію [3]).

П. А. Сырку, доцентъ по славянской каѳедрѣ и румынскому языку въ петербургскомъ университетѣ, извѣстенъ многочисленными изслѣдованіями особливо въ области древней южно-славянской исторіи, письменности и археологіи. Въ путешествіи по Болгаріи и на Аѳонъ онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчательныхъ рукописныхъ открытій, и въ трудахъ своихъ [4]) отличается, между прочимъ, огромною начитанностью въ литературѣ предмета.

Пересмотримъ, впрочемъ, нынѣшнее состояніе нашей славистики по университетамъ.

Въ Харьковѣ, вмѣстѣ съ Лавровскимъ и послѣ него, славянскую каѳедру занимаетъ М. С. Дриновъ, болгаринъ по происхожденію, питомецъ московскаго университета. Онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ знатоковъ южно-славянской и въ частности болгарской исторіи и этнографіи. Однимъ изъ первыхъ трудовъ его была краткая, но содержательная исторія болгарской церкви, вызванная начавшеюся съ конца 50-хъ годовъ борьбою болгарскаго народа и іерархіи противъ константинопольскаго патріархата, въ защиту болгарской церковной автономіи. Другимъ важнымъ трудомъ его было изслѣдованіе о „Заселеніи балканскаго полуострова славянами“ [5]). Важные этнографическіе матеріалы были сообщены имъ въ „Періодическомъ списаніи“ болгарскаго

---

[1]) Памятники законодательной дѣятельности Душана, царя сербовъ и грековъ Кіевъ, 1888.

[2]) Изъ древней исторіи болгаръ. 1) Образованіе болгарской національности. 2) Принятіе христіанства болгарскими славянами. Спб. 1879;—Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. Выпускъ первый. М. 1888.

[3]) Извѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ и ихъ разселеніи на Балканскомъ полуостровѣ. Историко-этнографич. изслѣдованіе. Спб., 1880;—Моравія и Мадьяры съ половины IX-го до начала X-го вѣка. Спб., 1881.

[4]) Въ изданіяхъ русскаго отдѣленія Академіи, Палестинскаго общества, Археологич. общества, въ Журналѣ министерства просвѣщенія и др.

[5]) Въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей и отдѣльно, 1873.

ученаго общества. Послѣ русско-турецкой войны и освобожденія Болгаріи г. Дриновъ нѣкоторое время управлялъ во вновь основанномъ государствѣ министерствомъ просвѣщенія, но потомъ возвратился снова къ профессурѣ.

Какъ замѣчательный филологъ, труды котораго соприкасаются съ славистикой, долженъ быть названъ г. Потебня. Далѣе, къ славянской исторіи относится трудъ г. Надлера: „Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ Чехіи, въ концѣ XIV-го и началѣ XV-го вѣка" (Харьковъ, 1864). Въ настоящее время дѣйствуетъ въ Харьковѣ и г. Безсоновъ, который вступилъ въ область славистики упомянутымъ выше изданіемъ болгарскихъ пѣсенъ, а также біографіей и изданіемъ Крижанича.

Въ Казани послѣ Григоровича славянскую каѳедру занималъ короткое время П. А. Ровинскій, затѣмъ М. П. Петровскій, а въ настоящее время гг. Снегиревъ и Качановскій. Г. Ровинскій въ разное время сдѣлалъ нѣсколько продолжительныхъ путешествій въ западныя и юго-западныя славянскія земли; послѣднія десять лѣтъ онъ постоянно живетъ въ Черногоріи. Неутомимый путешественникъ, онъ въ особенности изучалъ народный бытъ, и многочисленный рядъ его статей о Чехіи, Сербіи, Босніи, Черногоріи нашелъ мѣсто въ „Журналѣ министерства просвѣщенія", въ изданіяхъ Географическаго общества и другихъ журналахъ. Въ настоящее время въ изданіяхъ русскаго отдѣленія Академіи приготовленъ къ выходу въ свѣтъ первый томъ его обширнаго описанія Черногоріи въ географическомъ, историческомъ и этнографическомъ отношеніи, съ подробной картой, гдѣ прежнія обозначенія мѣстностей исправлены по его собственнымъ наблюденіямъ.

М. П. Петровскій извѣстенъ какъ основательный ученый и какъ авторъ весьма удачныхъ переводовъ изъ славянской поэзіи [1]). В. В. Качановскій, ученикъ Макушева, извѣстенъ многими болѣе или менѣе замѣчательными трудами по славянской этнографіи и исторіи литературы [2]); въ особенности важно обширное собраніе болгарскихъ народныхъ пѣсенъ, составленное во время путешествія

---

[1]) Матеріалы для славянской діалектологіи, въ „Ученыхъ Запискахъ" казанскаго университета, 1869, и пр.

[2]) Неизданный дубровницкій поэтъ Антонъ-Маринъ Глегевичъ, историко-литературное изслѣдованіе. Спб., 1882.

— Образцы дубровницкаго языка и письма съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ, рисующихъ дубровницкую культуру. Спб., 1882 (прибавленіе къ предыдущей книгѣ).

— Къ вопросу о литературной дѣятельности болгарскаго патріарха Евѳимія, 1375—1393, въ „Христіанскомъ Чтеніи", 1882, № 7—8.

въ Болгаріи [1]): послѣ предисловія съ краткими замѣтками объ особенностяхъ народнаго языка авторъ даетъ описаніе обычаевъ, приводитъ изъ неизданныхъ рукописей образчики болгарскаго языка XVII-го и XVIII-го вѣка, наконецъ большую массу пѣсенъ, распадающихся на нѣсколько разрядовъ, а именно: пѣсни и сказанія апокрифическаго и миѳическаго характера; колядскія и хороводныя пѣсни; пѣсни на дни другихъ праздниковъ; пѣсни изъ семейнаго быта; историческія — юнацкія пѣсни и сказанія; наконецъ небольшое собраніе пословицъ и краткій словарь. Въ послѣднее время г. Качановскій предпринялъ изданіе періодическаго сборника подъ названіемъ „Вѣстникъ Славянства".

Въ Казани одно время работалъ г. Бодуэнъ де-Куртенэ, труды котораго, кромѣ чистой филологіи, направлялись и на спеціальные вопросы славянскихъ нарѣчій (о старо-польскомъ языкѣ; о резьянскихъ говорахъ, и проч.).

Въ Одессѣ преемникомъ Григоровича (и Ягича) сталъ А. А. Кочубинскій, извѣстный многочисленными работами по славянскимъ нарѣчіямъ, исторіи литературы и политической исторіи славянскихъ племенъ. Ему принадлежатъ также любопытныя изслѣдованія по исторіи русской славистики [2]).

Въ кругъ славистики входятъ также труды извѣстнаго византиниста, одесскаго профессора, Ѳ. И. Успенскаго, по древней славянской исторіи [3]). Недолгое время занималъ въ Одессѣ каѳедру славянскихъ законодательствъ В. В. Богишичъ, отвлеченный вскорѣ отъ каѳедры къ извѣстному труду составленія гражданскаго кодекса для Черногоріи, недавно имъ довершеннаго [4]).

Въ Варшавѣ каѳедра славянскихъ нарѣчій занимаема была П. А. Лавровскимъ, какъ мы выше упоминали. Въ настоящее время въ варшавскомъ университетѣ работаютъ по разнымъ от-

---

[1]) „Памятники болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I. Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ съ словаремъ". Спб. 1882 (въ изданіяхъ русскаго отдѣленія Академіи), большой томъ въ 600 страницъ.

[2]) Братья-Подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII-го в. Одесса, 1873.

— Изъ-за границы, 1-го августа 1874—1-го іюня 1876, отчеты. Одесса, 1876 — 1877.

— Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Одесса, 1877—1878.

— Мы и Они. Очерки исторіи и политики славянъ. Одесса, 1878.

— Итоги славянской и русской филологіи. Одесса, 1882.

— Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія. Одесса, 1887—1888.

[3]) Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ. Спб., 1872;—Образованіе второго болгарскаго царства. Одесса, 1879.

[4]) Этому кодексу посвящена статья г. Спасовича въ „Вѣстн. Европы", 1889.

дѣламъ предмета трое спеціалистовъ славяновѣденія: гг. Будиловичъ и Гротъ, о которыхъ сказано выше, и г. Первольфъ, чешскій славистъ, приглашенный въ 1870 годахъ. Съ тѣхъ поръ и донынѣ г. Первольфъ работаетъ въ русской и чешской литературѣ. Его занятія сосредоточены всего болѣе на славянской исторіи и въ частности на изслѣдованіи взаимныхъ отношеній славянскихъ племенъ. Въ 1874 году онъ издалъ книгу подъ названіемъ: „Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII-го вѣка"; затѣмъ слѣдовала „Германизація Балтійскихъ Славянъ" (Спб., 1876), и далѣе рядъ крупныхъ и мелкихъ изслѣдованій, въ особенности по той спеціальной темѣ, которую мы указывали, по-русски и по-чешски. Главнѣйшій его трудъ въ этомъ направленіи есть книга: „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи" (до сихъ поръ два тома; Варшава, 1886—1888).

Наконецъ, въ ряду варшавскихъ профессоровъ долженъ быть названъ извѣстный польскій историкъ, А. Павинскій, который между прочимъ посвятилъ свою диссертацію эпизоду изъ древней исторіи славянства [1]).

Въ московскомъ университетѣ преемникомъ Бодянскаго былъ А. Л. Дювернуа [2]), недавно умершій. Ему принадлежитъ нѣсколько работъ по языку и по чешской исторіи [3]); филологическія сочиненія написаны искусственно-темнымъ языкомъ, который дѣлаетъ книги почти неудобными къ употребленію; изслѣдованіе о временахъ Гуса осуждаютъ, кромѣ того, и за странный историческій взглядъ. Въ послѣднее время Дювернуа началъ изданіе обширнаго болгарскаго словаря.

Преемникомъ Дювернуа на московской каѳедрѣ сталъ г. Брандтъ, питомецъ петербургской школы. Его первая диссертація посвящена знаменитой поэмѣ далматинскаго писателя XVII-го вѣка Гундулича, „Османъ"; дальнѣйшіе труды г. Брандта были чисто филологическіе.

Въ петербургскомъ университетѣ послѣ Срезневскаго славянскіе предметы преподавались гг. Ламанскимъ и Ягичемъ; послѣдній еще раньше занималъ нѣкоторое время славянскую каѳедру въ Одессѣ. Родомъ хорватъ (род. 1838), Игнатій Вик. Ягичъ [4]) послѣ

---

[1]) Полабскіе Славяне. Историческое изслѣдованіе. Спб., 1871.

[2]) Ср. въ некрологѣ Бодянскаго, писанномъ Котляревскимъ, „Слав. Ежегодникъ" на 1878 г., стр. 351.

[3]) Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867;— Система основныхъ элементовъ и формъ славянскихъ нарѣчій. М., 1872.
— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871.

[4]) По-хорватски, его имя—Ватрославъ.

мѣстной школы былъ въ вѣнскомъ университетѣ ученикомъ Миклошича, затѣмъ работалъ нѣкоторое время на учебномъ и ученомъ поприщѣ на своей родинѣ и уже въ 1860 годахъ пріобрѣталъ широкую извѣстность въ ученыхъ славянскихъ кругахъ своими замѣчательными изслѣдованіями по сербо-хорватской и обще-славянской филологіи, исторіи литературы и этнографіи. Въ началѣ 1870-хъ годовъ, отчасти стѣсняемый тяжелыми политическими условіями дома, отчасти по желанію расширить кругъ своихъ изслѣдованій русскими источниками, г. Ягичъ принялъ каѳедру славянской филологіи въ Одессѣ, гдѣ еще засталъ Григоровича. Въ 1874 году онъ былъ приглашенъ на славянскую каѳедру въ Берлинъ; затѣмъ въ 1880 онъ оставилъ Берлинъ для Петербурга, гдѣ, кромѣ профессуры въ университетѣ (а также на высшихъ женскихъ курсахъ) онъ сталъ членомъ русскаго отдѣленія Академіи; наконецъ, послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ, онъ вызванъ былъ на славянскую каѳедру въ Вѣну, гдѣ долженъ былъ смѣнить Миклошича.

Эти послѣдовательные вызовы въ Одессу, Берлинъ, Петербургъ, Вѣну, и послѣдніе—въ университеты перваго достоинства, показываютъ уже, какъ высоко цѣнились ученыя достоинства профессора. И дѣйствительно, это замѣчательнѣйшій славистъ нашего времени по широтѣ научныхъ интересовъ и прилагаемаго къ нимъ знанія. Не перечисляя его многочисленныхъ трудовъ, укажемъ только наиболѣе извѣстные. Его труды 1860-хъ годовъ посвящены были преимущественно сербо-хорватскому языку и литературѣ, и изъ нихъ „Исторія литературы сербо-хорватскаго народа" была переведена на русскій языкъ. Позднѣе явился также порусски другой замѣчательный трудъ г. Ягича, написанный похорватски: „О славянской народной поэзіи—историческія свидѣтельства о пѣніи и пѣсняхъ славянскихъ народовъ" [1]). Впослѣдствіи ученые труды Ягича все болѣе расширяются; во время пребыванія въ Берлинѣ онъ основалъ ученый журналъ: „Archiv für slavische Philologie", продолжающійся донынѣ и обнимающій въ широкомъ смыслѣ славянскую филологію, то-есть, кромѣ изслѣдованій собственно о языкѣ, исторію литературы и этнографію. „Архивъ", въ которомъ приняли участіе между прочимъ и русскіе ученые, вскорѣ сдѣлался и остается до сихъ поръ главнымъ органомъ ученой славистики, гдѣ основной трудъ принадлежитъ самому редактору. Кромѣ цѣлаго ряда филологическихъ и исто-

[1]) Подлинникъ въ изданіи южно-славянской академіи: „Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti", Загребъ, 1876; русскій переводъ въ „Славянскомъ Ежегодникѣ" Задерацкаго, III, Кіевъ, 1878, стр. 140—270.

рико-литературныхъ изслѣдованій и замѣтокъ, всегда оригинальныхъ, всегда освѣщающихъ съ новой стороны данный предметъ, онъ ведетъ здѣсь весьма обстоятельную лѣтопись научной литературы по славяновѣденію и „Архивъ" дѣлается необходимою книгою для каждаго слависта. Между прочимъ въ своихъ изслѣдованіяхъ г. Ягичъ касался и вопросовъ старой русской литературы и поэзіи. Таково, напримѣръ, его изслѣдованіе „о христіанско-миѳологическомъ слоѣ въ русскомъ эпосѣ", которое, въ параллель съ изысканіями г. Веселовскаго, совершало преобразованіе въ цѣломъ пониманіи древняго русскаго эпоса; на мѣсто теоретическихъ объясненій въ духѣ Гримма онъ ставилъ реальную критику, вполнѣ убѣдительную по ясности метода и наглядности фактовъ; таковы и другія его объясненія изъ этой области, гдѣ ему удавалось разъяснить предметы, приводившіе въ недоумѣніе прежнихъ изслѣдователей. Рядомъ съ этимъ шли изученія старо-славянской литературы и языка и изданіе памятниковъ: въ Берлинѣ сдѣлано имъ изданіе знаменитаго Зографскаго евангелія; съ переѣздомъ въ Петербургъ труды еще расширяются — въ библіотекахъ Петербурга и Москвы открылись передъ неутомимымъ ученымъ недоступныя на западѣ богатства древнихъ памятниковъ, и г. Ягичъ дѣлаетъ изданія Маріинскаго евангелія и древняго текста служебныхъ Миней (по рукописямъ конца XI-го столѣтія); съ другой стороны для исторіи славянской науки было въ высокой степени интересно приготовленное имъ изданіе переписки Добровскаго и Копитара [1]). Кромѣ работъ для своего „Архива" и названныхъ сейчасъ изданій, составлявшихъ его академическій трудъ, г. Ягичъ принималъ участіе въ изданіяхъ Общества любителей древней письменности. Трудно оцѣнить, наконецъ, то нравственное вліяніе, какое оставляли здѣсь въ кругу ученыхъ друзей и слушателей его всегда живой интересъ къ дѣлу, обширныя знанія, ясный критическій взглядъ и личная неустанная дѣятельность [2]).

Въ предыдущемъ обозрѣніи мы назвали нѣсколько именъ южныхъ и западныхъ славянскихъ ученыхъ, дѣйствовавшихъ въ русскихъ университетахъ. Такъ выполнялась старая мысль, въ пер-

---

[1]) „Источники для исторіи славянской филологіи. Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ, съ портретомъ" и проч. Спб., 1885 (CV стр. предисловія и больше 700 стр. текста).

[2]) Объ его біографіи см. дубровницкую газету „Slovinac", 1880, № 10; оцѣнка его трудовъ въ „Протоколахъ засѣданій совѣта императорскаго Спб. университета за вторую половину 1879-1880 академическаго года", 1881, № 22, стр. 67—72: „Записка объ ученыхъ трудахъ Игнатія Викентьевича Ягича", г. Ламанскаго.

вый разъ мелькавшая въ началѣ столѣтія, о привлеченіи въ Россію славянскихъ ученыхъ силъ. Можно было сомнѣваться, чтобы въ то время призывъ славянъ сдѣлалъ для основанія у насъ науки славяновѣденія столько, сколько могли сдѣлать „туземные" ученые, достаточно подготовленные школой и путешествіемъ въ славянскія земли и преданные своему дѣлу. Но теперь, когда русская славистика установилась собственными силами, участіе въ ея работахъ славянскихъ ученыхъ, образовавшихся независимо отъ нея и въ другую пору всего литературнаго развитія, получало совсѣмъ иное, несомнѣнно благотворное значеніе. Встрѣчались съ двухъ сторонъ равноправныя силы, которыя, соединяясь въ общемъ дѣлѣ, могли не терять своей неизбѣжной исторической особенности и, дополняя другъ друга, расширять горизонтъ изслѣдованія. Надо желать, чтобы подобныя встрѣчи повторялись и впредь; общеніе въ области науки остается пока единственной возможной и дающей нравственное удовлетвореніе формой славянскаго единенія.

Основаніе научнаго славяновѣденія сопровождалось распространеніемъ славянскихъ изученій и внѣ круга спеціалистовъ. Интересъ сравненія языка, быта, поэзіи и исторіи племенъ былъ такъ близокъ и такъ ясно представлялась необходимость, для уразумѣнія самаго русскаго народа и его исторіи, ознакомиться съ судьбами цѣлаго племени, что съ 1840-хъ годовъ мы все чаще встрѣчаемъ въ нашей литературѣ обращенія къ западной и южной славянской древности и этнографіи. Изслѣдованія Шафарика становятся необходимостью для объясненія первобытной судьбы русскаго племени; сравненія съ средневѣковыми извѣстіями о западномъ славянствѣ и современными славянскими преданіями и обычаями дѣлаются необходимы въ изслѣдованіяхъ по русской этнографіи; объяснить древній русскій бытъ нельзя было безъ обращенія къ древнему славянскому обычаю [1]).

Представленіе о цѣломъ славянскомъ племени становилось яснѣе, и съ бо́льшею опредѣленностью являлась мысль о положеніи русскаго народа въ средѣ цѣлаго племени, и у славянофиловъ—мысль о его провиденціальномъ назначеніи. Славянскія земли какъ будто теперь были въ первый разъ открыты; вслѣдъ за учеными славистами ихъ стали больше чѣмъ когда-либо прежде

---

[1]) Не обошлось при этомъ и безъ недоразумѣній. Напр., защита теоріи быта общиннаго искала доказательствъ въ чешскомъ сказаніи о судѣ Любуши, въ подлинность котораго тогда безусловно вѣрили.

посѣщать любознательные путешественники, и все это вмѣстѣ расширяло въ обществѣ знакомство съ славянскимъ міромъ.

Изъ многочисленныхъ фактовъ этого рода мы выберемъ нѣсколько указаній. Въ 1845 Д. Валуевъ издаетъ извѣстный „Сборникъ“, гдѣ должно было найти мѣсто изученіе славянства. Въ сборникѣ не участвовалъ ни одинъ изъ тогдашнихъ спеціалистовъ славяновѣденія, но въ немъ приняли участіе, между прочимъ, Кавелинъ и Грановскій (послѣдній, также бывавшій въ славянскихъ земляхъ, помѣстилъ здѣсь свое изслѣдованіе о Винетѣ). Въ 1840-хъ годахъ бывали въ славянскихъ земляхъ А. Н. Поповъ, Е. П. Ковалевскій, Касторскій. Этнографическія изученія, особливо распространяющіяся съ конца 1840-хъ годовъ, съ тѣхъ поръ постоянно обращаются къ славянскимъ источникамъ, и русская народная поэзія, миѳологія, бытовой обычай объясняются славянскими параллелями; такъ у Буслаева и Аѳанасьева, и послѣдній предпринимаетъ даже цѣльное изложеніе „Поэтическихъ воззрѣній Славянъ на природу“. Въ изслѣдованіяхъ юридическихъ и бытовыхъ, или опять русскіе вопросы объясняются при помощи славянскихъ источниковъ (напр., въ книгѣ московскаго профессора Никольскаго о наслѣдственномъ правѣ цѣлый трактатъ о „Судѣ Любуши“), или ставятся прямо вопросы о судьбахъ славянскаго права (въ трудахъ Шпилевскаго, Леонтовича, Владимірскаго-Буданова). Въ литературномъ обращеніи гораздо чаще, чѣмъ когда-нибудь прежде, появляются переводы изъ славянскихъ поэтовъ и беллетристовъ, сдѣланные и спеціалистами, и любителями (М. Петровскій, Николай Бергъ, Степовичъ и другіе).

Такимъ образомъ, уже при первомъ поколѣніи русскихъ славистовъ (дѣйствовавшемъ до конца 1870 годовъ) славянскіе интересы начинаютъ бросать прочный корень въ нашей литературѣ, по крайней мѣрѣ въ исторической и этнографической области. Въ русской литературѣ начинаютъ находить пріютъ тѣ племенныя стремленія, историческія и этнографическія работы, которымъ не было мѣста на родинѣ, какъ въ Россіи нашли убѣжище и образованіе многіе болгарскіе патріоты, мечтавшіе объ освобожденіи своего отечества. Выше мы называли Венелина; позднѣе выходитъ въ Москвѣ, подъ редакціей г. Безсонова, обширный сборникъ болгарскихъ пѣсенъ, собранныхъ болгариномъ Катрановымъ и другими; Бодянскій въ своихъ „Чтеніяхъ“ даетъ мѣсто трудамъ стараго галицкаго патріота Дениса Зубрицкаго и обширному пѣсенному сборнику другого патріота, Головацкаго; г. Ламанскій печатаетъ на русскомъ языкѣ патріотическое завѣщаніе словацкаго патріота Людевита Штура; въ Петербургѣ и Москвѣ

готовился къ своей дѣятельности рядъ болгарскихъ патріотовъ, какъ Дмитріевъ-Петковичъ, Жинзифовъ, Даскаловъ, братья Миладиновы, М. С. Дриновъ, Любенъ и Петръ Каравеловы и др. Въ Россіи издана была, кажется, первая (послѣ небольшой карты Шафарика) довольно подробная этнографическая карта всѣхъ славянскихъ племенъ.

Внѣ круга спеціалистовъ славянскія изученія доставляютъ въ послѣднее время, между прочимъ, замѣчательные труды, которые указываютъ, что славяновѣденіе пріобрѣтаетъ прочную почву. Сверхъ названныхъ выше писателей укажемъ, напр., въ особенности многочисленные труды Нила Алекс. Попова, профессора московскаго университета, посвященные новѣйшей политической исторіи славянства [1]; замѣчательный трудъ проф. Голубинскаго по исторіи южно-славянскихъ церквей [2]; изслѣдованія о древней исторіи славянства по восточнымъ писателямъ гг. Хвольсона, Гаркави; изысканія о славянской миѳологіи (хотя нѣсколько фантастическія) гг. Квашнина-Самарина [3] и А. Фаминцына; о православной церкви въ Буковинѣ — г. Мордвинова [4]; замѣчательный этнографическій трудъ г. Ястребова, русскаго консула въ Призрѣнѣ, о весьма малоизвѣстной Старой Сербіи [5]; весьма цѣнные труды объ угорской, или венгерской, Руси, г. де-Воллана, которому принадлежитъ, между прочимъ, изданіе сборника пѣсенъ этого племени; наконецъ, и еще рядъ эпизодическихъ работъ по старой и современной славянской исторіи, литературѣ и языку [6].

---

[1]) Наиболѣе обширный изъ этихъ трудовъ: „Россія и Сербія". Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 годъ. Часть I. До устава 1839 г. Ч. II. Послѣ устава 1839 года". М. 1869. Два большихъ тома.

Выше упомянуто объ изданной имъ перепискѣ славянскихъ ученыхъ съ Погодинымъ, о запискахъ Пишчевичей. Много отдѣльныхъ статей разсѣяно въ журналахъ, между прочимъ въ „Вѣстникѣ Европы".

[2]) Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей: болгарской, сербской и румынской или молдо-валашской. М. 1871.

[3]) Очеркъ славянской миѳологіи („Бесѣда", 1872).

[4]) Влад. Мордвиновъ, Православная церковь въ Буковинѣ (въ Австріи). Спб. 1874.

[5]) И. С. Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ (въ Призрѣнѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ). Спб., 1886.

[6]) Назовемъ, напр.: А. Небосклоновъ, Начало борьбы славянъ съ нѣмцами за независимость въ средніе вѣка. Казань, 1874.

— Ѳ. Я. Фортинскій (проф. всеобщей исторіи въ Кіевѣ): Титмаръ Мерзебургскій и его хроника. Спб., 1872; — Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе ганзейскаго союза,—въ „Унив. Извѣстіяхъ" 1876, и отдѣльно. Кіевъ, 1877.

— Андр. Стороженко, Очерки изъ исторіи чешской литературы. I. Рукописи Зеленогорская и Краледворская. Вып. 1-й. Очеркъ литературной исторіи рукописей (1817—1877). Кіевъ, 1880.

Въ послѣднее время въ „Извѣстіяхъ", издававшихся отъ петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества съ конца 1883 до конца 1888 года, кромѣ собственныхъ матеріаловъ Общества — руководящихъ статей, рѣчей, отчетовъ и т. п., помѣщались весьма полезныя библіографическія сообщенія о южной и западной славянской литературѣ, корреспонденціи изъ славянскихъ земель и статьи о славянскихъ предметахъ нашихъ славистовъ и любителей [1]).

Въ какомъ же отношеніи находится наша научная славистика къ распространенію знаній о славянствѣ въ обществѣ, къ общественному мнѣнію о *современныхъ* славянскихъ дѣлахъ?

Это отношеніе довольно далекое, и самыя данныя, какія сообщала ученая славистика о современномъ положеніи славянскаго вопроса, далеко не удовлетворительны. Оглянувшись на путь, пройденный нашимъ славяновѣденіемъ, и столь еще недавній, мы увидимъ, что къ этой послѣдней цѣли — къ разъясненію живого

— Влад. Ивацевичъ, Собираніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ славянъ. Спб., 1883.

— А. Степовичъ, Очеркъ исторіи чешской литературы. Кіевъ, 1886.

— П. А. Лавровъ, Петръ II Петровичъ Нѣгошъ, владыка черногорскій, и его литературная дѣятельность. М., 1886.

— Оперманъ, Янъ Голый и его литературная дѣятельность. Кіевъ, 1886.

— Н. Петровъ, Начало греко-болгарской распри и возрожденіе болгарской народности. Кіевъ, 1886.

— В. Тепловъ, Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. Спб., 1889 (относящаяся къ той же распрѣ книга Т. Филиппова; „Современные церковные вопросы", Спб., 1882, говоритъ только о богословско-казуистической сторонѣ вопроса). Въ книгѣ г. Теплова указана и прежняя литература предмета.

— Н. Задерацкій (1848—1880), издавшій въ Кіевѣ четыре выпуска „Славянскаго Ежегодника" продолженнаго потомъ А. Стороженкомъ и Т. Д. Флоринскимъ.

[1]) О самой исторіи нашего славяновѣденія писано было немного:

— П. Лавровскій, статья въ „Часописѣ" чешскаго музея: „O úspěchu slavistiky v Rusku, 1860, вып. 2.

— А. А. Майковъ, О славяновѣдѣніи въ Россіи, въ „Бесѣдахъ" Общества любителей россійской словесности. Вып. 2, М., 1868, стр. 11—19.

— А. Котляревскій, статья въ чешскомъ „Часописѣ", 1874, вып. 1—3, и отдѣльно (въ 33 оттискахъ): Uspěchy slavistiky na Rusi v poslední době (1860—1872). V. Praze, 1874; и его же: „Обзоръ успѣховъ славяновѣденія за послѣдніе три года 1873—76", въ кіевскихъ „Университ. Извѣстіяхъ" 1876, іюль, критико-библіографическій отдѣлъ, стр. 284—303.

Сводъ статей Лавровскаго, Майкова и Котляревскаго сдѣланъ былъ въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ кіевскаго „Славянскаго Ежегодника".

Наконецъ принадлежатъ сюда названныя раньше сочиненія г. Кочубинскаго: „Итоги" и „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія", и отмѣченныя выше біографіи русскихъ славистовъ.

явленія славянской жизни, въ его современныхъ реальныхъ условіяхъ—оно только-что приступаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, первые запросы на знаніе славянства въ началѣ нынѣшняго столѣтія, не говоря о XVIII вѣкѣ, по положенію самой нашей науки были еще крайне ограниченные. Первый дѣйствительный источникъ знаній возникаетъ лишь со второй половины 1830 годовъ, съ основанія научной славистики (такъ что весь періодъ развитія нашего славяновѣденія донынѣ едва обнимаетъ лѣтъ пятьдесятъ), и въ это первое время наши начинавшіе слависты были увлечены тѣми стремленіями къ возрожденію, какія наблюдали они въ славянствѣ въ теченіе своихъ путешествій. Самый вопросъ былъ въ зачаткѣ; дѣятелей возрожденія, къ которымъ примыкали и наши молодые ученые, наполнялъ еще энтузіазмъ народнаго пробужденія, которое они въ правѣ были считать своимъ дѣломъ. Пробужденіе достигалось реставраціей славнаго прошлаго, изученіемъ внутренняго содержанія народной жизни въ языкѣ, народной поэзіи, обычаѣ, возведеніемъ ихъ въ руководящій принципъ: движеніе было чисто романтическое съ извѣстнымъ демократическимъ оттѣнкомъ, потому что за утратою народности высшими классами приходилось обращаться именно къ народной массѣ. Среди этихъ изученій и поэтическихъ увлеченій, и въ виду достигаемаго результата, возникало убѣжденіе въ несокрушимости народа, который черезъ вѣка паденія и чужеземнаго гнета выноситъ цѣлой и невредимой свою народную сущность. Будущее представлялось, конечно, съ ожиданіями трудной борьбы, но и съ надеждой, почти увѣренностью въ успѣхѣ; будущее рисовалось, впрочемъ, крайне неясно въ формѣ неопредѣленнаго „славянскаго единства“, къ которому должна вести „взаимность“. Настоящая политическая жизнь пока отсутствовала. У австрійскихъ славянъ, среди которыхъ особливо развивалось возрожденіе, господствовало правленіе Меттерниха, которое заподозрѣвало самыя малѣйшія движенія, пріобрѣтавшія политически-общественный смыслъ; еще менѣе политическая сторона вопроса могла быть развиваема въ русской литературѣ, гдѣ предметы этого рода были абсолютно закрыты. Такимъ образомъ, первыя лѣтъ двадцать въ исторіи нашего славяновѣденія были заняты, съ одной стороны, мечтательнымъ романтизмомъ, съ другой—археологической наукой.

Во второмъ поколѣніи нашихъ славистовъ, дѣятельность котораго приходилась въ болѣе свободную пору нашей общественности, въ пору броженія и реформъ, вопросы начали ставиться иначе. Тѣмъ временемъ въ самой жизни западнаго славянства произошли событія, нарушавшія или устранявшія старый роман-

тизмъ и ставившія вопросъ на реальную политическую почву: 1848 годъ, славянскій съѣздъ въ Прагѣ, венгерская война, правленіе Баха, новые опыты конституціонной жизни поставили на мѣсто прежнихъ неясныхъ идеалистическихъ теорій непосредственныя политическія отношенія; у каждаго изъ славянскихъ народовъ были полныя руки своихъ заботъ, и та взаимность, о которой прежде такъ легко было мечтать на литературной и поэтической почвѣ, оказывалась почти невыполнимой на первомъ вопросѣ практической политики. Иначе взглянули на дѣло и наши слависты 1860 годовъ. Всмотрѣвшись ближе, они не увидѣли того романтическаго зданія, какое строили ихъ предшественники и учители: славянскіе народы были слабы, разъединены, въ культурномъ отношеніи уступали тѣмъ нѣмцамъ, которые надъ ними господствовали; на пути прежнихъ теорій о платоническомъ союзѣ мелкихъ племенъ и литературъ не могло быть спасенія; противъ большой силы нужна также большая сила; она можетъ быть достигнута только реальнымъ тѣснымъ союзомъ — славяне могутъ быть сильны только подлѣ Россіи, которая уже тѣмъ полезна славянамъ, что существуетъ; на первый разъ славяне должны объединиться, принявъ одинъ общій литературный языкъ — именно русскій. Къ этому присоединилась давняя теорія славянофиловъ о различіи или противоположности міра романо-германскаго и греко-славянскаго: кромѣ русскаго языка (какъ литературнаго), славяне для настоящаго единства, соотвѣтственнаго самому племенному существу и предназначенію, должны принять православіе. Этой теоріи въ разныхъ видоизмѣненіяхъ удалось въ особенности распространиться въ той части общества, которая заинтересовалась потомъ славянскими дѣлами.

Эти любители славянства выдѣляются въ особую, небольшую, группу, которая остается, если не ошибаемся, довольно одинокой въ средѣ общества. Успѣхъ помянутой теоріи объясняется между прочимъ тѣмъ, что остальное общество и литература остаются къ ней равнодушны, считая ее нетребующею опроверженій, тѣмъ болѣе еще, что въ послѣдніе годы эта теорія не разъ попадала изъ рукъ людей убѣжденныхъ и искреннихъ идеалистовъ въ руки людей совсѣмъ иного сорта.

Большинство, какъ мы сказали, издавна оставалось къ славянскимъ дѣламъ довольно равнодушно. Всякое общество дорожитъ, увлекается или озабочивается тѣмъ, что̀ всего ближе къ его собственнымъ идеальнымъ и практическимъ стремленіямъ. Славянство было далеко отъ того и другого. Интересъ къ нему не подвигалъ нашихъ насущныхъ, образовательныхъ и общественныхъ вопросовъ — напротивъ, замѣчалось не однажды, что славянолюбіе легко со-

вмѣщалось у насъ съ тенденціями, болѣе или менѣе враждебными лучшимъ стремленіямъ общества; политическая сторона славянскаго вопроса была слишкомъ загадочна и далека, и притомъ для обсужденія этой стороны дѣла нашей литературѣ всегда недоставало необходимаго простора. Въ разгаръ послѣднихъ славянскихъ событій, возстаній на Балканскомъ полуостровѣ, сербской и русско-турецкой войны, у насъ не однажды упрекали людей, относившихся недовѣрчиво къ тогдашнему настроенію славянолюбивой части общества, что они не понимаютъ національнаго вопроса и остаются чужды къ совершенію нашего историческаго призванія и т. д.; но сущность русско-славянскихъ отношеній и тогда оставалась все-таки неясной: обратившись къ исторіи, можно было увидѣть, что русское общество и всегда очень мало сознавало это призваніе. Славянскіе интересы практически давно бывали затронуты въ русско-турецкихъ войнахъ; мы указывали выше, какъ стояло дѣло въ XVIII столѣтіи; но и въ XIX только очень небольшая доля общества была затронута этимъ интересомъ. Въ войну 1828 и 1829 года русскіе были въ Болгаріи и за Балканами, и едва ли не одинъ Хомяковъ почувствовалъ тогда присутствіе здѣсь славянскаго вопроса, который представился ему тогда въ панславистической поэтической картинѣ; масса общества знала только о побѣдахъ надъ турками и ничего не знала о болгарахъ. Въ другой разъ славянскій вопросъ затронутъ былъ венгерской войной, но довольно извѣстно, что какъ для правительства въ то время шло дѣло только о поддержаніи габсбургской монархіи противъ мятежныхъ венгровъ, такъ, съ другой стороны, для общества не представлялось здѣсь никакого соприкосновенія къ славянскому интересу, который однако могъ бы быть, и дѣйствительно былъ. Въ началѣ крымской войны русскія войска опять были за Дунаемъ, но въ обществѣ не думали, что за этимъ Дунаемъ была Болгарія. Само правительство Николаевскихъ временъ отталкивало всякую мысль о славянскомъ единствѣ и думало даже, что оно было бы гибельно для Россіи.

Славянскій съѣздъ въ Москвѣ 1867 года и дѣйствительное общественное возбужденіе во время послѣдней войны какъ будто свидѣтельствовали, что время прежняго равнодушія и незнанія миновало.

Но, во-первыхъ, едва ли сомнительно, что въ этомъ послѣднемъ возбужденіи дѣйствовали разные внутренніе мотивы, независимые отъ славянскаго вопроса: война всегда производитъ въ обществѣ волненіе и порождаетъ временный интересъ къ тому, что̀ бываетъ ея поводомъ, а здѣсь поводъ былъ особенно сочувственный, потому что шла рѣчь объ освобожденіи народа, дѣйстви-

тельно терпѣвшаго невозможное иго; но не могло не быть замѣчено, что какъ до этой войны въ огромномъ большинствѣ общества не было никакой мысли и никакого понятія о южномъ славянствѣ, такъ вскорѣ потомъ интересъ къ нему быстро ослабѣлъ или даже совсѣмъ исчезъ. Сколько было поверхностнаго, дѣланнаго и, такъ сказать, рыночнаго въ тогдашнихъ толкахъ и шумѣ общества и печати—это извѣстно; люди, дѣйствительно увлекавшіеся славянскою сущностью дѣла, были несомнѣнно въ меньшинствѣ, но ихъ мысли, съ другой стороны, вращались въ такомъ преувеличенномъ идеализмѣ, который былъ слишкомъ далекъ отъ дѣйствительности.

Во-вторыхъ, общество имѣло чрезвычайно мало дѣйствительнаго знанія о славянскомъ вопросѣ, и здѣсь открывается одна сторона нашего славяновѣденія, которой мы до сихъ поръ почти не касались. Дѣло въ томъ, что наша славистика съ самаго начала и донынѣ была почти исключительно или филологіей, или археологіей. Достаточно просмотрѣть указанные выше многочисленные труды нашихъ славистовъ, перваго, второго и третьяго поколѣній, чтобы видѣть, что огромное большинство ихъ занято чистой филологіей, исторіей и литературой преимущественно отдаленнѣйшихъ вѣковъ, какъ будто нашъ интересъ къ славянству ограничивается только одной древностью. Славянство новаго времени почти не затрогивалось въ ученыхъ изысканіяхъ, столь добросовѣстно выполняемыхъ спеціалистами. Наша литература о славянствѣ преисполнена въ этомъ отношеніи крупныхъ пробѣловъ, которые, разумѣется, и отражаются тотчасъ крайнею недостаточностью свѣденій въ обществѣ. Моравія или Болгарія X-го вѣка; Сербія XIV-го; хорваты XVII-го; балтійскіе славяне, нынѣ несуществующіе; древніе памятники далекихъ столѣтій — вотъ темы, на какихъ всего чаще, почти исключительно, останавливались наши слависты. Нѣтъ спора, что всѣ эти темы необходимы въ общемъ счетѣ науки и что онѣ представляютъ извѣстныя удобства для испытанія молодыхъ ученыхъ силъ; но въ большинствѣ на этихъ темахъ и останавливается вся ученая дѣятельность слависта. Мы не видали книги, наприм., о Чехіи второй половины XIX-го вѣка, о современномъ политическомъ положеніи Сербіи и т. п. [1]). Скажутъ, что это не тема для ученой диссертаціи; но литература не должна же состоять изъ однихъ академическихъ сочиненій; нѣкоторые изъ ученыхъ славистовъ сами касались современной политики въ газет-

[1]) Есть подобная книга о Хорватіи В. Березина, но и она представляетъ слишкомъ внѣшнее описаніе хорватскаго политическаго устройства и не даетъ яснаго понятія о живомъ движеніи, происходящемъ въ формахъ этого устройства.

ныхъ и журнальныхъ статьяхъ, настаивали на самыхъ широкихъ темахъ славянскаго вопроса—отчего этимъ темамъ не сдѣлаться предметомъ не отрывочныхъ публицистическихъ воззваній, а настоящей систематической работы, которая имѣла бы выгоду спокойнаго, фактическаго и всесторонняго обсужденія предмета? Въ самомъ дѣлѣ, событія современнаго славянства оставались у насъ только предметомъ публицистики, гдѣ изрѣдка принимали участіе и нѣкоторые спеціалисты славяновѣденія (гг. Ламанскій, А. А. Майковъ и др.), но которая все-таки оставалась отрывочной и случайной; въ столь малосвѣдущемъ обществѣ, каково наше, публицистика должна опираться именно на обстоятельныя и безпристрастныя книги о современной политической исторіи разныхъ славянскихъ племенъ. Такихъ книгъ у насъ почти нѣтъ; онѣ не были написаны нашими учеными. Въ разгаръ событій, когда въ самомъ дѣлѣ шла рѣчь о судьбахъ цѣлыхъ народовъ, не могла не явиться потребность въ книгахъ этого рода, и что же представила русская литература? Она произвела почти исключительно книги и статьи двоякаго рода: во-первыхъ, переводы иностранныхъ книгъ [1]; во-вторыхъ, довольно большое количество разныхъ воспоминаній и разсказовъ русскихъ людей, бывавшихъ во время войны и послѣ въ разныхъ частяхъ Балканскаго полуострова. По большей части, авторы тутъ въ первый разъ узнавали сами о существованіи „братьевъ-славянъ", болгаръ, сербовъ, босняковъ, герцеговинцевъ и т. д.; главная доля разсказа была занята личными приключеніями, отдѣльными мелкими замѣтками, и ни одна изъ этихъ книжекъ не давала цѣльнаго понятія о происходящемъ. Въ то время, какъ въ иностранной литературѣ появлялась масса сочиненій о Балканскомъ полуостровѣ, между прочимъ и весьма замѣчательныхъ (какъ напр. книга Лавелэ или какъ двѣ книги Иречка: „Исторія Болгаріи" и „Путешествіе"), въ нашей литературѣ за это время явились весьма важные труды о X и XIV вѣкѣ, но ни одной вполнѣ серьезной книги о XIX-мъ.

Еще одно обстоятельство, мѣшающее установленію правильныхъ понятій о славянскихъ дѣлахъ и самому распространенію интереса къ нимъ въ обществѣ, есть недостатокъ въ нашемъ обществѣ и литературѣ политическаго образованія или еще болѣе —политической жизни. Несмотря на все, что писалось и пишется теперь каждодневно о славянскихъ дѣлахъ южныхъ и западныхъ, нельзя не видѣть, что въ большинствѣ нашихъ раз-

---

[1]) Въ томъ числѣ бывали книги серьезныя, какъ „Исторія Болгаріи", Константина Иречка, но бывали и пустыя, безобразно переведенныя, какъ книга о Черногоріи, Фриллея и Влохити (!), и т. п.

сужденій недостаетъ ни знанія всѣхъ сторонъ славянскихъ политическихъ отношеній, ни умѣнья оцѣнивать тѣ сложныя политическія условія, въ которыхъ запутанъ „славянскій вопросъ". Всего чаще, чуть не исключительно, наши обычныя политическія разсужденія о славянствѣ заключаются въ идеалистическихъ пожеланіяхъ, чтобы славянскій вопросъ устроился такъ, какъ намъ хочется, и въ обличеніи, иногда чрезвычайно суровомъ, тѣхъ людей и вещей, которые мѣшаютъ нашему прекрасному желанію; мы не припомнимъ, чтобы въ нашей литературѣ была опредѣленно высказана какая-нибудь реальная программа нашего политическаго отношенія къ славянскому вопросу... Отсутствіе этого политическаго пониманія обнаруживается на каждомъ шагу массою неясностей, которымъ очевидно не должно бы быть мѣста, если бы въ самомъ дѣлѣ были основательны утвержденія нашихъ славянолюбцевъ: что̀ значатъ современныя событія въ освобожденной нами Болгаріи; что̀ означаетъ современное положеніе Босніи и Герцеговины; какъ смотрѣть на русскую Галицію и украинофильское движеніе; какъ относиться намъ (и можемъ ли мы чѣмъ-нибудь помочь?) къ чехамъ и хорватамъ, къ сербскому королевству и его дѣламъ; въ чемъ заключается вопросъ о польскомъ племени и т. д.? Недостатокъ политической мысли обнаруживается и въ томъ, что въ средѣ самой нашей литературы мы еще не умѣемъ отнестись съ безпристрастнымъ вниманіемъ къ противной сторонѣ, которая ставитъ другую точку зрѣнія; мы думаемъ, что можемъ отдѣлаться отъ нея одною полемическою бранью, когда на дѣлѣ высказанное сомнѣніе остается во всей силѣ и подтверждается безпрестанно фактами. Къ сожалѣнію, самыя условія литературы были таковы, что иногда эта другая точка зрѣнія не имѣла даже возможности высказаться во всемъ объемѣ, и даже намеки были встрѣчены нѣкогда административными карами. Общераспространенный взглядъ славянолюбцевъ до сихъ поръ полагаетъ какъ будто, что другой точки зрѣнія въ русскомъ обществѣ и совсѣмъ не существуетъ, но для безпристрастнаго наблюдателя очевидно, что она сохраняетъ всю свою силу и по настоящую минуту.

Надо ли удивляться, что въ средѣ нашего общества внѣ круга спеціальныхъ славянолюбцевъ держится не только равнодушіе, но прямо даже предубѣжденіе противъ славянскаго вопроса, что многимъ кажется, что славянскій вопро́съ въ полномъ его смыслѣ не по силамъ русскому обществу въ его собственномъ внутреннемъ состояніи?

А. Пыпинъ.

НА РАЗСВѢТѢ

Повѣсть Ежа.

Съ польскаго.

VI *).

„Баба“ Мокра была женщина необыкновенная. Лѣтъ десять тому назадъ она овдовѣла и унаслѣдовала весьма значительное состояніе. У нея было три сына и одна дочь. Въ Рущукѣ считали покойника однимъ изъ самыхъ богатыхъ купцовъ, а потому онъ не только пользовался уваженіемъ сограждан, но и у властей былъ на хорошемъ счету. Послѣдніе годы онъ постоянно былъ избираемъ въ чорбаджи и исполнялъ эту должность, какъ подобаетъ почтенному и справедливому человѣку. Турки считали его вполнѣ благонамѣреннымъ и нисколько не ставили ему въ вину того, что сыновья его получали воспитаніе за границей. Такому богатому человѣку можно было это простить, тѣмъ болѣе, что и сами турки посылали своихъ молодыхъ мусульманъ на воспитаніе къ гяурамъ во Францію, въ Германію и даже въ Швейцарію. За годъ или за два передъ смертью мужъ Мокры отправилъ за границу самаго меньшого сына, между тѣмъ какъ старшій уже оканчивалъ тамъ свое воспитаніе. Онъ обучался въ коммерческой школѣ и по возвращеніи долженъ былъ занять мѣсто отца, но, въ виду преждевременной смерти послѣдняго, Мокра сама стала управлять всѣми

---

*) См. выше: авг., 628 стр.

дѣлами и продолжала вести ихъ въ томъ же направленіи, въ какомъ они велись при покойникѣ. Не соприкасаясь ни съ чѣмъ неблагонамѣреннымъ, она думала только о деньгахъ—*паричкахъ,* въ которыхъ видѣла единственную цѣль, единственную прелесть жизни. Безграмотность нисколько не помѣшала ей такъ успѣшно зашибать копѣйку, что въ скоромъ времени она сдѣлалась такою же уважаемой особой, какой былъ и покойный ея мужъ. Всѣ утверждали, что Мокра очень умна, и дѣйствительно она превосходно справлялась съ дѣлами: за словомъ, бывало, въ карманъ не полѣзетъ и никого не побоится. Смѣлая, рѣшительная, она не растерялась бы и передъ самимъ султаномъ. Года два ей пришлось такимъ образомъ ожидать пріѣзда старшаго сына.

— Ну, слава Богу, что ты пріѣхалъ,—сказала она, поздоровавшись съ нимъ.—Распоряжайся всѣмъ какъ тебѣ угодно: продавай какъ хочешь и что̀ хочешь, только веди дѣло умно, чтобъ не ударить лицомъ въ грязь, когда младшіе братья потребуютъ отчета.

— Ахъ, мама,—отвѣчалъ молодой человѣкъ,—мнѣ еще не хочется приниматься за торговлю.

— Почему?—спросила мать.

— У меня есть другое дѣло... а вѣдь за двумя зайцами не слѣдуетъ гоняться.

— Да, это вѣрно; и не гоняйся за двумя зайцами—отвѣчала она, но такъ и не спросила, чѣмъ сынъ ея хочетъ заняться. Молодой человѣкъ, вполнѣ сроднившійся съ западной жизнью, часто разсказывалъ ей про народную независимость, говорилъ о необходимости борьбы слабыхъ съ угнетателями, и о многомъ множествѣ другихъ вещей, которыхъ мать его не понимала, да и не хотѣла понимать.

— Какое мнѣ дѣло—говорила она—до того, что̀ не имѣетъ ровно ничего общаго ни съ саломъ, ни съ мыломъ, ни съ масломъ, ни съ вареньемъ! Вѣдь цѣны предметовъ торговли не находятся въ зависимости отъ всѣхъ этихъ мудрствованій, а значитъ мнѣ до нихъ никакого нѣтъ дѣла...

Сынъ ея пробылъ дома только нѣсколько дней. Мокра предлагала познакомить его съ пашой.

— Онъ очень интересовался тобой,—говорила она,—и хочетъ съ тобой познакомиться... онъ тоже а-ла-франка.

— А для меня, — отвѣчалъ сынъ, — онъ только угнетатель нашей родины.

Мокра и этого не понимала. Она, собственно говоря, боялась турокъ; знала, что съ ними нужно держаться на-сторожѣ,

что въ ихъ рукахъ находится власть. Она была увѣрена, что все это такъ устроено по волѣ Божьей и иначе быть не можетъ, поэтому приспособилась, привыкла ко всему и умѣла съ свойственнымъ ей юморомъ отвращать крупныя непріятности при помощи хорошо испытанныхъ средствъ. Она всегда шутила, давая взятку чиновникамъ, и они ее очень любили. Женщина эта никакъ не могла понять, почему сынъ ея чуждается турокъ? почему онъ созываетъ къ себѣ болгарскую молодежь, съ которой толкуетъ о швейцарцахъ, голландцахъ, испанцахъ, итальянцахъ и о всякихъ предметахъ, которые не имѣютъ ровно ничего общаго съ торговлей. Кое-что изъ „сказокъ" сына она запоминала, но никакъ не могла понять, какое можно изъ нихъ сдѣлать практическое примѣненіе.

Однажды сынъ попросилъ у нея двѣсти дукатовъ.

— Зачѣмъ?—спросила она.

— Револьверы купить,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Должно быть, сходно покупаешь?

Она была увѣрена, что сынъ закупаетъ револьверы на продажу. За двѣсти дукатовъ можно купить тридцать или сорокъ револьверовъ—къ чему же, если не на продажу, покупать ихъ столько заразъ? Она дала деньги и ждала транспорта, а между тѣмъ сынъ ея собрался въ дорогу.

— Куда ты ѣдешь?

— Въ Румынію.

— Надолго ли?

— Нѣтъ, не надолго... Я не одинъ вернусь,—прибавилъ онъ.

— Что же это? ты тамъ себѣ *коконицу* высмотрѣлъ?—допрашивала Мокра съ той материнской любовью, въ которой проглядываетъ желаніе поскорѣе нянчить внуковъ.

— Недосугъ мнѣ теперь о коконицахъ думать, — отвѣчалъ молодой человѣкъ...

Между тѣмъ какъ Мокра поджидала своего сына, по Болгаріи распространился слухъ о волненіяхъ, вызванныхъ вторженіемъ *четы* черезъ румынскую границу. Слухи эти нѣсколько обезпокоили Мокру; но она безпокоилась единственно потому, что сынъ ея находился въ той именно странѣ, откуда пришла роковая чета. Стеченіе этихъ обстоятельствъ казалось ей совершенно случайнымъ, а все-таки она сильно безпокоилась и съ жадностью ловила всякое извѣстіе.

Такъ какъ она знала, что власти должны обладать самыми лучшими извѣстіями, то, подыскавъ первый попавшійся случай, она пошла въ конакъ. У нея какъ разъ оказалось дѣло по таможнѣ, требующее участія паши, и она рѣшила сходить къ

нему. Приняли ее немедленно. Она изложила свое торговое дѣло и стала-было придумывать, какъ бы что-нибудь разузнать,—какъ вдругъ самъ паша спросилъ ее:

— А чтò у васъ слышно?

— Ты, эффендимъ, больше моего знаешь, чтò слышно.

Паша улыбнулся и отвѣчалъ:

— И у тебя такія же уши, какъ у меня.

Мокра возразила мимикой, чмокая языкомъ и дѣлая головой движеніе снизу вверхъ, а потомъ сказала:

— У меня уши завязаны, а у тебя открыты. Поэтому я и слышу только то, о чемъ очень ужъ громко говорятъ.

— О чемъ, напримѣръ?

— Напримѣръ, о томъ, что ты, эффендимъ, сладокъ, какъ сахаръ.

— А еще о чемъ?

— Говорятъ, какіе-то разбойники появились.

— Нѣтъ, это не разбойники,—замѣтилъ паша.

— Если не разбойники, такъ кто они такіе?

— Мятежники, *джанэмъ*.

— Чтò это такое мятежники?

— Объ этомъ ты лучше всего узнаешь, если окажется, что между ними и твой сынъ.

— Мой сынъ? Чего-жъ ему тамъ надо?

— Гдѣ же онъ?—спросилъ паша.

— Взялъ *тэскеру* (паспортъ) и уѣхалъ за Дунай.

— Зачѣмъ?

— По торговымъ дѣламъ, а можетъ быть и за коконицей.

Она упомянула о „коконицѣ“, чтобъ придать разговору шутливый тонъ, а между тѣмъ сердце ея сжимало зловѣщее предчувствіе.

— Что же твой сынъ покупать что-нибудь или продавать поѣхалъ?—спросилъ паша.

— Хотѣлъ справиться насчетъ сала.—Она выговорила: „насчетъ сала“, а подумала о револьверахъ; въ эту минуту она вдругъ поняла очень много изъ того, чего прежде не понимала.

— Если сынъ твой на самомъ дѣлѣ поѣхалъ справляться насчетъ сала, то это очень хорошо.

— А если насчетъ коконицы?

— Такъ это еще лучше; я надѣюсь, что и меня на свадьбу позовешь. Тогда ужъ выпью за здоровье молодыхъ.

— А я, эффендимъ, буду звать водой то вино, которымъ буду тебя угощать.

— Можешь и не заботиться объ этомъ: посади только меня затылкомъ къ востоку, тогда пророкъ не увидитъ, воду ли я пью, или вино?.. Ну, а когда ждешь сына обратно?

— Можетъ быть, сегодня, а можетъ, и завтра.

— Когда онъ вернется, скажи ему, чтобъ у меня побывалъ: у меня есть къ нему дѣло.

Мокра вышла изъ конака. Ею овладѣло чрезвычайное безпокойство, и на возвратномъ пути она заходила въ нѣсколько магазиновъ: не узнаетъ ли чего-нибудь? Ей сказали, что изъ Рущука командированы отряды войскъ и заптій, и что изъ города исчезло нѣсколько молодыхъ людей, оставившихъ семьи въ отчаяніи. Ей называли фамиліи этихъ юношей и спрашивали: „а твой сынъ?“ Попалась ей на встрѣчу одна изъ матерей, у которой сынъ исчезъ. Лишь только завидѣла она Мокру, сейчасъ же подбѣжала къ ней и начала громко кричать:

— Если сынъ мой не вернется, я буду жаловаться Богу на твоего!

Мало-по-малу Мокра пришла къ заключенію, что сынъ ея присталъ къ четѣ. Она начала упрекать себя прежде всего за то, что отпустила сына. Но потомъ подумала: „развѣ я имѣла возможность не пустить его?“ Размышленія по поводу этого вопроса привели ее къ совершенно иному взгляду на все прошедшее, и она спросила себя:

— Почему вмѣсто двухъ сотъ онъ, глупый, не взялъ у меня двухъ тысячъ дукатовъ на револьверы?!

Какъ закоренѣлая торговка, она вѣрила въ могущество денегъ и, догадавшись, въ чемъ дѣло, разочла, что затрата бо̀льшаго капитала могла бы вѣрнѣе обезпечить благополучный исходъ дѣла. Съ другой однако стороны, она полагала, что сынъ ея, который столько лѣтъ обучался за границей, вѣроятно хорошо разсчиталъ, сколько нужно денегъ, чтобы... что̀ такое? Умъ ея началъ искать отвѣта на этотъ вопросъ, и отчасти догадками, отчасти предчувствіемъ пролагалъ себѣ путь къ его разрѣшенію. Вспоминая „сказки“ сына, которыхъ еще недавно она не понимала, Мокра начала испытывать нѣчто, казавшееся ей совершенно новымъ; на самомъ же дѣлѣ, въ ней сами собою воскресали тѣ чувства, которыя пять вѣковъ тому назадъ были подавлены въ ея народѣ турецкимъ оружіемъ. Въ силу какого-то нравственнаго „атавизма“, въ душѣ ея отражалась душа праотцевъ, которыхъ имена не были извѣстны исторіи. Сначала она сама не понимала своего состоянія. Эта пожилая женщина, очевидно, подвергалась психологическому процессу, весьма сходному съ тѣмъ, подъ вліяніемъ ко-

тораго находился молодой Никòла. Какъ послѣдній, такъ и она, не знали сначала, въ чемъ коренится сущность зла. На Болгарію только пахнýлъ вѣтерокъ свободы, и подъ его вліяніемъ не только формировался характеръ юношей, но и пожилые перерождались.

Мокрá прислушивалась съ величайшимъ безпокойствомъ ко всѣмъ извѣстіямъ, которыя ежеминутно появлялись, наводя ужасъ на все болгарское населеніе. Впрочемъ не всѣ извѣстія были неблагопріятны. Такъ напримѣръ, говорили, что вдоль Дуная ниже Рущука и между Виддиномъ и Рущукомъ, въ пунктахъ, отстоящихъ другъ отъ друга не больше какъ на четверть часа пути, на болгарскій берегъ переправилась *чета*, въ которой каждый *четаджи* былъ вооруженъ тремя револьверами. Необходимо прибавить, что револьверы пользовались въ то время большимъ почетомъ въ Болгаріи. Такъ какъ четаджей насчитывали около двадцати тысячъ, то, стало быть, у нихъ было огромное число револьверовъ. Въ продолженіе нѣкотораго времени извѣстіе это играло роль якоря, символизирующаго надежду. Но вскорѣ оно должно было замѣниться неблагопріятными извѣстіями, которыя стали приходить все чаще, все настойчивѣе и опредѣленнѣе и, наконецъ, подтвердились фактами, когда командированные заптіи стали возвращаться и приводили съ собой окровавленныхъ плѣнныхъ, связанныхъ по два и по три. Жители выходили имъ на встрѣчу. Отъ городскихъ воротъ и до самой тюрьмы всѣ улицы были запружены унылой, молчаливой толпой, изъ которой только по временамъ вырывался невольный стонъ матерей, узнававшихъ въ избитыхъ, окровавленныхъ узникахъ своихъ сыновей. Первый отрядъ заптій сопровождалъ плѣнныхъ,—второй несъ отсѣченныя головы. Герои, возвращавшіеся съ этими трофеями, несли ихъ за волосы и, подымая кверху, кричали:

— Смотрите, узнавайте!

Мокра съ замирающимъ сердцемъ стояла въ толпѣ и никакъ не могла себѣ представить, чтобы сынъ ея былъ среди узниковъ или убитыхъ. Ей казалось невозможнымъ, чтобы такой юный, нѣжный молодой человѣкъ, какъ ея сынъ, снизошелъ до тѣхъ, которыхъ въ цѣпяхъ вели въ тюрьму. Нѣтъ, она не могла представить себѣ ничего подобнаго; ей казалось, что сама Болгарія не могла бы потребовать отъ ея сына столь тяжелой жертвы.

„Болгарія“ — эта новая идея зародилась въ ея головѣ при видѣ связанныхъ, избитыхъ, окровавленныхъ плѣнниковъ... Блѣдныя отрѣзанныя головы въ рукахъ заптіевъ запечатлѣвали въ ея сердцѣ это новое понятіе. Она жадно всматривалась въ эту живую

незнакомую ей картину, губы ея дрожали, глаза лихорадочно горѣли.

Заптіи проходили одинъ за другимъ. Вотъ снова одинъ несетъ голову, показываетъ ее народу и спрашиваетъ: „узнаете?“ Подниметъ, опуститъ, снова подниметъ за волосы и все подвигается впередъ. Вотъ ужъ онъ поравнялся съ Мокрой, но не успѣлъ спросить, какъ она крикнула:

— Мой сынъ!

Она крикнула, протянула къ головѣ руки и не то замерла, не то молилась, а между тѣмъ уста ея шептали:

— Болгарія... Болгарія... Болгарія...

— Узнаешь?—спросилъ ее заптій, поднимая за волосы голову.

— Узнаю,—уже спокойно отвѣчала Мокра:—отдай мнѣ ее!

— Ступай въ конакъ, тамъ получишь твою награду.

Мокра скрылась въ толпѣ.

— Онъ подговаривалъ молодыхъ людей! —шептали вокругъ нея: — самъ напрасно погибъ и другихъ погубилъ.

— Нѣтъ, не напрасно!—отвѣчала она, проталкиваясь между толпой.

Нѣсколько часовъ спустя, передъ ея домомъ столпилась кучка рыдающихъ женщинъ: сыновья однѣхъ были убиты, другихъ— посажены въ тюрьму. Онѣ пришли сюда изливать свое горе: бранили, проклинали Мокру и взывали къ Богу, чтобы онъ покаралъ виновницу ихъ горя.

— Вотъ ка́къ ты его воспитала!—кричали онѣ:—онъ подговорилъ, повелъ и погубилъ.

Мокра вышла къ нимъ и спокойно спросила:

— Развѣ онъ самъ не погибъ?

— Да, но онъ подговаривалъ, онъ созывалъ ихъ.

— А развѣ его самого никто не призывалъ?

— Скажи, скажи намъ, кто это такой?—торопливо спрашивали женщины, которыя готовы были растерзать виновника ихъ горя.

— Тотъ, Кто его призвалъ, — сказала Мокра, — находится вотъ тамъ!..—Она подняла къ небу указательный палецъ.

Торжественность, съ которой она произнесла эти слова, подѣйствовала на толпу. Женщины перестали проклинать Мокру, вспомнивъ, что и она не меньше ихъ страдаетъ. Приписавъ Богу причину своихъ бѣдствій, онѣ начали расходиться по домамъ и только плакали.

Мокра тоже плакала и молилась, когда ее никто не видалъ, а на слѣдующій день въ пріемный часъ отправилась въ

конакъ. Адъютанты весьма удивились, увидавъ ее. Во-первыхъ, потому, что она пришла, а во-вторыхъ потому, что казалась совершенно спокойной. Одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Чего ты пришла?

— Къ пашѣ, джанэмъ,—отвѣчала она.

— Развѣ ты не знаешь, что̀ тебя постигло?

— Я прежде тебя и паши узнала объ этомъ.

— Не знаю, допуститъ ли тебя паша къ себѣ.

— Если не знаешь, такъ спроси.

Адъютантъ удалился и немедленно вернулся съ заявленіемъ, что ихъ превосходительство просятъ Мокру войти.

Тогдашній паша принадлежалъ къ тому разряду турецкихъ чиновниковъ, которые, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, усилили и безъ того обычную туркамъ мягкость въ обращеніи. Онъ никогда не сердился и не выходилъ изъ себя. Съ привѣтливой улыбкой онъ принималъ гостей и просителей, съ такой же улыбкой подписывалъ смертные приговоры и вѣроятно точно также улыбался бы, приговаривая людей къ четвертованію, сажанію на колъ или колесованію. Улыбка эта сроднилась какъ-то съ красивымъ, степеннымъ его лицомъ, которое носило отпечатокъ такой же меланхоліи, какую нѣкоторые замѣчаютъ въ ростущихъ надъ могилами кипарисахъ. Онъ встрѣтилъ Мокру привѣтливымъ поклономъ, указалъ ей мѣсто на диванѣ рядомъ съ собой и началъ разговоръ обычнымъ во всемъ турецкомъ мірѣ вступленіемъ.

— *Нэ варъ, нэ екъ* (что̀ есть, чего нѣтъ)?

На это принято отвѣчать: „самъ знаешь, господинъ“ (сэнъ билиръ, эффендимъ). — Мокра и отвѣтила обычной фразой, но въ данномъ случаѣ это былъ удачный отвѣтъ.

— Вотъ видишь, къ чему привела твоего сына заграничная наука...

— *Хизметъ* (судьба), паша эффендимъ... должно быть, такъ ужъ на роду у него написано.

— Конечно... Ну, а все-таки, можетъ быть до этого не дошло бы, еслибъ онъ сидѣлъ себѣ въ Рущукѣ и спокойно бараньимъ саломъ торговалъ... Къ чему вамъ Франція, Швейцарія?

— *Хизметъ*, паша эффендимъ,—повторила Мокра.

— Гм...—произнесъ паша, не будучи въ состояніи возражать противъ аргумента, взятаго прямо изъ основъ магометанской религіи.

— Не суждено было мнѣ угостить тебя на свадьбѣ...—сказала Мокра.

— Жаль... а я готовилъ себя къ тому вину, которое по твоему слову должно было превратиться въ воду.

— Мое слово всегда готово производить подобныя перемѣны... въ этомъ могу тебя увѣрить... Сама же я точно также хотѣла бы обнадежить себя твоимъ словомъ, за которымъ и пришла.

— Э?..—спросилъ онъ, дѣлая соотвѣтствующее движеніе.

— Позволь мнѣ, паша...

— Взять голову сына?

— Нѣтъ, я знаю, что она вмѣстѣ съ другими головами предназначена на показъ... Такъ ужъ и быть!

— Не на показъ, — поправилъ паша, — но для устрашенія.

— Для устрашенія однихъ, на показъ другимъ. Ну, да не въ томъ дѣло. Впрочемъ, разъ ужъ мы о ней заговорили, позволь мнѣ, паша, умыть ее и причесать,—вѣдь это голова моего дѣтища!

Сердце у нея надрывалось, когда она выговаривала послѣднія слова, и хотя повидимому произнесла ихъ спокойно, но въ груди ея таилась страшная буря.

— Если ты позволишь мнѣ, паша эффендимъ, сдѣлать это— я скажу тебѣ *эвала* (спасибо)... Но не за тѣмъ пришла я къ тебѣ. Я пришла просить разрѣшенія заходить ежедневно въ тюрьму.

Паша очень удивился и спросилъ:

— Чтò же ты будешь дѣлать въ тюрьмѣ?

— Еслибъ ты слышалъ, паша эффендимъ, какъ меня вчера матери проклинали, ты бы меня объ этомъ не спрашивалъ.

— За чтò же онѣ проклинали тебя?—съ сочувствіемъ спросилъ паша.

— Мой сынъ подговорилъ ихъ сыновей... Мнѣ хотѣлось бы пріодѣть и накормить этихъ молодыхъ людей, которые попали въ тюрьму по винѣ моего сына... Мнѣ бы хотѣлось хоть сколько-нибудь утѣшить бѣдныхъ матерей.

Въ такомъ видѣ выраженная просьба была столь же справедлива, какъ и разумна. Но паша не вдругъ далъ отвѣтъ. Подумавъ немного, онъ сказалъ:

— Тебѣ хочется умыть и причесать голову сына... гм?.. Хочешь носить заключеннымъ платье и пищу... гм?..—Онъ слегка покачалъ головой.—Дѣлать нечего, пусть будетъ по твоему.

Онъ хлопнулъ въ ладони и далъ вошедшему адъютанту соотвѣтствующія инструкціи, потомъ, обращаясь къ Мокрѣ, сказалъ:—Онъ сведетъ тебя куда надо.

Адъютантъ повелъ ее прежде всего на гауптвахту жандармовъ, находившуюся въ нижнемъ этажѣ зданія конака, и сказалъ нѣсколько словъ дежурному заптіевъ, а послѣдній указалъ Мокрѣ стѣну, у которой лежало пять человѣческихъ головъ. Мокра подошла къ стѣнѣ, посмотрѣла на головы, скрестила на груди руки и всѣми силами старалась удержать слезы.

— Только ты у меня смотри, не выть здѣсь! — предостерегалъ ее дежурный заптій.

— Не бойся, джанэмъ,—отвѣчала она. — Ты не услышишь моего плача. Дай только мнѣ полотенце и кувшинъ воды.

Нашлось полотенце, нашелся и кувшинъ: эти предметы всегда находятся у турокъ подъ рукой. Мокра стала на колѣни передъ рядомъ головъ бѣло-синяго цвѣта, испещренныхъ засохшими каплями и пятнами крови, покрытыхъ слипнувшимися отъ пыли и крови волосами и заканчивавшихся шейными столбиками. Вокругъ зіяющихъ гортаней краснѣло потемнѣвшее мясо, изъ котораго торчалъ бѣловатый позвонокъ; зубы ихъ были стиснуты; у однихъ вѣки были закрыты, у другихъ открыты. Мертвенное выраженіе было тѣмъ ужаснѣе, что эти отдѣленныя отъ туловищъ головы представляли собственно насиліе, произведенное уже надъ человѣческимъ трупомъ. Казалось, что это насиліе оставило на каждой изъ головъ слѣды жалобы, что въ каждой чертѣ лица запечатлѣлось безпредѣльное страданіе.

Мокра, стоя на колѣняхъ, окинула глазами лежавшія передъ нею головы и протянула руки къ головѣ сына, но остановилась; она тяжко вздохнула и принялась мыть другую голову. Обмыла, вытерла полотенцемъ, причесала и начала мыть другую голову, тоже чужого; потомъ приступила къ третьей, четвертой, наконецъ осталась только голова сына.

— Сынъ мой... милый мой сынъ... — шептала она. — Все усиливающееся волненіе ея дошло до такихъ размѣровъ, что бѣдная женщина еле могла владѣть собою; изъ груди ежеминутно вырывался стонъ, который старалась она удерживать всѣми силами, руки дрожали, но она заставила ихъ повиноваться и обмыла щеки, лобъ, губы, уши, шею, потомъ начала расчесывать волосы сначала рѣдкой гребенкой, потомъ частой, помазала ихъ душистымъ масломъ и все чесала, до тѣхъ поръ, пока башъчаушъ не крикнулъ на нее:

— Довольно, пора тебѣ кончить!

Она посторонилась и увидѣла, какъ башъ-чаушъ принесъ пять заостренныхъ съ одного конца жердей, какъ у входа стало пять заптіевъ, какъ каждый изъ нихъ уходилъ, получивъ

отъ башъ-чауша жердь съ вбитой на нее головой. Несчастная женщина смотрѣла на все это, не проронивъ ни одной слезы. Она только сморщила брови, стиснула зубы и сжала кулаки; когда все было кончено, она вышла изъ гауптвахты. На дворѣ солдаты, чиновники, служители и горожане любовались зрѣлищемъ, состоявшимъ изъ пяти посаженныхъ на жерди головъ. Державшимъ ихъ заптіямъ не долго пришлось ждать команды. По данному сигналу подошелъ къ нимъ отрядъ пѣхоты. Раздалась команда, и заптіи съ жердями въ рукахъ тронулись со двора подъ прикрытіемъ войска. Впереди шли два барабанщика, которые тотчасъ же стали барабанить. Процессія эта подвигалась по улицѣ, ведущей къ однѣмъ изъ городскихъ воротъ.

Мокра послѣдовала за войскомъ и шла рядомъ съ турецкими дѣтьми, число которыхъ увеличивалось все болѣе и болѣе, такъ что у городскихъ воротъ ихъ оказалась цѣлая толпа. Они забѣгали впередъ и кричали:

— Гіаурляръ!.. гіаурляръ!

Прохожіе останавливались. Турки плевали, а христіане крестились. У воротъ, гдѣ находился часовой, одинъ изъ заптіевъ воткнулъ въ землю свою жердь, и процессія вернулась въ городъ, откуда направилась къ другимъ городскимъ воротамъ. Такимъ образомъ головы были пять разъ обнесены по городу въ различныхъ направленіяхъ. Мокра три раза сопровождала процессію, такъ какъ только за третьимъ разомъ у воротъ воткнули жердь съ головой ея сына. Она опустилась на колѣни, сдавила руками грудь, посмотрѣла на голову и стала шопотомъ повторять:

— Сынъ мой... сынъ... сынъ...

Потомъ встала, еще разъ посмотрѣла на голову сына и, сдѣлавъ надъ собой новое усиліе, удалилась. Она пошла прямо въ тюрьму. Еслибы тюремный смотритель былъ самымъ лучшимъ физіогномистомъ, онъ ни за что не угадалъ бы, сколько эта женщина выстрадала сегодня; онъ даже не заподозрилъ бы, что она страдала. Лицо ея было совершенно спокойно, а голосъ—ровный и естественный; она назвала свою фамилію.

— Мокра,—отвѣчалъ смотритель:—знаю, знаю. Паша прислалъ намъ *хабэръ* (извѣстіе) объ тебѣ.

— Онъ разрѣшилъ мнѣ свиданіе съ заключенными?

— Да, разрѣшилъ... разрѣшилъ... только не совсѣмъ.

— Не безпокойся, джанэмъ,—добродушно замѣтила она.— Я хлопотала объ разрѣшеніи паши не за тѣмъ, чтобъ тебя обидѣть.

— Въ такомъ случаѣ нечего было и хлопотать объ разрѣшеніи.

— Мнѣ не хотѣлось, чтобъ ты рисковалъ.

— А, хорошо;—смотритель улыбнулся и спросилъ:—у тебя здѣсь сынъ, братъ, что-ли? Кѣмъ ты здѣсь дорожишь?

— Мнѣ всѣ дороги. Развѣ ты не видишь, что я стара? Старые любятъ чужихъ дѣтей такъ же, какъ и своихъ.

— Такъ-то такъ. Но о твоемъ сынѣ можно бы еще потолковать,—внушительно прибавилъ онъ.

— Хорошо, потолкуемъ, — отвѣчала Мокра, понявъ, что за извѣстную плату можно будетъ кого-нибудь освободить изъ тюрьмы.

— Ну, такъ пойдемъ,—сказалъ смотритель, вставая съ мѣста.

— Погоди немного, — сказала она, протягивая руку. — Я схожу прежде за ѣдой для нихъ: мнѣ не хочется приходить къ голоднымъ съ пустыми руками.

— Надо было сразу придти съ корзиной.

— Занята была другими дѣлами.

— Ну, такъ ступай и приходи.

Не прошло и получаса, какъ Мокра вернулась съ большой корзиной въ рукахъ и немедленно была впущена въ тюрьму, обладавшую всѣми прелестями старинныхъ турецкихъ тюрьмъ: сыростью, спертымъ воздухомъ, грязью и отсутствіемъ рѣшительно всего, что имѣетъ какую бы то ни было связь съ удобствомъ. Даже классической соломы не было на полу. Толстыя каменныя стѣны исключали всякую мысль о побѣгѣ; воздухъ входилъ сюда черезъ небольшія отверстія съ желѣзной рѣшеткой, помѣщенныя очень высоко. Смотритель повелъ Мокру внизъ, отворилъ двойную дверь, и они очутились среди молодыхъ людей, изъ которыхъ одни были ранены, другіе здоровы. Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на Мокру, и нѣсколько человѣкъ узнали ее. Она привѣтствовала ихъ.

— По дѣломъ вамъ!—прибавила она:—вотъ вамъ болгарское царство...

— Ха... ха... ха...—смѣялся смотритель.

— Милостивый паша,—продолжала старуха,—позволилъ принести вамъ ѣду,—и съ этими словами начала вынимать изъ корзины хлѣбъ, сыръ, мясо, плоды и бутылки.

— Кто это присылаетъ?—спросилъ одинъ изъ заключенныхъ.

— А тебѣ какое дѣло? кушай на здоровье и благодари Господа.

Проголодавшіеся заключенные начали съ жадностью ѣсть. На днѣ корзины оказался табакъ, папиросная бумага, спички и нѣсколько штукъ бѣлья.

VII.

Въ присутствіи смотрителя Мокра обмѣнялась съ заключенными только нѣсколькими общими фразами. Тѣ, которыхъ семьи жили въ Рущукѣ, дали ей порученія къ своимъ. Принесенная ѣда оказалась очень кстати; само даже присутствіе Мокры оказалось весьма полезнымъ, такъ какъ въ продолженіе всего времени, пока она находилась въ тюрьмѣ, черезъ открытую настежъ дверь входилъ свѣжій воздухъ. По этой вѣроятно причинѣ Мокра не спѣшила уходить и готова была еще дольше остаться, но смотритель счелъ нужнымъ замѣтить:

— Довольно будетъ съ васъ.

— Будетъ, такъ будетъ,—отвѣчала старуха.

При прощаніи смотритель получилъ дукатъ.

— Въ слѣдующій разъ можешь остаться съ ними подольше,—сказалъ растроганный вниманіемъ смотритель;—ты, какъ видно, знаешь, что̀ кому слѣдуетъ.

Въ слѣдующій разъ онъ не только позволилъ ей побыть подольше, но даже самъ вышелъ, оставляя ее съ заключенными. Она и не замедлила воспользоваться этимъ.

— Кто здѣсь между вами,—начала она,—вѣрнѣе всего на висѣлицу попадетъ?

— Это я,—отвѣчалъ одинъ изъ юношей.—Если будутъ вѣшать, то мнѣ не миновать висѣлицы.

— А моего сына повѣсили бы, еслибъ онъ живой туркамъ въ руки попался?

— Конечно, повѣсили бы.

— Такъ вотъ видишь ли, скажи мнѣ, что̀ и какъ мнѣ дѣлать?.. Говори такъ, какъ бы мнѣ сынъ говорилъ. Я хочу прясть пряжу для тѣхъ ткачей, которые послѣ васъ придутъ.

— А придутъ ли эти новые ткачи?.. — замѣтилъ одинъ изъ упавшихъ духомъ.

— Развѣ вмѣстѣ съ вами все ужъ такъ и покончится?—возразила старуха.—Подумай, откуда вы сами взялись?

Упавшій духомъ замолчалъ, а нѣсколько другихъ его товарищей начали говорить о своихъ дѣлахъ, о предшествовавшей неудачной вспышкѣ. Они объясняли ей свои поступки, давали совѣты, указывали средства. Съ появленіемъ смотрителя перемѣнялся разговоръ, а на слѣдующій день они начинали его снова, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не состоялось рѣшеніе суда. Благодаря хлопотамъ Мокры, приговоръ былъ сравнительно мяг-

кій. Она умѣла ладить съ турками; а такъ какъ въ данномъ случаѣ не жалѣла трудовъ, то и добилась того, что судъ не произнесъ ни одного смертнаго приговора. Тотъ молодой человѣкъ, который ждалъ висѣлицы, былъ приговоренъ къ вѣчному тюремному заключенію, но наканунѣ того дня, когда его должны были отправить на мѣсто назначенія, онъ исчезъ какимъ-то образомъ изъ тюрьмы. По слѣдствію оказалось, что исчезновеніе арестанта не могло произойти безъ содѣйствія какой-то сверхъестественной силы, которая заключалась просто въ крупной взяткѣ, данной Мокрой смотрителю. Пока разыскивали арестанта, онъ преспокойно сидѣлъ въ домѣ Мокры, а потомъ съ ея помощью переправился черезъ Дунай.

Съ этихъ поръ Мокра всецѣло отдалась подпольной работѣ. Она выкупила главнаго заговорщика, чтобъ поддержать дѣло, изъ-за котораго погибъ ея сынъ, и, благодаря ей, дѣло не только продолжалось, но и распространялось. Она ободряла молодыхъ людей, а домъ ея сдѣлался главной квартирой заговорщиковъ, причемъ ни явная, ни тайная полиція не имѣли объ этомъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

Домъ Мокры былъ отлично приспособленъ для ея цѣли. Онъ стоялъ недалеко отъ пропасти, надъ которой мечталъ Никòла. Между каменнымъ заборомъ сада, идущимъ параллельно къ Дунаю, и пропастью оставалась только узенькая полоса земли, проходить по которой было очень опасно, такъ какъ на днѣ крутого обрыва торчали острые камни. За этими каменьями берегъ Дуная становился отлогимъ, и только у самой рѣки представлялъ крутой изгибъ. Въ этомъ мѣстѣ не было ни одной тропинки. Такимъ образомъ садъ Мокры упирался въ неприступный берегъ Дуная. Устройство этого сада ничѣмъ не отличалось отъ устройства всѣхъ вообще мѣстныхъ садовъ. Въ немъ были и фруктовыя деревья, и клумбы, и лужки, и бесѣдки, и потаенные ходы, и потаенныя убѣжища, въ которыхъ можно было скрыться отъ глазъ господствующаго населенія, однимъ словомъ, все, чтò находилось и въ другихъ садахъ. Единственной особенностью его былъ колодезь съ воротомъ и двумя бадьями на цѣпи, устроенными такъ, что когда одна подымалась, другая опускалась. Этотъ весьма простой и распространенный въ Болгаріи механизмъ не могъ представлять и не представлялъ никакой особенности; правда, колодезь былъ здѣсь совершенно ненуженъ, потому что рядомъ съ домомъ стоялъ другой, каменный колодезь, снабжавшій отличной водой всѣ окрестные дома. Но присутствіе его никого не удивляло, а всего менѣе турокъ, по убѣжденію которыхъ никогда не бываетъ слишкомъ много

воды. Благодаря такому взгляду, во всѣхъ странахъ, бывшихъ подъ владычествомъ турокъ, сооружались отличные колодцы. Это— единственная вещь, за которую поминаютъ ихъ добрымъ словомъ.

Итакъ, въ саду Мокры находился колодезь, присутствіе котораго составляло отличительную черту ея сада. Домъ же ея ничѣмъ не отличался отъ прочихъ болгарскихъ домовъ. Внутреннее его расположеніе представлялось въ видѣ лабиринта, снабженнаго потаенными ходами, скрытыми лѣстницами и убѣжищами, которые устраивались теперь болѣе по привычкѣ, чѣмъ по необходимости, такъ какъ прошло уже то время, когда турки въ такихъ городахъ, какъ Рущукъ, устраивали облавы на дѣтей мужескаго пола, чтобъ вербовать ихъ въ янычары, и на молодыхъ женщинъ, отправляемыхъ въ гаремы. Реформы послѣдняго времени охраняли одних и другихъ, а все-таки не устранили вкоренившагося недовѣрія, и дома строились все по прежнему; по прежнему устраивали потаенныя сообщенія между садами, съ помощью которыхъ можно было переходить изъ одного дома въ другой.

Въ кварталѣ, гдѣ стоялъ домъ Мокры, существовало преданіе, что въ ея саду находится самое вѣрное убѣжище. Разсказывали даже, что однажды въ продолженіе цѣлой недѣли скрывались тамъ всѣ *булки* съ дѣтьми и всѣ *момицы*, и что турки никакъ не могли ихъ найти, хотя обшаривали всѣ дома и всѣ сады. Но это было очень давно. Теперь никто не зналъ, гдѣ находится это убѣжище, одна развѣ Мокра могла бы разсказать о немъ. Въ саду же ничего не обнаруживало существованія такого убѣжища. Единственной особенностью этого сада, какъ мы уже сказали, былъ колодезь—но что же такое колодезь! Въ колодцѣ была вода—вотъ и все. Все, да не совсѣмъ. Дѣло въ томъ, что въ одной изъ стѣнъ колодца находилось отверстіе, мимо котораго проходила одна изъ бадей. Отверстія этого нельзя было примѣтить сверху, а вело оно въ подземную горизонтальную галерею, выходившую въ пропасть. Выходъ изъ этой галереи со стороны Дуная отлично прикрывала остроконечная скала, находившаяся приблизительно на половинѣ высоты обрыва. Ни сверху, ни снизу нельзя было подойти къ этой скалѣ. Длина галереи равнялась приблизительно полутораста метрамъ; по обѣ ея стороны находились ходы въ два обширныхъ подземныхъ помѣщенія, напоминавшихъ залы древнихъ катакомбъ. Все это подземелье, построенное вѣроятно очень давно, тѣмъ болѣе напоминало древнія катакомбы, что залы его и галереи построены были изъ камня сводами и подпирались по срединѣ каменными же столбами. Въ Болгаріи часто встрѣчаются подобнаго рода

древнія сооруженія. Навѣрное можно сказать, что ни галерея эта, ни залы не были построены болгарами во время турецкаго владычества, хотя и они строили подземныя сообщенія не только по городамъ, но даже по нѣкоторымъ деревнямъ. Имъ приходилось изыскивать всѣ средства, чтобъ какъ-нибудь противостоять угрожающему имъ истребленію со стороны турецкаго произвола и всякихъ злоупотребленій. Въ борьбѣ за существованіе не только животныя, но и растенія изыскиваютъ различныя средства защиты, и природа снабжаетъ одних одними качествами, другихъ—другими, такъ что и слабые могутъ вести борьбу съ сильными. Въ данномъ случаѣ въ рукахъ Мокры очутилась готовая постройка, которою нѣкогда пользовались мѣстные жители, но объ употребленіи ея въ дѣло давнымъ-давно никто не думалъ. Сначала Мокра сама не знала, на что̀ можетъ ей пригодиться это убѣжище. Она думала было помѣстить въ немъ выкупленнаго арестанта, но это оказалось совершенно излишнимъ. Арестантъ преспокойно просидѣлъ у нея нѣсколько дней, потомъ нагримировался, переодѣлся и съ чужимъ паспортомъ, добытымъ ему Мокрой, никѣмъ неузнанный благополучно добрался до Румыніи. Онъ первый познакомилъ Мокру съ агитаторами, которые продолжали дѣятельность, начатую еще до неудавшейся вспышки, во время которой погибъ сынъ старухи. Они занимались теперь исключительно печатью. Мокра взяла на себя доставку запрещенныхъ изданій, что̀ легко ей давалось, благодаря постояннымъ торговымъ сношеніямъ съ Бухарестомъ. Вмѣстѣ съ товарами приходило „запрещенное“, которое бралъ у нея Станко. Но старуху не удовлетворяло это. Она все мечтала о томъ, о чемъ мечталъ старшій ея сынъ и погибшіе его товарищи. Возстаніе, имѣвшее такой печальный исходъ, казалось ей не только справедливымъ, но даже необходимымъ—не только необходимымъ, но даже вполнѣ исполнимымъ.

Она считала возможнымъ поголовное возстаніе всей Болгаріи противъ турецкаго ига и сверженіе его, а потому мирилась съ самыми тяжкими, съ самыми кровавыми жертвами. Мысль эту она высказывала заключеннымъ; то же самое повторяла она тому, котораго выкупила изъ тюрьмы.

— Вы поменьше забавляйтесь писаніемъ да печатаніемъ книжекъ, зато револьверовъ побольше покупайте.

— Одними револьверами немного сдѣлаешь, — возражалъ молодой человѣкъ.

— Покупайте и ножи.

— И ножи у насъ были.

— Чего-жъ вамъ недоставало? можетъ быть, *пушекъ* (ружей)?

— Пожалуй, ружей, но еще меньше было у насъ людей.

— Должно быть, никто изъ васъ распорядиться не умѣлъ.

— Въ томъ-то и дѣло.

Мокра призадумалась и отвѣчала:

— Правда твоя, правда. Надо людей свѣдущихъ, ученыхъ. Мой большакъ, котораго убили, тотъ торговому дѣлу учился, а вотъ Петръ учится философіи. А что̀, философія можетъ пригодиться для изгнанія турокъ?

Петръ былъ второй ея сынъ, обучавшійся въ одномъ изъ германскихъ университетовъ. Старуха не имѣла понятія, чему можно научиться въ университетѣ. Бѣглый арестантъ тоже не былъ мастеръ въ наукахъ, а потому отвѣчалъ:

— Не знаю, можетъ быть и пригодится.

— Такъ ты поѣзжай къ нему и скажи отъ моего имени: пусть онъ такимъ наукамъ обучается, которыя помогутъ ему выгнать турокъ. Будь моимъ посланцемъ, — говорила Мокра бывшему арестанту. Она дала ему денегъ на дорогу и велѣла дочери написать письмо. Съ тѣхъ поръ Мокра начала ждать другого сына, а между тѣмъ ограничила свою дѣятельность полученіемъ запрещенныхъ изданій, которыя переправлялись разъ, два раза въ недѣлю и за которыми заходи́лъ Станко. Никто рѣшительно въ Рущукѣ не подозрѣвалъ ничего подобнаго. Тихій, смиренный, бѣдный учитель элементарной школы, Станко, имѣвшій къ тому же нѣсколько маленькихъ дѣтей, не возбуждалъ ни малѣйшаго подозрѣнія, и мѣстныя власти менѣе всего способны были видѣть въ немъ агитатора. Туркамъ легче было бы представить себѣ конецъ міра, чѣмъ вообразить Станко опаснымъ. Они впрочемъ были отчасти правы: Станко дѣйствовалъ не по собственной иниціативѣ, а былъ только исправнымъ и усерднымъ орудіемъ Мокры, но дальше подкидыванія запрещенныхъ изданій пойти бы не могъ.

— Ты бы самъ старался растолковывать то, что̀ тамъ написано,—уговаривала его Мокра.

Станко въ такихъ случаяхъ пожималъ только плечами.

— Ты вѣдь ученый, самъ учитель.

— Да—но я учу дѣтей.

— Развѣ глупые старики не такія же дѣти?

— Нѣтъ, не такіе же. Старика не станешь драть за уши, если не пойметъ, что̀ ты ему говоришь.

Мокра не рѣшалась оспаривать такого вѣскаго аргумента. Она ждала извѣстій отъ освобожденнаго изъ тюрьмы, но тотъ,

устроивъ пересылку запрещенныхъ изданій, извѣстилъ ее, что уѣзжаетъ изъ Бухареста, а потомъ и слѣдъ его простылъ. Проходили дни, недѣли, мѣсяцы, а слуху о немъ нѣтъ какъ нѣтъ. Старухѣ очень хотѣлось узнать, что̀ онъ подѣлываетъ, а главное, что̀ подѣлываетъ ея сынъ. Этотъ послѣдній присылалъ ей письма, но извѣщалъ въ нихъ обыкновенно только о своемъ здоровьѣ или просилъ прислать денегъ, а то еще писалъ о своихъ экзаменахъ. Письма эти читалъ обыкновенно Станко и объяснялъ непонятныя выраженія, но и самъ онъ многаго не понималъ, и былъ настолько откровененъ, что прямо сознавался въ такихъ случаяхъ:

— Не знаю, Мокра, что̀ это значитъ, не понимаю: это слишкомъ что-то мудрено.

Гораздо доступнѣе для него были письма Драгана, самаго младшаго сына Мокры, девятнадцати-лѣтняго юноши, тоже учившагося за границей. Послѣ трагической смерти брата онъ вернулся-было домой, но, по настоянію матери, снова уѣхалъ за границу учиться. Наука, однако, не легко помѣщалась въ его головѣ. Это происходило вѣроятно оттого, что смерть старшаго брата произвела на него потрясающее впечатлѣніе. Все въ немъ кипѣло, все пылало. Во время непродолжительнаго пребыванія его въ Рущукѣ мать сама не знала, что̀ съ нимъ дѣлать. Каждую минуту онъ готовъ былъ накликать на себя бѣду, на каждаго турка готовъ былъ броситься. Мать поспѣшила отправить его за границу, разсчитывая, что ученье успокоитъ его. Хотя въ письмахъ онъ и старался быть осторожнымъ, но не могъ удержаться отъ опасныхъ намековъ, которые Станко очень хорошо понималъ, и которыми восхищалась Мокра.

— Вотъ мой Драганъ, — говорила она, — пусть только постарше станетъ, онъ съумѣетъ съ турками сладить.

Одно только безпокоило ее: почему это Драганъ не можетъ долго посидѣть на одномъ мѣстѣ. Прежде всего онъ уѣхалъ въ Одессу и тамъ хотѣлъ учиться, но вскорѣ уѣхалъ въ Вѣну, оттуда въ Женеву, въ Парижъ и, наконецъ, отправился въ Бѣлградъ, чтобы поступить въ *военное училище*. Два послѣднія слова были подчеркнуты въ письмѣ. Станко, прочитавъ ихъ, воскликнулъ:

— Можно ли писать такія вещи!

— А что̀ такое?—спросила баба Мокра.

— Военное училище!

— Почему же нельзя этого писать?

— А еслибъ турки прочитали это письмо?

— Что̀ же бы изъ этого вышло?

— Въ военной школѣ въ Бѣлградѣ учатся, какъ съ турками

воевать, чтобы ихъ изъ родины нашей выгнать, вотъ такъ, какъ ихъ выгнали сербы.

— И Драганъ выучится этому? — спросила съ восторгомъ старуха.

— Если онъ поступилъ въ военное училище, то, очевидно, учится, а выучится ли?.. этого не знаю, увидимъ.

— Должно быть, выучится!.. выучится, мой соколикъ, голубчикъ мой, мой сынокъ! Молодецъ изъ него выйдетъ.

Извѣстіе это чрезвычайно обрадовало Мокру. Самый младшій ея сынъ больше всѣхъ нравился ей по темпераменту, и она мечтала о великихъ дѣлахъ, которыя предстоитъ ему совершить. Она была увѣрена, что Драганъ созданъ для чего-то необыкновеннаго, и впередъ гордилась его будущими доблестными подвигами.

— Его навѣрное въ пѣсняхъ воспоютъ,—мечтала она.

Вскорѣ послѣ полученія этихъ радостныхъ извѣстій Станко разсказалъ ей о своей неудачѣ:

— Попался я,—сообщилъ онъ.

— Въ чемъ?—спросила старуха.

— Замѣтили, какъ я „запрещенное“ въ читальню ношу.

— О!—воскликнула Мокра.—Не накликать бы намъ бѣды.

— Богъ знаетъ, какъ это кончится.

Станко разсказалъ, какъ все произошло, и они начали совѣщаться. Результатомъ совѣщанія явился планъ, опредѣляющій, въ какія отношенія долженъ стать Станко къ Никόлѣ и Стояну. Скромный учитель не забылъ разсказать и про сходку въ саду хаджи Христо.

Мокра знала уже кое-что о Стоянѣ.

— А!—воскликнула она:—это сынъ мэганджи изъ Кривены. Слыхала о немъ. Отецъ его не болгаринъ, но все же хорошій и богатый человѣкъ. Сынъ его въ Бухарестѣ учился; кажется, что хаджи Христо прочитъ его себѣ въ зятья.

— А какая у хаджи Христо красивая дочь!

— Да, красавица,—согласилась старуха.—Она иногда къ моей Анкѣ приходитъ. А кто же это второй?

— Его зовутъ Никόла, какой-то бѣднякъ, *чирачи* (въ ученьѣ) у портного француза, который на *чарши* (рынкѣ) открылъ мастерскую.

— Здѣшній?

— Кажется, нѣтъ. Но не видѣлъ я еще, чтобы кто-нибудь прилежнѣе его читалъ.

— Чтὸ же онъ читаетъ?

— Все, чтò только въ читальнѣ найдетъ. Помню, какъ онъ пришелъ въ первый разъ, годъ или полтора года тому назадъ: ничего не зналъ, а теперь такой сталъ умница. Такъ и рѣжетъ про Болгарію, будто по книгѣ читаетъ.

— Надежный ли будетъ человѣкъ?

— Да Богъ его знаетъ. Кажется, усердный малый, дурного о немъ ничего не слыхать.

По желанію Мокры, Станко довольно подробно описалъ ей наружность Николы, сказалъ даже, какъ онъ одѣтъ и какая у него шапка. Благодаря этому описанію, Мокра узнала Николу въ тотъ разъ, когда послѣ разговора съ Иленкой онъ сидѣлъ на берегу пропасти.

— А знаешь ли,—говорила потомъ Мокра, встрѣтивъ Станко,—я узнала этого молодого человѣка. И мнѣ онъ понравился. А ты доволенъ имъ?

— Да, доволенъ. Онъ сталъ очень исправно приходить за изданіями, носить ихъ въ читальню и, если вѣрить его словамъ, готовъ въ огонь пойти за родину... усердный, усердный малый.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора получилось письмо отъ Петра, въ которомъ, между прочимъ, значилось: „больше не пишу, такъ какъ обо всемъ узнаете отъ Драгана, который вскорѣ пріѣдетъ въ Рущукъ". Извѣстіе это озадачило Мокру.

— А чтò же будетъ съ военной школой? Развѣ можно окончить школу въ три мѣсяца?

— Можно,—отвѣчалъ Станко,—только не кончить, а бросить.. развѣ что Драганъ хочетъ на время только пріѣхать, а потомъ опять вернуться.

— Слишкомъ много тратитъ онъ денегъ на разъѣзды,—замѣтила старуха.—Но, можетъ быть, такъ и надо. А какимъ путемъ надо ему ѣхать изъ Бѣлграда?

— Лучше всего на нѣмецкомъ пароходѣ.

— А другого пути нѣтъ?

— Есть, только нѣмецкій пароходъ самый удобный и самый дешевый.

Извѣстно было, когда австрійскіе пароходы приходятъ въ Рущукъ.

— Буду его ждать,—сказала Мокра и, нѣсколько погодя, прибавила:—въ виду пріѣзда Драгана мнѣ бы хотѣлось взять къ себѣ этого Николу.

— Онъ учится у портного,—отвѣчалъ Станко.

— Развѣ онъ закабалился у портного?

— Нѣтъ, не закабалился, но, можетъ быть, хочетъ хлѣбъ добывать этимъ ремесломъ.

— И у меня не померъ бы съ голоду, а въ то же время привыкъ бы къ торговлѣ. Вотъ ты спроси его, согласенъ ли онъ будетъ поступить ко мнѣ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы, когда пріѣдетъ Драганъ, у насъ былъ молодой человѣкъ, который бы и меня слушалъ, и былъ бы понадежнѣе... Кажется, Никола будетъ хорошъ для этой цѣли.

— Кажется,—отвѣчалъ Станко —Вотъ я поговорю съ нимъ въ субботу.

Сказано—сдѣлано. Въ субботу Станко поговорилъ съ Николой, а въ воскресенье Никола явился къ Мокрѣ. Они очень скоро сговорились.

— Ты согласенъ оставить портного?

— Я поступилъ къ портному только для заработка.

— У меня въ торговлѣ заработаешь не меньше, чѣмъ у портного... только вѣрно служи.

— Можешь смѣло положиться на мою вѣрность.

Мокра предложила ему условія, которыя онъ немедленно принялъ. Ни о запрещенныхъ изданіяхъ, ни о чемъ бы то ни было другомъ, имѣющемъ связь съ ея патріотическими замыслами, не было и помину. Старуха хотѣла предварительно получше узнать Николу. Она упомянула только, что ждетъ сына изъ Бѣлграда.

— Изъ Бѣлграда?—спросилъ молодой человѣкъ:—что же онъ тамъ дѣлаетъ?

— Въ военномъ училищѣ учится.

— Чтобъ турокъ бить?

— Тсс... тише. Ты объ этомъ не болтай. Я и такъ опасаюсь, чтобъ онъ не попалъ въ бѣду. Знаешь ли ты,—прибавила она:—я потеряла уже одного сына.

Никола ни слова не отвѣтилъ, но взглянулъ на нее съ самымъ искреннимъ сочувствіемъ.

Въ слѣдующій день Никола вступилъ въ новую свою должность. Онъ получалъ столъ, квартиру и небольшое мѣсячное жалованье, которое современемъ должно было увеличиться. Такимъ образомъ онъ вступилъ на ту дорогу, на которой смѣтливые люди, какимъ и онъ былъ, наживаютъ состояніе и современемъ добиваются всякихъ почестей. Всего этого и онъ могъ бы достигнуть—слѣдовало бы только не развлекаться посторонними дѣлами. Этого условія Никола и не исполнилъ. Сначала было-старался ничѣмъ не развлекаться и въ продолженіе всей

недѣли не заглянулъ даже въ читальню. „Запрещенное" передавалъ Стояну. Но вскорѣ такая жизнь опротивѣла ему, и онъ заговорилъ объ этомъ съ хозяйкой.

— Зачѣмъ же тебѣ въ читальню?—спросила Мокра.—Развѣ читальня дастъ тебѣ хлѣбъ?

— Хлѣба она мнѣ не дастъ... но почитать тамъ можно. Вотъ я и читаю, учусь. Узнаю, о чемъ люди думаютъ.

— Чему же ты тамъ выучился?

— А вотъ чему я выучился: я узналъ, изъ-за чего погибъ твой сынъ и почему кровь его не пропала даромъ.

У Мокры кольнуло что-то въ груди, когда онъ произносилъ послѣднія слова. Она тяжело вздохнула и отвѣтила:

— Ну, такъ ходи же туда каждый день на часокъ около полудня, а въ воскресные дни я буду тебя совсѣмъ отпускать.

Никола сталъ ходить въ читальню и каждый день проходилъ мимо дома хаджи Христо. Что-то тянуло его туда. Каждый разъ, отправляясь въ читальню, онъ останавливался на минуту передъ этимъ домомъ, тщательно осматривалъ его и продолжалъ свой путь, а возвращаясь—дѣлалъ тоже самое.

Мокра ходила на пристань встрѣчать сына и все не могла его дождаться. Наконецъ начала подумывать, что онъ пожалуй не пріѣдетъ. Быть можетъ, и раздумалъ; можетъ быть, не захотѣлъ прерывать ученія? Она ждала письма и вскорѣ получила его. Драганъ писалъ, что очень скоро пріѣдетъ, и просилъ, чтобы никто не ждалъ его у пристани, такъ какъ „пріѣду не я", прибавлялъ онъ.

— Чтò это значитъ: „пріѣду не я"?—спросила старуха Станко.

— Чтò значитъ? не думаетъ ли онъ явиться переодѣтымъ?

— Онъ способенъ сдѣлать такую глупость,—замѣтила Мокра.

— Турки не любятъ болгаръ, которые учатся въ военной школѣ,—промолвилъ Станко.

Мокра вздохнула подъ вліяніемъ какого-то тяжелаго предчувствія. „Дай Богъ, чтобъ онъ не накликалъ на себя бѣды!"—подумала старуха.

Она перестала ходить на пристань, но когда приближался часъ, въ которомъ долженъ придти пароходъ, отправлялась на набережную въ сопровожденіи Николы и становилась въ такомъ мѣстѣ, откуда можно было хорошо видѣть пристань. Она брала съ собой Николу, чтобъ ему указать Драгана въ томъ случаѣ, еслибы послѣднему понадобился кто-нибудь, чтобъ донести вещи. Первый день они ждали напрасно. Пассажиры, по обыкновенію,

сходили съ парохода, проходили мимо жандармовъ, въ таможню; тамъ осматривали ихъ вещи и паспорта и пускали куда угодно. Драгана не было между ними. Во второй разъ происходило то же самое. Мокра внимательно смотрѣла, стараясь узнать сына. Пассажиры медленно проходили мимо выстроившихся въ рядъ жандармовъ, которые всѣхъ пропускали. Вдругъ заптіи окружили одного изъ пассажировъ, одѣтаго въ пальто и съ цилиндромъ на головѣ. Цилиндръ слетѣлъ у него съ головы, когда онъ бросился въ сторону. Одинъ изъ жандармовъ схватилъ бѣглеца за пальто; тогда незнакомецъ съ быстротою молніи вынулъ изъ кармана револьверъ, выстрѣлилъ въ ухватившаго его жандарма, а самъ изо всѣхъ силъ пустился бѣжать по направленію къ городу. Жандармъ, въ котораго былъ направленъ выстрѣлъ, присѣлъ, но другіе побѣжали догонять бѣглеца. Началась бѣготня съ крикомъ и пальбой. Незнакомецъ поворачивался и стрѣлялъ въ тѣхъ, которые готовы были его настигнуть. Жандармы отстрѣливались изъ ружей. Борьба эта кончилась быстро и очень печально для пассажира. Онъ упалъ, весь израненный, а жандармы набросились на него и стали бить прикладами, потомъ потащили. Все это продолжалось нѣсколько десятковъ секундъ. Мокра остолбенѣла. Въ груди ея остановилось дыханіе. Правда, что наружность пассажира съ бородой и въ очкахъ не походила на Драгана, но предчувствіе говорило ей, что это онъ.

Лишь только Никола увидѣлъ борьбу, онъ стремглавъ пустился внизъ. Онъ самъ не зналъ, зачѣмъ бѣжитъ. Явилось какое-то страстное желаніе защитить пассажира. Но когда онъ добѣжалъ, некого уже было защищать. На пароходъ садились пассажиры, направлявшіеся внизъ по Дунаю въ Браилу и Галацъ, а на берегу стояли кучки людей, тихонько разговаривавшихъ между собою. Самая большая кучка столпилась у того мѣста, гдѣ упалъ незнакомецъ. Здѣсь на землѣ остались кровавыя пятна. Никола приблизился и, глядя на слѣды крови, прислушивался къ разговору.

— Должно быть, какой-нибудь комитаджи (заговорщикъ),— увѣрялъ кто-то,—у него отпала во время борьбы приставная борода.

— Борода?—спросилъ другой.

— Я видѣлъ, какъ она отвалилась, когда его стали бить прикладами по головѣ.

-- Чтò же съ бородой сдѣлалось?

— Заптіи унесли.

— Э... э...—удивлялись въ публикѣ, качая головами.

— Шесть разъ выстрѣлилъ.

— Нѣтъ... пять,—возражалъ кто-то.

Начался по этому поводу споръ, но вскорѣ кончился, такъ какъ всѣ стали слушать разсказъ про новую подробность.

— Одной рукой стрѣлялъ, а другой клалъ себѣ въ ротъ какія-то бумаги и глоталъ ихъ.

— О... о...—удивлялись собесѣдники.

Никола приблизился къ другой кучкѣ, прислушиваясь, не назоветъ ли кто незнакомца. Но никто не зналъ фамиліи смѣлаго пассажира. Никола подождалъ, пока ушелъ пароходъ, и вернулся къ Мокрѣ. Она все еще оставалась на томъ же мѣстѣ.

— Ну, что же?—спросила Мокра, когда вернулся Никола.

— Мнѣ хотѣлось узнать, кто это такой,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Кто же это?

— Говорятъ, что какой-то комитаджи.

— Мой Драганъ!—выговорила старуха, тяжело вздыхая.

— О, нѣтъ!—возразилъ Никола.

— И не возражай! я его узнала.

— Ну... такъ...—бормоталъ Никола.

Мокра махнула рукой и сказала:—Не отнять мнѣ его теперь у турокъ... Пусть...—она глубоко вздохнула—и онъ погибаетъ!

— Такъ-то, безполезно?—воскликнулъ Никола.

— Нѣтъ, не безполезно,—возразила старуха.—Онъ сдѣлалъ глупость, но Богъ прощаетъ такія глупости.

VIII.

Мокра была права. Тотъ, кто былъ причиной случившагося у пристани, былъ дѣйствительно ея сынъ. Изъ конака увѣдомили ее и пришли звать къ пашѣ. Паша, посадивъ ее около себя, спросилъ съ сладкой улыбкой:

— Ну, что, довольна ты теперь обученіемъ сыновей за границей?

— *Хизметъ* (судьба), паша эффендимъ,—отвѣчала она.

— Ты это не искренно говоришь.

— Я говорю то, чтò ты самъ сказалъ мнѣ въ объясненіе того несчастія, которое вотъ уже второй разъ постигаетъ меня. Еслибы я не говорила того, чтò сказала, то мнѣ пришлось бы спросить тебя, и тогда ты отвѣтилъ бы: *хизметъ*!

— Почему ты такъ думаешь?

— Вотъ еслибы я говорила съ тобой такимъ, напримѣръ,

образомъ: вѣдь это несовершеннолѣтній юноша, почти ребенокъ. Отдай мнѣ его.

— Я бы не отдалъ его, но позволилъ бы тебѣ навѣстить его въ тюрьмѣ и уговорить, чтобы онъ во всемъ чистосердечно сознался.

— Развѣ онъ живъ?—спросила Мокра.

— Живъ, иди къ нему. Ты—умная женщина, и сама поймешь, что̀ и какъ мы должны сказать, чтобы наставить его на путь истины. Отъ его показаній будетъ зависѣть степень наказанія, которое онъ понесетъ.

— Развѣ онъ уже не наказанъ? Кажется, что несовершеннолѣтнему мальчику вполнѣ достаточно того наказанія, которое онъ уже понесъ.

— Этотъ мальчикъ двухъ жандармовъ изранилъ, а одного убилъ... такую шалость невозможно простить.

— Развѣ у султана мало заптіевъ?—возразила Мокра.

— Много ли, мало ли, не въ этомъ дѣло,—отвѣчалъ паша.— Ты вотъ лучше подумай, какъ бы тебѣ спасти сына, котораго я до тѣхъ поръ не позволю лечить, пока онъ не отвѣтитъ на вопросы, заданные ему агой. Понимаешь, джанэмъ? — спросилъ паша съ улыбкой.

Онъ хлопнулъ въ ладоши и приказалъ вошедшему адъютанту провести Мокру къ сыну въ тюрьму.

Рядомъ съ гауптвахтой въ конакѣ, въ которой нѣкогда лежали отрѣзанныя головы мятежниковъ, находилась комната, исполнявшая функцію временной тюрьмы. Въ этой комнатѣ на полу лежалъ Драганъ въ изорванной, окровавленной одеждѣ. Очевидно было, что кто-то наскоро, не промывъ даже ранъ на рукахъ, ногахъ, груди и головѣ, перевязалъ ихъ шерстяными полосатыми платками, придававшими ему ужасающій видъ. Избитое, израненное лицо его едва сохранило человѣческій образъ.

Мокра подошла тихонько къ сыну и присѣла около него. Она пристально посмотрѣла ему въ лицо, потомъ нагнулась и тихонько сказала:

— Драганъ!

Драганъ лежалъ съ закрытыми глазами. Онъ очевидно услышалъ голосъ матери, такъ какъ по лицу его проскользнула едва замѣтная дрожь, точно зыбь на гладкой поверхности воды, когда подуетъ легкій вѣтерокъ. Нѣсколько погодя, Мокра опять позвала:

— Сынъ мой дорогой!

— Мать...—прошепталъ больной, открывая глаза. Въ этотъ моментъ на гауптвахтѣ послышались шаги входившихъ людей.

Мокра нагнулась надъ сыномъ и тихо, но отчетливо сказала ему на ухо:

— Идетъ ага и будетъ допрашивать тебя: не говори ему ничего, что̀ бы могло повредить комитету... слышишь ли?..

Драганъ открылъ глаза и съ восторгомъ взглянулъ на Мокру. Пришелъ ага; его сопровождали *кіатыбчи* и *чубукчи*; послѣдній постлалъ на полу принесенный имъ коврикъ, на которомъ усѣлся ага. Онъ велѣлъ подать себѣ трубку и началъ допросъ слѣдующимъ обращеніемъ къ Мокрѣ:

— Скажи твоему сыну, чтобъ говорилъ правду, тогда его хекимъ-баши полечитъ... Въ противномъ же случаѣ пусть околѣваетъ... Скажи ему сама объ этомъ такъ, чтобы понялъ.

— Сынъ мой...—начала Мокра:—ты слышалъ, что̀ говорилъ ага, и помнишь, что̀ я тебѣ сказала. Отвѣчай по совѣсти и знай, что справедливый Господь слушаетъ тебя... Не забывай моихъ словъ.

— Хорошо,—сказалъ ага и началъ допросъ.

Для Драгана невозможно уже было никакое леченіе. Паша отлично зналъ объ этомъ. Но ему хотѣлось добыть отъ умирающаго какія-нибудь указанія подробностей той подпольной работы, которая съ нѣкоторыхъ поръ расширялась по Болгаріи и начала безпокоить турецкое правительство. Съ этой цѣлью онъ призвалъ къ себѣ мать заключеннаго и въ видѣ условія подалъ ей надежду на возможность спасенія сына.

Драганъ на одни вопросы совсѣмъ не отвѣчалъ, на другіе отвѣчалъ: „не знаю“, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ далъ вполнѣ опредѣленные отвѣты. Онъ отвѣтилъ, напримѣръ, на всѣ вопросы, касавшіеся пребыванія его за границей. Когда его спросили, какимъ путемъ приходятъ въ Болгарію запрещенныя изданія, онъ прямо отвѣтилъ: „черезъ Константинополь“. *Кіатыбчи* записалъ этотъ отвѣтъ. Драганъ сдѣлалъ еще нѣсколько такихъ же показаній, но отвѣты его становились все тише, все непонятнѣе; наконецъ, онъ пересталъ отвѣчать. Ага спросилъ разъ, спросилъ другой, тотъ же вопросъ повторила мать и вдругъ крикнула:

— Драганъ!

Умирающій только вздохнулъ.

— Пусть теперь войдетъ хекимъ-баши,—сказалъ ага, отдавая чубукчи трубку и вставая съ своего мѣста.

Докторъ тотчасъ же пришелъ и констатировалъ смерть.

— Спаси его!—крикнула въ отчаяніи Мокра.

— Не умѣю я воскрешать мертвыхъ.

— Онъ еще теплый,—сказала она, прикладывая руку къ груди своего сына.

Докторъ ничего не отвѣчалъ; тогда, обращаясь къ агѣ, она стала просить:

— Онъ мой... позволь мнѣ взять его, ага эффендимъ!

— Возьми,—отвѣчалъ, удаляясь, ага.

Старуха очутилась на единѣ съ трупомъ своего сына. Она не хотѣла отойти отъ него, такъ какъ боялась, чтобы позволеніе не смѣнилось запрещеніемъ. Она боялась также какого-нибудь произвола со стороны дежурнаго гауптвахты, такъ какъ турки всегда готовы поругаться надъ трупомъ гяура.

Она поспѣшно сняла съ себя платокъ, накинула его на голову сына, потомъ взяла его на руки и понесла. Одинъ изъ жандармовъ замѣтилъ:

— Не снесешь, тяжелъ!

— Кто-жъ его на рукахъ носилъ?—отвѣчала старуха. Такъ она прошла черезъ дворъ конака и вѣроятно понесла бы его и черезъ городъ, еслибы ожидавшій у воротъ Никола не остановилъ ее.

— Мокра!—позвалъ онъ.

— А...—откликнулась старуха.

— Ты стара... я молодъ.

— Онъ мнѣ сынъ.

— А мнѣ онъ братъ.

Старуха остановилась. Никола взялъ трупъ у нея и понесъ его по городу. Голова покойника упала Николѣ на плечо, а руки и ноги обвисли. Голова была прикрыта платкомъ, и постороннимъ могло казаться, что Никола несетъ больного. Вотъ почему никто изъ прохожихъ не обращалъ особеннаго вниманія на это шествіе; Никола принесъ покойника домой и положилъ его на диванѣ. Сошлись всѣ домашніе, пришла сестра и начались рыданія.

— Тише!.. тише!..—увѣщевала хозяйка.—Господь призвалъ къ себѣ Драгана... Онъ погибъ за наше святое дѣло... онъ пошелъ съ жалобой къ Богу... Вотъ уже второй изъ нашей семьи.

Въ словахъ ея слышался отголосокъ рыданія, но она старалась скрыть наружные признаки горя и только по временамъ изъ груди ея вырывался стонъ.

— О, мой соколъ!.. сынокъ мой дорогой! — восклицала изрѣдка мать.—По крайней мѣрѣ, похоронимъ его какъ слѣдуетъ.

Она занялась похоронами. На Балканскомъ полуостровѣ есть спеціалистки, занимающіяся умершими; звать ихъ не надо—онѣ

сами приходятъ. Онѣ обмываютъ, одѣваютъ и оплакиваютъ покойниковъ. Это—остатокъ древняго обычая; Мокра ни въ чемъ не нарушала его. Часъ спустя, тѣло Драгана со сложенными на груди руками, обернутое въ бѣлую простыню, лежало на катафалкѣ, накрытомъ ковромъ. Въ изголовьѣ и по бокамъ горѣло нѣсколько восковыхъ свѣчей. Священникъ прочиталъ молитву и покропилъ тѣло покойника святой водой. Народъ сталъ понемногу собираться, чтобы отдать послѣдній долгъ умершему. Приходили сосѣди, сосѣдки; вздыхали, молились, шептались. Никола, который почти не уходилъ изъ комнаты, объяснялъ причину и обстоятельства смерти покойника. Его постоянно спрашивали, а онъ отвѣчалъ:

— Это турки убили его за то, что онъ не хотѣлъ отдать имъ находившихся при немъ бумагъ.

— Какія же это были бумаги?

— Не знаю.

— А кому адресованы?

— Кому-нибудь въ Рущукѣ.

— Можетъ быть, англійскому, французскому или русскому консулу?

— Быть можетъ... Навѣрное можно только то сказать, что бумаги были очень важны; онъ ихъ съѣлъ.

Пришли и жена хаджи Христо съ дочерью. Никола и имъ разсказалъ о случившемся, обращая особенное вниманіе на патріотическій подвигъ покойнаго.

— Драганъ,—говорилъ Никола,—погибъ геройской смертью. Заптіевъ было человѣкъ тридцать—онъ одинъ. Хотѣли отнять у него бумаги, но онъ не далъ. Всякій болгаринъ долженъ бы такъ поступать.

Похороны были пышныя. Плакальщицы громко рыдали во время выноса тѣла и во время преданія его землѣ. На крышкѣ гроба несли убранную цвѣтами и зеленью кутью. Мокра устроила у себя въ саду поминальный обѣдъ, на который пришло много гостей. Когда ее утѣшали, она отвѣчала:

— Вотъ уже второй изъ нашей семьи идетъ къ Богу съ жалобой на нашихъ враговъ. Пусть только множатся эти жалобы, тогда тяжба наша навѣрное кончится въ нашу пользу.

Неизвѣстно, насколько всѣ понимали эти слова,—почти всѣ, однако, соглашались со старухой. Но были такіе, которые вполнѣ понимали ее. Понималъ Никола, Стоянъ, Станко, понималъ и хаджи Христо; послѣдній пробовалъ даже возражать.

— Тебѣ, Мокра, послалъ Богъ испытаніе,—говорилъ онъ,—и

всѣ мы сочувствуемъ тебѣ; но не слѣдуетъ желать другимъ болгарскимъ матерямъ, чтобы ихъ постигла такая же участь.

— Ахъ, нѣтъ!.. я ни одной матери не желаю этого,—отвѣчала старуха, вздыхая.—Но и того невозможно желать, чтобы наша болгарская молодежь кисла, какъ это прежде бывало, и чтобъ голову свою цѣнила больше родины. Мои сыновья подали примѣръ... пробовали... Такія вещи не удаются сразу, а опытъ научаетъ. Ребенокъ тогда только выучится обращаться съ огнемъ, когда обожжется. Всѣ объ этомъ знаютъ. А все-таки приходится такъ или иначе учить обращаться съ огнемъ.

Такъ разговаривала хозяйка, угощая гостей, и никто почти не возражалъ ей, хотя большинство положительныхъ людей, состоявшее изъ купцовъ, членовъ думы, ремесленниковъ и т. п., въ душѣ не соглашались съ ней. Къ чему задирать турка, когда сила на его сторонѣ!—думали степенные господа. Какъ бы тамъ ни было, слова Мокры не пропадали даромъ. Смерть двухъ молодыхъ, полныхъ жизни людей не только вызывала сочувствіе, но заставляла также призадуматься. Гости задумывались надъ причинами смерти этихъ юношей, и у нихъ являлось сознаніе существующей несправедливости. Такъ, въ самыхъ благонамѣренныхъ головахъ зарождался непроизвольный, безсознательный мысленный протестъ противъ власти, считавшейся до сихъ поръ законной. Возникло какое-то смѣшеніе понятій, указывавшее на то, что въ турецкомъ механизмѣ что-то испортилось. Но положительные люди не особенно увлекались. Они не забыли своихъ эснафовъ (ремеслъ) и продолжали жить съ турками въ ладу. Зато молодежь заговорила совсѣмъ иначе. Происшествіе на пристани произвело потрясающее дѣйствіе на молодые умы, а поминальный обѣдъ еще усилилъ это вліяніе.

— Мокра,—сказалъ какъ-то Никола своей хозяйкѣ,—и я хотѣлъ бы что-нибудь сдѣлать для моей родины, хотя бы пришлось покончить такъ, какъ кончили твои сыновья.

— Чтò же ты одинъ сдѣлаешь?—возразила она.

— Вѣдь я не одинъ. Въ городѣ найдется много такихъ же, какъ и я, охотниковъ.

— Кто же, напримѣръ, есть у тебя въ виду?

— Да хоть бы Стоянъ... а кромѣ Стояна...

— Гм...—перебила старуха.—Поговори со Стояномъ, потолкуйте, посовѣтуйтесь, а я вамъ скажу, когда время придетъ. У меня есть еще одинъ сынъ, и я должна прежде съ нимъ посовѣтоваться. Докторъ философіи: хотѣла бы я знать, на чтò это ему пригодится?

Вскорѣ послѣ этого разговора пришелъ къ Мокрѣ Стоян
завелъ съ нею такой же приблизительно разговоръ. Она и
точно такъ же отвѣчала и совѣтовала быть осторожнымъ.

— У турокъ,—говорила она,—есть такіе молодцы, что і
слушиваютъ и подсматриваютъ. Это они донесли на моего Драг

Мокра стала ждать третьяго сына и очень безпокоил
Что скажетъ паша? Не станетъ ли къ нему придираться? Чт
разузнать объ этомъ, она рѣшила отправиться къ пашѣ. Па
по обыкновенію, принялъ ее ласково.

— Нэ варъ, нэ ёкъ?

Отвѣтивъ форменно на обычный привѣтъ, Мокра прямо і
ступила къ дѣлу.

— Кто горячимъ обожжется, тотъ и холодное студит
начала она. — Вотъ я, паша эффендимъ, двоихъ уже сын
потеряла. Скажи мнѣ, убьютъ ли твои заптіи и третьяго м
сына?

— Знаешь ли, за что убили старшаго твоего сына?

— Знаю, паша эффендимъ.

— Знаешь ли, за что убили младшаго твоего сына?

— Нѣтъ, паша эффендимъ, не знаю.

— Онъ принадлежалъ къ комитету, который изъ-за гран
хочетъ управлять Болгаріей вмѣсто падишаха.

— Ахъ!—воскликнула она.

— Ты развѣ не знала объ этомъ?

— Въ первый разъ слышу.

— А я, видишь ли, зналъ объ этомъ. Я зналъ, что дѣла
за границей, и зналъ, когда и какъ долженъ былъ пріѣхать
сынъ. Онъ самъ виноватъ въ своей смерти. Зачѣмъ совалс
въ свое дѣло!

— Твоя правда, паша эффендимъ, — отвѣчала старуха
потому и пришла спросить тебя. Ты обо всемъ знаешь,
скажи мнѣ, можетъ ли мой третій сынъ вернуться и спок
вести торговлю?.. Я ужъ стара стала, тяжело мнѣ одной...
у меня три сына, теперь только одинъ остался... — Мокра
слезилась.

— *Бакалымъ* (увидимъ),—отвѣчалъ паша. Онъ хлопнул
ладони и велѣлъ адъютанту принести какую-то бумагу. А
тантъ принесъ тетрадь. Паша сталъ перелистывать, потомъ
нулъ поллиста бумаги и началъ медленно читать.

— Петръ Зоновъ... Гейдельбергъ... учится... докторъ ф
софія... гм... онъ ни въ чемъ не замѣшанъ... Докторъ ф
софія... гм...

— Что это такое докторъ философіи?—спросила Мокра.

— Это значитъ, что сынъ твой мудрецъ. Да, пусть себѣ будетъ мудрецомъ, а только не касается того, что̀ не его дѣло.

— Такъ его заптіи не убьютъ?—наивно спросила старуха.

— Не безпокойся, не убьютъ.

— И въ тюрьму не посадятъ?

— Ничего съ нимъ дурного не сдѣлаютъ.

— Твое слово, паша эффендимъ, дороже мнѣ тысячи *мэджиджи* золотомъ.

— Вотъ тебѣ мое слово: ничего дурного съ нимъ не сдѣлаютъ.

Вернувшись домой, Мокра велѣла написать Петру, чтобы пріѣзжалъ, ничего не опасаясь. Паша, съ своей стороны, приказалъ тщательно обыскать его. Черезъ недѣлю пріѣхалъ на пароходѣ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-пяти, котораго вышла встрѣчать Мокра съ Николой, но который могъ поздороваться съ ними только тогда, когда вещи его и карманы были тщательно обысканы въ таможнѣ. Для пересмотра книгъ его и бумагъ командированъ былъ спеціальный чиновникъ, въ которомъ легко было узнать грека.

Мокра ждала съ величайшимъ нетерпѣніемъ, пока все это кончится, и наконецъ дождалась. Велѣла носильщикамъ принести багажъ, а сама поспѣшила съ сыномъ домой, чтобы тамъ свободно обнять его, поцѣловать и на радостяхъ поплакать.

Первыя минуты пребыванія молодого человѣка въ родительскомъ домѣ прошли во взаимномъ изліяніи накопившихся чувствъ. Послѣ многолѣтней разлуки всякому хотѣлось осмотрѣть его, налюбоваться вдоволь. Любовались имъ и мать, и сестра, и вся прислуга обоего пола. Всѣ находили, что онъ выросъ, возмужалъ и похорошѣлъ. Это былъ темный брюнетъ, въ чертахъ лица котораго выражались энергія и стойкость. Онъ не былъ представителенъ, но, чѣмъ ближе узнавали его, онъ становился все болѣе привлекательнымъ. Когда всѣ его и онъ всѣхъ осмотрѣли, начались короткіе вопросы и столь же короткіе отвѣты, и только за ѣдой стали разговаривать. На слѣдующій день, когда Петръ совсѣмъ отдохнулъ, мать спросила его:

— Что же ты, сынокъ, думаешь?

— О чемъ, майка (мать)?

— О твоихъ братьяхъ?

Молодой человѣкъ вздохнулъ и отвѣчалъ:

— На долю имъ выпала весьма трудная задача—начинать. Но иначе невозможно. Ничего никогда не сдѣлаешь, не попробовавъ.

Мокра убѣдилась, что сынъ ея не обвиняетъ братьевъ за неудачи, и прибавила:

— Теперь ты одинъ остался у меня.

— Такъ что же, майка? Развѣ обязанности одного не тѣ же самыя, что и обязанности троихъ?

— Сынокъ мой дорогой! — воскликнула съ умиленіемъ старуха.—Благослови тебя Господь! Я не только благословляю, но изо всѣхъ силъ буду помогать тебѣ.

Этотъ разговоръ между матерью и сыномъ былъ прологомъ, за которымъ вскорѣ послѣдовали событія.

Петръ началъ съ того, что привелъ въ порядокъ торговыя дѣла: завелъ бухгалтерскія книги и велъ ихъ въ образцовомъ порядкѣ. Хотя онъ и былъ докторомъ философіи, но повелъ дѣло совсѣмъ не такъ, какъ его братъ, учившійся въ коммерческомъ институтѣ. Это впрочемъ не мѣшало ему посѣщать читальню, которой онъ подарилъ нѣсколько солидныхъ книгъ, и знакомиться тамъ съ молодежью. Мать сразу рекомендовала ему Станка, Николу и Стояна, какъ вѣрныхъ и испытанныхъ людей. Но Станко сейчасъ же отказался отъ дѣятельности, а потому пришлось совѣщаться и дѣйствовать только втроемъ. Въ началѣ дѣятельность ихъ ограничивалась полученіемъ и распространеніемъ запрещенныхъ изданій. Теперь только Никола занялъ мѣсто Станка. Эксъ-пастухъ очень ловко исполнялъ свое дѣло. Однажды, открывая ящикъ съ книгами въ присутствіи Мокры и Петра, онъ возмечталъ:

— Когда это мы вмѣсто книгъ станемъ переправлять нашихъ воиновъ, какъ древніе греки переправляли ихъ въ Трою въ своемъ конѣ.

— Какъ въ конѣ?—спросила Мокра.

Никола разсказалъ ей исторію о деревянномъ конѣ.

— Это не легко,—замѣтила Мокра.—Не съумѣемъ соорудить такого коня. Легче было бы провести ихъ въ Рущукъ черезъ нашъ колодезь, еслибъ можно добраться до него снизу.

— Черезъ какой колодезь? — спросилъ Петръ.

— Черезъ тотъ, что въ саду.

Мокра, взявъ обѣщаніе сохранить тайну, разсказала молодымъ людямъ о подземной галереѣ и о томъ, какъ въ ней нѣкогда нашли убѣжище женщины и дѣвушки всего квартала.

— Ты, майка, была ли тамъ когда-нибудь?—спросилъ Петръ.

— Никогда въ жизни.

— Необходимо въ такомъ случаѣ посмотрѣть. Такое убѣжище всегда можетъ пригодиться. Пойдемъ, Никола.

Они немедленно приступили къ осмотру колодца: спустили фонарь и замѣтили отверстіе. Надо было осмотрѣть галерею.

— Я спущусь!—предложилъ Никола.

— Постой, надо сначала попробовать, крѣпки ли цѣпь и воротъ.

— Меня удержитъ.

— А вотъ мы попробуемъ. Надо полагать, что ты тяжелѣе ведра съ водой.

Петръ началъ спускать ведра, нагружая ихъ все бо̀льшими и бо̀льшими тяжестями. Оказалось, что можно бы смѣло спускаться вдвоемъ.

— Теперь спускай меня,—сказалъ Никола.

— Спущу, но только ты не входи, пока не убѣдишься, можно ли туда входить.

— А кто же мнѣ помѣшаетъ?

— Газы. Если тамъ хорошій воздухъ, ступай; а если нѣтъ, тогда войти войдешь, но не выйдешь оттуда.

— Какъ такъ?—недоумѣвалъ Никола.—Вѣдь здѣсь какъ погребъ, а въ погребѣ можно дышать.

Петръ разсказалъ ему о свойствахъ воздуха и послалъ за ружьемъ, за длинной легкой жердью и за другимъ фонаремъ. Сперва онъ велѣлъ нѣсколько разъ выстрѣлить въ галерею. Потомъ спустилъ Николу съ двумя фонарями: одинъ, привязанный къ концу длинной жерди, надо было нести впереди, другой держать въ рукахъ около себя. Петръ велѣлъ Николѣ немедленно возвращаться, какъ только начнетъ гаснуть передній фонарь. Никола исполнилъ все въ точности. Онъ вылѣзъ изъ ведра и исчезъ, но немедленно вернулся и съ такой поспѣшностью вскочилъ въ ведро, что чуть было не упалъ въ колодезь.

— Тащи!—крикнулъ онъ.

Когда Петръ вытащилъ его, онъ былъ блѣденъ какъ полотно.

— Что̀ съ тобой?

— Едва ушелъ.

— Почему?

— Тамъ... тамъ... какіе-то глаза,—бормоталъ Никола.

— Какіе глаза?

— Большіе.

— Гдѣ же фонари?

— Я ихъ бросилъ.

— Что же, они потухли?

— Нѣтъ.

— Тамъ могутъ быть змѣи, ящерицы, летучія мыши, лисицы, — перебиралъ Петръ.

— А глаза?—спросилъ Никола.

— Это, должно быть, тебѣ показалось. Посмотримъ. Спусти меня, только держи покрѣпче колесо и спускай осторожнѣе.

Петръ спустился, вошелъ въ галерею и очень долго не возвращался, такъ что Никола началъ уже безпокоиться. Но вотъ онъ появился, поднялся благополучно и сталъ разсказывать:

— Прекрасное открытіе. Тамъ можетъ помѣститься человѣкъ пятьсотъ, но пока очередь дойдетъ до людей, мы будемъ сохранять тамъ все то, чтò туркамъ мѣшаетъ, а намъ необходимо.

— Револьверы! — воскликнулъ Никола, раздѣлявшій общій взглядъ насчетъ необыкновенныхъ достоинствъ этого оружія.

— Револьверы и все прочее.

— А видѣлъ ли ты глаза?

— Я видѣлъ на стѣнѣ стекловидныя пятна, отъ которыхъ отражался свѣтъ фонаря; должно быть, пятна эти и показались тебѣ глазами. Я видѣлъ тамъ летучихъ мышей, видѣлъ лисицъ, убѣжавшихъ при появленіи свѣта, видѣлъ лягушекъ. Если ты пятенъ испугался, то въ какой ужасъ привели бы тебя летучія мыши, лягушки и лисицы! А еще хочешь съ турками драться!

Никола сильно сконфузился.

— Турки—другое дѣло,—бормоталъ Никола,—а тамъ, подъ землей... будто въ гробу... чтò-то шумитъ.

— Шумитъ тамъ отъ движенія воздуха, точно такъ же, какъ въ колодцѣ. Главное достоинство этой галереи заключается въ томъ, что она безпрестанно вентилируется. Я дошелъ до конца: отверстіе засыпано немного землей и отлично прикрыто скалой.

Петръ вмѣстѣ съ Николой пошелъ потомъ къ каменной стѣнѣ, которая тянулась вдоль пропасти. Петръ осмотрѣлъ мѣстность, чтò-то соображалъ, разсчитывалъ и наконецъ сказалъ:

— Здѣсь можно устроить подъемную машину и съ помощью блоковъ втаскивать съ берега въ галерею все чтò угодно. Контрабандисты могутъ выгружать ящики прямо на берегъ и сами не будутъ знать, куда дѣвается контрабанда.

— А турки?—замѣтилъ Никола.

— Этотъ берегъ считается неприступнымъ; здѣсь даже нѣтъ часового и никогда не будетъ. Превосходное открытіе! Но только пусть рѣшительно никто не знаетъ объ этомъ, кромѣ насъ двоихъ и мойки.

— Не бойся, никто не узнаетъ,—увѣрилъ его Никола.

— Пусть себѣ турки наблюдають сколько угодно за нашимъ домомъ, но имъ и въ голову не придетъ, что у насъ есть такое убѣжище.

Онъ снова сталъ смотрѣть. Взялъ записную книжку, рисовалъ, разсчитывалъ, записывалъ, измѣрялъ, потомъ, придя домой, сдѣлалъ чертежъ подъемной машины, выставилъ размѣры и по частямъ заказалъ разнымъ мастерамъ—для того, чтобъ мастера не могли догадаться, чтѝ они дѣлаютъ. Очевидно, примѣръ братьевъ научилъ Петра осторожности и онъ избѣгалъ всего, чтѝ могло навести на него малѣйшую тѣнь подозрѣнія.

I. У.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА

въ

ПАРИЖѢ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ *).

I.

Дворецъ свободныхъ искусствъ—„Palais des arts libéraux"—по интересу, который представляютъ устроенные въ немъ отдѣлы и собранныя въ немъ коллекціи, можетъ съ выгодой конкуррировать съ „дворцомъ изящныхъ искусствъ". Какъ самое названіе дворца показываетъ, въ немъ собраны предметы, относящіеся къ отраслямъ труда, именуемымъ „либеральными профессіями". Тутъ имѣется отдѣлъ музыкальныхъ инструментовъ, отдѣлъ книжный со всѣми относящимися къ книжному дѣлу ремеслами, отдѣлъ фотографіи—настоящая, даже очень роскошная, фотографическая выставка, отдѣлъ бумажный, отдѣлъ инженернаго искусства (публичныхъ работъ), театральнаго искусства, и, чтó, можетъ быть, еще болѣе достойно изученія, все, чтó относится къ развитію, воспитанію, исправленію, къ культурѣ человѣческаго ума, начиная отъ элементарной школы до высшихъ учебныхъ заведеній, отъ исправительныхъ колоній для малолѣтнихъ до самыхъ строгихъ тюремъ.

Но интересъ всѣхъ названныхъ отдѣловъ въ сильной мѣрѣ увеличивается тѣмъ, что каждый изъ нихъ сопровождается здѣсь своей исторіей: тутъ представлена, насколько возможно, полная исторія

*) См. выше: авг., 769 стр.

человѣческаго труда, и въ этомъ отношеніи „Palais des arts libéraux" образуетъ выставку—единственную въ своемъ родѣ.

Мы уже указали, что по архитектурѣ этотъ дворецъ есть копія дворца изящныхъ искусствъ. Онъ также состоитъ изъ трехъ нефовъ, центральнаго, очень высокаго, въ два свѣта, и двухъ боковыхъ, въ два этажа, вѣрнѣе, съ верхними галереями; въ срединѣ центральнаго нефа возвышается куполъ. Весь нижній этажъ центральнаго нефа раздѣленъ деревянными портиками на отдѣльные четырехугольные участки. Половина этого этажа занята „возстановленіями", болѣе или менѣе фантастическими, правда, но все-таки не лишенными интереса и очень занимательными для публики. Возстановленія теперь въ Парижѣ въ большой модѣ: возстановили Бастилію, которую теперь берутъ приступомъ каждый вечеръ, возстановили тюрьму „Temple", возстановили древнюю башню Нель (la Tour de Nesle)— все, правда, внѣ выставки и съ цѣлью чисто коммерческой; не удивительно поэтому, если и на выставкѣ проявилась эта общая склонность; тѣмъ болѣе, что гармонируя со вкусомъ публики, возстановленія, устроенныя здѣсь, прямо способствуютъ увеличенію числа посѣтителей. Въ центральномъ нефѣ, въ одномъ изъ четырехугольныхъ участковъ, четыре отдѣльныя группы съ гипсовыми фигурами, въ подходящей одеждѣ, изображаютъ: одна—эскимосскую юрту съ оленями, санями; двѣ другія—первобытныхъ металлурговъ при выплавкѣ металла изъ руды, и четвертая—пещерниковъ, обтачивающихъ куски кремня. Кругомъ этихъ группъ, подъ портиками, воспроизведены мастерскія—греческаго скульптора, греческаго же горшечника, ассирійскаго архитектора, китайскаго керамиста и древняго ткача.

Нѣсколько дальше воспроизведены: древняя лабораторія алхимика, противъ нея—лабораторія Лавоазье, составленная изъ приборовъ, принадлежавшихъ знаменитому основателю новѣйшей химіи, а черезъ стѣну устроена новѣйшая современная химическая лабораторія. Тутъ же представлена исторія живописи небольшой коллекціей фресокъ и картинъ, написанныхъ по способу, который употреблялся до изобрѣтенія масляныхъ красокъ — красками, разбавленными растворомъ гумми-арабика въ водѣ. Между прочимъ тутъ виситъ интересный портретъ Клеопатры, найденный въ Египтѣ въ раскопкахъ. Портретъ удивительно хорошо сохранился, совершенно напоминаетъ картину изъ эпохи возрожденія. Надпись на дощечкѣ подъ портретомъ извѣщаетъ, что этотъ портретъ, вѣроятно, фигурировалъ въ тріумфѣ, устроенномъ Августу.

Особенно полны исторія типографіи и исторія гравюры. Тутъ можно видѣть всѣ типографскіе прессы и всѣ употреблявшіеся пріемы со времени изобрѣтенія книгопечатанія, а рядомъ разставлена бога-

тѣйшая коллекція гравюръ и всѣхъ родовъ литографій вмѣстѣ съ награвированными мѣдными досками и камнями, такъ что можно прослѣдить всѣ усовершенствованія, всѣ стадіи развитія, черезъ которыя прошли искусство гравированія и родственные съ нимъ пріемы для печатанія и воспроизведенія гравюръ, со времени ихъ изобрѣтенія и до нашихъ дней.

Интересна также коллекція средствъ для передвиженія, начиная отъ средневѣковыхъ носилокъ и колесницъ и кончая современнымъ экипажемъ, и исторія театра—коллекція старинныхъ афишъ, декорацій и вообще всѣхъ пріемовъ, употреблявшихся для произведенія театральныхъ эффектовъ [1]).

Вторая половина центральнаго нефа, ближе къ машинной галереѣ, занята выставками министерства внутреннихъ дѣлъ.

Министерство устроило здѣсь выставку тюрьмовѣденія. Во Франціи осужденные на заключеніе принуждены въ тюрьмѣ работать. Обыкновенно работы тюремныя сдаются разнымъ предпринимателямъ—переплетчикамъ, корзинщикамъ и т. д. Предприниматели доставляютъ арестантамъ матеріалъ и инструменты. Бо̀льшая часть заработной платы арестанта идетъ въ пользу администраціи, часть сохраняется для него и она ему выдается при выходѣ изъ мѣста заключенія. Цѣлый портикъ занятъ всевозможными работами, сдѣланными въ разныхъ центральныхъ тюрьмахъ: переплетными, столярными, портняжными и т. д. Рядомъ съ современнымъ тюрьмовѣденіемъ представлена исторія тюремъ. Тутъ, кромѣ древнихъ орудій пытки — цѣпей, скамьи для растягиванія, выставлена цѣлая коллекція фотографій и гравюръ, изображающихъ эти пытки и казни, и—что̀ еще любопытнѣе—коллекція средневѣковыхъ приговоровъ (и фотографій съ приговоровъ); между прочими нелѣпостями тутъ фигурируетъ приговоръ, которымъ свинья осуждена на повѣшеніе за то, что она съѣла ребенка.

II.

Противоположный портикъ, съ другой стороны центральнаго нефа, занятъ выставкой исправительныхъ земледѣльческихъ колоній.

Вопросъ объ исправленіи малолѣтнихъ преступниковъ занимаетъ во всѣхъ странахъ криминалистовъ и филантроповъ. Вездѣ признано, что исправлять дѣтей слѣдуетъ не принудительными мѣрами, а под-

[1]) Бо̀льшая часть этихъ коллекцій находится одновременно внизу и на верхнихъ галереяхъ дворца, но онѣ разставлены такъ, что обѣ части одной коллекціи—верхняя и нижняя—разставлены одна надъ другой.

ходящими воспитательными средствами, и во всѣхъ странахъ частная иниціатива и государственныя власти устроиваютъ спеціальныя школы для исправленія испорченныхъ дѣтей. По внутреннему содержанію, по духу, лучшими школами являются швейцарскія. Онѣ по виду очень скромны, не претендуютъ на роскошь, но нигдѣ, вѣроятно, дѣти не пользуются такою заботливостью наставниковъ, нигдѣ педагогическіе пріемы не примѣняются такъ цѣлесообразно, какъ въ Швейцаріи.

Во Франціи школы обставлены болѣе роскошно, но онѣ часто носятъ болѣе казарменный характеръ, и педагогика въ нихъ часто сводится къ строгимъ дисциплинарнымъ правиламъ. Тѣмъ не менѣе, судя по тому, что̀ можно видѣть на выставкѣ, въ общемъ исправительныя школы поставлены весьма недурно. Изъ находящейся въ отдѣлѣ этихъ школъ статистики можно видѣть, что въ настоящее время во Франціи имѣется 33 заведенія-школы или колоніи съ населеніемъ въ 4.500 мальчиковъ и 1.500 дѣвочекъ. Восемь изъ колоній принадлежитъ государству—6 для мальчиковъ и 2 для дѣвочекъ; всѣ остальныя устроены частными благотворителями, но онѣ находятся все-таки подъ присмотромъ тюремной администрація. Каждая колонія прислала планъ своего участка и фотографію или акварельный рисунокъ своего общаго вида, работы содержащихся въ ней воспитанниковъ и т. д. Въ бо̀льшей части колоній воспитанники занимаются, главнымъ образомъ, земледѣліемъ; въ нѣкоторыхъ они обучаются ремесламъ. Одна изъ государственныхъ исправительныхъ колоній, находящаяся на островѣ Belle-Ile [1]), является настоящей матросской школой. Туда посылаютъ дѣтей, выражающихъ желаніе быть моряками. Нѣкоторые ученики этой школы дошли даже до офицерскихъ чиновъ.

III.

Вся сторона верхняго этажа дворца либеральныхъ искусствъ, которая обращена къ Марсову полю, занята выставкой французскаго министерства народнаго просвѣщенія. Она обнимаетъ прежде всего три отдѣла: высшее, среднее и низшее образованіе. Кромѣ того тутъ нѣсколько залъ занято чрезвычайно интересными коллекціями, собранными разными учеными миссіями.

Тотъ, кто видѣлъ французскій школьный отдѣлъ на выставкѣ

---

[1]) У береговъ Бретани. Колонія поэтому называется „la colonie de Belle-Ile-en-Mer.

1878 года и кто видитъ этотъ же отдѣлъ теперь въ Palais des arts libéraux не можетъ не удивиться громаднымъ успѣхамъ, которые сдѣлало во Франціи народное образованіе на всѣхъ ступеняхъ. Десять лѣтъ тому назадъ движеніе въ пользу пересозданія всего школьнаго механизма только начиналось. Правда, въ концѣ имперскаго режима, въ 1869 году тогдашній министръ нар. просв., извѣстный историкъ и педагогъ Дюрюи (Duruy), стремился вывести Францію изъ того униженнаго положенія, въ которомъ она находилась, въ отношеніи народнаго образованія, сравнительно съ сосѣдними странами, и требовалъ между прочимъ учрежденія дарового и обязательнаго для всѣхъ первоначальнаго образованія. Война 1870 года помѣшала его желаніямъ осуществиться. Послѣ войны всѣ во Франціи поняли, что первымъ долгомъ страны, послѣ преобразованія арміи,—улучшить всю школьную систему, а главное, умножить число первоначальныхъ школъ, разлить просвѣщеніе въ возможно бо́льшемъ изобиліи въ народныхъ массахъ. Но ультра-консервативная палата, наступившія политическія распри, реакціи 24-го и 16-го мая задержали движеніе, замедлили его ходъ на цѣлыхъ семь лѣтъ. За это время введены были нѣкоторыя реформы въ университеты; улучшили нѣсколько ихъ матеріальную обстановку устройствомъ или преобразованіемъ лабораторій и кабинетовъ—учредили въ теоріи три факультета (медицинскіе въ Бордо, Ліонѣ, Лиллѣ); создали нѣсколько новыхъ каѳедръ и т. д. Въ среднемъ образованіи за это же время почти никакихъ перемѣнъ не произошло; только послѣ долгихъ споровъ и толковъ о важномъ педагогическомъ значеніи „des vers latins" [1]) (латинскихъ стиховъ) въ началѣ 1878 года нашли, что можно, пожалуй, быть баккалавромъ (получить аттестатъ зрѣлости) и безъ умѣнья сочинять латинскіе стихи,—и это упражненіе было исключено изъ программы. Либералы торжествовали,—точно они одержали великую побѣду. Въ дѣлѣ первоначальнаго образованія сдѣлано было много сравнительно съ бонапартовскимъ режимомъ, но весьма мало сравнительно съ тѣмъ, что̀ сдѣлано за послѣднія десять лѣтъ.

Настоящее обновленіе образовательныхъ учрежденій начинается съ 1878 года, со времени окончательнаго упроченія республиканскаго правленія.

Въ области высшаго образованія заслуга нынѣшняго режима заключается прежде всего въ усовершенствованіи, даже въ полномъ переустройствѣ всей матеріальной обстановки высшихъ учебныхъ

---

[1]) Упражненіе, имѣвшее цѣлью основательно изучить всѣ формы латинской версификаціи. Ученикамъ задавали на данную тему написать стихи данной конструкціи. Такое упражненіе существуетъ еще теперь на филологическихъ факультетахъ (facultés des lettres) и на нѣкоторыхъ конкурсахъ.

заведеній: построены новыя обширныя, болѣе удобныя, университетскія зданія; лабораторіи, кабинеты и библіотеки расширены или вновь созданы и приведены, благодаря хорошимъ помѣщеніямъ и прекраснымъ средствамъ, которыми ихъ снабжаютъ ежегодно, въ полное соотвѣтствіе со всѣми требованіями современной науки. Въ 1878 на выставкѣ можно было видѣть прекрасные проекты будущихъ факультетскихъ зданій въ видѣ архитектурныхъ чертежей, плановъ и гипсовыхъ слѣпковъ. На нынѣшней выставкѣ тоже висятъ планы и стоятъ слѣпки, но это ужъ не проекты, а дѣйствительность. Въ Бордо, Ліонѣ, Канѣ, Тулузѣ—новыя университетскія помѣщенія ни въ чемъ не уступаютъ хорошимъ германскимъ и—это мы можемъ сказать по личному опыту—несравненно выше англійскихъ въ смыслѣ удобствъ научныхъ. Чтобы понять духовныя, такъ сказать, улучшенія въ области просвѣщенія, считаемъ нелишнимъ объяснить вкратцѣ административный механизмъ народнаго образованія во Франціи.

IV.

Слово *университетъ* административно понимается здѣсь совершенно иначе, нежели у насъ, и означаетъ совсѣмъ другое понятіе: у насъ—это совокупность четырехъ факультетовъ (съ ихъ подраздѣленіями) въ одномъ заведеніи; здѣсь—это совокупность *всѣхъ учебныхъ заведеній въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія*. Послѣдній народный учитель въ самой глухой деревушкѣ и профессоръ въ Collége de France — одинаково члены университета, des membres de l'université. Состоять въ университетѣ, поступить въ университетъ (être dans l'univ., entrer dans l'un.) по-французски — значитъ имѣть должность, учебную или административную, въ министерствѣ просвѣщенія, или поступить на должность,—а вовсе не значитъ поступить въ университетъ для слушанія лекцій.

Во главѣ университета стоитъ министръ, котораго иногда, по-старинному, называютъ le Grand-Maître de l'université (гроомейстеръ). Университетъ дѣлится на академіи (учебные округа) и во главѣ каждой академіи стоитъ ректоръ (попечитель). Въ парижской академіи имѣется только вице-ректоръ, такъ какъ званіе ректора этой академіи соединено съ титуломъ Grand-Maître, такъ что, оффиціально, ректоромъ парижской академіи является самъ министръ. При министерствѣ состоитъ высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія (le conseil supérieur de l'instruction publique), въ обязанности котораго входятъ составленіе учебныхъ программъ и регламентовъ, указаніе кандидатовъ на каѳедры; онъ же является высшей административно-судебной

инстанціей по всѣмъ вопросамъ школьной дисциплины. До 1880 года члены совѣта назначались правительствомъ. По закону 27-го февраля 1880 года совѣтъ состоитъ изъ 57 членовъ, изъ которыхъ 13 назначаются президентомъ республики, а остальные 44 выбираются различными школьными и высшими научными учрежденіями на 4 года. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ каждому предмету присвоены одинъ или два представителя, которые и выбираются всѣми преподавателями этого предмета во всей Франціи.

Въ каждомъ департаментѣ помимо всей школьной администраціи, которая существуетъ и у насъ, имѣется окружной инспекторъ (inspecteur d'Académie), которому принадлежитъ главнымъ образомъ надзоръ за матеріальной обстановкой школъ. Высшій надзоръ за школами, за преподаваніемъ и за успѣхами учениковъ ввѣренъ особому институту главныхъ инспекторовъ (inspecteurs généraux), которые раздѣляются на три группы, по тремъ степенямъ образованія: высшаго [1]), средняго и низшаго. Инспектора состоятъ при министерствѣ и каждый объѣзжаетъ ежегодно извѣстную область Франціи (двѣ или три академіи), о которой онъ и составляетъ отчетъ. На должность главныхъ инспекторовъ назначаются обыкновенно заслуженные труженики на поприщѣ общественнаго просвѣщенія: лучшіе педагоги, лучшіе парижскіе учителя, знаменитые профессора,—эта должность является всегда наградой за хорошо выполненную учебную карьеру или за большія педагогическія заслуги. Для средне-образовательныхъ школъ главные инспектора раздѣляются по группамъ преподающихся предметовъ. Такъ имѣются три инспектора для физики, три для математики, два для географіи, три или четыре для французской литературы, и каждый инспекторъ—непремѣнно спеціалистъ, т.-е. бывшій учитель того предмета, за преподаваніемъ котораго ему довѣренъ надзоръ; инспектируетъ онъ не только само заведеніе и учениковъ, вызывая ихъ и задавая имъ вопросы, но и самихъ учителей, т.-е. всегда присутствуетъ при изложеніи хоть одного урока учителемъ.

Замѣтимъ, что всѣ назначенія на должности (за исключеніемъ народныхъ учителей) исходятъ отъ министра, который *легально* полновластенъ и можетъ не руководствоваться представленіями, на которыя по закону имѣютъ право отдѣльныя корпораціи. Даже въ Парижѣ, гдѣ практикой и обычаемъ установлено назначать въ профессора кандидатовъ, рекомендованныхъ факультетами, министръ, несмотря

---

[1]) Года два тому назадъ бюджетная коммиссія палаты депутатовъ вычеркнула изъ бюджета содержаніе инспекторовъ (5-хъ) высшаго образованія, чѣмъ уничтожила самую должность и званіе. Съ тѣхъ поръ министръ ежегодно хлопочетъ о возстановленіи сокращенной смѣты. Но до сихъ поръ ему еще не удалось убѣдить бюджетную коммиссію.

на значеніе парижскихъ факультетовъ, можетъ все-таки назначить своего кандидата, и такіе примѣры хотя очень рѣдки, но все-таки случаются.

Такимъ образомъ французскій университетъ является учрежденіемъ сильно централизованнымъ, какъ всѣ административныя учрежденія Франціи, со всѣми степенями іерархіи, созданной почти на военный образецъ, въ которой видна рука ея основателя—Наполеона I.

Несмотря на такую централизацію, корпоративный духъ въ университетѣ держится очень сильно, благодаря общности происхожденія всѣхъ его членовъ и общности интересовъ. Какъ мы уже указали, на всѣ высшія должности избираются люди изъ среды самого университета; о низшихъ, даже административныхъ должностяхъ—инспекторовъ народныхъ школъ, окружныхъ инспекторовъ—и говорить нечего. Единственное исключеніе составляетъ министръ,—онъ не всегда компетентенъ въ вопросахъ народнаго образованія и очень рѣдко самъ, раньше своего назначенія, принадлежалъ къ университету: парламентскій режимъ требуетъ, чтобы министерскіе посты ввѣрялись политическимъ дѣятелямъ; поэтому любой депутатъ можетъ быть министромъ. Къ счастью министры, особенно министры народнаго просвѣщенія, отстаиваютъ только то, чего требуютъ директора департаментовъ, а послѣдніе всегда люди очень компетентные—выдающіеся университетскіе дѣятели. Впрочемъ безъ согласія высшаго совѣта онъ никакихъ крупныхъ реформъ предпринять не можетъ.

Благодаря строгой разборчивости, съ которой набираются его члены, тѣмъ условіямъ, которымъ они должны удовлетворять (на всѣ учительскія мѣста попадаютъ только послѣ строгаго конкурса), университетъ, несмотря на господствующій въ немъ въ значительной степени духъ рутины,—что̀ неизбѣжно во всякой сильно централизованной корпораціи,—представляетъ самое почтенное учрежденіе во Франціи. Со времени его основанія онъ всегда, во времена самыхъ сильныхъ реакцій, оставался хранителемъ очень широкаго, хотя и умѣреннаго либерализма. Въ радикализмъ онъ никогда не вдавался и—къ чести его должно быть сказано—въ послѣднее время, когда, подъ давленіемъ этого радикализма, всеразлагающій политическій фаворитизмъ наводнилъ всѣ безъ исключенія французскія государственныя учрежденія, университетъ одинъ остался чуждъ этой заразы, одинъ устоялъ противъ приступа радикальныхъ политикановъ, несмотря даже на ультра-радикальнаго министра, г. Локруа, котораго полнѣйшее невѣжество въ дѣлѣ народнаго оброзованія, впрочемъ, не разъ проявилось самымъ блестящимъ образомъ на трибунѣ парламента. Въ послѣднія десять лѣтъ нельзя даже жаловаться на рутинность уни-

верситета: всѣ новѣйшія реформы, на всѣхъ ступеняхъ общественнаго образованія, исходили отъ самого университета, главными иниціаторами всѣхъ преобразованій явились люди, воспитанные въ его духѣ.

V.

При такомъ понятіи объ университетѣ, какъ учрежденіи, неудивительно, если во многихъ городахъ, въ центрахъ учебныхъ округовъ долго существовали, и теперь еще существуютъ отдѣльные факультеты, — по одному, по два или по три. Напр. въ Лиллѣ долгое время былъ „научный" (физико-мат.) факультетъ, а въ Дуэ—другомъ городѣ того же департамента (Nord), былъ историко-филологическій (faculté des lettres). До войны во всей Франціи было только два, въ нашемъ смыслѣ, полныхъ университета, т.-е. со всѣми факультетами: въ Парижѣ и Страсбургѣ. Но и въ Парижѣ, и въ Страсбургѣ между отдѣльными факультетами никакой связи не было: то были просто отдѣльныя высшія школы. Послѣ войны страсбургскіе факультеты перенесены были въ Нанси, и все оставалось въ прежнемъ положеніи. Сильная централизація всего административнаго механизма Франціи стягивала въ теченіе цѣлаго вѣка всю государственную и умственную жизнь въ столицу. Съ теченіемъ времени Парижъ сталъ Франціей, провинція совсѣмъ заглохла. Кромѣ Страсбурга и Монпелье, гдѣ всегда былъ довольно извѣстный медицинскій факультетъ (одинъ изъ трехъ, которые существовали во Франціи до войны), дѣятельность всѣхъ другихъ провинціальныхъ факультетовъ проявлялась почти исключительно только тѣмъ, что въ извѣстныя сессіи, три раза въ годъ, они экзаменовали молодыхъ людей, желавшихъ получить степень баккалавра наукъ (bachelier ès sciences) или баккалавра литературы (bachelier ès lettres) [1]). Впрочемъ она съ трудомъ могла бы проявиться иначе: матеріальная обстановка даже парижскихъ факультетовъ была крайне недостаточна, а въ провинціи ничего не было: ни лабораторій, ни кабинетовъ, ни порядочныхъ библіотекъ, такъ что заниматься тамъ научными изслѣдованіями было нелегко. Вдобавокъ въ провинціальныхъ факультетахъ слушателей почти совсѣмъ не было; не для кого было и лекціи читать.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда началось движеніе въ пользу переустройства школъ, рѣшено было оживить умственную дѣятельность большихъ провинціальныхъ городовъ основаніемъ нѣ-

[1]) Во Франціи еще до сихъ поръ экзамены на степени баккалавра (на аттестатъ зрѣлости) производится въ факультетахъ профессорами. Ежегодно бываютъ три экзаменаціонныя сессіи: въ іюлѣ, ноябрѣ и въ началѣ мая (послѣ пасхи).

скольких больших университетских центров съ полным числом факультетовъ. Такими центрами стали Ліонъ, Бордо и Лилль [1]). Такъ что съ начала нынѣшняго десятилѣтія во Франціи имѣется шесть полныхъ и прекрасно обставленныхъ университетовъ [2]). Кромѣ того въ четырехъ городахъ (Тулузѣ, Марсели, Греноблѣ, Пуатье) имѣются по три факультета. Но до послѣдняго времени факультеты продолжали оставаться безъ внутренней связи между собою. Только года четыре тому назадъ учреждены были во всѣхъ университетскихъ городахъ „общіе совѣты факультетовъ" (conseils généraux des facultés), что придало ихъ совокупности характеръ настоящихъ университетовъ въ германскомъ смыслѣ этого слова. Одновременно факультетамъ присвоено право „гражданской личности", такъ что они могутъ получать пожертвованія, наслѣдства и т. д. Кромѣ того, улучшеніемъ положенія провинціальныхъ учителей и учрежденіемъ государственныхъ стипендій въ провинціальныхъ факультетахъ туда привлекли значительное количество слушателей.

Совокупность этихъ мѣръ, которыя всѣ были задуманы и выполнены за послѣднія десять, даже девять лѣтъ, очень благотворно отразилась на научной жизни провинціальныхъ университетовъ, которые въ настоящее время во многихъ отношеніяхъ нисколько не уступаютъ парижскому, даже часто съ успѣхомъ конкуррируютъ съ нимъ. Медики, напр., знаютъ, что сравнительно новый ліонскій медицинскій факультетъ уже не уступаетъ парижскому. Такая децентрализація науки въ свою очередь чрезвычайно благодѣтельно отозвалась на умственной жизни большихъ провинціальныхъ городовъ. Въ настоящее время сказать, что Парижъ — Франція, будетъ большимъ парадоксомъ. Это никогда не было вѣрно, а теперь еще меньше, чѣмъ когда-либо.

Плоды всѣхъ улучшеній въ высше-образовательныхъ школахъ можно видѣть на выставкѣ, гдѣ многія лабораторіи выставили въ спеціальныхъ витринахъ изобрѣтенные въ нихъ приборы, изученныя или собранныя работающими въ нихъ учеными коллекціи, печатныя работы, выполненныя въ нихъ и т. д. Нѣкоторыя лабораторіи, какъ физіологическая изъ „Collége de France" или сорбонская физическая съ особеннымъ кокетствомъ выставляютъ приборы въ томъ самомъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ они употреблялись при изслѣдованіяхъ [3]).

[1]) Туда недавно перенесли факультетъ изъ Дуэ.

[2]) Въ Парижѣ, Монпелье, Нанси, Ліонѣ, Бордо и Лиллѣ.

[3]) Ученые, занимающіеся опытными науками, обыкновенно начинаютъ изслѣдованія съ приборами очень примитивными, большею частію сдѣланными ими же или простымъ мастеромъ. Къ спеціалистамъ-конструкторамъ они обращаются только когда требуются точные измѣрительные приборы или трудно-выполнимые аппараты.

VI.

Въ области средняго образованія, реформы, осуществленныя за послѣднія десять лѣтъ, коснулись не одной только матеріальной обстановки средне-учебныхъ заведеній, увеличенія ихъ числа, улучшенія помѣщеній; онѣ проникли гораздо глубже, захвативъ программы преподаванія, которыя были существенно измѣнены.

Борьба между новѣйшимъ, болѣе научнымъ направленіемъ въ среднемъ образованіи—и классическимъ, между реализмомъ и классицизмомъ, какъ сказали бы у насъ, велась во Франціи и продолжаетъ вестись очень оживленно, и, судя по тѣмъ результатамъ, которые уже теперь получены, она неминуемо приведетъ къ полному пораженію классицизма,—и это случится, вѣроятно, въ очень близкомъ будущемъ. Чтобы дать представленіе о значеніи уже выполненныхъ реформъ и тѣхъ, которыя еще ожидаются, считаемъ необходимымъ изложить вкратцѣ организацію средне-образовательныхъ школъ. Эти школы называются коллегіями (collèges), когда онѣ въ матеріальномъ отношеніи зависятъ отъ муниципалитетовъ (онѣ поэтому называются collèges communaux),—лицеями (lycées), когда онѣ въ полномъ вѣденіи государства. И тѣ, и другія даютъ общее образованіе и готовятъ къ степени баккалавра, которую даетъ уже факультетъ. Но лицеи имѣютъ еще одну функцію, которая ихъ собственно и отличаетъ отъ коллегій. Нужно знать, что во Франціи существуетъ нѣсколько школъ, такъ-называемыхъ „государственныхъ" (écoles du gouvernement), потому что всѣ воспитанники по выходѣ изъ нихъ поступаютъ на государственную службу; таковы: политехническая школа, военная сенъсирская школа, высшая нормальная школа (для образованія учителей лицеевъ, соотвѣтствуетъ педагогическому институту) и др.

Въ эти школы по одному баккалаврскому диплому (аттестату зрѣлости) еще поступить нельзя; нужно, кромѣ того, выдержать конкурсный экзаменъ по особой программѣ, которая по содержанію гораздо обширнѣе—особенно для политехнической и высшей нормальной школы—программы баккалаврскаго экзамена. Въ лицеяхъ существуютъ поэтому спеціальные классы, въ которыхъ и приготовляютъ молодыхъ людей къ указаннымъ конкурсамъ. Такихъ классовъ въ коллегіяхъ нѣтъ. Но какъ общеобразовательныя заведенія, коллегіи и лицеи по своимъ программамъ совершенно тождественны. Въ каждомъ такомъ заведеніи имѣется 10 литературныхъ классовъ (classes de lettres) и 2 научныхъ класса (classes de sciences). Воспитанникъ обыкновенно проходитъ прежде всѣ литературные классы—начиная съ семилѣтняго возраста; въ нихъ онъ главнымъ обра-

зомъ изучаетъ отечественную литературу, классическіе языки, исторію, географію и одинъ иностранный языкъ, — и въ концѣ этого курса держитъ экзаменъ на степень баккалавра литературы (bachelier ès lettres). Этотъ дипломъ даетъ молодому человѣку право поступить на юридическій, на историко-филологическій факультетъ и онъ же требуется для медицинскаго факультета. Если прибавить, что во Франціи баккалавръ считается человѣкомъ вполнѣ окончившимъ свое образованіе и можетъ прямо вступить въ жизнь, не рискуя быть названнымъ недоучкой, чтó еще очень недавно (даже еще и теперь въ крайне, правда, рѣдкихъ случаяхъ) онъ могъ сдѣлаться учителемъ въ collége, то будетъ понятно, что большинство молодыхъ людей этими литературными классами и ограничивается и въ научные не поступаетъ. Въ послѣдніе поступаютъ только тѣ, которые готовятся въ правительственныя школы или на физико-математическій факультетъ,—словомъ, въ тѣ заведенія, гдѣ проходятся естественныя и математическія науки,— и поступаютъ они туда часто уже по полученіи степени баккалавра литературы, хотя имъ и предоставляется право переходить въ эти научные классы, не окончивъ всего литературнаго курса,—изъ любого изъ литературныхъ классовъ послѣ четвертаго. Научные классы, въ которыхъ проходятъ физику, химію и математику въ объемѣ нѣсколько большемъ нашего гимназическаго курса, завершаются новою степенью баккалавра наукъ (bachelier ès sciences).

До 1880 года въ литературныхъ классахъ хотя и проходились и естествознаніе, и математика, и даже на баккалаврскомъ экзаменѣ было *устное* испытаніе изъ этихъ предметовъ, но они преподавались въ такомъ незначительномъ объемѣ и такъ мало ихъ требовалось на устномъ испытаніи, что на дѣлѣ познанія баккалавровъ въ названныхъ предметахъ сводились къ нулю. Даже между учениками лицеевъ считалось почтенною храбростью, своего рода ухарствомъ, выдержать экзаменъ на баккалавра, не умѣя сдѣлать простое дѣленіе или не зная, чтò такое кислородъ. Слѣдствія такого исключительно классически-литературнаго воспитанія получились весьма любопытныя: во французскомъ обществѣ вы сплошь и рядомъ встрѣчаете людей весьма образованныхъ, хорошо знающихъ свою литературу (чужую французы вообще рѣдко знаютъ),—литературное образованіе въ лицеяхъ дается дѣйствительно прекрасное, — любящихъ искусства, и въ то же время поражающихъ своимъ невѣжествомъ, какъ только вы касаетесь самыхъ элементарныхъ научныхъ понятій. Не менѣе удивляетъ васъ полное невѣжество массы образованнаго французскаго общества относительно французскихъ же ученыхъ. Имя какого-нибудь неважнаго литератора или средней руки живописца

гораздо болѣе извѣстно, даже среди людей очень образованныхъ, чѣмъ имя первоклассного химика, который составляетъ гордость страны. Вообще во французскомъ обществѣ литература уважается гораздо больше наукъ,—„безсмертные“ академики французской академіи въ общественномъ мнѣніи стоятъ выше членовъ академіи наукъ. Другимъ слѣдствіемъ такой системы образованія явилось чрезмѣрное развитіе бюрократизма.

Нужно еще прибавить, что помимо классическаго образованія,—куда относятся и научные классы лицеевъ, такъ какъ для степени баккалавра наукъ тоже требуется знаніе латинскаго (но не греческаго) языка, только въ меньшей степени, чѣмъ для баккалавра литературы, — существуетъ еще во Франціи такъ-называемое *спеціальное* обученіе (enseignement spécial), соотвѣтствующее нашему реальному,—только оно не дается въ особыхъ заведеніяхъ, а въ тѣхъ же лицеяхъ, гдѣ дается и классическое образованіе.

Въ провинціальныхъ и въ двухъ или трехъ парижскихъ лицеяхъ имѣются классы (6) безъ классическихъ языковъ, гдѣ проходится приблизительно общеобразовательный курсъ нашихъ реальныхъ училищъ. Въ общественномъ мнѣніи этотъ родъ образованія стоитъ гораздо ниже классическаго. До очень недавняго времени оно не вело къ степени баккалавра, столь уважаемой во французской буржуазіи,—особенно матерями; оно завершалось только свидѣтельствомъ, которое не давало никакихъ правъ, такъ что въ „enseignement spécial“ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, особенно до 1880 года, поступали молодые люди, оказавшіеся неспособными къ классическому образованію; туда перебирались подонки классическихъ классовъ. Самый персоналъ учителей „спеціальнаго курса“ по своему положенію въ университетѣ [1]) стоитъ ниже учителей классическаго образованія, а до недавняго времени разница распространялась и на матеріальное положеніе обоихъ родовъ учителей. Неудивительно, если при такомъ подборѣ и учениковъ, и учителей „спеціальное образованіе“ давало плохіе результаты, и съ теченіемъ времени явилось общераспространенное, даже между педагогами, мнѣніе, что реальное (спеціальное) образованіе хуже развиваетъ умственныя способности воспитанниковъ, чѣмъ классическое: виноватъ былъ не родъ образованія, а подборъ воспитанниковъ.

---

[1]) Во мнѣніи своихъ товарищей по классическому образованію.

VII.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ французскіе реалисты, которые уже со времени войны не переставали требовать коренныхъ реформъ въ среднемъ образованіи, получили возможность громче заявить свои требованія. Министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлался Ферри, человѣкъ—что бы ни говорили его враги—прогресса и большой энергіи, съумѣвшій вдобавокъ окружить себя людьми самыми компетентными въ дѣлѣ народнаго образованія.

Жалобы на крайній классицизмъ посыпались со всѣхъ сторонъ; заговорили даже сразу о необходимости его полнаго уничтоженія и замѣны новою системой, болѣе соотвѣтствующей требованіямъ современной жизни. Классики, предвидя опасность, сами благоразумно уступили, правда, не безъ горечи,—раздавались даже зловѣщія предсказанія объ угрожающей французской литературѣ опасности, — но уступили.

Сначала измѣнены были программы литературныхъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, уменьшено число уроковъ латинскаго и греческаго языковъ и введено во всѣ классы преподаваніе естествознанія и математики въ сравнительно широкихъ размѣрахъ. Программы этихъ предметовъ составлены очень методично, по тремъ концентрическимъ цикламъ, и выполняются строго: на баккалаврскомъ экзаменѣ одно изъ *письменныхъ* испытаній посвящено естественнымъ наукамъ и математикѣ.

Но на этомъ реалисты не остановились. Они стали добиваться улучшенія „спеціальнаго" образованія и уравненія его въ правахъ съ классическимъ. Тутъ борьба была весьма упорная. Классики высшаго совѣта, отъ котораго зависитъ измѣненіе программъ, ни за что не соглашались поставить „спеціальное" образованіе на одинъ уровень съ классическимъ и по причинѣ весьма понятной: въ тотъ день, когда рядомъ съ классическими заведеніями будутъ другія, совершенно съ ними равноправныя, но безъ классическихъ языковъ, основанныя на болѣе современныхъ началахъ, большинство учениковъ покинетъ классицизмъ и перейдетъ въ новыя заведенія. Борьба длилась лѣтъ пять и въ концѣ концовъ реалисты и тутъ одержали верхъ: спеціальное образованіе много улучшили; усилили значительно литературную часть, ввели два новыхъ языка (вмѣсто одного), а преподаваніе чистыхъ наукъ поставлено даже выше, нежели въ научныхъ классахъ классическихъ лицеевъ. Но самой важной реформой въ этомъ направленіи было учрежденіе новой степени баккалавра

„спеціальнаго" образованія (bachelier de l'enseignement spécial), которой присвоены тѣ же права, какъ и „баккалавру наукъ".

Вопросъ о преобразованіи средняго образованія на дняхъ обсуждался на международномъ конгрессѣ высшаго и средняго образованія.

Въ конгрессѣ подъ предсѣдательствомъ вице-ректора парижской академіи, извѣстнаго педагога г. Греара, участвовали ученыя и педагогическія знаменитости всѣхъ странъ и, несомнѣнно, всѣ засѣдавшіе на конгрессѣ ученые не только получили классическое образованіе, но большинство изъ нихъ—юристы и историки, уже въ силу своей спеціальности должны были явиться защитниками классицизма. Тѣмъ не менѣе никто не отстаивалъ его правъ; напротивъ, всѣ сошлись на необходимости устроить рядомъ со старымъ классическимъ образованіемъ новое, съ нимъ вполнѣ равноправное и основанное на изученіи естествознанія, математики и новыхъ языковъ, взамѣнъ классическихъ.

Интересную рѣчь произнесъ по этому поводу г. Стэнли (Stanley), предсѣдатель лондонскаго школьнаго комитета. По его мнѣнію, мы совершенно удалились отъ принциповъ эпохи возрожденія, когда началось изученіе древнихъ языковъ. Въ то время направленіе было научное, и классическіе языки изучались какъ средство для ознакомленія съ древними философами и съ тогдашней наукой, которая была изложена на этихъ языкахъ. Кромѣ того, новыхъ литературъ тогда не существовало, и для литературнаго образованія невольно приходилось обращаться къ древнимъ. Въ наше время намъ нѣтъ надобности прибѣгать къ нимъ; въ отечественной литературѣ каждаго цивилизованнаго народа имѣются всѣ элементы, необходимые для литературнаго развитія молодыхъ поколѣній. По мнѣнію г. Стэнли, новыя литературы гораздо болѣе классическихъ способны развивать умъ, такъ какъ въ нихъ, кромѣ идей, которыя мы находимъ въ древнихъ литературахъ, заключаются еще тѣ новыя идеи, которыя каждый народъ внесъ въ свою литературу, и выражены онѣ съ не меньшей силой и не меньшей красотой, чѣмъ у древнихъ.

Конгрессъ послѣ весьма интересныхъ дебатовъ, постановилъ, что слѣдуетъ устроить три типа средняго образованія: *классическое греко-латинское* (enseignement classique gréco-latin), *гуманно-латинское* (humanités latines) и *новѣйшее среднее образованіе* (enseignement secondaire moderne).

Конгрессъ раздѣленъ былъ на двѣ секціи: одна занималась среднимъ образованіемъ, другая—высшимъ, и обѣ соединялись на общихъ собраніяхъ.

Секція высшаго образованія приняла рѣшенія по тремъ весьма важнымъ вопросамъ.

Первое касается вопроса о международной равноправности аттестатовъ зрѣлости. Фактически въ нѣкоторыхъ странахъ эта равноправность существуетъ, только не въ формѣ права, а въ формѣ, скорѣе, милости. Во Франціи свидѣтельства, выдаваемыя по окончаніи курса средне-учебнаго заведенія (наши и нѣмецкіе аттестаты зрѣлости, бельгійскіе и швейцарскіе баккалаврскіе дипломы) всегда признаются министромъ народнаго просвѣщенія „равносильными" (équivalents) французскому баккалаврскому диплому, только подъ условіемъ уплаты за „équivalence" той суммы (100 фр.), въ которую обходится названный дипломъ французу [1]). Конгрессъ рѣшилъ, что слѣдуетъ вообще установить международную равноправность дипломовъ или свидѣтельствъ, констатирующихъ окончаніе курса наукъ, требуемыхъ для поступленія въ высшія учебныя заведенія. Такимъ образомъ, плата за „équivalence" вѣроятно будетъ во Франціи уничтожена.

Вторымъ рѣшеніемъ конгрессъ постановилъ, что слѣдуетъ рекомендовать, какъ полезную международную мѣру, доставленіе студентамъ права „отбывать" часть своего школьнаго времени въ заграничныхъ университетахъ.

Третье рѣшеніе конгресса касается международной равноправности дипломовъ вообще. Постановлено, что слѣдуетъ, по разсмотрѣніи бумагъ, и безъ различія національности, признать международную равноправность за экзаменаціонными свидѣтельствами и степенями, съ точки зрѣнія только научной (а не профессіональной) и какъ условія для достиженія высшей степени.

Такимъ образомъ, конгрессъ—одинъ изъ немногихъ, который представлялъ дѣйствительный интересъ—принялъ три рѣшенія, клонящіяся всѣ къ установленію международныхъ умственныхъ сношеній.

Во всей Европѣ въ настоящее время имѣется вполнѣ выработанный общій типъ средне-учебныхъ заведеній, и каковы бы ни были ихъ названія въ различныхъ странахъ, въ существенныхъ чертахъ програмы вездѣ однѣ и тѣ же. Поэтому сравнить програмы отдѣльныхъ заведеній, по нашему мнѣнію, не представляетъ большого интереса: легкія варіаціи въ числѣ часовъ, посвященныхъ тому или

---

[1]) Сумма, правда, зависитъ отъ факультета, на который проситель желаетъ поступить. Для изученія медицины отъ француза требуются два диплома: баккалавра литературы и баккалавра наукъ, съ ограниченіемъ математической части, и въ общей сложности „équivalence" этихъ дипломовъ обходится въ 170 фр. Но особенно дорого обходится иностранному доктору медицины, желающему получить французскую степень, необходимую для права практики. Ему обыкновенно разрѣшаютъ передержать 4 послѣднихъ экзамена (всѣхъ 6), но онъ долженъ уплатить не только за экзамены, которые онъ держитъ (каждый экзаменъ обходится въ 110 фр.), но и за тѣ, отъ которыхъ его освободили, даже за баккалаврскіе дипломы, и за право пользоваться библіотекой въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Въ общей сложности это обходится около 1.500 фр.

другому предмету, еще не измѣняетъ существенно характера школы. Намъ гораздо интереснѣе показалось сравнить учебники, въ которыхъ несомнѣнно отражается характеръ метода преподаванія. Въ этомъ отношеніи сѣверо-американскіе учебники, въ какой бы школѣ они ни употреблялись, рѣзко отличаются отъ европейскихъ, особенно отъ французскихъ. На континентѣ преобладающій характеръ учебниковъ —аналитическій и мало практическій; все излагается ясно, съ большимъ количествомъ объясненій теоретическихъ, но въ нихъ не видно никакой мысли о практической цѣли той или другой науки. Типомъ могутъ служить французскіе учебники—всегда чрезвычайно ясные, не оставляющіе ничего безъ объясненія, хотя иногда нѣсколько рутинные. Американскій учебникъ прежде всего поражаетъ васъ новизной; вы чувствуете, что у американцевъ нѣтъ традиціи, что они берутъ все новое; ils sont modernes—сказали бы французы. Самый элементарный учебникъ физики начинается изложеніемъ принципа сохраненія силъ, учебникъ зоологіи сразу придерживается новѣйшей системы, и при этомъ вездѣ чувствуется духъ практичности; формулы часто даются безъ объясненія, безъ теоретической установки, но за то тотчасъ указываются ихъ практическія примѣненія. Побесѣдуйте съ американскимъ инженеромъ, напр. электрикомъ—онъ васъ поражаетъ знаніемъ наизусть безчисленнаго множества формулъ, съ которыми онъ обращается какъ съ таблицей умноженія, но вы можете быть увѣрены, что онъ строго научно ихъ установить не умѣетъ. Но онъ въ этомъ не чувствуетъ надобности, его умъ совершенно примиряется съ готовыми заученными формулами. Мы думаемъ, что подобная система не можетъ способствовать развитію высшаго образованія, и оно у американцевъ дѣйствительно стоитъ очень низко. У нихъ прекрасныя начальныя и среднія школы, но ихъ университеты иногда ниже французскихъ лицеевъ.

VIII.

Первоначальное народное образованіе представлено на выставкѣ очень широко: оно фигурируетъ въ отдѣлахъ всѣхъ народовъ, участвующихъ въ выставкѣ; всѣ какъ бы пожелали похвалиться своею заботливостью о народномъ образованіи и показать, до какихъ результатовъ они дошли въ этомъ дѣлѣ. Сѣверо-американскіе Штаты, Финляндія (да, маленькая Финляндія занимаетъ въ дѣлѣ народнаго образованія одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ и, не въ обиду будь сказано коммиссарамъ и экспонентамъ нашего отдѣла, эта же маленькая Финляндія устроила въ отдѣльномъ, очень красивомъ, деревянномъ

павильонѣ финляндской архитектуры собственную выставку, которая, по порядку, чистотѣ и изяществу затмѣваетъ нашъ отечественный промышленный отдѣлъ), Швеція, Швейцарія, Данія, Бельгія и Франція отвели своимъ народнымъ школамъ въ Palais des arts libéraux, или въ отдѣльныхъ павильонахъ, очень почетныя мѣста, и по этимъ коллекціямъ и сопровождающимъ ихъ статистическимъ отчетамъ можно составить себѣ весьма ясное представленіе о положеніи первоначальнаго народнаго образованія въ разныхъ странахъ.

По сравненію съ выставкой 1878 народно-образовательный отдѣлъ, взятый во всей совокупности, представляетъ одну замѣчательную реформу: это—введеніе ручного труда въ учебныя программы элементарныхъ школъ. Всѣ страны выставили очень интересные образчики дѣтскихъ школьныхъ работъ. На нашъ взглядъ, новый предметъ обученія лучше всего идетъ въ Финляндіи, Швейцаріи и нѣкоторыхъ частяхъ Франціи.

Инициатива введенія ручного труда въ начальныя школы принадлежитъ, какъ извѣстно, шведскому педагогу Отто Саломону. Его идея скоро распространилась во всемъ педагогическомъ мірѣ, и въ настоящее время нѣтъ страны, гдѣ бы вопросъ о ручномъ трудѣ въ начальныхъ школахъ не былъ на очереди. Всѣ теоретическія и практическія формы этого вопроса сводятся къ двумъ общимъ системамъ: одну можно назвать *экономической*, другую—*педагогической*. Приверженцы первой системы смотрятъ на дѣло съ чисто экономической точки зрѣнія и полагаютъ, что въ школѣ помощью ручного труда должно стараться проявить тѣ или другія спеціальныя способности учениковъ и дать имъ, насколько возможно, полную ремесленную подготовку, согласно ихъ прирожденнымъ наклонностямъ, такъ, чтобы по выходѣ изъ школы они могли немедленно или черезъ небольшой промежутокъ времени обезпечить себѣ средство къ существованію. Приверженцы второй системы смотрятъ на ручной трудъ исключительно какъ на воспитательный пріемъ, могущій развить ловкость руки, глазомѣръ, вкусъ къ труду, упражнять и развить въ сильной степени внимательность, воспріимчивость и сообразительность учениковъ.

Французскіе педагоги, занимающіеся этимъ вопросомъ, какъ гг. Лебланъ, Салисисъ (Salicis), Филиппонъ, люди вполнѣ посвятившіе себя дѣлу народнаго воспитанія, на которыхъ возложена была организація новаго предмета обученія въ школахъ, придерживаются педагогической системы, хотя г. Лебланъ, самый, можетъ быть, дѣятельный изъ французскихъ педагоговъ, занимающихся народной школой, допускаетъ возможность дать ручному труду нѣкоторое профессіональное направленіе въ старшихъ классахъ, начиная съ десяти-

лѣтняго возраста дѣтей. Онъ проповѣдуетъ поэтому устройство при городскихъ школахъ мастерскихъ, въ которыхъ дѣти познакомились бы съ работами по дереву и металламъ, а при деревенскихъ—устройство спеціальнаго сада, съ грядками для опытнаго обученія (вліяніе различныхъ сортовъ удобренія, развитіе и проростаніе различныхъ злаковъ и т. д.).

Собравшійся на дняхъ международный конгрессъ первоначальнаго образованія долго разбиралъ вопросъ о профессіональномъ обученіи въ начальныхъ школахъ и наконецъ громаднымъ большинствомъ высказался за педагогическую систему обученія ручному труду, постановивъ, что профессіональное образованіе несовмѣстимо съ первоначальнымъ обученіемъ въ низшихъ школахъ.

Нигдѣ народная школа не сдѣлала такихъ большихъ успѣховъ за послѣднія десять лѣтъ, какъ во Франціи, и этотъ фактъ является новымъ доказательствомъ рѣдкой даровитости французской расы. Французы временами долго остаются на одномъ мѣстѣ, даже могутъ нѣсколько отстать отъ своихъ сосѣдей. Но стоитъ имъ приняться за что-нибудь энергично—они быстро завоевываютъ себѣ первое мѣсто.

За послѣднія десять лѣтъ народная школа сдѣлалась во Франціи обязательной, даровой и свѣтской. Въ 1878 году французскія начальныя школы были хуже швейцарскихъ и бельгійскихъ. Въ настоящее время онѣ не только сравнялись съ лучшими европейскими школами вообще, но во многихъ отношеніяхъ даже ихъ превзошли. Закономъ 25-го марта 1882 года ручной трудъ сдѣланъ обязательнымъ предметомъ въ народныхъ школахъ и учительскихъ институтахъ, и въ настоящее время во Франціи имѣется уже 12.649 школъ, въ которыхъ обученіе ручному труду ведется хорошо. Изъ нихъ въ 649 имѣются хорошо устроенныя мастерскія.

IX.

Кромѣ первоначальныхъ школъ, въ которыхъ обучаются дѣти отъ 6 до 13 лѣтъ, во Франціи существуетъ еще особый родъ школъ, для дѣтей отъ 12 и до 16 лѣтъ, которыя называются „высшими начальными школами“ (écoles primaires supérieures). Послѣднія имѣютъ цѣлью расширить общее образованіе учениковъ и подготовить ихъ къ разнымъ торгово-промышленнымъ поприщамъ. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ и одного иностраннаго языка, въ нихъ преподаются въ широкихъ размѣрахъ черченіе, рисованіе, моделированіе и работы по дереву и металламъ. Въ настоящее время вліятельные французскіе педагоги, и во главѣ ихъ г. Лебланъ, требуютъ спеціа-

лизаціи этихъ школъ смотря по потребностямъ мѣстности, въ которой онѣ находятся, такъ чтобы молодые люди по выходѣ изъ этихъ школъ могли сразу заняться тою отраслью труда, къ которой его подготовили въ школѣ—земледѣліемъ, ремесломъ или торговлей. Такихъ школъ во Франціи въ настоящее время 331 (208 для мальчиковъ и 123 для дѣвочекъ). Такія же школы существуютъ въ Швейцаріи и Бельгіи, только подъ другими названіями,—тамъ онѣ называются профессіональными школами.

Во Франціи въ послѣднее время очень быстро развиваются техническія и профессіональныя школы. Особенно интересно размноженіе такихъ школъ въ Парижѣ, гдѣ онѣ устроиваются синдикальными камерами (цехами) отдѣльныхъ родовъ промышленности и рабочими ассоціаціями. Таковы, напр., школа мебельщиковъ, школа книжнаго дѣла (école Estienne), школа часовыхъ дѣлъ, школа золотыхъ дѣлъ, школа каретниковъ, школа механиковъ и машинистовъ и т. д. Бо́льшею частью эти школы получаютъ большія субсидіи отъ города и министра торговли и промышленности (школа книжнаго дѣла, только-что основанная, получаетъ отъ города на первый годъ 100.000 фр.). Парижскій муниципалитетъ выдаетъ около 65 субсидій разнымъ школамъ и курсамъ этого рода. Но часто синдикальная камера рабочихъ устроиваетъ ремесленные курсы безъ всякой посторонней субсидіи. Курсы устроиваются по вечерамъ и читаютъ ихъ сами же рабочіе, члены камеры.

Въ „Palais des arts libéraux“ существуетъ въ нижнемъ этажѣ цѣлый большой отдѣлъ, посвященный французскимъ техническимъ и профессіональнымъ школамъ. Выставлены, разумѣется, работы учениковъ: чертежи, рисунки, мебели, гипсовыя модели, части машинъ и т. д. Всѣ эти работы обращаютъ на себя вниманіе рѣдкимъ изяществомъ и вкусомъ, съ которымъ онѣ выполнены. Очевидно вкусъ у французовъ—качество прирожденное. Ни одна страна не сдѣлала въ теченіе десяти лѣтъ такихъ крупныхъ денежныхъ пожертвованій для своего народнаго образованія, какія сдѣлала Франція. Отъ 1878 до 1885 г. страна издержала на постройку новыхъ и на передѣлку старыхъ школьныхъ зданій 475 милл. фр. За это время выстроено было около 16 тысячъ новыхъ школъ и было за́ново отдѣлано или омеблировано около 13 тысячъ школъ. Интересно отмѣтить, какъ съ начала нынѣшняго столѣтія постепенно возростали государственныя издержки на народныя школы. Реставрація смотрѣла на народное образованіе какъ на милостыню и жертвовало на него 50 тыс. фр. (!!). Во время іюльской монархіи эти издержки возросли до полутора милліоновъ фр. Въ концѣ имперіи, въ 1869 году, бюджетъ народнаго образованія дошелъ до 9½ милл. фр. Въ 1879, десять лѣтъ тому назадъ, на этотъ

предметъ тратилось уже 25 милл. фр.; а въ 1889, въ государственномъ бюджетѣ издержки на народное образованіе являются круглой цифрой въ 98 милл. фр. Если прибавить къ этому расходы на школы департаментовъ и общинъ, то окажется, что вся страна расходуетъ на народное образованіе 201 милл. [1]). Одни только Сѣверо-Американскіе Штаты тратятъ на народныя школы больше Франціи. Въ 1886 - 1887 учебномъ году американцы издержали на народныя школы 115.103.886 долларовъ (545.519.430 фр.) для населенія въ 57.929.609 ч.

Но несмотря на такія крупныя затраты, законъ объ обязательномъ обученіи еще не вездѣ выполняется, за недостаткомъ школъ. Замѣчательно, что даже въ Парижѣ, городѣ, имѣющемъ бюджетъ въ 319.207.909 фр. (въ 1889 г.), и расходующемъ на одно образованіе 23.970.755 фр., въ прошломъ 1887-88 учебномъ году 2.609 дѣтей не могли найти мѣста въ школахъ.

X.

Тридцатаго іюня нов. ст. праздновали, и весьма торжественно, завершеніе работъ на выставкѣ. Оффиціально она была окончательно готова, на дѣлѣ же работы продолжались еще болѣе мѣсяца. Въ Palais des arts libéraux еще и теперь заканчиваютъ очень красивую модель Парѳенона. А на окраинѣ Эспланады Инвалидовъ очень недавно открыли гидравлическую желѣзную дорогу—одно изъ самыхъ интересныхъ современныхъ изобрѣтеній, которое обѣщаетъ прославить нынѣшнюю выставку, появляясь на ней первый разъ.

Представьте себѣ поѣздъ безъ локомотива, состоящій только изъ вагоновъ и тендера, но вагоны и тендеръ—безъ колесъ: они скользятъ по рельсамъ, подобно санямъ по снѣгу, при помощи широкихъ коньковъ (patins), придѣланныхъ вмѣсто колесъ къ обоимъ концамъ осей, на которыхъ поставлены вагоны,—поѣздъ, который приводится въ движеніе водою и который летитъ со скоростью 150 верстъ въ часъ безъ качаній, безъ тряски, безъ шума,—таково новое изобрѣтеніе. Въ сущности оно даже не очень сложно: вода дѣйствуетъ здѣсь двоя-

---

[1]) Въ 1888 году при населеніи въ 38.218.903 ж. во Франціи числилось 61.275 домовъ, отведенныхъ подъ 81.130 начальныхъ школъ (67.517 общественныхъ и 13.613 частныхъ—большею частью конгреганистскихъ), въ которыхъ обучалось 5.596.919 дѣтей обоего пола. Кромѣ того имѣлось 6.090 школъ для дѣтей отъ 3 до 6 лѣтъ (écoles maternelles). Эти школы соотвѣтствуютъ дѣтскимъ садамъ и имѣютъ главнымъ образомъ цѣлью охранять дѣтей цѣлый день отъ 7 до 6 часовъ, пока ихъ матери работаютъ внѣ дома. Въ этихъ школахъ числилось 767.767 дѣтей.

кимъ образомъ. Съ одной стороны изъ резервуара, устроеннаго на тендерѣ, она подъ давленіемъ пускается подъ коньки [1]) и образуетъ между ними и рельсами очень тонкій слой, чѣмъ треніе уменьшается до того, что ребенокъ можетъ сдвинуть съ мѣста вагонъ: весь поѣздъ поднятъ водою. Съ другой стороны вода со станціи подъ давленіемъ, еще болѣе сильнымъ (10 атмосферъ), пускается по трубѣ, проложенной по срединѣ пути между рельсами по всей линіи. Черезъ каждыя двѣ-три сажени разставлены краны, которые открываются и закрываются самимъ поѣздомъ—они открываются, когда поѣздъ надъ ними, и когда они открыты, вода брызжетъ изъ нихъ, ударяетъ въ длинный зубчатый стержень [2]), проходящій подъ вагонами, и приводитъ поѣздъ, благодаря силѣ удара, въ очень быстрое движеніе.

На выставкѣ весь поѣздъ состоитъ изъ 4 вагоновъ и тендера. Вагоны, правда, не тѣ, какіе употребляются въ пассажирскихъ поѣздахъ: тутъ просто товарныя платформы, на которыхъ разставлены скамьи для путешественниковъ, и поѣздъ пробѣгаетъ здѣсь всего 60 саженъ. Мы имѣли случай проѣхать это разстояніе туда и назадъ и можемъ сказать, что въ этомъ скользящемъ поѣздѣ гораздо пріятнѣе ѣхать, нежели въ обыкновенномъ катящемся поѣздѣ. Но вопросъ не въ одномъ только удобствѣ, а главнымъ образомъ въ томъ, представляетъ ли новый способъ передвиженія какія-нибудь выгоды въ сравненіи съ существующими желѣзными дорогами. На этотъ вопросъ изобрѣтатель, г. Барръ, отвѣчаетъ, что выгоды тутъ громадныя, и нельзя не согласиться, что если его система дѣйствительно настолько выработана, что уже теперь можетъ вступить въ область практики, какъ онъ увѣряетъ, то съ его разсчетами трудно не согласиться. Прежде всего въ горныхъ странахъ, гдѣ много водопадовъ, послѣдніе могутъ быть легко утилизированы, и тогда двигательная сила получается почти даромъ. Но даже въ худшемъ случаѣ, тамъ, гдѣ воду на станціяхъ, разставленныхъ черезъ каждыя 20 верстъ, пришлось бы накачивать и направлять по трубѣ помощью паровой машины и нагнетательныхъ насосовъ, то и тогда расходы на одно топливо, по разсчетамъ изобрѣтателя, уменьшаются на 94% [3]).

---

[1]) Нижняя поверхность конька напоминаетъ очень большой вяземскій пряникъ: вся поверхность изборождена прямыми параллельными сторонамъ желобками. Въ срединѣ по всей длинѣ выдолбленъ большой жолобъ, сообщающійся съ резервуаромъ тендера, изъ котораго въ жолобъ пускается вода.

[2]) Зубцы стержня расположены какъ въ водяной трубкѣ.

[3]) Дѣло въ томъ, что поѣздъ, поднятый водой, требуетъ очень небольшой силы для передвиженія: треніе почти уничтожено. Но кромѣ того локомотивы самой лучшей системы тратятъ 1½ килограмма угля на паровую лошадь, а большія неподвижныя машины могутъ доставить паровую силу помощью 900 граммовъ угля.

Прибавьте къ этому легкость поѣздовъ—вагоны больше чѣмъ на половину легче настоящихъ вагоновъ съ колесами, и кромѣ того нѣтъ тяжелаго локомотива и, благодаря этому, возможность упрощенія нѣкоторыхъ сооруженій—отсутствіе всякихъ расходовъ на смазку осей, на ремонтировку колесъ и рессоръ, на тормаза, — поѣздъ самъ является лучшимъ для себя тормазомъ: достаточно закрыть кранъ, пріостановить притокъ воды подъ коньки; такимъ образомъ уничтожается слой воды между ними и рельсами, и поѣздъ останавливается немедленно даже на сильной покатости (на склонѣ почти въ 45° къ горизонту),—отсутствіе тряски и дыма и, чтó важнѣе всего, возможность увеличить скорость передвиженія почти до безконечности, и понятно, что новое изобрѣтеніе способно произвести полный переворотъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. Нужно однако замѣтить, что установка пути вѣроятно обойдется дороже при новой системѣ, и еслибы ее пожелали ввести на существующія дороги, то пришлось бы перемѣнить рельсы,—для этой системы требуются болѣе широкіе рельсы, чѣмъ тѣ, которые употребляются въ настоящее время.

Опредѣлить теперь, насколько надежды изобрѣтателя осуществимы —чрезвычайно трудно, несмотря на размѣры, сравнительно большіе, производимаго имъ на выставкѣ опыта. Трудно предвидѣть, какія представятся трудности при установкѣ пути, при дѣйствіи автоматическихъ крановъ и т. д. Тѣмъ не менѣе опытъ самъ по себѣ чрезвычайно интересенъ и вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Мы даже скажемъ, что вмѣстѣ съ усовершенствованнымъ фонографомъ и нѣкоторыми опытами по электричеству американца Томсона Гаустона, —еще не имѣющими, правда, практическаго примѣненія,—гидравлическая желѣзная дорога представляетъ все, чтò выставка даетъ самаго новаго, до сихъ поръ невиданнаго.

Строго говоря, гидравлическая дорога—не новость; то, чтó мы видимъ на выставкѣ, есть только усовершенствованіе, дальнѣйшее развитіе, изобрѣтенія извѣстнаго французскаго инженера Жирара. Послѣдній еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ (1852 и 1854) предложилъ замѣнить паровыя желѣзныя дороги гидравлическими, въ которыхъ вращательное движеніе колесъ было замѣнено скольженіемъ коньковъ. Онъ даже построилъ такую дорогу въ своемъ имѣніи недалеко отъ Парижа. Но вмѣсто того, чтобы довольствоваться для начала небольшими участками, онъ сразу сталъ хлопотать о концессіи большой линіи между Калэ и Марселемъ и потерялъ на безуспѣшныя ходатайства много времени и энергіи. Въ 1869 году ему однако разрѣшили постройку небольшой линіи между Парижемъ и Аржантэлемъ (около 10 верстъ) даже съ субсидіей отъ правительства. Но случилась война, въ которой Жираръ былъ убитъ. Г. Барръ былъ

сотрудникомъ Жирара по выполненію предполагавшагося предпріятія, и то, что̀ онъ выставляетъ, есть собственно модель воздушной желѣзной дороги для Парижа. Главнымъ факторомъ, который можетъ ратовать за введеніе новой системы передвиженія, есть, разумѣется, возможность увеличить въ небывалыхъ размѣрахъ скорость поѣздовъ. Лишнее говорить о торгово-промышленныхъ послѣдствіяхъ такого увеличенія скорости сообщеній. При скорости въ 140 верстъ въ часъ разстояніе между Парижемъ и Петербургомъ, напр., укоротилось бы болѣе чѣмъ на двѣ трети.

Но пока это только мечта, и при всемъ интересѣ, который представляетъ указанный опытъ, не слѣдуетъ черезъ-чуръ увлекаться надеждами и обѣщаніями изобрѣтателей; они такъ часто оказываются неосуществимыми, что къ нимъ всегда слѣдуетъ относиться очень осторожно.

XI.

Разстояніе между Марсовымъ полемъ и Эспланадой Инвалидовъ такъ велико, около двухъ верстъ, что оказалось необходимымъ устроить внутри выставки, вдоль набережной, по которой расположенъ земледѣльческій отдѣлъ, какой-нибудь ускоренный способъ передвиженія. Дековилевская желѣзная дорога найдена была самымъ удобнымъ способомъ. По узкоколейному пути (въ 60 сантиметровъ) движутся изящные маленькіе вагоны, въ которыхъ нѣтъ ни стѣнъ, ни оконъ, на случай дождя имѣются занавѣски, и ведетъ ихъ такой же маленькій локомотивъ. Весь поѣздъ, иногда очень длинный, кажется почти игрушечнымъ. Но тутъ все устроено какъ на настоящей дорогѣ: кондуктора съ галунами, важные начальники станцій въ мундирахъ и съ вышитыми золотомъ шапками, — все это даже какъ-то не идетъ къ игрушечному виду поѣздовъ. Послѣдніе, правда, несмотря на свою частоту (черезъ каждыя 5 минутъ), всегда биткомъ набиты, и на конечныхъ станціяхъ, особенно на Марсовомъ полѣ, толпа всегда ждетъ очереди, чтобы попасть на поѣздъ. „Le petit Decauville“ составляетъ даже одну изъ излюбленныхъ примановъ публики. Дорога, длиною въ три версты, окаймляетъ съ двухъ сторонъ Марсово поле, всю набережную, и оканчивается на Эспланадѣ. Станціи называются: „La galerie de machines“, „La tour Eiffel“, „Alimentation“ (питательные продукты) „Agriculture“, „Restaurant Longrois“, „Invalides“.

Широкой дорогой, покрытой во всю длину балдахиномъ (vélum), перпендикулярной къ Сенѣ, Эспланада разрѣзана на двѣ половины: лѣвая (восточная) занята колоніальной выставкой, а правая отведена

подъ выставки почтъ и телеграфовъ, военнаго и морского министерствъ, гигіены, общественной экономіи и трехъ обществъ краснаго креста.

Первое, что̀ привлекаетъ вниманіе каждаго, являющагося въ первый разъ на Эспланаду — это длинный рядъ своеобразныхъ, экзотическихъ павильоновъ колоніальной выставки и несмѣтная пестрая толпа, рѣющая тутъ вездѣ, и по дорогѣ, и вокругъ, и внутри павильоновъ, и кругомъ военнаго министерства. Среди толпы всеобщее любопытство вызываютъ аннамиты: босикомъ, въ темносинихъ суконныхъ блузахъ съ китайскими надписями на груди, широкихъ, правильно-конусообразныхъ, грязно-коричневыхъ крышкахъ на головѣ, они развозятъ въ маленькихъ двухколесныхъ бричкахъ (съ кузовами) всѣхъ желающихъ и имѣющихъ возможность пощадить свои ноги. За такую свою функцію аннамиты даже оффиціально прозваны „pousse-pousse". Ихъ тутъ не мало—человѣкъ около шестидесяти.

На первомъ планѣ, начиная отъ Сены, стоятъ мавританскіе павильоны Алжира и Туниса. За ними, вдоль означенной дороги, тянется павильонъ аннамскій и тонкинскій, въ китайскомъ стилѣ, разрисованный фигурами, писанными красками или составленными, въ видѣ мозаики, изъ мелкихъ фарфоровыхъ черепковъ. Всѣ эти украшенія исполнены были аннамитскими рабочими, спеціально привезенными изъ Аннама. Далѣе, въ центрѣ всей колоніальной выставки красуется колоніальный дворецъ „le palais des colonies" — зданіе въ довольно странномъ стилѣ, въ два свѣта, съ верхней галереей внутри, въ которомъ собраны продукты колоній, наприм. Антильскихъ острововъ, индійскихъ владѣній, Новой Каледоніи, для которыхъ нѣтъ отдѣльныхъ павильоновъ, и, наконецъ, кохинхинскій павильонъ и съ нимъ рядомъ весьма оригинальное воспроизведеніе анкорской пагоды (въ Камбоджѣ). Во всѣхъ павильонахъ собраны и разставлены съ большимъ вкусомъ сырые продукты каждой колоніи, издѣлія, домашняя утварь, орудія труда жителей, фотографіи достопримѣчательныхъ мѣстностей и т. д.

Администрація колоній, которая устроила выставку, не ограничилась однимъ только, такъ сказать, объективнымъ представленіемъ произведеній различныхъ колоній. Въ виду нѣкотораго недовѣрія, которому въ послѣднее время подпала колоніальная политика во Франціи, она пожелала поближе познакомить французовъ съ внутренней жизнью, съ обычаями и нравами подчиненныхъ имъ или состоящихъ подъ ихъ покровительствомъ африканскихъ и азіатскихъ земель и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать возможность узнать, какія торгово-промышленныя выгоды они могутъ извлечь изъ своихъ колоніальныхъ владѣній. И вотъ какъ администрація выполнила свою задачу.

Въ алжирскомъ павильонѣ устроена интересная картинная галерея, въ которой собрана большая коллекція полотенъ, подписанныхъ въ значительномъ большинствѣ очень извѣстными именами,—Гильоме́, Жеромъ, Даньянъ,—знакомящихъ съ природой Сѣверной Африки и жизнью ея коренныхъ обитателей: африканскіе и мавританскіе типы, внутренность жилищъ, домашняя и уличная жизнь, виды оазисовъ и сахарской пустыни—таковы сюжеты выставленныхъ картинъ.

Востокъ и Сѣверная Африка играютъ вообще весьма видную роль во французской живописи; они шли объ руку съ романтизмомъ, и нѣкоторые художники, какъ Жеромъ, Гильоме, пріобрѣли большую славу своими картинами изъ восточной жизни. Изученіе Востока (Сиріи, Египта и Сѣверной Африки) вошло даже въ традицію: въ настоящее время рѣдкій французскій художникъ не побывалъ въ Алжирѣ и Тунисѣ.

Рядомъ съ главными, алжирскимъ и тунисскимъ, павильонами, изображающими мавританскіе дворцы, построены алжирскій базаръ, тунисскій „сукъ"—родъ пассажа съ маленькими лавочками по обѣимъ сторонамъ, въ которыхъ тунисцы выдѣлываютъ или вышиваютъ разныя вещи и тутъ же ихъ продаютъ, и нѣсколько мелкихъ лавокъ, гдѣ туземцы, настоящіе или болѣе или менѣе переодѣтые, торгуютъ болѣе или менѣе восточными издѣліями, тѣми самыми, которыя *даже на Востокъ идутъ изъ Парижа,* какъ недавно сознались сами купцы en gros. Тутъ имѣются кофейни—алжирская и тунисская, заведенія не совсѣмъ приличныя, нѣчто въ родѣ восточныхъ кафе-шантановъ. Сомнительно даже, чтобы подобныя заведенія были на Востокѣ, или въ Африкѣ, до введенія туда европейской цивилизаціи (!), но во всякомъ случаѣ выставкѣ они большой чести не дѣлаютъ.

Индо-Китаю отведено тутъ самое видное мѣсто—въ пространственномъ отношеніи, разумѣется. Эту колонію, которой главная часть—Тонкинъ—была и продолжаетъ быть основной причиной стольких политическихъ раздоровъ и исходнымъ пунктомъ настоящаго кризиса, администрація пожелала представить въ наиболѣе привлекательномъ видѣ и заинтересовать ею французскую публику. Забавляютъ ее pousse-pousse'ами и аннамитскимъ театромъ.

Послѣдній — одинъ изъ самыхъ большихъ курьезовъ выставки. Развлеченіе доставляетъ онъ сравнительно кратковременное, потому что долго высидѣть въ немъ невозможно безъ риска потерять слухъ.

Театръ по расположенію есть половина цирка, отрѣзанная отъ цѣлаго стѣной; онъ отличается отъ нашего театра отсутствіемъ сцены отдѣльной отъ зрительнаго зала. Какъ въ циркѣ, игра происходитъ на мѣстѣ, гдѣ находятся партеръ и кресла, а мѣста (скамьи) для зрителей расположены амфитеатромъ, только не полукругомъ, а по-

коемъ—параллельно тремъ стѣнамъ зданія. Въ серединѣ амфитеатра—входъ для зрителей—какъ въ циркѣ. Стѣна противъ входа, соотвѣтствующая занавѣсу, и потолокъ покрыты обоями съ вышитыми китайскими фигурами. Занавѣса собственно нѣтъ, а въ стѣнѣ за сценой—и съ двухъ ея сторонъ—имѣются двѣ двери, завѣшенныя портьерами. Актеръ, выходящій изъ одной двери, непремѣнно уходитъ, по окончаніи игры, въ другую. Декорацій, въ нашемъ смыслѣ, нѣтъ: условность доведена до того, что отъ аннамита требуется сильное воображеніе, чтобы представить себѣ разныя картины. На сценѣ имѣется только столъ, два или три круглыхъ столика, нѣсколько китайскихъ табуретовъ и соломенный коврикъ на полу, и съ такими ограниченными средствами аннамиты ухищряются представить рѣшительно все, что̀ они играютъ. Напр., путешествіе по рисовымъ полямъ изображается хожденіемъ гуськомъ вокругъ соломеннаго коврика; переходъ по мосту черезъ рѣку изображается помощью стола и двухъ табуретовъ, поставленныхъ съ двухъ сторонъ: путешественники перебираются черезъ столъ при помощи табуретовъ. Поджогъ и пожаръ рисовыхъ полей изображается такъ: аннамитъ изъ прислуги выходитъ съ зажженной паклей на концѣ длинной проволоки, садится на корточки у портьеры, набираетъ полный ротъ спирту и брызжетъ этимъ спиртомъ въ пламя. Спиртъ вспыхиваетъ, и порывы пламени взлетаютъ на воздухъ. Въ это время одинъ изъ актеровъ, который долженъ сгорѣть въ пожарѣ, стоя, изображаетъ корчи—это онъ горитъ, и черезъ нѣкоторое время, послѣ многочисленныхъ самыхъ вычурныхъ гримасъ, онъ, стоя же, дѣлается неподвижнымъ—онъ умеръ. Очень мило также изображается перелѣзаніе черезъ высокую стѣну укрѣпленнаго за̀мка: два аннамита выносятъ на сцену длинное полосатое одѣяло и вытягиваютъ его отвѣсно въ длину, держа его за два конца,—одѣяло представляетъ стѣну. Актеры, которые должны перебраться черезъ неприступную стѣну, нѣсколько разъ подбѣгаютъ къ одѣялу, упираются въ него, совѣщаются между собою, дѣлаютъ все, чтобы показать, что стѣна дѣйствительно неприступная. Наконецъ, въ рѣшительный моментъ, одѣяло быстро опускается на землю, актеры его перепрыгиваютъ—они перебрались,—одѣяло уносятъ, и все, что̀ слѣдуетъ, уже происходитъ за стѣной, внутри укрѣпленія.

Въ роляхъ важныхъ особъ актеры являются въ богатыхъ шолковыхъ или атласныхъ, большею частью голубыхъ, китайскихъ халатахъ, шитыхъ золотомъ или серебромъ; менѣе важныя роли выполняются въ менѣе роскошныхъ, но всегда въ рѣзко пестрыхъ костюмахъ, въ которыхъ много краснаго. Почти всѣ выходятъ или въ вычурныхъ маскахъ, часто съ узкой, длинной, въ видѣ хвоста, бородой, приклеенной къ усамъ, такъ что актеръ говоритъ изъ-за бороды,—или съ

лицами, вымазанными въ сильно-коричневый цвѣтъ съ бѣлыми обводами на бровяхъ, вискахъ и скулахъ, такъ что страшно на нихъ смотрѣть.

Но самое любопытное—игра. Актеры не говорятъ своихъ ролей, а кричатъ изъ всѣхъ силъ самыми пронзительными и горловыми звуками, сопровождая ихъ множествомъ очень выразительныхъ, но всегда преувеличенныхъ жестовъ, и эта безъ того уже не совсѣмъ пріятная для слуха игра приправлена музыкой—уже совсѣмъ невыносимой. Съ двухъ сторонъ сцены, направо и налѣво отъ входа, расположены музыканты. Направо—только одинъ; онъ сидитъ передъ громаднымъ барабаномъ на подставкѣ и подчеркиваетъ каждую фразу, каждый стихъ, сильнымъ ударомъ въ барабанъ. Но онъ такъ бьетъ, что сначала онъ васъ постоянно пугаетъ, а черезъ нѣсколько минутъ раздражаетъ, и у васъ невольно является желаніе крикнуть ему: „пожалуйста, потише". Налѣво—сидитъ оркестръ изъ четырехъ или пяти музыкантовъ: трое бьютъ въ мѣдные тазы метёлками изъ прутьевъ; одинъ наигрываетъ на одноструннομъ инструментѣ варіаціи на одинъ и тотъ же минорный восточный мотивъ, а другой то играетъ также на монохордѣ, то играетъ тѣ же варіаціи на необыкновенно крикливомъ рожкѣ, и всѣ эти музыканты и барабанщики, бьющіе въ тазы, и скрипачи на монохордахъ, играютъ почти непрерывно, зря, какъ попало, что̀ называется—„кто въ лѣсъ, кто по дрова", каждый руководствуясь собственнымъ вдохновеніемъ; но когда выступаетъ рожокъ, онъ перекрикиваетъ все, и голоса, и инструменты, за исключеніемъ, впрочемъ, барабана. Музыка въ общемъ получается такая, что, несмотря на любопытство, которое возбуждается экзотичностью и обстановки, и игры, долго оставаться тутъ невозможно, и уходишь совершенно оглушеннымъ. Особенно хороши хоры, напр. квинтетъ изъ короля и четырехъ мандариновъ,—получается впечатлѣніе хора несмазанныхъ колесъ съ аккомпаниментомъ описанной музыки. О содержаніи разыгрываемыхъ пьесъ говорить не приходится: судя по раздаваемымъ программамъ съ краткими изложеніями содержанія, это—старинныя эпопеи, нѣчто въ родѣ нашихъ былинъ, которыя вращаются вокругъ королей и ихъ мандариновъ съ большимъ числомъ дѣйствій; меньше шести не бываетъ. Слѣдить за дѣйствіемъ съ помощью этихъ программъ невозможно, и не по одной только краткости изложенія, а главнымъ образомъ потому, что актеру, какъ насъ увѣряютъ, предоставляется вводить измѣненія или варіанты. Суфлеръ —онъ же режиссеръ—во время игры стоитъ одѣтый паяцомъ на сценѣ и, смотря по надобности, подходитъ сзади то къ одному, то къ другому актеру и нашептываетъ имъ на ухо ихъ роли.

Нужно, однако, думать, что игра идетъ хорошо, она видимо очень

забавляетъ музыкантовъ и пріѣзжихъ аннамитовъ, которые часто сидятъ въ публикѣ, въ качествѣ зрителей.

Администрація колоній устроила еще другого рода зрѣлища, а именно цѣлый рядъ туземныхъ деревень, которыя тянутся вдоль ограды выставки параллельно главнымъ павильонамъ. Тутъ можно видѣть шатры арабовъ изъ Кабиліи, которые устроились со всѣмъ своимъ домашнимъ обиходомъ; большую аннамитскую деревню съ хижинами, построенную изъ бамбука, тростника и крытую пальмовыми листьями. Въ каждой хижинѣ туземный ремесленникъ занимается своимъ ремесломъ и тутъ же продаетъ свои издѣлія. А ремесла представлены разнообразныя—всѣ, какія имѣются въ странѣ; нужно замѣтить, что въ большинствѣ ремесленники очень искусны, несмотря на видимое несовершенство ихъ инструментовъ. Особенно отличаются рѣзчики по дереву, рисовальщики тушью и красками, ткачи.

Рядомъ съ аннамитами расположились деревней сенегальскіе негры, въ круглыхъ бѣлыхъ мазанкахъ безъ оконъ, крытыхъ листьями. Обитатели спокойно лежатъ или сидятъ въ своихъ конурахъ; два ремесленника промѣняли свое ремесло на занятіе, вѣроятно, болѣе прибыльное—попрошайничество. Подъ двумя навѣсами, на которыхъ красуются надписи, на одномъ—„кузнецъ (такой-то)", а на другомъ даже „золотыхъ дѣлъ мастеръ", два негра что-то напѣваютъ, жалостно бренча на чрезвычайно первобытномъ струнномъ инструментѣ. Отъ времени до времени они повелительнымъ строгимъ жестомъ указываютъ публикѣ на стоящія передъ ними корзинки съ монетами.

Далѣе расположена деревня канаковъ (жителей Новой Каледоніи) и негровъ изъ Конго. Жалкій видъ представляютъ всѣ эти инородцы среди цивилизованной толкотни; канаки среди своихъ идоловъ смотрятъ какими-то оглашенными, какъ будто себя спрашиваютъ: зачѣмъ они тутъ. Администрація колоній поступаетъ очень неосторожно, заставляя всѣхъ туземцевъ спать въ ихъ хижинахъ. Климатъ парижскій далеко не тотъ, къ какому они привыкли. Въ холодные вечера они легко простуживаются; между ними были уже случаи смерти отъ воспаленія легкихъ.

А публики толпится на Эспланадѣ множество: это, по выраженію самихъ французовъ, „une grande foire de Nijni (большая нижегородская ярмарка).

М.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1889 г.

Обнародованіе положенія о земскихъ начальникахъ и правилъ о преобразованіи судебной части.—Различіе между проектами и окончательнымъ текстомъ закона.—Распредѣленіе судебныхъ дѣлъ между волостными судами, земскими начальниками и уѣзднымъ членомъ окружного суда.—Судебное присутствіе уѣзднаго съѣзда.—Новыя правила о волостномъ судѣ.—Законъ 7-го іюля, ограничивающій сферу дѣйствій суда присяжныхъ.—Квартирное довольствіе полиціи.

Важнѣйшимъ событіемъ послѣдняго времени слѣдуетъ считать, безъ сомнѣнія, утвержденіе и обнародованіе положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ и тѣсно связанныхъ съ нимъ правилъ о новомъ устройствѣ—въ мѣстностяхъ, гдѣ вводятся земскіе начальники,—судебной части и волостного суда. Мнѣніе наше объ основныхъ началахъ судебно-административной реформы хорошо извѣстно нашимъ читателямъ; оно выражено въ длинномъ рядѣ Внутреннихъ Обозрѣній, посвященныхъ всѣмъ главнымъ сторонамъ вопроса. Не повторяя сказаннаго раньше, остановимся, прежде всего, на различіи между проектами, которые мы разбирали, и окончательнымъ текстомъ закона. Это различіе весьма существенно и весьма характеристично; въ особенности замѣтно оно во всемъ томъ, что̀ касается судебной части. Съ нея мы и начнемъ наше изложеніе.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, задавшись мыслью о соединеніи въ одномъ лицѣ обязанностей административныхъ и судебныхъ, предполагало сначала включить въ кругъ дѣйствій земскаго начальника довольно значительное число судебныхъ дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ. Центромъ тяжести его судебныхъ функцій долженъ былъ служить разборъ такъ-называемыхъ аграрныхъ дѣлъ—о лѣсныхъ порубкахъ, потравахъ, наймѣ сельскихъ рабочихъ возстановленіи нарушеннаго владѣнія, арендѣ земельныхъ угодій, и т. п.; но этимъ не ограничивалась область его судебной власти. Въ болѣе тѣсные предѣлы она была включена второю редакціею проекта, со-

ставленною весной 1888 года; здѣсь земскій начальникъ являлся *судьею* исключительно по дѣламъ аграрнымъ, но зато ему предоставлялась обширная административно-карательная власть, обнимавшая собою, вмѣстѣ съ неисполненіемъ распоряженій земскаго начальника и неповиновеніемъ должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія, множество мелкихъ уголовныхъ проступковъ (нарушеній уставовъ строительнаго, пожарнаго, врачебнаго и т. п.). Какъ въ первой, такъ и во второй редакціи имѣлось въ виду, что рядомъ съ земскими начальниками остаются въ уѣздѣ мировые судьи. Въ новый фазисъ вопросъ о распредѣленіи судебной власти вступилъ въ январѣ нынѣшняго года, когда рѣшено было упразднить мировыхъ судей и раздѣлить ихъ наслѣдство между общими судебными мѣстами, земскими начальниками и волостными судами. Министерство юстиціи выступило тогда съ проектомъ, о которомъ мы говорили въ іюньскомъ и іюльскомъ обозрѣніяхъ; оно предложило возложить нѣкоторыя обязанности мирового судьи и мирового съѣзда на судебныхъ слѣдователей и ихъ съѣзды, собирающіеся подъ предсѣдательствомъ члена окружного суда. Узаконенія 12-го іюля расходятся со всѣми этими различными предположеніями. Отъ проекта министерства юстиціи они отступаютъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что не соединяютъ въ одномъ лицѣ обязанностей слѣдователя и судьи и создаютъ, для дѣлъ, подсудныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, одну общую апелляціонную инстанцію—уѣздный съѣздъ. Отъ второй редакціи положенія о земскихъ начальникахъ правила 12-го іюля отличаются преимущественно тѣмъ, что вводятъ въ самые тѣсные предѣлы административно-карательную власть земскаго начальника, ограничивая ее случаями неисполненія законныхъ его требованій или распоряженій. Нѣсколько ближе правила 12-го іюля подходятъ къ первой редакціи положенія, но только по вопросу о границахъ судебной власти земскаго начальника, а не въ отношеніи къ способу пользованія ею.

Новая разверстка судебныхъ дѣлъ, до сихъ поръ подвѣдомственныхъ мировымъ учрежденіямъ, представляется, на основаніи узаконеній 12-го іюля, въ слѣдующемъ видѣ. Къ вѣденію волостного суда отнесены гражданскія дѣла между лицами, ему подсудными [1]), на сумму до 300 рублей, а дѣла по наслѣдству въ крестьянскомъ имуществѣ — на сумму до 500 рублей [2]). Если истецъ неподсуденъ, а

[1]) Подсудными волостному суду являются, со времени введенія въ дѣйствіе законовъ 12-го іюля, не только крестьяне, но и мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, имѣющіе постоянное мѣсто жительства въ селеніяхъ.

[2]) Споры объ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла, остаются подсудными волостному суду, независимо отъ цѣнности имущества.

отвѣтчикъ подсуденъ волостному суду, и цѣна иска не превышаетъ 300 рублей, то онъ можетъ быть, по желанію истца, предъявленъ въ волостномъ судѣ. Въ области уголовнаго судопроизводства волостному суду признаются подсудными многіе проступки, предусмотрѣнные уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (въ томъ числѣ ослушаніе волостнымъ и сельскимъ начальникамъ, буйство или появленіе пьянымъ въ публичномъ мѣстѣ, нарушеніе порядка въ публичныхъ собраніяхъ, прошеніе милостыни, разныя нарушенія уставовъ строительнаго, путей сообщенія, пожарнаго, врачебнаго, личныя оскорбленія, самоуправство, самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ, а также кража, мошенничество и присвоеніе чужого имущества, если цѣна похищеннаго или присвоеннаго имущества не превышаетъ пятидесяти рублей и если, притомъ, кража или мошенничество совершены въ первый или во второй разъ). Карательной власти волостного суда подлежатъ также мотовство и пьянство, если эти пороки влекутъ за собою разстройство хозяйства, и нарушеніе рабочимъ договора найма (заключеннаго безъ договорнаго листа) недобросовѣстною, по полученіи задатка, неявкою на работы или самовольнымъ уходомъ съ работъ, безъ отработки забранныхъ впередъ денегъ. Всѣ вышеозначенные проступки безусловно подсудны волостному суду, если они совершены противъ лицъ ему подвѣдомственныхъ; въ противномъ случаѣ, отъ усмотрѣнія потерпѣвшихъ зависитъ искать удовлетворенія въ волостномъ судѣ, у земскаго начальника или въ подлежащемъ судебномъ установленіи.

Земскимъ начальникамъ — въ предѣлахъ ихъ участка, и городскимъ судьямъ—въ городѣ, подсудны, въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, дѣла о потравахъ, о наймѣ земельныхъ угодій и о личномъ наймѣ на сельскія работы, въ сельско-хозяйственныя должности и въ услуженіе—на сумму не свыше пятисотъ рублей; дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія—независимо отъ суммы иска (если со времени нарушенія прошло не болѣе шести мѣсяцевъ); всѣ прочіе иски, подсудные теперь мировымъ судьямъ—на сумму не свыше трехсотъ рублей. Въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ подсудны всѣ проступки, предусмотрѣнные уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (за исключеніемъ кражи со взломомъ), если они не входятъ въ кругъ дѣйствій волостного суда, и сверхъ того нѣкоторыя нарушенія уставовъ питейнаго и табачнаго. Всѣ остальныя гражданскія и уголовныя дѣла, подвѣдомственныя теперь мировымъ учрежденіямъ, признаются подсудными уѣздному члену окружного суда, на котораго возлагаются также всѣ мѣры по охраненію имуществъ.

Высшей судебной инстанціей въ уѣздѣ является, при дѣйствіи

законовъ 12-го іюля, уѣздный съѣздъ, или, лучше сказать, судебное его присутствіе, образуемое, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ уѣзднаго члена окружного суда, почетныхъ мировыхъ судей (избираемыхъ, по прежнему, земскими собраніями), городскихъ судей и земскихъ начальниковъ. Почетные мировые судьи и земскіе начальники засѣдаютъ въ судебномъ присутствіи уѣзднаго съѣзда по установленной между тѣми и другими очереди. Въ засѣданіяхъ судебнаго присутствія съѣзда выслушиваются, по дѣламъ извѣстныхъ категорій, заключенія лица прокурорскаго надзора. Разсмотрѣнію судебнаго присутствія подлежатъ какъ жалобы и отзывы на рѣшенія земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, такъ и жалобы на рѣшенія волостного суда. Жалобы на рѣшенія волостного суда приносятся земскому начальнику, который обязанъ представить ихъ съѣзду, если по уголовному дѣлу обвиняемый приговоренъ къ аресту на время свыше трехъ дней, или къ денежному взысканію свыше пяти рублей, или къ тѣлесному наказанію, а по гражданскому дѣлу—присуждено болѣе тридцати рублей; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ жалоба представляется съѣзду только тогда, когда земскій начальникъ найдетъ рѣшеніе постановленнымъ съ нарушеніемъ предѣловъ власти суда или явно неправосуднымъ. Уѣздный съѣздъ отмѣняетъ рѣшенія волостного суда, постановленныя съ нарушеніемъ подсудности, а во всѣхъ другихъ случаяхъ или оставляетъ рѣшеніе въ силѣ, или постановляетъ новое рѣшеніе по существу, или же передаетъ дѣло въ другой волостной судъ, для новаго разсмотрѣнія и рѣшенія.

Разсмотрѣніе протестовъ и просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній уѣзднаго съѣзда по дѣламъ судебнымъ возложено новымъ закономъ на губернское присутствіе, въ слѣдующемъ составѣ: губернаторъ (предсѣдатель), губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ, два непремѣнныхъ члена и предсѣдатель или членъ окружного суда. Прокуроръ окружного суда предъявляетъ присутствію заключенія, но не участвуетъ въ постановленіи рѣшеній.

Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи поручено выработать и внести въ государственный совѣтъ, не позже 1-го октября 1889 г., проектъ правилъ о порядкѣ судопроизводства по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, отнесеннымъ къ вѣденію городскихъ судей и земскихъ начальниковъ, имѣя притомъ въ виду, что эти правила должны быть однообразны для тѣхъ и другихъ установленій.

Таково новое устройство на мѣстахъ судебной части, созданное узаконеніями 12-го іюля. Земскій начальникъ, какъ судья, является въ нихъ далеко не тѣмъ, чѣмъ ему надлежало быть по первоначальной мысли министерства внутреннихъ дѣлъ. Эту мысль можно форму-

лировать такъ: земскій начальникъ долженъ быть облеченъ судебными функціями, но въ исполненіи ихъ онъ долженъ сознавать и чувствовать себя не судьею, а администраторомъ, руководствующимся не столько опредѣленными правилами, сколько практическими соображеніями. Средства къ достиженію цѣли проектировались различныя. Сначала были выработаны особыя процессуальныя формы, имѣвшія цѣлью предоставить земскому начальнику, при разборѣ судебныхъ дѣлъ, возможно бо̀льшую свободу дѣйствій; потомъ, когда составленный въ этомъ смыслѣ проектъ правилъ встрѣтилъ серьезныя возраженія со стороны министерства юстиціи, онъ былъ отложенъ въ сторону, но зато до крайности расширена административно-карательная власть земскаго начальника. Непосредственно надъ земскими начальниками предполагалось поставить учрежденіе, составленное изъ нихъ самихъ (съѣздъ земскихъ начальниковъ), съ присоединеніемъ лишь уѣзднаго предводителя дворянства, т.-е. лица, которому земскіе начальники, въ большинствѣ случаевъ, обязаны своимъ назначеніемъ и съ которымъ они всегда соединены товарищескою связью. Къ участію или присутствованію въ этомъ учрежденіи вторая редакція проекта не допускала даже представителя прокуратуры. Значительная часть распоряженій и постановленій земскаго начальника признавалась вовсе неподлежащею обжалованію и отмѣнѣ, развѣ въ порядкѣ надзора. Все это, вмѣстѣ взятое, должно было обратить земскихъ начальниковъ въ судей совершенно особаго рода, меньше всего заинтересованныхъ въ огражденіи правъ, больше всего—въ огражденіи извѣстной группы интересовъ. Способствовать такому результату долженъ былъ и спеціальный характеръ судебныхъ дѣлъ, входившихъ (въ особенности по второй редакціи проекта) въ кругъ дѣйствій земскаго начальника. Вращаясь, какъ судья, почти исключительно въ области аграрныхъ процессовъ, земскій начальникъ едва ли могъ бы остаться свободнымъ отъ тенденціознаго отношенія къ нимъ. При дѣйствіи узаконеній 12-го іюля положеніе земскаго начальника, какъ судьи, является нѣсколько инымъ. Не лишено значенія, во-первыхъ, уже то обстоятельство, что правила о порядкѣ судопроизводства по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, составленіе которыхъ возложено на министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, должны быть однообразны для земскихъ начальниковъ и городскихъ судей. На городскихъ судей не возложено никакихъ административныхъ обязанностей, никакихъ задачъ политическаго свойства; они могутъ быть—и, нужно надѣяться, будутъ—просто судьями, заботящимися только о правильномъ и справедливомъ рѣшеніи каждаго отдѣльнаго дѣла. Въ порядкѣ производства, для нихъ установляемомъ, едва ли будутъ допущены, поэтому, существенныя отступ-

ленія отъ нормъ, выработанныхъ теоріей и практикой состязательнаго процесса, а такъ какъ этотъ порядокъ будетъ распространенъ, безъ всякихъ измѣненій, и на земскихъ начальниковъ, то „усмотрѣніе“ послѣднихъ въ дѣлахъ судебныхъ не можетъ оказаться слишкомъ широкимъ. Вторымъ условіемъ, сравнительно благопріятнымъ, слѣдуетъ признать ограниченіе административно-карательной власти земскаго начальника и распространеніе судебной компетенціи его, между прочимъ, и на такія дѣла, которыя не имѣютъ ничего общаго съ аграрными отношеніями[1]). Еще важнѣе измѣненіе состава уѣзднаго съѣзда, какъ второй инстанціи по дѣламъ судебнымъ. Разсматривать жалобы на рѣшенія земскихъ начальниковъ будутъ не только они сами, вмѣстѣ съ предводителемъ, но и юристы, уѣздный членъ окружного суда, городскіе судьи, а также выборные представители мѣстнаго населенія—почетные мировые судьи. Нельзя не пожалѣть, что присутствованіе послѣднихъ ограничено очередью, но хорошо, по крайней мѣрѣ, что не требуется безусловно равенство ихъ числа съ числомъ наличныхъ коронныхъ членовъ съѣзда. Участіе почетныхъ мировыхъ судей будетъ служить нѣкоторой гарантіей безпристрастія рѣшеній (само собою разумѣется, въ такомъ только случаѣ, если земскія собранія, избирающія почетныхъ судей, не обратятся въ сословные óрганы, фактически подвластные дворянству), участіе юристовъ, сверхъ того—нѣкоторой гарантіей ихъ законности... Вполнѣ цѣлесообразнымъ представляется, наконецъ, сохраненіе за судебными слѣдователями того положенія и той роли, которыя предоставлены имъ судебными уставами. Возложеніе на нихъ судейскихъ обязанностей замедлило бы надолго улучшеніе слѣдственной части, нисколько не поднявъ достоинство суда по дѣламъ маловажнымъ.

Мы исчерпали всѣ хорошія стороны узаконеній 12-го іюля (насколько онѣ касаются судебной части)—хорошія, повторяемъ, *сравнительно* съ первоначальными предположеніями министерства внутреннихъ дѣлъ. Нельзя не замѣтить, однако, что если соединеніе городскихъ судей и земскихъ начальниковъ въ одну апелляціонную инстанцію, разбирающую жалобы на единоличныя рѣшенія тѣхъ и другихъ, полезно какъ ограниченіе произвола земскихъ начальниковъ, то, съ другой точки зрѣнія, оно представляется крайне ненормальнымъ. Городскіе судьи будутъ назначаться министерствомъ юстиціи на томъ же основаніи, какъ и члены общихъ судебныхъ мѣстъ; они будутъ, слѣдовательно, юристами по образованію или, по крайней мѣрѣ, по предшествовавшей дѣятельности. Между тѣмъ, въ кол-

[1]) Отголоскомъ первоначальной тенденціи остается только повышеніе, для дѣлъ аграрныхъ, предѣльной цифры, обусловливающей подсудность земскому начальнику, съ трехсотъ до пятисотъ рублей.

легіи, надъ ними поставленной, большинство будетъ принадлежать, сплошь и рядомъ, не-юристамъ. Въ основаніи апелляціоннаго производства вездѣ и всегда лежитъ предположеніе, что вторая инстанція превосходитъ первую опытностью и знаніемъ дѣла; здѣсь отношеніе между обѣими инстанціями будетъ, бо̀льшею частью, какъ разъ обратное. Эта аномалія могла бы быть, до извѣстной степени, смягчена, еслибы во главѣ судебнаго присутствія уѣзднаго съѣзда былъ поставленъ уѣздный членъ окружного суда; юридически-образованный предсѣдатель могъ бы имѣть большое вліяніе на смѣшанную коллегію, уравновѣшивая, отчасти, численное превосходство не-юристовъ надъ юристами. Мы видѣли однако, что предсѣдательство въ судебномъ присутствіи уѣзднаго съѣзда возложено на уѣзднаго предводителя дворянства. Еще меньше роль, отведенная юридическому элементу въ третьей, высшей инстанціи—губернскомъ присутствіи; онъ представленъ тамъ только однимъ лицомъ — предсѣдателемъ или членомъ окружного суда [1]). Роль губернскаго присутствія по судебнымъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ городскому судьѣ и земскому начальнику, въ точности еще не опредѣлена, но, судя по тому, что туда будутъ приноситься протесты и просьбы объ отмѣнѣ *окончательныхъ* приговоровъ и рѣшеній уѣзднаго съѣзда, нужно предполагать, что присутствіе будетъ облечено *кассаціонною* властью, т.-е. именно тою, пользованіе которою требуетъ всего больше юридическихъ знаній. Когда въ нашей юридической литературѣ и въ оффиціальныхъ сферахъ возникала мысль объ уменьшеніи массы дѣлъ, обременяющихъ кассаціонные департаменты сената, самый простой способъ достигнуть этой цѣли—передача кассаціонныхъ жалобъ на мировые съѣзды въ вѣденіе судебныхъ палатъ—всегда встрѣчалъ рѣшительное противодѣйствіе, мотивированное тѣмъ, что это значило бы понизить уровень, на которомъ долженъ стоять кассаціонный судъ, внести разноголосицу въ пониманіе и примѣненіе закона. А вѣдь судебныя палаты подчинены сенату, который имѣлъ бы полную возможность наблюдать за ихъ кассаціонной дѣятельностью и поддерживать въ ней необходимое единство! Теперь кассаціонная власть, по самой многочисленной категоріи судебныхъ дѣлъ, распредѣляется между тридцатью шестью губернскими присутствіями, лишенными,

[1]) Мы думали сначала, что число непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія увеличено съ одного до двухъ именно въ тѣхъ видахъ, чтобы одинъ изъ нихъ могъ быть избираемъ изъ среды юристовъ; но это предположеніе опровергается текстомъ закона, по которому оба непремѣнные члена назначаются преимущественно изъ среды бывшихъ предводителей дворянства, непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій, мировыхъ посредниковъ, мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ. Одна судебная должность—на пять административныхъ!

въ лицѣ громаднаго большинства своихъ членовъ, юридическихъ свѣденій. Надъ ними поставлено не высшее судебное учрежденіе, а министерство внутреннихъ дѣлъ, по самому своему призванію не имѣющее ничего общаго съ кассаціоннымъ судомъ... Однимъ изъ главнѣйшихъ неудобствъ порядка вещей, созданнаго судебными уставами, считалось разъединеніе мировыхъ и общихъ судебныхъ учрежденій, хотя оно было далеко не полное; связующею нитью между тѣми и другими служилъ надзоръ сената и министерства юстиціи, и еще болѣе—сходство положеній, односторонность взглядовъ и традицій. Безусловнымъ и рѣшительнымъ разрывъ между двумя главными отраслями судебной дѣятельности становится только теперь, когда каждая изъ нихъ замыкается въ свою особую область и исчезають всякія точки соприкосновенія между ними.

При дѣйствіи отмѣняемыхъ порядковъ — такъ утверждали ихъ противники,—трудно было оріентироваться между различными учрежденіями и должностными лицами, трудно было опредѣлить, къ кому изъ нихъ слѣдуетъ обратиться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Нельзя сказать, чтобы это затрудненіе было устранено узаконеніями 12 іюля; уменьшивъ его въ одномъ направленіи, они увеличили его въ другомъ. Судебныя дѣла, прежде раздѣлявшіяся между двумя учрежденіями—волостнымъ судомъ и мировымъ судьею—раздѣлены теперь между тремя: волостнымъ судомъ, земскимъ начальникомъ и уѣзднымъ членомъ окружного суда [1]). Это раздѣленіе вызвано желаніемъ облегчить земскаго начальника, оставить ему достаточно времени для исполненія, рядомъ съ судебными, административныхъ его обязанностей, но оно ведетъ къ послѣдствіямъ едва ли благопріятнымъ для правосудія. Расширить компетенцію уѣзднаго члена окружного суда было невозможно, въ интересахъ населенія; онъ—одинъ на весь уѣздъ, пріѣздъ къ нему въ городъ—тяжелая повинность, тѣмъ болѣе тяжелая, что жалобы на его рѣшенія отнесены къ вѣдомству окружного суда, во многихъ случаяхъ одного на цѣлую губернію. Оставалось только одно средство достигнуть цѣли: увеличить кругъ дѣйствій волостного суда, и это, какъ мы видѣли, сдѣлано въ весьма широкихъ размѣрахъ, не только въ области гражданскаго процесса, но и въ области уголовнаго судопроизводства. Что такое, бо́льшею частью, волостной судъ и какъ мало онъ пригоденъ именно къ рѣшенію уголовныхъ дѣлъ—это слишкомъ хорошо извѣстно. Его един-

---

[1]) Общія правила о подсудности, приведенныя нами выше, ограничены разными исключеніями, перечислять которыя было бы слишкомъ долго (см. полож. о земск. начальн., ст. 50, временныя правила о волостномъ судѣ, ст. 19); замѣтимъ только, что они значительно увеличивають шансы ошибки въ разрѣшеніи вопроса о подсудности.

ственная raison d'être—существованіе, въ средѣ крестьянства, такихъ гражданскихъ отношеній, къ которымъ непримѣнимо формальное гражданское право; только дѣлами, возникающими изъ такихъ отношеній—съ присоединеніемъ, пожалуй, самыхъ малоцѣнныхъ исковъ другого рода—и слѣдовало бы ограничить его сферу дѣйствій. Но, можетъ быть, волостной судъ, при новыхъ порядкахъ, будетъ чѣмъ-то совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ настоящее время? Посмотримъ, насколько это правдоподобно.

Волостной судъ, на основаніи временныхъ о немъ правилъ 12-го іюля, состоитъ изъ четырехъ судей; одного изъ нихъ уѣздный съѣздъ назначаетъ предсѣдателемъ. Обязанности предсѣдателя могутъ быть возложены съѣздомъ на волостного старшину. Каждое сельское общество избираетъ одного кандидата въ волостные судьи, причемъ однако общее число избранныхъ лицъ не должно быть менѣе восьми [1]). Четырехъ изъ нихъ земскій начальникъ утверждаетъ въ должности судей на три года, а остальныхъ назначаетъ кандидатами къ нимъ. На должность волостного судьи избираются крестьяне-домохозяева, достигшіе тридцати пяти лѣтъ отъ роду, не подвергавшіеся, по суду, тѣлесному наказанію, заключенію въ тюрьмѣ или иному, болѣе строгому, взысканію, *пользующіеся уваженіемъ своихъ односельцевъ и, по возможности, грамотные*. Не могутъ быть волостными судьями содержатели трактировъ и питейныхъ заведеній. Волостные судьи получаютъ содержаніе изъ волостныхъ суммъ, въ размѣрѣ опредѣленномъ уѣзднымъ съѣздомъ, но не свыше шестидесяти рублей. Содержаніе предсѣдателя волостного суда можетъ простираться до ста рублей. Въ порядкѣ отвѣтственности, временнаго устраненія и удаленія отъ должности волостные судьи подчиняются правиламъ, установленнымъ для волостныхъ старшинъ (это значитъ, что за маловажные проступки по должности земскій начальникъ можетъ подвергать ихъ, *безъ формальнаго производства*, денежному взысканію не свыше пяти рублей или аресту на срокъ не свыше семи дней, а въ случаяхъ болѣе важныхъ можетъ временно устранить ихъ отъ должности и войти въ уѣздный съѣздъ съ представленіемъ о совершенномъ удаленіи ихъ отъ службы или о преданіи ихъ суду). Ближайшій надзоръ за всѣми волостными судами земскаго участка возлагается на земскаго начальника, обязаннаго ревизовать каждый изъ нихъ не менѣе двухъ разъ въ годъ. Если волостной судъ постановитъ рѣшеніе явно неправосудное или (по уголовному дѣлу) выходящее изъ предѣловъ его власти, земскій начальникъ

---

[1]) Предусматривая тотъ случай, когда въ волости *менѣе* восьми обществъ, правила не опредѣляютъ, какъ поступать, если обществъ *болѣе*, чѣмъ восемь.

можетъ пріостановить исполненіе этого рѣшенія, хотя бы оно никѣмъ не было обжаловано, и представить его на усмотрѣніе мирового съѣзда. О порядкѣ обжалованія и отмѣны рѣшеній волостного суда мы уже говорили; прибавимъ еще, что рѣшеніе, присуждающее обвиняемаго къ тѣлесному наказанію, приводится въ исполненіе не иначе, какъ съ дозволенія земскаго начальника, который въ правѣ замѣнить тѣлесное наказаніе другимъ, соотвѣтственнымъ взысканіемъ. Тѣлесное наказаніе можетъ быть опредѣлено волостнымъ судомъ за слѣдующіе проступки: оскорбленіе полицейскихъ или другихъ стражей и должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія, ссоры, драки, кулачный бой, буйство въ публичномъ мѣстѣ и вообще нарушеніе общественной тишины, прошеніе милостыни (по лѣни и привычкѣ къ праздности), нанесеніе обиды родственнику въ восходящей линіи, нанесеніе обиды дѣйствіемъ безъ всякаго повода со стороны обиженнаго, словесная угроза убійствомъ или поджогомъ (безъ корыстной или иной преступной цѣли), самоуправство и насиліе, отказъ въ доставленіи пособія нуждающимся родителямъ, покупка или принятіе въ закладъ завѣдомо похищеннаго, кража, мошенничество, присвоеніе чужого имущества, пьянство, мотовство, нарушеніе условій найма. Въ послѣднихъ шести случаяхъ тѣлесное наказаніе можетъ быть соединено съ арестомъ.

Представляютъ ли всѣ эти постановленія, вмѣстѣ взятыя, достаточное ручательство въ томъ, что преобразованный волостной судъ окажется на высотѣ своего новаго положенія? Составъ его остается, въ сущности, тотъ же самый, что и теперь. Людямъ, опороченнымъ по суду, доступъ въ волостной судъ былъ закрытъ и дѣйствовавшимъ до сихъ поръ закономъ; содержатели трактировъ и питейныхъ заведеній развѣ въ исключительныхъ случаяхъ попадали въ волостные судьи. „Уваженіе односельцевъ"—величина неизмѣримая и неопредѣлимая; законъ не можетъ установить такихъ признаковъ, которые доказывали бы или, по крайней мѣрѣ, позволяли предполагать ея наличность. Требованіе грамотности парализовано словами: *по возможности*, и притомъ умѣнье читать, съ грѣхомъ пополамъ, далеко не всегда предохранитъ судью отъ вліянія волостного писаря. Перенесеніе выборовъ въ волостные судьи изъ волости въ сельскія общества можно было бы признать перемѣной къ лучшему, еслибы только было основаніе думать, что въ волостные судьи согласятся пойти люди, наиболѣе достойные этого званія. Правда, новыя правила запрещаютъ отказываться отъ избранія иначе какъ по законнымъ причинамъ, но такое же точно запрещеніе содержалъ въ себѣ и дѣйствовавшій до сихъ поръ законъ, а между тѣмъ отказы отъ выборныхъ должностей крестьянскаго самоуправленія встрѣчались на

практикѣ сплошь и рядомъ. Для того, чтобы они прекратились, нужна была бы, прежде всего, другая постановка должности волостного судьи. Если теперь возможность во всякое время попасть подъ арестъ, по распоряженію исправника, заставляетъ многихъ—и именно лучшихъ—крестьянъ избѣгать избранія въ волостные старшины и сельскіе старосты, то отъ аналогичной причины можно ожидать аналогичныхъ послѣдствій и при дѣйствіи новыхъ правилъ. Эквивалентомъ полнѣйшей зависимости отъ земскаго начальника содержаніе въ шестьдесятъ или даже въ сто рублей покажется развѣ тѣмъ крестьянамъ, изъ которыхъ могутъ выйти наименѣе желательные волостные судьи. Немного пользы, по всей вѣроятности, принесетъ и учрежденіе должности предсѣдателя волостного суда, разъ что послѣдній ничѣмъ, по развитію и образованію, не будетъ отличаться отъ своихъ товарищей. Волостной старшина и теперь, на самомъ дѣлѣ, оказываетъ значительное давленіе на рѣшенія волостного суда; узаконить это давленіе, возложивъ на волостного старшину предсѣдательство въ волостномъ судѣ, значитъ скорѣе усилить его, чѣмъ ослабить. Предсѣдатель суда долженъ быть только „первымъ между равными“, а волостной старшина, какъ начальникъ волости, будетъ de facto начальникомъ и по отношенію къ волостнымъ судьямъ.

Наиболѣе серьезнымъ изъ всѣхъ нововведеній представляется, безъ сомнѣнія, установленіе апелляціонной инстанціи надъ волостнымъ судомъ. Пока рѣшенія волостного суда могли быть отмѣняемы (уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ) въ кассаціонномъ порядкѣ, произволъ суда не былъ почти ничѣмъ ограниченъ; не было надъ нимъ, въ большинствѣ случаевъ, никакого дѣйствительнаго контроля, и для злоупотребленій открывался просторъ самый широкій. Теперь всякое рѣшеніе волостного суда, даже необжалованное, даже неподлежащее обжалованію, можетъ быть отмѣнено уѣзднымъ съѣздомъ; ни одинъ приговоръ о тѣлесномъ наказаніи не можетъ быть исполненъ безъ разрѣшенія земскаго начальника. Все это очень хорошо, но не слѣдуетъ упускать изъ виду и другой стороны медали. Нельзя не спросить себя прежде всего, чѣмъ будутъ руководствоваться земскій начальникъ и уѣздный съѣздъ при пересмотрѣ гражданскихъ рѣшеній волостного суда, постановленныхъ на основаніи обычая? Ни отъ того, ни отъ другого нельзя ожидать ни знанія крестьянскихъ обычаевъ, ни умѣнья примѣнять ихъ къ частнымъ случаямъ. Да и помимо этого, составъ волостного суда и составъ уѣзднаго съѣзда до такой степени различны, что крайне трудно будетъ согласовать дѣятельность одного съ дѣятельностью другого. Чѣмъ чаще будутъ отмѣняемы съѣздомъ рѣшенія волостного суда, тѣмъ больше послѣдній будетъ стараться приспособиться къ взглядамъ перваго, и само-

стоятельность суда, подорванная уже личною зависимостью судей, легко можетъ обратиться въ мертвую букву. Волостной судебный уставъ для прибалтійскихъ губерній, получившій силу закона почти одновременно съ разбираемыми нами правилами (9 іюля), разрѣшаетъ вопросъ объ апелляціонной инстанціи надъ волостнымъ судомъ совершенно иначе и, какъ намъ кажется, гораздо удачнѣе. Называясь верхнимъ крестьянскимъ судомъ, онъ состоитъ, кромѣ предсѣдателя (отъ котораго требуется такой же возрастный и образовательный цензъ, какъ отъ мирового судьи), изъ приглашаемыхъ, по очереди, предсѣдателей волостныхъ судовъ. Здѣсь, такимъ образомъ, соединены оба элемента, необходимые для правильнаго отношенія къ дѣятельности волостныхъ судовъ: съ одной стороны—образованіе, съ другой—непосредственное знакомство съ крестьянскимъ бытомъ. Трудно понять, почему возможное для прибалтійскаго края найдено невозможнымъ для великороссійскихъ губерній [1]). Самая мысль о смѣшанномъ составѣ апелляціонной инстанціи надъ волостнымъ судомъ была заявлена въ первый разъ, если мы не ошибаемся, въ земскихъ проектахъ мѣстной реформы, вызванныхъ движеніемъ 1880-81 г., и именно въ земскихъ губерніяхъ ей и не суждено было осуществиться! Правда, правила 12-го іюля названы „временными“, но кто же не знаетъ, что продолжительность дѣйствія „временныхъ“ постановленій очень часто не уступаетъ у насъ продолжительности дѣйствія „постояннаго“ закона? Вотъ почему такъ тяжело впечатлѣніе, производимое „временными“ правилами о карательной власти волостного суда. Унизительнѣйшее изъ всѣхъ наказаній, объ отмѣнѣ котораго столько разъ ходатайствовали лучшія изъ нашихъ земствъ, переносится всецѣло въ область новыхъ учрежденій. До сихъ поръ оно назначалось только спеціальнымъ крестьянскимъ судомъ; теперь его будетъ разрѣшать земскій начальникъ, назначать уѣздный съѣздъ, возвращаясь, такимъ образомъ, къ преданіямъ давно забытой эпохи [2]). Оно можетъ быть опредѣлено на основаніи правилъ 12-го іюля не только за проступки, обезчещивающіе виновнаго—кражу, мошенничество, при-

[1]) Составомъ апелляціонной инстанціи не ограничиваются преимущества прибалтійскаго волостного судебнаго устава передъ правилами, установленными для волостныхъ судовъ имперіи. Предсѣдатель волостного суда, въ остзейскихъ губерніяхъ, не назначается, а избирается судьями изъ своей среды; какъ онъ, такъ и волостные судьи подлежатъ дисциплинарной отвѣтственности не по личному усмотрѣнію начальника, а по рѣшенію мирового съѣзда. Кругъ дѣйствій волостного суда заключенъ въ гораздо болѣе тѣсныя рамки.

[2]) Спѣшимъ замѣтить, что хотя законъ 12-го іюля подчиняетъ волостному суду ремесленниковъ и мѣщанъ, постоянно живущихъ въ селеніяхъ, но они остаются изъятыми отъ тѣлеснаго наказанія. Это явствуетъ изъ оговорки, сохраняющей за ними „всѣ права, лично и по состоянію имъ присвоенныя“.

своеніе чужого имущества, покупку завѣдомо краденаго, — но и за такія дѣйствія, которыя вовсе не свидѣтельствуютъ о безнравственности или испорченности обвиняемаго (драка, ссора, кулачный бой, нарушеніе тишины въ публичномъ мѣстѣ) или, по общимъ понятіямъ о правѣ, вовсе даже не составляютъ преступленія (мотовство, пьянство, нарушеніе условій найма). Не странно ли подумать, что поступокъ или рядъ поступковъ, остающійся безъ всякаго преслѣдованія, если онъ совершенъ купцомъ или дворяниномъ, подвергаетъ крестьянина не только уголовной отвѣтственности, но и риску тѣлеснаго наказанія?.. Три года тому назадъ, когда нарушеніе условій найма было возведено въ первый разъ на степень уголовнаго проступка, не было признано нужнымъ карать его тѣлеснымъ наказаніемъ; неужели съ тѣхъ поръ число подобныхъ проступковъ возросло такъ значительно, что явилась потребность въ крайнемъ усиленіи уголовной репрессіи? Съ другой стороны, гдѣ черта, отдѣляющая наказуемое мотовство отъ ненаказуемой щедрости, наказуемое пьянство отъ ненаказуемаго „веселія пити“? Мы знаемъ, что волостной судъ и прежде имѣлъ право карать мотовъ и пьяницъ, но теперь это право предоставляется уѣздному съѣзду, т.-е. правильно организованному суду, въ сферѣ дѣйствій котораго не должно быть мѣста для неопредѣлимыхъ преступленій. Привычка къ произвольнымъ выводамъ, пріобрѣтенная при рѣшеніи дѣлъ этого рода, слишкомъ легко можетъ распространиться и на всѣ другія... Мало согласнымъ съ общимъ духомъ нашего уголовнаго законодательства представляется, наконецъ, допускаемое правилами 12-го іюля, соединеніе тѣлеснаго наказанія съ довольно продолжительнымъ арестомъ. Чтобы найти что-нибудь аналогичное, нужно обратиться къ до-реформенной эпохѣ, когда наказаніе плетьми являлось дополненіемъ къ каторжной работѣ, наказаніе розгами—къ арестантскимъ ротамъ и рабочему дому. Въ особенности поразительно то, что къ числу преступленій, влекущихъ за собою, по усмотрѣнію суда, двойное наказаніе, отнесены, рядомъ съ мошенничествомъ и кражей, пьянство, мотовство и нарушеніе условій найма.

Къ другимъ сторонамъ законодательства 12-го іюля мы постараемся возвратиться въ слѣдующемъ обозрѣніи.

Болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ [1]) мы говорили на этомъ мѣстѣ о законопроектѣ, направленномъ къ ограниченію круга дѣйствій суда присяжныхъ. Теперь этотъ проектъ, въ главныхъ своихъ чертахъ,

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 6 „Вѣстн. Евр.“ за 1887 г.

получилъ силу закона; мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвержденное 7-го іюля, расходится съ первоначальными предположеніями министерства юстиціи лишь по немногимъ пунктамъ, бóльшею частью процессуальнаго характера. Дѣла, исключаемыя имъ изъ вѣденія суда присяжныхъ, могутъ быть сгруппированы и теперь въ тѣ же три категоріи, какъ и прежде. Къ первой изъ нихъ принадлежатъ дѣла, требующія, съ извѣстной точки зрѣнія, усиленной репрессіи (преступленія противъ порядка управленія и противъ должностныхъ лицъ, при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей службы, а также двоеженство или двоемужство); ко второй— дѣла, признаваемыя особенно сложными или трудными (преступленія по службѣ государственной или общественной, преступленія, совершаемыя служащими въ общественныхъ и частныхъ банкахъ, желѣзнодорожныя преступленія); къ третьей — дѣла, влекущія за собою сравнительно легкую уголовную отвѣтственность (наказаніе, сопряженное лишь съ ограниченіемъ правъ). Дѣла первой категоріи изъемлются изъ сферы дѣйствій суда присяжныхъ потому, что отъ присяжныхъ не ожидается достаточно строгаго отношенія къ нимъ; дѣла второй категоріи—потому, что присяжные считаются неспособными къ правильному ихъ пониманію; дѣла третьей категоріи потому, что не усматривается основанія къ дальнѣйшему ихъ выдѣленію изъ разряда дѣлъ маловажныхъ, разрѣшаемыхъ однимъ короннымъ судомъ. До извѣстной степени, впрочемъ, мотивъ, руководившій установленіемъ первой категоріи, не былъ чуждъ и установленію обѣихъ другихъ; онъ способствовалъ, напримѣръ, распространенію новаго закона на дѣла о преступленіяхъ по должности и на нѣкоторыя дѣла о преступленіяхъ, совершонныхъ малолѣтними и несовершеннолѣтними [1]). Господствующую роль въ обсуждаемой нами реформѣ играло, такимъ образомъ, предположеніе, что для интересовъ государственнаго порядка и спокойствія не довольно охраны, доставляемой судомъ присяжныхъ. Присяжнымъ приписывалась и приписывается излишняя снисходительность къ преступленіямъ, не затрогивающимъ, прямо и непосредственно, отдѣльныхъ лицъ и исходящимъ, бóльшею частью, не изъ корыстныхъ или безнравственныхъ побужденій. Фактической опорой для такого взгляда могли послужить только статистическія цифры; но онѣ едва ли настолько многочисленны, чтобы быть вполнѣ доказательными, — и притомъ истинное ихъ значеніе можетъ быть

[1]) Малолѣтніе (отъ 10 до 14 лѣтъ), а также несовершеннолѣтніе (отъ 14 до 17 лѣтъ), признанные дѣйствовавшими безъ полнаго разумѣнія, подвергаются лишенію правъ только за преступленія, влекущія за собою (для другихъ осужденныхъ) ссылку въ каторжную работу; въ этихъ только случаяхъ, слѣдовательно, они будутъ подлежать, при дѣйствіи новаго закона, суду присяжныхъ.

опредѣлено лишь путемъ всесторонняго, сложнаго изслѣдованія. Мы имѣли уже случай замѣтить, что по дѣламъ, изъятымъ еще въ 1878 г. изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, процентъ оправдательныхъ приговоровъ оставался, въ 1879-81 г., весьма высокимъ, хотя они разрѣшались именно тѣмъ судомъ, область котораго расширяется теперь въ ущербъ суду присяжныхъ. Снисходительность приговора зависитъ, очевидно, не столько отъ состава суда, сколько отъ свойства самаго дѣла, отъ обстоятельствъ, подготовившихъ, вызвавшихъ и сопровождавшихъ преступленіе, отъ постановки и обстановки обвиненія. Если бы всѣ процессы, окончившіеся оправданіемъ подсудимыхъ, были подвергнуты, съ этой точки зрѣнія, тщательному разбору, то для толкованія, во всемъ обвиняющаго присяжныхъ, осталось бы, быть можетъ, немного мѣста. Между дѣлами о сопротивленіи власти оказалось бы, напримѣръ, не мало такихъ, въ которыхъ съ самаго начала не было сдѣлано надлежащаго различія между активными и пассивными участниками безпорядка и привлечено къ отвѣтственности слишкомъ много обвиняемыхъ [1]); между дѣлами о двоеженствѣ нашлись бы такія, которыя были бы немыслимы при существованіи другой формы производства бракоразводныхъ процессовъ. Если и допустить, что присяжные не всегда умѣли распознавать опасность, коренящуюся въ нарушеніи общественнаго порядка, то это могло зависѣть только отъ неудовлетворительнаго состава присутствія присяжныхъ. Гарантію противъ ошибокъ слѣдовало искать въ повышеніи умственнаго уровня присяжныхъ, а не въ ограниченіи ихъ компетенціи; возможно было, наконецъ, установленіе, по нѣкоторымъ дѣламъ, такъ-называемаго спеціальнаго суда присяжныхъ, т.-е. выбора присяжныхъ исключительно изъ среды болѣе развитой и болѣе образованной. Для такого суда не было бы дѣлъ слишкомъ сложныхъ, слишкомъ трудныхъ; шансы правильнаго рѣшенія были бы для него, по меньшей мѣрѣ, столь же велики, какъ и для короннаго суда. Сложность и трудность дѣла обусловливаются, притомъ, не однимъ только наименованіемъ преступленія. Запутанность — вовсе не неизбѣжная черта нарушенія банковыхъ или желѣзно-дорожныхъ правилъ; наоборотъ, высшею ея степенью могутъ отличаться дѣла, оставляемыя въ вѣденіи суда присяжныхъ, напримѣръ дѣла о подлогѣ, о мошенничествѣ, о злостномъ банкротствѣ. Присяжнымъ, и при дѣйствіи новаго закона, придется, сплошь и рядомъ, разрѣшать весьма

[1]) Сопротивленіе власти возникаетъ у насъ, въ большинствѣ случаевъ, изъ аграрныхъ отношеній. Изъ такихъ же отношеній возникло извѣстное дѣло объ убійствѣ Станиславскаго (въ пензенской губерніи). Обвиняемыхъ по этому дѣлу было тридцать,—и даже военный судъ нашелъ возможнымъ оправдать изъ нихъ около половины. Это—весьма характеристичный образецъ излишняго рвенія обвинительной власти.

трудныя задачи,—отнюдь не менѣе трудныя, чѣмъ тѣ, которыя отходятъ въ область суда съ сословными представителями. Меньше всего, такимъ образомъ, новый законъ можетъ быть названъ послѣдовательнымъ въ проведеніи основныхъ своихъ принциповъ. По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 212), онъ обнимаетъ собою даже не всѣ преступленія извѣстной категоріи. Такъ напримѣръ, исключая изъ вѣденія суда присяжныхъ дѣла о нерадѣніи служащихъ на желѣзной дорогѣ, повлекшемъ за собою несчастія съ людьми (улож., ст. 1085), и дѣла о противодѣйствіи поимкѣ арестантовъ (ст. 315), онъ оставляетъ за нимъ дѣла объ умышленной порчѣ желѣзной дороги, съ намѣреніемъ причинить крушеніе поѣзда (ст. 1082), и дѣла о взломѣ тюрьмы и насильственномъ уводѣ арестантовъ (ст. 302). Едва ли послѣдователенъ, наконецъ, и тотъ взглядъ, въ силу котораго всѣ дѣла, не угрожающія обвиняемому лишеніемъ правъ, признаются маловажными и подчиняются вѣденію окружного суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей и сословныхъ представителей. Съ ограниченіемъ правъ соединены у насъ далеко не легкія кары—заключеніе въ крѣпости на срокъ до четырехъ лѣтъ, заключеніе въ тюрьмѣ на срокъ до двухъ лѣтъ; самое ограниченіе правъ имѣетъ послѣдствіемъ для священнослужителей потерю духовнаго сана, для дворянъ—запрещеніе вступать въ государственную и общественную службу. Малолѣтніе и несовершеннолѣтніе могутъ быть присуждаемы, безъ лишенія правъ, къ продолжительному заключенію въ монастырѣ или тюрьмѣ, къ ссылкѣ на житье въ Сибирь, къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Мы не можемъ представить себѣ такой точки зрѣнія, съ которой подобныя наказанія могли бы быть названы легкими и уравнены, по отношенію къ подсудности, съ краткосрочнымъ тюремнымъ заключеніемъ, арестомъ и денежнымъ штрафомъ.

Законъ 7-го іюля не удовлетворилъ ожиданій реакціонной печати. Она привѣтствуетъ его изданіе, но только потому, что видитъ въ немъ „первый серьезный шагъ" къ совершенному уничтоженію суда присяжныхъ. *Логическій абсурдъ*, по выраженію „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 207), былъ допущенъ уже тогда, когда, при самомъ осуществленіи судебной реформы, было установлено одно ограниченіе сферы дѣйствій суда присяжныхъ. „Если судъ присяжныхъ,—восклицаетъ московская газета,—дѣйствительно *самый естественный и справедливый судъ* (такъ онъ былъ названъ составителями устава уголовнаго судопроизводства), то непонятно, почему государственныя преступленія (съ самаго начала изъятыя изъ его вѣденія) должны судиться судомъ менѣе совершеннымъ; если же онъ для этихъ преступленій признавался неестественнымъ и несправедливымъ, то по-

чему же этимъ непригоднымъ судомъ должны были судиться всѣ остальныя преступленія? Но логика была въ то время, также, какъ въ послѣдующее и *настоящее*, принесена въ жертву *либерализму*". Итакъ, нарушеніями логики были всѣ урѣзки компетенціи суда присяжныхъ, слѣдовавшія одна за другой, начиная съ 1872 г.; нарушеніемъ логики является и законъ 7-го іюля, хотя онъ и „наноситъ суду присяжныхъ если не рѣшительный, то довольно чувствительный ударъ", тѣмъ болѣе чувствительный, что всѣ вводимыя имъ ограниченія имѣютъ характеръ не временной (какъ прежнія аналогичныя мѣры), а постоянный. „Какъ ни отраденъ тотъ фактъ,—таково заключеніе московской газеты,—что министерство юстиціи, наконецъ, вступило нынѣ на правильный путь къ огражденію нашего уголовнаго правосудія отъ произвола суда присяжныхъ, тѣмъ не менѣе интересы этого правосудія тогда только будутъ въ безопасности, когда за настоящимъ шагомъ послѣдуютъ другіе, не менѣе важные и не менѣе необходимые. Присяжные по прежнему будутъ произносить свои приговоры по тѣмъ именно преступленіямъ, которыя чаще всего фигурируютъ въ нашей уголовно-судебной практикѣ и по которымъ, слѣдовательно, чаще всего и нарушается присяжными правосудіе. Въ самомъ дѣлѣ, неужели можно допустить, что правительству дороги только государственные и казенные интересы, и что оно ихъ только и оберегаетъ отъ признаннаго имъ непригоднымъ суда присяжныхъ, тогда какъ всѣ интересы частныхъ лицъ (за исключеніемъ интересовъ, нарушаемыхъ двоеженствомъ) для него никакой цѣны не имѣютъ, и что поэтому оно ихъ по прежнему отдаетъ на произволъ этого самаго непригоднаго суда?" Сильнѣе, чѣмъ когда-либо, по мнѣнію московской газеты, долженъ возвыситься теперь „голосъ здраваго смысла" противъ дальнѣйшаго существованія „развалинъ полуснесеннаго лотерейнаго суда".

Итакъ, *въ настоящее время*, какъ и двадцать пять, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, *логика* принесена въ жертву *либерализму*. Судъ присяжныхъ оффиціально признанъ *непригоднымъ* и все-таки оставленъ въ силѣ для бо́льшей части важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ. Нужно ли доказывать полнѣйшую несостоятельность этихъ положеній? Какова бы ни была роль „либерализма" въ эпоху составленія и введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, въ переживаемую нами минуту о вліяніи его на законодательство не можетъ болѣе быть и рѣчи. Въ происхожденіи новѣйшихъ узаконеній вообще и закона 7-го іюля въ особенности „либерализмъ" совершенно неповиненъ; единственнымъ ихъ источникомъ служатъ теченія противоположнаго свойства. Еслибы судъ присяжныхъ былъ признанъ, въ оффиціальныхъ сферахъ, судомъ безусловно ни къ чему *непригоднымъ*, его по-

стигла бы, безъ сомнѣнія, та же самая участь, которая выпала на долю судебно-мировыхъ учрежденій. Въ великой судебной реформѣ шестидесятыхъ годовъ раздѣленіе властей судебной и административной, безсословность и независимость суда занимали мѣсто отнюдь не менѣе важное, чѣмъ судъ присяжныхъ. Соединеніе судебныхъ и административныхъ функцій въ рукахъ чиновника-дворянина, назначаемаго и увольняемаго администраціей, представляется такимъ же рѣшительнымъ уклоненіемъ отъ основныхъ положеній 1862 г., какимъ была бы полная отмѣна суда присяжныхъ. Если *ограниченіе* суда присяжныхъ совпало, по времени, съ *упраздненіемъ* мирового суда, то заключеніе отсюда можетъ быть выведено только одно: судъ присяжныхъ найденъ „непригоднымъ" не *вообще*, а только по отношенію къ дѣламъ извѣстнаго рода. Законъ 7-го іюля—не чрезвычайная мѣра, вызванная экстренными обстоятельствами и ихъ только и имѣющая въ виду. У него нѣтъ ничего общаго съ правилами 12-го декабря 1866 г., измѣнившими подсудность дѣлъ о проступкахъ печати, или съ закономъ 9-го мая 1878 г., въ первый разъ распространившимъ компетенцію смѣшанныхъ судебныхъ присутствій (т.-е. коронныхъ судей и сословныхъ представителей). Правила 12-го декабря 1866 г. состоялись подъ вліяніемъ перваго оправдательнаго приговора, произнесеннаго окружнымъ судомъ по литературному процессу; законъ 9-го мая 1878 г.—подъ вліяніемъ оправдательнаго приговора по дѣлу Засуличъ. Между поводомъ къ измѣненію закона и самымъ измѣненіемъ его прошло, въ обоихъ случаяхъ, лишь нѣсколько недѣль; наскоро составленныя правила были торопливо разсмотрѣны и торопливо утверждены. Ничего подобнаго мы не видимъ въ исторіи закона 7-го іюля. Его нельзя пріурочить къ тому или другому отдѣльному процессу; поспѣшностью не отличались ни его подготовка въ министерствѣ юстиціи, ни движеніе его въ государственномъ совѣтѣ. Онъ представляетъ собою, повидимому, послѣднее—на нѣкоторое время—слово по вопросу о судѣ присяжныхъ, окончательное выраженіе взгляда, сложившагося въ оффиціальныхъ сферахъ. Отсюда ясно, что этотъ взглядъ не безусловно враждебенъ суду присяжныхъ. Если, по зрѣломъ размышленіи, извѣстная форма суда отмѣняется для одной части уголовныхъ дѣлъ и оставляется въ силѣ для другой, то это не можетъ быть объяснено иначе, какъ въ смыслѣ признанія ея вполнѣ подходящею къ дѣламъ послѣдняго рода. Судъ присяжныхъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сохраненъ закономъ 7-го іюля, кажется намъ надолго огражденнымъ отъ дальнѣйшаго ущерба.

Слабѣйшія стороны закона 7-го іюля мы видимъ именно въ томъ,

чтó составляетъ, въ глазахъ реакціонной печати, его главную силу. Когда судебные уставы, поставивъ судъ присяжныхъ во главу угла, какъ „наиболѣе естественный и справедливый“, исключили изъ его дѣйствія государственныя преступленія, въ этомъ не было никакого „логическаго абсурда“. Въ политической жизни не всегда возможно держаться прямой линіи; она требуетъ, сплошь и рядомъ, компромиссовъ, ограниченій, изъятій. Порядокъ, *вообще* признаваемый наилучшимъ, можетъ быть, или казаться, непримѣнимымъ къ тому или другому отдѣльному случаю, къ той или другой мѣстности, въ то или другое время. Никому не приходило въ голову провозглашать „логическимъ абсурдомъ“ пріостановку дѣйствія „Habeas corpus“, до сихъ поръ иногда допускаемую въ Англіи; никто не удивляется тому, что на Алжирію до сихъ поръ не распространены нѣкоторыя изъ числа французскихъ учрежденій. Когда, во время іюльской монархіи, государственныя преступленія и нѣкоторые проступки печати подлежали суду палаты пэровъ, противъ этого были заявляемы протесты во имя справедливости, во имя цѣлесообразности, но не во имя логики. Составители нашихъ судебныхъ уставовъ могли, не впадая въ противорѣчіе съ самими собою, находить судъ присяжныхъ наиболѣе совершенной процессуальной формой и не распространять его дѣйствія на одну спеціальную область уголовныхъ дѣлъ. Погрѣшностью противъ *логики* это было столь же мало, какъ невведеніе суда присяжныхъ на Кавказѣ или въ Царствѣ Польскомъ. Скажемъ болѣе: ничего непослѣдовательнаго не было и въ законѣ 9-го мая 1878 г., именно потому, что онъ имѣетъ характеръ временной мѣры и обнимаетъ собою лишь небольшое число преступленій. Можно утверждать, что въ немъ не было надобности, что онъ не достигъ предположенной цѣли, но нельзя находить его нелогичнымъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, нáскоро скованныхъ орудій, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, пускаются въ ходъ вездѣ и всегда и разсматриваются исключительно какъ expédients, какъ экстренные боевые рессурсы, а не какъ нормальныя составныя части стройнаго законодательства. Другое дѣло законъ 7-го іюля, изданный не на время, не подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ и не для одного разряда дѣлъ, рѣзко выдѣляющагося изъ всѣхъ остальныхъ. Къ нему неприложима мѣрка, подъ которую подходятъ предшествовавшія ему ограниченія компетенціи суда присяжныхъ. Оцѣняя его значеніе, нельзя не спросить себя, существуетъ ли дѣйствительное и достаточное различіе между преступленіями, исключаемыми имъ изъ сферы дѣйствій суда присяжныхъ, и преступленіями, оставляемыми въ вѣденіи этого суда? Мы видѣли уже, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только отрицательный.

Въ тѣхъ органахъ печати, характеристикой которыхъ можетъ служить формула: „ни то, ни сё“, ограниченіе круга дѣйствій суда присяжныхъ мотивируется нѣсколько иначе, чѣмъ въ реакціонныхъ газетахъ. Послѣднія видятъ въ законѣ 7-го іюля безусловное осужденіе суда присяжныхъ; первые находятъ, что судъ присяжныхъ признанъ непригоднымъ только для тѣхъ дѣлъ, по которымъ имъ всего чаще постановлялись оправдательные приговоры. Что высокій процентъ оправданій не доказываетъ еще, самъ по себѣ, неправильнаго отношенія присяжныхъ къ возложенной на нихъ задачѣ—объ этомъ мы уже говорили; теперь мы хотимъ указать только на то, что даже и подъ этотъ ошибочный критерій подходятъ не всѣ постановленія новаго закона. Не мало, сравнительно, оправдательныхъ приговоровъ произносится присяжными по дѣламъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, о преступленіяхъ противъ женской чести, объ убійствахъ, вызванныхъ ревностью; однако эти дѣла не изъяты изъ вѣденія суда присяжныхъ. Съ другой стороны, можно ли считать доказаннымъ, что по дѣламъ банковымъ присяжные были расположены къ излишней снисходительности? Одна изъ газетъ упомянутаго выше оттѣнка сожалѣетъ о томъ, что законъ 7-го іюля вышелъ въ свѣтъ только теперь, а не лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, „когда послѣ знаменитаго Струсберговскаго дѣла въ Москвѣ началась длинная серія дѣлъ о растратахъ и хищеніяхъ въ банкахъ, которыя обыкновенно оканчивались оправдательными вердиктами“. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Самъ Струсбергъ и главные его сообщники (Полянскій, Ландау) были осуждены присяжными; осужденъ Юханцевъ, осужденъ Рыковъ съ товарищами, осужденъ—при вторичномъ разборѣ дѣла—Свиридовъ; осуждены главные виновные по дѣлу кронштадтскаго банка, по дѣлу общества взаимнаго кредита. Были, конечно, банковые процессы, окончившіеся оправданіемъ; но то же самое можно сказать и о нѣсколькихъ громкихъ обвиненіяхъ въ кражѣ, мошенничествѣ или подлогѣ, а между тѣмъ кража, мошенничество и подлогъ (когда они влекутъ за собою лишеніе правъ) оставлены въ вѣденіи присяжныхъ.

По вопросу о составѣ суда, замѣняющаго судъ присяжныхъ, законъ 7-го іюля расходится съ первоначальнымъ проектомъ министерства юстиціи. Министерство предполагало поставить на мѣсто присяжныхъ, въ большинствѣ случаевъ, смѣшанное присутствіе, составленное изъ предсѣдателя и двухъ членовъ окружного суда, уѣзднаго предводителя дворянства, мѣстнаго городского головы и одного изъ мѣстныхъ волостныхъ старшинъ; смѣшанному присутствію судебной палаты предоставлялось только рѣшеніе болѣе важныхъ дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ. Законъ 7-го іюля подчиняетъ всѣ дѣла,

принадлежащія къ первымъ двумъ изъ числа указанныхъ нами категорій [1]), смѣшанному присутствію судебной палаты, составленному изъ предсѣдателя и трехъ членовъ уголовнаго департамента палаты, губернскаго предводителя дворянства, городского головы того губернскаго города, гдѣ дѣло разсматривается, и одного изъ мѣстныхъ волостныхъ старшинъ. Одного или двухъ членовъ палаты могутъ замѣнять, въ случаѣ надобности, члены мѣстнаго окружного суда. Нельзя сказать, чтобы одинъ изъ этихъ двухъ способовъ образованія смѣшаннаго присутствія имѣлъ рѣшительное преимущество передъ другимъ. Разсмотрѣніе дѣла въ окружномъ судѣ рѣже требовало бы выѣзда судей изъ постояннаго мѣста жительства, да и ѣздить приходилось бы не такъ далеко; менѣе тяжело было бы, во многихъ случаяхъ, положеніе свидѣтелей, обязанныхъ явиться въ судъ. Съ другой стороны, отъ членовъ палаты можно ожидать, говоря вообще, бóльшей опытности, чѣмъ отъ членовъ окружного суда (о губернскомъ представителѣ дворянства, сравнительно съ уѣзднымъ, этого сказать никакъ нельзя). Изъ кого бы ни было образовано, впрочемъ, смѣшанное присутствіе, ему во всякомъ случаѣ свойственны существенно-важные недостатки. Сословные представители, присоединенные къ короннымъ судьямъ, слишкомъ рѣдко могутъ сохранить самостоятельное отношеніе къ дѣлу. Присяжные обсуждаютъ дѣло отдѣльно отъ судей, не испытывая на себѣ постоянно всю тяжесть ихъ авторитета; сословнымъ представителямъ трудно отстаивать свои мнѣнія противъ цѣлой судебной коллегіи. Присяжные рѣшаютъ только вопросъ факта, для всякаго болѣе или менѣе понятный и доступный; сословнымъ представителямъ приходится принимать участіе въ рѣшеніи вопросовъ права, совершенно имъ незнакомыхъ. Въ особенности тяжелымъ ихъ положеніе становится тогда, когда въ средѣ коронныхъ судей происходитъ разногласіе, и сословнымъ представителямъ предстоитъ сдѣлать выборъ между двумя мнѣніями, одинаково для нихъ неубѣдительными. Всегда ли, притомъ, сословные представители стоятъ выше средняго уровня присяжныхъ? Волостной старшина, указанный жребіемъ, можетъ быть такимъ лицомъ, котораго ни одна коммиссія не рѣшилась бы включить въ очередной списокъ присяжныхъ. Городской голова нерѣдко принадлежитъ къ наименѣе развитой части купечества. А между тѣмъ законъ 7-го іюля ставитъ судъ съ участіемъ сословныхъ представителей настолько выше суда присяжныхъ, что, въ случаѣ необходимости совокупнаго разсмотрѣнія дѣлъ, изъ

---

[1]) За исключеніемъ дѣлъ о преступленіяхъ должности, когда обвиняемые, по своему званію, подсудны прав. сенату.

которыхъ одно подсудно суду съ сословными представителями другое—суду присяжныхъ, первому отдается преимущество передъ послѣднимъ, т.-е. рѣшенію его предоставляется и то дѣло, которое само по себѣ было бы подвѣдомственно суду присяжныхъ.

Совершенно незамѣченнымъ—между такими важными законодательными актами, какъ положеніе о земскихъ начальникахъ, введеніе судебной реформы въ прибалтійскомъ краѣ, ограниченіе круга дѣйствій суда присяжныхъ—прошелъ небольшой законъ 4-го мая о „квартирномъ довольствіи полицейскихъ чиновниковъ". А между тѣмъ онъ имѣетъ довольно существенное значеніе для городскихъ и земскихъ учрежденій. До сихъ поръ назначеніе квартирныхъ денегъ чиновникамъ уѣздной и городской полиціи—въ тѣхъ случаяхъ, когда квартиры не могли быть отведены имъ въ натурѣ—зависѣло отъ уѣздныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ. Наименьшая цифра этого назначенія была опредѣлена закономъ и давно уже перестала соотвѣтствовать дѣйствительнымъ цѣнамъ на квартиры (исправнику, напримѣръ, полагалось только 142 рубля въ годъ); максимумъ его ничѣмъ не былъ ограниченъ. Отсюда, со стороны полиціи, постоянныя домогательства о прибавкѣ. Несовмѣстныя съ служебнымъ положеніемъ полицейскихъ чиновниковъ, онѣ ставили въ неловкое положеніе и другую сторону, обязанную не допускать излишнихъ расходовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ понимавшую какъ нельзя лучше, что отъ усердія полиціи зависитъ, въ значительной степени, исправность поступленія городскихъ и земскихъ сборовъ. Уступчивость города или земства весьма часто, поэтому, оказывалась въ прямомъ соотношеніи съ настойчивостью полиціи. Сила сопротивленія земскихъ собраній уменьшалась еще, вдобавокъ, зависимостью отъ исправника нѣкоторыхъ гласныхъ—сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ. Бывали и такіе случаи, когда городскія думы награждали повышеніемъ квартирныхъ денегъ полиціймейстера, понравившагося городскимъ воротиламъ—и наоборотъ. Законъ 4-го мая полагаетъ конецъ всей этой торговлѣ, точно опредѣляя размѣръ квартирныхъ денегъ. Количество ихъ обусловливается, съ одной стороны, званіемъ полицейскаго чиновника (всего больше получаютъ, конечно, исправники и полиціймейстеры), съ другой—принадлежностью города къ одному изъ пяти разрядовъ, установленныхъ для исчисленія квартирныхъ окладовъ генераламъ, офицерамъ и класснымъ чиновникамъ военнаго вѣдомства. Исправникъ или полиціймейстеръ будетъ получать, напримѣръ, 700 рублей въ самой дорогой мѣстности, 300 рублей—въ са-

мой дешевой. Всякія выдачи, не установленныя закономъ, признаются неправильными, и губернаторамъ вмѣняется въ обязанность протестовать противъ постановленій городскихъ и земскихъ учрежденій, опредѣляющихъ такія выдачи. Все это слѣдуетъ признать вполнѣ цѣлесообразнымъ. Намъ извѣстенъ очень небольшой городъ, по всей вѣроятности принадлежащій къ послѣднему изъ вышеупомянутыхъ разрядовъ, въ которомъ квартирныя деньги исправнику были доведены, именно путемъ настояній и уступокъ, до пятисотъ рублей. Лѣтъ семь тому назадъ земское собраніе постановило-было возвратиться къ законной, минимальной нормѣ—но уже полгода спустя взяло назадъ свое рѣшеніе, какъ бы устрашась возможныхъ его послѣдствій. Нельзя не порадоваться тому, что такіе случаи не будутъ повторяться.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го сентября 1889.

Мирныя демонстраціи съ военнымъ оттѣнкомъ.—Поѣздка германскаго императора въ Англію и толки объ англо-нѣмецкомъ союзѣ.—Свиданіе двухъ императоровъ въ Берлинѣ.—Пребываніе Вильгельма II въ Страсбургѣ.—Военные посты и ихъ политическое значеніе.—Положеніе дѣлъ во Франціи.—Процессъ Буланже и его особенности.

Въ Европѣ всегда возбуждается тревога, когда въ оффиціальныхъ заявленіяхъ и въ печати усиленно повторяются указанія на могущественныя гарантіи прочнаго мира. Такихъ указаній и намековъ дѣлалось особенно много въ истекшемъ мѣсяцѣ. Поѣздка германскаго императора въ Англію породила толки о новыхъ политическихъ соглашеніяхъ, имѣющихъ цѣлью обезпеченіе мира; объ оффиціальномъ миролюбіи заговорили также по поводу послѣдовавшаго затѣмъ свиданія двухъ императоровъ въ Берлинѣ.

Къ сожалѣнію, миролюбивыя демонстраціи, устроиваемыя Германіею, имѣютъ преимущественно военный характеръ. Вильгельмъ II отправился въ Англію въ сопровожденіи значительной эскадры броненосцевъ, чтобы дать англичанамъ понятіе о новыхъ морскихъ силахъ нѣмецкой имперіи; англійское правительство, въ свою очередь, развернуло передъ нимъ все могущество британскаго флота, собравъ безъ особенныхъ затрудненій массу военныхъ кораблей для оффиціальнаго смотра на Спитгедскомъ рейдѣ, близъ Портсмута, 5-го августа (н. ст.). Нѣмецкіе броненосцы, не только по числу, но и по качествамъ и размѣрамъ, не выдерживали никакого сравненія съ англійскими; будучи меньше послѣднихъ того же типа, они двигались гораздо медленнѣе, не поспѣвали за ними и выпускали изъ своихъ трубъ густой, удушливый дымъ, свидѣтельствовавшій о плохомъ углѣ. Возведенный королевою Викторіей въ званіе почетнаго адмирала, Вильгельмъ II подробно осматривалъ это подавляющее собраніе внушительныхъ и стройныхъ броненосцевъ, предъ которыми совершенно терялась небольшая нѣмецкая эскадра. Въ глазахъ нѣмецкихъ правителей должно было невольно возвыситься значеніе Англіи для общаго хода европейской политики; возможная роль англичанъ въ будущихъ событіяхъ получала новое освѣщеніе въ восторженныхъ отчетахъ объ этомъ великолѣпномъ и грозномъ флотѣ,

часть котораго была показана германскому императору и его свитѣ. Имѣть это могущество на своей сторонѣ было бы весьма желательно для нѣмецкой дипломатіи, и вообще цѣнность англійскаго союза увеличилась, такъ сказать, на политическомъ рынкѣ.

Мысль о присоединеніи Англіи къ тройственному союзу, руководимому Германіею, сдѣлалась предметомъ дѣятельнаго обсужденія въ нѣмецкой печати, причемъ повторялись обычные аргументы о гарантіяхъ прочнаго мира. Казалось бы, что миръ достаточно обезпеченъ коалиціею такихъ державъ, какъ Германія, Австро-Венгрія и Италія, если даже допустить какіе-либо воинственные замыслы со стороны остальныхъ не менѣе миролюбивыхъ континентальныхъ государствъ. Въ дѣйствительности, стремленіе привлечь Англію въ сферу германской политики могло имѣть смыслъ вовсе не для цѣлей мира, а только на случай войны, для болѣе успѣшныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій противъ Франціи и Россіи. Англійскій флотъ грозилъ бы Россіи въ Черномъ морѣ и мѣшалъ бы французскимъ броненосцамъ блокировать нѣмецкіе порты, такъ какъ германскія морскія силы неспособны сами по себѣ оказать серьезный отпоръ французскимъ. Эти соображенія, вполнѣ убѣдительныя для нѣмцевъ, далеко не достаточны для англичанъ. Практическіе государственные люди Англіи готовы пользоваться дипломатическимъ содѣйствіемъ Германіи относительно Египта и восточныхъ дѣлъ, но они не станутъ и не могутъ —даже еслибы хотѣли—жертвовать британскимъ флотомъ для участія въ континентальной войнѣ, не затрогивающей непосредственно интересовъ Англіи. Англичане могутъ желать, чтобы въ будущей борьбѣ побѣдила Германія, а не Франція, соперничающая съ ними въ Египтѣ и въ другихъ мѣстахъ; но имъ нѣтъ разсчета заранѣе связывать себѣ руки и раздражать французовъ ради предполагаемыхъ будущихъ выгодъ нѣмецкаго союза. Всѣ разсужденія англійскихъ газетъ на эту тему носятъ поэтому какой-то неясный, двойственный характеръ: съ одной стороны, замѣчается желаніе оттѣнить солидарность съ Германіею въ заботахъ объ охранѣ европейскаго мира, а съ другой—видно уклоненіе отъ положительныхъ обязательствъ и выводовъ, могущихъ повредить добрымъ отношеніямъ съ Франціею. Такой же неопредѣленный характеръ имѣютъ заявленія англійскаго правительства въ парламентѣ, въ отвѣтъ на запросы оппозиціи по поводу слуховъ о секретныхъ переговорахъ и соглашеніяхъ съ берлинскимъ кабинетомъ. Англійскіе министры могли просто сослаться на то, что для Англіи не существуетъ другихъ обязательствъ, кромѣ извѣстныхъ парламенту и одобренныхъ имъ; но всякій понимаетъ, что можетъ установиться соглашеніе о совмѣстномъ образѣ дѣйствій безъ фор-

мальнаго обязательства или договора, въ разсчетѣ на благопріятные результаты предположенной политики. Несомнѣнно, что министерство лорда Сольсбери склоняется въ пользу такого молчаливаго союза съ Германіею и что оппозиція, вмѣстѣ съ большинствомъ англійскаго общества (насколько можно судить по настроенію печати), стоитъ рѣшительно за полное невмѣшательство во взаимные счеты великихъ военныхъ державъ материка. Нѣмецкіе оффиціозные органы, съ „Сѣверо-германскою газетою“ во главѣ, старательно подчеркивали малѣйшій признакъ сближенія между Германіею и Англіею и избѣгали споровъ даже о такихъ фактахъ, какъ захватъ экспедиціи доктора Петерса англійскимъ адмираломъ у береговъ Занзибара; теперь же, когда прошли торжественные дни пребыванія императора Вильгельма II при дворѣ королевы Викторіи, когда улегся шумъ военныхъ празднествъ на Спитгедскомъ рейдѣ и въ Альдершотѣ, въ нѣмецкой печати начинаетъ проявляться сознаніе, что надежды на Англію не имѣли въ сущности реальной основы и что безполезно было добиваться союза съ страною, для которой единственнымъ принципомъ внѣшней политики остается независимость и свобода дѣйствій. Отголосокъ этого сознанія можно видѣть въ разсужденіяхъ „Кёльнской газеты“, которая вообще протестуетъ противъ напраснаго ухаживанія за Англіею и вступаетъ по этому случаю въ полемику съ „Сѣверо-германскою газетою“.

Что идея англо-германскаго союза не пользуется популярвостью даже среди консервативной партіи въ Англіи, объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, недавняя рѣчь лорда Чёрчилля въ Бирмингамѣ. Бывшій членъ правительства лорда Сольсбери, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ и вліятельныхъ ораторовъ Англіи, лордъ Чёрчилль откровенно заявляетъ, что содѣйствіе князя Бисмарка въ египетскомъ вопросѣ обходится странѣ слишкомъ дорого, такъ какъ оно куплено цѣною отказа отъ прежняго преобладающаго положенія въ Занзибарѣ и отъ связанныхъ съ нимъ крупныхъ интересовъ англійской торговли, въ пользу нѣмецкой колоніальной политики, которая по существу своему есть политика агрессивная и внесла лишь разстройство и неурядицу въ африканскія отношенія. Изъ-за оккупаціи Египта и изъ-за поддержки ея нѣмецкою дипломатіею, Англія, по словамъ Чёрчилля, теряетъ дружбу „великой французской націи“, а нельзя съ легкимъ сердцемъ рисковать такою потерею. Что касается Россіи, то ораторъ не видитъ поводовъ относиться къ ней враждебно. По мнѣнію Чёрчилля, „существенные британскіе интересы не затрогиваются развитіемъ славянскаго преобладанія на Востокѣ. Мы можемъ,—продолжаетъ онъ,—сочувствовать движенію, которое въ об-

щемъ вѣроятно окажется на сторонѣ свободы; но мы не имѣемъ ни интереса, ни обязанности жертвовать англійскими средствами и жизнями для остановки, измѣненія или поощренія того движенія". По отношенію къ Россіи и къ восточнымъ дѣламъ высказался столь же миролюбиво и лордъ Сольсбери на банкетѣ у лорда-мэра: онъ призналъ образъ дѣйствій русской дипломатіи за послѣднее время вполнѣ правильнымъ и не находилъ вообще серьезныхъ причинъ къ опасеніямъ за сохраненіе мира на Востокѣ. Такой взглядъ на настоящее положеніе дѣлъ, повидимому, преобладаетъ въ Англіи, и поэтому трудно разсчитывать на поворотъ въ англійской политикѣ въ смыслѣ дѣйствительнаго присоединенія къ средне-европейскому тройственному союзу. Для подобнаго шага требовались бы вѣскіе политическіе мотивы, которыхъ не оказывается въ настоящее время.

Свиданіе двухъ союзныхъ императоровъ—германскаго и австрійскаго—не могло имѣть такого политическаго значенія, какъ поѣздка въ Англію. Прибытіе имп. Франца-Іосифа въ Берлинъ, 12-го августа, составляло лишь одинъ изъ многихъ повторявшихся за послѣдніе годы эпизодовъ тѣснаго политическаго общенія между правительствами Австріи и Германіи; это былъ въ сущности только отвѣтный визитъ, необходимый актъ вѣжливости, ожидавшійся заранѣе. И на этотъ разъ, при обмѣнѣ оффиціальныхъ привѣтствій, въ торжественныхъ заявленіяхъ миролюбія, слышалась военная, кому-то угрожающая нота. Въ тостѣ императора Вильгельма обращали на себя вниманіе слова, касающіяся арміи: армія, какъ выразился императоръ, „сознаетъ, что она призвана стоять на стражѣ для сохраненія мира нашимъ землямъ, вмѣстѣ съ храброю австро-венгерскою арміею, и сражаться рядомъ съ нею, за-одно, если такова будетъ воля Провидѣнія". Императоръ Францъ-Іосифъ смягчилъ отчасти этотъ военный тонъ, упомянувъ въ своемъ отвѣтѣ о благѣ народовъ и даже всей Европы; но и онъ выставилъ на первый планъ „неразрывное братство и товарищество обѣихъ армій". Для посторонняго наблюдателя не совсѣмъ ясно, почему и съ какою цѣлью ссылаются въ подобныхъ случаяхъ на сознаніе и настроеніе войскъ, которыя, по общему правилу, должны оставаться въ сторонѣ отъ политики и не могутъ высказывать свои мнѣнія о внѣшнихъ союзахъ и предпріятіяхъ. Армія имѣетъ одно только сознаніе — своего долга; она обязана повиновеніемъ своимъ вождямъ, и будущія совмѣстныя дѣйствія съ австро-венгерскими войсками могутъ быть только результатомъ приказанія, а не какого-либо сознательнаго внутренняго убѣжденія самой арміи. Нигдѣ военная дисциплина не соблюдается такъ строго, какъ въ Пруссіи, и еслибы какая-нибудь часть нѣмецкой арміи вздумала

дѣйствительно выражать свое „сознаніе" по вопросамъ внѣшней политики, она быстро приведена была бы къ молчанію. Пруссаки воевали съ австрійцами въ 1866 году, несмотря на сознаніе общаго нѣмецкаго единства; они дѣйствовали безпрекословно противъ бывшихъ союзниковъ, и впредь будутъ дѣйствовать такимъ же образомъ, направляясь туда, куда поведутъ ихъ начальники. Внесеніе военнаго элемента въ политику можетъ имѣть въ настоящемъ случаѣ только тотъ смыслъ, что австро-германскому союзу придается уже значеніе не просто политическаго, а военнаго союза, притомъ союза окончательнаго и безповоротнаго, не зависящаго отъ дальнѣйшихъ международныхъ комбинацій и долженствующаго превратиться въ „братство и товарищество" обѣихъ армій. Такъ какъ внѣшняя политика опредѣляется интересами народовъ и государствъ, а арміямъ принадлежитъ только роль исполнительная, то перенесеніе политическихъ союзовъ на военную почву должно вызывать тревожное чувство въ искреннихъ приверженцахъ прочнаго мира. Но подобныя мирныя демонстраціи съ военнымъ оттѣнкомъ входятъ въ обычную программу новѣйшей оффиціальной Германіи, и послѣдніе берлинскіе тосты не представляютъ ничего новаго въ этомъ отношеніи.

Послѣ отъѣзда австрійскаго императора изъ Берлина эти полувоенныя манифестаціи повторились въ Страсбургѣ и затѣмъ въ Мюнстерѣ, въ Вестфаліи. Первое посѣщеніе Эльзаса Вильгельмомъ II было встрѣчено нѣмецкою печатью съ патріотическимъ восторгомъ; оно было принято какъ вступленіе императора въ обладаніе присоединеннымъ краемъ и какъ залогъ окончательнаго водворенія въ немъ нѣмецкой власти. Нѣмецкія газеты были переполнены описаніями овацій, устроенныхъ императору частью эльзасскаго населенія, подъ дѣятельнымъ руководствомъ военныхъ и гражданскихъ властей. Многіе утверждали, что эльзасцы примирились наконецъ съ германскимъ владычествомъ или, по крайней мѣрѣ, отказались отъ прежней активной оппозиціи. Мѣстное представительство провинціи надѣялось воспользоваться случаемъ для возбужденія вопроса объ отмѣнѣ стѣснительныхъ паспортныхъ правилъ, неудобства которыхъ чувствуютъ на себѣ не только французы, но и нѣмцы. Императоръ не принялъ депутаціи за недосугомъ и предоставилъ ей письменно объяснить положеніе дѣла, а одному изъ дѣятелей администраціи, коснувшемуся щекотливаго предмета, дано было понять, что стѣсненія предписываются обстоятельствами. Оптимизмъ нѣмецкихъ патріотическихъ газетъ, очевидно, не раздѣляется Вильгельмомъ II, какъ это особенно ярко выразилось въ его отвѣтѣ на привѣтственную рѣчь предсѣдателя земскаго сейма въ Вестфаліи, послѣ пріѣзда въ

Мюнстеръ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго въ Страсбургѣ и Мецѣ, германскій императоръ напомнилъ въ Мюнстерѣ о возможности войны: „вестфальцы,—сказалъ онъ между прочимъ,—такъ же быстро поднимали свой мечъ, какъ и прочія племена, когда нужно было встать на защиту отечества, и я убѣжденъ, что сыны Вестфаліи окажутся въ первыхъ рядахъ, еслибы намъ еще разъ суждено было жертвовать своею кровью и достояніемъ за недавно достигнутое единство Германіи".

Частые разговоры о „мечахъ" и о войнѣ не должны, конечно, вести къ заключенію, что германская власть держится только силою оружія въ Эльзасѣ и Лотарингіи; новое зданіе университета въ Страсбургѣ, множество воспитательныхъ и общественныхъ союзовъ, библіотекъ и школъ — свидѣтельствуютъ о чемъ-то другомъ. Эти культурныя вліянія мало бросаются въ глаза спеціалистамъ военнаго дѣла, привыкшимъ посвящать все свое вниманіе осмотру крѣпостей и вооруженій; но если въ Эльзасѣ когда-нибудь прочно утвердится нѣмецкое господство, то этимъ нѣмцы будутъ обязаны не острымъ мечамъ Вестфаліи, а силѣ своего образованія, своей науки и культуры.

Въ противоположность военнымъ напоминаніямъ и заботамъ германскихъ правителей, мирное настроеніе безраздѣльно господствуетъ во Франціи, въ области внѣшней политики. Въ Парижѣ продолжаются празднества, конгрессы и съѣзды, въ связи съ блестящею всемірною выставкою. Въ Парижѣ дѣлаются также международныя демонстраціи, но не военно-политическія; часто идетъ рѣчь о „братствѣ и товариществѣ", но не армій; устроиваются банкеты и произносятся тосты, но только не въ честь будущей войны, а во имя мирнаго международнаго общенія. Изъ оффиціальныхъ празднествъ только одно имѣло отчасти политическій характеръ, но и оно относилось къ прошлому. Въ началѣ августа состоялось торжественное перенесеніе въ Пантеонъ останковъ генерала Лазаря Карно̀, извѣстнаго „организатора побѣды" въ революціонную эпоху, генераловъ Марсо́ и Латуръ д'Оверня, и депутата Бодэна, павшаго на баррикадѣ послѣ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года. Тѣла Карно и Латуръ-д'Оверня, похороненныя на германской территоріи, были переданы нѣмецкими властями французскимъ уполномоченнымъ, съ соблюденіемъ самой утонченной международной вѣжливости, при участіи мѣстныхъ нѣмецкихъ войскъ. Церемонія водворенія тѣлъ въ Пантеонѣ сопровождалась рѣчами, посвященными памяти погибшихъ героевъ и полными косвенныхъ намековъ на совре-

меннаго героя—Буланже. На слѣдующій день, 5-го августа, праздновалось открытіе новаго роскошнаго зданія Сорбонны, въ присутствіи множества студенческихъ депутацій отъ различныхъ европейскихъ университетовъ; это былъ международный праздникъ студенчества. Представители заграничныхъ корпорацій считались гостями парижской студенческой молодежи, которая исполнила свою роль хозяевъ съ обычнымъ французскимъ увлеченіемъ и искусствомъ, при щедромъ содѣйствіи городскихъ и правительственныхъ властей, и Эрнестъ Лависсъ могъ сказать иностраннымъ студентамъ на банкетѣ въ Медонѣ, что ихъ принимали и угощали, какъ принято было прежде только относительно иноземныхъ королей. Эти юные иностранцы, въ своихъ разноцвѣтныхъ студенческихъ шапочкахъ, сдѣлались на нѣсколько дней героями дня въ Парижѣ; передъ отъѣздомъ они были приняты въ особой аудіенціи президентомъ республики, напутствовавшимъ ихъ маленькою прощальною рѣчью, на тему о благотворности международнаго единенія.

Эти разнообразныя международныя празднества, центромъ которыхъ остается всемірная выставка, придаютъ послѣдней серьезное политическое значеніе и возводятъ ее на степень самаго краснорѣчиваго и сильнаго международнаго протеста противъ односторонней узко-національной политики, не знающей другихъ принциповъ, кромѣ взаимной вражды и соперничества, и допускающей одно только братство—по оружію. Президентъ Карнó съ справедливою гордостью указалъ на это значеніе выставки въ своей интересной рѣчи, произнесенной имъ на банкетѣ мэровъ, 18-го августа,—на этомъ колоссальномъ пиршествѣ тринадцати тысячъ человѣкъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Франціи, въ качествѣ выборныхъ представителей французскихъ общинъ, городскихъ и сельскихъ, крупныхъ и мелкихъ. „Писатели, ученые, промышленники, рабочіе, гимнасты, общества пѣнія, юноши обоихъ полушарій, прибывающіе сюда для участія въ нашихъ работахъ или для присоединенія своихъ знаменъ къ нашему трехцвѣтному знамени,—заявилъ между прочимъ президентъ,—оставляютъ здѣсь и уносятъ съ собою воспоминанія и симпатіи, которыя служатъ какъ бы посѣяннымъ между народами плодотворнымъ зерномъ дружескихъ отношеній, болѣе долговѣчныхъ, можетъ быть, чѣмъ союзы, и не заключающихъ въ себѣ другихъ чувствъ, кромѣ согласія и мира. Франція можетъ только выиграть отъ этого визита народовъ. Столь часто оклеветанная, столь часто осуждаемая перьями, руководимыми страстью или злобою, она можетъ показать себя такою, какова она есть, въ своей гостепріимной предупредительности, въ своемъ безкорыстіи, въ своемъ благородномъ

прямодушіи, и заставитъ покидающихъ насъ посѣтителей сказать, подобно поэту: всякій имѣетъ два отечества,—свое родное и затѣмъ Францію".

Среди шума всемірной выставки и сопровождающихъ ее торжествъ состоялся судъ надъ Буланже и его сообщниками, окончившійся обвинительнымъ приговоромъ по всѣмъ пунктамъ, какъ извѣстно уже изъ газетъ. Процессъ продолжался въ сенатѣ, превращенномъ въ верховный судъ, всего пять дней, отъ 8-го до 13-го августа; изъ нихъ три дня занято было обвинительною рѣчью генеральнаго прокурора, Кенѐ де-Борепэра. Такъ какъ подсудимые не явились, а разборъ представленныхъ доказательствъ и документовъ происходилъ при закрытыхъ дверяхъ, то публика не имѣетъ другого матеріала для сужденія о дѣлѣ, кромѣ прокурорской рѣчи. Длинная рѣчь Кене де-Борепэра составлена по обыкновенному типу французскихъ прокурорскихъ произведеній, и недостатки ея, указанные многими газетами, суть общіе недостатки французскаго судебнаго краснорѣчія. Еще до начала процесса буланжисты успѣли какимъ-то способомъ достать изъ тщательно оберегаемой казенной типографіи одинъ печатный экземпляръ протоколовъ верховнаго суда, съ показаніями свидѣтелей и съ обвинительнымъ актомъ прокурора. Это обстоятельство дало возможность генералу Буланже выступить заранѣе съ подробнымъ опроверженіемъ, которое и было обнародовано въ газетахъ отъ 5-го августа, подъ заглавіемъ: „къ народу, моему единственному судьѣ". Если сопоставить фактическія указанія генеральнаго прокурора съ возраженіями Буланже, то нельзя не замѣтить, что послѣдній почти не коснулся самой сущности обвиненія и останавливается лишь на фактахъ, имѣющихъ второстепенное значеніе. Буланже даже не пытается доказать, что его шумная уличная дѣятельность, внесшая смуту и раздоръ въ политическую жизнь Франціи, соотвѣтствовала законамъ страны и была нормальна и позволительна съ точки зрѣнія общественнаго порядка и спокойствія. Политическая жизнь настолько свободна во Франціи и этою свободою такъ широко пользуются всѣ партіи, что прибѣгать къ найму цѣлыхъ отрядовъ уличныхъ крикуновъ, съ платою по четыре франка въ день, для производства враждебныхъ правительству демонстрацій,—можно было только съ цѣлью насильственнаго ускоренія желательныхъ государственныхъ перемѣнъ. Эти наемныя буланжистскія банды, готовыя по первому приказу двинуться въ любой пунктъ Парижа или провинціи, представляли собою совершенно новый элементъ, внесенный впервые генераломъ Буланже въ борьбу политическихъ партій,—элементъ, несовмѣстимый съ условіями общественной безопасности и мирнаго государственнаго разви-

тія. Одного этого факта организаціи наемныхъ полчищъ для поддержки уличныхъ волненій и замѣшательствъ было бы болѣе чѣмъ достаточно для признанія Буланже виновнымъ въ посягательствѣ на безопасность государства, съ точки зрѣнія французскихъ законовъ. Объ этомъ фактѣ не упоминается, однако, ни однимъ словомъ въ отвѣтѣ Буланже. Еслибы послѣдній имѣлъ въ виду законную политическую карьеру, онъ не тратилъ бы милліоновъ, собранныхъ неизвѣстными путями, на неоднократныя избранія въ депутаты отъ различныхъ департаментовъ,—избранія, которыя казались бы безцѣльными для человѣка, бывшаго уже депутатомъ. Всѣ знали и видѣли, что Буланже добивается верховной власти въ той или другой формѣ; этого не скрывалъ и онъ самъ, усвоивъ себѣ вполнѣ образъ жизни и дѣйствій настоящаго претендента. Даже будучи уже подсудимымъ, онъ обращается къ „народу", какъ къ „своему единственному судьѣ", ставя себя такимъ образомъ въ совершенно исключительное положеніе, возвышающееся надъ положеніемъ обыкновенныхъ гражданъ, подчиненныхъ законамъ и судамъ своей страны.

На чемъ основано это удивительное притязаніе—понять трудно; но еще менѣе понятна защита Буланже со стороны заграничныхъ и въ томъ числѣ нѣкоторыхъ русскихъ газетъ, не имѣющихъ никакого интереса въ поддержаніи буланжистской неурядицы во Франціи. Странно видѣть, что нашъ вообще столь осторожный „Journal de St.-Pétersbourg" печатаетъ у себя рѣзкую критику дѣйствій французскаго „верховнаго суда", составленнаго изъ лучшихъ представителей французскаго общества—изъ громаднаго большинства сенаторовъ, и разсматривавшаго дѣло Буланже на основаніи спеціально изданнаго закона. Подобаетъ ли нашей дипломатической газетѣ осуждать судебные порядки и спеціальные законы такой страны, какъ Франція? Не поразительно ли, что на столбцахъ русской газеты доказывается несправедливость обвиненія человѣка за то, что онъ желалъ низвергнуть государственную власть въ своемъ отечествѣ и публично называлъ правителей не иначе, какъ „ворами"? Правда, во Франціи существуетъ республика, и о республиканскомъ правительствѣ дозволено говорить и печатать что угодно, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ ежедневно десятки буланжистскихъ и прочихъ оппозиціонныхъ газетъ; но и во Франціи существуютъ законы, обязательные для всѣхъ гражданъ, и это только признано и подтверждено приговоромъ верховнаго суда по дѣлу Буланже,—приговоромъ хотя отчасти и запоздалымъ, но несомнѣнно справедливымъ и законнымъ.

Въ корреспонденціи „Journal de St.-Pétersbourg" приведенъ одинъ мотивъ, который стóитъ того, чтобы на немъ остановиться. Сенатъ былъ будто бы незаконнымъ судилищемъ на томъ основаніи, что онъ

былъ заинтересованъ въ обвиненіи Буланже, ибо послѣдній требовалъ упраздненія сената; слѣдовательно, обвинившіе его сенаторы были политическіе его противники, взявшіе на себя роль судей въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Если держаться такого разсужденія, то никакой судъ немыслимъ по дѣламъ, подобнымъ настоящему, и правительство должно терпѣть самыя вопіющія нарушенія законовъ, когда эти нарушенія исходятъ отъ открытыхъ враговъ, къ которымъ нельзя сохранить безпристрастіе. Буланже отрицалъ не только сенатъ, но обѣ палаты, и парламентское управленіе, и конституцію 1875 года, и всѣ вообще основныя учрежденія республики; поэтому, по упомянутой выше теоріи, его могутъ судить только пріятели-буланжисты, которыхъ онъ не отрицалъ, и нѣтъ для него никакихъ законныхъ и безпристрастныхъ судей въ современной республиканской Франціи. Неужели слѣдовало воздержаться отъ обвиненія Буланже и предоставить ему свободу дѣйствій до тѣхъ поръ, пока ему удалось бы достигнуть своей завѣтной цѣли при помощи искусно организованной и непрерывно поддерживаемой уличной агитаціи? Еще ранѣе Буланже и независимо отъ него существовали во Франціи люди, требовавшіе упраздненія сената и другихъ радикальныхъ реформъ; но никому не приходило въ голову утверждать, что установленная законами власть сената не распространяется на этихъ дѣятелей и что сенаторы должны смотрѣть на нихъ, какъ на личныхъ противниковъ, которыхъ они неспособны были бы судить въ случаѣ совершенія ими посягательства на безопасность государства. Въ сущности невозможно было ожидать безпристрастія отъ кого бы то ни было во Франціи по отношенію къ генералу Буланже; онъ создавалъ себѣ враговъ и приверженцевъ во всѣхъ классахъ общества, возбуждая надежды въ однихъ, и опасенія и безпокойство—въ другихъ. Судебная магистратура неизбѣжно отражала въ себѣ эти различныя общественныя теченія и не могла бы отнестись безпристрастно къ Буланже уже вслѣдствіе своего сравнительно подчиненнаго положенія; буланжистскій терроръ былъ такъ силенъ и ожиданіе скораго торжества „генерала" высказывалось такъ увѣренно, что многіе чиновники и судьи должны были подумывать на всякій случай о пріобрѣтеніи благосклонности восходящаго политическаго свѣтила. Обыкновенные суды могли тѣмъ легче поддаться этому соблазну, что въ ихъ составѣ сохранилось много лицъ, связанныхъ съ консервативными партіями, которыя сдѣлали Буланже своимъ союзникомъ и возложили на него всѣ свои разнообразныя надежды. Наибольше открытыхъ враговъ имѣлъ Буланже въ палатѣ депутатовъ, которую онъ оскорблялъ публично, съ парламентской трибуны и въ своихъ манифестахъ; наименьше говорилось о немъ въ сенатѣ, съ которымъ онъ вообще

не имѣлъ никакого дѣла. Такъ какъ сенатъ есть самое высшее учрежденіе въ современной Франціи и состоитъ изъ лицъ, пользующихся наибольшею соціальною независимостью и почетомъ, то передача ему судебныхъ функцій для разбора и рѣшенія такого исключительнаго дѣла, какъ дѣло Буланже, прямо вытекаетъ изъ обстоятельствъ и была единственнымъ логическимъ выходомъ изъ указанныхъ затрудненій. Подобный же способъ верховнаго суда практикуется во всѣхъ государствахъ, за исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ судъ поставленъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Европѣ. Всякое другое правительство, на мѣстѣ нынѣшняго французскаго, поступило бы такъ же точно,—съ тою лишь разницею, что ни въ какой другой странѣ немыслима была бы политическая дѣятельность Буланже и нигдѣ не было бы допущено свободное развитіе партіи, имѣющей своимъ лозунгомъ водвореніе диктатуры уволеннаго въ отставку генерала и преслѣдующей эту цѣль посредствомъ грубыхъ издѣвательствъ надъ личностями правителей, надъ законами и учрежденіями страны. Нигдѣ не могъ бы возникнуть „несправедливый" процессъ Буланже, въ томъ видѣ, какъ онъ возникъ и оконченъ во Франціи,—по одной весьма простой причинѣ: ибо самъ Буланже былъ бы абсолютно невозможенъ или давно сидѣлъ бы въ крѣпости, послѣ перваго оскорбленія, публично брошеннаго въ лицо правительству. Нигдѣ дѣло не дошло бы до продолжительнаго хозяйничанія наемныхъ уличныхъ бандъ, и нигдѣ положеніе не доведено было бы до такого кризиса, чтобы позволительны были сомнѣнія въ существованіи законныхъ способовъ преслѣдованія виновныхъ. Необычайные приверженцы строгой законности и безпристрастія въ политическихъ процессахъ—въ родѣ корреспондента упомянутаго изданія — забываютъ почему-то, что прежнія правительства Франціи, какъ напр. Наполеоновское, не соблюдали въ подобныхъ случаяхъ никакихъ законныхъ формъ и предоставляли широкій просторъ мѣрамъ личнаго усмотрѣнія и произвола. Нечего и говорить, что Буланже, достигнувъ власти, не усомнился бы прибѣгнуть къ крутой расправѣ съ противниками; но тогда, пожалуй, тотъ же корреспондентъ примѣнилъ бы къ его дѣйствіямъ не принципы правосудія, а какую-нибудь иную, болѣе удобную и эластичную мѣрку, напр. идею водворенія порядка и мира въ странѣ.

Въ объясненіяхъ Кене́ де-Борепэра, на ряду съ ненужнымъ балластомъ мелочей, натяжекъ и произвольныхъ выводовъ, содержится много вѣрныхъ замѣчаній, которыя оставлены безъ отвѣта буланжистами. Такъ, генеральный прокуроръ вполнѣ основательно указываетъ на невѣрность того взгляда, по которому посягательство на безопасность и спокойствіе государства начинается только съ мо-

мента фактическаго покушенія, а не съ приготовительныхъ дѣйствій, дающихъ средства или очищающихъ путь къ перевороту. По этой теоріи, прежде чѣмъ судить Буланже, нужно было бы подождать, чтобы онъ приступилъ къ окончательному исполненію задуманнаго плана; но тогда было бы слишкомъ поздно, ибо переворотъ совершается уже послѣ того, какъ подготовлены всѣ шансы успѣха. Отложить преслѣдованіе до начала исполненія—значило бы отложить дѣло до захвата власти буланжистами или до кроваваго подавленія ихъ войсками въ случаѣ неудачи; и то, и другое было бы пагубно для республики. Нельзя было судить Бонапарта послѣ 18-го брюмера, когда власть была въ его рукахъ, или принца Наполеона послѣ 2-го декабря 1851 года; также точно было бы нелѣпо ждать начала осуществленія проектовъ Буланже для того, чтобы отдать его подъ судъ на законномъ основаніи. Кене́ де-Борепэръ выставилъ далѣе на видъ коренную разницу между прежними заговорами, составлявшимися во тьмѣ, и современными, производимыми на улицахъ и площадяхъ, въ печати и на сходкахъ, подъ руководствомъ комитетовъ, дѣйствующихъ секретно и располагающихъ обширными денежными фондами. Многихъ интересовалъ вопросъ, откуда беретъ Буланже тѣ милліоны, которые онъ тратитъ на пропаганду, на рекламу и на роскошную личную жизнь. Генеральный прокуроръ констатируетъ только, что Буланже получалъ множество денежныхъ и страховыхъ писемъ,—болѣе 1300 въ теченіе года; Буланже въ своемъ опроверженіи заявляетъ, что этою справкою, сдѣланною самимъ прокуроромъ, вполнѣ рѣшается вопросъ и устраняются всякія праздныя догадки. Но Кене́ де-Борепэръ справедливо находитъ, что деньги присылались для политическихъ цѣлей и могли быть добросовѣстно употребляемы только для этихъ цѣлей; а между тѣмъ Буланже, не имѣющій никакого личнаго состоянія, проживаетъ сотни тысячъ въ годъ на свои собственныя надобности и слѣдовательно роскошествуетъ просто на чужой счетъ, чѣмъ нарушаетъ элементарныя понятія о чести. Собирать деньги съ добровольныхъ жертвователей, чтобы свободно наслаждаться жизнью,—недостойно честнаго человѣка, и тѣмъ болѣе генерала, и это заключеніе Кене́ де-Борепэра не было какъ будто замѣчено генераломъ Буланже и его сподвижниками. Прокуроръ приводитъ фактъ, характеризующій ту циническую откровенность, съ какою принимались подаянія отъ сочувствующихъ: одинъ весьма извѣстный писатель послалъ свою кухарку съ луидоромъ для выраженія, отъ ея собственнаго имени, горячихъ симпатій къ буланжизму и для передачи золотой монеты на средства пропаганды; кухарка была благосклонно выслушана генераломъ, и ея луидоръ былъ принятъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что рѣчь Кене́ де-Борепэра была бы гораздо убѣ-

дительнѣе, еслибы эти и подобные имъ факты не загромождались массою сомнительныхъ подробностей и предположеній, дающихъ удобный матеріалъ для критики. Между прочимъ, прокуроръ разсказываетъ, со словъ публициста де-Прессансé, какую-то исторію о томъ, что одинъ изъ бывшихъ профессоровъ нашей военно-медицинской академіи, давно живущій въ Парижѣ и стоявшій нѣкоторое время во главѣ газеты „Gaulois", неоднократно говорилъ о Буланже съ извѣстнымъ берлинскимъ банкиромъ Блейхредеромъ во время пребыванія его въ Каннѣ, съ цѣлью побудить его передать князю Бисмарку успокоительныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ будущаго французскаго правителя. Свидѣтель де-Прессансè слышалъ объ этомъ отъ секретаря Блейхредера, съ которымъ познакомился въ одномъ изъ отелей въ Каннѣ. Означенный русскій посредникъ сообщилъ будто бы Блейхредеру планъ новаго государственнаго устройства Франціи, по мысли Буланже,—планъ, напоминающій плохую копію съ перваго консульства Наполеона I. Изъ этого разсказа, переданнаго изъ вторыхъ рукъ, обвинитель прямо выводитъ заключеніе о преступной попыткѣ Буланже войти въ сношенія съ германскимъ канцлеромъ, чтобы заручиться его поддержкою для задуманнаго государственнаго переворота. Очевидно, что секретарь Блейхредера не могъ бы присутствовать при подобныхъ разговорахъ, еслибъ послѣдніе имѣли значеніе секретныхъ сообщеній; сверхъ того, русскій поклонникъ генерала Буланже могъ говорить объ немъ и объ его планахъ безъ всякаго съ его стороны вѣдома и уполномочія, по личному своему вдохновенію. Считать Буланже отвѣтственнымъ за всѣ разговоры о немъ постороннихъ лицъ, къ числу которыхъ долженъ быть отнесенъ и бывшій русскій профессоръ, названный въ рѣчи прокурора, было конечно неосновательно; и такія явныя увлеченія Кене́ де-Борепэра, ничего не прибавляющія къ провинностямъ подсудимаго, усердно эксплуатируются теперь буланжистскою печатью во Франціи.

Опровергая обвиненіе въ растратѣ казенныхъ денегъ, генералъ Буланже разоблачаетъ нѣкоторые странные факты изъ критическаго періода пограничныхъ „инцидентовъ". Онъ сообщаетъ съ гордостью, что въ бытность его военнымъ министромъ у военнаго представителя одной великой державы похищенъ былъ французскими агентами весьма важный списокъ шпіоновъ, который и оставался въ рукахъ министерства въ теченіе одной ночи для снятія копіи и затѣмъ положенъ былъ на прежнее мѣсто, до возвращенія иностраннаго представителя на квартиру. Подобные подвиги патріотизма, по словамъ Буланже, требуютъ большихъ денежныхъ затратъ, и этимъ объясняется болѣе значительное расходованіе секретныхъ и резервныхъ суммъ при его управленіи военнымъ министерствомъ. Генералъ, спо-

ный обнародовать такія постыдныя тайны предъ лицомъ той самой жавы, представитель которой подвергся ночной кражѣ со стороны агентовъ, произноситъ себѣ этимъ гораздо худшій приговоръ, ъ постановленный рѣшеніемъ верховнаго суда и мотивированный іе де-Борепэромъ.

Само собою разумѣется, что политическій процессъ, приведшій къ іенію Буланже гражданскихъ правъ и къ заочному осужденію его пожизненное заключеніе въ крѣпости, не рѣшаетъ еще оконча- ьно вопроса о дальнѣйшей карьерѣ этого смѣлаго и до недавняго мени счастливаго политическаго предпринимателя. Положеніе дѣлъ етъ вполнѣ выяснено только парламентскими выборами, которые начены на 22 сентября (н. ст.).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го сентября, 1889.

— *Анучинъ.* О географическомъ распредѣленіи *роста мужского населенія* Россіи (по даннымъ о всеобщей воинской повинности въ Имперіи за 1874—1883 гг.) сравнительно съ распредѣленіемъ роста въ другихъ странахъ. Спб. 1889 (изъ „Записокъ" Географич. Общества по отдѣленію статистики, т. VII).
— *Анучинъ. О задачахъ русской этнографіи* (нѣсколько справокъ и общихъ замѣчаній). Москва, 1889 (Изъ „Этнографическаго Обозрѣнія").

Въ ряду немногихъ ученыхъ, которые посвящаютъ у насъ свои труды антропологическимъ изслѣдованіямъ, г. Анучину принадлежитъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Самая наука еще очень нова и даже въ западной Европѣ она только въ послѣднее время получила особую каѳедру въ университетахъ. У насъ единственнымъ ученымъ органомъ ея остается пока московское Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи; подобное общество, основавшееся недавно въ Петербургѣ, еще не успѣло проявить своей дѣятельности. Въ университетахъ нашихъ антропологическая наука дѣлаетъ еще только первые шаги; въ литературѣ антропологія представлена у насъ пока лишь нѣсколькими переводами иностранныхъ сочиненій (Тэйлоръ, Топинаръ, Брока́ и пр.) и нѣсколькими, или даже довольно многочисленными, изслѣдованіями по частнымъ предметамъ науки.

Къ числу такихъ изслѣдованій принадлежитъ и любопытный трудъ г. Анучина о ростѣ мужского населенія въ Россіи, у насъ первый общій трудъ этого рода. По новости предмета, авторъ начинаетъ съ общихъ свѣдѣній и посвящаетъ цѣлую главу географическому распредѣленію роста мужского населенія въ западной Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ, и прежде всего даетъ понятіе о самомъ началѣ научныхъ изслѣдованій по этому предмету въ европейской литературѣ. Эта западная литература уже довольно богата: много важныхъ изслѣдованій о ростѣ людей, на основаніи тѣхъ или другихъ ста-

тистическихъ данныхъ, а особливо данныхъ военной статистики, сдѣлано было французскими, нѣмецкими, англійскими, американскими учеными; изложеніе ихъ работъ доставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ автору возможность указать самое развитіе вопроса въ наукѣ. Ростъ человѣка, вмѣстѣ съ другими отличіями по цвѣту кожи, формѣ черепа и т. п., составляетъ одинъ изъ важныхъ антропологическихъ признаковъ расы; извѣстно однако, что ростъ очень видоизмѣняется даже въ средѣ одного и того же племени, что онъ подлежитъ разнообразнымъ вліяніямъ, дѣйствующимъ на человѣка, какъ чисто географическимъ — климата, мѣстоположенія (мѣстности низменныя, горныя, лѣсныя, болотныя и т. п.), такъ и вліяніямъ бытовымъ и соціальнымъ — жизни городской и сельской, достатка и бѣдности, питанія хорошаго или дурного, свойствъ ремесленнаго труда и т. д. Мнѣнія ученыхъ по этому предмету устанавливаются только въ послѣднее время: однимъ казалось, что рѣшающее значеніе относительно роста принадлежитъ расѣ, т.-е. племенной наслѣдственности, и напримѣръ французскіе ученые отыскивали въ современной Франціи слѣды древнѣйшихъ галльскихъ племенъ на сѣверѣ и на югѣ, послужившихъ основаніемъ французскаго народа; другіе, напротивъ, не находили возможнымъ принять это историческое объясненіе и съ каждымъ новымъ матеріаломъ, который былъ вводимъ въ изслѣдованіе, находили много другихъ факторовъ, вліявшихъ на ростъ населенія; въ концѣ концовъ вопросъ усложнялся до такой степени, что новѣйшія изысканія имѣютъ въ виду цѣлый рядъ причинъ, дѣйствующихъ на степень роста; напримѣръ одна наслѣдственность извѣстнаго рода фабричнаго труда имѣетъ обыкновеннымъ результатомъ пониженіе роста.

Вопросъ о ростѣ мужского населенія получаетъ спеціальный практическій интересъ въ примѣненіи къ военной статистикѣ, именно въ вопросѣ о большей или меньшей пригодности населенія къ исполненію воинской повинности. Изслѣдованіе подобнаго рода получаетъ особое практическое и научное значеніе въ странѣ какъ Россія, представляющей огромное территоріальное протяженіе и большое разнообразіе физическихъ и этнографическихъ условій. Наиболѣе удобнымъ образомъ матеріалъ для подобнаго изслѣдованія можетъ быть собранъ при посредствѣ данныхъ, собираемыхъ при выполненіи воинской повинности. Въ теченіе десяти лѣтъ дѣйствія этой повинности, 1874—1883, все призывное населеніе имперіи представляло цифру въ $7^1/_2$ милліоновъ, изъ которыхъ принято было въ войска 2 милліона съ небольшимъ. Статистическія данныя объ этихъ милліонахъ двадцатилѣтняго населенія опубликованы были въ 1886 г. Центральнымъ статистическимъ комитетомъ („Всеобщая воинская по-

винность въ Имперіи за первое десятилѣтіе, 1874—1883 гг. Разработана редакторомъ Ц. С. Комитета А. Сырневымъ". Спб. 1886). Кромѣ свѣденій о принятыхъ на службу, здѣсь сообщены также данныя о непринятыхъ за недостаточнымъ ростомъ, за болѣзнями и физическими недостатками, и хотя данныя сообщаются сводомъ за десять лѣтъ и касаются только двадцатилѣтнихъ (когда полный ростъ еще не достигается), но во всякомъ случаѣ собранный матеріалъ имѣетъ большую научную цѣнность. Надо замѣтить впрочемъ, что воинская повинность распространяется не на всѣ племена и не на всѣ мѣстности Россіи: такъ этой повинности не несутъ большинство инородцевъ сибирскихъ, туземцы Туркестана и Кавказа, въ самой Россіи самоѣды, калмыки и киргизы; далѣе не включена здѣсь Финляндія и области козацкаго населенія, такъ какъ послѣднія отбываютъ воинскую повинность инымъ способомъ.

На основаніи этого матеріала г. Анучинъ предпринимаетъ свое изслѣдованіе, дополнивъ этотъ источникъ всѣми другими болѣе частными работами, какія сдѣланы были до сихъ поръ у насъ, напримѣръ по изслѣдованію роста дѣтей, фабричныхъ, инородцевъ и т. д. Онъ подвергаетъ цифры изслѣдованію въ различныхъ отношеніяхъ, стараясь опредѣлить, насколько дозволяли источники, зависимость роста отъ различныхъ условій, дѣйствующихъ на физическую природу населенія. Онъ опредѣляетъ, напримѣръ, распредѣленіе процента изъятій отъ воинской повинности за недостаточностью роста, далѣе—центры низкаго и высокаго роста, относительное число высокорослыхъ новобранцевъ по губерніямъ, распредѣленіе средняго роста по губерніямъ и уѣздамъ, и затѣмъ предпринимаетъ изслѣдованіе условій, оказывающихъ вліяніе на степень роста населенія. Какъ мы выше замѣчали, они весьма разнообразны. Во-первыхъ, это условія географическія: бóльшая или мéньшая близость къ морю, высота страны надъ уровнемъ моря; далѣе условія почвы, климатъ, степень плотности населенія, половой составъ, процентъ смертности, степень достатка. Во-вторыхъ, это условія антропологическія и этнографическія. Авторъ ставитъ вопросъ о ростѣ населенія въ связь съ историческимъ распространеніемъ русскаго племени путемъ занятія и колонизаціи инородческихъ земель на сѣверѣ и востокѣ, и старается прослѣдить какъ вліяніе русскаго, напримѣръ новгородскаго, типа въ колонизованныхъ мѣстностяхъ, такъ и наоборотъ воздѣйствіе типовъ инородческихъ въ племенномъ смѣшеніи.

Къ изслѣдованію приложенъ цѣлый рядъ картъ, гдѣ наглядно изображены различныя процентныя отношенія роста въ европейской Россіи: напримѣръ процентъ, по губерніямъ, непринятыхъ за не-

достаточностью роста, процентъ очень высокорослыхъ новобранцевъ, средній ростъ по губерніямъ и уѣздамъ и т. д.

Въ брошюрѣ: „О задачахъ этнографіи" (составляющей отдѣльный оттискъ изъ предпринятаго теперь „Этнографическаго Обозрѣнія") авторъ дѣлаетъ краткій обзоръ исторіи нашей этнографической науки и указываетъ вопросы, которые предстояли бы ей по изученію русскаго народа. Упомянувъ о статьѣ съ тѣмъ же заглавіемъ, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Европы", 1885, и гдѣ говорилось въ особенности о томъ, сколько недостающихъ свѣденій нужно было бы еще собрать русской этнографіи, г. Анучинъ дѣлаетъ упрекъ этой статьѣ, что она говоритъ только о собираніи матеріала, между тѣмъ какъ необходимы уже настоящія изслѣдованія по множеству вопросовъ, которые представляются въ этой области знанія. Упрекъ намъ кажется не совсѣмъ справедливымъ, потому что въ упомянутой статьѣ „Вѣстника Европы" говорилось именно о приготовленіи матеріала для *изслѣдованій*, которыя именно и составляютъ цѣль науки, и указывались примѣры трудовъ подобнаго рода, которые оставались и остаются неполными или невѣрными вслѣдствіе малой предварительной разработки. Для чего вообще и собираютъ матеріалы, какъ не для того, чтобы быть разработанными въ изслѣдованіяхъ? Во всякомъ случаѣ г. Анучинъ, настаивающій именно на необходимости изслѣдованій, которыя обобщали бы и разработывали наличный матеріалъ, даетъ любопытныя разъясненія предмета, которыя послужатъ съ пользой для тѣхъ, кого занимаютъ успѣхи нашей этнографіи.

Указавъ на различныхъ примѣрахъ необходимость изслѣдованія различныхъ бытовыхъ отношеній, важнаго какъ для нашего собственнаго самосознанія, такъ и въ интересахъ цѣлой антропологической науки, г. Анучинъ замѣчаетъ, что подобное изученіе могло бы имѣть и прямую практическую пользу въ разрѣшеніи различныхъ вопросовъ нашего непосредственнаго быта. „Для русскаго общества,—говоритъ онъ,—всѣ эти результаты этнографическихъ изслѣдованій могутъ принести и другую важную пользу (кромѣ доставленія данныхъ для общей антропологіи). Они познакомятъ насъ ближе съ нашимъ народомъ, уяснятъ намъ его міровоззрѣніе, его стремленія и его потребности, позволятъ заглянуть глубже въ его духовный міръ, и тѣмъ дадутъ важное дополненіе къ выводамъ русской исторіи, по отношенію къ выработкѣ вѣрнаго, истинно-народнаго самосознанія. Незнакомство съ этнографическими данными, непониманіе быта, состоянія и потребностей народа было у насъ уже причиною многихъ административныхъ и законодательныхъ ошибокъ, какъ по отношенію къ инородцамъ, такъ и къ собственно-русской народности. Благодаря этимъ ошибкамъ, напримѣръ, буряты изъ шаманистовъ

сдѣлались буддистами, а киргизы—магометанами, чѣмъ, можетъ быть, отрѣзанъ навсегда путь къ ихъ слiянію съ русскимъ народомъ. Вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ ихъ обращенію въ христіанство и къ противодѣйствію вліянію буддизма и магометанства, у насъ было признано, что буддизмъ и магометанство, во всякомъ случаѣ, лучше шаманизма, и тѣмъ косвенно была дана возможность утвердиться этимъ религіямъ, которыя, между тѣмъ, способны противостоять гораздо крѣпче христіанству, чѣмъ первобытныя вѣрованія. На Кавказѣ у насъ также поддерживали иногда, мѣстами, хановъ и аристократію противъ взглядовъ и желаній народа; въ другихъ случаяхъ не принимали мѣръ противъ эксплуатаціи одной народности другою, или побуждали къ перемѣнѣ быта, напримѣръ, кочевого на осѣдлый, хотя послѣдній не могъ упрочиться по мѣстнымъ условіямъ, и т. под. Не мало было у насъ также реформаторовъ, стремившихся разрушить сельскую общину или ввести ее тамъ, гдѣ ея не создалъ самъ народъ, или навязать народу чуждыя ему понятія въ сферѣ семейныхъ отношеній, наслѣдованія и т. под. Не все, конечно, раздѣляемое и сохраняемое народомъ можетъ быть признано справедливымъ, разумнымъ и заслуживающимъ сохраненія и поддержки, но, съ другой стороны, и навязываніе ему чуждыхъ формъ, отъ которыхъ для него не можетъ быть никакой пользы, также нежелательно и способно лишь разрушить коренные устои его жизни. Данныя этнографіи (и, прибавимъ, статистики) могутъ быть важными свидѣтельствами въ вопросахъ, касающихся организаціи и улучшенія народнаго быта, и съ ними нельзя не считаться при всякой серьезной реформѣ крестьянскихъ отношеній и порядковъ".

Къ приведеннымъ примѣрамъ можно было бы прибавить еще много подобныхъ и не меньшей важности. Къ сожалѣнію, у насъ слишкомъ мало привыкли справляться съ данными этого рода, какъ съ другой стороны и сама этнографическая наука еще слишкомъ до сихъ поръ была поглощена деталями, и не настолько овладѣла основными общими вопросами народнаго быта, чтобы давать выводы и практическія указанія въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это было бы желательно.

— *Сочиненія Н. В. Гоголя.* Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ *Тихонравовымъ*. Томъ IV. Изданіе книжн. маг. В. Думнова, подъ фирмою Наслѣдники бр. Салаевыхъ. М., 1889.

Въ Литературномъ Обозрѣніи было говорено о двухъ томахъ новаго изданія Гоголя, приготовляемаго „наслѣдниками братьевъ Салаевыхъ" подъ редакціей г. Тихонравова. Мы говорили о 1-мъ и

5-мъ томахъ; теперь вышелъ 4-й, заключающій въ себѣ: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями"; статью о „Современникѣ"; „Авторскую исповѣдь"; письмо къ Жуковскому; варіантъ второй части „Мертвыхъ Душъ" и „Размышленія о божественной литургіи". Съ выходомъ этого тома новое изданіе поступило въ продажу.

Настоящій томъ составленъ въ редакціонномъ отношеніи по той же программѣ, о которой мы имѣли случай говорить по поводу двухъ прежнихъ томовъ. Сочиненія Гоголя издаются здѣсь со всею точностью, какой только можетъ требовать ученая критика: тексты печатаются по рукописямъ Гоголя или по изданіямъ, имъ просмотрѣннымъ и одобреннымъ; въ случаѣ, когда существуютъ различные тексты, тщательно сопоставляются ихъ варіанты; наконецъ, каждое произведеніе Гоголя сопровождено обстоятельнымъ комментаріемъ, въ которомъ сообщаются свѣденія о томъ, когда и въ какихъ обстоятельствахъ написано было данное произведеніе. Редакторъ изданія желалъ сохранить все, чтò только осталось въ уцѣлѣвшихъ рукописяхъ Гоголя. Какъ извѣстно, Гоголь работалъ надъ главнѣйшими своими произведеніями, а можетъ быть и надъ всѣми, долго и внимательно: объ этомъ въ особенности свидѣтельствуютъ тексты „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ"; онъ по нѣскольку разъ исправлялъ написанное; исправленные и переписанные тексты снова пересматривались, пока, наконецъ, онъ былъ доволенъ ихъ обработкой. Вслѣдствіе этого тамъ, гдѣ его произведенія сохранились въ рукописяхъ, испытавшихъ этотъ процессъ, трудъ редактора становится чрезвычайно сложнымъ и механически труднымъ. Такова, напримѣръ, работа, какая предстояла г. Тихонравову при изданіи помѣщенныхъ въ IV томѣ главъ второй части „Мертвыхъ Душъ". Вотъ нѣсколько замѣчаній г. Тихонравова о состояніи той рукописи, съ какой ему пришлось имѣть дѣло: „Исправленные главы и отрывки второго тома „Мертвыхъ Душъ" извлечены изъ той же рукописи, по которой тѣ же главы и отрывки въ первоначальныхъ редакціяхъ напечатаны въ третьемъ томѣ настоящаго изданія. Надъ зачеркнутыми словами, строками, иногда даже страницами предшествующей редакціи Гоголемъ набрасывались въ разное время поправки и дополненія. Нерѣдко одно и то же мѣсто (особенно въ первой главѣ) передѣлывалось по два, по три раза. Неумѣщавшіяся подъ текстомъ поправки и дополненія лѣпились на поляхъ страницъ, бòльшею частію безъ обозначенія, куда онѣ должны быть отнесены или вставлены. Нерѣдко мѣсто, замѣненное новымъ текстомъ, не зачеркивалось. Въ послѣдней изъ уцѣлѣвшихъ главъ новый текстъ набросанъ, рѣзко-черными чернилами, въ отдѣльныхъ отрывкахъ, не покрывающихъ всего предшествующаго текста, такъ что установить связь между этими неоконченными поправками и старымъ текстомъ, вдобавокъ незачеркнутымъ, очень трудно, иногда

невозможно. Дополненія къ первой главѣ нерѣдко расположены столбиками на всѣхъ свободныхъ мѣстахъ страницы, и послѣдовательность, въ которой должны быть размѣщены эти дополненія и поправки, не указана: это—совершенный хаосъ, который могъ быть приведенъ въ гармонію только самимъ творцомъ поэмы" (стр. 563).

По характеру почерка, по цвѣту чернилъ, по карандашу и т. п., г. Тихонравовъ различалъ здѣсь четыре періода исправленій первоначальнаго текста, кромѣ отдѣльныхъ поправокъ, время которыхъ не могло быть опредѣлено. Разобраться въ этомъ было, конечно, не легко, но въ концѣ концовъ получается исторія текста, которая послужитъ драгоцѣннымъ матеріаломъ для будущаго біографа и критика Гоголя. Какой обширный трудъ произведенъ былъ редакторомъ, можно видѣть изъ того, что примѣчанія и варіанты къ 4-му тому заняли до полутораста страницъ (стр. 465—619). Комментарій также составленъ весьма внимательно. Въ примѣчаніяхъ къ „Выбраннымъ Мѣстамъ" г. Тихонравовъ собралъ изъ переписки Гоголя и другихъ современныхъ показаній исторію этой книги съ первой мысли Гоголя объ этомъ произведеніи и до его изданія; вездѣ онъ старается установить точную хронологію писемъ, указать лица, которымъ они были адресованы, прослѣдить совпаденія „Выбранныхъ Мѣстъ" съ другими замѣтками Гоголя и, напримѣръ, со второю частью „Мертвыхъ Душъ", и т. д. Наконецъ, приведены обстоятельства самаго изданія книги. Подобнымъ образомъ комментированы и всѣ другія произведенія, между прочимъ совершенно новыми данными („Размышленія о божественной литургіи" и пр.).

Однимъ словомъ, въ настоящемъ изданіи наша литература пріобрѣтаетъ первое критическое изданіе писателя, имѣвшаго такую громадную роль въ развитіи нашей литературы и такую печальную личную судьбу. Съ этимъ изданіемъ впервые возможна будетъ не только исторія произведеній Гоголя, но и исторія его внутренней жизни, для которой, съ другой стороны, является теперь въ печати новый изобильный матеріалъ въ перепискѣ его и его друзей.

— *Греко-болгарскій церковный вопросъ* по неизданнымъ источникамъ. Историческое изслѣдованіе *В. Теплова.* Императорскою Академіею Наукъ удостоено Уваровскаго почетнаго отзыва. Спб., 1889.

Предметъ, на которомъ останавливается г. Тепловъ, давно, уже лѣтъ тридцать, разбирается, между прочимъ, и въ нашей литературѣ. Въ предисловіи авторъ могъ насчитать значительное число сочиненій, ему посвященныхъ (хотя списокъ его все-таки неполонъ: не упо-

мянуты, напримѣръ, давнишнія статьи Спиридона Палаузова, недавняя книга кіевскаго профессора П. Н. Петрова, книга по исторіи южно-славянскихъ церквей профессора Голубинскаго и др.). Самъ г. Тепловъ, кромѣ названныхъ имъ печатныхъ сочиненій, имѣлъ возможность пользоваться матеріаломъ совсѣмъ неизданнымъ.

„Главный и самый богатый матеріалъ доставилъ мнѣ архивъ посольства нашего въ Константинополѣ, которымъ я пользовался съ разрѣшенія нашего посла Е. П. Новикова. Ходъ переговоровъ и различные фазисы, чрезъ которые проходилъ греко-болгарскій церковный вопросъ за время, начиная съ крымской войны, изложены и разобраны мною на основаніи политическихъ депешъ посольства, консульскихъ донесеній, переписки съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а также на основаніи мемуаровъ, записокъ и другихъ дипломатическихъ документовъ. Не мало пользы принесли мнѣ воспоминанія принимавшихъ личное участіе въ церковномъ вопросѣ настоятеля посольской церкви архимандрита Смарагда и доктора Каракановскаго, родомъ болгарина.

„Ко всему перечисленному нужно присоединить еще и мои личныя воспоминанія, вынесенныя изъ одиннадцатилѣтняго пребыванія моего въ Константинополѣ съ 1870 по 1881 г., причемъ на глазахъ моихъ разыгрались всѣ главныя проявленія остраго періода греко-болгарскаго вопроса".

Несмотря на то, что въ нашей литературѣ много разъ велась рѣчь о греко-болгарской распрѣ, у насъ не было до сихъ поръ цѣльнаго изложенія ея исторіи; поэтому книга г. Теплова является весьма цѣннымъ дополненіемъ нашихъ историческихъ свѣденій, и заслуга автора была признана Академіей Наукъ. Мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Въ началѣ своего изложенія авторъ оговариваетъ названіе греко-болгарскаго спора „церковнымъ": „Изученіе историческаго хода и развитія греко-болгарскаго вопроса, — говоритъ онъ, — не можетъ не привести къ заключенію, что присвоенный вопросу этому эпитетъ „церковнаго" не вполнѣ точенъ, такъ какъ можетъ относиться развѣ лишь ко внѣшней сторонѣ идущаго между двумя народностями спора. Въ сущности это вопросъ политическій, выражающій собою стародавнюю вражду грековъ и болгаръ изъ-за обладанія Балканскимъ полуостровомъ". Поэтому для объясненія явленій, совершающихся въ настоящую минуту, авторъ обращается къ исторіи и начинаетъ, такъ сказать, ab ovo, съ перваго водворенія болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ, и ведетъ исторію вопроса съ первой встрѣчи болгаръ съ греками и до послѣднихъ годовъ. Относительно древняго періода ему не пришлось дѣлать особыхъ изслѣдованій; онъ

воспользовался для той поры популярнымъ сочиненіемъ Доброва. Въ появлявшихся разборахъ книги г. Теплова было уже указано, что несмотря на цѣлый рядъ сочиненій, названныхъ имъ въ числѣ источниковъ, въ его книгѣ нѣтъ ни одной цитаты: это, конечно, недостатокъ, потому что читатель лишается возможности провѣрить его показанія; въ изложеніи г. Теплова слиты въ безразличное цѣлое и тѣ данныя, которыя онъ почерпаетъ въ своемъ матеріалѣ, и его собственная редакція источниковъ. Упрекали его и въ нѣсколько тенденціозной постановкѣ новѣйшихъ греко-болгарскихъ отношеній и участія въ нихъ русскаго посольства въ Константинополѣ, во главѣ котораго стоялъ тогда генералъ Игнатьевъ (впослѣдствіи графъ). Мы не будемъ касаться этого послѣдняго вопроса, для точнаго объясненія котораго понадобились бы не пересказы документовъ, представляемые г. Тепловымъ, а сами подлинные документы. Вообще изложеніе автора ведется въ видахъ содѣйствовать умиротворенію прискорбной для православнаго міра распри единовѣрныхъ народовъ, и въ концѣ книги г. Тепловъ вспоминаетъ и выписываетъ для убѣжденія враждующихъ сторонъ слова знаменитаго церковнаго учителя (стр. 244). По всей вѣроятности эти слова Василія Великаго не безъизвѣстны и греческимъ, и болгарскимъ іерархамъ, замѣшаннымъ въ спорѣ, и самъ г. Тепловъ уже въ началѣ книги указывалъ, что споръ не есть собственно, или только, церковный, а главнымъ образомъ политическій; надо опасаться, что въ наше слабо вѣрующее время ни увѣщанія христіанской любви, ни каноническая казуистика не устранятъ этой политической подкладки дѣла. Въ теченіе изложенія г. Тепловъ самъ разсказалъ въ изобиліи примѣры враждебнаго, даже невыносимаго отношенія грековъ къ болгарамъ, котораго было достаточно, чтобы внушить послѣднимъ крайнее раздраженіе противъ первыхъ. Напримѣръ: „Греческое духовенство было чуждо своей паствѣ и смотрѣло на нее лишь какъ на стадо овецъ, годныхъ исключительно къ стрижкѣ, которая и производилась постоянно, причемъ подати взыскивались нерѣдко съ явными насиліями и жестокостями“ (стр. 32). Въ другихъ мѣстахъ г. Тепловъ разсказываетъ о чрезвычайномъ упорствѣ грековъ въ ихъ политическихъ идеяхъ и замѣчательномъ единодушіи и выдержкѣ, съ какими они проводятъ свои политическія цѣли, между прочимъ съ помощью церковныхъ средствъ: при этомъ положеніи двухъ сторонъ едва ли возможно рѣшеніе спорнаго вопроса путемъ платоническихъ увѣщаній. Кромѣ того, въ настоящую минуту крайняго внутренняго политическаго возбужденія въ самой Болгаріи сами болгарскіе іерархи становятся безсильны въ средѣ собственнаго народа.

Въ своемъ взглядѣ на историческія событія недавняго прошлаго и

на событія современныя г. Тепловъ держится, къ сожалѣнію, той точки зрѣнія, входящей у насъ въ рутину, гдѣ вмѣсто спокойнаго обсужденія реальныхъ отношеній вводятся соображенія сентиментальныя: „русское дѣло", „славянское дѣло", православіе изображаются окруженными враждой, кознями враговъ, подстерегающихъ ихъ на каждомъ шагу и мѣшающихъ самымъ нашимъ прекраснымъ чувствамъ и намѣреніямъ. Эти вѣчныя жалобы на враговъ, насъ повсюду обижающихъ, не отвѣчаютъ, наконецъ, самому достоинству славянскаго или русскаго дѣла, православія и т. д. Извѣстно съ самаго начала исторіи, что въ международныхъ политическихъ отношеніяхъ не было и нѣтъ мѣста для чувствительности; эти отношенія всегда больше или меньше построены на матеріальномъ интересѣ, враждѣ, соперничествѣ, которыя только умѣряются дипломатическими соглашеніями, а внѣ ихъ обнаруживаются просто войнами, почти всегда разрушительными и кровожадными. Нечего жаловаться, что противная сторона старается воспользоваться каждою нашею слабостью, ошибкой, недосмотромъ въ свою пользу, потому что обыкновенно и мы, когда можемъ, стараемся дѣлать то же самое и гордимся тогда мудростью, проницательностью, тонкостью нашей собственной политики.

Могли бы быть болѣе точны и другія положенія, выставляемыя авторомъ. Напримѣръ, указавъ, что въ началѣ столѣтія Россія помогла независимости Сербіи, авторъ продолжаетъ: „правда, въ политикѣ этой былъ нѣкоторый перерывъ, когда послѣ Вѣнскаго когресса и подъ вліяніемъ Священнаго Союза, внѣшняя политика Россіи сдѣлалась *достояніемъ иностранцевъ* и когда возможны были такія явленія, какъ отказъ Россіи принимать въ войну 1828 года въ ряды своей арміи болгаръ изъ-за того, что они были для нея лишь мятежными подданными султана. Но перерывъ этотъ былъ непродолжителенъ, и вскорѣ Россія снова вернулась къ своей освященной преданіями политикѣ" (стр. 29). Чтó хочетъ авторъ сказать словами: „достояніемъ иностранцевъ"? Это или странное недоразумѣніе, или авторъ долженъ былъ объяснить свою мысль болѣе удовлетворительно. Въ то время, о которомъ говоритъ авторъ, внѣшняя политика Россіи находилась въ рукахъ императора Николая I.

На слѣдующей страницѣ читаемъ, что послѣ крымской войны, когда на Востокѣ и въ самой европейской Турціи стали усиливаться западныя вліянія—„посредствомъ усилившихся религіозныхъ пропагандъ, обаятельной силы европейскаго образованія, промышленности, торговли и фальшиваго либерализма" (?),—и сталъ возрастать національный принципъ, то и Россія должна была измѣнить програму своей политической дѣятельности относительно христіанскаго населенія Турціи. А именно: „исключительное поддержаніе принципа

православія уже оказывалось недостаточнымъ, и мы не могли болѣе оставаться чуждыми повсюду громко пробуждающемуся чувству народности, и вотъ Россія, силой историческаго хода вещей и *подъ опасеніемъ* утратить или, по крайней мѣрѣ, ослабить свое вліяніе на турецкихъ христіанъ, должна была неминуемо явиться первою пособницей ихъ народнаго развитія и сообщницей въ дѣлѣ достиженія ими національной независимости". Значитъ, политика, „освященная преданіями", все-таки измѣнилась?

Католическая пропаганда изображается вообще какъ злостная интрига: она „закидываетъ сѣти въ мутной водѣ" и, благодаря обстоятельствамъ, получаетъ „богатый уловъ". Напр. католическіе пропагандисты „стали *нашептывать*" болгарскому населенію Македоніи, угнетаемому греками и турками, что, „лишь покинувъ православіе, оно можетъ измѣнить свое положеніе и избавиться отъ преслѣдованій" (стр. 218). Но тутъ же оказывается, что, во-первыхъ, католики не нашептывали, а говорили вслухъ, а во-вторыхъ, что „поддерживаемымъ австрійскими консулами, католическимъ миссіонерамъ *удалось показать примѣры* своего вліянія надъ отдѣльными, ими совращенными личностями, которыхъ турецкія власти *перестали* подвергать арестамъ и соединеннымъ съ ними страданіямъ" (тамъ же). Дѣло въ томъ, что, какъ нѣсколько разъ указано самимъ авторомъ, переходъ болгаръ въ католицизмъ, иногда цѣлыми городами, происходилъ именно въ связи съ ходомъ распри: какъ только греки брали верхъ, болгары принимали католицизмъ, потому что тѣмъ самымъ ставили себя подъ защиту католическихъ державъ или папскаго вліянія; то и другое было достаточно дѣятельно, чтобы вступаться за новыхъ единовѣрцевъ,—напротивъ, какъ православные, они были предоставлены самимъ себѣ и не находили такой защиты. Наоборотъ, когда болгарское дѣло шло лучше, они снова возвращались къ православію. Тепловъ укоряетъ ихъ за это: „маловѣрные болгары изъ-за матеріальныхъ выгодъ, а, можетъ быть, припоминая примѣры своихъ предковъ, стали продавать—за обѣщанную иностранную поддержку, какъ за новую чечевичную похлебку—свою древнюю вѣру, свои историческія преданія и переходить въ уніатство и протестантство". Но кѣмъ они были доведены до этого маловѣрія?—Съ другой стороны оказывается въ разсказѣ самого г. Теплова, что иностранная пропаганда дѣйствовала и такими средствами, которыя были достойны всякаго уваженія и не могли не привлекать заброшеннаго населенія. „Протестантскіе миссіонеры стараются дѣйствовать болѣе образовательнымъ путемъ: они основываютъ повсюду безплатныя школы и читальни, но, въ то же время, не оставляютъ и ухаживать за боль-

ными, снабжать ихъ даромъ лекарствами и вообще помогать крестьянину въ бѣдѣ деньгами" (стр. 219).

Очевидно, что если надо сѣтовать на успѣхъ католической и протестантской пропаганды, то причины его надо искать не въ одномъ маловѣріи болгаръ, не въ однѣхъ интригахъ иновѣрныхъ миссіонеровъ, но въ чемъ-то другомъ: не въ томъ ли еще, что съ другой стороны единовѣрцы болгаръ въ сильномъ государствѣ не оказывали равномѣрнаго участія къ ихъ интересамъ?

Предметъ, предлагаемый г. Тепловымъ, какъ мы упоминали, былъ уже многократно разбираемъ въ литературѣ. Есть, между прочимъ, не мало сочиненій, вышедшихъ на мѣстѣ въ Болгаріи и также въ иностранной литературѣ, гдѣ спорный вопросъ излагается съ иными фактами и въ иномъ освѣщеніи: намъ кажется, что автору слѣдовало бы ближе ознакомиться со всѣми сторонами дѣла; онъ вѣроятно пришелъ бы тогда къ болѣе ясной и менѣе шаблонной постановкѣ вопроса, который игралъ такую важную роль въ судьбахъ современной Болгаріи.—А. В.

— Связь экономическихъ явленій съ законами энергіи. *Н. Батюшкова.* Спб., 1889.

Интересная книжка г. Батюшкова представляетъ собою попытку объяснить экономическую жизнь народовъ съ точки зрѣнія общихъ законовъ природы, проявляющихся въ превращеніи и сохраненіи энергіи, источникомъ которыхъ на землѣ служитъ солнце. „Земля,— говоритъ авторъ,—не расходуетъ зря этого дарового притока энергіи по мѣрѣ полученія. Она не поступаетъ какъ молодой богатый юноша, который получаетъ готовые доходы съ крупнаго наслѣдства и заботится только о томъ, чтобы тратить эти доходы по мѣрѣ полученія ихъ. Земля поступаетъ съ лучами солнца, какъ разсчетливый хозяинъ, который съ сожалѣніемъ тратитъ свои доходы и старается при первой возможности пускать свои наличныя средства въ оборотъ, съ цѣлью вернуть ихъ снова съ барышемъ". Непрерывно образуются и накопляются запасы потенціальной энергіи, въ видѣ какъ-бы „солнечныхъ консервовъ", по мѣткому выраженію автора, и дѣятельную роль въ этомъ процессѣ играетъ трудъ земледѣльца, увеличивающаго производительность земли, замѣняющаго одни растенія другими и стремящагося къ „наибольшему валовому сбору энергіи лучей солнца". Указавъ на порядокъ и условія возрастанія запасовъ превратимой энергіи на землѣ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію основныхъ вопросовъ политической экономіи, объясняетъ необходимость и плодотворность раздѣленія труда и подвергаетъ критикѣ

нѣкоторыя существенныя теоріи экономистовъ, особенно Карла Маркса. Общій выводъ г. Батюшкова заключается въ томъ, что увеличеніе производительности важнѣе лучшаго распредѣленія продуктовъ и что всѣ задачи политической экономіи „сводятся къ анализу установленной людьми системы взаимной помощи въ работѣ".

Между прочимъ, авторъ разсказываетъ, что одинъ изъ его знакомыхъ бесѣдовалъ на эту тему съ Марксомъ въ Лондонѣ еще до изданія „Капитала". Марксъ все настаивалъ на важности распредѣленія; собесѣдникъ ему возражалъ, что все это прекрасно, если двумъ человѣкамъ приходится распредѣлять два куска,—но если на два рта приходится одинъ кусокъ, то на первый планъ выступитъ уже другая задача: какъ добиться этого второго куска? Дѣло именно въ томъ, что „въ данную минуту уравненіе заработковъ богатыхъ и бѣдныхъ людей не приведетъ къ какому-нибудь ощутительному результату въ смыслѣ подъема благосостоянія массы неимущихъ". Въ подтвержденіе этой мысли возражатель „бралъ отчетность какого-нибудь крупнаго промышленнаго предпріятія, бралъ сумму заработковъ всѣхъ лицъ, участвующихъ въ производствѣ, не исключая капиталиста-предпринимателя, исключалъ изъ этой суммы ходячій процентъ на капиталъ, затраченный въ предпріятіи, и дѣлилъ остатокъ на число участниковъ производства. Въ результатѣ оказывалось среднимъ числомъ, что такой дѣлежъ увеличивалъ всего на 10% заработокъ самаго бѣднаго, самаго дешеваго работника. Доходы прочихъ увеличивались еще менѣе замѣтнымъ образомъ. Терялъ только предприниматель и тѣ спеціалисты и администраторы, которые получали большое вознагражденіе". Авторъ не упоминаетъ объ отвѣтѣ Маркса на эти указанія и только подтверждаетъ съ своей стороны справедливость и основательность ихъ.

Г. Батюшковъ признаетъ самою выгодною для человѣка и для всей вообще экономіи земного шара ту работу, которая въ результатѣ „задерживаетъ на землѣ наибольшую сумму солнечной энергіи въ превратимомъ видѣ, ставитъ наибольшую сумму превратимой энергіи въ распоряженіе человѣчества". Въ связи съ этою основною идеею высказывается положеніе, что „высшая филантропія состоитъ не въ томъ, чтобы пассивно жертвовать свой достатокъ, а въ томъ, чтобы тяжелою будничною, напряженною работою увеличивать свои личныя средства, придерживаясь, разумѣется, исключительно честныхъ путей, и тѣмъ способствовать увеличенію общей массы энергіи въ распоряженіи человѣчества". Къ сожалѣнію, производительность труда рѣдко совпадаетъ съ его доходностью, и накопляемыя богатства достаются обыкновенно не тѣмъ, которые „тяжелою, будничною, напряженною работою" увеличиваютъ экономическое производ-

ство страны. Оттого вопросы распредѣленія сохраняютъ свою первостепенную важность, которую какъ будто отрицаетъ авторъ.

Повидимому, настоящая книжка есть только начало болѣе обширной работы, обѣщающее дальнѣйшее разъясненіе экономическихъ задачъ съ той же оригинальной и новой точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ трудъ г. Батюшкова заслуживаетъ полнаго вниманія специалистовъ.—Л. С.

Въ теченіе августа мѣсяца поступили отъ авторовъ и издателей слѣдующія новыя книги и брошюры:

Апраксинъ, А. Д. Каинъ и Авель. Романъ изъ семейной хроники князей Сумскихъ. Спб. 90. Стр. 232.

Бомарше. Севильскій цирюльникъ или безполезная осторожность, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Перев. А. Н. Чудинова. Съ біографіей автора. Спб. 89. 16°. Стр. 85. Ц. 15 к. („Дешевая библіотека", № 84).

Бомарше, П. Безумный день или женитьба Фигаро, комедія въ пяти дѣйствіяхъ (1784). Перев. А. Н. Чудинова. Спб. 89. 16°. Стр. 150. Ц. 20 к. („Дешевая библіотека", № 87).

Бородинецъ, Стефанъ. Стихотворенія. Могилевъ-на-Днѣпрѣ. 89. Стр. 56. Ц. 50 к.

Гродековъ, Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской области. Томъ первый. Юридическій бытъ. Ташкентъ, 89. IV, 298, 205 стр. (съ нѣсколькими портретами мужчинъ и женщинъ).

Естифѣева, М. П. Стихотворенія и драма. Уфа, 89. Стр. 68 и 34.

Захарченко, М. М. Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ 1838—1888 г. Составилъ членъ совѣта, инспекторъ классовъ кіевскаго института и пр. Кіевъ, 89. Стр. 163. Съ портретами и планами.

Карамзинъ, Н. М. Исторія государства россійскаго. Томъ пятый. Спб. 89. 16°. Стр. 354. Ц. 20 к. („Дешевая библіотека", № 88).

Котляревскій, И. П. Енеида, перлицёванная на малороссійскій языкъ. Спб. 89. 16°. Стр. 273. Ц. 20 к. („Дешевая библіотека", № 84; см. также Бомарше, „Севильскій цирюльникъ").

Крестовскій (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Изданіе второе В. А. М. Спб. 89. Стр. 462. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Мантегацца, П., профессоръ антропологъ во Флоренціи. Искусство быть здоровымъ. Перев. съ нѣмецк. изд. Изд. книжнаго магазина Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 90. 16°. Стр. 128. Ц. 60 к.

Мантегацца, Паоло, проф. Лицемѣрный вѣкъ (Il secolo Tartuffo). Перев. д-ра Н. Лейненберга. Одесса, 89. Стр. 62. Ц. 50 к.

Никольевъ. Дома, въ корпусѣ и въ училищѣ. Очерки. Варшава, 89. 253 стр. Ц. 1 р.

Одоевскій, кн. В. Ѳ. Сказки и разсказы дѣдушки Иринея. Спб. 89. 16°. Стр. 145. Ц. 15 к. („Дешевая библіотека", № 90).

Рашковскій, Н. С. Н. К. Михайловскій передъ судомъ критики. Одесса, 89. Ц. 30 к.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы XIX вѣка. Томы I и II. Съ 1792 по 1848 г.

Перев. со 2-го англійскаго изданія М. В. Лучицкой, подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 89. Ц. 4 р.

Фирордтъ, О. Діагностика внутреннихъ болѣзней согласно новѣйшимъ методамъ изслѣдованія. Руководство для врачей и студентовъ (съ 156-ю рисунками въ текстѣ). Перев. А. М. Лесманъ, подъ ред. д-ра Т. И. Богомолова. Спб. 89. Стр. VIII, 576. Ц. 3 р. 50 к.

Харузинъ, Алексѣй. Киргизы Букеевской орды (Антропологo-этнографическій очеркъ). Вып. первый. М. 89. 4°. Изъ „Извѣстій“ Импер. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи (Труды антропологическаго отдѣла, т. X). Въ 2 столбца: 550, LX и 16 ст. Со множествомъ фототипій. Ц. 3 р. 50 к.

Чуцевецъ, Павелъ. Малорусскія бытовыя пѣсни. Очерки изъ жизни провинціальнаго захолустья (Содержаніе: I. Пѣсни про семейное горе.—II. Святочныя пѣсни.—III. Пѣсни про пьянство). Харьковъ, 89. 16°. Стр. 80. Ц. 30 к.

Его же. О русской народной культурѣ. Этнографическіе разсказы и замѣтки. Харьковъ, 89. 12°. Стр. 139. Ц. 50 к.

Reuter, O. M. La Finlande et les Finlandais, itinéraire historique et descriptif. Helsingfors, 89. 12°. Стр. 207. Prix: 3 frcs.

— Министерство финансовъ. Департаментъ желѣзно-дорожныхъ дѣлъ. Журналы особаго совѣщанія и тарифнаго комитета по вопросу о выработкѣ общихъ основаній для урегулированія провозныхъ платъ на хлѣбные грузы. Спб. 89. 4°. Стр. II и 90.

— О германскихъ университетахъ (Von deutschen Hochschulen). Сочиненіе германскаго профессора. Переводъ и примѣчанія русскаго бывшаго профессора. Спб. 89. Стр. 176. Ц. 1 р. 50 к.

— Отчетъ Общества распространенія между образованными женщинами практическихъ знаній, необходимыхъ въ домашнемъ быту, за 1888 годъ. М. 89. Стр. 70.

— Отчетъ переяславской уѣздной земской управы за 1888 г. Переяславъ, 89. Стр. 291.

— Стоглавъ, иллюстрированный календарь на 1890 г. Годъ второй. Спб. Ц. 35 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

— *Agrarpolitische Zeit- und Streitfragen.* Vorträge, Referate und Gutachten von *August von Miaskowski.* Leipzig, 1889.

Изъ двѣнадцати этюдовъ, собранныхъ въ книгѣ Мясковскаго, только два не относятся непосредственно къ землевладѣнію и земледѣлію—о монетной системѣ и о реформѣ налоговъ на спиртные напитки; все остальное содержаніе книги касается вопросовъ аграрнаго законодательства, составляющихъ спеціальность автора въ нѣмецкой ученой литературѣ.

Въ статьѣ о соціально-политическомъ бытѣ горныхъ кантоновъ Швейцаріи приводятся любопытныя свѣденія о борьбѣ классовъ за обладаніе и пользованіе общинною землею—альмендами; мало-по-малу неимущіе добиваются болѣе значительнаго участія въ выгодахъ и доходахъ общинной земли, устраняя ограничительныя условія, которыми обставлено было это участіе въ интересахъ зажиточныхъ хозяевъ. Стремленіе къ реформѣ коллективнаго владѣнія вызывается и поддерживается потребностями правильной земледѣльческой культуры, но находитъ энергическій отпоръ въ нуждающейся части населенія, имѣющей за собою силу демократическаго устройства и духа сельскихъ округовъ альпійской Швейцаріи. По свидѣтельству Мясковскаго, который вообще склоненъ выдвигать на первый планъ интересы земледѣльческаго производства, сохраненіе альмендъ есть великое благодѣяніе для бѣдныхъ членовъ общинъ, спасая ихъ отъ безнадежнаго пауперизма и нищенства. Авторъ выражаетъ увѣренность, что и въ будущемъ система общиннаго пользованія останется въ силѣ и что неудобства ея съ точки зрѣнія сельско-хозяйственнаго прогресса будутъ по возможности устранены или смягчены безъ коренной реформы землевладѣнія.

Въ дальнѣйшихъ статьяхъ книги обсуждается положеніе крестьянства и земледѣлія въ Пруссіи и Германіи, на основаніи новѣйшихъ статистическихъ данныхъ. Авторъ приводитъ множество фактовъ, свидѣтельствующихъ объ упадкѣ и разложеніи нѣмецкаго крестьянскаго хозяйства, объ исчезновеніи многихъ тысячъ крестьянскихъ дворовъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій сельскаго кредита, недостаточности средствъ для земледѣльческихъ улучшеній,

чрезмѣрнаго дробленія участковъ и обремененія ихъ долгами при семейныхъ раздѣлахъ. Энергическія законодательныя мѣры, предлагаемыя для поправленія зла, критикуются и большею частью отвергаются авторомъ, какъ преждевременныя или слишкомъ стѣснительныя для общаго хода экономической жизни. Г. Мясковскій возражаетъ противъ примѣненія американской системы, заключающейся въ признаніи неприкосновенности извѣстнаго минимума крестьянскихъ участковъ и имуществъ для кредиторовъ и для ихъ судебныхъ взысканій; эта форма неотчуждаемости кажется автору слишкомъ радикальною и несоотвѣтствующею обстоятельствамъ нѣмецкаго землевладѣнія. Но въ то же время онъ стоитъ за дѣятельное вмѣшательство государства съ цѣлью прекращенія ростовщическихъ продажъ крестьянскихъ земель и чрезмѣрнаго дробленія ихъ; онъ считаетъ главною задачею сохраненіе единства крестьянскаго двора и хозяйства,— въ этомъ смыслѣ должны быть преобразованы, по его мнѣнію, законы о наслѣдствѣ.

Съ нѣкоторыми взглядами автора трудно согласиться; онъ нерѣдко забываетъ о массѣ поселянъ, уже лишенныхъ земли и остающихся въ положеніи наемныхъ батраковъ, что̀ особенно выражается въ разсужденіяхъ его о способахъ улучшенія земледѣлія и возвышенія его доходности въ Германіи. Онъ, напримѣръ, говоритъ о необходимости пониженія рабочей платы для уменьшенія издержекъ хозяйства, а въ виду трудности и даже невозможности достигнуть такого пониженія предлагается, по крайней мѣрѣ, увеличить количество работы за прежнюю плату, сдѣлать работу болѣе интензивною и производительною. Понятно, что выгоды хозяевъ сталкиваются въ этомъ случаѣ съ насущными интересами работниковъ, заслуживающими также нѣкотораго вниманія при обсужденіи „аграрно-политическихъ вопросовъ“. Эти частныя упущенія и особенности въ воззрѣніяхъ г. Мясковскаго объясняются отчасти самымъ характеромъ его статей: это не теоретическія изслѣдованія, а рѣчи и доклады, читанные въ различныхъ учрежденіяхъ и обществахъ, по различнымъ поводамъ. Понятно, что въ засѣданіи „прусской сельско-хозяйственной коллегіи“ или „германскаго земледѣльческаго совѣта“ авторъ долженъ былъ говорить въ другомъ тонѣ, чѣмъ въ обществѣ „соціальной политики“ или въ университетской аудиторіи. Быть можетъ, желаніе приноровиться къ обычному направленію административныхъ коллегій, предъ которыми онъ излагалъ свои выводы и наблюденія, отразилось невыгодно на научномъ достоинствѣ послѣднихъ и сообщило имъ отпечатокъ какого-то неопредѣленнаго консерватизма; въ одномъ мѣстѣ, при вычисленіи причинъ улучшенія денежной системы въ Германіи, упоминается даже о „благодати милліардовъ“, достав-

шихся нѣмцамъ послѣ счастливой войны (стр. 231), хотя для экономиста обязательно было бы совсѣмъ иное отношеніе къ патріотическимъ заблужденіямъ, господствующимъ въ обществѣ. Но въ общемъ книга г. Мясковскаго должна быть признана весьма поучительною, какъ по обилію и добросовѣстной разработкѣ фактическаго матеріала, такъ и по изложенію и критикѣ законодательныхъ проектовъ и вопросовъ, касающихся важнѣйшей области экономической жизни государствъ и народовъ. Соображенія и свѣденія о поземельныхъ дѣлахъ Германіи представляютъ интересъ и для русскаго читателя, такъ какъ многія изъ этихъ соображеній примѣнимы и къ условіямъ нашего собственнаго современнаго землевладѣнія и земледѣлія.

II.

— *Die Sklaverei* von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Von *Adolf Ebeling*. Paderborn, 1889.

Брошюра Адольфа Эбелинга составлена не только по книжнымъ источникамъ и по свидѣтельствамъ путешественниковъ, но и по личнымъ наблюденіямъ самого автора, проведшаго нѣсколько лѣтъ въ Бразиліи и въ Египтѣ. Ужасающія подробности о существующемъ понынѣ рабствѣ въ значительной части Африки, о систематическихъ опустошеніяхъ и избіеніяхъ, совершаемыхъ періодически для добычи невольниковъ, о способахъ тайной и явной торговли этимъ живымъ товаромъ, о варварскомъ превращеніи людей въ евнуховъ для выгодной продажи богатымъ пашамъ и коммерсантамъ,—производятъ крайне тягостное впечатлѣніе на читателя, привыкшаго считать формальное запрещеніе рабства равносильнымъ фактической его отмѣнѣ. На мусульманскомъ Востокѣ, находящемся уже подъ покровительствомъ культурныхъ державъ, невольничество процвѣтаетъ до сихъ поръ, хотя и въ скрытомъ видѣ; обширные караваны доставляютъ въ одинъ Египетъ около 30.000 рабовъ обоего пола ежегодно, а по разсчету автора число ихъ доходитъ до 50.000, если имѣть въ виду сбытъ ихъ изъ Египта въ Аравію и другія мусульманскія владѣнія. Недалеко отъ Каира—отъ центра европейскихъ дипломатическихъ вліяній—существуетъ сборный пунктъ для прибывающихъ каравановъ съ невольниками: ежегодно, въ августѣ, происходитъ тамъ ярмарка, на которую собирается громадная масса народа для осмотра и покупки товара, а также для извѣстнаго рода удовольствій, о которыхъ авторъ умалчиваетъ изъ приличія. Невольники, особенно рабыни и евнухи, доступны осмотру только мусульманамъ и тщательно скрываются отъ взоровъ европейцевъ; впрочемъ и послѣдніе признаются иногда достой-

ными довѣрія, и имъ по секрету предлагается пріобрѣсть интересную рабыню или слугу, какъ это не разъ случалось съ авторомъ, по его разсказу. Хуже всего то, что египетскія и турецкія власти, оффиціально будто бы преслѣдующія этотъ возмутительный торгъ, въ самомъ дѣлѣ смотрятъ на него сквозь пальцы и участвуютъ въ немъ по мѣрѣ средствъ и возможности. Авторъ придаетъ большое значеніе новѣйшимъ усиліямъ католическихъ миссіонеровъ положить конецъ торговлѣ рабами; во главѣ этого движенія стоитъ, какъ извѣстно, кардиналъ Лавижери, архіепископъ Алжира и Туниса. Объ этомъ замѣчательномъ прелатѣ сообщаются въ концѣ книжки краткія біографическія свѣденія.

III.

— Die Aufgaben der Kulturgeschichte. Von *Eberhard Gothein*. Leipzig, 1889.

Авторъ старается доказать необходимость особой и цѣльной науки, могущей внести единство въ различныя отрасли историческихъ знаній, и эта руководящая роль должна, по его мнѣнію, принадлежать „исторіи культуры“, вопреки пренебрежительнымъ отзывамъ многихъ историковъ, отрицающихъ вовсе самостоятельное значеніе названной науки. Полемика съ этими политическими или государственными историками, и особенно съ однимъ изъ нихъ, Дитрихомъ Шеферомъ, составляетъ главное содержаніе брошюрки Эбергарда Готгейна. Авторъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ философско-исторической литературы въ Германіи для подтвержденія того, что лучшіе нѣмецкіе ученые прибѣгали къ самостоятельному анализу и освѣщенію культурныхъ фактовъ при изслѣдованіи вопросовъ спеціально-политической исторіи. Громадныя заслуги въ этомъ отношеніи остаются за Леопольдомъ Ранке, котораго авторъ ставитъ чрезвычайно высоко; зато въ Гервинусѣ онъ видитъ представителя узко-политическаго направленія и говоритъ о немъ въ тонѣ рѣзкаго порицанія, безъ достаточныхъ къ тому мотивовъ. Историкъ, по мнѣнію Готгейна, долженъ анализировать и объяснять, но не выступать на каждомъ шагу съ сознаніемъ своей собственной нравственности, подобно Шлоссеру, или съ профессорскою важностью произносить приговоры, какъ Гервинусъ. „Всемірная исторія есть всемірный судъ, но каѳедра не есть его судейское кресло“. Однако, если допустить, что исторія есть судъ, то нельзя уже избѣгнуть заключенія, что люди, пишущіе исторію, судятъ событія и дѣятелей съ своей исторической точки зрѣнія. Взгляды Готгейна нѣсколько туманны; разсужденія его о важности „исторіи культуры“ и о превосходствѣ ея предъ политическою исторіею грѣшатъ неясностью,

такъ какъ предѣлы и задачи послѣдней науки произвольно съуживаются имъ или оставляются безъ надлежащаго освѣщенія. Если отождествлять политическую исторію съ государственною въ тѣсномъ смыслѣ, какъ это склоненъ дѣлать Готгейнъ, то обширная часть историческаго матеріала можетъ отойти къ исторіи культуры; но при болѣе широкомъ взглядѣ на задачи историковъ, такое отпаденіе не будетъ имѣть мѣста, и вся аргументація автора теряетъ свою силу. Въ сущности эти споры о компетенціи и разграниченіи наукъ, занимающихся однородными предметами, не имѣютъ сами по себѣ серьезнаго значенія; превосходство той или другой спеціальной науки доказывается лишь содержаніемъ и важностью ея работъ, и поэтому „исторія культуры" также могла бы достигнуть первенствующаго положенія только посредствомъ фактическаго своего развитія и процвѣтанія. Нельзя однако сказать, чтобы труды по исторіи культуры, имѣющіеся до сихъ поръ, подтверждали это право на первенство передъ исторіею политическою, съ ея богатѣйшею и непрерывно обогащающеюся литературою.

IV.

— Ueber die Ursachen der heutigen socialen Noth. Vortrag Von *Lujo Brentano.* Leipzig, 1889.

Профессоръ Брентано излагаетъ въ этой брошюрѣ свою экономическую profession de foi, по случаю занятія каѳедры политической экономіи въ Лейпцигѣ, гдѣ предшественникомъ его былъ знаменитый Вильгельмъ Рошеръ. Точка зрѣнія автора довольно оригинальна: онъ одинаково отвергаетъ теоріи тѣхъ, которые выдаютъ отвлеченные принципы за факты, и тѣхъ, которые возводятъ существующія явленія на степень законовъ; самъ же онъ держится только „реальной почвы дѣйствительной жизни" и оставляетъ безъ отвѣта вопросъ, какъ анализировать эту жизнь и извлечь изъ нея научную доктрину. Направленіе, которому хочетъ слѣдовать авторъ, можно назвать практическимъ, но не научнымъ. Говоря мимоходомъ о Марксѣ, онъ заявляетъ, что „его теорія цѣнности не имѣетъ уже ни одного послѣдователя въ научныхъ кругахъ"; столь же отрицательно относится онъ къ Родбертусу. Современные промышленные кризисы и бѣдственное состояніе рабочаго класса объясняются, по автору, исключительно только зависимостью производства отъ всемірнаго рынка, вслѣдствіе чего промышленность отдѣльныхъ странъ утратила свою самостоятельность и подвергается постояннымъ колебаніямъ, причины которыхъ лежатъ внѣ контроля предпринимателей и правительствъ. Для исцѣленія соціальнаго недуга авторъ предлагаетъ поэтому весьма не-

сложное средство—установленіе соглашеній между фабрикантами и вообще производителями, для поддержанія мѣстныхъ цѣнъ, для уменьшенія зависимости ихъ отъ внѣшняго рынка и для урегулированія производства соотвѣтственно дѣйствительному спросу. Авторъ возлагаетъ большія надежды на эту организацію крупныхъ стачекъ—надежды, которыя едва ли раздѣляются кѣмъ-либо изъ серьезныхъ знатоковъ соціальнаго вопроса въ Германіи.

V.

— Zur Duellfrage. Von *Alexander von Oettingen.* Dorpat, 1889.

Авторъ извѣстенъ своими работами о моральной статистикѣ, и его новѣйшая книжка о дуэли вполнѣ соотвѣтствуетъ его установившейся научно-литературной репутаціи. Будучи профессоромъ теологіи въ дерптскомъ университетѣ, фонъ-Эттингенъ имѣлъ случай высказываться публично противъ усилившагося въ послѣдніе годы распространенія дуэлей среди мѣстнаго студенчества. Занявшись этимъ предметомъ болѣе обстоятельно, авторъ составилъ весьма интересный маленькій трактатъ, объясняющій исторію поединковъ вообще и дерптскихъ въ частности, въ связи съ общею нѣмецкою и спеціально балтійскою литературою вопроса. Въ первой, вступительной главѣ излагается современное положеніе дѣла въ Дерптѣ; затѣмъ идутъ небольшія главы объ историческомъ развитіи дуэлей въ древности, о библейскихъ и первоначальныхъ христіанскихъ понятіяхъ о чести, о дуэляхъ въ средніе вѣка и въ новѣйшее время. Во второмъ отдѣлѣ книги вопросъ разсматривается принципіально, съ точки зрѣнія общественныхъ и частныхъ интересовъ, причемъ указываются причины зла и способы его смягченія.

Изъ книжки фонъ-Эттингена мы прежде всего выносимъ впечатлѣніе, котораго вѣроятно не имѣлъ въ виду авторъ,—впечатлѣніе необычайной живучести и силы предразсудка, вызывающаго дуэли, въ мѣстномъ интеллигентномъ обществѣ. Попытки нѣкоторыхъ университетскихъ дѣятелей прежняго времени доказать несправедливость и безнравственность поединковъ кажутся автору подвигами удивительнаго мужества и рѣдкой смѣлости. Онъ считаетъ великимъ преимуществомъ дерптскаго университета существованіе въ немъ суда чести и отсутствіе правила объ обязательности дуэлей въ извѣстныхъ случаяхъ; и въ то же время онъ сомнѣвается въ возможности искоренить обычай, поддерживаемый среди молодежи представителями старшихъ поколѣній и особенно дамскимъ элементомъ. Если такъ смотритъ на дѣло рѣшительный противникъ дуэлей, то чего можно ждать отъ средняго общественнаго мнѣнія, отъ мѣстной печати и отъ студенческихъ кружковъ?

Говоря о причинахъ упорнаго господства поединковъ, авторъ главную отвѣтственность приписываетъ „женской части нашего образованнаго общества". О роли дамъ въ возникновеніи и распространеніи дуэлей можно было-бы, по словамъ автора, написать объемистую книгу. Извѣстные своими дуэлями молодые люди пользуются наибольшимъ вниманіемъ и сочувствіемъ со стороны особъ прекраснаго пола; отказываться отъ единоборства, хотя бы по чисто-нравственнымъ мотивамъ, считается постыднымъ для юноши. Въ такомъ настроеніи виноваты, по свидѣтельству фонъ-Эттингена, и многіе почтенные дѣятели, возражающіе противъ дуэлей въ отдѣльныхъ случаяхъ, но допускающіе ее въ принципѣ,—двусмысленные противники и оппортунисты.

Самъ авторъ признаетъ практическую важность одного соображенія, мѣшающаго прекращенію дуэлей: желаніе уклониться отъ вызова всегда принимается за признакъ трусости, неспособности защищать свою честь отъ оскорбленій. Поэтому авторъ предлагаетъ не упразднить поединки, а придать имъ другое, болѣе невинное значеніе простыхъ турнировъ, которые слѣдовали бы за разборомъ дѣла судомъ чести и имѣли бы единственною цѣлью доказать одинаковое личное мужество обѣихъ сторонъ. Необходимымъ условіемъ этихъ единоборствъ было бы устраненіе всякой опасности для жизни и здоровья участниковъ; для этого дуэли должны происходить на рапирахъ или шпагахъ, причемъ обязательно избѣгать отвратительной нѣмецкой привычки—нанесенія ударовъ въ лицо противника. Тогда честь была бы удовлетворена судомъ чести, а добавочный поединокъ служилъ бы для подтвержденія готовности охранять эту честь съ оружіемъ въ рукахъ.

Это рѣшеніе вопроса представляется намъ страннымъ и мало убѣдительнымъ. Одно изъ двухъ: или предположенные турниры будутъ невинными упражненіями, и для участія въ нихъ не потребуется никакого личнаго мужества; тогда цѣль не будетъ достигнута, и подозрѣваемые въ трусости не избавятся отъ подозрѣній. Или же турниры будутъ имѣть серьезный характеръ, и тогда они будутъ обыкновенными дуэлями, для которыхъ предшествующее разбирательство суда чести окажется лишь ненужнымъ предисловіемъ. Гораздо проще тогда сразу установить извѣстныя ограничительныя правила для дуэлей, съ цѣлью смягченія ихъ послѣдствій, напр. запретить употребленіе пистолетовъ и допустить единоборство лишь на шпагахъ, при наиболѣе благопріятной обстановкѣ для дуэлянтовъ, подобно тому, какъ это практикуется во Франціи, гдѣ громадное большинство дуэлей остается безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го сентября 1889.

Толки въ печати о новѣйшихъ преобразованіяхъ. — Англійская газета о Россіи. — Продолженіе полемики о финляндскихъ учрежденіяхъ.—А. А. Краевскій †.

Нѣтъ, по всей вѣроятности, въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ такого уголка, въ которомъ не шла бы теперь рѣчь о земскихъ начальникахъ и всемъ относящемся къ этому предмету. Однихъ занимаетъ принципіальный вопросъ о „попечительствѣ", установленномъ —или возстановленномъ — надъ сельскими обывателями; другіе изучаютъ подробности новаго судебно-административнаго устройства; третьи—и такихъ всего больше—заинтересованы, косвенно или прямо, замѣщеніемъ новыхъ должностей и судьбою упраздняемаго служебнаго персонала. Въ воздухѣ носятся всевозможные проекты и планы, ожиданія и опасенія, сожалѣнія и надежды. Предчувствуется измѣненіе центровъ тяжести уѣздной жизни, новая группировка мѣстныхъ партій, новое распредѣленіе вліяній. Молчатъ однѣ лишь массы, которыхъ непосредственно касается реформа — молчатъ потому, что мало о ней знаютъ. Отзывы печати составляютъ микроскопическую долю того, чтó говорится въ обществѣ — и къ нимъ непримѣнимо извѣстное изреченіе о солнцѣ, отражающемся въ каплѣ воды. Въ *этой* каплѣ солнце отражается далеко не все... Велико, конечно, ликованіе газетъ, поддерживавшихъ основную мысль преобразованія— но хвалебныя ихъ пѣсни являются только слабымъ отголоскомъ сказаннаго ими въ самый разгаръ борьбы. Повторяются еще разъ тѣ извращенія истины, съ которыми мы давно привыкли встрѣчаться въ декламаціяхъ реакціонной прессы. Опять выступаетъ на сцену сказка о „правительственной власти, доведенной цѣлымъ рядомъ реформъ до самаго ничтожнаго минимума, удерживавшей за собою лишь декоративное значеніе, предоставлявшей управленіе Россіей на произволъ судьбы"; опять рисуется картина гоненій, воздвигнутыхъ противъ дворянства („его старались ставить не только наравнѣ съ другими сословіями, но даже, по возможности, ниже ихъ"), и „сельской анархіи, дѣлавшей жизнь въ деревнѣ одинаково невыносимою какъ помѣщику, такъ и крестьянину"; опять осыпается насмѣшками „прежній либеральный режимъ", при которомъ губернаторская власть „превратилась чуть не въ какую-то синекуру" и „лучшими губернаторами считались тѣ, о которыхъ всего меньше было слышно или

которые искали себѣ популярности заигрываньемъ съ противоправительственными элементами". Шестидесятые и семидесятые годы слишкомъ еще свѣжи въ памяти нашего общества, чтобы нужно было тратить много словъ на опроверженіе подобныхъ басенъ. Всѣмъ очень хорошо извѣстно, что въ правительственной системѣ, господствовавшей съ 1866 по 1880 годъ, не было мѣста для „либерализма". Министерство внутреннихъ дѣлъ, при А. Е. Тимашевѣ и Л. С. Маковѣ, меньше всего было расположено изображать изъ себя только „декорацію". Не съ цѣлью доведенія власти до „возможнаго минимума" учреждены были урядники, предоставлено было губернаторамъ право издавать обязательныя постановленія. Когда и въ чемъ дворянство было поставлено *ниже* другихъ сословій—это тайна реакціонныхъ газетъ; но вовсе не тайна, что уѣздный предводитель дворянства, въ особенности съ 1874 г. (т.-е. со времени изданія положеній о крестьянскихъ присутствіяхъ и о начальныхъ школахъ), имѣлъ полную возможность быть первымъ лицомъ въ уѣздѣ—и былъ имъ, на самомъ дѣлѣ, вездѣ, гдѣ только его способности и усердіе соотвѣтствовали хоть сколько-нибудь его оффиціальному положенію. „Лучшими" губернаторами считались, между прочимъ, и такіе, о которыхъ *очень многое* было слышно, и слышно именно потому, что они широко пользовались своею властью. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно напомнить о губернаторѣ, преданномъ суду вслѣдствіе ревизіи М. Е. Ковалевскаго и нашедшемъ защитника въ лицѣ бывшаго редактора „Московскихъ Вѣдомостей". Онъ сохранялъ свой постъ болѣе четырнадцати лѣтъ сряду, хотя, конечно, не „заигрывалъ съ противоправительственными элементами". Примѣры подобнаго управленія, продолжительнаго и увѣнчаннаго наградами и повышеніями, найдутся и въ лѣтописяхъ другихъ губерній—псковской, рязанской, курской, орловской и др. Справедливо, въ аргументаціи московской-реакціонной газеты, только одно: указаніе на трудность и сложность задачъ, разрѣшеніе которыхъ возложено новымъ закономъ на губернаторовъ и на министерство внутреннихъ дѣлъ. Одна изъ этихъ задачъ формулирована не совсѣмъ точно; министерству внутреннихъ дѣлъ придется не столько „сталкиваться съ судебнымъ вѣдомствомъ", сколько самому играть роль судебнаго вѣдомства и кассаціоннаго суда. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что у насъ будутъ созданы теперь, de facto, два министерства юстиціи: одно—прямо такъ и именуемое, другое—входящее въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Еще меньше замѣчательнаго и новаго представляютъ сужденія тѣхъ газетъ, направленіе которыхъ мы характеризовали, въ другомъ мѣстѣ, формулой: ни то, ни сё. И здѣсь бросается въ глаза, прежде

всего, крайне безцеремонное обращеніе съ фактами. „Были попытки, очень слабыя, поднять такъ или иначе роль предводителей дворянства",—читаемъ мы въ одномъ изъ балансирующихъ изданій;—но онѣ никакого значенія не имѣли". Итакъ, сосредоточеніе въ рукахъ уѣздныхъ предводителей предсѣдательства почти во всѣхъ уѣздныхъ учрежденіяхъ — въ земскомъ собраніи, крестьянскомъ присутствіи, воинскомъ присутствіи, училищномъ совѣтѣ и т. д. — было *слабой* попыткой поднять роль предводителя дворянства? Изъ того, что эта попытка—по обстоятельствамъ, отъ законодателя не зависѣвшимъ— не имѣла *успѣха*, болѣе чѣмъ странно заключать, что она не имѣла *значенія*... Узаконенія 12 іюля—говорится въ той же газетной статьѣ —„означаютъ рѣшительный поворотъ въ внутренней правительственной политикѣ; поэтому естественно то противодѣйствіе, которое возбудило оно въ чиновничьихъ сферахъ, *главнымъ образомъ заинтерсованныхъ у насъ въ сохраненіи либеральныхъ принциповъ* (!!). Послѣдніе, какъ извѣстно, въ концѣ концовъ приводили обыкновенно къ распложенію чиновничества и подъ видомъ обновленія Россіи ограничивались усиленіемъ штатовъ". Такъ далеко въ издѣвательствѣ надъ павшимъ порядкомъ вещей не идутъ даже безусловно реакціонныя газеты. Даже онѣ не рѣшаются утверждать, что земская реформа привела къ распложенію чиновничества, что единственнымъ результатомъ судебной реформы было усиленіе штатовъ, что „обновленіе Россіи" было только красивымъ знаменемъ, прикрывавшимъ самыя мелкія вожделѣнія. Кто такъ смотритъ на прошедшее, тому ничего не стоитъ однимъ почеркомъ пера порѣшить съ будущимъ. „По всей вѣроятности, — восклицаетъ храбрая (съ побѣжденными) газета, — когда институтъ земскихъ начальниковъ привьется и упрочится, уѣздное земство можетъ быть безъ труда упразднено, и чисто хозяйственные вопросы сосредоточены исключительно въ губернскомъ земскомъ собраніи". Это значитъ быть plus catholique que le pape. *Упразднить* уѣздное земство до сихъ поръ не предлагалъ еще, кажется, никто; уѣздныя земскія учрежденія сохраняетъ даже проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ, измѣняя только ихъ составъ и отношеніе къ администраціи. Кому хоть сколько-нибудь извѣстна земская дѣятельность, тотъ очень хорошо знаетъ, что она сосредоточивается преимущественно въ уѣздѣ, что именно на этой почвѣ ею достигнуты самые крупные и цѣнные результаты (напримѣръ—организація народной школы). Знакомство съ разбираемой темой газета, о которой мы говоримъ, считаетъ, впрочемъ, совершенно излишнимъ. Она утверждаетъ, напримѣръ, что „крестьянская администрація приблизится теперь (т.-е. послѣ введенія въ дѣйствіе узаконеній 12-го іюля) къ гминному устройству въ царствѣ польскомъ, съ тою разни-

цею, что тамъ комиссаръ—пріѣзжій чиновникъ, а у насъ онъ будетъ мѣстный потомственный дворянинъ". На самомъ дѣлѣ гминное устройство во многомъ прямо противоположно тому, которое создано у насъ узаконеніями 12-го іюля. Гмина — единица безсословная, волость — единица сословная. Гминный судъ подчиненъ не коммиссару, а мировому съѣзду, въ составѣ котораго есть и гминные суды. Предсѣдателемъ гминнаго суда—гминнымъ судьею—ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть гминный войтъ (волостной старшина). Отъ гминнаго судьи требуется не только грамотность (и притомъ безусловно, а не „по возможности"), но и окончаніе курса въ какомъ-нибудь училищѣ или служба въ должностяхъ, при исправленіи которыхъ можно пріобрѣсти навыкъ въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ. Много ли во всемъ этомъ общаго съ нашимъ преобразованнымъ волостнымъ судомъ и нашею застывшею въ своей замкнутости волостью?

Не безъ удивленія прочитали мы въ одной изъ газетъ, всегда стоящихъ за реформы шестидесятыхъ годовъ, слѣдующій отзывъ объ упраздняемыхъ судебно-мировыхъ учрежденіяхъ: „съ мировыми судьями въ уѣздахъ мы разстаемся безъ особаго сожалѣнія, потому что этотъ судебный институтъ былъ искаженъ на практикѣ и далеко разошелся съ тою мыслью, которая вызвала его учрежденіе. Вмѣсто „мировой" юстиціи, вмѣсто простого, быстраго, чуждаго всякой формалистики и совѣстливаго суда, мы получили какое-то полуканцелярское, сухое, безжизненное учрежденіе, которое не удовлетворяло ни внутренней правдѣ, ни такъ-называемому суду юристовъ. Безконечная длительность самаго справедливаго дѣла, возможность проигрыша его по несоблюденію какой-нибудь формальности привили къ этому простому суду язву частной адвокатуры и канцелярскихъ происковъ. Всѣ эти недостатки не трудно было устранить; но, быть можетъ, этой цѣли суждено достигнуть черезъ посредство земскихъ начальниковъ. По идеальному представленію о задачахъ этой новой должности, земскіе начальники призваны замѣнить отчасти мировыхъ посредниковъ *перваго призыва* (курсивъ въ подлинникѣ), отчасти мировыхъ судей въ томъ значеніи, которое придавалось имъ по законодательной идеѣ, какъ хранителей мира, какъ судей совѣсти, обязанныхъ поддерживать порядокъ и добрыя отношенія среди мѣстнаго населенія". Насъ поражаетъ, прежде всего, внутреннее противорѣчіе между началомъ и концомъ этихъ разсужденій. Равнодушіе къ судьбѣ мирового института понятно со стороны тѣхъ, кто не сочувствовалъ самой его идеѣ или убѣдился въ непоправимости его недостатковъ. Въ данномъ случаѣ нѣтъ на-лицо ни того, ни другого условія; задачи мирового суда признаются высокими и важными, недостатки его—легко устранимыми. Какъ совмѣстить такое отношеніе къ мировому суду съ

отсутствіемъ „особаго сожалѣнія" о судьбѣ, его постигшей? Не ясно ли, что логическимъ выводомъ изъ посылокъ было бы здѣсь совершенно иное заключеніе? Если учрежденіе, цѣнное само по себѣ, способно къ развитію и усовершенствованію, то внезапное исчезновеніе его изъ государственной жизни безспорно должно быть внесено въ ея пассивъ, въ списокъ потерь, а не въ категорію событій, болѣе или менѣе безразличныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ коренились слабыя стороны судебно-мирового института? Въ выборномъ началѣ, въ безусловно-судебномъ характерѣ должности, въ отсутствіи сословнаго ценза, въ независимости отъ администраціи? Такъ думаютъ принципіальные противники мирового суда—но не таково, конечно, мнѣніе газеты, которой мы возражаемъ. Она вѣроятно находитъ, какъ и мы, что поперегъ дороги мирового суда стояли, съ самаго начала, слишкомъ высокій имущественный и слишкомъ низкій образовательный цензъ, слишкомъ мало приспособленныя къ народному быту процессуальныя правила, слишкомъ узкія рамки нашихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ; впослѣдствіи къ этому присоединились слишкомъ формалистичныя, по многимъ вопросамъ, толкованія кассаціоннаго сената. Ни одна изъ этихъ преградъ не была непреодолима, ни одна изъ нихъ не вызывала поворота на другой путь, прямо противоположный. Идея, лежавшая въ основаніи мирового суда, могла быть осуществлена имъ во всей полнотѣ—и могла быть осуществлена только имъ однимъ. Другому учрежденію соотвѣтствуетъ другая идея — и мы не видимъ никакихъ основаній для надежды, что цѣль, имѣвшаяся въ виду при созданіи мирового суда, будетъ достигнута „черезъ посредство земскихъ начальниковъ". Земскимъ начальникамъ предстоитъ работать надъ задачами, существенно отличными отъ задачъ мирового суда—и столь же отличными отъ задачъ мировыхъ посредниковъ *перваго призыва*. Исторія не знаетъ повтореній; обстоятельства, при которыхъ дѣйствовали мировые посредники перваго призыва, миновали безслѣдно, и никакія внѣшнія аналогіи не могутъ устранить глубокаго внутренняго несходства.

Признавая, что мировой судъ—въ уѣздахъ, какъ и въ городахъ —былъ далекъ отъ совершенства, мы все-таки считаемъ справедливымъ помянуть его добрымъ словомъ. Разсматриваемый въ связи съ условіями, въ которыя онъ былъ поставленъ, онъ можетъ быть названъ, безъ всякаго преувеличенія, судомъ простымъ, скорымъ и совѣстливымъ. „Безконечная длительность самаго справедливаго дѣла" была исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. „Возможность проигрыша по несоблюденію какой-нибудь формальности" неразрывно связана со всякимъ судебнымъ процессомъ; и у земскаго начальника, и даже въ волостномъ судѣ можно будетъ проиграть правое дѣло, пропустивъ

срокъ на начатіе иска или на обжалованіе рѣшенія. „Язва частной адвокатуры“ привита къ мировому суду (хотя, быть можетъ, и не въ такой степени, какъ это любятъ утверждать его противники) не капризнымъ формализмомъ мировыхъ судей, а безграмотностью, неразвитостью и юридическою безпомощностью массы населенія. Мировые судьи—и къ уѣзднымъ судьямъ это примѣнимо еще больше, чѣмъ къ городскимъ—сплошь и рядомъ стояли близко къ жизни, горячо принимали къ сердцу свое призваніе; если въ послѣднее время эти качества встрѣчались между ними рѣже, чѣмъ сначала, то таковъ уже общій законъ русской жизни и русской энергіи. Нельзя назвать „полуканцелярскимъ“ то учрежденіе, которое больше чѣмъ всякое другое способствовало распространенію въ народѣ понятій о правѣ, о справедливости, о равенствѣ передъ закономъ. Если традиціонный страхъ передъ судомъ потерялъ значительную часть своей силы, если поговорка: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“, перестала считаться безусловной истиной, то этимъ мы обязаны преимущественно мировому суду и суду присяжныхъ. Чѣмъ ближе послѣдній часъ мирового суда, тѣмъ менѣе своевременнымъ кажется намъ преувеличеніе его недостатковъ и игнорированіе его великихъ, несомнѣнныхъ заслугъ. Порицателей павшаго учрежденія всегда оказывается слишкомъ много; въ ожиданіи безпристрастной его оцѣнки, возможной только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, малочисленнымъ его друзьямъ остается только сожалѣть о его паденіи.

Къ отзывамъ нашей печати присоединимъ мнѣніе одной иностранной газеты, относящееся, впрочемъ, не къ одной только послѣдней судебно-административной реформѣ. „Во всемъ западномъ свѣтѣ,—говоритъ „Times“ [1]),—весь ходъ событій совершается въ одномъ и томъ же направленіи. Доля участія народа въ дѣлѣ управленія все увеличивается, правленіе все больше обращается въ самоуправленіе. Въ Россіи, въ настоящее время, происходитъ движеніе въ совершенно противоположномъ направленіи. Нынѣшнее русское правительство не только воздерживается отъ дальнѣйшихъ народническихъ реформъ, но отмѣняетъ нѣкоторыя изъ нихъ, введенныя въ предыдущее царствованіе. Наблюдателя всего больше поражаютъ, съ одной стороны, быстрота и успѣхъ, съ которыми примѣняется въ Россіи западная цивилизація, а съ другой—ревность и недовѣріе къ идеямъ, идущимъ съ того же Запада. Русскіе люди, какъ наиболѣе вліятельные въ правительствѣ, такъ и говорящіе съ наибольшимъ убѣжде-

---

[1]) Не имѣя подъ рукой подлинника, мы пользуемся переводомъ, сдѣланнымъ „Московскими Вѣдомостями“.

ніемъ въ журналистикѣ и литературѣ, твердо убѣждены, что телефонъ и электрическій свѣтъ весьма полезны безъ всякаго содѣйствія суда присяжныхъ, и что желѣзныя дороги не имѣютъ никакой логической связи съ народнымъ представительствомъ. Быть можетъ, непріятно сознать, но нельзя отрицать, что нынѣшняя внутренняя политика Россіи дала уже жатву очевиднаго успѣха и что нѣтъ налицо признаковъ недовольства. Россія для русскихъ—вотъ модный лозунгъ нынѣшняго времени; и массѣ нравится эта проявляемая правительствомъ мысль, что Россія должна идти по своему собственному пути, что русская культура не должна быть слѣпымъ сколкомъ культуры Запада, а должна хранить свои драгоцѣнныя особенности. Реакція, быть можетъ, и непопулярна сама по себѣ, ибо никому не пріятно сознать, что онъ оказался неспособнымъ пользоваться дарованными ему гражданскими привилегіями. Но рѣшеніе правительства, столь тщательно взявшаго во вниманіе народную гордость, принимается охотно... Привыкши видѣть торжество западныхъ идей, мы надѣемся, что онѣ со временемъ восторжествуютъ и въ Россіи, но все же нынѣ идеи, съ которыми связаны реформы царствованія Александра II, потеряли для Россіи свою привлекательность".

Мы желали бы знать, откуда англійская газета заимствуетъ свои свѣденія о настроеніи *Россіи*, о томъ, чтò нравится и не нравится у насъ *массѣ*. Если подъ именемъ Россіи понимается русское общество, то въ его средѣ всегда существовали и существуютъ разные взгляды, разныя теченія. Которое изъ нихъ преобладаетъ въ данную минуту, это можетъ служить предметомъ *догадокъ*, болѣе или менѣе правдоподобныхъ; объ *увѣренности* не можетъ быть и рѣчи уже потому, что различные оттѣнки общественнаго мнѣнія пользуются у насъ далеко не одинаковою свободою выраженія. Если подъ именемъ Россіи разумѣется русскій *народъ*, то къ нему вполнѣ примѣнимо англійское выраженіе: a dark horse. Онъ хранитъ про себя свои думы—а о многихъ вопросахъ, волнующихъ общество, можетъ быть и не думаетъ вовсе, пока не чувствуетъ на себѣ результатовъ того или другого ихъ разрѣшенія... Общій характеръ русской внутренней политики опредѣленъ англійскимъ журналистомъ совершенно вѣрно—и это понятно, потому что точкой опоры для его сужденій служатъ здѣсь очевидные, осязательные факты. Другое дѣло—прослѣдить отраженіе этой политики въ умахъ милліоновъ или хотя бы сотенъ тысячъ. Такая задача невыполнима не для однихъ лишь иностранцевъ; ее можно сравнить съ уравненіемъ, въ составъ котораго входятъ однѣ неизвѣстныя величины. Не задумывается надъ ней только наша реакціонная печать; она всегда знаетъ, чтò думаетъ и чувствуетъ народъ, потому что всегда приписываетъ ему свои собствен-

ныя думы и чувства. Это немудреное—и немудрое—толкованіе приняла на вѣру, къ великому нашему удивленію, и англійская газета; очутившись лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ „иксовъ", она подставила вмѣсто нихъ излюбленныя числа нашихъ газетныхъ реакціонеровъ. Отсюда противорѣчіе въ ея выводахъ, выставляющихъ „реакцію" въ одно и то же время популярной и непопулярной, „принимаемой охотно" и производящей „непріятное" впечатлѣніе. Отсюда, дальше, и ошибка, въ которую впадаетъ „Times", характеризуя нынѣшнихъ „русскихъ вліятельныхъ людей". Если откинуть юмористическую форму этой характеристики (нужно ли доказывать серьезно, что въ связь телефоновъ съ судомъ присяжныхъ или желѣзныхъ дорогъ съ народнымъ представительствомъ прежніе „вліятельные люди" вѣрили столь же мало, какъ и современные?), то она можетъ быть сведена къ слѣдующей формулѣ: заимствовать отъ Запада можно и должно только успѣхи матеріальной культуры, но отнюдь не пріобрѣтенія въ области государственной и общественной жизни. Въ этой формулѣ не оказывается ничего новаго, а слѣдовательно и ничего характеристичнаго для настоящей минуты; она выражаетъ собою настроеніе, господствовавшее въ нашихъ оффиціальныхъ сферахъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. У насъ строились тогда пароходы, вводилось газовое освѣщеніе, распространялись сѣрныя спички и стеариновыя свѣчи, потому что все это представлялось вполнѣ совмѣстнымъ съ крѣпостнымъ правомъ, безмолвствующею печатью и канцелярской тайной; строгому запрету подвергались только идеи западно-европейскаго происхожденія. Настало однако время, когда пришлось снять этотъ запретъ, потому что обнаружилась слишкомъ ясно недостаточность одного матеріальнаго прогресса.

Полемику о томъ, существуютъ ли въ Финляндіи основные законы, все еще нельзя считать оконченною. Статьи и корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей", о которыхъ мы говорили въ іюньской и іюльской хроникахъ, вызвали новое оффиціальное опроверженіе—на этотъ разъ со стороны прокурора финляндскаго сената, г. фонъ-Вейсенберга. Оно посвящено двумъ главнымъ темамъ: такъ-называемымъ боргоскимъ актамъ, установившимъ, въ 1809 г., отношенія Финляндіи къ Россіи—и дальнѣйшему законодательному опредѣленію этихъ отношеній. О боргоскихъ актахъ въ нашемъ журналѣ говорилось уже такъ много, что возвращаться къ нимъ нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что по этому предмету ничего новаго не содержитъ въ себѣ и отвѣтъ московской газеты на сообщеніе прокурора. Очень много интереснаго представляетъ зато второй вопросъ. „Московскія

Вѣдомости" утверждали, между прочимъ, что основными законами Финляндіи нельзя считать ни шведскія постановленія 1772 и 1789 г., такъ какъ они никогда не получали санкціи русской верховной власти, ни сеймовый уставъ 1869 г., такъ какъ онъ имѣлъ и имѣетъ только второстепенное значеніе. Этимъ увѣреніямъ прокуроръ финляндскаго сената противопоставляетъ аргументъ самый краснорѣчивый—оффиціальные тексты. „Настоящій уставъ,—сказано въ послѣднемъ параграфѣ сеймоваго устава, — имѣетъ во всѣхъ своихъ частяхъ пребывать *ненарушимымъ основнымъ закономъ* для монарха и земскихъ чиновъ Финляндіи, до измѣненія или отмѣны онаго совокупнымъ рѣшеніемъ". Высочайшее утвержденіе сеймоваго устава формулировано такъ: „сохраняя за собою принадлежащее намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ формѣ правленія отъ 21-го августа 1772 г. и въ актѣ соединенія и охраненія отъ 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 г. и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ сеймовомъ уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ какъ *ненарушимый основной законъ*". Въ томъ же сообщеніи прокурора приведена, наконецъ, слѣдующая выписка изъ рѣчи, произнесенной императоромъ Александромъ II при открытіи, въ Гельсингфорсѣ, сейма 1863 года: „Многія постановленія коренныхъ законовъ великаго княжества оказываются несовмѣстными съ положеніемъ дѣлъ, возникшимъ послѣ присоединенія этого княжества къ имперіи; другія страдаютъ недостаткомъ ясности и опредѣлительности. Желая исправить эти недостатки, Я имѣю намѣреніе поручить составленіе проекта закона, который, заключая въ себѣ поясненія и дополненія къ этимъ постановленіямъ, предложенъ будетъ на разсмотрѣніе послѣдующаго сейма. Оставляя неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи, вошедшій въ нравы финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы его и учрежденія, Я желаю расширить въ этомъ проектѣ право, принадлежащее уже сейму —опредѣлять размѣръ и количество налоговъ, равно какъ и право предлагать проекты законовъ, которымъ пользовался сеймъ въ прежнее время". Все это какъ нельзя болѣе ясно и не допускаетъ двухъ различныхъ толкованій. „Московскимъ Вѣдомостямъ" оставалось, повидимому, только положить оружіе и сознаться въ недостаточномъ знакомствѣ съ предметомъ, о которомъ онѣ такъ запальчиво и смѣло говорили. Онѣ избрали другой способъ дѣйствій, почти безпримѣрный даже въ нашей реакціонной печати. Тронная рѣчь 1863 года, сеймовый уставъ, Высочайшая санкція его — все это выставляется плодомъ обмана съ одной стороны, недоразумѣнія съ другой. Мнѣнія и намѣренія, выраженныя въ гельсингфорсской рѣчи (6) 18-го сентября 1863 г., были „одною изъ тѣхъ безотчетныхъ ошибокъ, въ

которыя русская власть въ шестидесятыхъ годахъ была вовлечена извѣстнымъ сплетеніемъ тенденцій, вліяній и вѣяній той эпохи". Нельзя упускать изъ виду и того, что „отвѣтственность передъ исторіей и верховною властью за редакцію выраженій и изложенія иныхъ рѣчей и актовъ во многомъ падаетъ на тѣхъ, кому эта редакція довѣрялась, и что люди, облекаемые этимъ довѣріемъ, далеко не всегда оное оправдывали (къ этому присовокупляется, что „надъ редакціей рѣчи 6-го (18) сентября 1863 г., сколько извѣстно, не мало потрудился финляндецъ Армфельтъ"). Проектъ сеймоваго устава „и составлялся, и обсуждался, и подносился Государю исключительно финляндцами, съ устраненіемъ отъ этого дѣла русскихъ государственныхъ людей". Къ подписи покойнаго Государя „былъ поднесенъ уставъ многостатейный, преисполненный множествомъ мелочныхъ формальныхъ правилъ, стало быть не такой, который требовалъ бы со стороны Государя непремѣннаго прочтенія отъ первой строки до послѣдней. И вотъ, въ этомъ обширномъ уставѣ оказалось нѣсколько не бросающихся въ глаза строкъ, представляющихъ собою признаніе старо-шведской конституціи 1772 и 1789 г." Прокурору финляндскаго сената предлагается, по всѣмъ этимъ основаніямъ, доказать, что при докладѣ покойному Государю о сеймовомъ уставѣ „не произошло никакихъ намѣренныхъ или ненамѣренныхъ упущеній". Неужели московская газета не замѣчаетъ, что, идя этимъ путемъ, можно заподозрить дѣйствительность любого закона, любого государственнаго акта, въ особенности обширнаго, многостатейнаго? Санкціею закона, данною въ установленномъ порядкѣ, удостовѣряется —*пока не будетъ доказано противное*—полное его согласіе съ намѣреніями законодателя; по отношенію къ тронной рѣчи такую же роль играетъ фактъ ея произнесенія. Предположенія въ родѣ тѣхъ, которыя такъ безцеремонно высказываются „Московскими Вѣдомостями", не имѣютъ здѣсь рѣшительно никакой силы; они свидѣтельствуютъ только о безнадежной неправотѣ дѣла, прибѣгающаго подъ ихъ защиту. Еслибы и можно было признать за достовѣрное, что редакція тронной рѣчи 1863 г. вся цѣликомъ принадлежала финляндцу Армфельту, значеніе рѣчи не уменьшилось бы отъ этого нисколько. Кто бы ни *написалъ* ее, *сказана* она была Государемъ, въ продолженіе семнадцати лѣтъ не только не взявшимъ назадъ ни одного ея слова, но, наоборотъ, постоянно дѣйствовавшимъ въ ея духѣ. Совершенно безразличнымъ, съ той же точки зрѣнія, слѣдуетъ признать и то обстоятельство, что сеймовый уставъ 1869 г. былъ „составленъ, разсмотрѣнъ и поднесенъ государю исключительно финляндцами". Иначе это и быть не могло; при такихъ именно условіяхъ издаются всѣ законы, имѣющіе силу исключительно въ Финляндіи и для Финлян-

діи. Составляетъ ихъ финляндскій сенатъ или финляндская администрація, разсматриваетъ финляндскій сеймъ, подноситъ государю министръ, статсъ-секретарь по дѣламъ великаго княжества, постоянно, съ самаго 1809 г., назначаемый изъ среды природныхъ финляндцевъ. Для дѣйствительности финляндскаго закона не требовалось и не требуется, чтобы онъ былъ разсмотрѣнъ въ русскихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и напечатанъ въ русскомъ собраніи узаконеній. Это — pium desiderium нашихъ нивелляторовъ-націоналистовъ; но отъ желанія до совершившагося факта еще весьма далеко. Прямымъ нарушеніемъ истины является увѣреніе, что въ сеймовомъ уставѣ „оказалось вдругъ *нѣсколько не бросающихся въ глаза строкъ*, представляющихъ собою признаніе старо-шведской конституціи“. Эти строки, наоборотъ, непремѣнно должны были броситься въ глаза, потому что онѣ находятся не въ одной изъ многочисленныхъ статей устава, а въ Высочайшей санкціи его, непосредственно передъ собственноручною подписью государя. Въ этой же санкціи сеймовый уставъ названъ „ненарушимымъ основнымъ закономъ“, а въ послѣднемъ параграфѣ устава, „бросающемся въ глаза“ уже потому, что онъ послѣдній — прибавлено, что сеймовый уставъ долженъ пребывать ненарушимымъ „для монарха и земскихъ чиновъ Финляндіи, до измѣненія или отмѣны онаго совокупнымъ рѣшеніемъ“. Самая многостатейность устава не даетъ ни малѣйшаго права утверждать, что онъ не былъ разсмотрѣнъ съ надлежащимъ вниманіемъ. Правда, въ одной изъ гельсингфорсскихъ корреспонденцій московской газеты было выражено мнѣніе, что „Государь не могъ входить во всѣ подробности многостатейнаго, но въ сущности второстепеннаго устава, и утвердилъ его по довѣрію къ докладчику, Армфельту“. „Московскія Вѣдомости“ выражаютъ удивленіе, что эти слова оставлены безъ опроверженія въ сообщеніи г. фонъ-Вейсенберга. Гораздо удивительнѣе было бы, еслибы прокуроръ финляндскаго сената счелъ нужнымъ говорить серьезно о пустой болтовнѣ безъименнаго корреспондента. Какъ опровергнуть, притомъ, ни на чемъ не основанное предположеніе? Какъ доказать, что Государь разсматривалъ всѣ подробности сеймоваго устава и утвердилъ его не по одному только довѣрію къ Армфельту? Развѣ можно возстановить весь ходъ мыслительнаго процесса, совершавшагося въ тиши кабинета и не оставившаго никакихъ слѣдовъ, кромѣ одного факта утвержденія закона? Развѣ можно угадать настроеніе, предшествовавшее этому факту, побужденія, его вызвавшія? Не правы ли мы были, сказавъ, что аргументація московской газеты по финляндскому вопросу представляется чѣмъ-то небывалымъ даже въ нашей реакціонной печати? А между тѣмъ заключеніе изъ невозможныхъ посылокъ выводится са-

мое рѣшительное. „Не чета какому-нибудь финляндскому сеймовому уставу,—восклицаетъ московская газета,—былъ тотъ ограничивавшій самодержавіе актъ, который былъ представленъ „семибоярщиной" къ подписи императрицы Анны Іоанновны и дѣйствительно ею подписанъ... Но чтó сказала эта императрица „верховникамъ", когда обманъ ихъ обнаружился, и чтó сдѣлала она съ этимъ подписаннымъ ею актомъ?.. На Руси знаютъ, что русскіе цари могутъ *возвращаться на свои рѣшенія* [1]), хотя бы ими и подписанныя". Есть ли хотя бы самая отдаленная аналогія между событіемъ, напоминаемымъ „Московскими Вѣдомостями", и утвержденіемъ финляндскаго сеймоваго устава? Императрица Анна Іоанновна уничтожила вынужденный у нея актъ, какъ только миновали обстоятельства, сдѣлавшія возможнымъ принужденіе; сеймовый уставъ дѣйствовалъ, никѣмъ не оспариваемый, двѣнадцать лѣтъ при жизни Государя, его утвердившаго, дѣйствуетъ и въ настоящее время, двадцать лѣтъ спустя послѣ его изданія — и сомнѣніе въ его внутренней силѣ заявлено, покамѣстъ, только корреспондентомъ и редакціей одной газеты.

Въ подкрѣпленіе своего взгляда „Московскія Вѣдомости" ссылаются на какія-то попытки обмануть покойнаго Государя, исходившія, будто бы, отъ Армфельта и финляндскаго сената, и на необходимость для финляндцевъ добиться, per fas et nefas, утвержденія своей „конституціи". Если намъ удастся доказать, что эта необходимость вовсе не существовала, то повѣствованіе объ „обманѣ"—даже помимо вопроса о достовѣрности источниковъ, изъ которыхъ оно почерпнуто московской газетой,—потеряетъ всякое значеніе. Предположеніе, что финляндцы могли и должны были стремиться, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, къ утвержденію Государемъ, въ той или другой формѣ, финляндскихъ конституціонныхъ порядковъ, основывается, очевидно, на другомъ предположеніи — что эти порядки раньше не получили Высочайшей санкціи. Вотъ это-то второе предположеніе и оказывается совершенно невѣрнымъ. *Конституція* — въ единственномъ числѣ, а не во множественномъ, на которое такъ напираютъ „Московскія Вѣдомости"—конституція и основные законы Финляндіи, съ давнихъ временъ положившіе основаніе ея гражданской свободѣ, были торжественно утверждены еще манифестомъ 9-го февраля 1816 г. —или, лучше сказать, вновь подтверждены, такъ какъ въ манифестѣ прямо указывается на утвержденіе ихъ императоромъ (Алексан-

---

[1]) На какомъ языкѣ говоритъ здѣсь московская газета? Только по-французски можно сказать: retourner sur ses pas.

дромъ I-мъ) при самомъ „воспріятіи царствованія" надъ Финляндіей [1]). Утвержденными признавалъ ихъ, безъ сомнѣнія, и императоръ Александръ II, когда говорилъ, въ гельсингфорсской рѣчи 1863 г., что „*оставляетъ неприкосновеннымъ* принципъ конституціонной монархіи, вошедшій въ нравы финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы его и учрежденія". Нужно ли было финляндцамъ, въ виду столь торжественныхъ и ясныхъ заявленій, прибѣгать къ какимъ-то проискамъ и ухищреніямъ? Нужно ли имъ было пролѣзать въ подполье или въ окно, когда передъ ними настежъ были открыты всѣ ворота и всѣ двери? „Московскія Вѣдомости" стараются доказать, что тронная рѣчь 1863 г., напечатанная въ финляндскомъ сборникѣ постановленій *безъ всякой подписи* (!), была только „бесѣдой Государя съ представителями финляндскихъ сословій" и не могла измѣнить *манифестовъ* 20 марта и 5 іюня 1808 г. (о присоединеніи Финляндіи къ имперіи). Не говоря уже о томъ, что тронная рѣчь была подтвержденіемъ *манифеста* 9-го февраля 1816 г., она имѣла, несомнѣнно, значеніе государственнаго акта, въ которомъ заранѣе взвѣшено и обдумано каждое слово. Провозгласить Финляндію „конституціонной монархіей" и открыть ей доступъ къ конституціонной жизни значило сдѣлать совершенно излишней всякую дальнѣйшую санкцію правъ, окончательно закрѣпленныхъ за финляндскимъ народомъ. Вотъ почему и въ сеймовомъ уставѣ 1863 г. идетъ рѣчь не объ *утвержденіи* постановленій 1772 и 1789 г., а о *сохраненіи* ихъ въ силѣ во всемъ томъ, что̀ не измѣнено и не отмѣнено сеймовымъ уставомъ.

Намъ остается только подчеркнуть еще одинъ полемическій пріемъ „Московскихъ Вѣдомостей", достойный всѣхъ прочихъ. Цитированныя г. фонъ-Вейсенбергомъ слова тронной рѣчи 1863 г. московская газета толкуетъ въ томъ смыслѣ, какъ будто бы возвѣщенный ими пересмотръ финляндскихъ основныхъ законовъ долженъ былъ имѣть цѣлью соглашеніе ихъ съ основными законами имперіи. Если вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ", тронною рѣчью „безусловно признана несовмѣстность финляндскихъ порядковъ съ фактомъ присоединенія Финляндіи къ Россіи". Мы просимъ читателей просмотрѣть еще разъ приведенную выше выписку изъ тронной рѣчи. Они увидятъ, что несовмѣстными признаны, съ одной стороны, „многія постановленія коренныхъ законовъ великаго княжества" (а не основные его законы вообще, не финляндскіе „порядки" во всей ихъ цѣлости); съ другой— „положеніе дѣлъ, возникшее послѣ присоединенія великаго княже-

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что этимъ устраняется всякое сомнѣніе относительно смысла и значенія „боргоскихъ актовъ".

ства къ имперіи" (а не самый фактъ присоединенія). Другими словами, основаніемъ къ пересмотру выставлена не противоположность двухъ государственныхъ устройствъ — финляндскаго и русскаго,—а совокупность перемѣнъ, совершившихся со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи. Всякое сомнѣніе по этому предмету устраняется дальнѣйшимъ текстомъ тронной рѣчи. Она обѣщаетъ *расширеніе* правъ сейма, какъ по предмету опредѣленія размѣра и количества налоговъ, такъ и по предмету предложенія новыхъ законовъ. А вѣдь всякое расширеніе правъ сейма неизбѣжно должно было имѣть послѣдствіемъ *увеличеніе* различія между финляндскими и русскими основными законами! Не ясно ли, что „несовмѣстность" понималась въ тронной рѣчи совсѣмъ не такъ, какъ толкуютъ ее теперь „Московскія Вѣдомости"? Весь отвѣтъ ихъ на сообщеніе г. фонъ-Вейсенберга не что иное, какъ рядъ софизмовъ, падающихъ при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью.

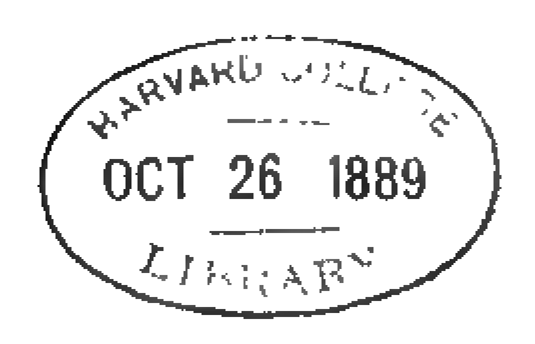
Въ лицѣ А. А. Краевскаго сошелъ въ могилу еще одинъ изъ дѣятелей сороковыхъ годовъ. Мы нарочно употребляемъ слово: *дѣятелей*, а не *людей*. Съ выраженіемъ: *сороковыхъ годовъ* неразрывно связанъ цѣлый рядъ представленій, которымъ далеко не во всемъ соотвѣтствовалъ покойный. Онъ жилъ вмѣстѣ съ поколѣніемъ Бѣлинскаго и Грановскаго, Тургенева и Кавелина, Салтыкова и Хвощинской (Заіончковской), но не принадлежалъ ему душою, не раздѣлялъ его „вѣры въ чудеса", его идеальныхъ стремленій. И все-таки слава этого поколѣнія такъ велика, что небольшой ея отблескъ упадаетъ даже на случайнаго участника великой работы. Забудутся имена многихъ, писавшихъ гораздо больше и съ гораздо большимъ талантомъ, но не забудется имя Краевскаго, потому что вокругъ него сосредоточивалось, между 1839 и 1846 г., все, что̀ было лучшаго въ русской литературѣ. Конечно, не его статьямъ были обязаны своимъ успѣхомъ „Отечественныя Записки", но онѣ были обязаны ему своимъ существованіемъ. Онъ понялъ потребность въ честномъ, независимомъ о̀рганѣ печати и съумѣлъ призвать его къ жизни, съумѣлъ провести его невредимымъ сквозь массу препятствій и затрудненій. Въ чемъ бы ни заключались мотивы, побудившіе Краевскаго къ основанію (или, правильнѣе сказать, обновленію) „Отечественныхъ Записокъ", а мы не видимъ причины предполагать, что они всѣ были невысокаго свойства,—чрезвычайно цѣннымъ представляется, во всякомъ случаѣ, ихъ результатъ. До кризиса 1846 г., т.-е. до разрыва Бѣлинскаго съ Краевскимъ, „Отечественныя Записки" пользовались такимъ громаднымъ и такимъ благотворнымъ вліяніемъ, которое съ тѣхъ

поръ не выпадало на долю ни одному журналу. Далеко меньшую роль играла, четверть века спустя, газета Краевскаго, „Голосъ"; но и она, особенно въ свои последніе годы, занимала видное место въ нашей печати... Изъ того, что Краевскій писалъ мало и редко, нельзя еще заключать, что онъ давалъ своимъ изданіямъ только капиталъ и имя. Можно почти не браться за перо и темъ не менее руководить—руководить не только номинально журналомъ или газетой; доказательствомъ этому служитъ, напримеръ, известный Бертенъ, редакторъ „Journal des Débats" въ эпоху іюльской монархіи. Несомненно были времена, когда Краевскій уступалъ другимъ свое место во главе „Отечественныхъ Записокъ" (Дудышкину—въ начале шестидесятыхъ годовъ, Некрасову и Салтыкову—съ 1868 по 1884 г.); но относительно „Голоса" вопросъ о степени фактическаго руководительства Краевскаго остается пока мало разъясненнымъ. Нельзя поэтому отказывать Краевскому въ праве на имя литератора (какъ это было сделано въ одной газете, черезъ несколько дней после его смерти); еще менее позволительно повторять теперь старыя обвиненія, справедливость которыхъ требуетъ еще всесторонней поверки. Если заслуги покойнаго и были преувеличены въ той или другой газетной статье, той или другой надгробной речи, то это еще не оправданіе для техъ, кто бросаетъ на свежую могилу давно забытый соръ литературныхъ сплетенъ.

Предоставляя будущему историку петербургскаго городского самоуправленія определить долю участія Краевскаго, какъ председателя городской училищной коммиссіи, въ быстромъ и успешномъ развитіи петербургскихъ начальныхъ городскихъ школъ, мы должны сделать по этому предмету только одну оговорку. Краевскаго называли, въ газетныхъ некрологахъ, *иниціаторомъ* школьнаго дела въ Петербурге; говорили, будто бы до него городскихъ училищъ было только шестнадцать. Слишкомъ усерднымъ панегиристамъ следовало бы навести более точную справку; они бы узнали, что роль „иниціатора" въ школьномъ деле принадлежала, въ Петербурге, не Краевскому, а первому председателю училищной коммиссіи, опытному педагогу и превосходному человеку, Ѳ. Ѳ. Эвальду. Именно Эвальду удалось поставить школьное дело въ Петербурге на ту дорогу, которою оно продолжало идти при Краевскомъ; именно Эвальдъ завещалъ городу стремленіе къ обязательному обученію, честь котораго теперь приписывается Краевскому. Въ моментъ смерти Эвальда (если только мы не ошибаемся, относя ее къ осени 1879 года) городскихъ училищъ въ Петербурге было уже *пятьдесятъ-одно*. Хваля одного, не следуетъ забывать о другомъ; у насъ безъ того уже слишкомъ коротка память на мирныя, скромныя заслуги.

P. S. Наше Внутреннее Обозрѣніе было уже въ печати, когда мы прочли въ № 224 „Московскихъ Вѣдомостей" передовую статью, обвиняющую насъ — по поводу іюльскаго Внутренняго Обозрѣнія—въ „искаженіи дѣйствительности". Не возобновляя полемику, теперь уже запоздалую, замѣтимъ только одно: въ орудіе противъ врага не слѣдовало бы обращать явный корректурный недосмотръ. Главнымъ обвинительнымъ противъ насъ пунктомъ служитъ на этотъ разъ слѣдующая наша фраза: „сосредоточеніе въ одномъ лицѣ судебной, административной и административно-карательной власти *губернатора и предводителей дворянства*". Не ясно ли, что передъ послѣдними подчеркнутыми словами пропущены два слова: *подъ контролемъ* (или *подъ начальствомъ*)? Что бы ни думали о насъ „Московскія Вѣдомости", онѣ едва ли сомнѣваются въ томъ, что намъ извѣстна азбука служебной іерархіи. Подъ именемъ *одного лица* мы понимали, очевидно, земскаго начальника; не могли же мы предполагать, что ему передается власть губернатора и предводителей дворянства.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

. В. ГОГОЛЬ И ВІЕЛЬГОРСКІЕ

въ

ИХЪ ПЕРЕПИСКѢ

1839—1849 г.

ро минетъ сорокъ лѣтъ со смерти Гоголя, но нельзя не :я, что мы не только болѣе чѣмъ недостаточно знаемъ нь и почти еще не уяснили его нравственную личность, : характеръ его отношеній къ болѣе или менѣе близкимъ остается мало извѣстнымъ и почти вовсе не былъ до сихъ іедметомъ внимательнаго изученія. Чтобы показать на- какія невѣрныя и сбивчивыя представленія объ отноше- Гоголя къ разнымъ лицамъ могли являться въ печати, слѣдующій примѣръ. Лѣтъ тридцать тому назадъ, вскорѣ ончины Гоголя, когда были еще свѣжи слѣды недавняго о, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ библіографовъ, въ овіи къ письмамъ Гоголя къ Прокоповичу (въ январьской Русскаго Слова" за 1859 годъ), выразилъ сожалѣніе по охлажденія автора „Мертвыхъ Душъ" къ товарищу дѣтства, ъ концѣ сороковыхъ годовъ, Гоголь, „вслѣдствіе разныхъ , нашелъ новыхъ друзей въ князѣ Львовѣ, графѣ Віель- ь, о. Матвѣѣ, Шереметевой, Вигелѣ и другихъ". Остав- сторонѣ спорный вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли жалѣть о іи Гоголя со всѣми названными лицами, или только съ ыми изъ нихъ, что, безъ сомнѣнія, далеко не безразлично, ie подивиться такому странному смѣшенію въ одну кучу въ дѣйствительности, имѣвшихъ между собой весьма мало

общаго. Какъ можно, въ самомъ дѣлѣ, отнести къ числу друзей Гоголя князя Львова, къ которому онъ написалъ лишь единственное письмо въ отвѣтъ на замѣчанія его о „Перепискѣ съ друзьями“, несмотря на то, что изъ первыхъ же строкъ этого письма ясно, что онъ долго не могъ даже отдать себѣ отчетъ, былъ ли когда-нибудь знакомъ съ своимъ новымъ корреспондентомъ,—а въ то же время пропустить А. О. Смирнову? Какъ можно было поставить рядомъ имя Н. Н. Шереметевой, женщины скромнаго круга и ограниченнаго образованія, и широко и разносторонне образованнаго графа М. Ю. Віельгорскаго, человѣка, вращавшагося въ придворной и избранной артистической средѣ; наконецъ, поставить рядомъ имя строгаго подвижника о. Матвѣя и Вигеля, этого литературнаго Собакевича? Какъ можно было приписывать едва ли существовавшее „сильное и благотворное“ вліяніе на Гоголя Прокоповичу, исполнявшему преимущественно его порученія и пользовавшемуся въ извѣстной степени его расположеніемъ, и забыть объ истинно-глубокой и нѣжной съ ранняго дѣтства привязанности его къ своему „ближайшему“, А. С. Данилевскому? Но если подобныя ошибки были возможны со стороны такого добросовѣстнаго изслѣдователя, какимъ былъ покойный Н. В. Гербель, притомъ, такъ сказать, на глазахъ Аксаковыхъ и Плетнева,—возможны преимущественно благодаря маскированію именъ иниціалами и условными буквами въ извѣстномъ изданіи писемъ Гоголя, то тѣмъ болѣе необходимо устранить возможность ихъ повторенія именно теперь, когда, съ одной стороны, еще не совсѣмъ заглохли преданія о нашемъ славномъ писателѣ, а съ другой, умерли уже почти всѣ лица, при жизни которыхъ были бы неудобны и преждевременны подобныя разъясненія.

Можно безъ преувеличенія сказать, что наименѣе извѣстными остаются до сихъ поръ отношенія Гоголя къ Віельгорскимъ, такъ какъ самая переписка ихъ находилась пока подъ спудомъ. Разсказу объ этихъ отношеніяхъ мы и предполагаемъ посвятить настоящую статью.

I.

Неизвѣстно въ точности, къ какому времени слѣдуетъ отнести первое знакомство Гоголя съ Віельгорскими; но, во всякомъ случаѣ, короткія отношенія установились между ними не раньше конца 1838 года, когда Гоголь сблизился въ Римѣ съ молодымъ графомъ Іосифомъ Михайловичемъ. Прежде этого Віельгорскіе,

безъ сомнѣнія, знали Гоголя по слухамъ отъ общихъ пріятелей и по его литературному имени, но едва ли даже часто встрѣчались съ нимъ. Знакомство началось чрезъ посредство А. О. Смирновой, которая подружилась съ Віельгорскими еще въ 1826 году, въ бытность свою фрейлиной императрицы Маріи Ѳедоровны, когда она ежедневно видѣлась съ графиней Луизой Карловной, также любимицей императрицы. Въ Москвѣ во время коронаціи государя Николая Павловича онѣ были уже почти неразлучны.

Семейство Віельгорскихъ состояло изъ главы его, графа Михаила Юрьевича, талантливаго композитора, живого, веселаго, изящнаго цѣнителя всего прекраснаго, извѣстнаго при дворѣ даваемыми имъ концертами, ловкаго, страстнаго танцора [1]), и въ то же время образованнѣйшаго и весьма начитаннаго человѣка, обладателя превосходной библіотеки и, между прочимъ, масона; изъ его жены, Луизы Карловны, урожденной принцессы Биронъ, особы, представлявшей въ своемъ характерѣ своеобразное соединеніе религіозности и замѣчательной доброты съ внѣшней холодной недоступностью дамы высшаго круга; наконецъ, дѣтей ихъ: Іосифа Михайловича, товарища по воспитанію покойнаго императора Александра II, Михаила Михайловича, служившаго впослѣдствіи при посольствѣ въ Берлинѣ, Аполлинаріи Михайловны, впослѣдствіи Веневитиновой, Софьи Михайловны, вышедшей замужъ въ 1840 г. за извѣстнаго писателя Соллогуба, и Анны Михайловны [2]).

Женскій персоналъ семьи безусловно не могъ быть знакомъ Гоголю въ тридцатыхъ годахъ, такъ какъ еще въ 1828 году, до переѣзда его изъ Малороссіи въ Петербургъ, Віельгорскіе почти цѣлымъ домомъ переселились въ Вюрцбургъ для леченія хромавшаго съ младенчества младшаго сына, Михаила Михайловича. Съ тѣхъ поръ они оставались за границей почти безвыѣздно вплоть до сороковыхъ годовъ. Въ Петербургѣ находился въ это время только самъ Михаилъ Юрьевичъ съ старшимъ сыномъ, Іосифомъ Михайловичемъ, жившимъ во дворцѣ. Такъ какъ Віельгорскіе были хороши съ Плетневымъ и Жуковскимъ и враща-

---

[1]) Въ рукописныхъ запискахъ дочери Михаила Юрьевича, Софьи Михайловны, есть слѣдующій интересный разсказъ о немъ, какъ о блестящемъ мазуристѣ: „Le dimanche ceux des élèves, dont les parents se trouvaient à Tzarskoe ou à Pawlowsk, recevaient la permission visiter leur familles. Comte Wladimir Sollohoub me conta, que lui et plusieurs autres lycéens, désirer de saisir le fion, avec lequel mon père dansait la mazourka au pavillon des roses“.

[2]) Нѣкоторыя фактическія подробности о Віельгорскихъ см. въ нашей статьѣ: „А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь“ („Русская Старина“, 1888, IV, 69—73), и замѣчанія на нее М. А. Веневитинова: „Семейство Віельгорскихъ“ (тамъ же, VI, 69—96).

лись въ такъ-называемомъ „ковчегѣ Арзамаса", то, конечно, двухъ послѣднихъ названныхъ членовъ этой семьи не могъ не знать и Гоголь; но пока между ними было мало общаго. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что хотя Іосифъ Михайловичъ былъ еще юнымъ птенцомъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ (онъ родился 26-го декабря 1816 года), но уже тогда обратилъ на себя вниманіе Гоголя своими выдающимися дарованіями, замѣтно выдвигавшими его изъ толпы придворной молодежи. Еще тогда, конечно, во время свиданій съ молодымъ графомъ въ Петербургѣ, Гоголь составилъ о немъ лестное представленіе, высказанное имъ много лѣтъ спустя, что онъ сравнительно съ своими сверстниками подавалъ особенно блестящія надежды. „Это былъ бы мужъ, который бы украсилъ одинъ будущее царствованіе Александра Николаевича",—писалъ о немъ Гоголь Данилевскому уже въ 1838 г., прибавляя въ своемъ увлеченіи: „другіе его окружающіе хоть бы крупицу таланта имѣли!" [1]) Но петербургскія отношенія Гоголя къ молодому Віельгорскому были ничто въ сравненіи съ дружбой, завязавшейся между ними впослѣдствіи въ Римѣ. По крайней мѣрѣ, Гоголь такъ говорилъ объ этомъ: „Мы давно были привязаны другъ къ другу, давно уважали другъ друга, но сошлись тѣсно, неразлучно и рѣшительно братски только, увы! во время его болѣзни" [2]).

Послѣ отъѣзда Гоголя за границу онъ въ первый разъ встрѣтился съ молодымъ графомъ 20-го декабря 1838 года. Іосифъ Михайловичъ умиралъ тогда отъ чахотки и, несмотря на заботливый уходъ и на помощь знаменитыхъ врачей, замѣтно таялъ съ каждымъ днемъ. Года за два передъ тѣмъ онъ получилъ, во время испытанія артиллерійскихъ орудій на Волковомъ полѣ, сильный ударъ осколкомъ въ правое бедро и съ тѣхъ поръ уже не поправлялся. Въ маѣ 1838 года, сопровождая наслѣдника, онъ пріѣхалъ въ Берлинъ. Но открывшееся вскорѣ кровохарканіе заставило его отдѣлиться отъ свиты и ѣздить отдѣльно по курортамъ. Въ концѣ сентября, по совѣту жившаго въ Баденъ-Баденѣ доктора Гугерта, онъ рѣшился на безусловное молчаніе. Жуковскій, находившійся съ нимъ нѣкоторое время на берегахъ озера Комо, сообщалъ объ умирающемъ его матери: „Іосифъ наложилъ на уста свои печать молчанія и составилъ самъ для себя орденъ іероглифовъ; ходитъ, какъ командоръ, съ книгою

[1]) Соч. Гоголя, изд. Кулиша, V, 378. Послѣднее предложеніе пропущено и обозначено двумя чертами.

[2]) Тамъ же.

на черной лентѣ, висящею у него на шеѣ" [1]). Это была записная книжка, замѣнявшая ему, между прочимъ, употребленіе устной рѣчи въ бесѣдѣ съ Жуковскимъ, потому что ему было строжайше запрещено произносить хоть слово. Въ Римъ онъ пріѣхалъ 15-го ноября 1838 года. Подъ 20 декабря въ памятной книжкѣ больного значится: „Ливенъ. О Пизѣ. Саша [2]). Le grand duc, protecteur des amours. Потемкинъ. *Гоголь.* Открытіе новаго Кореджіо. Процессъ. Мертвыя Души". Эти лаконическія замѣтки, представляя подобіе дневника, дѣлались, очевидно, съ цѣлью распространить впослѣдствіи набросанное наскоро, такъ какъ слабость мѣшала больному записывать впечатлѣнія дня въ болѣе подробномъ видѣ. Любопытно отмѣтить, что имя Гоголя въ запискѣ подчеркнуто; любопытно далѣе упоминаніе о новомъ Корреджіо подъ которымъ, безъ сомнѣнія, разумѣется недавно познакомившійся съ Гоголемъ А. А. Ивановъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что, оцѣнивъ высокое дарованіе Иванова и стараясь указать и разъяснить его другимъ, Гоголь не могъ не заинтересовать имъ юношу Віельгорскаго, питавшаго наслѣдственную симпатію къ представителямъ науки и искусства. Когда Гоголь узналъ о пріѣздѣ своего прежняго знакомаго въ Римъ, онъ, конечно, поспѣшилъ навѣстить его и, между прочимъ, поразсказать ему объ Ивановѣ...

Со дня этого перваго свиданія въ Римѣ Гоголь почти не разставался съ молодымъ Віельгорскимъ; узнавъ его ближе, онъ не переставалъ восхищаться его умомъ, твердымъ характеромъ и прекрасной душой; но въ то же время съ грустью долженъ былъ убѣждаться, что съ каждымъ днемъ исчезала надежда на его выздоровленіе. Тутъ-то началась отеческая заботливость его объ умиравшемъ. Гоголь ухаживалъ за больнымъ, не отходя отъ его постели ни днемъ, ни ночью, и однажды оставилъ для него порученную особеннымъ его заботамъ С. Б. Шевыреву, тосковавшую въ Римѣ во время разлуки съ путешествовавшимъ по Австріи мужемъ. По этому поводу онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ извинялся передъ С. П. Шевыревымъ: „Четыре дня я не видалъ Софью Борисовну: всѣ эти дни и ночи вмѣстѣ я проводилъ у одра больного Іосифа, моего Віельгорскаго. Бѣдненькій, онъ не можетъ остаться минуты, чтобы я не былъ возлѣ. И было бы безсовѣстно съ моей стороны, еслибы я не заплатилъ, увы! мо-

---

[1]) Соч. Жук., изд. 7, т. VI, 665.

[2]) Великій князь, наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.

жетъ быть, послѣдняго долга дружбы“ [1]). Участь умирающаго глубоко огорчала Гоголя и онъ постоянно говорилъ о ней во всѣхъ своихъ письмахъ, но наиболѣе ярко выразилась его скорбь въ слѣдующихъ строкахъ письма его къ М. П. Балабиной: „Клянусь, непостижимо странная судьба всего хорошаго у насъ въ Россіи. Едва только успѣетъ показаться—и тотъ же часъ смерть, безжалостная, неумолимая смерть“ [2]).

По смерти Іосифа Михайловича, какъ припоминаетъ О. Н. Смирнова [3]), Гоголь выѣхалъ на встрѣчу его матери, спѣшившей къ сыну въ Римъ. Въ Марселѣ онъ объявилъ ей горестную вѣсть. О. Н. Смирнова писала намъ объ этомъ слѣдующее: „Старуха-графиня (я привыкла ее такъ называть: она еще въ дѣтствѣ моемъ казалась мнѣ старухой) была на видъ очень холодная женщина, но она горячо любила мою мать и Гоголя. Съ ними она была очень ласкова и повѣряла имъ всѣ тайныя горести, хотя была гораздо старше обоихъ. Она никогда не забывала, что Гоголь присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ ея сына и первый объявилъ ей о его кончинѣ. Когда онъ сказалъ ей это, она сѣла на полъ, накрыла лицо шалью и просидѣла въ неподвижномъ положеніи двое сутокъ. Гоголь не отходилъ отъ нея; онъ все старался ее растрогать, чтобы она заплакала, и, наконецъ, это удалось ему, когда онъ сказалъ: „бѣдный Іосифъ! онъ умиралъ безъ матери!“ Тутъ она разразилась рыданіями. Иногда,—прибавляетъ далѣе О. Н. Смирнова,—она вспоминала объ этомъ мнѣ и моей матери“. Въ поясненіе къ только-что разсказанному необходимо прибавить, что Луиза Карловна отличалась необыкновенной любовью къ дѣтямъ, что она была всегда съ ними и не любила полагаться на гувернеровъ и гувернантокъ и что до отъѣзда за границу всегда даже спала съ ними въ одной комнатѣ, а когда воспитатель наслѣдника, Мердеръ, выпросилъ, чтобы ея сынъ сдѣлался товарищемъ послѣдняго, она приходила въ совершенное отчаяніе [4]).

Послѣ встрѣчи въ Марселѣ Гоголь утѣшалъ Луизу Карловну въ продолженіе шести недѣль и заслужилъ такое расположеніе ея, какимъ она никогда не дарила людей, не принадлежавшихъ къ ея кругу. Всѣ Віельгорскіе считали себя съ тѣхъ поръ обязан-

[1]) Соч. Гоголя, изд. Кулиша, V, 371—372.

[2]) Тамъ же, стр. 373. Въ этихъ словахъ не слышится ли еще отголосокъ печали Гоголя, причиненной ему недавней смертью Пушкина?

[3]) Дочь извѣстной Александры Осиповны Смирновой.

[4]) Свѣденія эти заимствуемъ изъ семейныхъ преданій родственниковъ Віельгорскихъ и изъ воспоминаній С. М. Соллогубъ.

ными Гоголю и, чѣмъ могли, старались выразить и доказать ему свою благодарность, которою послѣднему и пришлось вскорѣ воспользоваться. Черезъ два года послѣ разсказаннаго нами происшествія Гоголь уже совершенно свободно обращался къ Михаилу Юрьевичу съ порученіями довольно деликатнаго свойства. Онъ не только привлекаетъ графа къ участію въ хлопотахъ по изданію перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ и по освобожденію ихъ отъ цензурныхъ стѣсненій, но даже прямо проситъ передать нѣсколько экземпляровъ членамъ царской фамиліи, сознавая въ то же время, что подобная коммиссія не могла не быть до нѣкоторой степени затруднительной и щекотливой даже для человѣка, столь близко стоявшаго ко двору, какъ М. Ю. Віельгорскій. Гоголь, впрочемъ, колебался и готовъ былъ даже отмѣнить свое намѣреніе, говоря, что „дѣло можно оставить, во-первыхъ, уже потому, что какъ-то неприлично это все же нѣсколько корыстное исканіе, а во-вторыхъ, зачѣмъ же тормошить бѣднаго Віельгорскаго, которому, можетъ быть, вовсе не ловко“ [1]). Между тѣмъ онъ стѣснялся и выразить свою благодарность графу, чрезвычайно высоко цѣня его услуги въ отношеніи къ себѣ. „Добрый графъ Віельгорскій,— восклицаетъ онъ,—какъ я понимаю его душу! Но изъявить какимъ бы то ни было образомъ чувства мои было бы смѣшно и глупо съ моей стороны“ [2]).

Во время своихъ проѣздовъ въ Петербургъ [3]) Гоголь, конечно, не разъ посѣщалъ графа Віельгорскаго, сознавая себя, въ свою очередь, обязаннымъ ему и нуждаясь въ дальнѣйшемъ покровительствѣ, такъ какъ въ сношеніяхъ съ цензурой одной протекціи его стариннаго друга, Смирновой, было недостаточно. Но онъ оставался въ столицѣ каждый разъ недолго, и потому между нимъ и Віельгорскимъ пока не исчезло разстояніе, отдѣляющее обыкновеннаго смертнаго отъ высокопоставленнаго аристократа. Еще не было и тѣни той глубоко-интимной симпатіи, которая, черезъ годъ съ небольшимъ, связала ихъ равноправными узами дружбы. Какъ мы упоминали, много помогло въ этомъ отношеніи посредничество Смирновой.

Послѣдняя вообще оставила замѣтный слѣдъ на жизни Гоголя за границей въ началѣ и серединѣ сороковыхъ годовъ. Бездомный скиталецъ, Гоголь искалъ на чужбинѣ людей, родственныхъ ему по душѣ и способныхъ дать удовлетвореніе его духовнымъ потребностямъ. Въ блестящемъ умѣ Смирновой, въ ея

---

¹) Изд. Кул., V, 500.
²) Тамъ же, V, 461.
³) Въ 1840 и въ 1842 годахъ.

тонкомъ эстетическомъ чувствѣ и особенно въ религіозномъ настроеніи онъ нашелъ приблизительно соединеніе всего, чего могъ желать. Правда, иногда равнодушіе къ чудесамъ итальянской природы и искусства крайне неровной по природѣ Смирновой, способной переходить отъ горячаго увлеченія страстной, южной натуры къ полнѣйшей апатіи, выводило его изъ себя, но это было не надолго. Скоро Гоголь снова примирялся съ нею и не переставалъ направлять свою утлую ладью сообразно тому, куда держала путь его очаровательница [1]). Въ присутствіи Смирновой онъ былъ доволенъ и счастливъ, и хотя уже носилъ въ себѣ печальные зародыши погубившаго его впослѣдствіи настроенія, но еще медленно поддавался разъѣдавшей его нравственное существо гангренѣ, не теряя пока бодрости и свѣтлыхъ надеждъ на будущее. За Смирновой Гоголь послѣдовательно переѣзжалъ изъ Рима въ Баденъ и Ниццу и въ обоихъ этихъ городахъ уже заставалъ Соллогубовъ и Віельгорскихъ. Можно съ увѣренностью утверждать, что не найди Гоголь прочнаго посредствующаго звена въ Смирновой, онъ, несмотря на давно подготовленную почву, никогда бы не вошелъ какъ свой человѣкъ въ семью послѣднихъ, какъ это случилось въ Ниццѣ.

Ниццей Гоголь восхищался почти не меньше, чѣмъ Римомъ, и это имѣло сильное вліяніе на расположеніе его духа. „Ницца рай; солнце, какъ масло, ложится на всемъ“ [2]), говорилъ онъ. Ежедневно онъ совершалъ прогулки съ М. М. Віельгорскимъ по

---

[1]) Слухи о чрезвычайномъ вліяніи на Гоголя Смирновой проникли въ преувеличенномъ видѣ въ Москву. Злые языки не замедлили даже истолковать какъ страсть со стороны Гоголя это сближеніе, основанное на неудовлетворенности окружающей жизнью и на глубокой взаимной нравственной симпатіи. До чего были чудовищны эти слухи, показываютъ слѣдующія слова неизданнаго письма Н. М. Языкова брату: „Ты, вѣрно, замѣтилъ въ письмѣ Гоголя похвалы, восписуемыя имъ г-жѣ Смирновой; эти похвалы всѣхъ здѣшнихъ удивляютъ. По всѣмъ слухамъ, до меня доходящимъ, она просто сирена, плавающая въ прозрачныхъ водахъ соблазна“. Въ глазахъ одной напуганной слухами старушки, преданной Гоголю, извѣстная ей только по имени свѣтская дама приняла какой-то грозный призракъ коварной Цирцеи, отъ чаръ которой не могъ устоять и боготворимый Николай Васильевичъ. Замѣтимъ кстати, что въ книгѣ „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“ разсѣяно не мало неблагопріятныхъ отзывовъ объ А. О. Смирновой, а отецъ его однажды назвалъ ее, подобно Языкову, съ чужихъ словъ, „сиреной“ (т. I, стр. 287, примѣч.). Но не слѣдуетъ забывать, что самъ Иванъ Сергѣевичъ (т. I, стр. 310) приноситъ покаяніе въ своихъ прежнихъ сужденіяхъ о Смирновой, а по смерти ея написалъ прекрасный, прочувствованный некрологъ. Очевидно, вся разгадка противорѣчія заключается въ томъ, что пылкій, огненный темпераментъ Смирновой, при всемъ ея искреннемъ стремленіи къ совершенствованію, не поддавался рамкамъ безстрастной и избитой морали.

[2]) Изд. Кулиша, VI, 37.

набережной, причемъ нерѣдко присоединялась къ нимъ и Смирнова. Во время прогулокъ артистическая натура художника громко говорила въ Гоголѣ при каждомъ эффектномъ переливѣ солнечнаго освѣщенія на горахъ, и онъ безмолвно отдавался наслажденію, лишь изрѣдка жестами приглашая спутниковъ раздѣлить его восторгъ [1]). За этими чудными минутами высокаго, доступнаго только избраннымъ натурамъ блаженства Гоголь проводилъ счастливые часы въ обществѣ людей, бесѣда съ которыми могла бы доставить отраду и въ угрюмомъ, безжизненномъ Петербургѣ, но представляла совершенную роскошь здѣсь, подъ южнымъ небомъ и въ виду разстилавшагося на безграничное пространство моря. Особенно въ присутствіи Смирновой всѣ чувствовали себя какъ-то вольнѣе и свободнѣе. Живая, въ высокой степени общительная, она умѣла вносить атмосферу непринужденнаго радушія и задушевной простоты тамъ, гдѣ ихъ неумолимо тѣснилъ сковывающій чувство этикетъ; она умѣла заставить звучать такія струны, которыя безъ ея вмѣшательства остались бы нѣмы и безжизненны. Поэтому ежедневное появленіе такой посредницы въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ должно было крѣпко сплотить его. Понятно, что для человѣка съ натурой и вкусами Гоголя встрѣтить „въ прекрасномъ далекѣ" нѣсколько понимающихъ его и сочувствующихъ ему друзей, способныхъ замѣнить единственное недостававшее ему благо непосредственнаго общенія съ родиной, была драгоцѣнная находка. Что касается Віельгорскихъ, то такъ какъ теперь Гоголь сошелся ближе съ женскимъ персоналомъ этой семьи, дольше остававшимся въ Ниццѣ и болѣе отзывчивымъ на радости наслажденія изящнымъ, было бы интересно прослѣдить, какъ постепенно созрѣвало зерно ихъ взаимнаго сближенія. Не имѣя достаточно данныхъ для обстоятельнаго разъясненія вопроса, воспользуемся нѣкоторыми сообщеніями О. Н. Смирновой и отрывочными мѣстами изъ переписки съ Гоголемъ Віельгорскихъ.

Впечатлѣніе, произведенное Гоголемъ на послѣднихъ во время ихъ совмѣстной жизни за границей, отчасти характеризуется слѣдующими словами С. М. Соллогубъ: „Я узнала во всѣхъ вашихъ письмахъ (въ „Перепискѣ съ друзьями") знакомаго милаго друга, нѣсколько дикаго въ Баденѣ, веселаго и любезнѣйшаго въ Ниццѣ, добраго, необходимаго, но немного грустнаго посѣтителя въ Остенде". Нѣсколько живѣе рисуетъ Гоголя, какъ обычнаго собесѣдника за границей, А. М. Віельгорская: „Мнѣ показалось, что

---

[1]) См. начало 2 тома „Записокъ о жизни Гоголя" Кулиша.

я съ вами гдѣ-нибудь сижу, какъ случалось, въ Остенде или въ Ниццѣ, и что вамъ говорю все, что̀ въ голову приходитъ, и что вамъ разсказываю всякую всячину. Вы меня тогда слушали, тихонько улыбаясь и закручивая усы... Какъ я васъ вижу, Николай Васильевичъ, точно какъ будто бы вы передо мною стояли".

Съ Александрой Осиповной Гоголь часто шутилъ и разговаривалъ отъ души. Приведемъ здѣсь нѣсколько разсказовъ ея дочери, относящихся, правда, къ нѣсколько позднѣйшему времени, но важныхъ для характеристики его отношеній къ самой Смирновой и ея семьѣ. Разсказы эти живо переносятъ насъ въ самую среду дѣйствующихъ лицъ.

Однажды Гоголь читалъ Александрѣ Осиповнѣ Одиссею, которую прислалъ ей Жуковскій. Несмотря на обычное мастерство, онъ былъ не въ ударѣ и читалъ нехорошо. Александра Осиповна перебила его нетерпѣливымъ восклицаніемъ: „вы прескверно читаете; перестаньте!" „Хуже Пушкина?" —спросилъ Николай Васильевичъ. „Гораздо хуже: онъ читалъ *дурно*, а вы *скверно* читаете!" „Не вы одни, Александра Осиповна, брезгаете моимъ чтеніемъ,—отвѣтилъ Гоголь: „видно, я не гожусь на роль драматическаго актера, а Бобчинскаго я бы сыгралъ отлично, и увѣренъ, что Щепкинъ не выгналъ бы меня изъ труппы, еслибы у него была своя труппа и свой театръ! Я именно комикъ, и вся моя фигура каррикатура. „Энеиду" Котляревскаго я читаю хорошо". Тутъ онъ бросилъ „Одиссею" и прочиталъ изъ „Энеиды"... Онъ читалъ еще „Тараса Бульбу" и „Миргородъ" превосходно. Но особенно Александра Осиповна любила „Носъ" и онъ часто читалъ ей эту повѣсть, а дѣти Смирновой разучили „Утро дѣлового человѣка" и играли эти сцены при немъ. Онъ ихъ училъ и, въ качествѣ суфлера, стоялъ за ширмами съ книгой. Гоголь заставлялъ даже дѣтей разыгрывать разныя пьесы изъ Мольера, напр. „Le bourgeois gentilhomme", находя это прекраснымъ средствомъ для развитія дѣтей и развитія ихъ памяти.

„Матери моей, — говоритъ О. Н. Смирнова,—онъ высказывалъ все, что̀ у него было на умѣ, на душѣ и на сердцѣ, и не разъ повторялъ ей, что говоритъ съ ней какъ съ другомъ, съ мужчиной умомъ, но съ сердцемъ и душой женской, что она его понимаетъ безъ разговоровъ. Помню, что уже въ 1851 году онъ говорилъ ей это при мнѣ въ деревнѣ и грустилъ, что Жуковскій, съ которымъ онъ также отводилъ душу, ослѣпъ и что ему писать нельзя. Я была очень молода еще, меня сильно удивляло, что *нельзя со всѣми высказываться*, и я спросила Гоголя: „отчего это?" Онъ мнѣ отвѣтилъ: „Поживете на свѣтѣ, узнаете сами;

но помните, что Жуковскій и ваша мать меня знаютъ лучше другихъ, даже самыхъ близкихъ друзей: у нихъ чутье на это; подростете и, можетъ быть, и вы меня хорошо узнаете, а *теперь пойдемте* заниматься ботаникой" [1])!

II.

Но все разсказанное представляетъ дѣло только съ одной стороны. При всемъ обаяніи граціозно-женственной воспріимчивости ко всему изящному Смирновой и молодыхъ дочерей графини Віельгорской, при всѣхъ радостяхъ согласной жизни цѣлаго кружка, было бы несправедливо назвать вполнѣ счастливымъ ни одного изъ его членовъ. Напротивъ, у каждаго было болѣе или менѣе тяжелое горе. Въ такой обстановкѣ Гоголю съ еще болѣе неумолимой очевидностью выяснялось, что его силы падали и талантъ угасалъ. Разумѣется, онъ не имѣлъ духа признаться себѣ въ этомъ, но переписка его сохранила явные слѣды борьбы въ немъ широкихъ надеждъ съ тайнымъ страхомъ за будущее. Укажемъ, напр., на то, что, увѣряя Жуковскаго, что „трудъ и терпѣніе, даже приневоливаніе себя награждаютъ много" и что „такія открываются тайны, которыхъ не слышала дотолѣ душа", что ему, наконецъ, „многое въ мірѣ становится ясно" [2]), въ письмахъ тѣхъ же самыхъ чиселъ къ Языкову Гоголь не могъ удержаться отъ тоскливо звучащихъ жалобъ на свои недуги, на неспокойство духа и на то, что хотя „погода прекрасная, всегдашнее солнце, но не работается такъ, какъ бы хотѣлъ" [3]). Научившись открывать „душевныя тайны" и теряя способность творчества, Гоголь чувствовалъ вдвойнѣ необходимость искать утѣшенія въ религіи. Теперь онъ читалъ уже Александрѣ Осиповнѣ не „Иліаду", какъ въ Баденѣ, а чаще заставлялъ ее заучивать псалмы и давалъ ей выписки изъ сочиненій святыхъ отцовъ.

Но если неудовлетворенность жизнью и обстоятельствами была другимъ могущественнымъ звеномъ (кромѣ указаннаго прежде), скрѣпившимъ тѣсно отношенія занимающаго насъ кружка, то при этомъ общемъ сходствѣ индивидуальность и личныя условія каждаго его члена вносили, несомнѣнно, извѣстное разнообразіе. Смирнова въ минуты хандры, навѣщавшей ее даже въ Ниццѣ [3]),

---

[1]) Гоголь училъ Ольгу Николаевну Смирнову ботаникѣ.

[2]) Изд. Кулиша, VI, 38.

[3]) „Русск. Старина", 1875, IX, 122.

[4]) Александра Осиповна нерѣдко предавалась жестокой хандрѣ.

страдала отъ сознанія утраты молодости и свѣжихъ душевныхъ силъ, отъ собственныхъ увлеченій и неумѣнія себя сдерживать, наконецъ отъ недовольства жизнью. Она внутри себя носила корень жестокой душевной отравы, отъ которой искала и не находила избавленія. Въ Гоголѣ ей необходимъ былъ повѣренный ея нравственныхъ мукъ, какъ нуженъ бываетъ духовникъ человѣку, въ трудную минуту жизни обратившемуся къ утѣшеніямъ религіи. Не имѣя, по своей пылкости и страстности, силъ для внутренней борьбы, она искала помощи извнѣ. Гоголь при этомъ былъ для нея тѣмъ же, что Равиньянъ, Павскій и Наумовъ, ея православные и католическіе успокоители, но только не случайный и временный собесѣдникъ, какъ всѣ названныя лица, а человѣкъ, связанный съ нею глубокими, неразрывными узами дружбы. Иногда же онъ просто освѣжалъ ее и оживлялъ остроумной бесѣдой, что̀ такъ тонко подмѣтила маленькая дѣвочка, дочь Смирновой, Надежда Николаевна: „Maman est malade, parce qu'elle n'a personne pour causer avec elle; je sais, qu'à Nice elle avait toujours Gogol pour la distraire, quand elle était nerveuse“.

Другого рода были душевные недуги Віельгорскихъ, происходившіе больше отъ внѣшнихъ, реальныхъ причинъ. Для самой графини Луизы Карловны была тяжела разлука съ любимымъ мужемъ и братомъ его, оставшимися въ Петербургѣ. Она страстно любила мужа и любовалась имъ еще въ дѣтствѣ. С. М. Соллогубъ въ запискахъ разсказываетъ, какое впечатлѣніе онъ производилъ на нее еще мальчикомъ: „Mon père était un enfant d'une grande beauté. Ayant herité de son père du titre du grand chevalier de Malte dont il portait l'uniforme et la croix maçonnique, mon père passait un jour au dessous d'un balcon, sur lequel se tenait une petite fille de cinq ans.—„Pray look, what a fine boy he is“, dit-elle à sa bonne. „I wish him to be my husband“. Cette petite était Louise, princesse de Byron, qui plus tard en effet devint ma mère“.

Впрочемъ указанное обстоятельство, а также горечь вѣчно скитальческой жизни при любви Луизы Карловны къ спокойной домашней обстановкѣ и тяжелое чувство сиротства, долго не покидавшее ее послѣ смерти Іосифа Михайловича, какъ недуги хроническіе, были ничтожны въ сравненіи съ острой болью, которую возбуждали въ ея сердцѣ частыя разлуки съ Софьей Михайловной, первой дочерью ея, вышедшей замужъ и отдѣлившейся отъ остальной семьи. Послѣдняя погрузилась всей душой въ семейную жизнь, наклонность къ которой унаслѣдовала отъ матери. Не

говоря уже о глубокой привязанности къ мужу, она пользовалась, въ свою очередь, взаимностью и съ его стороны. Достаточно было Соллогубу находиться нѣкоторое время въ разлукѣ съ женой, какъ онъ начиналъ тосковать и грустить, а увидѣвшись съ нею снова, оставался нѣкоторое время преимущественно въ ея обществѣ. Но при всемъ томъ между ними не было того согласія во вкусахъ, которое столь необходимо для счастливой супружеской жизни. Насколько Софья Михайловна была привязана къ домашнему очагу и склонна была находить счастье въ кругу немногихъ близкихъ людей, лишь по необходимости поддерживая свои свѣтскія отношенія, настолько мужъ ея, человѣкъ живой, блестящій, разносторонній, всей душой былъ преданъ свѣтскому круговороту. Замкнуться въ семьѣ было выше его силъ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ Соллогубъ откровенно и правдиво характеризуетъ свои отношенія къ первой женѣ. „Съ женитьбой,—разсказываетъ онъ,—образъ жизни моей измѣнился; я, каюсь, не родился домосѣдомъ и часто злоупотреблялъ слабостью, свойственной всѣмъ пишущимъ людямъ—шататься всюду и вездѣ“. Вотъ это пристрастіе къ свѣту, *въ сущности невинное*, приводило въ сильнѣйшее негодованіе строгую, даже щепетильную Луизу Карловну. Послѣдняя представлялась Соллогубу женщиной излишне притязательной. Съ другой стороны, любя жену, Соллогубъ былъ все-таки не совсѣмъ доволенъ тѣмъ, что она „хотя сызмала жила въ свѣтѣ, но не любила его; все ея время поглощала беззавѣтная любовь къ дѣтямъ“ [1]). Соллогубу казалось страннымъ и непонятнымъ, что жена его, „которая любила и цѣнила искусство и сама была одарена рѣдкими музыкальными способностями и прекрасно также рисовала“, нисколько не заботилась о свѣтѣ (что̀ происходило отчасти и отъ излишней скромности и недовѣрія къ своимъ силамъ) и жила семьей и въ семьѣ.

Кромѣ того, у Соллогуба при огромномъ талантѣ совершенно не было никакой выдержки въ трудѣ. Живя съ нимъ въ Ниццѣ, Гоголь не разъ имѣлъ случай ясно убѣдиться въ томъ, что русская литература не получитъ отъ него и малой доли того, чего была бы въ правѣ ожидать. „Соллогубъ, кажется, больше охотникъ ѣздить по вечеринкамъ, нежели писать“, жаловался онъ Языкову [2]). Вѣрно оцѣнилъ его Гоголь и въ слѣдующихъ строкахъ письма къ Плетневу: „Никто не щеголяетъ такимъ правильнымъ, ловкимъ и свѣтскимъ языкомъ; слогъ Соллогуба точенъ и

---

[1]) „Воспоминанія В. А. Сологуба“, стр. 212.

[2]) „Русская Старина“, 1875, IX, 122.

правиленъ во всѣхъ выраженіяхъ и оборотахъ. Остроты, наблюдательности, познанія всего того, чѣмъ занято наше высшее модное общество, у него много. Одинъ только недостатокъ: не набралась еще собственная душа автора содержанія болѣе строгаго и не доведенъ еще онъ своими внутренними событіями къ тому, чтобы строже и отчетливѣе вообще взглянуть на жизнь" [1]). Слова эти, сказанныя съ точки зрѣнія аскетическаго міросозерцанія Гоголя, тѣмъ не менѣе справедливы вообще. Самъ Соллогубъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" признается, что всегда смотрѣлъ на себя не какъ на писателя по профессіи, а какъ на случайно прикомандированнаго къ русской литературѣ. Не разъ разсказываетъ онъ и о томъ, какъ Гоголь нерѣдко ему говаривалъ: „Пишите, поставьте себѣ за правило хоть два часа въ день сидѣть за письменнымъ столомъ и принуждайте себя писать [2]).

Но всего этого было мало: слабая отъ рожденія, Софья Михайловна постоянно болѣла, и въ занимающую насъ пору врачи совѣтовали ей ѣхать лечиться въ Италію.

Гоголь зналъ о горѣ Віельгорскихъ и сначала ни за что не хотѣлъ поселиться у нихъ въ домѣ Paradis, но жилъ въ rue de France, на квартирѣ возлѣ виллы Смирновыхъ (villa Lilles, нынѣ villa Lyano), а домъ Paradis находился за la Bacca въ villa Cesole.

Иногда графиня, повѣряя Гоголю свои огорченія, ставила его въ затруднительное положеніе: до такой степени внезапная ея откровенность съ нимъ противорѣчила ея обычной холодности обращенія со всѣми. Случалось, что Гоголь, какъ ни любилъ и уважалъ графиню, утомленный ея жалобами на нездоровье дочери и на разныя жизненныя невзгоды, уходилъ освѣжиться куда-нибудь подальше въ горы. Во всякомъ случаѣ эти невзгоды слишкомъ удручающимъ образомъ отзывались въ душѣ гордой графини, если эта сильная характеромъ женщина впадала въ тонъ жалобы на судьбу. Намъ было важно указать все это потому, что иначе, встрѣчая въ письмахъ Гоголя къ Віельгорскимъ почти на каждомъ шагу совѣты не предаваться унынію, безъ знакомства съ реальными фактами, порождавшими это настроеніе, мы могли бы видѣть во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ просто безсодержательную и дешевую проповѣдь привычнаго моралиста, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было.

Постепенно увлекаясь ролью утѣшителя-друга, Гоголь, по

---

[1]) Изд. Кулиша, VI, 399.

[2]) Воспоминанія графа В. А. Сологуба, стр. 213 и 189.

своему обыкновенію, усмотрѣлъ въ любезномъ приглашеніи его Віельгорскими поселиться въ ихъ домѣ непосредственное дѣйствіе воли Божіей. Послѣ переѣзда къ нимъ онъ незамѣтно перешелъ отъ церемонной уклончивости къ откровенной и притязательной роли директора совѣсти. Прошло еще нѣсколько времени, и онъ уже съ убѣжденіемъ утверждалъ, что его, который „въ сущности своей есть совершенная дрянь, Провидѣніе не безъ цѣли помѣстило въ домѣ Paradis, чтобы правила (противъ унынія) перешли изъ моихъ рукъ въ ваши“. Свою задачу Гоголь понялъ какъ призваніе научить Віельгорскихъ отыскивать внутри себя „душевные отвѣты“, въ *извлеченіи* которыхъ изъ собственной души онъ усердно тогда упражнялся.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда Гоголь и Смирнова разстались съ Віельгорскими въ мартѣ 1844 года.

III.

Причиной отъѣзда Гоголя изъ Ниццы былъ наступившій великій постъ и необходимость позаботиться о говѣньѣ. Ради этой же цѣли Смирнова выбрала Парижъ, имѣя тамъ много знакомыхъ (въ томъ числѣ русскаго полномочнаго посла Киселева и А. И. Тургенева), а Гоголь направился въ Дармштадтъ, чтобы быть ближе къ Жуковскому, жившему, какъ извѣстно, во Франкфуртѣ. Віельгорскіе собирались также оставить Ниццу для Бадена, гдѣ должна была продолжать леченіе С. М. Соллогубъ, ожидаемая обратно изъ Италіи. Гоголь выѣхалъ изъ Ниццы нѣсколькими днями послѣ Смирновой, именно 7-го (19) марта 1844 г. Наканунѣ былъ день рожденія Смирновой, и всѣ провели его спокойно и весело, вспоминая объ отсутствующей. На прощанье Гоголь прочелъ Віельгорскимъ кое-что изъ книгъ духовнаго содержанія и взялъ съ нихъ обѣщаніе какъ можно чаще перечитывать извѣстныя правила противъ унынія. Между тѣмъ, какъ видно изъ писемъ, это отрадное общее настроеніе было скорѣе исключительнымъ, нежели обычнымъ явленіемъ, и, уѣзжая, Гоголь былъ далеко не увѣренъ, что оно продержится долго. Еще не доѣхавъ до Франкфурта, Гоголь былъ случайно задержанъ въ дорогѣ поврежденіемъ парохода. При его мистическомъ настроеніи у него тотчасъ же родилась мысль, что происшествіе это случилось не даромъ, что оно послано Богомъ для своевременнаго напоминанія о наставленіяхъ, сдѣланныхъ имъ Віельгорскимъ и Смирновой. Не останавливаясь соображеніемъ, что слу-

чайность касалась не одного его, но и всѣхъ его спутниковъ-пассажировъ, или, можетъ быть, предполагая возможность цѣлой чудесной цѣпи мудро совпавшихъ указаній высшей воли, Гоголь поспѣшилъ воспользоваться неожиданно представившимся обстоятельствомъ, чтобы продолжать заочно руководить духовно-нравственнымъ чтеніемъ своихъ друзей.

Съ первыхъ же писемъ сказывается замѣтная разница въ отношеніяхъ Гоголя къ Віельгорскимъ (причисляя къ послѣднимъ и Софью Михайловну Соллогубъ) и къ Смирновой: въ перепискѣ съ Віельгорскими онъ несравненно больше остается на почвѣ опредѣленныхъ фактовъ жизни, нежели общихъ отвлеченныхъ разсужденій. Здѣсь мы не встрѣчаемъ вовсе той своеобразной таинственности, которая даетъ нѣсколько оригинальную окраску его письмамъ къ Смирновой, гдѣ корреспонденты на каждомъ шагу говорятъ многозначительными загадками: то Смирнова сообщаетъ Гоголю о какомъ-то письмѣ, но отказывается назвать, отъ кого оно, и даже торжественно прибавляетъ: *вамъ не нужно это знать*, но въ то же время проситъ запомнить ея мысль, которую обѣщаетъ открыть, когда она сбудется; то Гоголь съ своей стороны предупреждаетъ ее объ упрекѣ, который дѣлаетъ только нѣсколько писемъ спустя. Ничего подобнаго нѣтъ въ его перепискѣ съ Віельгорскими, гдѣ вещи тотчасъ же называются своими именами. Не замѣтно въ нихъ и характера обоюдной исповѣди и обязательнаго отчета о своихъ помыслахъ и дѣйствіяхъ, подобно тому какъ Смирновой было вмѣнено въ обязанность писать каждое воскресенье Гоголю послѣ обѣдни и подробно передавать о своемъ настроеніи. Віельгорскимъ Гоголь также совѣтуетъ остерегаться унынія и постоянно интересуется ихъ душевнымъ состояніемъ, а въ названіяхъ: братъ и сестра, которыми взаимно именовали себя авторъ „Мертвыхъ Душъ" и молодое поколѣніе Віельгорскихъ, заключаются намеки на высшее духовное родство. Но интимность Гоголя съ Смирновой была нѣсколькими ступенями глубже. Смирнова въ своихъ письмахъ то-и-дѣло приноситъ покаяніе въ грѣхахъ и увлеченіяхъ какъ земного, такъ и религіознаго характера (напр. проповѣдями Равиньяна). Гоголь предостерегаетъ ее отъ тѣхъ и другихъ; но безуспѣшно: презирая свѣтъ и общество, она не можетъ преодолѣть влеченія къ нимъ... Просьбой дать ей совѣтъ „не выходить изъ однообразнаго расположенія души" она подаетъ поводъ къ суровому обличенію со стороны Гоголя, высказавшаго ей тутъ много горькой правды, но это ей нисколько не мѣшаетъ настойчиво противопоставлять себя людямъ, живущимъ внѣшней, грѣховною жизнью,

и смотрѣть на послѣднюю съ точки зрѣнія посторонней, отрѣшившейся отъ нея наблюдательницы:— „Вчера познакомилась съ Guizot и другими счастливцами сего міра, кажется, единственно занятыми настоящимъ“ [1]), сказала однажды Смирнова въ письмѣ къ Гоголю).

Отношенія Гоголя къ Смирновой и Віельгорскимъ до такой степени тѣсно связаны между собой и перепутаны общими нитями, что нѣтъ возможности, по крайней мѣрѣ вначалѣ, разсматривать ихъ отдѣльно. Если имя Смирновой сравнительно рѣдко упоминается въ письмахъ къ Віельгорскимъ, зато Гоголь особенно охотно бесѣдовалъ съ ней о послѣднихъ, причемъ въ каждомъ словѣ слышится живое и близкое участіе. Въ срединѣ 1844 г. Смирнова постепенно какъ бы исчезаетъ съ горизонта, оставивъ своихъ друзей за границей и надолго переселившись въ самую глубину Россіи. Съ этихъ поръ въ разъѣздной жизни Гоголя особенное значеніе получаютъ, на нѣкоторое время, маршруты Віельгорскихъ, и онъ старается дѣлить время между ними и Жуковскимъ.

Получивъ, во время говѣнія въ Дармштадтѣ, письмо отъ Луизы Карловны съ извѣстіемъ о рожденіи ея внука [2]), Гоголь радуется свѣтлому настроенію духа графини и усматриваетъ въ совершившемся событіи знакъ Божіей милости, ниспосланной для успокоенія ея скорби. Онъ не только спѣшитъ показать участіе графинѣ, но торопится сообщить радость всѣмъ общимъ друзьямъ. Когда онъ потомъ поселился вмѣстѣ съ Жуковскимъ во Франкфуртѣ, сначала онъ предполагалъ пробыть съ нимъ все лѣто и осень [3]), но достаточно было ему узнать, что ради леченія Софьи Михайловны Віельгорскіе собираются переѣхать въ Баденъ, чтобы онъ немедленно отправился къ нимъ. Но въ Баденѣ, гдѣ все напоминало недавнюю жизнь вмѣстѣ съ Смирновой, ему до такой степени недостаетъ присутствія послѣдней, что онъ почти тотчасъ оставляетъ этотъ городъ, жалуясь Александрѣ Осиповнѣ въ такихъ выраженіяхъ: „Каша безъ масла гораздо вкуснѣе, нежели Баденъ безъ васъ. Кашу безъ масла все-таки можно какъ-нибудь ѣсть, хоть на голодные зубы; но Баденъ безъ васъ просто не идетъ въ горло“ [4]). Онъ уже шлетъ Жуковскому обѣщаніе заѣхать къ нему по дорогѣ въ Остенде, гдѣ намѣревался дожидаться Віельгорскихъ, чтобы пользоваться вмѣстѣ съ ними мор-

[1]) „Русск. Стар.“, 1888, VI, 601.
[2]) М. А. Веневитинова.
[3]) Изд. Кулиша, VI, 88.
[4]) Тамъ же, VI, 88.

скими ваннами. Но когда въ Баденъ долженъ былъ пріѣхать М. Ю. Віельгорскій, возвращавшійся въ Парижъ изъ командировки въ южную Германію, гдѣ ему было поручено ознакомиться съ состояніемъ тамошнихъ желѣзныхъ дорогъ, то Гоголь чуть не поѣхалъ обратно въ Баденъ, для того, чтобы видѣть его встрѣчу съ семьей. Не проходитъ полъ-мѣсяца, какъ Гоголь снова получаетъ приглашеніе отъ Віельгорскихъ, къ которымъ уже присоединилась вернувшаяся изъ Италіи Софья Михайловна, ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Англію. На этотъ разъ и Михаилъ Юрьевичъ пишетъ небольшую записку, настойчиво повторяя приглашеніе всей семьи. Но несмотря на искреннее желаніе Гоголя провести еще нѣкоторое время въ обществѣ Віельгорскихъ и счастливый случай осуществить свою давнюю мечту—побывать въ Лондонѣ, его до такой степени устрашаетъ перспектива морской болѣзни при переѣздѣ черезъ проливъ, что онъ долженъ отказаться отъ поѣздки и ограничиться свиданіемъ съ Віельгорскими въ Остенде, послѣ чего они снова зовутъ его съ собой въ Рюдесгеймъ.

Между тѣмъ заграничнымъ странствованіямъ Віельгорскихъ приходилъ конецъ: Софья Михайловна горѣла нетерпѣніемъ возвратиться къ мужу въ Петербургъ, а графиня-мать съ Анной Михайловной должны были уѣхать на всю зиму въ Парижъ и вести вполнѣ осѣдлую жизнь. Въ это время Гоголь поселился съ Жуковскимъ и засѣлъ за „Мертвыя Души", не поддаваясь на заманчивыя приглашенія своихъ друзей, но все-таки не выдержалъ и въ концѣ января явился въ Парижъ.

Поѣздка въ Парижъ была совершена Гоголемъ подъ вліяніемъ тяжелаго нравственнаго состоянія, въ которое онъ впалъ во Франкфуртѣ въ концѣ 1844 года. Почувствовавъ отъ напряженнаго умственнаго труда возвращеніе нервныхъ страданій и крайній упадокъ физическихъ и моральныхъ силъ, Гоголь по обыкновенію рѣшился искать отдыха и освѣженія, во-первыхъ, въ дорогѣ и, во-вторыхъ, въ обществѣ преданныхъ людей. Пересиливая себя до послѣдней крайности и стараясь не терять бодрости духа, что̀ онъ часто совѣтовалъ другимъ, Гоголь вдругъ собрался, по совѣту Жуковскаго и доктора Коппа, на мѣсяцъ къ Віельгорскимъ. Смирновой онъ объяснялъ эту поѣздку такъ: „Не зная, куда направить шаги, я отправился въ Парижъ единственно затѣмъ, что тамъ были люди, близкіе душѣ моей" (кромѣ Віельгорскихъ, здѣсь разумѣются гр. А. П. Толстой и его супруга, Анна Георгіевна) [1]. Но надежды Гоголя на облегченіе

[1]) Тамъ же, VI, 163—168.

не сбылись. Образъ жизни Віельгорскихъ въ Парижѣ нисколько не походилъ на жизнь ихъ въ Ниццѣ: какъ въ послѣдней онѣ предавались тихимъ удовольствіямъ въ скромномъ семейномъ и дружескомъ кругѣ, такъ теперь, наоборотъ, до того были увлечены вихремъ парижскихъ увеселеній, въ которыхъ даже старая графиня принимала дѣятельное участіе ради молодой, соскучившейся однообразною жизнью, дочери, что Гоголю едва удавалось видѣть ихъ на нѣсколько минутъ. Родственники Віельгорскихъ, Лазаревы, были ихъ постоянными спутниками и руководителями въ этой разсѣянной жизни и рѣшительно отвлекли ихъ вниманіе отъ Гоголя. Послѣдній проводилъ время въ Парижѣ совершеннымъ отшельникомъ и ежедневно бывалъ въ церкви. Если въ Ниццѣ обстоятельства и настроеніе духа его и Віельгорскихъ гармонировали между собой, то здѣсь они были діаметрально противоположны. Нервы Гоголя были страшно натянуты, и онъ съ досадой признавался Жуковскому: „Время идетъ безтолково и никакъ не устраивается, и я радъ бы въ здѣшнее длинное утро сдѣлать хоть въ половину противъ того, что̀ дѣлывалъ въ короткое время во Франкфуртѣ, хотя занятія были не тѣ, какія замышлялъ“ [1]). Несмотря на то, что Гоголь находилъ желательнымъ для Анны Михайловны разсѣяніе и свѣтскія удовольствія, видя въ нихъ хорошее средство противъ унынія, но, предоставленный на жертву скукѣ одиночества и тяготясь душнымъ воздухомъ Парижа, онъ охотно послѣдовалъ совѣту Жуковскаго побольше прогуливаться по окрестностямъ. Наконецъ, пробывъ въ Парижѣ около мѣсяца, онъ оставилъ его неудовлетворенный и терзаемый горькимъ сознаніемъ, что состояніе его духа и здоровья нисколько не улучшилось. Какъ ни старался онъ, измученный физически, сохранять бодрость духа, утѣшая себя, что „временами было такъ на душѣ легко, какъ будто бы ангелы пѣли, меня сопровождая“, но онъ уже быстрыми шагами приближался къ тому ужасному физическому и нравственному состоянію, въ которомъ находился въ теченіе 1845 года, когда, при его твердыхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, онъ былъ въ состояніи написать одному изъ своихъ друзей, что „повѣситься или утопиться казалось ему похожимъ на какое-то лекарство или облегченіе“ [2]).

Около средины 1845 года Віельгорскіе возвратились, наконецъ, въ Петербургъ. Осуществилось давнее нетерпѣливое желаніе

[1]) Тамъ же, VI, 165.
[2]) Тамъ же, VI, 236.

Луизы Карловны, тосковавшей по домѣ и Россіи. Но по странному свойству человѣческой природы, очутившись *на мѣстѣ*, она тотчасъ же начала грустить объ оставленныхъ ею городахъ за границей и особенно о Ниццѣ. Софья Михайловна по этому поводу писала Гоголю: „Мы теперь всѣ сидимъ подъ одной кровлей; живемъ тихо, пріятно, дружно. Маменька здорова, дѣятельна, только часто жалѣетъ о прекрасной природѣ Ниццы и чудномъ климатѣ южныхъ странъ".

Лѣто Віельгорскіе провели въ Павлинѣ, по прежнему въ обществѣ Смирновой, но какая разница между ихъ былымъ согласіемъ и жизнью „душа въ душу" въ Ниццѣ и теперешнимъ сожительствомъ! Измѣнившаяся обстановка и непривлекательная перспектива обыденной жизни, вступившей въ свои права вмѣстѣ съ водвореніемъ *дома*, тотчасъ дали себя знать. Смирнова жестоко хандрила и доходила до такихъ сильныхъ припадковъ, что ничто уже не могло ее развлечь. Даже Віельгорскими она была теперь не совсѣмъ довольна: она находила ихъ черезъ-чуръ свѣтскими и преданными удовольствіямъ, особенно Анну Михайловну. Въ письмахъ къ Гоголю она выражаетъ свою признательность Віельгорскимъ за ихъ дружбу; увѣряетъ даже, что не можетъ ее вполнѣ высказать, почему проситъ уже Гоголя передать имъ это; но многое въ ея отношеніяхъ къ этому семейству утратило прежнюю силу. Какъ прежде Смирнова не могла дождаться времени возвращенія изъ-за границы въ Петербургъ, такъ теперь ее тянетъ неудержимо въ Калугу, куда мужъ ея былъ назначенъ губернаторомъ и гдѣ ее ожидала новая жизнь.

По отъѣздѣ Смирновой Віельгорскіе переѣхали вскорѣ изъ Павлина на зимній сезонъ въ Петербургъ, гдѣ ихъ снова охватила знакомая сфера придворной жизни. При ихъ близости ко двору они чрезвычайно интересовались личной судьбой каждаго изъ членовъ царской фамиліи. Ихъ огорчала болѣзнь императрицы, оставившая тогда замѣтные слѣды на настроеніи государя, горе котораго Віельгорскіе считали долгомъ своей совѣсти облегчать выраженіемъ искренняго сочувствія, насколько это было для нихъ возможно во время непродолжительныхъ разговоровъ съ нимъ. Любопытно, что Гоголь, какъ это видно изъ содержанія писемъ, поручилъ заботиться объ этомъ между прочимъ и Аннѣ Михайловнѣ, которой около этого же времени совѣтовалъ сблизиться съ женой наслѣдника, Маріей Александровной. Въ послѣднемъ совѣтѣ, при внимательномъ изученіи переписки Гоголя, ясно видны слѣды восторженнаго отзыва о великой княгинѣ А. О. Смирновой,

не находившей ей достаточно похвалъ и особенно ставившей ей въ заслугу, что она не была „свѣтская“.

Въ Петербургѣ графиня Луиза Карловна продолжала такъ же тосковать, какъ въ Павлинѣ. Съ первыхъ же дней началась обычная сутолока столичной жизни: пріемы, визиты, вечера. Каждый день многочисленное общество собиралось въ домѣ графовъ Віельгорскихъ на Михайловской площади. Составъ его былъ самый разнообразный, и оно раздѣлялось обыкновенно на двѣ половины, почти не имѣвшія между собой ничего общаго. На половинѣ Михаила Юрьевича собирались, какъ всегда, литераторы, художники, весь артистическій, по преимуществу музыкальный міръ и вообще интеллигенція всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. На первомъ планѣ было здѣсь тонкое наслажденіе изящнымъ, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, такъ какъ хозяинъ, дававшій тонъ всему обществу, его душа и руководитель, былъ по природѣ эстетикъ, и въ старости не утратившій нисколько благороднаго влеченія къ искусству. Цѣня искусство выше всего, графъ ощущалъ настоятельную потребность въ сочувствующемъ ему обществѣ; ему были нужны люди, которые раздѣляли бы его страсть къ прекрасному. Понятно поэтому, что въ его салонѣ не могло существовать строгаго различія между чистокровными аристократами и интеллигентными разночинцами. У него были избранники иного рода: онъ радушно принималъ всѣхъ, кто могъ способствовать блеску и оживленію собиравшагося у него общества въ смыслѣ чисто интеллектуальномъ. По свидѣтельству В. А. Соллогуба, „всѣ эти господа приходили на собственный Віельгорскаго подъѣздъ, и графиня Віельгорская не только не знала о ихъ присутствіи въ ея домѣ, но даже не вѣдала о существованіи многихъ изъ нихъ“. Въ силу личной общительности графа, который никогда не былъ прочь отъ забавной остроты и веселой шутки,—качествъ, о которыхъ съ такимъ сочувствіемъ говоритъ его зять Соллогубъ, вокругъ него царствовали простота и непринужденность обращенія. Половина графини представляла въ этомъ отношеніи самый рѣзкій контрастъ: сюда допускались съ строжайшимъ разборомъ исключительно люди высшаго круга, которыхъ можно было принимать, не рискуя скомпрометировать себя въ какомъ бы то ни было отношеніи,—малѣйшее нарушеніе установившагося тона было бы здѣсь сочтено верхомъ неприличія. Роскошь обстановки и безукоризненное соблюденіе этикета могли бы выдержать критику самаго взыскательнаго судьи. Одного недоставало этимъ собраніямъ—свободы и искренности отношеній, и сама хозяйка, радушная и привѣт-

ливая по обязанности, только механически исполняла обрядъ гостепріимства. Въ душѣ ея, таившей глубокій отпечатокъ возраставшаго съ каждымъ годомъ религіознаго настроенія, ни на минуту не изчезало сознаніе ненужности неизбѣжныхъ модныхъ пріемовъ.

Между тѣмъ молодая графиня, Анна Михайловна, для которой зимнія увеселенія составляли часть обязательной програмы, обыкновенно предписываемой требованіями свѣта молодой дѣвушкѣ, не мало тяготилась пустотой окружающаго общества и жалѣла о безплодной тратѣ времени, сопряженной съ постоянными выѣздами, но при всемъ томъ не могла отрицать, что невольно отдавалась захватывающей её волнѣ со всѣмъ увлеченіемъ юности. Возрастъ ея можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ такого страннаго, повидимому, противорѣчія. Жалобамъ ея Гоголю на деспотическія условія свѣтской жизни мы не рѣшаемся отказать въ искренности, тѣмъ болѣе, что чувство неудовлетворенности хронической язвой безцѣльной суеты кажется намъ довольно естественнымъ для особы не совсѣмъ заурядной и вмѣстѣ съ тѣмъ не настолько тщеславной, чтобы заглушить въ себѣ внѣшними минутными успѣхами болѣе благородныя стремленія [1]). Мы готовы скорѣе допустить, что, не находя по своему положенію въ семьѣ и въ обществѣ болѣе полезнаго примѣненія своихъ силъ, она шла по той колеѣ, которую давно проложила традиція и уклониться отъ которой въ то время почти никто бы не отважился. Да и чѣмъ было бы ей наполнить жизнь? Всѣ ея занятія русскимъ языкомъ, ботаникой, музыкой, рисованьемъ, ея чтеніе богословскихъ и историческихъ сочиненій при данной обстановкѣ не могли получить болѣе серьезнаго значенія, чѣмъ невинныя упражненія дилеттантки, хотя всѣ они ясно указываютъ въ ней натуру далеко не дюжинную. Правда, она является передъ нами, по письмамъ, довольно энергичной помощницей старшей сестры въ воспитаніи ея дѣтей, но было бы странно требовать и ожидать, чтобы она въ самомъ дѣлѣ нашла свое призваніе исключительно въ служеніи хотя близкой, но все же не собственной семьѣ. Она была еще очень молода, передъ ней заманчиво раскрывалась жизнь въ полномъ довольствѣ,—жизнь, богатая надеждами на будущее, и безъ сомнѣнія внутренній голосъ говорилъ ей громко о возможности собственнаго личнаго счастья. Роль Анны Михайловны въ петербургскомъ свѣтѣ была

[1]) Анна Михайловна особеннаго успѣха въ свѣтѣ не имѣла, но ее очень цѣнили и она привлекала умной бесѣдой лишь интеллигентныхъ, напр. своего родственника графа Комаровскаго и др., которые были гораздо старше ея.

временная; это было лишь переходное состояніе, въ нравственномъ отношеніи тягостное и томительное, но при данныхъ условіяхъ неизбѣжное.

Въ противоположность сестрѣ графиня Софья Михайловна, освобожденная судьбой отъ рутины вечеровъ и танцевъ, застрахованная притомъ самымъ характеромъ отъ увлеченій подобнаго рода, какъ всегда, стремилась жить въ семьѣ и, отдавъ неизбѣжную дань свѣту, съ спокойной душой посвящала себя на остальное время всецѣло своимъ дѣтямъ. Семья была, какъ мы говорили, единственнымъ источникомъ ея радостей и огорченій. Всегда погруженная въ заботы о мужѣ и преданная его интересамъ, Софья Михайловна принимала горячее участіе въ судьбѣ его литературныхъ произведеній. Каждый успѣхъ ихъ былъ для нея лучшимъ торжествомъ, малѣйшая неудача болѣзненно отзывалась въ ея сердцѣ, и весьма вѣроятно, что она была въ этомъ отношеніи несравненно чувствительнѣе самого автора, относившагося ко всему довольно безпечно. Кроткая во всемъ до послѣднихъ предѣловъ человѣческаго терпѣнія, она не могла воздерживаться отъ жалобъ на несправедливость къ ея мужу общества и критики. Въ письмахъ къ Гоголю она только и говоритъ о мужѣ, объ его повѣстяхъ и комедіяхъ; спрашивая мнѣніе о нихъ своего корреспондента-пріятеля, она, кажется, ждетъ больше сочувствія и теплаго слова расположеннаго къ ней знакомаго, нежели суда опытнаго знатока. Не беремъ на себя рѣшить, насколько былъ откровененъ Гоголь, лестно отзываясь о „Воспитанницѣ“ и другихъ сочиненіяхъ Соллогуба,—кажется, онъ дѣйствительно признавалъ успѣхи въ развитіи его таланта, судя по письму о немъ Плетневу [1]), гдѣ лишь въ другихъ выраженіяхъ высказано тождественное сужденіе, — но еслибы онъ имѣлъ даже о нихъ иное мнѣніе, у него, безъ сомнѣнія, недостало бы духа отравить душевный покой Софьи Михайловны малѣйшимъ неблагопріятнымъ замѣчаніемъ.

Но всего трогательнѣе и почтеннѣе любовь Софьи Михайловны къ дѣтямъ: съ какимъ упоеніемъ счастья говоритъ она о своемъ новорожденномъ сынѣ, съ какимъ безусловнымъ довѣріемъ повѣряетъ Гоголю все, чтò касается ея другихъ дѣтей: она нисколько не сомнѣвается въ его дружескомъ сочувствіи и признательна, какъ мать, къ тому участію, которое онъ выказываетъ, разспрашивая въ письмахъ о членахъ ея семьи. Но она не остается передъ нимъ въ долгу въ изъявленіи дружбы: въ

[1]) Изд. Кулиша, VI, 299.

письмахъ ея особенно симпатично именно то, что она говоритъ съ безусловною откровенностью, и насколько ея мысль далека отъ малѣйшаго подозрѣнія въ искренности собесѣдника, настолько же сама она отвѣчаетъ благородною правдивостью въ собственномъ участіи къ нему. Въ ея отношеніяхъ къ людямъ не примѣшивалось никакой натяжки и тѣмъ болѣе фальши. При чтеніи ея писемъ невольно поражаетъ то, что среди бездушной натянутости свѣта она сохранила сердце рѣдкое и въ другихъ слояхъ общества. То же замѣтилъ о Смирновой И. С. Аксаковъ, въ которой онъ вмѣстѣ съ другими признавалъ замѣчательно доброе сердце; но, превосходя Софью Михайловну въ сильной степени дарованіями, она все-таки во многомъ уступала ей. Пушкинъ сказалъ о Смирновой:

„Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора
(Она) сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный,
И какъ дитя была добра".

Смирнова при другихъ привлекательныхъ качествахъ была *добра какъ дитя*—С. М. Соллогубъ *была также чиста какъ дитя*. Гоголь живо это чувствовалъ и безгранично ее любилъ и уважалъ, и даже не могъ примириться съ тѣмъ, что, по его мнѣнію, многіе не были въ состояніи въ полной мѣрѣ оцѣнить выдающуюся нравственную высоту этой женщины. Этимъ его сочувствіемъ объясняется, почему онъ такъ заботливо поручалъ Александрѣ Осиповнѣ при отъѣздѣ ея изъ-за границы въ Петербургъ устранять отъ Софьи Михайловны малѣйшія невзгоды, давать ей всякія мелочныя наставленія, какъ вести хозяйство, какіе допускать расходы и какъ установить въ домѣ самый строгій порядокъ [1]). Сознавая безмѣрное превосходство Александры Осиповны передъ Софьей Михайловной въ отношеніи жизненнаго опыта, Гоголь ставилъ ей послѣднюю въ примѣръ самой высокой нравственности. Въ обществѣ Софьи Михайловны Гоголь видѣлъ что-то облагораживающее, очищающее душу отъ всякихъ житейскихъ соблазновъ. Онъ писалъ Смирновой: „Если случится вамъ вести разговоръ съ молодымъ вѣтрогономъ или изношеннымъ старичишкой, воображайте всякій разъ, что съ вами тутъ же сидитъ Софья Михайловна, и все будетъ хорошо" [2]).

---

[1]) Изд. Кулиша, VI, 99.
[2]) Тамъ же, VI, 98.

IV.

Въ концѣ 1846 года Гоголь былъ занятъ постановкой на сцену „Ревизора“ въ исправленномъ видѣ съ присоединеніемъ „Развязки Ревизора“. Послѣдняя, подобно „Перепискѣ съ друзьями“, заключала въ себѣ отраженіе тогдашняго его нравственнаго состоянія и должна была имѣть значеніе задушевной рѣчи, обращенной ко всему обществу. Въ изданіи въ свѣтъ обоихъ трудовъ Гоголь видѣлъ исполненіе таинственной миссіи, къ которой считалъ себя предназначеннымъ свыше. Чтобы лучше осуществить свою мысль, онъ привлекъ къ участію въ дѣлѣ всѣхъ близкихъ и преданныхъ людей, въ число которыхъ были включены, разумѣется, и Віельгорскіе. Цѣлый длинный рядъ дѣловыхъ писемъ, относившихся къ „Развязкѣ Ревизора“, начался съ письма его къ М. С. Щепкину, которому было подробно разъяснено, какую цѣль имѣлъ въ виду авторъ. Гоголь хотѣлъ, чтобы каждое слово его пьесы было понято и прочувствовано артистами, чтобы не пропало даромъ ни малѣйшаго художественнаго штриха, и сильно боялся искаженій. „Прежде чѣмъ давать піесу разучивать актерамъ,—писалъ онъ Щепкину,—вчитайтесь въ нее хорошенько сами и войдите въ значеніе и крѣпость всякаго слова, всякой роли, такъ, какъ бы вамъ пришлось всѣ эти роли сыграть самому, и когда всѣ войдутъ онѣ вамъ въ голову, соберите актеровъ, прочитайте имъ, и прочитайте раза три, четыре или даже пять. Не пренебрегайте, что роли маленькія и по нѣскольку строчекъ. Строчки эти должны быть сказаны твердо, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ истинѣ“ [1]). На Щепкина возложено было, кромѣ того, ходатайство передъ театральной цензурой о пропускѣ пьесы, для чего Гоголь поручалъ ему нарочно съѣздить въ Петербургъ. Въ то же время заботы о раздачѣ вырученныхъ отъ продажи денегъ нуждающимся, согласно желанію Гоголя, кромѣ опять-таки Щепкина, взяли на себя Михаилъ Юрьевичъ и Анна Михайловна Віельгорскіе. При этомъ въ письмѣ Щепкину Гоголь ясно высказалъ, какія надежды возлагалъ онъ на содѣйствіе послѣдней: „У графа Віельгорскаго, Михаила Юрьевича, побывайте. Повидайтесь также съ меньшою дочерью его, графиней Анной Михайловной. Скажите ей, что я непремѣнно приказалъ вамъ къ ней явиться и разскажите ей обо всемъ относительно постановки „Ревизора“. Она будетъ хлопо-

---

[1]) Тамъ же, VI, 276.

тать о многомъ лучше мужчинъ" [1]). Послѣ, когда дѣло разстроилось, Гоголь все-таки говорилъ: „Этого дѣла никто бы умнѣе ея не могъ произвесть" [2]). Анна Михайловна выразила полную готовность исполнить желаніе Гоголя, но остановка была сначала за ея сотрудниками, Вяземскимъ, Россетомъ и Мухановымъ, изъ которыхъ ни одного не оказалось въ Петербургѣ; затѣмъ, только-что она приготовилась дѣйствовать, какъ вдругъ получила новое распоряженіе, заключавшее въ себѣ отмѣну предыдущаго: Гоголь откладывалъ печатаніе и постановку на сцену „Ревизора". Причинами новаго рѣшенія Гоголя были доводы Шевырева, что пьесу ставить рано, и внезапная болѣзнь Щепкина, принятая за ясное указаніе воли Божіей, чтобы пьеса была отложена. Теперь Гоголь писалъ Щепкину: „Дѣло будетъ не понято публикой нашей въ надлежащемъ смыслѣ, оно выйдетъ просто дрянь, отъ дурной постановки піесы и плохой игры нашихъ актеровъ" [3]). Послѣ этого всѣ заботы Гоголя были устремлены уже исключительно на изданіе „Переписки съ друзьями". Въ связи съ этимъ откладывалась и давно предположенная поѣздка въ Іерусалимъ... Но дѣловыя сношенія Гоголя съ семействомъ Віельгорскихъ не прекращались. По выходѣ „Переписки" ему снова пришлось возложить бремя хлопотъ по части цензурныхъ затрудненій на тѣхъ же самыхъ лицъ, которыя хлопотали пять лѣтъ тому назадъ о первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ", къ которымъ теперь были прибавлены еще нѣкоторые другіе (Плетневъ, А. О. Россетъ). М. Ю. Віельгорскій снова долженъ былъ передать нѣсколько только-что отпечатанныхъ экземпляровъ всѣмъ членамъ царской фамиліи и ходатайствовать о снятіи запрещенія съ исключенныхъ цензурою статей. „Это добрая великодушная душа (sic),—отзывался о немъ Гоголь,—не говоря уже о томъ, что онъ мнѣ родственно близокъ по душевнымъ отношеніямъ ко мнѣ всего семейства своего" [4]). Въ самомъ дѣлѣ Віельгорскій оказалъ Гоголю большую услугу, выхлопотавъ ему отъ государя особую милость: канцлеру приказано было написать во всѣ посольства за границей, чтобы оказывать ему всюду чрезвычайное покровительство. Разговаривая съ государемъ, Віельгорскій успѣлъ сильно заинтересовать его судьбой Гоголя, что̀ обнаружилось со стороны перваго рядомъ разспросовъ, исполненныхъ теплаго участія. Все это подавало Гоголю надежду на безпрепятственный пропускъ

---

1) Тамъ же, стр. 278.

2) Тамъ же, стр. 322.

3) Тамъ же, VI, 313.

4) „Русск. Стар.", 1888, VI, 579.

„Переписки съ друзьями“. Поэтому онъ особенно настаивалъ, чтобы книга была доведена до государя и послѣдній могъ непосредственно удостовѣриться въ ея совершенной благонадежности. Но, какъ извѣстно, ожиданія Гоголя не сбылись: книга была показана наслѣднику, который вполнѣ согласился съ мнѣніемъ цензора.

Лихорадочное нетерпѣніе, съ которымъ Гоголь слѣдилъ за судьбой своего литературнаго дѣтища, сильно истощило и потрясло его слабый организмъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ находился въ состояніи самаго напряженнаго ожиданія, переживая попеременно надежду и отчаяніе, слѣды борьбы которыхъ ясно отражаются въ перепискѣ. Гоголь то получаетъ ложное извѣстіе о пропускѣ цензоромъ Никитенкомъ всей книги въ полномъ объемѣ и при своей нервной впечатлительности, доходившей въ то время до очень высокаго градуса, приходитъ въ умиленіе отъ мнимаго безпримѣрнаго по благородству поступка и проситъ графиню Луизу Карловну оказать покровительство цензору, „обнаружившему довѣріе къ высокому благородству души государя“; вдругъ въ слѣдующемъ почти письмѣ Гоголь сѣтуетъ на то, что цензоръ оставилъ отъ книги какой-то „оглодышъ“, и разражается на него негодованіемъ. „Во всемъ этомъ дѣлѣ былъ какой-то необъяснимый ковъ“, говорилъ онъ. „Цензоръ былъ въ рукахъ какихъ-то дурныхъ людей, употребившихъ все, чтобы произвести безсмыслицу въ книгѣ вымаркою многихъ мѣстъ, связывающихъ и объясняющихъ обстоятельства предшествующія и послѣдующія“, и проч.

Очень естественно, что вслѣдствіе такихъ тревогъ Гоголь страдалъ страшнымъ нервнымъ разстройствомъ и безсонницей, отъ которыхъ ему вскорѣ пришлось ѣхать лечиться въ Остенде. Каждое извѣстіе, достигавшее до него изъ Россіи, производило удручающее дѣйствіе. Настоятельная его просьба, обращенная къ друзьямъ, сообщать всѣ толки о „Перепискѣ съ друзьями“, исполнялась, но отъ этого ему было не легче. Отовсюду слышались только упреки и порицанія. Софья Михайловна съ своей стороны правдиво изложила передъ Гоголемъ и собственный взглядъ на книгу, и отношенія къ ней публики и печати. На этотъ разъ она почти не говоритъ о своихъ и занята исключительно участіемъ къ судьбѣ Гоголевой книги. Но и ея письмо заключало въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія строки: „критики столь язвительны, разборы вашихъ писемъ такъ немилосердно строги и насмѣшливы, что я считаю лишнимъ упоминать о нихъ, руководствуясь правиломъ: плетью обуха не перешибешь“.

Оканчивая письмо, она даже сочла нужнымъ прибавить: „Повторяю вамъ ваши собственныя слова: „не унывайте, — сказанныя вами мнѣ столь часто“. Подробнѣе и отчетливѣе передала впечатлѣнія, произведенныя на нее толками о „Перепискѣ съ друзьями“, Анна Михайловна, чтò впрочемъ едва-ли могло способствовать успокоенію автора.

V.

Обращаясь къ характеристикѣ отношеній Гоголя къ Віельгорскимъ въ послѣдніе годы его жизни, начиная съ 1847, мы должны прежде всего отмѣтить слѣдующій любопытный эпизодъ.

Сближаясь все болѣе съ графомъ Александромъ Петровичемъ Толстымъ, Гоголь сильно полюбилъ его племянника Виктора Владиміровича Апраксина (родного сына сестры Толстого, Софьи Петровны Апраксиной), о которомъ онъ тогда отзывался, что „это весьма дѣльный молодой человѣкъ, не похожій на юношей-щелкоперовъ“ [1]). „Онъ,—продолжаетъ Гоголь,—глядитъ на вещи съ дѣльной стороны, и, будучи владѣльцемъ огромнаго имѣнія, намѣренъ заняться благосостояніемъ его серьезно“. Въ этихъ выраженіяхъ Гоголь рекомендовалъ молодого Апраксина Плетневу.

При такомъ взглядѣ на Апраксина неудивительно, что, желая добра и симпатизируя Аннѣ Михайловнѣ, Гоголь увлекся мыслью, что юноша могъ бы быть для нея хорошимъ мужемъ. Вскорѣ случайно возникшая идея созрѣла до того, что она была высказана въ письмѣ къ А. П. Толстому (въ августѣ того же года): „Я узналъ, что Викторъ Владиміровичъ въ Нордернеу, гдѣ беретъ морскія ванны. Я написалъ ему письмо, въ которомъ прошу его заглянуть въ Остенде, гдѣ, можетъ быть, онъ встрѣтитъ васъ, чтò, безъ сомнѣнія, и вамъ, и ему будетъ пріятно, и, признаюсь, въ то же время подумалъ: хорошо, еслибы онъ познакомился и узналъ Анну Михайловну. Почему знать? можетъ быть, они бы понравились другъ другу“ [2]).

Поводомъ къ такимъ предположеніямъ послужила неожиданная для Гоголя поѣздка всей семьи Віельгорскихъ (кромѣ Михаила Юрьевича) въ Висбаденъ, куда Луиза Карловна отправилась лечиться отъ болѣзни глазъ, а Михаилъ Михайловичъ—отъ раны въ ногѣ. Затѣмъ къ Гоголю не разъ возвращалась эта

---

[1]) Тамъ же, VI, 315.

[2]) Тамъ же, VI, 414.

мысль и онъ даже спрашивалъ въ письмѣ у Анны Михайловны, какое впечатлѣніе произвелъ на нее молодой Апраксинъ. Дѣло кончилось ничѣмъ, потому что молодые люди не думали другъ о другѣ: Апраксинъ не надолго заѣхалъ къ Віельгорскимъ, и Анна Михайловна не имѣла даже случая его замѣтить. Но въ жизни Гоголя этотъ эпизодъ остался не безъ значенія: разъ запавшая мысль о пристройствѣ Анны Михайловны, незамѣтно для него самого, развилась въ особую привязанность къ ней, которую онъ принялъ-было впослѣдствіи за любовь. Вотъ чѣмъ объясняются слова В. А. Соллогуба въ „Воспоминаніяхъ", что Гоголь будто бы былъ влюбленъ въ Анну Михайловну. Но возвращаюсь къ хронологическому порядку въ разсказѣ.

Поѣздка въ Іерусалимъ въ первой половинѣ 1848 года надолго отвлекла Гоголя отъ всѣхъ земныхъ помысловъ, но зато по возвращеніи на родину лѣтомъ того же года онъ тотчасъ же возобновилъ прежнія отношенія съ Віельгорскими. Анна Михайловна въ это время предавалась съ увлеченіемъ занятіямъ русскимъ языкомъ и литературой. Живо сознавая недостатокъ національнаго элемента въ своемъ образованіи, она хотѣла во что бы то ни стало пополнить его хотя въ среднихъ годахъ [1]). Ей неловко и совѣстно было за промахи въ своихъ письмахъ противъ правилъ русскаго языка и правописанія, и она рѣшилась преодолѣть всѣ трудности, чтобы избѣгнуть этихъ практическихъ неудобствъ. Но стремленія ея шли глубже: подъ вліяніемъ отчасти Гоголя она задумала сдѣлаться русской душою. Къ этому намѣренію, узнавъ о немъ, Гоголь отнесся съ горячимъ сочувствіемъ: самыя интересныя письма его къ Віельгорскимъ относятся къ этому глубоко интересовавшему его вопросу. Видно, что Гоголь много думалъ о немъ и теперь для него представился случай высказать свои убѣжденія. . Обстоятельства, повидимому, благопріятствовали плану Анны Михайловны: Соллогубъ, воодушевленный желаніемъ помочь ей, принялъ на себя руководство „русскими занятіями" жены и свояченицы. Какъ всегда и во всемъ, онъ сначала горячо взялся за дѣло и добросовѣстно приготовлялся къ лекціямъ, предполагая даже со временемъ обработать ихъ и составить полный курсъ. Съ своей стороны Гоголь собирался пріѣхать изъ Москвы и начать лекціи съ бесѣды о „Мертвыхъ Душахъ". „Напишите, — просилъ онъ, — какъ распоряжается мой адъюнктъ-профессоръ (т.-е., конечно, Соллогубъ) и въ какомъ порядкѣ подаетъ вамъ блюда. Я очень увѣренъ, что

[1]) Въ 1848 году Аннѣ Михайловнѣ было около 25 лѣтъ.

онъ вамъ скажетъ очень много хорошаго и нужнаго, и въ то же самое время увѣренъ, что и мнѣ останется мѣсто вставить въ свою рѣчь и прибавить что-нибудь такого, чтò онъ позабудетъ сказать. Это зависитъ не отъ того, чтобы я больше его былъ начитанъ и ученъ, но отъ того, что всякій сколько-нибудь талантливый человѣкъ имѣетъ свое оригинальное, собственно ему принадлежащее чутье, вслѣдствіе котораго онъ видитъ цѣлую сторону, другимъ непримѣченную".

Тутъ-то, повидимому, и явилось у Гоголя желаніе видѣть Анну Михайловну своей женой. Давая ей совѣты и наставленія, касающіеся русской литературы, онъ начинаетъ въ то же время затрогивать вопросы, относящіеся къ разнымъ сторонамъ жизни. Онъ совѣтуетъ ей не танцовать, не вести праздныхъ разговоровъ, откровенно высказываетъ ей, что она нехороша собой, что ей не слѣдуетъ искать избранника въ большомъ свѣтѣ посреди пустоты всѣхъ видовъ и проч., говоритъ ей, что она „искала душу, способную отвѣчать ей, думала найти человѣка, съ которымъ объ руку хотѣла пройти жизнь, и нашла мелочь да пошлость". Въ свою очередь, исполненные задушевнаго участія разспросы Анны Михайловны о здоровьѣ Гоголя, объ успѣхѣ его литературныхъ занятій поддерживали въ немъ надежду на взаимность. Въ перепискѣ затрогивался вопросъ о призваніи цѣлой жизни и о томъ, какъ ею воспользоваться и на чтò себя посвятить. „У васъ цѣль въ жизни, любезный Николай Васильевичъ. Она васъ совершенно удовлетворяетъ и занимаетъ все ваше время, а какую цѣль мнѣ выбрать?" спрашивала однажды Анна Михайловна. Однимъ словомъ, отношенія ея къ Гоголю незамѣтно перешли за черту обыкновенной дружбы и сдѣлались чрезвычайно интимными. Но здѣсь-то и началась фальшь ихъ положенія. Віельгорскіе, какъ большинство людей титулованныхъ и принадлежащихъ къ высшему кругу, никогда не могли бы допустить мысли о родствѣ съ человѣкомъ, такъ далеко отстоявшимъ отъ нихъ по рожденію. Анна Михайловна, конечно, не думала о возможности связать свою судьбу съ Гоголемъ. Оказалось, что Віельгорскіе, при всемъ расположеніи къ Гоголю, не только были поражены его предложеніемъ, но даже не могли объяснить себѣ, какъ могла явиться такая странная мысль у человѣка съ такимъ необыкновеннымъ умомъ. Особенно непонятно это казалось Луизѣ Карловнѣ, давно уже переставшей переписываться съ Гоголемъ по причинѣ болѣзни глазъ, а теперь рѣшившей и не возобновлять переписку. Впрочемъ мы должны сдѣлать оговорку: собственно говоря, Гоголь только обратился съ запросомъ къ графинѣ черезъ Алексѣя Вла-

диміровича Веневитинова, женатаго на старшей дочери Віельгорскихъ, Аполлинаріи Михайловнѣ. Зная взгляды своихъ родственниковъ, Веневитиновъ понялъ, что предложеніе не можетъ имѣть успѣха, и напрямикъ сказалъ о томъ Гоголю.

Послѣ этого инцидента переписка Гоголя съ Анной Михайловной почти не измѣнилась ни по характеру и тону, ни по содержанію. Гоголь продолжаетъ по прежнему слѣдить съ интересомъ за ея занятіями рисованьемъ, ботаникой, словесностью, даетъ ей совѣты, сообщаетъ ей свое предположеніе о поѣздкѣ по сѣверо-восточнымъ губерніямъ Россіи съ цѣлью лучшаго ознакомленія съ отечествомъ и проч. Предложеніе было сдѣлано, вѣроятно, въ 1848 г., когда Гоголь ѣздилъ на короткое время въ Петербургъ [1]). Воспоминаніе о немъ сохранилось въ семейныхъ преданіяхъ родственниковъ Анны Михайловны, а *изъ переписки* о существованіи его можно догадываться только по единственному письму, начинающемуся словами: „Мнѣ хотѣлось написать вамъ хоть часть моей исповѣди".

Впослѣдствіи, уже послѣ смерти Гоголя, Анна Михайловна Віельгорская вышла за князя Александра Ивановича Шаховского.

Іюля 28-го. Марсель (1838). *Графъ М. Ю. Віельгорскій Гоголю.*

Что мнѣ вамъ сказать, любезнѣйшій товарищъ, незабвенный мой спутникъ?

Мы все еще здѣсь живемъ въ уединеніи на прекрасной, прохладной дачѣ, и еслибы не *горе*, вполнѣ наслаждаться могъ бы семейственною жизнью, которою давно не пользовался въ такой мѣрѣ. Но это горе, какъ червь, неизгладимо, и самый взглядъ милыхъ, безцѣнныхъ моихъ дѣтей напоминаетъ о потерѣ невозвратной.

Недавно получилъ я собственноручное письмо отъ государя императора, писанное отъ сердца, какъ онъ умѣетъ писать! Гораздо пріятнѣе и сладкоумилительно для сердца было его изъявленіе насчетъ умершаго,—именно, что отъ него онъ ожидалъ въ будущности. Также получилъ и отъ Жуковскаго два письма,— въ одномъ есть нѣсколько строкъ для васъ, но не могъ ихъ отыскать, а перешлю въ Римъ, при отъѣздѣ, когда разрою свои бумаги.

---

[1]) Отношенія Гоголя къ Віельгорскимъ почти прекратились въ 1850 году (отъ 1851 г. нѣтъ *ни одного* письма ни отъ Гоголя Віельгорскимъ, ни отъ нихъ къ Гоголю), но въ концѣ 1851 г. Гоголь поручалъ Смирновой: „всѣхъ добрѣйшихъ Віельгорскихъ поздравьте отъ меня съ новымъ годомъ" (изд. Кулиша, VI, 552).

Мы вообще ожидали графиню Воронцову, которой пріѣздъ былъ бы для меня большой помогой: она любитъ графиню [1]), которая и ее очень любитъ. Она была бы помощницей въ моихъ безпрестанныхъ разговорахъ съ женой, у которой горесть все глубже и глубже укореняется. „Чтò я за мать", говоритъ она часто: „я воображала только, что я его любила, и не умѣла умереть!" и подобные парадоксы материнской любви, которыхъ и пересказать вамъ не могу, но которые понятны вашему сердцу.

Мы еще не совсѣмъ отложили надежду видѣть графиню, пославъ ей даже случай пріѣхать: въ такомъ случаѣ проживемъ здѣсь еще до 20-го августа, и если рѣшительно она откажется, то въ первыхъ числахъ поѣдемъ, вѣроятно, по Рейну въ Ротердамъ и оттуда, вѣроятно, въ Брайтонъ или останемся для пользованія морскими купаньями.

Портретъ Жозефа [2]) отыскался у младшей дочери. Я его послалъ въ Римъ Ригги (?). Не имѣю еще извѣстій оттуда. Познакомился я здѣсь съ Паганини, но не слыхалъ его: онъ вскорѣ уѣхалъ на воды; страдаетъ общимъ разслабленіемъ и началомъ *паралича въ дыхательномъ орудіи*. Когда говоритъ, то сжимаетъ ноздри двумя пальцами, чтò довольно смѣшно.

Здѣсь всѣ въ большомъ ожиданіи развязки дѣлъ на востокѣ, гдѣ смерть султана [3]) гордіанскій узелъ перерѣзала неожиданно. Чтò нашъ [4]) скажетъ и сдѣлаетъ? Этого-то и ожидаютъ со страхомъ.

Теперь жалѣю, что не просилъ васъ написать строкъ десятокъ для помѣщенія въ „Diario" [5]) о смерти нашего незабвеннаго друга! Онъ завялъ, какъ одинокій неизвѣстный цвѣтокъ!

Простите, милый мой! мысленно васъ объемлю.

Напишите мнѣ въ Марсель, au consulat de Russie, т.-е. *Ebeling*.

Берлинъ. Марта 7-го (1844). *Тоже*.

Прежде всего я долженъ васъ обнять и благодарить васъ за неоцѣненныя ваши два письма, изъ коихъ одно получилъ въ Марселѣ, другое—въ Ліонѣ. Они произвели дѣйствіе самое хорошее. Благодарю васъ еще и за совѣты ваши, оказавшіе мнѣ

[1]) Луизу Карловну, только-что потерявшую сына Іосифа.

[2]) Покойнаго Іосифа Віельгорскаго.

[3]) Махмуда II, отца Абдула-Меджида и Абдула-Азиса.

[4]) Императоръ Николай.

[5]) „Diario", т.-е. Дневникъ.

важныя услуги, и за радость сердечную, которую почувствовалъ при чтеніи вашего письма. Я дорогой нѣсколько разъ перечитывалъ его и каждый разъ съ новой пользою, особливо же съ тѣхъ поръ, какъ я въ Берлинѣ, гдѣ сильно почувствовалась надобность прибѣгать почаще къ вашимъ посланіямъ, къ общему дядѣ нашему (?) и къ прочимъ цѣлительнымъ средствамъ, обременяющимъ иногда воображеніе.

Вы хотите знать, какія дорогой со мной были приключенія? Что же мнѣ вамъ разсказывать? Со мною, кажется, не случилось ничего особеннаго, развѣ то, что совершилъ путешествіе безъ всякихъ особенныхъ случаевъ. И врядъ ли могло что со мною быть: я человѣкъ тихонравный и въ дорогѣ молчаливъ до крайности: отъ Ниццы до Экса (Aix) разъ только случилось мнѣ сказать *oui* и раза два или три *non*. Въ Эксѣ познакомился я съ весьма любезною и милой мамзелью колбасницей. Мое мѣсто въ coupé пришлось возлѣ нея, и во время переѣзда отъ Экса въ Марсель успѣлъ я съ нею подружиться, такъ что узналъ отъ нея біографію главнѣйшихъ лицъ, живущихъ въ Эксѣ, разныя весьма интересныя обстоятельства, относящіяся къ ея семейству, и, наконецъ, самую исторію ея жизни. Сначала я подивился такой откровенности, но скоро все объяснилось. Она везла своимъ друзьямъ въ подарокъ разныя произведенія колбаснаго искусства и, не зная, какъ ихъ скрыть отъ взоровъ таможенныхъ досмотрщиковъ, обратилась ко мнѣ съ просьбой помочь ей. Нельзя было мнѣ отказаться послѣ всего того, что отъ нея услышалъ. Я согласился, кондукторъ взялся спрятать поросенка, а мнѣ досталась колбаса и двѣ сосисочки. Сосисочки какъ разъ взошли въ карманы моего пальто, колбаса была слишкомъ тяжела и обширна, и я долженъ былъ на нее сѣсть.

Вотъ какимъ образомъ совершился торжественный въѣздъ мой въ Марсель. Теперь, какъ вспомню объ этомъ, невольно улыбнусь, но тогда какъ-то не хотѣлось смѣяться, и я вовсе не чувствовалъ оригинальности своего положенія. Послѣ того я началъ молчать и молчу до сихъ поръ. Въ нѣмецкой землѣ обращаю особенное вниманіе на нѣмецкія ноги, отличающіяся необыкновеннымъ разнообразіемъ формъ. Нѣмцы вообще во всѣхъ почти отношеніяхъ превзошли мои ожиданія. Не ужиться мнѣ съ ними! Берлинъ отвратительно гадокъ... Дождь, снѣгъ, вѣтеръ, мятель и морозъ...

Затѣмъ прощайте: пора идти въ канцелярію. Обнимаю васъ отъ всей души. Прошу засвидѣтельствовать нижайшее мое почтеніе Александрѣ Осиповнѣ и Надеждѣ Николаевнѣ [1]). Вашъ М.

[1]) А. О. Смирновой и ея маленькой дочери, Надеждѣ Николаевнѣ, нынѣ Соренъ.

Страсбургъ. Вторникъ 26-го марта (1844). *Гоголь Л. К. Віельгорской.*

Никакъ не думалъ было писать къ вамъ, не пріѣхавши на мѣсто, но случился случай. Пароходъ, на который сѣлъ я, съ тѣмъ, чтобы пуститься по Рейну, хлопнулся объ арку моста, изломалъ колесо и заставилъ меня еще на день остаться въ Страсбургѣ. Вопросивши себя внутренно, зачѣмъ это все случилось, на что мнѣ данъ этотъ лишній день и что̀ я долженъ сдѣлать въ оный, я нашелъ, что долженъ вамъ написать маленькое письмо. Письмо это все будетъ состоять изъ одного напоминанія [1]). Вы дали мнѣ слово, т.-е. не только вы, но и обѣ дочери ваши, которыя также близки душѣ моей, какъ и вы сами, — всѣ вы дали слово быть тверды и веселы духомъ. Исполнили ли вы это обѣщаніе? Вы дали мнѣ слово всякую горькую и трудную минуту, помолившись внутри себя, сильно и искренно приняться за чтеніе тѣхъ правилъ, которыя я вамъ оставилъ, вникая внимательно въ смыслъ всякаго слова, потому что всякое слово многозначительно и многаго нельзя понимать вдругъ. Исполнили ли вы это обѣщаніе? Не пренебрегайте никакъ этими правилами: они всѣ истекли изъ душевнаго опыта, подтверждены святыми примѣрами, и потому примите ихъ, какъ повелѣніе самого Бога. Это не простымъ случаемъ случилось, что правила эти попали къ вамъ въ руки: тутъ была Воля высшая. Мы всѣ орудія Божьяго Провидѣнія, Оно употребляетъ насъ для насъ же. Такимъ образомъ, и меня, который въ существѣ своемъ есть не болѣе, какъ совершенная дрянь, помѣстило Оно въ домѣ Paradis, хотя отъ этого помѣщенія не произошло, повидимому, никому никакой пользы. Но помѣстило Оно именно для того, чтобы правила эти изъ моихъ рукъ перешли въ ваши. Итакъ, это не былъ простой случай. Самое несчастіе, случившееся теперь на пароходѣ, случилось, можетъ быть, для того, чтобы мнѣ теперь же доставить время и удобность написать вамъ это напоминаніе. Можетъ быть, уже ваше обѣщаніе поблѣднѣло и твердость ослабѣла и потому пароходу суждено было хлопнуться бокомъ и изломаться. Во всякомъ случаѣ, если кто-нибудь чего-нибудь у насъ требуетъ или проситъ во имя Бога, и если его просьба не противорѣчитъ ни въ чемъ Богу, и если онъ умоляетъ всею душою исполнить его просьбу, тогда слова его нужно принять за слова самого Бога. Самъ Богъ его устами изъявляетъ свою волю. *Такъ я привыкъ вѣрить и подтвержденіе этому находилъ повсюду* [2]). Вы тоже найдете это во многихъ

[1]) Ср. письмо къ Смирновой. Изд. Кулиша, VI, стр. 57.

[2]) Слова эти подчеркиваемъ, какъ весьма характерныя и важныя для знакомства съ настроеніемъ Гоголя въ данный моментъ.

святыхъ книгахъ, которыя, вѣрно, случится вамъ потомъ чи и болѣе всего еще найдете подтвержденіе этого въ глубинѣ ственной души вашей.

Вотъ все, о чемъ я почелъ необходимымъ сказать те вамъ. Что же касается собственно до меня, то я довольно ровъ; въ дорогѣ все было хорошо; о васъ думалъ безпреста Изъ Франкфурта или Дармштадта напишу къ вамъ. Затѣмъ щайте. Обнимаю васъ всѣхъ душевно и сильно и съ такой бовью, что грѣхъ вамъ будетъ, если вы не исполните чего-ни изъ того, что̀ вы обѣщали. Веселѣе и бодрѣе будемъ всѣ ду и докажемъ Богу, что мы умѣемъ надѣяться на Него, хот и все шло наперекоръ, умѣемъ любить Его не потому то. что Онъ исполняетъ то, что̀ намъ нравится. Нѣтъ, докажемъ что мы умѣемъ Его любить, не торгуясь съ Нимъ, умѣемъ бить безкорыстной любовью. Если только мы это успѣемъ д зать Ему, тогда ужъ все будетъ по желанью нашему, и не детъ ни одной молитвы нашей, которая бы не была услыш

Прощайте. Если будете писать, адресуйте на имя Жуковс

Весь вашъ Гоголь.

Адресовано: *à Nice* en Italie, à Son Excellence Madame M. la Com Wielhorsky.

Faubourg de la Croix de marbre, maison Paradis.

Франкфуртъ. 12-го апрѣля (1844 г.).

Христосъ Воскресе!

Благодарю васъ, графиня, за прекрасное письмо ваше немъ много было мнѣ радостнаго. Радуюсь отъ всей души д ванью вамъ внука [1]) и тому, что вы посвѣтлѣли духомъ, ско можно видѣть изъ письма [2]). Письмо это, точно подарокъ, пр ко мнѣ тотчасъ послѣ пріобщенія св. тайнъ. Видите, какъ

---

[1]) М. А. Веневитинова, сына старшей дочери Л. К. Віельгорской, Аполл Мих. В., родившагося 25-го февраля 1844 г.

[2]) Ср. въ письмѣ Гоголя къ А. О. Смирновой изъ Дармштадта отъ 17-го а 1844 г.:

„Отъ Луизы Карловны получилъ письмо. Слава Богу, она покойна. Рожденіе Веневитинова на нее подѣйствовало, какъ видно, благодѣтельно. Софья Ива кажется, ѣдетъ съ Анной Михайловной; впрочемъ это какъ-то не рѣшено... Р ѣхать ей изъ Вѣны въ Баденъ, куда прямо отправляется въ концѣ апрѣля Ми Юрьевичъ“.

Софья Ив. Соллогубъ, рожденная Архарова, мать извѣстнаго писателя В міра Александровича Соллогуба.

Ср. соч. Гог., изд. Кул., стр. 81, письмо къ Жуковскому, изъ котораго что предположеніе Гоголя видѣться въ Баденѣ съ Віельгорскими осуществилос

ожиданно намъ посылаются радости и даже съ такой стороны, откуда и не думали получить. Но мы рѣдко умѣемъ благодарить за то, что̀ дается намъ; мы чаще умѣемъ роптать, когда что̀ отнимается отъ насъ. Даянія мы чувствуемъ слабо, а лишенія — сильно.

Но не объ этомъ рѣчь. Въ письмѣ вашемъ есть одно несправедливое мнѣніе: вы думаете, что я очень много способствовалъ къ утѣшенію вашего унынія. Васъ обманула собственная доброта души вашей. Какъ прямой и честный человѣкъ, я долженъ сказать чистосердечно: нѣтъ, я вамъ болѣе былъ полезенъ своимъ отъѣздомъ, нежели пріѣздомъ. Въ послѣдній только день, наканунѣ отъѣзда моего, вы стали покойнѣе, и то, можетъ быть, потому, что вамъ сдѣлалось жалко не исполнить просьбы отъѣзжающаго. Я вамъ оставилъ послѣ себя гораздо лучшее средство для успокоенія, чѣмъ могъ бы доставить я самъ: я вамъ оставилъ то правило, которое сдѣлало меня гораздо лучше, чѣмъ я былъ прежде. И теперь прошу васъ, какъ можетъ только любящій братъ просить брата: не пренебрегайте имъ и перечитывайте со вниманіемъ во всякую неспокойную и грустную минуту.

Передайте мой душевный поклонъ графинѣ Воронцовой и ея милой племянницѣ. Прощайте, до свиданія! Пріѣду въ Баденъ вамъ на встрѣчу.

Весь вашъ Гоголь.

Адресъ тотъ же.

1844. Франкфуртъ, 12-го апрѣля. *Гоголь графинѣ А. М. Віельгорской.*

Я видѣлъ вашу пріятельницу и вручилъ ей письмо. Занятый говѣньемъ, я былъ съ ней рѣдко, да и не было какъ-то предметовъ для разговоровъ. Но я, однако-жъ, наблюдалъ ее и, по мѣрѣ, сколько вразумилъ меня Богъ слышать душу человѣка, не могъ не замѣтить, что это ясная свѣтлая душа, которая вышла какъ-то готовою на свѣтъ. Она свѣтла, ровна въ словахъ и въ обращеніяхъ со всѣми и потому необходимо должна быть всѣми любима. Она поставлена для того, чтобы говорить: будьте безмятежны, какъ безмятежна я. Но въ глазахъ моихъ *вы* больше имѣете значенія, не загордитесь: *вы* ничуть не лучше ея—но вы будете лучше. Вы будете въ силахъ заглядывать въ самую душу человѣка и оказывать тамъ помощь. Ваше поприще будетъ даже гораздо болѣе, чѣмъ всѣхъ вашихъ сестрицъ, потому что, если вы обсмотритесь только хорошенько вокругъ себя, то увидите, что и теперь можетъ начаться поле подвиговъ вашихъ. Вамъ дано не даромъ имя *благодать*. Вы будете точно Божья благодать

для всего вашего семейства и всѣхъ васъ окружающихъ. Вамъ недостаетъ только хорошенько всмотрѣться и узнать свойства и природу всѣхъ тѣхъ, которые васъ окружаютъ, для того, чтобы найти прямую дорогу къ душѣ каждаго. Вамъ недостаетъ еще спокойнаго размышленія и воздержанія отъ ранней готовности дѣйствовать, а вы будете имѣть непремѣнно благодѣтельное вліяніе на всѣхъ; я сужу такимъ образомъ, основываясь на тѣхъ данныхъ, которыя заключены въ душѣ вашей и которыя потихоньку подсмотрѣлъ, хотя вы ихъ еще не можете видѣть, какъ часто весьма многое въ себѣ намъ доводится узнать уже послѣ другихъ. Иное мы и видимъ, но еще не можемъ знать, чему оно служитъ началомъ, если не занимались еще наукой воспитанія человѣка и не испытали ее на себя [1]). Еще скажу вамъ одно, основываясь на признакахъ, которые вы обнаружили передо мною въ послѣдній день пребыванія моего съ вами. У васъ будетъ очень твердый характеръ, тверже, чѣмъ у всѣхъ вашихъ, и даже, чѣмъ у Михаила Михайловича. Разумѣется, вы этого еще долго въ себѣ не примѣтите и даже тогда, когда будете болѣе и болѣе укрѣпляться. Вотъ вамъ покамѣстъ все.

Прощайте, до пріятнаго свиданія въ Баденѣ. Да хранитъ васъ Богъ!

Братски любящій васъ Гоголь.

Христосъ Воскресе!

Передайте отъ меня душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ [2]) вмѣстѣ съ привѣтствіемъ: „Христосъ Воскресе“.

Ницца. Апрѣля 28-го (16-го). *Л. К. Віельгорская Гоголю.*

Сердце мое вѣщунъ, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ: я увѣрена была получить еще письмо отъ васъ прежде вашего отъѣзда. Оно меня тѣмъ болѣе обрадовало, что вы намъ даете столь пріятную надежду видѣть васъ въ Баденъ-Баденѣ. Мы оставляемъ рай и m-lle Paradis 30 (18) апрѣля во вторникъ утромъ; дней черезъ шесть будемъ, вѣроятно, въ Женевѣ, гдѣ я намѣрена отдохнуть недѣлю, а оттуда прямо въ Баденъ. Изъ Петербурга, слава Богу, извѣстія хороши; всѣ здоровы, Михаилъ Михайловичъ очень занятъ канцелярской службой. Отъ Софи получила я два письма изъ Генуи, одно изъ Милана, а съ тѣхъ поръ что-то замолчала.

---

[1]) Здѣсь, вѣроятно, Гоголемъ пропущено слово или сдѣлана описка, вм.: на себѣ

[2]) Балабиной, впослѣдствіи Вагнеръ, бывшей ученицѣ Гоголя. О ней же Гоголь упоминаетъ въ письмѣ къ Жуковскому. Изд. Кулиша, VI, 88.

Въ Ниццѣ пусто, жарко, печально. Мы совершенно осиротѣли: дѣти и друзья разсѣялись; всѣ разъѣхались въ разныя стороны, мы живемъ въ совершенномъ уединеніи, хотя много видимъ и принимаемъ. La ... навѣщаетъ насъ весьма часто; любезность и услужливость его невыразимы. Онъ преодолѣлъ мое къ нему недоброжелательство необыкновенной добротой сердца. Кто бы могъ это предвидѣть?..

Софи, вѣроятно, теперь въ Венеціи или, по крайней мѣрѣ, въ дорогѣ. Я писала Владиміру Александровичу, чтобы сообщить ему содержаніе письма доктора Гугерта, который подтверждаетъ свое прежнее мнѣніе, т.-е. необходимость для Софи предпринять настоящее леченіе въ Баденъ-Баденѣ и пробыть шесть недѣль подъ его присмотромъ, прежде морскихъ ваннъ. Онъ тоже повторяетъ г. Соллогубъ.

Нози [1]) тронута была до глубины сердца вашимъ письмомъ: лицо ея какъ бы просвѣтлѣлось при чтеніи вашихъ пророческихъ наставленій. Она чувствуетъ необходимость заслужить лестное ваше о ней мнѣніе, только еще не знаетъ, чѣмъ и какъ начать сіе великое предпріятіе.

Всѣ кланяются вамъ сердечно, потому что всѣ васъ возлюбили... Надѣюсь имѣть счастіе видѣть нашего друга, Жуковскаго. Будьте здоровы. Божіе благословеніе на васъ! До свиданія.

Ницца. 29-го апрѣля 1844 года. *А. М. Віельгорская Гоголю.*

Ваше совсѣмъ неожиданное письмо меня очень обрадовало, но еще болѣе удивило. Я прочла его разъ шесть и каждый разъ съ новымъ удивленіемъ. До сихъ поръ я не понимаю хорошо, что̀ вы мнѣ пишете, по крайней мѣрѣ не понимаю настоящаго значенія вашихъ словъ. Вы говорите, что меня ожидаетъ жизнь полезная и возможность дѣлать много добра: дай Богъ, чтобы предсказанія ваши совершились! (Онъ знаетъ, о чемъ я Его молю.) Но сколько мнѣ предстоитъ времени и труда для достиженія прекрасной цѣли, которую вы мнѣ показываете!

Все-таки, Николай Васильевичъ, я не унываю: у меня очень много довѣренности къ вамъ, и хотя я думаю, что ваше обо мнѣ мнѣніе слишкомъ лестно, чтобы оно могло быть истиннымъ, я утѣшаюсь мыслью, что съ вашимъ умомъ (зачеркнуто: и наблюденіемъ) вы не могли совершенно ошибиться на мой счетъ. Мы объ этомъ поговоримъ еще въ Баденѣ.

Теперь мнѣ время (времени) нѣтъ написать вамъ длинное

---

[1]) Такъ называли въ семействѣ Анну Михайловну Віельгорскую.

письмо. тѣмъ болѣе, что я не большая охотница писать по-русски, или, лучше сказать, потому что мой русскій языкъ не похожъ на языкъ прочихъ русскихъ [1]). Однако же, вы въ Ниццѣ меня всегда понимали и даже никогда не смѣялись надо мной, когда я съ вами говорила,—такъ я надѣюсь, что и теперь вы прочтете письмо мое avec votre indulgence accoutumée. Мы ѣдемъ завтра поутру черезъ Францію и Женеву въ Баденъ. Грустно разстаться съ Ниццею!

Прощайте. Еще разъ благодарю васъ за любезное письмо. Вы, вѣрно, впередъ знали, сколько оно меня обрадуетъ. Надѣюсь увидѣть васъ не позже 20-го мая. Христосъ съ вами.

Анна М. В.

(Въ іюнѣ 1844 г.) *Л. К. Віельгорская Гоголю.*

Посылаю вамъ, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ, письмо Александры Осиповны и увѣдомляю васъ, что я ѣду въ Петербургъ совершенно одна. Михаилъ Юрьевичъ остался здѣсь до моего пріѣзда. Гугертъ и судьба, т.-е. здравый разсудокъ, рѣшили, что вѣрнѣе для здоровья Анны Михайловны провести еще одну зиму въ чужихъ краяхъ и возвратиться только весною, а не осенью. Жаль, очень жаль еще здѣсь, т.-е. въ Парижѣ зиму прожить. Мы такъ радовались нашему возвращенію! Михаилъ Юрьевичъ купилъ домъ; все приготовляютъ къ нашему пріѣзду, всѣ радуются, ожидаютъ насъ, а судьба говоритъ: не бывать этому, напрасно ты хочешь пріютиться, время къ тому еще не наступило и, можетъ быть, никогда не будетъ.

Домъ нашъ будетъ единственный въ Питерѣ, не по великолѣпію, а по уютности, удобствамъ, чистотѣ, а мы будемъ жить въ грязи и неустройствѣ въ чужихъ домахъ. Чтожъ дѣлать!

Здоровье Александры Николаевны [2]) меня крайне безпокоитъ. Она очень, очень больна; мало надеждъ даютъ доктора, развѣ Небесный Докторъ захочетъ ее спасти.

Благодарю за ваше письмо. Напрасно вы не исполнили прекрасное намѣреніе возвратиться въ Баденъ. По крайней мѣрѣ надѣюсь имѣть счастіе видѣть васъ во Франкфуртѣ. Имѣю большую просьбу къ вамъ: узнайте у хозяина zum Römischen

---

[1]) Анна Михайловна и другія Віельгорскія совершали подвигъ, когда писали Гоголю письма: ему онѣ должны были писать по-русски, тогда какъ въ другихъ случаяхъ онѣ привыкли объясняться на разныхъ другихъ европейскихъ языкахъ, но только не на русскомъ.

[2]) Великая княгиня, дочь императора Николая Павловича. О послѣднихъ минутахъ ея писала Гоголю А. О. Смирнова (см. „Русск. Стар.“, 1888, VII, стр. 50—52)

можетъ ли онъ мнѣ дать на прокатъ хорошую дорожную
ю коляску съ сундуками или чемоданами, въ которой я
а доѣхать по почтѣ до Лейпцига и по возвращеніи изъ
я бы обратно привезла ее во Франкфуртъ. Экипажъ я
о здѣсь своимъ, притомъ тяжелая карета и задержитъ меня
ı легкая коляска гораздо выгоднѣе для нынѣшнихъ пре-
ъ дорогъ. Самой искать коляску возьметъ много времени,
ашу въ Питеръ, чтобы скорѣе возвратиться и дать время
у Юрьевичу съѣздить въ Лондонъ, въ Парижъ и возвра-
съ Софи въ П. прежде осени.
свиданія, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ. Вѣ кла-
сердечно. Если я васъ не увижу въ Hôtel de l'Empire
э, я буду очень недовольна вами. Нѣжный дружескій по-
ашему неоцѣненному поэту и другу Жуковскому отъ всего
за.

Франкфуртъ, 18-го іюля (1844 г.). *Гоголь графинѣ Л. К. Віельгорской.*

ите ли: не во вторникъ, а въ самую даже пятницу.
ло не отважился я ѣхать съ Михаилъ Юрьевичемъ вновь
нъ: до такой степени хотѣлось было видѣть вашу встрѣчу [1]).
ıакожъ, этого не случилось, и я, какъ видите, не поѣхалъ.
череди *Остендъ*, нашъ будущій пріятель, куда я подни-
черезъ три дня и куда, однакожъ, я совѣтую и вамъ не
опаздывать, потому что доктора всѣ совѣтуютъ начинать
ıней мѣрѣ не позже іюля. Иначе мало времени. Смир-
лышно, тоже намѣревается пробыть въ Остендѣ.
ините, что письмо нѣсколько безтолково: пишу среди страш-
уму и смѣху, затѣяннаго на нѣмецкомъ языкѣ нѣмецкими
и, который кончился наконецъ пѣніемъ, а потому и я,
ıи нѣсколько чернильныхъ капель, замазанныхъ тутъ же
искусно моимъ пальцемъ, оканчиваю тоже письмо мое.
осылаю всѣмъ самый душевный поклонъ, цѣлуя всѣ шесть
ручекъ и говорю вамъ: до Остенда!

Весь вашъ Гоголь.

ковскій послалъ мнѣ письмо, адресовавши въ Hôtel de
е [2]). Повелите кому-нибудь изъ двухъ вашихъ вассаловъ,

проѣздѣ М. Ю. Віельгорскаго черезъ Франкфуртъ въ Баденъ см. изд. Ку-
83—84, письмо къ В. А. Жуковскому.

отъ адресъ былъ сообщенъ Гоголемъ Жуковскому въ письмѣ отъ 23-го мая
., VI, 81, 83, 84).

Тимоѳеею или Петру, разузнать и отправить обратно къ Жуковскому во Франкфуртъ.

Франкфуртъ. 4-го августа (1844). *С. М. Віельгорская Гоголю.*

Мы отправляемся завтра въ Кёльнъ, любезный Николай Васильевичъ, и надѣемся скоро увидѣть васъ. Ваше послѣднее письмо насъ тронуло, но вмѣстѣ съ тѣмъ и огорчило. Видно, здоровье ваше въ плохомъ состояніи, и эта мысль часто меня огорчаетъ. Не знаю, что̀ бы я дала, чтобы видѣть васъ спокойнымъ и здоровымъ.

Между тѣмъ вотъ вамъ нашъ маршрутъ. Мы завтра (5-го) ночуемъ въ Кёльнѣ, послѣ завтра отправляемся рано поутру въ Брюссель, гдѣ маменька намѣрена также провести ночь. Седьмого мы, вѣроятно, пріѣдемъ къ обѣду въ Остендъ. Вы, пожалуйста, такъ себя ведите, чтобы мы были совершенно довольны вашимъ лицомъ и выраженіемъ. Мы пріѣзжаемъ съ самымъ удивительнымъ экспромптомъ (sic). Хотимъ увезти васъ въ Англію,—что̀ вы на это скажете? Не огорчите насъ отказомъ. Отецъ долженъ завтра быть въ Лондонѣ. Маменька и сестрица вамъ нѣжно кланяются.

Софья.

Лондонъ. 7-го августа (1844). *М. Ю. Віельгорскій Гоголю.*

Вотъ уже я и въ Лондонѣ, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, ожидая съ нетерпѣніемъ рѣшенія графини. Я былъ уже въ Брайтонѣ. Это мѣсто прелесть! Купанье самое удобное и недорогое. Я уже два письма отсюда послалъ въ Остенде и, кажется, одно изъ Антверпена. Рекомендую оный вамъ. Васъ также приглашаю въ Брайтонъ; вы тамъ будете съ нами, и захотите Лондонъ посмотрѣть ...... [1]) на него хоть взглянуть, то

---

[1]) Неразобранное слово.

Еще до полученія этого письма Гоголь, узнавъ о пріѣздѣ Л. К. Віельгорской въ Дувръ, догадывался, что она, вѣроятно, не удовлетворится тамошнимъ купаньемъ и поѣдетъ потомъ въ Брайтонъ. Это видно изъ письма его къ Жуковскому отъ 8-го августа 1844 г. изъ Остенда, въ которомъ читаемъ слѣдующія строки: „Изъ письма вашего я вижу, что Луиза Карловна перемѣняетъ намѣреніе и ѣдетъ въ Дувръ. Объ этомъ мнѣ и помыслить теперь невозможно. Бросить я не могу уже по весьма непреодолимой для меня причинѣ. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ далъ обѣщаніе не ѣхать моремъ. Это для меня и въ здоровомъ состояніи было невыносимо, не только теперь. Я страдалъ ужасно даже и во время небольшого волненія, а здѣсь самый бѣшеный переѣздъ, какой только гдѣ есть на морѣ. Притомъ зачѣмъ я поѣду? Въ Дуврѣ даже и купанья нѣтъ; оттуда пріѣзжаютъ англичане сюда купаться. Сноснѣе Дувра Брейтонъ, куда, вѣроятно, отправятся Віельгорскіе, когда увидятъ и попробуютъ на дѣлѣ“ и пр. (изд. Кулиша, VI, 90).

ете у меня остановиться, что вамъ ничего стоить не бу-

Болѣе не имѣю времени писать: еле успѣлъ еще оглянуться; здка въ Брайтонъ у меня цѣлый день унесла. Обнимаю васъ ечно.

Графъ Віельгорскій.

Берлинъ. 27-го сентября 1844 г. *С. М. Віельгорская Гоголю.*

Разставшись съ вами, любезный Николай Васильевичъ, я галась съ вѣрнымъ и истиннымъ другомъ. Я это глубоко чув-ю, но дурно выражаю.

Радость скоро видѣть моего мужа смягчила сердце и чувства удивительнымъ образомъ. Мнѣ какъ-то свѣтлѣе и легче на ѣ.

Я читаю, молюсь и всегда о васъ поминаю. Прощайте, мой зный братецъ, Господь съ вами! Изъ Петербурга я вамъ на-у... Странно и совѣстно вамъ сказать, но я давно не была весела и спокойна, какъ теперь. Богъ, вѣрно, услышалъ и молитвы. Одна радость и самая живая благодарность напол-іъ мою душу. Да благословитъ васъ Всевышній за все добро, анное мнѣ вами [1]).

Я тотчасъ отправляюсь въ Штетинъ, откуда напишу маменькѣ. ѣлуйте ей и Аннѣ Михайловнѣ руки. Папа васъ сердечно имаетъ. Братъ здоровъ и довольно веселъ. Прощайте, про-те! Обнимаю васъ отъ всего сердца.

Софья.

Rudesheim. 1-го октября (1844). *А. М. Віельгорская Гоголю.*

Любезный Николай Васильевичъ, пріѣзжайте поскорѣе въ ь. Мы васъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ и ваше присутствіе ь нужно. Рюдесгеймъ не подлецъ, какъ Остенде. Виды хо-и, et il y a beaucoup de ressources pour la promenade. Мнѣ ь очень нравится и я, слава Богу, въ самомъ хорошемъ рас-женіи духа. Маменькой я также довольна; она весела и ова. Однимъ словомъ, я всѣмъ довольна, кромѣ Вами, по-что не можете рѣшиться оставить Франкфуртъ. Маменька яется вамъ сердечно и удивляется вашему молчанію. Про-те, прощайте! привезите себя самого въ отвѣтъ.

Анна Михайловна.

---

[1]) Ср. „Записки о жизни Гоголя“, II, 21.

1844. Октября 2-го. Гоголь графинѣ А. М. Віельгорск

На прекраснѣйшее письмецо ваше, благоуханнѣйшая м
Анна Михайловна, имѣю честь отвѣтствовать то, что за разны
разностями и всякими житейскими суетами и отребіями не
брался я въ дорогу вслѣдъ за письмомъ вашимъ, а вмѣсто то
намѣренъ показать вамъ свою физіономію въ субботу, въ то
часъ въ который приходитъ пароходъ, отправляющійся въ
часовъ изъ Майнца. Для уснащенія же моей физіономіи и д
приданія ей бо̀льшаго вкусу приложится къ ней физіономъ Ж
ковскаго, если только онъ не обманетъ.

Затѣмъ до свиданія. Не сердитесь на скверную погоду, к
торая настала. Ну лучше разсмѣйтесь, а пріятелю нашему, к
торый въ это время любитъ выставлять свои рожки и зазыва
людей въ хандрѣ, скажите дурака.

До свиданія! вашъ желающій вамъ всякихъ благъ Г.

Франкфуртъ. 16-го окт. 1844 *г. То*

Благодарю васъ, благодатная Анна Михайловна за ва
письмецо и за всѣ подробности о пріѣздѣ Софьи Михайловн
Письмо ваше написано со вкусомъ. Вамъ смѣло можно нача
продолжать вашъ журналъ по-русски, не нужно только до
останавливаться надъ словомъ и задумываться; что̀ сначала
дается по-русски, то̀ можно по-французски.

Кругликовы [1]) здѣсь обрѣтаются три дня; завтра уѣзжаю
и жалѣютъ, что не удалось съ вами видѣться. Увѣдомьте мен
какъ вы ѣдете въ Висбаденъ, съ тѣмъ ли, чтобы оставить
всѣмъ Рюдесгеймъ, или возвратиться еще? Ибо вы сами знае
что 20 октября находится уже у насъ на носу, а потому п
жалуйста увѣдомьте меня дня за два или за три, когда вы в
ѣзжаете и какимъ образомъ, въ Майнцъ ли или во Франкфур
чтобы я могъ знать, какъ поступить съ моей физіономіей:
щить ли ее въ Майнцъ, или оставить ее здѣсь. То и другое д
меня все равно и равномѣрно пріятно и зависитъ совершен
отъ васъ, но знать мнѣ все-таки нужно впередъ.

Затѣмъ до свиданія. Поцѣлуйте ручки вашей маменьки и
клонитесь всей Рюдесгеймской семьѣ, начиная отъ Лазаря Е
[illegible]

Вашъ Гоголь.

---

[1]) Чернышевы-Кругликовы упоминаются въ VI т., стр. 488.

Франкфуртъ. 12-го октября (1844). *Гоголь Л. К. Віельгорской.*

Здравствуйте, мои прекрасныя графини, старшая и младшая. Я отъ васъ что-то давно не получалъ писемъ. Отъ Мих. Мих. [1]) получилъ на дняхъ небольшое письмецо съ увѣдомленіемъ, что книги онъ шлетъ мнѣ съ Кругликовымъ, который будетъ на дняхъ во Франкфуртъ [2]). Плащъ я послалъ по почтѣ въ Берлинъ, присоединивъ къ нему дуеты Мих. Юр. для отправленія всего этого изъ Берлина при первой возможности, которую сыщетъ Михаилъ Михайловичъ.

Письмо ваше, посланное съ французомъ, пришло наконецъ ко мнѣ, но слишкомъ поздно и въ распечатанномъ видѣ. На бѣду завелся здѣсь какой-то другой Гоголь, который распечатываетъ всѣ мои письма, а потому я васъ прошу выставлять точнѣе адресъ и прибавлять слѣдующія нѣмецкія слова: Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor. Такимъ образомъ означается мѣстожительство Жуковскаго. Увѣдомьте меня, какъ продолжается *житіе*, занятія и гулянья вашихъ въ Рюдесгеймѣ и умѣете ли вы предаваться безъ излишества, т.-е. не доводя гуляній до усталости, а сидѣнія на мѣстѣ до охлажденія ногъ, и получили ли наконецъ извѣстія изъ Петербурга. Затѣмъ прощайте, душевные друзья мои. Передайте мой поклонъ вашимъ племянницамъ и сестрицамъ.

Вашъ Гоголь.

Жуковскій кланяется.

Адресовано: a Son Excellence Madame la Comtesse de Wielhorsky, Rudesheim, les bords du Rhin. Hotel Darmstadt.

Гоголь А. М. Віельгорской (письмо безъ даты).

Письмо ваше отъ 7-го ноября мною получено. Изъ него вижу, что вы дѣйствуете умно и хорошо, обстоятельствами никакими не смущаетесь. Они разстраиваются и поправляются вновь. Дѣло и поприще предстоятъ намъ повсюду, каковы бы ни были приходящія къ намъ обстоятельства. Работы намъ много всегда и во всякомъ нашемъ состояніи, даже и такомъ, когда мы чувствуемъ, что и больны, и безсильны, и никуда и ни на что не годимся. Пишите ко мнѣ обо всемъ, что̀ ни случается съ вами, до послѣдней мелочи, мой добрый другъ Анна Михайловна, и молитесь обо мнѣ.

Весь вашъ Г.

---

[1]) Мих. Мих. Віельгорскій-Матюшкинъ, сынъ Луизы Карловны.

[2]) Книги странствовали болѣе полугода, прежде чѣмъ попали въ руки Гоголя.

Парижъ. 12 ноября (1844). *А. М. Віельгорская Гоголю.*

Мы здѣсь уже съ недѣлю, но до сихъ поръ мнѣ никакъ невозможно было писать вамъ: цѣлый день мы таскались по улицамъ искать квартиру, и когда мы выбрали одну, надобно было еще хлопотать намъ нѣсколько дней сряду, чтобы хоть немного устроиться. Наше путешествіе было самое счастливое, но часто, часто мнѣ хотѣлось унывать и я вспоминала объ васъ, чтобы снова ободриться. Еще не такъ трудно себя одну ободрить, а мнѣ приходилось утѣшать Фани [1]) и англичанку и видѣть около себя всѣхъ въ отчаяніи. Одна только была спокойна и почти весела, именно та, которая всѣхъ болѣе страдала. Теперь я только узнала, какая у нея душа прекрасная. Два или три раза я говорила съ двоюроднымъ братомъ. Онъ выслушалъ меня съ терпѣніемъ, даже благодарилъ меня за то, что̀ я ему сказала, но все-таки до сихъ поръ я не вижу большой перемѣны dans sa manière d'être. Однакоже я сильно, крѣпко надѣюсь: что̀ невозможно людямъ, возможно Богу.

Изъ Петербурга мы получаемъ славнѣйшія извѣстія. Владиміръ Александровичъ все продолжаетъ сидѣть дома съ женой и нѣжно обходиться съ нею. Вы можете вообразить себѣ, какъ маменька этимъ довольна и какъ ей легче переносить разлуку съ Софіей, когда знаетъ, что она спокойна и счастлива.

Что̀ мнѣ вамъ о Парижѣ сказать? Первое впечатлѣніе не было для насъ очень пріятнымъ. Мы пріѣхали въ самую сѣрую погоду и среди шума, движенія и толпы улицъ грустное чувство одинокости сжало мое сердце, и я думала о Петербургѣ и о счастіи быть со всей моей семьей, и я спрашивала себя съ удивленіемъ, неужели Парижъ самый этотъ городъ, который столько тебѣ понравился три года тому назадъ и въ которомъ съ этого времени тебѣ такъ хотѣлось провести нѣсколько мѣсяцевъ? Но это впечатлѣніе недолго осталось, и теперь я уже смотрю на Парижъ съ другими глазами. Я сейчасъ начала тѣмъ, что объявила себѣ никакъ не смотрѣть на погоду, и въ самомъ дѣлѣ я исполняю эту хорошую резолюцію. Мы съ Лазаревыми [2]) живемъ въ одномъ домѣ (Place Vendôme, № 6). Они въ бельэтажѣ, а мы—во второмъ. У меня хорошенькая комната на югъ, и я надѣюсь эту зиму хорошенько въ ней заниматься и немножко

---

[1]) Бойенъ, родственница Віельгорскихъ.

[2]) Родственники Віельгорскихъ. Одинъ изъ нихъ былъ женатъ на принцессѣ Биронъ, племянницѣ Віельгорской. См. „Историч. Вѣстникъ", 1886, 12, стр. 511.

поумнѣть. Въ восемь часовъ утра мы кофе пьемъ, въ часъ завтракаемъ и въ шесть обѣдаемъ.

Я успѣла прочесть первый томъ „Вечеровъ на хуторѣ“, который меня очень забавлялъ, но я всё васъ никакъ не узнаю въ вашихъ сочиненіяхъ. Вы, кажется, очень далеко ушли съ этого времени.

Теперь хочу поговорить съ вами объ одномъ удивительномъ случаѣ [1]), который немного маменьку и меня смутилъ. Вчера мы получили письмо отъ папеньки. Онъ пишетъ: въ Іерусалимѣ во время обѣдни раздался небесный голосъ. Патріархъ Іерусалима говоритъ, что это предвѣщаетъ большія бѣдствія всему міру. Онъ велѣлъ всѣмъ говорить разъ ежедневно слѣдующую молитву, которую многіе уже знаютъ въ Петербургѣ:

„О, Іисусе Христе! молимъ Тя, Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ и весь міръ Твой отъ всякой погибели, кровію Твоею дабы омылись грѣхи наши. О, Боже Предвѣчный, яви милосердіе твое великое. Молимъ Тя, прости ради Пречистой крови Твоей, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Каждый говорящій сію молитву долженъ стараться сообщить ее девяти другимъ особамъ. Пожалуйста, любезный Николай Васильевичъ, говорите ее каждый день и старайтесь сообщить ее дальше. Что̀ вы объ этомъ думаете? Напишите мнѣ скоро.

Ваши письма мнѣ полезны и очень пріятны. Толстыхъ [2]) мы видѣли. Я, какъ предполагала, буду ѣхать съ ними въ церковь по воскреснымъ днямъ. Надѣюсь, что вы здоровы тѣлесно и душевно, что вы, какъ ни хандрите, но *умникъ*, пишите для нашихъ будущихъ наслажденій и пользы, гуляете, смѣетесь и думаете иногда о вашей пріятельницѣ Аннѣ Михайловнѣ.

Франкфуртъ. 23 ноября (1844). *Гоголь графинѣ А. М. Віельгорской.*

Благодарю васъ очень за письмо и за извѣстія (письмо отъ 12-го ноября). Я думалъ долго о вашемъ паціентѣ; придумалъ одно средство, которое можетъ съ Божьей помощью помочь въ этомъ дѣлѣ, но средство это нѣсколько крѣпковато. Желудокъ больного теперь его не сваритъ; ему покамѣстъ полезны ваши попеченія.

---

[1]) Ср. изд. Кулиша, VI, 114 и письмо Смирновой къ Гоголю („Русск. Стар.“, 1888, X, 130 стр.).

[2]) Александра Петровича, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, и его жену, Анну Георгіевну.

Молитву, которую вы мнѣ прислали, я уже получилъ почти за мѣсяцъ прежде отъ Смирновой. Думаю объ этомъ я такимъ образомъ: если молитва пришла въ наши руки, то по ней слѣдуетъ молиться; вотъ и все. Я бы хотѣлъ знать, между какимъ классомъ разошлась въ Петербургѣ эта молитва, и кто ее доставилъ, и молится ли Петербургъ, помышляя въ то же время о себѣ и разсматривая жизнь свою, или просто повторяетъ одни только слова молитвы, не входя въ нихъ душою и сердцемъ? Я вспомнилъ, между прочимъ, о графинѣ Толстой, находящейся нынѣ съ вами въ Парижѣ. Она множество собрала матеріаловъ къ себѣ въ душу и держитъ ихъ точно подъ замкомъ, не примѣняя ихъ къ дѣлу. Ей больше, чѣмъ кому-либо другому, слѣдуетъ молиться дѣлами: безъ дѣлъ угасаютъ сильно чувствованія душевныя, а безъ сильныхъ чувствованій душевныхъ безсловесна молитва. Если бы вы ее могли заставить войти въ положеніе какого-нибудь несчастливца, которому нужна помощь, и заинтересовать ее имъ!..

О себѣ скажу вамъ пока только, что нечего о себѣ сказать. Слава Богу, нахожусь въ положеніи обыкновенномъ, т.-е. не сижу совершенно за дѣломъ, но не бѣгаю отъ дѣла, и прошу Бога о ниспосланіи нужнаго одушевленія для труда моего, свѣжести силъ и бойкости пишущей руки. Вы напрасно ищете въ моихъ сочиненіяхъ меня и притомъ еще въ прежнихъ. Тамъ просто идетъ дѣло въ разсказѣ. Вы думаете, что у меня до такой степени длиненъ носъ, что можетъ высунуться даже въ повѣстяхъ, писанныхъ еще въ такія времена, когда былъ я еще мальчишка, чуть вышедшій изъ-за школьной скамейки. Но объ этомъ покамѣстъ до будущаго времени.

Перецѣлуйте вмѣсто меня маменьки вашей ручки и ваши собственныя и будьте здоровы.

Вашъ Н. Гоголь.

Франкфуртъ. 24 декабря 1844 г. *Гоголь Л. К. и А. М. Віельгорскимъ.*

Что вы, мои прекрасныя душеньки, обѣ замолчали? Какъ вы смѣете дѣлать со мною такія штуки. Вотъ вамъ за это длинное письмо. Поздравляю васъ отъ души съ наступающимъ новымъ годомъ. Прощайте.

Вашъ Гоголь.

PS. Аннѣ Михайловнѣ послано отъ меня въ подарокъ на Новый годъ стихотвореніе Языкова подъ названіемъ: „Земле-

трясеніе“, которое вручитъ ей гр. Толстой. Стихотвореніе это она должна прочесть нѣсколько разъ и то, что̀ въ немъ говорится о поэтѣ, должна примѣнить къ себѣ. Не худо, если и Луиза Карловна сдѣлаетъ то же“.

Франкфуртъ. 28 декабря 1844 г. *Гоголь гр. Л. К. Віельгорской.*

„Благодарю васъ, моя прекрасная душой графиня, во-первыхъ, за ваше миленькое письмо, во-вторыхъ, за всѣ пріятныя извѣстія, которыми вы меня полакомили, какъ-то: о вашей Фофкѣ [1]) со всѣмъ ея семействомъ, объ Апол. Мих. [2]), о Мих. Михайловичѣ и о прочемъ. Одного только я не понимаю, какъ смѣла моя Анна Михайловна простудиться. Этого поступка я никакъ отъ нея не ожидалъ. Я думалъ, что она гораздо умнѣе; это вы ей сообщите. Въ-третьихъ, благодарю васъ за поздравленіе съ Новымъ годомъ. Я васъ также поздравилъ съ нимъ отъ всей души. Объ этомъ вамъ было написано въ длинномъ письмѣ (отъ 24-го декабря), которое вы, вѣроятно, уже получили, гдѣ находятся такіе же упреки въ молчаніи вамъ, какіе вы дѣлаете мнѣ.

Что вы меня заманиваете Парижемъ, Рашелью, магазинами и прочей дрянью? Развѣ вы не знаете, что если бы вы жили на Чукотскомъ носу или въ городѣ Чухломѣ и пригласили бы меня оттуда къ себѣ, описавъ мнѣ всю тоску тамошняго пребыванія, то я бы скорѣе къ вамъ пріѣхалъ туда, чѣмъ въ Парижъ. Ѣхать же въ Парижъ, во-первыхъ, мнѣ нѣтъ надобности, во-вторыхъ, есть много къ тому невозможности, въ-третьихъ — это баловство. Вы и безъ того уже слишкомъ меня избаловали: я думаю о васъ гораздо чаще, чѣмъ бы слѣдовало, тогда какъ мысль о васъ должна бы быть десертомъ и лакомствомъ только въ праздничные дни, въ награду за хорошее поведеніе, а свиданіе и подавно.

Прощайте же. Будемъ лучше вмѣсто этого хорошо вести себя. Вы съ Анной Михайловной въ Парижѣ, а я во Франкфуртѣ, чтобы меня было за что наградить вашимъ свиданіемъ, да и себѣ самимъ доставить пріятность, сдѣлавъ мнѣ такое удовольствіе. Цѣлую васъ, четыре ваши ручки.

Вашъ Г.

PS. Не смѣйте такъ долго не писать ко мнѣ! Жуковскій

---

[1]) Фофка и Бишка—семейныя прозванія Софьи Михайловны Віельгорской.

[2]) Аполлинарія Михайловна, старшая дочь Луизы Карловны, вышедшая за Алексѣя Владиміровича Веневитинова, брата извѣстнаго поэта.

здоровъ, васъ очень благодаритъ и вамъ кланяется. Жена его ведетъ себя какъ слѣдуетъ въ ея положеніи, безпрестанно движется, часто бываетъ на воздухѣ, свѣжа и даже пополнѣла въ сравненіи съ прежнимъ. Оба они, кланяясь вамъ, посылаютъ съ тѣмъ вмѣстѣ поклонъ и Тургеневу [1]).

Передайте душевный поклонъ мой вашимъ прекраснымъ племянницамъ и всему ихъ семейству.

В. Шенрокъ.

[1]) Александру Ивановичу, жившему тогда въ Парижѣ.

ДОБРОВОЛЕI

РАЗСКАЗЪ.

Окончаніе

II *).

первый вечеръ былъ и не послѣдній
авѣщать заросшій дикимъ виноградомъ
и каждый разъ уходили оттуда еще
ствомъ Коховъ. Сначала мы ходили
и ходить и въ одиночку, наконецъ дал
, и разъ я, къ величайшему своему
крывъ столъ Леонида, увидѣлъ тамъ
ный тушью. „Ага!—подумалъ я не бе
ѣ и старыя нѣмецкія дѣвы!" Однак
, хотя, признаюсь, и чесался иногда я
да Леонидъ начиналъ надъ кѣмъ-нибудь изъ насъ под-
ı. „Ладно, братъ, смѣйся!—думалъ я.—И за тобой во-
пки!"

нцѣ мая въ нашемъ маленькомъ кружкѣ совершилось
событіе—умерла Натальица. Это было утромъ; мы
омъ еще лежали въ постеляхъ, когда въ комнату къ
елъ Володя Аносовъ и, остановившись у окна,
ртывать папиросу. Но я замѣтилъ, что руки
и табакъ сыплется на полъ, такъ что папироса
а. „Вѣрно, съ Натальицей хуже!" подумалъ я и т

ше: сент., 145 стр.

что хотѣлъ разспросить Володю о причинѣ его волненія, какъ Леонидъ меня предупредилъ.

— Ну, что̀ Натальица?—спросилъ онъ, потягиваясь и позѣвывая.

— Умерла!..—не оборачиваясь, отвѣчалъ Володя и опять просыпалъ табакъ на полъ.

Мы оба разомъ встали съ постелей и въ одинъ голосъ спросили:

— Когда?

— Сейчасъ.

Послѣ этого извѣстія мы уже не могли больше лежать. Леонидъ сталъ поспѣшно одѣваться, а я всталъ и, не одѣваясь, принялся безцѣльно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Мнѣ стало вдругъ какъ-то жутко и непріятно; мысль о смерти никакъ не вязалась у меня съ этимъ сіяющимъ утромъ, съ лучами солнца, весело игравшими на стѣнахъ, съ уличнымъ шумомъ, врывавшимся въ отворенныя окна. Я подошелъ къ окну и сталъ безсмысленно смотрѣть на пристань. Волга, вся розовая, трепетала въ своихъ берегахъ; далеко-далеко виднѣлся бѣлый парусъ рыбачьей лодки, сверкая на солнцѣ. „Она уже никогда больше не увидитъ этого!“—подумалъ я.—„А когда-нибудь и я“... Сердце во мнѣ мучительно сжалось и заныло.

— Что̀ же теперь?—спрашивалъ между тѣмъ Леонидъ, одѣваясь какъ на пожаръ.

— Извѣстно что̀—похороны.

— А деньги-то есть?

— Нѣ...—началъ Володя, но вдругъ словно захлебнулся, всхлипнулъ и вышелъ.

— Вотъ тебѣ и Натальица!—задумчиво произнесъ Леонидъ.

Мы на́скоро напились чаю и отправились искать денегъ. Цѣлое утро пробѣгали, наконецъ удалось собрать 30 руб. Потомъ ходили смотрѣть Натальицу. Она лежала въ той же комнаткѣ, только теперь тамъ было какъ-то просторнѣе и свѣтлѣе. Сторы были подняты и солнечный свѣтъ безпрепятственно наполнялъ всю комнату. Теперь ужъ онъ никому не мѣшалъ,—Натальицѣ было все равно. Она лежала на кровати, глубоко утонувъ головою въ подушкахъ. Ея хорошенькое, но страшно похудѣвшее личико было серьезно; длинныя рѣсницы бросали тѣнь на щеки. Казалось, вотъ-вотъ она подниметъ ихъ, взглянетъ на васъ своимъ лихорадочно-безпокойнымъ взоромъ и спроситъ: „вѣдь я умру, господа? неужели я умру?“ Становилось странно... Еще недавно говорила, глядѣла, пила... вотъ и ея синенькая

кружечка на столѣ... и вдругъ все остановилось. Точно машина... Шла, шла—и вдругъ стопъ! Все кончено. И поправить уже нельзя... Какъ все это глупо и безсмысленно!.. И зачѣмъ?

Всѣ эти безсвязныя мысли толпились у меня въ головѣ, когда я смотрѣлъ въ безмолвное личико Натальицы. Я точно хотѣлъ понять, уяснить себѣ что-то, и никакъ не могъ. И отъ этого сердце мое болѣзненно сжималось и ныло, а къ горлу подступала тошнота. Мнѣ было противно смотрѣть на солнце, слышать человѣческіе голоса; все это вдругъ стало для меня чуждымъ и непріятнымъ...

Между тѣмъ народъ толпился около покойницы. Одни приходили, другіе уходили. Молча и съ растеряннымъ видомъ глядѣли въ лицо умершей, безъ всякой нужды оправляли на ней какую-нибудь складочку и также молча отходили прочь. Барыни натащили цвѣтовъ и усыпали всю постель; въ комнатѣ стало, наконецъ, душно... Только Володи не было здѣсь; онъ куда-то исчезъ и не появлялся больше, такъ что всѣ хлопоты насчетъ похоронъ взяла на себя хозяйка, та самая расторопная дама въ бѣлой кофтѣ, которая провела насъ когда-то въ комнату Натальицы.

Хоронили на другой день. Въ десятомъ часу утра небольшая процессія вышла изъ дома Назаровой и направилась по Кудряевой улицѣ на Монастырское кладбище. Маленькій гробикъ, обитый бѣлымъ глазетомъ и усыпанный цвѣтами, колыхался въ серединѣ. Его несли всю дорогу на рукахъ. Среди женщинъ слышались рыданія. Особенно надрывалась одна, высокая молоденькая блондинка съ длинной косой. Ее утѣшали, уговаривали, поили водой,—ничто не помогало. Она, не переставая, рыдала, безсвязно повторяя: „Вотъ!.. Вотъ она наша жизнь!.. Работай... какъ кляча... выбивайся изъ силъ... и вотъ... Проклятая наша жизнь!“

Эти рыданія раздирали душу. Видно было, что дѣвушка не столько о Натальицѣ сокрушалась, сколько болѣла въ ней и рыдала ея собственная измученная душа. Послѣ я узналъ, что это была тоже сельская учительница, которой недавно отказали отъ мѣста „за неблагонадежность“.

Мужчины были сосредоточенны и сдержанны. Только одинъ какъ-то болѣзненно морщился и трясъ головой, словно его кусала назойливая муха.

По дорогѣ процессія увеличилась. Когда проходили мимо семинаріи, нѣсколько человѣкъ семинаристовъ, узнавъ, кого хоронятъ, присоединились къ намъ. Потомъ появились какія-то,

совершенно неизвѣстныя намъ, старушонки, которымъ, вѣроятно, нечего было дѣлать дома. Онѣ старались протискаться поближе къ гробу и ко всѣмъ приставали съ вопросомъ:

— Кого это хоронятъ? Ась?

— Учительницу,—отвѣчалъ имъ кто-то.

— Не изъ духовныхъ ли? Не отца ли Ивана дочка?—допытывались любопытныя старушки.

Одной изъ нихъ удалось-таки пробраться къ гробу и взглянуть на покойницу.

— Родименькіе, какая молоденькая-то да хорошенькая!—запричитала она въ голосъ, и это еще болѣе увеличило тяжелое настроеніе толпы.

Пришли на кладбище. Могилка была уже готова. Когда гробъ опустили въ землю и засыпали землей, одинъ изъ нашихъ вскочилъ-было на бугоръ, очевидно желая произнести рѣчь. Но на него зашикали и замахали руками.

— Не нужно!.. Не надо!—послышались голоса.—Чтò говорить-то? Нечего... Все свои... и такъ знаемъ!.. Не надо!

Ораторъ ретировался. Но мы долго еще не расходились и въ глубокомъ молчаніи толпились у бугра. Иные же разбрелись по кладбищу, читая надписи на памятникахъ, присаживаясь на позеленѣвшія отъ старости каменныя плиты или въ разсѣянности собирая цвѣты, въ изобиліи росшіе между могильными камнями. Кладбище было расположено на горѣ, и отсюда открывался великолѣпный видъ на Приволжскъ. Горы золотымъ вѣнцомъ окружали городъ; у подножія его сверкала Волга со всѣми своими островками, песчаными отмелями, широкими заливами. А за Волгой стлалась зеленая волнистая степь, туманная и таинственная, какъ наше будущее. И у каждаго изъ насъ, глядя на эту степь, щемило сердце, а душу охватывалъ холодный ужасъ предъ невѣдомымъ грядущимъ...

—И пусть у гробового входа...

—началъ-было кто-то среди всеобщаго молчанія. Но и на него, также какъ и на давишняго оратора, зашикали, и онъ въ смущеніи умолкъ. Все, чтò звучало фальшью и отзывалось фразой, по безмолвному соглашенію всѣхъ присутствующихъ изгонялось и не допускалось. На могилкѣ этой маленькой труженицы, всю свою жизнь отдавшей дѣлу, фразы были неумѣстны.

Разошлись мы также въ глубокомъ молчаніи.

Я возвращался домой одинъ. Леонидъ куда-то исчезъ. Впрочемъ, я до того былъ погруженъ въ задумчивость, что даже со-

:нно не замѣтилъ его исчезновенія. Мнѣ было рѣшительно авно, идетъ ли кто-нибудь со мною или нѣтъ,—да, пожа послѣднее было лучше. Я все еще находился подъ тяже- впечатлѣніемъ смерти и похоронъ Натальицы; въ ушахъ , еще отдавались мрачные похоронные напѣвы и сухой земли о гробовую крышку; въ глазахъ стояло блѣдное о съ странной неподвижностью въ чертахъ, а душу напол- холодная тоска и какое-то недоумѣніе. Что-то такое меня о, мнѣ нужно было разрѣшить какой-то вопросъ, но я ъ не могъ понять, что̀ это было и что̀ собственно меня о... И такъ я брелъ по улицамъ, безучастный ко всему :ающему, толкая прохожихъ, не замѣчая ни солнца, ни ьевъ, ни оживленной уличной суматохи, кипѣвшей вокругъ

другъ меня окликнули. Я поднялъ голову и увидѣлъ передъ › Женю. Несмотря на свое удрученное состояніе, я все- замѣтилъ, что мальчикъ сильно возбужденъ и взволнованъ. ıа его съѣхала на затылокъ, глаза сверкали, щеки пылали.

– Въ Болгаріи возстаніе...—заговорилъ онъ прерывистымъ эмъ.—Въ Босніи турки разбиты... Черняевъ уѣхалъ въ ю, скоро войну объявятъ!

– А-а!—промычалъ я равнодушно.

[альчикъ внимательно взглянулъ на меня.

– Что̀ это съ вами?—спросилъ онъ сейчасъ же совершенно мъ тономъ.—Вы откуда?

– Съ кладбища. Мы Натальицу хоронили.

Кеня вдругъ притихъ, потомъ торопливо простился со мною шелъ въ другую сторону, а я побрелъ домой.

– Что, схоронили?—спросила меня Христина Павловна.

[махнулъ рукой. Старушка заплакала.

– Панихидку надо отслужить...—вымолвила она сквозь слезы. матери-то ея, покойницѣ, легче будетъ. Помолится за насъ ныхъ предъ Господомъ, что сиротку ея не забыли...

[прошелъ въ свою комнату и сталъ раздѣваться. Изъ кар- пальто выпала какая-то бумажка. Я поднялъ ее и про- „Глазету—5 р. 64 к. Кисти серебряныя—6 р. Обойщи- —2 р. 50 к.“... Это былъ счетъ отъ гробовщика, который, :тно, сунула мнѣ хозяйка Натальицы, распоряжавшаяся по- ıами.

„И вотъ все, что̀ отъ нея осталось!“ подумалъ я и вдругъ разрыдался тяжелыми болѣзненными рыданіями.

Весь день я въ забытьѣ пролежалъ на постели. Ничего не ѣлъ, читать не могъ, а вечеромъ даже не пошелъ въ Липки.

На другое утро, проснувшись, я съ изумленіемъ увидѣлъ, что постель Леонида пуста и не смята, а около окна, позванивая спицами чулка, сидѣла Христина Павловна. По всему было замѣтно, что она не ложилась спать всю ночь.

— Каковъ Ленька-то?—сказала она, увидѣвъ, что я открылъ глаза.—Дома не ночевалъ... Никогда съ нимъ этого не случалось. И Богъ его знаетъ, гдѣ это онъ.

— А когда онъ ушелъ?—спросилъ я.

— Да совсѣмъ не приходилъ, разбойникъ! Какъ ушелъ вчера на похороны, такъ и не приходилъ. Наказанье мнѣ съ нимъ!

— Вернется!—утѣшилъ я старушку.—Вѣрно, съ кѣмъ-нибудь на Волгу уѣхали кататься.

— Хорошо, кабы на Волгу! А то знаешь, какія нынче времена-то... За вами не углядишь! Пойдете какъ будто на Волгу, а потомъ, глядь! въ острогѣ очутитесь. Просто, не знаю, что̀ и дѣлать! Вставай-ка, голубчикъ, поскорѣе, испей чайку, да сбѣгай, поищи его... Ахъ, головушка ты моя горькая!

Въ голосѣ старушки, несмотря на ея наружное спокойствіе, звучала тревога, и я поспѣшно сталъ одѣваться. Мало-по-малу эта тревога стала сообщаться и мнѣ,—я почувствовалъ лихорадочное возбужденіе и сильный приливъ жизненной энергіи. Вчерашней моей меланхоліи какъ не бывало.

Напившись чаю и кое-какъ успокоивъ старушку, я отправился разыскивать Леонида. Зашелъ сначала къ Володѣ, но его не засталъ дома,—онъ тоже не ночевалъ,—затѣмъ по очереди обошелъ всѣхъ знакомыхъ Леонида и нигдѣ ничего не узналъ о немъ. Никто его не видалъ со вчерашняго дня; говорили только, что онъ ушелъ съ кладбища вмѣстѣ съ Раулемъ Риго и съ тѣхъ поръ его больше не встрѣчали. Получивъ всѣ эти свѣденія, я задумался. Идти къ Христинѣ Павловнѣ ни съ чѣмъ мнѣ не хотѣлось, соврать что-нибудь ей для успокоенія—было совѣстно, и я совершенно не зналъ, что̀ предпринять.

„Не знаютъ ли чего у Коховъ?—подумалъ я.—Кстати давно у нихъ не былъ. Пойду-ка, въ самомъ дѣлѣ, къ нимъ!"

Отправился и какъ разъ попалъ въ общество женщинъ. Ни Александрины, ни Жени, ни самого старика Коха не было дома. Сестры были всѣ въ садикѣ. Розалія на площадкѣ передъ балкончикомъ варила варенье, Алина за столикомъ чистила ягоды, а Эмми, по обыкновенію, сидѣла въ своемъ передвижномъ креслѣ въ густой тѣни плюща и читала какую-то книгу.

Очутившись такъ неожиданно въ женскомъ обществѣ, я сконфузился, растерялся и хотѣлъ-было бѣжать, но меня удержали, усадили за столикъ, наложили полную тарелку душистаго варенья и заставили чистить ягоды. Я ничего не имѣлъ противъ этого: варенье было очень вкусное, ягоды чистились легко, а хозяйки были такъ милы и любезны, что я совершенно оправился и почувствовалъ себя какъ рыба въ водѣ.

— Отчего вы такъ давно не были?—спросила Розалія, потряхивая надъ огнемъ тазикъ, покрытый розовою пѣной.

Я сослался на занятія и тутъ же, между прочимъ, принявъ мрачный видъ—каюсь, немножко рисовался!—разсказалъ о похоронахъ Натальицы. Сестры были растроганы и осыпали меня вопросами, а я, придравшись къ случаю, началъ распространяться о своемъ вчерашнемъ душевномъ настроеніи и высказывалъ самые мрачные взгляды на жизнь, хотя, въ сущности, въ эту минуту былъ очень доволенъ ею. Въ садикѣ было такъ славно: на клумбахъ пестрѣли цвѣты, распространяя опьяняющее благоуханіе, деревья сонно лепетали надъ головой, подъ крышей домика нѣжно чирикали ласточки, и все это жило, порхало, трепетало подъ яркими лучами солнца... О смерти не хотѣлось даже и думать.

— А что, она была очень молода?—раздался вдругъ изъ-подъ тѣни плюща жесткій, металлическій голосъ.

Я вздрогнулъ и оглянулся. Это спрашивала Эмми,— раньше я никогда не слыхалъ ея голоса. Я понялъ, что она говоритъ о Натальицѣ.

— Да, очень молода. Ей было лѣтъ 18—19.

Эмми замолчала, но въ мрачномъ взглядѣ ея глазъ я прочелъ тайную мысль. „Отчего не я? Мнѣ бы тоже надо умереть"...

Этотъ вопросъ и взглядъ, которымъ онъ сопровождался, произвели на меня непріятное впечатлѣніе. Я прекратилъ свои пессимистическія разглагольствованія и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— А гдѣ же ваши мужчины? — спросилъ я.

— Папа ушелъ прогуляться, Саша—на службѣ, а Женя... Ахъ, что дѣлается съ нашимъ Женей!—воскликнула Розалія, и чуть не опрокинула тазикъ съ вареньемъ на землю.

— Что такое? — спросилъ я, вспоминая нашу вчерашнюю встрѣчу съ нимъ и его разстроенный видъ.

— Просто ужасно!—продолжала Розалія въ волненіи.—Вообразите, на дняхъ объявляетъ намъ, что уйдетъ въ Сербію, въ волонтеры, сражаться за свободу славянъ. Учиться совсѣмъ бросилъ, ничего не читаетъ, кромѣ газетъ, а на языкѣ только генералъ Черняевъ, да Боснія, да Герцеговина... По ночамъ не

спитъ, вскрикиваетъ, мечется... а какъ встанетъ, такъ бѣжитъ въ библіотеку читать газеты. Вотъ и теперь, навѣрное, онъ тамъ. Въ это время какъ разъ приходитъ почта. Ужасно онъ насъ безпокоитъ; боимся, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не ушелъ въ волонтеры.

— Не можетъ быть! — возразилъ я.—Развѣ Антонъ Юльевичъ отпуститъ?

— Папа?—въ одинъ голосъ воскликнули обѣ сестры. — Да вы слышали, что онъ какъ-то при васъ сказалъ: „своими руками благословлю"... Нѣтъ, папа непремѣнно его отпуститъ. Онъ никогда ни въ чемъ насъ не стѣсняетъ.... Его это убьетъ, конечно, а все-таки онъ отпуститъ Женю...

У Розаліи на глазахъ навернулись слезы, а Алина вздохнула и потупилась.

— Не понимаю, чего вы волнуетесь!—послышался опять съ балкона металлическій голосъ, и опять я вздрогнулъ.—А я такъ завидую Женѣ...

Я взглянулъ на Эмми; ея блѣдныя щеки слабо алѣли; зрачки расширились.

— Ну, да, я знаю!—обратилась къ ней Розалія, и въ голосѣ ея послышалось нескрываемое раздраженіе. — Я знаю, что ты готова одобрять каждый его необдуманный поступокъ и подстрекать его на всякія безумства. У васъ съ нимъ однѣ мечты, одни планы, вы вѣчно шушукаетесь. Но ты забываешь, что онъ еще совсѣмъ ребенокъ... и тебѣ стыдно, Эмми, поддерживать въ немъ дѣтскія фантазіи. Ты, напротивъ, какъ старшая, должна бы его удерживать...

— Какія же это дѣтскія фантазіи?—возразила Эмми, и глаза ея сверкнули. — По вашему только то хорошо и разумно, что̀ человѣкъ дѣлаетъ для себя, а что онъ для другихъ дѣлаетъ— это фантазіи? Вы эгоисты...

— Пусть эгоисты!—горячо перебила ее Розалія.—Это правда! Я вовсе не героиня и никакихъ подвиговъ не желаю совершать. Я больше всего на свѣтѣ люблю папу, Женю, Сашу, васъ всѣхъ, и Богъ знаетъ что̀ готова сдѣлать для того, чтобы вы всѣ были здоровы, веселы, довольны... И вдругъ идти сражаться съ турками, изъ-за какихъ-то сербовъ, которые насъ не знаютъ и мы ихъ не знаемъ!.. И развѣ безъ Жени тамъ не обойдется? Развѣ хочется тебѣ, чтобы его убили на войнѣ?.. Чтобы папа умеръ отъ горя, если это случится?

— Вовсе я этого не хочу, — вымолвила Эмми спокойно.— Если я и желаю смерти, то только для себя. Только для себя!..

—повторила она, повысивъ голосъ, и замолчала, опустивъ голову надъ книгой.

Сестры переглянулись между собою и пожали плечами. Мнѣ стало тяжело.

— А какъ мы было-радовались за Женю, когда онъ началъ учиться у Леонида Иваныча!—послѣ нѣкотораго молчанія заговорила опять Розалія. — Мы думали, что онъ приготовится въ гимназію... кончитъ курсъ, поступитъ въ университетъ. Мы бы уже изо всѣхъ силъ стали работать, чтобы дать ему возможность учиться... И вотъ эта несчастная фантазія... Знаете что?—обратилась она ко мнѣ. — Женя васъ очень любитъ, поговорите вы съ нимъ объ этомъ? Убѣдите его, посовѣтуйте, можетъ быть, онъ васъ послушаетъ... Ради Бога!

Я обѣщался. Вскорѣ послѣ этого разговоръ какъ-то оборвался. Сестры задумались и поблѣднѣли; Эмми казалась углубленною въ чтеніе и не поднимала голозы отъ книги; я тоже молчалъ, сосредоточенно разсматривая сѣрую съ бѣлыми крапинками букашку, осторожно пробиравшуюся по краю стола. Свѣтлое настроеніе мое исчезло, и на душѣ было опять холодно и жутко.

Посидѣвъ еще съ полчаса, я собрался уходить. Сестры дружелюбно со мною простились.

— Пожалуйста, поговорите съ Женей!—повторяла Розалія, провожая меня до калитки.

— Да скажите Леониду Иванычу, чтобы онъ досталъ мнѣ книгу, которую обѣщалъ!—прибавила Алина, густо покраснѣвъ.

Я обѣщалъ и то, и другое.

Выйдя на улицу, я долго стоялъ въ недоумѣніи, не зная, куда мнѣ теперь отправиться. Домой не хотѣлось, и я пошелъ въ библіотеку въ надеждѣ застать тамъ Женю. Но въ библіотекѣ мнѣ объявили, что мальчикъ только-что ушелъ, и я побрелъ на пароходную пристань, купивъ на дорогѣ булку и колбасы, такъ какъ было уже около 4 часовъ, и я порядочно проголодался.

На пристани кипѣла жизнь. Съ верху только-что прибылъ большой пароходъ, и шумная толпа пассажировъ валила на берегъ. Надъ берегомъ стонъ стоялъ отъ перекрестнаго говора, ругани, лязганья якорныхъ цѣпей, пыхтѣнья машины и адскаго грохота тачекъ съ грузомъ, катившихся по сходнямъ. Я усѣлся на конторкѣ, въ сторонѣ отъ общей суматохи, и принялся наблюдать. Неподалеку отъ меня расположилась группа казанскихъ татаръ, ѣхавшихъ въ степь на косовицу. Всѣ они были въ засаленныхъ тюбетейкахъ на бритыхъ головахъ, съ худыми, загорѣлыми лицами, въ грязныхъ полосатыхъ халатахъ, которые без-

престанно распахивались и обнажали ихъ черныя, костлявыя груди съ торчащими наружу ключицами. Тутъ же рядомъ съ унылымъ видомъ толклись костромскіе мужички въ лаптяхъ, въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, съ топорами за поясомъ и берестяными котомками за плечами. Два ярославскихъ купчика совѣщались о томъ, что хорошо бы съѣздить въ городъ и посмотрѣть „здѣшнихъ арфистокъ". Монашенка покупала на берегу апельсины и тоненькимъ голоскомъ бранила торговца, не желавшаго сдѣлать ей уступку „для Бога"... Все это движеніе, шумъ, говоръ развлекли меня и разсѣяли. Я съ аппетитомъ съѣлъ свою булку и колбасу и совершенно позабылъ о тревогахъ и заботахъ нынѣшняго дня.

Между тѣмъ солнце зашло, Волга потемнѣла и на небѣ кое-гдѣ зажглись блѣдныя звѣзды. Пристань опустѣла и затихла, народъ разбрелся, только у конторки глухо пыхтѣлъ паровикъ отдыхавшаго парохода. Проплыло мимо нѣсколько лодокъ, наполненныхъ гимназистами, семинаристами, разряженными барышнями. Слышались мѣрные всплески веселъ, серебристый женскій смѣхъ, стройное хоровое пѣніе...

Укажи мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ...

— Слу-ша-а-а-й!—пронесся откуда-то сторожевой окликъ и, гулко прокатившись надъ Волгой, замеръ вдали.

Я отправился домой.

— Хорошъ, хорошъ!—встрѣтила меня Христина Павловна.— Тебя только за смертью посылать-стать. Ужъ я ждала-ждала...

— Развѣ еще не вернулся Леонидъ?

— Вернулся, вернулся. Говоритъ, въ Пригородѣ ночевалъ, у товарища. Да вретъ-поди, не вѣрю я ему что-то! Про тебя спрашивалъ, велѣлъ тебѣ въ Липки идти, непремѣнно. Нужно, говоритъ. И какія-такія дѣла у васъ, въ толкъ я не возьму!..

Не доходя Липокъ, я встрѣтилъ Леонида.

— А!—привѣтствовалъ онъ меня.—Гдѣ это ты шляешься? мнѣ тебя нужно. Вотъ что: ступай сейчасъ на Самолетскую пристань, найми лодку и поѣзжай вверхъ, до Бабина взвоза. Здѣсь ты причаль и подожди меня; если черезъ полчаса меня не будетъ,—вернись назадъ и ступай домой.

Съ этими словами онъ повернулъ назадъ, къ Липкамъ, а я побѣжалъ на пристань. Голова моя горѣла, въ виски стучало,— я догадывался, что принимаю участіе въ какомъ-то важномъ дѣлѣ, и сгаралъ желаніемъ выполнить возложенное на меня по-

рученіе какъ можно усерднѣе.—Черезъ двѣ минуты я былъ уже на Волгѣ и неслышно скользилъ по ея неподвижной и гладкой поверхности. Ночь наступала тихая, безлунная, таинственная. Небо, усѣянное звѣздами, казалось, дрожало; внизу, на рѣкѣ, тоже вздрагивали тамъ и сямъ разбросанные сторожевые огоньки. Смутныя очертанія нагорнаго берега терялись въ полумракѣ, и блѣдное зарево городскихъ огней мало-по-малу сливалось съ призрачнымъ сіяніемъ звѣздъ.

Я уже довольно далеко отплылъ и отъ Самолетской пристани, и отъ берега, когда на встрѣчу мнѣ послышался мѣрный шумъ, набѣжали кровавые огоньки, и вслѣдъ затѣмъ прямо передо мною въ полумракѣ обрисовался чудовищный силуэтъ пыхтѣвшаго и сыпавшаго искры парохода. Я едва успѣлъ свернуть въ сторону, и пропустилъ мимо себя паровое чудовище. Тяжело дыша, вздрагивая и изрыгая изъ себя цѣлыя тучи черного густого дыма, оно проползло мимо меня, взволновавъ вокругъ себя неподвижную гладь рѣки, и исчезло вдали. Это былъ давишній пароходъ, который мнѣ совершенно неожиданно пришлось и встрѣтить, и проводить. Когда огни парохода потухли и мѣрные удары колесъ замолкли, я, вдоволь покачавшись на волнахъ взбудораженной Волги, отправился дальше.

Берегъ Бабина взвоза былъ совершенно пустыненъ. Прежде здѣсь была пристань; но когда Волга начала мелѣть, ее бросили, и теперь на берегу, кромѣ кучи досокъ, опрокинутыхъ кверху дномъ старыхъ лодокъ, баркасовъ и всякаго гнилья, ничего не было. Только у самаго берега тихонько вздрагивалъ и покачивался пловучій огонекъ, указывая на опасную мель. Я поплылъ на этотъ огонекъ и причалилъ лодку къ длинной песчаной косѣ, слабо бѣлѣвшейся въ полумракѣ.

На косѣ при моемъ приближеніи задвигались двѣ тѣни. Я узналъ ихъ. Это были Леонидъ и Рауль Риго; оба съ толстыми палками въ рукахъ.

— Ты?—послышался голосъ Леонида.—Ну-ка, выдь на минутку...

Я вышелъ и помогъ имъ втащить въ лодку два большихъ ящика, довольно тяжеловѣсныхъ. Они были хорошо закупорены и отъ нихъ попахивало типографской краской. Уложивъ ящики на дно лодки, мы всѣ усѣлись по мѣстамъ и отчалили. Леонидъ сѣлъ къ рулю; Рауль Риго взялся за весла, а мнѣ было предоставлено отдыхать. И дѣйствительно, я порядкомъ-таки усталъ; блуза на мнѣ была вся мокрая.

Рауль Риго взмахнулъ веслами, и мы понеслись. Скоро Ба-

бинъ взвозъ остался позади; мы плыли мимо угрюмыхъ и пустынныхъ береговъ, холмистыхъ, изрытыхъ глубокими оврагами, заросшихъ лѣсомъ. Городъ былъ уже далеко и блѣдное зарево его огней потухло за крутымъ поворотомъ рѣки. Тишина кругомъ царила невозмутимая; только слышались слабые всплески веселъ, да откуда-то издалека доносились пронзительные сигнальные свистки буксирнаго парохода, повстрѣчавшагося съ бѣляной.

— Что это такое?—спросилъ я Леонида, указывая на ящики.

— Это?—отвѣчалъ Леонидъ, поглядывая на Рауля Риго.— Этимъ мы хотимъ разбудить сонное царство... Только врядъ ли оно отъ этого проснется... врядъ ли!—добавилъ онъ, и въ голосѣ его прозвучала грустная иронія.

Послѣднія слова, очевидно, предназначались для Рауля Риго, но онъ ничего не отвѣчалъ. Да врядъ ли онъ и слышалъ ихъ... Въ эту минуту онъ пересталъ грести, поднялъ весла и, скрестивъ рукоятки ихъ на колѣняхъ, задумался, глядя впередъ передъ собою. Его блѣдное лицо, озаренное сіяніемъ звѣздъ, приняло смѣлое, рѣшительное выраженіе; брови были нахмурены, губы крѣпко сжаты. О чемъ онъ думалъ? Вызывалъ ли онъ мысленно кого-нибудь на бой? Торжествовалъ ли заранѣе побѣду? Или, предчувствуя свою гибель, давалъ себѣ клятву не отступать ни передъ чѣмъ и пожертвовать жизнью за торжество своихъ идеаловъ?..

Но вотъ онъ встряхнулся и снова взмахнулъ веслами. Лодка вздрогнула и закачалась, серебристыя нити посыпались изъ-подъ веселъ и мы поплыли.

Обогнувъ длинную полосу песчаной мели, протянувшейся по самой серединѣ рѣки и миновавъ группу островковъ, еще затопленныхъ разливомъ, мы причалили къ одному изъ нихъ. Это былъ довольно пустынный островъ, густо поросшій камышомъ и кустарникомъ. Его почему-то называли Рыбьимъ островомъ, хотя рыбаки его рѣдко посѣщали. Мы причалили къ самому высокому его берегу и здѣсь остановились. Выйдя на берегъ, Леонидъ и Рауль Риго вынули изъ-подъ блузъ желѣзные заступы, насадили ихъ на свои палки и молча принялись рыть землю. Въ этомъ таинственномъ полумракѣ, при трепетномъ мерцаніи звѣздъ, среди густыхъ кустовъ тальника, они были похожи на какихъ-то мрачныхъ могильщиковъ, роющихъ могилу для невѣдомаго мертвеца. Вокругъ нихъ шептались камыши; внизу тихонько плескалась Волга. Когда была вырыта порядочная яма, мы осторожно спустили туда ящики и снова засыпали яму землей.

— Готово!—произнесъ Леонидъ, пряча заступъ подъ блузу,

и посмотрѣлъ на Рауля Риго.—Когда же ты теперь намѣренъ отправиться?

— Еще не знаю,—отвѣчалъ Рауль Риго, тщательно утрамбовывая землю.—Это зависитъ отъ „той стороны"...

— И ты все-таки надѣешься? Вѣришь?

— Вѣрю.

— Гм... А можетъ быть еще подождешь?.. Одумаешься?..

— Нѣтъ!

Голосъ Рауля Риго звучалъ рѣшимостью. Леонидъ вздохнулъ.

— Ну... дай тебѣ Богъ!—вымолвилъ онъ, и голосъ его слегка дрогнулъ.

Онъ протянулъ Раулю руку и долго не выпускалъ его руки изъ своей. Потомъ, словно раскаяваясь въ своей нѣжности, грубо оттолкнулъ ее и, пробормотавъ: „ну, чортъ тебя дери!"—зашагалъ къ лодкѣ.

На обратномъ пути мы всѣ опять молчали. Только Рауль Риго какъ будто повеселѣлъ, и то принимался насвистывать что-то, затягивалъ пѣсни, то кричалъ во всю мочь: „слу-ша-ай!" И его очень забавляло, когда съ какой-нибудь баржи ему отвѣчали.

По теченію плыть было легче, и мы скоро достигли города. Замелькали огоньки, повѣяло тепломъ; съ Самолетской пристани до насъ донеслись веселые звуки музыки. Тутъ былъ устроенъ вокзалъ съ буфетомъ и съ площадкой для танцевъ. Когда мы подъѣхали къ берегу, балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Наверху по периламъ площадки, висящей надъ самою Волгой, сверкали гирлянды разноцвѣтныхъ фонарей; оркестръ отчаянно наяривалъ Оффенбаховскую кадриль; на площадкѣ мелькали взадъ и впередъ танцующія пары. А внизу кто-то адскимъ голосомъ горланилъ: „караулъ!" и слышались тревожные полицейскіе свистки. Запахло пивомъ, дымомъ, керосиномъ...

Мы приковали лодку къ причалу, бросили ключъ на окно сторожки лодочника и, всѣ обвѣянные ароматной свѣжестью Волги, стали взбираться по крутому мощеному взвозу. Наверху мы разстались. Рауль Риго, посвистывая, пошелъ направо, а мы прямо домой. Леонидъ былъ угрюмъ.

Христина Павловна еще не ложилась и ждала насъ съ ужиномъ. Въ комнатѣ было свѣтло, тепло и уютно; у образа теплилась лампада; на столѣ, накрытомъ чистой скатертью, дымилась горячая яичница. Послѣ нашего романическаго путешествія на Рыбій островъ, послѣ пронизывающаго холодка Волги и ночи, все это было очень пріятно.

— Гдѣ это до сихъ поръ шлялись? — встрѣтила насъ ста-

рушка.—Неужто все въ Липкахъ? Уже давно 12 пробило, небось и ворота-то вездѣ заперли. А тутъ нѣмчикъ этотъ, Женя, прибѣгалъ раза два. Васъ обоихъ спрашивалъ.

Я разсказалъ все слышанное мною сегодня у Коховъ. Христина Павловна всплеснула руками.

— Господи-Батюшка!—воскликнула она.—И что это такое творится на бѣломъ свѣтѣ! Этакой ребенокъ на войну собирается! А?

— Вотъ еще дурень!—пробормоталъ Леонидъ сквозь зубы.—На кой чортъ ему понадобилось въ Сербію отправляться? Свои собаки дерутся, а чужая не приставай. Очень мы нужны сербамъ съ нашими благодѣяніями!.. Лѣзутъ словно бабочки на огонь...

Съ этими словами онъ всталъ изъ-за стола и ушелъ въ свою комнату.

Рано утромъ меня разбудилъ громкій говоръ въ сосѣдней комнатѣ. Я прислушался. Говорила Христина Павловна и Женя; очевидно, между ними шелъ горячій споръ. Старушка въ чемъ-то убѣждала мальчика; Женя ей возражалъ. Я слышалъ его взволнованный тоненькій голосокъ, звенѣвшій какъ колокольчикъ. „Вѣрно, о Сербіи!“ подумалъ я и сталъ одѣваться. Леонидъ еще спалъ.

Выйдя изъ своей комнаты, я засталъ споръ въ самомъ разгарѣ. Христина Павловна сидѣла вся красная, съ шумомъ перемывая посуду, а Женя, возбужденный, взволнованный, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, горячо жестикулируя. Я его никогда не видѣлъ такимъ. Увидѣвъ меня, онъ просіялъ и подошелъ ко мнѣ.

— Я иду въ добровольцы!—сказалъ онъ вмѣсто привѣтствія.—А вотъ Христина Павловна меня отговариваетъ.

— Господи, да какъ же не отговаривать?—закричала старушка, роняя на полъ чайную ложечку.—Вѣдь молоко еще путемъ на губахъ не обсохло, а онъ въ какую-то Сербію собирается! Это что такое? Да ты, батюшка, умѣешь ли ружье-то въ рукахъ держать? Вѣдь ишь ты что обдумалъ, несмысль этакой!

— Постойте, постойте!—перебилъ ее Женя, размахивая руками.—Вѣдь еслибы вы знали, что тамъ дѣлается... Вѣдь вы не знаете... Этотъ несчастный народъ ужасно страдаетъ... Ужасно! Ихъ рѣжутъ, вѣшаютъ, убиваютъ безъ суда; ихъ грабятъ, продаютъ, мучаютъ... Развѣ это не возмутительно? И вотъ, наконецъ, они возстали. . но у нихъ нѣтъ ни денегъ, ни оружія, ни людей...

и никто не хочетъ имъ помочь... И мы будемъ спокойно смотрѣть, какъ ихъ всѣхъ разстрѣляютъ...

— Ну, а ты-то что̀ тамъ сдѣлаешь? Поможешь что-ли? — возразила старушка.

— Если я буду одинъ—конечно, ничего не сдѣлаю... Но вѣдь туда идутъ и другіе.. И если всѣ такъ будутъ разсуждать, какъ вы, такъ никому не нужно идти... Пусть себѣ погибаютъ! Вѣдь не насъ убиваютъ... не насъ лишаютъ свободы...

Мальчикъ весь дрожалъ отъ волненія и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— А вы... Вы что скажете? Не правда ли, вы со мной согласны?

— Нѣтъ, не согласенъ,—возразилъ я.—Конечно, я не говорю, что за сербовъ не нужно сражаться, но только вамъ бы я не совѣтовалъ.

Женя поблѣднѣлъ и смотрѣлъ на меня широко открытыми глазами. Очевидно, онъ ожидалъ, что я буду за него, и ошибся.

— Почему?—едва слышно спросилъ онъ.

— Мнѣ кажется, что и на родинѣ у насъ довольно дѣла,—началъ я дидактическимъ тономъ.—Вы могли бы сдѣлать многое, кончивъ курсъ въ университетѣ. А теперь что же?... Вы еще молоды, не подготовлены къ жизни и хотите все свое будущее поставить на карту ради временнаго увлеченія. Притомъ вы забываете, что у васъ отецъ, который васъ любитъ до безумія, и сестры. Они всѣ на васъ надѣются, многаго отъ васъ ждутъ. И вы вдругъ все разрушаете...

Я поглядѣлъ на мальчика и замолчалъ. Мнѣ стало его ужасно жаль... Онъ вдругъ весь какъ-то съежился, притихъ и потемнѣлъ. Глаза его наполнились слезами, губы нервно дрожали.

— А развѣ у нихъ... нѣтъ отцовъ и сестеръ?—прошепталъ онъ, заикаясь.—И развѣ я одинъ...—Онъ не договорилъ. Слезы градомъ покатились по его поблѣднѣвшему личику, и онъ, пошатываясь, вышелъ изъ комнаты, ни съ кѣмъ не простившись. Я растерянно проводилъ его глазами, а Христина Павловна развела руками и сама заплакала.

Вскорѣ послѣ этого разговора съ Женей у меня начались экзамены, и я volens-nolens долженъ былъ засѣсть за зубрячку. Все у меня было страшно запущено, многое не подготовлено, и я въ лихорадочномъ жару принялся наверстывать потерянное время. Меня обуяла такъ-называемая febris examinalis, и въ ея постоянномъ трепетѣ мнѣ уже некогда было заниматься посторонними дѣлами. Я пересталъ ходить въ Липки, ни съ кѣмъ не

видался и съ утра до вечера просиживалъ дома за учебниками. Христина Павловна меня поощряла и очень интересовалась моими успѣхами. Она меня сама будила, поила чаемъ, спрашивала:

— Ну, что? Рѣшилъ что-ли задачу-то? Помилуй Богъ, на экзаменѣ попадется!

Первый экзаменъ по Закону Божію прошелъ благополучно. Хотя я и не зналъ молитву передъ причащеніемъ, но батюшка, по добротѣ сердечной, простилъ мнѣ это, взявъ съ меня только честное слово выучить ее „послѣ“. Такъ же благополучно прошли письменный и устный по математикѣ, исторія и устный экзаменъ по русскому языку. Я было уже воспрянулъ духомъ, предвкушая полученіе диплома, но увы! меня доканало „сочиненіе“. Что̀ я тамъ сочинилъ, до сихъ поръ не знаю хорошенько, но, вѣроятно, нѣчто ужасное, судя по недоумѣвающему взгляду учителя русскаго языка, которымъ онъ меня встрѣтилъ, когда я пришелъ узнать о судьбѣ моего „сочиненія“. Затѣмъ воцарилось зловѣщее молчаніе... и холодный голосъ словно откуда-то издалека изрекъ окончательный приговоръ: „неудовлетворительно-съ... до слѣдующихъ испытаній допустить не можемъ... пріѣзжайте осенью“...

Выйдя изъ гимназіи, я въ первую минуту совершенно не зналъ, что̀ съ собой дѣлать. Прежде всего я рѣшилъ идти прямо на вокзалъ, взять билетъ и уѣхать. Но со мною не было денегъ, притомъ меня пугала страшная мысль явиться къ своимъ родителямъ безъ диплома. Потомъ у меня мелькнула дикая мысль пойти на Волгу, взять лодку и уплыть куда глаза глядятъ. Или отправиться на Рыбій островъ и тамъ повѣситься... Или вмѣстѣ съ Женей поступить въ добровольцы, уйти въ Сербію и тамъ умереть отъ турецкой пули... Но въ концѣ концовъ мнѣ захотѣлось просто спать, и я преспокойно отправился домой. Христина Павловна ждала меня чуть не на порогѣ и, увидѣвъ мое убитое лицо, ахнула и всплеснула руками.

— Провалился?

Я сдѣлалъ какой-то неопредѣленный жестъ, прослѣдовалъ въ свою комнату, легъ и заснулъ какъ убитый. Но, проснувшись и вспомнивъ о своемъ несчастіи, я предался самому необузданному отчаянію. Перспектива сидѣть опять въ канцеляріи земской управы, переписывать бумаги, чинить перья — показалась мнѣ просто отвратительной. А что̀ скажетъ отецъ? А мать? А всѣ знакомые?

И я въ неистовствѣ бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, ругая себя и до боли ероша волосы. Мнѣ даже комната эта опротивѣла и совсѣмъ не тянуло взглянуть на Волгу.

Христина Павловна, услышавъ мою бѣготню, вошла въ комнату.

— Пойдемъ чайку попьемъ,—ласково сказала она.—Нечего убиваться-то. Посовѣтуемся!

Участіе доброй старушки тронуло меня до глубины души, и хотя мнѣ совсѣмъ не хотѣлось чаю, но я покорно послѣдовалъ за нею.

— Ну, садись, садись, разсказывай, давича и не успѣлъ, какъ угорѣлый прибѣжалъ! Кто тебя подкузьмилъ-то? Рыжовъ? Знаю, знаю... песъ этакій! Ужъ нельзя было ему, злодѣю, какъ-нибудь тамъ хоть троечку поставить. Парень пріѣхалъ бо-знать откуда, и надо же такому грѣху случиться. Да и ты, батюшка, хорошъ!—принялась она за меня.—Вѣдь говорила тебѣ: учись, учись! Нѣтъ! Все Липки да Липки! вотъ тебѣ и Липки! Проморгалъ экзаменъ-то!

Мнѣ вдругъ вспомнилась фраза Лимонадова: „вы только другъ другу дѣломъ заниматься мѣшаете!“ и я покраснѣлъ отъ досады. „А вѣдь правъ оказался, лысый чортъ!“ подумалъ я. Старушка замѣтила непріятное впечатлѣніе, произведенное на меня ея словами, и поспѣшила меня утѣшить.

— Ну, да ничего! Осенью пріѣдешь. Что же, отецъ съ матерью-то злодѣи что-ль какіе своему дитю? А ежели денегъ не дадутъ, ну, напиши. Леня пришлетъ. Да подъучись хорошенько, не лоботрясничай. Вотъ сдашь экзаменъ, тогда хоть на стѣну лѣзь, а пока-что потерпи, пѣсни-то свои бурлацкія оставь...

Долго ворчала старушка, но на этотъ разъ воркотня ея нисколько не раздражала меня, а, напротивъ, забавляла и успокоивала. Въ ней слышалось столько сердечной доброты, столько искренняго сочувствія, что на душѣ становилось какъ-то тепло и спокойно.

Пришелъ Леонидъ, посмѣялся надъ моей неудачей, и я, совершенно успокоенный, отправился укладываться. Я рѣшилъ ѣхать завтра съ двухъ-часовымъ поѣздомъ, ни съ кѣмъ не прощаясь, отчасти потому, чтобы не терять времени, а главное потому, что было совѣстно показываться на глаза своимъ знакомымъ послѣ постыднаго провала на экзаменѣ.

Одинъ Женя, узнавъ о моемъ отъѣздѣ, пришелъ меня провожать на вокзалъ. Во все время экзаменовъ я рѣдко видѣлся съ нимъ, и теперь меня очень поразила перемѣна, происшедшая въ немъ. Онъ сильно похудѣлъ и осунулся; его личико вытянулось, глаза впали, губы были крѣпко сжаты. Теперь онъ былъ поразительно похожъ на свою сестру, Эмми. По свойственной ему деликатности, онъ въ разговорѣ ни разу не упомянулъ о претер-

пѣнной мной неудачѣ; я, въ свою очередь, избѣгалъ говорить о его намѣреніи поступить въ волонтеры. Такимъ образомъ, разговоръ нашъ преимущественно вертѣлся около разныхъ мелочей и воспоминаній о прошломъ.

— Жаль, что вы не пришли къ намъ проститься. Отецъ будетъ жалѣть и сестры тоже,—сказалъ онъ, когда мы въ ожиданіи третьяго звонка прохаживались по платформѣ.

— Что же дѣлать! Некогда. Кланяйтесь имъ отъ меня. Скажите, что еслибы даже я никогда сюда не вернулся, я все-таки ихъ не забуду...

Женя крѣпко пожалъ мнѣ руку, на глазахъ его блеснули слезы. Раздался третій звонокъ.

— Въ вагоны, господа, въ вагоны!—крикнулъ кондукторъ, торопливо проходя по платформѣ.

Мы обнялись. Женя долго не выпускалъ моей руки изъ своей.

— Можетъ, никогда больше не увидимся,—прошепталъ онъ.

Послышался свистокъ, поѣздъ медленно тронулся. Женя торопливо пошелъ рядомъ съ нимъ, улыбаясь мнѣ сквозь слезы и махая своей шляпой. Но вотъ, платформа уплыла, поѣздъ помчался шибче, а я долго стоялъ на площадкѣ, глядя въ ту сторону, гдѣ осталась тоненькая фигурка мальчика въ синей матроскѣ. Онъ все еще стоялъ на платформѣ и махалъ мнѣ шляпой. Наконецъ, и его не стало видно; огромный клубъ бѣлаго пара съ шипѣньемъ вырвался изъ паровоза и все закрылъ предо мною. Сердце мое вдругъ мучительно сжалось и заныло...

Былъ сентябрь, когда я снова въѣзжалъ въ Приволжскъ. Погода стояла пасмурная; небо хмурилось; изрѣдка начиналъ моросить дождь; городъ встрѣчалъ меня непривѣтливо. По мокрымъ отъ дождя тротуарамъ, подъ огромными дождевыми зонтами, блуждали сумрачныя фигуры пѣшеходовъ. Деревья стояли полуобнаженныя, жалобно шурша поблекшими листьями. Однако, несмотря на это, я чувствовалъ себя прекрасно и, нанявъ извозчика, немедленно помчался на Грузинскую улицу. Мнѣ страстно хотѣлось узнать обо всѣхъ, повидаться съ знакомыми, и я, горя нетерпѣніемъ, торопилъ своего извозчика. Какъ-то поживаетъ Леонидъ? Что подѣлываетъ Христина Павловна? Вѣдь четыре мѣсяца почти я ихъ не видалъ и ничего не слышалъ о нихъ... И я мысленно опережалъ извозчичью клячу, не спѣша подпрыгивавшую по мокрой мостовой.

— Поторапливай, поторапливай, любезный! — внушительно покрикивалъ я на извозчика.

Наконецъ, вотъ и Грузинская улица. Я поспѣшно расплатился съ извозчикомъ, схватилъ свой чемоданчикъ и бѣгомъ помчался въ домъ. Въ комнатахъ было пусто; отъ печекъ вѣяло тепломъ; окна были уже вставлены и слезились. Христина Павловна возилась въ кухнѣ, но, услышавъ шаги, выглянула и ахнула.

— Это ты, батюшка? ишь ты, какъ незамѣтно подкрался!.. Ну, здравствуй, здравствуй...

Мы расцѣловались. Старушка прослезилась отъ радости.

— Ну, слава Богу, что пріѣхалъ! А мы уже тебя ждали-ждали; думали, что и не пріѣдешь! Ну, садись, садись, сейчасъ чайку.

— А Леонидъ гдѣ же?

— Должно быть, у Коховъ. Теперь тамъ и днюетъ, и ночуетъ; нѣмецкимъ языкомъ вздумалъ заниматься.

— Ну, а Кохи какъ?

— Подожди, подожди! Вотъ сейчасъ велю самоварчикъ наставить, а потомъ и начну разсказывать.

Старушка принялась суетиться, а я въ промежуткѣ между ея путешествіями изъ кухни къ шкафу и отъ шкафа къ столу, не переставая, осаждалъ ее вопросами.

— Да подожди ты, торопыга!—прикрикивала она на меня.— Дай срокъ, все узнаешь! Все разскажу. Ты вотъ лучше скажи, приготовился ли къ экзамену-то?

— Еще бы!—весело отвѣчалъ я.—Теперь ужъ не провалюсь, все знаю.

— Охъ, знаешь ли? Весной тоже говорилъ—„все знаю"! Молитву-то выучилъ ли?

— Выучилъ, Христина Павловна!

— Ну, то-то, смотри!

Наконецъ, самоваръ былъ готовъ, и мы усѣлись за столъ.

— А у насъ тутъ дѣла,—начала старуха вполголоса и оглядываясь по сторонамъ.—Такой разгромъ былъ—бѣда! Чисто Мамаево побоище! Помнишь, къ Ленѣ черненькій-то ходилъ, высокій, вы еще его никакъ Рауль Риго называли? Да какъ, чай, не помнить! Ну, такъ вотъ... Какъ ты уѣхалъ, пошли у нихъ съ Ленькой шушуканья да секреты. Какъ, бывало, смеркнется, такъ онъ шасть къ Ленькѣ—и на ключъ. Занавѣски спустятъ, табачищемъ надымятъ, шепчутся, и цѣлую ночь этакъ! Ну, я ужъ вижу—что̀-то затѣваютъ; стала примѣчать. Болитъ у меня сердце; думаю: быть бѣдѣ! Ленька тоже пасмурный ходитъ. Стала-было я ему говорить,—какое! Фыркнулъ на меня и ушелъ. А тутъ и черненькій-то этотъ пересталъ ходить. Только разъ подъ вечеръ,

сижу я у окна, вдругъ вижу, Ленька бѣжитъ и лица на немъ нѣтъ. Прибѣжалъ прямо къ себѣ въ комнату, дверь на ключъ и ну бумагами шуршать. Я къ щелкѣ. Смотрю, цѣлую кучу бумагъ какихъ-то собралъ, да въ печку, и ну палить. Я промолчала, а душа все-таки болитъ, такъ и разрывается. Чтὸ я тутъ пережила—страсть Господня! И не перескажешь. А тутъ слышу-послышу, вашего Риго-то гдѣ-то за Волгой сцапали, съ книжонками!.. Такъ я и взвыла! Ну, думаю, пропащее дѣло, непремѣнно и Ленькѣ достанется. Вмѣстѣ вѣдь они эти дѣла-то обдѣлывали. И стала я, батюшка мой, потихоньку отъ него въ путь готовиться. Чтὸ же, думаю, ужъ ежели его куда ушлютъ, вѣдь и я съ нимъ...

Старушка въ волненіи перевела духъ и продолжала.

— Только черезъ недѣльку этакъ, глядь, и къ намъ гости припожаловали. Все перерыли, пересмотрѣли—ничего нѣтъ. Потомъ прокуроръ, славный этакій, вѣжливый, спрашивать началъ. Кто бывалъ? Чтὸ говорили? Чтὸ дѣлали?—Батюшка,—говорю, а сама зубъ на зубъ не попаду, еле жива отъ страха,—знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю; развѣ они съ нами, старухами, разговариваютъ? Ну, онъ ничего, воды мнѣ предлагаетъ, успокоиваетъ. Написали бумагу какую-то, подписку взяли съ Лени никуда не уѣзжать и ушли. Господи, сколько я страху натерпѣлась! Никогда вѣдь съ полиціей дѣловъ не приходилось имѣть, а тутъ Богъ привелъ за наказаніе. Мы, бывало, съ попомъ, покойникомъ, будочника издали увидимъ, тàкъ и обомремъ—не къ намъ ли? А ужъ судейскихъ и вовсе какъ огня боялись.

— Ну, а что же Рауль Риго?

— Сослали, только куда, ужъ я тебѣ не могу сказать. Леню спроси. Зла я тутъ на него была до страсти, ну, а какъ узнала, что ссылаютъ, жалко стало. Бѣльишка ему собрала, послала, деньжонокъ! А ужъ Леньку своего грызла-грызла... Не смутьянь... Неужто начальство-то меньше васъ, молокососовъ, понимаетъ? Вѣдь ишь ты чтὸ выдумали—народъ бунтовать!.. А?

Видя, что старушка начинаетъ опять волноваться, я поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Ну, а разскажите, Христина Павловна, про Женю. Что онъ?

— Вѣдь въ Сербію уѣхалъ!—воскликнула старушка, оживляясь.—Часто онъ тутъ ко мнѣ бѣгалъ. Прибѣжитъ и начнетъ про турецкія звѣрства разсказывать, а самъ весь дрожитъ, плачетъ, въ грудь себя кулакомъ бьетъ. „Христина Павловна!—говоритъ,—послушайте, чтὸ тамъ дѣлается! Можно ли равнодушнымъ оставаться! Никакъ нельзя... Я не могу! Уйду“... Ну, я поворчу-

поворчу на него, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ и сама заплачу. Жалко мнѣ его было, извелся весь, лицо точно восковое... Потомъ, слышу, въ церкви про сербовъ читаютъ... Деньги стали собирать, одежу, корпію. Тутъ ужъ и я задумалась. Что-жъ, думаю, знать и вправду дѣло нешуточное. Сама засѣла корпію дергать. Ленька смѣется. „Чтò, говоритъ, мамаша, и вы въ Сербію собираетесь?" Что же, говорю, это лучше, чѣмъ народъ бунтовать.

— А давно Женя-то уѣхалъ?

— Давно! Еще до Ильина дня. Тутъ ихъ много собралось, человѣкъ пятнадцать. Денегъ имъ собрали, обѣдомъ угощали и на вокзалъ съ музыкой провожали. Лимонадовъ, говорятъ, рѣчь говорилъ имъ: дескать, такъ и такъ, надо потрудиться за братьевъ, которые проливаютъ кровь на Дунаѣ. Много чтò-то говорилъ, да я забыла. Вотъ Ленька придетъ, разскажетъ. Да вонъ онъ никакъ и лѣзетъ!

Дѣйствительно, въ прихожей послышался стукъ снимаемыхъ калошъ и вслѣдъ за тѣмъ въ комнату вошелъ Леонидъ. Мы съ нимъ расцѣловались и оглядѣли другъ друга.

— Ну, братъ, ты-таки растолстѣлъ!—воскликнулъ Леонидъ.

— А ты похорошѣлъ!—отвѣчалъ я.

Въ самомъ дѣлѣ въ Леонидѣ произошла большая перемѣна. Во-первыхъ, онъ подстригся и отпустилъ бородку, которая къ нему очень шла. Во-вторыхъ, онъ, очевидно, сталъ заниматься своимъ костюмомъ. Вмѣсто обычной ситцевой косоворотки на немъ была бѣлоснѣжная крахмальная сорочка, а засаленный пиджакъ смѣнился чернымъ сюртукомъ. Въ выраженіи лица тоже явилось что-то новое. „Э, голубчикъ, да ты не влюбленъ ли!" подумалъ я, всматриваясь въ Леонида.

— Ну, что, мамаша небось все тебѣ разсказала?—спросилъ Леонидъ, когда Христина Павловна ушла въ кухню хлопотать по хозяйству.

— Да, почти. Гдѣ же теперь Риго?

Лицо Леонида потемнѣло.

— Въ Архангельской... на два года,—отвѣчалъ онъ.

— Какъ же это все вышло?

— Долго разсказывать, да и вспоминать тяжело. Помнишь, тогда на Волгѣ я сказалъ тебѣ про сонное царство? Пошелъ Риго будить спящую царевну, только ничего изъ этого не вышло. Крѣпко спитъ она за дубовой дверью съ семью печатями и стерегутъ ее стоглавые драконы. Ну, и попался нашъ рыцарь.

Леонидъ всталъ и въ волненіи зашагалъ по комнатѣ. Потомъ

остановился у окна и, нервно барабаня пальцами по стеклу, продолжалъ:

— Впрочемъ, не онъ одинъ. Идутъ по этой дорожкѣ многіе, лѣзутъ на проломъ съ завязанными глазами и, конечно, расшибаютъ лбы. Хуже всего то, что во всей этой исторіи виноватымъ окажется опять-таки нашъ народъ. Сегодня наши Донъ-Кихоты копья за него ломаютъ, а потомъ на манеръ Лимонадова начнутъ выкрикивать, что народъ глупъ, тупъ, дикъ и т. д. Вотъ что̀ скверно!

— Такъ, значитъ, ты не вѣришь въ успѣхъ этого движенія?

— Не вѣрю! — жестко отвѣчалъ Леонидъ.

— Почему же?

— А потому-съ, что мы совсѣмъ не знаемъ и не понимаемъ народа, и народъ насъ тоже не понимаетъ...

— Во что̀ же ты вѣришь?

— Въ науку!—И Леонидъ снова забарабанилъ пальцами по стеклу.

Мы долго молчали. Самоваръ тихо шипѣлъ на столѣ; часы однообразно постукивали; архіереи пасмурно смотрѣли со стѣнъ.

— Ну, а что Володя?—спросилъ я.

— А? — отозвался Леонидъ, пробуждаясь отъ своей задумчивости и подходя къ столу.—Съ Володей, братъ, тоже тутъ исторія, только въ другомъ родѣ. Тоже донкихотствуетъ на свой ладъ. Послѣ похоронъ Натальицы онъ запилъ и здо̀рово запилъ. День и ночь въ Теремкѣ просиживалъ,—знаешь, кабачокъ на пѣшемъ базарѣ? Ну, и встрѣтилъ онъ тамъ арфистку какую-то, Груню или Дуню, чортъ ее знаетъ, красоты, говорятъ, неописанной. Ну, разумѣется, немедленно влюбился: „надо, говоритъ, ее спасти, вытащить изъ грязи, поднять до себя"... Деньги собиралъ въ ея пользу; теперь, говорятъ, женился на ней. Что̀ изъ этого выйдетъ, не знаю; думаю, что ничего! Оберетъ она его и броситъ, а онъ сопьется, вотъ и все!

— Ну, однако, ты ужъ через-чуръ мрачно смотришь на вещи. А можетъ быть они будутъ счастливы!

— Ну, и дай Богъ! — съ усмѣшкой сказалъ Леонидъ.—Я ничего противъ этого не имѣю!

— Ну, а Кохи?

Легкая краска вспыхнула на щекахъ Леонида и сейчасъ же погасла.

— Кохи? Что же... живутъ по прежнему. Про Женю ты слышалъ?..

— Да, Христина Павловна говорила. Ну, что̀ онъ? Пишетъ?

— Прежде довольно часто писалъ, но вотъ теперь что-то замолкъ. Все жаловался, что дѣла нѣтъ, по цѣлымъ недѣлямъ приходилось сидѣть гдѣ-то въ траншеяхъ; стрѣлять, говоритъ, не велятъ, патроновъ мало; грязь, дожди, скука... Наконецъ, удалось ему повидаться съ Черняевымъ,—въ восторгѣ отъ него,—попросилъ, чтобы его въ дѣло пустили. Командировали его вылазку какую-то сдѣлать, или рекогносцировку, чортъ ее знаетъ! ну, и тутъ его ранили въ ногу. Опять недоволенъ: двѣ недѣли пришлось въ госпиталѣ лежать. Здѣсь, между прочимъ, съ нимъ курьезъ вышелъ: вообрази, его за дѣвушку считали! Онъ и прежде писалъ, что товарищи черезъ-чуръ деликатно съ нимъ обходятся, ухаживаютъ, уступаютъ лучшую постель, отдаютъ лучшій кусокъ. Это, конечно, ему не нравилось, ужасно возмущался! И вотъ, наконецъ, все обнаруживается! Принесли его на перевязочный пунктъ, докторъ подходитъ съ извиненіями. „Позвольте васъ осмотрѣть“. — „Извольте“.— „Но, можетъ быть, это васъ стѣсняетъ... тогда я позову сестру милосердія“... — „Зачѣмъ?“— „Помилуйте, все-таки женщина... гораздо удобнѣе“... Нашъ герой, наконецъ, понялъ въ чемъ дѣло, вспылилъ, навѣрное расплакался отъ обиды, ну, и разъяснилось дѣло. Много смѣху, говоритъ, было потомъ среди товарищей.

— Ну, а теперь выздоровѣлъ онъ?

— Да, въ послѣднемъ письмѣ сообщалъ, что выписался, хотя навѣрное не совсѣмъ здоровый. Пишетъ: „слышу грохотъ пальбы,— наши сражаются за Алексинацъ, а я лежу, прикованный къ постели, въ бинтахъ и компрессахъ, и всей душой рвусь въ бой“... Это онъ писалъ въ половинѣ августа, когда шла битва подъ Алексинцемъ; послѣ того онъ писалъ еще разъ, изъ Дьюниша, и съ тѣхъ поръ ни строчки.

— А старикъ Кохъ?

— Хандритъ! Вотъ еще старый романтикъ! Ни чорта онъ въ дѣйствительной жизни не смыслитъ! Живетъ какими-то иллюзіями, платонически мечтаетъ о „зарѣ будущаго“, вѣритъ въ сліяніе народовъ, а чуть дѣйствительность противъ шерстки погладитъ—сейчасъ въ уныніе ударяется. Впрочемъ славный онъ все-таки, я его очень люблю. Идеализмъ его заѣлъ, а натура богатая, чистая...

— А Лимонадовъ-то, слышалъ?—продолжалъ Леонидъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Совсѣмъ „славянистомъ“ сдѣлался. Какую онъ тутъ рѣчь добровольцамъ говорилъ—бѣда! „Онъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ“. И чего-чего только не насказалъ! И „всеславянская идея“, и „историческая миссія Россіи“, и „исконное

стремленіе къ братскому сліянію", и „кровавое знамя протеста", и „гордый вызовъ вѣковому деспотизму гнилого Запада". Просто, я тебѣ скажу, осатанѣлъ совсѣмъ. Такія кровожадныя статьи въ „Ежедневкѣ" печатаетъ—морозъ по кожѣ подираетъ. Европѣ достается на орѣхи, а Биконсфильда просто въ пухъ и прахъ разнесъ. Былъ я у него на дняхъ по дѣлу, такъ просто ошеломилъ онъ меня. „Чтò, говоритъ, вы съ своими утопіями! Вотъ наша исконная задача,—всеславянское государство... Вотъ она, великая славянская революція! Берите въ руки стяги и оружіе и идите на Балканы!" И вѣдь какъ говоритъ! „Глаза въ крови, лицо горитъ"... настоящій древній бардъ. По всѣмъ угламъ у него навалены горы трапья,—носки какіе-то, чулки, рубахи,—это все для „балканскихъ братьевъ". Въ двери безпрестанно стучатъ: „можно войти?" Какія то барыни, барышни, съ пакетами, съ узлами, глаза заплаканы, вздыхаютъ, пожимаютъ другъ другу руки. А вотъ посмотри, чтò этотъ же самый Лимонадовъ черезъ годикъ-другой станетъ говорить. Навѣрное сербы будутъ и дураки, и подлецы, и трусы, и неблагодарныя свиньи.

— Ну, Леонидъ,—перебилъ я.—Ей Богу, ты возмутителенъ. Твой скептицизмъ доходитъ до Геркулесовыхъ столбовъ.

— А вотъ увидишь! Ужъ и теперь сербы что-то на насъ коситься начинаютъ. Опасаются наплыва русской молодежи. Это ужъ теперь, когда еще мы имъ нужны, а чтò будетъ потомъ? Когда придетъ время подводить итоги... Непремѣнно наступитъ разочарованіе, и вчерашніе друзья сдѣлаются врагами. Тоже самое выйдетъ, чтò и съ народничествомъ. Сегодня жизнь свою готовъ отдать, а завтра: „пошелъ вонъ, свинья!" Чортъ ее знаетъ, чтò это такое! А все оттого, что мы привыкли смотрѣть на все сквозь какую-то призму. Эхъ ты, Русь, Русь матушка! Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и безсильная,—а все-таки люблю я тебя, право!

Въ эту минуту въ комнату вошла Христина Павловна.

— Ну, чтò? Наговорились?—сказала она, принимаясь убирать посуду.—Опять небось про эти идеи свои толковали? А потомъ за Волгу, съ книжечками...

— А вы сами-то?—возразилъ Леонидъ, улыбаясь.—Вы тоже, мамаша, помалкивайте, а то я ему все разскажу. Это вотъ чтò?

И Леонидъ взялъ со стола цѣлую гору шерстяныхъ чулокъ и показалъ мнѣ. Старушка покраснѣла и вырвала ихъ у него изъ рукъ.

— Ну, такъ чтò-жъ изъ этого?—съ досадой сказала она.

— А то! Вы тоже бунтовщица! Какъ же! Сербы тамъ рево-

люцію устроили, а вы имъ чулочки вяжете да посылаете. Это по вашему хорошо?

— Нашелъ, съ чѣмъ сравнивать! Это дѣло Божье. Про это въ церкви читано, самъ отецъ Анѳимъ читалъ.

— Ну, что же, и отецъ Анѳимъ вашъ тоже бунтовщикъ.

— Отстань ты отъ меня, грѣховодникъ! Бо-знать что̀ говоритъ... Спасибо, прокуроръ-то хорошій человѣкъ попался, а то бы тоже теперь въ острогѣ сидѣлъ не хуже Рауля Риго. Эхъ вы, дурья порода!

Водворившись по прежнему въ комнатѣ Леонида, я засѣлъ за занятія, твердо рѣшивъ не отвлекаться на этотъ разъ посторонними дѣлами и не ходить къ знакомымъ до тѣхъ поръ, пока не кончатся экзамены. Впрочемъ и ходить было теперь некуда. Липки пожелтѣли и опустѣли, нашъ „парламентъ будущаго" распался, учителя и учительницы были заняты, всѣ разбрелись и пристроились, кто куда могъ. Володя съ Благочинной улицы переѣхалъ куда-то на берегъ Собачьяго оврага и жилъ тамъ съ своей арфисткой; Рауля Риго не было; даже безпріютный Гусь нашелъ себѣ мѣсто на желѣзной дорогѣ и теперь, говорятъ, щеголялъ въ перчаткахъ и съ тросточкой. У Леонида, по случаю его „поднадзорнаго" положенія, почти никто не бывалъ, да и самъ онъ никогда не сидѣлъ дома. Съ ранняго утра онъ уходилъ въ библіотеку и просиживалъ тамъ до обѣда, а послѣ обѣда отправлялся къ Кохамъ и пропадалъ у нихъ до поздней ночи. Такимъ образомъ, мнѣ рѣшительно никто не мѣшалъ и я свободно могъ предаваться своему зубренью. Къ тому же и погода стояла все время ненастная, перепадали дожди, на улицахъ слякоть, небо мутное и отъ Волги вѣяло холодомъ. Что касается Христины Павловны, то она слѣдила за мной какъ аргусъ, и стоило мнѣ только высунуть носъ изъ своей комнаты, она разражалась воркотней и гнала меня вонъ.

— Учись, учись, батюшка, нечего лодырничать-то! Иди, учись!

Наконецъ, наступили и экзамены. На этотъ разъ дѣла мои пошли удачнѣе. Батюшка спросилъ у меня молитву передъ причащеніемъ и похвалилъ за усердіе, когда я безъ запинки ее отвѣтилъ; по всѣмъ остальнымъ предметамъ я получилъ пятерки, и даже „злодѣй" Рыжовъ, отдавая мнѣ сочиненіе, благосклонно замѣтилъ: „недурно-съ! недурно-съ, молодой человѣкъ!" Все шло какъ по маслу, и черезъ двѣ недѣли я не безъ трепета свертывалъ въ трубочку желтый пергаментъ, дававшій мнѣ права на званіе уѣзднаго учителя. Прощай, земская управа и продавлен-

ный стулъ у канцелярскаго стола, заваленнаго входящими и исходящими!..

Христина Павловна ликовала и на радостяхъ устроила цѣлое пиршество. Испекла огромный пирогъ съ вязигой, наварила ухи изъ стерлядей и выставила даже завѣтную бутылочку наливки, хранившуюся гдѣ-то въ таинственныхъ нѣдрахъ кладовой.

— Ну, учитель, ѣшь! — потчивала она меня. — Молодецъ, —дошелъ до дѣла. Хвалю! Не то, что ты, лоботрясъ!—обращалась она къ Леониду.

Отпраздновавъ этотъ торжественный день, я рѣшилъ нанести визиты знакомымъ. Прежде всего я отправился къ Володѣ. Не безъ труда переправившись черезъ Собачій оврагъ, на днѣ котораго гнили дохлыя кошки и бродили какія-то подозрительныя личности, я добрался, наконецъ, до маленькаго двухъ-этажнаго домика, одиноко торчавшаго на обрывѣ. Мрачный субъектъ, съ трубкою въ зубахъ стоявшій у воротъ, на мой вопросъ, гдѣ здѣсь живетъ Аносовъ, молча ткнулъ пальцемъ наверхъ. Въ эту минуту одно изъ оконъ верхняго этажа отворилось, и изъ окна высунулась растрепанная женская голова.

— Савельичъ, кого это спрашиваютъ?

— А вотъ...—Савельичъ вынулъ трубку изо рта и сплюнулъ — Вашего...

— На что вамъ его? - спросила меня довольно сурово женщина.

— Повидаться. Я его знакомый.

— Дома его нѣтъ! — крикнула женщина и захлопнула-было окно. Но сейчасъ же снова открыла и прибавила: — впрочемъ подождите, пожалуй; онъ должно быть скоро...

Я взобрался по лѣстницѣ и вошелъ въ небольшую комнатку съ перегородкой. Въ комнаткѣ никого не было, но за перегородкой слышалось шуршанье юбокъ.

— Подождите... я сейчасъ!—послышалось оттуда при моемъ входѣ.

Я сѣлъ и оглядѣлся. Обстановка этой комнаты совсѣмъ не напоминала прежняго жилища Володи. Все здѣсь выглядѣло помѣщански и чуялось присутствіе женщины. На окнахъ висѣли дрянныя кисейныя занавѣски и стояли засохшіе цвѣты; у стѣны стоялъ диванъ съ круглымъ столомъ, накрытымъ вязаной салфеткой. На одной изъ стѣнъ висѣло зеркало; около него рядомъ красовались вышитыя подушечки для булавокъ, картонные башмачки для часовъ, бумажные цвѣты... На другой стѣнѣ портретъ сильно декольтированной женщины съ цвѣткомъ въ шиньонѣ.

Изъ-за перегородки виднѣлся край двухспальной кровати, накрытой пестрымъ ситцевымъ одѣяломъ. Володины книги валялись въ углу, покрытыя пылью... Я вспомнилъ прежнюю комнатку Володи съ вязомъ подъ окномъ и вздохнулъ.

— Здрассте!..—послышалось около меня.

Я всталъ и раскланялся. Предо мною стояла дѣвушка лѣтъ 18 — 20, сильная брюнетка съ большими черными глазами на выкатѣ и крупными чувственными губами. Низкій лобъ былъ совершенно закрытъ густыми черными кудряшками, завитыми по послѣдней модѣ. На полныхъ крупныхъ щекахъ явственно были замѣтны слѣды пудры. Она была, пожалуй, хороша, но отъ всего ея лица и стройной фигуры, затянутой въ лиловое платье „съ отдѣлками", вѣяло невыносимой пошлостью и вызывающей дерзостью, свойственной женщинамъ, привыкшимъ къ трактирной жизни и всякаго рода приключеніямъ.

Мы сѣли. Я вообще стѣснялся женщинъ, а къ этой ужъ и совсѣмъ не зналъ какъ приступить. Разговоръ не клеился. Она то взглядывала на меня своими смѣлыми, огненными глазами, то принималась глядѣть въ окно.

— Вы давно знакомы съ Володей?—спросилъ я, чтобы завязать разговоръ.

— Второй мѣсяцъ.

— Вы прежде гдѣ жили? — продолжалъ я и покраснѣлъ, чувствуя, что задаю не совсѣмъ ловкій вопросъ.

Но она нисколько не сконфузилась и словоохотливо отвѣчала:

— Я прежде въ арфисткахъ состояла... въ трактирѣ „Крымъ".

— Хорошее жалованье получали?

— 15 рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. Окромѣ того, иные богатые господа „на ноты" по четвертной и больше клали. Намъ житье было хорошее...

Тутъ глаза ея засверкали, щеки заалѣлись, и она оживленно, съ наивной откровенностью, принялась разсказывать о своей прошлой жизни. Разсказала, что она изъ „торговаго сословія", что „тятенька" торговалъ на пристани калачами, а онѣ съ маменькой занимались шитьемъ. Потомъ „тятенька" утонулъ пьяный на Волгѣ; маменька съ горя тоже скоро „рѣшилась", а ее сманилъ богатый купчикъ изъ посада Дубовки и бросилъ. Побывала она въ Нижнемъ, въ Саратовѣ, въ Казани, а теперь вотъ „пѣла" въ Приволжскѣ, пока не познакомилась съ Володей.

Разсказывала она очень бойко; видно было, что ей приходится повторять это уже не разъ. Дойдя до знакомства съ Володей, она вдругъ нахмурилась и вздохнула.

— Что же, вы довольны своей теперешней жизнью?—спросилъ я.

— Какое ужъ довольна!—раздраженно воскликнула она.— Развѣ съ прежнимъ сравнять? Сижу словно въ монастырѣ; подружки не ходятъ, смѣются. „Ты, говорятъ, теперь дворянка, за барина замужъ выходишь! Мы тебѣ не пара!“ А на кой чортъ мнѣ это дворянство? Что за честь, коли нечего ѣсть! Володька зря болтается, хоть бы мѣста какого искалъ, а то такъ себѣ, съ босыми якшается. Такъ себѣ живемъ, съ хлѣба на квасъ перебиваемся: А вѣдь сулилъ бо-знать что! „Что, говоритъ, тебѣ тутъ въ трактирѣ сидѣть да пьяныхъ ублажать? Пойдемъ со мной жить, я изъ тебя человѣка сдѣлаю!“ Оно, правда, тяжело было подчасъ, ну, да и теперь-то не легче. Прежде по крайности весело было...

— Но вѣдь вы все-таки его любите?

— Кабы не любила, не пошла бы жить съ нимъ,—съ сердцемъ отвѣчала дѣвушка и разразилась жалобами на свою глупость, на свое житье, на Володю. Мнѣ было страшно неловко и непріятно.

— Это вашъ портретъ? — спросилъ я, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Да, это я въ Нижнемъ снималась, — отвѣчала она и опять оживилась. — Я тогда хорошенькая была, не то что теперь. Эхъ, хорошее было времячко!

Въ это время на улицѣ послышался шумъ. Дѣвушка отворила окно и выглянула.

— Опять нажрался?—закричала она.

— Д-дуня! М-молчи, гол-лубчикъ! — отозвался съ улицы пьяный голосъ.

— Чего мнѣ молчать-то? Пьяница! Иди что-ль,—чего ты на улицѣ-то срамишься...

— Сейчасъ... сейчасъ ид-ду...

И вслѣдъ затѣмъ тотъ же голосъ дико запѣлъ:

Allons, enfants de la patrie!..

Дуня бросилась отворять дверь.

— Вотъ и я!—провозгласилъ Володя, появляясь на порогѣ и сильно пошатываясь. — Д-дуня!.. голубушка моя... прости... Б-боже мой!—воскликнулъ онъ, замѣтивъ меня.—Кого я вижу? Откуда ты?..—и онъ бросился меня обнимать.—Д-давно, давно мы съ тобой не видались... съ тѣхъ поръ, какъ Натальица умерла .. Помнишь Натальицу?

— Скидай пальто-то!—грубо крикнула Дуня, перебивая его безсвязную рѣчь.

— Ты... не женщина, а чортъ!—произнесъ Володя, покорно снимая пальто.

Дуня сейчасъ же выхватила его у него изъ рукъ и проворно принялась шарить по карманамъ.

— Гдѣ же деньги-то? — обратилась она къ Володѣ, вывернувъ и вытряся всѣ карманы.

— Какія деньги?—пролепеталъ Володя.

— Какія деньги? Чтò ты дурака-то изъ себя строишь! Извѣстно какія, которыя на почту ходилъ получать! Либо пропилъ?

Володя безсмысленно смотрѣлъ на нее и молчалъ. Глаза Дуни засверкали.

— Ну, такъ и есть, пропилъ опять! — закричала она, бросая пальто на полъ.—Чтò же мы жрать-то будемъ, безмозглая твоя голова? Не понесу же я послѣднее платьишко закладывать! И такъ все продала да заложила, чортъ, дьяволъ ты этакой...

— Дуня, Дуня, Дуня!..—лепеталъ Володя, все болѣе и болѣе слабѣя.

— У... сволочь! — отвѣчала она и толкнула его въ грудь. Володя пошатнулся, зацѣпилъ за столъ и упалъ на диванъ. Черезъ минуту оттуда послышалось мирное храпѣніе. Дуня сидѣла у окна и плакала. Мнѣ стало невыносимо тяжело, и я тихонько вышелъ изъ комнаты.

На другой день утромъ я отправился къ Кохамъ. Палисадничекъ ихъ опустѣлъ, дикій виноградъ пожелтѣлъ и завялъ, на клумбахъ печально доцвѣтали астры и георгины, но въ комнатахъ по прежнему было тепло и уютно. Всѣ были въ сборѣ, исключая Жени да Александрины, который былъ на службѣ. Меня они встрѣтили такъ же радушно и привѣтливо, но я сразу замѣтилъ перемѣну. Сестры были грустны; старикъ Кохъ задумчивъ и угрюмъ. Онъ сильно постарѣлъ и осунулся за это время.

Первый мой вопросъ былъ о Женѣ. Едва я произнесъ его имя, сестры быстро переглянулись, а Антонъ Юльевичъ ожесточенно запыхтѣлъ своей трубочкой.

— Давно уже не пишетъ!—отвѣчала, наконецъ, Розалія и вздохнула.

Помолчали; потомъ старикъ какъ-то особенно энергично выбилъ свою трубочку и съ явнымъ раздраженіемъ произнесъ, обращаясь къ дочери:

— Ну, не пишетъ, ну, чтò же изъ этого? Чего же вздыхать?

Понятно, человѣкъ занятъ, въ дѣлѣ, ему некогда разныя бабьи эпистолы сочинять. Эхъ!—воскликнулъ онъ, махнувъ рукой.—Кабы не старость да не одышка эта проклятая, ушелъ бы и я туда вмѣстѣ съ Евгеніемъ! Чего здѣсь сидѣть? Слушать бабьи вздохи, да стоны? Удивительно пріятно!

Сестры опять переглянулись. У Розаліи навернулись слезы.

— Папа, не волнуйся, ради Бога!—прошептала она сдавленнымъ голосомъ.—Ты знаешь, тебѣ вредно...

— Вредно, вредно... Нисколько не вредно! А если и вредно, — ну, чтò же изъ этого? И не все ли равно? Вотъ только и слышишь одно и то же,—обратился онъ ко мнѣ.

Я поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Но и тутъ какъ-то все не клеилось. Старикъ безпрестанно раздражался, выходилъ изъ себя, говорилъ всѣмъ непріятности. Зашла рѣчь о литературѣ—онъ обругалъ всѣхъ современныхъ писателей, обозвавъ ихъ сосульками и ходячими мертвецами.

— Чтò это за писатели? Водой пишутъ, а не кровью своего сердца и сокомъ нервовъ! Жару нѣтъ, огня нѣтъ! За сердце совсѣмъ не трогаетъ!

Я заговорилъ объ общественной жизни—тутъ опять тоже.

— Какая у насъ общественная жизнь? Спячка, прозябаніе! Единодушія совсѣмъ нѣтъ! всякій самъ по себѣ! всеобщее равнодушіе! Вездѣ фальшь, ложь!..

— Однако, вотъ славянское движеніе...—началъ я.

— Ну, что-жъ славянское движеніе? Понадобились отрѣзанные носы, отрубленныя головы, распоротые животы, рѣки крови, чтобы мы встрепенулись! Это все временное, напускное, неискреннее! Просто мода, больше ничего. Была мода на кринолины—теперь мода на славянъ.

Я замолчалъ. Очевидно, старика, кромѣ тоски по сынѣ, одолѣвали еще старческіе недуги... Наступило тягостное молчаніе.

Вдругъ въ передней кто-то стукнулъ. Старикъ весь встрепенулся, поблѣднѣлъ и привсталъ на креслѣ.

— Роза... пойди, посмотри, кто это...—произнесъ онъ быстро.

Розалія пошла и черезъ минуту вернулась.

— Это отъ сосѣдей. Газеты принесли,—сказала она, кладя на столъ пачку газетъ.

— А!..—произнесъ Антонъ Юльевичъ упавшимъ голосомъ и снова опустился въ кресло. Потомъ собралъ газеты и съ блѣдной улыбкой обратился ко мнѣ.

— Ну, mein Freund... Вы посидите тутъ съ моими дамами, а я пойду газеты прочту...

Онъ всталъ и разслабленною походкой вышелъ изъ комнаты.

— Каковъ сталъ папа?—произнесла Розалія, обращаясь ко
, и слезы опять затуманили ея печальные глаза.—Вы думаете,
іго? О Женѣ тоскуетъ. Цѣлые дни у окна сидитъ, смотритъ,
очтальона ждетъ. Идетъ почтальонъ—онъ такъ и задрожитъ
... Мимо — поблѣднѣетъ, осунется... Вотъ и сейчасъ — ви-
й? непремѣнно думалъ, что письмо отъ Жени. По ночамъ не
ъ, ходитъ, вздыхаетъ, его письма перечитываетъ,—конечно,
ихоньку отъ насъ. И Боже сохрани ему сказать что-нибудь
Кенѣ! Сейчасъ забранитъ, заворчитъ... Съ Сашей почти и
разговариваетъ никогда; бѣдный Саша просто на глаза ему
ся показываться. Злой сталъ, грубый. „Ты,—говоритъ Сашѣ,
трусъ!" А самъ совершенно забываетъ, что еслибы и Саша
лъ на войну, мы бы съ голоду умерли.

Дѣвушка не могла сдержать слезъ и выбѣжала изъ комнаты.

— Не правда ли, какъ у насъ грустно стало? — сказала
на, вздохнувъ.

— Ужъ надоѣло это! — отозвалась Эмми изъ своего уголка.
олько и знаютъ, что хнычутъ.

Алина кротко посмотрѣла на сестру и ничего не отвѣчала.

— Леонидъ у васъ бываетъ?—спросилъ я, чтобы поддержать
оворъ.

— Да, бываетъ, — отвѣчала Алина и покраснѣла —Мы съ
ь занимаемся; я на домашнюю учительницу хочу экзаменъ
дать.

Разговоръ оборвался. Вошла Розалія съ заплаканными гла-
; вслѣдъ за нею вскорѣ вернулся изъ своей комнаты Антонъ
евичъ и молча бросилъ газеты на столъ.

— Ну, что̀ новаго?—спросилъ я.

— Да ничего,—съ напускнымъ спокойствіемъ сказалъ ста-
.—Перемиріе кончилось, и сербы перешли снова въ наступ-
ь. 14-го сентября былъ бой при Бобовиште. Сербы взорвали
двіе мосты на Моравѣ.. Теперь идетъ сраженіе.

— Опять?—вырвалось у Розаліи.

— Ну, что-жъ „опять"?—жестко сказалъ старикъ. — Раз-
тся, на войнѣ дерутся, а не на прялкѣ прядутъ.

Всѣ замолчали, и у всѣхъ на умѣ, вѣроятно, былъ одинъ
осъ: „гдѣ-то теперь Женя?" Можетъ быть, онъ тоже тамъ,
кипитъ бой... Среди грохота пушекъ, въ пороховомъ дыму,
ікаясь о трупы убитыхъ, сражается за свободу чужого ему
да. Какъ бьется теперь его маленькое благородное сердечко!
й отвагой горятъ его глаза!

А здѣсь, въ его родной семьѣ, такъ тихо и печально. Отецъ сидитъ, задумавшись; сестры молчатъ, уносясь мыслью на далекую невѣдомую Мораву, гдѣ „кипитъ бой". За окномъ глухо шуршатъ оголенныя деревья и бьются вѣтвями въ стекла. Грустно!..

Я, наконецъ, собрался уходить.

— Что же вы такъ рано?—вымолвилъ старикъ.—Скучно съ нами? Правда, правда... Я совсѣмъ что-то расклеился. Старость проклятая... да и погода дѣйствуетъ,—солгалъ онъ. — А вы все-таки заходите, навѣщайте насъ. Не забывайте старика.

Въ послѣднихъ словахъ Антона Юльевича прозвучала такая скорбная нотка, что меня чуть слезы не прошибли.

Было еще рано и на обратномъ пути я зашелъ въ Липки. Деревья глухо шумѣли надъ головой, роняя поблекшіе листья на землю; вся дорожка была усыпана ими, какъ ковромъ. На полуобнаженныхъ вѣтвяхъ, словно слезы, дрожали капли недавняго дождя. Всюду было запустѣніе, уныніе, безмолвіе,—только вороны съ карканьемъ носились надъ липами. На небѣ сгущались тучи. Я нашелъ нашу соціально-демократическую скамеечку, на которой, бывало, собирались шумныя засѣданія „парламента будущаго". Я присѣлъ на нее и задумался. Мнѣ вспомнились лучезарные майскіе дни, тихіе, ароматные вечера, яркая зелень, блескъ и шелестъ вѣтвей, горячіе, шумные споры, веселыя, молодыя лица. Давно ли это было, а между тѣмъ представлялось какимъ-то фантастическимъ сномъ...

Надъ садомъ пронесся вѣтеръ; листья съ жалобнымъ шелестомъ закрутились по дорожкамъ. Вороны продолжали тревожно каркать. Заморосилъ дождь, и я поспѣшилъ домой.

На главной улицѣ мнѣ встрѣтился Александрина. Согнувшись, съ портфелемъ подъ мышкой и шлепая огромными калошами по лужамъ, онъ брелъ по тротуару и имѣлъ весьма жалкій видъ. Однако, увидѣвъ меня, онъ улыбнулся, но и улыбка вышла тоже жалкая.

— У насъ были?—спросилъ онъ, останавливаясь.

— Да, только сейчасъ оттуда.

— Ну, что, какъ вы нашли отца?

— Очень измѣнился!

— Да, да! Ужасно скучаетъ. А Женя-то!

Онъ потупился и замолчалъ.

— Ну, а какъ ваши стихотворныя дѣла? Пишете что-нибудь? — спросилъ я.

— Ну, какое тамъ пишу!—Александрина махнулъ рукой.— Не до стиховъ теперь.

разстались, и онъ снова зашлепалъ своими огромными
—этотъ несчастный маленькій труженикъ... Вотъ ужъ
никогда не назоветъ героемъ, — а между тѣмъ онъ
а своихъ плечахъ, содержалъ цѣлую семью, отказывая
но во всемъ и въ награду получая однѣ насмѣшки и
тельныя улыбки. Удивительныя вещи бываютъ на свѣтѣ!
обылъ въ Приволжскѣ еще двѣ недѣли. Ходилъ въ театръ,
знакомыхъ, нерѣдко навѣщалъ Коховъ. Отъ Жени все
писемъ, и старикъ таялъ не по днямъ, а по часамъ.
до вечера онъ неподвижно сидѣлъ на своемъ креслѣ,
вая въ окно и поджидая почтальона. Но почтальонъ
разъ проходилъ мимо,—и старикъ темнѣлъ какъ ночь.
я онъ только когда приносили газеты. Читая ихъ, онъ
переносился туда, гдѣ былъ его Женя... Это доставляло
торую отраду. Онъ развертывалъ передъ собою карту
дѣйствій и отыскивалъ тѣ мѣста, гдѣ сражались. „Мо-
ь, онъ теперь здѣсь... или здѣсь", шептали его запек-
бы.

[у что, какъ поживаете, Антонъ Юльевичъ?—спрашивалъ

хъ, не говорите! — отвѣчалъ онъ, нетерпѣливо махая
Какъ я живу? Ѣмъ, сплю, веду растительную жизнь. Въ
мнѣ предстоитъ только одна Нирвана... не стоитъ го-
ю мнѣ. Давайте лучше о другомъ.
ъ неизмѣнно переходилъ на балканскія дѣла.
семъ все не было. Уныніе и тревога все болѣе и болѣе
и семействомъ Коховъ. Даже въ глазахъ Эмми я часто
ь недоумѣніе и тоску.
кучаете вы о Женѣ?—спросилъ я ее однажды.
[ѣтъ!—по своему обыкновенію рѣзко отвѣчала она.
й все равно!—съ упрекомъ воскликнула Розалія.
быстро взглянула на нее и промолчала. Она вообще
рила, и теперь никто не зналъ, что она думаетъ, что
ъ. Никогда она не жаловалась и не вздыхала и повиди-
ершенно спокойно занималась своими дѣлами.
нецъ, я собрался уѣзжать. Наканунѣ своего отъѣзда я
ръ просидѣлъ съ Христиной Павловной. Мнѣ было тя-
ней разставаться, — я полюбилъ ее какъ родную, а
мъ надежды на скорое свиданіе не было. Богъ знаетъ,
ется жить и скоро ли еще удастся побывать въ При-
И мы сидѣли и толковали. Леонида не было дома, —
да проводилъ вечера у Коховъ. Христина Павловна была

тоже грустно настроена и, позванивая спицами чулка, давала мнѣ разные житейскіе совѣты.

— Пуще всего ты водку не пей! А то попадешь въ компанію, рюмочка за рюмочкой,—и начнешь кувыркать! Вонъ какъ долговязый вашъ этотъ, Володя-то! Долго ли человѣку сгорѣть? Потомъ веди ты себя скромнѣе съ женскимъ поломъ. Вѣдь изъ нашей сестры такія поганки есть,—бѣда! Живо голову свертятъ, а потомъ и плачься,—вонъ какъ у нашего соборнаго протодьякона. Какой человѣкъ-то! Умнѣйшій, благороднѣйшій, красавецъ, а черезъ жену пропалъ. Совсѣмъ пропалъ!..

Въ 12 часовъ вернулся Леонидъ и, раздѣвшись, быстро прошелъ въ свою комнату. Тамъ онъ принялся шагать изъ угла въ уголъ, повидимому, въ сильномъ волненіи.

— Ну-ка, пойду я ужинать соберу!—сказала Христина Павловна, зѣвая и почесывая спицей у себя за ухомъ.—Пораньше лечь надо.

Когда она вышла, Леонидъ быстро вошелъ въ комнату и сказалъ отрывисто:

— Женя убитъ!..

Я вскочилъ, какъ громомъ пораженный.

— Какъ? Когда? Гдѣ?—едва могъ выговорить я.

— Сегодня пришло письмо изъ Бѣлграда... 16-го сентября, въ дѣлѣ у Кормана... Съ старикомъ ударъ... Тише, не говори мамашѣ...—прибавилъ онъ, услышавъ шаги матери.

— Идите, что-ли, ужинать-то! — пригласила насъ старушка, разливая супъ.

— Я не хочу, — сказалъ Леонидъ и ушелъ опять въ свою комнату.

Я сѣлъ за столъ и взялся за ложку. Но супъ не шелъ мнѣ въ горло. Я давился, захлебывался, въ головѣ у меня мутилось. А Христина Павловна какъ нарочно угощала и удивлялась, что я отказываюсь.

— Ѣшь, ѣшь на дорожку-то! Спать крѣпче будешь!

Наконецъ, я не выдержалъ, отказался отъ ужина и, несмотря на воркотню старушки, ушелъ въ свою комнату. Здѣсь я бросился на кровать, уткнулся въ подушки и заплакалъ. Женя умеръ... Когда знакомый человѣкъ умираетъ далеко отъ васъ—никакъ не можешь представить себѣ его мертваго. Зато онъ съ особенною ясностью представляется вамъ такимъ, какимъ вы его видѣли въ живыхъ. Вы вспоминаете его свѣтлый взглядъ, его улыбки, румянецъ на щекахъ, голосъ, движенія... и невыносимой тоской сжи-

мается сердце при мысли, что вы больше уже никогда, никогда не увидите его.

Такъ было и со мной. Я думалъ: „Женя умеръ!“—и каждый разъ при этой мысли мнѣ приходилъ на память какой-нибудь эпизодъ изъ нашего кратковременнаго знакомства. То вспоминалось мнѣ горячее майское утро, когда Женя разбудилъ меня и стоялъ передо мною, весь облитый золотыми лучами солнца; то я представлялъ себѣ его сидящимъ на ступенькахъ балкона, въ сумеркахъ, подъ тѣнью дикаго винограда. На щекахъ его игралъ румянецъ, губы улыбались, глаза сіяли. Наконецъ, онъ являлся предо мною блѣднымъ, грустнымъ, заплаканнымъ, какъ въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ... Иногда я силился представить себѣ его мертваго, неподвижнаго, съ закрытыми глазами, съ искаженнымъ лицомъ, распростертаго на землѣ, въ лужѣ крови, но каждый разъ этотъ блѣдный образъ исчезалъ и стушевывался, заслоняясь другимъ, такъ хорошо мнѣ знакомымъ... Я долго плакалъ, а Леонидъ все шагалъ взадъ и впередъ, и его шаги гулко отдавались среди ночной сонной тишины.

Утромъ, когда я проснулся, Леонида уже не было дома, а Христинѣ Павловнѣ все уже было извѣстно. Она вошла ко мнѣ въ комнату съ заплаканными глазами, въ своемъ парадномъ атласномъ салопѣ и въ капорѣ. Въ рукахъ у нея была бумажка.

— Ну-ка, на̀, напиши,—за упокой души раба божія Евгенія, во брани убіенна... Пойду сейчасъ панихидку отслужу. Да не рюмь!—добавила она, увидѣвъ, что у меня слезы капали на бумагу.—Не воротишь! Только меня раздразнилъ...—Она всхлипнула и утерлась платкомъ.—Ну, я пойду, а ты чай тутъ пей.

Но я чай пить не сталъ, а отправился бродить по городу. Погода разгулялась,—свѣтило холодное октябрьское солнце. Съ желѣзной дороги послышался продолжительный свистокъ уходящаго поѣзда. Но я не думалъ о томъ, что мнѣ сегодня нужно было ѣхать. Мнѣ было все равно. Меня грызло отчаяніе: по временамъ боль утихала; я впадалъ въ какое-то отупѣніе и безсмысленно глядѣлъ по сторонамъ, считая воронъ на заборахъ или вслухъ читая вывѣски. Но черезъ минуту сознаніе дѣйствительности возвращалось,—я вспоминалъ Женю,—и сердце отчаянно начинало болѣть. Женя умеръ... Какъ это случилось? Куда онъ былъ убитъ? Долго ли страдалъ?.. Иногда я останавливался и начиналъ произносить безсмысленныя слова, которыхъ потомъ самъ не могъ вспомнить. Вѣроятно, я проклиналъ смерть.

Не помню, какъ я очутился у Коховъ. Войдя въ знакомую комнату, я остановился и опомнился. Меня поразила необычай-

ная тишина. У окна сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ и въ обычной позѣ Эмми. Я подошелъ къ ней. Она была блѣдна и спокойна, какъ всегда, только ея неподвижное лицо еще болѣе напоминало мраморное изваяніе. На глазахъ ея не было ни слезинки.

— Чтò папа?—спросилъ я ее.

— Все тоже,—отвѣчала она и указала на дверь.—Онъ тамъ, у него теперь докторъ. И Леонидъ Иванычъ тамъ.

Я пошелъ въ спальню. На встрѣчу мнѣ оттуда выходили Розалія, Алина и докторъ. Сестры были заплаканы и разспрашивали о чемъ-то доктора, а докторъ, не глядя на нихъ, увѣрялъ ихъ въ чемъ-то и искалъ глазами свою шляпу.

Антонъ Юльевичъ лежалъ, вытянувшись на кровати. Его кудлатая голова и орлиный профиль рѣзко выдѣлялись на подушкѣ. Лицо было синее и неподвижное; нижняя челюсть отвалилась, одинъ глазъ былъ полуоткрытъ. Еслибы не слабое хрипѣніе, вылетавшее изъ груди,—его можно было бы принять за мертвеца. Около него стоялъ Леонидъ.

— Ну, чтò?—спросилъ я, заглядывая больному въ лицо.

— Плохо. Все время безъ сознанія и движенія.

— Чтò докторъ сказалъ? Умретъ?

— По всей вѣроятности. А если и живъ останется, то въ младенческомъ состояніи. Ты только имъ не говори,—кивнулъ онъ на дверь.

Я постоялъ, поглядѣлъ на стараго музыканта—и вышелъ. „И тутъ смерть!“ подумалъ я, и чувство полнѣйшей безнадежности охватило меня.

Мраморная красавица продолжала неподвижно сидѣть у окна, вытянувъ руки на колѣняхъ и устремивъ въ пространство свои огромные глаза.

— До свиданія, Эмма Антоновна!—сказалъ я.

Она протянула мнѣ свою холодную ручку.

— Прощайте. Больше не увидимся,—произнесла она.

Я взглянулъ на нее,—отъ нея вѣяло холодомъ.

— Отчего?—машинально спросилъ я.

— Не увидимся! — повторила она настойчиво и потрясла головой.

Прошло семь лѣтъ. Много событій пронеслось надъ Россіей... На Балканахъ прогремѣла и затихла „гроза военной непогоды“, и въ долинахъ Казанлыка теперь мирно расцвѣтали пышныя

іе—и великіе, и малые міра сего—умерли, и могилы ли травою... На Руси царила тишина.

это время мнѣ ни разу не пришлось побывать въ , и я потерялъ изъ виду всѣхъ своихъ прежнихъ Жилъ я далеко, въ глухомъ углу, переписки у меня не было, и я рѣшительно ничего не зналъ о При-

1884 года мнѣ совершенно неожиданно случиь въ Нижній, а оттуда я во что бы то ни стало рѣэаться въ Приволжскъ, повидать знакомыя мѣста, разъыхъ друзей и вспомнить вмѣстѣ съ ними старину. одинъ прекрасный лѣтній день я взялъ мѣсто на пароходѣ Зевеке, „Колорадо“, и двинулся въ путь.

аннее утро, когда мы подходили къ Приволжску. спала, облитая мягкимъ блескомъ восходящаго солнца. ъ по ней тянулись длинныя песчаныя мели, котое не было,—красавица-рѣка даже за это время вспостарѣла. Пароходу безпрестанно приходилось лажду этими мелями и безчисленнымъ множествомъ некуда выросшихъ островковъ. Я едва узналъ между ный Рыбій островъ. Но вотъ, наконецъ, вдали покаыя горы, по которымъ, словно серебряное кружево, я городъ. Завылъ свистокъ... Я стоялъ на трапѣ глядывался въ берегъ, стараясь узнавать знакомыя эедо мною мелькали церкви, сады, крутые взвозы. эю лентой тянутся Липки... золотая шапка собора среди зелени. Вонъ бѣлѣетъ зданіе гимназіи, куда щущимъ сердцемъ ходилъ на экзамены. Вонъ тамъ, пошится хлѣбная пристань, на которую я часто выізъ оконъ маленькаго поповскаго домика. А вонъ— еще дальше, гдѣ горы замыкаютъ горизонтъ,—тамъ леститъ золотая точка. Это крестъ кладбищенской отпѣвали Натальицу.

а тѣни прошлаго вставали въ моей памяти. Сердце билось отъ ожиданія. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, ное чудовище подойдетъ, наконецъ, къ пристани, и ремя чего-то боялся. Читатель, я думаю, вамъ тоже особое чувство тревоги и ожиданія, когда вы подъ своему родному городу, гдѣ давно не были... Вы овались и вздрагивали; картины прошлаго толпой осаж—сердце ваше трепетало и замирало отъ нетерпѣнія

и какой-то тихой грусти. Что-то вы найдете *тамъ*, живы ли *они*, какъ-то васъ встрѣтятъ?..

Между тѣмъ „Колорадо“ описалъ огромный кругъ, потомъ далъ заднiй ходъ и, шипя и пѣня воду, медленно сталъ подходить къ пристани. Пассажиры высыпали на палубу; на пристани тоже толпился народъ и весело развѣвались цвѣтные флаги. Слышались нетерпѣливыя восклицанiя, смѣхъ, привѣтствiя, шло прощанiе случайныхъ пароходныхъ знакомыхъ, выкрикивались фамилiи, адреса... Капитанъ крикнулъ въ рупоръ: „отдай чалки!“ загремѣли цѣпи, и вотъ мы на берегу.

Я нанялъ перваго попавшагося извозчика и помчался на Грузинскую улицу. Но здѣсь меня ожидало первое разочарованiе: на воротахъ была прибита совсѣмъ другая дощечка, на которой вмѣсто „вдовы iерея, Христины Павловны Марловой“ было написано: „коллежскаго ассесора Недотыкина“.

Я стоялъ передъ воротами въ недоумѣнiи, не зная, что̀ мнѣ предпринять. Часъ былъ раннiй, разспросить было некого. Къ счастью въ эту минуту изъ окна выглянула какая-то растрепанная молодая особа и довольно непривѣтливо спросила, чего мнѣ надо.

— Скажите пожалуйста,—началъ я, какъ можно вѣжливѣе снимая шляпу и подходя ближе къ окну.—Не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ прежняя владѣлица этого дома, вдова священника Марлова?

Особа моментально скрылась, причемъ я успѣлъ замѣтить, что она въ одной рубашкѣ. Я подождалъ; въ домикѣ, очевидно, происходила суматоха, вызванная моимъ появленiемъ. Слышались тревожные возгласы, шопотъ. „Кто?“ — „Я почемъ знаю, господинъ какой-то!“ — „Поди, спроси!“ — „Да вы сами спросите, я не одѣта!“ „У, дурища!“ Вслѣдъ затѣмъ изъ окна высунулась другая особа, постарше и въ капотѣ. Начался допросъ.

— Вы кто такiе будете?

— Проѣзжiй.

— Вамъ кого?

Я повторилъ все сначала.

— Да вамъ на что же Христина Павловна-то?

— Повидаться прiѣхалъ,—знакомые.

— Такъ!—медленно протянула особа и зѣвнула.—Ну, это вы даромъ. Ихъ здѣсь нѣтъ. Они уже давно отсюда выѣхали.

— Не можете ли сказать, куда?

— Ну, ужъ этого вамъ не скажу. Вотъ, можетъ, мужъ знаетъ. Саша!—крикнула она въ глубину комнаты.—Поди, отца позови!

— Да онъ гдѣ?

— Да ужъ извѣстно гдѣ, на дворѣ голубей гоняетъ! Иди рѣй!

Мнѣ опять пришлось ждать. Наконецъ, въ домѣ послыша-ь шлепанье туфель, и у окна появился почтенный господинъ бритой физіономіей. Я принужденъ былъ снова повторить все чала до конца.

— Гм, гм...—произнесла бритая физіономія, выслушавъ.— ъ вамъ Марловыхъ? Очень хорошо ихъ зналъ, это вѣрно. ъ даже домъ у нихъ по знакомству пріобрѣли. Единственно знакомству, потому что, доложу я вамъ, домъ никуда не го-ся. Гнилье!

— Но не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ они сами?

— А они на Кавказъ уѣхали.

— Давно?

— Уже давно. Года четыре будетъ.

— Пять ужъ никакъ?—отозвались изъ глубины комнаты.

— Что вы, мамаша, шесть!..

— Ну, вотъ видите, шесть лѣтъ! Давненько будетъ! Какъ нидъ Иванычъ женился, такъ они въ скорости и уѣхали.

— Онъ женился? На комъ?

— А тутъ не изволили ли знать нѣмца, музыканта? Ну, ъ вотъ на дочери его...

— Благодарю васъ!

Я раскланялся и машинально побрелъ по улицѣ. Эта первая дача совсѣмъ меня обезкуражила, и я теперь совершенно не ль, куда мнѣ направиться. Всѣхъ другихъ моихъ знакомыхъ трукнѣе было разыскать, потому что они жили по кварти-ъ, меблированнымъ комнатамъ, и съ тѣхъ поръ тысячу разъ ли переѣхать и даже совсѣмъ уѣхать изъ города, какъ Мар-ы. Семь лѣтъ не шутка! Всѣ успѣли разсѣяться и разбрестись разныя стороны. Даже городъ какъ будто не тотъ: всюду ые дома, асфальтовые троттуары, огромные магазины съ зер-ьными стеклами, золоченыя вывѣски съ аршинными буквами, манеръ столичныхъ... Городъ разросся и обстроился, да и ига была уже не та...

Я отправился блуждать по улицамъ, отыскивая знакомыя та. Сначала я отправился туда, гдѣ жили Кохи. Домикъ все ъ же, съ балкончикомъ и палисадникомъ, который разросся пуще, но на дворѣ хрипло лаялъ и метался огромный цѣп-і песъ, а изъ окна, откуда, бывало, улыбалось задумчивое ико Жени, теперь выглядывала чья-то заспанная усатая рожа.

Я было-попробовалъ обратиться къ ней съ разспросами, но, ничего не добившись и получивъ вдобавокъ названіе „прохвоста", удалился. Затѣмъ я прошелъ по Благочинной улицѣ въ смутной надеждѣ, не мелькнетъ ли гдѣ-нибудь знакомая долговязая фигура Володи, но тоже никого не встрѣтилъ и направился на Кудряеву улицу. Но тщетно я искалъ домика мѣщанки Красноглазовой, гдѣ жила и умерла Натальица—его не было, и на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ прежде стоялъ, теперь возвышалось красное двухъэтажное зданіе съ надписью: „трактиръ Утѣха".

А Липки? Какъ измѣнились наши Липки... Рѣшетчатой бесѣдки, гдѣ я зачитывался, бывало, „Отечественными Записками", не было; сирени и жимолость, окружавшія ее, вырублены, а вмѣсто нихъ на площадкѣ былъ устроенъ фонтанъ и пестрѣлъ цвѣтникъ, вокругъ котораго рѣзвились дѣти. Наша соціально-демократическая скамеечка исчезла, да и „парламентъ будущаго", засѣдавшій на ней, разсѣялся по лицу земли русской. А съ нимъ вмѣстѣ разсѣялись и всѣ наши молодыя, горячія мечты... Только старыя липы остались тѣ же, и по прежнему мечтательно шумѣли ихъ густолиственныя вершины. Я присѣлъ подъ одной изъ нихъ и, прислушиваясь къ тихому плеску фонтана и звонкому смѣху игравшихъ дѣтей, глубоко задумался.

Между тѣмъ солнце уже поднялось высоко. Зной разливался надъ городомъ; даже въ Липкахъ становилось душно. Троттуары накалялись, пыль душила, забиваясь въ глаза, въ горло, въ носъ. Меня страшно разморило. Платье и бѣлье были мокры отъ поту; во рту пересохло. Меня начала томить жажда. Я отправился разыскивать какой-нибудь ресторанъ и, шагая по раскаленнымъ троттуарамъ, вспоминалъ то знаменитое утро, когда мы съ Леонидомъ ходили къ Лимонадову просить денегъ. А кстати, что-то теперь Лимонадовъ? Какъ на немъ отразилось это время?

Недалеко отъ Липокъ, на Главной улицѣ, я увидѣлъ вывѣску „Общій столъ" и зашелъ туда. Меня встрѣтилъ приличный лакей съ бѣлоснѣжной салфеткой на рукѣ и провелъ въ чистенькій прохладный залъ съ акваріумомъ по срединѣ и со столиками подъ мраморъ, симметрично разставленными по стѣнамъ. Все лоснилось, блестѣло и сіяло безукоризненной чистотой; очевидно, ресторанъ тоже былъ новый. Я сѣлъ за одинъ изъ столиковъ и попросилъ себѣ пива и „Ежедневку". Не безъ внутренняго трепета я развернулъ „нашу" газету; но и она измѣнилась. Во-первыхъ, она стала больше; во-вторыхъ, на мѣстѣ подписи редактора-издателя вмѣсто фамиліи Дмитріева красовалась фамилія Лимонадова. „Вотъ какъ!" подумалъ я и углубился въ чтеніе.

Прежде всего я обратилъ вниманіе на внутренній отдѣлъ (какъ-то процвѣтаетъ наша „губернія"?). Но повидимому съ этой стороны ничего не измѣнилось. Въ безчисленныхъ корреспонденціяхъ изъ Бурдюковки, изъ Таракановки, изъ Подгорнаго и т. д. сообщалось о пожарахъ и градобитіяхъ, о жучкѣ-кузькѣ, о недоимкахъ и т. д. и т. д. Изъ Антиповской волости сообщалось, что на дняхъ цѣлая деревня, Пустой Кустъ, снялась съ мѣста и отправилась искать „гдѣ лучше". Изъ Чернаго Яра писали, что тамошній священникъ открылъ кабакъ... Изъ Родіоновки жаловались на волостного писаря Хлудова, который нещадно бьетъ и поретъ мужиковъ во время самой обѣдни... „Ну, тутъ все то же!" подумалъ я со вздохомъ. „Тѣ же бѣдныя селенья", дремлющія подъ знойнымъ небомъ, тѣ же скудныя нивы, притихшія въ ожиданіи надвигающейся на нихъ грозовой тучи, тѣ же „кузьки", кулаки, кабаки и то же вѣчное роковое стремленіе туда, гдѣ лучше... Предо мною смутно мелькнулъ образъ Рауля Риго...

Мнѣ стало тяжело, и я поспѣшилъ перейти къ внѣшней политикѣ. Тутъ картина нѣсколько измѣнялась. Въ передовой статьѣ яростно разносили Баттенберга. Говорилось о славѣ русскаго оружія, о потокахъ русской крови на Балканахъ, и посылались горькіе упреки въ неблагодарности. По адресу „братьевъ-славянъ" сыпались не особенно лестные комплименты.

„А вѣдь Леонидъ-то тогда правъ былъ!" подумалъ я и перевернулъ газету на другую сторону. Тутъ подъ рубрикой „театръ и музыка" красовалась подпись Лимонадова, и я, разумѣется, заинтересовался. Отъ этого отдѣла такъ и вѣяло жизнерадостностью и веселостью. Рѣчь шла объ оперной труппѣ, гостившей въ Приволжскѣ. Восхвалялся великолѣпный „фальцетъ" (sic!) тенора Экивокова и восхитительный бюстъ драматическаго сопрано... Указывалось на верхнее fa контральто и на выпуклую игру баритона... Не забыты были и режиссеръ, и декораторъ, и оркестръ, и даже статисты, которые, по выраженію автора, „вели себя на сценѣ, какъ дома". Однимъ словомъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Въ заключеніе авторъ сожалѣлъ объ упадкѣ эстетическаго вкуса у приволжской публики и приглашалъ ее посмотрѣть „Фауста" въ исполненіи „нашихъ дорогихъ гостей", чтобы отдохнуть отъ скучныхъ дрязгъ провинціальной будничной жизни...

Просмотрѣвъ фельетонъ и отдѣлъ „курьёзовъ" („Гуттаперчевые турнюры"...), я принялся за объявленія. Здѣсь среди рекламъ о велосипедахъ, о плугахъ и сѣнокосилкахъ Рансомъ и К°, о шляпахъ Ninon, Nanon и Niniche, о вальцовой мукѣ издѣлія

мельницы Фаренбрухъ, я наткнулся на слѣдующее объявленіе: „Нужна бонна-нѣмка для четырехлѣтней дѣвочки. Главная улица, кв. Лимонадова". Ниже было помѣщено другое: „Пропала собачка, болонка, кличка Зизи. Доставить въ квартиру Лимонадова на Главной улицѣ; вознагражденія 25 руб. („250 строчекъ и 2500 капель собственной крови!" вспомнилось мнѣ).

„Такъ вотъ какъ!" подумалъ я. „Наконецъ-то Лимонадовъ у пристани... Онъ женатъ, имѣетъ свою газету, квартиру, дочку, болонку и навѣрное счастливъ и доволенъ. Теперь ужъ ему не приходится пробираться подъ заборомъ, чтобы выпить рюмку водки; теперь онъ „уважаемый представитель мѣстной прессы" и безбоязненно призываетъ общество забыться и отдохнуть отъ житейскихъ дрязгъ... Чтò же, и отлично"...

Расплатившись за пиво и закуску, отдохнувъ и повеселѣвъ, я вышелъ изъ ресторана,—и вдругъ меня осѣнила счастливая мысль пойти въ банкъ, гдѣ служилъ Александрина. Можетъ быть, я тамъ чтò-нибудь узнаю; кстати я вспомнилъ, что у Александрины тамъ былъ одинъ пріятель, съ которымъ онъ иногда гулялъ въ Липкахъ и однажды рекомендовалъ его намъ, какъ очень хорошаго „парня". Если этотъ „парень" еще тамъ, онъ навѣрное мнѣ сообщитъ кое-какія свѣденія о нашихъ общихъ знакомыхъ.

Представительный и утонченно-вѣжливый швейцаръ банка широко распахнулъ предо мною тяжелыя рѣзныя двери подъѣзда и спросилъ, чтò мнѣ угодно. Сунувъ ему въ руку рубль, я попросилъ его вызвать ко мнѣ господина N.

— Изъ „текущаго счета"? Сію минуту-съ... Извольте подождать.

Онъ побѣжалъ на верхъ, а я усѣлся на креслѣ съ высокой рѣзной спинкой и сталъ ждать.

Черезъ минуту съ лѣстницы сбѣжалъ N. и въ изумленіи посмотрѣлъ на меня, очевидно, не узнавая. Это, впрочемъ, было не мудрено,—я возмужалъ и обросъ бородой, да и онъ самъ порядкомъ измѣнился, изъ худенькаго юноши съ усиками превратившись въ солиднаго бородатаго дѣльца.

— Не узнаете?—спросилъ я, и назвалъ свою фамилію.

N. еще разъ взглянулъ на меня и сталъ припоминать.

— А! а! да... что-то помню... Такъ что же вамъ угодно?

— Вотъ видите ли, я желалъ бы узнать отъ васъ кое-что о старыхъ знакомыхъ.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе...—Онъ посмотрѣлъ на часы.—

Только извините... я очень занятъ... въ моемъ распоряженіи четверть часа.

Мы отошли въ сторону, и я принялся осыпать его вопросами. Безпрестанно взглядывая на часы, N. разсказалъ мнѣ, что старикъ Кохъ умеръ, что вскорѣ послѣ этого Леонидъ женился на Алинѣ и уѣхалъ на Кавказъ, что Розалія уѣхала вмѣстѣ съ ними, а Александръ Кохъ послѣ ихъ отъѣзда долго скучалъ, началъ пить и заговариваться, наконецъ бросилъ мѣсто и тоже уѣхалъ на югъ. Теперь онъ, говорятъ, выздоровѣлъ и служитъ гдѣ-то въ Одессѣ или въ Таганрогѣ, а можетъ быть и въ Маріуполѣ,—онъ, N., хорошенько не знаетъ. Но впрочемъ получаетъ, кажется, хорошее жалованье...

— Ну, а помните, у Коховъ была еще третья дочь... Эмми, безногая она была, больная. Она что̀?

— Эмми? Позвольте... Ахъ, да! Съ ней цѣлая исторія... Она тоже умерла, но, кажется, что-то очень странно. Говорятъ, она отравилась,—не помню хорошенько, но тутъ что-то вышло. Вмѣшалась полиція... ее вскрывали, кажется... но во всякомъ случаѣ дѣло замяли...

Онъ посмотрѣлъ на часы и сдѣлалъ движеніе уйти.

— Позвольте... не помните ли вы еще Володю Аносова? Черный такой, худой,—мы еще его Донъ-Кихотомъ звали.

— Аносовъ? Помню, помню... Онъ еще на арфисткѣ женился. Право, не знаю, что̀ съ нимъ теперь. Говорили тогда, что онъ окончательно разошелся съ родными, что и жена его потомъ бросила; онъ сильно пилъ, ходилъ оборванный по кабакамъ, видали его на пѣшемъ базарѣ... Теперь не знаю, какъ онъ... Извините, мнѣ некогда...

— Позвольте, виноватъ! Еще одинъ вопросъ. А Рауль Риго? Не можете ли вы о немъ что-нибудь сообщить?

При имени Рауля Риго физіономія N. вытянулась, онъ замѣтно вздрогнулъ и оглянулся по сторонамъ. Но, видя, что швейцаръ углубленъ въ чтеніе газеты и что больше никого по близости нѣтъ, онъ перевелъ духъ и, бросивъ мнѣ: „до свиданія... извините, но я, право, ужасно занятъ“... торопливо побѣжалъ по лѣстницѣ. Я даже не успѣлъ его поблагодарить.

Швейцаръ снова отворилъ передо мною двери, и я очутился на улицѣ въ тяжеломъ раздумьѣ. Идти было некуда... Всѣ связи съ прошлымъ были порваны; юность исчезла, какъ мечта, и унесла съ собой въ непроглядную тьму много свѣтлыхъ минутъ, которыя никогда не повторятся, много милыхъ, знакомыхъ о̀бразовъ, съ которыми никогда не придется встрѣтиться въ этомъ

мірѣ. А сколько было тамъ радости, любви, дружбы, порывовъ, мечтаній!.. Что же осталось теперь?

Я машинально побрелъ впередъ, на углу ближайшей улицы нанялъ извозчика и поѣхалъ на Монастырское кладбище.

Здѣсь меня сразу охватила благоговѣйная тишина. Отъ многовѣтвистыхъ липъ и старыхъ вязовъ вѣяло сладкою прохладой. Безмолвно толпились кресты, утопая въ густой, пахучей травѣ; тамъ и сямъ бѣлѣли мраморные памятники, обвитые цвѣтущей павиликой. Ихъ холодные, строгіе профили рѣзко обрисовывались среди трепещущей, шепчущейся, живой зелени. Она нѣжно льнула къ нимъ, шептала надъ ними свои непонятныя рѣчи, разсыпала по мрамору плитъ тысячи радужныхъ сверкающихъ бликовъ— они стояли неподвижные и угрюмые... Вѣдь ихъ поставила здѣсь на стражѣ смерть, и какое имъ было дѣло до окружающей ихъ радостной и смѣющейся жизни?!

Я миновалъ аллею роскошныхъ памятниковъ и разыскалъ то глухое мѣстечко кладбища, гдѣ хоронили бѣдныхъ и гдѣ должна была находиться могилка Натальицы. Но съ тѣхъ поръ здѣсь прибавилось много новыхъ могилъ, и среди массы зеленыхъ бугровъ трудно было разыскать тотъ, который былъ мнѣ нуженъ. Здѣсь не было ни мраморныхъ памятниковъ, ни крестовъ, увѣшенныхъ раскрашенными вѣнками изъ иммортелей и жести, ни массивныхъ плитъ, покрытыхъ надписями, зато здѣсь густо разрослись кусты жимолости и цвѣлъ душистый дикій шиповникъ. Натальица и послѣ смерти своей находилась въ смиренномъ обществѣ простого народа, которому она при жизни себя посвятила.

Я долго блуждалъ между могилами, наконецъ усталъ и присѣлъ на одну изъ нихъ, поросшую густою, высокою травой. Кузнечики наперерывъ чирикали вокругъ меня; бѣлая бабочка, словно танцуя, граціозно кружилась надъ кустомъ шиповника, усыпаннымъ цвѣтами. Цвѣты только-что распустились и сами были похожи на большихъ розовыхъ бабочекъ, готовыхъ улетѣть въ пространство. Они нѣжно вздрагивали своими тонкими лепестками и распространяли опьяняющее благоуханіе, которое смѣшивалось съ рѣзкимъ ароматомъ богородской травки. А тамъ далеко, внизу, глухо грохоталъ огромный пестрый городъ съ своими кабаками, трактирами, ресторанами, конторами, пристанями, со всей своей шумной, хлопотливой, торопливой жизнью, съ купцами, чиновниками, нищими, дѣльцами, сытыми и голодными... Надъ нимъ стояло тяжелое грязное облако пыли, пара и дыма...

Я глубоко задумался. И чудилось мнѣ, что среди этихъ не-
омыхъ забытыхъ могилъ съ меня медленно спадаетъ холод-
тяжесть одиноко и безплодно прожитыхъ годовъ... Чудилось
, что я не одинъ... Предо мною тихо вставали свѣтлые,
тые, самоотверженные образы Натальицы и Жени... эти на-
у невѣдомые герои... Они умерли,—но то, ради чего они
ли, развѣ умерло? Нѣтъ... и вотъ они изъ своихъ могилъ
баются мнѣ, ободряютъ и благословляютъ меня... „Иди!"
Душа моя просвѣтлѣла; сердце расширилось и наполнилось
ростью и надеждой. Я поднялся съ могилки и оглядѣлся.
дбище дремало, утопая въ ароматѣ цвѣтовъ; городъ стоналъ
ву... Я смѣло поднялъ голову. Надо идти... и жить.

В. Дмитріева.

ДЖОНЪ КИТСЪ

И

ЕГО ПОЭЗІЯ

Изъ исторіи англійской литературы.

Англійская литература начала XIX-го в. представляетъ замѣчательную эпоху развитія національнаго генія. Начиная съ поэтовъ такъ-называемой „озерной“ школы (Lake-poets), Вордсворта, Кольриджа, Соути и другихъ, она отрекается отъ классическихъ традицій XVIII-го в. и вступаетъ на новый путь—натурализма. Цѣлый рядъ поэтовъ видоизмѣняетъ въ частностяхъ основную черту новаго направленія, и вскорѣ образуется новая литературная школа, которая вступаетъ въ борьбу съ узко-національнымъ романтизмомъ Вальтеръ-Скотта и Вордсворта, охватываетъ всю Европу своимъ могучимъ, вдохновеннымъ словомъ и даетъ литературѣ безсмертныя имена Байрона и Шелли.

Эпоха этой борьбы двухъ направленій, тѣсно связанной съ политическими событіями времени, къ сожалѣнію весьма неполно или, скорѣе, односторонне освѣщена критикой. Имя Байрона, блестящей главы новой школы, затмило его остальныхъ современниковъ, не уступающихъ ему, однако, во многихъ отношеніяхъ; они, быть можетъ, лишь скромнѣе выступали, чѣмъ гордый лордъ, занимавшій всю Европу своими личными страданіями; соціальное положеніе менѣе выдвигало ихъ, чѣмъ владѣльца Newstead Abbey, члена палаты лордовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, однако, далеко не заслуживаютъ забвенія, и на слѣдующихъ страницахъ

мы постараемся выдвинуть изъ тѣни, окружающей еще молодую литературу времени Байрона, одного изъ лучшихъ ея представителей, весьма мало извѣстнаго внѣ Англіи и почти неизвѣстнаго у насъ—Китса.

Изучая литературу той эпохи, мы невольно останавливаемъ свое вниманіе на небольшомъ кружкѣ литераторовъ, образовавшемся еще въ дни славы „озерныхъ“ поэтовъ и цѣль котораго —дѣятельный протестъ противъ исключительности въ поэзіи тогдашнихъ кумировъ, какъ Вордсвортъ, Скоттъ, Соути, и борьба противъ ихъ политическаго направленія. Кружку этому было суждено дать Англіи лучшихъ поэтовъ и писателей вообще, играть значительную роль въ дѣятельности Байрона, связаннаго съ нимъ дружескими и литературными отношеніями. Центромъ его является извѣстный въ свое время литературный критикъ и поэтъ — Ли Гентъ (Leigh Hunt), и группирующіеся около него молодые писатели представляютъ рѣдкій примѣръ идеальной дружбы и единенія; кромѣ Гента, мы тамъ встрѣчаемъ Чарльса Лэмба, извѣстнаго юмористическаго писателя, шекспирологовъ Ковдена, Кларка, Газлитта, поэта Райнольдса, живописцевъ Гайдона и Северна и, наконецъ, Шелли, Китса и въ связи съ ними Байрона. Въ то время какъ послѣдній сразу пріобрѣлъ первоклассное значеніе въ всемірной литературѣ, а Шелли, непонятый современниками, былъ признанъ великимъ поэтомъ послѣ смерти, третій изъ нихъ, Джонъ Китсъ, мало извѣстенъ за предѣлами своего отечества. Англійская критика давно уже съумѣла оцѣнить по достоинству оригинальное дарованіе юноши-поэта, внушающаго глубокую симпатію какъ своимъ творчествомъ, такъ и печальной судьбой, и безусловно считаетъ его классическимъ писателемъ. Но, по странной случайности, имя его, столь громкое въ Англіи, почти неизвѣстно въ Германіи и Франціи; стихотворенія его не переведены цѣликомъ ни на одинъ изъ иностранныхъ языковъ [1]).

Мы задались цѣлью въ настоящей работѣ пополнить, по возможности, этотъ пробѣлъ съ точки зрѣнія исторіи литературы, указать на значеніе Китса, во-первыхъ, какъ замѣчательнаго поэта самого по себѣ и, во-вторыхъ, какъ главнаго представителя переходной поры, отмѣчающаго собой конецъ господства „озерныхъ“ поэтовъ и начало новаго литературнаго періода.

---

[1]) Отдѣльныя статьи о немъ находятся въ „Hauptströmungen des Litteratur des 19 Jahrh.“ Брандеса, въ очеркахъ Луи Этьена и Филарета Шаля въ „Revue des Deux Mondes“, въ книгѣ Роша: „Les écrivains anglais au XIX s.; но всѣ они не исчерпываютъ предмета и, за исключеніемъ статьи Брандеса, уступаютъ англійскимъ изслѣдованіямъ.

Своимъ чуткимъ пониманіемъ природы и красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ онъ имѣетъ значительное вліяніе на старшихъ нѣсколькими годами Шелли и Байрона. Если намъ удастся возбудить въ читателяхъ интересъ къ поэзіи Китса и способствовать ознакомленію русской публики съ этимъ выдающимся поэтомъ нашего вѣка, мы будемъ считать свою задачу исполненной.

„A thing of beauty is a joy for ever“ (прекрасное всегда доставляетъ наслажденіе), говоритъ начальная строка одной изъ его поэмъ; если заключенная въ ней мысль справедлива, сочиненія Китса всегда найдутъ читателей и почитателей.

I.

Литература всякой страны стоитъ въ зависимости отъ ея политической и соціальной жизни; эта истина тѣмъ болѣе оправдывается на литературѣ Англіи конца XVIII-го и начала XIX-го в., что большинство писателей этой эпохи — политическіе дѣятели. Свифтъ, Джонсонъ и др. въ XVIII вѣкѣ, Вордсвортъ, Вальтеръ-Скоттъ, Гентъ, Байронъ, въ началѣ нынѣшняго, лично заинтересованы въ борьбѣ политическихъ партій, и поэтому невозможно понять литературнаго движенія того времени, не вникнувъ въ смыслъ событій внутренней и внѣшней исторіи Англіи въ царствованіе Георга III. „Англіи,—какъ резюмируетъ Тэккерей исторію ея за 60 лѣтъ этого царствованія,—пришлось за это время выдержать восстаніе американскихъ колоній, быть потрясенной вулканомъ французской революціи, бороться и отстаивать свое существованіе предъ своимъ гигантскимъ врагомъ—Наполеономъ; отдыхать, чтобы придти въ себя послѣ этой потрясающей борьбы. Старое общество съ своимъ придворнымъ блескомъ отживаетъ свой вѣкъ, поколѣнія государственныхъ людей появляются и исчезаютъ, Питтъ слѣдуетъ въ могилу за своимъ отцомъ, лордомъ Чатамомъ; память о Роднеѣ и Вольфѣ изглаживается славой Нельсона и Веллингтона; старые поэты, соединяющіе насъ съ эпохой королевы Анны, сходятъ въ могилу; Джонсонъ умираетъ, Скоттъ и Байронъ появляются на горизонтѣ; Гаррикъ восхищаетъ свѣтъ своимъ поразительнымъ драматическимъ геніемъ, Кинъ появляется на сценѣ и овладѣваетъ изумленнымъ театромъ. Паръ изобрѣтается, короли казнятся, изгоняются, лишаются престола, возвращаются на престолъ отцовъ; Наполеонъ составляетъ лишь эпизодъ въ ряду этихъ событій, а Георгъ III переживаетъ всѣ эти перемѣны, сопровождаетъ свою страну во всѣхъ рево-

іли, правительства и общества и перех
ени въ наше [1])". Но этотъ изумительный
і король выживаетъ изъ ума уже въ к
і, свидѣтель стольких перемѣнъ, не оказыва
янія на ходъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что не пр
ію своей страной; интересы Ганновера ему
судьбы Британіи. Его сынъ, англичанин
уху, стяжалъ себѣ печальную славу своими
ди Англіи предвидѣли, что этотъ „первый
" столь же мало способенъ къ управле
ъ своими семейными добродѣтелями и п
щика. Парламентъ сосредоточиваетъ управле
укахъ, но постоянныя распри его вожде
тъ неурядицу въ общій ходъ дѣлъ. Мини
друга, старая борьба виговъ и торіевъ
льшимъ ожесточеніемъ, и временное торж
артіи немедленно отражается на внутрен
ı. Любопытно читать очерки тогдашней о
ъ лекціяхъ Тэккерея о „Четырехъ Георг
ь свойственномъ автору сатирическомъ духѣ,
омощность и неспособность тогдашняго
і негодованія противъ мелкопомѣстныхъ в
ладѣвшихъ гордой Британіей.

мутную пору литература, особенно пол
ющуюся роль. Уже задолго до того на
а за свободу слова. Съ тѣхъ поръ, какъ в
ервые политическіе листки, парламентъ п
бликованія отчетовъ о его засѣданіяхъ,
отношенія къ дебатамъ. Но, благодаря
общества, дѣятельность печати продолж
жасы звѣздной камеры, цензуры и поли
болѣе 30.000 политическихъ брошюръ и
печати между 1640 г. и реставраціей.
ійской литературы начинается въ царствова
когда лучшіе таланты посвящаютъ ей с
Стиль, Свифтъ и Болингброкъ являются
оянными сотрудниками тогдашнихъ газет
въ ознаменовалось жестокими преслѣдовані
ескихъ статей и брошюръ, но оппозиція
глубокіе корни, и правительство Георга

[1]) Thackerey, „The four Georges", стр. 109.

преемника не можетъ укротить горячность нападокъ памфлетистовъ: политика непопулярныхъ министровъ служитъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ и порицаній, смѣлые публицисты не щадятъ личности короля. Знаменитыя письма Юніуса къ приверженцамъ Георга III и статьи Вилькса въ „North Briton" пріобрѣли громадную извѣстность, возбудивъ всеобщее одобреніе своей рѣзкой критикой дѣйствій короля. Несмотря на чисто инквизиціонное слѣдствіе по дѣлу Юніуса, авторъ писемъ не былъ открытъ, и рядъ политическихъ процессовъ противъ нѣкоторыхъ заподозрѣнныхъ лицъ не привелъ къ желаемому результату. Вильксъ сдѣлалъ смѣлое публицистическое нововведеніе въ борьбѣ съ министерствомъ Гренвиля: до тѣхъ поръ публицисты избѣгали называть по имени лицъ, противъ которыхъ направлены ихъ статьи; онъ открыто выставляетъ ихъ имена. „Лицемѣрное скрываніе именъ, — говоритъ Мей [1]), — не было, въ самомъ дѣлѣ, достойно свободы и свободолюбія тогдашней печати. Писатель, укрывающійся отъ преслѣдованій закона, не можетъ брать на себя отвѣтственность за истину. Истина нераздѣльна съ откровенностью, и поэтому введенное Вильксомъ открытое называніе именъ имѣетъ важное значеніе для развитія раціональной политической литературы". Правительство старается сломить силу печати судебнымъ преслѣдованіемъ диффамацій, но съ 1731 libel-law, Фокса, пріобрѣтаетъ законную силу съ одобренія обѣихъ палатъ и судьба авторовъ политическихъ памфлетовъ (libels) зависитъ отъ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей. Политическіе процессы однако не прекращаются, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за началомъ французской революціи правительству Англіи угрожаютъ, кромѣ оппозиціонной литературы, нѣсколько тайныхъ политическихъ обществъ, дѣятельность которыхъ возбуждаетъ ужасъ въ парламентѣ. Самое выдающееся изъ нихъ было „London corresponding Society", состоявшее большей частью изъ рабочихъ и организовавшее массу народныхъ возстаній и нѣсколько покушеній на жизнь короля. Авторы возбуждающихъ брошюръ подвергались весьма строгимъ наказаніямъ; такъ, въ 1809 г., Коббетъ за протестъ противъ жестокаго обращенія съ солдатами присужденъ былъ къ тюремному заключенію на два года, штрафу въ 1.000 фунтовъ и залогу въ 3.000 ф. для обезпеченія мирнаго поведенія въ теченіе семи слѣдующихъ лѣтъ; въ 1811 г. Ли Гентъ и его братъ Джонъ обвинялись въ перепечаткѣ статьи противъ

[1]) Th. E. May. Verfassungsgeschichte Englands seit der Thronbesteigung Georg III. B. II, 1 Abth., стр. 389.

тѣлеснаго наказанія солдатъ и были оправданы лишь благодаря блестящей защитительной рѣчи Брума. Такимъ образомъ, къ началу XIX-го в. свобода печати стѣснена, но значеніе этого четвертаго сословія, какъ называетъ ее Гентъ, признается уже безусловно. „Дайте мнѣ, — говоритъ Шериданъ въ 1810 г., — свободу печати, и я оставлю министру продажную палату лордовъ, подкупную и подобострастную палату общинъ, совершенно свободное право назначать на должности, всю обстановку министерскихъ дѣйствій; я оставлю ему всю власть, которую его общественное положеніе можетъ доставить, чтобы добиться послушанія и сломить сопротивленіе, и все-таки, имѣя лишь оружіемъ свободу печати, я смѣло вступлю съ нимъ въ борьбу; созданное имъ могучее зданіе я сломлю еще болѣе могучею силою, я свергну съ высоты продажность, присоединивъ ее къ остаткамъ исчезнувшихъ злоупотребленій, служившихъ ей основой".

Среди ожесточенной борьбы, которую либеральная печать ведетъ съ правительствомъ Георга III, начинается расколъ въ самой литературѣ, благодаря принадлежности многихъ выдающихся писателей къ партіи торіевъ. По иниціативѣ Вальтера-Скотта, въ Эдинбургѣ основывается реакціонный журналъ „Quarterly Review" для противодѣйствія распространенному и весьма популярному либеральному органу Джеффри—„Edinbourgh Review", и этимъ открывается антагонизмъ двухъ литературныхъ теченій, вышедшій вскорѣ изъ рамокъ чисто-политическихъ и распространившійся въ сферѣ поэзіи, изящной литературы и критики. Шотландія въ концѣ XVIII-го в. была умственнымъ центромъ Англіи; вдали отъ безпокойной жизни Лондона, отъ непосредственнаго вліянія событій дня, отъ зоркихъ глазъ цензоровъ, собираются тамъ выдающіяся по таланту литературныя силы, преданныя идеямъ свободы, готовыя жертвовать всѣмъ для ихъ осуществленія. Молодой адвокатъ Джеффри, послѣ разныхъ неудачъ на юридическомъ поприщѣ, основываетъ здѣсь, съ помощью нѣсколькихъ друзей, ежемѣсячный журналъ первоначально съ чисто литературными цѣлями. Молодая, талантливая редакція объявляетъ войну дурному вкусу, условности въ литературѣ и искусствѣ. Между сотрудниками являются имена Сиднея Смита, Юма, Мэкинтоша, Маколэя, Мура, Кольриджа. „Edinbourgh Review" имѣетъ громадный успѣхъ. „Мы уже продаемъ 2.500 экземпляровъ,—пишетъ Джеффри брату въ самомъ началѣ,—и надѣемся продавать вдвое больше чрезъ шесть мѣсяцевъ, если насъ будутъ поддерживать въ печати". Вскорѣ голосъ его дѣлается рѣшающимъ для каждой вновь появляющейся книги, и вмѣстѣ съ разростаніемъ

критическаго отдѣла, Джеффри удѣляетъ значительное мѣсто политикѣ. Либеральныя тенденціи редакціи производятъ большее впечатлѣніе на общество; свободные взгляды шотландскихъ виговъ прививаются во всей Англіи. Впервые обратилъ вниманіе на громадное распространеніе „Edinbourgh Review“ и связанный съ этимъ вредъ для торіевъ—Вальтеръ-Скоттъ; онъ самъ былъ сотрудникомъ журнала въ первое время его существованія, но разошелся съ нимъ, когда либерализмъ Джеффри и его сотрудниковъ сдѣлался слишкомъ рѣзкимъ, по его мнѣнію; окончательная ссора между ними произошла послѣ того, какъ одно произведеніе Скотта было строго раскритиковано въ журналѣ.

Чтобы противодѣйствовать вліянію органа виговъ, Вальтеръ-Скоттъ, съ помощью друзей торіевъ и подъ покровительствомъ министра Каннинга, основываетъ „Quarterly Review“; почтенный романистъ хотѣлъ доставить мирнымъ, преданнымъ правительству гражданамъ возможность узнавать политическія и литературныя новости, не всасывая яда статей Джеффри и его друзей. Новый журналъ обставленъ прекрасно; В.-Скоттъ, Соути, Джиффордъ поддерживаютъ торизмъ, преслѣдуя всякое проявленіе свободной мысли въ литературѣ. До какихъ крайностей Джиффордъ доходилъ въ своихъ нападкахъ на писателей враждебнаго направленія, мы увидимъ далѣе, по его знаменитой статьи объ „Эндиміонѣ“ Китса. Антагонизмъ двухъ лучшихъ журналовъ сопровождается ожесточенной борьбой во всей періодической печати, раздѣлившейся на два враждебные лагеря: виговъ и торіевъ. Въ это время обращаютъ на себя вниманіе братья Гентъ, Ли и Джонъ, издающіе „Examiner“, распространенную газету либеральнаго направленія. Популярность Ли Гента начинается главнымъ образомъ въ 1815 г., когда онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на два года за брошюру, направленную противъ принца-регента. Самый процессъ сильно волновалъ общество, и вся интеллигенція Лондона навѣщала Гента въ тюрьмѣ, выражая ему всячески свои симпатіи. День освобожденія Гента, 3-го февраля 1815 г., былъ настоящимъ торжествомъ въ либеральныхъ кружкахъ; ему устраивались оваціи, и положеніе его, какъ вдохновителя новой школы въ литературѣ и политикѣ, установилось, признанное какъ друзьями, такъ и противниками.

Въ этотъ знаменательный день одинъ изъ ближайшихъ друзей Гента, Кларкъ, бесѣдовалъ о занимавшемъ всѣхъ событіи съ своимъ товарищемъ по школѣ, молодымъ студентомъ-медикомъ. Юноша казался очень взволнованнымъ судьбой Гента и набросалъ предъ уходомъ нѣсколько строкъ на клочкѣ бумаги, кото-

рый и вручилъ Кларку. Послѣдній, не подозрѣвая въ Джонѣ Китсѣ—это было имя студента—поэтическаго таланта, съ удивленіемъ прочелъ экспромтъ въ стихахъ: „Въ день освобожденія Л. Гента изъ тюрьмы". Съ этихъ поръ Китсъ часто дѣлится своими поэтическими опытами съ Кларкомъ, который, видя несомнѣнные признаки таланта въ своемъ молодомъ другѣ, показалъ нѣсколько его стихотвореній Генту. По желанію заинтересованнаго оригинальнымъ поэтомъ критика, Кларкъ знакомитъ ихъ весной 1816 г.; въ Гентѣ Китсъ нашелъ друга и покровителя и, оставивъ всѣ остальныя занятія, всецѣло предался поэзіи. Онъ дѣлается членомъ его кружка и работаетъ съ какимъ-то почти лихорадочнымъ жаромъ, какъ бы предчувствуя, что немного времени выпало на его долю для исполненія его широкихъ замысловъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ промежутокъ пяти-шести лѣтъ ему удается написать цѣлый рядъ произведеній, обезпечивающихъ ему высокое мѣсто въ англійской литературѣ.

Жизнь Китса до его дебюта въ литературѣ представляетъ интересную картину развитія поэтической натуры среди самой будничной обстановки, заставлявшей его искать въ книгахъ пищу для своей природной восторженности. Въ противоположность большинству поэтовъ своего времени, аристократовъ по рожденію, Китсъ былъ простолюдинъ. Отецъ его, Томасъ Китсъ, извозчикъ по ремеслу, женился на дочери Джона Дженкинса, содержавшаго извозчичій дворъ въ Финсбури, и наслѣдовалъ тестю послѣ его смерти. Какъ Бёрнсъ—представитель крестьянскаго элемента въ англійской поэзіи, Китсъ—представитель мѣщанства; разница между ними та, что Бёрнсъ всецѣло посвятилъ свой талантъ средѣ, взроcтившей его; своеобразная муза Китса унесла его далеко отъ жизни, его окружавшей. Обстановка первой поры молодости не оставила слѣдовъ въ его творчествѣ; напротивъ, сознаніе своего низкаго происхожденія доставляло ему много горькихъ минутъ въ жизни и, по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, значительно способствовало его озлобленію противъ знатныхъ „озерныхъ" поэтовъ.

Джонъ Китсъ былъ старшимъ сыномъ своихъ родителей, которые послѣ него имѣли еще двухъ сыновей, Тома и Джорджа — игравшихъ значительную роль въ жизни поэта—и дочь Фанни. Еще въ дѣтствѣ онъ лишился отца, упавшаго съ лошади и умершаго отъ полученнаго сотрясенія; нѣсколько лѣтъ спустя умерла мать отъ чахотки, наслѣдственной въ ея семьѣ, и дѣти остались на попеченіи мистера Аббэ (Abbey), который завѣдывалъ денежными дѣлами сиротъ. Смерть матери была тяжелымъ уда-

ромъ для старшаго сына, тѣмъ болѣе, что отношенія между ними были необыкновенно нѣжныя. Джонъ любилъ мать съ нѣсколько рыцарскимъ оттѣнкомъ; такъ, сохранился анекдотъ, какъ онъ, шести или семи лѣтъ отъ роду, защищалъ съ саблей въ рукахъ входъ въ ея комнату, чтобы никто не потревожилъ ея сна. Во время болѣзни Джонъ не отходилъ отъ ея кровати, стараясь всячески развлечь ее чтеніемъ и разговорами; смерть ея повергла его въ странное для ребенка тупое отчаяніе, изъ котораго долгое время его нельзя было вывести. Первое образованіе Китсъ получилъ въ Инфильдѣ, въ школѣ Джона Кларка, и здѣсь началась впервые дружба съ сыномъ начальника школы, Чарльсомъ Ковденомъ Кларкомъ, продолжавшаяся до конца его жизни. Кларкъ много способствовалъ началу литературной дѣятельности своего младшаго друга; судьба, жестоко преслѣдовавшая Китса во время его недолгой жизни, вообще наградила его однимъ преимуществомъ—вѣрными, преданными друзьями. Въ воспоминаніяхъ Кларка мы находимъ много подробностей о школьной жизни Китса; онъ вспоминаетъ привѣтливое, свѣтлое лицо маленькаго Джона, сдѣлавшагося вскорѣ общимъ любимцемъ. Особенныхъ способностей мальчикъ не выказывалъ. „Онъ былъ очень аккуратнымъ школьникомъ", говоритъ Кларкъ, но въ этомъ скромномъ школьникѣ развивается вскорѣ необыкновенная страсть къ чтенію, и выборъ любимыхъ книгъ свидѣтельствуетъ, что подготовительная работа поэта въ немъ началась. „Пантеонъ Тука,—продолжаетъ Кларкъ,—классическій словарь Ламперіера, „Полиѳемисъ" Спенсера,—книги, надъ которыми Китсъ проводитъ цѣлые дни".

„Въ нихъ онъ почерпнулъ знаніе и любовь къ греческой миѳологіи, ими было вскормлено благоговѣніе предъ нею, превышающее его классическія познанія,—послѣднія не простирались далѣе чтенія Энеиды, которая, правда, произвела такое сильное впечатлѣніе на Китса, что онъ перевелъ, еще будучи въ школѣ, значительную часть поэмы". Его пристрастіе къ греческой миѳологіи—отличительная черта его творчества—обнаруживается, такимъ образомъ, уже въ мальчикѣ. Кромѣ школьныхъ упражненій, Китсъ никогда не занимался греческимъ языкомъ и постигъ, однако, характеръ и красоту греческой жизни. Воображеніе поэта начинаетъ работать уже въ школьномъ періодѣ его жизни и, по словамъ Кларка, не было возможности оторвать Китса отъ чтенія, и, лишь уступая настояніямъ учителя, онъ изрѣдка соглашался пройтись по аллеямъ парка съ книгой въ рукахъ.

Въ 1810 г., 15-ти лѣтъ, онъ кончилъ курсъ въ инфильд-

ской школѣ и, по рѣшенію семейнаго совѣта, дѣлается ученикомъ фельдшера Гаммонда въ Эдмонтонѣ. Исполняя добросовѣстно свои техническія обязанности, Китсъ посвящаетъ досуги изученію англійской литературы вмѣстѣ съ жившимъ по сосѣдству Кларкомъ. Послѣдній разсказываетъ, какъ однажды Китсъ взялъ у него „Fainy Queen“ (Царица Фей) Спенсера, къ удивленію всей семьи, находившей весьма страннымъ, что студентъ-медикъ интересуется подобными книгами. Поэма оказала на него волшебное дѣйствіе. „Онъ прыгалъ по сценамъ поэмы, какъ молодая лошадь, выпущенная весной на лугъ. Красивое описаніе, удачный поэтическій образъ, какъ напр. „вытѣсняющій море китъ“ вызывали выраженіе экстаза на его лицѣ“.

Китсъ не окончилъ обязательнаго курса у Гаммонда, вслѣдствіе возникшихъ между ними недоразумѣній, и продолжалъ занятія уже въ Лондонѣ въ больницѣ св. Томаса, но его умъ занятъ теперь всецѣло поэзіей. На вопросъ Кларка, доволенъ ли онъ занятіями въ больницѣ, Китсъ отвѣчаетъ, что не можетъ съ достаточнымъ вниманіемъ заниматься анатоміей. „Напримѣръ, на дняхъ, прибавляетъ онъ, во время лекціи въ комнату ворвался солнечный лучъ, и съ нимъ цѣлая толпа воздушныхъ созданій, увлекшихъ меня въ волшебную страну Оберона“. Очевидно, не для анатомическаго театра создана была эта чуткая поэтическая душа. Въ самомъ дѣлѣ, сдавши окончательный экзаменъ по хирургіи въ іюлѣ 1815 г. и получивъ мѣсто ординатора, Китсъ вскорѣ окончательно отказывается отъ практической дѣятельности послѣ удачной операціи, сдѣланной имъ въ больницѣ. „Моя послѣдняя операція, — говорилъ онъ впослѣдствіи, — состояла въ раскрытіи кровеноснаго сосуда; я исполнилъ ее очень аккуратно, но мысли мои въ это время были такъ далеко, что удачный исходъ мнѣ показался чудомъ, и я съ тѣхъ поръ не дотрагивался до ланцета.

Съ 1816 г. Китсъ, какъ мы видѣли, дѣлается членомъ кружка Гента и всецѣло предается литературѣ. Дѣятельность его въ значительной степени опредѣляется идеями этого общества, которое заключаетъ въ себѣ будущность новой литературной школы. Прежде чѣмъ обратиться къ анализу произведеній Китса, постараемся въ краткихъ чертахъ охарактеризовать эту среду, въ которой развивается его талантъ, и главнымъ образомъ личность Ли Гента, вдохновителя молодыхъ писателей, собравшихся вокругъ него.

II.

Періодъ, въ который выступаетъ Китсъ, отмѣчаетъ собой переломъ двухъ направленій въ литературѣ, переходъ власти надъ умами отъ титановъ старшаго поколѣнія къ богамъ младшаго, какъ характеризуетъ эту эволюцію Брандесъ, заимствуя поэтическій образъ изъ „Гиперіона“ Китса [1]). Роль поэтовъ старшаго поколѣнія сыграна; они начали собой реакцію противъ условности XVIII-го в., окунувшись въ національную струю. „Сдѣлаться національнымъ (народнымъ),—говоритъ Брандесъ,—„значитъ для Англіи сдѣлаться натуралистомъ, какъ сдѣлаться романтикомъ для Германіи, приверженцемъ древне-норвежскихъ сказаній для Даніи. Эти англійскіе писатели изучаютъ и благоговѣйно преклоняются всѣ безъ исключенія предъ природой“. Но на этомъ ихъ значеніе останавливается; узкій патріотизмъ, принадлежность къ ретроградной партіи торіевъ, оставляли Вордсворта, Вальтеръ-Скотта и Кольриджа глухими къ идеямъ нравственной и политической свободы, оживляющимъ какъ древнюю, такъ и новую Англію, и ихъ творчество направлено на воспѣваніе красотъ природы и воспроизведеніе старыхъ шотландскихъ преданій. Конечно, ихъ произведенія сохранятъ навсегда значеніе, какъ образцы безъискусственной свѣжей красоты; Вордсвортъ даже болѣе признается потомствомъ, чѣмъ современниками, которые не могли простить ему торизма. Въ началѣ XIX-го в. въ обществѣ настолько сильна уже потребность въ свѣжемъ свободномъ словѣ, что симпатіи переносятся на писателей новой школы при самомъ ея выступленіи, т.-е. когда самымъ выдающимся ея представителемъ былъ Ли Гентъ. Домъ его, какъ мы видѣли, служилъ центромъ молодой литературы; поэты, критики, даже художники обращались къ нему за совѣтами; Гентъ очаровывалъ ихъ своимъ дружескимъ отношеніемъ и имѣлъ большое вліяніе на выдающихся людей своего поколѣнія, не обладая самъ большимъ литературнымъ талантомъ. Симпатичный какъ человѣкъ, преданный своимъ идеямъ, онъ готовъ былъ всѣмъ жертвовать для ихъ осуществленія и до самоотверженія любилъ друзей и товарищей по служенію общему дѣлу свободы. Открыть новый талантъ было для него наслажденіемъ, и онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы развить таящіяся силы. Вліяніе его было въ высшей степени благотворно для начинающихъ писателей; мы увидимъ, какъ оно

---

[1]) Brandes, Hauptströmungen. B. IV, S. 141.

отразилось на Китсѣ. Но этимъ нравственнымъ воздѣйствіемъ не ограничивается значеніе Гента. Въ качествѣ политическаго писателя, литературнаго критика и поэта, онъ также занимаетъ видное мѣсто въ литературѣ: „Quarterly Review", нападая на нѣсколько вульгарный языкъ поэзіи Гента, обвиняетъ его въ томъ, что онъ и его послѣдователи внесли лавочный оттѣнокъ въ англійскую поэзію, и присвоиваетъ его школѣ названіе Cockney-school [1]).

Такимъ образомъ, ослѣпленные ненавистью къ вигамъ, критики торійскаго органа причислили Китса и другихъ представителей новаго направленія къ подражателямъ Гента; но Китсъ и Шелли настолько выше ихъ старшаго друга по таланту, что о подражаніи не можетъ быть рѣчи. Несомнѣнна лишь общность взглядовъ какъ въ политикѣ, такъ и въ искусствѣ между Гентомъ и его молодыми товарищами. Мы видѣли, какіе взгляды Гентъ защищалъ въ политикѣ какъ редакторъ „Examiner'а" и какъ онъ за смѣлость своихъ нападокъ поплатился личной свободой; эстетическія теоріи его изложены въ важнѣйшемъ изъ его критическихъ трудовъ, „Imagination and fancy". Мы разсмотримъ нѣсколько подробнѣе этотъ трудъ, такъ какъ въ немъ отразились взгляды на искусство всего кружка вообще и Китса въ частности.

По теоріи Гента, главный элементъ поэзіи—воображеніе, которое онъ подраздѣляетъ на нѣсколько видовъ, опредѣляя разницу между поэтическимъ представленіемъ о предметѣ и его реальнымъ значеніемъ слѣдующей параллелью. „Поэзія начинается тогда,—говоритъ онъ,—когда фактъ или научная истина прекращаютъ свое существованіе, какъ таковые, и не представляютъ дальнѣйшаго развитія, т.-е. своей связи съ міромъ ощущеній и своей способности производить воображаемыя наслажденія. Напр., если мы спросимъ садовника, что̀ это за цвѣтокъ, онъ отвѣтитъ: лилія; это фактъ. Ботаникъ прибавитъ, что она принадлежитъ къ такому-то классу; это будетъ научное опредѣленіе. „Это принцесса сада", скажетъ Спенсеръ, и мы получаемъ поэтическое представленіе о ея красотѣ и граціи. „Лилія—произведеніе и цвѣтокъ свѣта" опредѣляетъ ее Бенъ-Джонсонъ, и поэзія въ его словахъ открываетъ намъ прелесть цвѣтка, всю его таинственность и великолѣпіе". Гентъ различаетъ „воображеніе", какъ принадлежность трагедіи и серьезной музы вообще, и „фантазію", свойственную легкому и комическому жанру. „Макбетъ", „Лиръ",

---

[1]) *Cockney*—насмѣшливое прозвище уличнаго лондонскаго языка и лондонца низшихъ классовъ.

„Божественная Комедія“—созданія воображенія, „Сонъ въ Лѣтнюю Ночь“, „Похищеніе локона“—фантазіи; „Ромео и Юлія“, „Буря“, „Царица Фей“ и „Неистовый Орландъ“—продукты обоихъ элементовъ. „Опредѣленіе воображенія,—продолжаетъ Гентъ,—слишкомъ ограничено, часто слишкомъ матеріально. Оно неизмѣнно представляетъ понятіе чего-то массивнаго, въ родѣ тѣхъ фигуръ, о которыхъ продавецъ выкрикиваетъ на улицахъ. Фантазія же предполагаетъ лишь умственный образъ или видѣніе, но, съ другой стороны, рѣдко достигаетъ той вѣрности образовъ, которая составляетъ одно изъ главныхъ преимуществъ воображенія“. Насколько Китсъ раздѣлялъ мнѣніе Гента о воображеніи, какъ основномъ качествѣ поэта, видно изъ многихъ разсужденій, которыми полны его письма къ друзьямъ. Кромѣ благотворнаго личнаго вліянія Гента на Китса, послѣдній, вращаясь съ юныхъ лѣтъ въ либеральной средѣ, окружавшей издателя „Examiner'a“, развиваетъ въ себѣ врожденное чувство любви къ свободѣ; онъ самъ, впрочемъ, никогда не занимался политическими вопросами въ печати. „Что касается политическихъ убѣжденій Китса,—говоритъ Кларкъ,—то я не сомнѣваюсь, что они сводились къ общимъ принципамъ свободы для всѣхъ, т.-е. одинаково справедливаго отношенія ко всѣмъ, отъ герцога до чернорабочаго“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ возвращается къ вопросу объ убѣжденіяхъ Китса, говоря: „Китсъ никогда не заявлялъ въ печати о своихъ политическихъ взглядахъ; лишь исполняя долгъ благодарности за дружеское ободреніе, онъ посвятилъ свою книгу Ли Генту, редактору „Examiner'a“, радикалу и предполагаемому стороннику Наполеона; послѣднее предположеніе основывалось на томъ, что Гентъ, говоря объ императорѣ, не прибавлялъ моднаго прозвища: „корсиканское чудовище“. Но эти общіе принципы, несомнѣнно расширившіе его горизонтъ и отразившіеся на его поэзіи, которая вдохновляется свободной жизнью грековъ, страданіями титановъ и голосомъ природы, — эти принципы Китсъ выработалъ въ себѣ въ обществѣ Гента и его друзей. Дружба ихъ, начавшись въ 1816 г., приняла характеръ задушевности, возможной только между родственными натурами, одинаково воспринимающими внѣшнія впечатлѣнія. Они вмѣстѣ читаютъ и работаютъ; „мы не оставляли ни одного доступнаго уму наслажденія незамѣченнымъ или неиспытаннымъ“, говоритъ Гентъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „начиная отъ сказаній бардовъ и патріотовъ древности до ощущенія прелести солнечныхъ лучей, бьющихъ въ окно, или треска угольевъ

---

[1]) *Clarke.* Recollections, etc., p. 156.

ѣ зимой" [1]). Въ этихъ словахъ уже сказывается крайняя, лѣзненная воспріимчивость, одинаково обнаруживающаяся юноши Китса, такъ и у Гента, который былъ гораздо его; мы увидимъ, до какой степени она овладѣла вно- і всѣмъ существомъ пѣвца „Эндиміона".

ъ сразу понялъ, какой геній таится въ неправильно сю- головѣ молодого Китса, и даетъ весьма вѣрную характе- его душевнаго и умственнаго склада въ періодъ ихъ знакомства. Онъ отмѣчаетъ болѣзненную воспріимчивость ры: „его естественное влеченіе къ наслажденіямъ вырож- ногда, вслѣдствіе слабаго здоровья, въ поэтическую жен- гъ". Позднѣе, когда талантъ Китса вполнѣ установился, мѣтилъ по поводу „Гиперіона", что герои Китса до того іны, что падаютъ въ обморокъ отъ малѣйшаго волненія. гой крайней чувствительностью Гентъ разглядѣлъ ориги- силу настоящаго поэта: „онъ былъ рожденъ поэтомъ поэтическаго типа". Въ то время какъ вліятельная печать падала на поэзію Китса и когда его талантъ подвер- мнѣнію даже въ сочувствующихъ кружкахъ, Гентъ смѣло ываетъ ему блестящук будущность. „Я осмѣливаюсь пред- —пишетъ онъ послѣ появленія „Эндиміона",—что Китсъ і навсегда извѣстнымъ въ англійской литературѣ, какъ поэтъ; его произведенія будутъ вѣрными спутниками по і лѣсамъ для всѣхъ тѣхъ, которые понимаютъ, какое на- е удалиться отъ заботъ мелочной будничной жизни въ иночества и воображенія, имѣя при себѣ томъ любимаго). Въ устарѣломъ для насъ сантиментальномъ тонѣ англій- итика сказывается, однако, пониманіе своеобразной музы его отзывы тѣмъ болѣе важны, что они были единствен- агопріятными для автора „Эндиміона", до появленія лучшаго тома его произведеній. Одобреніе уважаемаго итика поддерживало энергію поэта въ дни унынія и со- гъ себѣ и давало ему силы работать дальше.

домѣ Гента Китсъ познакомился съ лицами, которыя большое значеніе для его дальнѣйшей жизни. Шелли, , Гайдонъ, поэтъ Райнольдсъ, Олліэ (издатель перваго хотвореній Китса) составляли обычное общество критика; Китсъ встрѣтился впервые съ издателемъ „Atheneum'a", ъ Вентвортомъ Дилькомъ, съ которымъ оставался всю

---

[1] *gh Hunt.* Byron and some of his contemporaries, p. 188.
gination and fancy, p. 125.

жизнь въ дружескихъ отношеніяхъ. Все это общество любило Китса какъ пріятнаго собесѣдника, и многіе сохранили въ своихъ мемуарахъ впечатлѣніе, которое производилъ постоянно восторженный, витающій въ облакахъ поэтъ: „глаза его обладали смотрящимъ въ глубь божественнымъ взглядомъ, какъ у пиѳіи, подверженной видѣніямъ“, говоритъ Гайдонъ, изобразившій голову Китса въ знаменитой картинѣ: „Въѣздъ Христа въ Іерусалимъ“ [1]); миссисъ Проктеръ разсказываетъ, что глаза Китса, „казались прикованными къ какому-то чудному зрѣлищу“ [2]). По настоянію друзей Китсъ рѣшился выпустить первое собраніе своихъ стихотвореній; Олліэ взялъ на себя изданіе, и весной 1817 г. появилась книга „Poems“, носящая эпиграфъ изъ Спенсера, вполнѣ отвѣчающій характеру книги:

What more felicity can fall to creature
Than to enjoy delight with liberty?

(Можетъ ли быть большее счастье для человѣка, чѣмъ свободно вкушать наслажденіе?)

Судьба этого перваго опыта была весьма печальна. Кромѣ теплой статьи Гента въ „Examiner'ѣ“, никто не ободрилъ въ печати выступающаго поэта. „Edinbourgh Review“ прошло молчаніемъ появившійся сборникъ; торійскіе же òрганы („Quarterly Review“, „Blackwood“) отмѣтили новаго адепта Гентовской школы, подражающаго своему учителю даже въ фактурѣ стиха, т.-е. употребляющаго десятисложный героическій стихъ поэтовъ Елизаветинской поры, который Гентъ хотѣлъ возобновить въ поэзіи своей эпохи. Недоброжелательные критики рѣшили, что новый поэтъ—одинъ изъ плеяды „Cockney-school“. Очевидно, слѣпая ненависть ко всему, чтò выходило изъ либеральнаго лагеря, заставляло шотландскіе журналы такъ сурово отнестись къ начинающему поэту; не могли же въ самомъ дѣлѣ критики съ такимъ литературнымъ вкусомъ, какъ Джиффордъ, просмотрѣть несомнѣнное дарованіе, скрывающееся подъ несмѣлымъ, юношески необработаннымъ стихомъ Китса. Въ публикѣ сборникъ тоже не имѣлъ успѣха, чтò объясняется своеобразностью поэзіи Китса. Романтичность въ Спенсеровскомъ духѣ съ одной стороны, вѣяніе классической Греціи съ другой, весь этотъ непривычный міръ ощущеній, звуковъ и цвѣтовъ не могъ быть понятъ и оцѣненъ сразу. Къ тому же многія изъ стихотвореній имѣли боль-

---

[1]) *Rossetti*. Keats, стр. 21.
[2]) *Colvin*. Keats, стр. 47.

шіе недостатки, сразу бросавшіеся въ глаза, между тѣмъ какъ красоты таились глубже, доступныя лишь тонко развитому вкусу. Книжка расходилась въ весьма ограниченномъ количествѣ, и курьезно письмо издателя сборника, Олліэ, къ брату Китса Георгу, гдѣ онъ сожалѣетъ, что взялся издать поэмы Джона, такъ какъ неуспѣхъ книги отзывается на репутаціи фирмы, обнаруживая отсутствіе вкуса у издателя, когда уже вскорѣ Китсъ дѣлается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ своего времени.

Приговоръ общества надъ первымъ опытомъ Китса имѣлъ, какъ мы говорили, основаніе; благодаря своимъ особенностямъ, книга Китса предназначалась не для большой публики. Но отвѣтственность за незаслуженно суровый пріемъ падаетъ на критику: уже тогда автору стоило только отбросить нѣкоторые внѣшніе недостатки, чтобы стать на ряду съ лучшими поэтами своей страны.

Свое поэтическое profession de foi Китсъ высказываетъ въ стихотвореніи „Сонъ и поэзія"; онъ объявляетъ войну традиціямъ условной поэзіи XVIII-го вѣка и посвящаетъ читателя въ здоровый, полный свѣжей поэзіи и жизни романтизмъ Спенсера, Драйдена и др. Отмѣтивъ прелесть британской поэзіи великой эпохи, т.-е. Драйдена и Мильтона, Китсъ продолжаетъ: „Неужели все это могло быть забыто? Да, ересь, взрощенная глупостью и варварствомъ, заставила великаго Аполлона краснѣть за эту страну. Ничего не понимающіе люди считаются мудрецами; съ ребяческимъ упорствомъ они взгромоздили сокровища Аполлона на деревянную лошадку, вообразивъ ее Пегасомъ. О, слабодушные! Небесные вѣтры шумѣли; океанъ катилъ свои рокочущія волны, но вы не чувствовали этого; небесная лазурь обнажала свою вѣчную красоту; роса лѣтней ночи собиралась украсить утро. Красота проснулась—почему не проснулись и вы? Но вы были мертвы для незнакомыхъ вамъ вещей, были слишкомъ связаны тупоумными законами, начертанными въ неумѣлыхъ линіяхъ по узкому масштабу; вы научили, такимъ образомъ, цѣлую школу глупцовъ отдѣлывать, смягчая, стругая и охорашивая свои стихи, какъ извѣстные шесты Іакова. Задача была нетрудна; тысяча ремесленниковъ носила маску поэзіи, злополучное нечестивое племя, хулящее великаго бога поэзіи, не зная его сами! Нѣтъ, они шествовали съ жалкимъ, отжившимъ знаніемъ, на которомъ начертано нѣсколько пустыхъ изреченій и во всю ширину—имя какого-то Буало [1]).

---

[1]) „Sleep and poetry". Poetical Works of John Keats with notes of Palgrave. L. 1884. Macmillan. Другія извлеченія мы дѣлаемъ по изданію Ward'а съ примѣчаніями Россетти.

Смѣлый вызовъ Китса господствующему еще литературному теченію долженъ былъ, по выраженію Гайдона, „быть блескомъ молніи, которая отрываетъ людей отъ обычныхъ занятій и заставляетъ ихъ со страхомъ ожидать раскатовъ грома, который неминуемо долженъ послѣдовать“ [1]). Дѣйствительность, какъ мы видѣли, не оправдала этого ожиданія; стихи Китса не были поняты; значеніе поднятаго имъ движенія выяснилось лишь впослѣдствіи. Относительно приведеннаго нами отрывка критики Китса упрекали въ крайней рѣзкости и несправедливости къ школѣ Буало, которую нельзя назвать собраніемъ глупцовъ; но увлеченіе поэта легко объясняется рвеніемъ новатора, смѣло разрубающаго стѣснявшія его воображеніе путы условности. Стихотвореніе вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на тотъ путь, по которому намѣренъ былъ слѣдовать поэтъ, поклонникъ и послѣдователь Елизаветинскихъ поэтовъ; здѣсь звучатъ также отголоски того міра, среди котораго воображеніе Китса находитъ постоянную пищу: красота начинаетъ у него воплощаться въ образы античной Греціи; послѣдняя играетъ значительную роль въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Китса.

Еще сильнѣе это направленіе выражается въ лучшей пьесѣ книги, сонетѣ „По прочтеніи Чапмэновскаго Гомера“: сонетъ до сихъ поръ считается однимъ изъ наиболѣе трогательныхъ, прекрасныхъ образцовъ англійской поэзіи, и въ самомъ дѣлѣ трудно найти болѣе прочувствованные звуки для выраженія восторга красотой. Приводимъ пьесу цѣликомъ, чтобы пропусками не испортить впечатлѣнія, которое онъ производитъ:

„Я много странствовалъ въ владѣніяхъ золота и видѣлъ много прекрасныхъ странъ и королевствъ; я плавалъ вокругъ многихъ острововъ на востокѣ, подчиненныхъ пѣвцами владычеству Аполлона. Я много слышалъ объ одномъ обширномъ пространствѣ, управляемомъ глубокомысленнымъ (нахмуреннымъ) Гомеромъ, но никогда я не могъ вполнѣ наслаждаться его ясностью и чистотой, пока не услышалъ смѣлыхъ и громкихъ звуковъ Чапмэна. Я пришелъ въ состояніе духа, подобное восторгу астронома, узрѣвшаго на горизонтѣ новую планету, или величественнаго Кортеса, устремившаго орлиный взоръ на Тихій Океанъ съ вершины молчаливаго утеса Даріи [2]), въ то время какъ его спутники смотрѣли другъ на друга въ дикомъ изумленіи!“

Третьей выдающейся пьесой сборника 1817 г. является поэма,

---

[1]) *Colvin*, b. 65.

[2]) Историческая ошибка: Дарія (Панама) открыта Бильбоа, Кортесъ же открылъ Мексику.

начинающаяся словами: „Я стоялъ въ ожиданіи на маленькомъ холмѣ“. Поэтъ отдается чарамъ лѣтней лунной ночи, вызывающей въ немъ образы греческой миѳологіи; этотъ мотивъ вскорѣ разрабатывается имъ болѣе обширно въ самой обширной, но далеко не лучшей изъ его поэмъ, „Эндиміонъ“, и мы видимъ изъ указаннаго небольшого стихотворенія, какъ сложился этотъ поэтическій замыселъ, результатъ крайней воспріимчивости къ жизни природы. „Его воображеніе болѣе всего было занято миѳологіей,—говоритъ Кольвинъ,—и физическими чарами луны. Ни одинъ пѣвецъ не былъ въ юности столь буквально лунатикомъ“. Вотъ лучшія строки поэмы, объясняющія происхожденіе миѳа о любви богини луны къ царю пастуховъ Эндиміону: „Тотъ былъ поэтомъ и зналъ навѣрное любовь, кто стоялъ на вершинѣ Латмуса въ то время, какъ нѣжный вѣтерокъ поднимался снизу, изъ миртовой рощи, донося до его слуха торжественные, сладкіе и размѣренные звуки гимна изъ храма Діаны; ѳиміамъ же возносился къ ея собственному звѣздному жилищу. Но хотя ликъ ея былъ ясенъ, какъ глаза ребенка, хотя она, улыбаясь, стояла надъ жертвенникомъ, поэтъ заплакалъ надъ ея жалкой судьбой, сѣтуя о томъ, что это прекрасное существо страдаетъ. Изъ золотыхъ звуковъ онъ сплелъ прекрасный вѣнокъ и нѣжной Цинтіи далъ Эндиміона“.

Кромѣ названныхъ стихотвореній, сборникъ представляетъ мало интереснаго; „Посланія къ друзьямъ“ монотонны, обнаруживая въ самомъ дѣлѣ вліяніе Гента; они дѣлаютъ честь дружескимъ чувствамъ, но представляютъ мало поэтическихъ достоинствъ. Болѣе интересно „посвященіе“ Генту во главѣ сборника; оно выражаетъ идею, вдохновившую Шиллера въ его „Götter des Griechenlandes“, сожалѣніе о томъ, что миновало на землѣ царство греческихъ боговъ. Меланхолическій оттѣнокъ пьесы показываетъ, что Китсъ сознавалъ, насколько его поклоненіе чистой красотѣ далеко отъ идей, занимавшихъ современное ему общество, и, не имѣя притязанія открыть новый путь для англійской поэзіи, выражаетъ радость, что находятся люди, которые понимаютъ волнующіе его образы и мысли. „Прошла пора великолѣпія и прелести: выходя теперь раннимъ утромъ, мы не видимъ ѳиміама, возносящагося на встрѣчу улыбающемуся утру; не видимъ толпы нѣжныхъ, молодыхъ и веселыхъ нимфъ, приносящихъ въ плетеныхъ корзинкахъ колосья, розы, гвоздики и фіалки, чтобы украшать въ маѣ алтарь Флоры. Но остались еще столь же высокія наслажденія; я вѣчно буду благословлять судьбу за то, что въ дни, когда подъ прекрасными деревьями не предполагается присутствіе пана, я все-таки ощу-

щаю восторгъ, видя, что могу доставить удовольствіе своимъ скромнымъ приношеніемъ такому человѣку, какъ ты".

III.

Неуспѣхъ перваго опыта не ослабилъ дѣятельности Китса. Оставивъ на время Лондонъ, онъ усердно работаетъ надъ задуманной большой поэмой „Эндиміонъ", поддерживая вмѣстѣ съ тѣмъ прежнія сношенія съ литературными друзьями. Въ теченіе конца 1817 г. и половины 1818 Китсъ путешествовалъ по острову Уайту, чтобы набраться новыхъ впечатлѣній, и поселился въ Гампстэдѣ, недалеко отъ Лондона и отъ помѣстья Гента, „Vale of Health", гдѣ бывалъ частымъ гостемъ. Гампстэдъ былъ имъ выбранъ, главнымъ образомъ, ради его мягкаго климата, такъ какъ вмѣстѣ съ Китсомъ поселился его младшій братъ Томъ, страдавшій съ нѣкотораго времени грудью. Кромѣ Гента въ сосѣдствѣ Китса жили двое новыхъ литературныхъ пріятелей Китса, Дилькъ, издатель „Atheneum'a" и Чарльсъ Броунъ, ближайшій другъ поэта въ послѣдніе годы его жизни. Броунъ былъ извѣстнымъ литераторомъ своего времени; онъ провелъ много лѣтъ въ Россіи, занятый какимъ-то торговымъ предпріятіемъ въ Петербургѣ, затѣмъ, наживъ небольшой капиталъ, вернулся на родину и, слѣдуя природной склонности, предался литературному труду. Его опера изъ русскаго быта „Наренскій" не имѣла успѣха; гораздо замѣчательнѣе его критическое изслѣдованіе по шекспирологіи: онъ впервые указалъ на автобіографическое значеніе сонетовъ Шекспира. Броунъ съ перваго знакомства сильно привязался къ молодому поэту, который, въ свою очередь, полюбилъ его за веселый, открытый характеръ; ихъ дружескія отношенія продолжаются до самой смерти Китса, и Броунъ въ послѣдніе годы жизни своего друга выказалъ на дѣлѣ, какъ глубока была его привязанность. Дружба Броуна тѣмъ болѣе сдѣлалась потребностью для Китса въ описываемый періодъ, что нарушились его прежнія отношенія къ Генту. Китсъ замѣтилъ нѣкоторую мелочность въ характерѣ своего старшаго друга и покровителя, тщеславіе, ограниченность сужденій, и пересталъ питать къ нему безграничное уваженіе перваго времени ихъ знакомства. Къ тому же антагонизмъ, возникшій между Гентомъ и другимъ постояннымъ членомъ кружка, Гайдономъ, повліялъ на Китса, который очутился между двухъ огней; каждый изъ противниковъ вооружалъ Китса противъ вліянія другого, и мягкая натура поэта потеряла равновѣсіе между этими

противоположными давленіями. Онъ охладѣваетъ къ Генту и уже не цѣнитъ какъ прежде его отзывовъ о своихъ стихахъ. Эти литературныя недоразумѣнія не повели однако къ серьезной размолвкѣ; Гентъ продолжалъ съ прежней заботливостью и теплотой относиться къ Китсу и его поэтической дѣятельности. Китсъ, освободившись окончательно отъ литературнаго вліянія своего старшаго друга, поддерживаетъ по прежнему личное знакомство, хотя между ними нѣтъ уже прежней задушевности, и если въ первой книжкѣ отразилось нѣкоторое подражаніе Генту, этотъ элементъ въ его поэзіи окончательно исчезаетъ послѣ 1817 г. Живя въ Гампстэдѣ, Китсъ часто бывалъ у Гента и они нерѣдко писали стихи на одну и ту же тему; изъ нихъ сохранилось два стихотворенія: „Сверчокъ и Кузнечикъ“, написанныя обоими въ опредѣленное количество времени въ одной и той же комнатѣ.

Кларкъ, присутствовавшій при этомъ шуточномъ состязаніи, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ сочувственно Гентъ относился къ своему младшему сопернику, одобряя каждую удачную строчку. Насколько между ними въ ходу были эти поэтическіе турниры, видно изъ трехъ въ одно и то же время написанныхъ сонетовъ „Къ Нилу“, авторы которыхъ—Китсъ, Шелли и Гентъ; въ нихъ, между прочимъ, ясно сказывается особенность взглядовъ каждаго изъ трехъ поэтовъ на природу: въ то время какъ натуралистъ Китсъ воспѣваетъ въ Нилѣ плодородную рѣку, вносящую жизнь въ пустыню, Гентъ предается воспоминаніямъ о Сезострисѣ и древнемъ Египтѣ, а Шелли обращаетъ Нилъ съ окружающими его руинами въ символъ бренности всего земного.

Полтора года, посвященные сочиненію „Эндиміона“, не проходятъ безслѣдно для поэтическаго и душевнаго развитія Китса. Экспансивный въ своихъ чувствахъ, Китсъ дѣлится съ своими друзьями всякимъ движеніемъ души, всякой задушевной мыслью. Письма его за этотъ періодъ носятъ характеръ дневника: поэтъ какъ бы не думаетъ о тѣхъ, для кого письма предназначаются, а старается лишь отмѣтить все то, что̀ имѣетъ интересъ для него самого. Въ нихъ встрѣчаются то теоретическія разсужденія о вопросахъ искусства, то мелочи интимной жизни, и, взятая въ цѣломъ, корреспонденія Китса представляетъ любопытный матеріалъ для наблюденія за развитіемъ этой своеобразной натуры, которая живетъ только своимъ творчествомъ и для которой красота составляетъ высшую цѣль и наслажденіе въ жизни. „Я убѣдился, что не могу жить безъ поэзіи, — пишетъ онъ однажды Райнольдсу, — безъ постоянной поэзіи, полъ-дня работы для меня недостаточно. Я началъ небольшимъ количествомъ, но привычка

сдѣлала изъ меня Левіаѳана". Занятый чтеніемъ Шекспира, онъ выноситъ изъ него особое наслажденіе, доступное лишь избраннымъ натурамъ; воспріимчивость его сказывается и здѣсь въ тонкой передачѣ волнующихъ его ощущеній. Переходъ отъ „Ромео и Юліи" къ „Королю Лиру" даетъ ему поводъ въ сонетѣ „Предъ вторичнымъ чтеніемъ „Короля Лира" изобразить разницу въ характерѣ этихъ пьесъ и производимомъ ими впечатлѣніи.

„Прощай! еще разъ я долженъ пройти чрезъ пламя ожесточенной борьбы между муками ада и пожираемымъ страстью смертнымъ созданіемъ, еще разъ вкусить горькую сладость этого плода Шекспира!"—восклицаетъ онъ, прося Шекспира и облака Альбіона, породившія эту глубокую вѣчную тему, „чтобы они дали ему новыя крылья феникса, когда это пламя испепелитъ его".

Вліяніе Шекспира весьма значительно въ этотъ періодъ жизни Китса; онъ наполняетъ письма выписками изъ великаго поэта и проситъ друзей въ одномъ письмѣ: „когда бы вы ни писали, скажите пару словъ о какомъ-нибудь мѣстѣ у Шекспира, которое вамъ покажется чѣмъ-нибудь новымъ, а это случается постоянно, если бы мы даже по сорока разъ читали одну и ту же драму". Онъ до такой степени проникается мыслью о Шекспирѣ, что воображаетъ его покровительствующимъ ему духомъ. „Я помню,— пишетъ онъ Гайдону, — какъ вы говорили, что чувствуете надъ собой присутствіе охраняющаго васъ добраго генія;—я недавно думалъ то же самое, потому что масса чисто случайныхъ поступковъ оправдывается разсудкомъ только по совершеніи ихъ. Не будетъ ли слишкомъ смѣло съ моей стороны предположить, что охраняющій меня духъ—Шекспиръ? На островѣ Уайтѣ, въ домѣ, въ которомъ я жилъ, я натолкнулся на портретъ Шекспира, который изъ всѣхъ мною видѣнныхъ наиболѣе подходилъ къ моему представленію о немъ. Хотя я всего недѣлю прожилъ тамъ, старуха хозяйка заставила меня взять себѣ портретъ, несмотря на то, что я спѣшилъ. Не полагаете ли вы, что это хорошее предзнаменованіе? Я былъ бы радъ, если бы вы сказали, что всякій человѣкъ съ большими замыслами такъ же мучится порой, какъ я". Въ самомъ дѣлѣ, видѣнія и мысли, осаждающія Китса, мучаютъ его какъ галлюцинаціи; онъ не можетъ безнаказанно увлекаться какимъ-нибудь писателемъ; экзальтація овладѣваетъ всѣмъ его существомъ, заставляя его страдать вмѣстѣ съ любимымъ поэтомъ. Прежде это былъ Спенсеръ; теперь Шекспиръ на очереди. Но великій реалистъ не могъ подчинить себѣ музу Китса. Слишкомъ далекій отъ міра людского съ его чисто человѣческими страстями, Китсъ восторгается, главнымъ образомъ, стихійнымъ

элементомъ у Шекспира. Для Китса человѣкъ дорог
вселенной, часть природы; ему цвѣтокъ столь ж
поэтому Шекспиръ для него не учитель, а геній
вообще, увлекающій его чуткую душу.

Письма Китса за описываемое время представля
интересную сторону: въ нихъ отражаются его теорети
на искусство, которые онъ вскорѣ примѣняетъ на
диміонѣ" и другихъ, болѣе зрѣлыхъ произведеніяхъ
что Китсъ вмѣстѣ съ Гентомъ отводятъ воображенію
щее мѣсто въ поэзіи; въ письмѣ къ Райнольдсу
излагаетъ свое пониманіе поэзіи, выражая стремле
начертанному имъ идеалу: „Я имѣю нѣсколько аксіом
пишетъ онъ, — и вы можете судить, приближаюсь
воплощенію въ моихъ стихахъ. Во-первыхъ, я пол
дача поэта поражать читателя не оригинальностью,
казаться ему выразителемъ его собственныхъ мечт
нать ему что-то отдаленное. Во-вторыхъ, художест
никогда не слѣдуетъ оставлять незаконченными, т
не удовлетворятъ читателя; начало, развитіе и зака
зовъ должно, подобно солнцу, естественно восход
сіять надъ нимъ и спокойно, но величественно захо
прелесть сумерекъ. Но легче разсуждать о томъ, чт
чѣмъ создавать поэтическія произведенія. И это п
къ новой аксіомѣ: если поэзія не является столь ж
какъ листья на деревьяхъ, ей не слѣдуетъ совсѣ
Въ этихъ нѣсколькихъ аксіомахъ Китсъ, незамѣтно д
даетъ вѣрную характеристику своей поэзіи: ея свое
лесть и есть та безъискусственная красота, котора
забыть о поэтѣ изъ-за его произведенія; легкость ж
онъ пишетъ лучшія свои вещи, вполнѣ оправдываетъ
что творчество должно быть столь же непринужден
ственнымъ для поэта, какъ ростъ листьевъ на дер

Сомнѣніе въ своемъ призваніи, понятное въ
поэтѣ, сильно преслѣдуетъ Китса во время работы н
номъ". Письма его переполнены разсужденіями на
противопоставляетъ безсиліе своего творчества безкон
понятію о поэзіи, которое онъ себѣ составилъ. „Н
грѣха послѣ семи смертныхъ,—пишетъ онъ Гайдон
тать себя великимъ поэтомъ, или причислять себя
браннымъ, которые имѣютъ право посвятить всю
стиженія славы". Мысль о своемъ безсиліи приним
преувеличенные размѣры, благодаря обычной инте

ощущеній. „Я часто спрашиваю себя, почему я болѣе чѣмъ другіе люди призванъ быть поэтомъ,—пишетъ онъ,—ибо вижу, какъ велико назначеніе поэзіи, какихъ высокихъ цѣлей можно ею достигнуть и что̀ значитъ пріобрѣсть славу“.

Мы остановились на перепискѣ этого періода жизни Китса, такъ какъ она объясняетъ его душевное состояніе во время работы надъ „Эндиміономъ“ и облегчаетъ пониманіе этой поэмы. Въ ней не слѣдуетъ искать совершенства; она отражаетъ время броженія молодыхъ силъ поэта, и на ряду съ идеальной красотой попадаются весьма слабыя мѣста, свидѣтельствующія о несоотвѣтствіи исполненія съ замысломъ. Настроеніе, породившее „Эндиміона“, дѣлается понятнымъ изъ собственныхъ признаній Китса въ его письмахъ, и мы видѣли, какія сомнѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ какіе широкіе замыслы волновали душу поэта во время работы. Переходимъ къ разсмотрѣнію Эндиміона, его странной судьбы и истиннаго значенія.

Въ основѣ поэмы лежитъ миѳъ, занимавшій многихъ поэтовъ древности и разсказываемый ими въ двухъ разныхъ версіяхъ. Эндиміонъ, сынъ Юпитера, былъ пастухомъ или охотникомъ, или же, по другой традиціи, царемъ (эти функціи были совмѣстимы въ героическую эпоху). Его высокая добродѣтель, по однимъ разсказамъ, побудила Юпитера обѣщать ему въ награду исполненіе одного высказаннаго имъ желанія; Эндиміонъ выпросилъ у отца безсмертіе, вѣчную юность и вѣчный сонъ—отсюда представленіе о „спящемъ Эндиміонѣ“, остающееся неизмѣннымъ во всѣхъ пересказахъ основного миѳа. Другое преданіе говоритъ, что Юпитеръ вознесъ Эндиміона на свой Олимпъ, но, уличивъ его въ ухаживаніи за Юноной, осудилъ на вѣчный сонъ на горѣ Латмосѣ въ Каріи. Но главный миѳъ, связанный съ именемъ Эндиміона, содержитъ исторію любви богини луны Селены, или Діаны, къ прекрасному юношѣ. Когда Эндиміонъ, говоритъ преданіе, усталый отъ охоты, засыпалъ въ одной изъ пещеръ горы Латмоса въ Каріи, цѣломудренная богиня замедляла бѣгъ своей колесницы, чтобы любоваться спящимъ красавцемъ, и даже оставляла иногда колесницу, чтобы цѣловать его прекрасныя губы. Изображеніе Эндиміона и посѣщенія его Діаной сохранилось на многихъ античныхъ памятникахъ; самое красивое изъ нихъ, передающее рѣдкую красоту царя пастуховъ, барельефъ Капитолія, гдѣ Эндиміонъ представленъ сидящимъ одиноко на утесѣ и погруженнымъ въ глубокій сонъ; возлѣ него собака, аттрибутъ его званія. На саркофагѣ Капитолія изображены Эндиміонъ, спящій въ объятіяхъ Морфея, и Діана, пришедшая любоваться имъ;

ей предшествуетъ Амуръ съ факеломъ въ рукахъ. Уже древніе начинаютъ комментировать этотъ миѳъ, стараясь найти реальный фактъ, послужившій ему основаніемъ; такъ, Плиній доказываетъ, что Эндиміонъ первый сталъ наблюдать за движеніями небесныхъ свѣтилъ, и это повело къ разсказу о его любви къ лунѣ. Въ наше время многіе ученые занимались объясненіемъ миѳа о спящемъ Эндиміонѣ. Нитчъ въ своемъ миѳологическомъ словарѣ говоритъ, что Эндиміонъ, вѣроятно, любилъ свѣтлыя лунныя ночи и проводилъ ихъ, предаваясь своему любимому занятію, охотѣ. Онъ любилъ мѣсяцъ—и отсюда повѣрье, что богиня мѣсяца любила его. Послѣ его смерти, вѣроятно, говорили, что Эндиміонъ, любившій проводить ночи бодрствуя, долженъ теперь спать все время—отсюда миѳъ о его вѣчномъ снѣ; мѣсто, гдѣ богиня выражала свою любовь Эндиміону—лежащая на востокѣ гора Латмосъ, потому что полагали, что созвѣздія восходятъ изъ-за горъ, Германнъ въ своей греческой миѳологіи придаетъ миѳу астрономическое значеніе: по его мнѣнію, Эндиміонъ не что иное, какъ астрономическій знакъ, представляемый египтянами въ образѣ человѣка, изъ устъ котораго въ началѣ года падаетъ солнечный лучъ. Онъ святъ для Селены, такъ какъ олицетворяетъ лунный годъ; греки по невѣденію обратили солнечный лучъ въ лунный, причемъ онъ не исходитъ изъ устъ Эндиміона, а направленъ на него, т.-е. на языкѣ поэтовъ лунный лучъ, спускающійся съ неба, цѣлуетъ Эндиміона. Есть еще попытка объяснить преданіе филологическимъ путемъ, изъ имени Эндиміона. Предметомъ поэтическихъ пересказовъ служитъ, главнымъ образомъ, эпизодъ любви Діаны и Эндиміона; въ утраченной поэмѣ Сафо воспѣвалась Діана, спускавшаяся каждую ночь къ очарованному ею Эндиміону; Теокритъ, Аполлоній и Овидій передаютъ эту исторію любви смертнаго къ богинѣ, какъ позднѣе Лукіанъ, Аполлодоръ и Павзаній. Конечно, эти классическіе образцы не были знакомы Китсу; въ англійской литературѣ сюжетъ этотъ былъ воспроизведенъ поэтомъ XVI-го в., Драйтономъ, а Китсъ прекрасно зналъ поэтовъ Елизаветинскаго времени. Кольвинъ полагаетъ, что поэма Драйтона „Человѣкъ на лунѣ“ послужила образцомъ для Китса, но это мнѣніе намъ кажется неосновательнымъ. Не говоря о томъ, что поэма Драйтона крайне слаба, авторъ ея понимаетъ миѳъ совершенно иначе, чѣмъ Китсъ. Драйтонъ примыкаетъ къ объясненію Плинія, что Эндиміонъ былъ астрономомъ, и разсказываетъ, отъ лица пастуха на празднествѣ Пана, какъ Эндиміонъ, наблюдая за движеніями луны, впалъ въ меланхолію; изъ нея выводитъ его сама Діана, являясь предъ его восхищеннымъ взоромъ и читая ему

цѣлую лекцію по астрономіи, чтобы доказать свое значеніе во вселенной; она объясняетъ ему движеніе луны вокругъ своей оси, говоритъ о разницѣ лунныхъ и солнечныхъ затмѣній, о томъ, какъ она, подобно ея брату Аполлону, имѣетъ цвѣтокъ, живущій лишь присутствіемъ луны, какъ геліотропъ—вліяніемъ солнца. Убѣжденный въ ея величіи, юноша рѣшается слѣдовать за любимой имъ богиней; Діана возноситъ его на небо, и съ тѣхъ поръ смертные видятъ на лунѣ во время полнолунія фигуру человѣка: это и есть Эндиміонъ, влюбленный въ Селену. Во всей поэмѣ Драйтона есть, по нашему мнѣнію, лишь одно поэтическое мѣсто, гдѣ Эндиміонъ съ свойственной древнимъ грекамъ способностью отождествлять явленія природы съ олицетворяющими ихъ божествами, задумывается надъ фазами луны, заключая изъ постоянныхъ перемѣнъ ея внѣшняго вида о постоянствѣ богини; при этомъ, однако, онъ сознаетъ, что повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же перемѣнъ каждый мѣсяцъ она даетъ полезныя указанія для смертныхъ.

У Драйтона и Китса общее лишь въ выборѣ сюжета и въ описаніи праздника Пана, которымъ оба автора начинаютъ поэму; быть можетъ, Китсъ заимствовалъ у своего предшественника мысль подобнаго начала, но выполнилъ ее совершенно въ другомъ духѣ, чѣмъ Драйтонъ; начало „Эндиміона" представляетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ всей поэмы.

Китсъ былъ правъ, считая „Эндиміона" пробою своей творческой силы, такъ какъ „излагая одно единственное положеніе въ 4.000 стихахъ, онъ долженъ наполнить ихъ поэзіей". Въ самомъ дѣлѣ, основное содержаніе поэмы весьма скудно: Эндиміонъ, влюбляющійся въ неизвѣстную ему богиню, странствуетъ по неземнымъ странамъ въ погонѣ за нею; послѣ разныхъ испытаній онъ узнаетъ, что возлюбленная его—богиня луны; она освобождаетъ его отъ земной оболочки и возноситъ съ собой на небо. Съ этимъ основнымъ мотивомъ сплетены другія миѳологическія сказанія объ Аретузѣ, Цирцеѣ и Главкѣ и др. Но эпизоды разсказа до того запутываютъ содержаніе, что разобраться въ немъ становится крайне труднымъ. Недоброжелательные критики, современники поэта, отказывались слѣдить за фантазіей автора, подписывая ему этимъ свой приговоръ; но несомнѣнно, что въ этомъ запутанномъ разсказѣ, при всѣхъ его недостаткахъ, есть большія красоты, и стоитъ дать себѣ трудъ внимательно прочесть „Эндиміона", уяснить себѣ его, чтобы убѣдиться, какъ поэтъ съумѣлъ проникнуться духомъ греческой жизни: весь этотъ міръ съ его неясными стремленіями къ идеалу и наивными вѣрова-

ніями возстановленъ предъ нами въ поэтической повѣсти о судьбѣ Эндиміона. Въ первой части (ихъ всѣхъ четыре) мы присутствуемъ на празднествѣ въ честь Пана. Пастухи ликуютъ, поютъ хвалебные гимны покровителю ихъ стадъ; всѣ веселы, лишь царь пастуховъ, прекрасный Эндиміонъ, не участвуетъ въ общемъ ликованіи, огорчая подданныхъ своимъ грустнымъ видомъ. Среди празднества онъ удаляется съ сестрой своей Пеоной на другой берегъ рѣки и, изнеможенный, засыпаетъ. Пеона плачетъ о тайномъ горѣ брата, и тотъ, проснувшись, замѣтилъ ея слезы; онъ открываетъ ей причину своей печали: ему во снѣ явилась женщина чудной красоты, которую онъ страстно полюбилъ и которая— онъ въ этомъ увѣренъ—не простое видѣніе. Сонъ этотъ былъ непродолжителенъ, и послѣ пробужденія онъ почувствовалъ себя крайне несчастнымъ; сновидѣніе повторилось еще разъ, но опять его чудесная возлюбленная исчезла, какъ только онъ пришелъ въ себя. Мысль же о ней не оставляетъ съ тѣхъ поръ Эндиміона, отравляя ему удовольствіе, которое онъ прежде испытывалъ отъ своихъ занятій. Пеона старается утѣшить его, говоря, что для него, доблестнаго царя пастуховъ, любовь не можетъ быть предметомъ подобныхъ терзаній, что у него есть высшія цѣли, чѣмъ воздыханіе по невѣдомой красавицѣ. Эндиміонъ увѣряетъ, что его возлюбленная—существо необыкновенное, и рѣшаетъ вернуться къ прежнимъ занятіямъ, ожидая повторенія сновидѣнія.

Во второй части поэмы Эндиміонъ продолжаетъ думать о своей любви; однажды, срывая въ рощѣ цвѣтокъ, онъ замѣчаетъ выпорхнувшую оттуда бабочку, какъ бы манящую его за собой; онъ слѣдуетъ ея полету и приходитъ къ источнику; здѣсь онъ видитъ нимфу, которая ему предсказываетъ, что послѣ долгихъ странствій онъ соединится съ своей прекрасной и таинственной возлюбленной. Нимфа исчезаетъ. Эндиміонъ обращается съ мольбой о помощи къ Діанѣ; въ полузабытьѣ онъ чувствуетъ себя перенесеннымъ на небо въ колесницѣ богини, но слышитъ голосъ, повелѣвающій ему сойти въ глубину земли. Онъ повинуется и, спустившись, странствуетъ въ полумракѣ среди покоевъ, выложенныхъ драгоцѣнными каменьями; затѣмъ онъ попадаетъ въ храмъ Діаны, и тутъ страшное чувство одиночества охватываетъ его; онъ хотѣлъ бы вернуться на землю, но, продолжая путь, попадаетъ въ зеленую долину, гдѣ забываетъ о своемъ желаніи. Онъ видитъ Адониса, спящаго среди дремлющихъ купидоновъ, и одинъ изъ нихъ разсказываетъ Эндиміону исторію зимняго сна и лѣтней жизни божественнаго юноши; въ это время Адонисъ просы-

пается, и Венера спускается къ нему, обрадованная его возвращеніемъ къ жизни; она говоритъ Эндиміону, что знаетъ о его любви къ одной изъ безсмертныхъ, и обѣщаетъ, что въ будущемъ онъ достигнетъ счастія; затѣмъ богиня вмѣстѣ съ Адонисомъ поднимаются вверхъ на своей колесницѣ. Успокоенный Эндиміонъ продолжаетъ свой путь, но почувствовалъ усталость и хочетъ раньше отдохнуть. Вдругъ онъ замѣчаетъ возлѣ себя присутствіе своей возлюбленной, видитъ ея свѣтлый образъ, слышитъ ея дивный голосъ. Экстазъ Эндиміона выражается въ пламенныхъ увѣреніяхъ въ любви, которыя въ поэмѣ кажутся слишкомъ напыщенными. Возлюбленная Эндиміона открываетъ ему, что она богиня, но не называетъ себя и обѣщаетъ вознести его вскорѣ на Олимпъ. Они разстаются. Эндиміонъ просыпается. Онъ возвращается въ гротъ, откуда его выманила бабочка, и видитъ два ключа воды (Аретуза и Альфей), любовь которыхъ другъ къ другу выражается въ ихъ пламенныхъ, полныхъ отчаянія, рѣчахъ; Эндиміонъ возноситъ къ богамъ молитву объ ихъ соединеніи, продолжаетъ путь и попадаетъ въ глубину океана.

Въ третьей части Эндиміонъ продолжаетъ свое путешествіе, слѣдуя за солнечнымъ лучомъ, который освѣщаетъ ему путь подъ водой. Онъ видитъ вскорѣ сидящаго на утесѣ старца, который выражаетъ Эндиміону благодарность за то, что онъ пришелъ и тѣмъ самымъ освободилъ его отъ долголѣтнихъ страданій. Главкъ (имя этого старца) разсказываетъ, какъ Цирцея, околдовавъ его, обрекла на тысячелѣтнее томленіе на берегу моря, и какъ онъ досталъ волшебную книгу, открывшую ему, что чрезъ нѣкоторое время явится къ нему юноша, который можетъ избавить его отъ проклятія Цирцеи. Въ Эндиміонѣ Главкъ узнаетъ этого юношу, ведетъ его съ собой въ потаенный гротъ, гдѣ онъ сохранилъ трупъ своей невѣсты Сциллы и тысячи другихъ тѣлъ влюбленныхъ, погибшихъ въ волнахъ океана. Исполняя рядъ дѣйствій, предписанныхъ волшебной книгой, Эндиміонъ возвращаетъ юность Главку и жизнь Сциллѣ и другимъ трупамъ. Все общество направляется во дворецъ Нептуна для поклоненія богу моря; тамъ же находятся Купидонъ и Венера, которая опять старается ободрить печальнаго Эндиміона; она уже знаетъ тайну Діаны и говоритъ ему въ утѣшеніе, что скоро будетъ конецъ его страданіямъ. Во дворцѣ Нептуна начинается пиръ, который не веселитъ, однако, царя пастуховъ; онъ впадаетъ въ забытье, и Нереиды переносятъ его въ лѣсъ, расположенный вблизи озера; летая въ воздухѣ, онъ слышитъ слова своей богини, обѣщающей

вознести его на небо, но, проснувшись, видитъ себ
бокаго лѣса.

Четвертая часть болѣе интересна. Первый зву
слышитъ Эндиміонъ—женскій голосъ, плачъ вакхан
шей за Бахусомъ отъ самаго Ганга и стремящейся
бы для того, чтобы тамъ умереть: „о, великіе бог
хоть одинъ часъ подышать роднымъ воздухомъ, дай
умереть дома!" поетъ она жалобнымъ голосомъ. П
къ плачущей дѣвушкѣ, Эндиміонъ плѣняется ея не
красотой и чувствуетъ, что, поклоняясь своей богин
съ тѣмъ страстно любитъ вакханку; онъ открыва
чувства, хотя слышитъ издали голосъ богини: „Горе
Въ это время является Меркурій съ крылатыми кон
міонъ съ вакханкой поднимаются вверхъ; на пути
Морфея, разсказывающаго о томъ, что смертный до
жениться на одной изъ дочерей Юпитера; присут
усыпляетъ лошадей и всадниковъ, и Эндиміону сн
на небѣ въ обществѣ безсмертныхъ боговъ, между
ходится Діана; онъ приближается къ ней, но просы
время, находясь по прежнему на крыльяхъ лоша,
вакханкой. Діану же онъ видитъ по прежнему на
луетъ свою спутницу и въ то же время увѣряетъ Д
вѣрности. Вакханка просыпается, и Эндиміонъ, пора
ственностью своихъ чувствъ, хочетъ разстаться съ н
зывается мѣсяцъ, и она исчезаетъ въ его лучах
опускается на землю, а Эндиміонъ поднимается все
Онъ слышитъ небесныхъ вѣстниковъ, созывающи
вѣнчаніе Діаны, и въ это время ея конь опус
вершину горы, гдѣ онъ опять видитъ вакханку и р
зывается отъ любви къ таинственной богинѣ; та о
воля небесъ не позволяетъ ей любить его. Здѣсь яв
сестра Эндиміона, совѣтуетъ влюбленнымъ не груст
ихъ участвовать въ празднествѣ въ честь Діаны. Э
являетъ свое рѣшеніе оставить свѣтъ и удалиться
сохраняя къ Пеонѣ и къ прекрасной индіанкѣ л
вакханка клянется посвятить себя Діанѣ, и обѣ ж
ляются. Эндиміонъ проводитъ цѣлый день въ глубо
а вечеромъ направляется къ храму и, увидѣвъ
сестеръ, говоритъ имъ, что рѣшился вопросить
судьбѣ. Вакханка одобряетъ его рѣшеніе и при этом
ея видоизмѣняется, и изумленный Эндиміонъ видит
Діану; она объясняетъ, что всѣ ея превращенія,

ему столько страданій, помогли ему цѣной этихъ страданій освободиться отъ земной оболочки. Эндиміонъ преклоняется предъ богиней и въ это время оба исчезаютъ. Пеона возвращается домой чрезъ темнѣющій лѣсъ, изумленная всѣмъ случившимся.

Къ лучшимъ мѣстамъ поэмы принадлежитъ, какъ мы отмѣтили выше, ея начало, гимнъ Пану, который могъ бы сойти за оригинальное произведеніе Сафо; это—красивый образчикъ языческой поэзіи, какъ охарактеризовалъ его Вордсвортъ. Достойнымъ дополненіемъ къ нему является пѣснь вакханки въ четвертой части; она воплощаетъ въ себѣ глубокую меланхолію и страстность востока и вмѣстѣ съ тѣмъ особое наслажденіе въ сознаніи страданія, столь знакомое Китсу и облеченное имъ здѣсь въ чудные звуки.

„Приди же, печаль, дорогая печаль! Я буду лелѣять тебя на груди, какъ родное дитя. Я думала оставить тебя, измѣнить тебѣ, но теперь я люблю тебя больше всего на свѣтѣ. Нѣтъ никого, о, совсѣмъ никого, кромѣ тебя, чтобы утѣшить бѣдную одиновую дѣвушку. Ты ея мать, ея братъ, ты ея возлюбленный“.

Китсъ, какъ видно изъ пересказа поэмы, не достигъ въ „Эндиміонѣ“ намѣченной имъ цѣли; его „изобрѣтеніе“ (invention) не выдерживаетъ строгой критики; запутанное содержаніе, стремленіе наполнить его пробѣлы чистой поэзіей приводятъ его къ риторикѣ, особенно въ любовныхъ сценахъ, которыя удаются ему менѣе всего. Мы видѣли, до какихъ странностей онъ договаривается въ объясненіи Эндиміона съ Діаною; столь же холоденъ и риториченъ разговоръ съ Пеоной въ первой части. Увѣщанія Пеоны слишкомъ отзываются прописной моралью, когда она говоритъ брату, открывшему ей свою тайну: „Это и есть причина? Это все? Какъ странно и какъ грустно, увы, что тотъ, кому слѣдовало бы пройти по землѣ, какъ пребывающему на ней полу-богу, оставивъ память о себѣ въ пѣсняхъ бардовъ, будетъ воспѣваться лишь одинокимъ и робкимъ дѣвичьимъ голосомъ; она будетъ пѣть о томъ, какъ онъ блѣднѣлъ, какъ бродилъ, самъ не зная куда, какъ готовъ былъ отрицать, что причина этого любовь, хотя оно было такъ на самомъ дѣлѣ, ибо что же другое могло это быть, кромѣ любви? Она будетъ пѣть, какъ горлица уронила ивовую вѣтку предъ нимъ и какъ онъ умеръ и что вообще любовь губитъ молодыя сердца, какъ сѣверный вѣтеръ—розы: пѣснь о его грустной судьбѣ закончится вздохомъ сожалѣнія“.

Столь же мало удовлетворителенъ отвѣтъ Эндиміона, что онъ отказался отъ прежнихъ стремленій къ мірской славѣ (честолюбіе у царя пастуховъ!), такъ какъ видитъ счастье лишь въ

ііи съ высшимъ божественнымъ существомъ. Но при всѣхъ ь недостаткахъ поэма Китса свидѣтельствуетъ объ одной осо- ости его таланта, которую онъ еще ярче обнаруживаетъ въ е зрѣлыхъ произведеніяхъ, превосходя въ этомъ отношеніи ь современныхъ и позднѣйшихъ поэтовъ Англіи. Это—пони- е греческой жизни, умѣнье всецѣло проникнуться ея духомъ спроизводить ее съ такимъ совершенствомъ, что читатель ваетъ о вѣкахъ, лежащихъ между поэзіей Китса и описы- ымъ имъ міромъ. Критики, серьезно и безпристрастно разби- іе творчество Китса, какъ Суинбёрнъ, Брандесъ, Матью льдъ, не обращаютъ достаточнаго вниманія на эту яркую у его музы; они считаютъ его представителемъ англійскаго рализма par excellence, отличающимся отъ старшихъ поэтовъ рной" школы своимъ пантеизмомъ, и видятъ въ воспѣваніи ія одинъ изъ элементовъ этой любви къ природѣ въ ея са- ь совершенныхъ воплощеніяхъ. Несомнѣнно, что Китсъ по- лъ и жилъ жизнью природы болѣе, чѣмъ иные изъ вели- іихъ поэтовъ, но воспроизведеніе античнаго міра лежитъ внѣ натурализма: это самый могучій стимулъ его творчества, со- щій ему совершенно особое положеніе въ англійской поэзіи. Мы еще возвратимся къ вопросу объ эллинизмѣ Китса при изѣ „Гиперіона", а теперь постараемся освѣтить внѣшнюю рію появленія „Эндиміона", получавшую печальную извѣст- ь, благодаря, быть можетъ, излишнему усердію друзей поэта. Китсъ, издавая „Эндиміона", чувствовалъ недостатки своей ы и предвидѣлъ неблагопріятное отношеніе къ ней со сто- критики, но не хотѣлъ сдѣлать въ предисловіи обычной ьбы о снисходительности. „Во мнѣ нѣтъ ни тѣни чувства енія предъ публикой,—пишетъ онъ Райнольдсу 19-го апр. 8 г.,—ни предъ чѣмъ бы то ни было въ мірѣ, кромѣ вѣчнаго , идеи красоты и памяти великихъ людей. Предисловіе къ икѣ, на которую я не могу смотрѣть иначе какъ на врага, которой не могу обратиться безъ враждебнаго чувства... Я сенъ подчиниться и смириться предъ друзьями, но у меня ни малѣйшаго желанія унижаться предъ толпой; я никогда исалъ ни одной строчки съ мыслью о публикѣ. Я ненавижу тительную популярность и не могу преклоняться предъ тол- . По настоянію друзей, однако, Китсъ согласился предпослать иміону" краткое предисловіе, гдѣ высказываетъ открыто свое іе о несовершенствѣ поэмы и свое равнодушіе къ посторон- критикѣ; многія изъ его неосторожныхъ словъ были подхва- рецензентами и послужили противъ него орудіемъ. Такъ,

Китсъ сознается, что „какъ первыя двѣ части поэмы, такъ и двѣ послѣднія, недостаточно закончены, чтобы оправдать свое появленіе въ печати", и говоритъ далѣе, что „нѣтъ большей муки, чѣмъ сознаніе неудачи великаго замысла"; конечно, онъ подразумѣваетъ терзанія собственнаго недовольства собой, а не нападки журналистовъ, и спѣшитъ прибавить, что онъ ничуть не думаетъ предупредить отзывы критиковъ, а хочетъ примирить съ своимъ твореніемъ тѣхъ, „которые достаточно компетентны, чтобы слѣдить ревнивымъ окомъ за славой англійской литературы". Это, не лишенное сознанія своего достоинства, предисловіе послужило исходнымъ пунктомъ для нападокъ въ торійскихъ журналахъ. Преслѣдуя при каждомъ удобномъ случаѣ поэзію и теоретическіе взгляды Гента, редакторъ „Quarterly Review", Джиффордъ, обрадовался возможности язвить его въ лицѣ предполагаемаго адепта издателя „Examiner'a". Джиффордъ начинаетъ съ признанія, что изъ четырехъ частей поэмы прочелъ только одну, но такъ какъ онъ не имѣетъ о ней болѣе яснаго представленія, чѣмъ объ остальныхъ, нечитанныхъ имъ, то заключаетъ, что читать ихъ безполезно, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ говоритъ, что всѣ части одинаково никуда не годятся. „Самый сюжетъ,—продолжаетъ Джиффордъ, —намъ показался мало понятнымъ; онъ, повидимому, взятъ изъ миѳологіи и, вѣроятно, относится къ исторіи любви Эндиміона и Діаны". Главное содержаніе статьи направлено противъ школы Гента. „Мы не говоримъ, что м-ръ Китсъ (если это его настоящее имя, потому что трудно предположить, что человѣкъ въ своемъ умѣ подпишетъ своимъ именемъ подобную поэму) не обладаетъ извѣстною силою языка, воображенія и проблескомъ таланта, —онъ ихъ несомнѣнно имѣетъ; но онъ, къ несчастью, воспитанникъ новой школы, названной кѣмъ-то Cockney-school, которая занимается воспроизведеніемъ нелѣпыхъ идей возмутительно страннымъ языкомъ". „Этотъ авторъ—подражатель Гента", говоритъ далѣе критикъ, „но онъ еще болѣе непонятенъ, столь же неотесанъ, вдвое туманнѣе, въ десять разъ скучнѣе и нелѣпѣе, чѣмъ его прототипъ; послѣдній, хотя имѣлъ смѣлость посягать на званіе критика и судить о своей поэзіи по своему же собственному критерію, высказывалъ при этомъ все-таки нѣкоторыя самостоятельныя сужденія. Г. Китсъ не предпосылаетъ никакихъ принциповъ, которые онъ взялся проводить въ литературѣ; его безсмыслица поэтому совершенно добровольная; онъ пишетъ ее для собственнаго удовольствія и по просьбѣ мистера Гента". „Если кто-нибудь будетъ имѣть смѣлость купить эту поэму и будетъ столь счастливъ, что составитъ себѣ о ней сужденіе, мы его про-

комить насъ съ результатами; мы тогда вернемся къ
орую оставляемъ теперь за невозможностью разрѣше-
араемся удовлетворить мистера Китса и нашихъ чи-
.

arterly Review" присоединился „Blackwood Magazine",
противъ Китса была продолженіемъ ряда статей подъ
„Cockney-school of poetry". Она тоже направлена,
бразомъ, противъ Гента, а разборъ „Эндиміона" ограни-
смѣшками по адресу Китса, причемъ авторъ презри-
ваетъ его Джонни Китсомъ и отсылаетъ обратно въ
ючь лекарства".

этихъ враждебныхъ статей на Китса было, вѣроятно,
ю его друзьями, которые послѣ смерти поэта (черезъ
лѣ появленія „Эндиміона") доказывали, что болѣзнь его
лѣдствіе удручающаго впечатлѣнія, произведеннаго на
ами „Quarterly" и „Blackwood". Гентъ и Газлиттъ
обрушились на несправедливость этихъ журналовъ къ
самымъ рѣзкимъ осужденіемъ злополучныхъ статей
редисловіе къ „Адонаису", поэмѣ Шелли на смерть
ній глубоко несчастнаго юноши,—пишетъ Шелли,—
раго я посвятилъ эти недостойныя строки, былъ столь
и хрупокъ, какъ прекрасенъ, и не мудрено, что тамъ,
уютъ точащіе черви, этотъ нѣжный цвѣтокъ погибъ,
а расцвѣсть. Жестокій отзывъ о его „Эндиміонѣ",
въ „Quarterly Review", произвелъ потрясающее дѣй-
чувствительную душу; отъ этого волненія порвался
еносный сосудъ въ легкихъ, послѣдовала скоротечная
озднѣйшія благопріятныя рецензіи болѣе справедли-
вовъ, признаніе настоящаго величія его таланта, не
залечить рану. Можно по справедливости сказать, что
люди не знали, что творили; они направляли свои
и клеветы, не разбирая, попадетъ ли ядовитая стрѣла
сдѣлавшееся нечувствительнымъ отъ множества уда-
ъ душу, созданную, какъ у Китса, изъ болѣе тонкаго
Что касается „Эндиміона", то каковы бы ни были не-
эмы, какое право имѣли относиться къ ней насмѣш-
ели и прославители „Париса", „Женщины", „Сирій-
аза", и г-жи Лефанъ, и м-ра Гозарда Пэна, и цѣ-
сомнительныхъ знаменитостей? Имѣютъ ли это право
в своемъ продажномъ благодушіи проводятъ па-

rly Review". Sept. 1818. „Endymion", a poetic romance.

раллель между почтеннымъ м-ромъ Мильманомъ и лордомъ Байрономъ? Презрѣнные люди! вы, самые низкіе изъ твореній Бога, дерзкой рукой посягнули на одно изъ его самыхъ благородныхъ созданій. Васъ не оправдываетъ и то, убійцы, что, не умѣя дѣйствовать кинжаломъ, вы дѣйствовали словами" [1]). Основываясь на этомъ рѣзкомъ обвиненіи въ предисловіи „Адонаиса", Байронъ говоритъ въ 11-ой строфѣ „Донъ-Жуана" съ нѣкоторой ироніей относительно Китса, котораго онъ не долюбливалъ при жизни и долго не признавалъ настоящимъ поэтомъ: „Онъ угасъ отъ журнальной статьи".

Какъ ни симпатична защита Китса друзьями, нельзя, однако, согласиться съ преувеличеннымъ значеніемъ, которое они приписывали статьямъ Джиффорда и „Blackwood-Magazine". Письма Китса въ этотъ періодъ свидѣтельствуютъ, что впечатлѣніе вовсе не было такъ сильно. Въ октябрѣ 1818 г., т.-е. чрезъ мѣсяцъ послѣ появленія рецензій, Китсъ пишетъ: „Похвала или порицаніе производятъ лишь минутное впечатлѣніе на человѣка, который, поклоняясь лишь идеѣ красоты, самъ строго судитъ свои произведенія. Моя собственная домашняя критика доставила мнѣ несравненно больше страданій, чѣмъ могли произвести „Blackwood" или „Quarterly"; съ другой стороны, если я чувствую себя правымъ, никакая внѣшняя похвала не можетъ мнѣ доставить такого наслажденія, какъ мое собственное удовлетвореніе и одобреніе того, что въ самомъ дѣлѣ прекрасно" [2]). „Мнѣ кажется, что имя мое останется въ числѣ поэтовъ Англіи послѣ моей смерти, —пишетъ онъ брату Георгу около того же времени:—даже относительно настоящаго, попытка „Quarterly" уничтожить меня повела лишь къ большей моей извѣстности... Стремленіе унизить меня и выставить въ смѣшномъ видѣ ничуть не повредило мнѣ въ обществѣ". Защита поэзіи Китса въ печати послѣдовала еще до его смерти и ранѣе появленія поэмы Шелли, въ статьѣ Джеффри въ „Edinbourgh Review". Джеффри видитъ въ Китсѣ начало новаго литературнаго теченія и считаетъ хорошимъ признакомъ его увлеченіе Елизаветинскою эпохою: „подражаніе нашимъ стариннымъ писателямъ,—говорилъ онъ,—и въ особенности прежнимъ драматургамъ, чему мы тоже нѣсколько содѣйствовали, вызвало какъ будто вторую весну въ нашей поэзіи, и не многіе изъ ея цвѣтовъ даютъ болѣе блестящія надежды, чѣмъ находящійся въ нашихъ рукахъ сборникъ". Не скрывая недостатковъ

---

[1]) Shelley, Works, стр. 323.

[2]) Millness, Life, Letters etc., стр. 214.

диміона", которые онъ приписываетъ юности поэта, Джеффри тъ въ этой поэмѣ и другихъ раннихъ произведеніяхъ Китса шія художественныя достоинства: „въ нихъ такіе богатые ілески воображенія, столько поэтическихъ красотъ, что, даже тавшись въ ихъ лабиринтѣ, невозможно противостоять опьяняю у дѣйствію ихъ сладости, невозможно закрыть сердце оча ,нію". По адресу критиковъ „Quarterly" и „Blackwood" онъ авляетъ: „Тотъ, кто считаетъ поэму нестоющей вниманія, или имѣетъ никакого понятія о поэзіи, или совсѣмъ не заботится истинѣ" [1]). Любопытно, что Байронъ, впослѣдствіи большой онникъ Китса, когда появилась статья Джеффри, былъ полонъ дованія къ его снисходительности и адресовалъ издателю нала цѣлый рядъ ѣдкихъ писемъ по этому поводу: „По йста не говорите больше о Китсѣ,—пишетъ онъ,—уни ьте его при жизни; если никто изъ васъ этого не сдѣ ъ, я долженъ буду самъ снять съ него кожу. Невозможно осить идіотской болтовни этого карлика". Въ слѣдующемъ мѣ онъ продолжаетъ на ту же тему: „о похвалахъ малень Китсу (little K.) я могу замѣтить тоже, что Джонсонъ, когда узналъ, что актеръ Шериданъ получилъ пенсію. „Что, онъ чаетъ пенсію, значитъ, пора мнѣ отказаться отъ своей". Ни не гордился такъ, какъ я, одобреніемъ „Edinbourgh", никто преслѣдовалъ такъ его враговъ, какъ я въ „English bards Scotch Reviewers". Теперь всѣ тѣ, которыхъ вы хвалили, кены этой сумасшедшей статьей. Почему вы не даете отзыва восхваляете „Guide to health" (руководство къ здоровью) Са на? Въ немъ столько же смысла и поэзіи, какъ у Джонни а" [2]). Очевидно, раздраженіе Байрона заводитъ его слиш далеко, и, какъ свидѣтельствуетъ Гентъ, онъ впослѣдствіи ь жалѣлъ объ этихъ письмахъ.

Исторія, связанная съ появленіемъ „Эндиміона", весьма ха ерна для своего времени; ожесточенная борьба политическихъ ій обратила въ общественное событіе появленіе новой поэмы ѣлала изъ ея автора мученика идеи. Должно было пройти о времени, пока безпристрастная критика оцѣнила истинное оинство этого спорнаго „Эндиміона". Далекій отъ инсинуацій ских журналовъ, но не безусловный поклонникъ всего, на ннаго Китсомъ, Суинбёрнъ находитъ, „что въ лучшихъ сво мѣстахъ „Эндиміонъ" достигаетъ высоты лучшихъ произве-

---

[1]) „Edinbourgh Review", August, 1820.
Millness, стр. 205.

деній Барнфильда и Лоджа, съ которыми, еслибы Китсъ не написалъ ничего больше, его можно было бы сопоставить, а это между поэтами второго разряда очень завидное мѣсто" [1]). Къ этому сужденію примыкаетъ и м-съ Олифантъ, которая говоритъ, что „Эндиміонъ" не великая поэма; она несовершенна даже относительно стиха, но полна проблесковъ и образцовъ поэтической гармоніи [2]). Для Китса съ „Эндиміономъ" кончилась пора литературныхъ неудачъ; все, что̀ онъ пишетъ послѣ, безусловно одобряется читателями и критикой, и онъ сразу становится въ числѣ лучшихъ поэтовъ Англіи.

З. В.

---

¹) Encyclopedia Britannica, art Keats.
²) Mrs. Oliphant, „Literary history of England", т. III, стр. 140.

ЖУРНАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛ

М. Е. САЛТЫКО

„Современникъ", 1863—1864.

I.

Салтыковъ былъ такою крупною и ориги
литературы въ теченіе четырехъ десятил
ѣнія посвящено будетъ не мало изученій
торическихъ. Это — писатель художестве
дно и то же время. При жизни онъ ра
ѣтилъ подробную и цѣльную оцѣнку с
рая отдавала справедливость всему объе
адцаго труда, съ обѣихъ сторонъ его со
денія, въ большинствѣ, были такъ тѣсно
юстью, что въ нихъ читатель искалъ пре
на „злобу дня", и слишкомъ часто не
жественности его многихъ изображеній;
-называемая художественная критика не
злишествахъ его сатиры, въ недостатк
ественному исполненію, въ преувеличен
и т. д. Правдивую оцѣнку Салтыкова дас
ая критика: она укажетъ какъ свойства
и тѣ внѣшнія условія, которыя напра
ъ и отъ которыхъ въ большой мѣрѣ име
нъ его произведеній. Современникамъ ещ

та дѣйствительность, которая доставляла матеріалъ для его творчества, которая возбуждала его чувство, наполняла его душу негодованіемъ и горечью; современникамъ трудно, а иногда и невозможно бываетъ отдать себѣ полный отчетъ въ истинномъ характерѣ этой дѣйствительности, въ томъ впечатлѣніи, какое оказывала она на чуткую, нервную натуру писателя,—и вмѣстѣ трудно было бы со всею полнотой изобразить тѣ обстоятельства, ту среду, въ которыхъ совершалась вся эта дѣятельность; а безъ этого невозможно вполнѣ оцѣнить писателя, который весь поглощенъ былъ тревожными вопросами жизни и волновался ея возмутительными неправдами.

При жизни Салтыковъ, какъ всякій писатель, затрогивающій чувствительныя и больныя струны времени, возбуждалъ и самыя горячія сочувствія—въ тѣхъ, кто находилъ у него высказанными свои задушевныя мысли, и настоящую ненависть—въ тѣхъ, для кого онъ являлся суровымъ обличителемъ; но не много было писателей, которые возбуждали бы въ обществѣ эти противоположныя чувства въ такой степени. Это указываетъ опять, какъ сильна была въ Салтыковѣ эта обличающая и осуждающая сторона его произведеній, какъ будто бравшая верхъ надъ чисто поэтическими, художественными замыслами. Намъ кажется, что сужденія о Салтыковѣ будутъ ошбочны, если критика будетъ относиться къ нему только съ чисто эстетическими требованіями, потому что очень часто онъ самъ приступалъ къ своему труду не какъ художникъ, а именно какъ публицистъ. Даже въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ видятъ особенную высоту художественнаго исполненія, Салтыковъ вовсе не былъ тѣмъ традиціоннымъ художникомъ, который „поетъ какъ птица“; даже здѣсь у него бываетъ „намѣреніе“ или „тенденція“, то-есть совершенно опредѣленный, почти прямо публицистическій взглядъ на изображаемыя явленія жизни. Онъ не подходитъ подъ обычныя,—уцѣлѣвшія отъ временъ романтизма, — опредѣленія художественнаго творчества во множествѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ рисуетъ не столько живыя, реальныя лица, сколько общія настроенія, ходячія въ обществѣ понятія, словомъ, изображаетъ цѣлое состояніе общественныхъ отношеній. Этихъ, такъ сказать, теоретическихъ картинъ разсѣяно такъ много въ его произведеніяхъ, что очевидно ихъ тема составляла для него предметъ самаго глубокаго интереса. Этотъ интересъ былъ именно публицистическій. Для стариннаго художества это былъ, собственно говоря, сюжетъ невозможный: поэтъ и художникъ говоритъ и дѣйствуетъ образами, а здѣсь ихъ иногда вовсе не было: передъ читателемъ, напротивъ, проходила

вереница общихъ положеній, казуистическихъ аллегорій, развиваемыхъ авторомъ со всѣхъ сторонъ въ разнообразныхъ комбинаціяхъ; интересъ разсужденія заключался именно въ томъ, что здѣсь разбиралась путаница ходячихъ мнѣній, которыя нерѣдко бывали логическою нелѣпостью, безсмысленнымъ увлеченіемъ, остаткомъ стараго злобнаго крѣпостничества и обскурантизма, и т. д., и задача, которую ставилъ себѣ авторъ, была именно въ томъ, чтобы раскрыть эту логическую нелѣпость, обнаружить непривлекательную или прямо отвратительную подкладку и заднюю мысль, прятавшуюся за фразами объ общественномъ благѣ или даже о спасеніи отечества. Мы не сомнѣваемся, что позднѣе, когда пройдетъ современная „злоба дня“ и для нея самой начнется исторія, будетъ глубже и справедливѣе оцѣненъ этотъ господствующій нервъ литературной дѣятельности Салтыкова. Онъ никогда не былъ спокоенъ; его жизнь пришлась въ такую пору нашей исторіи, когда послѣ многихъ десятилѣтій застоя, гоненія на мысль, общественной безурядицы и крѣпостного насилія, покрываемыхъ молчаніемъ или рабскими панегириками, наступало повидимому время освобожденія—по крайней мѣрѣ отъ самыхъ крупныхъ золъ только-что пережитаго порядка вещей; но уже вскорѣ стало оказываться, что надежды были преждевременны, что старые нравы, воспитывавшіеся безпрепятственно цѣлыми вѣками, уступаютъ не такъ легко,—уже вскорѣ эти нравы успѣли взять верхъ надъ слабыми начатками новаго порядка вещей и съумѣли, не отвергая новыхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе, подложить подъ нихъ старое содержаніе. Салтыковъ былъ глубоко и страстно преданъ мысли и надеждѣ общественнаго преобразованія; какъ авторъ „Губернскихъ Очерковъ“, которые сами были своеобразнымъ, небывалымъ изображеніемъ обыденной русской жизни, еще нетронутой никакими новыми идеями, онъ немало участвовалъ въ созданіи новаго настроенія, охватывавшаго наше общество во второй половинѣ 50-хъ годовъ, и съ тѣхъ поръ онъ чутко слѣдилъ за всѣми проявленіями этой внутренней, сначала глухой, потомъ открытой борьбы новыхъ начинаній со старыми инстинктами въѣвшагося въ нравы крѣпостничества и обскурантизма. Нерѣдко съ удивительною проницательностью онъ раскрывалъ эти старые инстинкты въ подкладкѣ либерализма, становившагося модой, угадывалъ фальшивый тонъ мнимыхъ ревнителей общественнаго блага, указывалъ пустоту тѣхъ фразъ, какими наполнялось тогда общество и литература. Его проницательность рѣдко ошибалась: чѣмъ дальше шло время, тѣмъ шире и грандіознѣе выростала реакція, зачатки

которой онъ услѣдилъ при самомъ первомъ ихъ проявленіи, и чѣмъ сильнѣе самъ онъ проникнутъ былъ желаніемъ видѣть водвореніе общественной правды или даже просто здраваго смысла и элементарной справедливости, тѣмъ больше его настроеніе становилось желчнымъ и раздражительнымъ.

Эта мысль объ общественномъ благѣ, эта скорбь и негодованіе, какими его наполняло зрѣлище всякихъ нарушеній самаго основного общественнаго интереса, составляютъ существенную черту, проходящую чрезъ все содержаніе его произведеній отъ начала и до конца. Трудно сказать, что̀ больше и чаще возбуждало его писательскую дѣятельность—потребность художественнаго воспроизведенія о̀бразовъ, создаваемыхъ богатой фантазіей, или чисто публицистическая потребность отозваться на волненія своего времени и карать тѣ безсмысленныя явленія, которыя возмущали въ немъ гражданское чувство. Быть можетъ, скорѣе послѣднее; но необычайный талантъ дѣлалъ то, что публицистическая мысль подъ его перомъ сама собой облекалась въ плоть и кровь, и онъ заставлялъ ее высказываться въ живыхъ лицахъ и реальныхъ положеніяхъ. Не разъ онъ начинаетъ рѣчь съ общихъ вопросовъ, и тотчасъ въ видѣ комментарія въ его воображеніи создается эпизодъ изъ дѣйствительной жизни съ тонко подмѣченными чертами характеровъ, нравовъ и понятій. Борьба, происходившая въ обществѣ и имъ наблюдаемая, захватывала наконецъ самые широкіе интересы, совершалась въ сферахъ, очень трудно доступныхъ для общественнаго мнѣнія и литературы, и это опять съ самаго начала побуждало Салтыкова прибѣгать къ тому языку иносказаній, намековъ, туманныхъ разсужденій, который онъ самъ характеризовалъ какъ „езоповскій" и „рабій" языкъ и который, къ сожалѣнію, въ самомъ дѣлѣ оставался единственнымъ возможнымъ. Нерѣдко бывало и то, что иносказательная, фантастическая картина сама вызывала на развитіе; аллегорія переходила почти въ сказку, но читатель, привыкшій къ своему автору, чувствовалъ, что это не была однако только произвольная и безплодная игра воображенія, что въ основѣ фантастической сказки или каррикатурнаго преувеличенія лежала совершенно серьезная мысль.

Въ тѣхъ сочиненіяхъ Салтыкова, какія собиралъ онъ въ изданныхъ имъ книжкахъ и которыя объединяются въ послѣднемъ начатомъ имъ собраніи, недостаетъ цѣлаго ряда его произведеній, которыя не были внесены въ его сборники очевидно потому, что въ нихъ преобладаетъ именно публицистическій интересъ, слишкомъ привязанный къ извѣстной минутѣ и къ даннымъ литера-

турнымъ спорамъ и столкновеніямъ. Салтыковъ былъ правъ, когда не вносилъ въ свои сборники этого рода произведеній: они имѣли слишкомъ тѣсный журнальный характеръ, понятны были бы только вполнѣ только въ свое время, въ обстановкѣ данныхъ литературныхъ отношеній. Точно также въ извѣстныя собранія сочиненій не вошло множество небольшихъ статей критическаго содержанія, чисто публицистическихъ трактатовъ, полемическихъ замѣтокъ и т. п., которыя еще болѣе носили этотъ временной журнальный характеръ. Но если изучать Салтыкова исторически, то, безъ сомнѣнія, необходимо собрать и разсмотрѣть и эти журнальные труды, тѣмъ болѣе, что они представятъ особенное удобство изученія его непосредственнаго, такъ сказать, обыденнаго настроенія. Дѣятельность художественная, какъ бы тѣсно ни примыкала она къ жизни, всегда носитъ въ себѣ извѣстную условность, нераздѣльную съ искусствомъ. Въ простой журнальной бесѣдѣ писатель остается свободнѣе; нестѣсняемый формой, онъ высказываетъ прямо свои взгляды, вступаетъ въ полемику, вдается въ теоретическія толкованія, имѣетъ возможность говорить и о крупныхъ, и о мелкихъ явленіяхъ данной минуты, и въ концѣ концовъ его общее содержаніе выясняется въ непринужденной бесѣдѣ чертами личныхъ взглядовъ, какихъ мы не встрѣтимъ въ его художественныхъ произведеніяхъ.

Послѣ рѣзко прерваннаго начала его писательства, въ концѣ 40-хъ годовъ, Салтыковъ возвратился къ литературной дѣятельности въ новое царствованіе, когда вернулся изъ Вятки. Это былъ конецъ крымской войны и начало нашего возрожденія. „Губернскіе Очерки“ явились въ только-что основанномъ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Теперь уже немногіе помнятъ по собственному чтенію, чѣмъ начиналъ тогда этотъ журналъ. „Русскій Вѣстникъ“ съ перваго раза пріобрѣлъ большую популярность: журналъ былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ выраженій того оживленія, какое проявилось въ обществѣ подъ вліяніемъ всѣхъ условій тогдашней общественной жизни. Конецъ тяжелаго періода нашей исторіи, который лежалъ гнетомъ на умственныхъ и общественныхъ интересахъ; окончаніе войны, которая долго держала общество въ напряженіи и среди славныхъ подробностей геройской защиты Севастополя оставляла однако неотразимое и всѣми чувствуемое убѣжденіе не только въ нашей военной отсталости, но и въ ложномъ направленіи всего нашего внутренняго быта; начало новаго царствованія, когда вступалъ на престолъ питомецъ Жуковскаго, отъ котораго ждали новой эпохи для цѣлой государственной и народной жизни, и когда оживленный говоръ обще-

ственнаго мнѣнія предсказывалъ, и не безъ основанія, цѣлый рядъ крупныхъ реформъ, на первомъ планѣ которыхъ стояла давно жданная образованнѣйшими людьми и обѣщавшая самые широкіе результаты крестьянская реформа; въ обществѣ—чувство облегченія, самыя свѣтлыя надежды на будущее, поспѣшное желаніе принять участіе въ предстоящемъ преобразованіи общественнаго быта; наконецъ, нѣкоторыя правительственныя мѣры, убѣждавшія, что въ самихъ высшихъ сферахъ дѣйствительно получаютъ мѣсто новыя мысли, неизвѣстныя недавнему прошлому—таковы были условія, опредѣлявшія литературное движеніе той эпохи, и „Русскій Вѣстникъ“, какъ разъ основанный въ это время, явился однимъ изъ главныхъ органовъ этого общественнаго возбужденія. Въ новомъ журналѣ собирались отборныя силы русской литературы, представители поколѣнія сороковыхъ годовъ; въ этомъ кругу уже давно сформировались тѣ просвѣщенные общественные взгляды, то убѣжденіе въ необходимости поднять русское просвѣщеніе и общественную самодѣятельность,—которымъ не было мѣста въ прежней литературѣ и которые теперь могли почти безпрепятственно высказываться, оставаясь на законной почвѣ, какъ бы слѣдуя указаніямъ самой власти. Въ половинѣ 1856 года, перваго года изданія „Русскаго Вѣстника“, появилось въ журналѣ начало „Губернскихъ Очерковъ“. Эта замѣчательная картина административныхъ и общественныхъ нравовъ, созданныхъ предыдущей эпохой, являлась драгоцѣннымъ комментаріемъ къ тѣмъ призывамъ реформы, какіе наполняли тогда литературу. „Губернскіе Очерки“ являлись очень кстати, въ частности и для самого журнала: они произвели сильное впечатлѣніе и съ своей стороны, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовали успѣху „Р. Вѣстника“. Они продолжались на первую половину 1857 года и въ томъ же году выдержали отдѣльной книгой два изданія. Имя Салтыкова было составлено. Въ литературныхъ кругахъ очень помнили ту оригинальную повѣсть, которая свидѣтельствовала о большомъ начинающемъ талантѣ и была причиной ссылки молодого писателя: его привѣтствовали какъ стараго знакомаго; лучшіе журналы тѣхъ годовъ предлагали ему свои страницы, и въ томъ же 1857 году явилась его первая повѣсть въ „Современникѣ“ („Женихъ, картина провинціальныхъ нравовъ“); въ тѣ же годы его разсказы появлялись въ „Библіотекѣ для Чтенія“, „Атенеѣ“, „Московскомъ Вѣстникѣ“. Съ 1859 года его разсказы помѣщались почти исключительно въ „Современникѣ“—до 1862 года; послѣ перваго закрытія этого журнала въ половинѣ того года, Салтыковъ отдалъ нѣсколько

разсказовъ въ журналъ „Время“, издававшійся Достоевскими, а по возобновленіи „Современника“ въ началѣ 1863 года Салтыковъ принялъ въ немъ самое дѣятельное участіе, между прочимъ какъ членъ редакціи. Это ближайшее участіе въ журналѣ продолжалось два года до конца 1864, когда Салтыковъ оставилъ участіе въ редакціи, принявши служебное назначеніе въ провинцію. Послѣдній разсказъ его въ „Современникѣ“ явился въ первой книжкѣ за 1866, послѣдній годъ существованія этого журнала („Завѣщаніе моимъ дѣтямъ“).

Рѣдко Салтыковъ бывалъ такъ плодовитъ, какъ въ упомянутые два года (1863—1864) его участія въ „Современникѣ“. До тѣхъ поръ онъ не имѣлъ ближайшихъ отношеній къ какому-либо изданію; онъ помѣщалъ свои разсказы въ томъ или другомъ изданіи, не входя съ нимъ въ непосредственную связь; здѣсь онъ въ первый разъ принимаетъ участіе въ самомъ веденіи журнала и самъ много пишетъ по разнымъ отдѣламъ его программы. Эта плодовитость показываетъ, какъ сильно занимало его журнальное дѣло,—и это было естественно. Мы замѣтили, что не легко отличить, кто былъ сильнѣе въ Салтыковѣ—художникъ или публицистъ: его живѣйшимъ образомъ интересовала и возбуждала текущая борьба жизни; онъ со вниманіемъ слѣдилъ за совершавшимися событіями и спѣшилъ отозваться на нихъ своимъ мнѣніемъ и горячимъ осужденіемъ или насмѣшкой, когда его затрогивала и волновала та или другая вопіющая неправда. Онъ съ большой охотой принялъ мысль о возстановленіи „Современника“, срокъ запрещенія котораго (послѣ 1862) истекалъ къ февралю 1863: уже раньше его сочувствія принадлежали этому журналу, въ которомъ съ конца 1850-хъ годовъ онъ преимущественно помѣщалъ свои произведенія. Но времена были уже не тѣ, какъ въ то время, когда онъ выступалъ съ „Губернскими Очерками“. Крестьянская реформа совершилась, были въ ходу другія преобразованія: шли приготовленія къ судебной реформѣ, собирались данныя для введенія земскихъ учрежденій, новаго положенія о печати, но въ общемъ настроеніи и правительственной власти и общества наступала все болѣе явная перемѣна. Первое крупное дѣло какъ бы истощало силы реформы: съ 1861 года, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, уже начинаются въ высшихъ сферахъ признаки утомленія или недовѣрія, и понятно, что въ томъ обществѣ, которое вѣками жило только по указкѣ и огромное большинство котораго было совершенно непривычно къ самостоятельному сужденію въ сложныхъ предметахъ общественной жизни, тотчасъ отразилось со-

стояніе барометра. Отразилось оно и въ литературѣ: люди безхарактерные усомнились въ собственныхъ вчерашнихъ восторгахъ; люди ловкіе разсчитали, что нужно произвести нѣкоторыя перемѣны въ тонѣ и направленіи своихъ разсужденій, чтобы вѣрнѣе обезпечить свое благополучіе; мистическіе патріоты нашли время удобнымъ для своихъ излюбленныхъ идей, для туманныхъ проповѣдей о народѣ и о „почвѣ"; наконецъ, вышли на сцену и явные крѣпостники, которые до тѣхъ поръ не рѣшались выступать открыто съ своими тенденціями, а теперь стали излагать ихъ весьма откровенно и не двусмысленно. Положеніе возобновленнаго журнала было очень затруднительное: редакція журнала и Салтыковъ въ особенности не измѣнили того общаго взгляда на положеніе вещей, какой образовывался во второй половинѣ 50-хъ годовъ, и если уже раньше, въ 1861 и въ 1862 годахъ, этотъ взглядъ начиналъ по условіямъ времени терять свою правоспособность въ глазахъ возроставшей реакціи, то теперь онъ становился почти прямо опальнымъ. Думаемъ, что теперь еще не пришло время для болѣе подробныхъ объясненій того положенія вещей, и обратимся къ самымъ произведеніямъ Салтыкова.

Мы сказали, что срокъ запрещенія журнала истекалъ къ февралю 1863 года, и потому, чтобы восполнить количество книжекъ, въ февралѣ издана была двойная книга—за январь и февраль. Въ этотъ томъ вошелъ цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ статей Салтыкова: три эпизода „Невинныхъ Разсказовъ" (Деревенская тишь.—Для дѣтскаго возраста.—Миша и Ваня. Забытая исторія), съ подписью Н. Щедрина, затѣмъ нѣсколько статей въ отдѣлѣ Современнаго Обозрѣнія: „Нѣсколько словъ по поводу „Замѣтки", помѣщенной въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" за 1862 годъ", съ подписью: Т—нъ; далѣе „Московскія письма", съ подписью: „К. Гуринъ"; статьи: „Петербургскіе театры", „Наша общественная жизнь" и нѣсколько рецензій въ библіографическомъ отдѣлѣ—безъ подписи. Кромѣ беллетристическихъ разсказовъ, которые здѣсь, какъ и въ другихъ книжкахъ, Салтыковъ подписывалъ псевдонимомъ Н. Щедрина, его публицистическія статьи, подписанныя другими псевдонимами или безъименныя, какъ выше замѣчено, не вошли потомъ въ собранія его сочиненій и въ настоящее время почти забыты [1]).

[1]) Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Русской Мысли" г. Я., излагая литературную дѣятельность Салтыкова-Щедрина, совсѣмъ не упомянулъ цѣлаго отдѣла публицистическихъ и критическихъ статей Салтыкова, скрытыхъ подъ другими псевдонимами или неподписанныхъ; повидимому, онъ не зналъ объ ихъ существо-

Въ каждой изъ этихъ публицистическихъ статей мы встрѣтимся съ тѣмъ или другимъ вопросомъ, занимавшимъ тогда общественное мнѣніе, и особенно съ вопросами, составлявшими предметъ литературныхъ толковъ и нерѣдко весьма мудреными. Выше мы дали понятіе о томъ, какъ стоялъ тогда общественный барометръ. Въ короткій промежутокъ времени, въ теченіе 1861—1862 года, этотъ барометръ пошелъ сильно назадъ: вопросы, еще недавно вызывавшіе въ литературѣ оживленные толки, отступаютъ на второй планъ; задорныя фразы о „нашемъ времени, когда" и т. д. смѣняются разсудительными объясненіями о вредѣ излишней поспѣшности въ общественныхъ преобразованіяхъ, о преимуществахъ постепенности, о томъ, какъ полезно было бы дорожить опытами прошедшаго, которое было не такъ дурно, и, наконецъ, ожесточенными нападеніями на либерализмъ и вольнодумство; Тургеневъ подсказалъ тогда извѣстный терминъ нигилизма, которому обрадовались, какъ находкѣ, озлобленные люди, не умѣвшіе сами опредѣлить, что̀ собственно вызываетъ ихъ вражду въ новѣйшемъ критическомъ и отрицательномъ направленіи. Салтыковъ больше чѣмъ многіе другіе стоялъ въ средѣ самаго вопроса. Онъ во-очію видѣлъ и мастерски описалъ то старое міровоззрѣніе, которое было именно главнымъ предметомъ новѣйшаго отрицанія; либерализмъ молодыхъ поколѣній являлся прежде всего антитезомъ этого стараго міросозерцанія. Далѣе, Салтыковъ, снова вернувшись въ литературу, также во-очію ознакомился съ ея содержаніемъ и главными дѣйствующими лицами: онъ зналъ московскіе литературные кружки—редакцію „Русскаго Вѣстника", И. С. Аксакова и пр.—и кружки петербургскіе въ первомъ разгарѣ нашего возрожденія; его наблюдательность помогла ему оцѣнить личные характеры, и послѣ, когда стали совершаться колебанія и отступленія, ему не трудно было по страницамъ журналовъ угадывать психологическіе процессы, совершавшіеся съ извѣстными ему людьми. Столько же понятны были ему происходившія теперь колебанія въ общественномъ мнѣніи; его не удивляла ни путаница понятій, ни возвраты мнимаго либерализма къ любимымъ привычкамъ недавнихъ нравовъ; онъ предвидѣлъ,

---

ваніи; мы возстановляемъ принадлежность ихъ Салтыкову частью по личной памяти, частью при помощи бумагъ Салтыкова, какія намъ случилось просматривать. Изъ выписокъ, ниже приводимыхъ, читатель самъ будетъ въ состояніи увѣриться, что читаетъ произведенія пера Салтыкова

Изъ ряда статей Салтыкова, на которыхъ мы остановимся въ дальнѣйшемъ изложеніи, только два-три разсказа были потомъ перепечатаны въ сборникѣ „Признаки времени" („Сочиненія Салтыкова, изданіе автора", томъ II).

чѣмъ должны кончаться начинавшіяся колебанія или намѣренные повороты мнѣній; словомъ, онъ ясно понималъ, что въ цѣломъ общественномъ настроеніи готовится реакціонный переворотъ, и желалъ, сколько было возможно, бросить свѣтъ въ эту мглу, начинавшую облегать общественную жизнь. Говорить прямо, называть вещи ихъ именами было невозможно, какъ было невозможно прежде, да и послѣ: уже теперь Салтыковъ прибѣгаетъ къ иносказаніямъ, къ отвлеченнымъ разсужденіямъ на темы общественныхъ отношеній, какъ часто онъ употреблялъ этотъ способъ бесѣды впослѣдствіи; но было также не мало случаевъ, когда онъ велъ прямую, недвусмысленную полемику. Поводы къ этой полемикѣ представлялись нерѣдко: онъ не разъ обращается къ „Русскому Вѣстнику“, который онъ близко зналъ въ эпоху его либерализма и который теперь, въ новомъ поворотѣ своей политики (съ 1861 года), внушалъ ему весьма непріязненное чувство; онъ спорилъ противъ И. С. Аксакова, котораго, помнится, лично зналъ довольно хорошо и у котораго, однако, не сочувствовалъ изысканно-высокопарному, мистическому тону, который мѣшалъ ему говорить прямѣе о простыхъ реальныхъ вещахъ или, какъ думалось, кажется, Салтыкову, предохранялъ отъ непріятныхъ столкновеній; наконецъ, столь же отрицательно, съ оттѣнкомъ пренебреженія, говорилъ Салтыковъ о недавно передъ тѣмъ начавшемся журналѣ „Время“ съ его народническими прорицаніями, которыхъ Салтыковъ никакъ не хотѣлъ понимать сколько-нибудь серьезно.

Первая статья, на которой мы здѣсь остановимся (по поводу „Замѣтки“ Русскаго Вѣстника), относится къ вопросу о печати. Въ числѣ предметовъ, на которые было тогда обращено вниманіе правительства, какъ предметовъ, требующихъ преобразованія и улучшенія, былъ вопросъ о печати, рѣшенный впослѣдствіи извѣстнымъ уставомъ о печати 1865 года. Въ тѣ годы назначена была особая коммиссія для разсмотрѣнія этого вопроса, которая и выработала проектъ новыхъ положеній о печати. „Русскій Вѣстникъ“ имѣлъ возможность получить этотъ проектъ и въ своей „Замѣткѣ“ изложилъ содержаніе документа, снабдивъ его своими замѣчаніями. Этому и посвящена статья Салтыкова. Все это дѣло принадлежитъ теперь исторіи; самый уставъ 1865 года, близкій къ этому проекту, съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно, былъ сильно видоизмѣненъ, но статья Салтыкова остается любопытна по взгляду на положеніе нашей печати, въ общемъ сохраняющееся до сихъ поръ. Извѣстно, что въ уставѣ (какъ было уже намѣчено и въ

проектѣ) прежнее положеніе печати было очень измѣнено сравнительно съ прежнимъ: во-первыхъ, цензурное вѣдомство перенесено было изъ министерства просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ; во-вторыхъ, введена была цензура карательная кромѣ цензуры предварительной, которая, впрочемъ, продолжала существовать, и вообще веденіе цензурныхъ дѣлъ обставлено формальностями, заимствованными изъ тогдашняго французскаго законодательства о печати, придуманнаго правительствомъ второй имперіи. Не приводя всѣхъ подробностей взгляда Салтыкова, укажемъ изъ него только два-три пункта.

Весь проектъ 1862 года и замѣчанія къ нему „Русскаго Вѣстника", очевидно, проникнуты были извѣстною недовѣрчивостью къ нашей печати, опасеніями ея вреднаго вліянія, противъ котораго должны быть приняты строгія, но и тонкія мѣры. Можно себѣ представить, что Салтыковъ, который, конечно, былъ компетентный судья въ этомъ вопросѣ и какъ писатель, и какъ человѣкъ, до всѣхъ мелочей знакомый и съ общественными и съ административными нравами и, наконецъ, съ содержаніемъ самой литературы, вовсе не раздѣлялъ этихъ опасеній; онъ думалъ, напротивъ, что русская литература была такъ подавлена окружавшей ее издавна подозрительной опекой и вмѣстѣ такъ извращена, что, напротивъ, нуждалась именно въ бо̀льшей свободѣ, которая была бы предоставлена ей открыто безъ всякихъ заднихъ мыслей и опасеній и возвратила (или доставила въ первый разъ) возможность серьезной рѣчи и нравственнаго достоинства.

Онъ сожалѣлъ, во-первыхъ, о перенесеніи цензуры въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Онъ зналъ очень хорошо, что, собственно говоря, все въ этомъ случаѣ будетъ зависѣть отъ личнаго взгляда того или другого министра, что литература можетъ почувствовать себя хорошо подъ начальствомъ министра внутреннихъ дѣлъ и очень худо подъ начальствомъ министра просвѣщенія.

„Но съ раціональной точки зрѣнія,—продолжаетъ онъ,—это совсѣмъ не такъ безразлично. Не надо забывать, что литература есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ рычаговъ народнаго просвѣщенія, и что, напротивъ того, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ томъ составѣ, въ какомъ существуетъ это учрежденіе въ Россіи, сосредоточивается высшая полицейская власть. Какое отношеніе можетъ существовать между литературой, какъ о̀рганомъ просвѣщенія, и полиціей, какъ о̀рганомъ охраненія государственной безопасности, угадать хотя не трудно, но не трудно именно вслѣдствіе той перепутанности понятій и опредѣленій,

которая въ послѣднее время, вслѣдствіе разныхъ случайныхъ причинъ, такъ сильно господствуетъ въ обществѣ нашемъ. Сфера дѣйствій полиціи, сама по себѣ очень почтенная и заслуживающая полнаго сочувствія людей благомыслящихъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ сфера совершенно особая и притомъ строго ограниченная; она сообщаетъ всей ея дѣятельности особенный характеръ и даже особенныя привычки. Постоянно имѣя дѣло съ противообщественными попытками и наклонностями самаго грубаго, несложнаго и незамысловатаго свойства, полиція и въ дѣйствіяхъ своихъ противъ нихъ обнаруживаетъ нѣкоторую грубость, несложность и незамысловатость. Теперь же она будетъ поставлена лицомъ къ лицу съ преступленіями мысли, преступленіями свойства деликатнаго и почти неуловимаго, преступленіями уже потому одному относящимися къ особому разряду, что при обсужденіи ихъ невозможно не принять высшій противъ обыкновеннаго умственный и нравственный уровень совершившихъ ихъ лицъ. Полиція, очевидно, затруднится. Привыкнувъ имѣть дѣло съ врагами общества, она, не слышно для самой себя, и на литературу перенесетъ это воззрѣніе; обращаясь съ фактами грубыми, конкретными, не имѣя надобности прибѣгать ни къ анализу побужденій, ни къ болѣе или менѣе тонкимъ толкованіямъ содержанія этихъ фактовъ, она тотчасъ же почувствуетъ свою несостоятельность въ отношеніи преступленій слова и постарается замѣнить ее чѣмъ-нибудь. Что если она, по свойственной человѣчеству слабости, не захочетъ сознаться въ этой несостоятельности и замѣнитъ ее подозрительностью и придирчивостью?"

Очень извѣстно, что въ тѣ времена, когда цензура находилась въ рукахъ министерства просвѣщенія, литературѣ приходилось испытывать не мало крупныхъ и мелкихъ неудобствъ [1]; тѣмъ не менѣе замѣчанія Салтыкова заключали въ себѣ большую правду.

Его представленіе о русской литературѣ не сходилось съ представленіями тѣхъ, кто думалъ, что противъ нея должны быть принимаемы усиленныя предосторожности. Напротивъ, надо желать, чтобы она получила, наконецъ, возможность говорить прямо

---

[1]) Извѣстно притомъ, что и въ тѣ времена въ литературныхъ дѣлахъ большое вліяніе имѣло также другое вѣдомство, именно высшая полиція; въ царствованіе императора Николая въ вопросы литературы безпрестанно вмѣшивалось III отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, а въ концѣ царствованія получили право такого вмѣшательства всѣ министерства и отдѣльныя управленія, имѣвшія своихъ особыхъ цензоровъ на тѣ случаи, когда литература касалась предметовъ ихъ вѣдомствъ.

ıхъ предметахъ, о которыхъ ей допущено высказываться. ыковъ приводитъ примѣры тогдашняго положенія.

„Извѣстно, что литература наша до сихъ поръ состоитъ подъ ювительствомъ цензуры, но, быть можетъ, не всякому извѣстно, покровительство это заключается не столько въ расширенія оды печатнаго слова, сколько въ снисходительномъ огражденія отъ разнаго рода излишествъ. Оказывается, что въ настоящее я эту послѣднюю обязанность можетъ принять на себя само эство, которое уже достаточно созрѣло для того, чтобы разть вредныя и антисоціалистскія ученія отъ невредныхъ и алистскихъ [1]). Оказывается также, что цензура, какъ учрежде попечительное, не только ставила литературу въ условія стѣсльныя и несоотвѣтствующія ея нынѣшнему развитію, но даже достигала и той предупредительно-полицейской цѣли, для кой она была создана. Писатели съ антисоціалистскими намѣами находили способъ проводить свои идеи подъ покровомъ соціалистскихъ; мысль скрывалась, нельзя было ничего разоъ... Мало того: мысль до такой степени сжилась съ различи покровами и изворотами, что даже откровенно приняла ихъ единственно нормальный способъ выраженія; литература до й степени пріучала публику читать между строками, что не того темнаго намека, который оставался бы для нея тай-, не было полуслова, котораго бы она не прочла всѣми буквами же съ нѣкоторыми прибавленіями. Прохаживался ли, напрь, „Русскій Вѣстникъ" насчетъ Австріи — публика знала, это хоть и не опечатка, однако нѣчто въ родѣ опечатки; валялъ ли „Русскій Вѣстникъ" австрійскаго министра Брука — лика понимала, что это значитъ: посмотримъ-дескать, что-то асъ дѣлается... Одна цензура ничего не понимала, да, по гому, добросовѣстному толкованію цензурнаго устава, и не ла права понимать. Если вѣрить „Русскому Вѣстнику" и ромекѣ, отъ этого выигрывали только нигилисты, которыхъ ь, по милости безпрерывныхъ преградъ, пріобрѣла какую-то шенную заманчивости таинственность и даже силу. Если ить тому же „Русскому Вѣстнику", эта сила должна сама й уничтожиться, какъ только ей дана будетъ возможность казаться. Тогда всякій пойметъ, что это не сила, а ложь, и кій же получитъ средство „легко справиться съ ней безъ всяь карательныхъ мѣръ". Вполнѣ раздѣляемъ такое мнѣніе сскаго Вѣстника", радуемся его радостями и будемъ ожидать".

[1]) Салтыковъ употребляетъ здѣсь это слово въ смыслѣ „общественныхъ", огражщихъ общественный порядокъ.

На дѣлѣ русская литература вовсе не столь злокачественна, и дѣйствительное положеніе ея состоитъ по Салтыкову въ слѣдующемъ:

..."Читая слабонервныя протестаціи "Русскаго Вѣстника", можно подумать, что и невѣсть какой ядъ заключается въ нашихъ журналахъ, что и невѣсть какою опасностью грозятъ они обществу. Если вѣрить этому, то придется, пожалуй, и усугубить "постепенность". Но не надо забывать, что протестаціи эти суть плодъ невиннаго желанія, какъ можно скорѣе сравняться въ "рвеніи" съ "Нашимъ Временемъ" [1]). Не надо забывать, что литература русская относится къ русскому правительству точно такъ же, какъ Гулливеръ къ тому великану, который гдѣ-то нашелъ его въ травѣ. "Онъ схватилъ меня,—разсказываетъ Гулливеръ,— поперекъ тѣла большимъ и указательнымъ пальцами и поднесъ къ глазамъ, чтобы ближе разсмотрѣть. Я не противился; я позволилъ себѣ только поднимать къ небу глаза и складывать руки умоляющимъ образомъ, ибо я опасался, чтобъ онъ нечаянно не раздавилъ меня". Сравненіе не лестное, но правдивое, и при томъ способное успокоить самую раздражительную подозрительность".

Далѣе Салтыковъ высказывается противъ того, что систему надзора и преслѣдованія печати сочли нужнымъ взять цѣликомъ изъ французскихъ учрежденій, когда нѣтъ ничего общаго между политическимъ бытомъ и литературой Россіи и Франціи. У насъ предполагались по тогдашнему проекту (и введены впослѣдствіи по уставу 1865 года) предварительныя и карательныя цензурныя мѣры и въ объясненіе этого указывалось, что даже въ странахъ, гдѣ свободныя учрежденія воспитали политическій смыслъ общества, однѣ карательныя мѣры оказались недостаточными. Далѣе, по проекту, при введеніи новыхъ цензурныхъ правилъ, именно при освобожденіи тѣхъ или другихъ изданій отъ предварительной цензуры, должна была соблюдаться постепенность, и въ особенности указывалось, что сохраненіе предварительной цензуры необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда періодическія изданія, дѣйствуя постепенно, образуютъ *направленіе*, котораго нельзя преслѣдовать формальнымъ образомъ, и что "газеты и журналы могутъ, въ отношеніи къ преслѣдующей власти, принять особую систему, и именно, не нарушая явно важнѣйшихъ предписаній закона, тѣмъ не менѣе выходить изъ предѣловъ дозволеннаго, утомляя силы преслѣдующей власти и связывая ее безпрерывнымъ опасеніемъ неудачи или скандала".

---

[1]) Реакціонная газета Н. Ф. Павлова.

Салтыковъ возражаетъ противъ всѣхъ этихъ соображеній. Первый аргументъ, ссылка на другія государства,—„ложенъ въ самомъ зернѣ своемъ, потому что имѣетъ въ предметѣ указать на Францію. На это можно сказать одно: Франція, съ конца прошлаго столѣтія и до настоящаго времени, представляетъ собой страну, развивающуюся подъ вліяніемъ паническихъ восторговъ и столь же паническихъ страховъ. Если это положеніе еще и можно оспаривать относительно самой страны, то никакъ нельзя —относительно правительствъ, которыя, одно за другимъ, ее эксплуатировали. Вполнѣ свободныхъ учрежденій, свободныхъ парламентскихъ преній въ ней не было, а тѣмъ менѣе они существуютъ теперь, и отношенія нынѣшняго французскаго правительства къ странѣ слишкомъ извѣстны, чтобы допустить какое-нибудь двусмысленное въ этомъ случаѣ толкованіе. Зачѣмъ же эти вѣчныя ссылки на Францію? зачѣмъ этотъ вѣчный кошмаръ? Во Франціи такой порядокъ могъ установиться вслѣдствіе особыхъ, ей одной свойственныхъ причинъ; во Франціи, сверхъ того, порядокъ, сегодня установленный, можетъ быть завтра развѣянъ по вѣтру: что̀ для насъ Франція? что̀ мы для нея? Но вѣдь и тамъ все-таки предупредительной цензуры нѣтъ, и тамъ все-таки оставлена писателямъ хотя незавидная свобода, но все-таки свобода: свобода грѣшить и подвергаться за грѣхи наказаніямъ. Отчего же не предоставить и русскимъ писателямъ этой свободы? Вѣдь русская литература все-таки не больше, какъ Гулливеръ: пускай же и наслаждалась бы свободою находиться между большимъ и указательнымъ перстами великана! Что мы, русскіе, не имѣли до сихъ поръ свободныхъ учрежденій и не пользовались парламентскими преніями—тутъ, конечно, хорошаго мало, но политическій смыслъ нашъ развѣ болѣе будетъ воспитываться, если ко всему этому мы прибавимъ еще и отсутствіе свободы печатнаго слова?"

Салтыковъ не хочетъ оспаривать предположенія о томъ, чтобы новыя правила о печати вводились постепенно. „Это правильно,— говоритъ онъ, и продолжаетъ шутя:—русская литература столько десятковъ лѣтъ притворствовала и уклонялась, что нельзя сразу дать ей возможность выложить на столъ накопившіяся въ ней сокровища, ибо легко можетъ быть, что и сокровищъ-то совсѣмъ нѣтъ. Слѣдовательно, пускай высказывается постепенно". Но онъ настоятельно заявляетъ, что какова бы ни была эта постепенность, она должна быть *равная* для всѣхъ изданій, потому что еслибы оказано было предпочтеніе какимъ-нибудь однимъ изданіямъ передъ другими, изъ этого произошла бы несправедливая

привилегія, единоторжіе мысли". Онъ считалъ нужнымъ сказать объ этомъ особенно потому, что „въ послѣднее время,— говоритъ онъ,—„Современная Лѣтопись" [1]) начала что-то заговариваться о редакторахъ, заслуживающихъ довѣрія, и редакторахъ, довѣрія не заслуживающихъ". Онъ опасается, что эта неравномѣрность, въ какой бы формѣ она ни была предпринята, послужитъ источникомъ деморализаціи въ печати. Такъ онъ думалъ, что подобныя слѣдствія имѣло бы предоставленіе изданіямъ *добровольно* подчиняться предварительной цензурѣ. „Во-первыхъ, не представляется надобности предлагать опеку для всѣхъ нищихъ духомъ, точно такъ же, какъ не представляется надобности въ учрежденіи какой-либо особой палаты для управленія тѣми имѣніями, которыхъ владѣльцы не умѣютъ извлечь изъ нихъ всѣхъ выгодъ. Во-вторыхъ, если издатели сочиненій этого разряда встрѣтятъ сомнѣніе въ своей благонамѣренности, то могутъ посовѣтоваться съ своими пріятелями, не затрудняя правительства. Въ-третьихъ, наконецъ, подобный легкій способъ избавляться отъ отвѣтственности можетъ породить въ литературной и издательской дѣятельности дурныя привычки. Можетъ въ литературномъ лагерѣ произойти междоусобіе, угодничество и фискальство, ибо всегда найдутся люди, охочіе заявлять о своемъ смиренствѣ, даже когда заявленія эти и не надобны никому. Все это, можетъ ввести въ заблужденіе и само правительство насчетъ характера подобныхъ заявленій".

Онъ возстаетъ также противъ упомянутыхъ выше замѣчаній о такъ-называемыхъ „направленіяхъ", требующихъ будто бы особаго вниманія со стороны цензурной власти и особыхъ мѣръ преслѣдованія. Онъ полагаетъ, что подобныя соображенія были бы недостойны правительственной власти. „Мы положительно думаемъ, что правительство крѣпкое, прочно установившееся, не можетъ имѣть подобныхъ соображеній... Правительство сильное, опирающееся на сочувствіе народа, не имѣетъ надобности руководиться іезуитизмомъ: оно дѣйствуетъ открыто, то-есть открыто дозволяетъ и открыто же что-либо запрещаетъ".

Только при крайнемъ стѣсненіи литературы можно было бы говорить о чемъ-то похожемъ на дѣйствованіе посредствомъ „направленій", которое состоитъ только въ употребленіи фигуры умолчанія, въ неясныхъ намекахъ и т. п. „Но если представить себѣ русское слово освобожденнымъ отъ предварительныхъ истязаній, то всякая мысль о *направленіи*, понимаемомъ въ указан-

[1]) Издававшаяся Катковымъ при „Р. Вѣстникѣ" и „Моск. Вѣдомостяхъ".

мъ выше смыслѣ, падаетъ сама собой, ибо кто же изъ чита-
іей будетъ столь невиненъ, чтобы подписываться на журналъ,
торый подчуетъ его однимъ *направленіемъ*, тогда какъ рядомъ
 нимъ стоитъ другой журналъ, разсказывающій жизненный
ктъ ясно и безбоязненно? Положительно можно сказать, что
правленіе есть плодъ предупредительной цензуры, что обая-
ьная сила его будетъ существовать дотолѣ, покуда будетъ
цествовать предупредительная цензура. Мало того: сила эта
цетъ существовать и въ такомъ случаѣ, если изъятіе отъ преду-
эдительной цензуры будетъ допущено только для *извѣстныхъ*
рналовъ, а другіе останутся подъ ея вліяніемъ".

Наконецъ, Салтыковъ отвѣчаетъ на тотъ аргументъ, которымъ
тѣли объяснить тогда необходимость для цензурной власти особ-
ю преслѣдовать „направленія", будто бы ускользающія отъ
авильнаго контроля. „Въ самомъ дѣлѣ, неужели наша литера-
ра имѣетъ такое громадное развитіе, что можетъ даже уто-
ть силы преслѣдующей власти? И что, наконецъ, можно по-
мать объ этой преслѣдующей власти, которая такъ скоро утом-
тся? Вѣдь нельзя же такъ жить, чтобъ все доставалось да-
гъ: желаете *преслѣдовать*,—ну и потрудитесь".

Опускаемъ другія подробности этой статьи. Изъ приведен-
къ примѣровъ можно достаточно видѣть взглядъ Салтыкова.
атья его остается любопытной и вѣрной картиной положенія на-
й литературы въ тогдашнихъ и даже современныхъ цензурныхъ
ловіяхъ. Салтыковъ смотрѣлъ на вещи спокойно, и потому не
цавался преувеличеніямъ ни въ ту, ни въ другую сторону.
сская литература представлялась ему въ тѣхъ скромныхъ раз-
рахъ, какіе она и въ самомъ дѣлѣ имѣла; онъ не предвидѣлъ
 нея опасностей, которыя вынуждали бы къ экстреннымъ мѣ-
къ и строгимъ преслѣдованіямъ. Онъ справедливо указывалъ,
, собственно говоря, литература была искалѣчена тѣмъ преж-
къ режимомъ, подъ которымъ она столько времени воспиты-
лась — она отъучилась говорить прямо о вещахъ, потому что
ьезные предметы, требующіе общественнаго вниманія, были
 нея закрыты; но такъ какъ о нихъ не могло не думать
щество, то литература тѣмъ самымъ вынуждалась прибѣгать
 условному закрытому языку, къ намекамъ, къ умолчаніямъ,
легоріямъ и т. д., ко всему тому, въ чемъ и стали усматри-
ь „направленіе". Это „направленіе" представлялось какою-то
цною злонамѣренностью, противъ которой нужно было употреб-
ъ ехидныя средства. Салтыковъ съ негодованіемъ говоритъ
 этой травлѣ направленій, которая была бы дѣломъ недостой-

нымъ сильнаго, увѣреннаго въ себѣ правительства. Онъ совершенно справедливо говоритъ, что такого рода „направленія“ исчезли бы сами собой, еслибы литературѣ предоставлена была возможность открыто высказывать общественное мнѣніе о тѣхъ предметахъ, которые не могли не привлекать его живѣйшаго вниманія. Съ его обычной манерой, иногда веселой шуткой, чаще желчной и горькой ироніей, онъ успокоиваетъ административные страхи, что еслибы литературѣ предоставлено было выложить всѣ свои сокровища, то, можетъ быть, ихъ бы не оказалось. Устраняя преувеличенную подозрительность, которая слишкомъ легко могла бы оканчиваться ненужнымъ вредомъ, Салтыковъ съ другой стороны негодуетъ на тѣ инсинуаціи, какія уже высказывались въ то время, напримѣръ, въ толкахъ „Русскаго Вѣстника“ о редакторахъ, довѣрія заслуживающихъ и не заслуживающихъ. Онъ желалъ для всѣхъ изданій, въ которыхъ высказывались тогда различныя стороны общественнаго мнѣнія (и всѣхъ этихъ изданій было не много), одинаковаго положенія, безъ всякихъ предпочтеній для однихъ, которыя стали бы стѣсненіемъ и несправедливостью для другихъ.

Послѣ того, какъ писалъ Салтыковъ, цензурное положеніе русской печати установилось приблизительно такъ, какъ предполагалось въ проектѣ, который онъ разбиралъ: цензура была двоякая, предварительная и карательная; введена была именно система денежныхъ залоговъ, предостереженій, пріостановокъ и запрещеній, заимствованная изъ тѣхъ самыхъ французскихъ пріемовъ второй имперіи; введены были кромѣ того судебныя преслѣдованія преступленій по дѣламъ печати и т. д. То, что̀ предвидѣлъ Салтыковъ, исполнилось въ дѣйствительности. Сложная система надзора уже вскорѣ была по русскимъ нравамъ упрощена; оказалась привычная подозрительность и то вліяніе характера вѣдомства, завѣдывавшаго теперь печатью, которыя Салтыковъ предполагалъ: вопросы литературы и науки слишкомъ часто разбирались не съ точки зрѣнія литературы и науки, сколько съ точки зрѣнія предупрежденія и пресѣченія преступленій и съ тѣмъ пониманіемъ вопросовъ науки, какое возможно въ вѣдомствѣ отъ нея далекомъ... Въ самомъ дѣлѣ, оглянувшись теперь на протекшее двадцатипятилѣтіе новаго цензурнаго положенія русской литературы, нельзя не придти къ довольно печальнымъ размышленіямъ. Наша публицистическая печать, взятая въ цѣломъ, была безъ сомнѣнія тѣмъ скромнымъ явленіемъ, какимъ предполагалъ ее Салтыковъ; если собрать примѣры тѣхъ ея излишествъ, доказательствъ „вреднаго направленія“ и т. п.,

за которыя она подвергалась многоразличнымъ карамъ административнымъ и судебнымъ, и если собрать примѣры преслѣдованія сочиненій по предметамъ чисто литературнымъ и научнымъ, то не можетъ не броситься въ глаза чрезмѣрная недовѣрчивость, порождавшая эти факты.

Въ той же книжкѣ Салтыковъ началъ рядъ публицистическихъ статей подъ названіемъ „Наша общественная жизнь". Тонъ съ самаго начала шутливый, но, какъ обыкновенно, при небольшомъ вниманіи не трудно увидѣть въ шуткѣ мысль совершенно серьезную. Это была первая публицистическая статья журнала, касавшаяся тогдашнихъ общественныхъ вопросовъ, съ тѣхъ поръ какъ журналъ былъ закрытъ въ 1862 году. Это было время, когда по разнымъ общимъ и случайнымъ обстоятельствамъ въ обществѣ оказалось извѣстное броженіе, не совсѣмъ привычное въ русской жизни—студенческія волненія, появленіе политическихъ листковъ, распространеніе запрещенныхъ изданій и т. п.; лѣтомъ 1862 года произошли петербургскія пожары, причина которыхъ осталась невыясненной, и явились охотники приписать ихъ какимъ-то революціоннымъ агитаторамъ; кстати явился романъ Тургенева съ характеристикой молодого поколѣнія и „нигилизма"; наконецъ, начинались польскія волненія—и изъ всего этого вмѣстѣ образовалась еще невиданная путаница фактовъ и толковъ, которую не замедлила эксплуатировать реакціонная доля общества: послѣдней удобно было объяснять всѣ эти происшествія какъ результатъ вреднаго вліянія реформъ и либеральныхъ попущеній правительства. Собственно говоря, происходившіе факты не были правильно изслѣдованы и безпристрастно поняты (ни тогда, ни послѣ); журналъ, пытавшійся дать отчасти ихъ объясненіе, подвергся запрещенію; свободно распространялись реакціонные толки и огульныя обвиненія противъ „нигилизма" и противъ „мальчишекъ". Было много людей, которымъ это положеніе вещей было на руку: это были или старые крѣпостники, до сихъ поръ скрывавшіе свою вражду къ новымъ либеральнымъ преобразованіямъ и теперь съ торжествомъ призывавшіе къ старому порядку, или вчерашніе либералы, находившіе, что по времени выгоднѣе вступить на другую дорогу... Правительство, въ общемъ, не дало устрашить себя реакціонными воплями, и задуманныя реформы продолжали вырабатываться; но были факты, гдѣ и оно отчасти было увлечено происходившимъ недоразумѣніемъ, и, къ сожалѣнію, упомянутые сейчасъ реакціонные дѣя-

тели, прежніе и новѣйшіе, имѣли случай выставлять себя какъ бы полуоффиціальными публицистами.

Въ этихъ условіяхъ Салтыковъ началъ свои публицистическія бесѣды. Если не ошибаемся, это были его первыя бесѣды подобнаго рода, по изложенію вообще довольно близкія къ его беллетристической манерѣ, а по содержанію составляющія какъ бы начало тѣхъ его произведеній, въ которыхъ онъ изображалъ русскую послѣ-реформенную жизнь, общество временъ поворота или реакціи. Темы, на которыхъ онъ останавливается въ этой первой статьѣ, состоятъ именно въ изображеніи тогдашняго настроенія общества, гдѣ шли толки о „нигилизмѣ“ и „мальчишкахъ“ и появлялись уже опыты того, что̀ онъ называлъ эквилибристикой.

Онъ начинаетъ статью объясненіемъ, что будетъ говорить не о собственно петербургской жизни „съ ея огорченіями и увеселеніями“, а объ общемъ характерѣ русской общественности— „въ ея постепенномъ и неторопливомъ стремленіи къ идеаламъ“. Петербургскій читатель знаетъ петербургскія новости, можетъ быть, лучше самого автора; читатель провинціальный къ нимъ совершенно равнодушенъ, но онъ жаждетъ уловить господствующую ноту нашей общественности, и объ этомъ собирается говорить авторъ. На первый разъ онъ думаетъ, что долженъ отвѣтить на вопросъ, который, вѣроятно, ему предложитъ читатель, взявъ въ руки книжку возобновленнаго журнала. „Очистились ли мы постомъ и покаяніемъ?“

„Что постъ былъ—это достовѣрно, въ этомъ въ особенности убѣдилась сама редакція „Современника“. Не то, чтобы идея поста была совершенно противна „Современнику“, но, конечно, было бы желательно, чтобы сроки воздержанія были назначаемы нѣсколько менѣе щедрою рукой. Это тѣмъ болѣе желательно, что было бы вполнѣ согласно и съ подлежащими постановленіями, которыя нигдѣ не заповѣдали, чтобы постъ продолжался восемь мѣсяцевъ. Будемъ надѣяться, что это случилось нечаянно и что, съ обнародованіемъ новыхъ законовъ о книгопечатаніи, будутъ изысканы иныя, болѣе пріятныя и не менѣе полезныя мѣропріятія“...

Что касается до вопроса о покаяніи, то на него авторъ надѣется отвѣтить въ теченіе года. Во всякомъ случаѣ мы обѣщаемся быть благонамѣренными, говоритъ онъ; къ этому побуждаетъ и желаніе бесѣдовать съ читателемъ десять, а не пять разъ въ году, и современное настроеніе русскаго общества, и разныя другія обстоятельства. Тема „благонамѣренности“, на ко-

тыковъ много разъ останавливался въ своихъ старыхъ
ихъ произведеніяхъ, трактована здѣсь въ обычномъ
мъ тонѣ, который могъ бы иной разъ показаться пре-
ть или каррикатурой, еслибы на это не давали ему права
ые примѣры пошлости, совершавшіеся въ обществѣ.
режде всего я обязанъ опредѣлить, что такое благона-
. Признаюсь откровенно, обязанность эта застаетъ
олько въ расплохъ, ибо слово это произошло на свѣтъ
но, что даже значеніе его не вполнѣ опредѣлилось.
его больше фигурами и уподобленіями. Такъ, напри-
я вижу человѣка, участвующаго своими трудами въ
Пчелѣ", въ „Нашемъ Времени", въ „Сѣверной
я говорю себѣ: это человѣкъ благонамѣренный. Если
ловѣка, посѣщающаго балы гг. Марцинкевича, Зал-
юва и другихъ,—я говорю себѣ: это человѣкъ благо-
й. Почему я такъ говорю,—я не знаю, но чувствую,
правду, и всякій, кто слышитъ меня говорящимъ
разомъ, также чувствуетъ, что я говорю правду. Со-
ое дѣло, если я вижу человѣка, таинственно проби-
въ редакцію газеты „Голосъ"; тутъ я прямо говорю
, это человѣкъ неблагонамѣренный, ибо въ немъ за-
-Ролленъ. И напрасно Андрей Александровичъ Краев-
ь увѣрять меня, что Ледрю-Ролленъ былъ, да весь
я не повѣрю ему ни за что, ибо знаю стойкость
Андрея Александрыча и очень помню, какъ онъ,
848 году, боролся съ Луи-Филиппомъ и радовался па-
ства буржуазіи".
твратимъ наши взоры отъ этого печальнаго зрѣлища
продолжать фигуры и уподобленія".
всего благонамѣренный человѣкъ долженъ обладать
поведеніемъ, которое состоитъ въ слѣдующемъ: утромъ
енный человѣкъ встаетъ и читаетъ „Сѣверную Почту";
ясь ея чтеніемъ и узнавъ сверхъ того, „въ чемъ должна
я сегодняшняя благонамѣренность", онъ бесѣдуетъ съ
скимъ (тогдашнимъ издателемъ „Сына Отечества"),
подъ вліяніемъ этой бесѣды, благонамѣренный захо-
оминику, гдѣ съѣдаетъ три пирожка, а буфетчику
, что съѣлъ одинъ. Затѣмъ до обѣда онъ гуляетъ по
потомъ обѣдаетъ въ долгъ у Дюссо, а вечеромъ от-
въ Михайловскій театръ, и день оканчивается бли-
ъ образомъ на балѣ у безземельныхъ, но гостепріим-
цессъ вольнаго города Гамбурга".

Можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ можетъ оказаться благонамѣренность; но авторъ объясняетъ, что, „сколько онъ могъ понять изъ объясненій людей свѣдущихъ“, это слово имѣетъ весьма ограниченный и спеціальный смыслъ: человѣкъ, который желаетъ стать въ ряды благонамѣренныхъ, можетъ заимствовать платки изъ чужихъ кармановъ, можетъ читать „Сына Отечества“, но только обязывается имѣть „хорошій образъ мыслей“. Чтò такое этотъ хорошій образъ мыслей, авторъ отзывается, что не умѣетъ этого объяснить, „потому что это выраженіе скорѣе чувствуется, нежели понимается“; тѣмъ не менѣе, говоритъ онъ, если судьба заставитъ васъ потолкаться нѣкоторое время между людьми благонамѣренными, то вы поймете, что отличительный признакъ хорошаго образа мыслей есть невинность. „Невинность же, съ своей стороны, есть отчасти отсутствіе всякаго образа мыслей, отчасти же отсутствіе того смысла, который даетъ возможность различить добро отъ зла. Любите отечество и читайте романы Поль-де-Кока—вотъ краткій и незамысловатый кодексъ житейской мудрости, которымъ руководствуется современный благонамѣренный человѣкъ. И благо ему. Если онъ утаилъ о двухъ излишне съѣденныхъ пирожкахъ, то это простится ему, потому что отъ этого нѣтъ ущерба ни любви къ отечеству, ни общественному благоустройству“. Надо только не увлекаться. „Если же вамъ непремѣнно нужно мыслить, то бесѣдуйте съ „Сыномъ Отечества“, ибо мысли, порождаемыя этими бесѣдами, не суть мысли, но тѣлесныя упражненія“...

„Такимъ образомъ, съ помощью фигуръ и уподобленій, мы догадываемся, наконецъ, чтò такое этотъ „хорошій образъ мыслей“, который, въ послѣднее время, пустилъ такіе сильные корни въ нашемъ обществѣ. Сидите ли вы въ театрѣ, идете ли по улицѣ,—вы на каждомъ шагу встрѣчаете людей, которыхъ наружность ничего иного не выражаетъ, кромѣ того, что ихъ отлично кормятъ. Тутъ не можетъ быть рѣчи объ убѣжденіяхъ, а тѣмъ менѣе о недовольствѣ кѣмъ и чѣмъ бы то ни было: въ этихъ ходячихъ могилахъ все покончено, все затихло. Самый добродушный изъ нихъ на ваши приставанья отвѣтитъ: mon cher! qui est-ce qui en parle! но менѣе добродушный фыркнетъ и огрызнется, какъ песъ, къ которому неосторожно подойдутъ въ то время, когда онъ ѣстъ. Слѣдовательно, благонамѣренность не исключаетъ и нѣкотораго остервенѣнія, которое и составляетъ третью характеристическую черту ея“.

Авторъ недоумѣвалъ о причинахъ этого остервенѣнія и „бла-

гонамѣренной плотоядности". Мы, слава Богу, не испытали политическихъ потрясеній, никакихъ утопій, ни въ чемъ не разочаровывались (да и очаровывались ли когда-нибудь?), между тѣмъ насъ, гибнущихъ плавателей, соблазняетъ какая-то сирена своимъ пѣніемъ. „Многіе даже видѣли ее и увѣряютъ, что она ходитъ въ вицъ-мундирѣ".

„Увы! пѣніе сирены отразилось даже на литературѣ нашей. Изъ загнанной и трепещущей она превратилась въ торжествующую и ликующую, изъ скептической въ вѣрующую, изъ заподозрѣнной въ благонамѣренную и достойную довѣрія. Дѣятели, цѣлую жизнь дразнившіе и уськавшіе общественное мнѣніе, всенародно бьютъ себя въ грудь, всенародно раздираютъ на себѣ одежды и признаютъ себя удовлетворенными. „Мальчишки!" стонетъ на всѣ лады одинъ; „нигилисты!" подвизгиваетъ ему другой. И хотя это обвиненіе есть единственное, которое успѣла ясно сформировать кающаяся русская литература, но, вѣроятно, оно признается достаточно капитальнымъ, если журналы серьезные и повидимому благонамѣренные рѣшаются настаивать на немъ".

Судя по тому переполоху, какой господствовалъ въ литературѣ до 1862 года, говоритъ Салтыковъ, провинціальный читатель могъ и невѣсть чтò подумать. „Ему могло показаться, что старому веселью конецъ пришелъ, что хорошихъ людей моль поѣла и что на мѣстѣ ихъ неистовствуютъ все мальчишки да нигилисты... Ничуть не бывало! утѣшаю я его; все это было до 1862 года, но въ этомъ году россіяне вступили въ новое тысячелѣтіе... Какъ же тутъ не созрѣть, какъ не пойти въ сѣмена!"

Такимъ образомъ благонамѣренность заключается въ ненависти къ нигилистамъ и мальчишкамъ, и Салтыковъ разбираетъ, чтò это за новое явленіе.

Его разсужденіе есть главнымъ образомъ характеристика того, чтò говорилось въ печати, особливо въ „Русскомъ Вѣстникѣ", который въ то время занялъ главную роль въ травлѣ на молодое поколѣніе и служилъ образцомъ для мелкой печати, предавшейся тогда тому же занятію. Эта травля самымъ глубокимъ образомъ возмущала Салтыкова. Огульныя обвиненія всегда ненавистны, потому что всегда бываютъ несправедливы; они были особенно возмутительны въ данномъ случаѣ по разнымъ условіямъ. Прежде всего обвиненія бросались на вѣтеръ; отдѣльные факты, не имѣвшіе между собой ничего общаго ни фактически, ни по смыслу, обобщались въ обвиненіе противъ цѣлыхъ массъ людей и противъ цѣлыхъ отдѣловъ тогдашней литературы. Во-вторыхъ, обвиненія самыя злобныя дѣлались въ такой обобщенной формѣ, что

на нихъ трудно и некому было отвѣчать, между тѣмъ подозрѣніе и вражда были заброшены. Въ-третьихъ, то броженіе, которое реакціонная литература обозначала теперь огуломъ подъ именемъ нигилизма, заключало въ себѣ между прочимъ и тѣ самыя идеи, какія еще недавно были въ общемъ ходу и съ особенною настойчивостью распространялись самимъ „Русскимъ Вѣстникомъ". Все это вмѣстѣ производило вдвойнѣ отталкивающее впечатлѣніе и какъ доносъ, сопровождающійся крайнею затруднительностью или даже невозможностью отвѣта, и какъ фактъ ренегатства. Но вопросъ былъ настоятельный,—всѣ объ этомъ говорили, и въ нашемъ обществѣ, которое вовсе не было пріучено и не умѣло разбираться въ сколько-нибудь сложныхъ общественныхъ положеніяхъ, это становилось источникомъ крайней и вредной путаницы понятій, вредной потому именно, что подъ готовыя, такъ сказать, уличныя клички люди мало развитые подкладывали безъ разбора все, и дурное, а вмѣстѣ и хорошее, случайное и естественное, и то, что̀ общество могло и должно было отвергнуть, и то, чѣмъ оно должно было дорожить. Салтыковъ поэтому и счелъ нужнымъ говорить. Какъ обыкновенно, тонъ его есть на половину шутка, на половину иронія, изъ которыхъ не трудно было бы извлечь и весьма серьезное поученіе,—если бы искали правды, а не пищи для озлобленія или своекорыстія.

„Слово „нигилисты" пущено въ ходъ И. С. Тургеневымъ и не обозначаетъ собственно ничего. Въ романѣ г. Тургенева, какъ и во всякомъ благоустроенномъ обществѣ, дѣйствуютъ отцы и дѣти. Если есть отцы, слѣдовательно должны быть и дѣти—это бы, пожалуй, не новость; новость заключается въ томъ, что дѣти не въ отцовъ вышли, и вслѣдствіе этого происходятъ между ними безпрестанные репримандыы.

„Отцы—народъ чувствительный и вѣруютъ во все. Они вѣруютъ и въ красоту, и въ истину, и въ справедливость, но больше прохаживаются по части красоты. Они проливаютъ слезы, читая Шиллерову „Resignation", они играютъ на віолончели, а отчасти и на гитарѣ, но не остаются нечувствительными и къ четвертакамъ... Когда-то они были друзьями Бѣлинскаго и поклонниками Грановскаго, но, по смерти своихъ руководителей, остались какъ овцы безъ пастыря. Очарованія ихъ приняли характеръ безпорядочный, почти растрепанный; съ одной стороны — Laura am Clavier, съ другой—тысяча рублей содержанія, даровая квартира и нѣсколько пудовъ сальныхъ свѣчей — вотъ двѣ мучительныя альтернативы, между которыми проходитъ ихъ жизнь. Тѣмъ не менѣе, надо отдать имъ справедливость: Лаура съ каж-

дымъ днемъ все дальше и дальше отодвигается на задній планъ, и все ближе и ближе придвигается тысяча рублей содержанія. Способность очаровываться осталась та же, но предметъ ея измѣнился, и измѣнился потому, что нѣтъ въ живыхъ ни Бѣлинскаго, ни Грановскаго. Будь они живы, они, конечно, сказали бы „отцамъ": цыцъ! и тогда кто можетъ угадать, чѣмъ увлекались бы въ настоящую минуту эти юные старцы?

„Въ противоположность отцамъ, дѣти представляютъ собой собраніе невѣрующихъ".

Пересчитавши разные примѣры отрицанія, которымъ заражены дѣти, по роману Тургенева, Салтыковъ продолжаетъ: „Спрашиваю я васъ, какъ назвать совокупность всѣхъ этихъ зловредныхъ качествъ? какъ назвать людей, совокупившихъ въ себѣ эти качества? Я знаю, госпожа Коробочка назвала бы ихъ фармазонами, полковникъ Скалозубъ назвалъ бы волтерьянцами; но И. С. Тургеневъ не захотѣлъ быть подражателемъ и назвалъ нигилистами...

„Какъ бы то ни было, но „благонамѣренные" накинулись на слово „нигилистъ" съ ожесточеніемъ; точь въ точь, какъ благонамѣренные прежнихъ временъ накидывались на слова фармазонъ и вольтерьянецъ. Слово „нигилистъ" вывело ихъ изъ величайшаго затрудненія. Были понятія, были явленія, которыя они до тѣхъ поръ затруднялись какъ назвать, теперь этихъ затрудненій не существуетъ: все это нигилисты; были люди, которыхъ физіономіи имъ не нравились, которыхъ рѣчи производили въ нихъ нервное раздраженіе, но они не могли дать себѣ отчета, почему именно эти люди, эти рѣчи производятъ на нихъ именно такое дѣйствіе; теперь все сдѣлалось ясно: да потому просто, что эти люди нигилисты! Такимъ образомъ нигилистъ, не обозначая собственно ничего, прикрываетъ собой всякую обвинительную чепуху, какая взбредетъ въ голову благонамѣренному, и еслибъ Иванъ Никифорычъ Довгочхунъ зналъ, что существуетъ на свѣтѣ такое слово, то онъ, навѣрное, назвалъ бы Ивана Иваныча Перерепенко не дурнемъ съ писанною торбою, а нигилистомъ. Человѣкъ, который ходитъ по улицѣ безъ перчатокъ—нигилистъ, и человѣкъ, который заявитъ сомнѣніе насчетъ либерализма Василья Александрыча Кокорева—тоже нигилистъ. Онъ нигилистъ! онъ не вѣритъ ни во что святое! вопятъ благонамѣренные, и само собою разумѣется, что Василію Александрычу это нравится. Однимъ словомъ, нигилистъ есть человѣкъ, безпрерывно испускающій изъ себя какой-то тонкій ядъ, отъ котораго мгновенно дурѣютъ слабыя головы мальчишекъ!"

Салтыковъ припоминаетъ тѣ азартныя обвиненія, какія сыпались

на нигилистовъ въ 1862 году. „Нигилисты обязаны выносить на себѣ всѣ грѣхи міра сего. Тявкнетъ ли на улицѣ шавка—благонамѣренные кричатъ: это нигилисты подъучили ее; пойдетъ ли безъ времени дождь, благонамѣренные кричатъ: это нигилисты заговариваютъ стихіи! Этого мало: лѣтомъ 1862 года по случаю частыхъ пожаровъ въ Петербургѣ ходили слухи о поджогахъ—благонамѣренные воспользовались этимъ, чтобы обвинить нигилистовъ; образовалась какая-то неслыханная потаенная литература—благонамѣренные возопили: это они! это нигилисты! Злорадство дошло до такой степени безобразія и нелѣпости, что благонамѣренные готовы были, чтобы у нихъ поснимали головы, лишь бы имѣть право сказать: это они! это нигилисты!

„Вотъ какую страшную услугу оказалъ Тургеневъ“.

Не меньше раздражало Салтыкова другое изобрѣтенное тогда слово: „мальчишки“, пущенное въ ходъ „Русскимъ Вѣстникомъ“. Нигилистомъ, говоритъ Салтыковъ, можетъ быть человѣкъ всякаго возраста. „Напротивъ того, слово „мальчишки“, такъ сказать, подрываетъ будущее Россіи, ибо обращается преимущественно къ молодому поколѣнію, на которомъ, какъ извѣстно, покоятся всѣ надежды любезнаго отечества. Подъ этимъ словомъ подразумѣвается все, что не перестало еще рости; М. Н. Катковъ взираетъ на П. М. Леонтьева и говоритъ: вотъ мѣра человѣческаго роста! и затѣмъ всякій индивидуумъ, который имѣлъ несчастіе родиться двумя минутами позднѣе г. Леонтьева, поступаетъ въ разрядъ мальчишекъ. Не хитро, но зато просто и удобно“.

Мальчишество состоитъ въ сущности въ томъ же, въ чемъ и нигилизмъ—въ отсутствіи всякой нравственности. Мальчишки не вѣрятъ въ науку—потому что не читаютъ статей г. Молинари, объясняетъ Салтыковъ; это—„пустые и безмозглые крикуны“, по словамъ одного изъ тогдашнихъ благонамѣренныхъ изданій; они не могутъ серьезно думать, не смѣютъ ни о чемъ имѣть свое сужденіе, потому что они мальчишки.

„Мальчишество—это преступленіе, за которое уличенный въ немъ лишается даже права апеллировать. Благонамѣренный не станетъ и разговаривать съ мальчишкой; „это мальчишка“, скажетъ онъ и самодовольно пройдетъ себѣ мимо...

„Да, горько родиться „мальчишкой“, но какъ же, съ другой стороны, и не родиться-то имъ?“

Всякій имѣлъ свой періодъ мальчишества; только не всякій это помнитъ. „Иной забылъ, что онъ не далѣе какъ въ 1861 г. былъ еще мальчишкой“; иной и не скрываетъ, что онъ забылъ, и готовъ снова сдѣлаться мальчишкой, если это будетъ обѣщать

какую-нибудь поживу. Авторъ не обращается
рода. „Я обращаюсь къ людямъ просто забыв
ваю: неужели вы въ самомъ дѣлѣ забыли? неу
состоянія опрѣсноковъ безъ всякихъ тревогъ, б
неужели вы не метались и не кипѣли? неуже
благонамѣренности такъ же случайно и безра
дятъ современные франты въ тотъ или другой
это невѣроятно. Это невѣроятно, потому что н
котораго заплеснѣвѣлая душа не умилилась бы
ваніемъ о давно прошедшихъ, сладкихъ днях
того дряхлаго, тупого старика, котораго голов
сочувственно, котораго морщины не освѣтились
когда на него хоть на мгновенье, хотя случа
жимъ ароматомъ навсегда утраченной весны

Салтыковъ предупреждаетъ читателя, что
маетъ обращаться къ людямъ благонамѣреннымъ
что и они были молоды и заблуждались, и ч
нихъ снисхожденіе молодости и заблужденію

„Нѣтъ, я не прошу для мальчишекъ ни с
снисхожденія. Я нахожу, что мальчишество -
мальчишекъ — очень почтенное сословіе. Са
вражды противъ нихъ свидѣтельствуетъ, что
слѣдуетъ относиться серьезно, и что слова: „
гилисты!“, которыми благонамѣренные люди
диспуты, по поводу почтительно дѣлаемыхъ
ставленій и домогательствъ, въ сущности из
иное, какъ худо-скрытую досаду, нѣчто въ
объ утраченномъ раѣ“. Если въ послѣднее вр
насъ тяжести чувствуется нѣчто оживляющее
какъ ни малъ успѣхъ, источникъ его находит
насъ, благонамѣренныхъ, а въ этой силѣ моло

„Я могъ бы привести тысячи примѣровъ
доказательство справедливости моего положенія
этого, то единственно изъ опасенія, чтобъ н
какой-нибудь нелитературной полемики. Дозвол
зенный вопросъ: давно ли называлось мальчише
ствомъ, волтерьянствомъ все то добро, котор
совершается? И нельзя ли отсюда придти къ
то, что̀ нынѣ называется мальчишествомъ, нигил
болѣе или менѣе поносительными именами, б
называться добромъ?“

Въ третьей книжкѣ „Современника" 1863 года было оп помѣщено нѣсколько статей Салтыкова. Въ статьѣ: „Наша об ственная жизнь", онъ возвращается съ другой стороны опредѣленію тогдашняго общественнаго положенія, проявле котораго ему оставалось отмѣчать въ журналистикѣ. Мы видѣ что данная минута не оставляла въ немъ сомнѣній относител своего характера: было ясно, что тотъ кратковременный періо когда общество подъ вліяніемъ совершавшейся реформы исп нено было самыхъ свѣтлыхъ надеждъ, уже кончился. Прав реформы еще не были завершены: продолжались работы н другими преобразованіями (суды, земство, печать), но чувство лось, что время одушевленія прошло, что наступалъ другой т жизни или, говоря иначе, возвращался прежній, до-реформенн Это послѣднее обстоятельство тотчасъ отразилось на литерату Таковъ былъ, напримѣръ, отмѣченный Салтыковымъ повор который внезапно совершился въ руководящемъ московск журналѣ, да и въ другихъ изданіяхъ, желавшихъ высказы мнимое общественное мнѣніе.

Теперь Салтыковъ хотѣлъ-было „объяснить читателямъ, чего въ современномъ человѣкѣ происходитъ нѣкоторое н ственное распаденіе, отчего онъ обязывается балансировать, чего никуда не можетъ примкнуть съ увѣренностью, что именно сила", но въ данную минуту онъ не находитъ удобн исполнить это обѣщаніе. Чтобъ исполнить это какъ слѣду онъ долженъ былъ бы указать, что „силы дѣйствительно н нигдѣ и, разумѣется, въ этомъ отсутствіи силы преимуществе обвинить мальчишество, какъ такую корпорацію, которая од можетъ заключать въ себѣ залоги дѣйствительной силы". этомъ, можетъ быть, онъ долженъ былъ бы сдѣлать мальчи ству выговоръ, преподать наставленіе, но его останавлив мысль, что мальчишеству и безъ того дѣлаются выговоры; томъ его выговоры, быть можетъ, не имѣютъ общаго съ т какіе дѣлаются другими, „а если не имѣютъ, какъ я и подозрѣ то съ какой же стати я стану производить гибельное двоегл въ впечатлительныхъ юношескихъ умахъ? Нѣтъ, лучше я воз жусь, и это тѣмъ легче для меня сдѣлать, что никто меня пуститъ".

Данная минута представляется Салтыкову ликвидаціей.

„Говорить о прошломъ въ ту минуту, когда оно, такъ зать, ликвидируется, не значитъ ли только заниматься праздн словами? Вѣдь тутъ разсчетъ ясенъ: что есть въ печи, все столъ мечи! и еще: каждому по дѣламъ его—ну, и дѣло

концомъ. Тутъ не поможешь ни оханьями, ни
тами, въ родѣ: кабы ты чуточку-чуточку влѣ
уцѣлѣла бы твоя голова! Нѣтъ, тутъ этимъ не
дѣло, поговорить о прошломъ въ видахъ наз
это иногда полезно бываетъ. Но вѣдь это то
и возможно, когда имѣется въ виду совершен
когда въ сердцѣ царитъ безмятежіе, а кака
ясность, какое безмятежіе въ минуты ликвида

„Слѣдовательно, этотъ разговоръ я отлож
пріятной минуты, тѣмъ болѣе, что мудрецом
время пріятно и не подозрительно".

Очевидно, Салтыковъ не считалъ возможным
женіи вещей яснѣе. Онъ предпочитаетъ говор
милой средѣ, которая выговорамъ не подверга
не получаетъ", и вслѣдъ за тѣмъ рисуетъ кар
ственной жизни—точно какой-то не настоя
такою казалась ему эта жизнь въ началѣ шес

„Часто приходитъ мнѣ на мысль, что всѣ
ни есть, живемъ и дѣйствуемъ на какихъ-то
ныхъ театральныхъ подмосткахъ, которые по
ареною жизни; что надъ нами стелется холст
щаемое промасленнымъ бумажнымъ кругомъ,
тускло свѣтится мерцаніе стеариноваго огарка;
простираются холстинные лѣса, разстилаются
ходуномъ ходятъ холстинныя волны; что хотя
снѣгъ и дождь, но снѣгъ этотъ бумажный,
что мы питаемся картонными кушаньями, пьем
воюемъ картонными копьями и произносимъ к

„И чѣмъ болѣе я углубляюсь въ эту мы
убѣждаюсь, что она совсѣмъ не заключаетъ в
Не знаю, отъ того ли, что жизнь положитель
ней наѣзженной колеи, отъ того ли, что, соше
она не успѣла еще наѣздить себѣ колеи ново
ходимся въ томъ странномъ положеніи, въ
поставила себя редакція журнала „Время": вс
двухъ стульевъ, и то-и-дѣло шлепаемся на по

Онъ сравниваетъ то время съ тѣмъ возрас
посредственно слѣдуетъ за отрочествомъ: это
вмѣстѣ смѣшное и горькое, въ которомъ утрач
тоны жизни и еще ничего не пріобрѣтено. Ис
отроческая впечатлительность и наивность и на и

фальшивая восторженность, дѣланныя мысли, что-то чужое, непонятое.

„Давно ли казалось намъ, что жизнь наша полнымъ ключомъ кипитъ, какъ уже мы убѣдились, что это ключъ не взаправду ключъ, а ключъ театральный; давно ли казалось намъ, что вокругъ насъ произносятся новые вопросы, возстаетъ цѣлая новая обстановка, какъ мы уже убѣдились, что это вопросы картонные, обстановка картонная. Давно ли мы бѣжали, стремились, шумѣли, рукоплескали, а теперь плодомъ всей этой суеты передъ нами стоитъ, въ обидной наготѣ, вопросъ: куда стремились, чему рукоплескали? Да, именно только этотъ вопросъ и остался".

Хуже всего то, что картонная жизнь производитъ картонную литературу; жизнь по крайней мѣрѣ забывается, но литература остается „вѣчнымъ монументомъ извѣстнаго строя жизни". Признаки этой литературы—„совершенное отсутствіе содержанія и полное безплодіе, прикрываемое благородными чувствами". „Если дѣйствительная жизнь ускользаетъ отъ нашего пониманія, если идеалы намъ не даются, если мы до того поражены повальною неспособностью, что не знаемъ даже, за что намъ уцѣпиться, къ чему устремить нашу жажду подвиговъ, то очень ясно, что для насъ можетъ быть доступна только одна сфера дѣятельности,—это та сфера, въ которой всѣ пути давно изборождены рутиной, та сфера, въ которой всѣ званые, а нѣтъ избранныхъ, та сфера, наконецъ, которой неприхотливое и скудное содержаніе, не измѣняясь въ своей сущности, только мѣняетъ цвѣта, только сгущается или разжижается, смотря по тону, задаваемому извнѣ".

Въ самомъ дѣлѣ, если наша литература всегда отличалась обиліемъ безсодержательныхъ произведеній, творцы которыхъ думали, что обогащаютъ словесность благородными мыслями, то въ тѣ годы литература этого рода стала если не обильнѣе, то еще притязательнѣе, чѣмъ прежде. Въ ту минуту, когда въ общественной жизни возникало движеніе, поднимавшее, повидимому, самые широкіе вопросы и дѣйствительно возбуждавшее умы людей съ живыми общественными интересами, въ эту минуту литература подобныхъ хорошихъ мыслей и благородныхъ чувствъ, но въ сущности безхарактерная, безсодержательная, могла въ особенности дѣйствовать раздражающимъ образомъ на людей какъ Салтыковъ. Такъ или иначе, но въ жизни ставились опредѣленные вопросы; на нихъ надо было отвѣчать *да* или *нѣтъ*; люди, обращавшіеся тогда къ публикѣ, должны были потрудиться составить себѣ какой-нибудь опредѣленный взглядъ, а вмѣсто того являлись какія-то неясныя, половинчатыя мысли, не говорившія собственно ни-

но сыпавшія громкими фразами. Однимъ изъ знаменитыхъ чиковъ литературы подобнаго рода была извѣстная тогда ія графа Соллогуба: „Чиновникъ"; являлось за тѣмъ мно о повѣстей, разсказовъ, драматическихъ пьесъ, между про принадлежавшихъ даже извѣстнымъ писателямъ, гдѣ, подъ емъ конца 50-хъ годовъ, дѣлались попытки затрогиват ственные вопросы; но затрогивались они мелко, неумѣло или о фальшиво, потому что сами авторы не отдавали себѣ от въ томъ, что значатъ эти вопросы. Эту литературу настой преслѣдовалъ Добролюбовъ; не выносилъ ея и Салтыковъ. о свойственною ему оригинальностью мыслей и образовъ, ковъ такъ характеризуетъ эту литературу.

Что благородство чувствъ есть одинъ изъ самыхъ сильно зующихъ *ядовъ* нашей литературы—это я совсѣмъ не шутя о. Дѣло въ томъ, что благородныя чувства и хорошія мысли ъ затопить русскую литературу, по крайней мѣрѣ, въ такой епени, въ какой, съ другой стороны, затопляетъ ее сильно зующая благонамѣренность. Если эта послѣдняя является ительною, вслѣдствіе своей цинически-легкой удовлетворяе то благородныя чувства и мысли поражаютъ своею безтакт о и сухостью, рѣжутъ глаза своимъ безсиліемъ и ограни ностью.

Какъ благонамѣренность, такъ и благородныя чувства равно зны; это маски, за которыми скрывается отсутствіе содер , это искусственно напускаемый туманъ, который мѣшаетъ жизнь дѣйствительную, жизнь не картонную. Когда вы етесь дѣломъ положительнымъ, имѣющимъ корни въ дѣй льной жизни, придетъ ли вамъ въ голову мысль о необхо ти подпустить туда благородства чувствъ? Нѣтъ, не придетъ, что дѣло есть дѣло, и ни благороднымъ, ни неблагород оно не можетъ быть. Возможно ли написать благородную етику, похвальную химію и не чуждую вопроса о воскрес школахъ физіологію? нѣтъ, невозможно, потому что все ариѳметика, и химія, и физіологія—все это дѣло. Такъ, быть, литература...

Ну, да, стало быть, литература есть бездѣлье, коль скоро е, какъ въ нѣкоторый непокрытый сосудъ, можно легко дать всѣ плохія чувства, всѣ праздныя поползновенія, всѣ одныя для дѣла мысли. Дѣйствительно, благородство чувствъ преимущественно и прижилось, ибо хотя и были попытки ть благородную ариѳметику, но скоро было найдено, что

тамъ благородство не пригодно, и что всего ближе оно подходитъ къ беллетристикѣ".

Такимъ образомъ, разсказываетъ Салтыковъ, явилась фаланга писателей, которые рѣшили, что талантъ есть вздоръ, знаніе жизни — нелѣпость и что главное заключается въ благородствѣ чувствъ. Они принялись доказывать, напримѣръ, слѣдующее: „что образованіе не въ примѣръ лучше необразованія; что порокъ и въ шолковомъ платьѣ все-таки порокъ, а добродѣтель и въ рубищѣ все-таки добродѣтель; что дѣвица начитанная не въ примѣръ пріятнѣе дѣвицы неначитанной; что человѣкъ, пожертвовавшій одинъ рубль въ пользу процвѣтанія общества трезвости, несравненно добродѣтельнѣе того, который такой же рубль пропилъ въ кабакѣ; что неблагородныя чувства—неблагородны; что жизнь есть рѣка, человѣкъ — пловецъ, лодка — величественное зданіе общества, весло—прогрессъ, а волны—тщетная реакція безумныхъ ретроградовъ" и т. п. Они забыли только, замѣчаетъ Салтыковъ, что съ помощію такого же незамысловатаго кодекса уже отравлялъ человѣческую жизнь Ѳ. В. Булгаринъ.

Въ образчикъ такой картонной литературы Салтыковъ пишетъ тутъ же нѣсколько краткихъ повѣстей, а затѣмъ разсказываетъ содержаніе одной настоящей комедіи того же сорта, которая въ то время давалась на сценѣ и даже имѣла успѣхъ.

„Съ невольнымъ страхомъ спрашиваешь себя: неужели общественныя стремленія могутъ быть до такой степени убогими?..

„Да, стало быть, такая жизнь возможна, коль скоро она выродила изъ себя цѣлую литературу. Для чего же мы шумѣли, куда же мы стремились, изъ-за чего мы такъ громко хлопотали? Изъ-за того ли, чтобъ въ результатѣ вышло, что жизнь есть рѣка, человѣкъ — пловецъ, лодка — величественное зданіе общества, весло—прогрессъ, а волны—тщетная реакція безсмысленныхъ ретроградовъ? Да вѣдь на эту тему литература наша болѣе сорока лѣтъ сряду отравляла публику! И вѣдь никто не хочетъ сообразить, что это картонное благородство чувствъ есть лишь ближайшій шагъ къ благонамѣренности, той самой благонамѣренности, о которой я объяснялъ читателю въ прошедшей моей хрони Скажу даже болѣе: черта, которая проведена между ними, того тонка, что почти незамѣтна. Ибо если благородство чувс стоитъ на томъ, чтобъ доказать, что добродѣтель добродѣтел а порокъ порочен, то и благонамѣренность не отрицаетъ эт и даже охотно погладитъ по головѣ за такія пріятныя мысл

Этотъ переходъ совершается очень легко: никто этого замѣтитъ. „Кто замѣтилъ, какъ „Русскій Вѣстникъ" сдѣла

благонамѣреннымъ? никто!—всегда былъ. Кто замѣтитъ, какъ „Время“ сдѣлается благонамѣреннымъ? никто!—всегда было“.

Направленіе, которое Салтыковъ характеризуетъ этими терминами, стало тогда въ особенности распространяться, и извѣстно, до какой степени оно господствовало впослѣдствіи. Точку зрѣнія этой публицистики Салтыковъ характеризуетъ такъ:

„Благородство чувствъ никогда не усматриваетъ связи между явленіями, никогда не группируетъ ихъ, никогда не размышляетъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится частный фактъ къ цѣлой системѣ: оно слишкомъ взволновано для этого. Оно преслѣдуетъ какія-то пылинки, оно бумажку какую-то загоняетъ, оно замахивается обухомъ на божью коровку и на комара. Оттого-то оно и не огорчаетъ никого, само же, напротивъ того, легко пріобрѣтаетъ способность удовлетворяться. И однажды получивши эту способность, оно ужъ не останавливается; оно утрачиваетъ послѣдніе остатки своей куриной непріязненности къ куриному злу, которая составляла основу его, и дѣлается способнымъ проповѣдовать только истины въ родѣ того, что куриный міръ красенъ, что куриное солнце свѣтло и что куриный навозъ благоуханенъ“.

Въ подтвержденіе своихъ словъ Салтыковъ говоритъ, что въ Петербургѣ существуетъ даже цѣлая газета, проводящая эти мысли. Онъ называетъ эту газету „Куринымъ Эхомъ“, подразумѣвая подъ этимъ тогдашній „Голосъ“. Содержаніе газеты слѣдующее:

„Отъ первой строки до послѣдней она все умиляется, все поетъ: „Красенъ куриный міръ!“ „тепло грѣетъ куриное солнышко!“; отъ первой строки до послѣдней все докладываетъ, какіе сдѣлались россіяне умные, какъ у нихъ все идетъ, всякія эти новыя штучки. „Изъ Рязани пишутъ, что выборы произведены въ совершеннѣйшемъ порядкѣ“; „изъ Саратова пишутъ, что по случаю упраздненія откуповъ ожидали нѣкоторыхъ безпорядковъ, однако все обошлось смирно: народъ пилъ дешовку и похваливалъ“; „изъ Калуги пишутъ, что тамъ, по случаю назначенія новаго губернатора, дворяне рѣшились дать балъ“; „изъ Костромы пишутъ, что тамъ дворяне рѣшились дать балъ безъ всякаго случая“...

„Такого рода сплошнымъ благородствомъ давно уже съ величайшимъ успѣхомъ занимаются всѣ губернскія вѣдомости обширной россійской имперіи. Неужели же наша литература осуждена превратиться въ губернскія вѣдомости? ужели общество, для котораго литература все-таки служитъ органомъ, допуститъ такое нелѣпое превращеніе?“

Въ той же статьѣ Салтыковъ говоритъ о журналѣ „Время" (впослѣдствіи „Эпоха"), издававшемся М. Достоевскимъ. Въ 1862 году, когда пріостановленъ былъ „Современникъ", Салтыковъ помѣстилъ нѣсколько пьесъ въ журналѣ „Время", не вступая, впрочемъ, ни въ какую солидарность съ идеями редакціи. Къ этимъ идеямъ Салтыковъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности, а съ тѣхъ поръ, когда „Время" стало проповѣдовать ихъ болѣе настойчиво, между прочимъ зацѣпляя „Современникъ" и Салтыкова, послѣдній высказался объ этомъ журналѣ безъ умолчаній. Мы упоминали, что направленія въ родѣ тѣхъ, какое представляло „Время", всегда бывали Салтыкову крайне антипатичны: притязаніе сказать что-то оригинальное, быть „самостоятельнымъ", и по этому случаю высокое мнѣніе о себѣ, а на дѣлѣ что-то темное, невразумительное,—производили только скучную путаницу. Салтыковъ ни на минуту не признавалъ этой „самостоятельности" и относился къ ней съ раздражительнымъ пренебреженіемъ. „Время" покушалось тогда возставать противъ „Русскаго Вѣстника" въ его новомъ направленіи и даже называло его „булгаринствующимъ". „А знаете ли вы,—говоритъ Салтыковъ,—что съ „Русскимъ Вѣстникомъ" все-таки пріятнѣе имѣть дѣло, нежели съ вами? По крайней мѣрѣ, не обманываешься: войдешь въ „Русскій Вѣстникъ", ну, и знаешь, что вошелъ въ лѣсъ, а въ васъ войдешь—не можешь даже опредѣлить, во что̀ попалъ".

И онъ дѣйствительно предсказалъ то, что̀ случилось.

„Вы называете г. Каткова булгаринствующимъ, но развѣ не правъ будетъ тотъ, кто васъ, „Время", назоветъ катковствующимъ? Вотъ я, напримѣръ, именно одаренъ такою прозорливостью, которая такъ и нашептываетъ мнѣ, что вы начнете катковствовать въ самомъ непродолжительномъ времени. Мало того: я даже думаю, что если признавать силу булгаринской традиціи, то надо признать, что она уже коснулась и васъ... Разумѣется, покуда только невинной своей стороной. Вѣдь и Булгаринъ проводилъ что-то въ родѣ сапоговъ въ смятку, вѣдь и онъ никогда не говаривалъ, что душа человѣческая не безсмертна, и что за воровство не слѣдуетъ наказывать. Вы говорите и проповѣдуете то же самое, да притомъ хотите еще отвести глаза, хотите увѣрить, что у васъ все это свое, самостоятельное. Напрасно. Вѣрьте, что чѣмъ больше будете такимъ образомъ самостоятельничать и своимъ умомъ доходить, тѣмъ болѣе и болѣе будете приближаться къ идеалу, отъ котораго вы теперь отворачиваетесь съ такимъ презрѣніемъ.

„Вы говорите,—продолжаетъ Салтыковъ,—что г. Каткова

оспаривать можно и слѣдуетъ (и что̀ вы такъ при
кову? Или вы получили отъ него разрѣшеніе? С
онъ когда-нибудь и самъ на васъ замахнется—и
да вѣдь и это еще не вовсе плохое дѣло, коли ес
ривать, а вотъ когда худо, коли и спорить не объ
мите, напримѣръ, „Время": за что̀ ни прицѣпись
хоть всю книжку общарь (разумѣется, мы не гов
летристикѣ), ни обо что не запнешься!"

Дѣйствительно, уже вскорѣ Катковъ „замахнулся
по поводу извѣстной статьи г. Страхова: „Роковой
польскихъ дѣлахъ), и послѣднему пришлось печата
въ самомъ „Русскомъ Вѣстникѣ"...

„Вы говорите, что васъ не любятъ за то, что
тельны, за то, что вы не подражаете. Но вѣдь
правду самостоятельны, развѣ вы не притворяетесь

„И еще вы объявляете, что въ тѣхъ сочинен
гахъ (главнѣйшіе-то враги ваши суть: М. М. Дост
ховъ и Косица), которые вами обижены и предъ
извиняетесь, ничего нѣтъ русскаго. „Духа русскаг
хомъ не слыхать и видомъ не видать", говорите в
пустынѣ ли вы проповѣдуете? и о комъ это вы го

„А въ васъ-то что̀ русскаго? А что̀, если мы
все ваше русское есть не болѣе, какъ арбузныя к
тыя вамъ покойною „Русскою Бесѣдой" за нен
обглоданіемъ?

„А что̀ если мы докажемъ вамъ, что въ васъ
русскаго, что „Мертвый домъ"?"

Въ слѣдующей, четвертой, книжкѣ статья Сал
щена въ особенности „Русскому Вѣстнику". Москов
въ своемъ новомъ направленіи началъ уже прини
вѣстный тонъ, какой онъ такъ упорно поддержи
ствіи, — будто ему одному доступна настоящая ис
противъ кого онъ споритъ, неизбѣжно заблуждаютс
не имѣютъ правильнаго основанія. Нѣчто подобное г
скій Вѣстникъ" уже въ 1863 году, и Салтыковъ,
послѣдствія, очень вѣрно опредѣлилъ эту возника
ность, кончившуюся извѣстною дѣятельностью Катк
нія десятилѣтія. Это было начало того пріема, по к
не соглашавшіеся съ Катковымъ, оказывались
пера и разбойниками печати" („сколько душевна

было накопить, чтобы написать эти слова!“ — говорилъ послѣ Салтыковъ) или даже „неуличенными государственными преступниками“.

Салтыковъ, какъ онъ часто имѣлъ обыкновеніе, сводитъ полемическій вопросъ на общія понятія. „Русскій Вѣстникъ“ обвинялъ своихъ противниковъ въ недостаткѣ „справедливости“; но въ сущности выходило, какъ объясняетъ Салтыковъ, что обладатели „привилегированныхъ идеаловъ“ не хотѣли допустить никакого другого независимаго мнѣнія. Позднѣйшіе взгляды „Русскаго Вѣстника“ въ то время, конечно, не были еще выработаны; пока онъ какъ будто еще не совсѣмъ отказывался отъ прогрессивныхъ ожиданій, но крайняя нетерпимость уже была готова.

„Подкладка всего этого: „мы будемъ говорить, а вы молчите, мы будемъ приговоры изрекать, а вы приводите ихъ въ исполненіе! Мы одни имѣемъ право быть мудрыми“. И не то, чтобы тутъ была какая-нибудь военная хитрость, т.-е., что вотъ, дескать, отъ вашей рѣзкости и вашего нетерпѣнія только дѣлу поруха, будьте, дескать, кротки какъ голуби, и мудры какъ змѣи,—нѣтъ, это просто какое-то нравственное ожирнѣніе, не желающее знать никакихъ противорѣчій, это просто невинно-фаталистическое чаяніе, что все въ мірѣ строится само собою, что былъ успѣхъ прежде, будетъ успѣхъ и впредь... самъ собою“.

Здѣсь очевидно недоразумѣніе,—говоритъ Салтыковъ, — потому что на обѣихъ сторонахъ исходный пунктъ есть идеалъ. „Если общественный идеалъ еще не выяснился до той степени, чтобы быть признаннымъ всѣми одинаково, и если, съ другой стороны, общество, въ оффиціальной, торжествующей своей формѣ, довольствуется однѣми азбучными истинами, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ члены общества непремѣнно обязывались довольствоваться азбучными истинами, и чтобы тотъ или другой членъ не могъ имѣть своего особаго представленія объ идеалѣ. Напротивъ того, существованіе привилегированныхъ идеаловъ, оффиціальное признаніе справедливости однѣхъ старыхъ, азбучныхъ истинъ нисколько не мѣшаютъ протѣсняться въ жизнь инымъ идеаламъ, инымъ истинамъ. И эти новые идеалы, эти новыя истины, несмотря на свою непризнанность, все-таки не теряютъ права на названіе идеаловъ и истинъ, потому что они дѣйствительно идеалы, дѣйствительно истины, хотя не вошедшіе еще, такъ сказать, въ общее употребленіе“.

Къ этой общей мысли Салтыковъ прибавляетъ примѣры, взятые изъ литературы. Если журналъ не знаетъ самъ, чего хочетъ и куда идетъ, и занимается донашиваніемъ чужихъ одеждъ и

догладываніемъ чужихъ оглодковъ, онъ не заслуживаетъ чести называться органомъ общественнаго мнѣнія. Съ другой стороны, „возьмите, напримѣръ, „Русскій Вѣстникъ“ — что можетъ быть опредѣлительнѣе и точнѣе! У него есть свой собственный взглядъ и на прогрессъ, и на зундскую пошлину, и на польскія дѣла, и даже на поджигателей, и никто ему не говоритъ: не имѣй своего взгляда, выражайся такъ, чтобы понять тебя было невозможно. Напротивъ того, всѣ говорятъ: очень пріятно, что ты такъ положительно, такъ ясно и такъ величественно-строго выражаешься! Если иногда, по обстоятельствамъ, и нельзя съ тобой спорить, то, во всякомъ случаѣ, можно тебя цитировать, и этого, покамѣстъ, довольно“.

Свобода мысли есть такое святое дѣло, что правомъ гражданства должны пользоваться даже такія мысли, которыя кажутся намъ несправедливыми. „Вотъ, напримѣръ, въ 1-мъ своемъ № за настоящій годъ, „Русскій Вѣстникъ“ дѣлаетъ легкое сопоставленіе между дѣятелями подметной литературы и петербургскими пожарами; можно на это, конечно, сказать, что такое сопоставленіе нѣсколько гадательно и отчасти пошло, что, наконецъ, не далѣе, какъ въ прошломъ году, „Современная Лѣтопись“ (издававшаяся при „Р. Вѣстникѣ“) публично отплевывалась отъ возможности подобныхъ сопоставленій; но запретить „Русскому Вѣстнику“ производить подобныя операціи нельзя, ибо онѣ соотвѣтствуютъ его идеаламъ. Конечно, многимъ кажется, что „Русскій Вѣстникъ“ можетъ говорить что ему угодно, можетъ даже ошибаться по временамъ, именно въ силу того, что основаніе у него хорошее, а вотъ, напримѣръ, „Современникъ“ говорить не можетъ, потому что основаніе у него плохое. Но вѣдь не надо забывать, что вопросъ объ основаніяхъ есть вопросъ очень спорный. Почему именно основанія „Современника“, а не основанія „Сладкаго Бремени“, не основанія „Куринаго Эха“ должны считаться плохими? почему именно „Современникъ“ долженъ считать себя отверженнымъ? Вѣдь этихъ вопросовъ никто еще не разрѣшилъ, вѣдь объ нихъ не спорятъ“.

Салтыковъ высказывалъ уже тогда, что въ основѣ деспотическихъ притязаній московскаго журнала лежитъ „неблаговидная страсть къ единоторжію мысли и суда“. „Спорьте, милостивые государи, опровергайте, даже доказывайте, что „Современникъ“ несправедливъ съ вашей точки зрѣнія, но позвольте же ему быть справедливымъ съ своей точки зрѣнія! Вѣдь притязанія ваши клонятся, ни много, ни мало, къ тому, чтобы сдѣлать изъ всѣхъ дѣятелей литературы чистописцевъ, смиренно заносящихъ на бу-

магу изреченія М. Н. Каткова... ну, нѣтъ, на это мы не согласны!

„И совсѣмъ не потому мы не согласны, чтобы считали для себя унизительнымъ писать подъ диктантъ М. Н. Каткова, а просто потому, что имѣемъ свой собственный образъ мыслей!"

Возвращаясь опять къ обвиненію въ недостаткѣ справедливости, которымъ „Русскій Вѣстникъ" укорялъ своихъ противниковъ, и къ требованію снисходительности относительно извѣстныхъ явленій, Салтыковъ снова говоритъ съ глубокой серьезностью о существѣ спора и уже въ то время намѣчаетъ тотъ путь озлобленной нетерпимости, который сталъ до конца путемъ „Русскаго Вѣстника" и „Московскихъ Вѣдомостей". „Справедливость и снисходительность—совсѣмъ не синонимы. Снисходительность есть дружеская стачка, есть кроткая взятка сердца, допущенныя въ пользу очень милаго намъ лица или очень любезнаго намъ порядка вещей, тогда какъ справедливость есть простой анализъ факта, въ связи съ его исторіей и окружающей средой. Что̀ же общаго между ними?"

Напомнивъ о томъ, почему собственно „мальчишки" или либералы обвинялись въ несправедливости и въ неснисходительности, Салтыковъ изображаетъ настроеніе „Русскаго Вѣстника".

„Милостивые государи! Конечно, справедливость сама по себѣ великое слово, но потому-то именно и слѣдуетъ пользоваться этимъ словомъ съ осторожностію. По поводу чего вы требуете справедливости? по поводу вашей же собственной несправедливости. Къ кому требуется справедливость? къ самимъ себѣ!.. Вы требуете справедливости, вы, которые сами насквозь проникнуты ненавистями и неправосудіемъ всякаго рода, вы, которые шагу не можете ступить безъ того, чтобы не допросить съ пристрастіемъ, чтобы не кинуть тѣни язвительнаго подозрѣнія, чтобы не усъкнуть и не кивнуть головой на тѣхъ, которыхъ вы, правильно или неправильно, считаете врагами вашего спокойствія! Сердца ваши преисполнены желчью и оцтомъ, языкъ вашъ источаетъ ядъ клеветы, руки ваши сводятся судорогою, и вы хотите, чтобы къ этому позорному зрѣлищу, чтобы къ этой „хладной" ненависти, сдѣлавшейся почти ремесломъ, оставались равнодушными и даже оказывали дань уваженія и снисходительности!

„Милостивые государи! вы ссылаетесь на прежнія ваши заслуги—никто у васъ ихъ и не отнимаетъ!.. Вамъ говорятъ одно: если вы остановились въ вашемъ развитіи, если жизнь захлопнула передъ вами свою книгу, если наплывъ новыхъ силъ, новыхъ стремленій составляетъ для васъ загадку, которую вы раз-

пить не въ силахъ, зачѣмъ же вы усиливаетесь разгадать ее? ѣмъ вы, не успѣвъ въ этомъ, обвиняете эти новыя силы, но і стремленія въ противообщественности?..

„Еслибы вамъ хоть однажды, хоть ошибкою, пришло это на сль, вы сказали бы себѣ: не можетъ же быть, чтобы цѣлое олѣніе двигалось подъ вліяніемъ одуряющаго обмана чувствъ, можетъ же быть, чтобы въ цѣломъ поколѣніи не было ни-икта правды! И сказавши себѣ это, вы, конечно, заглушили вопли ненависти, закипающіе въ сердцахъ вашихъ, вы стали въ сторону и не загораживали бы дороги молодому, потому лько, что оно молодо и не можетъ пѣть вамъ въ тонъ?

„Но нѣтъ, вы носитесь съ вашимъ прошедшимъ, до котораго кому уже нѣтъ дѣла, и убѣдившись, что дѣла до васъ дѣй-ительно никто не имѣетъ, вы озлобляетесь, вы все забываете ничему на научаетесь. Вы презрительно бросаете въ глаза пъ безапелляціонный приговоръ, очень кстати припоминая, что вашей сторонѣ сила дня. Это послѣднее воспоминаніе, вмѣ-того, чтобы смутить и воздержать васъ, вливаетъ, напротивъ о, бодрость въ ваши сердца, придаетъ игривости и бойкости иимъ изреченіямъ и приговорамъ".

Послѣдующая дѣятельность московскихъ изданій была именно ова.

Общій вопросъ о „справедливости" и „снисходительности" дъ ними разумѣлось приглашеніе либераловъ въ умѣренности къ довольству тѣмъ, что̀ предлагала тогдашняя дѣйствитель-ть) Салтыковъ объясняетъ въ заключеніи такъ:

„Единственная справедливость, какая возможна въ отношеніи подобнымъ явленіямъ, заключается въ анализѣ ихъ внутрен-і сущности и въ постановкѣ тѣхъ выводовъ, которые есте-енно изъ этого анализа вытекаютъ. Что же касается до снис-дительности, то, сознаюсь откровенно, я не могу себѣ взять толкъ этого понятія. Кому нужна снисходительность, полезна для кого или для чего-нибудь снисходительность? Можетъ ли , хоть на минуту затемнить справедливость и притомъ такъ емнить, чтобы совершенно замѣнить эту послѣднюю?"

Что касается до упрека, будто либералы *требуютъ* „всего угъ", то они „ровно ничего не требуютъ просто потому, что бованія и неумѣстны, и безполезны".

Здѣсь же Салтыковъ даетъ небольшой отвѣтъ одной москов-й газеткѣ [1]), которая, характеризуя „Современникъ", замѣ-

---

[1]) Онъ ея не называетъ; вѣроятно, это была газета „Наше Время".

чаетъ, что въ немъ дѣйствуютъ нынѣ „эпигоны“ и что даже „такъ-называемые нигилисты, побойчѣе, замолкли“. „Слышите ли вы радость, которая сочится въ этихъ словахъ прискорбнаго публициста! — говоритъ Салтыковъ. „Замолкли“, но почему замолкли, любезный публицистъ? не извѣстна ли вамъ причина этого молчанія? Вотъ видите ли, прискорбный публицистъ отнюдь не желаетъ стѣснять себя въ сужденіяхъ о нигилистахъ... даже замолкшихъ, и въ то же время вопіетъ о справедливости, выставляетъ на видъ какое-то кощунство надъ современной исторіей, „надъ всѣмъ, что̀ близко и дорого современному человѣку!“ Это совершенно особаго рода логика, совершенно особаго рода справедливость, въ силу которой одинъ можетъ нахальствовать, сколько душѣ угодно, а другой обязывается молчать, одинъ можетъ формулировать свои обвиненія ясно, а другой не имѣетъ права проводить свою мысль и подъ покровами!“

Въ это же время явилась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ извѣстная статья г. Фета, гдѣ поэтъ, знаменитый своими изящными стихотвореніями, выступилъ въ качествѣ публициста съ жалобами на своихъ деревенскихъ работниковъ, на потраву его пшеницы крестьянскими гусями и т. п., и въ этихъ безпорядкахъ обвинялъ литературу, которая вмѣсто того, чтобы обсуживать вопросы, „судачитъ о нихъ свысока“. Статья произвела тогда немалое впечатлѣніе по своей неожиданности и долго служила предметомъ газетнаго остроумія. И дѣйствительно, она обращала на себя вниманіе по имени автора, весьма любимаго поэта, который обратился къ весьма прозаическимъ предметамъ и въ такомъ духѣ, какого можно было бы не ожидать отъ писателя сороковыхъ годовъ. Статья г. Фета была однимъ изъ первыхъ заявленій, гдѣ весьма недвусмысленно высказывалось недовольство порядкомъ вещей, наступившимъ послѣ освобожденія крестьянъ. Салтыковъ не могъ пропустить этого оригинальнаго эпизода безъ шутки, но вообще отнесся къ дѣлу весьма серьезно. Напомнивъ образчики поэзіи Фета, Салтыковъ говоритъ, что, по его мнѣнію, другихъ подобныхъ стиховъ современная русская литература не имѣетъ: ни у кого другого читатель не найдетъ такого олимпическаго безмятежія, такого лирическаго прекраснодушія. Но съ тѣхъ поръ, какъ г. Фетъ писалъ свои прежніе стихи, времена странно измѣнились: отмѣнено крѣпостное право, объявлены новыя начала судоустройства и судопроизводства, „правды на землѣ не стало; люди, когда-то наслаждавшіеся безмятежіемъ, попрятались въ ущелья и разсѣдины земныя“... Вмѣстѣ съ людьми, спрятавшимися въ земныя разсѣдины,—разсказываетъ Салтыковъ,

—и г. Фетъ скрылся въ деревню. Тамъ на досугѣ онъ отчасти пишетъ романсы, отчасти предается человѣконенавистничеству, и все это отправляетъ для тисненія въ „Русскій Вѣстникъ". Въ его новыхъ стихотвореніяхъ замѣчался уже грустный тонъ, „въ нихъ слышится вопль души по утраченномъ крѣпостномъ раѣ". Наконецъ, объясненіе этихъ стихотвореній явилось въ статьѣ г. Фета: „Изъ деревни". „Здѣсь г. Фетъ докладываетъ читателямъ, что времена наступили крутыя и тяжкія, что равенства передъ закономъ нѣтъ, что работники его, Василій и Семенъ, пользуются покровительствомъ законовъ, а онъ, г. Фетъ, не пользуется, что у него, г. Фета, чуть-чуть не пропало за Семеномъ 11 р., а Василью, къ счастью, не было выдано задатка, а то точно такъ же чуть-чуть бы не пропалъ; что у него, г. Фета, потравили-было пшеницу крестьянскіе гуси, и что во всѣхъ этихъ беззаконіяхъ и безпорядкахъ обвиняется литература"... Г. Фетъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что литература въ этомъ виновата: когда приходитъ почта и онъ вскрываетъ журналы, „ему дѣлается вдругъ и грустно, и смѣшно, и стыдно, и противно". Салтыковъ считалъ г. Фета счастливымъ, что онъ могъ одновременно испытывать столько ощущеній и вмѣстѣ съ тѣмъ не выпускать изъ головы вѣчно присущую мысль (врожденная идея) о чуть-чуть не пропавшихъ одиннадцати рубляхъ: но что же такъ его возмущаетъ въ литературѣ? Онъ утверждалъ, будто въ литературѣ идетъ „струя демократизма, въ самомъ циническомъ значеніи этого слова"; это будто бы „тотъ самый мотивъ, который въ парижскомъ театрѣ *для черни* заставляетъ блузниковъ выгонять чисто одѣтаго человѣка изъ партера огрызками яблокъ".

Салтыковъ отвѣчаетъ съ негодованіемъ: „Извините, г. Фетъ, но мнѣ просто „и грустно, и смѣшно, и стыдно, и противно" читать приведенныя выше строки". Тотъ самый журналъ, въ которомъ г. Фетъ помѣщалъ свою статью, говорилъ въ это время о необходимости „общенія", а если г. Фетъ разумѣлъ другія изданія — „то и другая-то литература о чемъ же хлопочетъ? она хлопочетъ о равенствѣ, милостивый государь, не о мечтательномъ какомъ-нибудь равенствѣ, а о томъ равенствѣ передъ закономъ, о которомъ хлопочете и вы. О какомъ же демократизмѣ вы говорите? вспомните, что вѣдь мы не въ дикомъ государствѣ живемъ, гдѣ все можно говорить, что у насъ тоже цензура есть, цензура попечительная, налагающая на уста добровольное молчаніе... А то „демократизмъ!" гдѣ вы такое чудо видѣли?"... Дайте намъ факты, милостивый государь, факты дайте намъ, а не наполняйте пустыню вашими воплями, не вливайте фіала

желчи и горечи въ наши груди, и безъ того уже исцарапанныя когтями премудрыхъ московскихъ совъ!“

Г. Фетъ жаловался, что литература относится легкомысленно ко всякимъ вопросамъ. „Но вѣдь это смотря по тому, въ чемъ состоитъ и какого свойства вопросъ. Вотъ вы, напримѣръ, говорите, что чуть-чуть не потеряли 11 рублей, которыхъ вамъ не отработалъ работникъ Семенъ, и что крестьянскіе гуси чуть-чуть не потравили вашей пшеницы,—ну, на это, пожалуй, я первый скажу: „помилуйте! къ чему это! это вздоръ! все пустяки!“ но чтобы я сказалъ то же самое объ измѣненіяхъ паспортной системы и о другихъ матеріяхъ важныхъ — это никакъ невозможно!“

Но г. Фетъ могъ спросить, какъ отнеслась бы литература къ данному случаю; Салтыковъ отвѣчаетъ, что литература увидала бы здѣсь одну изъ случайностей сего несовершеннаго міра и что ей нѣтъ никакого дѣла до 11 рублей, потому что она занимается не частными, а общими вопросами. „Въ настоящее время литература можетъ дать вамъ одинъ совѣтъ: относительно гусей— брать ихъ немедленно подъ арестъ и поднимать тотъ же гвалтъ, какой описанъ вами въ статьѣ вашей; относительно работника Семена—не давать ему впередъ ни копѣйки къ задатокъ. Извините, что считается невозможнымъ совѣтовать вамъ повѣсить Семена или содрать съ него шкуру: этого дѣлать нельзя, потому что за такой поступокъ вы можете отвѣчать передъ начальствомъ“. Въ прежнія времена,—говоритъ Салтыковъ,—когда въ насъ самихъ заключался весь судъ, мы устраивались легко, потому что задатковъ никакихъ не давали, а гусей могли всѣхъ поголовно перерѣзать, а теперь недостаточно обвинить работника, но надо привести доказательства; и надо только привыкнуть къ этому порядку. Представьте себѣ,—говоритъ Салтыковъ,—что васъ въ Москвѣ обокрали и вы поймали вора на мѣстѣ преступленія: „вѣдь вы не стали бы требовать, чтобы вамъ того вора позволено было зарѣзать вашими собственными руками? Вѣдь васъ не ужаснула бы мысль, что на вора вамъ слѣдуетъ принести жалобу въ полицію и затѣмъ спокойно ожидать дальнѣйшаго удовлетворенія? Но повѣрьте же, г. Фетъ, что все точно такъ же должно происходить и въ томъ случаѣ, о которомъ вы разсказываете“. Г. Фетъ жаловался, что въ подобныхъ спорахъ нѣтъ равенства передъ закономъ, что еслибы землевладѣлецъ не удовлетворилъ рабочаго, то земская полиція не усомнилась бы описать имущество для его удовлетворенія. „Хорошо,—говоритъ Салтыковъ,—кабы вашими устами да медъ пить, но повѣрьте, г. Фетъ, что чаще,

аздо чаще бываютъ случаи, что рабочіе про
ются, да и уйдутъ съ пустыми руками". О
ъ всего чаще дѣлалось и дѣлается въ наш
ныхъ случаяхъ и что было слишкомъ извѣст
ется, что вы нѣсколько завидуете счастлив
неоднократно случалось и со мной, особл
ало, темнымъ осеннимъ вечеромъ по грязи
і такъ привѣтливо смотрятъ огоньки изъ „
нимыхъ" хижинъ. Но зависть эта сейчасъ же
ько я убѣждался, что съ этими огоньками соед
инѣ, о дымѣ и смрадѣ, который при этомъ р
еще унималась зависть, когда я тутъ же в
ственными глазами увѣрялся, что все-таки са
ѣе покойномъ экипажѣ, а счастливый посе
имъ возомъ пѣшкомъ, да часто еще обязыва
ь своей испитой кляченкѣ. Право, займитесь
ными размышленіями; это совсѣмъ не трудно
должаетъ: „вѣрьте, г. Фетъ, что этотъ совѣт
лько литераторъ, къ которому (не ко мнѣ
ирательному имени) вы вообще питаете н
ьскій хозяинъ, самъ на практикѣ испытавшій
есла". Собственный интересъ всего дороже
ется, что никто-то о немъ не радитъ, никт
тъ, но „иногда раздумаешься". И Салтыковъ
о страшнаго труда, который исполняется
ьскомъ хозяйствѣ, въ наглядныхъ цифрахъ т
исходитъ, распахивая десятину, въ цифрахъ
перетаскаетъ, раскидывая по полю навозъ и
дъ 30, много 40 копѣекъ въ день. Онъ п
ло бы послужить *нѣкоторымъ* облегченіемъ
очаго. Г. Фетъ думалъ, что помѣщичье хоз
зать, житница, но и крестьянское хозяйство
а...

Мы остановимся еще на одной изъ обществ
тыкова [1]). Онъ говоритъ вообще о томъ ск
а тогдашняя жизнь, и вообще объ историчес
й жизни. Здѣсь опять мы найдемъ черты, чр
тныя для характеристики цѣлаго міровоззр
орое, какъ извѣстно, приводило иныхъ въ н

[1]) „Современникъ", 1863, № 5.

рое враги его называли простымъ голымъ отрицаніемъ, лишеннымъ положительной основы, и смѣхомъ для смѣха. Не будемъ говорить о томъ, какъ странно не видѣть, напротивъ, глубокой нравственной и гражданской основы въ созданіяхъ поэтической сатиры Салтыкова, гдѣ безконечная галерея лицъ и общественныхъ положеній ясно говоритъ о строгомъ нравственномъ мѣрилѣ, на которомъ основано это отрицаніе. О той же основѣ говорятъ тѣ нерѣдкія „лирическія мѣста", которыя разсѣяны у Салтыкова среди полнаго разгара его сатирическаго настроенія. Наконецъ, въ томъ, чтó мы приводили до сихъ поръ изъ публицистическихъ трактатовъ Салтыкова, разсѣяна цѣлая масса прямыхъ указаній на его общественные взгляды, гдѣ уже не можетъ быть сомнѣній о томъ, что у него были совершенно ясныя представленія и о данномъ положеніи вещей, и о томъ, какимъ бы желалъ онъ его видѣть не по какимъ-нибудь заоблачнымъ теоріямъ, а именно въ данныхъ предѣлахъ нашей общественности, въ тѣхъ условіяхъ, какія поставлены для нашей литературы, которая, въ концѣ концовъ, важна была тѣмъ, что составляла единственное выраженіе нашего общественнаго мнѣнія. Мы видѣли, гдѣ были его симпатіи: освобожденіе крестьянъ, которое, кромѣ его экономическаго смысла, казалось ему дѣломъ простой человѣческой справедливости; равенство передъ закономъ; правильный судъ; въ литературѣ—возможность говорить о предметахъ, составляющихъ важнѣйшій интересъ не только общества, но и цѣлаго государства; со стороны писателей—честное отношеніе къ своему дѣлу, безъ мелкихъ и безчестныхъ разсчетовъ своей личной выгоды, и т. д. Не разъ, какъ мы видѣли, онъ говоритъ своимъ противникамъ простыя, серьезныя слова, вразумляющія о дѣйствительномъ положеніи вещей, съ желаніемъ предостеречь отъ грубой ошибки или грубой несправедливости (какъ, напримѣръ, въ переданномъ сейчасъ эпизодѣ съ г. Фетомъ). Изрѣдка онъ размышляетъ и о самомъ существѣ нашего общественнаго положенія, и о цѣлой русской исторіи. Однимъ размышленіемъ этого рода мы закончимъ на этотъ разъ пересмотръ публицистическихъ произведеній Салтыкова, и сдѣлаемъ небольшую оговорку.

Въ публицистическихъ статьяхъ, какъ вообще во всѣхъ произведеніяхъ Салтыкова, остается всегда нѣчто недоговоренное. Въ произведеніяхъ художественныхъ онъ говорилъ съ читателемъ óбразами: понятно, что въ этихъ случаяхъ теоретическое объясненіе и не должно было быть дѣломъ писателя; оно всегда неумѣстно въ художествѣ; притомъ óбразы были почти всегда достаточно понятны. Гдѣ они получали нѣсколько преуве-

личенный, каррикатурный, фантастическій видъ, тамъ это, если не приводилось капризомъ богатой фантазіи, то требовалось внѣшней невозможностью говорить болѣе ясно. Это послѣднее въ особенности встрѣчалось въ его чисто публицистическихъ трудахъ: онъ не любилъ столкновеній съ цензурой, старался избѣгать ихъ, не давать къ нимъ повода и, съ одной стороны, умѣлъ все-таки высказать свою мысль, а съ другой—хотѣлъ заставить самого читателя подумать, заставить его самого развивать тѣ мысли, которыхъ тему онъ давалъ. Это была настоящая форма бесѣды: онъ не просто догматически излагалъ свои положенія, но вводилъ самого читателя въ кругъ своихъ размышленій, предоставлялъ ему доканчивать начатую мысль и дѣлать выводъ... Такимъ образомъ, мысль Салтыкова во всемъ ея объемѣ должна быть восполняема тѣмъ, что̀ онъ предоставлялъ завершать самому читателю.

Время, о которомъ говорилъ Салтыковъ, было еще очень близко къ великой реформѣ: прошло только два года послѣ освобожденія крестьянъ, съ котораго думали начинать новую эру, и между тѣмъ настроеніе нашего наблюдателя было весьма мало удовлетворительное. Оживленія общества не совершилось; новая эра открывалась скучно, почти безнадежно.

„Кислое время, кислая жизнь. Сидишь себѣ въ кабинетѣ, слѣдишь за журналами и газетами и спрашиваешь себя: да куда же она дѣвалась, эта жизнь? Остановилась она или просачивается гдѣ-нибудь, просачивается, быть можетъ, безвѣстно гдѣ-нибудь и близко насъ, какъ просачиваются въ болотѣ ключи, изъ которыхъ потомъ образуется хорошая, веселая и многоводная рѣка?“...

Но какую жизнь надо здѣсь понимать? Существовала ли у насъ когда-нибудь такая жизнь?

„Жизнь проявляется въ обществѣ въ двоякой формѣ. Есть жизнь всѣми признанная, пролагающая свое ложе открыто, совершенствующая себя на глазахъ всѣхъ, и есть жизнь непризнанная, но ищущая этого признанія неотступно, жизнь темная, погруженная въ подземную работу и цѣною величайшихъ жертвъ и усилій подготовляющая матеріалъ для жизни признанной. Положеніе первой очень удобное: просто хоть не умирай. Пути себѣ она прокладываетъ по усмотрѣнію, совершенствуется не торопясь и тоже по усмотрѣнію, однимъ словомъ, устраиваетъ свой комфортъ, какъ ей хочется. Для нея собственно даже и въ путяхъ-то новыхъ нѣтъ надобности, потому что она свое ложе уже облюбовала и разлилась въ немъ со всѣми удобствами, потому что неудобства, происходящія отъ старыхъ, рутинныхъ путей, которымъ она слѣдуетъ, падаютъ всею своею тяжестью не на нее,

жизнь веселую и спокойно текущую, а на другую, на ту, которая все стучится и достучаться не можетъ, на ту, которая работаетъ да работаетъ себѣ за кулисами".

Но эта, веселая, повидимому, всѣмъ довольная жизнь ищетъ все-таки обновленія; человѣкъ, находящійся, повидимому, наверху благополучія, ищетъ этого обновленія уже въ силу того, что человѣкъ не довольствуется однообразными ощущеніями. Было ли въ нашей жизни, въ тѣхъ ея сферахъ, которыя могли быть совершенно довольны, такое обновленіе?

Шесть лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Салтыковъ,—у насъ началось какое-то движеніе, которое многихъ преисполнило гордынею и радостью. Откуда шло движеніе, мы себя не спрашивали: мы видѣли только, что нѣчто шевелилось. „Какъ оказалось впослѣдствіи, это было движеніе мелочей и подробностей, но кто же знаетъ? Быть можетъ, именно этотъ-то мелочной характеръ обновленія и составлялъ тайную причину нашей радости; по крайней мѣрѣ, такъ можно догадываться изъ того, что къ этому движенію симпатически относились не только тѣ, которые, подобно г. Громекѣ, предварительно раздѣливши всѣ движенія на неподозрительныя и подозрительныя, отдаются первымъ со всею пламенностью, а послѣдними не увлекаются, но и тѣ, которые на всякаго рода движенія поглядываютъ вообще неблагопріятно [1]). Въ немъ именно тò и удобно было, что оно ничего не подкапывало, а только украшало... Понятно, что на первыхъ порахъ всякій самый маленькій смертный спѣшилъ заявить, что и у него имѣется на примѣтѣ маленькій вопросецъ, который, въ числѣ прочихъ маленькихъ вопросцевъ, своимъ разрѣшеніемъ весь этотъ вертоградъ утвердить и изукрасить можетъ, и что, такимъ образомъ, вопросовъ должно было вдругъ накопиться множество".

„И вдругъ,—говоритъ Салтыковъ далѣе,—мгновенно взбаламутившаяся поверхность общества столь же мгновенно сдѣлалась ровною и гладкою какъ зеркало; повидимому, возможность ставить вопросы не прекратилась, повидимому, они и ставятся отъ времени до времени, а общество ни гугу, словно оцѣпенѣло, словно обуялось преднамѣренною, озорною безчувственностью. Значитъ ли это, что общество шесть лѣтъ тому назадъ жило? Значитъ ли, что оно до такой степени неустойчиво, что не можетъ

---

[1]) Салтыковъ не разъ возвращается къ Громекѣ, который не мало писалъ тогда о нашихъ внутреннихъ вопросахъ (въ „Р. Вѣстникѣ", а особливо въ „Отеч. Запискахъ") именно въ этомъ, такъ сказать, либерально-ретроградномъ духѣ, такъ что трудно было понять, чего онъ собственно желаетъ: такого рода направленій Салтыковъ не выносилъ.

вынести даже такого короткаго періода жизни, что оно равнодушно и малопризнательно, потому что мертво?"

Салтыковъ объясняетъ, что, собственно говоря, жизни и не было и нѣчему было останавливаться. Толки и споры были безплодны, потому что они не выходили за предѣлы простого разговора, не приводили ни къ какому практическому результату, и какъ скоро нужно было убѣдиться въ этомъ послѣднемъ, то естественнымъ образомъ пришло разочарованіе. „И если теперешнее мое разочарованіе доказываетъ отсутствіе жизни, то и недавнія очарованія мои отнюдь не доказывали присутствія ея". Это почти невѣроятно,—говоритъ Салтыковъ,—но еслибы спросили, что̀ онъ предпочитаетъ: теперешнее общество, совсѣмъ равнодушное и ни о чемъ не мечтающее, или общество недавнее, мечтавшее о внезапномъ водвореніи правды на землѣ посредствомъ уничтоженія чиновническихъ злоупотребленій,—онъ отдавалъ предпочтеніе первому. „Есть что-то умиротворяющее въ этомъ спокойствіи; глаза слипаются сами собою, въ ушахъ раздается разслабляющій звонъ. Точно вотъ плывешь по широкой рѣкѣ и вдругъ выбиваешься изъ силъ; мало-по-малу начинаютъ захлестывать волны, сознаніе постепенно ослабѣваетъ, и хотя руки и ноги еще работаютъ, но эта работа есть только послѣднее усиліе остывающей жизни; еще минута—и эти послѣднія усилія прекратятся, наступитъ спокойствіе... Хорошо это спокойствіе и само по себѣ, но въ особенности оно хорошо тѣмъ, что издали кажется чѣмъ-то гордымъ, какъ будто бы человѣкъ говоритъ: вы не думайте, чтобы я не могъ бороться, а вотъ могу, да не хочу"...

Другимъ, напротивъ, нравилось то время; все-таки было веселѣе: „Былъ шумъ, былъ говоръ, была суетня. Все равно, какъ мельница, на которую давно помольцы не везутъ никакого мелева и которой хозяинъ думаетъ: а ну-ка, пущу я снасть, пускай себѣ ходитъ жерновъ и безъ мелева! И вотъ пошелъ стучать жерновъ, пошло ходить колесо; окрестность становится какъ-то веселѣе, кругомъ раздается шумъ и стукъ, какъ будто кто-то хлопочетъ, какъ будто что-то живетъ... А кому охота справляться, что̀ тутъ дѣлается? Напротивъ того, всякій думаетъ: куда хорошо въ этомъ мѣстѣ пожить, и рѣчка таково сладко журчитъ, и меленка мелетъ—все какъ будто не одинъ, а на людяхъ!

„Вотъ какъ говорятъ защитники нашего начинавшагося молодого возрожденія, и я долженъ сознаться, что, съ точки зрѣнія мельницы, въ этомъ разсужденіи есть своя доля справедливости".

Но если жизнь признанная идетъ вяло, если ея прогрессъ является результатомъ механическаго наростанія, которое можетъ

продолжаться, можетъ и прекратиться, то гдѣ же скрывается настоящая историческая жизнь? Гдѣ другая руководящая сила?

„Да, эта сила есть, но какъ поименовать ее такимъ образомъ, чтобы читатель не ощетинился, не назвалъ меня волтеріанцемъ или другимъ браннымъ именемъ, и не заподозрилъ въ утопизмѣ? Успокойся, читатель! я не назову этой силы, а просто сошлюсь только на правительственную реформу, совершившуюся 19-го февраля 1861 года. Надѣюсь, что это не утопизмъ.

„Вникните въ смыслъ этой реформы, взвѣсьте ея подробности, припомните обстановку, среди которой она совершилась, и вы убѣдитесь: во-первыхъ, что, несмотря на всю забитость и безвѣстность, одна только эта сила и произвела всю реформу, и, во-вторыхъ, что, несмотря на неблагопріятныя условія, она успѣла положить на реформу неизгладимое клеймо свое, успѣла найти себѣ поборниковъ даже въ сферѣ ей чуждой.

„Это та самая сила, которая ничего не начинаетъ безъ толку и безъ нужды, это та сила, которая всякое начинаніе свое дѣлаетъ плодотворнымъ, претворяетъ въ плоть и кровь. Ревновали Владиміры Мономахи, ревновали Мстиславы, Ярославы, Іоанны Грозные и негрозные, склеивали, подмазывали, подглаживали, подстраивали и все-таки оно разлеталось врозь, все-таки оно при первомъ же случаѣ оказывалось дряблымъ и несостоятельнымъ („что̀ такое это оно?“ спроситъ читатель.—А я почемъ знаю! отвѣчаю я). А вотъ поревновалъ однажды Кузьма Мининъ Сухорукъ,—и сдѣлалъ. Неужели же это Мининъ сдѣлалъ? И какъ онъ сюда попалъ? Какъ не затонулъ въ общей засасывающей пучинѣ? Нѣтъ, это не Мининъ сдѣлалъ, а сдѣлала сила, которая выбросила его изъ пучины, выбросила, не спросясь никого, выбросила потому, что бываютъ такія минуты въ исторіи, что самыя неизмѣримыя хляби разверзаются сами собой“. Но эта сила проявляетъ себя рѣдко, и потому думаютъ часто, что ея совсѣмъ нѣтъ. „Подъ вліяніемъ этого обмана чувствъ, мы иногда заходимъ очень далеко, до того далеко, что не признаемъ никакой исторіи, кромѣ внѣшней, не допускаемъ никакого прогресса, кромѣ внѣшняго. Въ этомъ смыслѣ грѣшатъ даже такіе привилегированные народолюбцы, какими представляютъ себя, напримѣръ, славянофилы“.

Правда, это заблужденіе было легко возможно, потому что внѣшняя исторія постоянно напоминала о себѣ. Мы увлекались фактами и совершенно искренно забывали, что гдѣ-то пишется другая исторія, своеобразная и не связанная съ внѣшнею даже механически. Эта исторія пишется втихомолку и неярко: она не

ставляетъ собой сплошного рапорта о благосостояніи и пре-
яніи, но, напротивъ того, не чужда скромнаго сознанія без-
і, скромныхъ сѣтованій объ ошибкахъ и неудачахъ; содер-
е ея раскрывается передъ нами туго и скорѣе поражаетъ
кимъ абсентеизмомъ и унылымъ воздержаніемъ, нежели про-
ніями дѣятельной силы; но тѣмъ не менѣе, и эта вынужден-
скромность, и это насильственное воздержаніе не могли без-
ратно загнать ее въ ту пучину безвѣстности, куда, рано или
но, должна кануть исторія внѣшняя, со всѣмъ ея мишур-
ь блескомъ, со всѣмъ театральнымъ громомъ.

„Что эта внутренняя, бытовая исторія существуетъ—въ томъ
ь-таки служитъ порукой недавняя крестьянская реформа, на
рую я уже указывалъ выше. Извѣстно, что еще очень не-
о самая мысль объ освобожденіи крестьянъ казалась дикою
реслѣдовалась, какъ угрожающая общественному спокойствію.
лось бы, что торжество такой мысли, которую все стреми-
изгнать не только изъ жизни, но и изъ самаго народнаго
ставленія, должно было произвести въ народѣ переполохъ,
но было бы встрѣтить его неприготовленнымъ; однако оказа-
совсѣмъ напротивъ. Реформа не только привилась сразу,
сразу же оказалась заключающею въ себѣ зерно дальнѣй-
развитія и усовершенствованій. Теперь крѣпостное право
ставляется почти въ такой же степени отдаленнымъ, какъ
омъ Батыевъ. И точно такое же явленіе произойдетъ и от-
тельно другихъ реформъ, по поводу которыхъ мы загодя
имъ и соболѣзнуемъ: не привьются, дескать, онѣ, не привьются
нашему грубому народу.

„Поэтому, мы, которые думаемъ, что родникъ жизни изсякъ,
творческая сила ея прекратилась, мы думаемъ и судимъ по-
ностно. Мы принимаемъ за жизнь то, что собственно заключаетъ
себѣ лишь призракъ жизни, и забываемъ, что есть жизнь
, которая одна въ силахъ искупить наше безсиліе, которая
можетъ спасти насъ. Эта сила не анархическая, а устроитель-
и потому для всѣхъ равно симпатичная. Въ „Смутное время"
кіе города пересылались и списывались между собою, но у
го же историка поднимется рука, чтобы назвать это движе-
анархическимъ? Вотъ къ этой-то силѣ и должны мы обра-
ься и помнить, что какова бы ни была дѣятельность, но если
ищетъ себѣ опору индѣ, то эта дѣятельность пройдетъ мимо,
вы бы ни были ея намѣренія. Заботьтесь сколько угодно о
жденіи правды на землѣ—эта правда не оцѣнится и не при-
тся; допускайте, съ другой стороны, всякую неправду, вся-

кую обиду—это будетъ явленіе горькое, но оно вынесется; оно вынесется, какъ выносится моровое повѣтріе. Тутъ не можетъ быть рѣчи даже о томъ, что̀ хорошо и что̀ худо; къ хорошему бытовая исторія отнесется точно такъ же равнодушно, какъ и къ худому.

„И такъ, не станемъ приходить въ отчаянье, а будемъ вѣрить. Жизнь не останавливается и не изсякаетъ. Если горькимъ насильствомъ не суждено ей проявиться непосредственно, она просочится сквозь тѣ честныя сердца, которыя воспримутъ сѣмя ея и сторицею возвратятъ ей посѣянное".

Мы видѣли въ другомъ мѣстѣ, какъ самъ Салтыковъ объяснялъ „Исторію одного города"; въ приведенныхъ сейчасъ извлеченіяхъ мы находимъ положительное выраженіе его взгляда на нашу исторію и на народъ. Занятый настоящимъ, онъ рѣдко обращался къ вопросамъ исторіи; въ приведенной цитатѣ ясно, что на историческій вопросъ онъ смотрѣлъ такъ, какъ смотрѣлъ бы на него самый ревностный народникъ. Интересъ исторіи состоитъ для него не въ громкихъ фактахъ внѣшней исторіи, фактахъ весьма часто эфемернаго и сомнительнаго достоинства, а именно въ судьбѣ массы, изъ нѣдръ которой въ критическіе моменты является могущественная нравственная сила, рѣшающая самые жизненные вопросы народа и государства. Онъ высказалъ свою мысль мимоходомъ, не объясняя историческаго процесса, какимъ совершается это явленіе; но мысль понятна: она очень далека отъ того отрицанія, въ какомъ его укоряли, и даетъ то самое историческое представленіе, какимъ, если не ошибаемся, одушевлены лучшія работы по исторіи русскаго народа.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ТѢНИ.

* * *

Тѣнь ли это дней минувшихъ,
Или тѣнь грядущихъ дней,
Что мнѣ душу омрачаетъ
Съ каждымъ часомъ все сильнѣй?

Нѣтъ, то̀ тѣнь не дней минувшихъ
То̀ не тѣнь грядущихъ дней,—
Нѣтъ, съ минуты на минуту
Настоящее мрачнѣй...

* * *

Пережитые дни мнѣ приснились опять,
Почему и зачѣмъ?—не могу я понять...
Не могу я любить, какъ любилъ я въ
И я сердце молю объ одномъ лишь: „у

Пережитыя ночи мнѣ снятся опять,
Почему и зачѣмъ?—не могу я понять...
Не отъ ласкъ, не отъ слезъ такъ уста
И я сердце молю объ одномъ лишь: „м

И минута блаженства мнѣ снится опять,
Почему и зачѣмъ—не могу я понять,—
Снится въ полночь глухую сіянье зари,
И я сердце молю объ одномъ лишь: „у

II.

ANDANTE NUOVO.

Снится мнѣ старинный городъ,
Потонувшій въ лунномъ свѣтѣ.
Полумѣсяцъ въ небѣ синемъ,
Полумѣсяцъ на мечети...

Снится миртовъ темныхъ шопотъ
Тамъ за бѣлыми стѣнами,
Гдѣ звучитъ мотивъ знакомый
Незнакомыми словами.

И въ нарядѣ ночи звѣздной,
Въ голубомъ ея просторѣ
Нѣгой счастья утомившись,
Мукой счастья дышетъ море.

И въ его дыханьѣ влажномъ
Все я слышу тѣ же звуки,
Словно пойманъ чудной сѣтью
Скорбной нѣги сладкой муки...

Тотъ мотивъ знакомъ мнѣ съ дѣтства:
Колыбель мою качая,
На него не разъ пѣвала
Пѣсни ты, моя родная!..

Сладко будетъ спать въ могилѣ,
Какъ ребенку въ нѣгѣ сонной,
Подъ напѣвъ мнѣ милой пѣсни
Колыбельно-похоронной...

III.

РОДИНѢ.

Ни красотой, ни роскошью наряда
Ты не прельстишь, отчизна, никого,
Въ семьѣ чужой пріемышъ ты несчастный,
И все же ты дороже мнѣ всего...

Раба и нищая, ты не была женою
И матерью счастливой никогда;
Твоихъ дѣтей двѣ доли ожидаютъ:
Терпѣніе тупое иль вражда...

IV.

МУЗѢ.

1.

ПРЕЖДЕ.

Я встрѣчалъ тебя когда-то
Въ темной зелени лѣсовъ,
Гдѣ отливами граната
Отблескъ рдянаго заката
Нѣжитъ маковки деревъ...
Гдѣ порою ключъ пѣвучій,
Пробѣжавъ отлогій скатъ,
На обрывѣ мшистой кручи
Превращается въ гремучій
Бѣлопѣнный водопадъ...
    Гдѣ курится тминъ душистый,
    Гдѣ стрѣлой взбѣгаетъ дрокъ,
    Видѣлъ я твой обликъ чистый,
    Слышалъ дѣтски-серебристый
    Шаловливый голосокъ.
    Были ласковы и нѣжны

Пѣсни дѣтскія твои,
И въ душѣ моей мятежной,
Полной скорби безнадежной,
Пѣсня слышалась любви...

2.

ТЕПЕРЬ.

Опускаются руки невольно,
Съ каждымъ днемъ все дышать тяжелѣй,
Даже жить какъ-то стыдно и больно,
Съ каждымъ днемъ все стыднѣй и больнѣй...

Безсердечная тупость ликуетъ,
Безразсудная злоба царитъ,
Тщетно разумъ на все негодуетъ
И за все тщетно сердце болитъ...

Неужель въ этотъ омутъ разврата,
Въ это царство безумья и зла,
Моей юности муза, когда-то
Ты меня, торжествуя, звала?

Неужели любовь—только мука?
Неужели борьба значитъ смерть?
Или жизнь—только скорбная скука,
И весь смыслъ въ ней одинъ—умереть?..

МАРТОВЪ.

РАСКАЯНІІ

ПОВѢСТЬ.

Соч. Христи Муррея.

— —

I.

М-ръ Бомани былъ британскій купецъ выс
безупречной репутаціи. Онъ велъ дѣла подъ
Уайтъ и К°, хотя Уайтъ уже давно умеръ, а кс
лась еще при жизни его отца. Старинная конто
удобная, въ которой фирма начала свое суще
десять лѣтъ назадъ, продолжала вполнѣ удовле
мани и носила отпечатокъ порядочности, котор
въ болѣе новыхъ и роскошныхъ помѣщеніяхъ. (
помѣщалась, находилось въ Кольпортеръ-Аллеѣ,
св. Мильдредъ, и торговый шумъ и суета Сити
вались въ этомъ тихомъ и уединенномъ мѣстѣ.

Самъ м-ръ Бомани былъ человѣкъ лѣтъ п
рѣлый и здоровый, съ розовымъ лицомъ и сѣд
былъ широкъ въ плечахъ, склоненъ къ пол
человѣка несокрушимой воли. Общественная в
дость опиралась, впрочемъ, не на какомъ иномъ
его собственной похвальбы въ томъ, что его
мешь. Во всѣхъ случаяхъ и во всѣхъ компанія
утверждать, что никакая бѣда не должна лиш
ловѣка энергическаго. Онъ высказывалъ презр
къ малодушнымъ людямъ (всѣ знали, что Бома
силу характера, былъ добрѣйшій изъ людей), и

ловѣка, попавшаго въ бѣду, то хлопалъ его по плечу, приговаривая: „Не падайте духомъ, дружище; главное, не падайте духомъ. Я никогда не падаю духомъ“.

Такъ какъ его репутація, какъ твердаго человѣка, была столь же незыблема среди людей, его знавшихъ, какъ и солидность его дѣлового характера, то его знакомые были бы просто поражены, еслибы могли его видѣть въ одно апрѣльское утро 1880 г. Запершись у себя въ кабинетѣ и сидя въ большомъ креслѣ передъ конторкой со множествомъ бумагъ въ особыхъ корзинахъ и безпорядочной кучей документовъ, разбросанныхъ передъ нимъ, твердый м-ръ Бомани, рѣшительный м-ръ Бомани, м-ръ Бомани, который не падалъ духомъ ни въ какой бѣдѣ,—плакалъ, тихонько и безъ шума, утирая глаза и розовыя щеки платкомъ.

Другой фактъ точно такъ же поразилъ бы его друзей, еслибы они его узнали. Человѣкъ, непритворно плакавшій въ большомъ креслѣ, безпомощно взирая на разбросанныя бумаги, былъ безнадежный банкротъ и уже нѣсколько лѣтъ какъ шелъ на встрѣчу разоренію. Когда знавшіе его люди нуждались въ дѣльномъ совѣтѣ, они шли къ нему охотнѣе, чѣмъ къ другому, и никогда не уходили недовольные. Онъ зналъ Сити и его дѣла какъ свои пять пальцевъ. Онъ зналъ, кто надеженъ и кто шатокъ, точно по какому-то инстинкту, и зналъ, какія бумаги и когда слѣдуетъ покупать, а какія и когда не слѣдуетъ, и все это лучше, чѣмъ кто бы то ни было.

— Меня не проведешь,—говаривалъ онъ:—я знаю, гдѣ раки зимуютъ.

Онъ давалъ отличные совѣты своимъ друзьямъ, и многіе и многіе спекулянты были обязаны ему, и только ему, за тотъ комфортъ, съ какимъ жили, и за то уваженіе, какимъ пользовались. Онъ всю свою жизнь былъ мудръ за другихъ, а въ своихъ личныхъ дѣлахъ поступалъ очертя голову. Онъ громко ораторствовалъ, тратилъ не стѣсняясь, не жалѣлъ денегъ, высказывалъ самыя мудрыя житейскія правила и былъ такъ же хитеръ въ мелочахъ, какъ практиченъ въ крупныхъ предпріятіяхъ... на словахъ, а на дѣлѣ пускалъ въ рискованные обороты свой капиталъ, шелъ на встрѣчу крупной несостоятельности. Теперь наступила развязка, и завтра его банкротство обнаружится передъ всѣми. Страданія его усугублялись при мысли о томъ, какъ удивятся люди и какъ, наконецъ, они раскусятъ его.

Онъ немногихъ вовлекъ въ свою бѣду, но все же зашелъ дальше, чѣмъ полагалось для честнаго, проницательнаго человѣка, и зналъ, что нѣкоторые пострадаютъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ

могъ бы еще протянуть, будь онъ смѣлый, проницательный и безчестный человѣкъ, быть можетъ даже и выкарабкаться. Но у него не хватало для этого храбрости, и притомъ онъ не былъ сознательнымъ мошенникомъ. Онъ и теперь гордился своей честностью. Онъ былъ только несчастнымъ, и кредиторы его получатъ все... все.

Онъ благодарилъ Бога, что мать Филя закрѣпила свое состояніе за единственнымъ сыномъ и что мальчикъ, по крайней мѣрѣ, не останется нищимъ. Какъ посмотритъ онъ въ лицо Филю, когда тотъ вернется домой? Какъ пошлетъ онъ ему эту вѣсть? Молодой человѣкъ уѣхалъ въ веселую экскурсію, странствовалъ по бѣлу свѣту съ баронетомъ, владѣльцемъ яхты и ненасытнымъ охотникомъ. Ему придется теперь, бѣдняжкѣ, отказаться отъ своихъ фешенебельныхъ и титулованныхъ знакомыхъ, и чѣмъ больше м-ръ Бомани раздумывалъ объ этихъ вещахъ, тѣмъ горше плакалъ и тѣмъ менѣе могъ сдержать свои слезы.

Онъ рыдалъ почти неслышно, и только сморканіе могло бы выдать его волненіе уху. Онъ всегда такъ высоко держалъ голову, что самъ, наконецъ, въ себя повѣрилъ. Горько ему было теперь!

Въ то время, какъ онъ предавался безутѣшному горю, послышался слабый и нерѣшительный стукъ въ дверь, и вслѣдъ затѣмъ чья-то рука сдѣлала почтительную и робкую попытку отворить ее.

— Кто тамъ? — закричалъ м-ръ Бомани, насколько могъ твердо.

— Джентльменъ желаетъ васъ видѣть, сэръ,—послышалось въ отвѣтъ.

М-ръ Бомани отодвинулъ кресло, всталъ на ноги и, удалясь въ маленькую комнатку рядомъ, поглядѣлся въ зеркало, висѣвшее надъ умывальникомъ. Его голубые глаза распухли, а щеки и носъ были красны.

— Погодите минутку,—сказалъ онъ громко, и голосъ выдалъ его волненіе. Онъ покраснѣлъ и задрожалъ, подумавъ, что м-ръ Горнетъ, его довѣренный клеркъ, узнаетъ, что онъ упалъ духомъ и разскажетъ впослѣдствіи про его малодушіе и неумѣнье владѣть собой. Эта мысль заставила его пріободриться, и онъ сталъ умывать лицо, нарочно какъ можно громче плескаясь въ водѣ, чтобы дать понять слушателю, чѣмъ онъ занятъ. Онъ вытерся полотенцемъ и, поглядясь въ зеркало, нашелъ, что лицо стало свѣжѣе. Послѣ того вернулся въ кабинетъ и, слегка пріотворивъ дверь, спросилъ:

— Кто пришелъ?

— Какой-то м-ръ Броунъ, сэръ,—отвѣчалъ мягкій голосъ за дверью. Клеркъ просунулъ карточку въ щель между половинками дверей, и м-ръ Бомани взялъ ее изъ его рукъ, не показываясь ему на глаза. Онъ съ трудомъ прочиталъ фамилію на карточкѣ, потому что глаза его снова застилались слезами, и въ то время, какъ онъ силился разобрать надпись, судорожное рыданіе неожиданно вырвалось изъ груди.

Онъ устыдился этого и торопливо сказалъ:

— Подождите минутъ пять. Я позвоню, когда буду готовъ. Попросите джентльмена подождать.

М-ръ Джемсъ Горнетъ тихонько притворилъ дверь и постоялъ на площадкѣ, поглаживая длинными, худыми пальцами по выдающимся челюстямъ. Онъ былъ небольшого роста, неуклюжъ и нескладно сложенъ, съ нечистой кожей и рыжеватыми, всклокоченными волосами. Носъ и подбородокъ были длинны и крючковаты, а манеры подобострастны, даже и тогда, когда онъ оставался наединѣ съ самимъ собой. Удивленіе пробивалось у него на лицѣ сквозь застывшую улыбку, въ которой глаза не принимали участія.

— Неладно что-то! — сказалъ онъ шопотомъ и сталъ неслышно спускаться съ лѣстницы.—Неладно что-то! м-ръ Бомани плачетъ! м-ръ Бомани! Не случилось ли чего съ м-ромъ Филемъ?

Это —единственная вещь, которая, по мнѣнію м-ра Горнета, могла такъ огорчить его принципала.

М-ръ Горнетъ пребывалъ въ своемъ постоянномъ званіи слишкомъ тридцать лѣтъ и былъ себѣ на умѣ. Поэтому, когда по истеченіи пяти минутъ съ хвостикомъ м-ръ Бомани позвонилъ, онъ самъ провелъ посѣтителя вверхъ по лѣстницѣ и, вмѣсто того, чтобы удалиться въ свою собственную контору, прошелъ въ небольшую пустую комнату, рѣдко употреблявшуюся, а оттуда прокрался на площадку и сталъ подслушивать. Его побудило къ этому еще и то обстоятельство, что посѣтитель, отличавшійся буколической наружностью и очень болтливый, сообщилъ ему внизу, что онъ и м-ръ Бомани старые пріятели и школьные товарищи и всегда уважали другъ друга.

— Я боюсь, сэръ,—сказалъ м-ръ Горнетъ, когда посѣтитель только-что пришелъ, — что м-ръ Бомани не можетъ васъ принять въ настоящую минуту. Онъ отдалъ приказаніе, чтобы его не безпокоили.

— Не приметъ меня?—отвѣчалъ посѣтитель со смѣхомъ. — Бьюсь объ закладъ, что приметъ.

: затѣмъ сообщилъ о своей давнишней
ни.
сли что-нибудь случилось, то, вѣроятно,
извѣстно, и м-ръ Горнетъ надѣялся подсл
говориться. Онъ ничего не услышалъ та
мить его, чѣмъ огорченъ его принципа
весь его разговоръ съ посѣтителемъ.
омани успѣлъ овладѣть собой и смыть съ
того онъ выпилъ порядочную порцію
одбодрило его. Онъ ласково принялъ гос
аться разстроеннымъ, проявлялъ нѣсколько
- Я занятъ, какъ видите,—говорилъ он
маги, разбросанныя по конторкѣ, и до
благоденствующаго коммерсанта,—но я
на, минутку или двѣ. Что привело тебя
- Я пріѣхалъ сюда на жительство,—отв
нъ былъ краснощекій человѣкъ, съ кудря
и, подернутыми сѣдиной, и съ головы
нціаломъ. Онъ, повидимому, перенесъ съ
ическій характеръ: его шляпа, галстухъ,
и отпечатокъ провинціальной моды и со
больше похожъ на джентльмена, нежели
- Да,—повторилъ онъ,—я пріѣхалъ сюд
нъ потеръ руки и засмѣялся, не потому,
ыло что-нибудь юмористическое или весе
вья и прекраснаго расположенія духа.
вшійся, не имѣетъ ли онъ разстроеннаго
мѣтилъ этого гость, сидѣлъ напротивъ
оловой и лихорадочно перебиралъ бумаги
дить ихъ въ порядокъ.
- На жительство?—повторилъ онъ разсѣ
сь, прибавилъ:
- Я думалъ, ты ненавидишь Лондонъ?
- Ахъ, любезный другъ, когда приходит
удкѣ, то самъ не знаешь, куда попадеш
- Да,—машинально проговорилъ Бомани.

- Все это Патти мудритъ. Я продалъ св
домъ въ Гоуэръ-Стритѣ. Знаешь что, Б
вдругъ серьезнымъ и конфиденціальнымъ
къ чорту. Земля съ каждымъ годомъ по
послѣднія шесть лѣтъ хозяйничалъ пря

взялъ да и рѣшился. Лордъ Белами скупилъ сосѣднія три помѣстья; моя земелька приходилась между ними, и я продалъ ее ему. Продалъ, слышишь, такъ выгодно, какъ могъ бы это сдѣлать развѣ десятка полтора лѣтъ тому назадъ.

И тутъ онъ еще раскатистѣе засмѣялся и, разстегнувъ пальто, полѣзъ во внутренній карманъ. Не безъ усилія и весь покраснѣвъ отъ натуги, вытащилъ онъ бумажникъ необычайныхъ размѣровъ и такъ сильно хлопнулъ имъ по конторкѣ, что собесѣдникъ его вздрогнулъ.

— Мнѣ дали знать на дняхъ, дружище,—продолжалъ онъ,— что старинный банкъ въ Моунтъ-Роялѣ, Феллоу и Феллоу, собирается лопнуть. Въ коммерческой атмосферѣ, Бомани, что-то неладно. Пропасть солидныхъ домовъ лопается.

Неспокойная фантазія Бомани усмотрѣла личный намекъ въ словахъ гостя.

— Я... я надѣюсь, что это не такъ,—отвѣчалъ онъ неувѣренно:—такъ много зависитъ... (онъ изо всѣхъ силъ постарался овладѣть собой)... въ коммерческихъ дѣлахъ такъ много зависитъ отъ довѣрія и кредита.

— Именно!—закричалъ посѣтитель, беря въ руки бумажникъ и открывая его.—Я поѣхалъ въ банкъ къ самому молодому Феллоу.—Слушайте-ка, Феллоу,—сказалъ я ему:—мнѣ нужны деньги дочери. Что̀ бы вы думали, сэръ: онъ не хотѣлъ выпускать ихъ изъ рукъ, точно собака кость. Онъ ворчалъ и хныкалъ, что недобросовѣстно требовать деньги безъ предувѣдомленія. Говорилъ, что мнѣ нигдѣ ихъ лучше не пристроить и, наконецъ, я сказалъ ему:—послушайте-ка, Феллоу, вѣдь я, наконецъ, подумаю, что у васъ въ банкѣ не все обстоитъ благополучно. Онъ покраснѣлъ какъ индѣйскій пѣтухъ, и написалъ чекъ на своего лондонскаго агента, точно лордъ, и вотъ я тутъ, и съ денежками. Восемь тысячъ фунтовъ.

Въ это время онъ вытащилъ пачку билетовъ изъ бумажника и сталъ перебирать ихъ своими большими пальцами. Шелестъ бумажекъ звучалъ музыкой въ ушахъ Бомани и онъ поглядывалъ на нихъ съ голоднымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Это карманныя деньги Патти,—продолжалъ гость, перебирая пачку бумажекъ и разглаживая ихъ на колѣняхъ.—Восемьдесятъ сто-фунтовыхъ бумажекъ. Карманныя денежки Патти.

Бомани старался найти какую-нибудь шутку въ отвѣтъ, но слова замирали у него на губахъ. Когда его собесѣдникъ снова заговорилъ, обанкрутившійся купецъ дивился, что пріятель ничего не упоминаетъ про его помертвѣлое лицо (онъ зналъ, что

лицо у него было помертвѣлое) или о его трясущихся рукахъ. Въ его умѣ родилась догадка, такая сильная и ясная, что онъ дрожалъ отъ предвидѣнія.

— Патти,—продолжалъ гость,—получитъ все въ свое время, и получитъ не мало. Но она склонна къ независимости и хочетъ имѣть собственныя денежки въ собственныхъ рукахъ. Она увѣряетъ, что это потому, что ей надо платить по счетамъ портнихѣ, но я лучше знаю, въ чемъ дѣло. Въ сущности,—и онъ понизилъ голосъ,—она не хочетъ, чтобы я зналъ, сколько она тратитъ на бѣдныхъ. Послушайте-ка, Бомани...—Сердце торговца замерло и затѣмъ забилось съ такой силой, что онъ дивился: какъ это гость не слышитъ его біенія. Онъ впередъ слышалъ слова, тотъ тонъ, какимъ они были сказаны.—Вы вѣрный человѣкъ, вы надежный человѣкъ. Я думаю, въ цѣломъ Лондонѣ не найдется человѣка, который бы съумѣлъ помѣстить деньги съ большей выгодой, чѣмъ вы. Возьмите эти деньги и помѣстите ихъ для нея. Согласны, скажите?

Онъ стоялъ со сверткомъ ассигнацій въ протянутой рукѣ. Купецъ всталъ, взялъ ихъ и поглядѣлъ съ внезапнымъ спокойнымъ любопытствомъ прямо въ лицо пріятелю.

II.

М-ръ Бомани снова остался одинъ, и еслибы не пачка ассигнацій, лежавшихъ у него на столѣ, онъ могъ бы подумать, что весь этотъ эпизодъ былъ не болѣе какъ тревожнымъ и мучительнымъ сновидѣньемъ.—Ужасно тяжело,—жалобно думалъ онъ,—что пришелъ человѣкъ и выставилъ такой жестокій соблазнъ у него на пути. Онъ не поддастся ему... разумѣется, не поддастся. Онъ всю свою жизнь былъ честнымъ и уважаемымъ человѣкомъ и до сихъ поръ никогда даже не испытывалъ денежнаго соблазна. Унизительно было чувствовать его теперь... ужасно было чувствовать, что пальцы его цѣпляются за чужія деньги, сердце ихъ жаждетъ, а умъ, вопреки волѣ, перебираетъ безчисленные способы пустить ихъ въ ходъ. Нестерпимо было думать, что эти деньги могли бы спасти его отъ бѣды и вывести на путь къ богатству, еслибы онъ только посмѣлъ употребить ихъ и рискнуть пустить ихъ въ оборотъ вмѣстѣ съ послѣдними обломками собственнаго состоянія.

Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Онъ ни за что не воспользуется ими. Единственная причина, почему онъ принялъ ихъ, это—что онъ не

рѣшился объявить о своемъ истинномъ положеніи старому пріятелю и школьному товарищу. Быть можетъ,—говорилъ онъ самому себѣ (стараясь заткнуть ротъ и умаслить внутренняго ментора и обвинителя, который не хотѣлъ молчать и не давалъ себя умаслить)—быть можетъ, еслибы Броунъ не такъ сильно вѣрилъ въ мудрость своего стараго пріятеля, какъ дѣльца, ему было бы легче сказать правду, и не глупо ли оттягивать открытіе на одинъ какой-нибудь день! Вѣдь ему вдвое будетъ стыднѣе послѣ такой притворной похвальбы своею солидностью! Еслибы онъ былъ способенъ поддаться искушенію, то вотъ, безъ сомнѣнія, новая причина уступить ему.

Очевидно, первой и по истинѣ единственной вещью, какую слѣдовало сдѣлать, это положить эти деньги въ банкъ на имя Броуна и такимъ образомъ покончить съ ними; и однако торопливость въ этомъ дѣлѣ какъ будто указываетъ на страхъ соблазна, котораго онъ рѣшительно не желаетъ испытывать. Онъ не допуститъ собственныхъ подозрѣній этого рода, какъ не допустилъ бы и чужихъ. И вотъ онъ сидѣлъ, думая такъ и такъ, въ сильномъ противорѣчіи съ самимъ собой и неспособный придти къ какому-нибудь рѣшенію.

Когда пріятели стали прощаться, м-ръ Джемсъ Горнетъ безшумно спустился съ лѣстницы, весь горя гордостью. Онъ гордился не тѣмъ, что подслушивалъ; даже по понятіямъ самого м-ра Горнета это было не такого рода дѣяніе, какимъ можно гордиться; но онъ гордился, что служитъ подъ началомъ такого уважаемаго лица, какъ м-ръ Бомани. Не много найдется людей,—говорилъ онъ самому себѣ,—даже въ лондонскомъ Сити, полномъ богатства и честности, въ руки которыхъ такая большая сумма денегъ была бы передана безъ всякихъ предосторожностей. Онъ чувствовалъ себя такъ, какъ еслибы ему самому оказали такое лестное довѣріе, и это согрѣвало его сердце. Онъ проводилъ м-ра Броуна изъ конторы съ такимъ усерднымъ поклономъ, что минуту спустя почти самъ испугался: не выдалъ ли онъ этимъ себя. И весь день сіялъ удовольствіемъ. Порою однако ему припоминалось разстройство своего принципала, и это возбуждало его любопытство; но первое чувство все же преобладало. Онъ радовался, что принадлежитъ къ такой удивительно почтенной фирмѣ, какъ Бомани, Уайтъ и К°.

Тѣмъ временемъ принципалъ м-ра Горнета, съ страшной тайной, гнѣздившейся у него въ душѣ, которой онъ не смѣлъ поглядѣть въ глаза, сидѣлъ одинъ и терзался; онъ заперъ банковые билеты еще до ухода м-ра Броуна, но они какъ будто при-

вали его къ несгараемому шкафу съ неудержимой силой, и снова вынулъ ихъ, пересчиталъ и рѣшилъ, что не тронетъ и будетъ честенъ до конца ногтей. Для него было такой нкой испытывать искушеніе, что ему легко было самообо-ться на этотъ счетъ. Ему не приходила въ голову мысль, что а и средства удовлетворить ее никогда еще до сихъ поръ ставали передъ нимъ дилеммой и что честная жизнь его за-на отъ ихъ отсутствія.

Долго просидѣвъ неподвижно, онъ почувствовалъ, наконецъ, страшно усталъ. Вставъ, добрелъ онъ до сосѣдней комнаты ова приложился къ бутылкѣ водки, которую держалъ тамъ. частенько сталъ прибѣгать къ этому обманчивому утѣшенію зналъ это, но каждый глотокъ находилъ свое оправданіе, и о кто въ состояніи противиться на практикѣ привычкѣ, ко-ю осуждаютъ въ теоріи.

Водка оживила его и открыла передъ нимъ новыя перспек-чувства. Быть можетъ, въ этотъ моментъ онъ сталъ даже имъ человѣкомъ. По крайней мѣрѣ, онъ живѣе сообразилъ колоссальность соблазна, стоявшаго передъ нимъ. Онъ поду-о родномъ сынѣ и содрогнулся съ головы до ногъ, когда гравленномъ алкоголемъ мозгу возникло видѣніе: какое-то астическое существо, которое могло пересказать обо всемъ). Пороку пьянства приписываютъ порожденіе множества дру-пороковъ, но на этотъ разъ опьяненная голова оказалась нѣе трезвой, и пьяный Филиппъ честнѣе трезваго Филиппа. Въ сущности, Филиппъ Бомани слишкомъ хорошо зналъ себя, ı быть увѣреннымъ, что этотъ фазисъ чувства не пройдетъ гѣ съ опьянѣніемъ, и въ полу-безсознательномъ страхѣ ъ возвращеніемъ болѣе низкой половины своего существа, іеніе котораго за минуту передъ тѣмъ такъ напугало его, торопливо переодѣлся, сунулъ банковые билеты во внут-й карманъ пальто и, приложившись на прощанье къ гра-нку, вышелъ изъ комнаты съ нѣсколько истерическимъ чув-ъ мужества и самодовольства. Онъ былъ искушаемъ, онъ ъ былъ признать, что искушеніе угрожало ему, и онъ чуть не поддался, но восторжествовалъ! Онъ снова сталъ человѣ-Онъ попалъ на вѣсы, и добро перетянуло. Въ глазахъ его и слезы отъ водки, разстроенныхъ нервовъ, удовольствія и янія, въ то время какъ онъ торопливо шелъ по улицѣ. не придется стыдиться отца. Старикъ Броунъ, довѣрившій какъ брату, не будетъ презирать и ненавидѣть его. Онъ дол-пережить разореніе—это неизбѣжно, неотвратимо. Но, по

крайней мѣрѣ, онъ переживетъ его какъ благородный человѣкъ. Сердце его било „маршъ въ честь героя“, тогда какъ могло бы бить „маршъ негодяя“, и все это благодаря глотку водки и милости небесъ.

Принявъ рѣшеніе, онъ установилъ въ умѣ подробности того дѣла, какое ему предстояло. Вмѣстѣ съ банковыми билетами онъ сунулъ въ карманъ пакетъ съ дѣловыми бумагами, касавшимися одного запутаннаго и щекотливаго дѣлового пункта, и рѣшилъ, что обсужденіе этого пункта будетъ прелюдіей къ полной ликвидаціи и оглашенію его дѣлъ. Несмотря на припадокъ героизма и всю истерическую храбрость, съ какой онъ готовъ былъ идти на встрѣчу судьбѣ, онъ не могъ еще пойти къ Броуну и открыть ему смыслъ меланхолическаго фарса, разыграннаго имъ за часъ передъ тѣмъ. Но у него былъ еще одинъ старинный пріятель, который былъ тоже пріятелемъ Броуна, стряпчій, тонкій, какъ иголка, и добрый, какъ солнечное тепло, нѣкто Бартеръ, дѣловая контора котораго находилась въ Гебль-Иннѣ, и изъ всѣхъ людей ему одному онъ могъ довѣриться безъ стыда и съ надеждой на помощь. Онъ нанялъ кэбъ и приказалъ извозчику везти какъ можно скорѣе. Гебль-Иннъ мирно отдыхалъ, и послѣобѣденная тѣнь уже сгущалась на маленькой квадратной площадкѣ, хотя сама широкая и шумная улица еще была залита свѣтомъ. Огня не было видно въ окнахъ комнатъ, гдѣ гг. „Товарищество Фримантль и Бартеръ“ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ уже принимали кліентовъ и обдѣлывали дѣла, и единственный членъ фирмы, пережившій остальныхъ, поддерживалъ установившуюся за его домомъ репутацію честности и добросовѣстности.

Бомани былъ смущенъ тишиной и мракомъ комнатъ и содрогнулся при мысли, что побѣжденный-было имъ соблазнъ снова возникаетъ передъ нимъ. Онъ громко ударилъ молоткомъ въ дверь дрожащей рукой, и стукъ раскатился съ гуломъ по лѣстницѣ и откликнулся глухимъ эхо. Сердце м-ра Бомани упало и страхъ самого себя овладѣлъ имъ. Онъ уже разъ побѣдилъ, а теперь надо было начинать борьбу вновь, съ печальной увѣренностью въ окончательномъ пораженіи. И дѣйствительно, пораженіе въ этотъ короткій промежутокъ времени стало до того несомнѣннымъ, что онъ почувствовалъ нѣкоторое разочарованіе, когда внезапные шаги раздались въ квартирѣ въ отвѣтъ на его громкій стукъ.

Дверь отворилась, и передъ нимъ появился молодой человѣкъ, смотрѣвшій на него изъ полузакрытыхъ заспанныхъ глазъ. То

былъ мясистый молодой человѣкъ, немного толстый для своихъ лѣтъ, очень блѣдный, но съ лицомъ далеко не дюжиннымъ, съ красивымъ высокимъ лбомъ, прекрасными открытыми глазами и чертами лица безусловно правильными. Когда онъ узналъ посѣтителя, его блѣдное и красивое лицо вдругъ озарилось привѣтливой улыбкой, зубы и глаза засверкали и все лицо стало удивительно привлекательнымъ.

Это пріятное выраженіе вдругъ смѣнилось почти механически-горестнымъ выраженіемъ, и, пожимая руку м-ру Бомани, красивый молодой человѣкъ вздохнулъ, точно вспомнилъ, что въ его положеніи прилично вздыхать.

— Войдите, м-ръ Бомани,—сказалъ онъ.—Войдите, сэръ. Я отослалъ домой всѣхъ клерковъ и только-что собирался запираться на ночь. Чему обязанъ я удовольствіемъ васъ видѣть? Позвольте мнѣ зажечь газъ.

Бомани, когда дверь за нимъ затворилась, поплелся по темному корридору вслѣдъ за юнымъ м-ромъ Бартеромъ, который шелъ увѣреннымъ, привычнымъ шагомъ, и когда они пришли въ дѣловую контору и газъ былъ зажженъ, далъ себя усадить въ кресло. Оттого ли, что онъ слишкомъ волновался своимъ бѣдственнымъ положеніемъ и не ѣлъ весь день, оттого ли, что онъ усталъ отъ борьбы съ искушеніемъ, осаждавшимъ его, или, наконецъ, отъ частыхъ прикладываній къ графинчику съ водкой, но только м-ръ Бомани въ настоящую минуту самъ не зналъ, что дѣлать. Онъ сидѣлъ нѣкоторое время, лѣниво соображая, что такое привело его сюда. Какъ это часто бываетъ съ разсѣянными людьми, его руки раньше сообразили, чего отъ нихъ требуютъ, чѣмъ мозгъ принялся снова работать, и мало-по-малу, когда онъ разстегнулъ пальто и вынулъ свертокъ съ бумагами изъ кармана, онъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи.

— Я хотѣлъ,—сказалъ онъ, выходя изъ оцѣпенѣнія и нервно держа бумаги обѣими руками,—я хотѣлъ видѣть вашего отца, чтобы посовѣтоваться съ нимъ объ очень спеціальномъ и настоятельномъ дѣлѣ.

— Съ моимъ отцомъ?—отвѣчалъ молодой человѣкъ, во взглядѣ и въ голосѣ котораго выразилось грустное удивленіе.—Неужели вы не слышали этой новости, сэръ?

— Новости?—закричалъ Бомани, чувствуя, что какая-то новая бѣда ожидаетъ его.—Какой новости?

— Мой отецъ, сэръ,—началъ юный м-ръ Бартеръ, принимая дѣловой тонъ, напоминавшій отчасти удрученный голосъ, какимъ докторъ сообщаетъ роднымъ паціента о томъ, что послѣд-

ній плохъ,—мой отецъ, сэръ, былъ сегодня поутру опрокинутъ на улицѣ омнибусомъ. Онъ тяжко раненъ и нѣтъ никакой надежды на выздоровленіе.

— Господи помилуй!—вскричалъ Бомани.

Голова его склонилась на грудь, а глаза уставились безсмысленно въ полъ. Онъ чувствовалъ себя какъ человѣкъ на плоту, видящій, что плотъ разъѣзжается на-двое. Крушеніе уже произошло, а теперь и послѣдняя надежда исчезла! Онъ самъ не могъ бы ясно отвѣтить теперь, почему онъ такъ желалъ видѣть Бартера. Онъ не зналъ, что̀ такое могъ для него сдѣлать Бартеръ, кромѣ того, что выслушалъ бы про его бѣду и взялся бы пристроить восемь тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которые такъ соблазняли его, и однако разочарованіе было такъ сильно и такъ тяжко было перенести его, какъ и все предыдущее. Онъ сидѣлъ съ потеряннымъ взглядомъ и со слезами на глазахъ, а юный м-ръ Бартеръ, пораженный его чувствительностью и нѣжнымъ отношеніемъ къ его отцу, сидѣлъ, наблюдая за нимъ. Изъ рукъ Бомани выскользнуло нѣчто и съ шелестомъ упало на полъ. Юный м-ръ Бартеръ сдѣлалъ движеніе или показалъ видъ, что хочетъ это поднять. Бомани не шевелился, но глядѣлъ безсмысленно сѣро-голубыми глазами, наполнявшимися все больше и больше слезами, пока двѣ или три не покатились по его щекамъ. Онъ сказалъ еще разъ:—Господи помилуй!—и положилъ остальныя бумаги обратно въ карманъ. Юный м-ръ Бартеръ перевелъ быстрый и внимательный взглядъ съ упавшаго на полъ пакета въ лицо посѣтителю и обратно. Бомани всталъ съ мѣста, застегнулъ пальто неловкими, дрожавшими пальцами и надѣлъ шляпу. Онъ, очевидно, не чувствовалъ, что плачетъ, и не старался скрыть слезъ, не дѣлалъ даже попытки ихъ вытереть. Онъ въ третій разъ проговорилъ:—Господи помилуй!—и, пожавъ руку м-ру Бартеру, пролепеталъ, что онъ очень, очень сожалѣетъ, и ушелъ какъ автоматъ. Юный м-ръ Бартеръ проводилъ его до дверей, оглядываясь на позабытый на полу пакетъ и разсыпаясь въ завѣреніяхъ своей преданности и готовности служить, чѣмъ можетъ: все, что̀ только въ его силахъ... М-ръ Бомани можетъ быть увѣренъ, клерки уже завтра будутъ на своихъ мѣстахъ, онъ пришлетъ съ вечерней почтой извѣщеніе о томъ, въ какомъ состояніи находится его родитель, самъ онъ въ большой тревогѣ. Такъ тараторилъ онъ, выпроваживая Бомани изъ конторы, и, когда заперъ за нимъ дверь, вернулся назадъ по темному корридору, крадучись, неизвѣстно зачѣмъ, какъ кошка. Онъ не могъ не знать, что находится одинъ-одинёшенекъ у себя на квартирѣ, однако,

дойдя до конторы, оглядывался подозрительно вокругъ себя и цѣлыхъ полминуты не хотѣлъ замѣчать упавшія на полъ бумаги.

— Боже мой!—произнесъ онъ, наконецъ, когда позволилъ глазамъ остановиться на нихъ. — Чтò это такое? откуда это взялось?

Онъ нагнулся, поднялъ бумаги, положилъ ихъ на конторку и сталъ разглаживать. Онъ увидѣлъ новешенькій, хотя и смятый билетъ англійскаго банка на сто фунтовъ и, приподнявъ его, нашелъ подъ нимъ другой. Такъ онъ перебралъ полпачки и, увидя, что вся она состояла изъ банковыхъ билетовъ того же достоинства, съ трудомъ перевелъ духъ. Послѣ того просидѣлъ нѣкоторое время, не шевелясь и держа пачку въ рукахъ. Его блѣдное и мясистое лицо необыкновенно раскраснѣлось, а дыханіе было прерывисто. Посторонній наблюдатель могъ бы догадаться, что онъ глубоко взволнованъ, по тому, какъ шелестѣли бумаги въ его рукахъ. Онъ сидѣлъ, повидимому, неподвижный, какъ скала, а между тѣмъ бумага скрипѣла въ его рукахъ.

Банковые билеты м-ра Броуна породили много волненія сегодня, и въ умѣ Бомани, по крайней мѣрѣ, они произвели страшное смятеніе и нерѣшительность. Сомнѣнія и нерѣшительность возникали и въ умѣ юнаго м-ра Бартера, но онѣ были совсѣмъ иного характера. Юный м-ръ Бартеръ отлично сознавалъ, что судьба послала ему искушеніе, но готовъ былъ признать это благодѣяніемъ со стороны судьбы. Онъ даже пробормоталъ это сквозь зубы. Его сомнѣнія относились къ иному сорту вещей, чѣмъ боязнь поступить безчестно. Бомани, очевидно, очень странно велъ себя. Бомани, очевидно, былъ чѣмъ-то сильно разстроенъ даже прежде, нежели услышалъ новость, сообщенную ему юнымъ стряпчимъ. Но настолько ли онъ разстроенъ, чтобы позабыть, гдѣ именно потерялъ такую большую сумму денегъ? Этотъ мысленный вопросъ естественно привелъ юнаго м-ра Бартера къ мысли узнать, какъ велика была эта сумма. Онъ положилъ билеты на столъ и хотѣлъ смочить большой палецъ слюной. Но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ у него во рту пересохло. Онъ выпилъ немного воды и затѣмъ сталъ считать билеты. Сначала онъ насчиталъ ихъ восемьдесятъ-одинъ, а затѣмъ, начавъ съизнова, сосчиталъ семьдесятъ-девять. Пересчитавъ въ третій разъ, онъ насчиталъ восемьдесятъ.

— Чортъ побери! — сказалъ юный м-ръ Бартеръ:—неужели же я не могу сосчитать ихъ? Я полагаю, старое чучело вернется за ними.

Онъ попытался сосчитать билеты въ четвертый разъ, и опять

вышло восемьдесять. О пропажѣ, вѣроятно, оповѣстятъ банкъ съ указаніемъ нумеровъ. Ими нельзя будетъ воспользоваться. Онъ просидѣлъ нѣкоторое время, задумавшись, съ полу-закрытыми глазами, выбивая жирными пальцами какой-то маршъ по столу, затѣмъ свернулъ билеты очень аккуратно и осторожно, положилъ ихъ въ карманъ, отыскалъ шляпу, пальто, тросточку и одѣлся для выхода на улицу. Въ тишинѣ квартиры всякій случайный шумъ на улицѣ былъ ясно слышенъ. И вотъ онъ услышалъ торопливые шаги по мостовой и съ біеніемъ сердца поспѣшно потушилъ огонь и прислушался. Шаги остановились при входѣ на лѣстницу, у начала которой была запертая наружная дверь. Сердце юнаго м-ра Бартера забилось, если возможно, еще сильнѣе и жилы на вискахъ такъ напряглись, что, казалось, только шляпа мѣшаетъ головѣ расколоться на части. Затѣмъ послышался торопливый стукъ въ дверь, повелительные удары набалдашникомъ толстой палки. Онъ стиснулъ зубы и, отступивъ назадъ, отвратительно ухмыльнулся въ потемкахъ и съ шумомъ перевелъ духъ. Стукъ повторился еще настоятельнѣе и повелительнѣе, и послѣ того наступила зловѣщая тишина. Онъ услышалъ затѣмъ, какъ шаги снова спустились съ лѣстницы, перешли на улицу и слились съ шумомъ лондонской ночи. Онъ простоялъ послѣ того въ потемкахъ очень долго, какъ ему показалось, чувствуя, что лицо его дергаетъ и стараясь справиться съ своими нервами. Послѣ того вышелъ изъ квартиры, крадучись, и весь облился холоднымъ потомъ, когда уже пріотворилъ дверь, при мысли, что чуть было не захлопнулъ ее за собой. Это было бы убійственнымъ поступкомъ, потому что дать знать о своемъ присутствіи послѣ того какъ не откликнулся на такой гвалтъ у двери, значило бы безповоротно выдать себя. Онъ безшумно вложилъ ключъ въ дверь и, укрываясь отъ воображаемыхъ наблюдателей, тихонько потянулъ за собой дверь и медленно вынулъ ключъ изъ замка. Послѣ того онъ услышалъ шаги и кашель какъ разъ за спиной; онъ вздрогнулъ, повернулся и увидѣлъ блѣднаго, худенькаго человѣчка, который скребъ большимъ и указательнымъ пальцами свою выдающуюся нижнюю челюсть; этотъ человѣкъ поглядѣлъ на Бартера съ удивленной кротостью, точно впередъ просилъ прощенія за назойливость; отстранившись, онъ бочкомъ сталъ подниматься по лѣстницѣ и, еще разъ оглянувшись и кашлянувъ примирительно, исчезъ изъ виду.

Юный м-ръ Бартеръ, нервы котораго уже были разстроены этимъ маленькимъ эпизодомъ, пошелъ по людной улицѣ и смѣшался съ толпой, унося съ собой восемь тысячъ м-ра Бомани.

Пробродивъ нѣкоторое время, онъ нанялъ кэбъ и велѣлъ везти себя домой. Онъ былъ знатокомъ въ лошадяхъ или, по крайней мѣрѣ, хвалился этимъ, но на этотъ разъ случай, а не выборъ послалъ ему необыкновенно шуструю и прыткую извозчичью лошадь. Она доставила его къ дверямъ родительскаго дома въ Гарлей-Стритъ какъ разъ въ ту минуту, какъ м-ръ Бомани появился у нихъ, разыскивая его.

Между тѣмъ, хотя юный м-ръ Бартеръ и не разсчитывалъ такъ скоро встрѣтиться съ м-ромъ Бомани и хотя встрѣча была для него крайне непріятна, но онъ уже вышколилъ себя и приготовился къ этой встрѣчѣ и къ разспросамъ. Онъ только поблѣднѣлъ болѣе обыкновеннаго, когда въ третій разъ сегодня вечеромъ взялъ руку стариннаго пріятеля отца, и слегка дрожалъ, когда заговорилъ съ нимъ:

— Я ожидалъ васъ найти здѣсь,—сказалъ онъ.—Я видѣлъ, какъ вы были разстроены извѣстіемъ о болѣзни моего отца.

Дверь была растворена, и старомоднаго вида слуга готовился запереть ее вслѣдъ за уходившей фигурой Бомани, когда подъѣхалъ кэбъ и изъ него вышелъ его молодой господинъ.

— Чтò ему лучше или хуже?—и, задавая этотъ вопросъ, онъ положилъ обѣ руки на руку Бомани.

Престарѣлый слуга, который не имѣлъ основаній думать, что юный м-ръ Бартеръ особенно привязанъ къ отцу, былъ немного удивленъ такимъ проявленіемъ чувства со стороны молодого человѣка. Онъ притворилъ дверь за собой и спустился съ лѣстницы.

— Боюсь, м-ръ Джонъ,—промолвилъ онъ съ симпатіей,—что все кончено. Бѣдный джентльменъ такъ и не приходилъ въ себя, и докторъ полагаетъ, что онъ не дотянетъ до утра.

Юный м-ръ Бартеръ былъ очень сообразителенъ. Онъ понялъ, что старый слуга увидѣлъ, что у него разстроенное лицо, и перетолковалъ это по своему. Чтобы укрѣпить его въ этомъ толкованіи, онъ вынулъ носовой платокъ и застоналъ при этомъ печальномъ извѣстіи.

— Я...—началъ Бомани, заикаясь и съ трудомъ выговаривая слова:—я пріѣхалъ не затѣмъ, чтобы справиться о вашемъ отцѣ. —Сердце юнаго м-ра Бартера, хотя онъ и былъ готовъ къ этому отвѣту, забило тревогу.—Я потерялъ большую сумму денегъ. Я никуда не заѣзжалъ, кромѣ вашей конторы съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ дому, и потерялъ восемь тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Я увѣренъ, что забылъ у васъ.

— Не думаю, м-ръ Бомани,—сказалъ Бартеръ съ невиннымъ лицомъ.—Но отправимся вмѣстѣ и поищемъ, если угодно.

— Джонсонъ,—сказалъ юный Бартеръ, обращаясь къ престарѣлому слугѣ: — вы слышали, что̀ сказалъ м-ръ Бомани. Это очень важно и необходимо сейчасъ же удостовѣриться. Скажите матушкѣ, что я пріѣзжалъ домой, но былъ отозванъ по весьма важному дѣлу.

Бомани стоялъ, точно на него столбнякъ нашелъ, такъ что молодому человѣку пришлось взять его за руку, чтобы возбудить его вниманіе.

— Ѣдемъ, ѣдемъ, сэръ,—сказалъ онъ:—мы сейчасъ это разслѣдуемъ. Вы не должны оставаться въ неизвѣстности.

Они пошли по соломѣ, разостланной на мостовой передъ домомъ, и, сѣвъ въ кэбъ, проѣхали нѣсколько саженъ разстоянія въ гробовомъ молчаніи, а затѣмъ стукъ колесъ по мостовой мѣшалъ разговаривать, хотя Бомани время отъ времени выкрикивалъ свою увѣренность въ томъ, что банковые билеты оставлены въ конторѣ Бартера. Бартеръ выкрикивалъ о своей надеждѣ, что въ такомъ случаѣ они найдутъ ихъ тамъ.

— Я увѣренъ,—подтвердилъ Бомани, когда кэбъ остановился у дверей конторы,—что мы ихъ найдемъ тутъ.

Онъ высказалъ это такъ неувѣренно и съ такой дрожью въ голосѣ, что юный м-ръ Бартеръ нашелъ нужнымъ отвѣтить:

— О, мы должны ихъ найти!

Чирканье восковой спички у дверей въ квартиру, исканье ключа въ карманѣ, обычная возня съ ключомъ, который никакъ не хотѣлъ входить въ замокъ, отпертая, наконецъ, дверь и лихорадочная дрожь пальцевъ Бомани, его раскраснѣвшееся лицо — всѣ эти подробности долго, долго помнились юному Бартеру. Они вмѣстѣ вошли въ комнату, гдѣ происходило ихъ свиданіе, и Бартеръ воспользовался недогорѣвшей спичкой, чтобы зажечь газъ, и затѣмъ, бросивъ спичку на полъ, растопталъ ее ногой и поглядѣлъ на своего спутника.

— Гдѣ вы думаете, что оставили ваши банковые билеты?— спросилъ онъ.—У васъ есть на этотъ счетъ какія-нибудь опредѣленныя мысли? Вы, кажется, вынимали здѣсь какія-то бумаги? Вы желали посовѣтоваться съ отцомъ насчетъ этихъ бумагъ и, помнится мнѣ, положили ихъ обратно въ карманъ.

Бомани стоялъ и глядѣлъ на полъ, водя безтолково тростью взадъ и впередъ по полу, и только въ этотъ моментъ, видя, какъ смущена и растеряна его жертва, юный м-ръ Бартеръ почувствовалъ впервые радость отъ сознанія своей безопасности.

— Я ничего не вижу,—сказалъ онъ.

— Не запирали ли вы... не запирали ли какихъ-нибудь бу-
въ несгараемый шкафъ передъ уходомъ?—спросилъ Бомани.
Само собой разумѣется, что юный Бартеръ не запиралъ ни-
къ бумагъ, но нашелъ нужнымъ разыграть комедію.

— Да, — проговорилъ онъ съ притворной торопливостью,—
юе слово, запиралъ!

I, указавъ рукой на шкафъ, пригласилъ Бомани осмотрѣть
содержимое. Тамъ лежало нѣсколько дѣловыхъ бумагъ, нѣ-
ко свертковъ съ документами, перевязанныхъ краснымъ
комъ, но банковыхъ билетовъ не было.

— Знаете,—говорилъ Бомани съ безпомощнымъ смятеніемъ:
должно быть, оставилъ ихъ здѣсь, я не могъ нигдѣ больше
оставить. Я передалъ ихъ вамъ... не правда ли?

Бартеръ поглядѣлъ на него мрачно, съ приподнятыми бро-
Оттѣнокъ укоризны и порицанія выражался приподнятыми
ми и голосомъ.

— Вы видите, сэръ,—сказалъ онъ, размахивая бѣлыми ру-
—вы сами видите, что тутъ ничего нѣтъ.

Бомани подошелъ къ креслу и, усѣвшись въ него, заплакалъ.

— Я былъ честнымъ человѣкомъ всю жизнь, клянусь Богомъ!
ерь я не только разоренъ, но и буду сочтенъ воромъ!

нъ горько зарыдалъ послѣ этихъ словъ, закрывъ руками
Шляпа его упала и трость тоже съ шумомъ грохнулась
лъ. М-ръ Бартеръ поднялъ ихъ и, положивъ на столъ, гля-
на трясущіяся плечи и слушалъ жалобныя стенанія и слезы.
ое зрѣлище! конечно, жалкое, нечего и говорить, но юный
Бартеръ не видѣлъ возможности помочь бѣдѣ.

III.

днимъ холоднымъ весеннимъ вечеромъ солнечный закатъ
Лондономъ позлащалъ мрачныя темныя крыши и закопченыя
ъ трубы домовъ. Тѣни сгущались на восточной части неба,
складки тонкаго крепа были протянуты надъ прозрачнымъ
янистымъ свѣтомъ, какой солнце оставило за собой. Въ
изъ большихъ улицъ, раскидывавшейся и на востокъ, и
падъ, линія неба надъ домами была рѣзко очерчена и
рена разными цвѣтами, между тѣмъ какъ внизу на улицѣ
ся столбъ мрака. Двѣ параллельныхъ мрачныхъ стѣны под-
ись съ сумеречной земли и полумракъ звучалъ тысячью
борчивыхъ голосовъ. Гебль-Иннъ глядѣлъ во мракъ един-

ственнымъ газовымъ фонаремъ, точно одноглазый циклопъ. Онъ былъ старъ, когда поэтъ Чосеръ и кавалеры и дамы, воспѣтые имъ, были молоды; и его массивныя стѣны и внушительныя трубы имѣли степенный и невозмутимый видъ, свойственный преклоннымъ лѣтамъ. Онъ простоялъ тутъ уже слишкомъ семьсотъ лѣтъ, скрывая въ своихъ нѣдрахъ пропасть тайнъ. Онъ сурово живописенъ во всѣхъ своихъ деталяхъ, и каждая изъ его комнатъ является тріумфомъ тѣсноты, темноты и неудобства.

Темнота окутывала его стѣны, медленно поднимаясь снизу точно испаренія изъ мостовой. Сумрачная лѣстница гудѣла всякаго рода глухими отголосками. Слышались шаги и хлопанье дверей, и визгъ ключей въ заржавленныхъ замкахъ; и доносившіеся съ улицы крики различныхъ торговцевъ, заглушенные сырой атмосферой, казались замирающимъ эхо шаговъ по лѣстницѣ.

Свѣтъ виднѣлся въ окнахъ подвальнаго этажа и озарялъ различный легальный трудъ. Свѣтъ брезжился и на чердакахъ, повѣствуя объ одинокихъ занятіяхъ или шумныхъ пирушкахъ.

У одного изъ оконъ третьяго этажа виднѣлся одинокій наблюдатель. Этотъ наблюдатель, прохлаждавшійся у собственнаго окна, былъ м-ръ Филиппъ Бомани младшій, прозванный недавно „Пустынникомъ Геблъ-Инна“. Онъ былъ двадцати-восьмилѣтній, широкоплечій, мужественнаго вида человѣкъ съ кудрявыми каштановыми волосами и лицомъ, выражавшимъ настойчивость, добродушіе и много другихъ хорошихъ качествъ. Въ настоящую минуту онъ былъ немного утомленъ долгимъ днемъ успѣшнаго труда. Онъ наблюдалъ за поднимавшейся темнотой и прислушивался къ разнообразному шуму. Жилище человѣка всегда можетъ дать ключъ къ его характеру, и признаки натуры и цѣлей Филиппа Бомани были очевидны. Тутъ были симметрическіе ряды книгъ на полкахъ, по бокамъ камина. Аккуратная этажерка съ газетами занимала одинъ уголъ въ комнатѣ, а сверху красовалась пара фехтовальныхъ перчатокъ и рядомъ съ нею двѣ гимнастическихъ гири. Лампа съ абажуромъ стояла на столѣ посреди кипы бумагъ. Дуло большого охотничьяго ружья смутно сверкало на стѣнѣ, когда свѣтъ падалъ на него, и двѣ или три рапиры помѣщались ниже.

Онъ отвернулся отъ окна, зажегъ лампу и, повернувъ ее, направилъ свѣтъ на фотографическій портретъ и сталъ разглявать его съ видимымъ удовольствіемъ. То былъ портретъ хорошенькой дѣвушки, кротко-серьезной, но глядѣвшей такъ, какъ еслибы она могла быть и кротко-оживленной. Онъ долго глядѣлъ на портретъ и улыбался молодой дѣвушкѣ. Передъ портретомъ

стоялъ стаканъ съ водой и въ немъ букетъ оранжерейныхъ цвѣтовъ, единственное яркое пятно въ сумрачной комнатѣ. Онъ взялъ его въ руку и пошелъ въ спальню. Часы на одномъ изъ ближайшихъ городскихъ зданій пробили шесть, когда Филиппъ вошелъ въ свою спальню, и онъ прислушался къ бою часовъ, считая ударъ за ударомъ. Спальня была микроскопическимъ покоемъ со множествомъ угловъ, какъ вообще всѣ подобныя комнаты въ Лондонѣ; сама кровать была совершеннымъ тріумфомъ миніатюрности и, вдвинутая подъ покатую крышу и окруженная торчащими со всѣхъ сторонъ углами, требовала значительнаго гимнастическаго искусства отъ ея владѣльца, когда онъ желалъ лечь на постель или встать съ нея. Филиппъ поставилъ букетъ на окно, переодѣлся и вернулся назадъ въ гостиную. Тамъ онъ задулъ лампу и, выйдя изъ своей квартиры, побѣжалъ внизъ по извилистой лѣстницѣ. Когда онъ огибалъ послѣдній уголъ, отворилась съ шумомъ какая-то дверь, и въ слѣдующій моментъ онъ очутился въ объятіяхъ какого-то незнакомца, на котораго налетѣлъ съ разбѣга.

— Извините,—сказалъ онъ, переводя духъ,—я споткнулся.

— Именно,—отвѣчалъ незнакомецъ, тоже переводя духъ,—и чуть было не упали. Хорошо, что на пути вамъ попалось нѣчто мягкое.

Филиппъ разсыпался въ извиненіяхъ. Незнакомецъ, все еще запыхавшійся, но добродушно вѣжливый, просилъ его не безпокоиться. То былъ высокій молодой человѣкъ, и тоже широкоплечій, но немножко слишкомъ полный для своихъ лѣтъ. Лицо у него было гладко выбрито, съ здоровой блѣдностью, зубы бѣлѣйшіе и самая откровенная, привѣтливая и заразительная улыбка.

— Пожалуйста, не говорите больше объ этомъ, — отвѣчалъ онъ на усердныя извиненія Филиппа.—Вы не ушиблись, надѣюсь?

— Нѣтъ, благодарю; но я боюсь, что васъ ушибъ.

— Нисколько. Въ первую минуту вы меня оглушили; но теперь прошло. Лѣстница очень неудобная, въ особенности для людей, которые съ нею незнакомы.

— У меня нѣтъ даже этого извиненія,—сказалъ Филиппъ,—потому что я живу здѣсь.

— Въ самомъ дѣлѣ; значитъ, мы сосѣди и должны быть знакомы. Довольно безцеремонное представленіе, не правда ли?

Незнакомецъ проговорилъ это съ веселымъ смѣхомъ, показывая бѣлые зубы. Говоря, онъ разстегнулъ пальто и вынулъ

портфель съ визитными карточками, причемъ Филиппъ увидѣлъ, какъ сверкнула золотая запонка въ его рубашкѣ.

— Вотъ мое имя: Джонъ Бартеръ; а это моя контора.

На дубовой старинной двери стояла надпись, потускнѣвшая отъ времени: „Товарищество Фримантль и Бартеръ".

— У меня нѣтъ карточки,—сказалъ Филиппъ, беря карточку незнакомца.—Но меня зовутъ Бомани, Филиппъ Бомани.

Улыбающееся лицо м-ра Бартера не измѣнилось, хотя онъ слегка, но замѣтно вздрогнулъ при этомъ имени и повторилъ его.

— Вамъ знакомо это имя?—спросилъ Филиппъ.

Этотъ вопросъ прозвучалъ въ ушахъ его собесѣдника точно вызовъ.

— Это не совсѣмъ обыкновенное имя.

— Нѣтъ; это не совсѣмъ обыкновенное имя. Мнѣ кажется, я его раньше слышалъ.

Они находились въ настоящую минуту подъ воротами, гдѣ стоялъ краснолицый привратникъ въ красномъ жилетѣ и вдыхалъ вечернюю прохладу. Они отвѣтили прикосновеніемъ къ шляпѣ на его поклонъ.

— Вамъ въ какую сторону?—спросилъ м-ръ Бартеръ.

— Направо,—отвѣчалъ Филиппъ.

— Ну, а мнѣ налѣво,—сказалъ Бартеръ,—а потому мы здѣсь разстанемся. Но мы должны свидѣться въ непродолжительномъ времени. Прощайте.

— Прощайте и очень вамъ благодаренъ за то, что вы такъ снисходительно отнеслись къ моей неловкости.

Веселая улыбка снова заиграла на губахъ Бартера. Они пожали другъ другу руки на прощанье, какъ хорошіе знакомые, и Филиппъ пошелъ черезъ шумный Гольборнъ въ болѣе тихую Блумсбэри-Стритъ вдоль восточной стороны Бедфордъ-Сквера, гдѣ оголенныя деревья дрожали отъ туманнаго дўша, и повернулъ въ Гауэръ-Стритъ. Въ серединѣ этой отвратительной улицы онъ пришелъ къ дому, одному изъ немногихъ, сохранившихъ у дверей старинный мѣдный фонарь съ щипцами; онъ постучалъ въ дверь, и ему отворила опрятная горничная съ той улыбающейся услужливостью, какая изобличала частаго и желаннаго гостя, и провела въ гостиную, гдѣ сидѣла молодая дѣвушка, притворявшаяся, что углубилась въ чтеніе романа. Притворство было тотчасъ отброшено въ сторону, какъ только дверь затворилась за горничной, и молодая дѣвушка вскочила съ мѣста и бросилась на встрѣчу ему съ такой радостной улыбкой на лицѣ, какая могла сравняться только съ его собственной.

— Я уже думала, что ты совсѣмъ не придешь,—сказала она.

— Развѣ я такъ опоздалъ?

— Мнѣ такъ показалось. А теперь разсказывай, что̀ ты дѣлалъ.

— Работалъ и думалъ о тебѣ.

— Ты слишкомъ много работаешь, Филь. Ты похудѣлъ и поблѣднѣлъ. И не мудрено, когда ты сидишь по цѣлымъ днямъ взаперти въ своей сырой старой квартирѣ.

— Видишь ли, Патти: чѣмъ больше я буду работать, тѣмъ скорѣе перестану быть одинъ.

— Я бы желала помочь тебѣ, Филь. Я бы желала чѣмъ-нибудь отплатить тебѣ за то, чѣмъ ты для меня пожертвовалъ.

— Пустяки! мы давно уже условились больше не упоминать объ этомъ.

Онъ говорилъ по прежнему нѣжно, но съ нѣкоторой болью въ голосѣ, точно ему напомнили нѣчто очень тяжелое.

— Не могу не думать объ этомъ. Ты поступилъ такъ благородно, Филь.

— Еслибы я поступилъ иначе, то былъ бы негодяй. А теперь, чѣмъ скорѣе заработаю себѣ положеніе, тѣмъ скорѣе мы обвѣнчаемся.

Дѣвушкѣ хотѣлось бы сказать: зачѣмъ тебѣ работать, когда моего состоянія хватитъ на двоихъ? что̀ за дѣло, чьи деньги: твои или мои? Но она не сказала этого, потому что тысячи условныхъ приличій связываютъ языкъ женщины. Она часто должна хранить свои мысли про себя, хотя горитъ желаніемъ ихъ высказать. Филиппъ уплатилъ потерянныя деньги изъ материнскаго наслѣдства и этимъ обрекъ самого себя на бѣдность. Это было благородно. Но теперь онъ упрямо откладывалъ свадьбу и схоронился въ саркофагѣ Геблъ-Инна, рѣшивъ назвать Патти своей только тогда, когда поправитъ свое состояніе. Это тоже было благородно, если хотите, но она считала это неблагоразумнымъ донкихотствомъ.

Пока они болтали о разныхъ другихъ предметахъ, ихъ пришелъ звать ужинать отецъ Патти, плотный, веселый, пожилой джентльменъ, типичной британской наружности.

Онъ пожалъ руку Филиппу, погладилъ Патти по щекѣ и повелъ обоихъ въ столовую.

Ужинъ прошелъ весело и болтливо, а послѣ ужина, пока Броунъ дремалъ, влюбленные тихонько разговаривали, пока не наступило время разстаться.

На дворѣ туманъ смѣнился мелкимъ частымъ дождемъ и

рѣзкій вѣтеръ завывалъ на улицахъ и въ трубахъ. Филиппъ вышелъ на улицу, унося съ собой сладостное воспоминаніе о хорошенькомъ и добромъ личикѣ Патти. Прощальный поцѣлуй ея бархатныхъ губокъ еще горѣлъ у него на губахъ, и у него было такъ свѣтло и тепло на душѣ, что онъ могъ поспорить со всякимъ дождемъ и со всякимъ вѣтромъ, какіе когда-либо бушевали въ дымномъ Лондонѣ.

Дождь прогналъ прохожихъ съ улицъ и только по временамъ мелькала каска полицейскаго или виднѣлась какая-нибудь фигура, искавшая убѣжища подъ чьимъ-нибудь подъѣздомъ отъ проливного дождя. Филиппъ былъ такъ поглощенъ сладостными мечтаніями, что не слышалъ шаговъ человѣка, нагонявшаго его сзади. Но когда онъ обогнулъ улицу, чья-то рука схватилась за него.

Онъ обернулся, приготовясь къ оборонѣ, какъ это было вполнѣ естественно со стороны человѣка, котораго остановили такимъ образомъ и въ такое время, и увидѣлъ передъ собой неожиданную фигуру. Старикъ, одѣтый въ жалкое рубище, стоялъ, уставясь въ него неподвижнымъ взглядомъ и вытянувъ впередъ обѣ руки. Лохмотья его запрыгали и трепетали, когда припадокъ страшнаго кашля сталъ раздирать ему грудь. То было ужасное созданіе, съ мутными глазами, съ головой и усами грязнаго сѣдого цвѣта. Его длинные и безпорядочные волосы растрепались изъ-подъ грязнаго блина, увѣнчивавшаго его голову. Дождь струился у него по волосамъ и по бородѣ и такъ намочилъ его жалкое рубище, что оно плотно прилегло къ нему, точно перья у мокрой птицы. Онъ весь трясся и пыхтѣлъ, хваталъ воздухъ трясущимися руками, и сквозь дырявыя лохмотья при газовомъ свѣтѣ сквозило его тѣло.

Взглядъ удивленія и жалости, съ какимъ Филиппъ наклонился къ этому зловѣщему видѣнію, вдругъ перешелъ въ страхъ и ужасъ. Въ тотъ же моментъ, какъ эти чувства проснулись въ немъ, онѣ отразились у того на лицѣ. Человѣкъ сдѣлалъ попытку убѣжать, но Филиппъ схватилъ его за руку, и онъ не пытался сопротивляться и стоялъ весь дрожа.

— Вы здѣсь, въ Лондонѣ?

— Филь,—проговорило умоляющимъ голосомъ привидѣніе:—ради Бога помоги мнѣ! Я не зналъ, что это ты, когда погнался за тобой. Я думалъ...

Тутъ голосъ измѣнилъ ему.

— Вы дошли до этого?

— Да, Филь; вотъ до чего я дошелъ.

опять потрясъ его такъ, что онъ вынужденъ былъ
къ ставнямъ магазина, оказавшагося возлѣ.
къ вы вернулись сюда? развѣ вы съума сошли?
і. Да и что же мнѣ дѣлать? Я здѣсь такъ же безо-
и въ другомъ мѣстѣ. Кто узнаетъ меня? или если
ѣтъ, у кого поднимется рука на такое несчастное
къ я? Я уже нѣсколько недѣль какъ не спалъ въ
ь. Я ничего не ѣлъ уже три дня. Ради Бога! дай
денегъ... Я... я уѣду; я никогда тебя больше не

мъ вамъ все, что могу. Но вы должны уѣхать изъ

засунулъ руку въ карманъ и вытащилъ все, что въ
Онъ оставилъ себѣ ключи и немного мелочи, а все
далъ отцу. Старикъ взялъ деньги, бросивъ на сына
ный отчаянія и стыдливой благодарности, который
сердцу сына точно ножемъ.
я долженъ уѣхать?
хотите, только вонъ изъ Лондона. Вы здѣсь... не
'ѣзжайте. Пишите мнѣ вотъ сюда.
вложилъ въ грязную руку старика конвертъ, на
яло его имя и адресъ.
не должны приходить ко мнѣ. Обѣщайте мнѣ это.
даю,—сказалъ тотъ и, спрятавъ куда-то подъ лох-
и конвертъ, молча постоялъ съ минуту.—Я боюсь,
—что поступилъ очень безразсудно и очень...
юсъ опять измѣнилъ ему.
помоги вамъ!—проговорилъ Филиппъ дрожащимъ

пожать твою руку, Филь?—сказалъ старикъ.—Можно?
лъ протянутую руку.
пительно почувствовать въ рукѣ руку честнаго чело-
благослови тебя, Филь! Боже тебя благослови!
молча стоялъ, и старикъ, бросивъ другой пристыжен-
на сына, ушелъ. Сынъ слѣдилъ за нимъ минуту
атѣмъ повернулся и пошелъ своей дорогой, понуривъ

старшій, увидя гостепріимный фонарь трактира, на-
нему, нащупывая подъ лохмотьями деньги, которыя
нъ.
ните, м-ръ Бомани; съ вашего позволенія, сэръ.

Онъ вздрогнулъ при звукахъ голоса, который былъ такъ ему знакомъ.

— Я бы попросилъ васъ на пару словъ, сэръ, съ вашего позволенія.

IV.

Джемсъ Горнетъ меньше перемѣнился, чѣмъ его старый хозяинъ, но было очевидно, что онъ также переживалъ тяжелыя времена. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ знакомые звуки его голоса будили лишь неопредѣленныя воспоминанія въ умѣ Бомани, голова котораго шла кругомъ отъ долгой нищеты, голода, безсонныхъ ночей и потрясенія отъ неожиданной встрѣчи. Но когда онъ обернулся и увидѣлъ, какъ Горнетъ чесалъ свою выдающуюся нижнюю челюсть большимъ и указательнымъ пальцами, то этотъ жестъ и смиренная поза сразу оживили все въ его памяти. Сюртукъ у Горнета былъ разорванъ и руки торчали изъ продранныхъ рукавовъ, не обнаруживая однако бѣлья. Бомани было его и стыдно, и страшно, и только слабый отголосокъ прежняго самоуваженія и гордости мѣшалъ ему обратиться въ бѣгство.

— Вы не боитесь меня, сэръ? — спросилъ Джемсъ Горнетъ.

Онъ всегда улыбался, и теперь тоже. Улыбка была не чѣмъ инымъ какъ судорожнымъ сокращеніемъ мускуловъ лица, проводившимъ длинныя борозды на каждой щекѣ, но оставлявшимъ глаза мрачными. Это придавало ему сходство съ собакой, а въ позѣ его было нѣчто похожее на собачье хожденіе на заднихъ лапахъ, довершавшее сходство.

— Вы помните меня, сэръ? — спросилъ онъ, потому что Бомани такъ дико вытаращилъ на него глаза, что въ этомъ можно было усомниться.—Горнетъ, сэръ, Джемсъ Горнетъ. Вашъ вѣрный слуга, сэръ, въ продолженіе тридцати лѣтъ, сэръ.

Бомани глядѣлъ на него растерянно и ничего не говорилъ.

— Сначала это какъ бы и удивительно, сэръ, не правда ли? — продолжалъ Горнетъ съ неизмѣнной улыбкой.—Я самъ удивился, сэръ, когда узналъ васъ. Для васъ немножко опасно, м-ръ Бомани, сэръ, показываться здѣсь.

Оба вздрогнули и оба оглянулись при звукахъ этого имени.

— Тс!—сказалъ Бомани.—Не зовите меня по имени. Пойдемте отсюда.

Полисменъ проходилъ въ это время по улицѣ и, поравнявшись съ двумя оборванцами, зорко оглядѣлъ ихъ. Взглядъ подѣй-

ствовалъ на нихъ точно гальваническій токъ, и они побѣжали бы, еслибы посмѣли.

— Чтò вамъ нужно отъ меня? — спросилъ Бомани, когда полисменъ скрылся изъ вида и не могъ ихъ услышать; Горнетъ шелъ около него рядомъ, царапая пальцами подбородокъ и поглядывая на него неувѣренно и робко.

— Да что-жъ, сэръ,—отвѣчалъ онъ:—ваше паденіе было и моимъ паденіемъ, сэръ; предположимъ, сэръ... —и онъ прокашлялся въ руку, какъ бы желая заявить этимъ свое сожалѣніе о томъ, что вынужденъ коснуться темы непріятной для его собесѣдника:—предположимъ, сэръ, что я былъ вашимъ довѣреннымъ лицомъ. Я искалъ мѣста, но никто не хотѣлъ нанять меня. Юный м-ръ Уэзероль, сэръ, обѣщалъ лично поколотить меня, если я когда-либо покажусь ему снова на глаза.

Бомани простоналъ.

— Что вамъ нужно отъ меня?—повторилъ онъ.

Оба стояли въ эту минуту у дверей трактира и дождь, подгоняемый вѣтромъ, хлесталъ имъ въ спину.

— Я думалъ, сэръ... я въ очень большой нуждѣ, сэръ.

Собачья умильная усмѣшка не сходила съ лица.

— Я самъ выслѣживалъ м-ра Филя, сэръ, въ надеждѣ на его доброту, и хотѣлъ попросить у него бездѣлицу на хлѣбъ.

— Идемъ,—сказалъ Бомани, и Горнетъ поспѣшно принялъ приглашеніе; они вмѣстѣ вошли въ заведеніе. Въ комнатѣ пахло прогорклымъ масломъ, и годъ тому назадъ трактирное кушанье показалось бы для нихъ неаппетитнымъ даже на голодные зубы, но теперь Бомани торопливо заказалъ обѣдъ, и оба съ голоднымъ нетерпѣніемъ слѣдили за каждымъ движеніемъ слуги, не спѣша накрывавшаго на столъ и возбуждавшаго въ нихъ мученія Тантала.

— У меня есть свой собственный уголокъ, сэръ,—шепнулъ Горнетъ, когда первый приступъ голода былъ нѣсколько удовлетворенъ.—Онъ очень скромный, но вы могли бы провести тамъ ночь.

Бомани не отвѣчалъ, но оба встали, пошли опять по дождю и, остановившись, чтобы купить бутылку виски, направились въ Флитерсъ-Рентъ. Немногіе изъ тѣхъ тысячъ прохожихъ, которые ежедневно проходятъ тамъ, съумѣли бы вамъ сказать, что Флитерсъ-Рентъ не что иное какъ узкій темный проулокъ какъ разъ около Геблъ-Инна. Въ немъ сыро зимой, а лѣтомъ воздухъ наполненъ пылью, дымомъ и сумракомъ. Старый Иннъ презрительно касается его однимъ изъ своихъ угловъ, а по другую сторону поднимается съ наглостью выскочки колоссальный новый домъ.

Тутъ обитаютъ, разумѣется, бѣднѣйшіе люди, такъ какъ никакой пустынникъ и никакой мизантропъ, какъ бы онъ ни бѣгалъ отъ себѣ подобныхъ, не согласится скрываться въ этихъ сырыхъ стѣнахъ, пока можетъ истратить больше шиллинга въ день на квартиру и на столъ.

Горнетъ повелъ гостя по узкой и грязной лѣстницѣ на самый верхъ дома и тамъ толкнулъ сломанную дверь ногой; дверь, висѣвшая на одной петлѣ, отворилась, рѣзко царапнувъ по неровному полу. Гость стоялъ дрожа на порогѣ, пока Горнетъ не зажегъ спичку. При этомъ невѣрномъ освѣщеніи они вошли въ комнату. Горнетъ зажегъ свѣчу. Въ комнатѣ былъ крохотный камелекъ, на грубой рѣшеткѣ котораго лежало нѣсколько щепокъ и горсть угля. Горнетъ поднесъ спичку къ этому запасу топлива, и когда пламя показалось, оба они стали на колѣни передъ огнемъ, кашляя отъ дыма, и стали грѣть окоченѣлыя руки. Бомани вытащилъ бутылку изъ кармана, скрытаго подъ его безчисленными лохмотьями, и отпилъ. Горнетъ съ жадностью слѣдилъ за нимъ, невольно протягивая руки. Когда они по очереди напились, то опять стали грѣть у огня руки, исподтишка поглядывая другъ на друга и конфузясь, когда встрѣчались взглядами. Бомани страшно постарѣлъ въ годъ своей скитальческой жизни, и Горнетъ, который такъ долго пилъ за здоровье своего принципала въ день его рожденія, что отлично зналъ, сколько ему лѣтъ, съ трудомъ могъ повѣрить, что страшному привидѣнію, стоявшему рядомъ съ нимъ на колѣняхъ, было не болѣе пятидесяти лѣтъ.

Одинъ вопросъ занималъ умъ Горнета. Какъ могло случиться,—говорилъ онъ самому себѣ,—чтобы въ продолженіе одного какого-нибудь года человѣкъ, утаившій по малой мѣрѣ восемь тысячъ фунтовъ стерлинговъ, дошелъ до такой крайней нищеты? Восемь тысячъ фунтовъ—если даже не пускать ихъ въ оборотъ—дадутъ возможность царски пожить человѣку, не обремененному семействомъ, лѣтъ съ десятокъ. Горнетъ жаждалъ удовлетворить свое любопытство относительно этого пункта, но боялся спросить объ этомъ. Онъ ломалъ голову, какъ бы подобраться къ этому вопросу издалека, и, наконецъ, брякнулъ:

— Кажется, деньги не долго продержались у васъ, сэръ?

— Деньги! — закричалъ Бомани, яростно поворачиваясь къ нему:—какія деньги?

Горнетъ отодвинулся на колѣняхъ, не переставая скрести подбородокъ пальцами и улыбаться по-собачьи.

— Развѣ вы думаете, — страстно спросилъ старикъ,—что я увезъ съ собой хоть одно пенни?

Горнетъ боялся встать. Во взглядахъ того выражалось столько янія и бѣшенства, что онъ могъ только прикурнуть на полу, опаской отодвигаясь отъ Бомани.

— Неужели вы думаете, что я взялъ восемь тысячъ фунтовъ? роговорилъ Бомани трепещущимъ отъ презрѣнія голосомъ.

Онъ никогда въ жизни ни о чемъ такъ горько не сожалѣлъ, о томъ, что противился этому искушенію. Каково это! пре-ѣть весь стыдъ и позоръ, подвергнуться всѣмъ терзаніямъ личеннаго вора, стать нищимъ и гонимымъ, и все это отъ что онъ воспротивился соблазну! Легко человѣку, котораго оятельства удерживаютъ на пути чести, считать себя выше азна. Но нищета имѣетъ свойство сказочнаго копья, но только воротъ. Подобно тому какъ это копье, касаясь звѣря, пре-цало его въ существо высшаго разума, такъ нищета, коснув- непроницаемой, повидимому, брони честности, обращаетъ ее юхмотья, оставляя бѣднаго звѣря беззащитнымъ передъ соб-нными природными низкими инстинктами. Бѣдный Бомани а сходилъ, что не сдѣлалъ того, въ чемъ его обвиняли, хотя растно оборонялся отъ обвиненія.

— Когда вы знали меня за мошенника, Джемсъ Горнетъ? — силъ онъ съ такимъ видомъ и голосомъ, которымъ страсть дала нѣчто въ родѣ чувства собственнаго достоинства.—Когда видѣли, чтобы я хоть на одинъ фартингъ обманулъ человѣка?

— Никогда, сэръ,—отвѣчалъ Горнетъ, ни минуты не сомнѣ-ь въ умѣ, что Бомани преступенъ.—Но...

— Но что?—закричалъ Бомани.—Мой родной сынъ, моя плоть ровь, не хотѣлъ пожать мнѣ руки. Мой клеркъ — я вытянулъ изъ грязи .. *вы* знаете это, Горнетъ! я вытянулъ васъ изъ и и сдѣлалъ васъ человѣкомъ и осыпалъ милостями. Никто минуты не вѣрилъ въ меня... никто не подумалъ о несчастіи случайности. Я былъ правъ, что убѣжалъ и спрятался, потому никто бы мнѣ не повѣрилъ, еслибы я остался и сказалъ правду.

Горнетъ казался испуганнѣе, чѣмъ когда-либо при этомъ взрывѣ а; но Бомани читалъ недовѣріе на его лицѣ, и это усиливало ярость.

— Какая нужда мнѣ говорить вамъ неправду?.. Предполо-ь, что я бы заставилъ васъ повѣрить себѣ, развѣ я такъ ъ, чтобы думать, что ваше состраданіе снова поставитъ меня ноги?

Онъ отвернулся, трясясь отъ ярости и гнѣва, а Горнетъ, въ, забился въ уголъ комнаты. Бомани въ своихъ жалкихъ танныхъ сапогахъ сталъ ходить по комнатѣ.

— Что же сталось съ деньгами, сэръ? — спросилъ клеркъ трепещущимъ голосомъ.

— Я потерялъ ихъ, — отвѣчалъ Бомани. — Я потерялъ ихъ, Богъ вѣсть какъ и гдѣ. Я сто разъ думалъ, — прибавилъ онъ сквозь зубы, — что этотъ юный Бартеръ укралъ ихъ.

— Юный Бартеръ, сэръ? — переспросилъ Горнетъ.

Тутъ Бомани разсказалъ все, что̀ зналъ о своей потерѣ, и при этомъ разсказѣ Горнетъ вздрогнулъ и ступилъ впередъ. Онъ помнилъ этотъ вечеръ очень хорошо... у него были свои причины помнить о немъ. Въ этотъ вечеръ онъ приходилъ въ Гебль-Иннъ за товарищемъ клеркомъ, чтобы идти вмѣстѣ съ нимъ въ театръ, и видѣлъ, какъ юный м-ръ Бартеръ выходилъ изъ своей квартиры, крадучись, точно воръ. Его это обстоятельство поразило и въ то время, но затѣмъ онъ забылъ о немъ, какъ забываетъ человѣкъ тысячи вещей, не касающихся его лично. Но теперь ему отчетливо припомнилось лицо юнаго м-ра Бартера съ удивительнымъ выраженіемъ, которое онъ тогда и подмѣтилъ. Теперь онъ понималъ это выраженіе.

— Не можете ли сказать мнѣ, сэръ, съ точностью, въ которомъ часу вы ушли изъ конторы м-ра Бартера?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Бомани, вдругъ почувствовавъ утомленіе и апатію послѣ страстнаго взрыва чувствъ, — не знаю. Это было послѣ того уже, какъ дѣловыя конторы закрываются. Было уже темно; онъ долженъ былъ зажечь газъ. Что̀ изъ этого, еслибы я и помнилъ, въ которомъ часу ушелъ отъ Бартера? Какой былъ бы въ этомъ толкъ?

— Видите ли, сэръ, я самъ отлично помню этотъ вечеръ. Въ этотъ самый вечеръ я приходилъ въ Гебль-Иннъ, сэръ, къ знакомому. Если юный м-ръ Бартеръ нашелъ банковые билеты, то ему нежелательно было снова увидѣть васъ и онъ бы не отозвался на вашъ стукъ, еслибы даже и услышалъ его.

— Каждый дуракъ пойметъ это, — грубо отвѣчалъ Бомани: — что̀ вы хотите сказать?

— Я замѣтилъ, сэръ, — продолжалъ Горнетъ съ удвоеннымъ смущеніемъ, точно извинялся въ чемъ-то, — что юный м-ръ Бартеръ — джентльменъ развязный, голосистый и не привыкъ стѣсняться. Онъ говоритъ громко и весело, и хлопаетъ дверями, когда ходитъ.

— Ну? — спросилъ Бомани, котораго всѣ эти предисловія раздражали: — что же дальше?

Онъ догадывался, что его бывшій клеркъ говоритъ это не спроста, и слушалъ его съ возрастающимъ нетерпѣніемъ.

— Онъ выходилъ въ ту ночь изъ своей квартиры крадучись,

кохъ, сэръ. Я былъ на лѣстницѣ въ ту минуту, какъ онъ рялъ за собой дверь, и видѣлъ, что онъ старается притво-ее какъ можно тише, чтобы не было слышно. Должно быть, чаянно выдалъ свое присутствіе, потому что онъ вдругъ улся на меня... Я какъ теперь его вижу!—закричалъ Гор-съ убѣжденіемъ,—онъ былъ блѣденъ какъ смерть и весь трусился. Да-съ, сэръ, вижу какъ теперь: блѣденъ какъ ъ и весь перетрусился.

Ромами схватилъ его за руку.

— Вы помните, въ которомъ часу я вышелъ изъ конторы? омните, въ которомъ часу вы вышли изъ нея?

— Почти вслѣдъ за вами, сэръ. Но вы ѣхали, сэръ, а я пѣшкомъ. Я остановился по дорогѣ и поговорилъ съ прія-ъ; я выпилъ рюмочку, сэръ, для куражу. Я отправлялся тотъ вечеръ въ театръ, сэръ.

Ромами выпустилъ его руку и, снова опустясь передъ огнемъ, грѣть руки и глядѣть въ огонь.

— Банковые билеты были стофунтовые, Джемсъ, — сказалъ послѣ минутнаго молчанія. — О пропажѣ ихъ дано знать у и нумера ихъ перечислены. Я знаю это, потому что ъ объявленіе. Не легко будетъ ихъ сбыть.

— Есть много для этого путей, сэръ. Сбыть ихъ можно, олько съ большой потерей, конечно, и не сразу.

— Слышали вы, чтобы они были въ обращеніи?

— Мнѣ не было случая что-либо слышать, сэръ,—отвѣчалъ ъ мрачно,—но,—прибавилъ онъ, искоса поглядывая на своего наго хозяина,—еслибы я могъ только прилично одѣться, то бы навести справки. Я увѣренъ, сэръ, что развѣдалъ бы этомъ.

— Мой сынъ считаетъ меня виновнымъ, какъ и всѣ осталь-—сказалъ старикъ, стеная, дрожа и кашляя по прежнему. - могъ бы помочь мнѣ, но не хочетъ. У него много денегъ. бы я былъ мошенникъ, Джемсъ Горнетъ, то могъ бы без-но для себя ограбить свою плоть и кровь. Мошенникъ такъ сдѣлалъ. Я былъ единственнымъ опекуномъ и могъ бы ую минуту однимъ почеркомъ пера присвоить себѣ девять чъ.

— М-ръ Филь, сэръ? У м-ра Филя нѣтъ денегъ.

— Почему?—и старикъ вытаращилъ на него водянистые ь.

— Онъ уплатилъ м-ру Броуну всѣ восемь тысячъ полностью, а остальныя раздѣлилъ между всѣми кредиторами.

Бомани отвернулся къ огню. Извѣстіе, повидимому, не произвело на него никакого впечатлѣнія, но онъ былъ тѣмъ не менѣе глубоко взволнованъ имъ въ душѣ. Сознаніе высокой честности сына наполнило-было его гордостью, но затѣмъ онъ съ горечью подумалъ, что его личное несчастіе отразилось и на сынѣ. Потеря была двойная. Она обезчестила и погубила его, и лишила сына материнскаго наслѣдства.

— Горнетъ!—сказалъ онъ.—Джемсъ Горнетъ!

— Что прикажете, сэръ?

— Меня воспитывали въ духѣ христіанской вѣры. Я во всю жизнь не сдѣлалъ ни одного безчестнаго поступка. Я боялся Бога и ходилъ аккуратно въ церковь. Я отрекаюсь отъ всего этого. Не вѣрю больше въ Бога. Не вѣрю больше религіи. Не вѣрю въ то, что нужно быть честнымъ. Здѣшній свѣтъ—подлый свѣтъ, Горнетъ, и, по моему мнѣнію, сатана правитъ имъ.

— О, сэръ!—вскричалъ Горнетъ,—не говорите такъ, сэръ. Извините меня за вольность, сэръ, но я не могу стоять и слушать такихъ рѣчей. Право, не могу, сэръ. Я въ жизнь свою не сказалъ вамъ непочтительнаго слова, м-ръ Бомани, но право же долженъ высказаться теперь, сэръ. Такъ говорить, какъ вы говорите, сэръ, непорядочно.

Послѣ этого наступило продолжительное молчаніе, и Бомани снова прибѣгнулъ къ бутылкѣ, а затѣмъ молча передалъ ее Горнету, не глядя на него.

— Филя можно было бы убѣдить повѣрить мнѣ,—пробормоталъ онъ.—Онъ самъ честный человѣкъ, Джемсъ, очень честный и благородный человѣкъ. Дай-ка я погляжу, гдѣ онъ живетъ. Онъ далъ мнѣ свой адресъ.

— Его адресъ, сэръ? Да вы можете чуть не рукой достать его, сэръ. Онъ живетъ въ этомъ домѣ. Вотъ его окно и въ немъ свѣтъ.

Бомани подошелъ къ окну и поглядѣлъ въ томъ направленіи, какъ указывалъ Горнетъ.

Тамъ было окно нѣсколькими футами выше того, у котораго онъ стоялъ, и полускрытое отъ взглядовъ каменнымъ парапетомъ. Какая-то тѣнь заслоняла свѣтъ и двигалась по потолку, видимому снизу.

— Я видѣлъ его тамъ сегодня вечеромъ, сэръ,—сказалъ Горнетъ.—Я видѣлъ его лицо у окна. Онъ поставилъ на него стаканъ съ цвѣтами. Это его тѣнь двигается.

— Филь!—простоналъ несчастный отецъ, протягивая худыя, грязныя руки.—Филь!

— Я не въ такомъ видѣ, сэръ, чтобы явитьс
джентльмену, какъ м-ръ Филь; да и вы тоже, сэ
за смѣлость. Но если вы поручите мнѣ это, сэръ,
къ нему, изложу все дѣло, и онъ придетъ и повидает
сэръ, чтò будетъ по крайней мѣрѣ отрадно для
тельскаго сердца,—прибавилъ онъ, тронутый слеза
старика.

Бомани стоялъ молча, глядя вверхъ. Движущаяс
на потолокъ громаднымъ силуэтомъ, отчетливо види
нія не было, что это милая голова Филя отбрасыва
хотя самъ онъ оставался невиднымъ и такъ далеко,
близко. Слабое сердце отверженника горько ныло, и
гивалъ безсознательно руки къ тѣни.

— Попытаться, сэръ? попытаться мнѣ побывать з
у м-ра Филя?

— Да, ступайте къ нему, Джемсъ,—отвѣчалъ
дая уже по настоящему:—можетъ быть... можетъ бı
и повѣритъ.

V.

Когда юный м-ръ Бартеръ давалъ себѣ трудъ
по многимъ причинамъ чувствовалъ себя неловко.
для правильнаго хода этой исторіи вернуться немн
посмотрѣть, чтò дѣлалъ м-ръ Бартеръ на другой
совершенія преступленія. Молодой человѣкъ чувств
можетъ позволить себѣ откровенное обсужденіе сво
да и избѣгалъ называть его по имени.

Восемь тысячъ фунтовъ такая сумма, что больш
показалась бы соблазнительной. Юный м-ръ Барте
нашелъ бы ее соблазнительной въ преступномъ
еслибы онъ принялъ во вниманіе только свой взгл
то во всякомъ случаѣ позавидовалъ бы человѣку, рас
безъ помѣхи такою суммой), еслибы не былъ какъ
самый моментъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельст
стые, но красивые пальцы м-ра Бартера слишкомъ у
щались съ картами. Эти пальцы были особенно лов
и казались даже какъ-то излишне развязными, ког
мался любимымъ своимъ занятіемъ. Опытные люди
шимъ вниманіемъ слѣдили при этомъ за его рукам
и пріятныя манеры м-ра Бартера и его веселая ул

вавшая безупречные зубы, казались самыми добродушными для довѣрчивыхъ людей. Даже не особенно довѣрчивые, прислушиваясь къ его безпечному, ясному смѣху и видя, какъ трясутся его плечи отъ удовольствія, склонны были видѣть въ немъ честнаго, откровеннаго малаго. Его громкій голосъ, откровенный, раскатистый смѣхъ, жаркая манера пожимать и трясти руку знакомымъ, кладя другую имъ на плечо, и эта сіяющая, неизмѣнная улыбка не только обезоруживали подозрѣніе, но дѣлали его просто нелѣпымъ. Но юный м-ръ Бартеръ привыкъ водиться съ людьми, которыхъ опытъ сдѣлалъ наблюдательными, и этимъ послѣднимъ его ловкіе, красивые пальцы, съ помощью которыхъ онъ распоряжался орудіями, употребляемыми въ игрѣ, казалось, оправдывали неизмѣнное и зоркое вниманіе. Пальцы обращались съ картами такъ нѣжно, точно любили ихъ, точно съ колыбели привыкли держать ихъ въ рукахъ. Кончики пальцевъ заворачивались кверху, а ногти загибались книзу: осязаніе, очевидно, было развито въ высшей степени; руки явно принадлежали игроку,—въ этомъ нельзя было ошибиться.

Главная причина огорченій молодого человѣка можетъ быть легко и кратко изложена. Пачка, оброненная у него злополучнымъ Бомани, состояла, какъ намъ извѣстно, изъ стофунтовыхъ банковыхъ билетовъ. Такіе билеты хотя и представляютъ значительную сумму, но легко размѣниваются во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра, когда пріобрѣтены честнымъ способомъ, и только съ величайшимъ рискомъ и огромной потерей, когда пріобрѣтены безчестно. Билетъ въ пять фунтовъ можетъ пройти черезъ десятки рукъ прежде, нежели банкъ секвеструетъ его. Десятифунтовые уже труднѣе сбываются въ такихъ случаяхъ, какъ вамъ скажутъ опытные люди. Двадцатифунтовые зорко сторожатся. Пятидесятифунтовые положительно опасно пускать въ ходъ, когда они пріобрѣтены темнымъ путемъ. Сотенные же, иначе какъ по истеченіи очень значительнаго времени, пустить въ ходъ рѣшительно невозможно; а что касается тысячафунтоваго билета, то человѣку также почти легко украсть бѣлаго слона, какъ и такой билетъ, кромѣ того развѣ, что ему ничего не будетъ стоить держать его при себѣ, если вы считаете ни за что трепетъ душевный и нервный—что̀, конечно, не бездѣлица,—въ которомъ неизбѣжно живетъ человѣкъ, присвоившій себѣ чужую собственность.

Итакъ, м-ръ Бартеръ, имѣя въ рукахъ восемь тысячъ фунтовъ стерлинговъ наличными деньгами, подлежалъ, еслибы былъ открытъ, каторжной работѣ и не могъ истратить ни единаго

фартинга изъ безчестно пріобрѣтенныхъ имъ ден
часно доказываетъ, что на свѣтѣ есть много лю
мало дорожатъ самоуваженіемъ, что готовы про
лингъ, за рюмку водки, за слово. Но врядъ л
потерянный человѣкъ, который пожертвуетъ са
ромъ. Ну, вотъ эту самую нелѣпую сдѣлку юн
и совершилъ, когда успѣлъ обдумать дѣло.

Онъ никогда не любилъ особенно чтенія;
посвящалъ иного рода занятіямъ, которыя нах
влекательными, нежели мирныя литературныя
Однако ему смутно припоминалась одна старин
рую, быть можетъ, разсказала ему нянюшка,
ребенкомъ, или же онъ прочиталъ ее въ шко
но въ ней разсказывалось про человѣка, котор
шимъ сундукомъ съ деньгами, пошелъ однажды
и нашелъ, что его казна превратилась въ сух
такое превращеніе совершилось и съ восемью т
когда они выпали изъ рукъ человѣка, который
изъ нихъ честное употребленіе. Нельзя было вв
сохшіе листья въ звонкое золото, но какъ ни
для него теперь эти клочки бумаги, они все ж
скрытое могущество, и въ рукахъ честнаго чел
раго негодяя могли бы превратиться въ золоту
щества и власти. Но онъ не былъ ни этимъ
комъ, ни тѣмъ храбрымъ негодяемъ, и деньги э
въ нѣкоторомъ родѣ дьявольски-соблазнительным
не пробыли у него въ рукахъ и двухъ недѣл
разъ собирался сжечь ихъ просто изъ злости, ч
воспользоваться.

Онъ слышалъ, конечно, о бѣгствѣ Бомани
стариннаго торговаго дома. Люди много толков
первое время, и самъ онъ слушалъ и принимал
ображеніяхъ о томъ, куда могъ уѣхать Бомани
бами ему всего выгоднѣе сбыть съ рукъ эти ден
было нѣсколько тяжело для его нервовъ. Разъ Б
позору и обратился въ бѣгство, ничто не ука
юнаго м-ра Бартера съ потерей восьми тысячъ
не менѣе нужна была храбрость и извѣстная
чтобы самому разговаривать объ этомъ дѣлѣ.
хранитъ совсѣмъ невинный секретъ, то все-так
какъ извѣстно почти каждому, что случайныя сло
чаянные взгляды кажутся ему намеками на ег

тогда, когда открытіе тайны грозитъ стыдомъ и каторжной работой? Можетъ ли быть истинно храбрый человѣкъ воромъ? не храбрость ли лежитъ въ основѣ всякой мужественной чести, всякой здравой честности, всякаго истиннаго самоуваженія? Между ворами существуетъ большая разница въ темпераментахъ, безъ сомнѣнія, какъ и между всякими другими людьми, но главный тонъ всѣхъ мыслей безчестнаго человѣка—это страхъ.

Мы уже знаемъ, что молодой человѣкъ былъ игрокомъ. Онъ былъ членомъ одного изъ тѣхъ клубовъ, которые являются однимъ изъ благодѣяній новѣйшаго общества,—куда люди приходятъ не для бесѣды, и не для того, чтобы пообѣдать, и не по одной изъ тѣхъ обычныхъ и скромныхъ причинъ, которыя привлекаютъ людей въ клубы, но просто и единственно для того, чтобы выигрывать другъ у друга деньги. То была мошенническая компанія на акціяхъ, къ которой принадлежалъ юный м-ръ Бартеръ. Отъ поры до времени попадался новичокъ, приходившій съ туго набитымъ кошелькомъ и уходившій налегкѣ. Единственнымъ преимуществомъ такихъ корпорацій является то, что онѣ собираютъ въ одинъ центръ хищныхъ птицъ, которыя въ противномъ случаѣ разбойничали бы въ разныхъ мѣстахъ.

Курьезенъ былъ контингентъ этого клуба: члены его набирались въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества: два или три титулованныхъ лица, двое или трое представителей высшаго торговаго міра, согласились по какой-то непостижимой причинѣ удостоить своей подписью красиво переплетенный томикъ съ правилами, которыми руководятся въ такихъ корпораціяхъ или которыя, вѣрнѣе сказать, придуманы для отвода глазъ. М-ръ Бартеръ сходился тамъ за зеленымъ столомъ съ молодыми людьми—очень, правда, молодыми, которые со временемъ должны были носить титулъ или владѣть большими помѣстьями. Онъ встрѣчалъ тамъ также людей своего сорта, довольныхъ, что принадлежатъ къ тому же клубному обществу, какъ и люди, извѣстные на скаковомъ гипподромѣ или посѣщающіе раззолоченные великосвѣтскіе салоны. Онъ неустанно хвастался своимъ клубомъ и публикой, какую онъ тамъ встрѣчаетъ. Всю свою частную корреспонденцію онъ велъ изъ него и бо̀льшую часть времени проводилъ въ немъ.

Къ тому времени, какъ катастрофа постигла безразсуднаго и малодушнаго Бомани, юный Бартеръ проигралъ членскимъ собратьямъ больше, чѣмъ былъ въ состояніи заплатить. Законъ—необходимая принадлежность всякаго человѣческаго общества. Даже шайка разбойниковъ не можетъ обходиться безъ него. На долги внѣ клуба члены смотрѣли, конечно, сквозь пальцы, но

долгъ члену клуба былъ по-истинѣ жерновъ осель
человѣка, и онъ неизбѣжно долженъ былъ пойти к

Главнымъ кредиторомъ молодого человѣка былъ
бергъ, джентльменъ, повидимому, пользовавшійся б
досугомъ, хотя нѣкоторые изъ членовъ сообщали, чт
въ Гаттонъ-Гарденѣ и считается тамъ болѣе или
ромъ. Онъ часто приносилъ съ собой въ карман
довольно дорогихъ каменьевъ и показывалъ ихъ с
кимъ пріятелямъ съ безпечностью человѣка, прив
щаться съ дорогими вещами. Онъ никогда не нужд
гахъ, отлучался иногда изъ Лондона на день или на
ровно не занимался, кромѣ игры въ карты.

Юный Бартеръ былъ очень высокаго мнѣнія
ловкости этого джентльмена. Онъ не особенно в
честность и считалъ его—вполнѣ основательно, к
послѣдствія—знакомымъ со всѣми тайнами новѣйш
ства. Юный Бартеръ, встрѣтивъ его разъ вечеромъ
то время, какъ исчезновеніе Бомани составляло
всеобщихъ разговоровъ, заговорилъ объ этомъ тон
знатока.

— Послушайте-ка, Штейнбергъ,—сказалъ онъ
тымъ и привѣтливымъ тономъ, — предположимъ, чт
рили эти билеты, что̀ бы вы сдѣлали съ ними?

Быть можетъ, м-ръ Штейнбергъ разсердился за
вопроса. Какъ бы то ни было, а только онъ отвѣ
язвительно:

— Предположимъ лучше, что вы подтибрили и

При этомъ случайномъ уколѣ юный Бартеръ
покраснѣлъ, и съ трудомъ принялъ обычный весел
щійся видъ.

— Чортъ побери!—сказалъ онъ:—какъ можете
это въ такомъ смыслѣ! Но,—прибавилъ онъ съ пол
храбростью,—предположимъ, что вы, ну или я, и
вообще укралъ эти билеты... что̀ бы онъ съ н
Вы, я или кто другой?

М-ръ Штейнбергъ попивалъ лимонадъ—онъ пи
хладительный напитокъ круглый годъ и ничего дру
пока не кончалъ играть въ карты—и, попыхивая
гары и глядя юному Бартеру прямо въ лицо, з
баясь, головой, съ странной смѣсью юмора и ви

— Пошлите его ко мнѣ,—сказалъ онъ удивитель
и я научу его, какъ поступать.

— Но вѣдь это опасно?—отвѣчалъ Бартеръ, выказывая бѣлые зубы нѣсколько принужденно и растерянно.

— Все опасно для осла,—замѣтилъ Штейнбергъ.

— Вотъ не подумалъ бы, что это по вашей части!—засмѣялся Бартеръ.

Онъ старался говорить шутливо, но самъ сознавалъ, что смѣхъ его принужденный и что голосъ, которымъ онъ все это говоритъ, неестественный, и отъ души пожалѣлъ, что заговорилъ на эту тему.

— Почему бы и нѣтъ?—отвѣтилъ Штейнбергъ.

Онъ прихлебывалъ лимонадъ и пускалъ кольца дыма одно за другимъ съ привычной ловкостью, не спуская блестящихъ нѣмецко-еврейскихъ глазокъ съ Бартера. Быть можетъ, онъ хотѣлъ что-то выразить этимъ взглядомъ, а быть можетъ и нѣтъ. И юный Бартеръ все болѣе и болѣе сожалѣлъ, что затронулъ этотъ вопросъ при Штейнбергѣ. До этой поры онъ чувствовалъ себя достаточно несчастливымъ, но послѣ того деньги эти стали для него невыносимымъ бременемъ. Онъ часто встрѣчалъ Штейнберга и принуждалъ себя къ шумной веселости въ его присутствіи. Изъ боязни показаться унылымъ и подавленнымъ, онъ говорилъ о своемъ покойномъ отцѣ такія вещи, которыя лучше было бы не говорить, и ему казалось, что Штейнбергъ зорко наблюдаетъ за нимъ.

Юный Бартеръ умасливалъ своего кредитора обѣщаніями. Онъ увѣрялъ, что долженъ получить вскорѣ большую сумму денегъ. Это казалось довольно вѣроятнымъ, и Штейнбергъ нѣкоторое время терпѣливо ждалъ. Но постепенно онъ терялъ терпѣніе и настоятельно сталъ заявлять, что болѣе ждать не намѣренъ. Разъ вечеромъ, когда несчастный негодяй игралъ отчаяннѣе обыкновеннаго и вновь проигралъ очень много, Штейнбергъ послѣдовалъ за нимъ по выходѣ изъ клуба. Было поздно и улица была совсѣмъ пуста.

— Неладно дѣло, Бартеръ,—сказалъ Штейнбергъ, хлопая его по плечу, когда они шли рядомъ.

— Самъ знаю, что неладно,—отвѣчалъ тотъ какъ можно безпечнѣе.

— Знаете, что̀ я вамъ скажу,—объявилъ Штейнбергъ, пыхтя своей вѣчной сигарой и уставляясь глазами прямо въ лицо Бартера, освѣщенное фонаремъ, около котораго они въ этотъ моментъ проходили.—Знаете, что̀ вамъ слѣдуетъ сдѣлать? найти человѣка, который знаетъ м-ра Бомани.

Потрясеніе, причиненное Бартеру этими неожиданными сло-, можно сравнить съ внутреннимъ землетрясеніемъ.

— Что... что вы хотите сказать?—пролепеталъ онъ.

— Вамъ необходимо это сдѣлать,—спокойно проговорилъ йнбергъ.

— На что вы намекаете?—заикался Бартеръ, но его спут-, болѣе опытный и хладнокровный негодяй, презрительно пере-его:

— Вы знаете, гдѣ эти деньги,—сказалъ онъ:—почему вы не воспользуетесь?

VI.

Эколо полудня слѣдующаго дня м-ръ Штейнбергъ, сидя у дома въ Гаттонъ-Гарденѣ, нисколько не удивился, когда чикъ, котораго онъ держалъ, чтобы отпирать дверь и впу-ь посѣтителей, подалъ ему карточку, на которой стояло: „М-ръ нъ Бартеръ младшій".

— Просите,—сказалъ м-ръ Штейнбергъ, и юный м-ръ Бар-, услышавъ это изъ сосѣдней комнаты, вошелъ блѣдный и ужденный. Торговецъ брильянтами отослалъ мальчика.

— Ну, въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ, поворачивая сигару зубахъ.

— Я пришелъ поговорить о томъ дѣльцѣ, про которое мы овали вчера вечеромъ.

— О томъ дѣльцѣ, про которое мы толковали вчера вече-? – лѣниво проговорилъ Штейнбергъ, глядя на него изъ-за опущенныхъ вѣкъ.—Это про тѣ сто фунтовъ, что вы мнѣ ны?

— Да, и про нихъ, но только потомъ,—засмѣялся преры-мъ, трусливымъ смѣхомъ Бартеръ, — а сначала про то, дру-дѣльце.

— Другое дѣльце?—проговорилъ Штейнбергъ еще лѣнивѣе.—ое другое дѣльце?

Юный Бартеръ былъ и безъ того взволнованъ, а такой пріемъ больше смутилъ его.

— Про дѣло Бомани,—сказалъ Бартеръ, чувствуя у себя оловѣ точно какой-то вихрь.

— Ахъ! про дѣло Бомани?—повторилъ его собесѣдникъ та-, голосомъ, какъ будто бы не понималъ да и не хотѣлъ по-ять.

Такое отношеніе ужасно смутило молодого преступника. Онъ разсчитывалъ, что ему облегчатъ признаніе. Штейнбергъ вѣдь не обинуясь предлагалъ ему свое содѣйствіе и вытянулъ у него признаніе. Бартеръ желалъ, чтобы полъ провалился у него подъ ногами и поглотилъ его. Онъ выдалъ себя безповоротно, и ему уже мерещились послѣдствія далеко не пріятнаго для него свойства, и онъ почувствовалъ такую безумную ненависть къ Штейнбергу, что не было того зла, котораго бы онъ не сдѣлалъ ему, еслибы только нашелъ для того смѣлость и способъ.

— Дѣло Бомани, — повторилъ Штейнбергъ. — Чтò это за дѣло?

М-ръ Бартеръ нашелъ этотъ вопросъ слишкомъ безсовѣстнымъ и отвѣчалъ съ судорожнымъ припадкомъ храбрости:

— Перестаньте, Штейнбергъ, разыгрывать дурака! Вы прекрасно знаете, о чемъ мы говорили вчера вечеромъ.

Хитрое и невозмутимое лицо Штейнберга не измѣняло своего выраженія.

— О чемъ я говорилъ вчера вечеромъ?

— Вы знаете,—началъ-было Бартеръ, но припадокъ храбрости прошелъ и смѣнился трепетомъ страха. Чтò зналъ, въ самомъ дѣлѣ, Штейнбергъ? Онъ только догадывался... до сихъ поръ. Но теперь, когда м-ръ Бартеръ выдалъ себя, онъ прямо ставилъ вопросъ: чтò зналъ онъ вчера вечеромъ?

— Вы, надѣюсь, пришли не за тѣмъ, чтобы попусту тратить время? Вы пришли нѣчто сообщить. Почему же вы не скажете этого?

Бартеръ сидѣлъ въ страшномъ смущеніи и чувствовалъ себя изобличеннымъ и погибшимъ. Штейнбергъ всталъ, подошелъ къ дверямъ и, позвавъ мальчика, послалъ его отнести письмо на почту, говоря, что больше не нуждается въ его услугахъ на сегодняшній день, а потому онъ можетъ не возвращаться. Послѣ того, заперевъ наружную дверь, вернулся и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Ну, въ чемъ дѣло?—повторилъ онъ.

Юный Бартеръ, чувствуя, что запираться поздно, рѣшилъ идти на проломъ.

— Да вотъ эти самые билеты, про которые думали, что старикъ Бомани увезъ ихъ съ собой; мнѣ кажется... я такъ думаю, что еслибы былъ способъ сбыть ихъ съ рукъ, то я могъ бы ихъ достать.

— Помню, что вы говорили что-то вчера въ этомъ родѣ. Не совѣтую вамъ пускать ихъ въ ходъ. Это опасное дѣло. Они не стоятъ ни гроша, и игра не стоитъ свѣчъ.

Какъ не стоятъ ни гроша? Они стоятъ восемь тысячъ стерлинговъ.

Они стояли восемь тысячъ,—отвѣчалъ Штейнбергъ,—когда › рукахъ человѣка, которому принадлежатъ. Въ рукахъ другого они не стоятъ и восьми сотъ фунтовъ.

Не стоятъ восьми сотъ фунтовъ?—ахнулъ юный м-ръ Бар-ротестуя.

Еслибы мнѣ пришлось продавать ихъ,—отвѣчалъ спокойно ергъ, смахивая кончикомъ мизинца пепелъ съ сигары,—елъ бы восемьсотъ фунтовъ необыкновенно выгодной цѣ-зднѣе и проданные изъ вторыхъ рукъ они могутъ при-тысячу. Еще позднѣе и изъ третьихъ рукъ они дадутъ, , и полторы тысячи. Впередъ сказать нельзя. Конечно, ъ будетъ все возрастать по мѣрѣ того, какъ время про-и опасность уменьшается.

говорилъ это спокойно и какъ бы съ раздумьемъ, и артеръ, собравъ все присутствіе духа, попытался пустить дипломатическій пріемъ, который, какъ онъ надѣялся, тъ двухъ цѣлей.

Она ни за что не уступитъ ихъ за эту цѣну.

Она не уступитъ, неужели?—спросилъ Штейнбергъ, ве-ıбаясь, какъ будто это извѣстіе его сильно позабавило.—ъ она совсѣмъ ничего за нихъ не получитъ. Какъ вы что деньги у нея?

Такъ, догадался.

Ахъ! вотъ что!—отвѣтилъ Штейнбергъ прежнимъ лѣни-безучастнымъ тономъ.—Вы мнѣ принесли мои сто фунтовъ?

Я принесу ихъ черезъ день или два,—отвѣчалъ Бартеръ нный.

Черезъ день или два,—проговорилъ Штейнбергъ озабо-ютирая лобъ кончиками пальцевъ:—боюсь, что не могу о тѣхъ поръ. Я очень нуждаюсь въ деньгахъ. Хотите, ге сегодня вечеромъ.

Боюсь... боюсь,—пролепеталъ Бартеръ,—что сегодня не

Очень жаль, но вы знаете правила нашего клуба.

этимъ правиламъ, всѣ карточные долги или деньги, про-е на пари въ стѣнахъ клуба, должны были уплачиваться іе сутокъ; въ противномъ случаѣ неисправному должнику объявленіе о его несостоятельности, прибитое къ стѣ-уба, и затѣмъ изгнаніе изъ числа членовъ.

Лучше убѣдите ее согласиться,—продолжалъ Штейнбергъ

съ чуть замѣтной усмѣшкой. Глядя на Бартера и видя, что онъ сидитъ съ опущенной головой, онъ позволилъ усмѣшкѣ явственнѣе обозначиться на своемъ лицѣ. Бартеръ, внезапно поднявъ на него глаза, увидѣлъ улыбку Горгоны, сатанинской жестокости и лукавства.

— Вамъ не трудно будетъ убѣдить ее,—продолжалъ Штейнбергъ,—я въ этомъ увѣренъ. Послушайте, будемъ говорить дѣло. Я возьму десять изъ нихъ, и мы будемъ квиты, и этого я ни для кого бы не сдѣлалъ, кромѣ друга.

Несчастный Бартеръ пролепеталъ:—Постараюсь.

— Постарайтесь, мой другъ, а я обѣщаюсь вамъ до вечера не извѣщать клубныхъ старшинъ о вашей неисправности.

Преступный обладатель билетовъ вновь почувствовалъ ихъ невыносимое бремя. Онъ всталъ и пошелъ своей дорогой съ раскаяніемъ и яростью въ сердцѣ отъ неудавшейся хитрости. Онъ дошелъ въ своемъ безумномъ эгоизмѣ до такого безстыдства, что положительно проклиналъ Бомани за то, что тотъ потерялъ деньги у него въ конторѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проклиналъ и себя за то, что взялъ ихъ, а Штейнберга за то, что тотъ его грабитъ, и находился въ такомъ состояніи, что могъ бы возбудить жалость въ человѣкѣ, способномъ понять его состояніе и найти въ сердцѣ къ нему состраданіе.

Штейнбергъ остался у себя и докуривалъ сигару, улыбаясь. Онъ былъ тѣмъ негодяемъ, которому повезло, и находилъ сдѣлку столь же пріятной, сколь она была горька для юнаго Бартера.

VII.

Старикъ Броунъ былъ человѣкъ самаго веселаго типа, но омрачился, когда извѣстіе о страшномъ паденіи его пріятеля достигло его ушей. Надо отдать ему справедливость, что онъ безконечно болѣе оплакивалъ пріятеля, нежели деньги. Онъ любилъ довѣрять людямъ, и всю свою жизнь легко пріискивалъ извиненіе для тѣхъ, кто обманывалъ его довѣріе. Но тутъ онъ не находилъ извиненія. Кража была явная, нахальная, безсовѣстная. Онъ пораженъ былъ въ самое сердце и сталъ гораздо циничнѣе относиться къ людямъ вообще, чѣмъ до сей поры считалъ себя способнымъ. Но когда младшій Бомани явился къ нему въ домъ и настоялъ на возвращеніи восьми тысячъ изъ своего собственнаго маленькаго капитала, старикъ Броунъ снова повеселѣлъ. Честность, однако, существовала въ мірѣ. Возвратъ денегъ снова

смягчилъ его сердце. Сначала онъ не хотѣлъ брать денегъ, но Филиппъ былъ рѣшительнѣе его, и побѣда осталась на сторонѣ сильнѣйшаго; Филь не раскается въ своей порядочности, это старикъ повторялъ себѣ тысячу разъ. Онъ пожнетъ плоды своего великодушія. Старикъ Броунъ любилъ и уважалъ Филя безмѣрно за его рыцарскій поступокъ.

Но вотъ, однако, годъ спустя послѣ бѣды, которая стряслась надъ домомъ Бомани, къ великому огорченію и недоумѣнію Патти Броунъ, она стала замѣчать, что отецъ ея опять впалъ въ такое же мрачное состояніе духа, въ какое повергъ его одно время позоръ друга. Газеты перестали интересовать его; онъ вяло относился къ утренней прогулкѣ верхомъ, которую такъ любилъ прежде. Онъ былъ страстный театралъ, а тутъ и театры какъ будто опротивѣли ему. День-деньской ходилъ онъ повѣся носъ и ворчалъ на все на свѣтѣ. Война неминуема, бумаги падаютъ, торговля въ застоѣ и добродѣтель отсутствуетъ въ людяхъ.

Патти пыталась развлекать его, но безуспѣшно. Въ ясные вечера, въ промежуткахъ между старомоднымъ чаемъ и старомоднымъ ужиномъ, онъ любилъ ходить гулять съ дочерью въ Редженть-Паркъ и тамъ дышать наилучшимъ подражаніемъ деревенскому воздуху, какое можно было найти въ Лондонѣ. Онъ вдругъ бросилъ эту милую привычку, сталъ бродить одинъ, Богъ вѣсть гдѣ, возвращался домой разстроенный и поглядывалъ на дочь съ такимъ грустнымъ и убитымъ видомъ, что та не знала, что̀ ей и думать.

Дѣвушка, наблюдавшая за нимъ съ усиливающейся тревогой, наконецъ не выдержала. Разъ вечеромъ онъ, вернувшись домой, не снялъ пальто и шляпы въ передней и не оставилъ тамъ своей трости, а такъ, какъ былъ, ввалился въ столовую и, усѣвшись тамъ, не раздѣваясь, изображалъ собой картину полнаго отчаянія. Патти встала около него на колѣни, сняла съ него шляпу, пригладила волосы и стала разстегивать пальто.

— Папа!—вдругъ закричала она.—Что̀ такое съ вами? почему вы такъ перемѣнились?

Онъ глубоко вздохнулъ и положилъ ей на голову руку. Послѣ того отвернулся отъ нея, чтобы скрыть свои глаза, какъ ей показалось.

— У васъ есть какое-то горе,—продолжала она.—Не я ли въ немъ виновата и не могу ли я что-нибудь сдѣлать?

— Нѣтъ, нѣтъ, моя милая, — нѣжно отвѣчалъ онъ, опять кладя къ ней на голову руку.

— Не въ деньгахъ ли причина?

— Нѣтъ, нѣтъ, не въ деньгахъ. Не говори со мной объ этомъ, милая, не говори.

— Ну, папа, мнѣ теперь стало еще страшнѣе.

— Пустяки, пустяки,—отвѣчалъ онъ вставая,—не будемъ больше толковать объ этомъ. Все опять пройдетъ, и мы будемъ по прежнему веселы и довольны.

Попытка къ веселости окончилась полнымъ фіаско, и дѣвушка перетрусилась не на шутку.

— Папа,—сказала она, вся дрожа,—вы должны сказать мнѣ, въ чемъ дѣло. Будемъ вмѣстѣ переносить бѣду. Чтὸ бы это ни было, это не можетъ насъ сокрушить до конца, если мы съ вами будемъ неразлучны и...

— Ахъ!—сказалъ старикъ Броунъ, глядя на нее съ сострательной улыбкой.

— Что-нибудь случилось съ...

Она умолкла, не рѣшаясь проговорить.

— Радость моя,—отвѣчалъ онъ, обнимая ее. Она чувствовала, что руки его дрожатъ и догадалась, что онъ понялъ недоговоренный вопросъ; это такъ испугало ее, что придало ей смѣлости.

— Что-нибудь случилось съ Филемъ,—сказала она, высвобождаясь изъ объятій отца.—Чтὸ такое?

— Душа моя, ты слишкомъ скора на заключенія, — попытался-было онъ отдѣлаться отъ вопроса.

— Говорите,—настаивала она.—Я имѣю право знать. Чтὸ случилось?

— Ну, вотъ, душа моя, мнѣ говорили, что отецъ его ускорилъ свое разореніе игрой въ карты и кости. Я боюсь, что Филь идетъ по слѣдамъ отца.

— Филь игрокъ!—съ величественнымъ недовѣріемъ воскликнула она.—Не можетъ быть. Почему вы такъ думаете?

— Въ Вест-Эндѣ существуетъ нѣсколько дьявольскихъ клубовъ. Это притоны карточной игры. Тамъ сходятся люди только затѣмъ, чтобы обыгрывать другъ друга. Я самъ люблю сыграть робберъ-другой въ вистъ; но ни одинъ честный человѣкъ не пойдетъ въ эти подлые вертепы, если ему извѣстенъ ихъ характеръ.

— Неужели вы говорите о Филѣ, папа?—спросила она дрожащимъ голосомъ, въ которомъ звучала угрожающая нота. — Кротчайшая изъ женщинъ будетъ воевать за того, кого любитъ, и мы должны быть за это признательны.

— Да, душа моя,—отвѣчалъ отецъ съ мрачной грустью:— я говорю про Филя; онъ—членъ самаго подлаго изъ этихъ верте-

повъ и каждый вечеръ бываетъ тамъ. Я случайно увидѣлъ разъ, какъ онъ туда входилъ. Мнѣ извѣстно, что̀ это за мѣсто. Послѣ того я сталъ слѣдить за нимъ день за днемъ. Не говори, что я былъ не въ правѣ это сдѣлать. Я въ правѣ; моя дочь никогда не выйдетъ замужъ за игрока. Я не хочу, чтобы игрокъ проигралъ мои деньги и разбилъ сердце моему дитяти. Я видѣлъ его много разъ въ игорномъ домѣ, стоя въ потемкахъ у открытаго окна на другой сторонѣ улицы. Я нарочно нанялъ тамъ комнату, чтобы наблюдать за нимъ, и чертовски простудился при этомъ. Онъ—погибшій человѣкъ, говорю тебѣ!—закричалъ онъ въ отвѣтъ на взглядъ и жестъ дочери:—человѣкъ съ такимъ порокомъ въ крови —погибшій человѣкъ!

Въ то время, какъ онъ говорилъ все это, послышался внезапный звонокъ, заставившій его умолкнуть; Патти и онъ стояли молча, ожидая, кто бы могъ быть такой поздній посѣтитель. Оказалось, что это былъ не кто иной, какъ самъ погибшій человѣкъ. Онъ вошелъ, по обыкновенію, безъ доклада, веселый и довольный.

Но, поглядѣвъ на лица отца и дочери, онъ видимо измѣнился въ лицѣ. Онъ быстро подошелъ къ Патти и взялъ ея обѣ руки въ свои.

— Что̀ случилось?—мягко спросилъ онъ:—вы разстроены?

Старикъ сердито взглянулъ на него и проворчалъ:

— Лучше сразу объясниться! Вы стали игрокомъ, и я это открылъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Филь съ загадочной улыбкой,—я не сталъ игрокомъ, увѣряю васъ. Вы слыхали, вѣроятно, что я бываю въ западнѣ для пижоновъ, какъ называютъ это въ Сити. Но самъ я не изъ числа пижоновъ, даю вамъ честное слово. Я бываю тамъ по важному дѣлу, и вы сейчасъ услышите, по какому именно. Я выслѣживаю тамъ двоихъ негодяевъ въ надеждѣ возстановить доброе имя моего отца.

Заявленіе молодого человѣка произвело большую сенсацію, въ особенности когда онъ сообщилъ то̀, что̀ уже извѣстно читателямъ.

VIII.

Казалось бы, что паукъ—одно изъ самыхъ отважныхъ, искусныхъ и хищныхъ животныхъ, что онъ одаренъ неутомимой бдительностью и аппетитомъ, и однако порой тросточка фланёра, а порой порывъ вѣтра (то и другое должно казаться мухѣ рукой промысла), а иногда, наконецъ, отчаянныя усилія самой жертвы

разрушаютъ самые вѣрные разсчеты и разстроиваютъ математически правильную ткань паутины. Въ энтомологическомъ мірѣ одинокое свиданіе мухъ съ паукомъ оканчивается обыкновенно гибелью первой къ вящшему удовольствію второго. Но мы, существа высшаго порядка, придерживаемся болѣе утонченныхъ пріемовъ.

На первой ступени развитія паукъ Штейнбергъ высосалъ бы муху Бартера въ одинъ пріемъ—и дѣлу конецъ. Теперь же онъ исподоволь, въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ, высасывалъ его, пока въ немъ оставалась хотя капля крови. Говоря по-просту, восемь тысячъ фунтовъ, которые нѣкогда такъ легко перешли изъ рукъ м-ра Броуна въ руки м-ра Бомани, теперь перешли, не принося никакой пользы человѣку, утаившему ихъ, изъ рукъ юнаго Бартера въ руки Штейнберга.

Какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ произошла послѣдняя операція, случай свелъ юнаго Бартера съ сыномъ человѣка, деньги котораго онъ себѣ присвоилъ. Послѣ того они часто встрѣчались на лѣстницѣ, на улицѣ, въ ресторанѣ, и Бартеръ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что его новый знакомый зорко слѣдитъ за нимъ. Нервы его были разстроены и вообще онъ уже далеко не былъ прежній безпечный юный м-ръ Бартеръ. Онъ былъ неизмѣнно вѣжливъ съ Филемъ въ ихъ случайныхъ встрѣчахъ и всегда вступалъ съ нимъ при этомъ въ бесѣду. Филь, получивъ свѣдѣнія о томъ, что этотъ привлекательный молодой человѣкъ былъ, по всей вѣроятности, виновникомъ позора, постигшаго его отца, не могъ не глядѣть на него пытливо. Бартеръ по временамъ ломалъ себѣ голову надъ взглядомъ Филя и задавалъ себѣ вопросъ: что этотъ взглядъ—вообще свойственъ ему или же является спеціально при встрѣчѣ съ нимъ; но не могъ рѣшить этой загадки.

Разстроеннымъ нервамъ Бартера постоянно чудился во взглядѣ Филя вопросъ: не вы ли украли билеты? Быть можетъ, одна изъ тягчайшихъ мукъ неоткрытаго преступника заключается въ томъ, что онъ живетъ въ мірѣ подозрѣній собственной фабрикаціи. Юный Бартеръ воображалъ, что смѣлость духа заставляетъ его искать знакомства съ Филемъ. Въ сущности же онъ искалъ этого знакомства, потому что былъ трусъ: болѣе храбрый негодяй не обратилъ бы никакого вниманія на Филя. Филь, имѣвшій такія важныя причины подозрѣвать Бартера, не уклонялся отъ знакомства, и вотъ въ непродолжительномъ времени оба молодыхъ человѣка стали въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы пріятелями. Отъ самого Бартера Филь узналъ о существованіи западни для пижоновъ, къ которой Бартеръ такъ гордился, что принадлежитъ. По пригла-

шенію Бартера, онъ посѣтилъ этотъ клубъ, и Бартеръ предложилъ его въ члены. Будучи членомъ, онъ скоро открылъ, какимъ вліяніемъ пользуется Штейнбергъ надъ юнымъ адвокатомъ. Онъ замѣтилъ трусливое раболѣпство, съ какимъ Бартеръ относился къ Штейнбергу, и съ какимъ страхомъ онъ исполнялъ всѣ его приказанія. Онъ замѣтилъ также, что Штейнбергъ и Бартеръ часто играли вдвоемъ и что Бартеръ всегда проигрывалъ.

Члены клуба довольно откровенно говорили между собой объ отсутствующихъ и, не стѣсняясь, называли Бартера креатурой Штейнберга, его вѣрнымъ приспѣшникомъ, и прочее. Вообще признавались, что Штейнбергъ высасываетъ деньги изъ Бартера, и члены клуба дивились: откуда берутся у Бартера деньги? Всѣ эти вещи Филиппъ Бомани младшій тщательно отмѣчалъ про себя. Сначала члены клуба дивились и на него. Онъ часто бывалъ теперь въ клубѣ, курилъ трубку и съ спокойнымъ интересомъ наблюдалъ за карточной игрой, но самъ никогда не игралъ и не держалъ пари. Que diable faisait-il dans cette galère? желательно было узнать членамъ клуба. Но онъ не говорилъ имъ этого, и они мало-по-малу привыкли къ нему. Онъ продолжалъ терпѣливо сторожить м-ра Бартера, включивъ въ сферу своихъ наблюденій и Штейнберга.

Разъ вечеромъ, обѣдая въ ресторанѣ, онъ увидѣлъ Бартера печальнаго и одинокаго. Онъ сидѣлъ въ унылой позѣ и постукивалъ вилкой по столу, погруженный очевидно въ невеселую думу. Но вотъ мотылекъ увидѣлъ огонь и немедленно полетѣлъ на него.

— Зайдите ко мнѣ на квартиру выкурить сигару,—предложилъ Бартеръ, когда они отобѣдали,—если вы свободны. Мнѣ что-то не хочется идти сегодня вечеромъ въ клубъ.

Паукъ Штейнбергъ ждалъ его тамъ, холодно терпѣливый и спокойный, и Бартеръ боялся его. Филиппъ никогда еще не бывалъ у него на квартирѣ, но ему очень хотѣлось бы побывать въ ней. Онъ принялъ приглашеніе, и они вмѣстѣ вошли къ Бартеру. Огонь горѣлъ въ каминѣ, и Бартеръ оживилъ его, подбавивъ каменнаго угля, и, вынувъ ящикъ съ сигарами и бутылку коньяку, придвинулъ то и другое гостю. Послѣднему было не по себѣ. Зачѣмъ онъ сюда пришелъ? Отвѣтъ ясенъ. Онъ пришелъ сюда потому, что подозрѣвалъ этого человѣка и желалъ вывести его на чистую воду. Курить его табакъ и пить вино при такихъ обстоятельствахъ было очевиднымъ предательствомъ. Но онъ старался закалить себя отъ такихъ мыслей. Такъ или иначе, а онъ очиститъ имя отца отъ незаслуженнаго позора.

— Кстати,—сказалъ Бартеръ невинно:—развѣ вы не берете въ руки...

Гибкіе пальцы жестомъ докончили фразу, изобразивъ сдачу воображаемой колоды картъ съ свойственной имъ ловкостью.

— Вотъ оно,—подумалъ Филь —И прибавилъ громко, равнодушнымъ тономъ:—Случается.

— Сегодня намъ рѣшительно нечего дѣлать, сыграемъ въ карты, — предложилъ юный Бартеръ:—хотите сыграть въ игру Наполеонъ?

Филиппъ согласился, и его хозяинъ вынулъ двѣ колоды картъ изъ шкафа съ дѣлами.

Они назначили ставку и принялись играть. Ставка была невелика, а потому м-ру Бартеру играть было скучно. Онъ, въ сущности, интересовался игрой только тогда, когда могъ проиграть больше, чѣмъ былъ въ состояніи заплатить. Но и маленькія рыбки сладки; къ тому же онъ вообразилъ, что нашелъ пижона. Но на бѣду пижонъ видалъ виды и, поѣздивъ по бѣлу свѣту, имѣлъ случай наблюдать людей отъ Китая до Перу. Онъ былъ къ тому же изъ числа смѣтливыхъ людей, а потому научился отличать шулера по первымъ же ходамъ. Въ скучныя поѣздки по желѣзной дорогѣ между Атлантическимъ и Тихимъ океанами и въ маленькихъ городахъ Техаса, въ вертепахъ Мыса Доброй Надежды и Калифорніи, въ вольныхъ портахъ Китая и на берегахъ Босфора ему случалось сталкиваться съ спеціалистами, изъ рукъ которыхъ самъ страшный Штейнбергъ вышелъ бы ощипаннымъ воробьемъ.

Филь зорко слѣдилъ за юнымъ Бартеромъ, у котораго была уловка, тасуя карты, слегка наклонять ихъ кверху раскрашенной стороной.

Другая уловка заключалась въ томъ, чтобы подложить онёръ подъ низъ; онъ передергивалъ съ ловкостью любителя. По временамъ онъ какъ будто нечаянно открывалъ карту. Такимъ образомъ онъ открылъ туза, а вслѣдъ затѣмъ какую-то двойку. Тузъ подмѣненъ былъ двойкой самымъ нахальнымъ образомъ. Все это Филиппъ Бомани наблюдалъ вполнѣ безмятежно и, повидимому, добродушно. Онъ проигралъ сикспенсъ хладнокровно и безъ протеста.

„Ты, голубчикъ, плутуешь изъ-за сикспенса,—говорилъ онъ про себя;—полагаю, что мошенникъ всегда мошенникъ и что если готовъ продать душу за бездѣлицу, то передъ крупной суммой и подавно не задумается“.

Въ послѣднія четверть часа его сильно подмывало бросить

вызовъ прямо въ лицо м-ру Бартеру и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Онъ замѣтилъ, что Бартеръ—нервный человѣкъ, и не считалъ его способнымъ проявить сильную настойчивость воли или большую храбрость. Онъ все болѣе и болѣе вѣрилъ разсказу отца, и плутовство Бартера въ картахъ подтверждало увѣренность, что онъ укралъ потерянныя деньги.

Филиппу хотѣлось много разъ бросить карты на столъ, поглядѣть въ лицо собесѣднику и спросить его безъ обиняковъ: ну, а куда вы дѣвали восемь тысячъ фунтовъ?

Филиппъ боролся съ этимъ желаніемъ, но не могъ его окончательно побѣдить. Вдругъ юный Бартеръ разсыпалъ карты, передергивая—пріемъ, который до сихъ поръ удавался ему искуснѣе.

— Извините,—сказалъ Филь, собирая карты:—вамъ слѣдуетъ поступать въ этихъ случаяхъ такъ. Вотъ посмотрите, какой для этого нуженъ пріемъ.

Онъ медленно продѣлалъ пріемъ, глядя прямо въ лицо Бартеру.

— Вотъ какъ эти вещи дѣлаются, м-ръ Бартеръ,—прибавилъ онъ съ спокойствіемъ, которое его собесѣднику показалось зловѣщимъ.

И вотъ, то самое отсутствіе самообладанія, благодаря которому Штейнбергъ такъ живо угадалъ мысли своего юнаго друга, снова подшутило надъ Бартеромъ. Онъ пытался прикинуться удивленнымъ, пытался засмѣяться. Въ результатѣ его жалкихъ усилій вышла судорожная гримаса. Къ несчастію для себя, онъ догадывался объ этомъ, а потому смутился еще болѣе и рѣшительно не зналъ, куда дѣвать глаза.

— Итакъ, вы промышляете шулерствомъ, м-ръ Бартеръ?—ласково спросилъ Филь.

— Какъ вы смѣете говорить это?—пролепеталъ изобличенный негодяй.—Вы приходите на квартиру джентльмена, проигрываете жалкихъ полкроны или двѣ...

Проговоривъ это, онъ рѣшился взглянуть въ лицо Филиппу, но, прочитавъ на немъ предсказаніе о грядущихъ и болѣе непріятныхъ для себя вещахъ, опустилъ глаза и упалъ на спинку стула. Желаніе Филя стало непобѣдимо. Онъ взялъ Бартера за шиворотъ, приподнялъ его со стула желѣзной рукой и спокойно спросилъ:

— Сколько украденныхъ билетовъ вы уже успѣли передать Штейнбергу?

Пріемъ былъ рискованный, но оказался вѣрнымъ. Бартеръ безмолвно уставился въ него глазами. Губы его шевелились, но онъ ничего не могъ произнести. Затѣмъ челюсть его отпала,

точно у мертвеца, а самъ онъ—такъ какъ Филиппъ выпустилъ его изъ рукъ—повалился какъ снопъ на стулъ.

— Ну, теперь для васъ всего лучше во всемъ сознаться,— сказалъ Филь, строго глядя на него. — Я выслѣживалъ васъ со второго дня нашего знакомства.

Бартеръ глухо застоналъ, но ничего не отвѣчалъ.

— Сколько билетовъ находится въ рукахъ Штейнберга? — спрашивалъ Филь.

Негодяй успѣлъ уже нѣсколько опомниться и могъ бы теперь отвѣтить, еслибы хотѣлъ. Но онъ зналъ, что его собственная трусость всему дѣлу причиной. Послѣ такого проявленія ужаса стоило ли запираться? Онъ не зналъ, что̀ именно было извѣстно Филиппу, но былъ окончательно побѣжденъ.

Филиппъ не далъ однако ему долго раздумывать. Онъ въ третій разъ, медленно и напирая на каждое слово, произнесъ:

— Сколько изъ этихъ банковыхъ билетовъ перешло въ руки Штейнберга?

— Всѣ,—пролепеталъ Бартеръ:—всѣ до единаго.

— Хорошо, пока довольно,—сказалъ Филиппъ. Но въ этотъ моментъ какъ разъ раздался громкій звонъ у дверей, и несчастный Бартеръ вздрогнулъ; ужасъ вновь овладѣлъ имъ, и онъ всплеснулъ руками. Ему уже показалось, что полиція пришла арестовать его.

Филиппъ, оглядѣвъ комнату и видя, что убѣжать изъ нея нельзя, пошелъ самъ отворить дверь. До сихъ поръ онъ вполнѣ владѣлъ собой, но, отворивъ дверь и увидя Штейнберга, почувствовалъ, какъ сердце у него ёкнуло, а въ горлѣ пересохло.

Штейнбергъ узналъ его при свѣтѣ газоваго рожка.

— Добрый вечеръ,—сказалъ онъ, кивая головой.—Бартеръ дома, конечно?

— Сэръ,—отвѣчалъ Филиппъ, къ которому вернулось хладнокровіе, не безъ примѣси нѣкотораго юмора:—м-ръ Бартеръ дома и будетъ очень радъ, безъ сомнѣнія, видѣть васъ.

Штейнбергъ искоса поглядѣлъ на него и вошелъ. Филь заперъ дверь и пошелъ вслѣдъ за нимъ. Бартеръ, блѣдное лицо котораго теперь совсѣмъ помертвѣло, сидѣлъ въ креслѣ, съ вытаращенными глазами, какъ напуганный сумасшедшій. Штейнбергъ въ изумленіи остановился при видѣ его, а Филь, заперевъ дверь, вынулъ ключъ изъ замка и положилъ его въ карманъ.

— Эге!—сказалъ Штейнбергъ, быстро поворачиваясь:—что̀ это значитъ?

Онъ смѣрялъ Филиппа съ головы до ногъ недобрымъ взглядомъ и отступилъ назадъ.

— Чтò это значитъ? — повторилъ онъ, переводя глаза съ одного на другого.

— Это значитъ, сэръ,—отвѣчалъ спокойно Филиппъ,—что вашъ плутъ товарищъ, вонъ тотъ храбрый джентльменъ, который сидитъ въ этомъ креслѣ, сознался во всемъ.

Штейнбергъ свирѣпо глянулъ на Бартера, подбѣжалъ къ нему и, схвативъ за шиворотъ, принялся трясти его обѣими руками,—и, конечно, Бартеру бы не сдобровать, еслибы не вмѣшательство Филиппа. Способъ этого вмѣшательства былъ на этотъ разъ не такой спокойный. Онъ оторвалъ Штейнберга отъ его жертвы съ такой силой, которую ему некогда было соразмѣрять, и швырнулъ его на другой конецъ комнаты. Тотъ угодилъ въ дверь, и при этомъ голова его съ такой силой ударилась объ нее, что онъ очутился на полу въ сидячемъ положеніи и лицо его мгновенно изъ свирѣпаго стало безсмысленнымъ и равнодушнымъ.

Между тѣмъ м-ръ Бартеръ, какъ ни былъ онъ пораженъ и разстроенъ, снова успѣлъ собраться съ мыслями, и когда увидѣлъ, что Штейнбергу приходится плохо, то усмотрѣлъ въ этомъ фактѣ ту соломенку, за которую хватается утопающій. Онъ всталъ съ мѣста, вдохновенный этой мыслью, и, подойдя къ безпомощному Штейнбергу, схватилъ его за руки.

— Свяжите его, м-ръ Бомани, свяжите его! онъ погубилъ меня, да будетъ онъ проклятъ! Я былъ бы честнымъ человѣкомъ, еслибы не онъ. Онъ натолкнулъ меня на этотъ грѣхъ, и всѣ деньги у него, до послѣдняго пенса. Я былъ жалкимъ орудіемъ, игрушкой въ его рукахъ. Свяжите его, м-ръ Бомани, прежде нежели онъ опомнится! Я его подержу пока.

Человѣкъ можетъ получить хорошій совѣтъ съ самой неожиданной стороны и хорошо сдѣлаетъ, если ему послѣдуетъ. Филь снялъ элегантный шарфъ съ собственной шеи Штейнберга и крѣпко связалъ ему руки. Послѣ того помогъ подняться на ноги и усадилъ въ кресло.

— Онъ пришелъ сегодня вечеромъ,—продолжалъ Бартеръ съ слезами искренняго раскаянія,—чтобы снова вымогать изъ меня деньги. Онъ вытянулъ изъ меня всѣ деньги до послѣдняго фартинга, клянусь въ томъ.

— Все это глупыя розсказни,—сказалъ Штейнбергъ, приходя въ себя.—Вы отвѣтите кому слѣдуетъ за свое насиліе, Бомани.

— Я отвѣчу за него кому слѣдуетъ, — отвѣчалъ Филь,—а теперь побезпокою васъ, м-ръ Штейнбергъ, и попрошу идти со мной куда слѣдуетъ.

— Не забудьте,—сказалъ Бартеръ,—что я помогалъ аресто-

вать его. Вы замолвите за меня словечко, м-ръ Бомани, не правда ли? Я былъ все время жертвой этого негодяя. Я бы ни за что не сбился съ истиннаго пути, еслибы не онъ; я хотѣлъ отослать деньги назадъ, но онъ забралъ ихъ въ свои руки и не хотѣлъ объ этомъ и слышать; и, въ сущности, вѣдь я не укралъ эти деньги, м-ръ Бомани, а только нашелъ ихъ. Штейнбергъ захватилъ ихъ. Онъ говорилъ, что я буду дуракъ, если возвращу ихъ.

Какія чувства презрѣнія и бѣшенства кипѣли при этихъ заявленіяхъ въ груди м-ра Штейнберга, можно себѣ вообразить. На лицѣ у него живо изображались они, но словесно онъ ихъ не высказывалъ.

— Встаньте! — обратился къ нему Филь. Штейнбергъ повиновался.—Сядьте на стулъ въ этомъ углу.—Штейнбергъ опять послушался.—Ну, а теперь вы, — сказалъ онъ, обращаясь къ Бартеру, — сядьте вонъ въ томъ углу за конторкой.

— Съ удовольствіемъ, м-ръ Бомани,—отвѣчалъ Бартеръ съ величайшей готовностью.—Я не желаю оказывать сопротивленіе закону. Я помогалъ арестовать преступника. Пожалуйста, запомните это, м-ръ Бомани. Пожалуйста, запомните.

Онъ взялъ тяжелую линейку, лежавшую на конторкѣ, и въ ожиданіи, что его оставятъ наединѣ съ Штейнбергомъ, погрозилъ ею послѣднему, чтобы показать, что онъ не лишенъ средствъ обороны противъ человѣка безоружнаго и связаннаго.

Филь отперъ дверь, вышелъ, вынувъ предварительно ключъ изъ замка и, заперевъ дверь съ наружной стороны, вынулъ опять ключъ и ушелъ. Оба преступника слышали его шаги, которые казались имъ торжествующими и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожающими. Они прислушивались къ нимъ, когда онъ спускался съ лѣстницы, проходилъ по двору, до тѣхъ поръ, пока они не смѣшались съ уличнымъ шумомъ. Минуту спустя шаги снова послышались и уже въ сопровожденіи другихъ, болѣе тяжелыхъ и страшныхъ. Они знали, чьи эти шаги, и какъ ни были подавлены раньше, теперь пришли въ крайнее уныніе. Дверь отворилась, и Филь появился въ сопровожденіи полисмена.

— Я поручаю вамъ арестовать этихъ двухъ людей,—сказалъ молодой человѣкъ:—одного какъ вора, другого какъ укрывателя пачки банковыхъ билетовъ цѣной въ восемь тысячъ фунтовъ, принадлежавшихъ моему отцу, м-ру Филиппу Бомани, изъ Кольпорторсъ-Аллей.

— Я готовъ слѣдовать безъ сопротивленія, — взывалъ м-ръ Бартеръ изъ-за конторки.—Я помогалъ аресту вора и готовъ все сказать.

— Вотъ первое истинное слово, произнесенное вами,—отозвался Штейнбергъ.—Снимите это! — протянулъ онъ руки. — Я пойду смирно. Я могу черезъ часъ представить за себя поруку.

— Не развязывайте ему рукъ, м-ръ Бомани, если мы должны ѣхать въ одномъ экипажѣ. Онъ грозилъ мнѣ въ ваше отсутствіе. Онъ говорилъ, что еслибы его посадили на пятьдесятъ лѣтъ въ тюрьму, онъ убьетъ меня, когда его выпустятъ. Онъ сдѣлаетъ это, потому что я его выдалъ; вѣдь такъ, м-ръ Бомани? Я выдалъ его, полисменъ. Я готовъ все показать... все рѣшительно. Онъ погубилъ меня, а теперь говоритъ, что убьетъ за то, что я показалъ правду.

— Я желаю ѣхать отдѣльно. Я заплачу за извозчика. Я не хочу ѣхать съ этимъ идіотомъ-болтуномъ.

— Я съ удовольствіемъ поѣду съ м-ромъ Бомани,—сказалъ кающійся грѣшникъ.—Я съ удовольствіемъ поѣду съ вами, куда угодно. Я готовъ ѣхать, куда вы прикажете.

Трудно было ожидать, чтобы Филиппъ относился съ симпатіей къ которому бы то ни было изъ своихъ собесѣдниковъ, но изъ двоихъ ему менѣе былъ противенъ Штейнбергъ. А такъ какъ притомъ гуманизмъ и благоразуміе рекомендовали этотъ выборъ, то онъ и избралъ своимъ спутникомъ Штейнберга. Полицейскій надѣлъ шляпу на голову Штейнберга и квартетъ тронулся въ путь. Видъ человѣка съ руками, крѣпко связанными пунцовымъ шарфомъ, собралъ-было на минуту небольшую толпу людей у воротъ; но двѣ извозчичьихъ кареты были подозваны, и плѣнники и конвойные освободились отъ празднаго любопытства. Когда пріѣхали въ полицію, оказалось, что дорогой м-ръ Бартеръ, отъ избытка чувствъ, разсказалъ полисмену всю исторію про потерянные билеты. Онъ объявилъ, что, насколько ему извѣстно, они хранятся въ несгараемомъ шкафѣ, въ конторѣ Штейнберга въ Гаттонъ-Гарденѣ. Полицейскій инспекторъ, услышавъ такое показаніе, нашелъ, что времени терять нечего. Обоихъ арестантовъ обыскали, и м-ръ Бартеръ былъ такъ добръ, что указалъ, который изъ ключей Штейнберга слѣдуетъ взять, чтобы отпереть несгараемый шкафъ. Онъ предложилъ даже свои услуги въ качествѣ проводника, но предложеніе это было отвергнуто съ холодностью, представлявшей странный контрастъ съ горячностью предложенія.

— Благодарю, сэръ,—сказалъ инспекторъ съ ледяной интонаціей въ голосѣ:—мы обойдемся и безъ вашей помощи.

Окружной супер-интендантъ, которому сообщили о дѣлѣ по телефону, явился на мѣсто дѣйствія. Разспросивъ съ оффиціальной краткостью объ обстоятельствахъ дѣла, онъ взялъ ключи, позвалъ

констэбля и собирался уйти, когда Филиппъ попросилъ позволенія ему сопутствовать.

— Билеты, сэръ,—объяснилъ онъ,—были довѣрены на храненіе моему отцу его давнишнимъ пріятелемъ. Моего отца заподозрили въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ эти деньги — вещь, на которую онъ совсѣмъ неспособенъ. Если я привезу ему извѣстіе о томъ, что онѣ найдены, то сниму бремя незаслуженнаго позора съ головы честнаго человѣка.

— Очень радъ вашему обществу, м-ръ Бомани, — отвѣчалъ супер-интендантъ, слегка тронутый серьезностью молодого человѣка.

Итакъ, они втроемъ сѣли въ четырехмѣстный кэбъ, отправились въ Гаттонъ-Гарденъ и тамъ вошли въ квартиру, которую занималъ м-ръ Штейнбергъ. Въ ней не было газа, но потайной фонарь констэбля освѣщалъ путь. При его свѣтѣ они увидѣли несгараемый шкафъ, описанный сообщительнымъ преступникомъ. Въ немъ оказались билеты, сложенные аккуратно въ пачку по нумерамъ.

Поглядѣвъ на это великолѣпное зрѣлище, Филь выскочилъ на улицу, кликнулъ извозчика и полетѣлъ сломя голову, поощряя извозчика обѣщаніемъ прибавки, къ старику Броуну и его дочери. Тамъ онъ сообщилъ чудесное извѣстіе немного сбивчиво и спотыкаясь на словахъ отъ волненія. Патти обняла его и откровенно заплакала. Старикъ Броунъ подозрительно часто сморкался, а въ промежуткахъ трясъ руку своего нареченнаго зятя.

— Филь!—закричалъ онъ, наконецъ:—гдѣ твой отецъ? Ей-Богу, сэръ, ему не стоило бѣжать отъ меня изъ-за того, что онъ потерялъ пачку презрѣнныхъ денегъ. Стоило ему придти только и сказать: Броунъ, деньги потеряны! Онъ, значитъ, не вѣрилъ въ то, что я ему довѣряю. Поскорѣе отправимся къ нему. Гдѣ онъ?

Старикъ изо всей мочи позвонилъ.

— Пошлите Бреннера въ конюшню,—сказалъ онъ появившемуся слугѣ.—Скажите ему, чтобы онъ запрягалъ карету и сейчасъ бы подавалъ лошадей. Гдѣ вашъ отецъ, Филь?

— Онъ живетъ въ Попларъ-Уэ,—отвѣчалъ Филь.—Горнетъ, его бывшій клеркъ, проживаетъ въ томъ же домѣ, гдѣ и онъ.

— Мы сейчасъ поѣдемъ и утѣшимъ его,—сказалъ старикъ, съ влажными глазами и дрожащими руками.—Филь, милый мой,— продолжалъ онъ, беря молодого человѣка за руку,—старъ я становлюсь. Ты не повѣришь этому, потому что я всегда умѣлъ справляться съ своимъ горемъ, но мнѣ многое пришлось испытать на своемъ вѣку, и повѣрь мнѣ на слово: нѣтъ хуже печали въ свѣтѣ, какъ честному человѣку принять другого честнаго человѣка за мошенника.

И вотъ какъ случилось, что Бомани старшій, который, въ сущности, пожалуй, и не заслуживалъ быть признаннымъ за героя, былъ оплаканъ слезами троихъ честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей и возведенъ въ ихъ умѣ въ нѣкотораго рода живую статую мученика. Тѣ, которые узнавали эту исторію позднѣе, оплакивали его слабость и считали его жертвой преувеличенной чувствительности и деликатности.

Онъ теперь живетъ, окруженный ореоломъ святости и, по мнѣнію многихъ, пострадалъ ради великаго и вполнѣ благороднаго, хотя, быть можетъ, и не совсѣмъ опредѣленнаго принципа.

Странныя вещи ежедневно случаются въ мірѣ, но проходятъ незамѣченными. Поклоненіе деликатной щепетильности Бомани старшаго можетъ показаться немного нелѣпымъ тому, кто смотритъ въ корень вещей, хотя каждому пріятно, что честный сынъ можетъ относиться къ нему съ жалостью, не безъ примѣси восхищенія. Но самое странное, быть можетъ, во всей этой странной исторіи слѣдуетъ искать въ отчетахъ репортеровъ о рѣчи обвинителя въ Ольдъ-Бейлѣ, когда начался процессъ противъ гг. Бартера и Штейнберга.

— „Вы, Бартеръ,—сказалъ ученый прокуроръ,—находились, повидимому, подъ вліяніемъ болѣе сильнаго и умнаго человѣка, чѣмъ вы сами. Вы, повидимому, въ минуту слабости были сведены съ пути истиннаго этимъ болѣе умнымъ человѣкомъ. Но вы высказали такое пониманіе всей преступности своего поведенія, и полнымъ разоблаченіемъ преступленія, совершоннаго вами и вашимъ товарищемъ и своими показаніями въ судѣ сегодня, проявили такое безусловное раскаяніе, что я не считаю полезнымъ или даже справедливымъ приговаривать васъ къ тяжкому тюремному заключенію. Тѣмъ не менѣе, законы страны должны быть уважены, и мнѣ пріятно думать, что, уважая законъ, я даю вамъ случай для размышленія, для принятія твердыхъ рѣшеній насчетъ будущей жизни и для подтвержденія тѣхъ добрыхъ намѣреній, которыя, какъ я полагаю, несмотря на ваше участіе въ этомъ преступномъ предпріятіи, одушевляютъ васъ“...

По моему крайнему разумѣнію, въ этомъ есть рѣшительный элементъ для комедіи; но ученый прокуроръ походилъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ неученыхъ ближнихъ въ томъ отношеніи, что не могъ же онъ всего знать.

М-ръ Бартеръ снова процвѣтаетъ, но даже и по сіе время ожидаетъ съ большимъ безпокойствомъ освобожденія человѣка, который вовлекъ его въ преступленіе.

А. Э.

НОВЫЙ ТЕНДЕНЦІОЗНЫЙ РОМАНЪ

Paul Bourget, „Le disciple". Paris, 1889.

Событіемъ въ французской беллетристикѣ, за послѣднія 10—15 лѣтъ, былъ выходъ въ свѣтъ каждаго новаго романа Зола или Додэ. Никому изъ другихъ романистовъ не выпадало на долю такого общаго вниманія, такого горячаго сочувствія—или такой ожесточенной непріязни. По числу проданныхъ экземпляровъ первое мѣсто занимали, быть можетъ, романы Жоржа Онэ, но къ этому автору почти никто, даже въ средѣ усердныхъ его читателей, не относился и не относится серьезно. То же самое можно сказать и о присяжныхъ поставщикахъ сенсаціонныхъ разсказовъ, въ родѣ Ксавье де-Монтепена. Романы академиковъ (Октавъ Фельё, Викторъ Шербюлье) или кандидатовъ въ академики (Андре Тёрье, Рабюссонъ) давно уже пользуются только такъ-называемымъ succès d'estime. Произведенія Юисманса, Генника и другихъ крайнихъ золаистовъ возбуждаютъ интересъ исключительно въ небольшихъ кружкахъ литературныхъ гастрономовъ. Не слишкомъ далеко за эти предѣлы распространяются и послѣдніе романы Эдмона Гонкура. Ближе всего къ Зола и Додэ, по интенсивности и характеру успѣха, подходитъ Гюи де-Мопассанъ; но онъ ограничивается, бо̀льшею частью, небольшими этюдами и остается, если можно такъ выразиться, „внѣ конкурса" съ своими старшими собратьями. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ къ сонму популярныхъ романистовъ—популярныхъ не въ одной Франціи—присоединился Поль Бурже. Наблюдательный, тонкій, граціозный, слегка меланхоличный, онъ сразу пріобрѣлъ расположеніе читателей—и въ особенности читатель-

ницъ,—видящихъ въ романѣ нѣчто бо́льшее, чѣмъ источникъ мимолетныхъ развлеченій. Поставить Бурже на одинъ уровень съ Зола и Додэ мѣшало только одно—отсутствіе силы и нѣкоторая ограниченность сферы, въ которой онъ вращался. Въ трехъ романахъ изъ четырехъ, написанныхъ Бурже до нынѣшняго года („Cruelle énigme“, „Crime d'amour“, „Mensonges“), онъ является исключительно лѣтописцемъ любви, и притомъ любви, выросшей на спеціально-парижской и спеціально-свѣтской почвѣ. Та же любовь играетъ довольно важную роль и въ „André Cornélis“, хотя главной его темой служитъ борьба чувствъ, напоминающая, съ внѣшней стороны, величайшую трагедію Шекспира. Тѣмъ бо́льшее впечатлѣніе долженъ былъ произвести послѣдній романъ Бурже, „Le disciple“, рѣзко отличающійся отъ всѣхъ прежнихъ и соединяющій въ себѣ всѣ условія, которыхъ имъ недоставало: оригинальность темы, новость положеній, сдержанную энергію тона. Въ сравненіи съ „Ученикомъ“ Бурже блѣднѣетъ „Безсмертный“ Додэ, блѣднѣетъ „Мечта“ Зола, блѣднѣютъ и многіе другіе эпизоды ругонъ-маккаровской эпопеи. Во Франціи давно уже не появлялось романа, который касался бы столь важныхъ задачъ и соединялъ бы такую художественность формы съ такою серьезностью содержанія.

Въ противоположность бо́льшей части современныхъ французскихъ романовъ, написанныхъ подъ вліяніемъ идей Флобера или доктринъ Зола, „Ученикъ“—произведеніе рѣшительно и откровенно тенденціозное. Бурже не только не старается замаскировать эту тенденціозность—онъ прямо провозглашаетъ ее въ предисловіи, предпосланномъ отдѣльному изданію романа [1]) и обращенномъ къ современной французской молодежи. Въ изящной литературѣ—такова основная мысль предисловія—молодежь ищетъ, между прочимъ, разрѣшенія волнующихъ ее вопросовъ. Отсюда отвѣтственность, лежащая на писателѣ, отвѣтственность тѣмъ болѣе тяжелая, чѣмъ важнѣе испытанія, предстоящія Франціи въ ближайшемъ будущемъ. Когда выступало на сцену поколѣніе семидесятыхъ годовъ—поколѣніе, къ которому принадлежитъ самъ Бурже,—путеводной его звѣздой могли служить воспоминанія о только-что закончившейся борьбѣ съ Германіей, о только-что погасшихъ пожарахъ коммуны. Оно хотѣло создать новую Францію, и если и не достигло этой цѣли, то много и честно надъ ней потрудилось. Поддержки со стороны власти оно

---

[1]) Первоначально „Le disciple“ былъ напечатанъ въ одномъ изъ французскихъ повременныхъ изданій, „Nouvelle Revue“.

не встрѣчало; напротивъ того, ему приходилось видѣть, какъ случайныя посредственности, забравъ въ свои руки распоряженіе страною, объявляли войну самымъ дорогимъ ея вѣрованіямъ. Молодое поколѣніе—или, лучше сказать, молодая буржуазія, въ которой Буржэ видитъ лучшую силу Франціи,—научилось подчиняться даже всеобщей подачѣ голосовъ, этой чудовищной и несправедливѣйшей тиранніи, не имѣющей на своей сторонѣ ни смѣлости, ни таланта. Оно все перенесло, со всѣмъ примирилось, лишь бы только за нимъ была оставлена возможность работать на общую пользу. Ему не удалось установить окончательную форму правленія, не удалось справиться съ грозными проблемами внѣшней политики и соціализма—но, благодаря ему, Франція *жила*, и это даетъ ему право на уваженіе его преемниковъ. Какую жизнь готовятъ для нея эти преемники, т.-е. молодые люди, которымъ теперь 18—25 лѣтъ? Буржэ не сомнѣвается въ томъ, что они съумѣютъ умереть, если наступитъ минута разсчета за 1871 годъ; но съумѣютъ ли они *жить*, есть ли у нихъ рѣшимость пріобрѣсти это умѣнье? Есть ли у нихъ идеалы, есть ли вѣра, надежда?... Въ средѣ новой молодежи Буржэ замѣчаетъ два типа, внушающіе ему тревогу за будущее. Формулой одного можетъ служить слово: *наслажденіе*. Для того, чтобы наслаждаться, нуженъ *успѣхъ*, успѣхъ во что бы то ни стало. Поклонники этого бога заимствовали изъ современной философіи природы великій законъ борьбы за существованіе—и слѣдуютъ ему съ такимъ усердіемъ, которое дѣлаетъ ихъ цивилизованными варварами. Ихъ своеобразный нигилизмъ не допускаетъ ничего похожаго на идеалъ; не находя его въ самихъ себѣ, они не вѣрятъ, чтобы онъ могъ существовать для кого-либо другого. Какъ ни ужасенъ человѣкъ, въ двадцать-пять лѣтъ представляющій изъ себя сочетаніе двухъ машинъ—счетной и чувственной (une machine à calcul au service d'une machine à plaisir), не его, однако, Буржэ признаетъ наиболѣе опаснымъ. Еще хуже—*утонченный* эпикуреецъ, никогда ни во что не вѣровавшій и неспособный вѣрить. Добро и зло, пороки и добродѣтели, прекрасное и уродливое—все это возбуждаетъ въ немъ только любопытство. Для него нѣтъ ничего истиннаго или ложнаго, нравственнаго или безнравственнаго. Онъ поклоняется только самому себѣ и ищетъ только новыхъ ощущеній. Его глубокая испорченность, его холодная жестокость прикрывается именемъ дилеттантизма. „Этого молодого человѣка,—восклицаетъ Буржэ,—мы всѣ слишкомъ хорошо знаемъ; въ жизни всякаго изъ насъ была минута, когда мы, подъ вліяніемъ слишкомъ краснорѣчивыхъ пара-

доксовъ, были на него похожи". Предостерегая молодежь отъ грубаго позитивизма, злоупотребляющаго чувственнымъ міромъ, отъ идейнаго жонглерства, злоупотребляющаго міромъ мысли, Бурже призываетъ ее къ культу любви и воли, внѣ котораго нѣтъ ничего кромѣ паденія и агоніи. Ученія, уменьшающія въ насъ способность любить и хотѣть, не могутъ быть истинными, какъ бы великъ ни былъ авторитетъ проповѣдника, какъ бы обаятельна ни была прелесть проповѣди. Нужно вѣрить, что въ насъ есть душа, нужно вѣрить, что за предѣлами жизни разстилается не безусловная пустота, а таинственная область непознаваемаго. Эта вѣра необходима для блага Франціи—и къ ея укрѣпленію сознательно стремился Буржэ, когда писалъ свою послѣднюю книгу.

Чтобы найти что-нибудь аналогичное намѣреніямъ, выраженнымъ въ предисловіи къ „Ученику", нужно обратиться къ временамъ Ж. Занда—Ж. Занда первой и второй манеры, автора „Indiana" и „Lélia", „Compagnon du tour de France" и „Péché de monsieur Antoine". Широкими философскими или политическими задачами французскій романъ второй половины нашего вѣка не задается. Мы знаемъ, однако, что это не всегда обезпечиваетъ за нимъ, на практикѣ, невозмутимую объективность, требуемую новѣйшими его теоретиками. Не говоря уже о симпатіяхъ и антипатіяхъ автора, почти неизбѣжно отражающихся въ его произведеніи, далеко нерѣдки и такіе случаи, когда романъ является средствомъ къ достиженію опредѣленной, сознательно намѣченной цѣли. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, *показывая* въ „Sapho" послѣдствія такъ-называемаго collage (т.-е. связи, основанной на чувственномъ увлеченіи, закрѣпленной временемъ и привычкой), въ „Immortel"—результаты погони за академическими пальмами Додэ *хотѣлъ* вмѣстѣ съ тѣмъ *доказать* опасность обоихъ положеній, предостеречь противъ одного изъ нихъ—молодыхъ людей, противъ другого—писателей, перестающихъ быть молодыми. Сочиняя „Rêve", Зола несомнѣнно *хотѣлъ* выступить въ новой роли, прямо противоположной его обычному жанру. Если въ основаніи романа могутъ лежать подобные замыслы, сравнительно узкіе и носящіе на себѣ рѣзкій отпечатокъ личныхъ, случайныхъ настроеній, то гдѣ же причина исключать изъ его сферы тенденцію въ старомъ смыслѣ этого слова, тенденцію, построенную на идеѣ? Если романъ, даже „экспериментальный", пишется иногда не только ad narrandum, но и ad probandum, то неужели единственнымъ оправданіемъ этому можетъ служить выборъ доказуемой темы изъ области прак-

тической, будничной жизни? Намъ кажется, наоборотъ, что чѣмъ выше, чѣмъ важнѣе основной тезисъ, тѣмъ больше, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, значеніе произведенія. Стараясь сбросить французскую академію съ пьедестала, созданнаго для нея отчасти—но только отчасти—традиціей и рутиной, Додэ переступилъ черту, отдѣляющую романъ отъ памфлета; онъ потерялъ свойственное ему чувство мѣры и написалъ картину, слишкомъ часто смахивающую на каррикатуру. Учрежденіе, членами котораго были еще недавно Гюго, Гизо, Литтре́, Клодъ Бернаръ, Беррье (мы беремъ, нарочно, представителей самыхъ различныхъ отраслей умственной дѣятельности), въ составъ котораго и теперь входятъ такіе поэты, какъ Леконтъ де-Лиль, Коппэ, Сюлли-Прюдоммъ, такіе драматурги, какъ А. Дюма и Эмиль Ожье, такіе ученые, какъ Ренанъ, Тэнъ и Пастёръ, не можетъ быть похоже на сборище нравственныхъ и умственныхъ уродовъ, выведенное на сцену въ „Безсмертномъ“ (припомнимъ, напримѣръ, описаніе похоронъ Луазильона). Стараясь быть цѣломудреннымъ и наивнымъ, Зола, въ „Мечтѣ“, впадаетъ въ аффектацію, въ манерность; онъ производитъ, мѣстами, впечатлѣніе великовозрастнаго, плечистаго, басистаго мужчины, нарядившагося въ костюмъ школьника и пытающагося говорить тонкимъ голоскомъ подростка... Маленькая задача тянетъ внизъ, крупная — влечетъ наверхъ, если только есть на-лицо сила для подъема. Съ этой оговоркой можно повторить и теперь слова поэта: es wächst der Mensch mit seinen höh'ren Zwecken. Новымъ подтвержденіемъ ихъ служитъ „Ученикъ“ Буржэ.

Тенденціозному роману приходится считаться съ затрудненіями особаго рода. Желанье освѣтить какъ можно ярче излюбленный тезисъ ведетъ иногда къ излишней выпуклости или излишней расцвѣченности фигуръ, къ неправдоподобности положеній, къ искусственности завязки или развязки. Дѣйствующія лица оказываются слишкомъ добродѣтельными или слишкомъ порочными, слишкомъ часто садятся на своего конька, слишкомъ быстро на немъ скачутъ. Все пригоняется къ извѣстной мѣркѣ, все разсматривается подъ однимъ и тѣмъ же угломъ зрѣнія. На помощь дѣйствію призывается разсужденіе; авторъ морализируетъ и проповѣдуетъ; разсказъ усложняется поученіемъ; подъ картинами дѣлаются объяснительныя надписи. Отъ этихъ недостатковъ не свободны, по временамъ, ни Ж.-Зандъ, ни Диккенсъ, ни Ауэрбахъ, ни Достоевскій. Въ „Ученикѣ“ они почти незамѣтны. Философъ, доктриной котораго оправдываетъ и защищаетъ себя Грелу, выставленъ въ симпатичномъ свѣтѣ; самъ Грелу—

е не отъявленный злодѣй, не демонъ въ с
нію Адріена Сикста не дано господствующ
исѣ преступленія, жертвой котораго стано
Кюсса; вліяніемъ „учителя" далеко не исче
процессъ, совершающійся въ душѣ „учени
о характера изложеніе нигдѣ не принимает
ь отъ своего лица только въ предисловіи; в
ничего не подсказываетъ читателямъ, предо
ъ выводить изъ него то или другое заключе
ержанной является, съ этой точки зрѣнія, то
а романа, къ которой мы еще возвратимся. П
ихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ—Грелу и
ъ съ такою полнотою, какъ еслибы единс
ра было спокойное, холодное изслѣдованіе л
ь или рѣдкихъ душевныхъ настроеній. Предст
яднаго писателя поражаетъ мысль о зависимо
ги, дѣйствій—отъ взглядовъ, навѣянныхъ пре
іемъ. Если она слагается въ его умѣ по обр
пѣва: c'est la faute à Voltaire, c'est la fa
изобразить учителя въ видѣ злохитростнаго
видѣ голубя, постепенно пропитывающагося
получимъ съ одной стороны нѣчто въ родѣ
гой—нѣчто въ родѣ „Марины изъ Алаго Ро
еслава Маркевича). Возможна и другая комби
ученикъ съ самаго начала достоинъ учителя;
е у такого талантливаго романиста, какъ Фр
Итцигъ въ „Soll und Haben"). Въ „Disciple"
ъ нѣчто совершенно иное. Тенденція романа
аздо нагляднѣе, еслибы Грелу сдѣлался прес
енно вслѣдствіе переворота, произведеннаго
имъ съ ученіемъ Сикста, или еслибы въ сам
гъ соотвѣтствовалъ образъ дѣйствій. О та
жэ даже и не помышляетъ. Основной его м
въ предисловіи, можно противопоставить до
изъ самаго романа. Можно замѣтить, напри
ъ безнадежно испорченъ еще въ ранней моло
іе взглядами, встрѣченными имъ въ книгахъ
орило всходъ сѣмянъ, давно уже брошенныхъ
ву; можно сослаться на Сикста, которому тѣ ж
помѣшали остаться честнымъ и чистымъ. Всѣ
дусмотрѣны Буржэ, какъ бы подсказаны имъ
но въ главѣ: Tourments d'idées, изображающ

стояніе Сикста послѣ прочтенія исповѣди Грелу. Стараясь доказать самому себѣ отсутствіе всякой связи между ученіемъ и „ученикомъ“, Сикстъ допускаетъ, на минуту, существованіе нравственной отвѣтственности, отрицаемой его доктриной—и вспоминая, съ этой точки зрѣнія, всю свою прежнюю жизнь, не находитъ въ ней никакихъ основаній для самообвиненія. Еще ребенкомъ онъ вносилъ въ свои работы точность, достойную его отца-часовщика. Позже, когда онъ началъ мыслить, что̀ онъ любилъ, чего хотѣлъ достигнуть? Истины. Ей, только ей онъ служилъ своимъ перомъ; ей онъ принесъ въ жертву все: богатство, семью, здоровье, любовь, дружбу. Вдумываясь въ свое прошедшее со всею силой генія, со всею искренностью неподкупной совѣсти, онъ не видитъ въ немъ ни одного дня, ни одного часа, когда бы онъ отступилъ отъ выбраннаго имъ разъ навсегда девиза: говорить все что̀ думаешь и только то что̀ думаешь. Чего иного можетъ требовать чувство долга отъ тѣхъ, кто всего тверже вѣритъ въ это чувство?.. Что касается до Грелу, то Сикстъ примѣняетъ къ нему формулу: „tant vaut l'âme, tant vaut la doctrine“. Онъ утѣшаетъ себя мыслью, что нѣтъ ученія, которое не могло бы быть извращено ученикомъ, раньше уже извращеннымъ. Онъ вспоминаетъ то мѣсто исповѣди, изъ котораго видно, что въ орудіе порчи обращались, для Грелу, даже религіозные обряды... Бо̀льшаго безпристрастія, со стороны автора тенденціознаго романа, нельзя себѣ и представить. Буржэ напоминаетъ, съ этой точки зрѣнія, симпатичный и хорошо извѣстный именно намъ, русскимъ, типъ обвинителя-психолога, въ устахъ котораго обвиненіе часто соприкасается съ защитой, предвосхищая ея доводы не только для того, чтобы заранѣе ихъ опровергнуть, но и для того, чтобы признать заключающуюся въ нихъ долю истины.

Мы видѣли, съ какою осторожностью проводится тенденція въ новомъ романѣ Буржэ; посмотримъ теперь поближе на ея сущность. Она вытекаетъ изъ цѣлаго ряда вопросовъ, возбуждаемыхъ „Ученикомъ“. Принадлежитъ ли отвлеченная мысль, пускаемая въ оборотъ, къ числу факторовъ, обусловливающихъ движеніе личной и общественной жизни? Если принадлежитъ, то упадаетъ ли на мыслителя, и въ какой мѣрѣ, отвѣтственность за практическіе результаты его ученія? Что̀ можетъ предохранить учениковъ отъ слишкомъ безусловнаго подчиненія вліянію учителя? Прежде чѣмъ опредѣлить, разрѣшаетъ ли всѣ эти вопросы, и какъ именно, самъ Поль Буржэ, не мѣшаетъ познакомиться съ мнѣніями, высказанными, по поводу „Disciple“, въ французской періодической прессѣ. Критикъ „Revue des deux mondes“, Брю-

ъ, видитъ главную заслугу Буржэ именно
оторою онъ провозгласилъ нравственную
теля. „Ученикъ“, въ глазахъ Брюнетьера —
ый романъ, но и доброе дѣло. Необходимо б
оложеніе, угрожающее опасными послѣдстві
истиннымъ. „Если даже,—восклицаетъ Бр
ь увѣренъ, что борьба за существованіе—та
ь для человѣка, какъ и для животныхъ, и ч
, кромѣ права силы, онъ не долженъ вы
нности, потому что логическое проведеніе ея
звращеніемъ въ первобытное варварство.
ь увѣренъ, что человѣкъ несвободенъ, онъ
ь этого, потому что единственнымъ основан
и общественнаго порядка служитъ постула
дной воли. Никто, впрочемъ, и не можетъ
вѣренности; детерминизмъ — не что иное
ъ не болѣе вѣская, чѣмъ обратное предпол
и изъ противниковъ Брюнетьера — Анатол
ps“, анонимнымъ авторомъ въ „Revue Scie
были истолкованы какъ призывъ къ огран
ыхъ изысканій, въ новой варѳоломеевской н
ротивъ философовъ извѣстной школы. Въ
напечатанной въ „Revue des deux monde
стуетъ противъ этого толкованія; онъ при
жденія“, признаетъ и свободу отрицанія,
ованіе ею было осторожно, „почти робко“ (
ду безконечныхъ страданій, къ которымъ м
ой области, малѣйшая ошибка.
Несмотря на эти оговорки, мы думаемъ,
авильно понялъ основную идею „Ученика“. А
ъ онъ изображенъ въ романѣ Буржэ, не (
, еслибы „робко“ шелъ по однажды избран
о „робость“ — даже „осторожность“ въ вы
алась бы ему грѣхомъ противъ обязанности
ничего не видѣлъ: обязанности говорить вск
у. Правдой онъ могъ считать только резуль
ы, которой онъ отдалъ всю жизнь и въ ко
ся никакими личными соображеніями. Исповѣ
на него потрясающее впечатлѣніе, навела ег
ѣлый рядъ мучительныхъ сомнѣній; но поче
ыло первымъ соприкосновеніемъ его съ дѣ
ѣхъ поръ—говоримъ словами Буржэ—„Адрі

среди общества, вовсе его не видя. Увлеченія, которыя онъ описывалъ, преступленія, которыя онъ изучалъ, были для него чѣмъ-то въ родѣ случаевъ, заносимыхъ въ медицинскія книги: А., 35 лѣтъ, холостой, такой-то профессіи,—и затѣмъ цѣлый рядъ подробностей, столь же безличныхъ. Теоретикъ страстей, анатомъ волевыхъ импульсовъ въ первый разъ очутился лицомъ къ лицу съ реальнымъ существомъ, облеченнымъ въ плоть и кровь. Исповѣдь Грелу, находя отголосокъ въ совѣсти Сикста, дѣйствовала, вмѣстѣ съ тѣмъ, на его воображеніе, какъ солнечный лучъ на зрачокъ, съ котораго только-что снято бѣльмо". Отсюда интенсивность ощущеній, переживаемыхъ Сикстомъ и доходящихъ до своего кульминаціоннаго пункта передъ трупомъ злосчастнаго „ученика". Въ эту минуту опускается занавѣсъ романа. Допустимъ, однако, что авторъ захотѣлъ бы вести его дальше. Чтò сталъ бы дѣлать Сикстъ, возвратясь въ Парижъ, въ уединеніе улицы Гюи-де-ла-Броссъ? Конечно—продолжать свои изслѣдованія, потому что въ нихъ сосредоточивалась вся его жизнь [1]). Измѣнить ихъ исходную точку, ихъ окончательные выводы для него едва ли было бы возможно; міросозерцаніе, созданное годами, не рушится отъ одного удара, какъ бы страшна ни была его сила. Пересталъ ли бы Сикстъ печатать свои труды? И это болѣе чѣмъ невѣроятно, потому что потребность мыслить вслухъ, однажды возбужденная, угасаетъ, бòльшею частью, лишь вмѣстѣ съ самой мыслью. Внесъ ли бы онъ въ свои новыя книги ту осторожность, ту „робость", которыя рекомендуетъ Брюнетьеръ? Быть можетъ, его перо останавливалось бы, мѣстами, подъ гнетомъ думы о погибшемъ „ученикѣ",—но съ теченіемъ времени этотъ гнетъ становился бы все легче и легче, и воспоминаніе о случившемся отражалось бы развѣ въ попыткахъ доказать, что практическіе выводы Грелу не имѣли ничего общаго съ теоретическими положеніями „учителя". Итакъ, по вопросу объ отвѣтственности романистъ не солидаренъ съ своимъ критикомъ. Не солидаренъ онъ, слѣдовательно, и съ дальнѣйшимъ ходомъ мысли Брюнетьера. Какъ бы энергично ни возставалъ послѣдній противъ обвиненій, взведенныхъ на него Анатолемъ Франсъ и сотрудникомъ „Revue Scientifique", совершенно неправыми обвинителей назвать нельзя. Чтò значитъ категорическій императивъ, съ которымъ Брюнетьеръ обращается къ философамъ другого берега: „ты *не долженъ* го-

[1]) Предположеніе о самоубійствѣ Сикста мы устраняемъ, какъ потому, что на возможность такого исхода Буржэ не даетъ ни малѣйшаго намека, такъ и потому что мыслители въ родѣ Сикста не разстаются добровольно съ жизнью, пока не сказали своего послѣдняго слова.

гого-то и того-то, *не долженъ* высказывать т
ı?“ Если это не что иное, какъ призывъ к
увству долга, то вѣдь оно не у всѣхъ по
ту же мѣрку. Понимаемое въ смыслѣ Брюнет
оедписываетъ одно; понимаемое въ смыслѣ Си
ругое. Съ точки зрѣнія Брюнетьера, оно тре
точки зрѣнія Сикста — открытой и безбояз
зняется, въ сущности, положеніе дѣла и д
гъ въ чувство долга; вся разница сводится
формулы: „*я долженъ говорить*“, они отвѣтя
юнетьера: „*я не могу не говорить*“. Въ
sumus, Брюнетьеру, чтобы быть логичны
обратиться къ внѣшней силѣ, т.-е. къ гос
Въ самомъ дѣлѣ, если есть мысли, которыхъ
уетъ высказывать, а наложить на себя добро
мыслитель несогласенъ, то нужно *заставит*
уя запрещеніе общей пользой, интересомъ
енности. Къ тому же результату ведетъ и
редакція тезиса Брюнетьера, разрѣшающая
словіемъ *осторожности* и *робости*. А е
не захочетъ или не съумѣетъ быть осторож
Всякая теорія, ведущая къ ограниченію своб
занія, представляетъ собою наклонную плос
легко вступить, но очень трудно остановиться
имо и къ другому положенію Брюнетьера: *о*
етъ быть *истинной*. Опасной казалась, въ с
Коперника, и мысль Галилея—а это не п
я истинными. Въ области отвлеченной мысл
ти, въ высшей степени условное и относительн
ому, что оно неразрывно связано съ другимъ
ъ предупрежденія и пресѣченія... Еслибы
сихъ поръ оставляло какое-либо сомнѣніе
ій Буржэ, то для устраненія его достаточн
овіе къ „Ученику“. Оно не указываетъ п
ъ не долженъ выходить „учитель“; оно
го предостерегаетъ „учениковъ“ отъ увлече
ающими силу любви и бодрость воли.
ергая толкованіе Брюнетьера, мы не можемъ
что въ романѣ Буржэ на первый планъ
ко „ученикъ“, но и „учитель“. Если въ
твенность“ учителя упомянута лишь мимох
нно, посвящена одна изъ самыхъ сильныхъ

(„Tourments d'idées"). Намъ кажется только, что эта глава принадлежитъ къ числу наименѣе тенденціозныхъ частей „Ученика". Состояніе духа, въ которое повергаетъ Сикста исповѣдь Грелу, послужило для Буржэ скорѣе предметомъ психологическаго этюда, чѣмъ поводомъ къ поученію. Чувство отвѣтственности за „ученика", возникающее въ душѣ Сикста, напоминаетъ всего больше ощущенія человѣка, нечаянно ставшаго убійцей. Это—не Немезида, настигающая грѣшника; это—какое-то стихійное бѣдствіе, не имѣющее ничего общаго съ возмездіемъ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что не можемъ представить себѣ Сикста измѣнившимъ своему прежнему образу мыслей и образу дѣйствій. Оправившись послѣ катастрофы, онъ могъ бы повторить, слегка ихъ видоизмѣняя, извѣстныя слова Мирабо: je suis aujourd'hui ce que j'ai été hier—и продолжать прерванное дѣло, какъ продолжало свою работу, по приглашенію великаго оратора, учредительное собраніе 1789 года... Тенденція „Ученика" пріурочивается, слѣдовательно, почти всецѣло къ исповѣди Грелу. Не даромъ же Буржэ посвятилъ свой романъ молодому поколѣнію. Онъ не обращается ни къ мыслителямъ, озабоченнымъ исключительно логическою правильностью своихъ теорій, ни къ правительству, вовсе не призванному различать истину отъ „лжеученій"; онъ обращается къ молодежи и сигнализируетъ подводный камень, о который легко могутъ разбиться ея лучшія силы. Оба типа молодыхъ людей, намѣченные въ предисловіи къ „Disciple", принадлежатъ, несомнѣнно,—и не въ одной только Франціи,—къ числу наиболѣе характеристичныхъ знаменій нашего времени. Столь же несомнѣнно и то, что одинъ изъ нихъ изображенъ, въ лицѣ Грелу, съ замѣчательнымъ искусствомъ. Это—зеркало, въ которомъ многіе изъ современныхъ молодыхъ людей могутъ увидѣть свое возможное, вѣроятное будущее. Остановитъ ли это кого-нибудь изъ нихъ? Мыслимъ ли поворотъ съ пути, къ которому влекутъ унаслѣдованныя и пріобрѣтенныя свойства? До извѣстнаго момента—да. Съ мнѣніями, только-что заимствованными извнѣ, разстаться не такъ трудно, какъ съ взглядами, выработанными цѣлою жизнью. О радикальной перемѣнѣ міросозерцанія здѣсь нѣтъ, притомъ, и рѣчи; достаточно критической его повѣрки или даже простой осмотрительности въ примѣненіи его къ дѣйствительной жизни. Отвергая формулу Брюнетьера: „что̀ опасно, то̀ не можетъ быть истинно", мы готовы согласиться съ Буржэ, когда онъ предостерегаетъ молодежь противъ ученій, уменьшающихъ силу любви и твердость воли. Мы понимаемъ это предостереженіе въ томъ смыслѣ, что господствующее мѣсто въ нравственномъ раз-

витіи желательно удержать за идеей общаго
водящаго начала личной дѣятельности. Къ
придти съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія
стить съ самыми различными ученіями. Для т
ея изъ виду, неопасны никакія философскія
выведетъ изъ нихъ ничего такого, чѣмъ узак
и уничтожалось бы, фактически, различіе между
Значеніе тенденціознаго произведенія не изм
непосредственнымъ дѣйствіемъ его на умы и
Еслибы „Ученикъ“ и не заставилъ задуматься
en herbe, не вырвалъ ни одного новобранца
ныхъ жонглеровъ“ и „утонченныхъ эпикурейц
таки осталась бы заслуга художественнаго
больше чѣмъ когда-либо имѣющаго право н

Мы уже сказали, что Грелу—вовсе не зл
рожденный преступникъ. Унаслѣдованною, не
сколько отъ отцовской расы, является въ нем
ственность натуры, располагающая его къ хлад
денію надъ самимъ собою, къ скрытности, къ
расположеніе ростетъ, когда, съ ранней смер
наступаетъ умственное одиночество. Оставься
Грелу, обостренное любопытство мальчика н
пріобрѣтеніи положительныхъ знаній; тепер
любопытства дѣлается онъ самъ. Поводомъ
болѣзненному углубленію въ самого себя ст
даже приготовленіе къ исповѣди, къ первому
мываясь надъ своими грѣхами, онъ чувствуетъ
ніе, сколько удовольствіе—удовольствіе человѣк
ресныя открытія. Самыя простыя свои дѣйств
объяснять самыми сложными мотивами. Кри
къ самому себѣ скоро переходитъ въ критиче
другимъ—и прежде всего къ духовнику, не
настроеніе своего питомца, къ матери, совер
по духу. Ограниченность ихъ обоихъ кажется
заннымъ съ ихъ вѣрованіями; все блестящее
ходитъ въ противоположномъ лагерѣ, къ ко
теперь понимаетъ, принадлежалъ и покойный
нетъ въ эту интеллигентную среду, для которо

[1]) Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что нѣсколько
въ исповѣди Грелу, наслѣдственнымъ его свойствамъ, не
тристическая иллюстрація къ вопросу о наслѣдственности
эту тему авторомъ „Ругонъ-Маккаровъ“.

видимому, и совершенно иныя правила жизни. Довершаетъ перемѣну, въ области чувства, знакомство съ современной литературой (съ Мюссэ, Стендалемъ, Бальзакомъ, Бодлэромъ), въ области мысли—знакомство со философіей. Новый человѣкъ сначала живетъ въ Грелу рядомъ съ старымъ, отчасти сознательно, отчасти невольно прикрываясь его оболочкой. За пробужденіемъ чувственности слѣдуетъ раскаяніе, въ послѣдній разъ возвращающее его къ полу-утраченнымъ религіознымъ вѣрованіямъ. Въ сочиненіяхъ Сикста Грелу находитъ, наконецъ, недостававшую ему точку опоры и желанное успокоеніе. Онъ вѣритъ, вмѣстѣ съ Сикстомъ, что реально одно наше *я*, что природа и люди существуютъ для насъ лишь настолько, насколько они даютъ намъ матеріалъ для мыслей и ощущеній. Въ чувствахъ, своихъ и чужихъ, онъ видитъ только предметъ изслѣдованія, въ жизни—экспериментъ, предпринимаемый природой и наблюдаемый наукой. Въ такомъ настроеніи онъ поступаетъ учителемъ въ знатную семью де-Жюссà, живущую въ глуши оверньскихъ горъ. Здѣсь его поражаютъ два лица: старшій сынъ, графъ Андре́, бодрый, энергичный, исполненный гордости и сословной нетерпимости, и дочь, Шарлотта, любящая, нѣжная, чистая. Въ графѣ Андре́ Грелу сразу угадываетъ натуру, прямо противоположную его собственной, и относится къ нему съ невольною завистью и злобой, въ которыхъ отражается, быть можетъ, унаслѣдованная отъ отдаленныхъ предковъ ненависть слабаго къ сильному, побѣжденнаго къ побѣдителю. Уравновѣшенность и эластичность, которыя Грелу чувствуетъ въ Андре́, возбуждаютъ въ первомъ нѣчто похожее на ощущенія Фауста: ему хочется не только мыслить, но и жить, наслаждаться, испытать всю полноту страсти. Объектомъ этой страсти онъ избираетъ Шарлотту, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшается произвести надъ ней и надъ самимъ собою психологическій опытъ in optima forma. Разница положеній и состояній, съ безцеремонной наивностью подчеркиваемая, на каждомъ шагу, самимъ маркизомъ и графомъ Андре́, увеличиваетъ, въ глазахъ Грелу, заманчивость составленнаго имъ плана. Онъ приступаетъ къ исполненію своего намѣренія, добиваясь, съ величайшею настойчивостью и хитростью, того, что̀ дается ему, въ сущности, само собою. Шарлотта любитъ его, любитъ не вслѣдствіе тонкости сѣтей, раскинутыхъ имъ на ея пути, а по естественному влеченію горячаго, простого сердца. Въ самомъ Грелу къ разсчету скоро присоединяется любовь, но предаться ей беззавѣтно и всецѣло ему мѣшаетъ привычка жить двойною жизнью, анализировать каждое ощущеніе, смотрѣть на себя и на другихъ какъ на ма-

теріалъ для научныхъ или quasi-научныхъ экспери
гордится тѣмъ, что можетъ управлять, по своему
сложнымъ механизмомъ женскаго мозга, и сравни
Пастёромъ, съ Клодъ-Бернаромъ: они занимались ил
вивисекціей надъ животными, онъ производитъ ее
ческой душой. Когда въ немъ возникаютъ сомнѣні
останавливается, невольно, передъ чистотой Шарло
зываетъ на помощь свои любимыя доктрины. Онъ
что въ жизненной лотереѣ добродѣтель и порокъ—
красное и черное на столѣ игорнаго дома: „правъ
невинная дѣвушка имѣетъ столь же мало, какъ и
разъ выигравшій на красномъ или черномъ". Пре
ѣздъ жениха Шарлотты заставляетъ Грелу усилить
зой самоубійства, отчасти искренней, онъ заставля
придти къ нему въ комнату; перспектива смерти
одно и то же время, бросаетъ ее въ его объятія
цѣли, Грелу не хочетъ умереть—и любовь, въ серд
уступаетъ мѣсто безграничному презрѣнію. Потеравъ
и въ любимаго человѣка, она не можетъ больше ж
ляется ядомъ, взятымъ ею у Грелу, раскрывъ пере
правду въ письмѣ къ брату. Подозрѣніе въ отравле
на Грелу. Онъ могъ бы оправдаться, сославшись на
графа Андрé,—но лучшія стороны его натуры за
молчать, даже рискуя смертью. Судьей своего
своего настоящаго онъ дѣлаетъ Сикста, сообщая е
вѣдь. Онъ ожидаетъ отъ своего учителя не столько с
утѣшенія. Отрицая въ теоріи раскаяніе и угрызенія
испытываетъ ихъ на самомъ дѣлѣ; „его сердце с
томъ, чтò его умъ признаетъ за истину". „Укрѣп
такова отчаянная мольба, съ которою онъ обращается
„укрѣпите меня въ убѣжденіи, что все случившееся
случиться, что всѣ наши дѣйствія, даже самыя от
самыя ужасныя, неизбѣжно вытекаютъ изъ законо
что простымъ исполненіемъ этихъ законовъ было
Шарлотты, и отказъ умереть вмѣстѣ съ нею. Ска
я не чудовище, что чудовищъ нѣтъ вовсе, что я
вашимъ ученикомъ, вашимъ другомъ"...

И такъ, „ученикъ" не остался до конца послѣд
невозмутимымъ. Въ внутреннемъ противорѣчія, та
браженномъ въ исповѣди Грелу, заключается глав
его положенія и главный интересъ романа. Есл
Грелу была только тѣмъ, чѣмъ онъ сначала хотѣлъ

холоднымъ, безстрастнымъ изложеніемъ любопытнаго психологическаго „казуса“, мы имѣли бы дѣло съ нравственнымъ уродомъ, съ психологическимъ субъектомъ, не заключающимъ въ себѣ ничего типичнаго. Теперь Грелу является *человѣкомъ*—изломаннымъ, извращеннымъ, но все-таки человѣкомъ, болѣзнь котораго есть отчасти болѣзнь вѣка. Даже въ то время, когда онъ съ такой обдуманностью, съ такимъ макіавелизмомъ преслѣдовалъ свою добычу, онъ не былъ чуждъ сердечнаго, искренняго чувства; онъ не только желалъ обладать Шарлоттой, но и любилъ ее—и были минуты, когда онъ былъ готовъ умереть изъ-за нея или вмѣстѣ съ нею. Мотивы, управлявшіе его дѣйствіями, были многочисленны и сложны; его міросозерцаніе было только однимъ изъ нихъ, но именно тѣмъ, которому принадлежало, въ рѣшительныя минуты, рѣшающее значеніе. По собственному выраженію Грелу, оно „парализировало ему сердце ударами идей“; оно не позволило ему отдаться, просто и прямо, чувству первой юношеской любви; оно помѣшало ему понять любимую женщину, заставило его играть роль, когда достаточно было бы быть самимъ собою; оно подсказало ему оправданія для нарушенія слова, даннаго Шарлоттѣ. Само собою разумѣется, однако, что если при другихъ теоретическихъ взглядахъ тотъ же Грелу могъ бы поступить иначе, то иначе могъ бы поступить и другой сторонникъ тѣхъ же самыхъ взглядовъ. Доктрины, въ родѣ проповѣдуемой Сикстомъ и исповѣдуемой Грелу, не ведутъ, неизбѣжно и неотвратимо, къ „параличу сердца“; онѣ только способствуютъ ему, подготовляютъ для него благопріятную почву. Противодѣйствовать имъ, въ этомъ отношеніи, можетъ именно то, чего мы не находимъ въ исторіи развитія Грелу: сознаніе солидарности съ тѣмъ или другимъ великимъ цѣлымъ—родиной, народомъ, государствомъ, человѣчествомъ, активное участіе въ политической и общественной жизни. Въ исповѣди Грелу нѣтъ ни одного слова, которое бы относилось къ совершающемуся вокругъ него во Франціи, въ Европѣ—и это молчаніе, конечно, не случайно. Буржэ хорошо понялъ, что задуманное имъ лицо могло сложиться только въ тепличной атмосферѣ сознательнаго, систематическаго эгоизма. „Идейное жонглерство“, ненавистное автору „Ученика“, почти всегда идетъ рука объ руку съ политическимъ индифферентизмомъ... Замѣтимъ мимоходомъ, что съ основной тенденціей романа не вполнѣ ладитъ выходка противъ всеобщей подачи голосовъ, нашедшая себѣ мѣсто въ предисловіи къ „Ученику“. „Если всеобщая подача голосовъ,—такъ могутъ разсуждать, основываясь на словахъ самого Буржэ, всѣ расположенные къ „эпикурейству“, — не что

иное, какъ *самая чудовищная и несправедливая*
оставляющая мѣста ни для смѣлости, ни для тал
нечего дѣлать въ ея области; мы имѣемъ полное пр
отъ нея какъ можно дальше и наблюдать, съ
усмѣшкой, ея жалкія и безсильныя потуги". Нужн
насколько такое разсужденіе удобно для людей вт
насколько оно можетъ увеличить число „учени
Сикста?

До послѣдней главы романа интересъ сосредот
цѣло на двухъ центральныхъ его лицахъ—Грелу
запно они отступаютъ на второй планъ и мѣсто
графъ Андре́. Сикстъ, прочитавъ исповѣдь своего
тился къ графу съ слѣдующими неподписанными
рукахъ графа де-Жюсса́ находится письмо его с
вающее невинность Робера Грелу. Допустить ли
невиннаго?" Эти строки возобновляютъ въ душѣ А
нюю борьбу, мучившую его съ тѣхъ поръ, какъ
почти въ одно и то же время, письмо сестры и вѣс
Онъ рѣшился-было молчать, чтобы этимъ путемъ от
и сжегъ письмо Шарлотты; но онъ не можетъ п
мыслью, что есть еще кто-то, знающій всю правд
щій его молчаніе. Въ послѣднюю минуту, когда у
изнесеніе вердикта—и вердикта, безъ сомнѣнія,
для Грелу,—графъ Андре́ является въ судъ и дае
оправдывающее обвиняемаго. Грелу освобожденъ о
отъ смерти; его въ тотъ же вечеръ убиваетъ граф
посредственно предшествуя концу романа, все эт
мѣщаетъ центръ тяжести его. Ненаписанной, вс
перемѣщенія, осталась сцена, которой, безъ сомн
всѣ читатели „Ученика"—сцена свиданія между
стомъ; другими словами, ненаписаннымъ остался о
на исповѣдь Грелу... Торопливость, съ которою
манъ, отразилась особенно ясно на послѣдней
Авторъ говоритъ здѣсь отъ своего собственнаго им
ни разу не дѣлалъ прежде; онъ не столько изобр
женіе Сикста, сколько высказываетъ свои собств
по поводу этого положенія. Переставъ слѣдить за
самой минуты отъѣзда его въ Ріомъ (гдѣ разсмат
цессъ Грелу), за Грелу—со времени окончанія ис
точно потерялъ нить разсказа и окончилъ его е
дорисовавъ, нѣсколькими завершительными чертам
ныя его фигуры. Это единственное возраженіе, ко

жемъ сдѣлать противъ конструкціи романа. Съ психологической точки зрѣнія, не совсѣмъ вѣрной кажется намъ только одна черта въ обрисовкѣ Сикста. Когда мать Грелу передаетъ Сиксту рукопись своего сына, она не знаетъ ея содержанія; она думаетъ, что это философскій трактатъ, представляемый ученикомъ на обсужденіе учителя. Сикстъ, раскрывая тетрадь, видитъ уже изъ первыхъ словъ, о чемъ идетъ въ ней рѣчь, и колеблется, читать ли ему дальше. Его научное любопытство сильно возбуждено, онъ чувствуетъ, что имѣетъ передъ собою важный „психологическій документъ"; но онъ боится потерять свое обычное спокойствіе, безъ того уже нарушенное вызовомъ къ слѣдователю и посѣщеніемъ madame Грелу, боится сдѣлаться повѣреннымъ преступника —или быть призваннымъ къ защитѣ невинно-обвиняемаго. Все это совершенно естественно—но едва ли Сиксту уже тогда могло придти на мысль, что въ исповѣди окажутся слѣды его вліянія на Грелу и что она поставитъ его лицомъ къ лицу съ вопросомъ объ отвѣтственности учителя за ученика. Самое представленіе о такой отвѣтственности было слишкомъ далеко отъ Сикста, слишкомъ несогласно съ его доктриной; оно могло возникнуть въ немъ *послѣ* чтенія исповѣди, среди мучительныхъ сомнѣній, ею возбужденныхъ, но не раньше. Горделивое спокойствіе, наполняющее душу Сикста во время возвращенія его изъ зданія суда, не могло такъ быстро уступить мѣсто тревогѣ, хотя бы и смутной, неопредѣленной.

Мы исчерпали далеко не все замѣчательное въ романѣ Буржэ; мы ничего не сказали, напримѣръ, о мастерствѣ, съ которымъ изображена житейская обстановка Сикста и самая его жизнь, пока въ нее не ворвалась, какъ грозовая туча, исповѣдь Грелу. Первую главу „Ученика" французская критика совершенно справедливо ставитъ на одинъ уровень съ лучшими страницами Бальзака, освобожденными отъ претенціозности и многословія. Съ большимъ талантомъ нарисованы и второстепенныя фигуры—экономка Сикста, привратникъ его дома, слѣдственный судья, маркизъ де-Жюссà; лишнимъ кажется намъ только Фердинандъ (пѣтухъ привратника). Для насъ, русскихъ, любопытно мнѣніе Брюнетьера, что въ Грелу есть нѣчто общее съ героемъ „Преступленія и наказанія". Согласиться съ этимъ мнѣніемъ—а также съ другимъ указаніемъ Брюнетьера, на сходство Грелу съ Жюльеномъ Сорелемъ (главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ Стендалевскомъ „Rouge et Noir")—мы никакъ не можемъ. И Раскольниковъ, и Сорель —натуры увлекающіяся, страстныя, меньше всего теоретики и наблюдатели своей и чужой жизни. И тотъ, и другой охвачены

потокомъ окружающей ихъ дѣйствительности, современныхъ политическихъ теченій. Сорель поклоняется Наполеону, Раскольниковъ исполненъ состраданія къ „униженнымъ и оскорбленнымъ"; Грелу одинаково равнодушенъ къ политикѣ, къ отечеству, къ народу. Раскольникова научаетъ скрытности—и то въ весьма слабой степени—только совершенное имъ преступленіе; Сорель надѣваетъ на себя маску для достиженія практическихъ цѣлей; въ Грелу лицемѣріе проистекаетъ изъ основныхъ свойствъ его натуры. Между Грелу и Раскольниковымъ существуетъ то… точка соприкосновенія, что въ дѣятельности обоихъ … рую—далеко не одинаковую—роль играетъ отвлеченная до… о Сорелѣ нельзя сказать даже и этого. Столь же велика р… въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ „Преступленіи и … заніи" на первый планъ выступаетъ душевное настроеніе Р… никова *послѣ* убійства; исповѣдь Грелу относится почти … *подготовкѣ* преступленія—а въ „Rouge et Noir" вовсе нѣтъ кульминаціоннаго пункта, около котораго вращалось бы все дѣйствіе. За авторомъ „Ученика" можно, кажется, признать всецѣло … слугу созданія типической фигуры, свободной отъ подражан… живущей самостоятельною жизнью.

К. Арсеньевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Умри, моя мечта! ты поздно родилась:
Я сердцемъ охладѣлъ и очерствѣлъ душою;
Межъ жизнью и тобой порвется скоро связь—
Умри, моя мечта!—ты поздно родилась
И чувства позднія приносишь мнѣ съ собою.
Скажи—зачѣмъ въ тѣ дни, когда вокругъ меня
Все радостью цвѣло, и пѣло, и любило,
Ты не зажгла во мнѣ священнаго огня
И пламенемъ любви мой путь не озарила?
Теперь ужъ я не твой: что̀ день—слабѣетъ сила,
Послѣдняя струна въ душѣ оборвалась,
Послѣдняя заря мой день позолотила—
Умри, мечта! ты поздно родилась.

II.

Хочу, чтобъ яркій блескъ лазури
Затмился тучей грозовой,
Чтобъ пронеслось дыханье бури
И ливмя полилъ дождь косой;
Чтобъ, дикимъ ужасомъ объяты,
Лѣса до корня сотряслись;
Чтобъ грома мощные раскаты
Въ моей душѣ отозвались;
Чтобъ грозный пиръ стихіи шумной
Кипѣлъ всей мощью вѣчныхъ силъ—
И стонъ души моей безумной
Природы стономъ заглушилъ!

К. Медвѣдскій.

дѣлѣ, интересно что-нибудь узнать о тѣхъ людяхъ, которые ились около прекраснаго синяго моря, не побоявшись ни ъ нравовъ страны, ни здѣшней убійственной лихорадки, и режняго гнилого болота и непроходимой чащи сдѣлали кулью полосу. Какъ привѣтливо смотрятъ на путника эти крадомики на верхушкахъ окрестныхъ холмовъ, эти правильллеи цвѣтущихъ кустарниковъ, эти группы хвойныхъ деъ, рельефно выдающіяся на фонѣ свѣтло-зеленыхъ листоь! Русскому туристу, издревле страстному любителю новыхъ и новой жизни, такъ и хотѣлось бы остаться здѣсь, поъ себѣ сѣнь и пріютиться гдѣ-нибудь на горкѣ подышать ній зной живительнымъ морскимъ воздухомъ. Какъ не разить подробнѣе и не забрать надлежащихъ справокъ?

дни вамъ отвѣчаютъ, что здѣсь поселились русскіе люди, е, такъ сказать, піонеры культуры этой приморской полосы; дѣсь они положили не мало труда и много болѣли, страдая ервыхъ очисткахъ міазматическою лихорадкою; что нѣкоизъ нихъ затратили на очистки, посадки и постройки денегъ; что землю они пріобрѣли отъ мѣстныхъ жителей, ь; что теперь они будутъ имѣть много недоразумѣній съ истраціею, признающею всѣ эти земли казенными; что буочень жаль, если земли у нихъ отнимутъ, ибо люди эти завали бы поощренія и покровительства, а не преслѣдованія. ругіе заявляютъ вамъ, что это непрошенные піонеры и нинепризнанные культиваторы; что это просто *захватители казен*ной земли, наглецы, рѣшившіеся по-американски селиться на завѣдомо чужой (казенной, то-есть) землѣ; что цѣль ихъ — жадная нажива, разсчетъ на то, что въ будущемъ они возьмутъ громадныя деньги; что, конечно, въ самомъ непродолжительномъ времени, ихъ попросятъ снести свои постройки и удалиться подобру, по-здорову,—а не послушаютъ, такъ уберутъ силою; что имъ удалось, пользуясь оплошностью мѣстной администраціи, сдѣлать этотъ возмутительный захватъ; что теперь за береговою полосою смотрятъ строго, что всякому новому непрошенному піонеру и думать нечего о пріобрѣтеніи здѣсь участка земли. Если ему и удается сдѣлать это на-авось, пріобрѣсти ничего незначащіе документы, то при первыхъ же признакахъ работъ дай Богъ ему благополучно унести свои ноги.

Смущенный туристъ самъ не знаетъ, гдѣ правда. Если она не на краяхъ, а по срединѣ, какъ бываетъ обыкновенно, то сколько хлопотъ, недоразумѣній, опасеній! Богъ съ нимъ — съ этимъ привлекательнымъ красивымъ морскимъ берегомъ! Пусть

онъ останется какъ пріятное воспоминаніе, какъ чудна въ ряду сценъ и видовъ давнишняго путешествія.

Сколько людей,—желавшихъ пріобрѣсти здѣсь уча тивировать ихъ, поселиться со своими семьями, если годъ, то хоть на весну и лѣто, положить здѣсь св деньги,—проѣхали мимо, испуганные и сбитые съ то рѣчивыми показаніями свѣдущихъ людей.

II.

Однимъ изъ такихъ піонеровъ-культиваторовъ или лей казенной земли написана и настоящая статейка.

Педагогъ по профессіи, я работаю въ разных Кавказа вотъ уже двадцать-три года. Послѣ десятимѣ боты каждому городскому педагогу желательно подыша воздухомъ, отдохнуть гдѣ-нибудь на дачѣ или въ дере новенно каждый годъ тотъ изъ насъ, кто что-нибу отправляется или въ горы, или въ Крымъ, или на м кавказскія воды, а кто посмѣлѣе — на Волгу, въ Ф даже за границу. Такъ дѣлывалъ и я въ прежніе годы было дѣтей. Теперь съ дѣтьми совершать такія путешествія и дорого, и рискованно. Во времена моей безвозвратно минувшей молодости, въ Малороссіи, откуда я родомъ, и въ Новороссіи, я проводилъ каждый годъ нѣсколько мѣсяцевъ въ сельской тиши хохлацкой деревни. Тамъ я полюбилъ землю, растенія, физическій трудъ на открытомъ воздухѣ. Много разъ на Кавказѣ я порывался купить за свои трудовыя деньги клочокъ земли, построить себѣ хату и въ часы досуга заняться здоровымъ и освѣжающимъ трудомъ надъ землею. Вѣдь все книги и вѣчно однѣ книги, а послѣ нихъ слушаніе музыки въ какомъ-нибудь курортѣ, леченіе ваннами, водами да кумысомъ—все это очень ску пріѣдается скоро. Лѣто проходитъ какъ въ туманѣ; и настоящей нѣтъ, и отдыха настоящаго нѣтъ: ходишь, въ ка паціента, какъ одурѣлый, исполняя все по заказу, и в щаешься къ труду такимъ же усталымъ, какимъ уѣхалъ. тоже не на свободѣ: въ тѣсной, но дорогой квартирѣ и въ же стѣснительныхъ условіяхъ.

То ли дѣло въ своемъ собственномъ домѣ, на своей гдѣ на каждомъ клочкѣ твой трудъ, гдѣ твои зеленые вос ники, если ты ихъ хорошо посадилъ, хорошо воспиталъ, ра тебя своимъ ростомъ, своими цвѣтами, своими плодами, г

сторонніа тлетворныя вліянія выражаются засухой, вѣтромъ, — противъ чего ты въ силахъ бороться, — и всякими паразитными болѣзнями, лекарства противъ которыхъ даетъ тебѣ опытъ и разумная сельско-хозяйственная книга. Никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняешься: воленъ какъ птица. Встаешь съ зарею,—работаешь съ охотою, ѣшь съ аппетитомъ, что̀ Богъ послалъ, ложишься спать какъ убитый и встаешь на другой день бодрый и свѣжій. Дѣти, чахнувшія въ городской квартирѣ, вдыхаютъ полною грудью свѣжій цѣлительный воздухъ, ѣдятъ свѣжую неприхотливую пищу и, по примѣру старшихъ, заинтересовываются сельскою работою и начинаютъ привыкать къ умѣренному физическому труду.

Я рѣшительно не понимаю, почему русскому чиновнику наши отечественные философы отказываютъ въ способности къ сельскохозяйственной работѣ. Крестьянинъ Ивановъ, казакъ Ивановъ, мѣщанинъ Ивановъ—эти несомнѣнно могутъ работать, и только, кажется, эти: имъ поощреніе, имъ покровительство. Помѣщикъ Ивановъ отъ отцовъ, отъ прадѣдовъ—будь онъ отставной капитанъ или отставной титулярный совѣтникъ—можетъ работать, если захочетъ и если у него хватитъ умѣнья и денегъ. Почему же не можетъ съ успѣхомъ работать учитель Ивановъ, офицеръ Ивановъ, контрольный чиновникъ Ивановъ, если онъ на свои кровныя деньги купитъ себѣ землю, заведетъ хозяйство, садъ, виноградникъ и въ свободные отъ занятій дни будетъ жить въ своемъ имѣньицѣ или на своей дачѣ, гдѣ въ его отсутствіе хозяйничаетъ его жена, сынъ или дочь? Правда, въ былое время наша бюрократія, получая жалованныя земли иногда въ большомъ количествѣ (и у насъ на Кавказѣ), торжественно проваливалась, ничего съ этими землями не сдѣлавши и продавая ихъ въ чужія руки. Но вѣдь большимъ кораблямъ большое и плаванье. Имѣя небольшое хозяйство и ведя его умѣло, почерпая знанія и изъ опыта, и изъ книгъ, чиновникъ, въ особенности если онъ профессіональный чиновникъ, имѣющій образованіе, не только самъ обезпечитъ себѣ тихое пристанище на старость, но можетъ служить хорошимъ примѣромъ трудолюбивой и разумной жизни для сосѣдей. Мало вѣроятія, что онъ будетъ пропивать плоды своихъ трудовъ въ ближайшемъ кабакѣ и постепенно разстраивать свое хозяйство, чему неоднократные примѣры представляютъ наши новоиспеченные русскіе колонисты, хоть бы въ томъ же Батумскомъ округѣ.

Вотъ съ такими мыслями желалъ я много лѣтъ пріобрѣсти гдѣ-нибудь поближе къ мѣсту службы небольшой уголокъ и попробовать, удастся ли мнѣ на практикѣ осуществить то, о чемъ

думалось и гадалось. Случай натолкнулъ меня на прибрежье Чернаго моря около Батума—къ счастью или къ несчастью—покажетъ дальнѣйшій разсказъ.

III.

Съ 1881 года я почти каждое лѣто бывалъ въ Батумѣ на короткое время. Здѣсь я познакомился съ гг. Д'Альфонсомъ и Соловцовымъ, имѣвшими земли и дачныя постройки около р. Чаквы въ 12 верстахъ отъ Батума и занимавшимися садоводствомъ и сельско-хозяйственною культурою. Въ 1884 году пятеро изъ моихъ знакомыхъ, увлеченные примѣромъ вышеупомянутыхъ лицъ, предложили купить сообща участокъ земли, какъ разъ по срединѣ между рѣкою Чаквою и старою крѣпостью Цихисдзири, раздѣлить его по выбору и соглашенію на части и заняться обработкою этой земли. Одинъ мечталъ разводить плодовыя деревья, другой—заняться пчеловодствомъ, третій—насажденіемъ фундуковъ, и т. д. Предполагались взаимная помощь и поддержка. Я внимательно осмотрѣлъ мѣстность отъ самаго Батума до Цихисдзири. Страшныя заросли, болота, остатки старыхъ чалтыковъ (рисовыхъ полей)—все это предвѣщало борьбу съ необыкновенною силою здѣшней дикой растительности и съ изнурительною міазматическою лихорадкою. Примѣры были на-лицо: лихорадочныя страданія со значительнымъ процентомъ смертности солдатъ кордонной таможенной стражи, рабочихъ закавказской желѣзной дороги и рабочихъ частныхъ владѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе, меня привлекали морской берегъ и сравнительная близость даннаго мѣста, съ одной стороны отъ развивающагося не по днямъ, а по часамъ Батума, съ другой—отъ Кутаиса, мѣста моей службы. Болѣе же всего цѣны имѣлъ для меня морской влажный воздухъ, необходимый для здоровья моей жены. Хотя я и зналъ о полной неопредѣленности поземельнаго вопроса въ Батумскомъ округѣ, но полагалъ, что вопросъ этотъ, такъ или иначе, долженъ скоро рѣшиться и, какъ бы онъ ни рѣшился, я всегда въ состояніи буду найти modum vivendi, будь ли то съ владѣльцемъ обрабатываемой мною земли, будь ли то съ администраціею или вѣдомствомъ министерства государственныхъ имуществъ. Твердость будущаго нашего положенія въ моихъ глазахъ не подлежала никакому сомнѣнію еще и потому, что одинъ изъ нашей компаніи, опытный юристъ, взявшій на себя формальную сторону дѣла.

представилъ намъ документы, вполнѣ насъ обезпечивавшіе. Объ этой сторонѣ дѣла будетъ рѣчь ниже.

Конечно, я не самообольщался красотами природы, зная, что не въ нихъ существенное условіе возможности жить въ такой мѣстности. Я зналъ, что придется положить много труда для осушки болотъ и неоднократной очистки зарослей, и что, не смотря на все это, оздоровленіе мѣстности возможно только тогда, когда вся береговая полоса отъ Батума до Цихисдзири будетъ дренирована и осушена, а заросшіе холмы очищены и культивированы. Мнѣ казалось, въ виду необыкновеннаго роста Батума, что въ непродолжительномъ будущемъ явится достаточное количество людей, которые пожелаютъ пріобрѣсти участки, заняться ихъ культурою и устройствомъ дачныхъ мѣстъ. Въ будущемъ мнѣ грезилась картина морского берега, усѣянная садами, виноградниками, парками и среди нихъ сельскими дачами—мѣстность, которая, по условіямъ климата и растительности, можетъ если не превзойти, то во всякомъ случаѣ нисколько не уступать южному берегу Крыма. Конечно, я не ожидалъ тѣхъ печальныхъ затрудненій, которыя ждали насъ въ недалекомъ будущемъ.

Я выбралъ для себя, повидимому, самый неудобный участокъ и во всякомъ случаѣ самый трудный для обработки: высокую гору въ 200 футовъ надъ моремъ, окаймленную обрывами съ обѣихъ сторонъ и какъ бы висящую надъ рельсами желѣзной дороги на 84 верстѣ. За рельсами къ морю продолженіе моего участка—сплошное болото, покрытое ольховыми зарослями. Величина участка, со включеніемъ овраговъ и такъ-называемой линіи отчужденія для желѣзной дороги—около 8 десятинъ. Надо мною смѣялись, говоря, что я самъ себѣ выдумываю новыя трудности. Но мною руководилъ опытъ, полученный во время моихъ странствованій по юго-западному Закавказью: въ болотистыхъ мѣстахъ Мингреліи и Абхазіи, покрытыхъ роскошною растительностью, туземецъ старается для селитьбы выбрать самое высокое мѣсто, зная, что только на высотѣ онъ не пропадетъ отъ лихорадки. Я изслѣдовалъ родники на своемъ участкѣ, и хотя нашелъ, что воды мало и для будущей поливки нагорныхъ насажденій совершенно недостаточно (что̀ потомъ крайне невыгодно отозвалось на насажденіяхъ), но вода мягкая и ключевая. Послѣдствія оправдали мой выборъ.

Съ лѣта 1884 года началась работа. Болото было такъ велико, что нога уходила по колѣно. Безчисленное количество лягушекъ задавало оглушительный концертъ, а въ папоротникѣ на каждомъ шагу попадались гадюки, о которыхъ говорятъ еще

Палласъ въ своемъ мемуарѣ о змѣяхъ Цихисдзири [1]). Наверху росъ папоротникъ выше человѣческаго роста. Для того, чтобы опредѣлить контуры холма и трасировать будущія дороги, нужно было пробиваться съ топоромъ въ рукѣ черезъ непролазную заросль ежевики и колючки, переплетавшихъ деревья между собою и образовавшихъ какъ бы сплошную стѣну.

Прежде всего я занялся очисткою мѣстности, проведеніемъ канавъ, посѣвомъ кукурузы. Въ то время условія для всего этого были крайне неблагопріятны. Первоначально шла очистка и вырубка. Затѣмъ очищенныя мѣста нужно было вскопать грузинскими сохами и засѣять кукурузою. Затративши болѣе тысячи рублей на очистку и приготовленіе земли только въ одномъ нижнемъ участкѣ, я отдалъ эту землю мѣстнымъ жителямъ подъ кукурузу (около 3-хъ десятинъ) и заплатилъ имъ 120 руб., причемъ весь посѣвъ они взяли себѣ, оставивши мнѣ 10 пудовъ на сѣмена. Труднѣе и дороже всего была осушка болотъ и проведеніе канавъ. Здѣсь только я на опытѣ убѣдился въ выносливости и добросовѣстности рабочихъ турокъ, приходящихъ къ намъ осенью изъ мѣстностей изъ-за Трапезонта и уходящихъ весною. Они работали какъ волы, или стоя по поясъ въ водѣ при очисткѣ болотъ и рытьѣ канавъ, или пробиваясь съ цалдами и топорами черезъ густыя заросли овраговъ по болотистой, никогда не высыхавшей землѣ. Многіе изъ нихъ крѣпко болѣли лихорадкой и совершенно теряли силы въ трудной работѣ. Нѣкоторыхъ я долженъ былъ отправить на родину. Питаясь самымъ неприхотливымъ образомъ, рабочій турокъ беретъ умѣренную по нашимъ мѣстамъ плату (отъ 60 до 80 к. въ день или отъ 1 р. 80 до 2 руб. 50 к. за подрядную земляную работу отъ куба земли), при чемъ съ полнымъ довѣріемъ относится къ хозяину и никогда не выражаетъ претензій. По крайней мѣрѣ, за пять лѣтъ работы я ни разу не имѣлъ съ ними никакого недоразумѣнія. Гурійцы же и мингрельцы, приходя на работу, берутъ гораздо дороже и работаютъ гораздо хуже, а претензій не обе-

---

[1]) Здѣсь кстати сказать, что образованію болотъ вдоль рельсовъ во многомъ способствовало неумѣлое и небрежное отношеніе къ своему дѣлу низшихъ агентовъ ремонта закавказской желѣзной дороги. При постройкѣ пути сдѣланы были громадныя выемки и не приняты мѣры къ надлежащему дренажу и проведенію нивеллированыхъ сточныхъ каналовъ. Оказывается, что сточныя канавы имѣютъ уровень ниже, чѣмъ цементированное дно главной канавы, идущей подъ рельсами по направленію къ морю, а потому и по сегодня въ этихъ канавахъ стоитъ вода, разливающаяся по линіи отчужденія и образующая міазматическое болото, кишащее множествомъ лягушекъ.

решься. Ко всему этому нужно прибавить, что почти каждый рабочій-турокъ пойметъ, если ему объяснить, какъ посадить дерево, какъ перенести его съ одного мѣста на другое, какую вырыть яму, сколько и какой земли нужно тому или другому дереву. Гурійцы же и мингрельцы знаютъ только пахать землю и сѣять кукурузу—да ходить первобытнымъ образомъ за виноградомъ.

Въ верхнемъ участкѣ дороже всего обошлись мнѣ земляныя работы по проведенію дорогъ съ надлежащимъ уклономъ, образованію площадокъ и укрѣпленію откосовъ. Каждый годъ сильные дожди портили дороги и ихъ слѣдовало поправлять; глинистые откосы (земля здѣсь наверху вся глинистая) постоянно обрушивались: пришлось мостить площадки, дѣлать каменные водостоки и укрѣплять бревнами ненадежные откосы.

Затѣи нашей компаніи, какъ зачастую бываетъ, оказались дѣйствительно только мечтою. Одинъ изъ насъ—мой сосѣдъ, продавшій, впрочемъ, впослѣдствіи свою дачу г. Соловцову, весьма энергично принялся за дѣло, построилъ домъ, посадилъ деревья, завелъ большой огородъ; остальные бросили свои участки или продали ихъ другимъ. Изъ новыхъ соучастниковъ одинъ только принялся за очистку, провелъ дороги, посадилъ нѣсколько деревьевъ, затратилъ болѣе тысячи рублей и потомъ бросилъ, переведшись во внутреннія губерніи. Такимъ образомъ, мы остались только вдвоемъ, окруженные со всѣхъ сторонъ болотами и лѣсною непроницаемою чащею. Только въ 1888 г. у меня явилась съ другой стороны сосѣдка, купившая участокъ у одного изъ прежней нашей компаніи; она тоже очень усердно принялась за работу, очистила участокъ, построила домъ и начала въ этомъ году насажденія.

Выбравши самое высокое мѣсто для дома, я рѣшился поставить каштановый домикъ на каменномъ фундаментѣ. Для службъ я купилъ въ окрестномъ горномъ поселеніи Чаква (потурченые грузины-мусульмане) на сносъ нѣсколько старыхъ каштановыхъ избъ. Каштановый лѣсъ для дома продали мнѣ кобулетскіе жители. Домъ строили русскіе плотники. Для того, чтобы подвозить матеріалъ, нужно было опять проводить длинную окольную дорогу. По тогдашнимъ цѣнамъ лѣсъ былъ очень дорогъ, весь остальной матеріалъ нужно было брать изъ Батума, известку везти изъ Кутаиса. Путей сообщенія, кромѣ моря, никакихъ не было. Правленіе закавказской желѣзной дороги, правда, было настолько къ намъ внимательно, что сдѣлало распоряженіе останавливать на одну минуту пассажирскіе поѣзда около устроен-

ной нами сообща платформы на 86-й верстѣ, но о
назначались исключительно для пассажировъ, това
не останавливались. Турецкія фелюки, возившія м
Батума, иногда за непогодою по недѣлямъ не вых
крытое море; такъ какъ тогда въ Батумѣ было п
то за всякую вещь, внесенную въ таможенный тар
дилось платить пошлину.

Несмотря на всѣ эти затрудненія, я съ помо
приготовилъ свой домикъ для семьи къ лѣту 1886
мы въ первый разъ вышли на нашу веранду, я былъ
награжденъ за всѣ свои труды. Передъ нами безграни
море, справа—Кавказскій главный хребетъ во всем
личіи, позади—Аджарскія горы и недалеко отъ нас
Чаквис-Тави. Налѣво—панорама Батума и туманн
Анатолійскаго берега до самаго Самсуна. Восточна
хого и жгучаго, невыносимаго для жителей дельты
и помину нѣтъ. Ночью освѣжительный бризъ съ го
до заката солнца—съ моря. Бѣда только, когда за
тумъ и задуетъ сердитый юго-западъ: надъ нами
ураганъ, вырывающій деревья съ корнями и лома
пути; море шумитъ и ревъ волнъ заглушаетъ человѣч
Перестанетъ вѣтеръ, пройдетъ дождь —опять все
синее, еще волнующееся море, опять солнце и тихій
вѣтерокъ.

Три года подъ-рядъ упорно и усердно трудил
насажденіями. На Рождество и Пасху и на кани
талъ я, въ остальное время—моя жена. Мы зада
окрестности нашего дома засадить хвойными деревья
могли бы намъ оздоровить мѣстность, низъ горна
всю береговую полосу—фруктовыми, а горные восто
восточные склоны—виноградными лозами. Опыты с
на что мы потратили достаточно денегъ, мы отлож
жать въ будущемъ: нужно много удобренія, а в
дѣло въ большомъ количествѣ съ самымъ опаснымъ
рода—медвѣдкою.

Не могу здѣсь не принести глубокой благодар
Д'Альфонсу, извѣстному у насъ на Кавказѣ садоводу
неподалеку отъ меня свои питомники. Въ дѣлѣ ку
участка онъ былъ моимъ опытнымъ руководителемъ.
сорта хвойныхъ и плодовыхъ деревьевъ мы взял
весьма умѣреннымъ цѣнамъ. Прибавить нужно то бо
ство, что растенія, воспитанныя въ питомникѣ, пере

перевозились на арбахъ, окруженныя тою же землею, которая ихъ вскормила, и пользовались на первое время постояннымъ надзоромъ своего воспитателя.

Я же главнымъ образомъ занялся посадкою виноградныхъ лозъ. Мнѣ хотѣлось произвести опытъ: взять нѣсколько кавказскихъ сортовъ, посмотрѣть года черезъ три, которые изъ нихъ пойдутъ наилучше, и на нихъ исключительно остановиться. Изъ боязни болѣзней винограда я не взялъ ни абхазскихъ, ни артвинскихъ (въ Аджаріи) лозъ.

Князь Кипіани далъ мнѣ тысячу своихъ знаменитыхъ рачинскихъ лозъ; благосклонные друзья прислали мнѣ елизаветпольскіе и эриванскіе черенки; кромѣ того, я получилъ шарапанскіе и кутаисскіе, и нѣкоторое количество французскихъ, уже акклиматизированныхъ въ Имеретіи. Всего я посадилъ болѣе 6.000 лозъ. Первый годъ мой виноградникъ шелъ прекрасно. На второй, на нѣкоторыхъ лозахъ, тщательно уничтоженныхъ, явилось „нацари“ (oidium Tuckeri), а прошлый годъ явился новый болѣе страшный врагъ—„мильдью“ (perinospora viticola), какъ удостовѣрился кавказскій агрономъ г. Геевскій, экскурсировавшій въ кутаисской губерніи по порученію кавказскаго общества сельскаго хозяйства, и посѣтившій, между прочимъ, мой виноградникъ. Въ этомъ году я пріобрѣлъ пульверизаторъ Вермореля, и уже два раза опрыскалъ свой виноградникъ бордоскою жидкостью, мною же на мѣстѣ приготовленною. Посмотримъ, что̀ будетъ.

Въ послѣдніе два года мы посадили болѣе 2.000 плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ. Плантація идетъ очень удовлетворительно; къ сожалѣнію въ настоящемъ году болѣютъ персики: листъ покрывается шишками, сворачивается и чернѣетъ.

Декоративныя насажденія идутъ прекрасно. При очисткѣ участка мы оставили нѣсколько большихъ грабовъ и буковъ, всѣ лавровишневыя деревья и рододендроны. Аллеи и дороги мы обсадили акаціями, чинарами, акаціями-мимозами, лаврами, меліями; откосы укрѣпили, главнымъ образомъ, лавровыми посадками и разнообразными цвѣтущими кустарниками. Изъ хвойныхъ лучше всего пошли криптомеріи (elegans, Lobii и japonica) и разнообразные сорта кипарисовъ. Кромѣ того очень быстро разрослись эвкалиптусы нѣсколькихъ сортовъ и магноліи. Лимонная и апельсинная роща, нами насажденная, закутывается на зиму (холодъ здѣсь не бываетъ больше 3° R.), идетъ очень порядочно, но трудно покуда сказать, что̀ изъ нея выйдетъ. Декоративныхъ деревьевъ мы посадили болѣе 3.000.

Расчистка участка, земляныя работы, осушка болотъ, по-

стройка дома и всѣ вышеупомянутыя насажденія обошлись намъ болѣе 20.000 рублей, т.-е. поглотили почти всѣ мои сбереженія, заработанныя тридцатилѣтнимъ трудомъ. Каждый годъ двукратная очистка всего участка (иначе опять все заростетъ) и при этомъ усиленный составъ рабочихъ, содержаніе круглый годъ садовника и двухъ его помощниковъ, ремонтъ построекъ, уходъ за насажденіями, поправка дорогъ и откосовъ — все это обходится не менѣе 2.000 р. За всѣ эти пять лѣтъ я получилъ дохода: въ 1888 году, когда задумалъ самъ сѣять кукурузу и истратилъ на это сотни двѣ рублей, ровно 28 рублей за 56 пудовъ по 50 к., купленныхъ рабочимъ одного изъ моихъ сосѣдей. Остальная кукуруза (пудовъ двѣсти) мирно покоится въ такъ-называемыхъ „наліяхъ" (амбары на столбахъ) до тѣхъ поръ, пока американцы не перестанутъ наводнять Европу своею кукурузою и не поднимется цѣна нашей закавказской, стоющей теперь 40 к. за пудъ.

Развѣ къ числу моихъ доходовъ прибавить лихорадку, которою болѣли мои рабочіе, мой садовникъ, я самъ и, наконецъ, всѣ мои дѣти, которыхъ въ этомъ году я долженъ, по совѣту докторовъ, везти въ Желѣзноводскъ на поправку.

IV.

Трудно думать, чтобы, производя столь значительныя затраты, мы относились къ закрѣпленію за нами земли какъ дѣти. Какими бы американцами насъ ни признавали, едва ли бы мы рѣшились тратить деньги, трудъ, здоровье, на дѣло невѣрное, зная, что въ каждое данное время любой администраторъ можетъ приказать намъ убраться и снести наши постройки.

Вотъ факты, по которымъ можно судить, имѣли ли мы основаніе начать и продолжать наши работы.

Съ владѣльцами земли, которую мы заняли, заключили мы арендный договоръ на 12 лѣтъ, законнымъ образомъ засвидѣтельствованный. Вслѣдъ за симъ заключили мы съ ними такую же запродажную запись, по которой деньги уплатили имъ сполна. И то, и другое сдѣлано было на основаніи представленнаго намъ повѣренными владѣльца земли слѣдующаго свидѣтельства, содержаніе котораго привожу здѣсь слово въ слово.

„Дано сіе жителю батумскаго участка, селенія Чаква, Сеферъ-агѣ-Шаинъ-башъ-оглы, въ томъ, что какъ видно изъ надписи начальника батумскаго участка отъ 4-го мая сего года за № 469,

производившаго дознаніе черезъ разспросы старожиловъ батумскаго участка селенія Чаква Хасанъ-аги-Чавдаръ-оглы, Сулейманъ-аги-Челебъ-агисъ-швили, Али-аги-Комаджъ-оглы, Асланъ-аги-Имнадзе и Юсуфъ-аги-Гваріелъ-оглы, участокъ земли, лежащій въ селеніи Чаква, въ мѣстности Начисквреви, въ границахъ: съ востока дорога села Ачкуя, съ запада море, съ сѣвера граница Кинтришскаго участка, и съ юга рѣчушка Цители-цхали, мѣрою приблизительно до четырехъ-сотъ данумовъ [1]), *дѣйствительно принадлежитъ* Сеферу-агѣ-Шаинъ-башъ-оглы и *находится въ пользованіи и владѣніи его болѣе сорока лѣтъ.* Въ томъ батумскій окружной меджлисъ подписью и приложеніемъ казенной печати удостовѣряетъ. Мая 5-го дня 1881 года, городъ Батумъ. Предсѣдатель меджлиса майоръ Степановъ. Письмоводитель Іерусалимскій".

Изъ этого свидѣтельства до очевидности явствуетъ, что администрація не признавала нашей земли казенною, а если признавала или признала потомъ, то агентъ ея не имѣлъ ни малѣйшаго ни права, ни причинъ выдавать владѣльцу земли такое свидѣтельство, на основаніи котораго мы заключили нашу сдѣлку. Такъ или иначе, вышеприведенный документъ, въ нашихъ глазахъ имѣя несомнѣнную достовѣрность, исключалъ всякую возможность какихъ бы то ни было недоразумѣній или пререканій съ мѣстною администраціею. Мы только ждали окончательнаго разрѣшенія поземельнаго вопроса въ батумскомъ округѣ и возможности послѣ сего заключенія купчей крѣпости съ владѣльцемъ нашей земли.

Этого окончательнаго разрѣшенія мы тщетно ждемъ и до сего дня, хотя со времени присоединенія Батума и его округа къ русскому государству прошло уже не мало лѣтъ. Естественнѣе всего было бы ждать, чтобы сразу по присоединеніи края ясно и точно рѣшенъ былъ поземельный вопросъ: или признана была частная поземельная собственность, или всѣ земли считались казенными. Въ томъ или другомъ случаѣ, при полной опредѣленности, явилась бы возможность твердой колонизаціи и прогрессивной культуры. Къ сожалѣнію, неопредѣленность положенія остается по прежнему. Вопросъ о формахъ турецкаго землевладѣнія дебатируется весьма краснорѣчиво въ засѣданіяхъ кавказскаго юридическаго общества; ученые люди посылаются за границу для разысканія правъ жителей на ихъ земли; въ силу Высочайше утвержденнаго 14-го іюня 1888 г. мнѣнія государствен-

---

[1]) Данумъ = $177^1/_7$ кв. саженей.

наго совѣта, министерство государственныхъ имуществ
принять въ свое вѣденіе всѣ казенныя земли батумс
(но не желаетъ принимать чаквинскихъ участковъ);
оказывается, что владѣльцы земель въ окрестностяхъ
имѣютъ никакихъ турецкихъ документовъ на свои
не могли имѣть, такъ какъ и межеваніе этихъ земель
правительствомъ не производилось), а потому и ника
на нихъ. Однимъ словомъ оказывается, что участки, н
мы поселились, должны быть признаны казенными.

Встревоженные этими слухами, мы неоднократно
къ высшей администраціи губерніи съ просьбою о по
кровительствѣ. Мы указывали на то, что начали и п
наши работы въ полномъ убѣжденіи, что земли,
данныя, искони принадлежатъ частнымъ владѣльцам
доказательство въ рукахъ нашихъ есть оффиціальный
подписанный агентомъ администраціи; что мы, слѣ
самою же администраціею введены въ заблужденіе, е
послѣ тщательныхъ научныхъ изысканій, оказывает
турецкомъ владычествѣ въ батумскомъ округѣ не
частнаго владѣнія. Намъ неоднократно отвѣчали, что,
случаѣ, администрація, въ виду нашихъ затратъ и
ности нашего владѣнія, будетъ ходатайствовать пре
начальствомъ о томъ, чтобы земли эти были закрѣпле
на основаніи устава о сельскомъ хозяйствѣ.

Время шло себѣ понемногу: мы продолжали раб
бивались изъ силъ, чтобы окончательно культивир
участки и представить ихъ въ надлежащемъ видѣ
нами пріемной или повѣрочной, или не знаю какой
миссіи.

Лѣтомъ 1888 г. мы получили черезъ подлежащі
оффиціальное предложеніе кутаисскаго военнаго гу
томъ, чтобы мы немедленно признали культивируемые н
земли казенными, и только въ такомъ случаѣ г. вое
наторъ найдетъ возможность ходатайствовать о зак
нами земель на основаніи устава о сельскомъ хозяй

Мы вздохнули свободно и разсудили, что вопросъ
земляхъ близокъ къ окончательному разрѣшенію. Не
мало мы представили по начальству слѣдующее наш

„Въ отвѣтъ на объявленное намъ предписаніе г.
военнаго губернатора о томъ, чтобы мы дали по
земли, на которыхъ поселились, признаемъ не своим
ными, мы, нижеподписавшіеся, честь имѣемъ заявить

„1) Мы пріобрѣли наши земли отъ мѣстныхъ жителей, и деньги имъ уплатили сполна. Землями этими они владѣли, равно какъ ихъ отцы и дѣды, на правахъ собственности. Права эти, согласно распоряженія бывшаго намѣстника кавказскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, подтверждены протоколами и свидѣтельствами батумскаго окружного меджлиса, которые у насъ и имѣются.

„2) Земли эти, покрытыя болотами, остатками рисовыхъ плантацій, громадными зарослями колючки и папоротника, всегда отличались крайнею болѣзненностью, чтò могутъ удостовѣрить бывшій кутаисскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Смѣкаловъ, вся батумская администрація, а также таблицы смертности въ стоявшемъ здѣсь казачьемъ пластунскомъ кордонѣ, между рабочими желѣзной дороги и солдатами пограничной стражи.

„3) Приступая къ обработкѣ этихъ участковъ, мы были вполнѣ убѣждены, что встрѣтимъ со стороны администраціи не осужденіе, а одобреніе, а можетъ быть и помощь, и поддержку. Въ этомъ насъ убѣждало прошлое Кавказа. Казна, какъ можно видѣть изъ оффиціальныхъ данныхъ, истратила въ краѣ на подобныя предпріятія частныхъ лицъ, кромѣ даровой раздачи земель, болѣе $1^1/_2$ милліона рублей. Въ Карсской области, напр., затрачено нѣсколько сотъ тысячъ рублей на выкупъ земель у мѣстныхъ жителей и на отдачу ихъ поселенцамъ всякихъ національностей.

„4) Такимъ образомъ, будучи вполнѣ далеки отъ мысли, что мы можемъ встрѣтить въ нашемъ дѣлѣ препятствія со стороны администраціи, мы приступили къ работѣ. Нами потрачено было для культуры нашихъ участковъ большое количество энергическаго труда и много для нашего состоянія денегъ. Нѣкоторые изъ насъ затратили все чтò имѣли, другіе—весьма значительную часть своего состоянія. Въ первые годы какъ мы, такъ и члены нашихъ семействъ и наши рабочіе болѣли весьма сильными и зловредными формами болотной лихорадки.

„5) Мы дренировали болота, провели канавы, вырубили непроходимый хворостъ, выкорчевали пни, постепенно уничтожаемъ папоротникъ и колючку, сѣемъ кукурузу, развели плантаціи фруктовыхъ деревьевъ, нѣкоторые посадили по нѣскольку тысячъ виноградныхъ лозъ, обсадили свои усадьбы хвойными и лучшими листопадными породами и употребляемъ всѣ мѣры для начала раціональнаго садоводства и лѣсоводства.

„6) Какъ первые піонеры въ здѣшней болотной и лѣсистой мѣстности, мы и до сихъ поръ льстимъ себя надеждою, что труды

наши не только не вызовутъ неудовольствій, но, напротивъ, встрѣтятъ одобреніе, покровительство, поощреніе и, слѣдовательно, послужатъ примѣромъ для дальнѣйшей колонизаціи. Когда въ администраціи былъ поднятъ вопросъ о незаконности частныхъ имущественныхъ сдѣлокъ, мѣстная администрація, видя послѣдствія нашихъ трудовъ, обѣщала намъ свое покровительство и ходатайство. Такое благосклонное къ намъ участіе встрѣтили мы въ лицѣ обоихъ военныхъ губернаторовъ кутаисской губерніи, генераловъ Смѣкалова и Гросмана.

„7) На основаніи всего вышеизложеннаго мы, хотя и считаемъ себя собственниками нашихъ земель, не имѣемъ ни малѣйшаго желанія вступить по этому дѣлу въ какіе бы то ни было судебные процессы съ казною. Намъ это причинитъ большую затрату денегъ, времени и силъ. Мы даже отказываемся отъ какихъ бы то ни было разсчетовъ съ нашими продавцами, получившими отъ насъ деньги сполна, и нотаріальнымъ порядкомъ обязавшимися уплатить намъ неустойку въ томъ случаѣ, если нами будутъ встрѣчены препятствія при заключеніи купчихъ крѣпостей. Привыкши смотрѣть на казну какъ на естественную покровительницу сельскаго хозяйства и всякихъ полезныхъ предпріятій въ краѣ, мы убѣждены, что получимъ отъ нея то же, что̀ имѣли бы, еслибы признаны были собственниками земли. Поэтому мы заранѣе заявляемъ, что готовы подчиниться требованію предъявленнаго намъ предписанія, если только къ намъ будутъ примѣнены правила, изложенныя въ ст. 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 76, 77, 78 и 79 Свода Законовъ, уст. о сел. хоз., т. XII, ч. 2, изд. 1886 года".

Оказывается, что вопросъ только-что начинается. Заявленіе наше признано не имѣющимъ основанія, и мѣстной администраціи предложено начать противъ насъ иски въ судебныхъ установленіяхъ.

Итакъ, мы должны явиться въ судъ и отъ него ждать окончательнаго разрѣшенія нашей участи. Или судъ признаетъ за нашими хозяевами право собственности, и тогда мы получимъ возможность заключить купчую крѣпость. Или судъ признаетъ земли казенными, и тогда администрація можетъ или поступить съ нами на основаніи устава о сельскомъ хозяйствѣ,—и лучшаго исхода мы не желаемъ,—или предложить намъ удалиться. Во второмъ случаѣ, такъ какъ на основаніи представленнаго документа мы должны быть признаны добросовѣстными владѣльцами, администрація должна оцѣнить наши работы и возвратить намъ хоть наши издержки, не считая уже нашего личнаго труда. Мы хоть

вернемъ свои деньги, и у насъ, сверхъ того, останутся пріятныя воспоминанія о дѣятельной сельской жизни.

Возможно, хотя и трудно допустимо, предположить, что намъ просто прикажутъ убраться, снести наши постройки и распорядиться какъ намъ угодно нашими насажденіями. Тогда намъ, какъ Тургеневскому „Степному королю Лиру“, придется разрушать нашу хату и рубить наши насажденія, которыя мы съ такою любовью садили и за которыми съ такимъ терпѣніемъ ухаживали, и затѣмъ, отряхнувши прахъ отъ ногъ своихъ, по-добру по-здорову и самимъ убираться съ „погибельнаго“ Кавказа.

V.

Изъ всего разсказаннаго явствуетъ, что земли, нами культивированныя, не представляютъ собою никакого эльдорадо: въ нихъ нѣтъ ни золота, ни нефтяныхъ источниковъ, ни другихъ ископаемыхъ богатствъ. Пока вся полоса эта покрыта была болотами и зарослями, никто на нее не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Никакого дохода покуда мы со своихъ земель не получаемъ. Едва ли справедливо будетъ славить насъ какъ людей наживы и ставить на ряду съ башкирскими гешефтмахерами. Если въ будущемъ наши участки пріобрѣтутъ какую-нибудь цѣнность, то причину тому нужно будетъ искать, главнымъ образомъ, въ нашемъ трудѣ, въ нашей энергіи и въ нашихъ затратахъ.

Признаемъ, что вся приморская полоса отъ Батума до Цихисдзири—казенная собственность. И теперь уже, при всѣхъ встрѣченныхъ затрудненіяхъ, она въ значительной степени культивирована: на ней поселилось больше десятка лицъ, рѣшившихся работать и затратить капиталъ на свой собственный страхъ и рискъ. Что̀ было бы, еслибы казна десять лѣтъ тому назадъ, признавши землю казенною, раздала небольшіе участки для дачныхъ поселеній: до сихъ поръ весь берегъ былъ бы уже застроенъ дачами и культивированъ. Эти поселенія въ значительной степени оздоровили бы мѣстность и послужили къ общему благу жителей Батума, города постепенно развивающагося: они представили бы собою прекрасныя лѣтнія дачныя мѣста, а вмѣстѣ съ тѣмъ огороды, сады и виноградники снабжали бы большой городъ овощами, фруктами и виномъ. И государственный, и чисто мѣстный интересъ настоятельно требуютъ въ настоящее время безотлагательнаго рѣшенія поземельнаго вопроса именно въ такомъ смыслѣ. Что̀ толку, если земли будутъ лежать даромъ, никому,

а слѣдовательно и казнѣ, не принося никакой пользы? Развѣ мало видимъ мы и казенныхъ, и жалованныхъ земель, заросшихъ, заброшенныхъ, некультивированныхъ? И теперь, не говоря уже о десяткахъ тысячъ десятинъ, лежащихъ необработанными немного дальше морского берега, самъ этотъ берегъ можетъ дать нѣсколько сотъ участковъ, способныхъ къ культурѣ. Раціональнѣе всего было бы, раздѣливъ всю прибрежную полосу на участки величиною отъ 5 до 20 десятинъ, раздать ихъ для культуры на основаніи устава о сельскомъ хозяйствѣ. Нежелательны большіе участки въ однѣхъ рукахъ, ибо для скорой раз ихъ однимъ лицомъ нужно, при здѣшнихъ условіяхъ, очен денегъ. Многоземеліе погубило Италію,—давно уже сказа менитый римскій историкъ.

А. Стояно

НА РАЗСВѢТѢ

Повѣсть Ежа.

Съ польскаго.

IX *).

время, какъ въ Рущукѣ велась приготовит
юдземная работа, на Балканскомъ полуостр
ся какiе-то лихорадочные признаки, показ
ть оттоманской имперiи. То одни, то другiе
атались за оружiе. Все это дѣйствовало н
ъ, съ одной стороны, безпокойствомъ ожида
къ организацiи тайныхъ обществъ. Конечно,
ѣ лицомъ въ грязь: и здѣсь существовало
здѣсь существовала закваска въ лицѣ сообщества,
изъ Петра, Стояна и Николы.

Никола особенно волновался. Ему казалось, что в
тельность подвигается черепашьимъ шагомъ. Стоянъ
Бухарестъ, познакомился тамъ съ наиболѣе выдающи
стами революцiонной партiи и устроилъ транспортъ за
изданiй въ большихъ размѣрахъ, т.-е. не небольшим
какъ до сихъ поръ, которыя удовлетворяли спросу
и окрестностяхъ, но цѣлыми ящиками. Тутъ-то галер
жила службу. Рыбакъ причаливалъ ночью къ берегу,
изъ лодки ящикъ и прикрѣплялъ его къ заготовле

*) См. выше: сент., 306 стр.

крюку съ веревкой. Лишь только отчаливалъ р
натягивалась, тащила ящикъ по берегу, потомъ
кверху, а на половинѣ обрыва ящикъ исчезалъ.
по маслу. Запрещенныя изданія стали расходиться
количествѣ по городамъ, мѣстечкамъ, деревнямъ. I
комитетъ считалъ такой образъ дѣйствія слишкоı
и предложилъ перейти къ „апостольству". Предло
везъ Стоянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ, что въ
стольство" уже въ полномъ ходу. Такимъ образоı
было устроить сходку для совѣщаній. Проще всег
тись въ домѣ Мокры, но Петръ воспротивился эı

— Я только тогда соглашусь сдѣлать у насъ
ворилъ онъ,—если не найдется квартиры, за коı
наблюдаетъ.

— Можно, пожалуй, сойтись у меня, — заяв
у меня совсѣмъ отдѣльная комната въ домѣ хадж

— А нельзя ли въ саду?—спросилъ Никола.

— Въ саду нельзя,—отвѣчалъ Стоянъ.

— Вѣдь мы тамъ со Станкомъ совѣщались?

— Тогда мы совѣщались втроемъ. А тепері
соберется?

Никола началъ считать по пальцамъ и насчиı

— Пусть приходятъ по одиночкѣ, будто кажд
нибудь дѣломъ.

Стоянъ назначилъ день и часъ, а Никола уı
кого рѣшено было пригласить. Назначенное на сх
ему очень по сердцу: онъ разсчитывалъ хотя мим
трѣть на Иленку. Съ величайшимъ нетерпѣніе
назначеннаго дня и первый явился на мѣсто; д
возвратился еще домой.

— Стоянъ дома?—спросилъ онъ попавшуюся
служанку.

— Нѣтъ, еще не пришелъ.

— Я его подожду.

Служанка отворила дверь въ ту самую горни
онъ разговаривалъ въ послѣдній разъ съ Илен
дверь открытой. Молодой человѣкъ смотрѣлъ на
дверью прошло нѣсколько человѣкъ, но „она"
Вдругъ она очутилась въ дверяхъ.

— А!..—удивилась Иленка, увидавъ Николу.

— Это я,—началъ онъ, совсѣмъ смущенный.

— Вижу,—отвѣчала дѣвушка, съ такой улы

Никола весь вспыхнулъ.—Пришелъ ли ты по какому-нибудь или нѣтъ?

— Я пришелъ къ Стояну.

— Его, кажется, нѣтъ дома.

— Ничего, я подожду, такъ какъ у меня къ нему очень ое дѣло.

— Онъ, вѣроятно, скоро придетъ.

Молодая дѣвушка должна была бы уйти, такъ какъ Никола ъ ней пришелъ. Но она не уходила; что-то удерживало ее.

— Я слышала, что ты бросилъ портного, — начала она и енно увѣряла себя, что ей хочется только объ этомъ спро- Николу.

— Да, бросилъ.

— Что же торговля больше тебѣ нравится?

— Мнѣ все равно, гдѣ хлѣбъ добывать: у портного ли, у ника, у сапожника или кузнеца, лишь бы не умереть съ у.

— А что̀ же тебѣ больше всего нравится? Чѣмъ бы ты хо- быть?

— Однажды... захотѣлось мнѣ... лебедемъ быть.

— Ты шутишь,—возразила Иленка.

— Нѣтъ, не шучу... Помнишь то воскресенье, когда я при- справляться къ тебѣ насчетъ разбитой вазы. Тогда именно лъ я отсюда, сѣлъ надъ Дунаемъ, увидѣлъ лебедей... и страсть мнѣ захотѣлось стать лебедемъ!

— Что̀ же вышло бы изъ этого?

— Хорошо было бы. Я сталъ бы прилетать къ тебѣ. Ты ъ саду сидѣла, а я спустился бы къ тебѣ, сталъ бы рядомъ отрѣлъ бы тебѣ въ глаза. Ты не отгоняла бы меня—лебедя?

Дѣвушка слушала и взглянула на Николу, когда онъ произ- съ послѣдніе слова.

— Въ старину такъ случалось,—прибавилъ Никола.

— Какъ случалось?—спросила Иленка.

— Да вотъ нѣкій Юпитеръ сдѣлался лебедемъ и прилеталъ арицѣ, которую звали Ледой.

— И что̀ же?

— И она...—Никола остановился. -Это сказка.

— Ничего, разскажи мнѣ эту сказку,—настаивала Иленка.

— Развѣ когда-нибудь въ другой разъ. Я читалъ объ этомъ, еперь позабылъ.

— Такъ дай мнѣ эту книгу, я сама прочитаю.

— Это французская книга.

— А!..— дѣвушка пожала плечами.—Я хотѣла б
по-французски.

— Я выучилъ бы тебя, только и самъ я плохо
языкъ.

— Такъ выучи хорошо.

— Недосугъ мнѣ. Много у меня теперь занят
тальнѣ рѣдко приходится побывать. А скоро, должн
поприбавится работы.

— Какой работы?—спросила Иленка.

— Гм... какой?.. Да вотъ, можетъ быть, сдѣла
скимъ воиномъ.

Иленка хотѣла что-то сказать, но ничего не сказа
отвернулась и поспѣшно ушла. Никола никакъ поня
чтò заставило ее такъ поспѣшно удалиться. Вскорѣ
пришелъ Стоянъ. Неужели это онъ испугалъ ее? В
силъ бы, можетъ быть, объ этомъ Стояна, но съ посл
шелъ одинъ изъ приглашенныхъ на совѣщаніе моло

— Ты уже здѣсь? — спросилъ Стоянъ Николу:—
братъ!—и, не дожидаясь отвѣта, пошелъ на лѣстницу.
вошли въ комнату, которая не отличалась ничѣмъ
вмѣсто стѣнъ—шкафы, около нихъ софы, на полу ро
чемъ, въ комнатѣ этой стоялъ столъ и два стула. Сто
къ этой мебели въ Бухарестѣ и считалъ ее необходи
посадилъ гостей на софы, а самъ сѣлъ на стулъ.
они усѣсться, какъ пришло двое изъ приглашенны
еще одинъ; наконецъ, явился Петръ и, такимъ образо
зались на-лицо. Петръ открылъ засѣданіе, пригла
разсказать, чтò онъ слышалъ въ Бухарестѣ.

— Вотъ чтò я слышалъ,—началъ молодой челов
рять, что необходимо готовиться къ возстанію и с
чтобы оно въ одинъ день вспыхнуло во всей Болга
и Македоніи. Поэтому необходимо, чтобы всякій бол
объ этомъ и былъ готовъ къ означенному сроку.

— Когда же это будетъ?—перебилъ Никола.

— Срокъ успѣемъ еще назначить. Сначала надо п
то-есть извѣстить рѣшительно всѣхъ по городамъ и

— Послать всюду письма,—снова перебилъ Ни
Петръ остановилъ Николу, а Стоянъ продолжал

— Сначала такъ и думали сдѣлать, но у нас
грамотныхъ, а между грамотными не всѣ надежны
такихъ, которые прочитали бы и пошли бы сейчасъ до

— Правда,—замѣтилъ Никола.

— Поэтому рѣшили, что надо снарядить „апост

— А кромѣ того, рѣшено заручиться въ вѣрно

шему дѣлу,—прибавилъ Петръ.

— Да,—продолжалъ Стоянъ,—рѣшено принимать

установленной формѣ: *За народни-те горски чети*. Во

показалъ Стоянъ, вынувъ изъ-за пазухи листъ исписа

съ печатями внизу.

— Читай!..—сказало нѣсколько человѣкъ.

Стоянъ началъ читать уставъ организаціи народ

нія, которое должно было произойти подъ руководств

и *байрактаровъ*. Уставъ состоялъ изъ шестнадцати

Каждая община должна была выставить чету, а с

должна была имѣть своего воеводу и байрактара. Т

зомъ, вся суть подготовительной работы сводилась къ

въ каждой общинѣ найти двухъ людей, которые бы

взять на себя упомянутыя должности и которымъ мо

довѣрить ихъ. Все это казалось въ теоріи очень лег

мымъ. Собравшіеся на совѣщаніе были сильно взвол

ніемъ устава, и волненіе ихъ еще больше возросло,

прочелъ текстъ присяги:

„Праведный Господи! клянусь крестомъ и свят

ліемъ, что исполню всѣ священныя мои обязанности

ныя на меня изустно и прочитанныя въ уставѣ; свѣтл

пусть будетъ свидѣтелемъ моей клятвы, а храбрые в

караютъ меня острыми ножами за всякую измѣну".

— Я сейчасъ стану присягать!—воскликнулъ Н

— Я тоже!.. и я!..—повторили другіе.

— Хорошо,—сказалъ Петръ:—я присягалъ и

сягалъ, а потому мы можемъ привести васъ къ при

только добыть крестъ и евангеліе... Крестъ легко до

геліе достанетъ намъ Станко... Мы сходимъ на кладб

у гроба нашихъ мучениковъ приведемъ васъ къ прис

намъ надо потолковать объ апостольствѣ.

— О чемъ тутъ толковать!—воскликнулъ Никола

— Я тоже пойду!.. и я пойду...—кричали один

собравшіеся.

— Петру только нельзя идти,—замѣтилъ Стоянъ,

и паша, и ага, и всѣ турки наблюдаютъ за нимъ.

— Конечно, конечно,—соглашались всѣ.

— А кромѣ того,—замѣтилъ Никола,—нельзя же

уходить изъ Рущука, такъ какъ здѣсь тоже не мало бу

ıзсуждая такимъ образомъ, онъ имѣлъ въ виду
твованіи которой, кромѣ его и Петра, никто н
- Пусть будетъ по вашему,—началъ Петръ,
› сдѣлать вамъ одно замѣчаніе: всѣ вы собирает
ᵏ, но всѣ ли съумѣете выполнить это дѣло?
- Какъ всѣ ли съумѣемъ?—возразилъ одинъ:-
мудренаго?
- Ты гдѣ родился?—спросилъ Петръ возражавш
- Здѣсь... въ Рущукѣ.
- Это, значитъ, въ городѣ... А воспитывался і
- Тоже въ городѣ.
- Такъ ты, значитъ, не съумѣешь ни сговорит
› съ крестьянами... А ты?—спросилъ онъ второго
второй, и третій, и четвертый всѣ были воспи
Дошла очередь до Николы.
- Я родился въ городѣ,—сказалъ онъ,—но съ
овецъ и постоянно жилъ среди крестьянъ.
- А ты, Стоянъ?
- Я родился въ деревнѣ, воспитался въ меганѣ
нусь крестьяниномъ, то никому не догадаться,
'харестѣ.
- Значитъ, вы только вдвоемъ можете идти въ
болѣе, что надо покамѣстъ испытать... а отъ
/детъ зависѣть... Если все пойдетъ благополучн
дѣйствовать смѣлѣе. Тогда начнемъ организоват
ıте уставъ?
- Помнимъ, помнимъ!
- Завтра на зарѣ приходите на кладбище, а п
по домамъ.
гали расходиться. Никола до того увлекся всѣ
мъ во время собранія, что забылъ даже объ I
ль по лѣстницѣ и поспѣшно удалился. Пройд
шаговъ, онъ вспомнилъ о ней или, лучше
нилъ о той поспѣшности, съ которой она уда
понять, чего она ушла. Ему очень хотѣлось р
зу; но вскорѣ она была совсѣмъ оттѣснена въ
ныхъ мозговыхъ клѣточекъ, гдѣ и оставалась в
утаго вопроса, отложеннаго до болѣе благопр
Теперь онъ думалъ о другомъ. Въ воображені
› по всей Болгаріи возстающія *четы*, которыя
го родину, какъ овцы покрываютъ луга, и пер
стоитъ воевода, передъ каждой четой—байра

етъ знаменами... Душа юноши переполнилась чудными которыми онъ хотѣлъ бы съ кѣмъ-нибудь подѣлиться. ѣмъ? Еслибы онъ могъ передъ кѣмъ-нибудь излить свою ь былъ бы въ эту минуту совершенно счастливъ.

хотѣлось поговорить съ Петромъ. Но Петръ показался ычайно страннымъ. Вернувшись отъ Стояна, онъ сѣлъ терскую книжку и началъ считать, какъ будто ничего ю не произошло. Сидитъ себѣ, считаетъ, записываетъ, зоветъ:

иикола!

тò такое?

вѣсь все сало, чтò стоитъ въ лавкѣ, а то у меня счеты ерепутались!

ъ приказаніе и снова сидитъ себѣ и пишетъ, какъ ни не бывало. Никола началъ вѣшать сало и никакъ не авиться; перемѣшалъ разновѣски, перепуталъ значки на и все выходило у него не такъ. Онъ вѣшалъ, перевѣ- вдругъ какой-то покупатель пришелъ за перцемъ... Ни- стилъ ему сахару. Покупатель ушелъ, а Никола опять насилу свѣсилъ это несчастное сало. Петръ между тѣмъ но дѣлалъ свое дѣло, будто ничего и не произошло. ь ему работать пришедшій въ лавку чиновникъ изъ ко- истархи-бей, одинъ изъ тѣхъ, которые исполняютъ функ- ; функція эта не особенно лестна, но крайне необхо- имъ правительствамъ, какъ турецкое. Никола, увидѣвъ нулъ губы, а Петръ привѣтливо улыбнулся, посадилъ я, угостилъ кофе, предложилъ трубку и завелъ разго- къ вы думаете, о чемъ? о революціонномъ комитетѣ.

ы знакомъ съ его членами? — спросилъ Аристархи-бей.

а, знакомъ. Я познакомился съ ними въ Бухарестѣ,— Петръ небрежно, какъ будто комитетъ этотъ нисколько суетъ его.

ни, конечно, предлагали тебѣ вступить въ члены?

онечно. Какъ же имъ было не предложить мнѣ, въ виду , которую сдѣлали братья моей семьѣ? Но я выкупился азъ навсегда.

много ли съ тебя взяли?

ять дукатовъ.

м... Не много. Съ меня они больше взяли. Долго я ъ дань и они ничего не догадывались, и вдругъ—кракъ!.. попалось имъ въ руки мое письмо; тѣмъ и покончалась

наша дружба. Еслибы не эта глупая случайност
попалъ бы въ члены комитета.

— Стоитъ ли?—небрежно замѣтилъ Петръ.

— Однако, въ Константинополѣ смотрятъ
серьезно.

— Можетъ быть, считаютъ необходимымъ
въ серьезности этихъ пустяковъ.

— Конечно,—отвѣчалъ грекъ:—въ политик
ваютъ, иногда приходится изъ мухи дѣлать сл
ты послѣдній нумеръ ихъ газеты?

— Откуда мнѣ его взять?—возразилъ Петръ,

— Вотъ я покажу тебѣ,—и съ этими словам
вынулъ изъ бокового кармана экземпляръ газе
нумеръ, посмотрѣлъ... Ящикъ съ этими нумерам
былъ втащенъ въ галерею, но Петръ ни на м
рялся и ничѣмъ не измѣнилъ себѣ.

— Хочешь прочесть?—спросилъ грекъ.

— Съ удовольствіемъ.—Онъ просмотрѣлъ ну
его Аристархи-бею, замѣтилъ:—И какъ это не
сать все одно и то же! Никогда ничего новаго.
жевываютъ то, что пишутъ французскія и нѣме
кажется, что они пишутъ, а они просто-на-прост
Это вамъ въ конакъ присылаютъ?—спросилъ Пе

Грекъ нѣсколько сконфузился.—Въ конакъ дѣ
сылаютъ,—сказалъ онъ,—но этотъ экземпляръ

— Ты самъ получаешь?

— Нѣтъ, но мнѣ хотѣлось бы получать не

— Обратись въ редакцію.

— Нѣтъ, не хочу я съ ними связываться.

Петръ понялъ, и Никола, который тутъ же
чего хотѣлъ Аристархи-бей. Онъ надѣялся пол
какія-нибудь указанія; но докторъ философіи дер
и не дѣлалъ ни малѣйшаго промаха, хотя все
любезенъ съ грекомъ. Онъ намекнулъ, что у не
много хлопотъ, такъ какъ приходится приводить
но не особенно подчеркивалъ этотъ вопросъ,
было подумать, что онъ представляется только д
любовался хладнокровіемъ своего хозяина и, по
кого примѣра, началъ самъ отпускать перецъ тѣ
перцу, а кто придетъ за сахаромъ—тому и
Мысли его приходили въ равновѣсіе и къ вече
успокоился. Передъ вечеромъ Петръ ушелъ из

закатилось солнце, то и Никола закрылъ ставни, заперъ двери, собралъ деньги и отправился домой ужинать. Онъ ужиналъ вмѣстѣ съ Мокрой, Анкой, Петромъ и остальными домочадцами. Послѣ обѣда всѣ предавались отдыху по турецкому обычаю. Отдыхъ этотъ назывался *рагатъ* и состоялъ въ томъ, что мужчины, покуривая трубки и попивая ракію, сидятъ по-турецки и дремлютъ, а женщины въ это время отправляются на вечерній разговоръ. Представителями мужского пола были здѣсь Петръ и Никола: вмѣсто трубокъ, они курили папироски, ракіи не пили, и съ ними обыкновенно оставалась Мокра. Во время вечернихъ *рагатовъ*, они, конечно, разговаривали о томъ, что̀ ихъ больше всего занимало. Въ этотъ день первый заговорилъ Петръ.

— Знаешь, майка, пришло распоряженіе комитета, чтобы „апостоловъ“ снаряжать.

— Какихъ апостоловъ?—спросила она.

Петръ объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Такъ это то же самое, что̀ *Бачо-Киро* затѣялъ.

— Кто это Бачо-Киро?—спросилъ Петръ въ свою очередь.

— Ты развѣ о немъ не слыхалъ?

— Нѣтъ.

— Бачо-Киро ходитъ повсюду въ крестьянской одежѣ и разсказываетъ про Болгарію.

Бачо-Киро (историческая личность) былъ сначала учителемъ, но, подъ вліяніемъ непреодолимаго желанія служить родинѣ, онъ бросилъ учительскую должность и „съ трубкой въ зубахъ, съ сумой на плечахъ, въ крестьянской одеждѣ“ [1]) ходилъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ и агитировалъ. Онъ исходилъ всю Болгарію, Румелію, Ѳракію, Македонію, побывалъ въ Бѣлградѣ, гдѣ видѣлся съ предсѣдателемъ кабинета министровъ; въ Бухарестѣ, гдѣ вошелъ въ сношенія съ революціоннымъ комитетомъ; въ Цареградѣ, гдѣ гостилъ у Славейкова. Въ сумѣ былъ его архивъ; тамъ онъ хранилъ собственныя записки, большинство которыхъ состояло изъ сочиняемыхъ имъ стиховъ на болгарскомъ и турецкомъ языкахъ. Въ стихахъ этихъ проводилъ онъ ту мысль, что настоящій болгаринъ долженъ пролить кровь за свою родину:

„Господи! дозволь мнѣ до того дожить,
Чтобы за Болгарію свою кровь пролить“.

Онъ не былъ хорошимъ поэтомъ, но въ высшей степени оригинальной личностью. Онъ являлся олицетвореніемъ безграничной

¹) „Четите въ Болгаріи“. Н. Стоянова, Филиппополь, 1885.

преданности идеѣ возрожденія болгарской независи
именно личности Мокра разсказала сыну и Нико

— Надо поступать такъ, какъ онъ посту
Никола:—надо *гобу* надѣть и съ Богомъ.

Петръ и Мокра согласились съ нимъ. Разгово
еще нѣсколько минутъ, послѣ чего всѣ разошлис
сказалъ Николѣ, что евангеліе уже есть.

На слѣдующій день, лишь только солнечный о
товѣ началъ золотить поверхность дунайскихъ
стіанскомъ кладбищѣ появилось семь фигуръ, кот
не напоминали заговорщиковъ. Болгары избѣгали средневѣковой символистики и формалистики. Они не употребляли ни тогъ, ни особенныхъ знаковъ; не окружались мистицизмомъ, который впослѣдствіи перешелъ въ романтизмъ, хотя и они не всегда могли бы объяснить своей вѣры въ успѣхъ. Они вѣрили въ правоту своего дѣла, въ торжество справедливости, и шли наобумъ. На зарѣ семь человѣкъ пришло на кладбище; это были тѣ же самые молодые люди, которые вчера совѣщались въ квартирѣ Стояна. Они подошли къ могилѣ Драгана, еще не обросшей травою. На могилѣ этой лежалъ камень, на которомъ предполагалось сдѣлать надпись, когда Станко составитъ ее. Станко хотѣлъ чествовать память молодого человѣка въ стихахъ, но стихи у него какъ-то не клеились. Эта задача не затруднила бы, можетъ быть, Бачо-Киро; но Станко сколько ни думалъ, все-таки ничего у него не выходило, поэтому камень остался безъ надписи. На этомъ камнѣ
Петръ положилъ евангеліе и поставилъ крестъ. Къ пр
ступило пять человѣкъ. Они стали въ рядъ лицомъ къ
передъ солнцемъ присягали на крестѣ и святомъ ева
тексту, внятно прочитанному Петромъ. Этотъ непышн
не лишенъ былъ торжественности. Когда кончилось чте
каждый изъ присягавшихъ перекрестился и подходилъ п
цѣловать крестъ и евангеліе, а отходилъ съ увѣренност
немъ произошла какая-то перемѣна.

Всѣ находились подъ обаяніемъ данной минуты;
единымъ словомъ не рѣшался нарушить торжественнаго
Неизвѣстно, какъ долго оно продолжалось бы, еслибы н
не появилась на кладбищѣ Мокра. Она поспѣшно п
могилѣ и въ недоумѣніи взглянула на молодыхъ людей

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Они присягали,—отвѣтилъ Петръ, указывая г
присягавшихъ.

А... не стану спрашивать, для чего... знаю. Да
словитъ васъ Богъ.

— Что ты, майка, пришла сюда?—спросилъ сынъ.

— Я прихожу сюда каждое утро.—Она вздохнула, взг.
на могильный камень и увидѣла на немъ крестъ и ева
Подошла, перекрестилась, поцѣловала крестъ, поцѣловала
гелiе, выпрямилась и, скрестивъ на груди руки, промолвила

— Я здѣсь бесѣдую съ сыномъ. Одного у меня уб
другого убили... Сынокъ мой, передай мою молитву Богу
люсь я о Болгарiи, за которую вы оба пролили молодую
кровь. Господи, не забудь этой жертвы! Дѣти мои... сынки до

Голосъ ея дрожалъ, но она не заплакала. Замолчала,
подавить волненiе, потомъ обратилась къ молодымъ людямъ

— Вы хорошо сдѣлали, что присягали на могилѣ Дра.
Онъ передастъ Господу вашу присягу, который будетъ
васъ и покараетъ, если забудете о ней. Ступайте теперь
гомъ; оставьте меня одну.

Молодые люди подходили къ старухѣ, цѣловали ея р
удалялись, а она каждаго перекрестила.

Отлогiе лучи солнца, золотившiе росу и капли влаги,
шiя на листьяхъ, освѣщали эту трогательную сцену. Кап.
блестѣли какъ алмазы. Богородская трава распространяла
ный ароматъ. Надъ кладбищемъ взлеталъ жаворонокъ, а
Дунаемъ и за Дунаемъ разстилался бѣлый туманъ. Петр
слѣднiй подошелъ къ матери. Она взяла его голову въ об
и тихимъ взволнованнымъ голосомъ шептала:

— О!.. твоя голова... эта голова... Господь сжалится
мною... сжалится надъ бѣдной сиротой... Но пусть испо.
Его святая воля... Дитя мое, будь остороженъ!..—Она перекр
его и онъ удалился.

На слѣдующiй день Никола ушелъ въ крестьянскомъ
по дорогѣ, ведущей въ Шумлу. Никто не мѣшалъ ему,
не удерживалъ его. Положенiе Стояна было нѣсколько иное
занный съ хаджи Христо, онъ не вполнѣ былъ свободенъ
легко ѣздить въ Бухарестъ, такъ какъ для этого не
сь много времени, а притомъ можно было всегда найти
для поѣздки въ торговыхъ дѣлахъ. Хаджи Христо
эгалъ его, но не особенно контролировалъ. Теперь о,
Стоянъ заявилъ, что уѣзжаетъ надолго, не въ Бухо
по торговымъ дѣламъ, хаджи Христо считалъ необход
переговорить съ нимъ.

— Не дури!—началъ онъ:—у тебя вѣдь, какъ и у каждаго, одна только голова на плечахъ.

— Я объ этомъ знаю,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— А если погубишь ее?

— Мы не вѣчны... Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать.

— Конечно,—отвѣчалъ хаджи Христо и, подумавъ немного, прибавилъ:—Знай, что послѣ моей смерти останется эснафъ, а съ нимъ Иленка... Понимаешь?

Стоянъ посмотрѣлъ собесѣднику въ глаза.

— Что же? Уходишь?—спросилъ хаджи Христо.

— Да, ухожу, но вернусь.

— Возвращайся, а то самъ будешь виноватъ, если твое мѣсто займетъ другой. Петръ—положительный человѣкъ, дѣло свое знаетъ и считать умѣетъ.

Все это не могло удержать Стояна и не удержало. Въ день его отъѣзда Иленка посѣтила Анку около полудня. Одинъ изъ первыхъ ея вопросовъ былъ вопросъ о Николѣ.

— Куда онъ дѣвался?

— Не знаю, куда-то ушелъ.

— Вернется ли?

— Не знаю; можетъ быть, вернется.

X.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ того времени, какъ и щука исчезли Стоянъ и Никола. Въ занимающихъ насъ ческихъ и общественныхъ отношеніяхъ ничего, повидим измѣнилось. Съ ними происходило приблизительно то же, примѣръ, съ Дунаемъ, который все плыветъ себѣ да п Однообразная поверхность его блеститъ на солнцѣ, отр въ себѣ небо, но кто знаетъ, что дѣлается на днѣ? Может тамъ образуются своеобразныя теченія? Можетъ быть, пес носитъ русло рѣки?

Теперь Мокра занималась домашнимъ хозяйствомъ, погрузился въ торговыя дѣла, у хаджи Христо жизнь так обычной колеей, и развѣ тотъ, кто сталъ бы особенно доиск перемѣнъ, могъ бы замѣтить, что Иленка стала чаще обы наго задумываться. Въ задумчивости дѣвушекъ ничего нѣ беннаго—развѣ имъ не о чемъ задумываться? Будущность дѣвушки представляетъ загадку, весьма интересную для

потому не въ томъ дѣло, что Иленка задумывалась, а въ томъ, что стала „чаще обыкновеннаго задумываться". Но на эту перемѣну никто не обращалъ вниманія: ни отецъ, ни мать, ни даже Велка, которая вынянчила ее. Дѣвушка никому ничего не говорила о причинѣ своей задумчивости и, только (вотъ это „только" и могло бы навести на истинный путь того, кто бы заинтересовался этимъ вопросомъ) встрѣтившись съ Анкой въ домѣ ли родителей, у Мокры, или въ другомъ мѣстѣ, старалась свести разговоръ на Николу и дѣлала это довольно ловко. Такъ, напримѣръ, однажды сказала Анкѣ:

— Отецъ мой прогналъ Стояна, точно также, какъ Петръ прогналъ Николу.

— Развѣ Петръ прогналъ Николу?—возразила Анка.

— Я слышала, что Никола товаръ въ лавкѣ воровалъ.

— Чтò ты вздоръ болтаешь! — крикнула Анка съ негодованіемъ.

— Я такъ слышала.

— Это ложь! Мать вполнѣ ему довѣряла, и онъ никогда не воспользовался ни единой нашей парички. Это все неправда. Нѣтъ... нѣтъ... Никола—отличный малый.

— Отличный?—переспросила Иленка.

— Да, отличный, превосходный... какъ сахаръ...

— Такой сладкій?

— Да, сладкій, а пылкій какъ огонь.

— Ты что-то ужъ очень хвалишь его,—замѣтила Иленка тономъ намека.

— Я не хвалю, а просто говорю, каковъ онъ. Впрочемъ чтò ему за дѣло до моей похвалы или хулы.

Анка, которую весьма сильно потрясли свалившіяся на семью несчастія, рѣшила поступить въ монастырь, а потому Иленка придавала большое значеніе всему, чтò Анка говорила ей о Николѣ. Мнѣніе ея было вполнѣ безпристрастно. Иленка умѣла заставить разсказывать себѣ о молодомъ человѣкѣ, о которомъ Анка весьма мало могла разсказывать. Она знала, что хозяева имъ довольны; они ужинали за однимъ столомъ; ей приходилось слушать разговоры между имъ, братомъ и матерью, но Анка не участвовала въ этихъ разговорахъ, такъ какъ была занята другимъ. Она все думала о монастырѣ св. Спаса въ Румыніи, куда постоянно собиралась и куда давно бы уѣхала, еслибы все зависѣло отъ нея. Мать и братъ не противились ея намѣренію, но совѣтовали:

— Подожди, подумай хорошенько, чтобы потомъ не пожалѣть

Анка согласилась съ родными, жила дома, в
стомъ и молитвами готовилась къ монашеской жизни. Сосѣди считали ее святой; владыка раздѣлялъ мнѣніе сосѣдей, а паша, приписывая желаніе Анки вліянію Мокры, видѣлъ въ этомъ вѣрный залогъ благонамѣренности семьи, хотя изъ нея и выродилось два бунтовщика. Да и дѣйствительно: Петръ съ увлеченіемъ занимался торговлей, Анка заживо стремилась въ могилу. Подобнымъ людямъ невозможно заниматься ничѣмъ предосудительнымъ. А между тѣмъ на дѣлѣ выходило иначе.

Пять знакомыхъ намъ заговорщиковъ не дремали: они вели пропаганду возрожденія, раздавали и раскидывали запрещенныя изданія въ громадномъ количествѣ. Теперь изданія эти не только оставлялись въ читальнѣ, но стали появляться во всевозможныхъ лавкахъ, кофейняхъ и въ частныхъ домахъ, такъ что попадали въ руки не только болгаръ, но появлялись внезапно у румынъ, грековъ и даже турокъ. Напрасно Аристархи-бей изъ силъ выбивался, чтобы выслѣдить, какимъ образомъ все это совершалось. „Запрещенное" шествовало какими-то невидимыми путями. Производились аресты, которые ни къ чему не приводили, такъ какъ арестованные оказывались въ концѣ концовъ столь
какъ и самъ паша. Вѣдь онъ тоже находилъ у
ныя изданія! Все это встревожило власти, встревож
Послѣднихъ особенно испугала одна изъ проклам
ная въ космополитическомъ духѣ. Одинъ изъ консу
такую прокламацію, поспѣшилъ съ нею къ паш
ему *corpus delicti*, спросилъ:

— Видѣли ли вы это, ваше превосходительст

Паша вынулъ изъ-подъ подушки такой же эк
казалъ его консулу.

— Что это значитъ?—спросилъ представител
наго государства.

— Что мы цивилизуемся,—отвѣчалъ паша.

— Да, но вѣдь это невозможно.

— А въ Берлинѣ ничего подобнаго не случае

Консулъ нѣсколько смутился, но, подумавъ нем

— Еслибъ въ Рущукѣ ухватить конецъ нит
можетъ быть, можно было бы дойти до клубка в

— Не лучше ли наоборотъ,—отвѣтилъ, улыб
поискать въ Берлинѣ конца той нитки, которая в
комъ въ Турцію?

— Ахъ, ваше превосходительство! вы смѣши
ческіе интересы съ вопросами общественнаго поря

— У насъ ничего не угрожало общественному порядку, пока европейская политика оставляла насъ въ покоѣ.

— Это значитъ, что вы не желаете принимать никакихъ мѣръ?

— Напротивъ того, я только позволилъ себѣ сдѣлать замѣчаніе относительно той роли, которую мы всегда готовы играть, какъ только является вопросъ объ общественномъ порядкѣ.

— Вы точно также заинтересованы въ этомъ, какъ и всѣ прочіе.

Паша только пожалъ плечами.

— Прочитайте, ваше превосходительство!—воскликнулъ консулъ, протягивая газету и тыкая въ нее пальцами.—Эмансипація, федерація, республика... чистая польская интрига.

— Чья бы тамъ ни была интрига, намъ это рѣшительно все равно. Болгары ничего въ этомъ не понимаютъ, у насъ весьма легко поддерживать порядокъ. Кого-нибудь повѣсить или голову какого-нибудь болгарина выставить на жердочкѣ на-показъ и все будетъ спокойно. Есть у насъ въ Рущукѣ одна семья вполнѣ благонамѣренная, благодаря тому, что одинъ изъ ея членовъ далъ голову свою на-показъ. Да, бываютъ моменты, когда становится необходимо устраивать этого рода выставки.

— Настоящій моментъ...—началъ консулъ.

— Очень благопріятенъ для того,—перебилъ паша,—чтобы застращать нашихъ вѣрноподданныхъ... Я сдѣлалъ уже соотвѣтствующія распоряженія... велѣлъ сдѣлать повсемѣстную облаву... Теперь по городамъ, по селамъ, деревнямъ, по горамъ, лѣсамъ и полямъ, всюду, однимъ словомъ, ловятъ комитетъ.

— Что же ему дѣлать въ полѣ?

— Ничего,—отвѣчалъ паша.—Дѣло въ томъ, чтобы произвести впечатлѣніе... Врядъ ли поймаютъ кого-либо изъ членовъ комитета, но будетъ острастка... а народъ пойметъ, что заговорщиковъ также преслѣдуютъ, какъ воровъ и убійцъ. Казнить всегда можно, слѣдуетъ только обвинить въ принадлежности къ комитету.

— Да, но вѣдь необходимы доказательства.

— Найдутся и доказательства, хотя они совершенно излишни. Но, такъ какъ мы теперь цивилизуемся, то я поручилъ Аристархи-бею выработать проектъ суда и слѣдствія... Я непремѣнно пошлю приглашенія всѣмъ консульствамъ на засѣданіе этого суда... Надѣюсь,—прибавилъ онъ съ оттѣнкомъ ядовитости,—что представленіе будетъ удачно.

— Да вѣдь у васъ нѣтъ еще актеровъ?

— Мой режиссеръ Аристархи-бей нашелъ уже нѣсколько человѣкъ, а облава сдѣлаетъ имъ пока рекламу.

Дѣйствительно, по всей Болгаріи разставлена
состоявшая изъ такихъ отрядовъ, на одинъ изъ к
ткнулся Стоянъ въ Кривенѣ. Милязимъ, какъ мы
догадался, что передъ нимъ стоялъ членъ комитета
свой одеждѣ. Стоянъ переодѣлся, переночевалъ въ м
свѣтъ вышелъ съ отцомъ на улицу, гдѣ подъ ор
воины султана. Спалъ даже часовой. Восходящее со
изводило ни на него, ни на его товарищей, ника
лѣнія. Одинъ лежалъ на правомъ боку, другой на
тій уткнулся носомъ въ землю, и всѣ спали. Мила
навзничь и торчавшимъ кверху носомъ издавалъ раз.
то жалобные, то торжественные, то глухо-хрипливі
какъ свистъ.

— Развѣ это люди?—замѣтилъ Стоянъ, взгляну
эту картину.

— Мы точно такіе же во время сна, — возра:

— Не въ томъ дѣло, какъ они спятъ.

— А въ чемъ же? — спросилъ меганджи.

— Насъ, видите ли, можно сравнить съ звѣр
охотится на насъ... а они... что же?

— Конечно, собаки.

— Такъ и чешутся руки взять *шишонъ* (винто
колотить ихъ ихними же штыками.

— И что̀ жъ бы изъ этого вышло?

— Семью турками стало бы меньше на свѣтѣ.

— Нельзя, братъ, сдѣлать этого въ моемъ дом

— Нельзя, такъ нельзя. Впрочемъ, я вѣдь такъ
залъ. Пусть себѣ спятъ молодцы на здоровье, а і
подумать, какъ перебраться въ Рущукъ.

Пето покачалъ головой и сказалъ:—если здѣсь і
въ Рущукѣ тоже стоитъ стража у воротъ.

— А можетъ быть, тамъ такъ же, какъ и здѣсі

Пето возразилъ движеніемъ головы, а потомъ сказ
нѣсколько часовъ пріѣдетъ сюда таторъ (почтальонъ)
отправишься, а пока ступай куда-нибудь, съ глазъ

— Пойду въ деревню.

— Иди.

— Гродждань дома?—спросилъ молодой человѣі

— Дома. Знаешь *ли*, онъ женился.

— Знаю, онъ взялъ Балкану.

— Да, и вотъ гдѣ теперь живетъ, — прибав
показывая пальцемъ избу на краю деревни.

- Тамъ вѣдь прежде жилъ Степанъ, — замѣтилъ Стоянъ.
- Да, жилъ, но продалъ избу Грождану, а самъ уѣхалъ и ился по ту сторону Бѣлой.

ъ этотъ моментъ послышалось подъ орѣхомъ какое-то вор- милязимъ забормоталъ, отгоняя, сквозь сонъ, обсѣвшихъ ухъ. Онѣ безпокоили его гораздо больше. чѣмъ свѣтившее иза солнце. Мухи безпрестанно гуляли по лицу милязима, бенно полюбилась имъ окрестность его носа; напрасно онъ лся сквозь сонъ, напрасно подергивались рефлективно мышцы мухи отлетали и снова садились; наконецъ, милязимъ за- галъ и качнулъ головой—мухи слетѣли. Это-то ворчаніе и ило на себя вниманіе разговаривавшихъ.

- Просыпается,—сказалъ Стоянъ.
- Еще нѣтъ, но скоро проснется. Проклятыя мухи не да- эму спать. Ну, ступай же съ Богомъ!

тоянъ повернулся и, не спѣша, прошелъ пространство, отдѣ- е его отъ той избы, куда онъ направился. На порогѣ встрѣ- его хозяева, оба еще молодые. Ему было лѣтъ тридцать, а эло двадцати-пяти. Они составляли отличную пару: оба ы, особенно она, которая представляла типъ деревенской ы. Статная, свѣжая, здоровая фигура ея нравилась всѣмъ, а нее взглянетъ. Стоянъ поздоровался съ ней какъ съ доб- накомой.

- Что же у васъ хорошенькаго слышно?
- Все по старому, — отвѣчалъ Грождановъ.
- Не совсѣмъ по старому,—возразилъ Стоянъ.—Прежде не и въ Кривенѣ низамовъ.
- Чортъ бы ихъ побралъ! — замѣтила хозяйка. — Сегодня очередь кормить ихъ.
- А хотите избавиться отъ такихъ гостей?
- Пусть бы шли себѣ съ Богомъ, куда имъ угодно.
- Совсѣмъ бы ушли, не правда ли?—спросилъ Стоянъ.
- Не стала бы плакать, хоть бы ихъ и совсѣмъ не стало.
- Даже еслибъ они ушли изъ Болгаріи?
- Изъ Болгаріи?—повторила женщина, не понимая, въ чемъ

- Со всей нашей родины, — прибавилъ Стоянъ, и началъ ять, что это такое Болгарія. Онъ опредѣлялъ границы, лъ горы, рѣки, города, деревни; говорилъ о разстояніи ——, ними, о самомъ народѣ, а молодая женщина все слушала, и отъ времени до времени удивлялась:

— Бре... бре...

— Такъ вотъ видите,—продолжалъ Стоянъ:
одъ сговорился, то легко могъ бы выгнать т
цило въ программу пропаганды, которую он
его „апостольства“ и вести которую до того
truда убѣдилъ хозяевъ не только въ необх
окъ, но даже въ возможности сдѣлать это.—
ать,—оканчивалъ онъ:—если сильно захотим
ся, все сдѣлаемъ,—и онъ продекламировалъ:

„Не кланямъ ся низко
Ни предъ единъ волъ,
А на подлеците
Имамъ буковъ колъ“.

Рѣчь Стояна чрезвычайно заинтересовала Г
у. Они заслушались, а между тѣмъ время шло
айка вспомнила, что ихъ очередь кормить
— Ахъ! время уже ѣду готовить,—воскликн
амамъ ягненка, — сказала она мужу, — а я
— А я, — сказалъ Стоянъ, — посижу у ва
ался подальше отъ низамовъ, и мнѣ бы не
знали, гдѣ я.

— Садись у камина,—сказалъ Гроздданъ.

Хозяинъ пошелъ колоть ягненка, хозяйка
нутъ черезъ десять она вернулась и, едва пер
атилась къ Стояну:—кажется, что одинъ из
намъ въ избу. Если онъ войдетъ, стань вот
зала на висѣвшее на жерди платье. Между
стѣной можно было скрыться. Только-что хо
нѣсколько словъ, какъ на порогѣ показался
кесъ: — Турокъ идетъ.

Стоянъ всталъ съ своего мѣста и спрятался
дленно послѣ того вошелъ незваный гость. Это
ъ шелъ съ чубукомъ въ рукѣ, съ револьвер
тановившись на минуту на порогѣ, онъ ок
ницу, вошелъ и занялъ мѣсто передъ камин
сидѣлъ Стоянъ.

— *Гашъ гелды*,—поздоровался турокъ.

— *Сафатъ гелды*,—отвѣчалъ Гроздданъ.

Турокъ набилъ себѣ трубку, закурилъ ее
ого, сказалъ Грозддану:—Стань передъ избой и
кто сюда не входилъ. Если же ты, джанэмъ
шь сюда кого-нибудь, — прибавилъ онъ, лас

такъ видишь ли?..—Онъ указалъ пальцемъ на торчавшій за поясомъ револьверъ.

Гроздан отвернулся и направился къ дверямъ. Балкана послѣдовала за нимъ.

— Псс...—позвалъ милязимъ. — Останься, горлица моя!—обратился турокъ къ Балканѣ:—готовь кушанье.

— Но... я...—начала смущенная женщина: — эффендимъ...

— Что такое?

— Я должна уйти.

— Зачѣмъ?

— Мой чередъ готовить на васъ.

— Потому именно останься... здѣсь... здѣсь... у камина... вотъ тутъ,—сказалъ онъ, указывая пальцемъ мѣсто.—Ты будешь готовить, а я посмотрю. — Онъ отвернулся, посмотрѣлъ—Грожданъ уже ушелъ. Милязимъ сталъ курить трубку. Балкана стояла по срединѣ избы и искоса посматривала на платье, за которымъ скрывался Стоянъ.

— Чего же ты стоишь?—ласково спросилъ ее милязимъ.—Дѣлай свое дѣло, а я буду дѣлать свое.

Молодая женщина вздохнула и, собравшись съ духомъ, начала:

— Оставь, эффендимъ, свои дурныя намѣренія.

— Знаешь ли, голубушка, каковы мои намѣренія?

— Ты самъ знаешь, эффендимъ.

— Знай же и ты, прекрасная булка: я намѣренъ пустить пулю въ лобъ твоему мужу, если ты вздумаешь мнѣ сопротивляться.

— Господи Боже мой!—вздохнула молодая женщина.

— Видишь ли... Я не намѣренъ выйти отсюда, пока не обниму тебя. Подойди лучше къ камину и ни въ чемъ не сопротивляйся. Понимаешь!

Въ словахъ милязима слышалась та непреодолимая воля, которую турки умѣютъ выражать чрезвычайно мягко. Балкана отлично знала, что всякая борьба была бы безполезной. Тѣ, за чѣмъ пришелъ милязимъ, считалось весьма обыкновеннымъ требованіемъ, и единственнымъ спасеніемъ въ такихъ случаяхъ было заблаговременное бѣгство, такъ какъ булки (замужнія женщины) лишены были всякой возможности защищаться отъ насилія турокъ. Балкана не скрылась заблаговременно — стало быть, надо было покориться. Къ тому же турецкіе и вообще восточные обычаи не допускаютъ никакого сопротивленія со стороны женщины, попавшейся какимъ бы то ни было образомъ въ руки мужчины. Библейская, напримѣръ, женщина никогда не сопротивляется волѣ

кчины. Заповѣди воспрещаютъ „пожелать“ м
гому-то женщинъ и запираютъ на востокѣ.
іціативы въ этомъ отношеніи, существа эт
тивостоять естественному „пожеланію“ мужч
могутъ защитить каменныя стѣны, замки,
омъ случаѣ не вопль ихъ. Вотъ почему ос
ікана не видѣла никакой возможности про
ію“ милязима. Ее стѣсняло только прису
ъ было помочь горю? Выдать его—боялась.
а только и подошла къ камину. Когда
нулась къ огню, турокъ погладилъ ее по н
ами. Балкана дѣлала свое дѣло, не обращ
о вниманія. Милязимъ повторялъ, продолж
и ласки... Посидитъ себѣ, покуритъ трубку,
кать деревенскую красавицу. Наконецъ, об
тянулъ къ себѣ, отложилъ въ сторону тру
атила его пара сильныхъ рукъ, и онъ оч
кой опрокинутымъ навзничь. Все это произо
іе. Балкана вскочила, закрыла глаза руками
ы. Въ горницѣ милязимъ барахтался на полу
ъ его грудь колѣномъ, изо всѣхъ силъ да
Гроҗданъ между тѣмъ преспокойно снималъ
убитаго ягненка, который висѣлъ на де
томъ въ столбъ. Увидѣвъ выбѣжавшую изъ
івавшую глаза руками, онъ позвалъ:

— Балкана!

— Ахъ!—воскликнула крестьянка, отнимая

— Что̀ такое?—спросилъ спокойно мужъ.

— Стоянъ...

— Что̀ такое Стоянъ?

— Не знаю... Ахъ!

— Турокъ Стояна увидѣлъ?—испуганно сп

— Ахъ... нѣтъ!..

— Если нѣтъ, то и слава Богу,—замѣтилъ у

— Стоянъ турка увидѣлъ.

— Не мудрено... Онъ вѣдь стоялъ за оде
? Нельзя же было его вывести.

— Онъ самъ вышелъ...

— Онъ вышелъ?—спросилъ встревоженный

— Какъ только турокъ обнялъ меня, онъ

— И помѣшалъ турку!—крикнулъ мужик
ъ ягненка.

Iомѣшалъ.

), горе намъ, горе!.. ну, и что же?

Iе знаю, я убѣжала, а они тамъ...—Она указала пальцемъ

'амъ!—повторилъ Гро承данъ и, направляясь къ избѣ, сдѣ-
:колько шаговъ. — Тамъ все тихо... Онъ сдѣлалъ еще
› шаговъ и посмотрѣлъ на жену, которая въ какомъ-то
iи стояла у столба. Въ ея взглядѣ выражалось недо-
испугъ.—Почему тамъ тихо?..—недоумѣвалъ Гроzhданъ.
› простая и естественная причина тишины заключалась
что пока супруги разговаривали, Стоянъ задушилъ турка.
милязимъ извивался подъ давившими его грудь колѣ-
оянъ, не говоря ни слова, съ яростью пантеры сжималъ
и тогда только разжалъ руки, когда жертва его пере-
стала шевелиться.

— А!..—воскликнулъ онъ, стоя надъ трупомъ:—вчера я дол-
женъ былъ плясать передъ тобою вмѣсто медвѣдя, а сегодня ты
хотѣлъ нашу женщину обезчестить... Ахъ ты .. собачій сынъ!

Гроzhданъ услышалъ отголосокъ этихъ словъ, и ему показа-
лось, что въ горницѣ разговариваютъ. Онъ нѣсколько успокоился
и съ видомъ подслушивающаго подкрался къ дверямъ. Дверь была
открыта. Прижавшись плечомъ къ косяку, онъ заглянулъ внутрь
и увидалъ, что милязимъ лежитъ, а Стоянъ стоитъ надъ нимъ.
Гроzhданъ удивился. Посмотрѣлъ на жену, которая стояла все
въ томъ же положеніи, и пожалъ плечами. Гроzhданъ самъ не
зналъ, что ему дѣлать. Стоянъ позвалъ его:

— Гроzhданъ! видишь ли?

Крестьянинъ ничего не понималъ; онъ стоялъ въ дверяхъ, но
не смѣлъ перешагнуть порога.

— Я задушилъ турка.

— Э!..—ужаснулся мужикъ.

— Да, я задушилъ его... не далъ обезчестить твоей жены.

Гроzhданъ остолбенѣлъ.

— Видѣлъ ли кто, какъ онъ входилъ къ тебѣ въ избу?

На этотъ вопросъ, клонившійся, очевидно, къ обсужденію
средствъ уклоненія отъ отвѣтственности за совершившійся фактъ,
крестьянинъ не отвѣтилъ; онъ только крикнулъ женѣ:

— Онъ турка убилъ!

Балкана всплеснула руками, завопила и съ крикомъ отчая-
нія побѣжала въ деревню.

— Бѣда!—крикнулъ Гроzhданъ и тоже побѣжалъ въ деревню.

Стоянъ выбѣжалъ на улицу и нѣсколько разъ крикнулъ:

—Стой! стой!—но ни Грождапъ, ни Балкана
махнулъ рукой, вернулся, осмотрѣлъ избу во
нулъ на мегану. Во все это время лицо его
нерѣшительность. Наконецъ, онъ надѣлъ ша
дворъ. Здѣсь оглянулся и скорымъ шагомъ
скоро исчезъ за холмомъ. Между тѣмъ кри
каны произвелъ въ деревнѣ переполохъ. Же
домовъ и тотчасъ же скрывались, а мужчин
умѣніи вокругъ и все-таки ничего не могли
или шестой избы Балкана остановилась и, к
всѣхъ сторонъ, сказала:

— Горе намъ! Стоянъ турка убилъ.

Подбѣжалъ Грожданъ и повторилъ:—Горе
убилъ.

Всѣ были поражены этимъ извѣстіемъ.
другіе сосѣди; пришелъ и чорбаджи.

— Что?.. какъ?.. гдѣ?..—спрашивалъ он

Грожданъ разсказалъ, какъ пришелъ ми
залъ ему уйти, какъ остался съ его женой.
зывалъ спокойно, будто такъ и должно бы
Единственнымъ виновникомъ бѣды являлся С

— Какой Стоянъ?—спросилъ кто-то.

— Сынъ меганджи Пето.

— Откуда онъ явился?

— Не знаю... Пришелъ къ намъ въ го
мина; а когда турокъ пришелъ, онъ спрята

Теперь не было уже никакой возможно
шійся фактъ. Чорбаджи самъ не зналъ, что
надо было на что-нибудь рѣшаться. Чорбад
Грождана и отправить его въ Систово въ к
тельно надо было зайти въ мегану, чтобы
Чорбаджи, призванные имъ мужики и связа
правились къ меганѣ. Поравнявшись съ избой
и нѣсколько другихъ крестьянъ заглянули в
жалъ трупъ съ раскрытымъ ртомъ, раскрыт
нувшимся языкомъ. Крестьяне попятились на
Передъ меганой стоялъ часовой, а въ дверя

— Что это значитъ?—спросилъ Пето, об
и указывая на связаннаго Грождана.

— Гдѣ Стоянъ?—спросилъ въ свою оче

— Какой Стоянъ? Если вамъ нужно с

его здѣсь не было. Я его не видалъ.—Пето отвѣчалъ такъ громко, что слова его были слышны въ женской половинѣ.

— Зачѣмъ же вамъ Стоянъ?—еще разъ спросилъ меганджи.

Чорбаджи разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Стояна здѣсь не было; всѣ низамы могутъ подтвердить мои слова, а они здѣсь со вчерашняго утра. Если Стоянъ былъ гдѣ-нибудь въ окрестности, то я за это не отвѣчаю, а ко мнѣ онъ не заходилъ.

Сообщенное солдатамъ извѣстіе не произвело на нихъ особеннаго впечатлѣнія. Онбаши отправился въ избу Грождана, констатировалъ фактъ убійства и вернулся. Нѣсколько другихъ солдатъ сдѣлали то же самое. Такъ какъ низамы подтвердили показаніе Пето, то чорбаджи пришлось отправиться въ Систово съ однимъ только обвиняемымъ.

XI.

Нѣсколько дней спустя послѣ описанныхъ нами въ предшествующей главѣ событій, рущукскій вали (губернаторъ) принималъ съ свойственной ему важностью и спокойствіемъ своихъ посѣтителей. Прежде всѣхъ приглашенъ былъ къ нему консулъ той „дружественной державы“, которая особенно интересовалась агитаціей въ Болгаріи. Паша очень радушно принялъ его. Послѣ обычныхъ привѣтствій начался разговоръ на ту же тему, которая была затронута консуломъ нѣсколько недѣль тому назадъ, но теперь не консулъ, а паша дѣлалъ сообщеніе:

— Теперь у насъ накопилось уже достаточно матеріала для процесса,—заявилъ вали.

— Сколько членовъ комитета?—спросилъ консулъ.

— Ни одного.

— Какой же это матеріалъ?

— Онъ состоитъ у насъ изъ суррогатовъ,—отвѣчалъ паша.— У насъ есть такіе, которыхъ можно будетъ повѣсить вмѣсто членовъ комитета, если слѣдственной коммиссіи не удастся выжать изъ подсудимыхъ указаній на болѣе крупныхъ дѣятелей... Мы, видите ли, цивилизуемся и начинаемъ примѣнять къ правосудію законъ вѣроятности.

— Не опасно ли примѣнять къ правосудію законъ вѣроятности?—спросилъ консулъ.

— Мотивированный приговоръ по европейскому образцу устранитъ всякую опасность.

Консулъ оставилъ этотъ вопросъ и перешелъ къ д
ько человѣкъ арестовано?

— Трое.

— Мало.

Паша хлопнулъ въ ладоши и спросилъ пришедша
адъютанта:—Пришелъ ли уже въ конакъ Ариста

— Пришелъ, паша эффендимъ.

— Позовите его ко мнѣ.

Нѣсколько минутъ спустя пришелъ Аристархи-бе
и сталъ въ почтительной позѣ, ожидая приказан

— Нельзя ли арестовать больше троихъ?—спроси

— Можно,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Такихъ, которые бы могли фигурировать въ пр

— Всякій болгаринъ могъ бы фигурировать въ пр

— Конечно, но вѣдь необходимы правдоподобны
тва.

— Правдоподобныхъ доказательствъ очень много.

— Противъ кого?

Аристархи-бей назвалъ нѣсколько человѣкъ и м
хаджи Христо.

— А?..—удивился паша.

— Къ его дому прослѣдили...

— Очень хорошо... и, обращаясь къ консулу, при
ная рыба.

— Я его знаю,—отвѣчалъ консулъ.—Онъ врядъ
участіе въ какихъ бы то ни было незаконныхъ

— Но можетъ съ пользой фигурировать въ проце

Что же такое произошло? Легко догадаться, что за
должно было составить убійство милязима.

Стоянъ, уходя изъ избы Грождана, очутился въ не
женіи. Нечего было и думать о возвращеніи домой
я въ деревнѣ было тоже опасно. Ему стало до
такъ вспылилъ: вѣдь онъ защищалъ людей, которы
али даже важности наносимаго имъ оскорбленія.
овать жизнью изъ-за такихъ людей?.. Въ немъ
во презрѣнія къ своимъ землякамъ. Онъ вознего
. Подумавъ, однако, и успокоившись, онъ иначе
случившемуся:

Чѣмъ они виноваты? — подумалъ Стоянъ. — Пя
во не могло не оставить глубокихъ слѣдовъ, тѣ
ъ продолженіе всѣхъ этихъ пяти вѣковъ народъ
бсолютномъ умственномъ бездѣйствіи. Онъ безропо

рялся туркамъ и даже не думалъ о себѣ; поэтому турки выдрессировали болгаръ какъ собакъ, объѣздили ихъ, какъ объѣзжаютъ лошадей, и такъ пріучили ко всѣмъ послѣдствіямъ неволи, что въ нихъ выработалась привычка соглашаться со всѣмъ существующимъ какъ съ необходимымъ и вполнѣ законнымъ. Чѣмъ же они виноваты?"

Стоянъ задалъ себѣ вопросъ: почему же онъ самъ такъ вспылилъ, такъ возмутился поступкомъ милязима? Отвѣтъ явился самъ собой: понятіе чести представилось ему въ видѣ результата образованія.

Всѣ эти размышленія нисколько, однако, не улучшали того затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ теперь очутился. Онъ находился среди полей, луговъ, лѣсовъ, покрывающихъ холмистую поверхность окрестностей Рущука, на которой расположены болгарскіе, турецкіе и черкесскіе посады и деревни. Онъ не сомнѣвался, что его всюду будутъ искать, что власти устроять на него облаву. Стоянъ разсчиталъ, что приказъ о розыскахъ его не можетъ дойти до всеобщаго свѣденія раньше двадцати четырехъ часовъ, слѣдовательно онъ могъ располагать сутками, и еслибъ ему удалось переправиться въ это время за Дунай, тогда бы онъ избѣжалъ всякой опасности. Легче всего можно бы привести эту мысль въ исполненіе, добравшись до отцовской меганы, такъ какъ Пето зналъ много рыбаковъ и имѣлъ съ ними постоянныя сношенія. Но невозможно было и думать о возвращеніи въ мегану: пришлось бы рисковать не только собой, но и отцомъ. Во время событій 1867 и 1868 годовъ турецкія власти вѣшали и ссылали въ каторжныя работы не только тѣхъ, которые непосредственно принимали участіе въ возстаніи, но даже тѣхъ, кто давалъ имъ пріютъ или пищу. Въ меганѣ никто изъ постороннихъ не видѣлъ Стояна, и это обстоятельство оправдывало его отца, на смѣтливость котораго онъ вполнѣ разсчитывалъ. А потому не слѣдовало рисковать. Послѣ подобныхъ размышленій, преступникъ нашъ направился къ берегу Дуная, забрался въ тростникъ и ждалъ, не подвернется ли счастливый случай. Но случай не подвертывался. Стоянъ видѣлъ, какъ проходили по рѣкѣ то пароходы, то парусные корабли, то баржи, то лодки, то рыбацкіе челноки, но все это плыло слишкомъ далеко отъ него. Надо было ожидать нѣсколько дней, чтобъ дождаться чего-нибудь подходящаго. Можетъ быть, Стоянъ рѣшился бы ожидать, но въ первый же день къ вечеру онъ замѣтилъ усиленное движеніе на линіи пограничной стражи. Не могло быть, слѣдовательно, ни малѣйшаго сомнѣнія, что его начали

разыскивать. Наступила ночь и только подтвердила
пограничная стража была удвоена. Онъ вышелъ
и направился къ дорогѣ, но, пока дошелъ до нея,
прилечь въ первой попавшейся ямкѣ, такъ какъ п
объѣздъ черкесовъ. Можетъ быть, объѣздъ этотъ и 1
но „пуганая ворона и куста боится". Когда черкесы проѣхали, онъ перебѣжалъ черезъ дорогу, дошелъ до лѣсу и, найдя здѣсь подходящее мѣстечко, легъ уснуть.

„La nuit porte conseil"—утѣшалъ онъ себя. Однако не вдругъ уснулъ: онъ думалъ и додумался до плана, исходнымъ пунктомъ котораго было то положеніе, что легче всего скрываться между людьми. Въ толпѣ личность пропадаетъ,—но не во всякой толпѣ. Надо, чтобы толпа и личность были однородны. Въ деревнѣ личность Стояна до тѣхъ поръ была однородна съ окружающимъ его людомъ, пока онъ ходилъ въ крестьянской одеждѣ.

— Зачѣмъ я снялъ гобу, лапти, колпакъ!—горевалъ онъ.

Но дѣлать было нечего. Мы видѣли, что утромъ, не предвидя никакой опасности, онъ рѣшился возвратиться въ Ру
но и теперь ему не предстояло ничего другого. Надо было
нуться въ Рущукъ и тамъ исчезнуть между людьми, потом
случаѣ добраться до Журжева. Такой планъ казался ему с
подходящимъ въ виду обстоятельствъ, въ которыхъ онъ оч
Труднѣе всего было попасть въ Рущукъ—городъ, окруж
рвами и окопами, на которыхъ стояли пушки и были ра
лены часовые, оберегавшіе всѣ выходы и входы. Но, по
онъ, эта трудность не непреодолима. Раздумывая такимъ
зомъ, Стоянъ уснулъ. Разбудилъ его какой-то странный
въ лѣсу. Не вѣтеръ ли? Нѣтъ, не вѣтеръ.

Онъ сталъ прислушиваться и теперь уже различалъ:
ломающихся вѣтвей, отголоски шаговъ и разговора, и от
мени до времени какой-то крикъ, напоминающій команду.

— Что это такое?

Онъ вскочилъ, еще послушалъ и вполнѣ убѣдился, что
этотъ шумъ производили наполнявшіе лѣсъ люди. Кто
подобно Стояну, исторію Филиппа Тоби, Панайота Хитова,
попа Караджи и хаджи Димитра, тому легко было понят
это облава.

Стояну стало жутко. Сердце его сжалось; но весьма
это первое ощущеніе нейтрализировалось сознаніемъ, что
это даже облава, то вѣдь онъ рискуетъ только жизнью, к
и безъ того повисла лишь на волоскѣ, и онъ вдругъ почу

валъ въ себѣ силу и мужество. Онъ осмотрѣлъ револьверъ, немного подумалъ, вспомнилъ хорошо знакомую ему мѣстность и направился въ сторону оврага, гдѣ находился ручеекъ, текущій къ Лому. Стоянъ подвигался очень осторожно: осматривался, но главнымъ образомъ старался не сбиться съ избраннаго направленія. Вскорѣ онъ убѣдился, что его окружали со всѣхъ сторонъ. Въ такихъ случаяхъ, чѣмъ больше кольцо, тѣмъ оно рѣже и, стало быть, тѣмъ легче пройти незамѣченнымъ. Онъ сразу понялъ, что ему нельзя терять ни минуты, и пошелъ быстро впередъ. Пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ встрѣтился съ болгарскимъ крестьяниномъ, который, какъ только замѣтилъ его, тотчасъ же поднялъ палку и хотѣлъ закричать, но лишь только Стоянъ показалъ револьверъ, мужикъ опустилъ палку и закрылъ ротъ.

— Чтò это такое?—спросилъ Стоянъ, тихимъ голосомъ, направляя дуло револьвера на мужика.

— Насъ согнали искать Стояна Кривенова,—отвѣчалъ мужикъ.

— Ступай съ Богомъ, — сказалъ Стоянъ, проходя мимо крестьянина.

— Съ Богомъ,—тихо отвѣчалъ мужикъ.

Пройдя благополучно цѣпь облавы, Стоянъ быстро пошелъ въ сторону оврага. Онъ шелъ теперь по тропинкѣ и вдругъ наткнулся на агу систовскихъ заптіевъ.

— *Дуръ* (стой)!—крикнулъ ага, протягивая лѣвую руку къ груди Стояна, а правой хватая торчавшій за поясомъ револьверъ.

Раздался выстрѣлъ... Ага вскрикнулъ, вытянулъ руки, какъ бы желая за что-то ухватиться, и повалился навзничъ.

Стоянъ пустился бѣжать. Положеніе его еще ухудшилось, когда онъ взвалилъ на свою шею еще второе убійство. Теперь Стоянъ бѣжалъ изъ всѣхъ силъ и вдругъ подумалъ, что по его слѣдамъ пустится погоня, которая тѣмъ легче настигнетъ его, что теперь извѣстно, въ какую сторону онъ направился. Какъ только мысль эта мелькнула у него въ головѣ, онъ немедленно свернулъ въ бокъ, забрался въ чащу и подъ ея прикрытіемъ старался обогнуть лѣсъ такимъ образомъ, чтобы направиться въ сторону противоположную той, въ которую, по всему вѣроятію, послѣдуетъ за нимъ погоня. Ему, такимъ образомъ, пришлось приблизиться къ Кривенѣ.

Спустя нѣкоторое время, онъ пошелъ медленнѣе, но все-таки подвигался впередъ; по временамъ оглядывался, прислушивался, останавливался и опять шелъ. Наконецъ, вполнѣ убѣдившись, что погоня пошла въ другую сторону, онъ нѣсколько отдохнулъ и

пошелъ, но теперь совсѣмъ уже медлен
нѣ, онъ обошелъ ее издали, нашелъ вѣтви
ій листьями яворъ, влѣзъ на него и скры
густыми вѣтвями. Теперь открылся пере
видъ. Онъ видѣлъ блестящій отъ солнца ,
ую плоскость, видѣлъ поля, холмы, лѣса
шались систовскіе минареты; видѣлъ ра
деревни, устье Янтры и, наконецъ, вдали
ой различилъ отцовскую мегану.
Что̀ случилось съ отцомъ, матерью, бабушко
ъ онъ.
ги вопросы мучили его. Очень было вѣр
рестованъ; но не менѣе вѣроятно было и
ая власть въ лицѣ черкесовъ и башибузу
я для розысковъ Стояна и разъяренная не
о мать, сестру и бабущку и станетъ истяз
езпокоила мысль о молодой красивой сес
весьма лакомый кусокъ для мусульманъ. (
ніемъ смотрѣлъ онъ на мегану въ наде
ь, къ чему могла бы привязаться его мыс
огадокъ; но не могъ ничего разглядѣть. I
ь мѣстѣ; на дворѣ ходили куры; по дорог
и и проѣзжали путники. Стоянъ смотр
съ задней стороны, а потому не видѣлъ, (
ъ знать, что низамы ушли, можно бы і
ѣ и разузнать, что̀ случилось. Вотъ почему
ь убѣдиться прежде всего, оставленъ ли ч
ъ листья, напрягалъ зрѣніе и, наконецъ,
. Значитъ, низамы остались. Нѣсколько с
ую фигуру, выходившую черезъ заднюю д
лъ онъ себѣ. Такимъ образомъ, Стоянъ у
, и что бабушка дома. Это такія данныя, і
можно уже строить предположенія: если
замѣняетъ старуха, слѣдовательно имущ
Но что̀ же случилось съ родными?
ожно было предположить, что отца арест
не арестовать; во всякомъ случаѣ, м
что не произвели внезапнаго набѣга, а с
подумать о матери и сестрѣ. Вскорѣ С
что мегана по прежнему дѣйствуетъ.
о верховыхъ черкесовъ, которые останов
шадей, нѣкоторое время оставались въ і

уѣхали. Кромѣ того онъ видѣлъ, какъ другіе черкесы шныряютъ по полямъ.

„Они меня ищутъ“, подумалъ Стоянъ.

Всѣ эти наблюденія нѣсколько успокоили его относительно судьбы семьи, и онъ сталъ свободнѣе думать о своемъ положеніи, которое становилось тягостнымъ и потому еще, что вотъ уже второй день какъ онъ ничего не ѣлъ. Ощущеніе голода становилось очень непріятнымъ. Въ меганѣ, конечно, покормили бы его, но идти туда было слишкомъ рискованно.

Онъ осматривалъ деревню. Въ Кривенѣ не происходило, по-видимому, ничего необыкновеннаго. Крестьяне ходили, суетились какъ ни въ чемъ не бывало. Стоянъ зналъ каждаго изъ нихъ... Онъ рѣшилъ дождаться вечера и пойти прямо къ чорбаджи.

Сказано—сдѣлано. Какъ только стемнѣло, онъ спустился съ дерева и направился въ деревню. Семья чорбаджи чрезвычайно испугалась при его появленіи: дѣти и молодые разбѣжались; въ избѣ осталась одна только *бабичка*, которая всегда остается въ Болгаріи единственной представительницей семьи во время тревоги. На первые вопросы Стоянъ получалъ одинъ отвѣтъ: „не знаю... не знаю“.

Молодой человѣкъ спрашивалъ: гдѣ чорбаджи, гдѣ меганджи, что̀ слышно въ деревнѣ?

— Не знаю.

Стоянъ успокоивалъ, смягчалъ голосъ и только съ трудомъ разузналъ кое о чемъ.

— Ты меня не бойся, бабичка,—говорилъ молодой человѣкъ:—я какъ пришелъ, такъ и уйду.

— Уходи пожалуйста,—отвѣчала старуха.

— Скажи мнѣ только, гдѣ чорбаджи?

— Въ Систовѣ.

— А отецъ мой?

— Твой отецъ?—переспросила она.

— Да, отецъ мой, меганджи Пето.

— Въ Систовѣ.

— А моя мать и сестра?

— Въ Систовѣ.

— Что же они, въ тюрьмѣ?

— Въ Систовѣ.

Стоянъ видѣлъ, что старуха ухватилась за это слово и не хочетъ ничего больше сказать. Для опыта онъ спросилъ:

— Гдѣ вашъ хлѣбъ?

— Въ Систовѣ!—отвѣчала старуха.

Тогда Стоянъ крикнулъ строгимъ голосомъ:

— Дай мнѣ сейчасъ же хлѣба и закуски!

Старуха, привыкшая прислуживать, немедлен почтенный кусокъ мамалыги, нѣсколько луковицъ еще кое-чего. Стоянъ завернулъ все это въ пла Въ деревнѣ ему нечего было дѣлать. Онъ проше дановой избы, которая была пуста. Надо было с полѣ ночлега и убѣжища.

Происшествія прошедшей ночи заставляли его нымъ, а напряженное вниманіе раздражало его.

Онъ шелъ всю ночь и, наконецъ, очутился п крѣпости. Еще не разсвѣло, на востокѣ только краснѣть. Стоянъ началъ всматриваться въ окопы ничего не различалъ, но вскорѣ замѣтилъ будку шелъ ближе и увидѣлъ сидящаго въ ней солдата.

„Ему бы надо ходить, а онъ сидитъ въ будк Стоянъ.—Можетъ быть, спитъ",

Онъ еще приблизился и убѣдился, что часовой спитъ. При первыхъ лучахъ разсвѣта Стоянъ уви будокъ на насыпи, но ни одного часового. „Попроб онъ,—спустился въ канаву и началъ искать удобн взобраться на валъ.

Турки отличаются большою небрежностью крѣпостей въ мирное время; они починяютъ их когда грозитъ опасность войны. Вотъ почему Ст въ канаву безъ особеннаго труда, легко отыскалъ торомъ обвалились кирпичи, взобрался ползкомъ тился какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла нявшись немного, Стоянъ взглянулъ на часового спокойно спалъ, поставивъ около будки ружье. С подползъ къ часовому и остановился на минуту. мелькнула мысль, чтобы къ двумъ убійствамъ прис Благодаря совершившемуся въ его головѣ психоло цессу, онъ стоялъ на покатости, на которой не ле жаться. Вѣдь онъ вызвалъ турокъ на войну, а сдѣлался одною изъ воюющихъ сторонъ и считал всячески вредить своимъ врагамъ, тѣмъ болѣе, ч и то же время считали себя стороной и судьей, пощадили бы, да и не пощадятъ его. „Теперь руkахъ,—думалъ онъ:—я могу заколоть его собствен комъ; вѣдь нѣтъ никакого основанія щадить его жи онъ не убилъ спящаго солдата, а только взялъ

мъ обошелъ будку, соскочилъ съ бруствера и хотѣлъ поломать и бросить ружье; намѣренію этому помѣшалъ патруль. Когда Стоянъ спускался по внутреннему склону насыпи, его неожиданно поразилъ внезапный окрикъ:

— Дуръ (стой)!

Въ одно мгновеніе онъ бросилъ ружье и побѣжалъ во всю прыть, черезъ выгонъ, въ направленіи строенія, позади котораго начиналась улица, ведущая въ центръ города. Ему казалось, что зданіе скроетъ его отъ глазъ погони. Но погоня была близко, такъ что, когда онъ миновалъ строеніе, ему представилась только двоякая возможность скрыться: въ стоявшей у стѣны бочкѣ или въ раскинутомъ недалеко отъ нея цыганскомъ шатрѣ. Изъ-подъ шатра высовывались босыя ноги спящихъ людей, а у забора стоялъ привязанный оселъ. Шатеръ—или бочка? Недолго думая, онъ вскочилъ въ бочку и присѣлъ. Прибѣжали солдаты, посмотрѣли въ улицу и начали ругаться.

— Шпіонъ... негодяй... удралъ!.. постой! поймаемъ мы тебя!

Проснулись цыгане; одинъ изъ нихъ вылѣзъ изъ шатра и всталъ.

— Не видѣлъ ли ты?—спросилъ одинъ изъ низамовъ.

— Кого?

— Кого? должно быть шпіона или комитаджи.

— Нѣтъ, не видѣлъ,—отвѣчалъ цыганъ.

Встала старуха и смотрѣла исподлобья на низамовъ, которые ругались, плевали, проклинали и, наконецъ, вернулись въ окопамъ.

Немного погодя Стоянъ вылѣзъ изъ бочки и быстро прошелъ мимо удивленныхъ цыганъ. Онъ, можетъ быть, и остановился бы около нихъ, но это были тѣ самые, которые три дня тому назадъ плясали въ Кривенѣ передъ турками и среди которыхъ онъ исполнялъ роль медвѣдя. Молодой человѣкъ узналъ ихъ и потому не остановился. Едва отошелъ онъ около пятидесяти шаговъ, какъ старая цыганка, ничего не говоря товарищамъ, пошла по его слѣдамъ. Стоянъ шелъ впереди—цыганка за нимъ. Еще не совсѣмъ разсвѣло; по пустымъ улицамъ проходили двѣ фигуры, изъ которыхъ одна уходила, другая гналась за ней; но гналась и не догоняла, а только какъ зловѣщая тѣнь слѣдовала на значительномъ разстояніи. Стоянъ не видѣлъ и даже не подозрѣвалъ, что цыганка идетъ за нимъ. Старуха, шагая босыми ногами, не производила ни малѣйшаго шума, ни малѣйшаго шелеста. Она несла въ рукахъ палку, но не опиралась на нее: должно быть, боялась, чтобы стукъ не обратилъ вниманія бѣглеца.

Пройдя нѣсколько улицъ, Стоянъ пришелъ
кварталъ и никѣмъ, какъ ему казалось, не замѣ
вился у воротъ хаджи Христо. Ему казалось, что
онъ найдетъ самое безопасное убѣжище, тѣмъ
не хотѣлъ долго здѣсь оставаться. Ему надо
образомъ, найти средство переправиться за Дунай.
не сомнѣвался, что хаджи Христо поможетъ ему
средство. Стоянъ разсчитывалъ на хаджи Христицу
которая легко воспринимала новыя идеи и сердц
переполнено чувствомъ патріотизма. Онъ разсчи
образомъ, на усердную помощь и во всякомъ слу
ный пріемъ.

Такъ какъ было еще очень рано, то ворота
Онъ постучалъ, обождалъ немного и хотѣлъ-был
чать, когда услышалъ шаги и отодвиганіе запоровъ. Ворота отворились.

— *Добро дошелъ*,—привѣтливо поздоровался конюхъ и опять затворилъ ворота.

— Что у васъ слышно?—спросилъ Стоянъ.

— Слава Богу, все благополучно.

— Хозяинъ всталъ?

— Должно быть. Вѣдь уже день на дворѣ.

Такъ какъ господствовавшій въ болгарскомъ обы
четъ не требовалъ докладовъ, то Стоянъ прямо поше
вый этажъ и направился въ ту комнату, которую
прежде. Онъ не сомнѣвался, что можетъ здѣсь рас
такъ какъ отлучка его носила характеръ скорѣе отпу
отставки. Поэтому, взойдя въ свою комнату, онъ наро
немного шумѣть, чтобы заявить о своемъ присутствіи.

„Если хаджи Христо проснулся,—думалъ молодой ч
то все-таки не всталъ еще съ постели, а мнѣ хотѣл
скорѣе повидаться съ нимъ". Поэтому Стоянъ нача
кашлять... и, наконецъ, ему удалось обратить на себ
хозяйки. Хаджи Христица пріотворила дверь, заглянул
нула и скрылась. Тотчасъ же послѣ того явился хадж
который, очевидно, только-что вскочилъ съ постели и
на себя халатъ, поспѣшилъ придти. Лицо его выражал
ужасъ.

— Несчастный! зачѣмъ ты сюда пришелъ?—воскли
Стоянъ совершенно растерялся.

— Чего тебѣ здѣсь надо?—спрашивалъ грозный

— Я пришелъ... я прихожу...—бормоталъ молодой

Ты турка убилъ?

Да, убилъ.

И смѣешь заходить въ мой домъ? У меня нѣтъ
. я не хочу проливать ее... Нѣтъ!.. я... я...—онъ
и произнесъ дрожащимъ голосомъ: — я тебя жан
мъ.

успѣлъ еще Стоянъ отвѣтить, какъ вбѣжала хадж
и начала еще на порогѣ кричать:

Ахъ ты несчастный! ахъ ты несчастный! Мы теб
какъ родное дитя...

Жандармамъ его!—перебилъ хаджи Христо:—жанд
ь ними...—и онъ направился къ дверямъ, но тамъ
ленка.

Нѣтъ, не пойдешь!—крикнула дѣвушка такимъ рѣ
голосомъ, что хаджи Христо остановился и взгля
недоумѣніи.—Нѣтъ, отецъ, ты не пойдешь! — по
:—ты не сдѣлаешь такой подлости.

Но вѣдь онъ погубитъ меня,—отвѣчалъ хозяинъ.
ъ, что я далъ ему пріютъ въ моемъ домѣ, тог
гъ.

Какимъ же образомъ могутъ объ этомъ узнать? -
олодая дѣвушка.

Кто тебя видѣлъ?—спросила хозяйка.

Кромѣ Степана, никто не видалъ меня,—отвѣчалъ

Степанъ никому ничего не скажетъ,—замѣтила

Такъ пусть онъ сейчасъ же уходитъ!—подхватил
:—пусть немедленно уходитъ, сію же минуту.—
убирайся... забудь, что ты заходилъ ко мнѣ... Уходи!..

Стоянъ убѣдился, что ему приходится оставить уб
которое онъ считалъ вполнѣ безопаснымъ. Надо было п
уходить, пока еще никого не было на улицахъ. Онъ уш
говоря ни слова, и услышалъ за собой:

— Въ добрый часъ!

Это пожеланіе Иленки глубоко тронуло его.

— Въ добрый часъ!—повторили за дочерью родител

Стоянъ сбѣжалъ по лѣстницѣ, повернулъ налѣво отъ
и пошелъ, ни разу не оглянувшись. Шагахъ въ пятиде
нимъ шла старая цыганка.

Положеніе его снова стало затруднительнымъ. Тепе
имѣлъ въ виду два убѣжища: домъ Моиры и квартиру
Квартира Станка показалась ему удобнѣе, во-первыхъ,
что была ближе, а во-вторыхъ, потому, что тихаго, остор

Станка никто ни въ чемъ не подозрѣвалъ. Стоя
встрѣтилъ на улицѣ. Онъ подошелъ къ школѣ, и
дверь была открыта; онъ вошелъ въ первую изб
встрѣтилъ Станка.

— Я почти ждалъ тебя, — сказалъ учитель, п
привѣтствій.

— Мнѣ надо скрыться.

— Знаю, знаю... Турки ищутъ тебя по всему го
дня дѣлали обыскъ у хаджи Христо и потребовал
просу. Жаль, что Петра нѣтъ въ городѣ. Онъ
вилъ тебя въ Румынію... Останься у меня до веч
что-нибудь придумаемъ... пойдемъ.

Онъ свелъ Стояна въ чуланъ, и на всякій сл
ему потаенную дверь, ведущую въ проходъ между

— Объ этомъ проходѣ турки не знаютъ...
знаешь?.. къ саду Мокры... Сиди же здѣсь смир
извѣщу Мокру. Если тебѣ придется искать у нея
не ходи черезъ ворота во дворъ, а полѣзай черезъ за

Станко обмѣнялся со Стояномъ еще нѣсколько
ушелъ, а Стоянъ легъ спать.

Цыганка очень долго стояла передъ домомъ —
нецъ оставила свой постъ и отправилась прямо въ

XII.

Цивилизованныя страны сохранили нѣкоторы
цивилизованныхъ странъ, не отличающіеся нравстн
разряду такихъ обычаевъ принадлежитъ обѣщаніе н
за указаніе или поимку преступника. Это должн
дить безъ всякой награды. Необходимость подобны
деній прямо доказываетъ разладъ между правительст
ствомъ. Англичане прибѣгаютъ къ этому средству
противъ ирландцевъ, перенимая этотъ обычай
властей, которыя содержатъ не только массу шпіо
ціальныхъ доносчиковъ, но поощряютъ также и ча
Когда Стоянъ убилъ агу во время облавы и самъ ус
тогда рущукскій вали велѣлъ извѣстить всѣхъ
барабаннымъ боемъ, что кто доставитъ живымъ
убѣжище, гдѣ скрывается Стоянъ Кривеновъ, уб
въ Кривенѣ и аги въ лѣсу, тотъ получитъ тысяч

вагражденія. Это извѣстіе распространилось повсюду и оно именно заставило цыганку выслѣдить Стояна.

Цыганка не знала его, но она догадалась, когда онъ игралъ роль медвѣдя передъ меганой, что крестьянская одежда не была свойственнымъ ему костюмомъ. У простыхъ людей, а особенно у такихъ, которые снискиваютъ себѣ пропитаніе различнаго рода хитростями, весьма сильно развивается способность комбинировать. Какъ только цыганка услыхала объ убійствѣ милязима, она сейчасъ же постаралась хорошенько вспомнить выраженіе глазъ и всего лица мнимаго крестьянина, такъ что, когда она узнала о вознагражденіи за указаніе убійцы, то могла совершенно ясно представить себѣ эту личность. Когда же утромъ, послѣ ухода солдатъ, выскочилъ изъ бочки молодой человѣкъ, то цыганку поразило выраженіе его глазъ и лица, и она пошла за нимъ. Ждала передъ домомъ хаджи Христо, ждала и передъ школой, и, наконецъ, рѣшила, что онъ долженъ остаться здѣсь и пошла прямо въ конакъ. Паша еще спалъ, а на дворѣ только-что начиналось дневное движеніе. Внизу, гдѣ рядомъ съ канцеляріей полиціи помѣщалась жандармская гауптвахта, заптіи пили кофе и курили наргиле. Цыганка обратилась къ нимъ.

— Чего тебѣ надо?—спросилъ одинъ изъ жандармовъ.

— У меня есть дѣло къ самому пашѣ.

— Паша спитъ.

— Спитъ?—спросила она и тотчасъ же продолжала на-распѣвъ: — Ахъ, джанэмъ, вставай, бѣги, бѣги скорѣй и разбуди пашу... пусть онъ просыпается, пусть вскочитъ съ постели и выслушаетъ меня.

— Ха... ха... ха!.. — засмѣялись заптіи.

— Спѣши, джанэмъ! — настаивала цыганка. — Наргиле успѣешь и потомъ докурить.

— Чего же ты хочешь отъ паши?

— Я скажу ему на ушко такое слово, котораго не выкукуетъ ему никакая кукушка.

— Какое жъ это слово?

— Такое, за которое онъ, голубокъ мой, паричками меня обсыплетъ.

— Должно быть, гурушъ тебѣ дастъ.

— Нѣтъ... тысячу.

— Эге? — спросилъ заптіи.

— Ты, можетъ быть, Стояна Кривенова выслѣдила?

— Я скажу самому пашѣ, отвѣчала она, нѣсколько смущенная тѣмъ, что тайна ея открыта.

— Не надо тебѣ къ пашѣ идти... Веди нас

— А моихъ тысяча гурушъ!

— Такъ ты хочешь сперва получить тысячу мѣтилъ заптій. — Прежде приведи насъ къ нем гдѣ онъ, такъ, чтобы мы его поймали.

Цыганка сама не знала, что ей дѣлать.

— Я все разскажу... пашѣ эффенди.

— Скажешь и агѣ...—отвѣтилъ одинъ изъ за не скажешь, тогда пропоешь.

Заптій всталъ, пошелъ въ контору и, вск опять сѣлъ на свое мѣсто.

Цыганка стояла понуривъ голову. Пришелъ ный человѣкъ, застегивавшій на себѣ мундиръ. нѣсколько словъ, и тотчасъ же выстроился отряд вѣкъ въ двадцать дюжихъ малыхъ, вооруженных вольверами. Какъ только отрядъ былъ готовъ, вѣкъ застегнулъ свой сюртукъ, надѣлъ оружіе и, цыганкѣ, сказалъ повелительнымъ тономъ:—Веди

— Хорошо, джанэмъ...—отвѣчала она плакс —Но почему же я не видѣла паши?

— Успѣешь увидѣть его, а пока пойдемъ!

Старуха закашляла, сгорбилась и, подпирая палкой, пошла впереди отряда; за нею слѣдова не спѣшила и даже часто останавливалась, какъ знала дорогу; все кашляла, вздыхала. Наконецъ лась, пошла скорѣе и остановилась.

— Вотъ здѣсь..—сказала она, указывая гл зистый домъ.

— Здѣсь?..—спросилъ ага.—Вѣдь это школ сительно посмотрѣлъ на заптіевъ.

— Вѣдь противъ Станка нѣтъ никакого под

— До сихъ поръ не было никакого...—отв заптіевъ.

— Какъ же быть? — повторилъ онъ вопрос

— Все-таки онъ райя.

— Такой тихій, такой смирный.

— Всѣ они тихіе и смирные.

— Ты увѣрена, что Стоянъ Кривеновъ зд онъ цыганку.

— Сама видѣла, какъ онъ вошелъ сюда и какъ отъ хаджи Христо.

— Онъ былъ у хаджи Христо?

Прежде всего пошелъ къ хаджи Христо, а отъ него присюда.

· Ну, такъ идемъ,—сказалъ ага, обращаясь къ заптіямъ, и лъ дверь въ школу.

›явленіе аги и заптіевъ прервало школьныя занятія, котоже начались. Дѣти сидѣли рядами на землѣ съ грифельдосками въ рукахъ, а Станко писалъ мѣломъ на классной и громко читалъ ихъ по складамъ. Дѣти обоего пола пои за нимъ названіе каждой буквы и производили, такимъ мъ, ритмическій шумъ. Станко началъ писать слово: „баба".

· Буки азъ ба... — произнесъ Станко.

Буки...—повторили дѣти, и вдругъ остановились.

›стала тишина. Нѣсколько десятковъ паръ глазъ всматривъ агу, который, переступивъ порогъ, взглянулъ на дѣпотомъ, обращаясь къ Станку, сказалъ строгимъ голосомъ:

- Выдай мнѣ Стояна Кривенова, комитаджи!

'анко нисколько не растерялся. Онъ подошелъ къ двери, ей въ сосѣднюю комнату, пріотворилъ ее и крикнулъ:

· Уходи, Стоянъ!

›томъ, затворивъ эту дверь, онъ преспокойно сталъ передъ нею.

- Отвори эту дверь!—сказалъ ага.

· Подожди, джанэмъ...—отвѣчалъ Станко, протягивая руку. (ожди немного.

га, удивленный полнѣйшимъ спокойствіемъ Станка, остановился, но сейчасъ же опомнился и сдѣлалъ шагъ впередъ.

- Постой!—настаивалъ Станко вполнѣ естественнымъ голо-

· Что такое?—спросилъ ага.

- Не тревожь человѣка... онъ всю ночь не спалъ.

- Э...—нетерпѣливо произнесъ ага и снова сдѣлалъ шагъ (ъ.

- Постой! я самъ отворю тебѣ дверь, сказалъ Станко, не ясь съ мѣста.

га опять остановился и подалъ знакъ заптіямъ, чтобы они отворили дверь.

— Подождите немного!—уговаривалъ ихъ Станко.

— Чего годить?—снова спросилъ ага.

— А я вамъ говорю: погодите, для васъ же будетъ лучше, —настаивалъ хладнокровно Станко, желая, очевидно, какъ можно подольше задержать жандармовъ.

— Чѣмъ же для насъ будетъ лучше? — спро
умѣніи ага.

— Напрасно только погубите себя. У этого к
револьверовъ, если не больше.

Заптіи мгновенно остановились.

— Я, правда, не считалъ,—продолжалъ Станк
здѣсь одинъ, здѣсь другой, здѣсь третій...—онъ ты
въ свой поясъ, указывая мѣста, гдѣ находились мни
Стояна. Турки между тѣмъ смотрѣли, слушали и
нихъ не шевелился, а Станко продолжалъ: — зд
здѣсь пятый, здѣсь шестой, здѣсь седьмой, здѣсь де

— Тссс... *дуръ*!—крикнулъ ага.

— Постой немного, ага эффендимъ! дай д
одинъ, здѣсь другой, здѣсь третій.

— Ступайте впередъ!—крикнулъ ага заптіям
Но заптіи не особенно спѣшили; всякій изъ
изъ-за пояса револьверъ и началъ его осматриват

Они осмотрѣли револьверы, повынимали тесак
находившійся впереди взялъ револьверъ въ праву
сакъ въ лѣвую, но потомъ переложилъ тесакъ въ
револьверъ въ лѣвую и пошелъ впередъ. Но Ста
задержалъ его еще на минуту.

— Какъ же ты будешь ловить комитаджи? —
жандарма.

Заптій остановился, но только на минуту. Пот
дошелъ къ двери, оттолкнулъ Станка, отворилъ д
въ сосѣднюю комнату. Здѣсь у камина сидѣла ж
щенная спиной къ входящимъ, а къ ней прижи
дѣтей. Женщина не оглянулась, а въ комнату
одинъ за другимъ, пока не наполнили всей комнаты.
женщины и дѣтей никого больше не было. Жанд
вали все кругомъ и одинъ изъ нихъ замѣтилъ две
отворилъ ее и переступилъ черезъ порогъ. За ним
второй, третій, четвертый и т. д. Изъ чулана в
была открыта; они осматривали все вокругъ и
сжимая въ рукахъ револьверы и тесаки; на двор
кинутую кверху дномъ лоханку, нѣсколько надби
метлу и кучу сора. Одинъ изъ заптіевъ перевер
но подъ ней не оказалось Стояна. Жандармы осм
ную стѣну, которая окружала дворикъ. Она была
лилась въ нѣсколькихъ мѣстахъ. По ту ея сторо
съ одной стороны, садъ, съ другой—сосѣдній до

—дворикъ. Заптіи смотрѣли, осматривали, соображали и, наконецъ, одинъ изъ нихъ пошелъ съ докладомъ къ агѣ.

Ага, который оставилъ при себѣ нѣсколькихъ человѣкъ, выслушалъ докладъ, велѣлъ наблюдать за Станкомъ, а самъ пошелъ на дворъ, осмотрѣлъ все, махнулъ рукою и приказалъ ретироваться.

— А вотъ этого негодяя,—сказалъ онъ, указывая на Станка, —связать и посадить въ тюрьму.

Его приказаніе тотчасъ же было исполнено.

Какъ только жандармы вывели изъ школы связаннаго Станка, стоявшая все это время на улицѣ цыганка тотчасъ же подошла къ агѣ.

— Ага эффендимъ,—начала она:—развѣ не я привела васъ сюда?

— Такъ что же?

— Мнѣ за это что-нибудь слѣдуетъ.

— Мы не поймали Стояна Кривенова.

— Такъ вы зато поймали другого.

— За другого не обѣщана тысяча гурушъ.

— А сколько же?

— Ничего.

— А я ходила, ходила, водила васъ, водила, всѣ ноги объ камни избила... я только и думала, какъ бы вамъ помочь. Ахъ, доля моя горькая!..—плакалась старуха.—Еслибъ вы никого не поймали... а то вѣдь вы же поймали... не одного, такъ другого. Можете его вѣшать, четвертовать или сажать на колъ. Если за одного обѣщаете тысячу гурушъ, то за другого стоитъ дать сто.

Ага сплюнулъ въ сторону.

— Можетъ быть, сто слишкомъ много?—приставала цыганка: — ну, такъ пятьдесятъ, а если не пятьдесятъ, то хоть десять, а не десять, такъ пять, а не пять такъ... сколько же?

Ага ничего не отвѣчалъ. Пришли въ конакъ. Станка увели въ тюрьму; ага пошелъ въ полицейскую контору, гдѣ засталъ только-что пришедшаго туда Аристархи-бея, который, сидя на софѣ, перелистывалъ какія-то бумаги.

Аристархи-бей, котораго командировали для веденія слѣдствія, самъ еще не зналъ, чтò ему дѣлать. Ага сѣлъ около него и разсказалъ о своемъ похожденіи.

— А!..—обрадовался слѣдователь.—Гдѣ же эта цыганка?

— Осталась на дворѣ.

— Надо ее позвать.

По приказанію аги, немедленно ввели цыганку.

— Когда и гдѣ ты встрѣтила комитаджи? -
прежде всего слѣдователь.

— Онъ вылѣзъ изъ бочки,—отвѣчала цыганк

— Изъ какой бочки?

Цыганка все разсказала и окончила просьбой,
[illegible]

— *Бакалымз* (посмотримъ), — отвѣчалъ Арист

— Она хочетъ пять гурушъ,—замѣтилъ ага.

— Посмотримъ,—повторилъ слѣдователь.

— Все-таки я привела не къ одному, такъ к

— *Бакалымз*, а пока ступай себѣ съ Богомъ

— Какъ, джанэмъ, ты отпустишь меня съ пу

Бей вынулъ изъ кармана кошелекъ и далъ цы
что̀ составляетъ двадцать сантимовъ на французскі
руха не знала, какъ благодарить за такую щедро

— Смотри и впередъ доноси, если что̀ замѣти

Старуха ушла.

— Привели ли уже меганджи изъ Кривены?—
стархи-бей.

— Его сегодня утромъ привели.

— Надо арестовать хаджи Христо.

— А больше никого?

— Потомъ увидимъ.

— Удобнѣе бы сразу набрать ихъ побольше, а
бы кое-кого и отпустить.

— Ну, да, вотъ мы теперь займемся разыска
при этомъ найдется не мало подозрительныхъ.

— Какихъ подозрительныхъ?—спросилъ ага.

— Такихъ, которые смотрятъ исподлобья, кото
которые блѣднѣютъ, которые краснѣютъ, которые
и тѣ, которые молчатъ, которые...—бей не могъ по
дящихъ выраженій. Ага подсказалъ ему:

— Такіе, у которыхъ есть деньги.

— Ну, да... конечно... такіе опасны.

— Жаль, что къ Петру нельзя придраться.

— Что̀ же дѣлать!

— Почему это запретили его трогать?

— Политика,—отвѣчалъ Аристархи-бей, углу
бумаги.

Прошло около получаса.

— Пусть приведутъ сюда меганджи изъ Крив
вилъ Аристархи-бей.

Ага далъ приказаніе, и вскорѣ послышался лязгъ цѣпей и въ контору ввели Пето. Лицо его не выражало ни унынія, ни робости. Онъ шелъ рядомъ съ жандармомъ и по знаку Аристархи-бея остановился по срединѣ комнаты.

— Какъ тебя зовутъ?

— Извѣстно, какъ: Пето; такъ и люди меня зовутъ.

— А твоего отца какъ звали?

— Зачѣмъ это тебѣ? Отецъ мой вотъ ужъ лѣтъ тридцать лежитъ въ сырой землѣ.

— Но какъ его звали?—переспросилъ Аристархи-бей, рядомъ съ которымъ сидѣлъ кіатыбджи и записывалъ.

— Если тебѣ непремѣнно хочется знать, мнѣ нечего таить. Отца моего звали Киръ-Гица.

— Гдѣ онъ родился?

— Не знаю. Знаю только, что онъ былъ не здѣшній, но женился здѣсь и мегану построилъ.

— Онъ былъ цинцаръ?

— Ну, да, цинцаръ... Вѣдь это не позоръ.

— Это, конечно, не позоръ; но позорно то, что ты, цинцаръ, связываешься съ болгарской райей, которая устраиваетъ заговоры.

— Я ни съ кѣмъ не связывался, а только эснафомъ (ремесломъ) своимъ занимался.

— Не однимъ ты эснафомъ занимался; твой сынъ убилъ офицера во время исполненія служебной обязанности.

— Знаю, что убили офицера, но не знаю, кто убилъ и почему.

— Убилъ его сынъ твой, Стоянъ.

— Я въ этотъ день и въ глаза не видѣлъ моего сына.

— Все равно, ты видѣлъ его наканунѣ.

— И наканунѣ не видалъ.

— Какимъ же образомъ онъ появился въ избѣ Гроздана?

— Скажи мнѣ, тогда и я буду знать.

— Нѣтъ, ты мнѣ это скажи.

— Я одно только могу сказать: не знаю.

— Ты лучше оставь свои уловки.

— Ты самъ оставь ихъ лучше.

— Когда ты видѣлъ сына въ послѣдній разъ?

— Я видѣлъ его шесть мѣсяцевъ тому назадъ, когда онъ ѣхалъ въ Виддинъ.

— Зачѣмъ онъ уѣхалъ туда?

— Я его не спрашивалъ. Мой Стоянъ служилъ по торговлѣ, а о торговыхъ дѣлахъ не спрашиваютъ.

— Гроѫданъ скажетъ тебѣ прямо въ глаза, пришелъ къ нему утромъ и убилъ милязима.

— А шесть аскеровъ скажутъ Гроѫдану въ г их во весь день никто ко мнѣ въ мегану не тивъ одного Гроѫдана христіанина у меня есть мусульманъ... Чье свидѣтельство важнѣе?

— Здѣсь что-то напутано,—сказалъ Аристар это все распутаю.

— Распутай, джанэмъ, распутай,—отвѣчалъ можетъ быть, окажется, что какой-нибудь негодя моимъ сыномъ.

— Тсс...—крикнулъ бей.—Не болтай вздор меня не проведешь.

— Я вздора не болтаю.

— Мы еще поговоримъ съ тобой.

— Поговоримъ такъ поговоримъ.

Меганджи отвели въ тюрьму, а вмѣсто него Христо. Совершенно противоположнымъ образомъ оба эти заключенные. Насколько первый былъ спо настолько второй былъ смущенъ и трусливъ. что онъ похудѣлъ въ эти нѣсколько часовъ, во в просидѣлъ въ тюрьмѣ, хотя на ногахъ его не бы вошелъ, остановился и глубоко вздохнулъ. Арист валъ ему обычные вопросы: какъ его зовутъ, гд родился, чѣмъ занимается и т. д. Хаджи Христо от вымъ голосомъ, нисколько не приличнымъ степен ному человѣку и все стоналъ и плакался на пос счастье.

— У тебя служилъ Стоянъ Кривеновъ?

— Да, служилъ... Взялъ я его себѣ на бѣду зачѣмъ только я взялъ его.

— Что же ты можешь сказать о немъ?

— Одно только могу сказать, что теперь его, хотя бы онъ на колѣняхъ просилъ меня объ

— Однако ты былъ имъ доволенъ?

— Ахъ, нѣтъ!..

— Въ чемъ же ты можешь его упрекнуть?

— Въ чемъ упрекнуть его?.. Во всемъ. Кто я виноватъ!

— Почему же ты далъ ему сегодня утромъ

Этотъ внезапный вопросъ свалился на несч Христо какъ громовой ударъ: онъ поразилъ, пр

въ то же время вдохновилъ мужествомъ. Иногда страхъ внушаетъ удивительную отвагу.

— Какъ, я далъ ему у себя пріютъ! Пусть меня пламень изгложетъ, пусть меня вода затопитъ, пусть земля разступится подо мною, если я давалъ ему у себя пріютъ. Пусть мнѣ глаза повылѣзутъ, если я видѣлъ его!

— Такъ ты его не видалъ?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Посмотримъ,—замѣтилъ Аристархи-бей, взглянувъ на подсудимаго проницательнымъ окомъ слѣдователя.—А я тебѣ говорю, что ты видѣлъ его и не выдалъ. Мы поговоримъ еще объ этомъ; только смотри, тебѣ не будетъ лучше, если мы скорѣе все это покончимъ. Подумай и не теряй напрасно времени.

Бей обратился къ агѣ и приказалъ отвести хаджи Христо въ тюрьму, заковавъ предварительно въ цѣпи.—И не пускайте къ нему никого,—прибавилъ онъ. Хаджи стоналъ, охалъ, божился, но его увели.

Мѣсто его занялъ Станко, лицо котораго выражало спокойствіе и покорность.

— Какъ тебя зовутъ?

На всѣ первые вопросы Станко отвѣчалъ связно и смѣло, и характеръ его отвѣтовъ не измѣнился, когда начались щекотливые вопросы.

— Ты скрывалъ у себя Стояна?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Станко.

— Врешь!

— Я только защищаюсь, эффендимъ.

— Этого рода защита ни къ чему не ведетъ, такъ какъ мнѣ все извѣстно.

— Если тебѣ все извѣстно, тогда и не спрашивай меня.

— Я тебя спрашиваю для твоего же добра. Если ты сознаешься, то наказаніе, которому ты долженъ подвергнуться за укрывательство преступника, можетъ быть смягчено, потому что за правду вознаграждаютъ.

— Какой же тебѣ нужно правды?—спросилъ Станко съ оттѣнкомъ ироніи.

— Мнѣ нужно, чтобы ты сказалъ, куда пошелъ отъ тебя Стоянъ.

— Какой Стоянъ?

— Стоянъ Кривеновъ; вѣдь ты его знаешь?

— Я его знаю, только не знаю, гдѣ онъ.

— Однако ты скрывалъ его въ своей квартирѣ?

— Нѣтъ.

— Заптія слышали, какъ ты крикнулъ въ двері

— Моего старшаго сына зовутъ Стояномъ.

— Такъ ты говоришь, что ты не скрывалъ Стоян

— Нѣтъ, не скрывалъ.

Станко отвѣчалъ логическими уловками. Такъ как бей спрашивалъ его, скрывалъ ли онъ Стояна въ сво то онъ отвѣчалъ „нѣтъ", потому что Стоянъ самъ вался. Еслибы вопросъ былъ поставленъ иначе, т.-е спрашивали: скрывался ли у него Стоянъ, онъ бы о „нѣтъ", потому что это онъ скрывалъ Стояна. Впр нисколько не чувствовалъ себя обязаннымъ говорить правду той власти, которая сама держалась неправдой.

Его заставили отвѣчать—онъ отвѣчалъ, но считалъ даже невозможнымъ говорить правду, такъ какъ откровенность его могла бы повредить очень многимъ. Онъ зналъ, что рискуетъ жизнью; онъ зналъ и то, что смягченіе наказанія возможно, но это возможное смягченіе наказанія надо было купить такими средствами, которыми возмущалась его патріотическая нравственность. Да, благодаря условіямъ, въ которыхъ онъ находился, въ немъ выработались двѣ нравственности, которыя не всегда мирились между собой. Вотъ какія явленія вызывало турецкое владыче

— Такъ ты утверждаешь, что не скрывалъ Стоя силъ снова Аристархи-бей.

— Нѣтъ, — рѣшительно отвѣчалъ учитель.

Эта рѣшительность поколебала мнѣніе слѣдовател быть, цыганка соврала? Можетъ быть, вся исторія съ б вымышлена? Цыганкѣ нельзя было довѣрять, особен категорическаго отрицанія обоихъ обвиненныхъ. Над ручиться хоть однимъ заслуживающимъ довѣрія показа

Послѣ Станка привели Гроздана. Слѣдователь не ц съ нимъ. Мужикъ какъ въ Систовѣ, такъ и здѣсь раз обстоятельства дѣла вполнѣ откровенно и безъ малѣйш мысли. Но Аристархи-бею надо было нѣсколько из протоколѣ показанія подсудимаго.

— Твоей женѣ надо было готовить ѣду солдатам силъ слѣдователь.

— Да, — отвѣчалъ крестьянинъ.

— На васъ пришла очередь?

— Да, очередь пришла.

— Поэтому милязимъ и пришелъ къ тебѣ?

— Не знаю, поэтому ли?

— А объ очереди знаешь?

— Объ очереди знаю.

— Если знаешь объ очереди, слѣдовательно ты знаешь, почему пришелъ къ тебѣ милязимъ. Одно съ другимъ связано. Вѣдь правда?

— Правда.

— Значитъ, милязимъ приходилъ къ тебѣ по служебной обязанности. Такъ ли?

— Такъ.

Эти показанія записывалъ кіатыбджи въ протоколъ.

— Ты обдиралъ шкуру съ убитаго ягненка?

Гроджанъ все подтверждалъ.

— На какомъ разстояніи отъ дверей твоей избы находится тотъ столбъ, у котораго ты обдиралъ ягненка?

— Шаговъ десять будетъ.

— Такъ ты слышалъ, какъ убивали милязима?

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Какъ? ты не слышалъ!—крикнулъ бей.

— Сл... сл... слышалъ,—отвѣтилъ испуганный крестьянинъ.

— Слѣдовательно ты сговорился съ убійцей?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

— Какъ нѣтъ?—снова крикнулъ слѣдователь:—ты говорилъ со Стояномъ о Болгаріи? о Турціи?.. ты спряталъ его за одежей?

— Да, — робко отвѣчалъ мужикъ.

— Такъ какъ же ты смѣешь отрицать, что вы сговорились! Сознавайся!—грозно крикнулъ слѣдователь:—сговорился?

— Сг... сг.. сгово-рился.

— Ну, вотъ, хорошо, по крайней мѣрѣ, что сознаешься. Такъ и запишемъ, что ты добровольно сознался.

Вотъ какимъ образомъ Аристархи-бей собиралъ матеріалъ для будущаго процесса и вотъ какъ онъ сообразовался съ инструкціей цивилизованнаго вали рущукскаго эйялета, чтобы вести слѣдствіе на европейскій манеръ. Да, Турція цивилизовалась въ это время.

XIII.

Слѣдствіе по дѣлу Стояна обезпокоило рущукское населеніе, а особенно живущихъ тамъ болгаръ. Цыганка не была единственнымъ доносчикомъ, нашлось ихъ больше, а потому обыски и аресты приняли эпидемическій характеръ; бѣдствіе это постигло даже такія семьи, которыхъ власти ни въ чемъ не могли упрек-

нуть. Въ большинствѣ случаевъ допрашивали
отпускали ихъ домой. Но нѣкоторыхъ оставлял
и даже сажали въ одиночныя камеры. Къ числу
надлежалъ хаджи Христо, который вотъ уже тр
въ одиночествѣ, да еще закованный.

Арестъ его перепугалъ хозяйку дома, дочь
нихъ. Арестовавшіе его жандармы не объясні
причина была извѣстна хозяйкѣ, ея дочери и
ная прислуга ни о чемъ не знала. Какъ тольк
жена стала упрашивать Степана, чтобъ онъ со

— Сто гурушъ получишь, только молчи.

— Я и безъ денегъ буду молчать.

Безусловное отрицаніе факта казалось едиі
віемъ спасенія, и дѣйствительно это была самая
ея и держался хаджи Христо и рѣшилъ не п
въ томъ случаѣ, еслибъ самъ Стоянъ сказалъ е
онъ дѣйствительно заходилъ въ его домъ на
молился только о томъ, чтобъ не поймали Стояна, и вѣрилъ, что провидѣніе не допуститъ погибели такого богатаго купца, такого степеннаго, какъ онъ, человѣка и отца дочери-невѣсты. Онъ вспоминалъ пожертвованія свои на храмы и свои рѣчи на собраніяхъ мэджлиса, и то, что пашѣ извѣстна его благонамѣренность; с
словомъ, онъ вѣрилъ въ справедливость Всевышняго. Но, не
на все это, одиночество угнетало его тѣмъ болѣе, что с
зналъ, какъ долго продлится его мученіе.

Окончился третій день и насталъ четвертый; хаджи
молился, когда вошелъ Аристархи-бей.

— Ну, что же? Надумался ли?—ласково спросилъ онъ

— Я все думаю о постигшемъ меня горѣ. Какой-то н
ложно донесъ на меня, оклеветалъ меня, — промолвилъ
Христо плаксивымъ голосомъ, поднимая окованныя руки.

— Не въ томъ дѣло, кто сдѣлалъ доносъ, а въ том
доносъ этотъ правдивъ.

— Нѣтъ, онъ ложенъ.

— Тсс... — остановилъ его Аристархи-бей. — Не от
мы теперь одни, и, если хочешь, я разскажу тебѣ все какъ

— Мнѣ бы очень желательно знать, кто это враг
смертельный?

— Дѣло не въ томъ... Стоянъ пришелъ къ тебѣ и т
грозилъ ему выдачей, но жена и дочь стали тебя упраш
и ты велѣлъ ему уйти.

Купецъ обомлѣлъ отъ страха и удивленія.

— Вотъ видишь, что я обо всемъ знаю,—продолжалъ бей:— и вѣдь не духъ же святой сообщилъ мнѣ все это. Слѣдовательно лучше сознайся. Отрицаніе только повредитъ тебѣ.

— Ахъ, признался бы я, еслибъ былъ въ чемъ-нибудь виноватъ!

— Прежде всего ты виноватъ въ томъ, что не выдалъ Стояна, а кромѣ того...

— Господи, Боже мой, еще чтѣ?

— Не безпокойся! я поговорю съ тобой наединѣ такъ, какъ говорятъ съ глазу на глазъ; а чтобы ты былъ смѣлѣе, я начну съ вопроса: желаешь заплатить?

Вопросъ этотъ привелъ въ чувство купца.

— Сколько надо?

— Если хочешь завтра же выйти изъ тюрьмы, дай сто мэджиджи, а если хочешь, чтобъ я освободилъ тебя отъ обвиненія, дай еще сто.

— Сто и сто, значитъ двѣсти... гм!.. — размышлялъ хаджи Христо.

— Вѣдь ты, должно быть, дороже цѣнишь свою жизнь. А?.. мнѣ все равно, я и парички за нее не дамъ, но ты, вѣроятно, дороже ее цѣнишь.

— Нечего дѣлать, освобождай.

— Изъ тюрьмы и отъ обвиненія, понимаешь?

— Понимаю; значитъ, ко мнѣ не будутъ больше приставать?

— Это значитъ, что ты не будешь больше считаться обвиняемымъ, что не попадешь ни на висѣлицу, ни въ тюрьму, но ты все-таки будешь призванъ въ качествѣ свидѣтеля.

— Чтѣ же мнѣ показывать?—спросилъ купецъ.

— То, что Стоянъ организовалъ въ Рущукѣ заговоръ.

— Да вѣдь я ничего объ этомъ не знаю!

— Знаешь или не знаешь, это все равно. Стоянъ жилъ въ твоемъ домѣ; вспомни, о чемъ онъ говорилъ, кто бывалъ въ его квартирѣ, съ кѣмъ онъ водилъ знакомство, а особенно, какіе молодые люди и когда собирались у него?

— О чемъ онъ говорилъ?.. Говорилъ о Болгаріи, объ ея исторіи.

— Это очень важно,—замѣтилъ Аристархи-бей.—Онъ, значитъ, говорилъ о Болгаріи и объ ея исторіи... гм... съ кѣмъ знакомился?

— Со всѣми.

— А кто бывалъ у него?

Хаджи Христо вспоминалъ.

— Разъ какъ-то,—началъ онъ,—приходилъ и какой-то юноша, котораго я встрѣчалъ въ ч знаю, кто онъ такой. Второй разъ къ нему пр человѣкъ, но я ихъ не видѣлъ, — только, каже просидѣли съ часъ.

— Станко былъ съ ними?

— Не знаю; меня тогда не было дома.

— Кто же сказалъ тебѣ объ этомъ?

— Дочь.

— Такъ она знаетъ?

— Должно быть, знаетъ.

— Гм!.. такъ вотъ какъ мы устроимъ: я дочери твоей навѣстить тебя; ты спроси ихъ, кі Стояну; завтра утромъ твои еще разъ придутъ томъ я навѣдаюсь, и если ты назовешь мнѣ выхъ гостей и обяжешься дать требуемыя пока дешь свободенъ.

— И о скрываніи Стояна не будетъ больш

— Если не назовешь фамилій, тогда останешься въ тюрьмѣ: а если не хочешь быть обвиняемымъ, будь свидѣтелемъ; но есл не дашь требуемыхъ показаній, тогда будешь обвиняемымъ. *Билиръ-сэнъ* (понимаешь)?

— Билирэмъ (понимаю), эффендимъ.

— Дѣлай теперь какъ знаешь.

Аристархи-бей ушелъ, а хаджи Христо размышлялъ о близкомъ своемъ освобожденіи и о двухъ условіяхъ, поставленныхъ ему слѣдователемъ: одномъ—очень непріятномъ, а другомъ—совершенно легко исполнимомъ. Ему было очень непріятно подумать объ уплатѣ двухъ сотъ мэджиджи. Двѣсти мэджиджи! Вѣдь это почтенная сумма! Ему было жаль этихъ денегъ, но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что самъ онъ стóитъ гораздо больше двухсот мэджиджи. Относительно второго условія онъ ни минуты не колебался, даже не подумалъ о томъ, что рискуетъ жизнью нѣсколькихъ человѣкъ, что одного, котораго фамилію назвалъ, уже погубилъ. Впрочемъ онъ не былъ увѣренъ, знаетъ ли жена фамиліи молодыхъ людей; но это все равно, думалъ онъ: вѣдь Иленка навѣрное знаетъ ихъ. Онъ ждалъ своихъ и, наконецъ, дождался. Около полудня отворилась тюремная дверь, и въ его камеру вошли двѣ женщины въ фереджіяхъ и въ яшмакахъ. Встрѣча была очень трогательна. Женщины плакали при видѣ цѣпей на рукахъ и ногахъ арестанта. Жена хаджи Христо охал и ахала и, наконецъ, спросила:—За что же это тебя взяли?

— Стоянъ всему виною.—И купецъ все разсказалъ.

Жена вознегодовала на Стояна.—Зачѣмъ ему было накликать на насъ бѣду! Негодяй! Онъ и тебя, и Станка погубилъ. Какъ только тебя арестовали, Иленка побѣжала къ Мокрѣ и тамъ узнала объ арестѣ Станка. Теперь жандармы ходятъ по кофейнямъ, по улицамъ, по домамъ и всюду арестуютъ. Арестовали уже человѣкъ сто, а можетъ быть и до тысячи.—Она начала перечислять фамиліи и назвала около десяти человѣкъ.

— Бре... бре...—удивлялся хаджи Христо.

— И чѣмъ все это кончится? Господи... выпустятъ ли тебя когда-нибудь?

— Меня завтра выпустятъ,—отвѣчалъ хаджи, которому болтовня жены до сихъ поръ не дозволяла сообщить эту новость.

— Завтра!—воскликнула обрадованная жена.—Почему же не сегодня?

— Тише, постой, дай разсказать.

— Гораздо лучше тебѣ бы сегодня уйти,—продолжала неугомонная женщина.

— Лучше, да нельзя. Надо выполнить прежде два условія.

— Какія?

— Дать двѣсти мэджиджи.

— Господи Боже мой! — ужаснулась жена.—Двѣсти мэджиджи! За чтò?

— За то, чтобы меня выпустили.

— За то, чтобъ тебя выпустить, требуютъ двѣсти мэджиджи, а за то, чтобы поймать Стояна, только восемь? Какъ же это? Это невозможно!

— Стоянъ одно, а я другое.

— Ты другое?.. Чтò же ты другое?

— Ну, конечно... Какъ же меня со Стояномъ равнять?

— А, все намъ этотъ Стоянъ надѣлалъ. О!..—крикнула хаджи Христица, поднимая руку:—еслибъ мнѣ узнать, гдѣ онъ... я бы сама указала его жандармамъ!

— Майка! чтò вы сказали?—проговорила Иленка.

— Конечно, указала бы,—повторила разсвирѣпѣвшая мать.—Я бы хотѣла, чтобы его турки живого изрѣзали.

— Ахъ, бѣда, бѣда!..—вздыхалъ хаджи Христо.

— И всему онъ виноватъ.

— Ну, чтò же дѣлать! Господь накажетъ его за все, чтò онъ намъ надѣлалъ.

— А я бы хотѣла, чтобъ его прежде турки покарали. О! еслибъ мнѣ узнать, гдѣ онъ!

— Должно быть, уѣхалъ уже въ Румынію.

Когда хаджи Христо произносилъ эти слова
Иленки появился такой блескъ, какимъ загораютс
вѣка, привыкшаго говорить правду, когда его въ пері
чають во лжи. Она смутилась, опустила глаза и, с
ралась овладѣть собою. Наконецъ, вздохнула: она д
Отецъ и мать, занятые разговоромъ, не обращали
манія. Хаджи Христо между тѣмъ поручалъ женѣ в
(банкира) необходимую для выкупа сумму.

— Сегодня же схожу за деньгами,—отвѣчала

— Ступай не сегодня, а завтра. Если ты пой
онъ вычтетъ проценты за сегодняшній день, пони
ступай завтра къ нему, возьми деньги и прямо п

— И тебя сейчасъ же отпустятъ?

— Нѣтъ... есть еще одно условіе...

— Еще денегъ!—испугалась жена.

— Тсс... — Его степенство мотнулъ головой
(движеніе это обозначаетъ въ Турціи отрицаніе).

— Что же такое?

— Пустяки... Дѣло въ томъ, чтобы назвать
молодыхъ людей, которые приходили какъ-то въ С
знаю ихъ, меня не было дома.

— Меня тоже не было дома,—отвѣчала же
вопросительно на дочь.

Иленка пожала плечами.

— Зачѣмъ имъ это?—спросила хаджи Христи

— Какой-то заговоръ,—отвѣчалъ мужъ.—Он
Стоянъ былъ членомъ комитета.

— Ахъ, негодяй!.. въ нашемъ домѣ заниматьс
То-то мнѣ не нравились его глаза; кто же это прихо

— Разъ приходилъ Станко, а съ нимъ какой-т

— Тотъ, что вазу разбилъ. О, задала бы я е

— О нихъ я уже сказалъ, но другихъ не зна

— Иленка,—обратилась хаджи Христица къ д

Дѣвушка откликнулась.

— Ты была дома?

— Да, я была дома.

— И видѣла?

— Да, видѣла... но... забыла,—прибавила дѣв

— Забыла? это быть не можетъ.

— Такъ должно быть, майка...—отвѣчала дѣ
нымъ и въ то же время вполнѣ рѣшительнымъ го

– Что?..—спросила удивленная :
– Я забыла.
– Вспомни.
– Не могу припомнить.
– Ты непремѣнно должна вспом
а отца.
[ленка вздохнула.
– Если ты не вспомнишь, тогда
долго просидѣть въ тюрьмѣ.
– Иленка!—началъ отецъ. — Д
за ея выражали грусть и сожал
– Богъ знаетъ,—продолжала хада
зъ тюрьмы: можетъ быть, въ Ак
.. а можетъ быть и казнятъ...
– Да, я буду обвиняемымъ, а
вутъ въ качествѣ свидѣтеля.
ѣвушка снова взглянула на отца
кали сожалѣніе. Казалось, что
.о, промолчала.
– Вспомни, пожалуйста! —проси
– Вспомни! — крикнула мать,
ка стояла съ опущенною голово
подскочила къ ней съ поднятым
– Не тронь ее,—сказалъ мужъ.
я еще терпитъ... до завтра.
– Нечего мѣшкать! дѣло въ том
– И отца, и мать, и ее же са
колотили-таки порядочное состоя
ѣмъ этимъ, если меня сошлютъ?
шее наказаніе за скрываніе у се
ідамъ настоящихъ заговорщиковъ
и а заговорщикъ. Ты только подума
вспомни...

— Вспомнитъ она, вспомнитъ,—з

— Конечно, до завтра вспомнитъ,–
—она добрая дочь.—Съ этими словами
ныя руки, обнялъ дочь и поцѣловалъ
скія цѣпи, когда Иленка услышала
вдругъ зарыдала.

Хаджи Христица тоже начала пл

— Она вспомнитъ, вспомнитъ,–
голосомъ.—Если не вспомнитъ, будетъ

недостойной отца, который накопилъ для нея ст
Ахъ, Стоянъ, Стоянъ! а мы еще хотѣли отдать ее з
— Что ты сказала? молчи! Турки ничего объ эт
такъ пусть и не догадываются. И намъ лучше о
быть. А теперь ступайте съ Богомъ... ступайте...
Теперь отъ Иленки будетъ зависѣть, выпустятъ ли
или оставятъ здѣсь, Богъ знаетъ, насколько времен

Обѣ женщины нѣсколько успокоились, попроща
стантомъ и ушли.

Хаджи Христица такъ спѣшила на обратномъ пу
едва поспѣвала за ней. Она спѣшила, потому что
извести дома слѣдствіе, касающееся собранія у С
мать допрашивала слугъ, Иленка сидѣла въ сво
плакала. Допросъ всѣхъ слугъ мужескаго и женска
ружилъ, что никто изъ нихъ ничего не можетъ сооб
у Стояна. Оказалось только, что однажды Иленка ра
слугъ.

— Ты куда ходилъ?—спросила хозяйка Степа

— Барышня послала меня смотрѣть, когда п
ходъ. Я еще доложилъ барышнѣ, что въ этотъ д
не приходитъ; но она отвѣтила, что приходитъ н
англійскій. „Ступай,—говоритъ,—на пристань и г
придетъ пароходъ". Я простоялъ тамъ часа два,
не пришелъ, и я вернулся.

Подъ такими же приблизительно предлогами у
всѣ слуги.

— Она нарочно это сдѣлала, чтобы скрыть з
догадалась хаджи Христица и побѣжала къ дочери.

— Говори, кто былъ у Стояна на сходкѣ!

— Я, майка, забыла,—отвѣчала дочь.

— Врешь, врешь!.. Ты всю прислугу изъ до

Иленка ничего не отвѣчала.

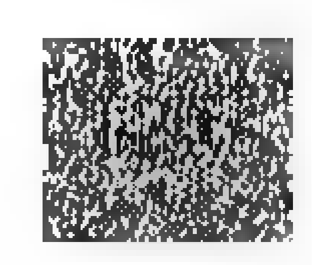
— Что же, ты не разсылала прислуги?

— Да, это я всѣхъ услала.

— Зачѣмъ?

Дѣвушка молчала.

— Стыдъ... срамъ... Вся прислуга помнитъ,
поразсылала въ разныя стороны, но никто не знае
сходились заговорщики. Всѣ знаютъ только то, что
и что Стоянъ былъ дома. Ступай, разубѣди теперь
ты не распутничала со Стояномъ, пока никого н
Иленка поблѣднѣла и съ упрекомъ взглянула на м

— Ступай, ступай къ нимъ!—кричала разсвирѣпѣвшая хаджи Христица:—доказывай, что ты сохранила свою невинность!

— Чтò это вы говорите, майка!—простонала молодая дѣвушка.

Мать злобно посмотрѣла на нее и потомъ заговорила рѣзкимъ, отрывистымъ голосомъ:—Извольте теперь, сударыня, выручать отца изъ бѣды и смыть съ себя позоръ. Говори, кто приходилъ къ Стояну! Отецъ назвалъ одного, ты назови остальныхъ и тогда все исправится... Сжалься, наконецъ, надъ отцомъ и надъ собой!

— Ты не повѣришь, майка, какъ мнѣ больно слушать все это!

— Назови фамиліи и все пойдетъ хорошо.

Иленка закрыла глаза и сжала руками голову.

— Назови фамиліи!—просила мать.

Иленка все молчала. Мать сѣла около нея, взяла ее за руку и начала уговаривать ласковымъ голосомъ:—Послушай меня. Я знаю, почему ты упрямишься. Мы сами виноваты, отецъ и я... Мы предназначали тебя Стояну и сказали тебѣ объ этомъ; ты его и полюбила.

— Я? полюбила Стояна?.. Нѣтъ!—крикнула молодая дѣвушка, отодвигаясь отъ матери; потомъ, увидѣвъ, что удивленная мать все еще не сводитъ съ нея глазъ, Иленка повторила совершенно спокойно:—нѣтъ, я не полюбила Стояна.

— Такъ чего же ты такъ заупрямилась?—допрашивала мать, потерявшая нить своихъ догадокъ.

— Я не хочу... я не могу губить людей, которые...

— Чтò такое, чтò?—закричала хаджи Христица.

— Которые рискуютъ жизнью изъ-за Болгаріи...

— И потому хочешь погубить отца, который всю жизнь посвятилъ на то, чтобы оставить тебѣ состояніе?! Такъ Болгарія стòитъ по-твоему больше, чѣмъ состояніе? Такъ ты изъ-за глупости, за которую никто парички тебѣ не дастъ, забываешь обязанности честной дочери? Ахъ, ты глупая!.. Ахъ, ты негодная!.. кричала мать, все больше и больше воспламеняясь.—Но... скажешь ты мнѣ фамиліи этихъ болвановъ, которые честнымъ, спокойнымъ людямъ не даютъ покоя? Скажешь ты мнѣ фамиліи тѣхъ, съ которыми ты связалась? Да, вѣроятно, ты снюхалась не съ однимъ Стояномъ... должно быть, у тебя перебывало человѣкъ десять, двѣнадцать... Богъ знаетъ сколько... Ахъ, ты негодная!

Хаджи Христица разсвирѣпѣла окончательно. Со стиснутыми кулаками, съ пылающими злобой глазами, она подбѣжала къ дочери и бранила ее самой площадной бранью.

— Заговоришь ты у меня!.. да... заговоришь! Заставлю я

тебя назвать, кого мнѣ надо... заставлю! Кто былъ
крикнула она, отвѣсивъ дочери пощечину.

Хлестъ пощечины разнесся по комнатѣ, но Ил
тила ни слова; она оставалась на своемъ мѣстѣ
укоризной посмотрѣла на мать.

— Кто былъ на сходкѣ?—опять крикнула мать
молодую дѣвушку. Дочь не отвѣчала.

— Кто?.. кто?.. кто?..—кричала мать. Всбѣси
Христица отвѣсила дочери шесть, семь ударовъ по

— Что же, скажешь?

Дочь снова взглянула молча на мать, и этотъ
велъ хаджи Христицу въ изступленіе: она вцѣпил
лосы и, стащивъ съ дивана, волочила по полу, приго
не скажешь?..

Иленка не оказывала ни малѣйшаго сопротивл
тѣмъ мать держала ее за волосы, волочила по пол
гами. Можно бы подумать, что это не живое суще
въ ростъ человѣческій, на которой живая женщ
сорвать накипѣвшее зло. Время отъ времени съ п
сдержанные стоны, а сверху прерывистый, запыхавш
вторялъ: „не скажешь?.. не скажешь?"... Эта отврат
могла бы продлиться Богъ знаетъ какъ долго, е
рвало ее неожиданное появленіе Мокры.

— Господи! что это такое?—воскликнула Мо
комнату.

Хозяйка опустила руки.

— Наказываешь дочь?.. учишь?..—начала гос
мала, что ты, *комшія* (сосѣдка), другимъ теперь за

— Не...слу...ша...ет...ся...—выговорила запыхав

Иленка встала, подошла къ дивану и заняла
мѣсто. Щеки ея горѣли, уши покраснѣли, взъерош
закрывали лобъ, растрепанныя косы висѣли по пл
терзанная одежда раскрылась на груди. На полу
раллы, жемчужины, бусы и дукаты, которые пре
ея дѣвичью шею и голову.

Мокра, подъ вліяніемъ естественнаго чувства
которая не дозволяетъ постороннимъ вмѣшиваться въ
нія дѣла, не спрашивала, что было поводомъ побо

— Не во-время пришла,—сказала она:—изв

— Нѣтъ, нѣтъ... комшія, не уходи!—отвѣчала
хозяйка:—подожди... разсуди!—Она такъ сильно з
принуждена была остановиться.—Вотъ ты сама разс

она.—Отъ ея слова (она указала на дочь) зависитъ осв
изъ тюрьмы отца, а она молчитъ. Заупрямилась—и х
гъ на головѣ теши... до того заупрямилась, что
вотъ до чего... А?.. что же ты на это скажешь?
окра посмотрѣла на Иленку, которая, казалось, сама
свою виновность.

· Вотъ здѣсь въ нашемъ домѣ,—продолжала хозяйка,
о мѣсяцевъ тому назадъ сошлись у Стояна заговор
іхъ она знаетъ.

· И что же? — спросила гостья, переводя глаза съ
гъ.

· Пусть она только назоветъ фамиліи заговорщиковъ,
тотчасъ же выпустятъ.

окра опять взглянула на Иленку и спросила:—И о
, назвать фамилій?

· Не хочетъ...—подтвердила гнѣвно хозяйка.

· Можетъ быть, она забыла... гм...

· Забыла!.. она говоритъ, что забыла, но это неп
ретъ!

· Почему же вретъ? Это вѣдь случается... Туманъ
итъ. Тогда надо стать подъ евангеліемъ и попросить бат
покропилъ святой водой, а иначе туманъ и не разойд
ываетъ не только съ нашей сестрой, но даже съ св
а. Вотъ владыка въ Шумлѣ сталъ читать акаѳистъ и
читать... Смотритъ въ книгу... э... э... э... и ни
жетъ прочесть. Такъ чему же тутъ удивляться, что
забыла?

озяйка сама не знала, что отвѣчать.

· Если она непослушна—это плохо, очень плохо; н
итъ... что забыла... это случается. Дайте ей время
Бываетъ такъ, что забудешь и никакъ вспомнить н
а то и такъ бываетъ: забудешь, а потомъ, ни съ то
о, и вспомнишь... Со мной случилось разъ вотъ что:
имя брата... имя брата забыть! Слыхано ли? А вѣдь заб
тобой, комшія, такъ не случалось?

· И мнѣ случалось забывать,—отвѣчала хозяйка,—но
нила, еслибъ пришлось спасать отца. Вѣдь это отец
въ тюрьмѣ!

· Я слышала, что тебѣ разрѣшили свиданіе? — пе
.

· Да, разрѣшили.

· Я затѣмъ и пришла, чтобъ узнать, что тамъ слыш

— Чтò же слышно!.. Хаджи Христо въ цѣп.
— И... Это не велика еще бѣда... Какъ бы
если тебя къ нему пустили—значитъ, онъ скоро бу
— Его бы завтра выпустили изъ тюрьмы, ес.
отвѣчала хаджи Христица, указывая на дочь.—Пу
зоветъ заговорщиковъ, тотчасъ же изъ обвиненнаго
дѣтелемъ.
— Свидѣтелемъ?.. Пс... — произнесла съ п
Мокра.—Такія наказанія нехороши...
— Все-таки лучше, чѣмъ тюрьма.
— Нѣтъ, они хуже висѣлицы.
Иленка посмотрѣла на гостью съ выраженіемъ
годарности.
— Впрочемъ не бойся,—продолжала Мокра:-
сдѣлаютъ... Онъ выкупится.
— И безъ того ему приходится откупаться,-
зяйка.
— Если вамъ денегъ жаль, такъ не платите.
— А ему на висѣлицу прикажешь идти?
— Еслибъ хаджи Христо повѣсили, то это
время, когда болгаръ не вѣшали бы за то, что о
Хаджи Христица не совсѣмъ поняла гостью, и
вполнѣ поняла ее. Она опять посмотрѣла съ бла
Мокру и начала приводить въ порядокъ свою о
тѣмъ гостья доказывала хозяйкѣ, что ея мужу нич
не угрожаетъ, что въ крайнемъ случаѣ онъ всегд
латься взяткой, а вѣдь денегъ у него много.
— Паричкн, парички,—говорила она.—Кто та
наживы, какъ твой мужъ, тотъ легко разбогатѣетъ
значитъ хотя бы тысяча или двѣ тысячи мэджидж
мужѣ не безпокойся. Это крупная рыба. Пощиплю
вотъ и все.
Хозяйка была недовольна пренебрежительнымъ о
о хаджи Христо, но Мокра нарочно отзывалась
образомъ: она хотѣла представить дѣло такъ, как
самомъ дѣлѣ, и желала успокоить Иленку, въ р
находилась безопасность заговорщиковъ.

XIV.

яну везло: какое-то слѣпое счастье помогло ему выбраться
ртиры Станка. Онъ уже постлалъ себѣ на полу и готовъ
ечь, когда услышалъ: „уходи, Стоянъ". Въ тотъ же мигъ
бѣжалъ на дворикъ, перескочилъ черезъ заборъ и, никѣмъ
эченный, добрался до стѣны, окружавшей садъ Мокры. Эта
ля стѣна была довольно высока и усыпана сверху стекломъ,
гу представляла солидное препятствіе. Но для человѣка,
щаго жизнь, и такая преграда является преодолимой. Онъ
ся за торчавшіе куски стекла, не обращая ни малѣйшаго
я на то, что рѣжетъ ими руки. Израненный, окровавлен-
ъ изорванномъ платьѣ, онъ тѣмъ не менѣе перескочилъ
и очутился такимъ образомъ въ густыхъ кустахъ малины,
были посажены вдоль всей стѣны. Въ кустахъ этихъ
ъ отлично скрыться. Ни посторонніе, ни домашніе не
могли его замѣтить. Послѣднее было для него также очень важно: онъ лично не зналъ прислуги и не имѣлъ понятія, кому изъ нихъ можно, а кому нельзя довѣрять. Здѣсь же кусты малины отлично прикрывали его, между тѣмъ какъ самъ онъ могъ видѣть всѣхъ ходившихъ по саду. Выбравъ поудобнѣе мѣстечко, онъ усѣлся и сталъ поджидать Петра, Мокру или Анку, которыхъ самъ зналъ и которые знали его.

Говорятъ, что ожиданіе сокращаетъ часы. Но Стояну казалось, что часы тянутся безконечно. Правда, ему страшно хотѣлось спать, но уснуть онъ боялся и въ то же время не имѣлъ силы отогнать сонъ. Пробовалъ думать, но размышленіе не мѣшало слипаться вѣкамъ, и онъ отлично чувствовалъ, что еслибъ еще хоть разъ вѣки его сомкнулись, онъ бы заснулъ. Приходилось заняться чѣмъ-нибудь другимъ. Онъ началъ всматриваться въ форму малиновыхъ листьевъ и стебельковъ и сравнивалъ ихъ съ листьями и стеблями другихъ растеній. Наблюденія эти привели его къ вопросу: нельзя ли скрещивать различныя породы растеній? А этотъ вопросъ смѣнился мыслью объ Иленкѣ

— Жаль! — вздохнулъ онъ: — пропала она для меня!

Мысль о существѣ, которое способно осчастливить жизнь, причиняетъ необыкновенное удовольствіе, а потому Стоянъ не размышлялъ болѣе о скрещиваніи разнородныхъ растеній, но сталъ думать объ Иленкѣ. Мысли эти начали принимать фантастическіе образы, и ему все казалось, что онъ думаетъ, а между тѣмъ онъ спалъ.

Сонъ можетъ иногда противостоять самым
стямъ. Спятъ иногда подъ градомъ пуль, и
потому ничего нѣтъ удивительнаго, что усталы
уснулъ такъ крѣпко въ тепломъ, спокойно
слышалъ шума кустовъ, раздвигаемыхъ про
ними женской фигурой. Это Анка зашла въ

— О!.. это онъ!..—прошептала дѣвушка,
Она подошла ближе и посмотрѣла на него. Сі
непонятная сила приковывала ея взоры къ н
отвести глазъ отъ его лица, спокойно дышавш
движной фигуры, отъ этого молодого челов
висѣла на волоскѣ. Вѣроятно это обстоятельст
тому, что Анка не могла теперь наглядѣться
молодого человѣка, который прежде не прои
какого впечатлѣнія. Въ ней зародилось чув
лѣнія, которое возрастало по мѣрѣ того, какъ
въ него. Мысль ея стала работать надъ с
Стояна. Она готова была въ данный момен
собственной грудью, закрыть такъ, чтобы н
могъ его видѣть.

Ни матери, ни брата не было дома. Мо
а братъ уѣхалъ по торговымъ дѣламъ, а пото
подъ ея покровительствомъ, на ея отвѣтств
условіямъ, среди которыхъ выросла и воспи
вушка, она вполнѣ понимала важность так
и отвѣтственность за него, а потому немедл
тать объ обезпеченіи безопасности молодого
всего надо было отвлечь отъ сада прислугу
Анка дала каждому порученіе, не имѣющее
нія съ садомъ. Затѣмъ, приготовивъ наскоро
жильца, она сѣла съ работой въ саду въ та
могла видѣть кусты малины, за которыми сп
этихъ кустовъ она не сводила глазъ, смотрѣла
думать свою обычную думу о монастырѣ, но
какъ-то перешла изъ монастырской кельи въ
ныхъ. Картина, созданная ея воображеніемъ,
такъ что Анка не могла навѣрное сказать,
рировала, или не она. Какъ бы тамъ ни был
сказала себѣ: „я сама буду заботиться о не
рѣшеніе доставило ей такое удовольствіе, чт
сказали: „ступай сейчасъ въ монастырь, а ес

кись отъ него навсегда“—она не могла бы сразу рѣшиться думала бы.

Іолодая дѣвушка должна была начать свою опеку съ того, перевести Стояна въ приготовленную комнату. Задача была овсѣмъ легка, такъ какъ надо было устроить такъ, чтобы изъ прислуги не замѣтилъ скрывающагося, когда онъ бупроходить черезъ садъ. Какъ тутъ быть? Можно бы, конечно, іть прислугу отъ сада, но вѣдь возможна и какая-нибудь йная встрѣча. Можно бы ждать ночи, но въ такомъ случаѣ ришлось бы наблюдать цѣлый день за малиновыми кустами а не могла бы приготовить ему ѣду. „А вѣдь онъ, вѣроятно, голоденъ“, сказала себѣ Анка и начала обдумывать потости закуски. Но какъ провести его въ комнату? Вопросъ на нѣкоторое время вполнѣ поглотилъ ее и вскорѣ былъ ѣшенъ. Анка чрезвычайно обрадовалась придуманному плану ть было не хлопнула въ ладоши. Вѣдь никто не узнаетъ на, если онъ надѣнетъ женское платье! Тотчасъ же она пола домой, взяла свой яшмакъ и фереджію, въ которыхъ выла обыкновенно на улицу, связала ихъ въ узелокъ и никѣмъ ѣченная побѣжала въ садъ. Она направилась къ тому у, гдѣ спалъ Стоянъ, и хотѣла положить около него узелокъ. це ея сильно забилось, когда она подходила къ малиновымъ мъ. „Спитъ ли онъ, или уже проснулся?“—подумала молодѣвушка. Она остановилась, опять сдѣлала нѣсколько шаговъ, улась, опять остановилась и, наконецъ, подошла къ послѣдкусту, но раздвинуть его не смѣла. Стоитъ, слушаетъ и, нецъ, рѣшается—раздвигаетъ кустъ.

Іто это значитъ?.. никого нѣтъ!.. куда онъ ушелъ? Ей страшно и грустно. Она понять не могла, куда онъ дѣлся. она все время не сводила глазъ съ малиновыхъ кустовъ. же онъ?..

Стоянъ такъ неожиданно явился передъ ней, что Анка даже икнула:—ахъ!

— Тише, — шепнулъ онъ,—я ждалъ Мокры, Петра или чтобъ попросить у васъ пріюта.

— Возьми!—сказала молодая дѣвушка, подавая узелокъ.

Стоянъ взялъ узелокъ, посмотрѣлъ на него, развязалъ и, увияшмакъ, спросилъ: „Что же это такое?“

Молодая дѣвушка до того смутилась, что ничего рѣшительно огла отвѣтить, а между тѣмъ Стоянъ, узнавъ фереджію, алъ:—Это для меня?

— Ну, да!

— Гм... надо надѣть?

— Да,—прошептала Анка, не смѣя поднять

— А что же мнѣ дѣлать съ бородой и съ уса

шутливо молодой человѣкъ.

Шутливый тонъ, какъ извѣстно, осмѣливаетъ

смягчаетъ сердитыхъ молодыхъ дѣвушекъ. Въ да

дѣйствіе его выразилось въ томъ, что Анка взгляну

— А вѣдь усы вылѣзутъ изъ-подъ яшмака,—з

и началъ обвивать себѣ голову кисеей, употребляе

женщинами для скрыванія лица. Дѣло у него ка

лось. Онъ не умѣлъ надѣть какъ слѣдуетъ яш

какая-то уродливая повязка, которая, рядомъ съ му

сдѣлалась смѣшной.

— А что?—спросилъ Стоянъ.

Анка взглянула.

— Каковъ *чалмэмъ*?

Дѣвушка разразилась неудержимымъ смѣхомъ.

— Теперь надѣну фереджію.

— Нѣтъ, нѣтъ!—протестовала дѣвушка.

— Почему нѣтъ?

— Надо яшмакъ иначе повязать.

Стоянъ распуталъ кисею и снова началъ обви

— Нѣтъ, не такъ.

— Что же не такъ?

— Прежде всего надо сложить какъ слѣдуетъ

— Какъ же: вотъ такъ?

— Ахъ, нѣтъ, не такъ!

— Сложи, пожалуйста, сама.

Анка сложила яшмакъ и подала его Стояну.

— Какъ же его надѣваютъ?—спросилъ молод

— Кладутъ на голову, загибаютъ вокругъ подб

томъ назадъ.

Стоянъ подставилъ голову, а дѣвушка сначала

а потомъ все смѣлѣй и смѣлѣй повязала ему яшм

правиламъ. Подъ густыми складками кисеи исчезл

борода, такъ что на виду остались только глаза, л

часть носа.

— Что же, теперь хорошо?

— Да, такъ можно оставить; возьми фереджію!-

ему длинную черную мантію (только турчанки

носить разноцвѣтныя фереджіи), которую онъ тотча

и теперь, еслибъ не брюки и сапоги, виднѣвшіеся изъ-подъ мантіи, можно бы его принять за женщину.

— Пойдемъ!—сказалъ онъ.

— Постой!—остановила его Анка:—обожди, пока я приду... и она побѣжала къ дому, чтобъ выпроводить прислугу. Одной приказала принести уксусу, другую услала за шолкомъ, третью за вязальными спицами и т. д. Спровадивъ послѣднюю, она вернулась въ садъ.

Стояну казалось, что ему придется проходить по городу, а потому, обративъ вниманіе на свои сапоги и штаны, онъ догадался, что Анка ушла за туфлями и шальварами.

— Почему это она не принесла туфель и шальваръ вмѣстѣ съ фереджіей и яшмакомъ?—недоумѣвалъ Стоянъ.

Анка вернулась какъ разъ въ то время, когда въ умѣ молодого человѣка сложился вышеприведенный вопросъ; не входя въ кусты, она крикнула: „пойдемъ“.

Стоянъ вышелъ изъ кустовъ.

— Пойдемъ скорѣе...—и она побѣжала впередъ.

Ноги Стояна путались въ фереджіи, но онъ не отставалъ отъ своего проводника. Они пробѣжали черезъ садъ, потомъ черезъ дворъ, затѣмъ черезъ какой-то дворикъ, оттуда поднялись на крытую лѣстницу, вошли въ сѣни, потомъ въ горницу и тутъ Анка отворила дверь въ шкафъ и сказала: „иди туда“. Стоянъ вошелъ въ шкафъ, задняя стѣна котораго была приподнята и подперта палкой, подлѣзъ подъ эту стѣну; тогда Анка приняла палку, стѣнка опустилась и молодой человѣкъ очутился въ комнаткѣ имѣвшей около десяти шаговъ длины и четыре ширины; комнатка эта была освѣщена высокимъ узенькимъ окномъ и нѣсколько напоминала внутренность сундука. Здѣсь была сложена постель *(ястукъ)*, различныя мелкія вещи и у одной изъ стѣнъ стояла небольшая лѣсенка. Въ одномъ изъ угловъ открывался полъ; въ отверстіе вставлялась находившаяся въ комнаткѣ лѣсенка, по которой можно было сойти на дворикъ, сообщавшійся съ проходомъ. Все это составляло тайну женскаго пола, представительницы котораго могли, такимъ образомъ, скрываться въ случаѣ надобности.

Очутившись здѣсь, Стоянъ осмотрѣлъ всѣ детали этого тайника, прошелся нѣсколько разъ по этой комнаткѣ, сѣлъ на сложенную постель и спросилъ самъ себя: „какъ же теперь быть?“

Не успѣлъ онъ отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, какъ новое обстоятельство прервало ходъ его мысли. Черезъ отверстіе въ стѣнѣ проскользнулъ подносъ, на которомъ было „сладкое“, вода и

черный кофе. Стоянъ всталъ, подошелъ къ поднос
по ту сторону стѣны лицо Анки. Молодой человѣ
„сладкое", запилъ водой, взялъ кофе, поблагодарилъ

— Скажи мнѣ, Анка, зачѣмъ ты пришла въ ма
реджіей и яшмакомъ въ рукахъ?

— Затѣмъ, чтобы тебя никто не узналъ, когда
черезъ садъ.

— Кто же тебѣ сказалъ, что я въ саду?

— Никто мнѣ не говорилъ.

— Но вѣдь ты для меня принесла фереджію и

— Да, для тебя, потому что за выдачу тебя обѣща

Стоянъ не имѣлъ понятія, что голова его оцѣн

— Обѣщаютъ награду за мою голову?

— Даже большую награду: тысячу гурушъ.

— Не зналъ... не зналъ.

— Да, обѣщаютъ тысячу гурушъ,—повторила
удалилась.

Стоянъ опять остался одинъ, снова началъ дума
появился подносъ и послышался голосъ Анки:

— *Поффимз*,—приглашала она, подавая завтрак
изъ оворока, колбасы, икры, сыру, маслины, хлѣб
вина. Стоянъ взялъ подносъ и хотѣлъ-было заговор
кого уже не было; дѣвушка удалилась. Надо было
за ѣду. Послѣ двухдневнаго голода и незатѣйливой
бытой въ Кривенѣ, принесенная закуска показалась
новенно вкусной, и онъ съѣлъ все, что было на
томъ, поставивъ въ углу посуду, онъ развернулъ пос
ждалъ прихода Анки. Но на этотъ разъ ему при
долго ждать. Проходили часы; онъ посматривалъ
откуда появлялся подносъ, но ничего не видѣлъ. П
не скучалъ, но начиналъ уже чувствовать, что ес
ложеніе продолжится, то ему будетъ смертельно
вставалъ, снова ложился, познакомился со всѣми п
новаго своего жилища, убѣдился, что необходимо со
ную тишину, чтобъ не привлечь вниманія прислуги,
сказалъ себѣ:

— Съ ума можно сойти, если придется остать
сколько дней... Почему это Анка не приходитъ?

Только вечеромъ появилась—но не Анка, а М

— Добро дошелъ,—привѣтствовала она Стояна

— Мокра,—спросилъ онъ:—долго ли придетс
оставаться?

— Пока пріѣдетъ Петръ... нѣсколько дней. Выходить т невозможно, такъ какъ всюду ищутъ тебя. Арестовали уже хад Христо, Станко, Петка, Георгія, Марко.

— Какъ же они узнали обо мнѣ?—удивился Стоянъ.

— Они, очевидно, шли по твоимъ слѣдамъ и только знаютъ, куда ты отъ Станка пошелъ.

— Странно... очень странно.

— Должно быть, кто-нибудь замѣтилъ тебя.

— Я встрѣчалъ однѣхъ только собакъ... Развѣ отъ хад Христо узнали .. Но и онъ не зналъ, куда я отъ него поше.

— Однимъ словомъ, турки прослѣдили тебя до Станка, потомъ потеряли... Всюду ищутъ тебя; вѣроятно, и сюда п дутъ искать, но я имъ буду даже помогать въ ихъ поисках Только ты не шуми, сиди тихонько... Ты ни въ чемъ не буде имѣть здѣсь недостатка.

Сказавъ это, Мокра ушла, а вскорѣ послѣ того подошла отверстію Анка съ подносомъ, заставленнымъ ѣдой.

— Утромъ я забыла принести тебѣ табаку; вотъ таба папиросная бумажка и спички.

— Очень благодаренъ, но я не курю.

— Можетъ быть, наргиле?

— Нѣтъ, нѣтъ, но...

Онъ хотѣлъ о чемъ-то спросить, но Анка потребовала утр ній подносъ и, взявъ его, удалилась.

Стоянъ поѣлъ какъ слѣдуетъ, открылъ половицу, встав лѣсенку, чтобъ ночью выйти на воздухъ, и хотѣлъ-было ложит спать, какъ вдругъ услышалъ:

— Стоянъ!—позвала его Анка, и голосъ ея показался какимъ-то серебристымъ.

— А?—спросилъ онъ, подходя къ отверстію.

— Подай мнѣ подносъ.

Стоянъ взялъ подносъ и подошелъ съ нимъ къ отверстію

— Не нужно ли тебѣ чего?—спросила его дѣвушка.

— Мнѣ недостаетъ человѣческаго голоса... Ты приходи и тотчасъ же убѣгаешь, какъ отъ прокаженнаго.

— Я?..—спросила дѣвушка:—я... не убѣгаю.

— Съ тобой даже поговорить невозможно.

— Говори...

— Что̀ слышно у хаджи Христо?

— Майка ходила туда. . Хаджи въ тюрьмѣ, а дома у н плачутъ... и тебя проклинаютъ.

— Не понимаю, какимъ образомъ турки узнали, что я

ходилъ туда? Не проболтался ли самъ хаджи Хр
быть, Степанъ?

— Не знаю,—отвѣчала дѣвушка.

— Нельзя ли узнать объ этомъ?

— Пожалуй, я спрошу... спрошу Иленку.

— Ну, да, вѣроятно Иленка знаетъ; а к
ней говорить, попроси ее, пусть она поищетъ въ моей комнатѣ
записочку, которую я тамъ оставилъ въ щелочкѣ дверей о
шкафа. Второй шкафъ направо... Хаджи Христо такъ внезап
выгналъ меня, что я не успѣлъ даже захватить этой запис
Еслибъ она попалась въ руки турокъ, была бы бѣда.

— Какъ же это?—спросила Анка:—вѣдь нужно Илен
сказать, что ты у насъ?

— Сказать?.. гм?.. какъ думаешь?

— Вѣдь она можетъ спросить, откуда я знаю о твоей з
пискѣ?

— Да... должно быть, надо будетъ сказать.

— Я возьму съ нея клятву...

— Ну, да... А объ Станкѣ ничего не знаешь?

— Бѣдная жена его ужасно горюетъ.

— Если турки повѣсятъ Станка, я не прощу себѣ сиро
ства жены его и дѣтей.

— Господь не обидитъ ни его, ни дѣтей... Онъ и тебя спас

— Бѣдный, бѣдный Станко!

— Помолись за него и уповай на Господа. Безъ его во
ни одинъ волосъ не спадетъ съ головы Станка.—Кто бы слышал
какъ Анка произнесла эти слова, тотъ безъ труда догадался б
что она готовилась поступить въ монастырь; а между тѣмъ, если
ей пришлось отправляться теперь же въ монастырь, она, бы
можетъ, отправилась бы, но ей было бы жаль разстаться со свѣтом

Стоянъ отлично выспался, а на другой день четыре ра
разговаривалъ съ Анкой. Въ послѣдній разъ она принесла е
записку, о которой онъ безпокоился. Это была копія отче
въ бухарестскій комитетъ объ основаніи комитета въ Рущу
и о присягѣ. Важность этой записки заключалась въ томъ, ч
въ ней былъ выставленъ мѣсяцъ и число основанія комитет
равно какъ и заглавныя буквы именъ заговорщиковъ. Съ по
мощью спички Стоянъ немедленно уничтожилъ этотъ докумен
и горячо благодарилъ Анку за доставленіе его.

— Благодарю тебя... очень благодарю... ты успокоила м
совѣсть.

— Благодари Бога.

— Развѣ за то, что прислалъ тебя ко мнѣ.
Слова эти доставили Анкѣ такое удовольствіе, какого она ›гда въ жизни не испытывала.

XV.

Аристархи-бей повелъ слѣдствіе очень энергично. Подозри›ныхъ оказалась масса. Расходившіеся заптіи арестовывали въ ›дахъ кого попало; въ провинціи же черкесы и вообще ›льмане составляли деревенскую стражу, которая вязала и ›одила въ конакъ всякаго, казавшагося подозрительнымъ. Нѣ›ько разъ въ день являлись партіи такого рода подозритель›ь, и всякій разъ кого-нибудь изъ приведенныхъ оставляли въ ›мѣ. Улики въ такихъ случаяхъ не имѣли никакого значенія. › было въ томъ, что власти, помощью „чудовищнаго процесса", ›лали обнаружить передъ Европой „происки" одного изъ ›пейскихъ правительствъ, слишкомъ интересующагося судьбами ›анныхъ Высокой Порты. Поэтому затѣянъ былъ тенденціоз› процессъ, и слѣдствіе велось въ высшей степени пристрастно. ›ка у Стояна, соучастниковъ которой не хотѣла назвать ›ка, должна была составить фокусъ всего процесса. Поэтому ›тархи-бею непремѣнно хотѣлось узнать имена сходившихся.
— Что-же?—спросилъ слѣдователь хаджи Христо, придя къ › во второй разъ.
— Вотъ пересчитай,—отвѣтилъ заключенный, передавая мѣ›къ съ золотомъ.
— Такому честному купцу, какъ ты, можно и на слово по›ть. Ты считалъ?
— Считалъ.
— Значитъ, вѣрно. Ну, а теперь?..
Хаджи Христо пожалъ плечами.
— Фамиліи?—окончилъ слѣдователь.
— Я знаю только двоихъ: Стояна и Станка; третьяго не ›, какъ зовутъ, но еслибъ я его увидѣлъ, то узналъ бы.
— Это ты говоришь о первой сходкѣ... въ саду. Такъ я и ›ъ озаглавить ее въ протоколѣ: „сходка въ саду", но раз›и мнѣ о второй... въ комнатѣ.
— Ничего не знаю, эффендимъ-бей.
— Вѣдь жена и дочь приходили къ тебѣ?
— Да, приходили, но онѣ ничего не знаютъ.
— А прислуга?

— Прислуга тоже не знаетъ.

— Гм?.. а знаешь ли? я начинаю подозрѣва
замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ.

— Вотъ провалиться мнѣ сквозь землю, если я
нибудь причастенъ ко всему этому дѣлу! Вотъ ей

— Не божись напрасно,—остановилъ его бей:—
ренъ, что ты ни къ чему предосудительному не п
тѣмъ болѣе, что безъ тебя я и не зналъ бы о ск
а все-таки это подозрительно.

— Что же мнѣ дѣлать?—плакался хаджи Хрис
мнѣ сказать, чего я самъ не знаю?

— Разузнай.

— Развѣ можно разузнавать въ тюрьмѣ?

— Гм?.. такъ ты хочешь, чтобы я освободилъ т

Хаджи Христо просіялъ и съ благодарностью
слѣдователя.

— Но я выпущу тебя подъ слѣдующимъ услов
мнѣ еще сто мэджидджи и будешь разузнавать.

— Такъ пришли мнѣ жену.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ послать ее за деньгами.

— Ты ихъ самъ возьмешь. Я вѣдь тебѣ вѣр
дочный и честный человѣкъ (слѣдователь произне
безъ запинки); тебя сейчасъ же выпустятъ, тольк
тебѣ, какъ слѣдуетъ поступать въ будущемъ.

— Какъ же?—спросилъ обрадованный купецъ.

— Прежде всего надо быть осторожнымъ. Пря
разспрашивай, а такъ незамѣтно и непремѣнно
патріотомъ. То обстоятельство, что ты сидѣлъ въ
чительно облегчитъ твою задачу. Болваны и тепе
рять: „Каковъ хаджи Христо!.. а какимъ казался
Вотъ ты и начни откровенный разговоръ съ одн
гимъ, а я между тѣмъ сдѣлаю у тебя обыскъ. Мо
найдется что-нибудь въ той комнатѣ, гдѣ жилъ Ст

— Когда же будетъ обыскъ?

— Да вотъ на дняхъ какъ-нибудь. Живетъ
въ той комнатѣ, которую занималъ Стоянъ?

— Никто тамъ не живетъ.

— Смотри же, чтобы никто ничего тамъ не тр
прикажу позвать тебя къ допросу, а оттуда пойдеш

Хаджи Христо пришлось не долго ждать. Че
послѣ ухода Аристархи-бея пришелъ заптій и пове

ѣдственную коммиссію. Здѣсь Аристархи-бей, въ присутствіи секретаря, писаря и нѣсколькихъ драгомановъ изъ иностран- консульствъ, началъ допросъ. Прежде всего поинтересо- . онъ сходкой въ саду:

— Кто былъ на этой сходкѣ?

— Стоянъ, Станко и какой-то молодой человѣкъ.

— А ты не совѣщался съ ними?

— Нѣтъ, не совѣщался.

— Какъ же ты о ней узналъ?

— Я видѣлъ ихъ изъ окна.

— Почему ты сразу не называлъ фамиліи?

— Я только теперь вспомнилъ ихъ.

— Тогда, когда ихъ тебѣ назвали,—упрекнулъ слѣдователь.— а во второй сходкѣ кто принималъ участіе?

— Меня тогда дома не было.

— Но ты слышалъ о ней?

— Да, я слышалъ, только не обратилъ никакого вниманія.

— Знаешь ли о томъ, что заговорщики были замаскированы?

Вопросъ этотъ произвелъ эффектъ. Драгоманы иностранныхъ ульствъ съ удивленіемъ посмотрѣли на Аристархи-бея, кото- отвѣчалъ имъ мимикой: „видите, до чего доходитъ!" —а между хаджи Христо отвѣчалъ:

— Кажется... не знаю... меня не было дома, а Стояна я лъ положительнымъ молодымъ человѣкомъ.

— Вотъ видишь, какъ внѣшность бываетъ обманчива!—по- › слѣдователь:—надо полагать, что впредь будешь осторож- выбирать себѣ помощниковъ. Благодаря служившему у тебя ѣку, накопилась противъ тебя такая масса кажущихся уликъ, ы чуть не попалъ на скамью подсудимыхъ. Но такъ какъ обное слѣдствіе выказало, что ты лично не участвовалъ въ незаконныхъ дѣяніяхъ, а кромѣ того, принимая во внима- вою безупречную жизнь и то, что султанское правительство елаетъ преслѣдовать никого безъ основательныхъ доводовъ, ождаю тебя отъ обвиненія, съ тѣмъ однако условіемъ, что бяжешься являться всякій разъ къ допросу, какъ только тебя ебуютъ, а кромѣ того ты долженъ будешь стараться по воз- ости освѣтить тѣ темныя преступныя дѣянія, которыя не- эмо ведутъ къ убійствамъ. Всякій заговоръ фатально при- ъ къ подобнымъ результатамъ.

Рѣчь эта, произнесенная по адресу представителей иностран- консульствъ, понравилась драгоманамъ, которые одобри-

тельно покачали головами. Аристархи-бей приказ
снять оковы съ хаджи Христо и посадилъ его ок
— Ты, вѣроятно, спѣшишь домой,—ласково
Тебѣ хочется повидать жену и дочь? Все это я
понимаю, но погоди немного, ты мнѣ понадобиш
Хаджи Христо сѣлъ на диванъ и ему подали
а Аристархи-бей пояснялъ на французскомъ языкѣ
представителямъ употребленіе масокъ заговорщика
— Они дѣлаютъ очень просто. По улицѣ ид
и надѣваютъ ихъ, входя въ домъ, съ тою цѣлью,
не могла ихъ узнать. Такимъ образомъ эти гос
степени затрудняютъ слѣдствіе, но теперь мы
слѣдъ.

Во время этого поясненія привели Станка.

Аристархи-бей взялъ въ руки исписанную
щаясь къ арестанту, спросилъ:

— Шестого мая такого-то года находился
хаджи Христо?

— Не помню, когда это происходило, но
находился въ саду хаджи Христо.

— Вы были тамъ втроемъ?

— Да, втроемъ.

— Назови имена тѣхъ, кто былъ съ тобою.

— Я не могу ихъ назвать.

— Почему?

— Потому что если находившіеся въ то вре
гуть подвергнуться преслѣдованію, то я готовъ
но другихъ не стану вводить въ бѣду. У меня н

— Однако совѣсть не помѣшала тебѣ прини
преступленіяхъ.

— То, что ты, бей, называешь преступленіе
добродѣтелью.

— Ты забываешь, что у тебя есть жена и
не поблагодарятъ тебя за твой взглядъ на добро

— Быть можетъ, семья моя останется въ
жена не постыдится своего мужа, а дѣти—своего
чикомъ не хочу я быть и не могу, а потому н
прасно задавать мнѣ такіе вопросы, отвѣтъ на к
видъ доноса.

Хаджи Христо то поднималъ, то опускалъ гл
морщился и никакъ не могъ потянуть дыма изъ

— Однимъ изъ твоихъ товарищей,—продолжа

былъ Стоянъ Кривеновъ,—и, обращаясь къ хаджи Христо, спросилъ:—не правда ли?

— Правда, правда, — подтверждалъ смущенный свидѣтель.

— Вотъ видишь, что немного поможетъ тебѣ твоя добродѣтель... Такіе степенные и уважаемые люди, какъ хаджи Христо, совершенно иначе смотрятъ на вещи.

— Это, быть можетъ, потому,—отвѣчалъ Станко,—что хаджи Христо можетъ потерять совѣсть для спасенія состоянія, а у меня состоянія нѣтъ и я дорожу своей совѣстью.

Аристархи-бей взглянулъ на представителей иностранныхъ консуловъ и будто говорилъ имъ: слушайте! слушайте! Хаджи Христо съ такой силой потянулъ трубку, что захлебнулся дымомъ и, закрывъ ротъ кулакомъ, закашлялъ, а между тѣмъ допросъ продолжался. Аристархи-бей и не спрашивалъ Станка о сходкѣ въ домѣ, такъ какъ былъ увѣренъ, что на этотъ вопросъ не получитъ отвѣта. Впрочемъ Станко и не участвовалъ въ этой сходкѣ.

Станка увели, а послѣ него началась цѣлая процессія молодыхъ людей, которую Аристархи-бей устроилъ для того, чтобы показать хаджи Христо всѣхъ заключенныхъ и убѣдиться, нѣтъ ли между ними того, который былъ третьимъ на сходкѣ въ саду. Допрашивали ихъ недолго; всякій разъ, когда вводили новое лицо, слѣдователь внимательно смотрѣлъ на хаджи Христо, который отрицательно моталъ головою. Подъ конецъ допроса доложили бею, что черкесы привели какого-то подозрительнаго. Недовольный бей съ досадой махнулъ рукой и сказалъ: „пусть его приведутъ".

Вошли два черкеса, толкавшіе передъ собой молодого парня въ сермягѣ, суконныхъ брюкахъ, крестьянской шапкѣ и лаптяхъ. Аристархи-бей не посмотрѣлъ на хаджи Христо, когда вводили этого субъекта, а между тѣмъ въ этотъ разъ глаза свидѣтеля загорѣлись; къ величайшему его удивленію, въ приведенномъ парнѣ онъ узналъ искомаго третьяго. Но слѣдователь не обращалъ вниманія на хаджи Христо, а только выслушивалъ съ досадой докладъ черкесовъ, которые разсказывали, какъ приведенный ими *джанабэтъ* (негодяй) ходилъ изъ избы въ избу.

— Такъ что же изъ этого?

— Ничего,—отвѣчалъ одинъ изъ черкесовъ: — джанабэтъ ходилъ, ходилъ, ходилъ...

— А когда я спросилъ его,—перебилъ второй черкесъ,— такъ онъ кивался.

— Кто ты такой?—спросилъ парня Аристархи-бей.

— Я ббб... былъ ппп...

— А! заика,—замѣтилъ бей.—Откуда ты?

— Изъ Ккк... киш... ккк... ки. Онъ насилу выговори
Кишки".

— Вѣроятно пастухъ?

— Д... дд... да.

— Пустить его!.. гоните его вонъ!—приказалъ слѣ
и, обращаясь къ черкесамъ поучалъ ихъ:—не приводите
роду, съ которымъ только время теряешь... у меня и б
много работы... вамъ вѣдь сказано: ловите подозрительны
обыкновенныхъ... А какой же это подозрительный?

— Онъ необыкновенный,—началъ одинъ изъ черкес

— Когда онъ началъ свое „шшш"... я ухватилъ за п
хотѣлъ-было отсѣчь ему голову.

— Эта голова двухъ паричекъ не стоитъ,—сказалъ

— Мы нашли при немъ двадцать семь гурушъ,—
второй черкесъ.

— Гм...—удивился бей и улыбнулся.

— А кромѣ того вотъ что,—продолжалъ черкесъ,
изъ-за пазухи сложенный листъ и подавая его бею,
взглянулъ на бумагу и спросилъ черкесовъ:

— Вы нашли это при немъ?

— Да, при немъ.

— Гайдà!..—крикнулъ на заптiевъ слѣдователь:—бѣг
ведите мнѣ этого пастуха!

Жандармы выбѣжали, а Аристархи-бей показалъ дра
бумагу и сказалъ:

— Это прокламацiя, призывающая къ организацiи ш
зываемыхъ *четами*. Какъ видите, процессъ усложняется, н
съ тѣмъ и разъясняется... Теперь въ нашихъ рукахъ аг
наго правительства.

— Эффендимъ...—началъ-было хаджи Христо.

— А... тебѣ домой хочется,—перебилъ его слѣдова
нарочно задержалъ тебя, чтобы убѣдить, что мы не упот
во время допросовъ никакихъ насилiй. Ты впрочемъ и
могъ испытать мягкость нашего обращенiя, хотя прот
было много вѣроятныхъ уликъ. Теперь ступай съ Богом

Представители иностранныхъ консульствъ остались; он
пока приведутъ агента тайнаго правительства.

Ждали, ждали и, наконецъ, дождались возвращенiя
жандарма, другого, третьяго, четвертаго, но агента не
ними; каждый докладывалъ одно и то же:—Видѣли, какъ

конака уходилъ... вышелъ и пропалъ. Одинъ изъ жандармовъ замѣтилъ даже: „Ищи теперь вѣтра въ полѣ“.

— Рущукъ не поле, а пастухъ не вѣтеръ,—возразилъ Аристархи-бей.

Всѣ согласились, что слѣдователь правъ, а между тѣмъ агентъ пропалъ, исчезъ какъ капля въ морѣ. Жандармы разбѣжались по всѣмъ улицамъ, но нигдѣ его не встрѣтили. Онъ скрылся какимъ-то чудомъ, думали жандармы, а между тѣмъ ничего чудеснаго не произошло. Слѣдователь приказалъ отпустить пастуха, не зная о найденной при немъ прокламаціи; поэтому обвиняемый не довѣрялъ своей свободѣ и постарался возможно скорѣе скрыться. Въ турецкихъ городахъ это не особенно трудно. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ конака, за однимъ изъ угловъ небольшой улицы стоялъ старый каменный заборъ, а въ немъ отверстіе, черезъ которое лазили собаки. Пастухъ нашъ пролѣзъ въ это отверстіе и вскорѣ услышалъ, какъ выбѣжавшіе изъ конака жандармы кричали:

— Куда джанабэтъ (негодяй) ушелъ?

Еслибы который-нибудь изъ заптіевъ посмотрѣлъ въ дыру, онъ бы, конечно, увидѣлъ скрывшагося; но всѣ они разбѣжались въ разныя стороны; пастухъ подождалъ, пока заптіи вернулись, и тогда только вылѣзъ изъ своего убѣжища и преспокойно пошелъ въ городъ, стараясь идти по самымъ оживленнымъ улицамъ. На площади находилась лавка Мокры. Онъ заглянулъ туда изъ предосторожности, потомъ смѣло вошелъ и направился къ Мокрѣ.

— Это я, Мокра.

— Здравствуй, сынокъ,—отвѣчала она.

— Черкесы поймали меня и привели... Но я ушелъ...

— Слава Богу, что тебѣ удалось украсть у туровъ свою голову... За такое воровство Господь не накажетъ тебя. Впрочемъ знаешь ли, не тотъ воръ, кто воруетъ, а тотъ, кто скрыть сворованнаго не умѣетъ.

— Я объ этомъ и хлопочу, чтобы скрыть какъ-нибудь свою голову.

— Слышалъ ли ты, что̀ здѣсь происходитъ?

— Слышалъ немного. Вотъ я слышалъ, что обѣщано тысячу гурушъ за Стояна, который удавилъ одного турка, а другого изъ револьвера застрѣлилъ.

— Гм... чтожъ дѣлать? Съ однимъ случается одно, съ другимъ другое. Впрочемъ не въ томъ дѣло... а въ томъ, что тебѣ надо какъ-нибудь скрыться.

— Зачѣмъ? Развѣ противъ меня есть какое-нибудь подозрѣніе?

— Тебѣ надо скрыться потому, что теперь вс
ваютъ и арестуютъ... Еслибы замѣтили, что ты пр
сколько мѣсяцевъ, то тебѣ не миновать бы тюрьмы.
горячее, надо съ глазъ имъ сойти, потомъ можно буде

— Съ глазъ сойти не трудно, только бы мнѣ д
браться.

— Петра теперь нѣтъ; онъ вернется только чер
дней.

— Что же мнѣ пока дѣлать?

— Прежде всего ложись вотъ тамъ за мѣшкам
я уйду и лавку запру, а черезъ часъ вернусь и пр

Такъ какъ немного оставалось до двѣнадцати ч
ектъ Мокры скоро былъ приведенъ въ исполненіе.
и меньше, чѣмъ черезъ часъ, возвратилась съ узелк
бросила за мѣшки.

— На вотъ, переодѣнься, — сказала она скры
мѣшками,— и ступай домой.

Въ узелкѣ находился полный женскій костюмъ.
удивило молодого человѣка, но онъ, не колеблясь
Мокра повязала ему яшмакъ такимъ образомъ, чт
совершенно исчезли усики, и сказала: „ступай домо
улицѣ не могъ бы догадаться, что въ женскомъ пл
перь тотъ самый человѣкъ, котораго сегодня утромъ
какъ собаку на арканѣ. Никѣмъ неостановленный,
одну, другую, третью, четвертую улицу, повернулъ
кварталъ и вошелъ въ домъ Мокры. У порога жда

— Пойдемъ,—сказала она.

Во второмъ этажѣ дѣвушка остановилась и сказ
„тебя оставлю въ мусафирлыкѣ, а сама постараю
спровадить Иленку, которая только-что ко мнѣ при

— Иленку отъ хаджи Христо?

— Да, дочь хаджи Христо.

— Такъ чѣмъ же она мѣшаетъ? Вѣдь она не

— Ты думаешь?

— Она мнѣ нисколько не мѣшаетъ, напротивъ
меня въ ней; любопытно, узнаетъ ли она меня. Ан
редъ и вскорѣ привела молодого человѣка въ свою к
на диванѣ сидѣла Иленка. Приходъ незнакомой жен
вилъ ее, но былъ не совсѣмъ пріятенъ, такъ какъ
погоревать о тѣхъ условіяхъ, благодаря которымъ
выпущенъ изъ тюрьмы, хотѣлось отвести душу въ
сѣдѣ съ Анкой; поэтому она была недовольна прих

ронняго лица, отодвинулась въ уголъ и сморщилась. Мнимая женщина сѣла съ краю на тотъ же диванъ. Сначала всѣ молчали; наконецъ, Анка, кусая губы, спросила Иленку:

— Кончила ли ты вышивать платки?

— Нѣтъ, я только начала,—сухо отвѣчала Иленка.

— А я начала занавѣски.

— Къ которымъ окнамъ?

— Въ мусафирлыкъ.

— Я тоже думала о занавѣскахъ, но...

— А я думаю вышивать туфли,—заговорила мнимая женщина.

Услышавъ голосъ незнакомой, Иленка вздрогнула. Она всматривалась въ пришедшую женщину, и глаза ея стали выражать удивленіе и ужасъ. Такими глазами смотрятъ на призракъ. Иленка сдвинула брови, сморщила лобъ и, наконецъ, посмотрѣла на Анку, которая отвернулась, зажимая платкомъ ротъ; было очевидно, что она старалась удержаться отъ смѣха. Тогда въ умѣ Иленки мелькнулъ вопросъ, который вдругъ оформился, когда она замѣтила, что изъ-подъ яшмака незнакомой выглянулъ маленькій усикъ.

— А я думала...—начала незнакомая.

— Ахъ!—крикнула Иленка и непроизвольно подалась впередъ.

— А я...—снова начала незнакомая.

— Ты!.. ты!..—перебила Иленка.—Ты... Никола!..

Никола сдвинулъ яшмакъ и хотѣлъ совсѣмъ скинуть его, но Иленка взяла его за обѣ руки и смотрѣла ему въ глаза. Она смотрѣла и лицо ея просіяло радостью, а между тѣмъ слезы текли изъ глазъ.

— Ты... ты...—повторяла она.

— Я думалъ о тебѣ,—сказалъ Никола.

— А развѣ я не думала о тебѣ,—отвѣчала Иленка.—Ахъ, какъ ты хорошо сдѣлалъ, что теперь пришелъ! Она сдѣлала удареніе на словѣ: „теперь“. Такъ мнѣ грустно, такъ мнѣ тяжело. Охъ!..—горевала молодая дѣвушка.

Вѣроятно одежда Николы дѣлала Иленку смѣлѣе. Она подошла къ нему и подала свою руку. Смѣхъ ея, слезы, грусть, все это вмѣстѣ привели Николу въ то состояніе восторга, въ которомъ молодому человѣку хотѣлось бы не говорить, а только смотрѣть, смотрѣть и цѣловать, цѣловать. Никола не зналъ, что именно привело Иленку въ такое состояніе, и причину ея волненія видѣлъ въ своемъ присутствіи; не мудрено поэтому, что чувство его достигло такой напряженности, а благодарность такихъ размѣровъ, что онъ не поколебался бы пойти въ огонь изъ-за этой прелестной дѣвушки, которая была съ нимъ такъ откровенна. Ни-

кола весь горѣлъ, и это отразилось на лицѣ и і
смотрѣлъ на Иленку, держалъ ея руку и молчалъ
потому, что не умѣлъ выразить словами того
испытывалъ въ эту минуту. Онъ переживалъ ч
извѣстное. Прежде Иленка ему очень нравилась,
всѣхъ дѣвушекъ, съ которыми онъ до сихъ пор
она нравилась ему какъ прекрасный, восхитител
но все-таки столь отдаленный предметъ, что об
даже сближеніе становилось невозможнымъ, — е
сближеніемъ тѣхъ думъ, въ которыя Никола был
женъ на берегу Дуная, и благодаря которымъ
лебедя. Иленка, дочь богача хаджи Христо, каз
шенно недоступной. И вотъ, это недоступное
подходитъ къ нему, улыбается, плачетъ, жалуе
умѣ Николы мелькнула мысль: „Чего это она
здѣсь!“ — и онъ сейчасъ же заговорилъ:

— Не грусти... вѣдь я здѣсь... Вотъ я и
Богу, мнѣ удалось уйти отъ черкесовъ, которы
и привели на арканѣ... прямо къ слѣдователю.
хаджи Христо.

— Ты его видѣлъ?..—съ ужасомъ спросила

— Да, видѣлъ; онъ сидѣлъ на диванѣ рядом
беемъ.

— Видѣлъ ли онъ... отецъ мой... тебя?

— Видѣлъ, но не узналъ.

— Ахъ!—вздохнула она.—Онъ не узналъ..
узнала. Но горе тебѣ, еслибы онъ тебя узналъ...
уходи. Не оставайся здѣсь ни минуты... отправля
Погоди только немного—я сбѣгаю домой и прин
дукаты, алмазы, жемчуга, чтобъ тебѣ не исп
чужбинѣ... Погоди немного, я сейчасъ вернусь...-
отняла у Николы свою руку и тотчасъ же вста

Анка была нѣмою свидѣтельницею этой вст
пары. Она смотрѣла на нихъ и угадывала ихъ
этой молодой, намѣревавшейся посвятить себя
наполнилось чувствомъ умиленія и зависти. Он
мать о себѣ, а между тѣмъ думала, и когда И
Анка остановила ее: „не уходи, пожалуйста“.

— Я сейчасъ вернусь,—отвѣчала Иленка.

— Нѣтъ, не уходи.

— Почему?

— Такъ себѣ... не уходи.

Сама она не могла объяснить, почему, а дѣло въ томъ, что ей жаль было потерять изъ виду ту живую картину, которой она любовалась и отъ которой глазъ не могла оторвать: ей хотѣлось смотрѣть, и еще смотрѣть, на эту влюбленную пару.

— Вѣдь его надо поскорѣе переправить въ Румынію,—возразила Иленка, указывая глазами на Николу.

— Петръ пріѣдетъ сегодня или завтра и отправитъ того и другого.

— А пока пріѣдетъ Петръ?

— Не безпокойся... Тамъ, гдѣ скрывается тотъ, найдется мѣсто и для Николы.

— О комъ вы говорите? Кто это тотъ?—спросилъ Никола.

— Стоянъ.

— Стоянъ! — воскликнулъ онъ.

— Тсс... — остановила его Анка и вспомнила о необходимости быть осторожной въ отношеніи къ прислугѣ, а слѣдовательно о необходимости немедленно спрятать Николу въ назначенное для него убѣжище. Она немедленно подошла къ двери, все осмотрѣла, послушала, вернулась и отворила дверь отъ шкафа.

— Иленка...—сказала она, подымая кверху палецъ:—смотри, никому ни слова!

— Анка...—отвѣчала съ упрекомъ Иленка. — Вѣдь ты меня знаешь... Мокра была свидѣтелемъ... Мнѣ бы только хотѣлось вѣрить, что онъ въ безопасномъ мѣстѣ.

— Что̀ же ему можетъ угрожать въ этомъ убѣжищѣ?

— Отецъ мой! — прошептала она.

— Что?..—спросила Анка.

— Отецъ мой знаетъ объ этомъ тайникѣ.

— Такъ что же?.. Неужели онъ донесетъ?

— Господи!—воскликнула дѣвушка съ оттѣнкомъ отчаянія.— Родной мой отецъ! Что-жъ дѣлать... Нѣтъ!..—старалась она убѣдить себя:—отецъ мой не донесетъ... нѣтъ, онъ не донесетъ!

— Вѣдь онъ не знаетъ...—замѣтила Анка.

— Хотя бы зналъ, хотя бы видѣлъ, онъ не донесетъ!

I. У.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОН

въ

ПАРИЖѢ.

Первая половина августа ознаменовалась вт
домъ международныхъ конгрессовъ на всемірно
шихъ быть очень интересными, судя по вопрос
должны были обсуждаться, но далеко не всѣ он
шіяся на нихъ надежды, и по причинамъ, на кото
Прежде всего—главные организаторы конгрес
какихъ видовъ, особенно старались о возмож
ченіи ихъ числа, и достигли они этого крайн
просовъ, которые легко можно было бы обсуждат
были отдѣльные конгрессы для психіатріи, псих
алкоголизма, судебной медицины и для крими
Всѣ эти вопросы до того близки между собо
вольно, такъ сказать, вторгались одинъ въ облас
физическомъ конгрессѣ была секція гипнотизм
шелъ отдѣльный конгрессъ, занимавшійся по
конгрессѣ по вопросамъ объ алкоголизмѣ пр
судебной медициной, а на конгрессѣ криминал
всѣми другими вопросами. Нѣкоторые конгрес
ческій и психо-физическій, общественнаго приз
собирались одновременно; а такъ какъ участв
одни и тѣ же лица, то послѣднимъ приходил
на одныхъ засѣданіяхъ, то на другихъ. Каз
было бы устроить для всѣхъ этихъ вопросовъ
грессъ и раздѣлить его, какъ это всегда дѣ

секцій. На иные конгрессы съѣхалось много иностранцевъ, весьма выдающихся ученыхъ, но французы, разославшіе всѣмъ приглашенія, сами явились въ очень небольшомъ числѣ, и явились даже не первоклассные. На психо-физическомъ конгрессѣ однихъ русскихъ было въ залѣ гораздо больше французовъ. Президентъ, извѣстный профессоръ Шарко, совсѣмъ не явился. То же самое было въ нѣкоторыхъ секціяхъ съѣзда естествоиспытателей. Оправдываться вакаціоннымъ временемъ французы не могутъ, такъ какъ отъ нихъ зависѣло назначеніе сроковъ. Они могли или созвать конгрессы до вакацій, во второй половинѣ іюля, или отложить ихъ до конца сентября. Слѣдствіемъ всѣхъ указанныхъ причинъ было то, что конгрессы шли очень вяло, и очень немногіе представляли дѣйствительный интересъ. Серія началась первымъ международнымъ конгрессомъ по общественному призрѣнію (Assistance publique). На конгрессъ явилось очень много представителей, особенно французовъ. Вопросы, подлежавшіе обсужденію, какъ призрѣніе дѣтей, организація медицинской помощи бѣднымъ, особенно въ деревняхъ,—теперь во Франціи на очереди. Очень недавно—года полтора тому назадъ—при французскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ устроенъ спеціальный департаментъ (direction) для общественнаго призрѣнія, и управленіе этимъ департаментомъ ввѣрено г. Моно (Monod), составившему полную статистику издержекъ всѣхъ французскихъ общинъ для призрѣнія больныхъ, бѣдныхъ и брошенныхъ дѣтей, за 1885 годъ.

Первый вопросъ, предложенный на обсужденіе конгресса, былъ такъ формулированъ: въ какой мѣрѣ общественное призрѣніе должно имѣть обязательный характеръ? По этому поводу г. Моно произнесъ на открытіи конгресса большую рѣчь, озаглавленную: „Общественное призрѣніе во Франціи въ 1889 году“; въ первой части онъ старался установить, что призрѣніе неспособныхъ къ работѣ—такой же общественный долгъ, какъ и народное просвѣщеніе. Старый режимъ до 1789 года смотрѣлъ на послѣднее какъ на милостыню, на добродѣтель, и оно предоставлено было духовенству и великодушію нѣкоторыхъ вельможъ. Реформаторы 1789 года провозгласили принципъ обязательства народнаго образованія, какъ государственной функціи, и въ то же время внесли въ извѣстное „Провозглашеніе правъ“ положеніе—„помощь есть священный долгъ“. Впослѣдствіи взгляды законодателей нѣсколько разъ мѣнялись, и только въ послѣднее время, когда никто не думаетъ оспаривать обязанность государства доставлять народу начальное образованіе, французскіе государственные люди стали заботиться о реформахъ, необходимыхъ и въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія.

Вторая часть рѣчи была посвящена изложенію различныхъ отра-

слей общественнаго призрѣнія во Франціи,—главнымъ о
женію призрѣваемыхъ дѣтей.

Докторъ Реньяръ, докладчикъ по первому вопрос
и бывшій коммунаръ, настаивалъ на необходимости і
зрѣніе обязательнымъ не только въ пользу неспособны
стариковъ, больныхъ и дѣтей,—но и въ пользу здоровы
не имѣющихъ работы. Онъ приводилъ въ примѣръ А
Workhouses [1]) принимаютъ даже людей вполнѣ здоро
ныхъ къ работѣ.

Конгрессъ не согласился на такое широкое прим
ципа обязательства и постановилъ только, что „обще
зрѣніе должно быть закономъ сдѣлано обязательнымъ в
ныхъ, временно или навсегда лишенныхъ физически
добывать себѣ средства къ жизни". Способные же къ
пользоваться помощью, но по отношенію къ нимъ она н

Обсужденіе второго вопроса—„организація медицин
въ деревняхъ"—обнаружило весьма любопытный фак
замѣтить, что во Франціи медицинская помощь въ .
организована въ отдѣльную службу, какъ у насъ, н
медицина—окружные и генеральные совѣты (уѣздныя
земства) этимъ вопросомъ вовсе не занимаются. То
извѣстный филантропъ, сенаторъ, докторъ Руссель, вн
цузскій сенатъ проектъ закона, который долженъ пон
пробѣлъ въ французской санитарной администраціи. Г.
кладчикъ по этому вопросу, сталъ читать свой сенат
какъ будто онъ находился въ сенатской коммиссіи, н
подозрѣвая, что вопросъ, такимъ образомъ, становится
цузскимъ, и что въ большинствѣ, если не во всѣхъ
ныхъ государствахъ, этотъ вопросъ давно рѣшенъ: ме
ская помощь въ деревняхъ давно организована. Чита
долго, и только когда онъ кончилъ, ему пришлось об
все это конгресса не касается, а есть дѣло француз
Тогда рѣшили, что лучше всего будетъ попросить н
представителей конгресса сообщить поочередно, какъ
нахъ организована медицинская помощь.

Мы приводимъ этотъ фактъ потому, что онъ въ
дахъ повторялся и на другихъ конгрессахъ. Многіе
подозрѣваютъ, что въ другихъ странахъ многое лучше ус
у нихъ, и есть много такого, чего у нихъ совсѣмъ нѣ
въ дебатахъ они постоянно стояли на своей исключител

---

[1]) Рабочіе дома для бѣдныхъ. Способные къ работѣ уплачиваютъ своимъ трудомъ въ мастерскихъ заведенія.

точкѣ зрѣнія, и не разъ приходилось призывать ихъ къ интер-
іализаціи, если можно такъ выразиться, вопроса.
ѳогда иностранные представители поочередно изложили органи-
) медицинской помощи въ своихъ странахъ, то оказалось, что
ѣ она устроена весьма удовлетворительно, и что въ Румыніи,
., устроены для очень уединенныхъ деревень походные госпи-
въ которыхъ разъѣзжаетъ по деревнямъ съ докторомъ при-
, снабженная необходимыми медикаментами.
ѳонгрессъ послѣ небольшихъ дебатовъ рѣшилъ, что медицинская
щь, даровая и обязательная, будетъ дана бѣднымъ на дому, въ слу-
невозможности—въ госпиталѣ. Обязательство медицинскаго при-
ія бѣдныхъ падаетъ на общину [1]), какъ на самую меньшую ад-
стративную единицу. Организація этой помощи принадлежитъ
іей административной единицѣ — округу, департаменту (губер-
и она должна быть основана на такихъ началахъ, чтобы бо-
э общины, приходы, департаменты или провинція помогали бѣд-
› нести свои расходы по общественному призрѣнію, и все это
верховнымъ наблюденіемъ государства.
ретій вопросъ—о способахъ воспитанія дѣтей, попадающихъ на
ченіе общественныхъ администрацій, обсуждался на трехъ различ-
› конгрессахъ—и съ точекъ зрѣнія почти сходныхъ. Здѣсь онъ
ждался съ точки зрѣнія чисто воспитательной; спрашивалось,
и какъ помѣщать такихъ дѣтей: брошенныхъ, бродягъ, малень-
преступниковъ? Докладчикъ г. Роллэ, секретарь „французскаго
ства спасенія дѣтей", убѣдилъ конгрессъ принять нѣсколько
ній, клонящихся къ предохраненію дѣтей отъ физической и
ственной порчи. Дѣти должны помѣщаться въ семьи въ дерев-
, причемъ вознагражденіе этимъ семьямъ должно быть вполнѣ
точное, чтобы ихъ заинтересовать въ судьбѣ дѣтей. Надзоръ за
ржаніемъ дѣтей въ означенныхъ семьяхъ слѣдуетъ поручить
творительнымъ дамамъ и медикамъ (это же рѣшено было и на
ническомъ конгрессѣ). Попеченіе о брошенныхъ дѣтяхъ должно
быть возложено на государство въ тѣхъ случаяхъ, когда родители съ ними дурно обращаются (въ этомъ смыслѣ во Франціи очень недавно изданъ законъ, по которому судъ можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишить родителей правъ на ихъ дѣтей). Слѣдуетъ предупредить нравственное паденіе дѣтей честныхъ, но бѣдныхъ людей устройствомъ домовъ, въ которыхъ дѣти могли бы оставаться днемъ,

[1]) Во Франціи общиной называютъ вообще наименьшую административную единицу, каково бы ни было ея населеніе. Парижъ—община въ административномъ отношеніи, также какъ и самая маленькая деревня.

пока родители на работѣ, и устройствомъ сп
дѣтей, трудно поддающихся воспитанію.

Четвертый вопросъ—о методической орган
ности—за недостаткомъ времени обсуждался
какимъ рѣшеніямъ не привелъ. Выяснилось
дѣйствительно безпомощныхъ, дѣйствительно
трудно. Справки, наведенныя англійскими и
творительными обществами (charity organizati
всѣхъ просителей только 30% оказываются д
ными; 17%—мошенники, а 50%—люди, спос
рымъ легко помочь выбраться изъ бѣдности
инструментовъ или обученіемъ, и послѣ нѣ
перестають нуждаться.

Почти одновременно съ вышеописаннымъ
второй международный конгрессъ по вопросамъ
голизму. Открылся онъ очень торжественно, по
извѣстнаго финансиста сенатора Леона Сэ и
дента сената г. Леройе. Участвующихъ въ
было немного, больше всего было бельгійц
поставленный конгрессу—„питейныя заведенія
—подраздѣленъ былъ на *сравнительную стати*
въ различныхъ странахъ, съ тѣмъ, главнымъ
дѣлить отношеніе между увеличеніемъ потреб
преступности и умопомѣшательства,—и на изу
мѣръ для ограниченія числа кабаковъ и для
нымъ вліяніемъ.

Статистика вопроса, какъ то всѣмъ интерес
собрана въ отчетѣ, представленномъ французс
спеціальной коммиссіи сенаторомъ Claude (des
и въ 1884 году г. Миллie, по порученію шве

По этимъ документамъ г. Ивернесъ, завѣ
французскомъ министерствѣ юстиціи, и сос
Самъ докладчикъ признаетъ, что собранныя д
цифры, показывающія, что число преступни
ростетъ съ увеличеніемъ потребленія алкоголя,
доказательны, такъ какъ неизвѣстно, какую
преступности и умопомѣшательства играетъ а
щимъ законодательствамъ, во многихъ страна
замѣчаютъ, совершено ли преступленіе под
Напр., во Франціи пьянство, по закону, не пр

¹) Question de l'alcoolisme. Berne, 1884.

чающее, ни за отягчающее вину обстоятельство, и присяжные хотя и могутъ признать „нетрезвый видъ" за смягчающее обстоятельство, но въ своемъ приговорѣ они объ этомъ не заявляютъ. Почти то же можно сказать о помѣшательствѣ; до сихъ поръ составленныя статистики въ домахъ для умалишенныхъ еще не даютъ возможности судить о числѣ алкоголиковъ между больными.

Одна только Швейцарія произвела разслѣдованіе въ этомъ направленіи, передъ учрежденіемъ государственной монополіи на спиртъ. По распоряженію союзнаго совѣта въ швейцарскихъ тюрьмахъ пересмотрѣли всѣ формулярные списки преступниковъ, и оказалось, что изъ нихъ 40% было пьяницъ (43% мужч. и 23% женщ.). Статистика домовъ для умалишенныхъ показала, что въ нихъ отъ 1877 до 1881 г. было 21% алкоголиковъ мужч. и 3% женщ. Любопытный фактъ представляетъ Норвегія. Тамъ количество потребляемаго спирта уменьшилось довольно быстро за послѣднія 10 лѣтъ, и въ то же время уменьшилось число преступниковъ и умалишенныхъ. Такимъ образомъ, вопросъ на конгрессѣ остался не вполнѣ выясненнымъ.

По вопросу о вліяніи уменьшенія числа кабаковъ на уменьшеніе пьянства вышло полное разногласіе. Такъ какъ большинство бельгійцевъ—у нихъ приходится по одному кабаку на 40 душъ и на 9 взрослыхъ—и французовъ требовало уменьшеніе числа кабаковъ, то гг. Кодерлье (бельгіецъ), Миліе, директоръ швейцарской спиртовой монополіи, и Гартманнъ (французъ) доказывали статистическими данными, что уменьшеніе числа кабаковъ нисколько не уменьшаетъ пьянства. Въ Швейцаріи, напр., по увѣренію г. Милье, въ нѣкоторыхъ кантонахъ уменьшеніе числа кабаковъ сопровождалось усиленіемъ пьянства. Въ окрестностяхъ Берна, гдѣ имѣются 4 кабака на 1.000 жит., пьянство сильнѣе развито, чѣмъ въ окрестностяхъ Цюриха, гдѣ имѣется 12 кабаковъ на 1.000 ж. Во Франціи сокращеніе числа кабаковъ на 5.000 отъ 1878 до 1884 года не помѣшало постоянному росту алкоголизма. Въ Голландіи количество потребленной водки (50% чистаго спирта) на каждую душу не уменьшилось отъ 1881 г., несмотря на то, что число кабаковъ уменьшилось почти на половину (45.000 въ 1881 г. и 26.935 въ 1887 г.; количество же выпитой водки на душу было 9,10 лит. въ 1884, и 9,01 лит. въ 1887 г.); г. Миліе, на основаніи своихъ изслѣдованій утверждаетъ, что алкоголизмъ иногда особенно сильно развитъ тамъ, гдѣ количество кабаковъ наименьшее. По его мнѣнію уменьшеніе числа кабаковъ имѣетъ весьма ограниченное вліяніе на уменьшеніе алкоголизма. Гораздо важнѣе— уничтоженіе мелкихъ заводовъ, существующихъ въ нѣкоторыхъ странахъ, и установленіе извѣстныхъ нравственныхъ условій, которымъ должны бы удовлетворять личность кабатчика и его помѣщеніе.

ое лучшее средство, по мнѣнію г. Миліе, это—
ственной монополіи на спиртъ. Въ Швейцаріи
бленіе алкоголя дошло до 170.000 гектолитровъ
ія монополіи оно упало до 52.000 гектолитров
Представитель „лондонскаго медицинскаго об
ъ Дриздаль, предлагалъ болѣе радикальное ср
алкоголизмомъ, а именно, полное прекращеніе
ъ напитковъ, полученныхъ путемъ броженія, п
хъ обществъ трезвости. Правда, онъ развивалъ
нѣкоторой ироніей, вполнѣ сознавая, что во
странахъ, гдѣ процвѣтаетъ винодѣліе и гдѣ
ь не главнѣйшій источникъ богатства, подобно
да не можетъ имѣть никакихъ шансовъ быть
ру своего мнѣнія онъ привелъ рядъ весьма
къ изъ статистики обществъ страхованія жизни;
въ среднихъ англійскихъ классахъ, средняя
живающихся отъ спиртныхъ напитковъ, на 6
жизни людей, употребляющихъ алкоголь. Так
дней жизни констатирована въ рабочихъ класс
Конгрессъ, несмотря на указанныя выше воз
ніе, чтобы число питейныхъ заведеній было
Третій вопросъ—о легальныхъ средствахъ д
частій: убійствъ, пожаровъ, самоубійствъ, прич
ъ,—обсужденъ былъ весьма обстоятельно и, м
ьшей компетентностью, чѣмъ всѣ остальные; м
сса больше всего было медиковъ и юристовъ, ч
ьшой недостатокъ въ химикахъ.

Докторъ Мотэ изложилъ нѣкоторыя судебно-ме
ніи о преступленіяхъ, совершаемыхъ подъ вліяні
уютъ два рода алкоголизма: *простой*, который
ющихъ случайно, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ
ке, очень часто, по привычкѣ, но у которыхъ н
го отравленія,—и *алкоголизмъ патологическій*, я
омъ постояннаго медленнаго отравленія алког
ющійся у нервныхъ больныхъ даже подъ вліян
хъ количествъ спирта. Послѣдняя форма особ
ъ, отравленный алкоголемъ, теряетъ часть с
ъ этомъ состояніи онъ можетъ, подъ вліяніем
наго и незамѣтнаго импульса, совершить са
пленіе, хотя онъ до этого не подавалъ ник
ости. Д-ръ Мотэ показалъ, въ какомъ затрудни
одятся иногда присяжные или судьи при опр

отвѣтственности алкоголиковъ, такъ какъ патологическій алкоголизмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженъ служить извиненіемъ.

Докладчикъ по вопросу, — заслуженный профессоръ парижскаго юридическаго факультета, г. Дювержэ—разсмотрѣлъ вопросъ съ чисто-юридической точки зрѣнія. Почти во всѣхъ законодательствахъ имѣется очень важный пробѣлъ въ отношеніи алкоголиковъ. Вездѣ и, между прочимъ, во Франціи, алкоголикъ можетъ быть отданъ подъ опеку только по требованію семьи, или когда онъ подаетъ признаки ярости (fureur). А между тѣмъ алкоголикъ всегда опасенъ для общества: онъ ежеминутно можетъ совершить самыя страшныя преступленія, онъ обыкновенно разоряетъ себя и своихъ...

Англійскій законъ (отъ 3-го іюля 1879) позволяетъ пьяницѣ (habitual drunkard, т.-е. человѣкъ, въ нѣкоторые моменты опасный для себя и для другихъ, хотя по закону не сумасшедшій) поступить въ особый домъ, откуда онъ не можетъ выйти раньше срока, означеннаго въ просьбѣ о пріемѣ. Но пьяница самъ долженъ подписать просьбу. Въ Массачузетсѣ (Соед. Штаты), по закону 18-го іюня 1885 г., алкоголикъ можетъ быть помѣщенъ въ домъ для умалишенныхъ, если только у него нѣтъ никакихъ дурныхъ привычекъ, кромѣ пьянства. Онъ можетъ быть освобожденъ только по излеченіи.

Конгрессъ, по настоянію докладчика и извѣстнаго брюссельскаго доктора Petithan, формулировалъ слѣдующія желанія: нужно принять судебныя мѣры, имѣющія цѣлью разрѣшить прокурорской власти отдачу подъ опеку алкоголиковъ, простыхъ, патологическихъ, или хроническихъ, и помѣщеніе ихъ въ спеціальныя заведенія. Освобожденіе ихъ можетъ быть допущено только по желанію медика лечебницы и когда исчезнетъ всякая опасность рецидива. Леченіе должно имѣть характеръ карательный (repressif): паціентъ будетъ принужденъ къ работѣ. Судебная статистика будетъ вестись съ цѣлью показать результаты леченія.

Согласно постановленію брюссельскаго конгресса 1880 г., хроническій алкоголикъ, потерявшій часть своей свободы воли, можетъ, по требованію прокурорскаго надзора, быть отданъ подъ опеку и помѣщенъ въ спеціальную лечебницу.

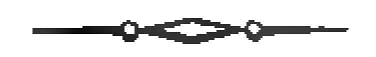
Такія лечебницы существуютъ уже въ Англіи, Америкѣ и Швейцаріи. Ихъ предполагается устроить во всѣхъ странахъ. Алкоголики со средствами сами будутъ платить за леченіе, а бѣдные же будутъ содержаться насчетъ общинъ. Тогда послѣднія, во избѣжаніе издержекъ на лечебницы, сами примутъ мѣры противъ алкоголизма.

Послѣдній вопросъ—о здоровыхъ напиткахъ для низшихъ классовъ и о средствахъ для опредѣленія фальсификаціи—обнаружилъ недостатокъ въ химикахъ между членами конгресса. Одинъ только

предсѣдатель, докторъ Дюжардэнъ-Бомецъ (Dujardin-Be
яснилъ конгрессу положеніе первой части вопроса. Ал
ядовитъ, даже чистый этиловый (винный) спиртъ; но н
менѣе ядовитъ изъ цѣлаго ряда спиртовъ, которые
нимъ такъ-называемый гомологическій рядъ и часто
мѣшаны въ бóльшихъ или меньшихъ дозахъ: въ винно
въ незначительныхъ, а въ хлѣбномъ или картофельномъ
особенно въ послѣднемъ. Кромѣ этихъ спиртовыхъ п
самихъ по себѣ очень ядовитыхъ, въ нечистомъ (хлѣбно
фельномъ) спиртѣ находятся два вещества, еще горазд
ныя, именно: *фурфуралъ* и *пиридинъ*. Минимальныя
веществъ могутъ причинить страшный вредъ организ
кація, или очистка, спирта заключается въ удаленіи в
мѣсей. До послѣдняго времени думали, что виноградны
спирты, особенно первый, вредныхъ примѣсей не за
сравнительно недавно было доказано, что онѣ находя
самомъ чистомъ коньякѣ. Съ другой стороны, алкоголы
ленность дошла до такого совершенства, что самый ск
фельный спиртъ можетъ быть очищенъ до того, что он
чище коньяка [1]). Но въ то же время люди пьющіе
этиловаго спирта не любятъ: въ чистомъ видѣ онъ
они предпочитаютъ прибавлять къ нему вредныя примѣ
Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ Южной Германіи и Ш
спиртъ слишкомъ чистъ, примѣси (Fusel) продаются
народъ ихъ примѣшиваетъ къ спирту.

Въ виду всего этого конгрессъ выразилъ желаніе, ч
возможно больше налоги на алкоголь и чтобы сбавили
кофе, натуральныя вина, на пиво и на сидръ.

Что же до средствъ къ отысканію вредныхъ примѣс
не обсуждались за отсутствіемъ химиковъ. Г. Миліе—
компетентный въ этомъ вопросѣ членъ конгресса—за
что практическихъ средствъ еще нѣтъ, существуютъ то
лабораторныя, требующія много времени.

[1]) Намъ доподлинно извѣстно, что одинъ изъ крупныхъ торгов
изъ самаго города Cognac купилъ въ Парижѣ хорошо очищенный с
женно свободно, послѣ нужной приправы, продаетъ его за чистый
дѣйствительно очень чистъ,—можетъ быть чище коньяка.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября

министративная власть земскихъ начальниковъ.—Отмѣна мірс.
ъ; открытіе крестьянскихъ избирательныхъ съѣздовъ; попеч
гройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ; разсмотрѣ
должностныхъ лицъ.—Порядокъ назначенія и увольненія земск
ковъ.—Правила судопроизводства у земскихъ начальниковъ и г
дей.—Новый отчетъ дворянскаго земельнаго банка.—Статья К. I
цева о семейныхъ участкахъ.—Случай административнаго тѣлесн

Говоря, въ предыдущемъ обозрѣніи, о тѣхъ отдѣла
тельства 12-го іюля, которые касаются судебной части,
прежде всего, на различіе между редакціей законопроект
чательнымъ текстомъ закона. Не вполнѣ тождественны
чальными предположеніями министерства внутреннихъ
постановленія, которыми опредѣляется административная
скаго начальника. Проектъ положенія о земскихъ началь
доставлялъ имъ разборъ жалобъ на незаконные и *непра*
скіе приговоры, съ тѣмъ, чтобы признаніе приговора
влекло за собою его отмѣну и возвращеніе дѣла, для но
трѣнія, въ тотъ же сельскій сходъ, а въ замѣнъ пригово
наго неправильнымъ, постановлялось новое рѣшеніе сами
начальникомъ или съѣздомъ земскихъ начальниковъ. Въ
номъ теперь положеніи о земскихъ начальникахъ мы
вмѣсто этого, слѣдующія правила: „если земскій началь
вѣрится, что приговоръ волостного или сельскаго схода
несогласно съ законами, либо клонится къ явному ущер
общества, либо нарушаетъ *законныя* права отдѣльныхъ
или приписанныхъ къ волости лицъ, то онъ, остановивъ
сего приговора, представляетъ его, вмѣстѣ съ своимъ за
на разсмотрѣніе уѣзднаго съѣзда“ (ст. 31). Такія предст
скаго начальника разрѣшаются съѣздомъ—либо утвержд

отмѣною приговора волостного или сельскаго схода (с
важнѣе здѣсь ограниченіе вмѣшательства земскаго начал
идетъ рѣчь объ отдѣльныхъ членахъ сельскаго обществ
тельно случаями нарушенія *законныхъ* правъ частн
смыслу первоначальнаго законопроекта, не было такого
говора, который бы не могъ быть измѣненъ, въ самом
ществѣ, по усмотрѣнію власти, поставленной надъ к
самоуправленіемъ. Отъ этой власти должно было зави
тельное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ крестьянскаго хоз
чательное регулированіе всѣхъ поземельныхъ отношен
щихъ внутри крестьянской общины. Произволу начальст
подобныхъ случаяхъ, открывался бы просторъ тѣмъ бо
чѣмъ меньше у насъ законовъ, опредѣляющихъ позем
крестьянъ. Законодательная регламентація этого быта,
и видоизмѣнявшагося преимущественно на почвѣ обыча
пока, въ зачаточномъ состояніи; необходимость ея призна
ципѣ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ [1], но еще не п
сколько намъ извѣстно, высшими государственными у
Не мало времени понадобится на собраніе матеріалов
рыхъ нельзя приступить къ столь сложной и трудной
ной работѣ; немало времени потребуетъ и самая работа
щая важнѣйшія стороны русской народной жизни. До о
работы земскій начальникъ, какимъ проектировало его п
министерство внутреннихъ дѣлъ, оказался бы полнов
facto, распорядителемъ отношеній, не всегда для нег
иногда совершенно ему чуждыхъ. Ничто не мѣшало бы
ствоваться, въ своихъ рѣшеніяхъ, не реальными п
крестьянъ, а личными экономическими воззрѣніями, х
шли въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Тенденціознымъ
общиннаго владѣнія, какихъ не мало между дворянами-з
цами, была бы дана полная возможность способствоват
антипатичнаго имъ поземельнаго строя. Не помѣшалъ б
и контроль высшихъ административныхъ инстанцій,
отсутствіе или неполнота положительныхъ законовъ о
точно такъ же, какъ и на низшей; и здѣсь, и тамъ
сподствовало бы „усмотрѣніе", почти ничѣмъ не ограни
дѣло—теперь, когда земскому начальнику и уѣздному с
ставлено только охраненіе *законныхъ* правъ, принадле
намъ сельскаго общества или приписнымъ жителямъ в
ляторомъ дѣятельности вновь учреждаемыхъ властей ста

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 4 „Вѣстн. Европы" за 1888 г.

закона,—а такъ какъ *законовъ*, относящихся къ поземельному быту крестьянъ, немного, то и дѣятельность земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ вводится, этимъ самымъ, въ сравнительно тѣсныя границы. Нѣтъ, напримѣръ, закона, которымъ опредѣлялись бы условія [1]), сроки и порядки земельныхъ передѣловъ, частныхъ и общихъ; нѣтъ, слѣдовательно, возможности нарушенія, приговоромъ о передѣлѣ полевой земли, чьихъ-либо *законныхъ* правъ—а затѣмъ нѣтъ и основанія къ отмѣнѣ приговора. То же самое можно сказать о многихъ другихъ вопросахъ чисто хозяйственнаго свойства—напр. о городьбѣ полей, о пастьбѣ скота, о времени начала полевыхъ работъ и т. п. Возможность отмѣны приговоровъ, нарушающихъ чье-либо *законное* право, разумѣлась бы, въ сущности, сама собою, еслибы даже о ней и не было прямо упомянуто въ ст. 31-ой положенія; она вытекала бы изъ тѣхъ словъ этой статьи, которыя допускаютъ отмѣну приговоровъ, „постановленныхъ несогласно съ законами"... Помимо нарушенія закона, положеніе о земскихъ начальникахъ установляетъ только одинъ поводъ къ отмѣнѣ мірского приговора: признаніе его „клонящимся къ явному ущербу сельскаго общества". Этимъ выраженіемъ, эластичнымъ и неопредѣленнымъ, парализуется, до извѣстной степени, хорошая сторона закона (разсматриваемаго сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ) — но только до извѣстной степени. Гораздо труднѣе установить, что приговоръ угрожаетъ вредомъ цѣлому обществу, чѣмъ признать его неправильнымъ съ точки зрѣнія интересовъ отдѣльнаго лица. Поводъ или предлогъ къ вмѣшательству въ внутреннія дѣла общины можно найти, конечно, и въ настоящей редакціи ст. 31-ой,—но все же она не настолько благопріятствуетъ произволу, насколько поощряла бы его безусловная возможность отмѣны всякаго „неправильнаго" приговора. Не лишено значенія, наконецъ, и то обстоятельство, что ни земскому начальнику, ни уѣздному съѣзду положеніе 12-го іюля не предоставляетъ права постановлять самимъ новыя рѣшенія, въ замѣнъ отмѣняемыхъ приговоровъ сельскаго или волостного схода. Желаніе или намѣреніе крестьянъ, выраженное въ приговорѣ, можетъ остаться неисполненнымъ,—но они не рискуютъ получить къ исполненію, вмѣсто своего собственнаго рѣшенія, другое, прямо противоположное. Такъ напримѣръ, расходъ, предположенный сходомъ на то или другое общеполезное предпріятіе, можетъ не быть утвержденъ, какъ разорительный для сельскаго общества—но нельзя предписать сходу произвести

---

[1]) Мы не говоримъ здѣсь, конечно, о *формальныхъ* условіяхъ дѣйствительности приговора,—напр. объ утвержденіи его двумя-третями всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сельскомъ сходѣ.

тотъ же расходъ на другое предпріятіе (или на тотъ же
но при иныхъ условіяхъ или инымъ способомъ).

Этимъ и ограничивается, съ нашей точки зрѣнія, по
лучшему, внесенная въ постановленія объ административ
земскаго начальника. Земскій начальникъ, какъ и предпо
самаго начала, облеченъ широкою властью по отношенію к
нымъ лицамъ сельскаго и волостного управленія. Онъ м
вергать ихъ, *безъ формальнаго производства* (и, повиди
безъ выслушанія ихъ оправданій), замѣчанію, выговору,
взысканію не свыше пяти рублей и аресту на время не
дней. Сколько разъ и черезъ какіе промежутки времени м
наложено, на одно и то же лицо, каждое изъ этихъ взыск
номъ не опредѣлено. Жаловаться на неправильное при
отвѣтственности должностныя лица крестьянскаго управ
правѣ. Въ какой мѣрѣ все это можетъ способствовать п
лучшихъ людей изъ среды крестьянъ къ общественной с
едва ли требуетъ объясненія... Кромѣ должностныхъ лиц
стративно-карательной власти земскаго начальника под
жители участка, подвѣдомственные крестьянскому общ
управленію (то-есть, кромѣ крестьянъ, всѣ постоянно
селеніяхъ мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые);
подвергать ихъ, также безъ формальнаго производства и
пелляціонно, аресту на время не свыше трехъ дней или
штрафу не свыше шести рублей, но только за неисполн
ныхъ его требованій или распоряженій. Въ первоначально
поводомъ къ наложенію такихъ дисциплинарныхъ взыска
валось, сверхъ того, неповиновеніе должностнымъ лицам
и волостного управленія, причемъ отъ земскаго начал
сѣло замѣнить взысканіе отсылкою виновнаго къ волос
Сочувствуя всякому ограниченію административно-карател
мы не можемъ не замѣтить, однако, что въ данномъ
имѣетъ скорѣе формальное, чѣмъ дѣйствительное значе
правила о волостномъ судѣ, утвержденныя одновременно
ніемъ о земскихъ начальникахъ, признаютъ предписан
начальника однимъ изъ способовъ возбужденія дѣла въ
судѣ, а оскорбленіе должностного лица крестьянскаго уп
однимъ изъ проступковъ, влекущихъ за собою тѣлесное
Земскій начальникъ, склоняющійся въ пользу примѣнен
слѣдней мѣры, можетъ достигнуть цѣли, назвавъ непов
оскорбленіемъ (между обоими понятіями не мало точекъ
венія, особенно для такихъ юристовъ, какъ волостные су
проводивъ дѣло, подъ этимъ наименованіемъ, въ волос

Въ какіе бы предѣлы ни была, впрочемъ, введена административно-карательная власть земскаго начальника, справедливѣе было бы не ограничивать сферу дѣйствія ея одними „лицами, подвѣдомственными крестьянскому управленію". Если административно-карательная власть земскаго начальника дѣйствительно необходима, то ее слѣдовало бы распространить на всѣхъ безъ изъятія жителей участка; освободить отъ нея одну группу, значитъ оставить мѣсто для предположенія, что нѣтъ надобности подчинять ей всѣ остальныя. Мы указывали, въ свое время, на возможность такого случая: купецъ и его приказчикъ-мѣщанинъ явно, на глазахъ у всѣхъ, дѣйствуютъ вопреки законному распоряженію земскаго начальника. Земскій начальникъ удостовѣряется въ этомъ лично и тутъ же арестуетъ приказчика, но останавливается передъ главнымъ виновнымъ — купцомъ, какъ принадлежащимъ къ одному изъ привилегированныхъ сословій, и ограничивается, по отношенію къ нему, составленіемъ протокола, для направленія дѣла къ судебному разбирательству. Намъ кажется, что съ авторитетомъ земскаго начальника такая двойственность въ распоряженіяхъ совмѣстима гораздо меньше, чѣмъ даже совершенное отсутствіе административно-карательной власти.

Въ выборѣ гласныхъ отъ крестьянъ, на сельскихъ избирательныхъ сходахъ, произошелъ, съ нѣкоторыхъ поръ, замѣтный поворотъ къ лучшему; они стали отличаться бо́льшею самостоятельностью, бо́льшею осмысленностью. Способствовало этому, безъ сомнѣнія, распоряженіе сената, въ силу котораго открытіе избирательныхъ сходовъ перешло отъ членовъ уѣзднаго крестьянскаго присутствія къ участковымъ мировымъ судьямъ. Не имѣя никакихъ начальственныхъ отношеній къ крестьянамъ, мировой судья, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не могъ стѣснять свободу дѣйствій избирателей; присутствіе его могло служить только гарантіей законности и порядка, а не источникомъ „совѣтовъ", равносильныхъ приказанію. Положеніе 12-го іюля знаменуетъ собою, съ этой точки зрѣнія, поворотъ назадъ, тѣмъ болѣе существенный, чѣмъ шире власть земскаго начальника сравнительно съ властью нынѣшняго крестьянскаго присутствія. Правда, примѣчаніе къ ст. 19 запрещаетъ выбирать земскаго начальника въ гласные отъ тѣхъ сельскихъ сходовъ, которые собираются въ предѣлахъ его участка; но этимъ устраняется только одно изъ возможныхъ проявленій его вліянія и нисколько не предупреждаются всѣ остальныя. При той зависимости отъ земскаго начальника, въ которую поставлены и должностныя лица крестьянскаго управленія (почти всегда находящіяся въ числѣ выборщиковъ и играющія между ними болѣе или менѣе видную роль), и всѣ вообще крестьяне, достаточно было бы, весьма часто, и простого „внушенія издалека",

чтобы предрѣшить результатъ выборовъ; еще труднѣе,
детъ устоять противъ личнаго, непосредственнаго возд
могущей власти. Земскій начальникъ, по отношенію к
сельскимъ избирательнымъ съѣздамъ, можетъ стать чѣмъ
того, чѣмъ былъ въ Англіи, до парламентской реформ
лордъ или иной крупный землевладѣлецъ—по отношені
„гнилому мѣстечку" (rotten borough). Гласные отъ кре
гутъ обратиться въ избранниковъ (nominees) земскаго
послушныхъ его слову, подающихъ голосъ вмѣстѣ съ н
его указанію. Уменьшить, до извѣстной степени, эти
могло бы только признаніе должности земскаго начал
вмѣстной съ званіемъ гласнаго [1]); но положеніе 12-го
признаетъ за земскимъ начальникомъ право быть изб
гласные, какъ отъ землевладѣльцевъ, такъ и отъ непод
ныхъ ему (т.-е. собирающихся не въ его участкѣ) кр
сходовъ. Ничто не мѣшаетъ, такимъ образомъ, обмѣну
бору одного земскаго начальника крестьянами, подчине
гому, и vice versa. Хорошо еще, еслибы группа гласных
руководимая своимъ земскимъ начальникомъ, могла най
вѣсъ въ другой такой же группѣ; но на это трудно р
въ виду солидарности, которая, безъ сомнѣнія, будетъ с
между земскими начальниками, а также въ виду под
уѣздному предводителю дворянства—предсѣдателю земска
Представимъ себѣ, теперь, земское собраніе преобразов
образованное въ смыслѣ законопроекта, уже извѣстнаго
нашего журнала [2]); прибавимъ къ сомкнутому строю гл
рянъ послушный отрядъ гласныхъ-крестьянъ, избранны
дворянами земскими начальниками. Многимъ ли *такое*
браніе отличалось бы отъ дворянскаго, и не проще ли бы
признать дворянъ единственными, вмѣстѣ съ администра
вами уѣзда?.. А между тѣмъ въ самомъ текстѣ закона 1
трудно найти указаніе на близость реформы, направлен
безсословнаго земства. Положеніе о земскихъ учрежденія
только о *гласныхъ отъ сельскихъ обществъ*; оно не знает
отъ *крестьянскаго сословія*—и это очень понятно, потому чт
личные землевладѣльцы, обладающіе достаточнымъ имущ

---

[1]) Въ пользу такой несовмѣстности говоритъ, между прочимъ, и
ство, что земскіе начальники облечены (при отсутствіи на мѣстѣ ч
полицейскою властью, представители которой, съ самаго введенія в
скихъ учрежденій, не подлежатъ избранію въ гласные.

[2]) См. въ № 3 „Вѣстника Европы" за 1888 г. статью подъ загла
воду реформы земскихъ учрежденій".

цензомъ, входятъ въ составъ не крестьянскихъ, а землевладѣльческихъ избирательныхъ съѣздовъ. Выраженіе ст. 44 положенія о земскихъ начальникахъ: „земскій начальникъ открываетъ избирательные сельскіе съѣзды, для избранія гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія *отъ крестьянскаго сословія*"—примѣнимо, слѣдовательно, не къ настоящему, а къ предполагаемому земскому строю; наступленіе послѣдняго считается настолько несомнѣннымъ, что именно съ нимъ, а не съ дѣйствующимъ порядкомъ вещей, согласуется терминологія новаго закона.

Статья 39 положенія 12-го іюля возлагаетъ на земскаго начальника попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ ввѣреннаго ему участка, по предметамъ вѣдомства сельскихъ и волостныхъ сходовъ, указаннымъ въ пун. 8 и 16 ст. 51 и въ пун. 2 и 3 ст. 78 общаго положенія о крестьянахъ. Сюда относится, между прочимъ, призрѣніе больныхъ и бѣдныхъ, обученіе грамотѣ, обезпеченіе народнаго продовольствія—однимъ словомъ, важнѣйшія отрасли крестьянскаго самоуправленія. Самая важность этихъ вопросовъ требовала бы болѣе точнаго опредѣленія той роли, которая можетъ и должна принадлежать, по отношенію къ нимъ, земскому начальнику. Это было бы тѣмъ болѣе необходимо, что дѣятельность земскаго начальника можетъ встрѣтиться здѣсь—или столкнуться—съ постановленіями земскаго собранія и распоряженіями земской управы. Представимъ себѣ, напримѣръ, такой случай: земское собраніе опредѣляетъ, что въ такой-то мѣстности можетъ быть открыта земская школа, если крестьяне отведутъ для нея удобное помѣщеніе и возьмутъ на свой счетъ отопленіе школы и содержаніе школьнаго сторожа. Сельскій сходъ постановляетъ приговоръ, которымъ принимаетъ эти условія и ассигнуетъ назначенную земствомъ сумму. Можетъ ли земскій начальникъ наложить свое veto на исполненіе этого приговора и потребовать отъ общества, чтобы оно открыло у себя, съ затратою той же суммы, не земскую, а церковно-приходскую школу или школу грамотности? Мы старались уже доказать, что такого права не даетъ земскому начальнику ст. 31 положенія, установляющая предѣлы вмѣшательства его въ крестьянское самоуправленіе; но не принадлежитъ ли оно ему въ силу ст. 39? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. „Попеченіе" не равносильно приказанію. Оно не идетъ дальше совѣтовъ, увѣщаній, напоминаній; оно уполномочиваетъ требовать *разсмотрѣнія* вопроса, но не *разрѣшенія* его въ заранѣе предопредѣленномъ смыслѣ. Нужно надѣяться, что именно такъ и будетъ истолкована, на практикѣ, статья 39 положенія о земскихъ начальникахъ

Недостаточно яснымъ слѣдуетъ признать еще одно правило но-

ваго закона. „Жалобы на должностныхъ лицъ волостн
управленія“—сказано въ ст. 28—„разрѣшаются земск
комъ собственною властью. Въ тѣхъ случаяхъ, когда
дѣйствіе является слѣдствіемъ требованія уѣздной пол
слѣдователя или другихъ установленныхъ властей,
ихъ вѣдомства (общ. полож. о крест. ст. 63 и 85), зе
никъ увѣдомляетъ о послѣдовавшемъ по жалобѣ ра
должностное лицо или установленіе, по требованію в
шено обжалованное дѣйствіе“. Съ перваго взгляда мож
что эта статья уполномочиваетъ земскаго начальника
поряженія подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ, ко
основаны на законномъ требованіи административной
власти; сопоставляя ст. 28 съ ст. 62, можно даже пой
и усмотрѣть въ исполненіи такого требованія возможн
дисциплинарной отвѣтственности исполнителя. Мы ду
что подобное пониманіе закона было бы совершенно
Это видно уже изъ самаго текста ст. 63 и 85 общаг
крестьянахъ, на которыя сдѣлана ссылка въ приведенн
новаго закона. Ст. 63 обязываетъ сельскаго старост
словному исполненію всѣхъ законныхъ требованій пол
теля и другихъ установленныхъ властей; ст. 85 возлаг
занность на волостного старшину. О неисполненіи за
ванія не можетъ, поэтому, быть и рѣчи, равно как
ственности за его исполненіе. Жалобы, предусмотрѣн
ложенія о земскихъ начальникахъ, не могутъ касатьс
какъ *способа* исполненія требованія. Самое законное
жетъ быть исполнено съ нарушеніемъ закона или п
нужнымъ и ничѣмъ не оправдываемымъ отягощеніемъ
Именно на это—и только на это—и можно жаловать
чальнику. Предоставлять ему разрѣшеніе вопроса о з
бованія, предъявленнаго установленною властью, ед
потому что это значило бы дѣлать его судьею надъ
или должностными лицами, вовсе ему не подчиненн
домственными. Нельзя, точно также, возлагать на не
распоряженій, не отъ него исходящихъ; оно можетъ б
тою властью, которою заявлено требованіе. Недоста
ключается въ томъ, что она не дѣлаетъ различія меж
жалобѣ. Осторожнѣе было бы оговорить, что земск
приносятся жалобы на *неправильное исполненіе*, должн
крестьянскаго управленія, законныхъ требованій, пред
нимъ установленными властями. Это устранило бы н
буждаемыя редакціею ст. 28, и позволило бы освоб

начальниковъ отъ обязанности увѣдомлять лицо или мѣсто, которымъ предъявлено было требованіе, о результатахъ жалобы, принесенной на исполнителей требованія. Для полиціи, какъ и для судебнаго слѣдователя, нѣтъ надобности знать, что волостной старшина, которому порученъ былъ приводъ обвиняемаго, нанесъ ему при этомъ личное оскорбленіе или напрасно напугалъ его домашнихъ. Совершенно достаточно, если объ этомъ дошло до свѣденія земскаго начальника и виновный подвергнутъ надлежащей отвѣтственности.

Непосредственно надъ земскими начальниками стоитъ уѣздный съѣздъ, раздѣленный на два присутствія: административное и судебное. Составъ судебнаго присутствія, какъ мы уже знаемъ, отличается разнообразіемъ, гарантирующимъ, до извѣстной степени, правильность его рѣшеній. Рядомъ съ земскими начальниками и предводителемъ дворянства засѣдаютъ здѣсь городскіе судьи, назначенные министромъ юстиціи, и почетные мировые судьи, избранные земскимъ собраніемъ. Другое дѣло—составъ административнаго присутствія, соединяющаго въ себѣ, подъ предсѣдательствомъ предводителя, только земскихъ начальниковъ, исправника и предсѣдателя уѣздной земской управы [1]). Однородность этого состава, едва нарушаемая, и то лишь впредь до земской реформы, предсѣдателемъ уѣздной управы, значительно уменьшаетъ шансы безпристрастнаго отношенія къ дѣйствіямъ или заключеніямъ земскаго начальника. Между тѣмъ, по многимъ административнымъ дѣламъ уѣздному съѣзду принадлежитъ послѣднее, рѣшительное слово. Отъ него зависитъ, напримѣръ, окончательное разрѣшеніе представленій земскаго начальника, клонящихся къ отмѣнѣ мірскихъ приговоровъ; на постановленія съѣзда по этому предмету нельзя жаловаться губернскому присутствію. Что касается до губернскаго присутствія, то изъ всѣхъ постановленій его по дѣламъ административнымъ обжалованію въ сенатъ подлежатъ только тѣ, которыя относятся къ поземельному устройству сельскихъ обывателей. Изъ-подъ контроля сената дѣятельность новыхъ учрежденій изъята, такимъ образомъ, почти совершенно.

Надзоромъ земскій начальникъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Ревизовать его дѣлопроизводство имѣютъ право уѣздный предводитель дворянства, губернское присутствіе и губернаторъ; „руководительство“ его дѣйствіями принадлежитъ губернскому присутствію и губернатору; губернское присутствіе наблюдаетъ за успѣшнымъ исполненіемъ обязанностей, на немъ лежащихъ, а губернаторъ „даетъ ему указанія къ примѣненію закона“. Избытокъ надзора равноси-

[1]) При разборѣ дѣлъ, относящихся до взиманія казенныхъ сборовъ разнаго рода и до отбыванія денежныхъ повинностей, въ засѣданіяхъ административнаго присутствія участвуетъ, сверхъ того (съ правомъ голоса), податной инспекторъ.

ленъ иногда его недостатку. Одно наблюдающее учр
гается на другое, и наоборотъ; раздѣленная обязаı
няется слабо, именно потому, что она раздѣлена—и на
дится, въ концѣ концовъ, почти къ нулю. Для дѣят
троля губернское присутствіе слишкомъ отдалено отъ
чальниковъ и располагаетъ слишкомъ незначительным
составъ его входятъ, за исключеніемъ двухъ непремѣнн
все люди обремененные другими занятіями [1])—а непре
не могутъ проводить все свое время въ разъѣздахъ по
тому что должны участвовать въ засѣданіяхъ присутст
вать его дѣлопроизводствомъ. Необходимо прибавить,
значенія въ непремѣнные члены требуются тѣ же самыя
и для назначенія въ земскіе начальники. Нѣтъ, слѣдо
какого основанія предполагать, что ревизующіе буд
бóльшими знаніями и бóльшею опытностью, чѣмъ ревиз
преимущество, при назначеніи въ непремѣнные члены,
писываетъ отдавать лицамъ, прослужившимъ въ той же
менѣе трехъ лѣтъ, въ должностяхъ предводителя двор
мѣннаго члена губернскаго или уѣзднаго по крестьян
присутствія, мирового посредника или мирового суды
этому условію будутъ соотвѣтствовать и многіе земскі
Большой ли гарантіей опытности представляется, пр
лѣтняя служба, особенно въ должности предводител
при исполненіи которой количество работы регулирова
поръ, исключительно усмотрѣніемъ и доброй волей? Не
тить, наконецъ, что *преимущество*, о которомъ гово
весьма легко можетъ оказаться мнимымъ. Стоитъ то
тору и губернскому предводителю дворянства [3]) согласи
что выше кандидатовъ, имѣющихъ за собою трехлѣтн
одной изъ названныхъ должностей, должны быть п
умственнымъ или нравственнымъ свойствамъ, другія ли
мѣстныхъ дворянъ—и назначеніе послѣднихъ дѣлаетс

---

[1]) Въ составъ губернскаго присутствія входятъ, при разрѣшен
стративныхъ, губернаторъ, вице-губернаторъ, губернскій предводи
управляющіе казенною палатою и государственными имуществами, п
ного суда, предсѣдатель губернской земской управы и два непремѣ

[2]) Это требованіе закона не имѣетъ силы въ первые четыре год
въ дѣйствіе новыхъ узаконеній; другими словами, въ этотъ періодъ
выбора непремѣнныхъ членовъ рѣшительно ничѣмъ не отличаются
бора земскихъ начальниковъ.

[3]) Непремѣнные члены губернскаго присутствія избираются гу
совѣщаніи съ губернскимъ предводителемъ дворянства, и утверждаю
Высочайшимъ приказомъ по министерству внутреннихъ дѣлъ.

мнѣннымъ. Губернаторъ и губернскій предводитель дворянства—довѣренныя лица министерства внутреннихъ дѣлъ; на комъ они оба единодушно остановились, тотъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, и будетъ утвержденъ въ должности. Это не можетъ быть иначе, потому что въ вопросахъ личныхъ центральное учрежденіе по необходимости должно полагаться на своихъ мѣстныхъ представителей. Оно слишкомъ далеко отъ данной мѣстности, чтобы повѣрять правильность выбора между кандидатами. Даже въ случаѣ разногласія между губернаторомъ и предводителемъ, рѣшеніе министра будетъ зависѣть не столько отъ собственнаго его мнѣнія о кандидатахъ, сколько отъ степени довѣрія къ тѣмъ, кто ихъ рекомендуетъ, или отъ формальной убѣдительности доводовъ, представленныхъ въ пользу и противъ каждаго изъ кандидатовъ.

Сказанное нами о выборѣ непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія примѣнимо, mutatis mutandis, и къ выбору земскихъ начальниковъ. Безусловно-обязательными условіями этого выбора являются двадцатипятилѣтній возрастъ и принадлежность къ потомственному дворянству (прежде предполагалось допускать въ земскіе начальники и личныхъ дворянъ). Преимущественное право на избраніе имѣютъ, затѣмъ, тѣ изъ мѣстныхъ дворянъ, которые окончили курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній имперіи, или выдержали соотвѣтственное испытаніе, или же прослужили въ губерніи не менѣе трехъ лѣтъ въ должности мирового посредника, мирового судьи или непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія, если они сами, жены или родители ихъ владѣютъ въ предѣлахъ уѣзда, на правахъ собственности, пространствомъ земли не менѣе половины того, которое опредѣлено для непосредственнаго участія въ избраніи гласныхъ, или другимъ недвижимымъ имуществомъ цѣною не менѣе 7.500 рублей. Къ той же категоріи кандидатовъ отнесены и бывшіе предводители дворянства, прослужившіе въ этой должности, въ предѣлахъ губерніи, не менѣе трехъ лѣтъ, хотя бы они и не принадлежали болѣе къ числу мѣстныхъ землевладѣльцевъ. При недостаткѣ лицъ, входящихъ въ составъ первой категоріи, выборъ въ земскіе начальники производится изъ второй категоріи кандидатовъ, къ которой отнесены: 1) мѣстные дворяне, окончившіе курсъ въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній имперіи, или выдержавшіе соотвѣтственное испытаніе, и состоящіе въ военныхъ или гражданскихъ классныхъ чинахъ, если они сами, жены или родители ихъ владѣютъ въ предѣлахъ уѣзда, на правѣ собственности, пространствомъ земли вдвое бóльшимъ противъ требуемаго отъ кандидатовъ первой категоріи, или недвижимымъ имуществомъ цѣною не менѣе 15 тысячъ рублей, и 2) мѣстные дворяне, имѣющіе въ предѣлахъ

уѣзда хотя бы только усадьбу, если они по образов
служебному цензу подходятъ подъ условія, установлен
вой категоріи. Всѣ кандидаты, къ какой бы категорі
надлежали, вносятся въ одинъ и тотъ же списокъ, сос
каждому уѣзду, мѣстнымъ предводителемъ дворянств
списка губернаторъ, по совѣщаніи съ губернскимъ и у
водителями дворянства, избираетъ на каждую вакант
земскаго начальника по одному кандидату, а въ слу
ности пополнить, такимъ образомъ, все требуемое числ
производитъ выборъ недостающаго числа изъ списков
довъ той же губерніи. Объ избранныхъ, на этомъ осн
датахъ губернаторъ представляетъ министру внутрен
приложеніемъ мнѣній предводителей дворянства, съ ко
наторъ не согласился. Министръ внутреннихъ дѣлъ ут
должности тѣхъ изъ числа избранныхъ губернаторомъ
женныхъ предводителями кандидатовъ, къ назначенію
скими начальниками онъ, министръ, не встрѣтитъ пре
министръ не найдетъ возможнымъ утвердить кого-ли
ставленныхъ кандидатовъ, то предлагаетъ губернатору
же порядкомъ, другое лицо.

По смыслу изложенныхъ нами постановленій, канд
категоріи имѣютъ передъ кандидатами второй катег
щество весьма условное, ничѣмъ не отличающееся отъ
ромъ мы говорили по поводу выбора непремѣнныхъ чл
скаго присутствія. Другими словами, возможность назн
датовъ второй категоріи наступаетъ не только тогда,
лицо достаточнаго числа кандидатовъ первой категорі
принять на себя должность земскаго начальника; о
каждый разъ, когда губернаторъ, по совѣщаніи съ пр
отдастъ предпочтеніе кандидату второго разряда. За
буетъ отъ губернатора, чтобы онъ объяснялъ причины
почтенія. Если и допустить, что пробѣлъ закона буде
въ этомъ отношеніи, инструкціей министра внутрен
положеніе дѣлъ существенно отъ того не перемѣнитс
уже, что господствующая роль въ выборѣ должностных
бѣжно будетъ принадлежать губернатору, въ особен
гласіи его съ предводителями дворянства. Рѣшитель
дѣленіе на категоріи можетъ, слѣдовательно, и не имѣ
обоихъ разрядовъ могутъ слиться, de facto, въ одно цѣ
можетъ производиться почти безразлично между тѣм
Мы не возразили бы противъ этого ни слова, еслибы к
горіи были отнесены *только* лица съ небольшимъ иму

высокимъ образовательнымъ цензомъ; но рядомъ съ ними поставлы лица съ сравнительно-крупнымъ имущественнымъ и сравнильно-низкимъ образовательнымъ цензомъ. Между этими послѣдними ідется, быть можетъ, больше всего желающихъ поступить въ земе начальники—и на ихъ сторону весьма легко можетъ склониться рекомендація предводителей, и выборъ губернатора. Чѣмъ ниже разовательный цензъ, тѣмъ больше, говоря вообще, расположеніе систематической защитѣ сословныхъ интересовъ, тѣмъ больше и товность подчиняться „руководительству", принимать безпрекословно казанія къ примѣненію закона"... Съ этой точки зрѣнія нельзя не калѣть и о томъ, что съ высшимъ образованіемъ уравнена краткоменная служба въ должностяхъ, для занятія которыхъ не безувно требуется даже среднее образованіе.

О неудобствахъ порядка, установленнаго для назначенія на должть земскаго начальника, мы подробно говорили еще тогда, когда немъ въ первый разъ появились извѣстія въ печати [1]). Противки *избранія* на должность указываютъ обыкновенно на то, что иратели руководствуются не столько достоинствами и заслугами ираемаго, сколько симпатіями или антипатіями, разсчетами, личми видами. Едвали можно утверждать, что предводители дворяна—въ особенности уѣздный, котораго назначеніе земскихъ начальковъ касается гораздо ближе,—не подчинятся, при рекомендаціи ндидатовъ, ни одному изъ этихъ вліяній. Гораздо вѣроятнѣе, что і будутъ къ нимъ весьма чувствительны. Уѣздный предводитель, качествѣ мѣстнаго жителя, близокъ къ однимъ, равнодушенъ къ тимъ, враждебенъ къ третьимъ; онъ имѣетъ связи, дѣла, родню-зей, можетъ, наконецъ, имѣть надобность въ томъ или другомъ скомъ начальникѣ. Ему предстоитъ засѣдать вмѣстѣ съ ними въ номъ присутствіи; отсюда новое побужденіе желать, чтобы они были ди его „партіи". Выборамъ, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, предствуютъ толки, споры; права кандидатовъ сравниваются между ою, взвѣшиваются, контролируются. Ничего подобнаго рекомен, ція одного или двухъ лицъ, совершающаяся въ тиши кабинета, представляетъ. Здѣсь также происходитъ *выборъ*, со всѣми его чайностями и увлеченіями, но безъ гарантій, которыми обставю настоящее избраніе. Что касается до *назначенія*, то хорошія стороны—независимость отъ мѣстныхъ вліяній, разнообразіе источковъ, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣденія о назначаемыхъ,—чительно уменьшаются „рекомендаціей", хотя и необязательной

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 5 „Вѣстника Европы" за 1887 г.

для назначающаго, но позволяющей ему обойтись безъ всесторонней повѣрки правъ каждаго отдѣльнаго кандидата. Съ избраніемъ, какъ и съ назначеніемъ, сопряжена извѣстная доля нравственной, а иногда и юридической отвѣтственности. При комбинаціи назначенія и избранія отвѣтственность раздѣляется, и это раздѣленіе можетъ сдѣлать ее почти неуловимой. Рекомендующій можетъ разсуждать такъ:—мое дѣло—дать указанія, намѣтить кандидатовъ; окончательное рѣшеніе принадлежитъ не мнѣ, я за него не отвѣчаю. Другой участникъ совѣщанія можетъ возразить на это:—я вѣрилъ рекомендаціи, я не имѣлъ возможности лично убѣдиться въ ея правильности; если я ошибся, виноватъ тотъ, кто ввелъ меня въ заблужденіе. Въ глазахъ населенія главная тяжесть отвѣтственности будетъ ложиться, вѣроятно, на представителя центральной администраціи—но это не уничтожитъ значенія приведенной нами отговорки, въ особенности если отъ губернаторовъ будутъ требовать и ожидать возможно бо́льшаго единодушія съ представителями дворянства.

Въ пользу назначеній, вытекающихъ изъ „совѣщанія" губернатора съ предводителями дворянства, приводятъ обыкновенно одинъ памятный историческій прецедентъ: назначеніе мировыхъ посредниковъ. Едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что способомъ назначенія мировыхъ посредниковъ успѣшная ихъ дѣятельность обусловливалась всего меньше. Она зависѣла отъ особыхъ обстоятельствъ эпохи, не имѣющей ничего общаго съ настоящимъ временемъ; когда обстоятельства измѣнились, измѣнилось, весьма быстро и весьма радикально, и значеніе должности посредника... Какъ бы то ни было, способъ назначенія отнюдь не болѣе важенъ, чѣмъ способъ увольненія— а въ отношеніи къ послѣднему земскіе начальники поставлены совершенно иначе, чѣмъ мировые посредники. Мирового посредника могъ удалить отъ должности только сенатъ, а увольненіе земскихъ начальниковъ предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ. Входить съ представленіемъ объ увольненіи земскаго начальника губернское присутствіе можетъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если земскій начальникъ, несмотря на взысканія, которымъ подвергался по постановленіямъ присутствія за упущенія по службѣ, обнаруживаетъ явное нерадѣніе или неспособность къ успѣшному исполненію возложенныхъ на него закономъ служебныхъ обязанностей, и 2) если земскій начальникъ дозволитъ себѣ, внѣ службы, такіе противн нравственности или предосудительные поступки, которые хотя и имѣли послѣдствіемъ привлеченія его къ уголовной отвѣтственност но, будучи несовмѣстны съ достоинствомъ его званія и получи огласку, лишаютъ совершившаго ихъ земскаго начальника необх

димыхъ для сего званія довѣрія и уваженія [1]). Представленія присутствія разсматриваются въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ, вмѣстѣ съ объясненіями обвиняемаго, и затѣмъ либо утверждаются министромъ, либо оставляются, по его распоряженію, безъ послѣдствій. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что вопросъ объ увольненіи земскаго начальника можетъ быть доведенъ до министра и губернаторомъ, вопреки мнѣнію губернскаго присутствія. Это явствуетъ изъ сопоставленія ст. 66, предоставляющей губернатору предлагать на обсужденіе губернскаго присутствія, *для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ*, случаи уклоненія земскаго начальника отъ правильнаго исполненія служебныхъ обязанностей, съ ст. 128, дозволяющею губернатору останавливать, при наличности особенно важныхъ обстоятельствъ, исполненіе постановленій губернскаго присутствія и представлять ихъ на разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Этимъ правомъ губернаторъ можетъ, очевидно, воспользоваться и по отношенію къ такому постановленію присутствія, которымъ земскій начальникъ признанъ неподлежащимъ увольненію отъ должности. А между тѣмъ представленіе объ увольненіи земскаго начальника — все равно, идетъ ли оно отъ губернскаго присутствія, или отъ губернатора,— въ самыхъ рѣдкихъ развѣ случаяхъ встрѣтитъ отпоръ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Разъ что земскіе начальники обязаны дѣйствовать подъ „руководительствомъ" и по указаніямъ губернатора, трудно требовать отъ послѣдняго, чтобы онъ продолжалъ имѣть дѣло съ должностнымъ лицомъ, объ увольненіи котораго онъ представлялъ министерству... Поводы къ увольненію опредѣлены закономъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя открываютъ широкій просторъ „усмотрѣнію" губернскаго присутствія и губернатора. „Предосудительнымъ", напримѣръ, можетъ быть найдено установленіе, въ собственномъ имѣніи земскаго начальника, такой системы хозяйства, льготность которой для крестьянъ возбуждаетъ неудовольствіе сосѣднихъ дворянъ-землевладѣльцевъ; „неспособнымъ къ успѣшному исполненію служебныхъ обязанностей" можетъ быть признанъ тотъ, кто считаетъ долгомъ дѣйствовать на крестьянъ не столько страхомъ, сколько убѣжденіемъ, и неохотно пользуется своею административно-карательною властью.

Два вопроса законодательство 12 іюля оставило открытыми: устройство мирового суда въ большихъ губернскихъ городахъ и порядокъ судопроизводства у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей. Министру юстиціи предоставлено сообразить, не оказывается ли возмож-

[1]) Другіе поводы къ увольненію земскаго начальника—присужденіе къ уголовному наказанію, несостоятельность, личное задержаніе за долги—не требуютъ особаго разбора.

нымъ сохранить въ большихъ губернскихъ городахъ существующія тамъ мировыя судебныя установленія, на основаніяхъ, опредѣленныхъ судебными уставами императора Александра II. Нѣкоторыя городскія думы—напр. саратовская и казанская—высказались уже за сохраненіе выборнаго мирового суда. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ихъ примѣру послѣдовали бы всѣ или почти всѣ города имперіи, большіе или небольшіе, еслибы имъ была дана возможность высказаться по этому предмету. Что касается до порядка судопроизводства въ новыхъ учрежденіяхъ, созданныхъ законами 12 іюля, то составленіе правилъ, одинаковыхъ для земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, возложено, какъ мы уже знаемъ, на министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ; срокомъ окончанія этой работы назначено 1-е октября. Мы слышали, что первоначальный ея набросокъ, составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, вовсе не похожъ на проектъ правилъ о судопроизводствѣ у земскихъ начальниковъ, внесенный въ государственный совѣтъ бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ началѣ 1887 г. и взятый назадъ весной слѣдующаго года. Сущность этого послѣдняго проекта была подробно разобрана нами въ свое время [1]); стоитъ только припомнить главныя его черты, чтобы понять, во что́ рисковалъ обратиться, при его дѣйствіи, судебный процессъ по маловажнымъ дѣламъ, гражданскимъ и уголовнымъ. Проектъ 1887 г. возвращался къ старому порядку „собиранія справокъ", составлявшему одну изъ язвъ до-реформеннаго судопроизводства; въ довершеніе бѣды, онъ предоставлялъ земскому начальнику возлагать эту функцію на урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ, на волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, не обязывая его лично повѣрять ихъ дѣйствія. Тяжущимся, обвинителямъ и обвиняемымъ запрещалось присылать вмѣсто себя профессіональнаго адвоката, къ явному ущербу для людей мало развитыхъ, не умѣющихъ объясняться на судѣ. Землевладѣльцу, въ особенности крупному, всегда удалось бы найти между своими „служащими" человѣка, способнаго разыграть роль адвоката—но далеко не въ такомъ положеніи очутился бы крестьянинъ, вынужденный избрать представителемъ своимъ на судѣ одного изъ своихъ родственниковъ или односельцевъ. Въ области уголовнаго процесса первоначальный проектъ создавалъ такъ-называемое „распорядительное разбирательство", уполномочивая земскаго начальника разрѣшать дѣло безъ вызова обвиняемаго, простымъ „приказомъ". Право тяжущихся и обвиняемыхъ просить объ отмѣнѣ рѣшеній предполагалось подвергнуть весьма существеннымъ ограниченіямъ. О всѣхъ этихъ нововведеніяхъ болѣе чѣмъ сомнительнаго—

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 2 „Вѣстника Европы" за 1888 г.

или, лучше сказать, вовсе не сомнительнаго—свойства, въ новомъ проектѣ, какъ мы слышали, нѣтъ и рѣчи. „Собиранія справокъ" онъ не возстановляетъ, сохраняя лишь за земскимъ начальникомъ или городскимъ судьею принадлежащее и теперь мировымъ судьямъ право указывать сторонамъ на необходимость дополненія или разъясненія тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Участіе адвокатовъ, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, онъ разрѣшаетъ, уполномочивая уѣздные съѣзды, по примѣру съѣздовъ мировыхъ, выдавать свидѣтельство на право веденія чужихъ дѣлъ. Ничего подобнаго „распорядительному разбирательству" и „приказамъ" о наказаніи проектъ не вводитъ. Обжалованіе рѣшеній, какъ въ апелляціонномъ, такъ и въ кассаціонномъ порядкѣ, допускается проектомъ на тѣхъ же, приблизительно основаніяхъ, какъ и судебными уставами. Единственнымъ важнымъ пунктомъ, по которому проектъ расходится съ дѣйствующимъ судопроизводствомъ, слѣдуетъ признать уничтоженіе заочныхъ рѣшеній, замѣняемыхъ до извѣстной степени дозволеніемъ сторонѣ, отсутствовавшей при разбирательствѣ, переносить дѣло въ высшую инстанцію даже и въ такомъ случаѣ, если оно, по общимъ правиламъ, не подлежитъ апелляціи. Намъ кажется, что новый проектъ даже слишкомъ консервативенъ, удерживая, безъ измѣненія, такія постановленія судебныхъ уставовъ, неудобство которыхъ, для дѣлъ маловажныхъ, давно доказано на практикѣ (таково, напримѣръ, запрещеніе опровергать свидѣтельскими показаніями содержаніе документовъ, установленнымъ порядкомъ совершонныхъ или засвидѣтельствованныхъ). Во всякомъ случаѣ эта крайность гораздо лучше той, въ которую впадалъ прежній проектъ судопроизводства у земскихъ начальниковъ. Мы не ошиблись, предположивъ, что процессуальныя правила, одинаковыя для земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, не могутъ разойтись слишкомъ далеко съ основными началами судебныхъ уставовъ. Спрашивается, однако, во что̀ обратились всѣ филиппики противъ этихъ уставовъ, ознаменовавшія собою болѣе ранній фазисъ судебно-административной реформы? Однимъ изъ главныхъ аргументовъ въ пользу этой реформы служили тогда мнимые недостатки процесса, созданнаго законодательствомъ 1864 г. Насъ увѣряли, что въ рукахъ судебныхъ учрежденій отправленіе правосудія по дѣламъ маловажнымъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ соотвѣтствовать потребностямъ сельскаго населенія. Въ лицѣ земскаго начальника намъ обѣщали судъ бытовой, народный, руководящійся преимущественно существомъ дѣла и требованіями справедливости. Земскому начальнику предоставлялось пользоваться судебными полномочіями, не будучи и не чувствуя себя судьею; разсмотрѣніе гражданскихъ исковъ и уголовныхъ дѣлъ должно было обратиться,

подъ его руками, въ нѣчто своеобразное, соверше
обыкновеннаго судебнаго разбирательства. Всѣ з
исчезли безслѣдно; пригодными для сельскаго насе
теперь тѣ же процессуальныя формы, какъ и для
обвиненія, взведеннаго на одинъ изъ важнѣйшихъ от
уставовъ, отказались безмолвно сами обвинители. П
вовъ, относящіяся къ судопроизводству у мировых
ваются теперь въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (
„драгоцѣнныхъ"; по выраженію московской газеты
народное сознаніе то довѣріе къ правосудію, котор
лись прежнія судебныя инстанціи". Замѣтимъ эти
они заключаютъ въ себѣ признаніе, рѣзко идуще
обычными діатрибами реакціонной печати.

Если земскіе начальники и городскіе судьи бу
ваться тѣми же процессуальными правилами, какъ
то это еще не значитъ, что судъ земскихъ нача
скихъ судей будетъ, въ сущности, тѣмъ же *миров*
явно парадоксальный тезисъ поддерживаетъ теперь
ціонная газета, увѣряя, что все различіе между м
и ихъ преемниками сводится къ способу опредѣле
первые избирались, послѣдніе будутъ назначаться.
о томъ, что это различіе весьма существенное;
тѣмъ, далеко не единственное. По своему полож
призванію, по мѣсту, которое они занимали въ
ственной іерархіи, мировые судьи были именно
судьями. Они не имѣли другой власти, кромѣ суде
ководства, кромѣ закона и сенатскихъ рѣшеній; они
дѣйствія—или за свое бездѣйствіе—только перед
судъ могъ удалить ихъ отъ должности раньше ис
который они были выбраны; рѣшенія ихъ могли б
измѣнены только судомъ. Сознавая себя членами
раціи, они невольно проникались ея духомъ и жил
Избираемые всѣми сословіями, они не чувствовали
лидарными съ однимъ изъ нихъ. Земскіе начальни
нистративною властью, пріемы и задачи которой в
противоположны пріемамъ и задачамъ суда. Они по
представителю администраціи—губернатору, и от
указанія къ примѣненію закона. Они отвѣтственны
стративнымъ учрежденіемъ—губернскимъ присутстві
ленію котораго они во всякое время могутъ быть у
ности министромъ внутреннихъ дѣлъ. Рекомендуемы
дворянства и принадлежа къ числу мѣстныхъ пот

рянъ, они не могутъ упускать изъ виду интересы своего сословія. Если въ ихъ средѣ и могутъ возникнуть какія-либо традиціи, то ужъ конечно не имѣющія ничего общаго съ судебными. Нѣсколько иначе поставлены городскіе судьи—но и они сохраняютъ свою должность только пока это угодно министру, и они отдѣлены отъ судебной корпораціи. На рѣшенія городскихъ судей, какъ и на рѣшенія земскихъ начальниковъ, жалобы приносятся не суду, а смѣшанному присутствію, въ которомъ преобладаетъ элементъ административный. Въ качествѣ кассаціонной инстанціи надъ тѣми и другими стоитъ губернское присутствіе, почти совершенно чуждое судебнаго элемента. Въ виду всего этого, усилія реакціонной газеты доказать право новыхъ учрежденій на имя „мирового суда" убѣждаютъ насъ только въ одномъ: не такъ же плохъ былъ мировой судъ, созданный уставами 1864 г., если самые ожесточенные его враги не находятъ теперь болѣе почетнаго названія для излюбленныхъ ими порядковъ.

Къ числу самыхъ печальныхъ зрѣлищъ нашего времени принадлежитъ погоня за льготами и снисхожденіями всякаго рода, идущая изъ среды заемщиковъ дворянскаго земельнаго банка и встрѣчающая поддержку со стороны нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній. Чтобы составить себѣ понятіе о свойствахъ этой погони, достаточно замѣтить, что она не находитъ сочувствія даже въ реакціонной печати. За однимъ только исключеніемъ, газеты, преданныя дворянскимъ интересамъ, не считаютъ возможнымъ защищать домогательства, одинаково противныя закону, справедливости и здравому смыслу. Положить имъ конецъ могло бы только обнародованіе и строгое примѣненіе правилъ о порядкѣ взысканія просроченныхъ платежей, причитающихся по ссудамъ дворянскаго банка. Если вѣрить слухамъ, эти правила окончательно утверждены уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; тѣмъ больше можно пожалѣть, что они до сихъ поръ еще не введены въ дѣйствіе. Что отъ отсутствія ихъ страдаютъ, прежде всего, сами неисправные плательщики, допускающіе все бо̀льшее и бо̀льшее накопленіе недоимокъ—это признаютъ даже „Московскія Вѣдомости". А между тѣмъ задолженность дворянскаго землевладѣнія ростетъ непрерывно; каждый новый отчетъ дворянскаго банка [1]) приноситъ свѣденія о новыхъ сотняхъ имѣній, прежде не состоявшихъ въ залогѣ, а теперь обремененныхъ долгомъ дворянскому банку. Въ 1888 г. подъ такія имѣнія, пространствомъ въ $291^1/_2$ тысячи десятинъ, выдано 632 ссуды, на сумму свыше $7^3/_4$ милліоновъ рублей. Уменьшилась только средняя

[1]) Недавно вышелъ въ свѣтъ отчетъ банка за 1888 г.

цифра ссуды, причитающаяся на каждую, прежде необ
логомъ десятину: въ 1887 г. она составляла 28 р
1888 г.—22 рубля 18 копѣекъ. Для имѣній, прежде
залогѣ, переходъ въ дворянскій банкъ продолжаетъ
нымъ съ значительнымъ увеличеніемъ задолженности
по 6 руб. 95 коп., въ 1888 г.—по 6 руб. 68 коп. на
эти данныя, вмѣстѣ съ постояннымъ ростомъ недои
1888 г. составлявшихъ уже болѣе ¼ всѣхъ срочныхъ
ставляютъ сомнѣваться въ томъ, сослужилъ ли дв
ожидавшуюся отъ него службу дворянскому землевла
мнѣніе высказывается, между прочимъ, и К. П. Побѣд
статьѣ, помѣщенной имъ въ № 9 „Русскаго Вѣстни
участки"). „Къ несчастью,—говоритъ онъ,—учрежде
банка, направленное по основной мысли своей къ п
зяйствъ и къ охраненію имѣній отъ продажи посред
на дѣлѣ едва ли не привело къ противоположной цѣл
ямъ несостоятельнымъ или оскудѣлымъ новый удобны
жать безъ разсчета на погашеніе долга изъ доходовъ им
послѣднихъ словахъ, безспорно справедливыхъ, закл
на то, какихъ условій дѣятельности долженъ держаты
дворянскій банкъ. Обращеніе къ нему должно сдѣлат
нымъ, менѣе выгоднымъ для тѣхъ, кто не имѣетъ в
ное погашеніе долга. Другими словами, дворянскій
быть болѣе осмотрителенъ въ выдачѣ ссудъ—и неукл
въ ихъ взысканіи (конечно, когда оно будетъ регулир
Рѣже, напримѣръ, должны быть выдаваемы ссуды свы
(въ 1887 г. ихъ было 139, на сумму 6.394.500 рубле
60, на сумму 3.429.200 рублей; но отношеніе къ общ
и къ общей ихъ суммѣ въ обоихъ случаяхъ почти
рѣже слѣдуетъ обращаться къ спеціальной оцѣнк
средняя цифра ссуды на каждую десятину значител
при нормальной. Въ 1888 г. она составляла при спе
32 руб. 76 коп., при нормальной—25 руб. 64 коп.; а
спеціальной оцѣнкѣ выдано ⅔ всей суммы ссудъ.

Мы только-что упомянули о статьѣ г. Побѣдонос
участки". Основная мысль этой статьи—необходимос
чрезмѣрное раздробленіе поземельной собственности
денія неприкосновенныхъ и нераздѣльныхъ семейны
не можетъ быть названа новой; но нѣкоторые аргум
ные въ ея защиту, заслуживаютъ полнаго вниманія, с
положенія, занимаемаго авторомъ статьи. Въ газета
тѣнковъ было уже указано на то, что авторъ не раз

пренебреженія къ земству; высказываясь за отмѣну ст. 165 положенія о выкупѣ (разрѣшающей, подъ условіемъ взноса выкупной суммы, выдѣлъ отдѣльныхъ участковъ въ полную собственность домохозяевъ), онъ напоминаетъ, что честь возбужденія этого вопроса принадлежитъ земскимъ собраніямъ. Еще замѣчательнѣе отношеніе автора къ ходатайствамъ дворянскихъ собраній, усматривающихъ якорь спасенія для дворянскаго землевладѣнія въ устройствѣ маіоратовъ. По мнѣнію г. Побѣдоносцева, въ этихъ ходатайствахъ не принята въ соображеніе исторія, не приняты въ соображеніе примѣры западно-европейскаго (и сѣверо-американскаго) законодательства; они имѣли исключительно дворянскій характеръ, и именно потому были встрѣчены неблагопріятными отзывами печати (прибавимъ отъ себя—далеко не всей; въ печати специфически-дворянской они были приняты весьма сочувственно). Дѣйствительной потребностью авторъ признаетъ „охраненіе не крупныхъ имѣній, а мелкаго землевладѣнія, т.-е. нормальнаго размѣра хозяйственной дачи съ усадьбою". Именно въ этомъ заключается рѣзкое, существенно-важное различіе между предложеніемъ г. Побѣдоносцева и дворянскими „прожектами", о которыхъ мы говорили года два тому назадъ [1]). Составители прожектовъ —напр. гг. Баратынскій и Вл. Г.—также ссылались на сѣверо-американскіе недѣлимые участки, но рекомендовали нѣчто совершенно иное — маіораты въ 1.200-2.500 или въ 500-2.000 десятинъ. Въ сѣверо-американскихъ штатахъ максимальный размѣръ недѣлимаго участка составляетъ двѣсти акровъ (около 75 десятинъ); нѣчто въ этомъ родѣ, очевидно, подразумѣваетъ и г. Побѣдоносцевъ, говоря объ охраненіи *мелкаго* землевладѣнія, „по типу, выработанному для себя Сѣверной Америкой въ формѣ Homestead". Редакція „Русскаго Вѣстника" едва ли правильно поняла мысль автора, истолковавъ ее, въ подстрочномъ примѣчаніи, въ смыслѣ охраны „не *безусловно мелкой* поземельной собственности, а мелкой *относительно очень крупныхъ владѣній*, т.-е., строго говоря, *помѣстій средней величины*". Мелкое землевладѣніе обратилось здѣсь, par un tour de passe-passe, въ среднее; съ семидесяти-пяти десятинъ (или, пожалуй, со ста, такъ какъ эта цифра считается у насъ, обыкновенно, предѣльной для мелкаго землевладѣнія) размѣръ недѣлимыхъ семейныхъ участковъ поднялся внезапно до 400-500. Намъ кажется, что примѣчаніе редакціи не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ намѣреніемъ автора, стоящаго именно за охрану *мелкой* поземельной собственности.

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 12 „Вѣстника Европы" за 1887 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го октября 1889.

Политическое положеніе Франціи.—Парламентскіе выборы 10 (22) сентября и ихъ значеніе.—Причины неустойчивости французскихъ палатъ.—Буланжизмъ и франко-русскія отношенія.—Политическія партіи въ Англіи и недавнія рабочія стачки.—Возвращеніе королевы Наталіи въ Бѣлградъ.

Нельзя отрицать, что значительная перемѣна произошла за последніе мѣсяцы въ тонѣ нѣмецкой и вообще европейской печати относительно Франціи. Снисходительное высокомѣріе, еще недавно столь обычное въ газетныхъ отзывахъ о французскомъ народѣ, должно было исчезнуть подъ вліяніемъ поразительнаго блеска парижской выставки. Притягательная сила Парижа никогда еще не выражалась такъ ярко и эффектно; французская столица сдѣлалась сборнымъ пунктомъ не только для европейцевъ, но и для представителей другихъ частей свѣта. Благодаря множеству научныхъ и промышленныхъ конгрессовъ, одновременно засѣдавшихъ въ Парижѣ, послѣдній занялъ,—по крайней мѣрѣ, на время,—положеніе дѣйствительнаго культурнаго и умственнаго центра Европы. Даже самыя патріотическія изъ нѣмецкихъ газетъ должны были удѣлять больше мѣста описаніямъ парижскихъ съѣздовъ и торжествъ, въ связи съ хроникою всемірной выставки. Каждому бросается въ глаза этотъ контрастъ между богатствомъ матеріала, доставляемаго жизнью Франціи, и однообразіемъ впечатлѣній, которыя даетъ современникамъ политическая жизнь германской имперіи. Въ то время какъ въ Германіи важнѣйшими событіями дня считаются разъѣзды высокопоставленныхъ лицъ, военные маневры и тосты, во Франціи общее вниманіе поглощается живою политическою борьбою, затрогивающею первостепенные вопросы и интересы государственнаго быта. Что эта непрерывная внутренняя борьба не мѣшаетъ свободному развитію народнаго труда и творчества въ области культуры и промышленности, объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ всемірная выставка, устройство которой совпадало съ періодомъ сильнѣйшей буланжистской агитаціи. Общественное мнѣніе Европы невольно прониклось сознаніемъ, что передовое мѣсто, занимаемое французами среди культурныхъ націй, не зависитъ ни отъ внутреннихъ счетовъ политическихъ партій, ни отъ внѣшнихъ международныхъ обстоятельствъ настоящей

эпохи. Такъ какъ уваженіе къ врагу есть залогъ миролюбія, то косвеннымъ послѣдствіемъ великаго успѣха парижской выставки, можетъ быть, будетъ болѣе мирное настроеніе нѣмецкой оффиціозной печати и правительственныхъ сферъ Германіи.

Парламентскіе выборы, происходившіе во Франціи 10-го (22-го) сентября, разрѣшили собою долгій политическій кризисъ, тяготѣвшій надъ республиканскимъ правительствомъ и казавшійся даже роковымъ для республики. Различныя оппозиціонныя партіи, отъ реакціонеровъ-монархистовъ до радикаловъ-буланжистовъ, сплотились во-едино для дружнаго натиска противъ существующаго порядка, подъ общимъ неопредѣленнымъ знаменемъ „ревизіи", т.-е. пересмотра конституціи. Орлеанисты забыли свою вражду къ бонапартистамъ и снизошли до совмѣстнаго дѣйствія съ революціонерами, подчиняющимися руководству генерала Буланже; клерикалы поддерживали анархистовъ, которые въ свою очередь подавали голоса за клерикаловъ, съ единственною цѣлью добиться низверженія нынѣшней парламентской республики. Такой рѣшительной и старательно организованной аттакѣ подвергалась республика только при президентствѣ Макъ-Магона, при министерствахъ герцога де-Брольи и де-Фурту; но тогда дѣйствовали одни лишь монархисты, имѣя противъ себя всѣ соединенныя силы республиканцевъ, между тѣмъ какъ теперь оппозиціонное движеніе не имѣетъ уже спеціально-монархическаго или клерикальнаго характера и обнимаетъ значительную часть народа, увлеченнаго буланжизмомъ. Союзъ съ буланжистами и со всѣми вообще противниками республики рекомендованъ былъ консерваторамъ въ манифестѣ графа Парижскаго, отъ 28-го (16-го) августа; еще откровеннѣе дѣйствовали въ томъ же духѣ бонапартисты, изъ которыхъ многіе выступили передъ избирателями въ новомъ качествѣ буланжистовъ или „ревизіонистовъ". Всѣ оттѣнки недовольства смѣшались въ массѣ населенія, подъ разлагающимъ дѣйствіемъ буланжизма. Избирательная борьба велась съ горячностью, какой не запомнятъ французскіе политическіе дѣятели. Никогда еще свобода мнѣній и споровъ не проявлялась въ такихъ ожесточенныхъ формахъ, какъ нынѣ. Дѣло шло не о простомъ обновленіи палаты депутатовъ, а о самой судьбѣ республики. Буланжисты громко и рѣзко заявляли, что установленному парламентскому режиму насталъ конецъ; главный предводитель этой шумной кампаніи съ увѣренностью ожидалъ побѣды и готовился къ скорому тріумфальному возвращенію изъ Лондона. Повидимому, приговоръ верховнаго суда, лишившій Буланже гражданскихъ правъ, нисколько не смутилъ его приверженцевъ и не уменьшилъ ихъ числа; вѣрные сподвижники и агенты его продолжали свою дѣятельность, какъ ни въ чемъ не бывало, и обнаруживали удивительную подвиж-

ность, смѣлость и энергію. Популярность осужденнаго генерала сохранила свою силу въ рядахъ реакціонеровъ; надежда на торжество при его содѣйствіи и подъ его знаменемъ не ослабѣвала до самаго дня выборовъ. Иллюзія неминуемаго успѣха неустанно поддерживалась значительною частью журналистики, циническимъ самохвальствомъ буланжистскихъ газетъ и безпокойными предположеніями и опасеніями умѣренной республиканской печати.

Выборы 22-го сентября, съ которыхъ должна была начаться новая эра „честной и открытой для всѣхъ республики", не оправдали ожиданій людей, строившихъ свои разсчеты на успѣхѣ предпріятія Буланже. Изъ общаго числа 573 избирательныхъ округовъ, какъ извѣстно уже изъ газетъ, только 393 дали окончательный результатъ; въ остальныхъ 180 предстояла перебаллотировка черезъ двѣ недѣли, 6 октября (н. ст.). Избрано сразу республиканцевъ—232, а оппозиціонныхъ кандидатовъ—161, въ томъ числѣ 86 роялистовъ, 53 бонапартиста и 22 буланжиста. Если принять въ разсчетъ вѣроятные результаты перебаллотировокъ, то республиканское большинство въ будущей палатѣ составитъ приблизительно 369 голосовъ противъ 204 оппозиціонныхъ. Такимъ образомъ, жестокій штурмъ, предпринятый врагами республики, не привелъ, повидимому, къ предположенной цѣли: власть останется въ республиканскихъ рукахъ, а генералъ Буланже останется въ Лондонѣ; его же великая „національная партія" останется небольшою парламентскою группою, способною тормазить дѣятельность палаты и устраивать скандальныя сцены, но она не окажетъ серьезнаго положительнаго вліянія на политическія судьбы страны. Настоящіе выборы слѣдуетъ признать болѣе удачными для республиканцевъ, чѣмъ выборы 1885 года, давшіе послѣднюю палату. Консерваторовъ было тогда избрано сразу около 200—гораздо больше, чѣмъ республиканцевъ; перебаллотировокъ было 268, изъ которыхъ значительное большинство состоялось въ пользу республики, и общее число избранныхъ республиканцевъ доведено было до 391, противъ 205 консерваторовъ. Радикальная Франція, руководимая Клемансо, выросла тогда до размѣровъ крупной парламентской силы, въ составѣ около полутораста членовъ; теперь она сократилась болѣе чѣмъ на половину. Число роялистовъ въ новой палатѣ явится также въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ въ 1885 году; выиграли только бонапартисты и умѣренные республиканцы. Наконецъ, къ прежни партіямъ прибавилась вновь образовавшаяся буланжистская групп насчитывавшая въ бывшей палатѣ около пятнадцати членовъ; тепе она составитъ весьма замѣтную, тѣсно сплоченную фракцію, въ чис болѣе тридцати человѣкъ. Если оставить въ сторонѣ первоначальн претензію буланжистовъ на господство въ будущей палатѣ и

овладѣніе правительственною властью, то необходимо признать, что буланжизмъ достигъ наибольшихъ успѣховъ во время послѣднихъ выборовъ. Въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Франціи буланжисты одержали несомнѣнную нравственную побѣду. Въ 26 парижскихъ округахъ (изъ общаго числа 42) они стояли во главѣ списковъ по числу полученныхъ голосовъ, а въ десяти—они были вторыми; сверхъ республиканца Бриссона, всѣ первые выборные представители столицы—буланжисты (Лагерръ, Эженъ Фарси, Сенъ-Мартенъ, мэръ Сенъ-Дениса Ревестъ и, наконецъ, самъ Буланже). Такой видный республиканскій дѣятель, какъ Флоке́, не могъ быть выбранъ сразу, благодаря соперничеству съ нимъ малоизвѣстнаго буланжистскаго журналиста, сотрудника газеты „France", Люсьена Нико̀. Бывшій министръ Гоблѐ побѣжденъ въ своемъ округѣ, въ Амьенѣ, однимъ изъ странствующихъ друзей Буланже, посредственнымъ публицистомъ Мильвуа. Знаменитый Жюль Ферри вытѣсненъ изъ своего обычнаго вогезскаго округа (въ Санъ-Діе́) какимъ-то бывшимъ офицеромъ, буланжистомъ Пико́. Деруледъ и графъ Дильонъ, извѣстные по своимъ близкимъ отношеніямъ съ Буланже, выбраны въ депутаты, тогда какъ министръ внутреннихъ дѣлъ Констанъ, наиболѣе энергичный противникъ и гонитель буланжизма, долженъ былъ подвергнуться перебаллотировкѣ въ Тулузѣ, чтобы одолѣть буланжиста Сузини. Вожди радикаловъ, Клемансо́, Пелльтанъ, Эдуардъ Локруа, не получили также надлежащаго числа голосовъ и должны были ждать вторичныхъ выборовъ, 6 октября. Редакторъ самаго беззастѣнчиваго изъ буланжистскихъ листковъ, „Cocarde", ничтожный Мермѐ, очутился во главѣ избранныхъ кандидатовъ въ одномъ изъ округовъ Парижа. Кастелянъ, секретарь редакціи той-же „Cocarde", выбранъ депутатомъ въ провинціи. Эти разнообразные дѣятели, мелкіе и ничтожные сами по себѣ, быстро сдѣлали себѣ политическую карьеру подъ прикрытіемъ имени Буланже; они имѣютъ всѣ основанія торжествовать, и ихъ личными удачами вполнѣ объясняются побѣдные клики ихъ въ печати. Партія, которая однимъ своимъ именемъ доставляла успѣхъ ничтожнымъ людямъ въ борьбѣ съ корифеями господствующихъ парламентскихъ группъ, имѣетъ безспорное право приписывать себѣ нравственную побѣду и можетъ быть вполнѣ довольною народнымъ голосованіемъ.

Такимъ образомъ, общій результатъ выборовъ благопріятенъ для республики, но частные успѣхи буланжизма, выразившіеся особенно въ пораженіи Ферри и въ неудачахъ Клемансо и его единомышленниковъ, наносятъ чувствительный ударъ правительству и обѣщаютъ много неудобствъ и столкновеній въ будущемъ. Очевидно, большинство французскаго населенія пожелало дать урокъ оппортунистамъ и радика-

ламъ, безъ ущерба для существующихъ республиканскихъ учрежденій. Нѣкоторыя умѣренныя газеты, какъ напримѣръ „Temps", объясняютъ неудачу Жюля Ферри исключительно тою безпощадною систематическою травлею, которой онъ подвергался въ теченіе послѣднихъ лѣтъ со стороны буланжистовъ и радикаловъ; но и буланжисты въ свою очередь могутъ сослаться на столь же сильную травлю, предметомъ которой былъ Буланже, и которая, однако, не помѣшала ему и его сторонникамъ достигнуть избранія въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ. Имя Ферри сдѣлалось синонимомъ оффиціальной лживости и фальши, и трудно отрицать, что онъ самъ создалъ себѣ эту репутацію своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ въ вопросахъ внѣшней политики. Французская публика не можетъ простить ему двухъ обстоятельствъ,—во-первыхъ, стараній замаскировать передъ общественнымъ мнѣніемъ произвольную предпріимчивость относительно Тонкина и Китая и, во-вторыхъ, готовности пользоваться услугами князя Бисмарка въ международныхъ дѣлахъ. Гораздо больше лживыхъ заявленій и безтактностей дѣлалъ Буланже, но ему все прощается, пока онъ находится въ оппозиціи, и пока его поступки не имѣютъ важныхъ практическихъ послѣдствій. Крайняя непопулярность Жюля Ферри есть безповоротный фактъ, съ которымъ должны были бы примириться оппортунисты, и отсутствіе лица, способнаго замѣнить его въ руководительствѣ умѣренною республиканскою партіею, служитъ для нея источникомъ слабости, которая увеличивается еще вслѣдствіе упорныхъ и безнадежныхъ попытокъ возстановить его право на общественныя симпатіи.

Одна существенная черта характеризуетъ будущую французскую палату депутатовъ: это именно наплывъ большого количества новыхъ людей на мѣсто прежнихъ парламентскихъ дѣятелей, утратившихъ довѣріе публики. Почти половина всего числа избранниковъ 22-го сентября состоитъ изъ лицъ, впервые выступающихъ на политическое поприще; больше ста прежнихъ депутатовъ добровольно ушло со сцены, до начала избирательной кампаніи. Въ этомъ осужденіи старой палаты, съ ея безсиліемъ и неспособностью, и въ исканіи новыхъ людей на смѣну прежнихъ заключается главный внутренній смыслъ послѣднихъ выборовъ. Избиратели произнесли свой приговоръ и надъ двуличною правительственною политикою, олицетворяемой Жюлемъ Ферри, и надъ безсодержательнымъ радикализмомъ Клемансо и Флоке, и надъ мелкими честолюбіями, раздѣлявшими республиканское большинство и дѣлавшими столь неустойчивымъ и непрочнымъ весь политическій бытъ Франціи. Сравнительный успѣхъ буланжизма на выборахъ имѣетъ прежде всего значеніе протеста противъ палаты 1885 года и порожденныхъ ею порядковъ, ибо никто такъ рѣзко и

шумно не возставалъ противъ этой палаты, какъ Буланже и его приверженцы, настоятельно требовавшіе ея распущенія задолго до истеченія срока ея полномочій. Избраніемъ значительнаго большинства республиканцевъ въ новомъ составѣ страна высказалась за-одно и противъ преувеличенныхъ притязаній буланжистовъ, и противъ требованій пересмотра конституціи въ духѣ консервативныхъ и радикальныхъ партій. Но оппозиціонное меньшинство будетъ настолько сильно въ новой палатѣ, что потребность въ болѣе спокойномъ и правильномъ ходѣ политической жизни можетъ остаться еще безъ удовлетворенія. Въ народѣ до сихъ поръ существуетъ разладъ относительно вопроса о формѣ правленія; замѣтная часть высшихъ общественныхъ слоевъ все еще не теряетъ надежды на возстановленіе монархіи въ томъ или другомъ видѣ. Существованіе этого разлада въ народѣ неизбѣжно отражается и въ народномъ представительствѣ; недостающее единство мнѣній по кореннымъ вопросамъ государственнаго строя не можетъ быть создано искусственно при помощи какихъ-либо конституціонныхъ перемѣнъ. При всякой формѣ правленія, допускающей народное участіе въ общественныхъ дѣлахъ,—а другія формы немыслимы въ современной Франціи,—элементъ внутренняго разлада сохранитъ свою полную силу, хотя онъ можетъ быть временно заглушенъ внѣшнимъ правительственнымъ гнетомъ, какъ при Наполеонѣ III, или исключительными обстоятельствами, какъ напримѣръ войною. Въ странѣ, разъединенной смѣнявшимися политическими системами и порядками, единство мнѣній можетъ быть только результатомъ долгой общественной работы, превышающей жизнь одного поколѣнія. Являясь лишь вѣрнымъ отраженіемъ существующихъ въ обществѣ направленій и симпатій, народное представительство столь же мало отвѣтственно за упорныя общественныя разногласія, какъ зеркало — за недостатки отражающихся въ немъ предметовъ. Поэтому нельзя винить парламентаризмъ за неустойчивость политической жизни во Франціи: для того, чтобы выборныя палаты были устойчивы, необходимо, чтобы само общество было устойчиво въ своихъ воззрѣніяхъ и чувствахъ.

Въ одномъ лишь замѣчается твердое единство и послѣдовательность французскихъ избирателей,—въ неизмѣнномъ желаніи международнаго мира, въ уклоненіи отъ всякой предпріимчивой и рискованной внѣшней политики. Въ этомъ сходятся всѣ партіи; даже горячій Дерулэдъ, предводитель лиги патріотовъ, отодвигаетъ идею возмездія въ туманную даль и довольствуется программою миролюбія, соединеннаго съ достоинствомъ. Для французовъ пріятно и удобно разсчитывать на дружбу Россіи; но эта дружба, прочно вошедшая у нихъ въ общественное сознаніе, нужна имъ не для воин-

ственныхъ предпріятій, а для надежной охраны на с
нихъ усложненій и замѣшательствъ, которыя могли бы г
ціи со стороны Германіи. Во время послѣдней избирател
въ спорахъ и заявленіяхъ кандидатовъ и поддержив
журналистовъ, не разъ упоминалось и имя Россіи; меж
буланжистъ Франсисъ Лоръ хотѣлъ увѣрить избирате
что русское правительство сочувствуетъ будто бы генера
и что франко-русскій союзъ можетъ состояться тольк
торжества буланжистской партіи. Одинъ изъ пребываю
рижѣ русскихъ публицистовъ счелъ даже нужнымъ на
„Figaro" подробный протестъ противъ такого злоупотреб
тетомъ Россіи, причемъ пустился въ объясненія объ ист
ствахъ и взглядахъ нашего правительства, конечно, без
то уполномочія. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя разъясн
предстояла въ нихъ надобность, могли бы быть дѣлаемы
отъ имени мѣстнаго дипломатическаго представителя
тесты и заявленія частныхъ лицъ имѣютъ въ такихъ
больше вѣса, чѣмъ тѣ манифестаціи, противъ которыхъ
лены. Въ сущности французы не настолько наивны, чтоб
свѣденія о намѣреніяхъ и воззрѣніяхъ русскаго прави
збирательныхъ воззваній какого-нибудь безцеремоннаго
въ родѣ Франсиса Лора. Притомъ мысль о формальном
союзнаго трактата съ Россіею едва ли способна соблазнит
ное мнѣніе во Франціи, такъ какъ всякій понимаетъ,
сдѣлка съ цѣлью союза была бы вѣроятнымъ предисловіем
а прочный миръ одинаково желателенъ французамъ вс

Засѣданія англійской палаты общинъ закрыты 30-го а
ною тронною рѣчью, до 16-го ноября (н. ст.). Закончи
ламентская сессія не была богата интересными событія
ніями; разсматривались и обсуждались большею частью
зайческіе вопросы, не дававшіе повода къ высокимъ пор
норѣчія. Нѣкоторое оживленіе внесено было только
кредита на обезпеченіе дѣтей принца Уэльскаго, по слу
нія его дочери въ бракъ съ богатымъ шотландскимъ ар
графомъ Файфъ. Радикальный ораторъ Лабушеръ возста
этого требованія, доказывая, что королева Викторія, п
лишь незначительную часть своихъ громадныхъ доходов
вполнѣ достаточными средствами для устройства финан
своихъ внуковъ. Пренія на эту щекотливую тему тянул
долго, при дѣятельномъ участіи бывшаго министра въ ка

стона, Морлея. Послѣдній согласенъ былъ на открытіе требуемаго кредита съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ будущемъ не предъявлялось дальнѣйшихъ подобныхъ требованій въ пользу потомства королевы; около этого пункта вращались происходившія пререканія между представителями различныхъ группъ въ палатѣ общинъ. Гладстонъ предложилъ установить размѣръ денежной субсидіи принцу Уэльскому въ количествѣ 36 тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегодно; поправка Морлея, придававшая этому рѣшенію характеръ послѣдней и окончательной уступки, была поддержана только немногими членами передовой либеральной партіи. Гладстонъ и его единомышленники вотировали въ этомъ случаѣ вмѣстѣ съ консерваторами, точно такъ же какъ и ирландская группа съ Парнеллемъ во главѣ.

Гораздо содержательнѣе и разностороннѣе была дѣятельность партій внѣ парламента. Общее вниманіе обращали на себя рѣчи Чамберлена, въ которыхъ этотъ бывшій радикальный союзникъ Гладстона восхвалялъ преимущества управленія лорда Сольсбери и намекалъ на возможность своего окончательнаго присоединенія къ такъназываемымъ торіямъ, подъ новымъ общимъ названіемъ національной партіи. Чамберленъ проводилъ ироническую параллель между либеральными словами Гладстона и практическими радикальными дѣлами министерства лорда Сольсбери; тò, о чемъ Гладстонъ говорилъ только предположительно во время своего министерскаго владычества, облекается въ плодотворныя мѣропріятія нынѣшнимъ торійскимъ правительствомъ: таковы, напримѣръ, законы о даровомъ народномъ обученіи, установленные пока только для Шотландіи, законъ объ обезпеченіи неимущихъ поселянъ земельнымъ надѣломъ при помощи государственной казны, вслѣдствіе чего „сотни тысячъ земледѣльцевъ получили возможность самостоятельно обработывать землю".

По мнѣнію Чамберлена, партія консервативная по имени дѣлаетъ несравненно больше для массы населенія, чѣмъ дѣлали когдалибо либералы; подъ фирмою стараго консерватизма водворяется направленіе вполнѣ прогрессивное, которому не могутъ не сочувствовать всѣ истинные друзья народа. Для того, чтобы названіе партіи соотвѣтствовало ея внутреннему характеру, нужно отказаться отъ прежняго употребленія терминовъ: „торійскій" и „консервативный"; вмѣсто этой устарѣлой терминологіи, непримѣнимой къ радикаламъ-уніонистамъ, Чамберленъ предлагаетъ воспользоваться эластичнымъ и популярнымъ словомъ: „національный", для обозначенія новой радикально-торійской партіи. Еслибы дѣйствительно для сліянія бывшихъ радикаловъ съ торіями достаточно было перемѣны названія, то это обстоятельство указывало бы на совершенное исчезновеніе обширной и вліятельной аристократической партіи въ Англіи. Стоитъ

только вспомнить существованіе особой палаты лордовъ и первенствующую роль торійской аристократіи въ землевладѣніи и въ мѣстномъ самоуправленіи, чтобы убѣдиться въ неосновательности взгляда Чамберлена на сходство тенденцій радикальныхъ съ консервативными. Отдѣльныя мѣры и реформы правительства лорда Сольсбери могутъ совпадать съ требованіями умѣреннаго радикализма, представляемаго еще недавно Чамберленомъ; но изъ этого еще разумѣется не слѣдуетъ, что торійская партія отказалась отъ своего прошлаго, отъ своихъ традицій и принциповъ, въ угоду бывшимъ либераламъ, перешедшимъ на сторону консерваторовъ. Заявленія Чамберлена свидѣтельствуютъ о серьезномъ внутреннемъ поворотѣ во взаимныхъ отношеніяхъ англійскихъ политическихъ партій; но они несомнѣнно грѣшатъ чрезмѣрнымъ оптимизмомъ относительно измѣнившейся природы торизма. Современные консерваторы смотрятъ дальше и глубже, чѣмъ ихъ торійскіе предшественники; они не довольствуются простымъ охраненіемъ существующаго, а заботятся объ устраненіи и смягченіи недуговъ, опасныхъ для будущаго, объ избѣжаніи поводовъ къ народному недовольству и о возможномъ удовлетвореніи наиболѣе настоятельныхъ потребностей народныхъ массъ. Но это разумное демократическое направленіе далеко не можетъ быть признано преобладающимъ въ средѣ англійской торійской партіи; оно является сравнительно новымъ результатомъ обстоятельствъ, заставлявшихъ консерваторовъ искать союзниковъ въ рядахъ либеральныхъ группъ и въ болѣе многочисленныхъ слояхъ населенія. Расширеніе избирательнаго права, достигнутое въ значительной мѣрѣ, благодаря энергіи Гладстона, измѣнило роль политическихъ дѣятелей и возложило на нихъ новыя обязанности; оно побудило ихъ гораздо больше прежняго интересоваться симпатіями и нуждами низшихъ классовъ.

Это измѣнившееся отношеніе къ низшимъ слоямъ населенія выразилось особенно наглядно въ образѣ дѣйствій правительства и лучшей части общества относительно крупнаго рабочаго движенія, сопровождавшагося повсемѣстною остановкою работъ на лондонскихъ докахъ и распространившагося на нѣкоторыя другія отрасли промышленности. Стачка продолжалась около шести недѣль; десятки тысячъ рабочихъ сходились на митинги въ назначенные дни, образовывали громадныя процессіи, направлявшіяся съ знаменами и разными эмблемами по улицамъ Лондона, выслушивали популярныхъ ораторовъ, руководителей всего движенія, и старались не выступать за предѣлы законности и порядка. Правительство не мѣшало рабочимъ отстаивать свои права путемъ законныхъ соглашеній и митинговъ; полицейскія власти слѣдили лишь за предупрежденіемъ насилій и замѣшательствъ, избѣгая всякихъ поводовъ къ раздражающимъ столк

новеніямъ и спорамъ. Такъ какъ рабочіе домогались, въ сущности, незначительнаго возвышенія платы и нѣкоторыхъ облегченій, вполнѣ совмѣстимыхъ съ интересами самого дѣла, то упорное нежеланіе хозяевъ удовлетворить эти требованія раздражало противъ нихъ общественное мнѣніе и поддерживало общія симпатіи къ рабочимъ. Со всѣхъ сторонъ поступали пожертвованія на поддержку стачки; особенно крупныя суммы получались изъ отдаленныхъ колоній, напр. изъ Австраліи. Эти средства, составившія въ общей суммѣ около 70 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, дали рабочимъ возможность выдержать до конца и добиться полнаго успѣха, при энергическомъ содѣйствіи лондонскаго мэра и также кардинала Маннинга и члена парламента Бэкстона. Хозяева доковъ сдались на существенныя условія рабочихъ, и 12-го сентября (н. ст.) работы возобновились повсюду. Это мирное торжество простыхъ работниковъ надъ представителями крупнаго капитала было особенно замѣчательно въ томъ отношеніи, что оно было сочувственно встрѣчено всѣми классами общества и вызывало одобреніе такихъ газетъ, какъ „Times“. Очевидно, здоровая демократія ростетъ и крѣпнетъ въ Англіи, содѣйствуя переработкѣ старыхъ общественныхъ понятій и предразсудковъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ, колебаній и отсрочекъ, королева сербская Наталія возвратилась въ Бѣлградъ. Это возвращеніе сопровождалось подробностями, настоящее значеніе которыхъ покажетъ ближайшее будущее: одновременно сообщалось и о торжественной встрѣчѣ ея населеніемъ города, и объ отсутствіи при этой торжественной встрѣчѣ правительства и даже ея сына-короля. Съ одной стороны правительство, повидимому, опасалось короля Милана даже и въ его отсутствіи, и предпочло идти въ разрѣзъ съ господствующимъ настроеніемъ въ Бѣлградѣ, рискуя своею популярностью, а съ другой—оно смотрѣло спокойно на все, происходящее на улицѣ, какъ будто это вовсе не касалось его. Кто обманется при этомъ въ своихъ разсчетахъ—трудно угадать въ настоящее время; но весьма возможно, что возвращеніе королевы Наталіи вскорѣ приметъ политическій характеръ—а въ такомъ случаѣ оно можетъ сдѣлаться источникомъ новыхъ, неожиданныхъ осложненій на Балканскомъ полуостровѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢ

1-го о

— *Власть московскихъ государей.* Историческіе очерки М. *Дь*

Авторъ выбралъ для своихъ очерковъ предметъ
исполненный интереса и давно останавливавшій н
русскихъ историковъ. Власть московскихъ государ
чайно важнымъ факторомъ въ развитіи государства и
видоизмѣненіями, остается такимъ факторомъ до нас
Историки давно задавали себѣ вопросъ о томъ, ка
XVI-му вѣку эта власть, которая раньше была неиз
тическомъ быту русскаго народа. Правда, не всѣ
послѣднее. Карамзинъ полагалъ, что русское госуда
начала, въ IX вѣкѣ, имѣло уже, конечно въ несов
махъ, но по существу ту же власть, какъ въ XIX-мъ;
прошлаго вѣка замѣчали, что дѣло было не совсѣ
шія изслѣдованія не могли не выяснить, что въ само
власти были въ древнемъ періодѣ нашей исторіи
XVI—XVII столѣтіяхъ утвердилось неизвѣстное пре
единодержавіе. Оставался вопросъ: почему и изъ ка
образовалась эта власть? Понятно было одно, что въ
не могло не существовать естественное стремленіе
когда къ этому вели единство племени и языка, р
преданій и условій географическихъ; понятно было
нымъ внѣшнимъ побужденіемъ къ этому должны бы
желыя испытанія татарскаго ига, когда приходил
господство грубой орды, относительно которой рус
самаго начала считалъ себя стоящимъ гораздо выше
турнымъ отношеніямъ; но затѣмъ все еще требова
почему московская власть сложилась такъ, а не ина
лись ея внѣшнія и внутреннія свойства? Наши глав

оцѣнивали, конечно, важность этихъ вопросовъ, но не подвергали ихъ спеціальному обслѣдованію, по крайней мѣрѣ ограничивались только общими указаніями и соображеніями. Однимъ казалось, что характеръ власти приводился прямо реальными условіями и потребностями вѣка (Соловьевъ); другіе во внѣшнемъ складѣ власти видѣли вліяніе тѣхъ политическихъ формъ, какія знакомы были русскому народу по его тогдашнимъ отношеніямъ, именно вліяніе византійское, съ одной стороны, и ордынское, съ другой (Костомаровъ); третьи полагали, что характеръ власти приведенъ былъ исконнымъ представленіемъ великорусскаго народа, перешедшимъ изъ основныхъ обычаевъ семьи и хозяйства (Забѣлинъ), хотя при этомъ оставалось неясно, почему эти представленія выразились въ установленіи политической власти только въ XVI вѣкѣ, и т. д. Авторъ настоящей книги справедливо нашелъ, что столь важное явленіе въ исторіи нашего государственнаго права, какъ власть московскихъ царей, требуетъ ближайшаго документальнаго изслѣдованія, и представилъ въ своемъ трудѣ, къ сожалѣнію, не полное изслѣдованіе этого предмета, а только очерки извѣстныхъ его сторонъ. „Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—не можетъ подлежать спору то положеніе, что самая идея самодержавной власти позаимствована изъ Византіи. Детальное выясненіе этого положенія еще ждетъ своего изслѣдователя. Предстоитъ выяснить, когда, чрезъ посредство какихъ литературныхъ и юридическихъ памятниковъ русская публицистическая литература успѣла познакомиться съ византійскими государственными идеями и чтó изъ нихъ позаимствовала. Тогда только во всей ясности можно будетъ выяснить ходъ развитія національнаго русскаго политическаго самосознанія“. Отъ этой первой задачи авторъ отказывается, не считая себя къ ней подготовленнымъ: для этого требуется, по его мнѣнію, трудъ византиниста, и онъ ограничивается объясненіемъ другихъ сторонъ вопроса, дѣлая вмѣстѣ съ тѣмъ сводъ документальныхъ указаній, частію уже отмѣченныхъ другими нашими учеными. Вся книга состоитъ изъ шести главъ. Въ первой, авторъ указываетъ церковныя и политическія отношенія Византіи къ древней Руси (на основаніи того, чтò было уже указано нашими историками); затѣмъ излагаетъ „политическія темы древней русской письменности“; третья глава посвящена политическимъ слѣдствіямъ флорентійской уніи и паденія византійской имперіи; далѣе, опредѣляется „теорія власти“ московскихъ государей, какъ она понималась въ письменности, особенно у духовныхъ писателей (Іосифъ Волоцкій, митрополитъ Даніилъ, архіепископъ Ѳеодосій, митрополитъ Макарій и др.); въ пятой главѣ излагаются политическіе взгляды самого московскаго правительства:

наконецъ глава шестая озаглавлена: „московскіе государи и ихъ слуги"—дружинники, удѣльные князья, бояре.

Таково содержаніе книги г. Дьяконова. Работа ведена имъ съ большою внимательностью, и какъ подробный пересмотръ данныхъ, которыя до сихъ поръ были приводимы болѣе или менѣе отрывочно, она, безъ сомнѣнія, поможетъ окончательному выясненію этого вопроса. Знакомство съ литературой предмета и критика данныхъ вообще обстоятельны; но, имѣя дѣло теперь только съ отдѣльными эпизодами, читатель не можетъ достаточно выяснить себѣ взгляда автора на цѣлое явленіе: довольствуется ли онъ въ объясненіи власти московскихъ государей тѣми основными явленіями, которыя указаны въ настоящей книгѣ, или сочтетъ нужнымъ впослѣдствіи прибавить къ нимъ и другіе историческіе элементы? Ни въ предисловіи, ни въ самой книгѣ онъ не даетъ на это указаній; между тѣмъ эти элементы были. Въ такомъ обобщающемь трудѣ, какимъ является книга г. Дьяконова, было бы не только кстати, но даже необходимо сдѣлать обзоръ существующей литературы предмета, то-есть основныхъ точекъ зрѣнія, какія уже были выставлены прежде. Мы упомянули выше, что точки зрѣнія бывали весьма несходны: что̀ изъ нихъ было вѣрно, что̀ невѣрно? Если вѣрное подтверждается изысканіями самого г. Дьяконова, то невѣрное (если оно являлось въ литературѣ съ извѣстнымъ авторитетомъ) должно быть не умолчано, а опровергнуто. Съ другой стороны, внѣшне-политическія и книжно-теоретическія основанія, на которыхъ останавливается въ особенности г. Дьяконовъ, далеко не исчерпываютъ всего содержанія этого явленія: въ немъ участвовали еще вліянія бытовыя—данныя народной жизни и народнаго представленія о власти. Далѣе, теоретическая сущность политической формы можетъ выражаться практически весьма различно и именно съ большею или меньшею исключительностью и суровостью. больше или меньше сходиться не только съ мыслями руководящихъ классовъ, но и съ настроеніемъ массы, вообще получать болѣе или менѣе абсолютное или относительное значеніе. Такимъ образомъ, въ опредѣленіе явленія должна еще войти оцѣнка этого народнаго отношенія къ факту власти. Не знаемъ, имѣлось ли это въ виду авторомъ настоящаго изслѣдованія: если имѣлось, то надо ждать продолженія очерковъ, чтобы окончательно судить о постановкѣ предмета у новаго историка; если нѣтъ, то настоящее изслѣдованіе (независимо отъ вопросовъ о византійскихъ вліяніяхъ, спеціальное опредѣленіе котораго авторъ отъ себя отклоняетъ) представится неполнымъ и одностороннимъ.

— *Галицко-русская Библіографія* XIX-го столѣтія съ увзглядненіемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886). Составилъ Иванъ Ем. *Левицкій*. Томъ I. Львовъ, 1888. 4°.

Книга, заглавіе которой мы выписали, есть не болѣе, какъ работа чисто библіографическая — каталогъ; но она является чрезвычайно полезнымъ пособіемъ для ознакомленія съ исторіей галицко-русской литературы, благодаря, во-первыхъ, большой внимательности, съ какой этотъ трудъ исполненъ, а во-вторыхъ, тѣмъ пріемамъ, какіе г. Левицкій примѣнилъ къ своему библіографическому матеріалу. Каталогъ составленъ такъ, что онъ чрезвычайно облегчаетъ обозрѣніе этого матеріала: составитель взялъ на себя трудъ не только простого собранія данныхъ, но и извѣстной ихъ обработки. Послѣдній выпускъ (VII), которымъ въ концѣ прошлаго года закончено довольно долго тянувшееся изданіе, заключаетъ, между прочимъ, предисловіе, гдѣ г. Левицкій обобщаетъ результаты своихъ книжныхъ поисковъ. Въ этомъ предисловіи данъ, во-первыхъ, краткій историческій очеркъ галицкой литературы съ 1801 года, указаны всѣ предыдущія (впрочемъ, всѣ неполныя и отрывочныя) работы по тому же предмету, а затѣмъ выведены статистическія цифры, въ которыхъ наглядно опредѣляется распространеніе русской книжности въ Галиціи. Новый періодъ галицкой литературы, который долженъ считаться спеціально галицко-русскимъ и въ которомъ совершалось новѣйшее возрожденіе галицко-русской народности, — этотъ періодъ г. Левицкій начинаетъ не далѣе какъ съ 1801 года. Его „Библіографія" должна обнять всю эту новѣйшую литературу до 1886 года и распадается на два тома: первый, теперь законченный томъ заключаетъ въ себѣ данныя съ 1801 до 1860 года; это періодъ „до-конституціонный". Каталогъ, вообще весьма обстоятельный, расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ, а затѣмъ слѣдуетъ азбучный подробный указатель по именамъ авторовъ, по заглавнымъ словамъ сочиненій безъименныхъ и, наконецъ, по рубрикамъ самихъ произведеній, такъ что, напримѣръ, мы находимъ здѣсь рубрики: грамматика, драмы, „музыкалія", переводы съ разныхъ иностранныхъ языковъ, пѣсни, редакторы, разсказы и повѣсти, стихотворенія и т. д., гдѣ подведены относящіеся къ этимъ рубрикамъ писатели и сочиненія.

Въ предисловіи, какъ мы указали, сдѣланы статистическіе разсчеты. Правда, что все число книгъ, съ которыми автору пришлось имѣть дѣло, очень невелико. Вся цифра галицко-русскихъ изданій за *шестьдесятъ лѣтъ* составляетъ не болѣе какъ *1352* нумера, въ томъ числѣ 1224 отдѣльныхъ книгъ, брошюръ, летучихъ листковъ, и 128 нумеровъ статей, напечатанныхъ въ иностранныхъ газетахъ,

журналахъ и сборникахъ. Надо прибавить, что во всей „Библіографіи“ перечисляются не только русскія книги, но и сочиненія на языкахъ польскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и др., написанныя *галицко-русскими уроженцами*. Такимъ образомъ, цифра 1352 заключаетъ въ себѣ *всю* книжную производительность русскихъ галичанъ до 1860 года. Эта производительность, какъ видимъ, была чрезвычайно скудная и особливо въ первыя десятилѣтія нашего вѣка: почти вплоть до 1848 года число выходившихъ книгъ было крайне ограниченное. Напримѣръ, въ 1801 году г. Левицкій могъ отмѣтить только 3 книжки, и тѣ были не на русскомъ, а на польскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ (по одной книжкѣ на каждый языкъ). Въ слѣдующіе два года—только по двѣ книжки и опять не на русскомъ языкѣ; въ нѣкоторые изъ послѣдующихъ годовъ, какъ напримѣръ въ 1806, 1814, выходило только по одной; въ 1811 и 1812—совсѣмъ ни одной. Первая русская книжка вышла въ 1804 году. Въ тридцатыхъ годахъ число книжекъ стало умножаться—до полутора и двухъ десятковъ, и затѣмъ въ 1848 году цифра изданій поднялась вдругъ на 167, и въ томъ числѣ 111 на языкѣ русскомъ. Понятно, что малочисленность изданій до этого года равнялась полному отсутствію литературы.

Свои статистическія вычисленія г. Левицкій доводитъ до большихъ подробностей. Кромѣ общихъ цифръ по *годамъ*, онъ перечисляетъ книги по *языкамъ*, на которыхъ онѣ писаны; отдѣльныя статьи перечисляетъ также по національности *изданій*, въ которыхъ онѣ были помѣщены; перечисляетъ изданія по *типографіямъ*, въ которыхъ онѣ были напечатаны въ Галиціи или внѣ ея предѣловъ. и для всѣхъ этихъ разсчетовъ приводитъ процентное отношеніе. Далѣе, онъ даетъ особую таблицу годовъ по *количеству* сдѣланныхъ изданій, гдѣ оказывается, напримѣръ, что были цѣлые ряды годовъ (между 1801 и 1824), когда не выходило ни одной публикаціи на русскомъ языкѣ, и другой рядъ годовъ (отъ 1804 до 1828), когда выходило только по одной книжкѣ. Для объясненія умственнаго застоя, который обнаруживается этимъ ничтожнымъ числомъ выходившихъ книгъ, авторъ приводитъ параллельныя цифры *польскихъ* публикацій въ Галиціи (по извѣстному труду Эстрейхера), и здѣсь за два первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка число польскихъ книгъ, изданныхъ въ Галиціи оказывается также крайне ничтожно, такъ что застой былъ общій во всей Галиціи, и русской, и польской. Далѣе, г. Левицкій приводитъ подробное указаніе публикацій по *мѣстамъ печати*, какъ въ Галиціи и въ другихъ мѣстахъ австрійской имперіи, такъ и за границей, между прочимъ въ Россіи, и опять съ указаніемъ процентнаго отношенія; затѣмъ слѣдуютъ еще статистическія

цифры книгъ, напечатанныхъ кирилловскимъ, гражданскимъ и латинскимъ *шрифтомъ*; подробное перечисленіе публикацій по *отраслямъ наукъ* и, наконецъ, перечень публикаціи относительно *объема*.

Таково разнообразное содержаніе библіографическаго пересмотра галицко-русской литературы, произведеннаго г. Левицкимъ. Изслѣдованіе можно назвать образцовымъ, и изъ приведенныхъ указаній можно видѣть, до какой наглядности доведено здѣсь изображеніе движенія галицко-русской книжности: это готовая статистическая исторія мѣстнаго возрожденія и литературы, хотя, какъ мы замѣчали, исполненіе этого труда было, въ данномъ случаѣ, весьма облегчено крайней ограниченностью цифръ, которыя приходилось перебрать. Трудъ г. Левицкаго будетъ болѣе сложенъ во второмъ томѣ, который долженъ обнять галицко-русскую литературу послѣ 1860 г., и гдѣ онъ вѣроятно будетъ держаться того же пріема. Надо было бы желать, чтобы подобный трудъ былъ произведенъ относительно другихъ славянскихъ литературъ, гдѣ также могла бы быть выведена любопытная статистика національнаго возрожденія.

Цѣна книги довольно значительна (7 р. 50 к. для Россіи), и это можетъ, кажется, помѣшать бо́льшему распространенію интереснаго труда г. Левицкаго.

— *Къ вопросу о мѣрахъ противъ вреднаго вліянія школы на здоровье учащихся.* Мысль и заключенія, вытекающія изъ опыта и изъ школьно-гигіеническихъ изслѣдованій. Доктора медицины Б. Г. *Медема*, старшаго врача Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса (Оттискъ изъ „Военно-Медиц. журнала"). 1889.

Авторъ поднялъ очень важный вопросъ, о которомъ въ послѣднее время много говорилось въ европейской литературѣ, а наконецъ и у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не задуматься и не поискать средствъ помочь бѣдѣ, когда является увѣренность во вредномъ вліяніи школы на здоровье учащихся, когда школа, которая по здравому смыслу должна бы доставлять обществу и государству образованное и здоровое молодое поколѣніе, начинаетъ доставлять поколѣніе больное, такъ или иначе испорченное. Очевидно, нужно отыскать причину этой порчи и принять мѣры для ея удаленія,

Что современная школа вредитъ физическому здоровью учащихся, это не подлежитъ сомнѣнію. Правда, иные педагоги, особливо стоящіе во главѣ школъ, пытаются отвергать это, имѣя, безъ сомнѣнія, при этомъ въ виду не дѣйствительное положеніе вещей, а какія-либо личныя соображенія. Но чтобы убѣдиться въ противномъ, т.-е. именно въ томъ, что школа (подразумѣвается въ особенности средняя школа, имѣющая дѣло съ дѣтствомъ, отрочествомъ и юностью) въ ея ны-

нѣшнемъ устройствѣ оказываетъ вредное вліяніе на здоровье, достаточно познакомиться съ тѣми медицинскими изслѣдованіями, которыя уже сдѣланы и имѣются въ литературѣ, и достаточно взглянуть на самихъ учащихся въ разгарѣ и особливо концѣ учебнаго сезона; наконецъ, безъ сомнѣнія, большинство родителей могутъ многое разсказать о санитарномъ состояніи учащихся дѣтей. Медицинскія изслѣдованія, сдѣланныя у насъ, хотя далеко не полныя, указываютъ, напримѣръ, несомнѣнно на порчу зрѣнія, вообще на физическое ослабленіе, какъ слѣдствія спеціальнаго современнаго зла—школьнаго переутомленія. Нельзя не считать глубоко прискорбнымъ того факта, что вѣдомства, распоряжающіяся наибольшимъ числомъ учебныхъ заведеній, до сихъ поръ не удостоили своимъ вниманіемъ этого явленія, которое становится самымъ положительнымъ вредомъ для общества и государства въ самомъ существенномъ пунктѣ ихъ жизни — въ молодомъ поколѣніи. Наше время уже начинаютъ называть спеціально нервнымъ и психопатическимъ; нѣтъ сомнѣнія, что школа (т.-е. опять въ особенности упомянутая средняя школа) съ своей стороны много способствуетъ распространенію этой вредной болѣзненности.

Книжка, заглавіе которой мы выписали, касается вопроса только отчасти. Г. Медемъ, предпославши нѣсколько замѣчаній о постановкѣ этого вопроса въ литературѣ (о вредѣ дурныхъ школьныхъ порядковъ для здоровья учениковъ стали писать еще въ концѣ прошлаго столѣтія!), останавливается собственно на изслѣдованіи зрѣнія. Онъ самъ производилъ многочисленныя наблюденія и представилъ свои выводы въ цѣломъ рядѣ статистическихъ таблицъ, изображающихъ процентныя отношенія различныхъ видовъ порчи зрѣнія. По его мнѣнію эта порча очень часто начинается еще въ домашнемъ воспитаніи, но главное печальнымъ образомъ развивается въ школѣ. Въ общемъ этотъ выводъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что уже было указано въ литературѣ, особенно въ изслѣдованіяхъ извѣстнаго гигіениста, доктора Эрисмана. Наблюденія г. Медема даютъ, между прочимъ, любопытный фактъ, отмѣченный имъ въ точныхъ цифрахъ, а именно, что относительно близорукости—„мы находимъ весьма рѣзкую разницу между описываемою группою учениковъ гимназіи и воспитанниками кадетскаго корпуса. Сопоставляя группу воспитанниковъ послѣдняго заведенія, подвергавшуюся ежегоднымъ переосвидѣтельствованіямъ, въ теченіе пяти лѣтъ, съ первыми пятью классами классической гимназіи, мы получимъ близорукихъ (въ процентахъ; откидываемъ дроби):

у кадетъ:

въ I кл.	во II кл.	въ III кл.	въ IV кл.	въ V кл.	
50,	41,	37,	32,	28,	
у классиковъ:					
56,	67,	60,	54,	56	(стр. 42)

Дальше авторъ замѣчаетъ, что, сравнивая седьмые классы этихъ заведеній относительно числа близорукихъ по средней цифрѣ пяти выпусковъ, оказывается въ седьмомъ классѣ кадетскаго корпуса 38 процентовъ близорукихъ, а въ классической гимназіи—60.

Однимъ словомъ, глаза учениковъ классическихъ гимназій страдаютъ гораздо больше, чѣмъ въ корпусахъ. Замѣчаютъ вообще, что по внѣшнему виду воспитанники кадетскихъ корпусовъ гораздо здоровѣе гимназистовъ. Надо полагать, что матеріальная обстановка классныхъ помѣщеній въ тѣхъ и другихъ заведеніяхъ болѣе или менѣе одинакова, такъ что ту поразительную разницу въ сохраненіи или потерѣ здороваго состоянія учениковъ остается приписать двумъ причинамъ: разницѣ программъ, требующихъ въ гимназіи гораздо бо́льшаго книжнаго труда (именно долбленія уроковъ по книжкѣ), очень часто непосильнаго, и разницѣ въ количествѣ физическихъ упражненій, гимнастики, пребыванія на чистомъ воздухѣ и т. п., которое въ корпусахъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ гимназіяхъ. Какъ помочь этой бѣдѣ?

На этотъ разъ спеціалистъ медикъ, взявшійся за вопросъ, видимо не могъ ничего придумать. Онъ знаетъ, что нужна болѣе гигіеническая обстановка школы, но недоумѣваетъ, какъ ея достигнуть. Онъ говоритъ: „заставить педагоговъ въ точности выполнять требованія школьной гигіены и, что́ еще важнѣе, укоренить въ родителей убѣжденіе, что нормальная классная обстановка также необходима дома, какъ и въ школѣ,—задача не легкая". „Чтобы рѣшить эту задачу, —продолжаетъ авторъ,—необходимо обратиться къ нѣсколько иному пути, чѣмъ тотъ, которымъ мы въ настоящее время пользуемся. Нужно *не предписывать, а только дѣйствовать на убѣжденія лицъ, непосредственно у воспитательнаго дѣла стоящихъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ путь самый надежный" (стр. 50).

Но увы! изъ дальнѣйшихъ размышленій автора оказывается, что для настоящаго учащагося поколѣнія это путь совершенно безнадежный. Именно, авторъ полагаетъ, что гигіеническое положеніе школы улучшится только тогда, когда *сами педагоги* убѣдятся въ необходимости улучшенія. Вѣрно; но казалось бы, что необходимость этого улучшенія такъ очевидна, что дѣйствительно образованный и добросовѣстный педагогъ въ состояніи былъ бы понять это теперь же, въ данную минуту, и еслибы къ этому убѣжденію пришли лица.

завѣдующія школой, то указанія гигіены могли бы ·
поставлены какъ законное требованіе. Но нашъ авторі
думаетъ о подобной возможности, и слѣдующее разсужде
водитъ по истинѣ траги-комическое впечатлѣніе. На во
вселить вѣру въ гигіену и когда это должно происході
отвѣчаетъ: „Само собою разумѣется, что не тогда уже, к
клѣтка вполнѣ созрѣла и мыслительныя ея способности по
дѣленное направленіе; воздѣйствіе на убѣжденіе должно в
то время, когда мозгъ еще развивается, когда мыслите.
ности будущаго родителя или будущаго общественнаго
жетъ еще быть дано то или другое направленіе, вполв
ное для предстоящей ему въ жизни функціи. *Нужно,* од
*чтобы вѣра въ гигіену укладывалась въ мозговой клѣт
роста послѣдней;* тогда соблюденіе правилъ жизни, имѣı
нормальное физическое воспитаніе юношества и сбереж
людей вообще, сдѣлается насущною потребностью кажда
человѣка и законы гигіены будутъ исполняться наравнѣ
вѣры, въ силу убѣжденія и по привычкѣ, усвоенной ч
юныхъ лѣтъ.

„*Итакъ, нужно учить гигіенѣ, т.-е. включить ее в
образовательныхъ наукъ*".

Очевидно, что если современные распорядители школ
„мозговая клѣтка вполнѣ созрѣла", не позаботились
о гигіеническомъ улучшеніи школы, то отъ нихъ нече
въ будущемъ; надо дожидаться такихъ распорядите.
необходимость гигіены будетъ внушаема въ школѣ,
созрѣвать ихъ клѣтка; но это послѣднее будетъ возмо
автора, въ томъ лишь случаѣ, когда гигіена будетъ вве,
преподаванія,—а что́, если нынѣшніе распорядители с
клѣткой" не послушаются автора и не введутъ гигі
преподаваемыхъ предметовъ?

Замѣтимъ, наконецъ, что въ школьной гигіенѣ ест
которые медики спеціалисты (какъ и авторъ насто
обращаютъ меньше вниманія, чѣмъ бы слѣдовало. Он
прекрасно, конечно, дѣлаютъ) о томъ, чтобы школьн
давала достаточно воздуха, свѣта, удобныя скамьи и ст
о томъ, чтобы не страдало зрѣніе, грудная клѣтка,
столбъ и пр.; но въ организмѣ ученика, обременяемаго
уроками, находящагося въ опекѣ у „классныхъ наставн
телей, не обладающихъ здравыми педагогическими
пріемами, страдаютъ и другія стороны организма—че
буждаются нервы и утомляется мозгъ. Всѣ жалобы на

какихъ уже много было высказано въ нашей печати, до сихъ поръ къ сожалѣнію остаются безплодны.

— *Петръ Великій* въ русской литературѣ (Опытъ историко-библіографическаго обзора). Е. *Шмурло*. Спб., 1889.

Авторъ этой книжки пріобрѣлъ своимъ сочиненіемъ о митрополитѣ Евгеніи извѣстность большого знатока нашей литературы и въ особенности знатока подробностей. Въ настоящемъ случаѣ онъ опять даетъ намъ детальную работу, исполненную съ его обычною обстоятельностью. Литература о Петрѣ начинается, какъ извѣстно, съ Петровскихъ временъ, и съ тѣхъ поръ г. Шмурло доводитъ ея исторію до новѣйшихъ сочиненій, посвященныхъ Петру и его времени. Предметъ любопытный: въ литературѣ—печатной и письменной, явной и полу-тайной—и, наконецъ, въ народной поэзіи отразились разнообразные взгляды русскаго правительства, общества и народа на великаго преобразователя и его дѣло, такъ круто измѣнившее ходъ нашей исторіи. Въ этомъ смыслѣ, конечно, и понялъ г. Шмурло задачу своего обзора. Въ его книжкѣ собрана масса литературныхъ и библіографическихъ свѣденій, фактовъ извѣстныхъ и полу-забытыхъ или совсѣмъ забытыхъ, и пересмотръ ихъ представитъ не малый интересъ для всѣхъ изучающихъ русскую исторію и особливо Петровскую. Данные литературные факты авторъ ставитъ обыкновенно въ связь съ общимъ ходомъ литературы, съ развитіемъ взглядовъ на Петра Великаго; эти взгляды, начавшись въ оффиціально существовавшей литературѣ съ безусловнаго панегирика, повторявшагося до сороковыхъ годовъ, еще въ XVIII столѣтіи стали иногда принимать иной характеръ, именно, указывать темныя стороны въ исторіи Петра и защищать достоинства старой московской Россіи; затѣмъ въ 40-хъ годахъ вопросъ о Петрѣ Великомъ сталъ предметомъ ожесточеннаго спора двухъ историческихъ и литературныхъ партій, пока, наконецъ, въ наше время не становится предметомъ подробнаго документальнаго изученія и спокойной критики. Подробности объ этомъ, даже очень мелкія, читатель найдетъ въ книгѣ г. Шмурло. Мы сдѣлали бы только два, три замѣчанія. Говоря о Петровской эпохѣ, автору, какъ намъ кажется, слѣдовало больше остановиться на раскольничьей литературѣ, о которой онъ упоминаетъ слишкомъ мимоходомъ: эта литература при всѣхъ ея угловатостяхъ, которыя принадлежатъ духу времени и духу секты, передаетъ во всякомъ случаѣ взгляды большой массы людей изъ среды народа, и эти взгляды, какъ извѣстно, сохраняются въ этомъ кругу и до настоящаго времени. Далѣе, изло-

женіе кажется намъ недостаточно равномѣрнымъ; напримѣръ, авторъ удѣляетъ столько же мѣста иному неважному писателю конца прошлаго и нынѣшняго столѣтія, сколько и Соловьеву или Костомарову. Казалось бы, что писатели, съ которыхъ начинается собственно критическая исторія, требуютъ болѣе обстоятельной оцѣнки, такъ какъ на ихъ выводахъ основываются взгляды вообще господствующіе. Тому, кто желаетъ знать исторію изученій Петра Великаго, важно было бы знать исторію тѣхъ аргументовъ, на которыхъ построена преобладающая теперь точка зрѣнія. Наконецъ, въ работѣ подобнаго характера былъ бы очень кстати указатель.

Прибавимъ еще замѣчаніе. Факты нашей литературы нуждаются иногда во внѣшнемъ объясненіи—обстоятельствами времени и общества. На стр. 57—58 г. Шмурло даетъ подобное объясненіе тому явленію въ литературѣ о Петрѣ, когда со второй половины пятидесятыхъ годовъ стали доступны для печати многіе историческіе факты, ранѣе находившіеся подъ цензурнымъ запрещеніемъ, и когда новые факты о Петрѣ В. были передаваемы въ недружелюбномъ, обличительномъ тонѣ. Г. Шмурло строго осуждаетъ одного изъ нашихъ писателей, который въ то время далъ рядъ подобныхъ разсказовъ о Петровскомъ времени. Но для большей справедливости слѣдовало бы раздѣлить осужденіе между упомянутымъ авторомъ и тѣми условіями, которыя были поводомъ принятаго имъ тона: существовавшія стѣсненія производили раздражающее дѣйствіе, и то, чтó не могло быть сказано раньше, высказывалось, при оказавшейся возможности, съ особенною рѣзкостью, которая легко можетъ показаться неумѣстной, когда забыты обстоятельства положенія. Г. Шмурло могъ бы прослѣдить ту же черту не на одномъ томъ писателѣ, котораго онъ указываетъ; съ другой стороны ошибочно сказать, будто бы эти воззрѣнія имѣли тогда какой-нибудь особенный успѣхъ, а наконецъ слѣдовало признать, что многое, тогда разсказанное о Петровскихъ временахъ, являлось въ литературѣ въ первый разъ и сообщало факты. дотолѣ неизвѣстные и вовсе не излишніе для исторіи.

Въ томъ, чтò говорится о Погодинѣ (стр. 60—61 и 129) есть нѣкоторое противорѣчіе, какъ и въ общемъ выводѣ. Погодинъ кажется автору „едва ли не самымъ симпатичнымъ историкомъ“ изъ всѣхъ тѣхъ, которые уже кончили свое поприще. Указывая, что Погодинъ не сходился ни съ славянофилами, ни съ западниками, авторъ замѣчаетъ: „Это отнюдь не безпринципность: у Погодина есть свои твердые взгляды; но его ли вина, если ихъ нельзя пріурочить ни къ какой изъ существующихъ школъ? Я позволилъ бы себѣ сказать, что онъ видитъ дальше каждой любой школы, причемъ

конечно, черты этой послѣдней *не всегда вполнѣ ему понятны и усвоены*" (?).

— Д. Л. *Мордовцевъ. Историческія Пропилеи.* Два тома. Спб. 1889.

Въ этой книгѣ собраны многочисленныя, крупныя и мелкія статьи историческаго содержанія. Авторъ смотритъ на свой трудъ очень скромно; онъ говоритъ въ предисловіи: „Настоящему изданію авторомъ присвоенъ титулъ „Историческихъ Пропилей" на томъ основаніи, что, выпуская въ свѣтъ подъ этимъ титуломъ печатавшіяся въ разное время и въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ статьи и замѣтки историческаго содержанія, авторъ смотритъ на нихъ только какъ на подготовительные для исторіи, до нѣкоторой степени обработанные матеріалы, какъ на простые кирпичи, можетъ быть пригодные для того, чтобы войти служебнымъ матеріаломъ въ будущее зданіе исторіи,—подобно тому, какъ классическія пропилеи, составляя преддверіе храмовъ, не считались обитателями божества, а только вели въ эти святыни чрезъ амфилады колоннъ и портиковъ".

Параллель кирпичей съ пропилеями—не совсѣмъ точная, но мысль автора понятна. Историческіе труды г. Мордовцева могутъ дѣйствительно быть „подготовительными" для настоящей исторіи, могутъ давать полезное популярное чтеніе, способное заинтересовать читателя историческими вопросами; но это все-таки не кирпичи. Кирпичами съ полной справедливостью могутъ быть названы тѣ изслѣдованія, какихъ много является въ послѣднее время, и которыя, выбирая какой-нибудь частный предметъ исторіи, отягощаютъ читателя массою сырого архивнаго, иной разъ на половину ненужнаго матеріала, такъ что для немногихъ выводовъ приходится одолѣвать большую массу полуобработанныхъ документовъ. Труды г. Мордовцева не представляютъ обыкновенно ничего подобнаго: въ нихъ, съ самаго начала, съ историкомъ боролся беллетристъ; авторъ никогда не довольствовался сообщеніемъ сырого матеріала; напротивъ, всегда старался давать законченные очерки того или другого историческаго явленія, и если даже попадалъ ему въ руки дѣйствительно новый матеріалъ, извлеченный изъ какого-нибудь архива, онъ старался по немъ воссоздать цѣлую картину. Когда съ теченіемъ времени подобнаго архивнаго матеріала накоплялось больше и онъ попадалъ въ руки „историковъ", не зараженныхъ стремленіемъ рисовать картины, то бывало не разъ, что г. Мордовцевъ подвергался укорамъ въ поспѣшности своихъ изображеній, въ недоказательности выводовъ (напр., по исторіи Пугачевщины, раскола); это могло быть, и бы-

вало, справедливо; но тѣмъ не менѣе у автора была здѣсь своя немалая заслуга, которую несправедливо было забыть. Первые труды г. Мордовцева восходятъ еще къ 50-мъ годамъ: ничего нѣтъ мудренаго, что черезъ 30 или 20 лѣтъ они могли оказаться лишенными точности или поспѣшными, когда онъ имѣлъ въ рукахъ лишь немногіе отрывки того матеріала, котораго потомъ собраны массы; но у него было стремленіе осмыслить историческія явленія, которыя въ ту пору нашей исторіографіи были еще темны и, мало того, о которыхъ не задолго передъ тѣмъ нельзя было даже говорить въ литературѣ. Цѣлый рядъ историческихъ трудовъ г. Мордовцева былъ тогда посвященъ именно такимъ вопросамъ нашей исторіи, возбуждавшимъ естественный и раньше нимало не удовлетворяемый интересъ. Это были въ особенности явленія народной жизни и также исторія бытовая.

Въ настоящій сборникъ не вошли, конечно, ни его „Самозванцы и Понизовая вольница“, ни „Ванька Каинъ“ (вышедшій, впрочемъ, недавно во 2-мъ изданіи), а собранъ здѣсь длинный рядъ небольшихъ очерковъ изъ исторіи народа и общественной жизни и замѣтки о разныхъ литературныхъ и общественныхъ явленіяхъ современности. Въ первый томъ вошли, напримѣръ, слѣдующія статьи: „Русскіе чародѣи и чародѣйки конца прошлаго вѣка; Представляетъ ли прошедшее русскаго народа какія-либо политическія движенія; Чума въ Москвѣ 1771 г.; Движеніе въ расколѣ въ 30-хъ годахъ; Калѣки перехожіе (генезисъ и историческое значеніе нищенства); Вспышки понизовой вольницы въ 1812 году“, и др.; во второмъ томѣ: „Послѣдній историческій „шпынь“ (Левъ Александровичъ Нарышкинъ); Развитіе славянской идеи въ русскомъ обществѣ XVII—XIX вв.; Суворовъ въ народной поэзіи; Наша печать по отношенію къ русско-славянскому дѣлу; Объ историческомъ значеніи Некрасова, какъ поэта; Бытовые очерки прошлаго вѣка (мнимыя видѣнія и пророчества); Русскіе полоняники въ Турціи; Пререканія столичной печати съ провинціальною; Воспоминанія о Шевченкѣ; О разбойничьихъ пѣсняхъ; Одинъ изъ Лже-Константиновъ“ и проч. Какъ видимъ, это—разсказы изъ тѣхъ областей народной жизни, которыя до настоящаго времени остаются мало разработанными, или разсказы изъ исторіи нравовъ, которая также остается у насъ несобранной; наконецъ, критическіе и публицистическіе очерки изъ современной жизни. Во всемъ этомъ найдется несомнѣнно занимательное чтеніе, а нерѣдко затронутъ и серьезный вопросъ.—А. В.

— Американская республика, *Джемса Брайса*. Въ трехъ частяхъ. Часть I. Національное правительство. Перевелъ съ англійскаго *В. Н. Неведомскій*. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1889. Стр. 503.

Въ книгѣ Брайса собраны интересныя свѣденія о государственныхъ учрежденіяхъ сѣверо-американской республики, о федеральной конституціи, о президентѣ, конгрессѣ и верховномъ судѣ. Изображая преимущества и слабыя стороны американскихъ порядковъ, англійскій авторъ старается сохранить полное безпристрастіе; но онъ вообще склоненъ къ оптимистическому взгляду на положеніе дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Основательное изученіе американской жизни даетъ ему возможность говорить о предметѣ вполнѣ точно и положительно, безъ излишнихъ прикрасъ и гипотезъ. По мнѣнію Брайса, „американцы обладаютъ такимъ запасомъ душевныхъ силъ и патріотизма, который съ избыткомъ достаточенъ для того, чтобы положить конецъ всѣмъ существующимъ теперь злоупотребленіямъ и дать государственнымъ учрежденіямъ характеръ, соотвѣтствующій и величію страны, и домашнимъ добродѣтелямъ ея жителей". Удивленіе, возбуждаемое Америкою,—говоритъ авторъ далѣе,—можетъ быть понятно только тому, кто самъ побывалъ въ этой странѣ. Вращаясь среди американцевъ, невольно заражаешься ихъ увѣренностью въ блестящей будущности ихъ отечества и невольно приходишь къ убѣжденію, что даже недостатки ихъ государственнаго устройства могутъ причинить имъ лишь очень незначительный вредъ въ сравненіи съ тѣмъ, какой могли бы причинить въ Европѣ.

Объясняя особенности правительственной организаціи въ Америкѣ, Брайсъ дѣлаетъ поучительныя сопоставленія съ англійскими и вообще европейскими условіями. Президентскіе выборы, періодически возбуждающіе въ странѣ сильное волненіе умовъ, кажутся американцамъ вполнѣ естественными и благотворными, ибо въ выборахъ они видятъ лишь обязательное „обращеніе къ націи съ приглашеніемъ обсудить положеніе дѣлъ и образъ дѣйствій главныхъ политическихъ партій". Выборы „заставляютъ каждаго изъ гражданъ не только вникать во все, что̀ касается государственныхъ интересовъ, но и высказывать свои мнѣнія касательно поведенія партій; въ нихъ выражается воля десяти милліоновъ избирателей, передъ которой все должно преклоняться. Они освѣжаютъ въ умахъ сознаніе національнаго долга, а въ минуту опасности возбуждаютъ національный патріотизмъ". Члены американскаго конгресса чувствуютъ свою зависимость отъ избирателей въ гораздо бо̀льшей мѣрѣ, чѣмъ депутаты европейскихъ парламентовъ. „Европейцы полагаютъ, что законодательная власть принадлежитъ тому классу людей, въ рукахъ котораго нахо-

дится правительственная власть. Въ Америкѣ такой вовсе не существуетъ. Европейцы полагаютъ, что за собраніе должно состоять изъ лучшихъ людей, какіе странѣ, а американцы полагаютъ, что оно должно состо стоящихъ на среднемъ уровнѣ умственнаго развитія пейцы полагаютъ, что оно должно руководить націею, полагаютъ, что имъ должна руководить нація".

Весьма интересны главы, посвященныя объясненіи ныхъ мѣстъ при истолкованіи конституціи. Обязанн Америкѣ, какъ и повсюду, строго ограничена истолк новъ, на которые ссылаются тяжущіеся; дѣло только сами законы имѣютъ различныя степени авторитета: ституція выше обыкновенныхъ союзныхъ постановлені свою очередь важнѣе статутовъ отдѣльныхъ штатовъ. риканскій судъ „не входитъ ни въ какія столкновенія тельными собраніями. Онъ только охраняетъ авторите жащій каждому изъ четырехъ разрядовъ законовъ. разсматриваетъ и не разрѣшаетъ никакихъ столкновен сравнительная обязательная сила каждаго разряда зак ложительно установлена. Судъ ограничивается тольк что существуетъ столкновеніе между двумя законами неодинаковый авторитетъ. Этимъ указаніемъ уже окон рѣшенъ спорный вопросъ, потому что съ той минуты, это указаніе, законъ съ болѣе слабымъ авторитетомъ зательную силу". Извѣстно, что рѣшенія верховнаго нымъ спорамъ о невольникахъ имѣли большое вліяніе тическихъ событій, приведшихъ къ междоусобной вой шестидесятыхъ годовъ.

Изложеніе Брайса кажется иногда слишкомъ сухим нымъ; но оно оживляется часто историческими прим делами съ анекдотами. Въ концѣ книги помѣщенъ те ной конституціи. Русскій переводъ исполненъ опытною женъ быть признанъ вообще удачнымъ, хотя въ отдѣль встрѣчаются неточныя выраженія; такъ, напримѣръ, щенія должностей лицами побѣдившей партіи,—по при дителямъ добыча",—упоминается въ видѣ „такъ-назыв шительной системы (spoils-system)" (стр. 431). Систем жетъ быть, „опустошительна"; но послѣднее качество понятіе добычи и не служитъ для ея обозначенія. Ост ронѣ эти мелкія неточности, нужно сказать, что кни переводѣ г. Невѣдомскаго даетъ читателю рядъ за очерковъ, написанныхъ живо и безъ претензій.—Л. С.

Въ теченіе сентября мѣсяца поступили отъ авторовъ и издателей слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовъ, Я. В. Что сдѣлало земство и что оно дѣлаетъ. Обзоръ дѣятельности русскаго земства. Спб. 89. Стр. 288. Ц. 2 р.

——— Як. Сельскій календарь на 1890 г. Спб. 90. Стр. 144. Ц. 20 к.

А—въ, Ал. Людмила Верховская, романъ. Фантастическіе разсказы. М. 89. Стр. 166. Ц. 1 р.

Апраксинъ, А. Д. Неземныя созданія и другіе разсказы. Спб. 89. Стр. 165. Ц. 80 к.

Бабынинъ, В. В. Русская физико-математическая библіографія. Т. I, вып. 2. М. 89. Стр. 115. Ц. 1 р.

Бекетова, Ек. Два міра. Повѣсть изъ римской жизни первыхъ временъ христіанства. Изданіе для дѣтей и юношества. Переводъ съ франц. Спб. 90. Стр. 92. Ц. 1 р. 25 к.

Бони, проф. Гипнотизмъ. Перев. П. В. Мокіевскаго. 2-е изд. Спб. 89. Стр. 157. Ц. 1 р.

Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Въ трехъ частяхъ. Часть I. Національное правительство. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1889. Стр. XII и 503. Ц. 3 р. 50 к.

Бѣлоголовый, д-ръ Н. А. Воспоминанія: Гр. Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ. 1878—1888. Спб. 1889. Тип. Балашева. Стр. 38.

Гёте. Фаустъ, трагедія. Перев. Н. Головановъ. М. 89. Стр. 214. Ц. 1 р.

Гиляревскій, свящ. А. Русскій путешественникъ Василій Григорьевичъ Барскій. М. 89. Стр. 108. Ц. 50 к.

——— О первоначальномъ воспитаніи дѣтей въ духѣ вѣры Христовой и благочестія. М. 89. Стр. 31.

Г—ка, О. Ф. Труженицы. Кіевъ, 89. Стр. 44.

Годневъ, А. Пособіе по сохраненію здоровья и воспитанію. Каз. 89. Стр. 124. Ц. 75 к.

Гротъ, К. Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ. Варш. 89. Стр. 424 съ прилож. Ц. 3 р.

Дубровинъ, Н. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Вып. 2. Спб. 89. Стр. 551.

Дьяконовъ, М. Власть московскихъ государей. Историческіе очерки. Спб. 1889. VI и 221 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Иванова, Е. Путевыя воспоминанія о Крымѣ въ 1886 г. М. 89. Стр. 39.

——— Путевыя воспоминанія о Кавказѣ въ 1887 г. М. 89. Стр. 48.

Ивановъ-Классикъ. Веселый попутчикъ. Спб. 89. Стр. 247. Ц. 1 р.

Клоповъ, А. А. Отчетъ по изслѣдованію волжской хлѣбной торговли въ 1887 г. Спб. 89. Стр. 142 съ прилож.

Коншинъ, А. Ю. Объ отвѣтственности за лѣсныя нарушенія и о порядкѣ привлеченія къ оной. Спб. 89. Стр. 362. Ц. 3 р. 50 к.

Костецкій, В. Учебникъ русскаго языка. Ч. I. Этимологія. Кіевъ, 89. Стр. 126. Ц. 40 к.

Круберъ, В. Настольная книга для заемщиковъ и должностныхъ лицъ государственнаго дворянскаго банка. Сарат. 89. Стр. 580. Ц. 3 р. 50 к.

Малышевскій, Ив. Происхожденіе русской великой княгини Ольги Св. Кіевъ, 1889. Оттискъ изъ „Кіевской Старины". 8°. 71 стр.

Мякотинъ, В. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпо
Спб., 1889. Стр. 229. Ц. 1 р. 50 *к.*

Овсянниковъ, Н. Н. Тверь въ XVII вѣкѣ. Историческій и
путеводитель по городу Твери. Тв., 89. Стр. 91. Ц. 50 к.

Осокинъ, Н. А. Исторія среднихъ вѣковъ. Университетск
ч. 1 и 2 (XIII-е, XIV-е и XV-е стол.). Каз., 89. Стр. 1132. Ц.

Псковичъ. Охота и охотники, разсказы. Спб., 89. Стр. 422.

Рябининъ, П. В. Продукты свиноводства, торговля ими и
изводства, въ связи съ задачами нашего свиноводства. Спб.,
3 рубля.

Савинскій, А. И. О фабричной медицинѣ и началахъ, на
довало бы преобразовать. Спб., 89. Стр. 43.

Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ). Сочиненія. Т. V. Гос
Благонамѣренныя рѣчи. Спб., 89. Стр. 623. Цѣна по подписк
15 руб.

Синибатовъ, П. П. Гипотезы по опредѣленію нѣкоторыхъ
мографіи и физической географіи. М., 89. Стр. 62. Ц. 1 р.

Спасовичъ, В. Д. Сочиненія. Т. I и II. Спб., 89. Стр. 286 і

Тальбергъ, Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. Посо
Т. I. Кіевъ, 89. Стр. 318.

Трачевскій, А. Учебникъ исторіи. Древняя исторія. 2-е
52 рисунк., 4 картами и 3 планами. Спб., 89. Стр. 433. Ц. 2

Харузинъ, М. Богородицкая гора въ Эстляндіи. Посмертно
Стр. 149. Ц. 10 к.

Хохряковъ, П. Языкъ и психологія. Каз., 89. Стр. 222. Ц.

Цертелевъ, кн. Д. Н. Нравственная философія гр. Л. Н.
Стр. 140. Ц. 75 к.

Чечулинъ, Н. Д. Города Московскаго государства въ XV
ваніе. Спб., 1889. 8°. V и 349 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Штейнмауеръ, И. С. Слово и слогъ. Учебное руководство
изученію родного языка въ школѣ и дома. Годъ 1. Букварь
для чтенія. Варш., 89. Стр. 106. Ц. 35 к.

Яковлевъ, И. (И. Я. Павловскій). Маленькіе люди съ больш
90. Стр. 376. Ц. 1 р.

— Годъ 1889 въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. I
Стр. 108.

— Отчетъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Ба
Спб., 1889. Стр. 81 и XI приложеній.

— Первый университетъ въ Сибири. Томскъ, 89. Стр. 93

— Статистическія таблицы вилайетовъ турецкой имперіи
Закавказью, съ картою. Тифл., 89.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Zwei Jahrzehnte deutscher Politik und die gegenwärtige Weltlage. Von *Eduard von Hartmann*. Leipzig, 1889.

Извѣстный авторъ „Философіи безсознательнаго" есть въ то же время бывшій прусскій офицеръ, проникнутый горячими патріотическими чувствами и видящій въ князѣ Бисмаркѣ высшее олицетвореніе политической мудрости и дальновидности. Эдуардъ фонъ-Гартманъ въ разное время печаталъ статьи и брошюры по вопросамъ германской политики, внутренней и внѣшней; нѣкоторымъ изъ этихъ статей, какъ заявляетъ самъ авторъ въ предисловіи, приписывался характеръ оффиціозности,—конечно, безъ основанія.

Книга распадается на три части: первая относится къ періоду образованія новой германской имперіи; вторая обнимаетъ эпоху внутренняго развитія и борьбы соціальной и политической; третья касается современнаго международнаго положенія, опредѣляемаго антагонизмомъ между Германіею и Англіею съ одной стороны, и Россіею и Франціею—съ другой. Въ этюдахъ, писанныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ франко-нѣмецкой войны, отведено много мѣста разсужденіямъ на военныя темы, о значеніи крѣпостей въ современной войнѣ, о военныхъ дѣйствіяхъ французской республики при Гамбеттѣ и объ осадѣ Парижа. Сверхъ того, въ статьяхъ объ „истинномъ интересѣ Австріи" и о „географическо-политическомъ положеніи Германіи", впервые развиваются мысли о необходимости тѣснаго австро-германскаго союза и о неизбѣжности усиленныхъ вооруженій для имперіи, поставленной въ центрѣ между двумя такими могущественными державами, какъ Россія и Франція.

Эдуардъ фонъ-Гартманъ уже высказывалъ идеи, которыя позднѣе осуществлялись княземъ Бисмаркомъ; онъ предвосхищалъ также военные аргументы графа Мольтке. Мы узнаемъ отъ автора, что еще въ ранней юности онъ стоялъ за табачную монополію, и что онъ принадлежитъ къ рѣшительнымъ сторонникамъ монополіи на спиртные напитки. Онъ требовалъ энергическихъ мѣръ внутренней нѣмецкой колонизаціи для вытѣсненія польскихъ и другихъ инородныхъ вліяній въ Пруссіи. Столь же проницательно обсуждалъ онъ военныя дѣла; онъ опредѣлилъ цѣнность Меца для Германіи въ тѣхъ же вы-

раженіяхъ, какія употреблены были графомъ Мольтке во время переговоровъ о мирѣ,—хотя отзывъ Мольтке сталъ извѣстенъ только впослѣдствіи. Будучи убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ патріотомъ въ военно-политическомъ смыслѣ этого слова, Гартманъ далеко не является шовинистомъ; онъ признаетъ, что полный разгромъ Франціи въ 1870 году возможенъ былъ только благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, которыя не повторятся болѣе. Одновременная война противъ Россіи и Франціи была бы „концомъ Германіи"; поэтому союзъ съ Австріею имѣетъ жизненное значеніе для нѣмцевъ. Авторъ говоритъ о русскомъ народѣ, какъ о „низшей расѣ", сравнительно съ германскою, но онъ не находитъ никакихъ причинъ для вражды или споровъ съ Россіею. Онъ доказываетъ, что даже счастливая война съ Россіею не принесла бы нѣмцамъ ничего, кромѣ вреда и великихъ опасностей для будущаго. Нѣмцамъ абсолютно нечего отнимать у русскихъ; имъ не нужно ни кусочка нашей территоріи—ни въ польскихъ, ни въ прибалтійскихъ земляхъ; нѣмецкій аристократическій элементъ въ остзейскомъ краѣ не можетъ претендовать на господство надъ мѣстнымъ населеніемъ и не долженъ ни въ какомъ случаѣ разсчитывать на дѣятельное сочувствіе Германіи. Авторъ говоритъ съ похвалою о достоинствахъ русскаго національнаго характера и о безспорномъ цивилизующемъ вліяніи русскаго владычества среди восточныхъ и азіатскихъ племенъ. Что касается Австріи, то она должна, по мнѣнію Гартмана, позаботиться объ удовлетвореніи своихъ славянскихъ народностей и избѣгать всякаго разлада съ Россіею.

При всемъ благоразуміи своихъ общихъ политическихъ взглядовъ, авторъ придерживается отчасти черезъ-чуръ офицерской точки зрѣнія, неумѣстной для публициста и тѣмъ болѣе для философа; таковы, напримѣръ, его аргументы въ пользу цѣлесообразности сожженія мирныхъ кварталовъ осажденнаго города посредствомъ бомбардировки, для нравственнаго воздѣйствія на противниковъ. Авторъ не можетъ себѣ представить лучшую и болѣе спасительную для нѣмцевъ международную политику, чѣмъ бисмарковская; ему кажется, что средне-европейская лига мира есть начало настоящей европейской федераціи, къ которой могутъ и должны примкнуть всѣ государства, кромѣ воинственныхъ и имѣющихъ агрессивныя цѣли. Для Гартмана ясно, что Германія и ея союзники думаютъ исключительно объ оборонѣ, а не о нападеніи; изъ этого дѣлается выводъ, что Россія и Франція не имѣютъ основанія безпокоиться и вооружаться. Первый шагъ къ разоруженію, какъ полагаетъ авторъ, можетъ быть сдѣланъ только двумя названными державами. Почему для послѣднихъ обязательно безусловное довѣріе къ миролюбію могущественной коалиціи, руководимой Германіею и непрерывно занятой увеличеніемъ воен-

ныхъ силъ,—непонятно даже съ односторонней точки зрѣнія автора. Скорѣе напротивъ, постоянныя вооруженія трехъ союзныхъ государствъ, обезпеченныхъ своимъ взаимнымъ союзомъ отъ какого бы то ни было нападенія или посягательства, должны неизбѣжно вызывать подозрѣнія насчетъ истинныхъ намѣреній участниковъ такъ-называемой лиги мира. Нельзя назвать иначе какъ наивнымъ предположеніе Гартмана, что остальныя великія державы могутъ принимать на вѣру мирныя заявленія германскаго канцлера, вопреки даже періодическимъ угрозамъ берлинскихъ оффиціозовъ, и что общее разоруженіе можетъ быть достигнуто только путями бисмарковской политики. „Прекрасныя мечты о всеобщемъ мирѣ и объ европейской федераціи государствъ,—говоритъ авторъ,—могутъ быть осуществлены единственно лишь способами, усвоенными княземъ Бисмаркомъ. Кто считаетъ эти цѣли желательными, тотъ долженъ поддерживать бисмарковскую политику, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ. Присоединеніе Англіи къ тройственному союзу расширило бы его до степени европейской лиги мира, хотя оно было бы сомнительнымъ пріобрѣтеніемъ въ военномъ отношеніи. Оно было бы излишнимъ только въ томъ случаѣ, еслибы и безъ того удалось побудить всѣ второстепенныя и малыя государства Европы присоединиться къ лигѣ мира“. Авторъ забываетъ, что такое сосредоточеніе военныхъ и политическихъ силъ подъ руководствомъ Берлина угрожало бы безопасности народовъ, не желающихъ подчиняться нѣмецкой политикѣ, и принималось бы этими народами только въ смыслѣ возрастающей угрозы; роковая война могла бы тогда возникнуть сама собою въ видахъ защиты самостоятельности государствъ, оцѣпленныхъ желѣзнымъ кольцомъ враждебныхъ военныхъ союзовъ. Между прочимъ, авторъ упоминаетъ о состоявшемся присоединеніи Румыніи къ австро-германскому оборонительному союзу противъ Россіи (стр. 353), какъ о положительномъ фактѣ.

Бисмарковскія идеи проводятся Гартманомъ и въ тѣхъ частяхъ книги, гдѣ разбираются вопросы внутренней жизни и политики,—о нѣмецкихъ политическихъ партіяхъ, объ экономическихъ и соціальныхъ реформахъ, объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ. Странно читать у автора жалобы и насмѣшки по поводу недостаточнаго еще уваженія нѣмцевъ къ личности и взглядамъ князя Бисмарка; нѣмцы будто бы мало еще цѣнятъ величіе своего канцлера и позволяютъ себѣ даже имѣть и высказывать сужденія, несогласныя съ его желаніями и мыслями. Страницы, посвященныя осмѣянію этой наклонности нѣмецкаго „Михеля“ къ разногласіямъ и критикѣ, производятъ невыгодное впечатлѣніе на посторонняго читателя. Философъ, считающій чѣмъ-то неодобрительнымъ свободное пользованіе правомъ

критики и спора въ дѣлахъ общественныхъ, даетъ больш для политической меланхоліи, чѣмъ заурядный оффиціо проповѣдующій систему послушанія и смиренія. Впрочемъ манъ позволяетъ себѣ противорѣчить канцлеру по нѣко ціальнымъ вопросамъ; значитъ, и онъ не вполнѣ свободен мической слабости нѣмецкаго Михеля.

Такъ какъ настоящая книга представляетъ сборникъ санныхъ въ разное время, то не слѣдуетъ искать въ не единства; но въ идеяхъ автора нѣтъ противорѣчій; все то же преклоненіе передъ творцами германскаго могущ личія, предъ прусскимъ милитаризмомъ и предъ политико въ связи съ пренебреженіемъ къ „лживой" и перемѣнч цузской націи. Для обыкновеннаго нѣмецкаго публицист бы вполнѣ естественно и даже похвально; но для серьез теля, какъ Гартманъ, это слишкомъ ординарно.

II.

Russland und der Dreibund. Berlin, 1889.

Брошюрка неизвѣстнаго автора не сообщаетъ ничего о тройственномъ союзѣ, ни объ отношеніяхъ его къ Росс бопытна только потому, что въ ней безусловно осуждае цается мысль о неминуемой будто бы враждѣ между нѣм вянствомъ. Авторъ ссылается на усиливающійся интересъ нѣмцевъ къ русской литературѣ и жизни для доказате что нѣмецкому народу совершенно чужды непріязненныя России и къ русскому обществу. О нашей же непріязни свидѣтельствуютъ будто бы разсужденія и отзывы нѣко скихъ газетъ, выдающихъ себя за спеціальные органы по вопросамъ внѣшней политики. Само собою разумѣется было бы найти несравненно болѣе рѣзкія выходки прот въ нѣмецкой печати, не исключая даже оффиціозной, т водъ автора не можетъ считаться серьезнымъ. Обзоръ щихъ германско-русскихъ отношеній составленъ почти ис на основаніи газетныхъ статей, аккуратно цитируемых это обстоятельство придаетъ брошюрѣ характеръ легков верхностной компиляціи. Тѣмъ не менѣе настойчивыя ука на необходимость прочнаго мира для Германіи заслужи отмѣченными въ настоящее тревожное время.

III.

Histoire de la révolution française, par *Paul Janet*, Paris, 1889.

Небольшой, изящно напечатанный томикъ Поля Жанэ составляетъ одинъ изъ послѣднихъ по времени, но не послѣднихъ по достоинству вкладовъ въ обширную литературу, вызванную столѣтнею годовщиною событій 1789 года. Казалось бы, что все уже сказано о французской революціи и что нельзя ничего прибавить къ многочисленнымъ изложеніямъ и характеристикамъ этой эпохи, и Поль Жанэ не берется сказать что-либо новое, но его сжатый и бѣглый историческій очеркъ, написанный съ обычнымъ мастерствомъ, заключаетъ въ себѣ не мало мѣткихъ и оригинальныхъ замѣчаній, способныхъ заинтересовать всякаго мыслящаго читателя.

Извѣстный академикъ, философъ и публицистъ съумѣлъ немногими штрихами очертить общій ходъ политическихъ волненій, переворотовъ и войнъ, отъ первыхъ засѣданій національнаго собранія до захвата власти Бонапартомъ. Авторъ не остается нечувствительнымъ къ военной славѣ; онъ съ удовольствіемъ перечисляетъ блестящіе подвиги французскихъ армій и полководцевъ, но не хочетъ признать логическаго результата этихъ подвиговъ—перехода власти въ руки войска и его наиболѣе счастливаго и популярнаго вождя.

„Безъ сомнѣнія,—говоритъ по этому поводу Жанэ,—нельзя требовать отъ честолюбца качествъ великаго гражданина, но нужно скорбѣть о томъ, что Франція встрѣтила на своемъ пути честолюбца, когда нуждалась въ великомъ гражданинѣ. Ничто, рѣшительно ничто не мѣшало тогда установленію во Франціи свободной республики подъ руководствомъ великаго человѣка. Партіи были истощены, Европа приняла бы почетный миръ. Все было готово для водворенія порядка и законности, и страна могла уже воспользоваться плодами революціи. Извѣстно, что̀ случилось: Франція была угнетена; Европа, сначала завоеванная, сдѣлалась завоевательною въ свою очередь; иноземное нашествіе, трижды отраженное республикою, торжествовало три раза при имперіи; кризисы порождали кризисы; всѣ революціонныя фазы вновь повторялись одна за другою, легитимная и конституціонная монархіи, вторая республика, вторая имперія, третья республика и т. д. Печальная исторія, которой пагубные опыты были бы избѣгнуты, еслибы герой 18 брюмера любилъ Францію и свободу!“

Въ заключеніе авторъ вкратцѣ резюмируетъ уроки прошлаго и

выражаетъ свои пожеланія относительно будущаго. Кн
шена портретами главныхъ революціонныхъ дѣятелей.

IV.

Les nouvelles colonies de la république française, par *Alfred Rambaud*

Описаніе французскихъ колоній, предпринятое пр
Рамбо, даетъ не только фактическія свѣденія о колоніал
дѣніяхъ Франціи, но служитъ также для партійныхъ
оправданія политическихъ дѣятелей республики, посл
примѣру другихъ правительствъ въ области отдаленныхъ
предпріятій и пріобрѣтеній.

Рамбо удивляется, что завоеванія, доставлявшія слав
время, считаются какъ бы преступными и постыдными
ликанцевъ, и что титулъ „Тонкинскаго", который при дру
віяхъ былъ бы почетною наградою для государственнаго
присоединившаго къ странѣ богатую и обширную колонію
значеніе ругательной клички для Жюля Ферри. Всѣ со
занятіе Алжира было успѣхомъ для реставраціи, что пр
Луи-Филиппа могло гордиться окончательнымъ завоеваніе
и пріобрѣтеніемъ острововъ Таити, что Наполеонъ III
хорошо, присоединивъ Кохинхину и Новую Каледонію; но
публика въ свою очередь взяла Тунисъ, Мадагаскаръ и
острова, Аннамъ и Тонкинъ, верхнія области Нигера и С
французскіе патріоты возстаютъ и протестуютъ, награжда
ковъ презрѣніемъ и ненавистью. Сципіонъ получилъ титу
канскаго" за завоеваніе Туниса; поэтому и Жюль Ферри,
движники, по мнѣнію автора, могли бы съ гордостью приня
„тонкинцевъ" или „тунисцевъ", даваемое имъ теперь въ
Рамбо упускаетъ только изъ виду большую разницу въ н
образѣ дѣйствій французскихъ оппортунистовъ, сравнитель
шествовавшими правительствами. Ферри занялся колоніал
тикою въ такое время, когда Франціи могла грозить вой
манію, и когда военныя силы страны не были еще д
уровня нѣмецкихъ вооруженій; употребленіе войскъ на
завоеванія ослабляло страну на континентѣ и обязывало
тывать на мирное расположеніе германскихъ правителей
обидно для французскаго національнаго самолюбія. Прит
Ферри проводилъ свою политику безъ надлежащей откро
правдивости, подъ прикрытіемъ мнимыхъ случайностей и

ныхъ усложненій, что впослѣдствіи возстановило противъ него общественное мнѣніе.

Относительно каждой колоніи авторъ излагаетъ историческія обстоятельства ея пріобрѣтенія, дѣлаетъ наглядныя сопоставленія между территоріею Франціи и пространствомъ колоніальныхъ земель, приводитъ краткія географическія и этнографическія данныя, съ приложеніемъ многихъ политипажей, портретовъ и картъ. Рамбо полагаетъ, что французская республика взяла, и должна была взять, значительную долю добычи при происходящемъ нынѣ торопливомъ дѣлежѣ свободныхъ пространствъ земного шара; французамъ досталось пять большихъ колоній, которыя въ совокупности превышаютъ въ четыре или пять разъ территоріальную поверхность метрополіи. Франція заняла второе мѣсто, послѣ Англіи, въ ряду колоніальныхъ державъ; она владѣетъ теперь въ далекихъ краяхъ тремя милліонами квадратныхъ километровъ, съ населеніемъ около 33 милліоновъ человѣкъ. Настоящая брошюрка Рамбо имѣетъ характеръ вступленія къ ряду спеціальныхъ описаній отдѣльныхъ колоній.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИ

1-го (

Первые государственные экзамены.—Ожидаемое преобразованіе
ческаго факультета.—Вопросъ о предѣлахъ правительственнаго
связи съ закрытіемъ тотализатора въ Москвѣ и изданіемъ за
конторахъ. — Родители-евреи и сынъ-христіанинъ. — Болѣзнь
В. П. Безобразовъ †.—Столѣтіе города Одессы.—Post-

Во всѣхъ университетскихъ городахъ, гдѣ введен
происходятъ теперь, въ первый разъ, такъ-называем
ные экзамены, т.-е. испытанія окончившихъ курсъ
вительственными коммиссіями, число которыхъ соотв
факультетовъ. Читателямъ „Вѣстника Европы" па
сомнѣнія, оживленная полемика, предшествовавшая
нашу почву института государственныхъ экзаменов
въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда въ первый
была на очередь мысль о передѣлкѣ университетски
окончилась только съ изданіемъ, въ 1884 г., новаго у
устава. Защитники государственныхъ экзаменовъ до
прочимъ, необходимость ввести въ составъ правител
миссій, кромѣ профессоровъ, и другихъ, посторонни
лицъ. Въ этомъ смѣшанномъ составѣ коммиссій усм
изъ главныхъ гарантій ихъ безпристрастнаго и стр
къ возложенной на нихъ задачѣ. Первоначальный
ситетскаго устава требовалъ отъ постороннихъ лицъ,
въ составъ коммиссіи, званія магистра, доктора или
почетной извѣстности, пріобрѣтенной учеными трудами
предметовъ испытанія. Уставомъ 1884 г. министру
свѣщенія предоставлена, въ этомъ отношеніи, полн
ствій; она ничѣмъ не стѣснена и въ правилахъ объ
коммиссіяхъ, обнародованныхъ въ 1887 г. Тѣмъ и
видѣть, кто будетъ, на самомъ дѣлѣ, призванъ къ у
тательныхъ коммиссіяхъ. Оказывается, что онѣ об
исключительно изъ профессоровъ, и притомъ профе
университета, при которомъ и для котораго дѣйств
Только предсѣдатели коммиссій, и то не всѣ [1]), изб

[1]) Въ петербургской коммиссіи по восточнымъ языкамъ пред
канъ восточнаго факультета петербургскаго университета, профе

лицъ, въ данную минуту не занимающихъ каѳедры, или занимающихъ ее въ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи. Къ первой категоріи принадлежатъ, напримѣръ, попечитель дерптскаго учебнаго округа (бывшій профессоръ международнаго права въ Москвѣ), предсѣдательствующій въ юридической коммиссіи петербургскаго университета, и членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія (бывшій профессоръ физики въ Москвѣ), предсѣдательствующій въ физико-математической коммиссіи того же университета; ко второй категоріи —директоръ петербургскаго историко-филологическаго института (и профессоръ греческаго языка), предсѣдательствующій въ одесской историко-филологической коммиссіи, и профессоръ исторіи русскаго права въ кіевскомъ университетѣ, предсѣдательствующій въ одесской юридической коммиссіи. Изъ среды практиковъ въ составѣ коммиссій мы замѣтили только одного—прокурора московской судебной палаты, предсѣдательствующаго въ московской юридической коммиссіи; и онъ, однако, имѣетъ соприкосновеніе къ университету, въ которомъ читалъ, нѣсколько времени тому назадъ, лекціи по уголовному судопроизводству. Итакъ, въ сущности производство экзаменовъ осталось въ рукахъ профессорской коллегіи, съ присоединеніемъ къ ней только одного довѣреннаго лица, по выбору министерства. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, назовемъ членовъ двухъ испытательныхъ коммиссій при петербургскомъ университетѣ: члены юридической коммиссіи—гг. Дорнъ (римское право), Дювернуа (гражданское право), Фойницкій (уголовное право), Сергѣевичъ (исторія русскаго права), Горчаковъ (церковное право), Янсонъ (статистика); члены физико-математической коммиссіи по естественному отдѣленію—гг. Меншуткинъ (химія), Бекетовъ (ботаника), Овсянниковъ (анатомія), Иностранцевъ (геологія), Докучаевъ (сельское хозяйство). Не ясно ли, что и тамъ, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ факультетомъ, въ нѣсколько лишь сокращенномъ составѣ [1]). Не проще ли было бы предоставить испытаніе прямо факультету или коммиссіи, избранной имъ самимъ изъ своей среды, съ участіемъ уполномоченнаго отъ министерства народнаго просвѣщенія и съ обязательствомъ экзаменовать не только изъ пройденныхъ на самомъ дѣлѣ курсовъ, но изъ цѣлыхъ предметовъ, въ объемѣ, опредѣленномъ оффиціальною программой?.. Исключеніе изъ состава коммиссій такъ-называемыхъ „практиковъ“ слѣдуетъ признать, впрочемъ, вполнѣ цѣлесообразнымъ; противъ участія ихъ въ государственныхъ экзаменахъ—наиболѣе широкаго, какъ извѣстно, въ Пруссіи — лучшіе представители нѣмецкой юридической

[1]) Это сокращеніе должно быть, кажется, признано чрезмѣрнымъ. Въ юридической коммиссіи не оказывается, напримѣръ, спеціалиста по государственному праву, въ естественно-научной—спеціалиста по зоологіи.

на[illegible] ведутъ именно теперь ожесточенную кампанію, усп
[illegible] по всей вѣроятности, составляетъ только вопросъ в

Замѣна экзаменовъ университетскихъ экзаменами гос
ными повлекла за собою, если можно такъ выразиться,
зацію испытаній, пріуроченіе ихъ, по всѣмъ предметамъ, к
окончанія университетскаго курса. Изъ самаго понятія
ственномъ экзаменѣ такая централизація не проистекаетъ;
ектъ 1876 г. разрѣшалъ, а для студентовъ медицинскаго ф
дѣлалъ обязательнымъ—испытаніе въ два срока: въ полов
и по окончаніи его. Не успѣли еще придти къ концу пер
танія—а въ печати появляются уже извѣстія о предстоящ
неніи въ устройствѣ государственныхъ экзаменовъ. Если вѣ
щенію, полученному „Новостями" (№ 258), „студенты будут
ежегодно экзамены изъ прочитанныхъ курсовъ, и только по
предметамъ будутъ подвергаться государственному экзамену".
этотъ,—прибавляетъ газета,—встрѣчаетъ, какъ слышно, соч
стороны профессоровъ и министерства народнаго просвѣще
души желаемъ подтвержденія этого слуха. Не говоря уже о
ежегодный экзаменъ изъ „прочитанныхъ курсовъ" можетъ
дить только въ стѣнахъ университета, чрезвычайно важным
намъ и болѣе правильное распредѣленіе экзаменнаго брем
готовиться, въ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, къ испытанію
предметамъ, пройденнымъ въ теченіе четырехъ (или пя
университетскаго курса, и затѣмъ, въ два-три мѣсяца,
испытаніе—это такая геркулесова работа, которую не лег
жать даже при большомъ запасѣ физическихъ и умственн
Представимъ себѣ, напримѣръ, положеніе студента-юриста
назначенный для исполненія клаузурной письменной работы
какъ извѣстно, начинается испытаніе, и къ устному экзам
скается только тотъ, кто исполнитъ ее удовлетворительно)
знаетъ, къ какому отдѣлу права или къ какой вспомогате
укѣ будетъ относиться тема предстоящей ему работы; въ
которой онъ долженъ вынуть билетъ, смѣшаны темы по всѣ
метамъ факультетскаго курса. Онъ долженъ, слѣдовател
одинаково готовымъ говорить—и говорить подробно, обстоя
политической экономіи, которую онъ изучалъ четыре года
задъ, и объ уголовномъ или гражданскомъ правѣ, которое он
что прослушалъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ усп

[1]) Интересныя подробности объ этой кампаніи можно найти въ
статьѣ: „Реформа юридическаго образованія въ Германіи" („Юридическій
1889 г., № 1, стр. 69—78), на которую намъ еще нѣсколько разъ придется ссылаться.

ситъ, въ значительной степени, отъ случая; онъ можетъ выпасть на долю того, кто знаетъ, въ сущности, очень мало, и можетъ не достаться тому, кто отлично владѣетъ почти всѣми сторонами предмета, но не успѣлъ усвоить себѣ тѣхъ или другихъ его деталей. Нѣсколько меньше, но все же очень велика роль случайности и на устныхъ экзаменахъ, быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ и до крайности напрягающихъ память испытуемыхъ. Въ виду всѣхъ этихъ неудобствъ, обнаружившихся и у насъ на первыхъ же порахъ дѣятельности правительственныхъ коммиссій, въ Германіи давно уже ведется агитація въ пользу раздѣленія экзаменовъ на промежуточный, сдаваемый въ университетѣ послѣ двухлѣтняго слушанія лекцій, и государственный, по окончаніи ученья. За эту систему высказалось большинство еще на четырнадцатомъ съѣздѣ юристовъ, въ 1878 г.; на ея сторону перешли и нѣкоторые изъ прежнихъ ея противниковъ, въ томъ числѣ такой авторитетный ученый, какъ Гнейстъ [1]). „Промежуточный экзаменъ,—говоритъ профессоръ Эйзеле,—имѣетъ цѣлью не только удостовѣриться въ существованіи у студентовъ свѣденій, необходимыхъ для лучшаго пониманія дальнѣйшихъ лекцій, но и для того, чтобы побудить студентовъ заниматься съ самаго начала, а не въ послѣдніе семестры, что́ часто приводитъ къ безсмысленному репетиторству" (zu stupider Einpaukerei). Существующимъ у насъ зачетомъ полугодій промежуточный экзаменъ замѣнить нельзя, потому что зачетъ полугодій имѣетъ цѣлью не повѣрку *знаній* студента, а только удостовѣреніе въ его *прилежаніи*... Къ русской жизни не впервые примѣняется порядокъ, вымирающій на мѣстѣ своего первоначальнаго происхожденія; остается только пожелать, чтобы на этотъ разъ отсутствіе жизнеспособности было констатировано какъ можно скорѣе. Чтобы отмѣнить у насъ централизацію государственнаго экзамена, незачѣмъ ждать, пока она будетъ отмѣнена въ Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствахъ.

Другимъ примѣромъ запоздалаго заимствованія можетъ служить преобладаніе, данное у насъ, въ экзаменныхъ требованіяхъ юридической коммиссіи, римскому праву. Отмѣткамъ по этому предмету отведено наиболѣе важное мѣсто; отъ студентовъ требуется, на письменномъ и устномъ испытаніи, интерпретація подлиннаго текста институцій Гая и Юстиніана. Между тѣмъ противъ римскаго права, какъ центральнаго предмета юридическаго преподаванія, все больше и больше раздается голосовъ въ нѣмецкой спеціальной литературѣ, хотя изученіе его въ Германіи, въ силу историческихъ причинъ, несравненно важнѣе, чѣмъ у насъ въ Россіи. Прежніе взгляды, до

[1]) См. вышеупомянутую статью о реформѣ юридическаго образованія въ Германіи, стр. 78—82.

крайности преувеличивавшіе значеніе догмы римскаго права, чаютъ рѣшительныхъ противниковъ не только въ лицѣ Л Штейна, никогда не занимавшагося спеціально этимъ предм но и въ лицѣ такого выдающагося его знатока, какъ Іерииг спрашиваетъ себя, къ чему привели его тридцатилѣтнія занят матикою римскаго права—и отвѣчаетъ, что жалѣетъ время, пот ное на ея изученіе, и глядитъ съ завистью на другія отрасли сдѣлавшія, въ тотъ же періодъ времени, столь значительные у „Еслибы я былъ молодъ", прибавляетъ онъ, „я избралъ бы призваніе" [1]). Нужно надѣяться, что въ іерархіи юридическихъ метовъ скоро произойдетъ у насъ такой же переворотъ, какой вится, повидимому, въ историко-филологическихъ факультетах говорили уже много разъ о ненормальной роли, предостав здѣсь классическимъ языкамъ [2]); два мѣсяца тому назадъ м минали объ одной оффиціальной запискѣ, доказывающей нео мость существеннаго ограниченія этой роли. Фактовъ, свид ствующихъ о томъ же, накоплялось все больше и больше. Чис щихся на историко-филологическихъ факультетахъ падало не въ Петербургѣ, но и въ другихъ университетскихъ городахъ. Въ по словамъ „Одесскаго Вѣстника", поступило въ нынѣшнемъ г историко-филологическій факультетъ меньше *десяти* студенто Харьковѣ и Одессѣ—только по *четыре*. Вмѣстѣ съ числомъ с товъ понижалось и качество ихъ; на историко-филологическій ф тетъ, по отзыву авторитетныхъ лицъ, шли преимущественно ı ственности, имѣвшія въ аттестатѣ зрѣлости тройки по гла предметамъ (въ томъ числѣ, слѣдовательно, и по классическим камъ!) и помышлявшія только объ учительствѣ изъ-за куска Неотложность реформы сдѣлалась, наконецъ, очевидной и для нистративныхъ сферъ; судя по словамъ той же одесской газе новороссійскомъ университетѣ получено уже предложеніе ми народнаго просвѣщенія о преобразованіи историко-филологич факультета, предложеніе, „замѣтно оживившее жизнь универси Это неудивительно; рѣчь идетъ не больше и не меньше какъ бужденіи цѣлаго факультета, и факультета въ высшей степен наго, отъ дремоты, граничившей съ вымираніемъ. *Направлені* образованія предугадать не трудно; любопытно было бы толь знакомиться съ его предѣлами. Оффиціальная записка, на к мы уже ссылались, усматривала коренной недостатокъ дѣйству учебнаго плана въ устраненіи всякихъ *спеціальныхъ* занятій,

[1]) См. продолженіе цитированной нами статьи, напечатанное въ № 4 „ ческаго Вѣстника" за 1889 г. (стр. 608—621).

[2]) См. Обществ. Хронику въ № 10 „Вѣст. Евр." за 1885 г., Внутр. Об въ № 10 за 1887 г. и Общественную Хронику въ № 11 за 1888 г.

изученія древнихъ языковъ. Такое искусственное господство одного предмета, на самомъ дѣлѣ привлекательнаго и важнаго далеко не для всѣхъ учащихся, превращало преподаваніе въ дрессировку, лишавшую факультетъ его истиннаго значенія и не достигавшую даже своей ближайшей цѣли—приготовленія знатоковъ классической древности; въ университетѣ, къ которому принадлежатъ авторы записки, окончило курсъ, въ минувшемъ году, 75 студентовъ филологовъ—и почти никому изъ нихъ профессора-классики не сочли возможнымъ выдать, безъ новаго спеціальнаго экзамена, свидѣтельство на право преподаванія древнихъ языковъ! Единственный выходъ изъ этого положенія —допущеніе спеціализаціи, которую авторы записки и предлагаютъ ввести съ третьяго учебнаго года. Въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ (т.-е. четырехъ семестровъ) на первомъ планѣ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ теперь, остаются древніе языки. Изъ 80 учебныхъ часовъ имъ посвящаются 32 (чтеніе авторовъ—24 и практическія упражненія—8); соприкасаются съ изученіемъ древности еще учебные часы, посвященные исторіи древней философіи (числомъ четыре) и исторіи Греціи и Рима (числомъ восемь). Остальные 36 часовъ отдаются введенію въ общее языкознаніе (4), русской и церковно-славянской грамматикѣ (6), энциклопедіи славяновѣденія (4), исторіи русской литературы (6), русской исторіи (8), логикѣ (4) и психологіи (4). Съ пятаго семестра начинается раздѣленіе на отдѣленія, которыхъ проектируется четыре: классическое, словесное, историческое и романо-германское. Изъ 72 учебныхъ часовъ, причитающихся на каждое отдѣленіе, чтенію древнихъ авторовъ въ классическомъ отдѣленіи отводится 24, въ трехъ остальныхъ— по 16. Въ классическомъ отдѣленіи преподается (обязательно) только одинъ предметъ, не имѣющій прямого отношенія къ греко-римской древности: санскритъ и сравнительное языкознаніе. Таковы главнѣйшія черты новаго плана, осуществленіе котораго было бы, конечно, большимъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ нынѣ дѣйствующими порядками. Разсматриваемый независимо отъ нихъ, онъ представляется далеко не вполнѣ удовлетворительнымъ. Когда историко-филологическій факультетъ будетъ возвращенъ своему настоящему призванію, когда онъ перестанетъ быть высшей школой древнихъ языковъ, наибольшей притягательной силой будутъ обладать, безъ сомнѣнія, отдѣленія историческое и словесное. Необходимо ли требовать отъ будущихъ ихъ слушателей, чтобы они посвящали, въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ, почти половину своего времени чтенію авторовъ и практическимъ упражненіямъ, составляющимъ какъ бы продолженіе гимназическаго курса? Перспектива этого искуса не будетъ ли удерживать отъ вступленія на историко-филологическій факультетъ многихъ

изъ числа тѣхъ, которые ищутъ въ университетѣ не сто
альныхъ знаній, сколько широкаго общаго образованія?
ли было бы пріурочить раздѣленіе на отдѣленія не къ п
третьему семестру, или, по крайней мѣрѣ, отвести на пер
рехъ семестрахъ больше мѣста предметамъ, не принадле
области классической филологіи? Это было бы выгодно и
щихъ спеціалистовъ-классиковъ, которымъ, при дѣйствіи
мянутаго плана, придется оставлять университетъ, не
ни курса всеобщей исторіи (за исключеніемъ древней)
исторіи философіи (опять-таки за исключеніемъ древней
исторіи западно-европейскихъ литературъ. Какъ бы то н
вторяемъ, хорошимъ днемъ въ лѣтописяхъ русскихъ унив
и русскаго образованія будетъ и тотъ, когда нынѣшн
планъ историко-филологическаго факультета уступитъ мѣст
дуемому авторами записки.

Преобразованіе историко-филологическаго факультета
насъ нѣсколько въ сторону; возвратимся къ государствен
менамъ, чтобы напомнить одну любопытную, но мало-извѣ
забытую подробность изъ ихъ исторіи. Вопросъ о введе
государственныхъ экзаменовъ былъ возбужденъ, въ 1876
нимъ министромъ народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толс
ѣзжая, осенью 1875 г., наши университеты, онъ былъ
бѣдственнымъ положеніемъ и неудовлетворительнымъ сост
денчества. Объясненіе этому факту онъ нашелъ въ томъ
ствѣ, что на западѣ Европы всѣ желающіе посвятить се
менемъ государственной службѣ *должны* пройти чрезъ
университетъ, а у насъ существуетъ множество заведеній
несравненно болѣе легкимъ и скорѣе оканчиваемымъ, кото
такія же права на гражданскую службу; туда устремля
достаточные, а на долю гимназій и университетовъ ос
большей части, бѣдняки. Установленіе государственныхъ э
для всѣхъ одинаково обязательныхъ, казалось гр. Толстом
средствомъ привлечь въ университеты молодыхъ людей
нымъ достаткомъ и увеличить процентъ студентовъ, свобо
необходимости добывать себѣ дневное пропитаніе разными
ними трудами. Въ преніяхъ коммиссіи, учрежденной, в
1876 г., для подробной разработки вопроса о государств
заменахъ, эта сторона дѣла скоро отошла на задній пла
не переставала занимать защитниковъ преобразованія.
изъ нихъ—напр. г. Любимовъ—высказывались не только
ніе привилегированныхъ учебныхъ заведеній (училища пра
александровскаго лицея и т. п.) съ университетами, но и
шенное ихъ упраздненіе. „У насъ существуетъ“ — чита

книгѣ г. Любимова объ университетскомъ вопросѣ („Мой вкладъ". Москва, 1881, стр. 78—79)—„искусственное отвлеченіе отъ университетовъ молодыхъ людей, принадлежащихъ къ высшимъ общественнымъ слоямъ, вслѣдствіе того что устроены особыя заведенія, въ научномъ отношеніи стоящія значительно ниже университетовъ, но приманивающія правами и перспективой служебной карьеры. Древній геометръ говорилъ своему царственному ученику, что въ математикѣ нѣтъ особой дороги для царей. У насъ, повидимому, полагали, что даже для дѣтей особъ первыхъ классовъ табели о рангахъ долженъ быть въ наукѣ облегчительный путь, серьезное же ученье должно быть удѣломъ поповичей и разночинцевъ". Въ виду такихъ заявленій, исходившихъ изъ такого источника, можно было надѣяться, что при установленіи государственныхъ экзаменовъ не будетъ упущена изъ виду первоначальная ихъ цѣль, и они будутъ одинаково примѣнены ко всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, какъ необходимое преддверіе къ государственной службѣ. Ожидать этого слѣдовало еще и потому, что министръ, видѣвшій въ государственныхъ экзаменахъ прежде всего и больше всего конецъ конкурренціи, неблагопріятной для университетовъ, находился, въ моментъ изданія новаго университетскаго устава, въ апогеѣ своего вліянія на всѣ отрасли управленія. Уставъ 1884 г. создалъ, однако, государственные экзамены только для окончившихъ курсъ въ университетѣ. Это можно было объяснить спеціальнымъ назначеніемъ устава; можно было думать, что распространеніе государственныхъ экзаменовъ на другія учебныя заведенія сдѣлается предметомъ особой законодательной мѣры, для подготовки и изданія которой оставалось въ запасѣ цѣлыхъ пять лѣтъ [1]). Именно такое предположеніе и было высказано нами при разборѣ университетскаго устава [2]); но оно не подтвердилось на самомъ дѣлѣ. Привилегированныя учебныя заведенія до сихъ поръ сохраняютъ свое изолированное положеніе; государственные экзамены осуществились *только* для студентовъ, вовсе не касаясь правовѣдовъ и лицеистовъ. По истинѣ замѣчательной представляется устойчивость привилегій, давно потерявшихъ всякую raison d'être (онѣ были предназначены къ уничтоженію еще въ пятидесятыхъ годахъ, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ особаго комитета, состоявшаго изъ самыхъ видныхъ государственныхъ людей тогдашняго времени); по истинѣ замѣчательно и то, что осуществлено учрежденіе, но не сдѣлано даже попытки къ осуществленію главной цѣли, которую имѣлъ въ виду учредитель.

---

[1]) При самомъ введеніи въ дѣйствіе новаго университетскаго устава было рѣшено, что государственному экзамену оканчивающіе курсъ въ университетѣ начнутъ подвергаться только съ 1889 г.

[2]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстника Европы" за 1884 г.

Московскій тотализаторъ, о которомъ мы говорили два мѣсяца тому назадъ по поводу письма кн. Оболенскаго, провалился, съ шумомъ и трескомъ—и, повидимому, навсегда. Администрація, оставившая безъ вниманія ходатайство городской думы о „спасеніи" Москвы отъ разорительной азартной игры, закрыла тотализаторъ только тогда, когда онъ сдѣлался поводомъ къ серьезнымъ безпорядкамъ. Вѣрный самому себѣ, вице-президентъ московскаго скакового общества старается и теперь обѣлить тотализаторъ и взвалить всю вину на что-то другое. „Видно было"—говоритъ онъ въ письмѣ на имя редактора „Московскихъ Вѣдомостей", написанномъ въ самый день происшествія (3-го сентября), —„видно было, что массы было такой публики, которую интересовала не игра, а просто безчинство"... Картину безпорядковъ онъ называетъ „характеризующею толпу и напоминающею исторіи полета шаровъ въ окрестностяхъ Москвы и другіе погромы". Итакъ, виновата толпа („Москва, вишь, виновата"), и притомъ толпа, имѣвшая въ виду не игру, а безчинство! Откуда же у нея явился даръ предвидѣнія, почему же она знала, что именно 3-го сентября произойдетъ безчинство? Разсказываютъ объ англичанинѣ, всюду слѣдовавшемъ за укротителемъ звѣрей, чтобы быть свидѣтелемъ неизбѣжной, рано или поздно, его гибели. Кн. Оболенскій вѣритъ, повидимому, что въ Москвѣ много такихъ любителей сильныхъ ощущеній, и что они навѣщали скачки изо дня въ день, постоянно ожидая желанной катастрофы. На чемъ же, однако, было основано это ожиданіе? Не на томъ ли, что азартная игра распаляетъ худшія страсти и неминуемо должна вызвать взрывъ негодованія и злобы? Во что обращается, затѣмъ, хитроумное объясненіе погрома, придуманное кн. Оболенскимъ? Толпа, въ особенности у насъ въ Россіи, всегда добродушна и простодушна; инстинкты противоположнаго свойства могутъ проснуться въ ней только подъ вліяніемъ внѣшней причины, какою въ данномъ случаѣ и былъ тотализаторъ. Съ недавней исторіей спуска воздушнаго шара въ окрестностяхъ Москвы происшествіе 3-го сентября не имѣетъ ничего общаго; тамъ была попытка нѣсколькихъ крестьянъ воспользоваться случайно-затруднительнымъ положеніемъ воздухоплавателей, здѣсь—медленно подготовлявшаяся вспышка коллективнаго чувства. Чрезвычайно характеристиченъ, съ этой точки зрѣнія, крикъ, раздававшійся, по свидѣтельству „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 244), на скаковомъ полѣ: „*насъ давно грабятъ*". Мы, конечно, не утверждаемъ, что обвиненіе, выразившееся въ этихъ словахъ, имѣло фактическія основанія; мы видимъ въ немъ только доказательство тому, что неудачный стартъ 3-го сентября былъ не чѣмъ инымъ, какъ каплей, переполнившей чашу. Нуженъ былъ только предлогъ, чтобы обратить раздраженныхъ игроковъ въ нарушителей

общественнаго порядка [1]). Въ этомъ заключается опасность всякой азартной игры, происходящей публично—и далеко не въ этомъ одномъ. Въ одной изъ петербургскихъ газетъ было высказано мнѣніе, что событіе 3-го сентября вовсе не доказываетъ необходимость запрещенія тотализатора. „Что особеннаго,—спрашиваетъ газета,—произошло въ Москвѣ? Толпа какъ толпа. Безобразіе, которое можетъ случиться всегда и вездѣ, при какихъ угодно порядкахъ. Самый простой выводъ, какой можно сдѣлать изъ московскаго скандала, заключается въ томъ, чтобы скаковыя и бѣговыя общества не возбуждали общаго негодованія небрежнымъ отношеніемъ ко всему, что можетъ внушать недовѣріе въ публикѣ. *Надо соблюдать правила*—вотъ что говоритъ московское происшествіе“. Итакъ, подъ условіемъ „соблюденія правилъ“ тотализаторъ можетъ дѣйствовать сколько ему угодно; принимать противъ него запретительныя мѣры—это все равно что „вмѣшиваться въ поведеніе лицъ играющихъ въ карты, прокучивающихъ деньги въ трактирахъ или разоряющихся на подарки балеринамъ“. Нѣтъ, это совсѣмъ не все равно. Тотализаторъ опасенъ какъ организованный, систематическій призывъ къ азартной игрѣ, втягивающій въ нее сотни и тысячи людей, которые безъ него и не подумали бы ни о чемъ подобномъ. По отношенію къ частнымъ пари на скаковую лошадь тотализаторъ занимаетъ такое же мѣсто, какъ оффиціально разрѣшенный игорный домъ—по отношенію къ карточной игрѣ въ частныхъ квартирахъ. Послѣдняя дозволена вездѣ, да и нельзя было бы фактически осуществить ея запрещеніе—а игорные дома вездѣ закрыты, за исключеніемъ пресловутаго Монте-Карло. Кутежи въ трактирахъ, подарки балеринамъ входятъ въ область частной жизни, куда правительственная регламентація проникать не должна, да и не можетъ; игра въ тотализаторъ имѣетъ публичный характеръ и не можетъ происходить безъ прямого или безмолвнаго разрѣшенія власти. Отсюда возможность и вмѣстѣ съ тѣмъ обязательность ея запрещенія. Какими бы „правилами“ ни была обставлена азартная игра и какъ бы точно эти правила ни соблюдались, игра все же остается азартной, т.-е. не имѣющей права на покровительство государства. Чѣмъ больше число лицъ, принимающихъ въ ней участіе, чѣмъ она доступнѣе для массы, чѣмъ рѣзче бросается въ глаза вся ея обстановка, тѣмъ хуже. Толпа, 3-го сентября, не была просто толпою; „безобразіе“, ею произведенное, не было случайнымъ; эта толпа была заранѣе наэлектризована, въ этомъ „безобразіи“ непредвидѣннаго было только одно—день и часъ его наступленія. Чтобы радоваться запрещенію тотализатора въ Москвѣ и желать повсемѣстнаго распростра-

[1]) Необходимо замѣтить, что въ толпѣ, бушевавшей на скаковомъ полѣ, большинство, по удостовѣренію очевидца („Москов. Вѣдом.“, № 247), принадлежало къ такъ-называемой „чистой“, интеллигентной публикѣ.

ненія этой мѣры, не нужно еще быть приверженцемъ „вмѣшательства“ во что бы то ни стало.

Соображеніями въ родѣ тѣхъ, которыя мы только-что разобрали, можно защищать не только неприкосновенность тотализатора, но и многое другое—напримѣръ, безусловную „свободу дѣйствій“ банкировъ и банкирскихъ конторъ. Можно сказать, что mundus vult decipi, или напомнить назначеніе щуки („чтобы карась не дремалъ“); можно утверждать, что способовъ эксплуатаціи „довѣрчивыхъ“ людей больше, чѣмъ песчинокъ на днѣ морскомъ, и что напрасны, слѣдовательно, всѣ усилія прекратить или ограничить ее путемъ законодательныхъ опредѣленій. А между тѣмъ обнародованный недавно законъ „о банкирскихъ заведеніяхъ“ не вызвалъ принципіальныхъ возраженій со стороны газеты, возстававшей противъ запрещенія тотализатора. Новый законъ предоставляетъ министру финансовъ воспрещать банкирскимъ заведеніямъ, относительно которыхъ это будетъ признано необходимымъ, производство нѣкоторыхъ операцій, напр. продажу выигрышныхъ билетовъ съ разсрочкою платежа, пріемъ вкладовъ на храненіе и на текущій счетъ. Банкирскимъ заведеніямъ, къ которымъ будетъ примѣнено это запрещеніе, вмѣняется въ обязанность доставлять министерству финансовъ свѣденія и объясненія относительно производимыхъ ими операцій, а также предъявлять уполномоченнымъ отъ министерства лицамъ книги и документы, необходимые для повѣрки правильности дѣйствій заведенія. Вмѣшательство административной власти въ область, остававшуюся до сихъ поръ внѣ всякаго контроля, признается, на этотъ разъ, совершенно справедливымъ; осуждается только, и не безъ основанія, способъ опредѣленія условій, при которыхъ вмѣшательство становится возможнымъ. Гораздо лучше было бы, конечно, подчинить правительственному надзору *всѣ* банкирскія конторы, а не только тѣ, относительно которыхъ уже возникли подозрѣнія. Съ той же точки зрѣнія, но еще рѣшительнѣе, возстаетъ противъ подробностей новаго закона и другая газета („Недѣля“, № 38), мнѣніе которой мы вполнѣ раздѣляемъ. Ограниченіе круга дѣйствій *нѣкоторыхъ* банкирскихъ конторъ будетъ равносильно свидѣтельству о благонадежности, выданному всѣмъ остальнымъ конторамъ—а между тѣмъ та или другая изъ нихъ можетъ оказаться, на самомъ дѣлѣ, вовсе не благонадежной, и публика можетъ потерпѣть отъ довѣрія къ тѣмъ, кто, повидимому, удостоенъ оффиціальной поддержки. Исходя изъ этого убѣжденія, „Недѣля“ высказывается за установленіе гарантій, одинаковыхъ для *всѣхъ* банкирскихъ конторъ (основной капиталъ, контроль книгъ, обязательная отчетность и т. п.). Входить въ дальнѣйшій разборъ правилъ о банкирскихъ конторахъ мы теперь не будемъ; намъ нужно было только показать, съ помощью этого примѣра, въ

какой степени и при какихъ условіяхъ законна регламентація, направленная къ огражденію частныхъ интересовъ.

Въ одной изъ провинціальныхъ газетъ появилось недавно извѣстіе, слишкомъ мало обратившее на себя вниманіе нашей печати. „По существующимъ правиламъ,—читаемъ мы въ „Кіевлянинѣ",—воспитанникамъ учебныхъ заведеній православнаго исповѣданія не разрѣшается квартировать и вообще оставаться на попеченіи у лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Но общимъ уставомъ учебныхъ заведеній не предусмотрѣно, можетъ ли воспитывающійся въ одномъ изъ нихъ еврей, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ принявшій св. крещеніе, продолжать находиться на попеченіи родителей, оставшихся въ прежней вѣрѣ. Такой именно случай встрѣтился на дняхъ въ одной изъ кіевскихъ мужскихъ гимназій. Придерживаясь установленнаго процентнаго отношенія при пріемѣ учащихся, администрація гимназіи вынуждена была, въ числѣ другихъ, отказать въ пріемѣ одному еврейскому мальчику. Мальчикъ этотъ крестился по обряду православной церкви и былъ принятъ въ гимназію. Въ настоящее время педагогическимъ совѣтомъ гимназіи возбужденъ вопросъ о томъ, можетъ ли этотъ ученикъ оставаться на попеченіи своихъ родителей, исповѣдующихъ іудейство". Мы не хотимъ допустить мысли, чтобы этотъ „вопросъ" могъ быть разрѣшенъ иначе, чѣмъ утвердительно; но чрезвычайно характеристичнымъ представляется уже самое его возбужденіе. Наблюдать за тѣмъ, гдѣ и у кого живетъ ученикъ, и вмѣнять послѣднему въ обязанность перемѣнить мѣсто жительства, перейти на попеченіе другого лица, начальство учебнаго заведенія можетъ, очевидно, только тогда, когда ученикъ не находится у своихъ родителей. Родительскія права, внѣ стѣнъ учебнаго заведенія, выше, чѣмъ права начальства; контролировать вліяніе родителей, принимать принудительныя мѣры къ его ограниченію или устраненію начальство не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Нѣтъ такихъ соображеній, которыя могли бы оправдать вторженіе третьяго, посторонняго лица въ область отношеній между родителями и дѣтьми; единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила представляются случаи явнаго, доказаннаго, преступнаго злоупотребленія родительскою властью. Разлучать дѣтей и родителей въ силу одной только защиты религіозныхъ вѣрованій, въ силу одного только *предположенія*, что послѣдніе могутъ поддерживать въ первыхъ внутреннюю связь съ оставленнымъ вѣроученіемъ, было бы вопіющею жестокостью—и притомъ жестокостью безцѣльной. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что гимназическое начальство потребовало бы отъ ученика-христіанина удаленія изъ дома родителей-евреевъ. Еслибы это требованіе было исполнено, то развѣ мальчикъ не могъ бы по

прежнему находиться подъ вліяніемъ родителей? Развѣ запрещеніе жить вмѣстѣ съ ними расположило бы его въ пользу вновь принятой имъ вѣры? Вѣроятнѣе во много разъ результатъ совершенно противоположный. Еслибы, наоборотъ, родители не захотѣли разстаться съ сыномъ и взяли его изъ гимназіи, то онъ былъ бы сразу отрѣшенъ отъ общенія съ христіанской сферой, и укрѣпленіе его въ христіанскихъ вѣрованіяхъ встрѣтило бы несравненно больше затрудненій и препятствій... Отъ разлученія родителей и дѣтей во имя требованій гимназическаго воспитанія оставался бы, притомъ, одинъ только шагъ до полнаго и безусловнаго ихъ разлученія, во имя чистоты вѣры. Въ каждомъ городѣ западнаго края появились бы тогда новые Мортары [1])—и нарушеніе самыхъ святыхъ человѣческихъ чувствъ привело бы, въ концѣ концовъ, не къ чему иному, какъ къ совершенному прекращенію перехода изъ іудаизма въ христіанство.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени первой лекціи, прочитанной Т. Н. Грановскимъ въ московскомъ университетѣ. „Русскія Вѣдомости" помѣстили, по этому поводу, интересную статью г. Якушкина, посвященную памяти покойнаго профессора. Болѣе чѣмъ когда-либо своевременно теперь напоминаніе объ одной изъ самыхъ симпатичныхъ фигуръ, появлявшихся на русской университетской каѳедрѣ. Наши университеты переживаютъ критическую эпоху, но все же она менѣе тяжела, чѣмъ та, къ которой относится дѣятельность Грановскаго. Если *такая* дѣятельность была возможна тогда, то тѣмъ болѣе, повидимому, она возможна теперь—а между тѣмъ преемниковъ Шевырева и Погодина, Устрялова и Касторскаго между современными профессорами найдется, пожалуй, больше, чѣмъ преемниковъ Грановскаго. Правда, самыя обстоятельства тогдашняго времени благопріятствовали, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, вліянію профессора на студентовъ, тому вліянію, въ которомъ заключалась главная сила и главная заслуга Грановскаго. Университетская каѳедра была однимъ изъ немногихъ убѣжищъ самостоятельной мысли, убѣжденнаго слова; тѣмъ привлекательнѣе, тѣмъ могущественнѣе былъ свѣтъ, чѣмъ непроницаемѣе окружавшая мгла. Больше былъ тогда и запасъ надеждъ, больше было идей, вокругъ которыхъ могли сгруппироваться *всѣ* смотрящіе впередъ, а не назадъ; меньше было разочарованій, меньше поводовъ къ разногласію относительно средствъ и цѣлей. Единодушію немно-

---

[1]) Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ много шуму во всей Европѣ надѣлалъ случай съ малолѣтнимъ Мортарой, жившимъ въ одномъ изъ городовъ тогдашнихъ папскихъ владѣній и насильственно разлученнымъ съ родителями, вслѣдствіе обращенія его изъ еврейской вѣры въ католицизмъ.

гихъ способствовала самая тяжесть гнета, лежавшаго надъ всѣми, но не для всѣхъ одинаково чувствительнаго. Теперь завоевать слушателей—*всѣхъ* слушателей—гораздо труднѣе, чѣмъ при Грановскомъ; гораздо труднѣе соединить и удержать ихъ вокругъ себя одною силою идеализма, одною глубиною вѣры въ будущее и въ человѣка. Необходимо дорожить какъ нельзя больше и тѣми профессорами, которые, не покоряя себѣ умовъ и не становясь нравственными вождями молодежи, возбуждаютъ въ ней безкорыстную любовь къ знанію, показываютъ ей примѣръ твердости, не допускающей уступокъ и компромиссовъ, поддерживаютъ лучшія традиціи университета. Одного изъ такихъ профессоровъ лишился на дняхъ петербургскій университетъ. Тяжелая болѣзнь заставила А. Д. Градовскаго отказаться отъ каѳедры, которую онъ больше двадцати лѣтъ занималъ съ такою честью. Замолкла—нужно надѣяться, только на время,—и его рѣчь въ печати, долго служившей для него второй каѳедрой. По справедливому выраженію преемника А. Д. Градовскаго—Н. М. Коркунова,—„Александръ Дмитріевичъ создалъ каѳедру русскаго государственнаго права. Существовавшія до него сочиненія по этой наукѣ, съ появленіемъ въ свѣтъ его трудовъ, были совершенно оттѣснены на задній планъ. Въ своихъ сочиненіяхъ А. Д. является не только ученымъ спеціалистомъ, но и глубокимъ мыслителемъ, съ широкими историко-философскими взглядами. Онъ не ограничивался одними трудами по своей спеціальности: онъ не оставилъ безъ вниманія и научнаго обсужденія ни одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые интересовали русское общество за послѣднее двадцатипятилѣтіе". Къ этой характеристикѣ намъ остается прибавить только одно: А. Д. Градовскій былъ однимъ изъ тѣхъ, кого всего больше ненавидѣла партія свѣтобоязни. Это—лучшая похвала его дѣятельности.

Помянуть добрымъ словомъ слѣдуетъ и скончавшагося недавно В. П. Безобразова. Намъ часто приходилось возражать ему, но это не мѣшаетъ намъ признать, что по нѣкоторымъ вопросамъ онъ былъ неуклонно вѣренъ преданіямъ и завѣтамъ реформенной эпохи. Въ послѣдніе годы жизни онъ удостоился, вслѣдствіе этого, ожесточенныхъ нападеній со стороны реакціонной прессы,—а легкомысленные поклонники „модныхъ теченій" сочли нужнымъ поглумиться надъ нимъ даже въ посвященномъ ему некрологѣ... Въ пользу В. П. Безобразова говоритъ и то обстоятельство, что ни преклонный возрастъ, ни высокое служебное положеніе не мѣшали ему трудиться до конца на литературномъ поприщѣ; онъ представлялъ собою рѣдкій примѣръ журналиста-сенатора и академика—вмѣстѣ.

Въ истекшемъ сентябрѣ городъ Одесса торжественно праздновалъ первое завершившееся столѣтіе своего существованія на мѣстѣ завое-

ванной тогда же у турокъ крѣпости Хаджибэй. На берегу Чернаго моря Одесса останется навсегда живымъ памятникомъ дѣятельности Екатерины Великой, какъ на берегу Балтійскаго—такимъ же памятникомъ служитъ Петру Великому Петербургъ, основанный по его мысли на мѣстѣ финнской деревни. Подробности самаго чествованія дня основанія Одессы мѣстною городскою Думою хорошо извѣстны изъ газетъ, а потому остановимся только на рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи одесской городской Думы, 14-го сентября, преосвященнымъ Никаноромъ, архіепископомъ херсонскимъ и одесскимъ. Мы встрѣтили, по поводу этой рѣчи, въ одной изъ столичныхъ газетъ, отзывъ о ней, какъ о „неумѣстномъ политическомъ (?!) сюрпризѣ“: „на насъ,—говоритъ газета,—она произвела удручающее впечатлѣніе“. Мы можемъ объяснить возможность подобнаго отзыва или тѣмъ, что газета судила о рѣчи по какому-нибудь извлеченію изъ нея, или она ожидала отъ архипастыря тѣхъ же пріемовъ, какіе можно встрѣтить у газетнаго публициста. Изложивъ въ нѣсколькихъ строкахъ содержаніе обширной рѣчи преосвященнаго Никанора, газета восклицаетъ: „Горьки истины, въ ней заключающіяся. Спросимъ откровенно — были ли онѣ умѣстны и своевременны?“ Очевидно, газета исходитъ изъ точки зрѣнія, на основаніи которой истины дѣлятся на умѣстныя и неумѣстныя, своевременныя и несвоевременныя; но такое подраздѣленіе истины на два рода, допускаемое иногда въ публицистикѣ, не можетъ быть обязательно для пастыря церкви. Надобно много любить родину, чтобъ такъ печалиться о ней, и въ глубинѣ души все-таки таить твердую вѣру въ ея непочатыя силы, чтобы обратиться къ ней громко съ такими укоризнами, и съ указаніемъ такихъ немощей, на которыя, впрочемъ, указывается почти ежедневно въ тѣхъ же самыхъ газетахъ, на которыя слова архипастыря произвели какъ будто „удручающее“ впечатлѣніе. Самъ ораторъ говоритъ, что—„помимо даже докучныхъ *газетныхъ толковъ*, я имѣю свои собственныя данныя, получаемыя изъ вѣрныхъ источниковъ, что нравственность расшатывается“,—и къ этому присовокупляетъ, въ назиданіе многимъ: „прежде чѣмъ чужеродные грѣхи считать трудиться, не лучше ли на себя оборотиться“. И что же, въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ въ рѣчи преосвященнаго, какъ не то же самое, что̀ повторяется чуть не ежедневно на столбцахъ тѣхъ же самыхъ, нынѣ „удрученныхъ“ словами архипастыря газетъ?

„Я русскій по крови и воспитанію,—говоритъ преосвященный,— природный, отчасти стараго рода, славянинъ; но сравненіе *нашихъ* съ *не-нашими* иногда бываетъ печально, даже больно, для русскаго сердца. Поражало въ прежніе годы, поразило также и въ настоящемъ слѣдующее повальное явленіе. Вотъ въѣзжаемъ въ селеніе, вовсе не зная, русское ли оно, или же не русское. Но, вглядываясь, рѣшаемъ

безошибочно: да, русское, къ сожалѣнію. Вглядываясь въ другое, рѣшаемъ также безошибочно: это не русское, это нѣмецкое. Вглядываясь въ третье, рѣшаемъ опять же безошибочно: да, нѣмецкое, вотъ съ этого конца, а далѣе, вотъ тутъ же, пошло селеніе русское. По какому же признаку мы такъ рѣшаемъ? По признаку непочетному для русскаго. Нѣмецкое селеніе,—глядишь ли на него издали, глядишь ли вблизи,—вездѣ одинаково строго, стройно, въ высшей степени правильно расположено, вездѣ похоже чуть ли не на городъ, да и лучше иныхъ городовъ: постройки такія капитальныя, одна на другую похожія; дворы такіе чистые; вездѣ разумно, разсчетливо обсажены деревьями, и для красоты, и для безопасности отъ пожара; убогой хаты ни одной; убогой, безпорядочной, полуразвалившейся постройки ни одной. А русскія селенія? Возьмите обратные признаки и приложите къ русскимъ. Безпорядочность даже въ лучшихъ селеніяхъ, часто убожество; зданія построены кое-какъ, недостроенныя, полуразвалившіяся, поставленныя вкривь и вкось, безъ системы и порядка, какъ кому вздумается. Тамъ, въ нѣмецкихъ селеніяхъ, кромѣ общей добропорядочности, бьетъ въ глаза общая зажиточность. Въ русскихъ же печалитъ и безпорядочность, и безразсчетность, явная небрежность и скудость. Посадки деревъ почти нигдѣ, никакого намека заботы объ общемъ планѣ, удобствѣ и красотѣ селенія. Раціональныхъ искусственныхъ водостоковъ почти нѣтъ... Причину этого повальнаго явленія нужно искать въ нравственныхъ условіяхъ, въ племенныхъ народныхъ характерахъ. Сравнивая русскихъ съ инородцами, я ищу ее въ тѣхъ качествахъ православно-русскаго люда, которыя близко подлежатъ моему духовному надзору. Начнемъ со школы. Вотъ, видимъ, нѣмцы въ старомъ русскомъ поселеніи, откупивъ землю, заводятъ свое новое поселеніе; благоустроенное училище завести пока не успѣли, но сейчасъ-же сами, безъ постороннихъ побужденій и пособій, нанимаютъ учителя для своихъ дѣтей. Въ томъ-же самомъ селеніи православный священникъ заводитъ при своемъ домѣ школу для своихъ прихожанъ, и приглашаетъ ихъ присылать въ школу дѣтей. Прихожане не присылаютъ ни одной души; правда, ихъ въ этомъ старо-русскомъ селеніи и не осталось ни одной души,—осталось только въ ближнихъ, приписныхъ деревняхъ, но и оттуда не присылаютъ дѣтей ни одной души. Слышу, нѣмцы озабочены, чтобы ни одно дитя у нихъ не осталось неграмотно. Слышу, воспитываютъ дѣтей очень строго. Слышу, что и у евреевъ всѣ дѣти поголовно учатся грамотѣ. Слышу, что вотъ еврей бѣднякъ, поденщикъ, зарабатываетъ ничтожную плату, но и изъ той ничтожную часть проживаетъ на себя и семью, а на остальную часть воспитываетъ одного сына въ университетѣ, другого въ гимназіи и т. д. Магометане-татары учатъ дѣтей грамотѣ всѣхъ поголовно. Кто же считаетъ себя въ правѣ, кто находитъ для себя небезчестнымъ, даже выгоднымъ не учить дѣтей? Только русскіе, православные люди. Вотъ я, архіерей, уже шестой годъ самолично убѣждаю своихъ отдавать дѣтей въ школу. И слышу всенародныя возраженія родителей противъ школы: „да что толку? Вотъ Богъ дождя не даетъ, урожая не посылаетъ, соха нужна, работа нужна“. Въ земскія или министерскія школы отдаютъ развѣ десятаго мальчика и двадцатую или тридцатую дѣвочку. Говорю вообще, за точность цифръ не ручаюсь. Въ этомъ году слышалъ нѣ-

что поразительное, да и постоянно слышу поразительныя вещи и дивлюсь: родители молодыхъ 10-лѣтнихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, отдаютъ въ работу по найму, за 15 руб. въ годъ, за $1^1/_2$ руб. въ мѣсяцъ, за 25 коп. въ день"...

Высокочтимый архипастырь сознается, что онъ только „въ этомъ году" слышалъ такія поразительныя вещи, но мы все это давно знаемъ и можемъ читать о томъ и въ передовыхъ статьяхъ, и въ фельетонахъ газетъ, какъ „удрученныхъ" рѣчью преосвященнаго, такъ и неудрученныхъ; намъ не нужно даже обращаться въ деревню, чтобы встрѣтиться съ такими фактами; даже въ столицѣ мы часто видимъ примѣры, какъ берутъ дѣтей изъ городскихъ школъ до окончанія ими начальнаго курса, чтобъ поспѣшить отдать въ магазинъ или мастерскую и, такимъ образомъ, скорѣе получить съ ихъ труда доходъ. Важно въ настоящемъ случаѣ то, что указаніе на наши общественныя болячки сдѣлано такою высокоавторитетною рукою и высказано такимъ вселюбящимъ сердцемъ, съ полною увѣренностью что оно обращается къ здоровому и сильному организму, который не можетъ быть убитъ „неумѣстною" и „несвоевременною" истиной—напротивъ!..

P. S.—Наша хроника была уже сдана въ печать, когда мы прочли въ газетахъ, что полукурсовыя испытанія на всѣхъ университетскихъ факультетахъ сдѣлались совершившимся фактомъ; они установлены, въ видѣ временной мѣры, Высочайшимъ повелѣніемъ 22-го августа нынѣшняго года. Нужно надѣяться, что эта временная мѣра не замедлитъ обратиться въ постоянное правило.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТАГО ТОМА.

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ, 1889.

Книга девятая. — Сентябрь.

Книга десятая. — Октя

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1890 г.
(Двадцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ год отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Іюль	Янв.	Апр.	Іюль	Окт.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ —
За границей, въ госуд. почтов. союза . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полу діямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, ію и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Съ перваго октября открыта подписка на послѣднюю четверть 1889 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Ва Остр., 2 лин., 7; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невс просп., 14, и А. Ф. Цинзерлинга, Невск. пр., 46, противъ Гостин. Двора;—въ *Москв* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасн кова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія л ніи.—*Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнал Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимают ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилі съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ не почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конто журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, перехо въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп. 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, ес подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтова Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на получе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчико которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

3 2044 014 837 454